ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

5.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1899.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ КНИГЪ

„АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА“.*)

III. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ Доклады гр. М. Л. Воронцова. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестова Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографія показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской. Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Съ планомъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Гюльера. Приложенъ портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ.

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ, княгини Е. Р. Дашковой; Д. П. Трощинскаго, А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письма гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ съ руки гр. П. В. Завадовскаго.

XIII. Письма князя А. А. Безбородка.

XIV. Письма князя Кочубея, гр. А. И. Маркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И. П. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ. Записка гр. С. Р. Воронцова о внутреннемъ управ-

*) Первыя двѣ книги не разсылаются безплатнымъ приложеніемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

1899.

2.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

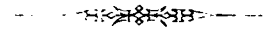
Петромъ и Юріемь Бартеневыми.

Гой красна земля Володимира!
Послужили тебѣ мои прадѣды,
Міромъ-разумомъ успокоили,
Города твои изукрасили,
Люта ворога отодвинули.
Помяни добромъ моихъ прадѣдовъ:
Послужили тебѣ службу крѣпкую.

Хомяковъ.

1899.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1899.

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО КОНСТАНТИНУ ЯКОВЛЕВИЧУ *).

1802-й годъ.

Неаполь Мая 19 (Іюня 1) 1802 г.

Радуюсь, что ты въ Вѣну ѣдешь; право, завидный городъ. Я былъ тамъ только шесть дней, и этого довольно было, чтобъ прельститъ меня. Удовольствія тамъ безчисленны, множество можно найти упражненій, нѣтъ тѣхъ опасныхъ искушеній, которыя здѣсь ежеминутно встрѣчаются. Очень тебѣ рекомендую Рибопьера: рѣдко доброй, вѣжливой и услужливой малой; я пишу къ нему и рекомендую тебя. Васильчиковъ тоже хорошій малой. Anstett, твой второй шефъ, препріятнаго нраву, веселаго и не имѣетъ чванства, на которое мѣсто его даетъ ему нѣсколько право. Кудрявской мнѣ кажется педантъ, но я не даю это за истину: не водился съ нимъ и не успѣлъ его апрофондировать. Не давай ему, ради Бога, брать надъ собой верхъ, до чего онъ охотникъ. Не бери работу отъ него (которую не имѣетъ права давать) безъ приказу на то Анстета. Съ самаго начала поставь себя на ногѣ человѣка нѣсколько значущаго; всѣмъ ужъ тамъ извѣстно, кто ты, и ты увидишь, что не будутъ тебя мѣшать съ Кудр. и Волынскимъ. Тамъ не скажутъ, что ты спѣсивъ, а скажутъ, что умѣешь хорошо себя вести. Дружись съ Рибопіер.; съ нимъ будешь выѣзжать: это ужъ въ городѣ дастъ хорошее мнѣніе о тебѣ, а первый шагъ главное. Впрочемъ, дабы не дѣлать мои совѣты слишкомъ пространными, потребуй оныхъ при пріѣздѣ твоемъ у Рибопьера моимъ именемъ; онъ весьма хорошаго нраву и радъ конечно будетъ имѣть еще товарища, кромѣ Васильч., благовоспитаннаго и не повѣсу; впрочемъ, въ семъ послѣднемъ я увѣренъ, что и въ передъ такимъ не будешь. Помни совѣты батюшки, любезный братъ, не огорчай его; я знаю, что это лишнее говорить тебѣ, но любя тебя я ихъ напоминаю тебѣ и позволяю тебѣ, прошу тебя даже, тоже мнѣ

---

*) См. первую книгу „Русскаго Архива" сего года, выпуски 1—4. Печатаются съ подлинниковъ, любезно сообщенныхъ Натальей Павловной Всеволожскою. П. Б.

повторять. Представь себѣ, сколь бы было мучительно для насъ, когда воротимся въ Москву, вмѣсто его восторговъ и объятій, слышать упреки, и еще справедливые? Нѣтъ, этого не будетъ никогда: мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга, чтобъ не быть въ томъ увѣренными.

Это письмо доставитъ тебѣ Лубяновской. Третьяго дня пріѣхалъ сюда нашъ кавалеръ посольства, стат. сов. Леонтьевъ, который служилъ сперва въ конной гвардіи, теперь помѣщенъ къ намъ; онъ женатъ на Пестельшиной сестрѣ. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ Луб., который пишетъ изъ Флоренціи, что ѣдетъ въ Россію и отвезетъ туда мои письма. Я пріѣхалъ сюда тому ровно мѣсяцъ, живу въ домѣ нашего министра Италинскаго, прерѣдко честный, добрый, умный человѣкъ. Имѣю у него столъ, завтракъ и всѣ возможныя выгоды. Дай Богъ тебѣ такого начальника. Много хорошаго здѣсь, мѣстоположеніе совсѣмъ Буюекдерское; я вижу Везувій изъ своихъ оконъ. Я всякій день обѣдаю, ужинаю, ѣзжу въ театръ, прогуливаюсь, ѣзжу за городъ все съ кн. Гагаринымъ, который прелюбезнѣйшій человѣкъ; хотѣлъ, чтобъ я у него жилъ и пр. Княгиня рѣдкая женщина*); я думаю, что я скоро поклонюсь низко Москвѣ и стану жертвы приносить Неаполю. Я былъ только въ двухъ театрахъ, а ихъ 6 здѣсь, и 6 труппъ, и часто случается, что играютъ во всѣхъ шести вдругъ. Князь далъ мнѣ на всегда мѣсто въ своей ложѣ.

*

Неаполь, Мая 27 (Іюня 27 1802.

Вся князева (Гагарина) компанія, въ которой и я мѣсто занимаю, ѣдетъ на сихъ дняхъ въ Пестумъ смотрѣть достопамятные остатки древнихъ Грековъ. Завтра будемъ карабкаться на самую вершину Везувія. Мало оное дѣлаютъ; говорятъ, отъ большаго жару, которой лазанье дѣлаетъ мучительнымъ; притомъ же есть одно мѣсто, въ которомъ вязнешь по колѣно, въ родѣ мелкаго песку или лутче сказать пыли, изъ лавы составленной. Впрочемъ большая половина дороги дѣлается на ослѣ. Я даже положилъ съ княземъ, Пиніевымъ братомъ и гр. Бальменомъ, который въ князевой миссіи (большой востinnerHTML) спуститься въ кратеръ или отверстіе, изъ котораго выходили пламя, камни и пр. въ послѣднее изверженіе.

Не успѣлъ я сюда пріѣхать, а ужъ много работы, потому что я одинъ только: ни Пинія, ни Свѣчина нѣтъ. Правду что послѣдняго и считать нельзя. Вотъ что мнѣ сказалъ Италинской: я дѣйствительно хочу

*) Предметъ рыцарской страсти императора Павла. Ея прекрасный портретъ былъ у князя Б. Лобанова. Супругъ ея, князь Павелъ Гавриловичъ, передъ тѣмъ былъ нашимъ министромъ въ Туринѣ и уѣхалъ оттуда, потому что Французы завладѣли Піемонтомъ.

обременить васъ всею Россійскою и Французскою перепискою, а господинъ Пиній будетъ вѣдаться съ Италиянскимъ языкомъ. Я очень этому радъ и готовъ всею душою работать.

Въ Вѣнѣ надобно тебѣ быть, покуда не займешь Волынскаго мѣста, слѣдующаго непремѣнно тебѣ, ежели сей какъ нибудь отбудетъ; ибо Вол. вострить уши на какое либо консульское мѣсто въ Италіи, и говорилъ мнѣ, что, ежели женится выгодно, пойдетъ въ отставку. Старайся заранѣе заставить *всѣхъ* желать видѣть тебя на мѣстѣ Вол., котораго, не знаю за что, не очень любятъ.

*

Неаполь, 1 (12) Іюля 1802.

Обѣдаю по почтовымъ днямъ, а еще въ другіе дни, когда заблагоразсудится или что Гагарина нѣтъ дома, у своего министра, прочіе всѣ дни отъ утра до вечера всякій Божій день у князя Гагарина. Тамъ подлинно пріятно провожу время: ѣмъ, пью хорошо, играю въ бостонъ, ежели хочу ѣзжу съ ними въ театръ, гулять и пр. Аргоров, князь по желанію своему и просьбѣ ужъ не министръ, а при прежней генералъ-адъютантской должности; на его мѣсто тайн. совѣт. и сенаторъ Лизакевичъ. Всѣ въ Сардинской миссіи плачутъ о потерѣ столь хорошаго начальника. Онъ пробудетъ здѣсь еще нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ поѣдетъ въ Россію къ своему мѣсту.

Хорошо сдѣлалъ батюшка, что раздумалъ продавать деревни, ежели можетъ, и избѣжа сіе, заплатить долгъ; впрочемъ, всѣ его распоряженія не могутъ не быть благоразумны. Я писалъ тому двѣ почты къ маминькѣ, съ прошлою также; досадно, ежели она ихъ не получала.— Съ Фастомъ не знаю что̀ дѣлается: пишетъ престранное мнѣ письмо, гдѣ говоритъ, что недостоинъ быть моимъ другомъ, ибо я его превышаю разумомъ, дарованіемъ; что я буду большимъ человѣкомъ и стану его презирать, яко окончившаго уже свой карьеръ и безполезнаго своему отечеству, и другіе подобные пустяки. Въ другомъ письмѣ пишетъ, что посвятилъ себя уединенію, честности и добродѣтели, что станетъ заниматься природою и дѣлать добро.

Третьяго дня, то-есть 27 Іюня н. с., король пріѣхалъ изъ Сициліи на Архимедѣ, большомъ военномъ кораблѣ при пушечной пальбѣ, и имѣлъ торжественный въѣздъ въ городъ при крикѣ и восклицаніи народномъ. Множество настроено храмовъ, воротъ, амфитеатръ пребольшой и прекрасный и пр., все сіе было ночью иллюминовано; всѣ войска были подъ ружьемъ. Праздникъ былъ очень хорошій, продолжался вчера и сегодня.

*

Неаполь, 15 (27) Іюля 1802.

Министръ меня любитъ и ласкаетъ; знакомыхъ я не имѣю кромѣ графинѣ Скавронской и князя Гагарина, у котораго я съ утра до вечера. О княгинѣ я тебѣ говорить не стану; ибо довольно ужъ ее расхваливалъ во всѣхъ письмахъ, которые къ тебѣ писалъ. Ты будешь имѣть счастіе ее видѣть, ежели поѣдутъ, возвращаясь въ Россію, черезъ Вѣну, что̀ однакожъ очень сумнительно. Князь думаетъ ѣхать отсюда черезъ мѣсяцъ или полтора; не утерплю, поѣду провожать до Рима, гдѣ выпрошу позволеніе пожить съ ними мѣсяцъ. Новаго здѣсь не слышно ничего. По данной въ Піемонтѣ Французскимъ губернаторомъ Журданомъ прокламаціи край сей присоединенъ къ Французской республикѣ, и имѣнія тѣхъ, которые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ туда не явятся, будутъ конфискованы. Бонапарте оправдываетъ поведеніе свое отреченіемъ короля Сардинскаго отъ престола своего, хотя оной и назначилъ себѣ преемника. Въ Константинополѣ большой мятежъ, и султанъ, говорятъ, удавленъ. Визирь заступилъ его мѣсто. Королева Неаполитанская, за которою отправленъ въ Тріестъ корабль, еще не прибыла сюда.

*

Неаполь, Августа 12 (20) дня 1802 года.

Г. Италинскій получилъ копію съ указа о назначеніи его въ Царьградъ, куда думаетъ ѣхать на Англійскомъ фрегатѣ съ г. Друмондомъ черезъ мѣсяцъ. По сю пору не знаемъ, кто будетъ на его мѣстѣ. Говорятъ Бибиковъ, и говорятъ у Скавронской, что Д. П. Татищевъ; ни одинъ, ни другой послѣ г. Италинскаго меня не обрадуетъ. Сему послѣднему опредѣлено на заведеніе дома и проѣздъ 5.000 р. съ курсомъ.

*

Неаполь, Сентября 7-го дня 1802 года.

Бонапарте ассигновалъ, говорятъ, королю Сардинскому 2 милліона ливровъ въ годъ. Его величество поѣдетъ въ Вѣну, другіе говорятъ въ Сардинію, третьи въ Венецію. Пишутъ сюда, что Панинъ воротился въ Россію изъ Швеціи, отъ того, что король не хотѣлъ его имѣть въ своемъ государствѣ и выслалъ для того генерала къ границѣ для объявленія ему того.

*

Неаполь, Сентября 2 (14) дня 1802 года.

На сихъ дняхъ прибыла сюда Гишпанская эскадра съ 120-пушечнымъ военнымъ кораблемъ, имѣющимъ отвезть здѣшняго наслѣднаго принца въ Гишпанію, для воспріятія тамъ супружества съ Гишпанскою принцессою. Оный же корабль отвезетъ туда принцессу Неапольскую Марію Антоанету, невѣсту принца Астурійскаго. Городъ наполненъ теперь Гишпанцами всѣхъ цвѣтовъ и величины.

Третьяго дня было здѣсь поутру въ 3-мъ часу маленькое землетрясеніе, т. е. une légère secousse, а ночью видно было лунное затмѣніе; $^1/_5$ луны только была видна, прочее все покрыто, такъ что изъ прекраснаго мѣсячнаго времени сдѣлалась темная ночь. Мы смотрѣли сіе съ князева балкона.

Намедни за столомъ у князя была престранная исторія между Карповымъ и Бальменомъ, въ которой сей послѣдній кругомъ виноватъ. Князь запретилъ ему входъ къ себѣ, покуда не попроситъ прощенія у Карпова. Карповъ требовалъ сатисфакціи; не получа ее отъ Б., просился въ отставку и хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ, съ сожалѣніемъ объявилъ князю, что не можетъ у него бывать, будучи обиженъ въ его домѣ. Послали къ нему Дубри, который ни въ чемъ не успѣлъ. Къ вечеру пошелъ я; все чтò я могъ сдѣлать, было уговорить Карпова быть къ князю. Мы вмѣстѣ пошли, и князь упросилъ его не дѣлать, какъ говорится, de l'éclat и забыть все. Онъ наконецъ согласился, но не думаю, чтобы онъ сіе такъ оставилъ, когда князь уѣдетъ, и Б. будетъ худо.

Имѣемъ извѣстіе, что наши войска прибыли уже въ Корфу и что графъ Мочениго былъ принятъ grandement; вотъ и все. Юрасовъ женится на m-elle Litzin (Дарья Петровна, князя Петра Алексѣевича Голицына дочь).

*

Неаполь, Сентября 16 (28) дня 1802 года.

Вообрази, что Немѣровскій, тотъ, коего я при здѣшнемъ посольствѣ занялъ мѣсто, въ Корфу, скоро по пріѣздѣ своемъ, застрѣлился изъ двухъ пистолетовъ, оставивъ Моченигѣ письмо, въ которомъ между прочимъ говоритъ: Adieu, monsieur le comte. J'espère vous revoir, selon que les circonstances de votre expédition de Corfou vous conduiront ou dans les Champs Élisés ou dans l'enfer и пр. Dites mes compliments à tous mes amis et priez les de ne pas me plaindre, car dès ce moment je vais être l'homme le plus heureux de la terre. Мочени-

го въ большомъ затрудненіи теперь, не имѣя секретаря. Требуетъ у г. Италинскаго Пинія, который однакоже посланъ не будетъ.

*

Неаполь, 12 Октября 1802 года.

Ты говоришь мнѣ проситься съ Италинскимъ. Признаюсь, что мнѣ бы пріятно сіе было; но сосѣдство твое и частая переписка, при томъ надежда, что батюшка сюда будетъ, сильно меня привязываютъ къ Неаполю. Императоръ позволилъ князю [1]) ввезти въ Россію съ собою, что̀ хочетъ, и освободилъ отъ всякаго осмотра.

Ты можетъ быть знаешь, что нашъ сов. посольства Павелъ Свѣчинъ [2]), по имянному указу, отрѣшенъ отъ всѣхъ дѣлъ. Разсуди, что онъ, дабы имѣть свою жену, перемѣнилъ законъ и обвѣнчался по католическому обряду. Весьма меня удивило слышать, что Тургеневъ [3]) танцовать хочетъ учиться, у него одна нога другой короче, и скажи ему, что онъ болѣе похожъ на иноходца, нежели на танцовщика. Василій Львовичъ [4]) развелся съ Капочкою, за то что она брюхата; но видно, не маленькимъ поэтомъ. Voilà ce qui s'appelle être bête. Пусть плодъ чужой, но за то слава наша. Князю пишутъ, что въ лѣтнемъ саду кто-то выстрѣлилъ изъ пистолета и ранилъ гвардейскаго офицера въ руку. Государь обѣщалъ 5.000 р. тому, кто найдетъ виноватаго [5]).

*

Неаполь, Октября 12 (24) дня 1802 года.

Курьеръ, который долженъ былъ здѣсь долго пробыть, вмѣсто того отправляется завтра въ угодность королевѣ, чтобы избавить ее отъ посылки своего курьера въ Петербургъ. Онъ тебѣ сіе письмо вручитъ. Съ нимъ посылаю я посылку къ Приклонскому для доставленія ея къ батюшкѣ; состоитъ она въ табакеркахъ изъ лавы, той мозаики, которую ты у меня видѣлъ. Княгинѣ посылаю нитку пурпурины на шею, тоже Ан. и Ал. Петровнѣ, тетушкѣ черепаховую табакерку, а князю Сергѣю Ивановичу изъ лавы. Александру Васильевичу струны, маменькѣ табакерку черепаховую съ прекраснымъ золотымъ медаліончикомъ, а Фасту ту булавочку съ птичкою, которую ты также видѣлъ у меня; вотъ и все. Ежели будешь писать, то сдѣлаешь пакетъ раз-

---

[1]) Т. е. князю Павлу Гавриловичу Гагарину, женатому на княжнѣ А. П. Лопухиной.

[2]) Этотъ Свѣчинъ, Павелъ Сергѣевичъ, былъ сдѣланъ Итальянскимъ графомъ Свѣчинымъ-Гальяни. (См. Русск. Род. книгу князя Л. Ростовскаго, № 19).

[3]) Андрей Ивановичъ, служившій въ Вѣнѣ; оказывается, что и онъ, какъ и братъ его Николай, былъ коротконогъ.

[4]) Пушкинъ. Его супруга Капитолина Михайловна, ур. Вышеславцева, вышла потомъ за Ивана Акимовича Мальцова.

[5]) Извѣстный мнимый заговоръ, устроенный Семеновскимъ офицеромъ Шубинымъ.

ный; впрочемъ, ежели тебѣ угодно, можешь распечатать мои и положить свои туда, только не разстрой моего расположенія. Ты найдешь курьера готовымъ исполнить всѣ твои коммисіи и взять всѣ пакеты, которые ему дашь. Онъ самый чудакъ и ко всякому слову говоритъ: der ein und zwanzigste Finger, или Er macht Amour mit einer.... г. Г. Италинскій ужъ укладываться начинаетъ. Онъ писалъ къ одному Англинскому адмиралу, командующему въ Средиземномъ морѣ, испрашивая у него для переѣзда своего фрегатъ. Онъ вѣрно оный получитъ и, будучи готовъ, тотчасъ уѣдетъ, оставя Леонтьева повѣреннымъ въ дѣлахъ. Я какъ собака работалъ эти два дня.

*

Неаполь, 2 Ноября 1802 г.

Радуюсь, что ваша Вѣна наполняется Русскими, а сюда даже бѣшеная собака изъ Россіи не забѣгаетъ. Очень мнѣ грустно видѣть, что такъ мало своей братьи; но что̀ дѣлать? Хорошо, что есть еще пріятели, которые утѣшаютъ своими письмами. Удивляюсь, что Ланской оставилъ столь хорошее мѣсто, но кого Парижъ съ ума не сводитъ? Я думаю (не прогнѣвайся), что ежели бы пришлось послать изъ Вѣны курьера въ Парижъ, то вся Вѣнская миссія перебилась бы и перецарапалась за сіе счастіе.

Тургеневъ, не смотря на свою флегму и на дружбу къ тебѣ и Гришѣ, выставилъ бы свои кулаки. Не худо ежели бы удалось тебѣ это; тогда бы только оставалось тебѣ видѣть Лондонъ.

*

Неаполь, сего 8 (20) Ноября 1802 года.

Какъ можетъ Тургеневъ думать волочиться за танцовщицею? Онъ не умѣетъ танцовать самъ, слѣдственно не можетъ ей дѣлать комплиментовъ, въ разсужденіи ея искусства, дабы не заставить ее смѣяться, назвавъ pas de deux, который она можетъ быть прелестно сдѣлаетъ, кадрилью, chassé—алагрекомъ, pas grave пируетомъ и блистательное названіе menuet à la reine (по пристрастію своему къ Нѣмцамъ) *алемандомъ* и пр. Впрочемъ скажи ему, чтобы онъ вытянулъ носъ свой, ибо женщины не любятъ маленькіе носы; онѣ дѣлаютъ по онымъ заключенія свои, а притомъ выросла ли у него борода съ тѣхъ поръ, что мы разстались? Не имѣть оной также худой знакъ.

Третьяго дня прибылъ сюда Англинскій 36-пушечный фрегатъ, который повезетъ Италинскаго въ Царьградъ. Онъ думаетъ въ сію Субботу, т. е. черезъ 5—6 дней, отправиться; очень позываетъ меня

перейти къ миссіи его, но этого нельзя вдругъ сдѣлать. Спишусь о семъ съ батюшкой. Онъ говоритъ, что не будетъ имѣть никого знающаго по-русски, ибо половина миссіи ѣдетъ съ Тамарою назадъ въ Россію, а ты знаешь, что онъ всю переписку производитъ на Русскомъ языкѣ. Пиніево туда назначеніе что-то плохо идетъ. Леонтьевъ остается повѣреннымъ въ дѣлахъ. Онъ прелюбезный человѣкъ, смиренъ, добръ, чувствителенъ, услужливъ; жена его также.

Ты знаешь, что вся Гагаринова миссія поѣхала къ Лизакевичу къ должности въ Римъ, и давно даже. Бальменъ не разсудилъ за благо тоже сдѣлать и, не имѣя ни позволенія, ни хорошаго претекста, остался здѣсь, говоря, что ему въ Римѣ скучно будетъ. Я думаю, что долги его задержали, и онъ бы чисто пропалъ безъ щедраго князя, который помогъ ему деньгами; но къ чему это служитъ? Все издержано уже, и теперь я не знаю, куда онъ прибѣгнетъ. Я не знаю, какъ Лизакевичъ терпитъ его самовластіе и поведеніе противъ всякаго порядка службы. На сихъ дняхъ поѣхалъ отсюда въ Петербургъ бывшій нашъ совѣтникъ Свѣчинъ. Ежели увидишь его въ Вѣнѣ, совѣтую поволочиться за женой, которая не дурна. Пріѣхалъ Англичанинъ съ извѣстіемъ, что Этну рветъ огнемъ, камнями, золою и пр. Я хочу завтра идти на Везувій, откуда иной разъ чуть видно какое-то красное пятнышко, къ которому я бы не желалъ подойти близко.

*

Неаполь, сего 18 (30) Ноября 1802 г.

На прошлой недѣлѣ пріѣхалъ сюда титулярный совѣтникъ Рихтеръ, причисленный къ нашей миссіи, сверхъ комплекта. Онъ мнѣ кажется очень смирный и хорошій малый, хорошо очень воспитанъ и пріѣхалъ теперь изъ Парижа, отъ котораго однакожъ съ ума не сошелъ. Мы съ нимъ уже нѣсколько познакомились, и я возилъ его къ Скавронской. У нея былъ недавно балъ и завтра также. То, что̀ ты мнѣ говоришь о Тургеневѣ, довольно меня удивляетъ; мнѣ кажется, что онъ не для того созданъ, чтобы куры строить, и комплименты его должны быть слишкомъ учены и высокопарящи. Но кого не развяжетъ проклятая любовь?

Сейчасъ ѣдетъ Италинскій; я провожу его до фрегата, на ономъ съ нимъ отобѣдаю и пожелаю ему весьма искренно счастливую дорогу. Король, послѣ прощальной аудіенціи, пожаловалъ ему табакерку со своимъ портретомъ осыпаннымъ брилліантами, въ 6.000 дукатовъ по крайней мѣрѣ. Королева написала къ нему преласковое прощальное письмо.

Неаполь, Декабря 2 (14) дня 1802 г.

Ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ любить и быть любиму. Моя пословица теперь: l'excès de bonheur, c'est l'excès de l'amour. Подлинно не могу не смѣяться, воображая себѣ Тургенева влюбленнымъ; Тургеневъ, котораго я не инако видалъ, какъ съ длинною косою, съ полно-открытымъ лбомъ, съ 12-тью пуговицами у колѣнъ на штанахъ и престрашными пряжками разнаго фасона и пр.; но чего не дѣлаетъ любовь? Косу онъ вѣрно отрѣзалъ и далъ своей любезной, ежели не залогомъ нѣжности своей, то по крайней мѣрѣ на парикъ. Чтò касается до пуговицъ, то онъ видѣлъ вѣрно самъ неудобство ихъ...

Подлинно счастливъ Пушкинъ, и я воображаю, въ какихъ онъ хлопотахъ отъ своей головы и отъ мамонтовой, особливо графиня, а у абата [1]) я чаю Бюфонъ не сходитъ съ рукъ. Каватина, о которой говорила княжна Наталья, есть та самая, которую ты видѣлъ у меня на фортепіано здѣсь, teneri miei sospiri, parlate voi per me etc.; ежели хочешь, то пришлю тебѣ копію съ охотою. Я пустилъ Perduto l'arbitro въ свѣтъ, и всѣ безъ ума отъ сей аріи. Мой поклонъ Ланскому, а Тутолминымъ почтеніе. Право, будете вы умницы (comme disait Бабка Бѣлая), ежели будете сюда, т. е. Гришакъ[2]) съ тобою; то-то повеселимся, особливо ежели будетъ батюшка съ тобою, я отъ сей мысли одной въ восторгѣ; вообрази себѣ, что ежели будетъ батюшка, то и Фастъ съ нимъ, а я Фаста, не смотря на то, что онъ *шельма лѣнивая*, люблю всею душою. Рибопьерша идетъ замужъ, но за кого, ты не пишешь. Для Комаровскаго я сдѣлаю все, чтò отъ меня зависитъ, ибо ты этого требуешь и заплачу ему за дружбу его къ тебѣ. Волынскому мой поклонъ или лучше скажи ему *гегорстеръ динеръ* [3]), чтобъ вспомнилъ онъ, какъ мы весело проводили время въ Вѣнѣ. У насъ здѣсь все идетъ по старому; всѣ веселятся, кромѣ меня. У графини Скавронской каждая Середа балъ, а въ Субботу концертъ; я тамъ былъ только одинъ разъ. Боюсь, чтобъ не дошло до милыхъ ушей, что я веселюсь такъ скоро послѣ разлуки, и чтобъ не подумала, что я ее уже забылъ; пожалуй увѣряй ежеминутно, что я только объ ней думаю, объ ней тебѣ пишу цѣлыя страницы, и право дѣлалъ бы оное въ самомъ дѣлѣ, ежели бы не боялся докучать тебѣ. Теперь затѣваютъ у графини théâtre de société. Много здѣсь очень Англичанъ и Англичанокъ, tout cela vient

---

[1]) Это былъ аббатъ Сюрюгъ, гувернеръ при дѣтяхъ археолога графа А. И. Мусина-Пушкина.

[2]) Вѣроятно, это князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ, впослѣдствіи нашъ посланникъ въ Римѣ и Мюнхенѣ.

[3]) Т. е. покорный слуга.

chez la comtesse. Между первыми знаешь кто? Тѣ лорды, которые во время коронаціи бывали на всѣхъ балахъ и которыхъ звали всюду кучею; ты помнишь ихъ тонкія длинныя и смѣшныя косы, и какъ они прыгали, хлопая пальцами, держа руки кверху. Lord Grenham тотчасъ меня узналъ, обрадовался мнѣ, и онъ всѣмъ говоритъ о Москвѣ съ восхищеніемъ. Ты помнишь Motteux, Англичанина, который былъ влюбленъ въ Масальскую и съ утра до вечера у ней сидѣлъ, не говоря ни слова; et bien, онъ также здѣсь. Мнѣ очень ихъ пріятно видѣть всѣхъ, а все отъ того, что были мы вмѣстѣ въ Россіи.

Пріѣхалъ сюда титулярный совѣтникъ Рихтеръ, который у васъ сверхъ штата, bon garçon et doux; между нами, Лобанова имъ завладѣла. Я съ нею какъ можно подалѣе, ибо она не терпитъ княгиню, и ей досадно, что я по сю пору ей вѣренъ. Съ нею племянница ея Арцыбашева, которая, можно сказать, какъ говаривалъ Илья Дмитричъ (учитель) Фасту: Охъ, ты птица! Я получилъ недавно отъ Гагариныхъ прекрасный подарокъ изъ Рима: печать, на которой вырѣзанъ славно Амуръ на колесницѣ, запряженной львомъ и осломъ.

1803-й годъ.

Klagenfurt, le 16 Avril [1]).

Въ St. Veit какая встрѣча! Бѣдный Русскій солдатъ безъ ноги, которую у него оторвало въ Швейцаріи; его ведутъ въ Вѣну, а оттуда онъ будетъ стараться дойти до своей отчизны. Я ему далъ денегъ и записочку къ тебѣ, то когда явится, не оставь его; болѣе ничего тебѣ не говорю, прочее онъ самъ тебѣ разскажетъ. Приключенія съ нами, какъ ты видишь, часто, часто случаются. Мы здѣсь думаемъ кое-что поѣсть; Антоша [2]) въ томъ настоитъ не отъ того, что ѣсть хочется, но влюбился въ Нѣмочку, отъ которой получилъ уже славнаго трюха, mais cela ne le décourage pas. Я свою собачку назвалъ бибишкой, и она отъ меня ни на шагъ не отходитъ. При всей моей грусти не могу я не смѣяться глядя на Антошу; жаль, что нѣтъ здѣсь Гришака: онъ бы лопнулъ со смѣху.

*

Венеція, 18-го Апрѣля 1803 года.

Здравствуй, любезный братъ. Я теперь на place St. Marco, въ caffé la Concordia, и покуда не дадутъ намъ позавтракать, напишу тебѣ все чтѐ успѣю и чтò на умъ придетъ. Я, правду сказать, и не думалъ быть въ Венеціи, но пріѣхавъ въ Местре и узнавъ, что только часъ ѣзды сюда, не утерпѣлъ не посмотрѣть чуднаго сего города. Дру-

---

[1]) Передъ тѣмъ А. Я. Булгаковъ ѣздилъ изъ Неаполя въ Вѣну.

[2]) Итальянецъ, камердинеръ А. Я. Булгакова.

гого имени по моему мнѣнію онъ не заслуживаетъ. Еще болѣе нечистоты, чѣмъ въ Неаполѣ. Дорогой все, слава Богу, шло хорошо, только около Понтіебы не вездѣ были лошади. У Антонія проказы съ курьеромъ, которыя очень меня веселятъ. Послѣдній спалъ, выставивъ изъ коляски ноги, и потерялъ сапогъ. Антоній тоже такъ разъ заснулъ, что упалъ совсѣмъ съ козелъ. Нищіе не даютъ мнѣ покоя, мѣшаютъ къ тебѣ писать. Получилъ ли ты мои два письма изъ Фріула и Клагенфурта? Я теперь ѣду день и ночь; въ Римѣ хочется помѣшкать ради самаго города, ради Карпова и нѣкоторыхъ покупокъ. Куда теперь спѣшить, и Богъ знаетъ буду ли имѣть удобнѣйшій случай видѣть лучшіе города Италіи. Гагарины, я думаю, ужъ уѣхали; поминали ли они меня, говорила ли княгиня обо мнѣ? Я очень нетерпѣливо жду писемъ твоихъ, но Богъ знаетъ, когда дождусь удовольствія сего.

*

Римъ, 16 (28) Апрѣля 1803.

Пріѣзжаю сюда, сталъ у Карпова; сей въ тотъ же день получилъ отъ канцлера письмо, увѣдомляющее его о назначеніи его къ Неапольскому посту и что въ слѣдъ за симъ присылаютъ его инструкціи, акредитованіе и пр. Карповъ просилъ меня подождать до слѣдующей почты, по которой ожидалъ обѣщанныя бумаги, и два дня послѣ хотѣлъ ѣхать въ Неаполь и меня съ собою взять. Я на это согласился тѣмъ болѣе, что Кассинія не было въ Римѣ, и онъ пріѣзжаетъ только въ почтовые дни, а какъ ты знаешь я имѣлъ отъ графа письмо къ нему, которое не хотѣлъ повѣрить чужимъ рукамъ. Почта пришла, Карповъ ничего не получилъ, и я завтра дуну въ Неаполь; о всемъ вышеписанномъ увѣдомилъ я Леонтьева по прошедшей почтѣ. Всякій день обѣдаю я у Лизакевича, c'est un bon vivant и большой хлѣбосолъ. По утрамъ бѣгаю смотрѣть что̀ есть примѣчательнаго, послѣ обѣда гуляю пѣшкомъ въ Ville Borghese или по Корсо. Въ вечеру въ въ театрѣ, который только что изряденъ. Нигдѣ не видалъ я такихъ лихихъ женщинъ, какъ здѣсь. У меня чуть не дошло до авантюрки pour avoir vu une femme seulement deux fois au théâtre. Вчера въ вечеру возилъ меня Лизакевичъ къ Торлонію, cela m'a donné une idée des assemblées d'ici. On joue aux cartes, on fait l'amour, et rien de plus, on ne pense pas à faire de l'esprit comme dans certaines villes. Здѣсь нашелъ я Бальмена. Онъ принужденъ былъ Неаполь оставить, разгласивъ вездѣ, что Актонова жена въ него влюблена, что хочетъ съ мужемъ развестись, чтобъ выйти за него и пр. Онъ это узналъ; братъ министра публично Б. сталъ ругать и упрекать ему дерзость его. Б. отъ всего отперся. Cela a fait beaucoup de bruit.

Леонтьевъ, боясь, чтобы съ Б. не было чего дурного, заплатилъ его долги и послалъ его къ Лизакевичу. Здѣсь онъ началъ дѣлать всякія проказы, ходилъ въ незнакомые дома, плакалъ, говорилъ, что его хотятъ убить, просилъ пашпортъ, чтобъ уѣхать Богъ знаетъ куда etc. Онъ совсѣмъ не тотъ сталъ: томенъ, печаленъ, ни слова не говоритъ, совсѣмъ тѣмъ потолстѣлъ. Лизакевичъ хотѣлъ дать ему комнату у себя; онъ отказался, а нанять чѣмъ не имѣетъ; tout cela lui ressemble, mais il est à plaindre. Онъ писалъ въ Петербургъ и просится назадъ къ матери. C'est ce qu'il y a de mieux à faire.

Долгорукой, братъ генералъ-адъютанта, зоветъ меня съ собою въ Неаполь; но онъ ѣдетъ только черезъ 4 дни, а мнѣ мѣшкать болѣе нельзя, je pars. Здѣсь тоже говорятъ объ войнѣ, mais vaguement.

*

Неаполь, Мая 5-го 1803.

Здѣсь былъ я принятъ отъ всѣхъ съ восклицаніями. Леонтьева такъ забылась, что хотѣла меня обнять. Онъ удивился, что я не болѣе пробылъ въ Римѣ. Ежели бы я это могъ предвидѣть, то остался бы тамъ еще съ недѣлю и пріѣхалъ бы сюда съ Карповымъ или съ Долгоруковымъ. Старая Скавронская также очень мнѣ обрадовалась. Жаль, что милые и добрые Леонтьевы ѣдутъ скоро, т. е. черезъ мѣсяцъ. Пожалуй, сдѣлай имъ тысячу учтивостей въ Вѣнѣ; у нихъ ангельскія сердца. A propos, ты можешь готовить посылочку батюшкѣ съ ними: они съ радостью возмутъ это на себя. Я ему тоже кое-что пошлю. Ты не можешь повѣрить, съ какимъ равнодушіемъ я увидѣлъ Неаполь; но какъ скоро приблизился къ Chiaia и увидѣлъ la gran Bretagna, равнодушіе сдѣлалось печалью: вспомнилъ, кто тамъ живалъ, вспомнилъ Вѣну, тебя и заплакалъ. Мнѣ теперь кажется, что я въ Вѣну совсѣмъ не ѣздилъ, и годъ какъ тебя не видалъ. Неаполь очень будетъ скученъ, когда уѣдутъ отсюда Леонтьевы, но еще скучнѣе будетъ ѣхать въ Палерму, ce qui ne manquera pas, si la guerre éclate. Нашему Фердинанду худо будетъ, ежели, какъ говорятъ, Бонапарте хочетъ его принудить заплатить папѣ всѣ недоимки. Это составитъ важную сумму, а гдѣ ее взять? Банкъ здѣшній обанкрутился. Зурло, директоръ или лучше министръ финансовъ, судится, а между тѣмъ сидитъ въ Castel del Uovo. Многіе банкиры, какъ то Торлоній, имѣвшіе суммы въ банкѣ, очень отъ того пострадали. Пріѣхавъ сюда, нашелъ я пять твоихъ писемъ, которыя здѣсь лежали и ждали меня. Въ одномъ изъ нихъ Волынскаго стихи, а въ другомъ, что̀ лучше, батюшкино письмо № 28, которое я полагалъ потеряннымъ. Я не отвѣчаю на письма сіи: они старѣе Адама. Пожа-

луй, впередъ навѣщай меня почаще. Я счастливъ, когда читаю что нибудь тобою и батюшкою написаннаго давно, а кольми паче письмо свѣжее: меня не надобно просить къ тебѣ писать, и ты на меня жаловаться не можешь. Здѣсь узналъ я Бальменову исторію подробнѣе. Вбилъ себѣ въ голову, что миледи Актонъ отъ него съ ума сходитъ, что хочетъ мужа оставить, а съ нимъ бѣжать, но не довольствовался думать то: по всему городу сталъ разглашать. Отецъ ея на одномъ балѣ началъ ему мыть голову при всемъ собраніи, какъ онъ смѣлъ это выдумать, тогда какъ миледи даже почти не говоритъ съ нимъ; онъ струсилъ и отъ всего отперся, но со всѣмъ тѣмъ все продолжалъ проказы свои: наконецъ дошло до того, что генералъ А. былъ принужденъ стараться, чтобы Б. отдалили, и Леонтьевъ, заплатя его долги, послалъ его къ Лизакевичу. Что же? Оттуда вздумай онъ написать къ генералу Актону, которому говоритъ: Ne faites pas le tourment de deux coeurs sensibles; vous êtes trop avancé en âge pour pouvoir aimer votre femme; renoncez y et cédez la moi; faites mon bonheur et le sien, etc. Одинъ сумасшедшій можетъ писать такія чудеса, но Б. въ полномъ разумѣ, и это увеличиваетъ мое удивленіе. Онъ же малый умный, и кто нибудь вѣрно ему наговорилъ, et on est à la recherche de cela, mais inutilement. Мать миледи писала Б. письмо, въ которомъ божилась все забыть и съ нимъ помириться, ежели онъ скажетъ, кто его увѣрилъ, что миледи его любитъ, или что̀ дало ему поводъ думать это; но всѣ старанія были тщетны. Онъ сдѣлалъ въ Римѣ confesse generale, какъ тѣ, которые въ монастырь идутъ: обѣщался кромѣ того не грѣшить, также не смѣяться даже, не жадничать, не садиться при старшихъ себя etc. Онъ сталъ, какъ ягненокъ, и почти не говоритъ: въ недѣлю не могъ я добиться трехъ словъ отъ него. О чудакъ!*) Съ здѣшнимъ Пиніемъ я немного въ церемоніяхъ; что̀ дѣлать, ежели человѣкъ не по сердцу? Рихтеръ боленъ лихорадкою. Здѣсь есть нѣкто молодой человѣкъ Petersohn, премилый малый; жаль, что не пришитъ къ миссіи нашей. Вотъ еще будетъ Долгорукой. Quelle jeunesse! Nous avons encore ici le jeune prince de Meklenbourg-Strelitz, frère de la reine de Prusse, jeune homme d'une figure avantageuse, très poli et bien élevé. Я вчера съ нимъ познакомился: жаль, что ѣдетъ въ Палерму, но на малое время и опять сюда воротится. Вотъ всѣ здѣшнія новости. Ce n'est pas beaucoup, comme vous voyez. Мнѣ Л. сказалъ, что на сихъ дняхъ ѣдетъ курьеръ черезъ Вѣну въ Петербургъ, и я пишу сіе письмо заранѣе; что̀ сдѣлано, то сдѣлано, а у меня есть съ десятокъ писемъ на совѣсти.

---

*) Это графъ Александръ Антоновичъ Бальменъ, коего письма съ острова Св. Елены, гдѣ онъ былъ нашимъ приставомъ при Наполеонѣ, помѣщены вмѣстѣ съ его біографіей въ „Русскомъ Архивѣ" 1868 г. Онъ женатъ былъ на Глафирѣ Николаевнѣ Свистуновой.

Неаполь, Маія 9-го 1803 г.

У насъ теперь пропасть дѣла, и я все то дѣлаю, что̀ не успѣетъ Леонтьевъ. Какіе рѣдко добрые люди онъ и она? Я всякій день обѣдаю у нихъ или у принцессы Филипстальской, съ которою они въ одномъ домѣ живутъ. Вся наша шайка тамъ собирается, т. е. Леонтьевы, принцесса, Рихтеръ, Петерсонъ (милый малый и давно здѣсь путешествующій), я и нѣкоторые другіе; nous rions, parlons, faisons de la musique, jouons aux cartes, lisons etc. Въ Четвергъ король даетъ въ Фаворитѣ балъ для принца Мекленбургъ-Стрѣлицкаго, молодой учтивый и преблаговоспитанный человѣкъ*). Il est frère de la reine de Prusse; ежели она на него похожа, то хороша.

*

Неаполь, Мая 15-го 1803.

Музыка *le Nostre Cenere etc.* безподобная, c'est beaucoup dire. Я ее знаю только потому, что во всю дорогу Антоній ее пѣлъ, а ты знаешь, что его голосъ нѣженъ какъ пѣтушій. Отъ Геркулеса sans exagérer всѣ здѣсь въ восхищеніи, безъ ума. Намедни въ концертѣ всѣ привезенныя мною штуки два и три раза повторяли, и Mayer поставляетъ наравнѣ съ Моцартомъ. Всѣ хотятъ, чтобы дана была здѣсь сія опера; но Monbelli, подпора Санъ-Карла, поѣхалъ въ Гишпанію. Миллерша все поетъ, потолстѣла и въ милости у Французскаго посла. На балѣ всѣ были во фракахъ, и очень весело. Король сидѣлъ очень задумчивъ и печаленъ въ à la grecque; дама упала и заголилась, онъ началъ хлопать, всталъ съ мѣста, закричалъ что-то по неаполитански, смѣялся и цѣлый вечеръ былъ веселъ, кричалъ: volta, volta, piu forte. Я одну (ловка̀ попалась) вернулъ по нашему, и онъ закричалъ: bravo, bravo. Онъ такой, кажется, добрый; не дивлюсь, что народъ его такъ любитъ. Между нами сказано, онъ ѣдетъ въ Палермо: но мы, какъ говорятъ, остаемся при наслѣдномъ принцѣ, который купно съ министерствомъ будетъ имѣть пребываніе здѣсь.

Вчера чуть не убили duchesse Avellino въ Толедѣ; ея кучеръ чуть не задавилъ мальчика, только чуть! Кучера стащили съ козелъ, лакеи вступились за кучера. Шумъ. Госпожа выглянула изъ окошка, чтобы только посмотрѣть, что̀ дѣлается; одинъ лазаронецъ ударилъ ее дубиною по головѣ, но не до смерти, et les choses en sont restées là. Экой народъ! Намедни одинъ солдатъ расквасилъ также другому голову камнемъ у самаго моего балкона. Вотъ наши пріятныя Неаполь-

*) Род. 1785, ум. 1837. Извѣстенъ какъ Нѣмецкій генералъ и стихотворецъ.

скія вѣсти, а въ Вѣнѣ Нѣмца пожалуй хоть въ грязь столкни, только не ругай: ни слова не скажетъ, развѣ только Ja! Nun.

*

17-го Мая.

Пріѣхалъ Долгорукой, братъ генералъ-адъютанта, съ которымъ я еще въ Римѣ познакомился. Онъ ѣдетъ черезъ мѣсяцъ отсюда въ Сицилію и Мальту. Также здѣсь Вѣнскій красавецъ, отъ котораго ты говорилъ, что... кажется пахнетъ, то есть Бушъ. Ни одинъ Русскій болѣе къ Скавронской не ходитъ; вшивой одинъ эмигрантъ, буфонъ графининъ (но между нами это останется) сдѣлалъ грубую невѣжливость Леонтьевой; мужъ пошелъ на другой день къ старухѣ просить, чтобы она или ему отказала свой домъ или заставила его просить прощенія. Скавронская ни туда, ни сюда; говоритъ, что не хочетъ входить въ это. Л. ей поклонился и увѣрилъ, что его нога болѣе не будетъ у нея. Мы всѣ, узнавъ, что она промѣняла вшиваго Французишку (Ladvèse), на жену своего повѣреннаго въ дѣлахъ, однимъ словомъ иностранца на Русскаго, не признаёмъ ее за единоземку и болѣе къ ней не ходимъ. Симъ лишилась она компаніи человѣкъ 10, и тѣ которые ходятъ къ ней, всѣ ее обвиняютъ, и старуха не знаетъ, какъ бы поладить дѣло.

*

Неаполь, 19 (31) Мая 1803.

Прошу тебя ради дружбы твоей болѣе себя поберегать. Кутай себя хорошенько, когда выходишь; заведи малину и пей ее вмѣсто чаю; ты знаешь, какъ это хорошо для груди. Но чтобы письмо не походило на тетушкино, перестану говорить о лѣкарствахъ, только повторяю просьбу быть осторожнѣе. Знаешь ли ты, что безъ твоего тулупа я бы пропалъ, и до самаго почти Неаполя онъ мнѣ очень былъ нуженъ, особливо ночью. Курьеръ ставитъ за тебя свѣчи передъ мадонами и очень тебя благодаритъ. Письмо къ Леонтьевой отъ княгини отдано après des mûres réflexions; боялся ошибиться, но выходитъ, что такъ. Комаровскаго здѣсь нѣтъ и не бывало, а маркизшу ожидаю. Я такъ околдованъ Вѣнскими театрами, что сюда не въ одинъ идти не хочется; на клавикордахъ только и играю, что̀ піесы изъ вашихъ оперъ и балетовъ. Теперь лафа у насъ, и я самъ хочу приняться за украшеніе нашихъ мундировъ, и для того отложилъ сегодня ѣхать во дворецъ, гдѣ большой публичный столъ, c'est à dire que roi mangera à une table tout seul, en présence de tous ceux, qui voudront venir se convaincre que les têtes couronnées mettent aussi le manger dans la bouche comme tous les autres hommes. Вообрази себѣ, что за 30 миль отъ Неаполя Барбарески взяли Американскую фрегату со всѣми, которые

въ ней были, между прочими одинъ мой знакомый m-r Schmidt. Разбойники сіи очевидно усиливаются, а смѣлость ихъ еще болѣе. Фрегатъ 18 часовъ защищался.

Теперь нѣтъ сомнѣнія, что будетъ война. Витвортъ уѣхалъ изъ Парижа, а Андреоси тоже оставляетъ Лондонъ. Сей разрывъ произошелъ отъ нѣкоторыхъ новыхъ требованій Англіи. Пріѣхалъ курьеръ въ Парижъ, который привезъ медіяцію нашего Императора. Слѣдовательно надобно имѣть Палерму въ переспективѣ. Il n'y a aucun mal à cela: желаю видѣть Сицилію, Этну, передъ которой Везувій ребенокъ, и притомъ охотно побываю еще разъ на морѣ, и ежели поѣдемъ, то въ большой компаніи. Ce sera charmant.

*

Неаполь, Іюня 5-го 1803.

Я усталъ смертельно. Разсуди: обѣдалъ у Англинскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Англійской королевы рожденіе, сѣли обѣдать въ 7 часовъ, а встали въ полночь. Я не могъ вытерпѣть и послѣ десерта уѣхалъ, извинясь, что почтовый день. Пили безъ ума, пѣли God save the King, и также здоровье нашего Императора. Другой разъ не такъ скоро меня заманятъ на Англинскій обѣдъ. Всѣ говорили только по англински, который я не разумѣю. Къ счастію сидѣлъ возлѣ меня Бушъ, а то бы языкъ отнялся. Одинъ Шведъ, который тамъ обѣдалъ, уморилъ насъ. Il fesait le brave et s'efforcait de boire plus que les Anglais, qui l'obligeaient à tout moment de boire, trouvant de prétextes toujours différents, tantôt à la santé de Charles II, de Gustave Adolphe, de Christine etc; à la fin on lui demande, s'il aime la littérature. Moi? dit il. A la folie. Eh bien, il faut donc boire à la santé des manuscrits, qu'on déroule à Portici. Bon, et là-dessus il avala un verre de champagne. Надобно было видѣть рожу его, есть съ чего лопнуть со смѣха.

Война между Англіей и Франціей тебѣ должно быть извѣстна. Почти въ виду Неаполя крейсируетъ Англинскій флотъ, состоящій изъ 11 линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ подъ командою адмирала Пикертона. Англинской повѣренный въ дѣлахъ сказывалъ мнѣ, что черезъ три недѣли будетъ сюда Нельсонъ изъ Гибралтара съ нѣсколькими фрегатами и что уповательно возьметъ главное начальство надъ флотомъ. Говорятъ, что Агличане уже взяли три судна Генуезскіе, а сегодня слышалъ я, что ихъ фрегатъ почти изъ здѣшняго порта увелъ Французское судно, купеческое, нагруженное масломъ. Дворъ здѣсь и, говорятъ, переѣзжаетъ въ Castellamare, загородный домъ и городокъ въ заливѣ Неапольскомъ, который виденъ съ моего балкона.

*

Неаполь, 9 (21) Іюня 1803.

Козловскій видно все тотъ же: началъ въ твоемъ письмѣ фразу и не кончилъ. Римъ вѣрно одушевитъ піитическіе его восторги. Я заведу съ нимъ переписку. Ему будетъ вѣрно хорошо у Лизакевича, qui est un bon vivant, aime qu'on mange chez lui beaucoup; jugez s'il aimera Koslovsky, qui ne se fait pas dire deux fois de ces choses-là[1]).

*

Неаполь, Іюня 27, 1803.

Мы скоро ждемъ сюда изъ Рима графиню Воронцову[2]); совсѣмъ не знаю, кто такая, ѣдетъ изъ Парижа и вдова. Я слышалъ, что̀ Пиній ѣдетъ къ роднѣ въ Пизу, но не слыхалъ ничего о данномъ ему на то позволеніи. Французы, говорятъ, сожгли ужъ въ Абруціи деревню, коей мужики не хотѣли имъ дать съѣстные припасы, кормъ лошадямъ и пр.

*

Неаполь, Іюля 7 (19) 1803.

О Козловскомъ Карповъ хорошо говоритъ: sa tête est une bibliothèque en désordre; онъ сталъ страшный педантъ, а въ Римѣ о иномъ не говоритъ, какъ о Вестфальскомъ мирѣ.

3-го сего мѣсяца Леонтьевы выѣхали изъ Неаполя. Я съ ними ѣхалъ до Молло-ди-Гаета; тамъ стали мы въ Castellone у принца Гессе-Филипстальскаго (мужа нашей К.), командующаго en chef Гаетою и всею провинціею. Мой фаворитъ принцъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій также тамъ нашелся; nous avons eu une table magnifique, а въ вечеру балъ превеселый. Славныя были дѣвушки, одна особливо съ черными глазами, къ которой я притрунился: за ужиномъ сидѣлъ возлѣ нея и отбилъ ее de son soupirant, un officier de la garnison de Gaéte. Что̀ удивительно, всѣ тамъ хорошо танцуютъ. На другой день видѣлъ les bains et le tombeau de Cicéron. Князь сѣлъ самъ на козлы, посадилъ насъ съ Рихтеромъ въ коляску и повезъ въ Гаету, гдѣ видѣлъ я фортификаціи и тюрьмы, въ коихъ болѣе 500 колодниковъ; большая часть разбойники.

*

Неаполь, 14 (26) Іюля 1803.

Мнѣ пишутъ, что Козловскій бѣгаетъ по развалинамъ, удивляется и кричитъ: чогтъ знаетъ, какъ это сравно! А Бальменъ сдѣлался богомольцемъ: только и дѣла, что̀ ходитъ по церквамъ, на послѣднія деньги покупаетъ мадонны чудотворныя и посылаетъ въ Петербургъ къ ма-

---

[1]) Князь П. Б. Козловскій впослѣдствіи поселился въ Лондонѣ, потому что тамъ въ трактирахъ подаютъ цѣлое блюдо, и плата за него все одна, сколько бы ни было съѣдено.

[2]) Это была графиня Ирина Ивановна, ур. Измайлова.

тери. Теперь начались здѣсь ужины на улицѣ въ Santa Lucia, и множество бываетъ людей; но какъ тамъ очень воняетъ устрицами и рыбою, то я не очень часто бываю. Братъ Долгорукова (который здѣсь) знаетъ о дуэли и очень огорченъ, cependant il ne croit pas son frère mal. Il y a ici des joueurs de pommes. Я въ первый разъ видѣлъ это вчера. Король тамъ былъ, хлопалъ, кричалъ и смѣялся. Мячъ упалъ разъ на носъ какому-то серіозному и важному парику, изъ котораго, т. е. не изъ парика, но изъ носу, пошла кровь. Жары у насъ такъ велики, что можно выходить только въ вечеру. С. Крузе скоро ѣдетъ. Она намедни накормила Лихтенштейна оплеухами и драла его за волосы, а на другой день поѣхала съ нимъ въ Соренто на два дня. Весело смотрѣть, какъ Италіанки надъ нимъ смѣются: иначе не ходитъ какъ въ Мальтійскомъ съ двумя эполетами, большимъ галстукомъ и шляпою.

*

Неаполь, 16 Августа 1803 г.

Въ Римѣ сестра Воронцовой, la belle Gallitzine; on l'attend bientôt ici. Мы вмѣсто Скавронской бываемъ теперь часто всѣ у Воронцовой, которая очень любезна. Скавр. однакоже очень склонна на миръ, et cela finira par là. Одинъ домъ, куда можно ходить: непріятно въ ономъ не бывать. Прошу тебя сообщать всѣ новости, которыя узнаешь; мы съ Карповымъ страстно любимъ политику, а теперь у насъ ничего нѣтъ новаго, и вотъ отчего я и Анстету не пишу. Карапузый Антоніо очень благодаритъ за память твою. Карповъ всякій разъ велитъ тебѣ писать поклонъ; вчера пили мы твой чай за твое здоровье. Не знаю, чѣмъ наполнить письма; прочти мое къ батюшкѣ; можетъ быть, что найдешь, что̀ тебѣ забылъ сказать. Гришака-волокиту цалую, а писать некогда, нечего. У насъ на сихъ дняхъ новый балетъ. Cempille первая танцовщица такъ мнѣ мила, какъ Тургеневу Черути; она не хочетъ танцовать, и дѣльно: impressario хотѣлъ, чтобы она въ балетѣ упала съ моста сажень 8 вышины и повѣсилась волосами за дерево, покуда любовникъ придетъ ее освободить. Какой скотъ! Я его разругалъ.

*

Неаполь, 18 (30) Августа.

Ты правду говорилъ о человѣкѣ Козловскаго. Онъ пишетъ Карпову: пожалуйте, пошлите моего человѣка въ Одессу, посадите его хоть въ бочку съ сельдями. Карповъ ему отвѣчалъ, что quand l'occasion se présentera, je vous en informerai, et alors envoyez moi votre charmant Orang-Outang, je le ferai emballer et l'expédierai. Козловскій боленъ, и его старикъ ему совершенно безполезенъ; надобно и можно было это предвидѣть. Прилагаю печатный листъ о бомбардированіи Алжира

Агличанами; прочтя, отдай Анстету. Гишпанскій посолъ сказывалъ мнѣ, что его правительство дало повелѣніе всѣмъ своимъ портамъ принять и учинить всѣ нужныя пособія Русскому флоту, идущему изъ Чернаго моря и состоящему изъ 11 линейныхъ кораблей и 6 фрегатъ.

*

Неаполь, 11 (23) Августа 1803.

Съ Карповымъ я уже живу, и ты это долженъ знать по письмамъ моимъ. Выгоды впрочемъ нѣтъ для меня большой, т. е. для кармана: платимъ все пополамъ, я не хочу быть въ тягость доброму Петру Ивановичу, который человѣкъ самъ небогатый. Григорію вѣрно не любо будетъ съѣхать съ княжеской квартиры и перейти въ 3-й этажъ, особливо ради прекрасной Stubenmädchen. Экое счастіе поповичамъ! Кто бы думалъ въ запачканомъ архивѣ найти прекрасную Анну съ алмазами? Вотъ каково быть проворнымъ. Ужъ не поднесъ ли онъ наши переводы, то-есть твой Слава Негоціатору, а мои Негоціаціи и пр. Мальцовымъ? Ты заставилъ меня смѣяться. Ты учишься фехтовать, это дѣло; а я взялъ ужъ уроковъ десятокъ рисованія и пристращаюсь къ оному; хотѣлъ было утаить это отъ тебя, но къ чему? Опять глупые сюрпризы. Однакожъ батюшкѣ не писалъ о томъ, и ты пожалуй не говори ему о семъ ничего; ежели научусь, спишу самъ съ моего окна виды для него и тебя. Я самъ очень нетерпѣливъ знать, что̀ значатъ слова батюшкины: о мнѣ помнятъ, слава Богу, въ Петербургѣ. Жду отъ тебя описанія пушествія въ Пештъ. Гришакъ, est-il de la partie? Да что онъ не пишетъ, шутитъ чтоль? У васъ жары, а у насъ третій день буря. Третьяго дня была страшная гроза; молнія упала на Архимедъ, здѣшній военный первый корабль, и зажгла оный. Богъ хотѣлъ, чтобы не было ни крошки пороху на кораблѣ, а то ежели бы загорѣлось, взорвало бы всѣ до 2000 судовъ, стоящіе въ портѣ. Стоило бы éruption de m-r le Vésuve; молніею убило одного матроса на Аглинскомъ военномъ суднѣ 74 пуш., у коего сгорѣла средняя мачта. А тотъ же день, кажется, сижу я, пишу спокойно: вдругъ маленькій ударъ землетрясенія такъ меня испугалъ, что перо изъ рукъ выпало; оное было чувствительно только въ малой части Неаполя, около St. Lucie. Ежели ты такой охотникъ до политическихъ новостей, какъ я, то узнаешь оныя отъ Анстета. Въ Калабріи революція, взбунтовался народъ и не хочетъ платить новыя наложенныя на нихъ подати; сунулись было 50 солдатъ ихъ усмирить, но народъ ударилъ въ набатъ, многихъ солдатъ убилъ, другихъ взялъ въ плѣнъ, а прочихъ разогналъ. Вчера послано туда три гренадерскія роты, 2 пушки, 50 человѣкъ конницы, съ нужною артиллеріею. Калабрійцы народъ прехрабрый и, ежели захочетъ сдѣлать сопротивленіе, то выйдетъ дѣло весьма серіозное.

Французы которые тамъ, вѣрно ихъ поощрятъ: ихъ войско, говорятъ, будетъ умножено до 30 т. и займетъ даже Неаполь. Рачинскій и Монкларъ наконецъ выѣхали въ Мессину.

Какой срамъ! Вчера слышалъ я, что одна женщина заколола своего духовника, послѣ сама на себя донесла говоря: basta l'ho uciso, ecco mi pronta a tutto, la vendetta è adempita.

*

Неаполь. 6 Сентября 1803 г.

Не знаю за что, но очень люблю Венгерцевъ, а теперь еще болѣе, узнавъ, какъ они оплакиваютъ ангела усопшаго, Александру Павловну. Смерть нашего дорогого Андрея насъ ужасно тронула. Кто бы это подумалъ? Вотъ третій день, что образъ его безпрестанно въ моихъ глазахъ; куда ни пойду, въ театръ, гулять, вездѣ онъ со мною, и я ничѣмъ не могу прогнать печальныхъ мыслей. Ты ни чуть не какъ педантъ говоришь: конечно нельзя собою располагать, Богъ одинъ знаетъ, сколько всякому жить. Но кто бы подумалъ, что милый нашъ Тургеневъ въ Вѣнѣ навѣки съ нами простился? Жаль братъ, очень, очень. Бѣдный его братъ Александръ, который такъ его любитъ! Каково ему? Каково Андрею умереть не въ рукахъ родителей, не обнять ихъ хотя въ послѣдній разъ. Это мучительно; мой Антоній даже какъ шальной цѣлый день ходилъ и плакалъ. Какъ и отъ чего умеръ онъ? Дай Богъ ему царства небеснаго и лучшаго жребія на томъ свѣтѣ. Полно говорить о семъ несчастіи, и Боже насъ избави отъ того самихъ. Ежели, какъ ты говоришь, состоится перемѣна, то не Разумовскаго ли посадятъ. Тогда держи ухо востро, не мирись съ нимъ менѣе какъ на 5000; въ самомъ дѣлѣ, онъ тогда тебѣ будетъ полезенъ, и я ранжирую себя умильно подъ твою высокую протекцію.

Пришедшій сюда корабль изъ Туниса привезъ извѣстіе, что Барбарески съ 12 большими судами отъ 24 до 36 пушекъ и нужнымъ войскомъ, сбираются въ семъ мѣсяцѣ сдѣлать высадку и нападеніе на Сицилію и Калабрію. Бомбардированіе Агличанами Алжира не подтверждается и, видно, вздоръ. Я хожу теперь во многіе Неаполитанскіе домы, даже позволяю себѣ иной разъ строить куры, къ двумъ вдругъ адресовался, и они чуть меня по одиночкѣ не прибили за плутовство. Будь ихъ cavaliere servente, а я сего никакъ не хочу; другое дѣло такъ, мимоходомъ.

*

Неаполь, 13 Сентября 1803.

На сихъ дняхъ пріѣхала сюда княгиня Голицина, dite la belle, сестра Воронцовой, которая здѣсь съ мѣсяцъ или болѣе пробудетъ. Голицина прекрасна, черные власы, черныя брови и черные глаза,

зубы диковинные, ротъ, осанка прекрасны, хотя и дурно держится, только носъ нехорошъ; одѣвается, говоритъ, смотритъ, все странно, и не такъ какъ другіе. Весь Неаполь о ней говоритъ: elle a un air de la princesse de mon âme; всѣ здѣшнія красавицы отъ нея упали и пріуныли; за всѣми ими волочится Лихтенштейнъ, и жалко смотрѣть, какъ надъ нимъ смѣются, а онъ не чувствуетъ. Онъ добрый малый; впрочемъ, немного думаетъ объ себѣ; ты знаешь, какъ онъ говоритъ носомъ и смѣшно; намедни въ театрѣ изъ одного этажа въ другой началъ не знаю что-то кричать: всѣ обернулись, чтобъ видѣть это чудо. Онъ ѣдетъ съ Долгоруковымъ (рѣдкій малый) и однимъ Французомъ, очень любезнымъ, m-r Descours, извѣстнымъ въ революціи подъ именемъ Maisonfort, въ Сицилію; хотятъ только видѣть чудо св. Януарія, а потомъ отправятся.

*

Неаполь, 19 Сентября 1803.

Сегодня праздникъ St. Gennaro и дѣлается чудо, la liquifaction du sang de St. Janvier. Но бѣда, когда въ какую нибудь партію входятъ женщины. Уговорились всѣ ѣхать смотрѣть это чудо. Я въ Gran Bretagna явился въ 8 часовъ; Воронцова спитъ, Голицына спитъ. Покуда встали, покуда славно позавтракали у послѣдней, время прошло, и мы въ церковь пріѣхали, чудо сдѣлано, кусокъ отвердѣлой крови святаго самъ собою растаялъ и наполнилъ склянку, въ которой сія кровь сохраняется, и лазаронцы, бабы etc. гладили святаго, называя его красавчикомъ, умницею etc. Полагаютъ, что St. Gennaro объвилъ, что будетъ дѣлать чудо восемь дней сряду, дабы возстановить свой кредитъ, который St. Antonio поколебалъ. Ежели правда, то завтра пойду смотрѣть эту церемонію, о которой такъ много вездѣ говорятъ.

*

Неаполь, 3 Октября 1803 г.

Козловскій проказитъ въ Римѣ; не имѣя что̀ писать, разскажу анекдотъ одинъ съ нимъ, приключившійся. Собраніе у папы. Всѣ туда съѣжаются; Козловскій въ шелковыхъ чулкахъ, идетъ также по улицамъ съ двумя лакеями; инако онъ изъ воротъ своихъ не выходитъ *) en disant: l'un est pour m'annoncer, l'autre pour me nettoyer les souliers, приходитъ во дворецъ, входитъ въ комнату, множество людей, видитъ одного кардинала, думаетъ, что папа, подходитъ къ нему, цѣлуетъ его руку, говоря: vostra sanita, вмѣсто santita. Всѣ ха, ха ха! Одинъ Французъ говоритъ ему: M-r, ce n'est pas le pape.—Qui donc?—C'est un cardinal.—Où est donc le pape?—Plus loin, m-r: mais il n'est pas vi-

*) И по днямъ и часамъ ихъ нанимаетъ: изъ чего, не знаю. Прим. А. Я. Булгакова.

sible.—Les étrangers de distinction ont accès toujours partout, отвѣчаетъ Козловскій и идетъ далѣе, входитъ въ комнату папы, самъ себя рекомендуетъ. Папа его обласкалъ и много съ нимъ говорилъ. Козловскій, говорятъ, ночи не спалъ отъ радости. Теперь объявилъ всѣмъ, что началъ писать Римскую исторію; j'en ai montré, dit-il, le plan à mon ami Chateaubriand, qui en est émerveillé. Шатобріанъ—сочинитель книги L'esprit du christianisme и при Французской миссіи въ Римѣ.

*

Неаполь, 11 Октября 1803 г.

Бонапарте хочетъ миръ творить, а между тѣмъ вездѣ разбойничаетъ: приказалъ, чтобы перваго Португальскаго министра не только смѣнили, а выгнали въ 24 часа изъ Лиссабона, что̀ и учинено; тоже требуетъ, чтобы учинили и съ принцемъ de la Паче въ Гишпаніи, и вѣрно исполнятъ. Много разъ ужъ требовано отдаленіе Актона (Карповъ его называетъ думнымъ дьякомъ), и можетъ быть возобновятся требованія. Его величество очень печаленъ съ нѣкотораго времени; намедни на балѣ не смѣялся или, лучше сказать, не хохоталъ по обыкновенію и рано изволилъ ретироваться. Въ Субботу имянины вашей Императрицы, и здѣсь опять балъ въ Фаворитѣ. Наши Русскіе будутъ; надѣюсь, что будетъ веселѣе прошедшаго.

*

Неаполь, 1-го Ноября 1803.

Княгиня Голицына потащила меня съ собою въ малое ея путешествіе вокругъ Неаполя, которое продолжалось 8 дней. Мы начали городкомъ Castellamare, потомъ были въ Sorrento, гдѣ ѣли славныхъ телятъ, Vielo, гдѣ гробница Filanghieri, писателя новыхъ временъ; въ Сорренто видѣли домъ Тассо; въ Капри прожили мы три дня. Сей островъ наполненъ древностями, и недавно вырыли множество комнатъ Тиберова дворца, въ землю зарытаго; 23 гроты, одна другой чудеснѣе, заслуживаютъ также вниманія любопытныхъ. Княгиня покупаетъ паркетъ, найденный въ одномъ древнемъ зданіи. Онъ сдѣланъ изъ мраморовъ разнаго цвѣта, en mosaique. Изъ Капри пустились въ Ischia (островъ), гдѣ дурное время и буря продержали насъ три дня; потомъ видѣли Прочиду, Cap de Misène et port, prison de Néron, Piscina amirabile etc. однимъ словомъ все, что̀ заключается примѣчательнаго въ Байскомъ заливѣ и городѣ Пуццоли. Съ женщиною, какъ Голицына, такой вояжъ не могъ не быть пріятенъ. Насъ было только трое она, Рихтеръ и я, и мы время провели преславно, ѣли плотно, лазили по горамъ, спали крѣпко, по вечерамъ обыкновенно читали don Метастазія. Въ Капри чуть я надъ своею головушкою не напроказилъ. Вообрази,

что въ темнотѣ, не видя, что за мною нѣтъ ни перилъ, ни забора, а вмѣсто того пропасть, началъ я пятить осла моего назадъ: онъ осадилъ, я еще, и до того, что заднія ноги его поскользнулись. Онъ потерялъ равновѣсіе, и я съ моимъ осломъ совсѣмъ упалъ внизъ, по крайней мѣрѣ сажени 4, по счастію въ садъ не на дерево, на камень, но на мягкую нововспаханную землю, такъ что ни малѣйшаго вреда себѣ не причинилъ. Княгиня видѣла кувырколлегію и упала въ обморокъ. Я, упавъ, только очень испугался, но собравъ тотчасъ силы, дабы успокоить всѣхъ, которые по темнотѣ не могли знать, что со мною дѣлается, побѣжалъ на верхъ; никто повѣрить не могъ, какъ я цѣлъ остался: подлинно Богъ хотѣлъ меня спасти отъ неминуемаго несчастія. Дома нашелъ я, что рука оцараплена и лѣвая нога нѣсколько ушиблена, но на другой день почти и слѣдовъ не было. Надобно было видѣть суету всѣхъ: кто кричитъ, что надобно мнѣ кровь пустить, кто пластырь совѣтуетъ, кто спиртъ, но слава Богу, безъ всего обошелся, но набрался ума для переду и осторожности. Пріѣзжаю въ Пуццоли, мой Антоній на берегу почти плачетъ; ему сказали въ Неаполѣ и всѣ почти говорили, что я плечо себѣ изломалъ; его привязанность ко мнѣ меня, право, тронула. Исторія Маркова въ Парижѣ съ господиномъ Наполеономъ вамъ вѣрно извѣстна, и вамъ, я чаю, прислали дерзкій bulletin, въ которомъ все сіе описано фальшивыми и мерзкими красками. Какія-то будутъ сего слѣдствія? Мы бы симъ г-дамъ отвѣчали, какъ должно, ежели бы знали, откуда подлинно прислано. Я думаю, что М., будучи уменъ, женируетъ тамошнее министерство и что хотятъ избавиться отъ него; одинъ онъ носъ подымаетъ, всѣ его товарищи не иное что, какъ твари перваго консула.

Третьяго дня пріѣхалъ сюда маіоръ Энгельгардтъ; онъ говоритъ, что былъ въ Вѣнѣ, когда былъ Великій Князь К. П. и что тебя видѣлъ много разъ; онъ путешествовалъ съ кн. Борисомъ Степановичемъ Куракинымъ. Ихъ разбили воры между Болоніею и Флоренціею въ горахъ, 14 человѣкъ на нихъ напали; человѣкъ Энгельгардта выстрѣлилъ изъ двухъ пистолетовъ, и за то былъ убитъ пулею, которая пролетѣла чрезъ все туловище, самого же барина прикатали до полусмерти. У Куракина отняли на 40000, у Энгельгардта 9000; вотъ что онъ мнѣ самъ сказалъ; ежели солгалъ то и я. Куракинъ теперь во Флоренціи, шьетъ себѣ рубахи и платье, ибо все было отнято. Какова земелька? Какова наша Италія?

Всему, сказанному Энгельгардтомъ, я не вѣрю, и онъ часъ отъ часу дѣлается подозрительнѣе. Разсуди: только что пріѣхалъ, сегодня ужъ ѣдетъ опять въ Римъ. Зачѣмъ же сюда пріѣзжалъ? Просилъ денегъ

у Карпова, сей отказалъ натурально; говоритъ, что онъ кавалеръ св. Георгія 2-го класса (каково!), что адъютантъ Государя, что путешествуетъ по его приказанію и на его счетъ. Сегодня вызывалъ меня почти на поединокъ, жаловался Карпову на меня, что я сумнѣваюсь въ томъ, что̀ онъ говоритъ. Я ему повторилъ, еще разъ повторилъ ясно при Карповѣ, что онъ не можетъ имѣть Георгія 2-го класса и вѣрно не имѣетъ. Онъ говоритъ Карпову: M-r Boulgakoff m'a tenu hier des propos durs. Карповъ: M-r, j'ai été hier toujours avec vous tous, comment est-ce que je ne l'ai pas entendu? Engelg.: Vous étiez sorti alors. Я перебилъ рѣчь, говоря: M-r d'Engelgardt, si je vous ai dit hier des choses désagréables, vous deviez en homme d'honneur d'abord me répondre par le même ton et par venir aujourd'hui porter des plaintes contre moi. Онъ сбился, отвѣчалъ: mais non, hier ce n'était rien sûrement; mais vous avez dit, que je suis un aventurier, et on me l'a rapporté.—Qui?—Je ne peux pas le dire.—Non, m-r, vous devez le dire, je l'exige, сказалъ Карповъ. Энгельгардтъ тутъ видѣлъ, что плохо дѣло и сослался на слугу одного Курляндца барона Ропа, который вчера уѣхалъ, говоря, что онъ это ему открылъ. Теперь я спрашиваю, какого барыша могъ ждать отъ сего доноса человѣкъ? Меня замарать не могъ онъ и не имѣлъ прибыли, зная, что все откроется и падетъ на его спину; какой же интересъ имѣлъ онъ подслужиться Е., котораго съ роду и въ глаза не знаетъ? Стало быть, все ложь; но поведеніе Е. не можетъ помѣститься ни въ чьей головѣ. Пріѣхалъ сюда, зачѣмъ самъ не знаетъ, только что пріѣхалъ на другой день почти ѣдетъ, и говоритъ, что хочетъ драться съ барономъ Ропомъ, потому что онъ виноватъ, а не я, который извѣстенъ ему по моей фамиліи, честности etc. Не чепуха ли это все? Если бы тебѣ разсказать всѣ его слова, не было бы конца. Говоритъ, что пріѣхалъ изъ Парижа; Воронцова два года тамъ жила и не слыхала о немъ. Говоритъ, что 20 разъ былъ у Бонапарте, который его ласкалъ очень и что сіе было помѣщено въ газетахъ даже. Отецъ его, говоритъ, генералъ-губернаторъ въ Полоцкѣ; мы показали ему въ календарѣ, что Полоцкъ уѣздный городъ. Слава Богу, что мы избавляемся такого сокровища. Я тебя обо всемъ предупреждаю: неравно поѣдетъ онъ въ Вѣну. Онъ толстъ, малъ ростомъ, лицо большое, рябое, говоритъ дурно по французски и по русски не очень хорошо. Я сейчасъ послалъ ему записку, требуя рѣшительный отвѣтъ, кто именно сказалъ, камердинеръ или лакей Ропа; потому что послѣдній остался здѣсь въ Неаполѣ, будучи его laquais de place. Энг. велѣлъ мнѣ сказать, что самъ прежде отъѣзда ко мнѣ будетъ и вѣрно вмѣсто того сегодня ночью улизнетъ.

Теперь поѣхалъ къ нашему агенту Манзо просить денегъ. Сію минуту узналъ, что онъ уѣхалъ и неизвѣстно куда. Вотъ и конецъ комедіи.

*

Неаполь, 8-го Ноября 1803 г.

Мой поединокъ съ Энгельгардтомъ кончился тѣмъ, что, онъ видно, спятя и труся Карпова, улизнулъ. Прочти всю исторію въ моемъ письмѣ къ батюшкѣ; я не хотѣлъ умолчать, ибо могло бы до него дойти, и онъ, видя, что я все сіе умалчиваю, подумалъ бы, что есть что нибудь для меня непріятнаго. Видно, Кассини почувствовалъ свою ошибку, что онъ взялъ теперь въ Римѣ Энгельгардта подъ караулъ; теперь откроется, что̀ онъ за человѣкъ. Въ Римѣ Хитровъ, путешествующій по комиссіи Императора, и сюда будетъ.

*

Неаполь, 13-го Ноября 1803 г.

Новая моя квартира возлѣ дома, гдѣ жилъ Французскій посолъ, возлѣ Gran Bretagna, гдѣ ты бывалъ у Гагариныхъ, на противолежащемъ берегу Позилипа, то-есть, что мы Villa Reale видимъ не въ ширину, какъ Гагар., но во всю длину; понимаешь ли? Мѣстоположеніе славное, воздухъ чистъ. У Карпова три комнаты, у меня двѣ, обѣ на улицу и море, двѣ комнаты общія, у людей также свои; однимъ словомъ, живемъ мы, какъ цари, и занимаемъ весь этажъ; но за то я плачу 25 дук., а Карповъ 45. Мой кабинетъ славный, уютенъ, и всякій уголъ чѣмъ-нибудь да занятъ; двѣ полки книгъ, столъ для письма, бюро съ платьемъ, канапе для гостей, большія вольтеровы кресла, подаренныя p. de Hesse и въ кои кидаюсь, чтобы читать или спать иной разъ подъ вечеръ. Въ другой комнатѣ сплю, фортепіанирую, чешусь и пр.

Жаль Долгорукова, генер.-адъют. Братъ его, бывшій здѣсь, кн. Михайло Петр., любилъ его очень и часто ко мнѣ изъ Флоренціи пишетъ. Предобрый малый! Въ послѣднемъ письмѣ говоритъ мнѣ между прочимъ: «Vous me parlez de m-r Engelgardt: que je suis fâché, mon cher, de ce que vous ne l'avez pas régalé d'une volée de coups de baton. Ce drôle a été chez moi sous le nom du prince Kourakin, officier de marine et chev. de St. George, parlant toujours de son oncle, prince Alexandre Kourakin; c'est tout bonnement un chevalier d'industrie. Вотъ подтвержденіе, что Энгельгардтъ плутъ: жаль подлинно, что я его не приколотилъ, впрочемъ не было за что? Слышу, что Кассини его прижалъ въ Римѣ, видя, что сдѣлалъ глупость, давъ ему пашпортъ. Слухамъ о мирѣ вѣрить не надобно, нѣтъ сомнѣнія, что десантъ состоится. Посолъ Французскій говорилъ мнѣ вчерась, что ждетъ съ нетерпѣніемъ курьера изъ Парижа. Присланіе сюда главнаго Французскаго

генерала Монришара изъ Ганноверской арміи, заставляетъ думать, что войска ихъ, сіе королевство занимающія, имѣютъ какое-либо важное препорученіе; но пельзя угадать, что̀ это. Полагать не можно покушенія на Сицилію, развѣ на Морею. Дворъ довольно безпокоится, войска сіи перемѣнили свои позиціи въ Пуліи, и всѣ ихъ жены отправлены въ сѣверную часть Италіи. М-е St. Cyr даже тоже оставила мужа и въ Римѣ сказала одной пріятельницѣ, что уѣхала поскорѣе изъ Неаполитанскихъ областей, не дожидаясь тамъ свалки. Это останется между нами; скажи однакожъ сіе Анстету, которому, можетъ быть, написать не успѣю. Извѣстно заподлинно, что въ Тулонѣ готова къ выходу эскадра, 9 военныхъ кораблей, фрегатъ и пр. съ народомъ; можетъ быть, сія эскадра имѣетъ какую-нибудь связь съ здѣшними войсками.

Кассини мнѣ пишетъ, что сюда въ Римъ будутъ: мать 1-го консула, Іосифъ, ея сынъ, со вдовою m-me Le Clerc, идущею замужъ за пр. Боргезія. Анекдотъ: ты знаешь, что въ Римѣ Canova работаетъ статую Бонапарта, представляющую его нагого съ земнымъ шаромъ въ одной рукѣ и шпагою въ другой. Покойный лордъ Бристоль, пришедъ къ Кановѣ и разсматривая статую (тогда много говорили о десантѣ), сказалъ скульптору: mon cher Canova, j'ai deux remarques à vous faire; ce globe que vous avez mis dans la main est trop petit pour contenir l'Angleterre, et puis vous avez fait au Bonaparte le cul trop petit pour un homme qui a été en Égypte et en Italie. Сегодня былъ у Скавронской по случаю свадьбы m-elle Germiny (ея фаворитки) съ однимъ морскимъ офицеромъ m-r Preville.

*

Неаполь, 6-го Декабря 1803.

Ты знаешь, что здѣсь Протасова*), особа пречванная; въ претензіи, что мы всѣ Русскіе не ходимъ къ ней на поклонъ; говоритъ: эти господа любили гр. Воронцову и Голицыну, а меня не жалуютъ; безпрестанно напоминаетъ, что была въ милости Екатерины II. «Мое имя всѣмъ извѣстно» есть конецъ всѣхъ ея пѣсень, жалуется на Ханыкова въ Дрезденѣ etc. Племянницы не хороши и ни рыба, ни мясо. Одинъ Итальянецъ насъ очень насмѣшилъ намедни, говоритъ: c'est arrivée m-me de Procaccioff avec ses deux nièces. Ты знаешь, что по италіански procaccio—большая фура для перевоза тяжелой почты, а Протасова претолстая баба и дурна лицомъ. Вчера Скавронская давала ей балъ, довольно было весело.

*

---

*) Камерфрейльна Екатерины II-й, графиня Анна Степановна.

1804 годъ.

Неаполь, 3-го Генваря 1804 года.

На Кассини всѣ Русскіе въ Римѣ жалуются. Онъ допустилъ по прихотямъ кардинала Феша посадить въ St. Ange г-на Дювернега, натюрализованнаго Русскимъ и пользующагося пенсіею отъ насъ, ни за что ни про что, за то что Вернегъ былъ прежде агентомъ дюка-дю-Бери, отъ коего найдены у него старыя письма. Папа послалъ курьера въ Петербургъ. Смотря по тому, какъ сіе дѣло представятъ и какъ примутъ у насъ, это можетъ имѣть худыя слѣдствія. Извѣстно, что Кассини слѣпо преданъ Римскому правленію, дабы держаться на своемъ постѣ. Онъ довольно это доказалъ въ дѣлѣ, которое имѣлъ съ Карповымъ въ Римѣ. Луціенъ Бонапарте впалъ въ немилость къ своему брату, отъ коего получилъ повелѣніе выѣхать изъ Франціи и вояжировать по Италіи. Первый консулъ и Фешомъ недоволенъ и пришлетъ ему наставника.

*

Неаполь, 20-го Февраля 1804 года.

Панины очень милостивы ко мнѣ. Дворъ принялъ ихъ отмѣнно хорошо, сегодня обѣдали у королевы; но все это, мнѣ, кажется par spéculation. Мнѣ все совѣтуютъ перейти въ Вѣну; зачѣмъ бы нѣтъ? Но больно бы мнѣ было имѣть надъ тобою въ чемъ нибудь выгоды и отнять у тебя слѣдующее тебѣ награжденіе, хотя и знаю, что по любви нашей все у насъ обще, и счастіе одного составляетъ счастіе другова. Доходцы бы наши, сливъ вмѣстѣ, составили почетный ревеню, съ которымъ славно бы можно жить. Не хотѣлось бы мнѣ однако потерять 400, выслуженные не протекціею, но службою; вотъ пятый годъ, что̀ мы бьемся. Что̀ дѣлать? Придетъ воли Божіей часъ... Я два года одинъ здѣсь все дѣлаю, а другой лежа на боку 1000 болѣе получаетъ. Свѣчину дали 1000 р. пенсіи. Я за этого скота здѣсь работалъ; теперь ему пенсія за то, что законъ перемѣнилъ. Богъ съ нимъ! Оставимъ важныя мои претензіи; батюшка намъ часто говорилъ, что въ наши лѣта не былъ тѣмъ, чѣмъ мы, а ты знаешь, намъ далеко тягаться; счастливы бы были хоть душою съ нимъ равняться, ежели не умомъ. Я нечувствительно изъ письма сдѣлалъ процесъ и предику; впрочемъ чтожъ? Великій постъ кстати!

*

Неаполь, 27-го Февраля 1804.

У насъ здѣсь знаешь кто? Тотъ принчикъ Мекленбургскій, котораго мы часто въ Москвѣ у Пушкиныхъ видали, который мазурку танцовалъ etc. Не знаю, откуда взялась престрашная дружба ко мнѣ, но не

отстаетъ. Сегодня пріѣхалъ сюда князь Borghese, что̀ женатъ на Бонапартшѣ, одинъ: жена въ Римѣ осталась. Вся морская Неапольская сила скоро выйдетъ въ Сицилію для всякаго случая, для защиты отъ Барбаресковъ или другихъ непріятелей, кои могли бы покуситься на Сицилію. Вся эскадра будетъ состоять изъ одного 50 пуш. корабля, 4 фрегатовъ и 4 корветъ. Командованіе дано графу Турну, управляющему морскимъ департаментомъ. Къ находящимся здѣсь Французскимъ войскамъ прибавляется еще сотъ до четырехъ и довольно артиллеріи; она ужъ въ маршѣ къ Пуліи и третьяго дня ночевала въ Капуѣ. Это немало безпокоитъ дворъ, коего издержки и боязнь симъ умножаются. Надобно ожидать какую либо экспедицію, ибо войска Французскія въ семъ королевствѣ запасаются сухарями и другими провизіями.

*

Неаполь, 6-го Марта 1804.

Иду къ Панину: что-то писать дать хотѣлъ. Спасибо за всѣ новости, тобою сообщаемыя: я сдѣлалъ списочекъ онымъ, который далъ Панину. Предупреждаю тебя и Анстета, что Актонъ дней черезъ пять отправляетъ курьера въ Петербургъ; но какъ сіе отправленіе можетъ замѣшкаться, то успѣете вы, можетъ быть, кое-что пріуготовить къ проѣзду его черезъ Вѣну. Сюда пріѣхалъ курьеръ изъ Парижа, привезъ пребольшой пакетъ къ Карпову отъ Убри; чтожъ вышло? Чепцы для графини Паниной! Въ Парижѣ дѣлается большая кутерьма. Пріѣхавшій туда скрытно Пишегрю былъ схваченъ. Открытъ заговоръ, въ коемъ замѣшанъ Моро etc. Я долженъ быть сегодня на Русскомъ обѣдѣ у Скавронской и на концертѣ, который дается для Паниныхъ кн. Караманики. Je viens de finir ma besogne chez Panine; онъ мнѣ диктовалъ нѣсколько писемъ, удалось заслужить его апробацію; теперь за Карпову работу примусь.

*

Неаполь, 12-го Марта 1804.

Часто бываю у Паниныхъ, и графъ заставлялъ меня часто у себя работать, писалъ нѣсколько писемъ sous sa dictée en français, онъ былъ доволенъ мною и очень ласковъ; ежели всегда таковъ, то счастіемъ бы почелъ быть его подчиненнымъ; кажется, хорошо къ намъ расположенъ, говоритъ часто о батюшкѣ, тебѣ etc. Онъ думаетъ быть въ Страстную недѣлю въ Римѣ. Не худо заставить имъ себя замѣтить: пригодится всегда, можетъ вспомнить и сдѣлать счастіе нашего брата. Графа здѣсь очень угощали, король, королева и бояры. На той недѣлѣ ѣдетъ онъ съ королемъ на охоту *).

---

*) Графъ Никита Петровичъ славился какъ искусный охотникъ. Въ селѣ Дугинѣ (нынѣ владѣніи его внучки, княгини М. А. Мещерской) есть прекрасный его портретъ, на которомъ онъ изображенъ въ охотничьемъ платьѣ и съ ружьемъ.

Неаполь, 27-го Марта 1804.

Скоро будетъ сюда Паленъ, бывшій при Парижской миссіи и путешествующій теперь. Онъ во Флоренціи. Вернегово дѣло не такъ много шума произвело въ Петербургѣ, какъ многіе думали. Государь требуетъ доказательствъ вины его, подавшей поводъ къ его заключенію въ крѣпости Св. Ангела. Кассини отвертѣлся счастливо въ семъ дѣлѣ. Всѣ думаютъ, что неминуемая смерть Аглинскаго короля произведетъ великую перемѣну въ дѣлахъ Европы [1]).

*

Неаполь, 2-го Апрѣля 1804 г.

Страстная недѣля здѣсь, какъ карнавалъ: весь городъ на улицахъ и бѣгаетъ по церквамъ; ни одной кареты не видать, потому что запрещены; даже королева и вся фамилія пѣхтурою дули всѣ въ черномъ платьѣ. Дворъ препровождаемъ всѣми придворными чиновниками и офицерами всѣхъ полковъ, гвардейскаго полку отрядъ напереди и сзади и играетъ печальный маршъ en mineure. Здѣсь Святая недѣля совсѣмъ не такъ торжественна какъ у насъ, гдѣ всякій камень, кажется, радуется.

*

Неаполь, 10-го Апрѣля 1804.

Часто ли бываешь у Голициной? Не правда ли, что она немного на княгиню[2]) похожа. Я не могъ никакъ къ ней привязаться: она слишкомъ необыкновенна, и ее тронуть можно только вещьми и поступками черезвычайными. Я полагаю, что ея сердце холодно и нечувствительно, а голова немного въ безпорядкѣ или лучше, comme on dit, exaltée, но хороша, умна и любезна, отчаянная особа. Воронцова женщина достойная почтенія всѣхъ; сынъ ея предобренькій мальчикъ. Письмо къ нему отдай Голициной, ежели думаешь, что Воронцова не будетъ въ Вѣну. Cette lettre regarde les caisses que la comtesse de Woronzow a laissé ici et que m. Karpoff a expédié à Pétersbourg avec Pandelli. Вчера выпустили здѣсь тревогу, что Французы идутъ въ Неаполь; это совсѣмъ неосновательно, равно какъ и вѣсти, что въ Корфу прибыли новыя отъ насъ войска; мы о семъ никакого свѣдѣнія не имѣли еще. Удивительно, что пришедшее изъ Занта въ 6 дней судно тоже подтверждаетъ. Дворъ сей годъ совсѣмъ не ѣдетъ въ Казерту. Здѣсь всѣ говорятъ, что у васъ война съ Французами, кои потребовали высылку изъ Германіи всѣхъ эмигрантовъ.

*

---

[1]) Король Георгъ III-й прожилъ послѣ того еще 16 лѣтъ.

[2]) Т. е. на княгиню А. П. Гагарину. Того же мнѣнія о ночной княгинѣ былъ впослѣдствіи С. Н. Глинка.

Неаполь. 24-го Апрѣля 1804.

У меня все идетъ помаленьку, но я также très bien съ Полячкой, у которой бѣдный мужъ очень боленъ, а съ нею я всякій день гуляю въ саду, который отъ насъ очень близко и гдѣ никто насъ не видитъ; но изъ сего не дѣлай заключеній: я бы самъ сказалъ. Напрасно ты не бываешь у Голицыной; я очень тебя ей рекомендовалъ и предупредилъ, что ты немного дикъ въ началѣ; она тебя ужъ здѣсь знала по портрету твоему, коимъ всякій день утѣшаюсь. Мы съ нею были довольно дружны, и я никогда не забуду поѣздку нашу въ Капри, Искію и пр. Напомни ей мою кувырколлегію, скучнаго г-на Хитрова, устрицы, которыя препарировалъ, нерѣшимость ѣхать ли въ Неаполь назадъ по страшной непогодѣ, чтеніе Метастазія, поѣздку на ослахъ и пр. Все сіе воспоминаю съ восхищеніемъ. Ни о комъ мы столь не сожалѣли, какъ о Голицыной и Воронцовой.

*

Неаполь, 1-го Мая 1804.

Здѣсь глазная боль неизбѣжима ради ужаснаго солнца, бѣлой мостовой, домовъ и неба. Я ничѣмъ никогда не лѣчусь; пробывши въ комнатѣ, гдѣ нѣтъ большого свѣта, тотчасъ въ два дня все проходитъ. Сто разъ спасибо, что посылаютъ намъ Татищева, а Пинію пишутъ противное, а что Куракина опять на сторое мѣсто—это вздоръ! То-то бы хорошо, кабы Панина. Скавронская очень обрадовалась, узнавъ, что ея посылка въ Дрезденъ дошла и велѣла тебя поблагодарить и пригласила сегодня къ себѣ на балъ; c'est très mal à propos: почтовый день, и дѣла очень много. Ты не повѣришь, какъ мы заняты: всякую почту получаемъ пакеты отъ двора съ предписаніями. Императоръ оказалъ милость всѣмъ Грекамъ: здѣсь будетъ построена православная Греческая церковь. По сіе время была все Уніатская, зависѣвшая отъ папы, и служба шла по гречески. Мы построимъ церковь во имя св. Александра, тогда-то пойдетъ у насъ богомолье, говѣнье и пр.; тогда-то, нагрѣша въ Вѣнѣ, пріѣзжай спасаться въ Неаполь къ намъ.

*

Неаполь, 7 Мая 1804

Воронцова милая и добрая женщина: она, можетъ быть, первая, которая заставила себя здѣсь любить иностранцами и Итальянками, ибо у первыхъ дурацкій маперъ съ послѣдними не знаться, и ты знаешь, что Скавронская ихъ не принимаетъ. Сходство наше должно быть велико, ибо Nicolsky, Полякъ, долго бывшій въ Вѣнѣ, въ прошлый карнавалъ, увидя меня у Скавронской на балѣ, спросилъ, давно ли я изъ Вѣны пріѣхалъ, принявъ меня за тебя. Странная фигура! Помнишь ли

ты его? Каково дѣлаетъ pas d'écossaise! Наскажи пропасть учтивостей отъ меня Воронцовой, а Ванишѣ [1]) буду писать; всѣ Итальянки по ней плачутъ. Сюда прибылъ на дняхъ Аглинскій 80-пуш. корабль Kent, на ономъ двое Русскихъ мичмановъ, кои волонтерами служатъ. Всѣхъ нашихъ Русскихъ у Нельсона съ 17 и раздѣлены по два на каждомъ суднѣ. Сіи два предобрые малые, Меллеръ и Авиновъ. Я, узнавъ, тотчасъ поѣхалъ къ нимъ на корабль, и они отмѣнно мнѣ обрадовались; послѣ завтра съ нами обѣдаютъ. Актонъ прервалъ всякое сношеніе съ Французскимъ посломъ вотъ по какому поводу. Алькье требовалъ арестованія всѣхъ Агличанъ здѣсь; генералъ отказалъ, говоря, что тоже бы сдѣлалъ, ежели бы Аглицкій посл. Елліотъ потребовалъ арестованія Французовъ и что Агличане не учинили ничего противнаго Неапольскому правительству. Посолъ упрекалъ генерала въ его преданности къ Англіи etc. Наконецъ оба очень разгорячились, и Актонъ объявилъ, что болѣе не будетъ съ нимъ трактовать, что его угрозъ пожаловаться первому консулу онъ не боится и пр. Алкье въ сердцахъ послалъ нарочнаго въ Портичи къ королю съ жалобами: но его величество отвѣчалъ, что онъ не принимаетъ нотъ отъ министровъ чужестранныхъ и съ оными не трактуетъ, а что есть у него на это министръ иностранныхъ дѣлъ. Посолъ отправилъ немедленно курьера въ Парижъ съ жалобами, и отвѣтъ имъ, какъ и здѣшнимъ дворомъ, ожидается съ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ выбранъ Micheroux для конференціи съ Франц. посломъ. Сіе дѣло можетъ имѣть важныя слѣдствія. Актонъ, надо думать, слетитъ: но люблю за то, что много показалъ духу, будучи министромъ кавалка [2]) земли, тогда какъ великія державы ползаютъ предъ Бонапартіемъ. Я бы все это не написалъ, ежели бы не удобная оказія, и это останется между нами. Несчастный кавалеръ Вернегъ, давно ужъ заключенный въ Римѣ въ крѣпость Св. Ангела, 2-го сего мѣсяца былъ папою преданъ Французамъ; смерть неизбѣжимая есть его перспектива. Не смотря на столь дерзкій поступокъ, Кассини ѣздилъ послѣ того къ папскому министру Гонзальви, имѣлъ съ нимъ конференцію, даже былъ у папы, и только 6-го долженъ былъ выѣхать изъ Рима, а можетъ быть и еще тамъ. Его слабое поведеніе въ началѣ сего дѣла есть причиною гибели несчастнаго Вернега; ты знаешь, что онъ Русскій подданный.

Люціенъ Бонапарте прибылъ въ Римъ; онъ, говорятъ, съ братомъ въ ссорѣ, ибо хотѣлъ противиться и уговаривалъ его не разстрѣливать

---

[1]) Т. е. сыну графини Ирины Ивановны, тогда еще просто графу Ивану Ларіоновичу Воронцову, позднѣе принявшему имя графа Воронцова-Дашкова.

[2]) Кавалка, по Словарю Даля—комокъ земли или навозу.

дюка Д'Енгіена. Консулъ въ ссорѣ съ женою по той же причинѣ. Много говорятъ здѣсь, что король ѣдетъ въ Сицилію; ежели послѣдуетъ министерство, то и намъ придется туда ѣхать, но все это еще не вѣрно, и дай Богъ, чтобъ это не сбылось: переписка наша много пострадаетъ отъ сего.

*

Неаполь, 3 (15) Мая 1804 г.

Меллеръ и Авиновъ, находящіеся на Аглинскомъ кораблѣ волонтерами, добрые малые; я ихъ вездѣ таскаю; теперь повезу по театрамъ, будемъ ѣздить гулять верхомъ и пр. Я очень имъ радъ; только 10 мѣсяцевъ, что̀ они изъ Россіи; можешь представить, сколько вопросовъ имъ дѣлаю о всемъ. Теперь Актонъ потребовалъ быть уволенымъ отъ конференціи съ чужестранными министрами, и полученною третьяго дня отъ министерства нотою дано дипломатическому корпусу знать, что кавалеръ Micheroux опредѣленъ директоромъ департамента иностранныхъ дѣлъ и что къ нему должно адресоваться по всѣмъ дѣламъ между Неаполемъ и другими державами. Симъ отдаленіемъ генерала А., я думаю, хотѣли предупредить Французовъ, которые вѣрно потребуютъ, чтобъ А. былъ отрѣшенъ отъ дѣлъ. Дворъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ возвращенія курьера, посланнаго въ Парижъ. Алькье, какъ говорятъ, также писалъ, прося отзыва своего отсюда. Кассини ѣдетъ, говорятъ, въ Тріестъ, гдѣ будетъ ждать повелѣній двора; теперь онъ въ Ливорнѣ. Впрочемъ вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ. Все что̀ о Франціи говорятъ давно должно быть вамъ извѣстно. Прекрасная погода наконецъ началась у насъ. Елліотъ ѣдетъ на загородный домъ въ Портичи, гдѣ мы будемъ отмѣнно веселиться. Дни на два буду туда забираться. По утру будемъ ѣздить верхомъ, потомъ купаться, тамъ плотно ѣсть, une à-la-guerre après dîné, тамъ опять гулять; въ вечеру партія въ вистъ: веселѣе нельзя провести дня. Поѣду въ Субботу, останусь Воскресенье, а Понедѣльникъ рано опять въ Неаполь. Nous ferons ces courses avec dames. Кабы ты видѣлъ, какія дѣти прекрасныя у Елліота, таки настоящіе Англоманы. Одинъ похожъ на нашего Императора.

*

Неаполь, 22 Мая 1804.

У насъ здѣсь большія тучи начинаютъ накопляться. Актонъ въ послѣдней конференціи, которую имѣлъ съ Фран. посломъ, такъ разгорячился, что, вставъ со стула, показалъ ему *гдѣ Богъ и гдѣ двери*. Алькье взбѣшенъ отъ этого и ждетъ изъ Парижа отвѣта на жалобы свои; подробности ссоры тебѣ я описалъ ужъ. Сію минуту намъ говорятъ, что вышелъ королевскій dispacio (указъ), коимъ Актонъ, ради слабости здоровья и въ уваженіе столь часто повторенной имъ прось-

бы, отставленъ отъ всѣхъ дѣлъ совершенно и за примѣрную его, и долголѣтнюю службу пожалованы земли въ Сициліи, приносящія 30.000 дукатовъ годового дохода. Генералъ видно предвидѣлъ (и резонно), что Бонапарте потребуетъ его отдаленія, какъ то сдѣлалъ съ первымъ министромъ въ Португаліи, и для того почелъ за нужное его предупредить. Неаполитанскій военный 74 п. корабль готовъ и стоитъ на рейдѣ. Генералъ Актонъ на ономъ отправляется въ Палерму. Вотъ что весь городъ говоритъ: отдаленіе Актона сдѣлаетъ во всемъ величайшую перемѣну. Курьеръ, котораго ждутъ изъ Парижа, рѣшитъ нѣкоторымъ образомъ судьбу здѣшняго королевства. Посолъ ужъ теперь очень досадительныя употребляетъ выраженія: говоритъ, что имѣетъ отъ Бонапарта повелѣніе объявить королю войну, ежели онъ не согласится на нѣкоторыя требованія и особливо на отдаленіе Актона. Ежели курьеръ привезетъ печальныя извѣстія, король вѣроятно удалится въ Сицилію, оставя королеву здѣсь или наслѣднаго принца.

*

Неаполь, 7 Іюня 1804.

Вручитель сего письма есть m-r Borel, секретарь нашего здѣсь агента комерціи г. Манзо, по коего дѣламъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Сія хорошая оказія доставляетъ мнѣ случай вольно съ тобою говорить. Послѣ Актонова отдаленія здѣсь начинаетъ заводиться каша: Французы господствуютъ, и число ихъ въ сей столицѣ каждый день умножается. Королева всѣмъ теперь ворочаетъ, и нѣтъ сомнѣнія, что она главною причиною паденія Актона, коего сила и кредитъ у короля возбуждали ея ревность; она тѣмъ болѣе теперь командуетъ, что король ни во что входить не хочетъ и никогда въ столицѣ не бываетъ. Того и гляди, что уѣдетъ въ Сицилію, оставя всю фамилію здѣсь и министерство. Ежели мы поссоримся съ Бонапарте, то худо Неаполю. Онъ только и поддерживалъ себя нашимъ покровительствомъ и въ случаѣ разрыва сдѣлается первою жертвою Франціи. Кажется, къ тому дѣло начинаетъ клониться. Посолъ ихъ очень грубо здѣсь начинаетъ обходиться, требовалъ нѣкоторыя важныя крѣпости, яко Капую, Гаету etc., уменьшеніе войскъ здѣшнихъ; даже запрещаетъ, чтобы были ученія и маневры. Въ случаѣ несчастія, не знаю куда Карповъ удалится; я увѣренъ, что въ Корфу не поѣдетъ, а я всѣ силы употреблю рѣшить его ѣхать въ Вѣну; ежели же захочетъ жить въ Тріестѣ, я къ тебѣ пріѣду, но всего вѣроятнѣе, что поѣдетъ въ Петербургъ. Этого, пожалуй, не говори никому: мы отъ этого не такъ-то далеко, но вѣрно никто себѣ того не воображаетъ. Сицилія не уцѣлѣетъ также, и ежели Французы займутъ Неаполь, то Аглпчане не отстанутъ и тотчасъ за-

владѣютъ Сициліею, гдѣ ихъ жители любятъ отмѣнно и примутъ безъ малѣйшаго супротивленія. Каковъ тебѣ кажется новый императоръ? Мнѣ кажется я бы рѣшился скорѣе поцѣловать жену Русскаго мужика, чѣмъ сказать Б.: ваше величество. Что это за народъ эти Французы! Проливали кровь болѣе десяти лѣтъ, чтобъ основать вольность свою, а теперь будутъ оную лить за чужестранца, Богъ знаетъ откуда пришедшаго и заставившаго дать себѣ самодержавную власть, потерянную законнымъ королемъ на эшафотѣ. Это право непонятно. Французы унижаютъ родъ человѣческій. Но г. Бонапарте поторопился слишкомъ; боюсь, что это ему шею сломитъ: фанатики еще не истреблены во Франціи.

*

Неаполь, Іюня 8-го дня 1804.

Вручитель сего письма, Полякъ Лозинской, нашъ подданный, взятый Французами въ плѣнъ въ Италіи и бѣжавшій отъ нихъ теперь. Мы хотѣли его отправить въ Корфу; но, къ его несчастію, былъ онъ Богъ знаетъ за что изувѣченъ однимъ Неаполитанскимъ солдатомъ на всю свою жизнь. Ты знаешь, что Неаполитанцы очень храбры противъ тѣхъ, которые безъ всякой обороны. Борель изъ человѣколюбія взялъ его съ собою, дабы доставить въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ его отецъ и вся родня. Ежели онъ Бореля оставитъ въ Вѣнѣ, то постарайся доставить ему способъ попасть какъ-нибудь въ свою отчизну. Жаль сего бѣднаго, несчастнаго. Разсуди, что мы по сю пору не можемъ добиться наказанія виновнаго. Л. самъ разскажетъ тебѣ подробно все свое приключеніе несчастное.

*

Неаполь, 9 Іюня 1804 года. 4 часа утра.

Королева вчера прислала просить Карпова отправить, не теряя времени, курьера въ Петербургъ, а какъ у насъ большая часть экспедиціи была готова, то и согласились на просьбу ея. Я одиннадцать часовъ не выходилъ изъ канцеляріи, всю эту ночь прописалъ: хотя усталъ какъ собака, не хочу, чтобы Артемьевъ явился къ тебѣ съ пустыми руками; онъ у насъ стоялъ во все время, что̀ былъ въ Неаполѣ, и разскажетъ тебѣ, что мы дѣлаемъ, какъ веселимся и какъ скучаемъ. Не знаю что̀ приспичило такъ королевѣ: то и дѣло отправляетъ теперь курьеровъ. По случаю безпрестанныхъ грабежей курьеровъ Французами, кои отнимаютъ у нихъ депеши, послали мы фельдъ-егеря моремъ до Тріеста. Фр. посолъ объявилъ Бонапартово императорство и ждетъ новыхъ кредитивовъ. Здѣшній дворъ признаётъ сей новый титулъ и на сихъ дняхъ отправитъ курьера въ Парижъ съ новыми кредитивными письмами и инструкціями къ своему послу. Что̀ скажетъ

вашъ императоръ? Господство Французовъ начинаетъ здѣсь нѣсколько чувствоваться, и надобно думать, что скоро потребуютъ, чтобы Неапольскіе порты были Англичанамъ заперты. Имъ уже дѣлаютъ маленькіе шиканы. Казначею ихъ, платившему здѣсь пенсіи различнымъ эмигрантамъ и пр., внушено выѣхать изъ Неаполя, и онъ удалился. Находящемуся здѣсь Аглинскому военному кораблю не хотѣли было давать нужныхъ для пропитанія провизій и тому подобное. На ссору Французскаго здѣсь посла съ Актономъ первый консулъ сказалъ: De quoi s'avise-t-elle cette petite puissance de rien? Mais ce n'est pas le temps à présent d'en parler, и подлинно знаютъ, что онъ никогда не велѣлъ требовать удаленія Актона и что всѣ угрозы объявить войну и пр. Французскаго посломъ выдуманы, для лучшаго успѣха въ намѣреніи его опрокинуть Актона, что̀ и удалось. Ежели неосновательные слухи о возстановленіи сего министра не оправдаются, то можно полагать, что король поѣдетъ въ Сицилію.

*

Неаполь, 14 (26) Іюня 1804

Карповъ все боленъ и очень еще слабъ, смѣсь всякихъ болѣзней, между прочимъ и Гришина; по чуръ молчать! Онъ даже не можетъ подписываться, такъ рука трясется, и теперь я пишу отъ себя къ Чарторижскому и веду именемъ Карпова всѣ прочія переписки. Оно такъ, ничего. Прошу ко мнѣ относиться съ почтеніемъ, забыть, что я вашъ братецъ и помнить, что я полномочный и чрезвычайный канцелярскій служитель.

*

Неаполь, 3 Іюля 1804 г.

Король намедни аплодировалъ Beaulieu и симъ переклонилъ на его сторону малую часть упрямцевъ, коимъ онъ не нравился. Онъ танцовалъ pas de deux съ Тарабатони и дѣлалъ Зефира безподобно. Между тѣмъ здѣсь не все безподобно. На той недѣлѣ мальчикъ 18 лѣтъ зарѣзалъ родного брата и отца. Я хотѣлъ идти смотрѣть, какъ будутъ его вѣшать, но ужаснулся одною мыслію видѣть такого изверга. Другой съ нимъ повѣшенный зарѣзалъ въ самой тюрьмѣ двухъ человѣкъ. Каковъ нашъ Неаполь? Невѣроятно, до какой степени дошли здѣсь пороки и развращеніе. Въ Римѣ папа принужденъ былъ въ св. Петрѣ велѣть ставить во всѣхъ углахъ часовыхъ: ибо въ Страстную недѣлю, когда церковь иллюминована однимъ только огненнымъ крестомъ, поставленнымъ въ серединѣ, по угламъ Римлянки съ своими кавалерами-servente дѣлали спокойно свои дѣла.

*

Неаполь, 7 (19) Іюля 1804.

Знаешь, въ которомъ часу я легъ спать? Въ четыре часа утра. Вчера былъ балъ на Аглинскомъ кораблѣ и, можетъ быть, теперь еще

продолжается. Я поѣхалъ оттуда въ половинѣ четвертаго, когда всѣ садились ужинать. Tous les derniers castors de Naples y étaient, и любо было смотрѣть, какъ Аглинскіе мичманы ихъ дергали и на свой манеръ настроивали. Корабль такъ былъ славно убранъ, что походилъ совершенно на галлерею лучшаго дворца, тѣмъ болѣе, что не было качки. Завтра капитанъ звалъ къ себѣ множество обѣдать, и мы на его 80-пуш. кораблѣ поѣдемъ кататься вокругъ Капри и ежели попадется Французъ, то и сраженіе дадимъ. Капитанъ покажетъ намъ всѣ маневры и пр. Онъ очень любезенъ и по просту безъ затѣй.

*

Неаполь, 12 (24) Іюля 1804.

Правду ты говоришь, что Неаполь мерзкая земля, и лучше кабы отъ нея отвязаться какъ нибудь. Нѣтъ сомнѣнія, что ежели случится ѣхать курьеромъ, непремѣнно поѣду моремъ до Тріеста и сяду на корабль въ Манфредоніи; но неуповательно, чтобъ меня послали. Я такъ привыкъ теперь къ главноначальству, что не знаю, какъ послѣ исправлять подъяческую должность. Съ тобою могу я говорить откровенно. Я увѣренъ, что моими донесеніями будутъ довольны; теперешнія обстоятельства дѣлаютъ ихъ интересными и полезными для насъ. Мнѣ не зачѣмъ спѣшить; принимаюсь день заранѣе и хорошенько всякую фразу обдумываю, прежде чѣмъ ее написать. Сегодня пошлю донесеніе въ цифрахъ. Карповъ все еще въ постели и, покуда не можно ему будетъ сидѣть за столомъ, сказалъ, что все оставитъ на моихъ рукахъ: это продолжится, я думаю, недѣли двѣ-три. Любезнаго Тургенева жду съ нетерпѣніемъ, но безъ слезъ нельзя мнѣ будетъ его обнять: какую мы потерю сдѣлали въ безцѣнномъ нашемъ Андреѣ! Помнишь, какъ мы бывало въ Вѣнѣ проводили вмѣстѣ вечера, какъ онъ иной разъ сердился, тогда какъ сердце его кромѣ добра никому ничего не желало; жаль мнѣ очень бѣднаго Андрея. Я такъ теперь стѣсненъ, что не могу взять къ себѣ Александра, но ежели найду новую квартиру, какую мнѣ хочется, то непремѣнно къ себѣ его втащу. Кланяйся ему много отъ меня. Помнишь, какъ Андрей дьякономъ пѣвалъ*)? Всѣ сіи воспоминанія очень грустны. Мой поклонъ al bambino, al piccolino, такъ называли Мекленбургскаго принчика въ Римѣ. Каковъ тебѣ кажется другой Стрѣлицкій? Всякое сухое дерево здѣсь приводило его въ восхищеніе, всѣмъ восхищался; такой сладенькій! Мы всякій день вмѣстѣ бывали.

---

*) Братья Тургеневы съ дѣтства пріучены были къ церковной службѣ. Адріанъ Ѳедоровичъ Гомзяковъ, ихъ товарищъ по Университетскому Пансіону, вспоминалъ, бывало, какъ мать Тургеневыхъ Екатерина Семеновна, въ университетской церкви, дирала ихъ за уши при малѣйшей небрежности въ стояніи на молитвѣ.

Неаполь, 7 Августа 1804.

Посолъ Фр. подалъ свои новыя кредитивныя письма. На рѣчь, имъ говоренную, король отвѣчалъ по италіански, коротко и хорошо: assicurate l'Imperatore dei Francesi che i miei sentimenti per lui non si cambieranno mai. Королева, выслушавъ посла, сказала ему: M. l'amb ass., dites à l'Empereur, *votre maître* (напирая на это слово) que mes sentiments sont conformes à ceux de s. m. le roi. Здѣсь трауръ по герцогинѣ Пармской, и оный не былъ снятъ для сей торжественной церемоніи. Самозванецъ писалъ къ папѣ длинное письмо, приглашая его въ Парижъ для коронованія. Папа согласенъ на это подъ тремя кондиціями: 1) que la religion catholique sera la seule et dominante en France; 2) qu'il aura été avant reconnu par les premières puissances de l'Europe; 3) qu'il se soumettra au serment fait par les autres empereurs aux papes antécédents et nommément au serment de Charle-Magne, donc le pape lui envoye une copie. Всѣ боятся, ежели папа поѣдетъ въ Парижъ, что ему назадъ не воротиться: легко статься можетъ, что Б., изъ благодарности за коронованіе, отыметъ у папы Римъ и дастъ ему Авиньонъ столицею; отъ него всего ждать можно.

*

Неаполь, 14 Августа 1804.

Я долго старался извинить моего доносчика, полагая, что онъ за меня принялъ Карпова или Рихтера (кои Русскіе; а здѣсь нашихъ именъ не знаютъ и называютъ насъ signori Moscoviti); но Рихтеръ давно уѣхалъ, а о Карповѣ кто не знаетъ, что онъ повѣренный въ дѣлахъ, да притомъ и не моихъ лѣтъ. Оба они шибко играли и много проиграли. Итакъ тутъ недоумѣнія нѣтъ, и меня точно назвать хотѣли: ибо другого нѣтъ Русскаго ни при миссіи, ни въ городѣ. Я того не скрываю, что играю, это правда. Какъ у Руфано всякій вечеръ conversazioni, гдѣ съѣзжаются молодыя дамы изъ лучшаго общества, бывая тамъ довольно часто, не всегда можешь обойтиться безъ игры: но разница играть какъ я и нѣкоторыя старухи, или другіе разоряющіе себя. Сверхъ того, Богъ мой свидѣтель, что въ банкъ я только два раза игралъ, разъ выигралъ 8 піастровъ, а другой 6 или около того проигралъ; изъ этого ты можешь судить, какую я сильную игру веду. Но положимъ, что, играя и по малой, я надѣлалъ пропасть долговъ: честь моя и боязнь, чтобъ не дошло это до батюшки или тебя, заставили бы меня употребить всѣ зависящія отъ меня средства для уплаты долга. 1) я бы распродалъ все, чтò имѣю ненеобходимаго, клавикорды, часы и пр. 2) я бы какою-нибудь хитрою выдумкою или подъ видомъ

другой надобности, выманилъ бы у батюшки деньги, 3) я бы прибѣгнулъ къ Карпову, коего дружба ко мнѣ безконечна; любя самъ игру и имѣя пречувствительное сердце, онъ бы легко вошелъ въ мое несчастное состояніе и избавилъ бы меня отъ поругательства и безчестія, ежели не какъ друга своего, то какъ Русскаго служащаго при его миссіи, 4) я бы не тратилъ такъ деньги на пустяки, не посылалъ бы въ Москву и другія мѣста гостинцы. Наконецъ, сошлись на мое къ тебѣ письмо подъ № 75 или 76, не помню, въ коемъ не только прошу тебя изъ присланныхъ батюшкою денегъ послать маменькѣ 60 рублей, и даже удержать для тебя остальные, ежели имѣешь въ томъ нужду, деньги не будучи мнѣ очень надобны въ эту минуту. Эти доказательства, кажется, основательны; да притомъ, какъ могу я скрыть отъ тебя, что̀ бы то ни было? Развѣ твоя душа мнѣ неизвѣстна? Не увѣренъ ли я, что отъ тебя, кромѣ утѣшенія, хорошаго совѣта и помощи я ничего ждать не могу? Въ человѣкѣ доброе сердце имѣющемъ всякій дурной поступокъ производитъ раскаяніе, а раскаяніе пріятно сообщать искреннему другу; кто же мой первый другъ, ежели не ты? Твое письмо меня тронуло до безконечности.

Бароци, ежели бы не былъ дуракъ, получилъ бы отъ меня пресоленое письмо, надъ которымъ бы попотѣлъ; но я тѣмъ довольствуюсь: прервать съ нимъ всякое сношеніе, яко съ человѣкомъ думающимъ, что дружба доказывается одними только ябедами. Но ежели узнаю имя того, который обо мнѣ Бароцію говорилъ, не спущу такъ вѣрно, и потребую у него сатисфакцію за оклеветаніе и за то, что хотѣлъ разсѣять раздоръ въ семьѣ, столь согласной, какъ наша. Я батюшкѣ буду о семъ писать.

*

Неаполь, 9 (21) Августа 1804.

Я сдѣлалъ большое дурачество; спѣшу увѣдомить тебя, покуда Бароци тебѣ не напишетъ, что Везувій меня проглотилъ. На той недѣлѣ былъ я съ Паленомъ на самомъ верху горы и спускался даже нѣсколько внизъ. Ахъ, Боже мой, какая картина! Ты себѣ вообразить не можешь. Совершенный адъ! Каменный дождь, шумъ престрашный, подземельная стрѣльба, живое представленіе ада; въ серединѣ большая дыра, въ немъ кипятъ камни, лава, земля и пр. Теперь на Везувіи пять отверстій, изъ двухъ выходитъ огонь и пр., а изъ прочихъ зола, коею всѣ окружности горы покрыты.

Мы шесть часовъ почти тащились на гору, были тамъ съ четверть часа; но, видя, что вѣтеръ перемѣняется и дымъ горючій идетъ на насъ, да притомъ почувствовавъ сильное подземельное потрясеніе, пустились

бѣжать назадъ и въ $3\frac{1}{2}$ минуты сдѣлали дорогу, которую вверхъ лазили $\frac{3}{4}$ часа. Антоніо только покрикивалъ: Signore andiamo, andiamo chi la cosa piu succedere. Нашему дурачеству многіе послѣдовали, но теперь опасность сдѣлалась велика, и мало ходятъ на Везувій. Я слышалъ, что одинъ Агличанинъ тамъ безъ вѣсти пропалъ, будучи немного съ похмелья.Я не могу тебѣ изобразить то, что̀ видѣлъ; но это вѣчно останется въ моей памяти. Полагаютъ, что скоро потечетъ лава. Будучи на Везувіи, я взялъ тамъ кусокъ раскаленнаго камня, выкинутаго изъ новаго кратера; чичеронъ съ щипцами принесъ его до кареты, и шесть часовъ послѣ камень былъ теплъ. Я сохраню это какъ памятникъ дурачества моей молодости.

*

Неаполь, 16 (28) Августа 1804.

Мы съ Дамасомъ ладимъ; были вмѣстѣ съ принцессою Патеріо на Везувіи, т. е. я въ другой разъ сдѣлалъ это дурачество. Д. взялъ съ собою плащи, сюртуки, фуфайки, дабы не простудиться на верху. Чудакъ! Но спасибо, что посадилъ меня съ нею, а самъ сѣлъ въ другую карету. En retournant, nous avons soupé chez l'Hermite, et j'ai mangé l'impossible; il y avait près de 50 personnes en tout, 5 ou 6 différentes sociétés. У меня bonne fortune: молодая Монтелеона, вышедшая недавно замужъ за Санмарко (графа), вздумала въ меня влюбиться, и мы въ театрѣ и гдѣ ни встрѣтимся,смотримъ другъ на друга какъ голубки.

*

Неаполь, 4 Августа 1804.

Я понимаю, что у васъ теперь должно быть недосугъ, ибо теперь вездѣ дѣла много. Мнѣ все кажется, что и посольша къ намъ не будетъ, ежели заварится на семъ свѣтѣ каша, а въ семъ случаѣ Италія непремѣнно сдѣлается котломъ или, лучше сказать, горшкомъ. На васъ великую всѣ полагали надежду и очень теперь скорбятъ, что вы признали Бонапарта. Впрочемъ новаго здѣсь ничего нѣтъ. Ожидаемъ съ неописаннымъ нетерпѣніемъ курьера изъ Парижа, съ извѣстіемъ, какой данъ Убри отвѣтъ на послѣднее предложеніе нашего Государя и пр. Я тебѣ уже описалъ проказы нашего Везувія. Съ 30 Августа (въ вечеру) начала течь лава; она дѣлаетъ милю въ день, ибо идетъ очень тихо; со всѣмъ тѣмъ надобно полагать, что завтра или послѣ завтра она загородитъ дорогу въ Портичи и, кажется, въ море. Я ѣздилъ ее смотрѣть, приближился такъ близко, что могъ ее тростью трогать. Кажется, что не лава течетъ, но цѣлая часть Везувія, съ самой вершины донизу. Она множество надѣлала зла, покрыла множество огородовъ и садовъ, кои отважились быть на дорогѣ.

*

Неаполь, 30 Августа (11 Сентября) 1804 г.

Я въ большой тоскѣ. Мою прекрасную *Costanza* мужъ - собака увозитъ въ Палерму. Ты не повѣришь, какъ она мила и какъ меня любитъ. Вчера въ ложѣ плакала все время. Я имѣлъ съ нею свиданіе; но какъ мужъ не отставалъ ни на пядь, я не могъ много съ нею говорить, но мы взаимно изъяснили нашу страсть многимъ другимъ, кромѣ словъ. Она немного похожа на княгиню Ел. Вас.*); не такъ хороша, какъ она, но милѣе. Мнѣ смертельно ея жаль, и я съ досады брошу всѣхъ женщинъ на время, ежели не навсегда. Я сижу въ партерѣ; какъ кончился *le pas de deux,* захлопалъ кто-то тихонько около меня, оглянулся, гляжу: это моя крошка, и улыбаясь смотритъ на меня. Вотъ эдакіе вздоры дѣлаютъ меня счастливымъ на долго. Самое сладкое чувствованіе есть любовь взаимная между двумя особами, какого бы полу или званія они ни были. Правду говоритъ, не помню кто: l'amour est pour les bons ce que la haine est pour les méchants. Прости, иду спать, мочи нѣтъ хочется; ужъ часъ по полуночи. Я обѣдалъ на Аглинскомъ кораблѣ и отъ множества здравій почти пьянъ. Пили за king Georg, нашего Императора, за отъѣздъ Убри изъ Парижа и пр. и пр., а ты знаешь, что я не хватъ на питье: болитъ немного голова.

Спасибо, что послалъ исправно пакетъ мой къ Чарторижскому, но еще болѣе благодарю за все то, что̀ ты мнѣ говоришь о поѣздкѣ твоей въ Москву. Это меня несказанно радуетъ: мнѣ кажется, будто я самъ ѣду туда, когда ты ѣдешь. Обойми за меня нашего неоцѣненнаго татулю.

*

Неаполь. 4 (16) Октября 1804 г.

Папа какъ ни отбояривался, но теперь рѣшился къ отъѣзду и 3-го Ноября отправляется во Францію для коронованія самозванца, который прислалъ къ нему своего адъютанта Cafarelli, дабы понудить его святѣйшество скорѣе рѣшиться на сей опасный прыжокъ. Бонапарте объявилъ также въ Римѣ, что, не смотря на желаніе его, ему никакъ нельзя не занять Анконы и Чивитавекіи, по причинѣ Русскихъ, которые въ Корфу. Папа беретъ съ собою кардиналовъ Antonelli, Borgio, Caselli и Depietro, четырехъ прелатовъ, дюка Браски, принца Алтіери и маркиза Сакетти. Онъ публикуетъ, что отсутствіе его продолжится только три мѣсяца; но увидимъ, какъ вырвется изъ рукъ Бонапарта и не оставитъ ли перья въ западнѣ, ежели не болѣе.

*

---

*) Княгиню Голицыну, двоюродную сестру братьевъ Булгаковыхъ.

Неаполь, 18 (30) Октября 1804 г.

Отъѣздъ Панина въ Россію не значитъ ли что-нибудь? Я сего очень желаю: мы съ нимъ были ладно.

Виртемберскій вдругъ поднялся и завтра, ежели не сегодня, ѣдетъ въ Римъ, съ обѣщаніемъ быть назадъ, чему не вѣрю; онъ все у посольши. Въ дворцѣ была толпа въ этотъ день; сначала было скучно, но потомъ начали къ намъ выходить дамы, и моя княгинюшка меня навѣщала всякіе полчаса. Мы очень ладно и не скрываемъ это ни отъ кого. А болѣе люблю Хованскихъ за то, что батюшку такъ утѣшаютъ; насъ котораго-то сосватали за старшую княжну. Скавронская спрашивала меня, правда ли это? Откуда взялось это? А право бы счастіе быть въ подобной семьѣ.

Слышно, что папа опять не хочетъ ѣхать въ Парижъ. Онъ ко всѣмъ кардиналамъ писалъ своеручно, говоря, что критическія обстоятельства понуждаютъ его слѣдовать волѣ Бонапарта, но что ежели не возвратится черезъ три мѣсяца, это знакомъ будетъ, что его насильно удерживаютъ; въ такомъ случаѣ слагаетъ съ себя папское достоинство и предписываетъ кардиналамъ немедленно собраться и избрать новаго папу. Всѣмъ же бумагамъ, которыя имъ будутъ подносимы послѣ трехъ мѣсяцевъ за скрѣпкою его Пія VII, не вѣрить, яко поддѣльнымъ. По сю пору всѣ въ ожиданіи, поѣдетъ ли или нѣтъ?

*

Неаполь, Ноября 6-го 1804.

Знаешь кто у насъ? Коцебу. Былъ у меня, я у него. Я не нахожу его разговоръ острымъ, ни весьма пріятнымъ; въ своихъ сочиненіяхъ онъ совсѣмъ другой. Только-что пріѣхавъ, пошелъ въ театръ; представляли его піесу, какъ будто нарочно, der Opfer, что-то такое; но піеса была худо принята. Говоривъ съ нимъ о его сочиненіяхъ, я не пустился съ нимъ по-нѣмецки, а по-французски, говоритъ онъ изрядно. Жена его здѣсь и брюхата; увидимъ, произведетъ ли ein Kind der Liebe.

Поздравь насъ съ Долгорукою, нашею Петербургскою сосѣдкою, которая стоитъ вашихъ Тюфякиныхъ и пр. Она очень любезна и хороша еще. 4-го былъ С. Карло иллюминованъ, но она ослѣпляла болѣе свѣчъ: всѣ глаза были на нее обращены. Ея домъ будетъ очень пріятенъ и терасируетъ общество Скавронской. Zichy также сюда пріѣхала; будутъ сюда скоро Головкина, Демидовы и пр., и все это на долгое житье. Лафа!

*

Неаполь, 14 (26) Ноября 1804.

Здѣшній дворъ очень притѣсняемъ Б., который требуетъ, чтобы оный объявилъ войну Англіи. Для короля уже очищено мѣсто на Аглинскомъ военномъ кораблѣ, который перевезетъ его въ Сицилію. Королева хочетъ крѣпиться, сколько можетъ, но врядъ ли устоитъ. Посолъ Фр. съ нѣкотораго времени весьма грубъ, надменно здѣсь поговариваетъ, и слова его подпираемы Французскою арміею, которая поставила себя на такую ногу, что въ 8 часовъ можетъ быть готова, чтобы идти на Неаполь. Не только нашъ одинъ, но всѣ Дамасы свѣта, не въ состояніи сему помѣшать; ибо армія Неаполитанская не существуетъ, и за этимъ слишкомъ поздно здѣсь хватились. Наша участь будетъ слѣдовательно Сицилія, а можетъ быть и совсѣмъ насъ отзовутъ.

*

Неаполь, 31 Декабря 1804 г.

Третьяго дня въ 6 часовъ поутру скончалась наша графиня Скавронская, слѣдствіемъ стеченія разныхъ болѣзней, а главная ракъ на груди, который она таила долго даже отъ своего доктора; безъ этого, можетъ быть, могли бы ее еще спасти. Она не хотѣла дѣлать ни завѣщанія, ни духовной; люди ея должны идти почти по міру. Такъ не хотѣла умирать, что сказала доктору Томсону, нѣсколько часовъ до кончины: ne me dites jamais, si je serai peut-être sans espérance. Послѣ смерти думала воскреснуть, потому что велѣла именно три дня себя не хоронить. Грустно видѣть, что она умерла, не открывъ передъ Богомъ сердца своего, не перекрестясь даже. Она церкви лѣтъ десять не видала. Всякую всячину говорятъ на ея счетъ, но что̀ намъ разбирать чужіе грѣхи: и своихъ довольно. Эта смерть оплакиваема многими бѣдняками, коимъ домъ ея служилъ ежедневнымъ пристанищемъ; намъ даетъ она лишнія хлопоты и переписки. У насъ пропасть теперь Русскихъ; однихъ офицеровъ съ нашего корабля, изъ Корфу пришедшаго, человѣкъ 12; между ними знаешь кто? Никогда не отгадаешь. Францъ Ивановичъ Кличка. Ты его помнишь? Il est devenu joli, служитъ не помню въ которомъ полку въ Корфу и выпросился сюда съ кораблемъ въ отпускъ.

*

Неаполь, 8-го Генваря 1805 г.

Третьяго дня послѣ обѣдни, были мы всѣ Русскіе на нашемъ кораблѣ. Капитанъ далъ намъ хорошій завтракъ, водилъ насъ вездѣ; слушали славныхъ пѣсельниковъ, видѣли плясуновъ, какъ матросы обѣдаютъ. Все это перенесло какъ будто насъ въ Россію, и мы всѣ были тронуты; даже духъ щей радовалъ насъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. Д. БОГАТИНОВА *).

То было время Венгерскаго похода. Войска переходили черезъ Кіевъ, доставляя намъ, дѣтямъ, много случаевъ видѣть разные роды вооруженія: драгунъ, уланъ, казаковъ. Стоялъ и у насъ на кухнѣ постоемъ нѣкоторое время одинъ молодой солдатъ, такой симпатичный, скромный, приличный, кажется, изъ мѣщанъ какого-то города внутренней Россіи. Помню, онъ затруднялся изучить сигналы рожка. Чтобы ему помочь, я по его голосу пытался какъ-нибудь изобразить въ линіяхъ переходы мотива и даже самъ въ то время, порядочно учась съ нимъ, затвердилъ эти мотивы и команду къ нимъ въ словахъ. Видъ этого молодого новобранца возбуждалъ во мнѣ глубокое соболѣзнованіе; я представлялъ себѣ его родную семью, отца, мать, представлялъ его самого въ походы зимою, въ ненастье... и чѣмъ могъ, я старался утѣшать его, проводя съ нимъ время въ разговорахъ.

То было также время самое тревожное въ Кіевѣ: не успѣла пройти холера, начались страшные пожары. Были изданы строгія предписанія домохозяевамъ имѣть на крышахъ бочки съ водою, держать ночныхъ сторожей, при чемъ дозволялось нѣсколькимъ домамъ по одной линіи имѣть одного общаго сторожа. Разсказывали, какъ полицеймейстеръ и даже самъ Бибиковъ объѣзжаютъ ночью и повѣряютъ сторожей. Съ тревогою мы ложились спать, всегда ожидая несчастія.

Были и случаи къ наблюденіямъ надъ жизнію. Такъ, помню, въ числѣ Татаръ, останавливавшихся у насъ на контракты, былъ одинъ прикащикъ, очень солидный, скромный пожилой человѣкъ, съ которымъ я любилъ поговорить въ свободную минуту. Разъ онъ говоритъ: «Вотъ теперь я варю самъ кушанье, а дома было бы кому сварить. Мои три жены!» И я самъ про себя удивился: такой тихій, спокойный и къ тому еще небогатый человѣкъ-прикащикъ, а имѣетъ трехъ женъ. Охота же ему возиться съ такою обузою! Вѣдь законъ ихъ не пове-

---

*) См. первую книгу „Русскаго Архива“ сего года, выпуски 1—4.

лѣваетъ многоженство, а только допускаетъ, и есть мусульмане имѣющіе только по одной женѣ. А вотъ у насъ, такъ иной мурза бросаетъ и одну свою жену. И примѣръ былъ готовъ. Около того же времени стояла у насъ старуха полковница Анцыферова, съ дочерью замужнею, беременною женою помѣщика Могилевской губ., Корвино-Красинскаго; женившись, онъ скоро бросилъ свою молодую жену, и вотъ она съ матерью, пріѣхавъ въ Кіевъ на пору рожденія, чтобы имѣть необходимую помощь, остановились у насъ и сблизилась съ матушкою. Молодая женщина, въ ожиданіи родовъ, живя еще у насъ, говѣла, пріобщалась Святыхъ Таинъ, а родила уже на другой постоянной квартирѣ, и матушка была крестною матерью. Тяжелыя мысли приходили въ голову при видѣ этой молодой женщины, покинутой мужемъ, бывшимъ студентомъ Университета. Вотъ и образованіе, и христіанство! думалось тогда; а простой Татаринъ и о трехъ женахъ говоритъ съ тоскою..... Старуха, мать этой молодой женщины, была ужасно скупая. Это было для меня почти новымъ жизненнымъ наблюденіемъ: благодареніе Богу, я не видѣлъ въ своей семьѣ и тѣни скупости. Матушка моя была воплощеніе доброты, гостепріимства, щедрости; себѣ отказывала, терпѣла нужду про себя, а сторонніе люди этого не знали, находя у насъ всегда радушный пріемъ и угощеніе. И для моихъ гостей, что̀ тамъ ни было въ семьѣ, были всегда готовы и вечерній чай, и плоды, и варенье, и закусочка какая-нибудь изъ домашнихъ кушаній: а разъ, помню, вовсе нечего было подать закусить, матушка послала въ кондитерскую купить пирожнаго, и сдѣлала это (мнѣ хорошо было извѣстно) изъ послѣднихъ денегъ, какія въ то время у насъ были. Старуха эта разсказывала со слезами о своей горькой судьбѣ: похоронивъ мужа, всѣхъ сыновей своихъ, а въ концѣ (это было уже года черезъ два) и эту свою дочь, она осталась на старости лѣтъ одна-одинешенька, безъ пріюта, безъ участія. Горючими слезами заливалась не разъ бѣдная старуха, оплакивая свою горькую участь, когда приходила къ намъ отвести душу. Мнѣ беззаботному мальчику уже воочію представилось горе людское, болѣе и болѣе раскрывая предо мною сущность и лицевую сторону мірскихъ радостей, и смутное стремленіе къ міру духовному, какимъ оно было въ пору дѣтства, теперь все болѣе и болѣе становилось сознательнымъ, уже не только при руководствѣ Аполлона Ивановича и осмысленнаго чтенія, но и на основаніи собственнаго наблюденія надъ жизнію, къ чему я и теперь въ домѣ Чувикиныхъ имѣлъ немало случаевъ, и еще болѣе, когда отецъ мой снялъ квартиру въ домѣ Супруновича и сталъ держать что-то въ родѣ постоялаго двора. Да и въ собственной семьѣ горе намъ, дѣтямъ, было вѣдомо уже и въ эту пору жизни у Чувики-

ныхъ. Мы съ испугомъ не разъ видѣли матушку въ припадкахъ истерики, заливающуюся страшнымъ, душу раздирающимъ смѣхомъ послѣ семейной сцены... Чѣмъ больше мы подростали, тѣмъ больше проникали въ тяжкое горе матушки и уже хорошо понимали, почему она такъ горячо молится, вся изливаясь въ слезахъ предъ иконою Божьей Матери, и сами научались въ молитвѣ искать утѣшенія горю.

Къ концу жительства нашего у Чувикиныхъ отецъ уже никуда не отлучался изъ дому; значитъ, какія и были у него занятія, по торговлѣ ли, по комиссіи ли, не знаю и не помню, все прекратилось, и мы остались только при тѣхъ средствахъ, какія могли получать отъ найма нашихъ комнатъ пріѣзжими. Но для родителей было очевидно, что этихъ средствъ было недостаточно; ибо, собственно говоря, только контракты давали вѣрныхъ наемщиковъ; остальное же время года наемъ былъ прямо дѣло случая и, какъ я замѣтилъ, комнаты большую часть года были въ полномъ распоряженіи семьи за неимѣніемъ постояльцевъ-пріѣзжихъ. Къ тому же хозяйка повысила цѣну. Между тѣмъ представился случай нанять домъ на той же самой улицѣ, съ нѣсколько бо̀льшимъ помѣщеніемъ и довольно помѣстительнымъ дворомъ, что̀ давало возможность не только отдавать комнаты въ наемъ пріѣзжающимъ, но и на дворъ пускать обозы извощиковъ; словомъ, содержать постоялый дворъ. Это домъ чиновника Супруновича. Долго, долго думали-раздумывали родители, нанимать, или нѣтъ? Главное затрудненіе: чѣмъ уплачивать хозяину, и впередъ? Средствъ къ тому никакихъ, денегъ ни рубля въ запасѣ. Если и можно уплачивать, то развѣ изъ доходовъ же съ самого дому... а ну если такой доходъ будетъ, какъ и у Чувикиныхъ, и комнаты, и дворъ будутъ пустовать... что̀ тогда? Но у Чувикиныхъ нельзя было оставаться: уже совсѣмъ нечѣмъ жить! Наконецъ, родители рѣшились нанять домъ Супруновича, и въ Сентябрѣ 1849 г. мы перешли туда и прожили въ немъ четыре года до Сентября 1853 г., единственно изъ доходовъ отъ дому же. Тяжелое время въ жизни нашей семьи! Какъ и у Чувикиныхъ, не всегда бывали постояльцы, и часто всѣ комнаты пустовали; но все же съ горемъ, съ бѣдою пополамъ, родители уплачивали хозяину за наемъ дома, впрочемъ, рѣдко согласно условію впередъ, а по частямъ, конечно, не безъ серьезныхъ непріятностей со стороны неудовлетвореннаго во̀-время хозяина; содержали и насъ, вносили плату и за мое ученіе, за которое, о счастье! въ то время плата была не болѣе 9 р. въ годъ; но какъ трудно было и эти $4^1/_2$ рубл. уплатить въ полугодіе, и въ свое время. Освобожденій же отъ платы не было никакихъ,

кромѣ свидѣтельства о совершенной бѣдности, чего родители и не могли представить, такъ какъ все же имѣли средство къ жизни: постоялый дворъ, значить, имѣли доходъ, не были бѣдны. Да, такъ, имѣли средства; но за то сколько горя пришлось мнѣ испытать иногда за недостаткомъ хорошей обуви! Ходить далеко, на Крещатикъ, грязь, вода ручьями бѣжитъ по краямъ улицъ, холодъ, морозъ; а у меня (о, бывало это!) сапоги порваны, пальцы выглядываютъ, и въ такихъ сапогахъ я перехожу цѣлые потоки осенью или весною, иду въ грязи. Не лучше была и верхняя одежда, шинель и прочее *). Сестра тоже часто нуждалась въ самомъ необходимомъ. Нужна была шляпка, ея не было; и только, помню разъ, получивъ отъ постояльца Армянина наканунѣ Крещенія небольшую сумму денегъ, не болѣе 5—6 рублей, большую часть ея употребили на уплату за заказанную шляпку для сестры; тоже и съ прочимъ. Сестра пробовала что-нибудь заработать сама для себя. Кто-то заказалъ ей вышить подушку для дивана стеклярусомъ; она и взялась и, вышивъ, спѣшно къ сроку работая, иногда и при свѣчахъ (отчасти и я, кажется, помогалъ ей), получила, кажется, рублей 7 или 8, но потеряла глаза: такъ ослабѣло зрѣніе отъ этой работы, что во всю жизнь до самой смерти она не могла ничего ни читать, ни работать мелкаго при огнѣ. Она тѣмъ уже облегчала общую тяготу, что, что̀ нужно, все вышивала и шила сама изъ бѣлья и платья, какъ и матушка тоже. Она же помогала дѣятельно матушкѣ въ хозяйствѣ, по кухнѣ, особенно въ горячую пору съѣзда извощиковъ, во время контрактовъ, когда на дворѣ стояло до 40 повозокъ и когда вся эта порядочная артель человѣкъ въ 12—15 имѣла у насъ и столъ извощичій, солонина, щи, капуста, каша, жареный гусь, утка, поросенокъ... когда матушка и она съ кухаркою и ходили на базаръ, и сами все должны были приготовить къ обѣду и ужину этой голодной ватагѣ, которая во весь ротъ уплетала, опуская поясъ, вкусныя блюда и непремѣнно требуя, чтобы былъ и жареный гусь, или поросенокъ: нужно же и полакомиться! И приходилось угождая подавать къ жаркому и булки, которыхъ, бывало, полную корзину несетъ съ матушкою съ базару кухарка. Нужно было ублажать этихъ обжоръ: иначе на будущій годъ не заѣдутъ да и другимъ закажутъ миновать. А плата-то самая ничтожная; не помню хорошо, но, кажется, не болѣе 30 коп. за обѣдъ и ужинъ, за все это ублаготвореніе съ гусемъ, поросенкомъ и прочимъ безъ

*) Разъ, во время пасхальнаго богослуженія, я, избѣгая тѣсноты, пробрался въ боковой алтарь, гдѣ жертвенникъ, и здѣсь слушалъ утреню, иногда по надобности переходя съ одного мѣста на другое. И вотъ одинъ профессоръ Академіи, здѣсь же стоявшій, обращаясь къ другому, говоритъ: чего еще этотъ мѣщанишка тутъ? Онъ меня никакъ не могъ знать; но, должно быть, пришелъ къ заключенію о принадлежности моей къ мѣщанству по моему старенькому платью.

мѣры и порцій. Еле-еле покрывались расходы, а трудъ, а возня, а хлопотъ полонъ ротъ. Да, и сестрѣ приходилось немало хлопотать въ этомъ тяжеломъ трудѣ ради куска хлѣба. И въ другое время года приходилось ей работать въ подмогу матушкѣ. Помню, не разъ она мывала полы сама въ двухъ комнатахъ, занимаемыхъ собственно нашею семьею. Мнѣ тоже приходилось въ горячую пору наплыва извощиковъ оставлять книгу и ученіе и выходить въ трескучій морозъ съ фонаремъ вѣшать сѣно и отпускать овесъ запоздавшимъ пріѣздомъ извощикамъ, которые большею частью только къ позднему вечеру и могли освободиться, сдавъ привезенную кладь, а потомъ сводить счета и помогать отцу въ расчетѣ. Помню, разъ украли лошадь вечеромъ (а быть можетъ, отецъ такъ думалъ, и сами свели намѣренно, чтобы даромъ простоять, покушать гуся и поросенка, покормить лошадокъ), и что̀ жъ? При расчетѣ, что̀ приходилось съ извощиковъ, то все (или большая часть, не помню) и пошло въ вознагражденіе за украденную лошадь. Бывало, выпроводишь одну артель, одинъ обозъ, и какъ ни трудно бывало ухаживать за ними, считаешь за особенное счастіе, если удастся зазвать къ себѣ новые обозы и еще, и еще. И въ концѣ концовъ кончаются контракты, и навозу на дворѣ столько скопляется, что дорогонько приводилось очистить отъ него дворъ (не имѣли уже въ то время своей лошади) наемными подводами. Конечно, меньше хлопотъ бывало съ наймомъ комнатъ пріѣзжающимъ; но и тутъ сколько бывало заботы, чтобы всѣ оставались довольны и въ другой разъ заѣхали, и дѣйствительно, было нѣсколько пріѣзжающихъ, которые постоянно у насъ только и останавливались, и когда бывало пріѣзжали такъ, что бывали всѣ комнаты заняты, то занимали одну изъ нашихъ комнатъ, двери которой въ то время не притворялись на ночь, хотя мы ничего изъ своихъ вещей не выносили, и я тоже ни своихъ книгъ, ни прочаго, обыкновенно находившагося въ этой комнатѣ. А плата была невелика: 30, 50, наибольшее 75 к. напр. за самую большую комнату съ самоваромъ утромъ и вечеромъ, со всевозможною услугою и предупредительностью. Конечно, большею частью у насъ же пріѣзжающіе и столовались, и опять матушкѣ съ сестрою предстояли хлопоты по столу, тоже за самую умѣренную цѣну. Случались иногда постояльцы, которые по мѣсяцу проживали иногда по дѣламъ торговымъ или заранѣе до начала контрактоваго времени пріѣзжали, чтобы устроиться съ торговлею, и долго оставались послѣ контрактовъ тоже для торговыхъ расчетовъ. Эти желанные случаи и покрывали собою недоборъ за цѣлыя недѣли и мѣсяцы, когда комнаты пустовали, особенно въ лѣтнее время. Но, къ несчастію нашему, случались постояльцы и безплатные. Такъ разъ полицейскій чиновникъ нанялъ комнату для одного господина, со сто-

ломъ, чаемъ, со всѣмъ полнымъ содержаніемъ. Простоялъ этотъ господинъ около мѣсяца, и отецъ не получилъ ни копѣйки отъ него; еще пришлось хлопотать, чтобы полиція, его помѣстившая, самаже и свела его, и это далось не такъ-то легко. Оказалось, что это какой-то агентъ тайной полиціи. При наймѣ было объявлено отцу, что онъ чтò будетъ слѣдовать получить отъ этого господина, а когда пришлось выживать его, то оказалось, что неизвѣстно, кто платить за него долженъ. Затѣялось дѣло, жалобы, кажется, генералъ-губернатору, оттягиванья безконечныя, чуть-ли не три-четыре года. Должникомъ отцу оказался по окончаніи дѣла полиціймейстеръ *Плѣхановъ*, который, всего вѣроятнѣе, и получилъ въ свое время всю слѣдующую за содержаніе агента сумму и предпочелъ лучше положить ее въ свой карманъ, чѣмъ удовлетворить бѣднаго содержателя постоялаго двора, мѣсяцъ ни за что, ни про что изъ своихъ скудныхъ средствъ содержавшаго навязаннаго ему полиціею постояльца. О правда людская! Каково было все это переживать молодой душѣ, только-что начинавшей жить и желавшей видѣть и искавшей видѣть только доброе и справедливое въ людяхъ и вокругъ себя? Уже по смерти отца, матушка, послѣ ряда безчисленныхъ жалобъ, получила, кажется, всего 10 рублей (а можетъ быть, и меньше) отъ отставленнаго отъ службы Плѣханова, жившаго въ то время въ своемъ домѣ на Б. Васильковской улицѣ... Другой случай былъ еще печальнѣе. Остановился какой-то отставной военный изъ Черниговской губ. тоже на полномъ содержаніи: и столъ, и чай и пр. Живетъ, живетъ не платитъ. Просятъ его уплатить; проситъ подождать «вотъ еще нѣсколько дней»: ожидаетъ отъ матери высылки денегъ... Проходитъ еще недѣля, денегъ нѣтъ, а онъ живетъ и получаетъ полное содержаніе. Опять требованіе денегъ, и опять мольба «еще нѣсколько дней» подождать. Проходитъ уже и мѣсяцъ, задолжался офицеръ порядочную сумму денегъ и за квартиру, и за содержаніе. Что же дѣлать, спрашиваютъ его? Чтò хотите. Выпроводить его? У него нѣтъ ни копѣйки денегъ, даже зимней одежды, а была уже зима, Ноябрь мѣсяцъ. Да и деньги безвозвратно пропали бы. Рѣшили: отецъ поѣдетъ съ нимъ въ Черниговъ, отвезетъ его къ матери; конечно, всѣ расходы по дорогѣ на его счетъ, какъ и обратный путь отца. И поѣхалъ отецъ. Довезъ его до Чернигова, переѣзжаютъ уже паромомъ Десну (тогда была распутица)... вдругъ на срединѣ рѣки офицеръ умираетъ внезапною смертію... Слѣдствіе, арестъ отца, въ перспективѣ уголовщина, во всякомъ случаѣ страшныя проволочки времени подъ арестомъ, въ чужомъ городѣ, безъ копѣйки денегъ. А мы все ждемъ отца, ждемъ и денегъ, ужъ и срокъ давно прошелъ, когда ему слѣдовало бы вернуться; ужъ и праздникъ Рождества Христова на дворѣ,

а отца все нѣтъ и нѣтъ. Наконецъ получаемъ отъ него печальную вѣсть съ описаніемъ всего случившагося и всего его еще впереди ожидающаго и съ просьбою прислать ему денегъ на выручку: тому-другому нужно дать, чтобы ускорить дѣло, да и жить нечѣмъ. А гдѣ взять денегъ, когда мы сами съ нетерпѣніемъ ждемъ, что онъ привезетъ ихъ... Страшное горе! Безысходное положеніе! Вотъ и иду я въ Лавру рано-ранешенько почти ночью, чтобы поспѣть къ ранней обѣднѣ въ домовой церкви въ келіяхъ схимника о. Парѳенія, которая начиналась въ 6 часовъ и, подошедши послѣ обѣдни подъ благословеніе, когда онъ возвращался въ свои внутреннія келіи, въ короткихъ словахъ отъ лица матушки излагаю ему наше несчастіе и затрудненіе добыть деньги. Выслушавъ, онъ пригласилъ меня въ келіи и вынесъ 25 р. бумажку. «Больше не могу!» О, милость Божія! Не дошелъ, а долетѣлъ я домой съ этимъ даромъ Божіимъ, и не было границъ нашего всесердечнаго благодаренія Отцу Небесному за спасеніе наше отъ грозившаго намъ страшнаго несчастія. Посылаемъ отцу деньги; онѣ-то и помогли ему поскорѣе убѣдить своихъ судей въ своей невинности. Отъ матери же столь злосчастно скончавшагося должника нашего отецъ не получилъ ни копѣйки. Она жила еще за Черниговымъ, и былъ ли отецъ самъ у нея, посылалъ ли ей письмо—не знаю; только ни копѣйкой мы не были вознаграждены за все, что̀ было издержано нами на покойнаго, и отецъ ни съ чѣмъ возвратился домой, едва-едва предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, и мы были безконечно рады и тому, что видѣли его среди себя. Въ такой-то трудной школѣ жизни и тяжкой нуждѣ протекало наше дѣтство, когда мы жили у Супруновича!

Съ возрастомъ опытъ жизненный увеличивался, и не было для меня недостатка за эти четыре года въ наблюденіяхъ надъ жизнію: столько разныхъ людей приходилось видѣть, въ разныхъ жизненныхъ положеніяхъ. Вотъ живутъ два брата-старообрядца, и одинъ изъ нихъ безпробудно пьянъ; другой мучится, глядя на него. Приходитъ вечеромъ поговорить, но рѣчь не клеится, пьяная рѣчь, пьяныя движенія. «Спать пора! Спать, спать, спать!..» и, еле передвигая ноги, уходитъ, и такъ каждый вечеръ. «Спать, спать, спать!» и спитъ всю жизнь... И душа безпробудно спитъ! думалось съ сожалѣніемъ о несчастномъ. Вотъ пріѣзжаетъ, возвращаясь изъ Венгріи домой, больной, еле-еле живой офицеръ, а ему ѣхать еще въ Пензу, на родину. Сердце жалостью наполняется, глядя на его, истощеннаго и болѣзнію, и трудною дорогою, въ тряской повозкѣ. Какъ-то онъ доѣдетъ домой! И посылаешь ему сердечныя благожеланія на далекій путь... Вотъ останавливается офи-

церъ съ женою, стоятъ недѣлю, двѣ и по цѣлымъ и ночамъ и днямъ дуетъ въ карты гдѣ-то въ пріятномъ обществѣ такихъ же игроковъ. Жена развѣдываетъ это безпечальное пристанище, ждетъ-ждетъ, бывало, мужа и сама идетъ вытаскивать несчастнаго изъ этой звѣриной берлоги. Сколько-то намучится несчастная женщина, нагорюется, раздѣляя съ матушкою свою скорбь... Вотъ живетъ другой офицеръ франтъ, волокита. Сколько у него заботъ о своей внѣшности! Какъ усы нафабрены! Сколько счастія, самодовольства въ каждомъ его движеніи! Какъ весело, беззаботно шутитъ онъ съ племянницею хозяина, тою самою дѣвушкою, о которой я уже упоминалъ, говоря о студентѣ Лазаревичѣ!.. Вотъ молодой юнкеръ, только-что выдержавшій экзаменъ и уже вольно-привольно болтающій и мелющій всякую чушь. Хочется остановить его, навести на какой-нибудь серіезный разговоръ; куда тутъ! А добрый, сердечный малый и, кажется, сынъ и хорошихъ родителей, но рано, рано предоставленный самому себѣ. Жаль его!.. Вотъ коммисаріатскій чиновникъ, больной чахоткою, одинокій человѣкъ, со средствами, и добра у него много всякаго да здоровья нѣтъ. Постоялъ нѣсколько дней и перешелъ на постоянную квартиру невдалекѣ, и все проситъ: приходите ко мнѣ, навѣщайте; я одинъ, скучно... вотъ и всего у меня вдоволь... и деньги есть... а что съ того? Нѣтъ главнаго: здоровья, и въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей! Былъ у него отецъ со мною, кажется, не больше разу; былъ я одинъ тоже раза два. Видимо, страдаетъ человѣкъ, рвется куда-то, безпокоится и все проситъ: «бывайте почаще». Не нравится ему квартира въ центрѣ города, нанимаетъ возлѣ Кирилловскаго, чтобы быть на вольномъ воздухѣ больше. Даетъ знать намъ и все проситъ «приходите, навѣщайте» Однако отецъ такъ-таки и ни разу не собрался къ нему. Вотъ онъ заболѣваетъ смертельно и передъ смертію еще приглашаетъ отца къ себѣ. Собрался отецъ, приходитъ и уже находитъ его умершимъ. Все его добро, всѣ деньги хозяйка квартиры подобрала къ себѣ и когда пришлось полиціи составлять опись, ничего не оказалось. Отецъ къ хозяйкѣ: «Какъ ничего? Куда же его добро дѣлось? Серебра у него много было; я подлинно это знаю» и проситъ ее хоть что-нибудь удѣлить и ему на память о покойномъ. Дала полдюжины серебряныхъ столовыхъ ложекъ, и только; да я, будучи на погребеніи, попросилъ священника позволить мнѣ взять небольшой финифтяный образъ Ростовскихъ святителей, лежавшій у покойнаго на груди: вотъ и все! Образокъ этотъ и донынѣ у меня, а ложки пригодились въ свое время: были заложены въ пору страшной нужды по смерти отца. Матушка горько сѣтовала на отца: не умѣлъ воспользоваться пріязнію человѣка, видимо расположеннаго къ намъ, не умѣлъ досмотрѣть больного, послу-

жить ему въ послѣдніе дни, когда, быть можетъ, какъ совершенно одинокій; онъ охотно передалъ бы отцу свое достояніе и ему лично, и съ просьбою распредѣлить его по его волѣ. Но таковъ уже былъ отецъ: человѣкъ въ душѣ предобрый, неспособный и помыслить даже воспользоваться чужимъ добромъ, хотя бы и въ душѣ позариться на чужое, человѣкъ безкорыстный, истый безсребренникъ. Мы ни отъ него, ни отъ матушки, при всей нуждѣ, часто налегавшей на насъ, не слышали ни единаго слова ни зависти чужому счастію, ни ропота, и не видѣли ни единаго дѣйствія, которое бы клонилось въ ущербъ другому и тянуло бы въ сторону нашего личнаго удобства и обезпеченія. Такъ и въ этомъ случаѣ. Высоко поучительно было для меня такое благороднѣйшее, безкорыстнѣйшее отношеніе отца къ богатому больному одинокому человѣку. Несомнѣнно, онъ многое потерялъ: не полдюжины ложекъ досталось бы отцу; но онъ больше пріобрѣлъ, чѣмъ потерялъ: онъ не унижался, не ухаживалъ и сохранилъ души дѣтей своихъ отъ жадности къ богатству, отъ зависти, отъ недостойныхъ разсчетовъ и надеждъ, что «вотъ умретъ Максимъ Ивановичъ, и все останется намъ; тогда заживемъ, не будемъ нуждаться». Онъ сохранилъ простыя души наши отъ заразы легкаго обогащенія, отъ всякаго поползновенія къ подобному способу выхода изъ нужды, и за то вѣчная ему благодарность: мы не видѣли въ немъ соблазна для себя, и духъ корысти, духъ даже тайной зависти ни разу не только не опускался въ глубину души нашей, но даже не прикасался къ ней, не осквернилъ ее ни единымъ препраженіемъ. Но Максимъ Ивановичъ послужилъ для меня поучительнымъ урокомъ и въ другомъ отношеніи. Я во очію видѣлъ и здѣсь всю суетность земнаго богатства, которое «ничтоже пользуетъ» и только усугубляетъ муки человѣка въ минуты просвѣтленія его души, когда онъ бываетъ способенъ понять, что золото и серебро еще не покой для человѣка, что Божія милость и Божій покровъ для человѣка дороже, необходимѣе и всесильны все замѣнить и все доставить человѣку, а главное миръ душевный и покой въ Богѣ. Я сравнивалъ самъ себя: смерть какой нибудь Варварушки, ничего не имѣвшей, ну нищей, но въ полномъ обладаніи собою, въ невозмутимомъ мирѣ души съ Богомъ, и смерть этого несчастнаго богатаго человѣка, который и, умирая, быть можетъ, мучился мыслію о своемъ накопленномъ добрѣ, мучился мыслію, что «вотъ кому-то все мое добро остается», и тревоги эти мѣшали ему думать о Богѣ, о вѣчномъ «единомъ на потребу»...

Но можно ли въ бѣгломъ очеркѣ передать всѣ тѣ многочисленные случаи къ поучительнымъ наблюденіямъ и урокамъ, какіе въ такомъ

обиліи представлялись мнѣ въ моей домашней жизни въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ жительства нашего у Супруновича? Были у насъ разные люди, и хорошіе, и дурные; останавливались купцы напр. съ мыломъ и свѣчами изъ Курской губ., чиновники, помѣщики, управляющіе помѣщичьихъ экономій, актеры, фокусники, молодые люди, поступавшіе въ Университетъ и пр. Съ рѣдкими изъ нихъ не приходилось разговаривать о томъ, о другомъ; многое узнавалъ я изъ этихъ разговоровъ, и мой жизненный кругозоръ замѣтно расширялся. Остановился у насъ разъ родственникъ одного студента Академіи, бывшій нѣсколько лѣтъ при Пекинской миссіи, по выслуженіи пенсіи пріѣзжавшій въ Россію, человѣкъ очень общительный, любезный, разговорчивый. Много любопытнаго узналъ я отъ него о жизни въ Китаѣ; между прочимъ, что наша духовная миссія тамъ существуетъ только формально, какъ часть свѣтской, и дѣломъ миссіонерства вовсе не занимается по политическимъ соображеніямъ; что назначеніе ея скорѣе ученое, чѣмъ миссіонерское. Отъ него, кажется, впервые я узналъ про іеромонаха о. Іоанна Бичурина, настоятеля Пекинской миссіи, ученый трудъ котораго о народахъ Средней Азіи былъ лучшимъ доказательствомъ, чѣмъ занимаются наши миссіонеры въ Пекинѣ. Останавливался у насъ одинъ молодой человѣкъ, окончившій курсъ, кажется Могилевской гимназіи, пріѣхавшій въ Кіевъ для продолженія образованія. Разговорились. Хвалится, что онъ пишетъ стихи, что готовитъ уже къ печати. Не показалось мнѣ его поэтическое призваніе надежнымъ. Такъ и оправдались мои мысли. Въ Университетѣ онъ долго не оставался, женился на какой-то вдовѣ купчихѣ или купеческой дочери, обзавелся домомъ по Жилянской, кажется, улицѣ, и въ домохозяинѣ спрятался навсегда ранній поэтъ. Останавливались тоже два брата Киз—скіе, изъ учениковъ Духовной Семинаріи, сыновья Черниговскаго протоіерея, тоже пріѣхавшіе въ Кіевъ для поступленія въ Университетъ. Вотъ эти совсѣмъ другаго сорта люди, очень приличные, скромные, хотя совсѣмъ разнаго характера: одинъ очень спокойный, сдержанный, нѣсколько даже застѣнчивый юноша; другой—бойкій, развязный говорунъ и не похожъ на сына священника. Оба они и поступили въ Университетъ и были всегда мои хорошіе знакомые...

Да, разныхъ людей, разные характеры приходилось наблюдать изо дня въ день. Не было недостатка въ самыхъ вразумительныхъ примѣрахъ необычайной дѣятельности, трудолюбія; видѣлъ я людей, которые цѣлый день заняты дѣлами и только на ночь приходятъ вкусить покоя отъ трудовъ, спѣшатъ домой къ семьѣ, къ дѣлу. И такихъ больше, чѣмъ людей пустыхъ, бездѣльныхъ. Но наблюденіе и надъ такими,

какъ и вообще насъ человѣческими немощами, приносило мнѣ свою пользу, какъ выраженіе дурной стороны человѣка, которая мнѣ особенно рѣзко представлялась въ разнообразныхъ своихъ видахъ чрезъ сопоставленіе и сравненіе съ лучшею стороною его жизни, съ идеальною, въ чемъ помогало мнѣ и серьезное чтеніе, представлявшее душѣ моей высокіе идеалы жизни, и благотворнѣйшее вліяніе св. церкви, въ ея чудныхъ пѣснопѣніяхъ и священнодѣйствіяхъ, которыя наполняли мою душу высокаго вдохновенія и благоговѣнія и держали всѣ мои помыслы па достойной высотѣ духа, откуда я свободно, безъ опасенія и соблазна, наблюдалъ жизнь, какъ она есть съ добромъ своимъ и зломъ, стоя къ ней такъ близко по своимъ бытовымъ отношеніямъ и такъ высоко поднимаясь надъ нею благодатною Божьею силою, которую черпалъ изъ источника дѣтски-преданной и покорной Богу вѣры и религіознаго настроенія. А это черпалось въ свою очередь въ церковной молитвѣ, въ пѣснопѣніи и въ возбуждающемъ силы души и направлявшему ихъ ко всему высокому чтеніи. Въ семьѣ же ничего не мѣшало мнѣ, напротивъ все содѣйствовало, со всею сосредоточенностью и неразвлекаемымъ разсужденіемъ относиться ко всему, что̀ приводилось видѣть и слышать. Приводилось слышать разные разсказы пріѣзжихъ и своихъ домашнихъ, которые тоже такъ или иначе производили на меня свое дѣйствіе и возбуждали къ размышленію и сужденію. Такъ останавливались у насъ люди изъ экономіи графа Апраксина и разсказывали про страшную скупость своихъ господъ, про ихъ жестокость. Вотъ разъ пріѣзжаютъ и разсказываютъ объ ужасной смерти, поразившей графа и графиню. Случился пожаръ въ барскомъ домѣ; графъ и графиня, по обыкновенію запершись въ своей спальнѣ, спали; добраться до нихъ не было возможности среди охватившаго ту часть дома огня: такъ и сгорѣли они въ своей спальнѣ или задохлись отъ дыма. Слыша о такой ужасной смерти, я самъ про себѣ повторялъ стихи затворника Георгія, выше приведенные: «Богатство и слава, честь, забава все только сонъ». А вотъ совершенно противоположная смерть. Въ то время чрезъ Кіевъ проходили Донцы, возвращаясь изъ Венгерскаго похода. Полковникъ этого полка, побывавъ въ Лаврѣ, послѣ обѣдни зашелъ къ намѣстнику Лавры за благословеніемъ, былъ приглашенъ откушать чаю, сѣлъ на диванъ и скончался. Вотъ смерть блаженная, въ такомъ святомъ мѣстѣ, послѣ молитвы, и еще, такъ сказать, нося въ себѣ плодъ молитвы, освѣщеніе души! говорила матушка... Матушка же разсказывала и о другой смерти, случившейся около того же времени. У настоятеля-архимандрита монастыря Малаго Николая былъ келейникъ очень скромный, благочестивый, молодой еще послушникъ. Никогда онъ не отлучался изъ монастыря; но вотъ под-

говорили его выйти погулять вокругъ монастыря и возлѣ Аскольдовой могилы и, когда онъ долго не возвращался, было замѣчено его отсутствіе и стали искать его, то нашли его за оградою монастыря зарѣзаннымъ. На меня почему-то особенно произвелъ этотъ разсказъ глубокое впечатлѣніе; мнѣ было жаль молодой жизни, погубленной только изъ-за минутнаго отступленія отъ своего долга, можетъ быть, изъ минутнаго увлеченія, и я долго, проходя мимо монастыря Малаго Николая, припоминалъ себѣ этого несчастнаго юношу... Тутъ кстати привести разсказъ, который показалъ мнѣ, какъ трудно бороться противъ дурныхъ влеченій и еще труднѣе побѣждать ихъ. Останавливался у насъ какой-то служившій по экономіи помѣщика Скуратова въ Радомышльскомъ уѣздѣ, человѣкъ простой себѣ на видъ, сѣренькій, уже пожилыхъ лѣтъ. Не знаю, какъ зашелъ разговоръ у меня съ нимъ о Екатеринѣ Великой... Тутъ онъ и разсказалъ мнѣ, что̀ впервыя пришлось слышать въ дополненіе къ изучаемому по учебникамъ исторіи. Екатерина имѣла много любимцевъ, мѣняя ихъ одного за другимъ. Но что-жъ? Такова уже была натура ея: когда она чесалась, изъ волосъ ея сыпались искры; сорочки ея были наэлектризованы. Такой откровенный разсказъ былъ для меня совершенною новостью, особенно еще слышанный изъ устъ человѣка простого, деревенскаго, но, видно, бывалаго. И я думалъ: Если такова сила страсти, то какою-же противоборствующею силою долженъ обладать человѣкъ, которому совѣсть настойчиво претитъ работать плоти, предаваясь ей въ плѣнъ и неволю? Какимъ же пламенемъ молитвы должно погашать этотъ ужасный пламень плотскаго вожделѣнія? И мнѣ становилась очевидною истина словъ Спасителя: «духъ бодръ, плоть же немощна». Такія размышленія были спасительны для меня, вооружая противъ своего внутренняго врага и возбуждая къ строгому вниманію къ себѣ.

Всякая рѣзкость была матушкѣ моей не по душѣ; она отличалась мягкостью въ обращеніи съ людьми и стремилась къ тому, чтобы и насъ научить всегда быть ласковыми, мягкими, обходительными. Она и къ слугамъ относилась ласково, любовно, когда видѣла въ нихъ усердіе, привязанность. Въ нашей семейной поминальной книгѣ было записано имя «Агрипины». Матушка объяснила намъ: это «ваша, твоя и Сани, нянюшка». Въ то время служилъ у насъ дворникомъ отставной старикъ солдатъ Михаилъ. Это еще было время, когда отставные уже дѣйствительно были стариками, изможденными 25 лѣтнею службою, и еще какою? Добрый, услужливый, усердный, спокойный, ну рѣдкій былъ человѣкъ. Заболѣлъ бѣдный, и съ какимъ соболѣзнованіемъ матушка провожала его въ военный госпиталь, а когда тамъ онъ умеръ,

отслужила по немъ панихиду и тоже записала его въ семейную поминальную книгу, гдѣ и теперь поминается имя «Михаилъ».

Съ какимъ соболѣзнованіемъ матушка и вся семья наша слышали разсказъ, ходившій тогда по городу, сколькихъ человѣческихъ жертвъ стоило сооруженіе цѣпного моста черезъ Днѣпръ, именно около этого времени, какъ десятки рабочихъ умирали, опускаемые для работъ на дно рѣки по укладкѣ основанія для быковъ, задыхаясь безъ воздуха. Нужда гонитъ, нужно жить, нужно заработать, даютъ много дороже такимъ рабочимъ: вотъ и лѣзетъ несчастный на вѣрную смерть. На горе людское была отзывчива наша семейная душа. И, быть можетъ, потому такъ и отзывчива была, что мы сами испытали сего вдоволь, Богу соизволяющу, для нашего же блага, чтобы воспитать въ насъ лучшія чувства, лучше приготовить къ жизни, научить цѣнить милости Божьи и быть Богу благодарными за всякій даръ, свыше отъ Него, Отца свѣтовъ, исходящій.

Цѣлый рядъ болѣе или менѣе чувствительныхъ испытаній Богъ послалъ нашей семьѣ въ квартирѣ Супруновича. О нѣкоторыхъ уже я говорилъ. Здѣсь сестра моя была больна въ 1852 году холерою; уже ноги окоченѣвали, но бросились успѣшно растирать ее щетками, и спасли... Отецъ, разъ лежа на лежанкѣ и вздремнувъ, упалъ съ лежанки, переломилъ себѣ ребро... стоны, раздирающіе душу... болѣе двухъ недѣль носилъ бинтъ, оставаясь неподвижнымъ... и, слава Богу, выздоровѣлъ. Матушка, въ Январскую стужу, должно быть, постоянно перебѣгая изъ комнатъ въ кухню, отдѣльно помѣщавшуюся, и обратно, сильно простудилась, ужасныя колики въ груди, въ боку... лежала въ постели, опасно больная. Помню, мы съ сестрою 21-го Января служили молебенъ предъ иконою Божьей Матери Братскою объ изцѣленіи болящей; по совѣту кого-то изъ знакомыхъ свезли матушку въ баню, отъ которой жили не-вдалекѣ; тамъ хорошо попарившись и смазавшись какимъ - то спиртомъ, матушка скоро послѣ того оправилась. Нужды наши постоянныя побудили матушку снова попытаться обратиться за помощью къ о. Пароенію, схимнику. Въ то время (это былъ уже Май мѣсяцъ) онъ жилъ въ Голосѣевѣ, гдѣ, какъ я замѣтилъ выше, всегда проводилъ лѣто. Не имѣя лишнихъ денегъ для найма извощика, мы, матушка, я и сестра, отправились въ Голосѣевъ пѣшкомъ, 16-го Мая 1853 г., пользуясь отличнѣйшею теплою погодою; конечно, отъ непривычки къ такимъ переходамъ очень устали, тамъ переночевали у всегдашнихъ въ то время нашихъ гостепріимныхъ хозяекъ, молочницъ лаврскихъ, гдѣ всегда матушка находила радушный пріемъ. На другой день отправились къ обѣднѣ; но видѣть о. Пароенія такъ удобно,

чтобы можно было поговорить съ нимъ, вовсе не удалось, главное потому, что у матушки недостало смѣлости... вѣдь, въ первый разъ въ жизни ей приходилось тогда стать въ положеніе просящей и излагающей предъ людьми свою нужду. Никогда, никогда она никому не жаловалась, никого, кромѣ Бога, ни о чемъ не просила. Такъ, приняли, по обыкновенію, благословеніе; о. Парѳеній тоже съ своей стороны ограничился благословеніемъ, не обратившись къ намъ ни съ единымъ словомъ, не ободривши матушку; съ тѣмъ и пошли, глубоко огорченные въ душѣ неудачною попыткою. Послѣ обѣдни, пили чай въ саду, было довольно вѣтрено; затѣмъ, подкрѣпившись пищею, отправились обратно пѣшкомъ же. Для насъ, молодыхъ, этотъ переходъ былъ не особенно чувствителенъ; но матушка видимо изнемогала въ страшную жару (пришлось возвращаться какъ разъ въ полдень), едва дотащилась до города и здѣсь съ жадностью напилась холоднаго грушеваго или яблочнаго квасу, который тутъ, при выѣздѣ изъ города, продавала торговка. Пошли дальше, но матушка уже почувствовала себя такъ ослабѣвшею, что наняла перваго попавшагося извощика и съ сестрою отправилась домой; а я пѣшкомъ, изнемогая отъ страшной жары (былъ въ шинели), тоже едва добрался домой. У матушки открылся тифъ. Болѣе $1\frac{1}{2}$ мѣсяца она провела въ постели; въ бреду схватывалась, бѣгала по комнатѣ. Лѣчилъ докторъ Холодовскій, почтенный старикъ. Въ періодъ ухудшенія болѣзни матушка пожелала причаститься Св. Таинъ, уснула крѣпкимъ сномъ и, проспавшись, вдругъ воскликнула: «Ахъ, дѣточки мои, какой я видѣла о васъ прекрасный сонъ! Ахъ, какой сонъ!» но что̀ видѣла, такъ и не сказала, только прибавила: «Хорошо вамъ будетъ!»... Матушка стала замѣтно поправляться, но вмѣстѣ съ тѣмъ явился у нея неудержимый апетитъ: все просила ѣсть и дать ей хоть кусочекъ ржаного хлѣба. Я, все время болѣзни слѣдившій за ея лѣченіемъ, дававшій ей постоянно лѣкарства, всячески противился малѣйшему ослабленію діэты и строго наблюдалъ за ея кушаньемъ; но какъ-то случилось, что я отлучился, и сестра не устояла противъ жалобныхъ ея просьбъ дать ей кусочекъ ржаного хлѣба... дала, и матушкѣ вдругъ же сдѣлалось хуже, хуже: возвратилася горячка. Однако, Господь смиловался надъ нами, возвратилъ ей здоровье, не отнялъ у насъ любящей матери. Къ Іюлю матушка оправилась нѣсколько и продолжала поправляться. Но тутъ новое, страшное горе. Еще не успѣла матушка, какъ слѣдуетъ, оправиться отъ тяжкой болѣзни, сохраняя въ чертахъ лица слѣды болѣзни, такъ отецъ смертельно заболѣлъ. Была у насъ тогда служанка, негоднѣйшая изъ негоднѣйшихъ, грубіянка, дерзкая, лѣнивая, распутная устарѣвшая дѣвка. Не проходило дня безъ серьезныхъ непріятностей.

Разъ она вывела отца изъ терпѣнія; онъ, сильно разъяренный, кричалъ на нее, и ночью послѣ этого тревожнаго дня, съ 3-го на 4-ое Августа, сдѣлался съ нимъ ударъ. Онъ былъ человѣкъ очень полнокровный, пилъ хмельное, и хотя въ послѣднее время онъ пилъ и немного, но уже достаточно было ему выпить и двѣ рюмки, какъ совершенно охмелѣть, такъ какъ другой не охмелѣетъ и отъ штофа. 3-го Августа я беззаботно проводилъ среди многочисленной толпы, наблюдавшей за подъемомъ по Александровскому спуску бронзовой статуи Равноапостольнаго Владимира, назначенной къ поставленію на пьедесталѣ памятника ему на горѣ и привезенной по Деснѣ и Днѣпру изъ Брянскаго чугунно-литейнаго завода Мальцова, гдѣ она была отлита по модели академика Клодта. Беззаботно смотрѣлъ я, какъ везли статую множество паръ воловъ, какъ снимали ее у самаго памятника... и не предчувствовалъ, какое горе ожидаетъ нашу семью. Отецъ въ то время ночевалъ въ амбарѣ (какъ и все лѣто почти, ради духоты въ комнатахъ). 4-го Августа еще онъ обѣдалъ съ нами, но жаловался, что рука что-то деревенѣетъ, трудно поднимается. Тамъ сталъ испытывать такое же ощущеніе и въ ногѣ... все хуже и хуже. Поспѣшили пустить, по указанію доктора (Холодовскаго же) кровь... но помощи не было: отецъ скоро лишился движенія всею половиною тѣла и неподвижно лежалъ въ постели. Но языкъ и сознаніе сохранились до послѣдняго часа. Онъ, признавая себя больнымъ, все-таки порывался подниматься, не сознавалъ, что цѣлая половина тѣла поражена, поднимался и падалъ, едва поддерживаемый мною или сестрою; а тамъ уже и совсѣмъ не могъ подвинуться. Отецъ изъявилъ желаніе причаститься Св. Таинъ, собороваться масломъ; при полной памяти и уже въ сознаніи своего смертнаго часа благословилъ сестру и меня св. иконками, и когда кто-то изъ насъ сквозь слезы сказалъ: «какъ же и съ чѣмъ насъ оставляешь?» отвѣтилъ съ увѣренностью въ голосѣ: «*Богъ васъ не оставитъ*». Это были его послѣднія слава, слышанныя нами. У постели его на ночь, въ замѣнъ насъ съ матушкою, странно изнуренныхъ въ теченіе дня, оставалась сидѣлка, какая-то Полька, дама, у насъ когда-то останавливавшаяся, и въ это время пришедшая облегчить насъ... Нѣсколько ночей она проводила при больномъ; на ея глазахъ отецъ мирно и скончался въ 5 часовъ утра *16-го Августа 1853 года*.

Тяжко было намъ въ послѣдніе годы и съ нимъ; но болѣзнь отца окончательно истощила наши средства; постояльцевъ за все это время какъ нарочно не было. Нужно было пошить еще для его погребенія какой-нибудь приличнѣйшій сюртучокъ, такъ какъ тотъ, что̀ онъ носилъ до болѣзни, уже никуда не могъ годиться, совершенно изношенъ и засаленъ.

Пошили изъ дешевенькой матеріи, и то матушка умолила наемщика своей лавки дать ей хоть что нибудь изъ должнаго ей за лавку. Въ тотъ день, когда отецъ скончался, было у матушки всего только *одинъ рубль*, а у меня конечно, изъ моихъ маленькихъ денегъ, совершенно израсходованныхъ во время недавней болѣзни матушки, тоже ни копѣйки не оставалось. Поѣхала матушка на Крещатикъ къ помѣщику Скуратову, котораго управляющій у насъ постоянно останавливался, просить у него милости... Далъ 5 рублей. Но что было дѣлать съ этими 5 рублями? Гдѣ достать еще денегъ, нужныхъ на погребеніе?. Дала еще тетушка, кажется, 10 рублей. Страшную пору горя переживала въ тѣ дни наша осиротѣвшая и безъ того бѣдная семья. Но, о милость Божія! Вдругъ приходитъ къ намъ *Михаилъ*-послушникъ (о которомъ я писалъ выше), не бывшій до того болѣе году въ нашей семьѣ, приходитъ и находитъ отца уже на столѣ, видитъ наше горе, слезы матушки и вынимаетъ 50 р., передаетъ матушкѣ съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ взять, сколько нужно, возвративъ остальныя, съ тѣмъ, чтобы взятыя деньги возвратить ему, когда будетъ возможно. Матушка проситъ у него позволить оставить на расходы по погребенію 35 р., и онъ охотно предоставилъ эти деньги въ распоряженіе матушки. Можно ли выразить словами то исполнившее сердце всѣхъ насъ благоговѣйное чувство благодаренія Отцу Небесному, столь чудесно и столь неожиданно и такъ скоро давшему намъ несомнѣнное свидѣтельство, что слова отца нашего *Богъ не оставитъ васъ* истинны и что такими они должны остаться для насъ на всю жизнь? Сосѣдка наша *Меланія Алексѣевна* дала весь столовый приборъ для поминальнаго обѣда и вызвалась хозяйничать при немъ. Мужъ тетушки принялъ на себя заботы о самомъ погребеніи; впрочемъ, я самъ ходилъ заказывать вырыть могилку, которую по недостатку средствъ пришлось выбрать поодаль отъ церкви, и за то, кажется, уплачено до 6 рублей въ пользу кладбищенской церкви. Но въ то время, какъ такъ или иначе мы видѣли общее сочувствіе нашему горю, мы получили цѣлый рядъ весьма чувствительныхъ огорченій отъ того, отъ кого должно бы исходить утѣшеніе всякому скорбящему и обремененному нуждою—отъ приходскаго *священника* о. Онуфрія. 1) онъ отказался хоронить раньше 3-го дня, хотя былъ очень хорошо извѣщенъ о причинѣ смерти, хотя ему представляли на видъ стоявшіе тогда страшные жары и что покойникъ былъ человѣкъ полнокровный, 2) и на 3-й день отказался хоронить непосредственно послѣ обѣдни, ссылаясь на то, что тогда былъ какой-то табельный день (рожденіе какой-то княжны или княгини), а погребеніе назначилъ во 2-мъ часу, 3) распорядился тѣло поставить въ тепломъ храмѣ, т. е. тамъ, гдѣ лѣтомъ не бываетъ службы, а не въ большой церкви. 4) и обѣдню

заупокойную служилъ въ этой же большой церкви. Слѣдствіемъ такого отказа священника похоронить раньше было то, что когда въ день погребенія утромъ сняли крышку, которою былъ прикрытъ гробъ на ночь, то мнѣ, при этомъ присутствовавшему, предстала такая страшная картина разложенія и разрушенія, что тутъ же найдено нужнымъ не только прикрыть гробъ снова крышкою, но даже и прибить ее гвоздями *). И такъ, благодаря священнику, мы лишены были и послѣдняго утѣшенія проститься съ тѣломъ покойнаго отца, взглянуть на лице его въ послѣдній разъ. О портретахъ же тогда не было и рѣчи, и фотографіи и вовсе не было, а только дагеротипы. Не осталось и у насъ ни единой черты, которая напоминала бы намъ отца. Въ довершеніи огорченія, когда вынесли уже гробъ, я вдругъ замѣтилъ, что впереди гроба несутъ одинъ только крестъ, а хоругвей нѣтъ. Бѣгу обратно въ церковь, гдѣ пономарь оставался, убирая церковь. «Что̀ значитъ?» «А никто не сказалъ!» — «Развѣ объ этомъ нужно говорить?» — «А какъ же! Я думалъ, что не хотятъ платить за хоругви». Тутъ впервыя я узналъ, что и за крестъ, и за хоругви, и за носилки, за все платятъ въ церковь. Не было заказа: не отпущены и хоругви. Я просилъ было снять хоругви; но уже было поздно, не нашлось людей, да и погребальное шествіе уже двинулось въ предшествіи одного только креста, какъ у насъ въ Кіевѣ погребаютъ только маленькихъ дѣтей 1 — 5 лѣтъ. Весь путь я мучился отъ стыда. Оказалось, что тутъ тетушка дѣйствительно не «*заказала*» хоругви, но потому, что думала, что это уже само собою разумѣется и хоругви будутъ даны и безъ «заказа». Вѣдь у насъ связи прихода съ церковью зиждутся только на деньгахъ и своего рода заказахъ! По возвращеніи съ кладбища во время закуски предъ поминальнымъ обѣдомъ, для приготовленія котораго была приглашена знающая стряпуха, священникъ, подозвавъ меня, налилъ вина въ рюмку и, передавая ее мнѣ, сказалъ: «Поднесите матушкѣ; вы теперь вмѣсто отца ея опора». Матушка здѣсь же стояла; я поднесъ, и какъ глубоко-трогательна и умилительна была эта рѣдкая минута. Тутъ же я всѣмъ сердцемъ почувствовалъ весь глубокій смыслъ этого символическаго дѣйствія, всей обязательности для меня пещись о матери-вдовѣ и сестрѣ и подкрѣплять ихъ жизнь, какъ вино укрѣпляетъ силы человѣка. Могилка отца осталась въ попыхахъ незамѣченною; вскорѣ наступила осень, переходъ на другую квартиру, новыя испытанія, наступала и зима, и я только по одному внѣшнему

---

*) При видѣ этой ужасной картины я былъ объятъ какимъ-то ужасомъ, думалъ въ себѣ: и вотъ говорятъ о наслажденіяхъ жизни; а жизнь-то эта вотъ чѣмъ кончается и къ чему приводитъ.

признаку (по близъ стоявшему особенно, выдающемуся надгробному столбу, на который случайно бросилъ я взглядъ въ пору погребенія) признавалъ мѣсто могилы отца. И эта неизвѣстность, или, вѣрнѣе, неувѣренность, и наша бѣдность сиротская были причиною, что крестъ не былъ поставленъ надъ могилою, а когда уже можно было удовлетворить эту потребность благодарнаго креста, могилка совсѣмъ затерялась въ многочисленномъ ряду подобныхъ ей, ничѣмъ не отмѣченная. Но память объ отцѣ осталась для насъ навѣки дорогою и священною. Его простодушіе и слабость были причиною, что многое мы потеряли, что, быть можетъ, не такъ пошла-бы наша жизнь съ дѣтства же; но его необычайная доброта, его безкорыстіе примѣрное, его преданность семьѣ покрыли все въ нашей благодарной памяти, а его предсмертныя страданія, его рѣдкое терпѣніе, безропотная покорность волѣ Божьей и его вдохновенныя крѣпкою надеждою на Бога предсмертныя слова: «*Богъ не оставитъ васъ*» и его тихая, безболѣзненная кончина сдѣлали для насъ священнымъ и высокопоучительнымъ воспоминаніе о самой смерти его, какъ и о болѣзни. Хотя и постигъ его ударъ, но постепенный, медленный, и въ этомъ обстоятельствѣ мы видѣли милость къ намъ Божію: мы не были поражены внезапною его кончиною, мы почти за двѣ недѣли приготовились къ его кончинѣ, мы тѣмъ болѣе отъ сердца благодарили Бога, что чрезъ эту постепенность въ развитіи болѣзни онъ сохранилъ для насъ драгоцѣнную жизнь матушки, которая только что стала оправляться отъ продолжительной опасной болѣзни и, сраженная внезапною смертію отца, едва-ли бы могла перенести этотъ ударъ... И тогда мы остались бы круглыми сиротами. О, милосердъ къ намъ Господь! Всеблагая Его десница, отнимая отца, сохранила для насъ мать... И *Богъ и ее, и насъ не оставилъ*—и по смерти отца!.. *)

Я не упомянулъ еще объ одномъ тяжкомъ горѣ, нами пережитомъ за два года до смерти отца. Какъ я уже говорилъ, отецъ числился дворяниномъ, но всѣхъ главнѣйшихъ дворянскихъ документовъ не имѣлъ, и когда опредѣлилъ меня въ Гимназію, и нужно было удостовѣрить мое званіе, то отецъ бралъ нужные для этого документы у вдовы покойнаго своего брата, нашего дяди Алексѣя Ивановича, гдѣ значилось въ общихъ семейныхъ спискахъ и имя отца. Нѣсколько же

*) Покойный отецъ и всегда уповалъ на милость Божію, и эта надежда не покидала его въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни; помню, разъ, въ тяжеломъ положеніи нужды, онъ писалъ письмо къ своей сестрѣ въ Глуховъ, гдѣ, между прочимъ, выразился такъ: „Но, какъ ни тяжело мнѣ жить, не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни. Живъ Господь, жива душа моя!..“

лѣтъ до этого воспослѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы лица, причисляющіеся къ дворянству, подтвердили о своемъ дворянскомъ происхожденіи представленіемъ въ герольдію всѣхъ для того необходимыхъ документовъ; тѣ-же, кто не можетъ исполнить этого требованія, избрали бы себѣ родъ жизни; а неизбравшіе себѣ рода жизни изъ недоказавшихъ своего дворянства до извѣстнаго срока, по истеченіи этого срока, зачисляются, безъ ихъ согласія, въ казенные крестьяне. Вотъ и наступилъ указанный срокъ, послѣдній, послѣ котораго и отецъ, какъ не избравшій рода жизни и не приписавшійся ни къ какому обществу, записанъ былъ съ семьею въ казенные крестьяне. Чрезъ полицію принесли намъ повѣстку объ этомъ, и полиціи же поручено было привести въ исполненіе распоряженіе о выселеніи нашего семейства изъ города въ одно изъ селеній крестьянъ государственныхъ имуществъ. Какъ громомъ, поразила насъ эта страшная вѣсть, уже къ осени, передъ зимою. Какіе изъ насъ могли бы быть крестьяне? Обрабатывать землю, очутиться въ крестьянской обстановкѣ, намъ, жившимъ, какъ и всякое дворянское, чиновничье семейство, въ условіяхъ городского быта, не привыкшимъ къ черной работѣ, не имѣвшимъ для того и здоровья, ахъ это одна ужасная перспектива горя исполняла насъ страхомъ и ужасомъ; а тутъ еще и я долженъ идти въ рекруты, тянуть лямку военной службы, я, въ то время (это было, когда я былъ въ 6-мъ классѣ) очень серьезно болѣвшій грудью, такъ что всю зиму не снималъ съ груди пронизываемаго каждую ночь свѣчнымъ саломъ бумажного нагрудника.

Въ страшномъ горѣ мы рѣшили подать прошеніе ген.-губернатору Бибикову и просить у него помилованія и заступленія въ виду особенныхъ обстоятельствъ нашей семьи, и особенно въ виду продолжающагося моего образованія въ Гимназіи. Въ избранный для подачи прошенія день, матушка, я и сестра рано - рано поднялись, пришли въ Братскую церковь еще къ концу утрени (которая всегда начиналась въ 3 часа утра) и непосредственно послѣ утрени просили отслужить предъ иконой Божьей Матери молебенъ съ акаѳистомъ. Съ горькими слезами всѣ мы молились Царицѣ Небесной, да защититъ насъ отъ грозящаго намъ страшнаго горя, да покроетъ Своею милостью, да смягчитъ сердце раба Своего Димитрія (Бибикова, Димитрія Гавриловича) и обратитъ его на жалость къ намъ. Горячо, пламенно молились и съ полною преданностью въ волю Божью и надеждою на Божье милосердіе и заступленіе Божьей Матери возвратились домой. Въ назначенный для пріема день отецъ вмѣстѣ со мною въ форменномъ гимназическомъ мундирѣ явился въ домъ ген.-губернатора. Бибиковъ

на пріемѣ принялъ прошеніе отъ отца, пробѣжалъ, посмотрѣлъ на меня и обѣщалъ сдѣлать все, что возможно. Скоро отецъ получилъ повѣстку, что по разсмотрѣніи дѣла, распоряженіемъ генералъ-губернатора, отмѣняется постановленіе о припискѣ нашей семьи въ казенные крестьяне и предоставляется отцу право приписаться къ обществу городскихъ мѣщанъ. День этотъ былъ величайшимъ для насъ даромъ Божьяго милосердія, явленнаго намъ чрезъ посредство земного правосудія и справедливости. Великое добро сдѣлалъ для насъ незабвенный въ нашей памяти Димитрій Гавриловичъ Бибиковъ. Отецъ приписался къ обществу мѣщанъ города Кіева, кажется, по серебряному цеху, вмѣстѣ съ семьею, и съ того времени изъ дворянъ по происхожденію и по роду жизни стали мы «Кіевскими мѣщанами». Тяжелое испытаніе, съ которымъ не могла помириться наша семья, эта кличка: «мѣщанинъ!» Особенно тяжелымъ гнетомъ лежало на жизни сестры моей, до самой ея смерти, это званіе. Она не могла до смерти примириться съ нимъ, главнымъ образомъ не по честолюбію, а представляя себѣ ужасное положеніе дѣвушки, которую въ нашемъ обществѣ не защищаетъ часто и высокое имя отца; тѣмъ беззащитнѣе «дѣвушка - мѣщанка»: ее только тотъ не обидитъ, кто не захочетъ.

Тяжелыя испытанія, которыми Богъ посѣщалъ нашу семью въ это время, въ пору нашего воспитанія, нужда и лишенія, въ которыхъ мы проводили наше дѣтство и первые годы юности, и въ тоже время проявленія Божьяго попеченія о насъ и милосердія, облегчавшія и разрѣшавшія во благо наше жизненное горе, все это не могло не расположить насъ съ сестрою, свободно, безъ чьего-либо сторонняго напоминанія и понужденія, искать въ Богѣ утѣшенія и благодарить Его за Его щедроты; все это влекло насъ неудержимо въ храмъ Божій, питало въ насъ духъ молитвы, преданности въ волю Божью и воспитывало глубокій религіозный духъ. «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы». Божественные глаголы эти буквально исполнялись и на насъ съ сестрою; подобно матушкѣ и вмѣстѣ съ нею, въ Богѣ, въ молитвѣ, въ храмѣ Божьемъ мы находили свой покой душевный среди горя жизненнаго, обнимавшаго насъ отовсюду. Постъ церковный не казался намъ бременемъ; напротивъ, мы съ сестрою свободно продолжали постъ иные дни до самаго вечера, какъ бывало въ послѣдніе великіе дни Страстной седмицы, Пятницу и Субботу, когда мы довольствовались только кулѣшомъ, отказывали себѣ даже въ чаѣ; такъ, помню, не разъ бывало по Пятницамъ, напр., Успенскаго поста: тогда бывало, мы идемъ съ сестрою на большую вечерню въ Братскій монастырь, которая здѣсь служилась особенно

умилительно и нѣсколько по праздничному ради Субботы, дня, посвященнаго въ честь Божьей Матери; слушаемъ ее и только по возвращенiи домой вкушаемъ пищу впервыя. Помню разъ особенно такое возвращенiе съ сестрою. Нельзя не умилиться душею человѣку скорбному, слушая эту вечерню. Умилительный напѣвъ пропѣли: «Боже, заступниче мой сильне, и милость Твоя предварить мя». Стройное и чистое пѣнiе хоровъ монашествующихъ посреди церкви, самая обширность храма, только рѣдко занятаго немногочисленными молящимися, при вечернемъ освѣщенiи порой горизонтально уже падающими лучами заходящаго солнца, благоговѣйная тишина при чтенiи чтеца на клиросѣ или паремiй посреди церкви, наконецъ послѣ вечерни умилительное исполненiе обоими хорами монашествующихъ пѣснопѣнiя предъ самою иконою Божьей Матери, «Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво», сопровождаемое земнымъ поклономъ всѣхъ поющихъ, все это такъ настроивало душу на молитву, сообщало чувству такую молитвенную теплоту, исполняло сердце такимъ небеснымъ удовлетворенiемъ и миромъ, что не разъ оставлялъ я храмъ Божiй съ увлаженными отъ слезъ глазами, и въ такомъ именно настроенiи, пропостившись цѣлый день, разъ мы возвращались съ сестрою домой. Уже были на улицѣ, а мнѣ все хотѣлось плакать и плакать. Какое-то горе жизненное, намъ общее съ сестрою, уже черезъ верхъ наполняло сердца... и изливалось въ слезахъ, поднимаемое внутреннею молитвою, какъ продолженiемъ еще на улицѣ только что умолкшей церковной молитвы... И въ тоже время такъ легко, легко было на душѣ, какая-то полнота духа и упованiя вѣяла въ ней... и изсушала эти слезы. И въ такомъ настроенiи мы говорили съ сестрою о томъ счастiи, какое дано намъ съ нею въ такой близости къ монастырю, гдѣ такъ прекрасно служатъ, гдѣ всегда можно такъ пламенно помолиться и утѣшиться въ горѣ. О эти немногiя минуты перехода отъ церкви къ нашей квартирѣ незабвенны для меня и понынѣ. Скорбная душа моя носила въ себѣ духъ молитвы всюду. Я ежедневно, идя въ Гимназiю, заходилъ въ Братскiй монастырь помолиться предъ иконою Божьей Матери; проходя мимо церкви или и вдали отъ нея, но имѣя ее въ виду у себя, я читалъ тропарь храмового праздника, въ теченiе же всего пути повторялъ выученныя мною наизусть мѣста Священнаго Писанiя. Долго, въ дни говѣнiя, на время между службами церковными, я уединялся въ комнаты, незанятыя прiѣзжими, и тутъ готовился къ исповѣди чтенiемъ поученiй митрополита Филарета о нагорной проповѣди, какъ сокращеннымъ указанiемъ всѣхъ добродѣтелей христiанскихъ и руководствомъ къ нимъ. Любимѣйшимъ моимъ чтенiемъ и теперь были книги по преимуществу духовно-нравственнаго содержанiя, вообще какъ

представлявшія высокіе идеалы жизни, способные еще возбуждать и питать чувства добра, вызывать и поддерживать высокія стремленія духа. Нужно сказать, что, не смотря на нужды и лишенія, испытываемыя нашею семьею, я имѣлъ достаточно времени свободно предаваться серьезнымъ занятіямъ своимъ дѣломъ самообразованія въ дополненіе къ образованію, получаемому школою. Рѣдко, рѣдко я принималъ участіе въ хозяйственныхъ хлопотахъ, главнымъ образомъ при наплывѣ людей зимою (какъ объ этомъ писалъ уже); заботы семьи были направлены къ тому, чтобы не мѣшать мнѣ въ моихъ занятіяхъ. И въ этомъ отношеніи нужда наша семейная въ эту пору не только не ограничивала и не ослабляла моей энергіи, но даже, можно сказать, вызывала ее, развивала и укрѣпляла духъ на серьезный трудъ образованія. За это время я прочелъ много книгъ, которыя своимъ высокимъ содержаніемъ доставляли мнѣ наслажденіе, вполнѣ удовлетворяли моей любознательности и вводили меня въ міръ художественныхъ образовъ. Такъ я прочелъ: Михайло Васильевичъ Ломоносовъ Полевого, 2 большихъ книги; Александръ Васильевичъ Суворовъ, иллюстрированное изданіе Полевого же; изъ сочиненій Карамзина: Письма Русскаго путешественника, Мароа Посадница, Марьина роща, Наталья боярская дочь и еще нѣсколько мелкихъ повѣстей; прочелъ остальные томы Исторіи Государства Россійскаго, и надъ XII томомъ нѣсколько мѣсяцевъ, будучи въ 7 классѣ, проработалъ, дѣлая изъ него извлеченіе въ видѣ класснаго сочиненія; сочиненія Муравьева, Разговоры въ царствѣ мертвыхъ и письма (даже купилъ ихъ себѣ) 2 тома; Исторія Русской церкви Филарета Черниговскаго (одновременно съ изученіемъ ея въ 7-мъ классѣ); Загоскина: Юрій Милославскій и Брынскій Лѣсъ; Лажечникова: Послѣдній Новикъ и Басурманъ; не знаю чей историческій романъ Начало Москвы; изъ сочиненій Озерова трагедіи: Димитрій Донской, Эдипъ, изъ сочиненій Фонъ - Визина: Исповѣдь, письмо изъ Парижа, комедіи Недоросль, Бригадиръ; большой томъ Сто Русскихъ литераторовъ, изданіе Смирдина, сборникъ доставившій мнѣ удачнымъ подборомъ статей особенное наслажденіе и давшій много весьма поучительныхъ уроковъ (вотъ чтеніе незамѣнимое для юношества, и однако гдѣ-же теперь найти эту дорогую книгу, словно исчезла съ лица Русской земли; въ этомъ сборникѣ помѣщена повѣсть «Побѣда отъ обѣда», гдѣ изображено сластолюбіе Потемкина). Какая-то повѣсть Дуровой (чуть ли не «Три клада»), что-то изъ сочиненій Кукольника; но особенно глубокое впечатлѣніе произвела на меня прекраснѣйшая повѣсть изъ жизни ордена «Тампліеровъ», которую я читалъ съ живѣйшимъ увлеченіемъ; Утренняя Заря, Кіевлянинъ за 1840 и 1841 годы. Изъ журналовъ Маякъ за

нѣсколько лѣтъ; изъ его статей глубоко запечатлѣлся въ душѣ моей разсказъ «Перекати поле», гдѣ изображено тайное убійство, слѣды котораго остались скрытыми, но изобличено комкомъ травы «Перекати поле». Тутъ же читалъ я какую-то повѣсть, которая, какъ мнѣ говорили, была написана Яковомъ Кузьмичемъ Амфитеатровымъ. Съ большимъ интересомъ была прочтена мною историческая повѣсть Кулиша: «Михайло Чернышенко» (кажется такъ), впослѣдствіи узналъ я запрещенная и изъятая изъ всѣхъ библіотекъ за какія-то политическія тенденціи, которыя для меня, когда я читалъ, конечно, были неуловимы и свыше моего политическаго кругозора. Но съ особеннымъ увлеченіемъ и постоянствомъ я читалъ произведенія Михаила Десницкаго, митрополита С.-Петербургскаго, «Трудъ, пища и покой духа человѣческаго» «Толкованіе на книгу Бытія,» 5 или 6 томовъ: глубоконазидательное чтеніе, которое помогло мнѣ уразумѣть многое изъ библейскаго содержанія и, главное, установить истинную точку зрѣнія на самую Библію, какъ зерцало человѣческой жизни въ ея не только положительной, но и отрицательной сторонахъ, точку зрѣнія, при которой становятся умѣстными въ богодухновенной книгѣ описанія человѣческихъ страстей и пороковъ, какія по мѣстамъ встрѣчаются въ Библіи, давая инымъ поводъ признавать Библію во всемъ ея составѣ неудобною для чтенія въ пору воспитанія. О какое высокое, возвышенное чувство водило словомъ великого, но къ прискорбію вовсе у насъ неизвѣстнаго проповѣдника при изображеніи и этихъ темныхъ сторонъ человѣка, преданнаго страстямъ. «Для чистыхъ все чисто»: вотъ какое впечатлѣніе оставляли во мнѣ эти чудныя, живо воспроизводимыя картины библейскихъ сказаній въ чистомъ, возвышенномъ словѣ Михаила. Книгу эту я доставалъ у одного изъ товарищей по 6-му классу, *Коломейцева*, давалъ ее отъ себя читать студенту Академіи іеромонаху Висаріону (не помню фамиліи хорошо), и онъ тоже зачитывался ею до глубокой ночи. Въ 6-мъ же или 7-мъ классѣ я читалъ произведеніе Иннокентія «Жизнь св. апостола Павла», въ особой книгѣ, которую я досталъ тоже не изъ Академіи, а отъ кого-то другого: высоко-поучительное чтеніе, которое помогло мнѣ выразумѣть великую милость св. апостола и все великое значеніе его апостольскихъ трудовъ и писаній, и наполнило мою душу глубочайшимъ благоговѣніемъ предъ этою святою, божественною жизнію учителя и апостола язычниковъ. Къ этому же времени относится чтеніе мною словъ Иннокентія о зимѣ, о веснѣ, о грѣхѣ, на молитву св. Ефрема Сирина. Кромѣ любимаго мною чтенія я у Супруновича продолжалъ съ усердіемъ заниматься черченіемъ картъ (по географіи Россіи, которую тогда проходили въ 5-мъ классѣ) и рисованіемъ; но то и другое

оставлено мною съ переходомъ въ 6-й классъ, когда усиленно долженъ я былъ заниматься составленіемъ записокъ по Русской словесности и Всеобщей исторіи.

Имѣлъ я всегда достаточно времени поразмыслить надъ читаннымъ, а уединиться для этого было гдѣ. Высокія христіанскія добродѣтели, которыя вызывали въ дѣтской душѣ моей безсознательное умиленіе жизнеописаніями святыхъ Божіихъ, теперь уже не предносились предо мною, какъ блестящія свѣтила, которымъ можно только изумляться, преклоняясь предъ ними, но уже какъ обязательныя *и для меня* дѣла любви къ Богу и ближнему и какъ единственное достойное Бога служеніе Ему. Служить Богу уже значило для меня не только молиться Ему, поклоняться, поститься, совершать священные обряды, чуждаясь суеты міра, избѣгая людей; но дѣлать доброе предъ Богомъ и людьми, жить такъ, какъ бы непрестанно ходимъ предъ Нимъ и видимъ Его предъ собою. «Камо пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу?». Думая же такъ и размышляя, я тогда уже постигалъ всю безмѣрную для моего духовнаго преуспѣянія заслугу моей матушки, которая всѣми силами своего любящаго сердца воспротивилась поступленію моему въ монастырь, когда я былъ еще мальчикомъ, и старалась отклонить мою мысль дѣтскую отъ такого для меня самого прежде всего опаснаго шага. О, теперь я понималъ, отъ какого страшнаго духовнаго мрака спасла меня любовь матушки тогда, въ пору моего дѣтскаго неразумія и ревности къ Богу не по разуму. Что̀ было бы съ нами тогда? Пылъ религіозный, возбужденный въ дѣтской душѣ сильными впечатлѣніями, извнѣ воспринятыми, охладѣлъ бы скоро; условія нашей монастырской жизни, замѣчательно чуждыя всякаго развивающаго начала въ смыслѣ религіознаго просвѣщенія, заключающія человѣка исключительно въ среду внѣшней обрядности, скоро бы положили преграду и моимъ стремленіямъ, направивъ и ихъ на тотъ же путь исключительно - обрядовой жизни, но не давъ ничего внутренне образующаго въ смыслѣ нравственныхъ основаній жизни; дурные примѣры, которыхъ немало и въ монастырѣ, не встрѣчали бы себѣ отпора въ непросвѣтленной духомъ религіи душѣ, насильно вторгались бы въ нее и тайно, быть можетъ, но все же развращали бы ее, творя лицемѣра, и пропалъ бы я для истинно-духовной жизни. А теперь, сидя на лѣстничкѣ, я вдумывался въ духъ христіанской жизни, я рвался къ Богу, но видѣлъ Бога уже очами молящагося сердца. Я понималъ, въ чемъ должно состоять истинное служеніе Ему, для меня ясны были заповѣди Его божественнаго закона; я зналъ, что̀ дѣлать, гдѣ искать помощи, въ минуты искушеній. Среди семьи родной

я не видѣлъ того зла, котораго вдоволь наглядѣлся бы между монастырскими «слимаками»; среди людей, въ оживленномъ общеніи съ ними, я узналъ разнообразные способы быть имъ полезнымъ; живя въ нуждѣ и лишеніяхъ за одно съ своею семьею, я научился горячо, пламенно молиться, и идти въ храмъ Божій стало и живѣйшею потребностью моей души, и высокимъ наслажденіемъ. Да, я ясно понималъ, что сдѣлала для меня матушка, удержавъ меня въ свое время отъ монастыря. И все таки я любилъ монастырь, и монастырское богослуженіе, стройное, чинное, благоговѣйное, неспѣшное я всегда предпочиталъ службѣ въ приходской церкви. Я теперь еще чаще, подросши, сталъ ходить въ Лавру, бывалъ часто въ пещерахъ, слушалъ позднюю обѣдню въ великой церкви, наслаждаясь чуднымъ лаврскимъ напѣвомъ; послѣ же обѣдни заходилъ обыкновенно къ Симеону (о которомъ выше сказано), и здѣсь, въ его келейкѣ, подкрѣплялся и чаемъ, и закускою, и кушаньями изъ митрополичьей кухни. И теперь еще помню необыкновенно вкусно приготовляемый постный съ рыбою борщъ и густую манную молочную кашу, которою угощалъ меня столь радушно незабвенный для меня Симеонъ. Когда митрополитъ переѣзжалъ на жительство въ Софійскій соборъ, я и тамъ бывалъ у Симеона, навѣщалъ его уже послѣ экзаменовъ въ 6-мъ, а потомъ и 7-мъ классѣ, приходя въ соборъ помолиться и поблагодарить Бога за помощь мнѣ въ ученіи. Побывавъ на вечернѣ, я заходилъ и къ Симеону, и онъ и здѣсь не отпускалъ меня безъ чаю и какого-либо угощенія. Онъ очень любилъ меня. Разъ, помню, онъ захотѣлъ пройтись со мною нѣсколько послѣ угощенія; было это въ Лаврѣ, зашла рѣчь о монастырѣ; онъ зналъ мое настроеніе и преданность церкви. «Любите Бога, любите св. церковь, но въ монастырь не поступайте, не совѣтую вамъ; трудно въ монастырѣ; гоненій много. Оставайтесь въ мірѣ, будьте въ мірѣ монахомъ: служите Богу въ мірѣ. Это и нужнѣе для людей!» Такъ говорилъ Симеонъ, и рѣчь его, звучавшая искреннею любовью, согласовалась уже съ тѣми мыслями и чувствованіями, которыя рождались въ то время въ душѣ моей, какъ плодъ того воспитанія, которымъ я обязанъ незабвенному моему другу - воспитателю Аполлону Ивановичу, безграничной любви матери и прочимъ благопріятнымъ условіямъ, выше изображеннымъ. Особенно любилъ я бывать въ Лаврѣ въ недѣли ближайшія къ Великому посту и въ послѣднюю, прощальную недѣлю. Помню, разъ «въ недѣлю о Закхеѣ» митрополитъ Филаретъ говорилъ проповѣдь. Обыкновенно вынеся Св. Евангеліе, раскрывали его положенное на аналоѣ, и Филаретъ, читая прочтенное слитно за литургіею Евангеліе, сопровождалъ каждый стихъ толкованіемъ. Говорилъ онъ громко; для всей церкви слышна была его согрѣтая чувствомъ и во-

одушевленіемъ рѣчь. Тогда, говоря о Закхеѣ, онъ съ такимъ смиреннымъ чувствомъ, съ такою силою убѣжденія говорилъ, что, я это видѣлъ, нѣкоторые мужчины плакали. Тишина въ церкви была невозмутимая. Въ прощальную недѣлю я обыкновенно пообѣдавъ у Симеона, оставался до вечерни, слушалъ вечерню въ великой церкви, совершаемую въ этотъ день обыкновенно намѣстникомъ Лавры (тогда Лаврентіемъ), который послѣ вечерни прощался съ братіею, творя ей земное поклоненіе, на что тѣмъ же отвѣчали всѣ монашествующіе. Видѣть это было очень умилительно, наканунѣ самаго наступленія великаго поста, при особенной настроенности къ чувству смиренія и сердечному умиленію, и съ такимъ именно чувствомъ я оставлялъ Лавру и возвращался домой поздно вечеромъ. Можно поэтому судить, съ какимъ настроеніемъ я проводилъ вечеръ заговѣнъ и встрѣчалъ великій постъ. Къ моему счастію, это настроеніе было общимъ и всей нашей семьѣ, не дозволявшей себѣ никогда веселиться и развлекаться въ этотъ вечеръ, обыкновенно проводимый въ нашей семьѣ въ строгой тишинѣ.

Не могу однако сказать, чтобы духъ спокойнаго веселія уже вовсе былъ изгнанъ изъ нашей семейной жизни облегавшею ее нуждою, чтобы вовсе чужды были намъ жизненныя радости и удовольствія, понимаемыя въ общемъ человѣческомъ смыслѣ. Между пріѣзжими бывали люди очень порядочные, общество съ которыми, или за чашкою чаю, или въ лѣтній вечеръ на дворѣ, доставляло намъ немало удовольствій. Раздавались въ нашей средѣ и шутки. Помню, у насъ постоянно останавливался одинъ уѣздный врачъ *Петръ Ивановичъ*, и вотъ разъ помѣстился онъ за неимѣніемъ другой комнаты, когда всѣ были заняты, въ той, гдѣ я постоянно работалъ. Замѣчая во мнѣ всегдашнюю скромность, онъ разъ пошутилъ: «Вотъ вижу, вы точно монахъ; ну а что, если вмѣсто монастыря да женитесь? Дѣло!» Я вдругъ при этихъ словахъ вспыхнулъ и даже моментально откинулся въ сторону, а онъ разразился громкимъ смѣхомъ. «Смотрите, Марья Павловна (матушка моя). Я говорю: Николай, вы женитесь, а онъ какъ кинется, чуть со всѣхъ ногъ не бросился бѣжать изъ комнаты». Впрочемъ, въ нашей семьѣ въ теченіе всѣхъ этихъ четырехъ лѣтъ, можно сказать, безпрестанно слышался веселый, заливающійся смѣхъ, источникомъ котораго была все таже племянница хозяина, о которой выше я упоминалъ, записная хохотунья, шутница, насмѣшница; кажется, вся она была воплощенный смѣхъ; лицо, глаза ея смѣялись. Я только не сдавался подъ ея смѣхъ, въ случаѣ всегда держался въ сторонѣ, и даже кромѣ обыкновенныхъ привѣтствій и необходимости лично отъ себя почти не говорилъ съ нею, старательно устраняя себя

отъ ея насмѣшекъ и шутокъ, и она оставляла меня въ покоѣ. Были и другія передышки въ нашей скорбной жизни, когда скорбь, повидимому, уступала мѣсто беззаботному удовольствію. Наша сосѣдка Меланія Алексѣевна, имянинница 31 Января, всегда собирала у себя всѣхъ, и въ веселомъ обществѣ встрѣчали у нея Новый годъ матушка съ сестрою; я же съ отцомъ дома оставались. Тамъ веселились, танцовали, пѣли и проводили ночь до самаго благовѣста къ утрени въ Братскомъ монастырѣ; тогда собирались и шли въ церковь па утреню. Веселье, значитъ, было не чуждо молитвѣ и заключалось ею!.. Разъ, матушка лѣтомъ собралась прокатиться съ нами на пароходѣ къ Межигорью; взяли съ собою большой самоваръ, приборъ, закуску; матушка пригласила еще кого-то изъ родныхъ или знакомыхъ и поѣхали. Пріѣхавъ въ Межигорье, въ бесѣдкѣ поставили самоваръ, взяли воды изъ знаменитаго родника «Звонка», и пока усѣлись въ ожиданіи чаю, какъ вдругъ свистокъ собираться на пароходъ... Кинулись, захвативъ съ собою кипящій самоваръ, и усѣлись на палубѣ пить чай. На бѣду мою я сказалъ матушкѣ, что съ нами ѣдетъ одинъ изъ учителей моихъ по гимназіи, Бѣлоусовъ, учитель математики. Матушка и пристань: «пригласи г. учителя откушать съ нами чаю». Я заупрямился и наотрѣзъ отказался это сдѣлать. Мнѣ показалось такое приглашеніе неумѣстнымъ, ибо на пароходѣ былъ буфетъ, и г. Бѣлоусовъ могъ напиться чаю оттуда. Ну, а что, думалось, мнѣ если онъ поэтому и откажется, и я предъ всѣмъ обществомъ долженъ буду уйти съ носомъ? Были тутъ и ученики. Ну вотъ и они что̀ подумаютъ тогда? И по дѣломъ, не подлизничай! Такъ я и не пригласилъ. И досталось же мнѣ потомъ отъ матушки, когда пріѣхали домой! Но матушка, конечно, не могла вникнуть въ мои соображенія; ей просто, по ея всегдашнему радушію, совѣстно было самой пить чай, и не попоить человѣка, котораго она, какъ моего учителя, считала для себя не чужимъ, а близкимъ, какъ бы знакомымъ, и ужъ для меня очень близкимъ. Такимъ образомъ это удовольствіе было неожиданно и всецѣло испорчено для меня. Въ другой разъ тоже одно удовольствіе самъ я испортилъ или, вѣрнѣе, значительно его ограничилъ. Разъ, лѣтомъ, остановился у насъ актеръ проѣзжій и предложилъ матушкѣ въ свой бенефисъ даровой билетъ въ ложу. Матушка была любительница театра, и вѣрно, когда была въ дѣвицахъ или въ пору нашего ранняго дѣтства, хаживала въ театръ. Актеръ съ увлеченіемъ разсказывалъ намъ про художественную игру знаменитой артистки Молчановой, которая даже и останавливалась въ нашемъ домѣ; разсказывалъ весьма трогательно про трагедіи Купецъ Иголкинъ, про Гамлета, особенно про сцену съ гробокопателемъ; про Парашу Сибирячку, разсказывалъ и про «Мо-

скаля-Чаривника». Вотъ матушка съ удовольствіемъ и теперь приняла предложеніе, и потащила и меня съ собою, именно потащила. Я, какъ могъ, отказывался; нѣтъ, заставила идти. «Что̀ скажутъ люди? Мать въ театрѣ, а сына нѣтъ; вѣрно, она сама любитъ только веселиться, а дѣти сиди дома. Иди, да иди!» И помню, пока шла драма, я еще кое-что глядѣлъ, кое-что слушалъ, кажется «Роберта-діавола» Но когда послѣ драмы стали играть какой-то водевиль, я прямо отвернулся въ сторону въ ложѣ; такъ и не посмотрѣлъ на сцену. Долго матушка смѣялась надъ моимъ чудачествомъ; но смотрѣть на эти безобразія и слушать ихъ я рѣшительно не находилъ для себя ни малѣйшаго удовольствія. Я былъ уже тогда въ 6-мъ классѣ, и изъ уроковъ теоріи поэзіи зналъ, какъ высоко назначеніе театра; потому въ той формѣ, въ какой могъ тогда, предъ глазами близкихъ мнѣ людей хотѣлъ заявить протестъ противъ такого нетерпимаго искаженія высокой идеи театра, выродившагося въ водевиль, въ фарсъ. Благодареніе Богу, не театръ съ своею грязью и пошлостью былъ моимъ воспитателемъ, и моему чувству не въ театрѣ представлялась обильная пища, придававшая юной жизни моей поэтическій оттѣнокъ.

Кромѣ тѣхъ великихъ силъ, благотворное дѣйствіе которыхъ на меня изобразилъ я, кромѣ св. церкви съ ея возвышенною поэзіею, съ ея чудными пѣснопѣніями, сама чудная природа Кіевская вливала изо дня въ день въ душу мои чистыя струи поэтическаго настроенія, настраивала меня къ эстетическимъ удовольствіямъ. Каждый день, какъ сталъ я ходить въ Гимназію съ Подола на Крещатикъ, позже на Старый Кіевъ, я видѣлъ предъ собою съ высоты Кіевскихъ горъ до предѣловъ горизонта раскидывающуюся во всѣ стороны очаровательную картину до широкаго Днѣпра и всего Заднѣпровья, на сѣверной точкѣ котораго высился древній Вышгородъ, а съ южной тянулся величественною лентою цѣпной висячій мостъ, прямо же на Востокъ раскидывался дремучій боръ. Взойдешь на паперть церкви св. Андрея Первозваннаго, что̀ за чудныя картины откроются предъ тобою, куда ни поглядишь. Внизу весь Подолъ съ своими пестрыми домами, съ своимъ движеніемъ; тамъ широкое поле Оболонья; тамъ стараешься уловить въ скрывающейся отъ глазъ дали впервыя показывающееся русло Днѣпра, блестящею серебристою лентою едва-едва выдѣляющееся отъ облегающихъ его низменныхъ береговыхъ песковъ; тамъ видишь на лукѣ къ Подолу впадающую въ Днѣпръ красивую Десну; вотъ Днѣпръ у ногъ твоихъ катитъ величаво свои полноводныя струи, и слѣдишь, слѣдишь за нимъ, какъ онъ течетъ у величественныхъ горъ Кіевскихъ, упирается въ цѣпной мостъ и тамъ теряется въ дали въ серебристомъ разливѣ среди луговыхъ поворотовъ. А тутъ, смотришь,

изъ-за этихъ прихотливыхъ изгибовъ показывается дымокъ; дымокъ все отчетливѣе разстилается, двигаясь въ воздушной выси, тамъ обрисовывается труба, и пароходъ величественно выходитъ на ширину рѣки, направляясь къ Подолу. Еще величественнѣе Днѣпръ въ весенній разливъ, когда вся обширная площадь Оболонья съ Заднѣпровьемъ представляетъ одно громадное озеро, предѣлы котораго блещутъ на горизонтѣ, далѣе виденъ Вышгородъ, а внизу порядочная часть затопленнаго Подола. И стоишь, любуясь этою величественною картиною, прелесть которой неописуема въ первые часы ранняго утра, когда солнце еще своими косыми серебристыми лучами обливаетъ всю эту ширь очаровательнымъ освѣщеніемъ и когда Днѣпръ особенно величественъ, отражая въ водахъ своихъ длиннѣйшею ослѣпительнаго блеска полосою эти почти горизонтальные еще лучи солнца. Прелесть! Очарованіе! И нужно заставить, принудить себя оторваться отъ этого волшебнаго міра Андреевской паперти и съ этой поднебесной выси спуститься въ обыкновенный низменный міръ уличной обстановки. Перейдешь съ этого мѣста паперти на другое, въ сторону Кіевскихъ горъ: тутъ новая прелестная картина. Тутъ предъ тобою волнующееся холмами, возвышенностями, изрѣзанное крутыми обрывами, покрытое роскошною зеленью садовъ и отдѣльныхъ группъ деревьевъ, гористое пространство нашей Кіевской Швейцаріи, Кожемяки, Юрковица, Лукьяновка, а ближе возвышеннѣйшія площади горъ Щеки и Хорива съ покоющимися на нихъ высяхъ городскимъ и женскаго монастыря кладбищами подъ сѣнью храмовъ Божьихъ. И картина, и поучительное напоминаніе!.. На пути въ Лавру, проходя по Царскому саду, взойдешь на край крутого горнаго обрыва надъ Днѣпромъ: опять таже величественная картина въ другихъ своихъ частяхъ. Прямо подъ тобою красивые уклоны къ рѣкѣ горныхъ обрывовъ, усѣянные деревьями, прорытые стекающею дождевою водою; а тутъ внизу, смотришь, точно рукою подать, протягивается набережное шоссе и проѣзжаетъ какая нибудь подвода съ хлѣбомъ съ той стороны Днѣпра, медленно двигаясь, какъ нарочно, чтобы дать тебѣ вдоволь налюбоваться этою спокойною жизнью среди тишины окружающей прелестной мѣстности. Посмотришь въ сторону, Подолъ уже предстаетъ въ другомъ, еще болѣе очаровательномъ видѣ съ своею набережною, съ своею излучисто вдающеюся въ берегъ пристанью, съ цѣлыми караванами байдаковъ, берлинъ, грузящихъ и разгружающихся; видимо, кипитъ жизнь, движеніе, челноки, лодки, баркасы снуютъ по рѣкѣ. А здѣсь въ Царскомъ - то саду какое раздолье! Какая роскошь! Роскошь и вверху, гдѣ зданіе минеральныхъ водъ съ своими прелестнѣйшими, широчайшими тѣнистыми аллеями съ одной стороны, съ своею прелестною пло-

щадкою со стороны Печерска, обсаженною по обѣимъ сторонамъ расходящимися отъ входныхъ воротъ рядами гигантскихъ тополей, воспѣтыхъ Пушкинымъ. А съ этой длиннѣйшей аллеи, что тянется надъ обрывомъ, заканчиваясь къ сторонѣ Днѣпра красивою бесѣдкою, какой очаровательный видъ на Старый Кіевъ съ его соборами и многочисленными церквами, съ выдающимся величественнымъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ, съ массивнымъ, рельефно выдѣляющимся Римско-католическимъ костеломъ, съ боковымъ видомъ на всю длинную линію Кіевскихъ горъ и вѣнцомъ ихъ, церковью св. Андрея Первозваннаго, а тамъ еще дальше церковью Щекавицы. Прелестная картина, особенно въ часы вечера при закатѣ солнца. И отсюда же видна синѣющаяся въ часы заката солнечнаго даль Вышгородскихъ возвышенностей. Я любилъ здѣсь проводить именно часы вечера и несказанно любовался солнечнымъ закатомъ, когда вокругъ глубочайшая тишина, не слышно вовсе городского шуму, а небо окрашивается золотистыми лучами заходящаго свѣтила, и кое-гдѣ бродящія тучки покрываются игривыми цвѣтами пурпурнаго освѣщенія. Незабвенныя минуты! Это вверху. А внизу въ Царскомъ же саду (гдѣ теперь гнѣздовище всякой нечистоты, такъ называемое «Château des fleurs») глубокая котловина, окруженная со всѣхъ сторонъ возвышенностями, вся залитая роскошною зеленью, и посреди нея длинная тополевая аллея. О прелестнѣйшая аллея украинскихъ тополей! Здѣсь, бывало, я любилъ, возвращаясь изъ Лавры, отдыхать, иногда и нарочно сюда приходилъ провести нѣсколько часовъ въ совершенномъ уединеніи и тиши. Тутъ уже не было никакихъ видовъ; тутъ забывалось вовсе, что этотъ очаровательный уголокъ въ городѣ же, и думалось, что ты въ какой-либо пустынѣ, гдѣ окружающая тебѣ чистая, прелестнѣйшая природа—единая земная свидѣтельница твоихъ думъ, твоего бытія! Выйдешь изъ Царского саду по направленію къ Лаврѣ, тутъ же, сейчасъ же предъ тобою разстилается обширнѣйшій роскошный плацъ для военныхъ парадовъ, огромный квадратъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ обсаженный опять тѣми же величавыми тополями-великанами. Любо это раздолье! Какъ свободно здѣсь дышется! Подходишь къ Лаврѣ, новая прелестнѣйшая картина: опять подкрѣпостной плацъ огромнѣйшихъ размѣровъ, цѣлое поле; далѣе не столько грозно, сколько гордо и величаво высятся земляные зеленѣющіе валы цитадели, и слѣва отъ дороги развивается штандартъ и флагштокъ. А надъ валами и изъ за валовъ поднимаются Лаврская колокольня и золотоглавая великая церковь Лавры и другія окрестныя церкви Лавры. Какое точно небесное видѣніе въ этомъ земномъ мірѣ суеты и заботъ, зовущее къ миру, къ молитвѣ, къ подвигу. И я часто, часто видѣлъ эту небесную картину! Въ Лаврѣ я непремѣнно, бывало,

зайду на галлерею типографскаго зданія, обращенную къ Днѣпру и тогда для всѣхъ доступную, и сижу, сижу, или ожидая начала службы, или послѣ службы, и безконечно любуюсь опять тѣмъ же Днѣпромъ, но уже въ другихъ видахъ: отсюда явственно виденъ висячій мостъ съ противоположной стороны отъ Подола, видно отчетливо движеніе по нему пѣшеходовъ и ѣдущихъ; далѣе, какъ его продолженіе, далеко, далеко тянущаяся среди бора *Броварская* дорога, впереди прямо тотъ-же боръ, и прибережныя слободки. И все тоже ослѣпительное освѣщеніе утренняго солнца, здѣсь еще очаровательнѣе вблизи самаго Днѣпра. Спустишься въ пещеры, какая прелесть эти пещерные сады, которыми, избѣгая духоты крытыхъ переходовъ, я обыкновенно проходилъ въ тѣ и другія, «ближнія» и «дальнія пещеры», то спускаясь, то поднимаясь по лѣстницамъ боковъ оврага, раздѣляющаго пещеры. Тутъ присядешь, и просто любуешься этою зеленью, этою тишиною, часто подъ звуки то тамъ, то здѣсь раздающагося церковнаго благовѣста, здѣсь же на пещерахъ, или далеко расходящагося густаго, дрожащаго въ воздухѣ, могучаго благовѣста съ высоты Лаврской колокольни. Проходятъ богомольцы, благоговѣйно осѣняющіе себя крестомъ предъ иконами тутъ находящагося колодца. Видишь на лицахъ ихъ еще, такъ сказать, слѣды глубокаго молитвеннаго настроенія, наполнявшаго ихъ простыя души въ глубокомъ подземномъ мірѣ пещеръ. Изъ Лавры спускаешься на обратномъ пути домой къ рѣкѣ и идешь по набережному шоссе, тянущемся съ одной стороны у самой подошвы длинной линіи горъ, съ другой по насыпи надъ берегомъ рѣки. Особенно прелестна эта дорога въ вечерніе часы, или часы послѣ полудня, близко къ вечеру. Отъ горъ падаетъ на шоссе прохлаждающая тѣнь, отъ рѣки вѣетъ тоже пріятною свѣжестью. Идешь, полною грудью вдыхая эту прохладу и оживляясь. Подходишь къ часовнѣ св. Николая, которая стоитъ какъ разъ противъ цѣпного моста. Какая трогательнѣйшая картина! Богомольцы одни перешли только что мостъ, вступили на священную для ихъ благочестивыхъ душъ почву Кіева и смиренно повергаются предъ иконою святителя въ чувствѣ благодарности къ Богу за совершенный ими трудный долгій путь. Другіе же уходятъ домой, тутъ же прощаются съ Кіевскою святынею такою же усердною молитвою и, еще много разъ набожно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, вступаютъ наконецъ на полотно моста и въ путь-дорогу. Добрый путь вамъ, добрые люди! Продолжаешь идти по шоссе, все поглядывая на выси горъ, гдѣ расположенъ Царскій садъ, разглядываешь съ любопытствомъ эти овраги, осыпавшіеся отъ напора весеннихъ водъ громадныя глыбы красной глины и ила, любуешься рѣкою, медленно спускающимися по рѣкѣ плотами и барками, нагруженными лѣсомъ,

видишь этихъ «Литвиновъ», въ грязныхъ задымленныхъ рубашкахъ, усердно работающихъ у руля передняго и задняго, и тутъ же горитъ огонекъ, варится ужинъ. Не налюбоваться этою рѣчною идилліей. И вотъ подходишь къ набережному Крещатицкому памятнику св. равноапостольнаго Владимира. Здѣсь какая чудная картина! Уютно, подъ подошвою боковой горы, поднимается скромная бѣлая колонка памятника, опираясь на арки, скрывающія подъ собою колодезь родниковой воды, какъ эмблему крещенія Руси на этомъ мѣстѣ. Идешь дальше и съ жалостью прощаешься съ прелестнымъ шоссе, вступая въ уличную суету и шумъ главной улицы Подола, которую я все-таки часто обходилъ, пробираясь берегомъ почти до самаго квартала, гдѣ была наша квартира. А отсюда, что̀ день въ теченіе всего моего дѣтства и юности, что̀ день, видишь всю длинную красивую линію Кіевскихъ горъ съ Царскимъ садомъ на одномъ концѣ, съ Щекавицою на другомъ, съ уклонами горы надъ красиво въ виду рѣки поднимающеюся въ гору Александровскою улицею, вверху зданія Михайловскаго монастыря съ колокольнею, и прямо надъ тобою видишь опять это какъ бы небесное видѣніе, величественную церковь св. Андрея Первозваннаго, гордость, и красу, и вѣнецъ красотъ Кіева, видишь все это изо дня въ день, въ теченіи многихъ, многихъ лѣтъ долгой поры воспитанія: развѣ не значило это быть изо дня же въ день подъ непрестаннымъ, благотворнымъ вліяніемъ чудной природы Кіева? Развѣ не значило это изо дня въ день, какъ воздухъ, впивать въ себя въ пору впечатлительнаго дѣтства и молодости плодотворный поэтическій токъ, чувство поэзіи, конечно, не въ словѣ, не въ рѣчи геніевъ, поэтовъ, а въ жизни, въ тайникахъ души, въ стремленіяхъ сердца, въ просторѣ, въ свободѣ духа, въ этомъ свѣтѣ, въ этомъ полномъ жизни духовномъ началѣ человѣка. Побываешь въ Софійскомъ соборѣ: какая кругомъ собора роскошная полянка! Можно обойти весь соборъ свободно, и ходишь, ходишь вокругъ подъ звуки соборнаго благовѣста, особенно пріятные какимъ-то музыкальнымъ отзвукомъ, который сладостно чувствуется слуху при каждомъ ударѣ языка о колоколъ. Въ этомъ Софійскомъ благовѣстѣ особенная прелесть, этотъ чудный аккордовый отзвукъ, какого нѣтъ ни въ одномъ изъ колоколовъ монастырей Кіева и даже Лавры, хотя благовѣстъ Лавры таже музыка, особенно, своеобразно настроенная, которую слушалъ бы и слушалъ. Такъ и было со мною... Я нарочно выходилъ изъ церкви, чтобы послушать этой музыки въ колоколахъ съ участіемъ особо придѣланнаго металлическаго колеса шины, о которую съ такимъ искусствомъ и въ тактъ ударяютъ, вторя переливамъ колоколовъ. Сколько поэзіи! А скромный «цвинтарь» нашей приходской церкви, а такіе же тихіе, безмолвные уголки «цвин-

таря› церквей Николая Добраго, Покрова Пресвятыя Богородицы, гдѣ я тоже почасту гулялъ, особенно въ часы вечера; а тѣнистыя аллеи Братскаго монастыря и садики академическіе, гдѣ такъ благодатно и счастливо текли многіе, многіе часы моего дѣтства и юности!.. Эта земля церковныхъ дворовъ, эта священная тишина, окружающая храмы Божьи, это уединеніе среди шумнаго города, сколько поэзіи они незамѣтно вливали въ душу мою, и мнѣ такъ сладостно, такъ пріятно было провести именно здѣсь свой вечерній досугъ... и отовсюду, картины: горы, церковь св. Андрея Первозваннаго... И солнце, закатывающееся за горы! Любя церковь, я любилъ бывать на торжественныхъ крестныхъ ходахъ въ день Преполовенія къ колодцу Сампсона изъ Успенской церкви, въ день 1-го Августа и Богоявленія на Днѣпръ отъ Братскаго монастыря, при громадномъ стеченіи народа, при участіи войскъ, шпалерами размѣщавшихся по улицѣ и площади, и затѣмъ сопровождавшихъ возвращеніе крестнаго хода военною музыкою изъ нѣсколькихъ оркестровъ, поочередно игравшихъ. Даже печальныя погребальныя шествія производили на душу мою миротворное, успокоительное впечатлѣніе. Только въ Кіевѣ такъ торжественно хоронятъ покойниковъ, подъ благовѣстъ полный, гармоническій всѣхъ церквей, мимо которыхъ несутъ покойника, подъ сѣнью развивающихся надъ гробомъ знаменъ Кіевскихъ церквей, обступающихъ гробъ съ обѣихъ сторонъ. Замолкаютъ на время колокола, поютъ пѣвчіе, перестаютъ пѣть, начинаетъ похоронный маршъ приглашенный оркестръ музыки. И подъ такимъ согласнымъ, дружнымъ сочетаніемъ музыки, пѣнія, колоколовъ, на всемъ пути къ кладбищу, провожаешь покойника въ чинномъ настроеніи духа, питая высокіе помыслы, услаждаясь и послѣднею честью, какую отдаютъ живые усопшему, провожая его столь торжественно къ мѣсту вѣчнаго покоя.

Среди такихъ впечатлѣній, окруженная такими величественными картинами роскошной Кіевской природы, протекала моя жизнь во весь періодъ моего ученія въ Гимназіи, въ періодъ уже сознательнаго отношенія къ окружающему міру, вдохновляя и поэтически настраивая мнѣ душу и служа прекраснымъ дополненіемъ къ тому, что̀ такъ воспитательно дѣйствовало на меня въ священной области вѣры, молитвы, церковныхъ пѣснопѣній, въ тихомъ кругу доброй, благочестивой семьи, при воздѣйствіи дружбы и братской любви незабвеннаго Аполлона Ивановича, и что̀ въ свою очередь давала мнѣ проходимая мною въ это самое время школа—Гимназія.

ДВА ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

къ генералъ-лейтенанту Фонъ-Фёрстеру.

Въ числѣ бумагъ умершей 9 Ноября 1890 года начальницы Тифлисской женской прогимназіи Екатерины Егоровны Митридатовой нашлись два собственноручныхъ письма императора Николая Павловича (когда онъ былъ еще великимъ княземъ) къ ея отцу генералъ-лейтенанту Фонъ-Фёрстеру: одно изъ Москвы, отъ 20 Мая 1818 года (чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ рожденія въ Москвѣ императора Александра II), касающееся вопроса объ укрѣпленіи Хотина, а другое изъ Петербурга, отъ 22 Февраля 1820 года, объ уплатѣ долговъ генерала Фонъ-Фёрстера. Къ сожалѣнію, о генералѣ Фонъ-Фёрстерѣ намъ ничего неизвѣстно, а въ бумагахъ покойной Митридатовой свѣдѣній относящихся къ ея отцу не сохранилось. Извѣстно только, что генералъ Фонъ-Фёрстеръ проживалъ въ сороковыхъ годахъ въ Одессѣ. К. Я.

I.

Moscou, le 20 May 1818.

J'ai appris avec grand plaisir l'accueil gracieux que vous avez reçu, général, de la part de Sa Majesté l'Empereur. Cela m'a été une nouvelle preuve bien flatteuse que Sa Majésté rend justice au mérite partout où il le trouve. Recevez en mes félicitations et croyez que sans vous connaître j'y prends le plus vif intérêt, comme regardant un de mes camarades des plus distingués. Ce n'est pas sans peine que j'ai appris par mon digne collégue, le général Opperman, que Sa Majesté paraissait disposée à abandonner Хотинъ, vu son site défectueux, et suis parfaitement d'accord avec votre opinion, que stratégiquement parlant c'est un point qu'il ne faut pas négliger, et qu'en outre la quantité de bons bâtiments en pierre, qui sont renfermés dans son enceinte, serait une perte véritable pour l'état si on les abandonnait: Quant au site, tant que je m'y connais, il n'est pas sans possibilité de le fortifier, ou du moins d'en profiter le plus possible pour un habile ingénieur. En conséquence de cela c'est vous, général, que je charge de faire un projet d'après vos idées pour fortifier Хотинъ; personne ne peut mieux que vous s'en acquitter: la connaissance parfaite que vous

avez du lieu et vos lumières me sont garants de la réussite de la commission que je vous donne, et je vous prie de vous mettre d'abord à l'ouvrage; sitôt achevé, je vous prierais de me l'envoyer directement soit ici, soit à Pétersbourg, en y joignant un plan.

Croyez à la parfaite estime avec laquelle je me dis votre affectionné

Nicolas.

Переводъ.

Москва, 20 Мая 1818 г.

Я узналъ съ большимъ удовольствіемъ о милостивомъ пріемѣ, оказанномъ вамъ, генералъ, Его Величествомъ Государемъ Императоромъ; это было для меня новымъ и притомъ лестнымъ доказательствомъ того, что Его Величество воздаетъ должное заслугамъ, гдѣ бы онъ ихъ ни находилъ. Поздравляю васъ съ этимъ, и повѣрьте мнѣ, что хотя я и не знаю васъ лично, но я особенно въ этомъ заинтересованъ, такъ какъ дѣло касается одного изъ моихъ достойнѣйшихъ сослуживцевъ. Къ моему прискорбію, я узналъ отъ своего достойнаго товарища, ген. Оппермана, что Его Величество, повидимому, расположенъ бросить (abandonner) Хотинъ, въ виду его невыгоднаго мѣстоположенія: но я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что съ стратегической точки зрѣнія это мѣсто, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать, и что, кромѣ того, бросать на произволъ судьбы извѣстное количество солидныхъ каменныхъ построекъ, находящихся въ крѣпостной оградѣ, составило бы для государства значительную потерю. Что же касается позиціи, то, насколько я понимаю дѣло, не представляло бы трудности способному инженеру укрѣпить ее, или по крайней мѣрѣ извлечь изъ нея возможную пользу. Вслѣдствіе этого, прошу васъ, генералъ, составить, согласно вашей идеѣ, проектъ укрѣпленія Хотина. Никто лучше васъ не можетъ исполнить это порученіе: основательное ваше знакомство съ этою мѣстностью и ваши познанія ручаются въ полномъ успѣхѣ возлагаемаго мною на васъ порученія. Прошу васъ приняться тотчасъ же за дѣло, и какъ только оно будетъ окончено, я просилъ бы васъ прислать мнѣ или прямо сюда, или въ Петербургъ, вашъ трудъ, съ присоединеніемъ плана.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ которымъ пребываю къ вамъ благосклонный

Николай.

II.

Le 22 Février 1820.

J'ai porté à la connaissance de Sa Majésté l'Empereur votre désir, mon général; mais Sa Majésté, à ma très grande satisfaction, a trouvé qu'il serait dommage de voir quitter son service à quelqu'un qui a toujours rempli sa carrière d'une manière aussi distinguée, et m'a ordonné en conséquence de vous informer qu'elle ne consentait pas à ce que vous vous retiriez.

L'Empereur, supposant en même temps que c'est, peut-être, l'état un peu gêné de vos affaires qui vous engage à cette démarche, a bien voulu prendre connaissance de vos affaires, qui lui ont été communiquées, et a bien voulu donner ses ordres à m-r de Gourieff de faire les arrangements nécessaires pour pouvoir remplir votre dette. L'extrait que je joins ici vous donnera l'idée de ce dont je parle, et en même temps de ce que m-r du Gourieff juge possible de faire. Vous voudrez bien vous donner la peine de m'informer de votre résolution à se sujet, pour que je puisse la porter à la connaissance de Sa Majesté l'Empereur. Croyez à l'entièrement estime de celui qui sera pour la vie votre très affectionné

Nicolas.

Переводъ.

22 Февраля 1820 г.

Я довелъ до свѣдѣнія Его Величества Государя Императора о вашемъ желаніи, генералъ; но Его Величество, къ моему величайшему удовольствію, нашелъ, что было бы очень жаль лишиться того, кто всегда несъ свою службу съ такимъ отличіемъ. Вслѣдствіе этого, Государь повелѣлъ васъ поставить въ извѣстность, что онъ не соглашается на вашу отставку.

Государь Императоръ, въ томъ предположеніи, что, быть можетъ, нѣсколько стѣсненное положеніе вашихъ дѣлъ побуждаетъ васъ выходить въ отставку, соблаговолилъ познакомиться ближе съ вашими дѣлами, о которыхъ ему и доложено, и соблаговолилъ повелѣть г. Гурьеву сдѣлать необходимыя распоряженія, съ цѣлью погасить вашъ долгъ. Прилагаемая при семъ справка *) дастъ вамъ понятіе о томъ, о чемъ я говорю, и въ тоже время о томъ, что̀ г. Гурьевъ находитъ возможнымъ сдѣлать.

Было бы хорошо, еслибы вы дали себѣ трудъ увѣдомить меня, на что̀ вы рѣшаетесь по этому предмету, чтобы я могъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Его Величества Государя Императора.

Прошу принять увѣреніе въ полнѣйшемъ уваженіи, которое сохранитъ пожизненно весьма расположенный къ вамъ Николай.

(*Сообщено съ подлинниковъ Кириломъ Петровичемъ Яновскимъ*).

Извѣстно, что Николай Павловичъ, съ раннихъ лѣтъ жизни, занимался усердно инженернымъ искусствомъ и достигъ въ немъ большихъ успѣховъ, о чемъ свидѣтельствуетъ множество сооруженій его царствованія, возводившихся часто не безъ его личнаго участія. Слышно, что даже знаменитые редуты, давшіе возможность Севастополю такъ долго сопротивляться усиліямъ непріятелей, возведены не только по его указаніямъ, но и по его собственноручнымъ чертежамъ. П. Б.

---

*) Этой справки при подлинномъ письмѣ не сохранилось. П. Б.

СЕРГІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЛИНКА.

(1775—1847)

А. ДВА ПИСЬМА О НЕМЪ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

I. Къ Е. М. Хитровой [1]).

Остафьево, 2-го Сентября 1830 года.

Когда нужно найти адвоката, чтобы ходатайствовать о человѣкѣ, постигнутомъ немилостью или несчастіемъ, къ вамъ, добрѣйшая и любезнѣйшая Елисавета Михайловна, естественно обращаются мысли вашихъ друзей, т. е. всѣхъ тѣхъ, кто васъ знаетъ и умѣетъ цѣнить. Поэтому вамъ не покажется страннымъ, что въ данномъ случаѣ и я къ вамъ обращаюсь. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ одномъ изъ № «Телеграфа» появился плоскій и злой пасквиль на князя Юсупова, по поводу Пушкинскаго посланія къ нему. Глинка, цензоръ этого журнала, лишенъ должности за то, что пропустилъ статью. Онъ виноватъ. Однако, придерживаясь болѣе буквы цензурнаго устава, чѣмъ духа нашей родины, онъ, хотя и цензоръ [2]), не обязанъ былъ распознать въ бытовой картинѣ портретъ вельможи, котораго онъ конечно могъ и не знать. Такимъ образомъ онъ въ полной невиновности могъ видѣть въ этомъ портретѣ личность съ самими общими чертами, непримѣнимыми къ тому или другому члену общества.

Но оставимъ это соображеніе; не будемъ защищать право, будемъ лишь защитниками несчастія. Глинка лишенъ должности по представленію попечителя Московскаго университета, князя Сергія Голицына—это мужъ нашего друга [3])—что̀ лишаетъ его въ полномъ смыслѣ слова всѣхъ средствъ къ существованію, къ удовлетворенію нуждъ многочисленной семьи. Цензоръ могъ быть виноватъ, но честный человѣкъ заслуживаетъ въ нѣкоторой степени быть изъятымъ отъ наказанія, а Глинка вполнѣ хорошій человѣкъ. Болѣе того: съ той точки зрѣнія, съ которой намъ подобаетъ смотрѣть, онъ постоянно былъ монархическимъ писателемъ. Его сочиненія всегда имѣли цѣлью поддержать и укрѣпить чув-

---

[1]) Переведено съ Французскаго подлинника, напечатаннаго въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1895. Спб. 1898.

[2]) Непереводимая игра словъ: il n'était pas censé, tout censeur qu'il est, de reconnaître etc.

[3]) Т. е. княгини Евдокіи Ивановны, Princesse Nocturne; она не жила съ мужемъ.

ства преданности къ престолу и алтарю, особенно во время войны 1812-го года. Власти всегда смотрѣли на него какъ на органъ и защитника твердыхъ началъ, и всѣ его сочиненія пользовались особеннымъ одобреніемъ правительства. И вотъ въ настоящее время этотъ человѣкъ доведенъ до нищеты и лишенъ будущаго, такъ какъ обязанности цензора отвлекли его отъ литературныхъ занятій, а теперь во многихъ отношеніяхъ для него слишкомъ поздно изыскивать средства къ существованію произведеніями своего пера. Пусть онъ наказанъ какъ цензоръ вслѣдствіе промаха или оплошности: было бы однако справедливо, чтобы правительство взглянуло на него какъ на честнаго человѣка, почтеннаго писателя, всегда ему бывшаго преданнымъ, какъ на несчастнаго, который, потерявъ свое жалованье, теряетъ единственный кусокъ хлѣба, какой онъ имѣлъ. Дѣло князя Ливена, министра народнаго просвѣщенія, дать ему пенсію во вниманіе къ его прежнимъ заслугамъ, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ нашихъ литераторовъ, которые пользуются этимъ благодѣяніемъ. Такъ какъ мнѣ неизвѣстны ваши отношенія къ министру, и я не знаю, пожелаетъ ли онъ пересмотрѣть рѣшеніе, имъ самимъ возбужденное, то я вамъ укажу другіе пути къ той же цѣли.

Я просилъ сенатора Башилова, который имѣетъ счастіе пользоваться благорасположеніемъ великаго князя Михаила Павловича, чтобы онъ, во время его пребыванія въ Москвѣ, замолвилъ слово за бѣднаго Глинку; я ему даже передалъ маленькую записку почти того же содержанія какъ это письмо. Не знаю, воспользовался ли ею Башиловъ, но во всякомъ случаѣ постарайтесь сказать о ней великому князю. Его ходатайство передъ Его Величествомъ, чтобы Глинкѣ дали пенсію, было бы однимъ изъ прекрасныхъ и благихъ воспоминаній, которыя онъ оставитъ Москвѣ, уже преисполненной благодарности за благосклонность къ ней, имъ проявленную. И Глинка даже имѣетъ особенное право на состраданіе великаго князя, такъ какъ онъ крестилъ у Глинки одного ребенка. Если однако вы находите этотъ путь неудобнымъ, вы можете постучаться у сердца генерала Бенкендорфа.

Мнѣ нѣтъ надобности облегчать для васъ трудности: достаточно указать вамъ благородную и высокую цѣль, а затѣмъ можно положиться на ваше вдохновеніе для достиженія ея. Но если одного желанія совершить просто доброе дѣло, исполнить долгъ нравственной пользы, недостаточно, чтобы подвигнуть васъ: то я могу отыскать въ отдаленномъ уголкѣ вашего сердца болѣе близкую, болѣе касающуюся до васъ побудительную причину *).

*) Елисавета Михайловна была вѣрнымъ другомъ Пушкину. См. о ней его письма къ князю Петру Андреевичу Вяземскому въ Мартѣ и Ноябрѣ 1830 года.

Александръ Пушкинъ заинтересованъ тѣмъ, чтобы Глинка не погибъ окончательно изъ за оплошности, въ которой онъ обвиненъ. Конечно Пушкинъ не виновенъ въ несчастіи Глинки; но однако, благодаря своему посланію, онъ тутъ нѣкоторымъ образомъ причиненъ: удары противъ князя Юсупова направлены были для того, чтобы поразить мимоходомъ Пушкина, и его имя по неволѣ связано съ опалою цензора. Я знаю, что онъ этимъ очень огорченъ и съ своей стороны сдѣлалъ попытки облегчить положеніе Глинки; дѣйствуя для того же, вы предупредите желаніе вашего друга или поможете его усиліямъ. Вотъ каково дѣло; оно вамъ представлено со всѣхъ сторонъ—христіанской и свѣтской. Мнѣ остается только сказать: помоги вамъ Богъ!

Уже давно я собирался писать вамъ и госпожѣ посланницѣ[1]), но я стыдился взяться за перо, чтобы говорить лишь о себѣ да о васъ, что̀ значило бы опять говорить вамъ о себѣ, такъ какъ я сталъ бы выражать вамъ обѣимъ чувства любви и преданности, которыя я питаю къ вамъ, во-первыхъ, отъ склонности, во-вторыхъ, изъ благодарности за все то, что̀ есть любезнаго и обязательнаго въ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ. Надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь въ искренности этихъ чувствъ и все, что̀ я могу сказать по этому поводу, будетъ лишь повтореніемъ истины, молчаливо признанной.

Повергаю къ ногамъ госпожи посланницы
Посланницы боговъ, посланницы Австрійской [2]).

(дальше стихъ до слѣдующей почты)

вѣрноподданническія чувства моей признательности за доказательства ея памяти, которыя доходятъ до меня здѣсь. Я польщенъ, даже болѣе, тронутъ, видя, что среди великихъ событій древняго и *новаго міра* (слушайте, слушайте!), которыя поглощаютъ всѣ интересы и общее вниманіе, ея благосклонность переживаетъ мое отсутствіе. Ради этого или чего либо другого, не можете ли сообщить мнѣ что-нибудь о «Бразильянкахъ (неизвѣстнаго мнѣ поэта), которыя нѣсколько времени тому назадъ были очень въ модѣ, а впрочемъ, можетъ быть, и теперь также?

По милости Пушкина, то что̀ вы ему посылаете доходитъ рикошетомъ до меня, и я благодаренъ вамъ. Онъ только что вчера [3]) уѣхалъ

[1]) Т. е. графинѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Фикельмонъ, женѣ Австрійскаго посланника. Она была дочь Е. М. Хитровой, къ которой написано это письмо.

[2]) Это въ подлинникѣ по русски.

[3]) Т. е. 1-го Сентября 1830 года. Пушкинъ былъ въ то время женихомъ. Передъ тѣмъ скончался въ Москвѣ бездѣтный дядя его Василій Львовичъ, послѣ котораго брату его (отцу Пушкина, Сергію Львовичу) досталось въ наслѣдство довольно значительное имѣніе, село Болдино. Отецъ позволилъ Пушкину заложить это имѣніе и полученныя деньги взять себѣ на свадьбу. Вотъ причина поѣздки Пушкина, въ холеру 1830 г., въ Болдино, которое, какъ и Михайловское, навсегда прославлено пребываніемъ поэта. П. Б.

въ свое Нижегородское имѣніе, и его отсутствіе должно затянуться недѣли на три.

Изъ нѣкоторыхъ губерній приходятъ къ намъ сюда довольно печальныя извѣстія: cholera morbus дѣлаетъ въ нихъ свои опустошенія. Но не безпокойтесь: это не въ той сторонѣ, куда уѣхалъ Пушкинъ. Губерніи Астраханская и Саратовская охвачены этимъ бѣдствіемъ, и оно грозитъ пограничнымъ съ ними губерніямъ—Пензенской и Тамбовской. Вотъ бичъ, который стоитъ Полиньяка [1]), и къ несчастію въ данномъ случаѣ для него нѣтъ оппозиціи.

Простите за длинное письмо, но благоволите воздать справедливость каллиграфическимъ усиліямъ, свершеннымъ мною, чтобы порадовать ваше зрѣніе [2]). Вѣдь мое письмо — картинка.

Благоволите, прошу васъ, напомнить обо мнѣ графу Фикельмону. Чтò касается графини Екатерины Ѳедоровны, то надѣюсь, что она, какъ и подобаетъ, присоединяется къ вамъ и своей сестрѣ и раздѣляетъ чувства, выраженныя выше, *столь выше*, насколько возможно, такъ какъ я гордъ тѣмъ, что могу ихъ высказывать.

Теперь я объявилъ вамъ объ отъѣздѣ Пушкина, и мнѣ не придется уже ожидать отъ васъ писемъ; обращаюсь къ великодушному безпристрастію госпожи посланницы. Если у нея есть что-нибудь для васъ старое, а для нашего брата, отдѣленнаго отъ свѣта Китайской стѣной, новое, то ей слѣдовало бы мнѣ о томъ сообщить. А «Журналъ Преній» мы читаемъ и здѣсь.

Напослѣдокъ скажу, что Пушкинъ въ городѣ живетъ у меня и если вы будете ему писать или надумаете мнѣ отвѣчать, то вотъ мой адресъ: въ домѣ князя Вяземскаго, въ Чернышовскомъ переулкѣ.

Мнѣ осталось мѣста лишь для того, чтобы низко поклониться.

Вяземскій.

Записка о Сергѣѣ Николаевичѣ Глинкѣ.

С. Н. Глинка служилъ въ Архаровскомъ полку; въ 1800 г. вышелъ въ отставку маіоромъ.

1806 и 1807 г. служилъ по Смоленскимъ земскимъ войскамъ бригадъ-маіоромъ на собственномъ иждивеніи, былъ уже безпомѣстнымъ дворяниномъ; ибо родовое имущество свое, движимое и недвижимое, подарилъ онъ сестрѣ. За службу по милиціи получилъ право ношенія мундира и золотую медаль съ надписью: *за вѣру и отечество.*

---

[1]) Тогдашняго перваго министра во Франціи, одного изъ виновниковъ Французской Іюльской революціи 1830 года.

[2]) Князь П. А. Вяземскій обыкновенно писалъ своеобразнымъ, иногда трудно читаемымъ, почеркомъ.

1812-го года Іюля 11-го первый въ Москвѣ записался въ ратники. На свой счетъ или, лучше сказать, продажею всѣхъ драгоцѣнныхъ вещей жены своей, снарядилъ онъ на службу въ Московское ополченіе нѣсколько чиновниковъ, о чемъ и свидѣтельство имѣетъ; 18-го Іюля 1812 года награжденъ орденомъ 4-й степени св. Владимира и рескриптомъ за подписью императора Александра. Въ рескриптѣ сказано, *что на него обращаютъ вниманіе за любовь его къ отечеству, доказанную его дѣяніями и сочиненіями.* Въ тоже время довѣрены ему были многія важныя и денежныя порученія.

Вступя въ званіе цензора въ 1828 году, просилъ онъ, чтобы за службу его въ 1812 г. оставили его маіоромъ, дабы не перемѣнять, по бѣдности его, мундира и не платить за повышеніе чиновъ. Просьба его была утверждена вслѣдствіе докладной записки Шишкова, въ которой сказано было: *хотя бы и не слѣдовало оставить ему маіорскій чинъ, но сіе можно учинить за довольную двадцати-семилѣтнюю извѣстность по литературнымъ его трудамъ.*

Отставленный отъ цензорскаго званія, лишенъ онъ всякаго пособія. Ни за нимъ, ни за женой его имущества нѣтъ никакого. Дѣтей у него восемь человѣкъ; двое помѣщены въ казенныхъ заведеніяхъ, а шестеро дома. Если смерть постигла бы его, то жена и дѣти его пойдутъ по міру по улицамъ той Москвы, гдѣ онъ заслужилъ имя честнаго человѣка, преданнаго вѣрноподданнаго и гдѣ, въ роковой часъ ея, первый сталъ онъ подъ знамена ополченія.

Просятъ объ опредѣленіи ему пенсіи, по примѣру другихъ литераторовъ. Занимаемое имъ цензорское мѣсто нынѣ уничтожено, и можно было бы исходатайствовать всемилостивѣйшее обращеніе въ пенсію получаемаго имъ жалованья.

II. Къ Д. Г. Бибикову *).

Вы позволили мнѣ напомнить о себѣ письменно вашему превосходительству и желали знать, справедливы ли были слухи о тяжкой болѣзни Полеваго. Пользуясь обязательнымъ позволеніемъ вашимъ, я удовлетворяю вашему любопытству. Могу сказать вамъ положительно, что Полевой уже и на ногахъ. Съ одной стороны появленіе втораго тома Исторіи Русскаго народа, если не есть свидѣтельство совершеннаго здоровья, то по крайней мѣрѣ, есть вывѣска жизни; а съ другой, встрѣча моя съ нимъ на погребеніи нашего собрата по

*) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, изданіе графа С. Д. Шереметева, т. IX-й стр. 114 — 115. Д. Г. Бибиковъ былъ тогда начальникомъ князя П. А. Вяземскаго по службѣ ихъ въ Министерствѣ Финансовъ. П. Б.

литературѣ и добрѣйшаго пріятеля моего Василія Львовича Пушкина, удостовѣряетъ, что онъ здоровъ. Жаль только, что отъ него не здоровится другимъ. За глупую статью о князѣ Беззубовѣ, напечатанную въ одной изъ книжекъ *Телеграфа*, цензоръ журнала его, С. Н. Глинка, лишился мѣста своего, а съ нимъ и единственныхъ средствъ къ пропитанію своему и содержанію многочисленнаго семейства. Всѣ въ Москвѣ жалѣютъ о бѣдной участи несчастнаго. Наказавъ цензора за оплошность (а почему цензору угадывать личности на лицо, которое, можетъ быть, ему и незнакомо?), не имѣли въ виду, что губятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и добраго человѣка, бѣднаго семьянина и писателя, котораго вся жизнь была ознаменована честностью поступковъ и безпорочностью мнѣній, писателя, служившаго перомъ своимъ вѣрою и правдою правительству, особенно же въ 1812 году, когда Глинка былъ оракуломъ провинціи и Шатобріаномъ Московскаго ополченія. Но однакоже таковы горестныя слѣдствія отставки его. Онъ теперь рѣшительно безъ хлѣба. Если ваше превосходительство нашли бы случай замолвить кому-нибудь о немъ доброе слово, напримѣръ, для исходатайствованія ему пенсіи въ уваженіе прежнихъ заслугъ его, то истинно спасли бы вы несчастнаго отъ гибели.

*

Самъ С. Н. Глинка такъ вспоминалъ про свое горе[1]).

«По возвращеніи моемъ изъ Петербурга[2]), когда я явился въ Цензурный Комитетъ, меня встрѣтили торжествующія лица профессоровъ-цензоровъ. Они смотрѣли на меня съ лукавствомъ и будто неумышленно спрашивали, читалъ ли я посланіе Пушкина къ князю Ю.[3]). Тутъ къ сожалѣнію и сторонній цензоръ, остропамятный Аксаковъ, вслухъ и наизусть прочиталъ нѣсколько стиховъ, также сопровождая ихъ хитрой улыбкой. Между тѣмъ цензоръ Снегиревъ, читавшій Телеграфъ въ отсутствіи моемъ, сказалъ мнѣ откровенно, что десятая книжка Телеграфа ожидаетъ моей подписи, т. е. та роковая книжка, въ которой помѣщена была статья подъ заглавіемъ: «Утро у знатнаго барина, князя Беззубова»[3]). Въ ней выставленъ былъ какой-то князь Беззубовъ, имѣвшій собакъ Жужу, Ами и любовницу, какую-то Александру Ивановну, чистившую князя по щекамъ за то, что онъ упрекаетъ ее за нескромное гулянье въ Марьиной рощѣ съ Французомъ и

---

[1]) См. Записки его, СПБ. 1895, стр. 356—357.

[2]) Добродушный и откровенный С. Н. Глинка ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы оправдаться передъ министромъ народнаго просвѣщенія княземъ Ливеномъ противъ обвиненія его въ желаніи распространять *бунтовскія* сочиненія. Страхомъ Декабрьскихъ событій помрачался здравый смыслъ у тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей.

[3]) Глинка нѣсколько путаетъ заглавія и имена.

снова заключившую съ нимъ миръ за ломбардный билетъ въ двадцать тысячъ. Возвратясь изъ Петербурга за недѣлю до срока отпуска, я могъ бы отказаться отъ цензурованія этой книги Телеграфа, но я всегда стыдился, какъ говоритъ пословица, чужими руками жаръ загребать. Взявъ десятую книжку Телеграфа, пошелъ я въ типографію Семёна. Читаю: въ глаза мнѣ тотчасъ бросается стихъ изъ посланія, предлагающій перетолкователямъ намекъ на князя Ю. Отправляю къ издателю «Телеграфа» записку, прося его исключить этотъ стихъ. Получаю отвѣтъ, что онъ не намѣренъ исключить ни одной буквы. Что же оставалось цензору? Повиноваться Уставу, ибо онъ не дозволяетъ цензорамъ никакихъ замѣчаній. Я пропустилъ статью. При первомъ засѣданіи г. Двигубскій объявляетъ мнѣ, что попечитель отстраняетъ меня отъ цензурованія Телеграфа и запрещаетъ журналъ».

*

Сообщимъ нѣкоторыя подробности о злополучной статьѣ.

Въ приложеніи къ Московскому Телеграфу подъ заглавіемъ «Новый Живописецъ общества и литературы» № 10-й, Май 1830, были напечатаны сцены подъ названіемъ: *Утро въ кабинетѣ знатнаго барина.* Дѣйствующими лицами являются Подлецовъ, секретарь князя Беззубова, камердинеръ его, чиновникъ Честновъ, на котораго взвалена вся работа; самъ князь, изображенный лѣнивымъ, подписывающимъ бумаги кверхъ ногами, малоумнымъ, разслабленнымъ и сластолюбивымъ старичкомъ-развалиной, и его фаворитка Любовь Ивановна, таскающая за волосы своего покровителя, прогоняющая со службы князева секретаря и т. п.

Князь (къ Подлецову)... Что̀ у тебя смѣшнаго?

Подлецовъ. Вотъ листокъ какой-то печатный; кажется, стихи вашему сіятельству.

Князь. Какъ! Стихи мнѣ? А! Это того стихотворца... Что̀ онъ вретъ тамъ?

Подлецовъ. Да, что-то много. Стихотворецъ хвалитъ васъ; говоритъ, что вы мудрецъ, умѣете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствамъ, ѣздили въ какую-то землю только за тѣмъ, чтобы взглянуть на хорошенькихъ женщинъ, что вы пили кофе съ Вольтеромъ и играли въ шашки съ какимъ-то Бомарше...

Князь. Нѣтъ! Такъ онъ не даромъ у меня обѣдалъ *(беретъ листокъ).* Какъ жаль, что по-русски! *(читаетъ).* Не дурно; но что-то много, скучно читать. Вели перевести это по-французски и переписать экземпляровъ пять; я пошлю кое къ кому; а стихотворцу скажи, что по Четвергамъ я приглашаю его всегда обѣдать у себя. Только не слиш-

комъ вѣжливо обходись съ нимъ: вѣдь эти люди забывчивы: ихъ надобно держать въ черномъ тѣлѣ».

*

Вообще прекрасное посланіе Пушкина къ князю Николаю Борисовичу Юсупову вызвало цѣлый рядъ нелѣпыхъ кривотолковъ. Пушкина винили въ низкопоклонствѣ передъ знатью! *)

Въ заключеніе скажемъ, что старанія князя П. А. Вяземскаго увѣнчались успѣхомъ: С. Н. Глинка получилъ пенсію.

Б. ПИСЬМО С. Н. ГЛИНКИ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

С.-Петербургъ, 1844, 15 Сентября.

Душевный нашъ поэтъ и любезнѣйшій Василій Андреевичъ! Что̀ вамъ сказать? Вы, какъ ангелъ Божій, услышали голосъ страдалицы и поспѣшили къ ней на помощь. Ангельскимъ вниманіемъ вы успокоили каждый ея шагъ. Ваша заботливая нѣжность благотворенія отдалила отъ нея даже и мысль о нуждахъ путешествія. Ей оставалось только молить Бога за васъ.

Со слезами читалъ я письмо ваше къ нашей дочери и въ немъ услышалъ святой урокъ и для себя. Я христіанинъ; но сердце мое кипѣло негодованіемъ противъ женщины, которая, взявъ нашу Анюту, какъ дочь, поступила съ нею!.. О, да проститъ ей Богъ, тотъ Богъ, Который, по живому вашему слову, все примиряетъ.

Вамъ извѣстно наше состояніе. У кого восемь человѣкъ дѣтей и нѣтъ никакой собственности, тому трудно, по желанію сердца своего, устроивать судьбу дѣтей. Казалось очень естественно ввѣрить дочь и отпустить за границу съ лицемъ, у котораго есть все, для всего нужнаго повсемѣстно. Не говорю о томъ, что эта женщина сулила намъ золотыя горы. Обольщенія ея не скрыли *ее* отъ глазъ моихъ. Сперва отвергалъ я общую о ней молву; потомъ самъ убѣдился и ни за что не хотѣлъ отпустить съ нею дочь, въ жертву ея прихотей; но это было уже передъ отъѣздомъ, и она вырвала Анюту изъ рукъ нашихъ.

Гибла дочь наша! И вы, повторяю еще, какъ ангелъ Божій, торопливою рукою отвлекли ее отъ пропасти. Стыдно мнѣ за это васъ благодарить. Небо дало вамъ и порывы духа творческаго, и порывы

*) Покойный С. А. Соболевскій любилъ вспоминать о своей поѣздкѣ въ прекрасное Архангельское вмѣстѣ съ Пушкинымъ. Они ѣздили раннею весною, верхами, и просвѣщенный вельможа Екатерининскихъ временъ встрѣтилъ ихъ со всею любезностью гостепріимства. Полеваго же съ братьею онъ конечно не только бы не пригласилъ къ себѣ, но даже и не принялъ. Вспомнимъ, что тогда именно начата другомъ Пушкина барономъ Дельвигомъ „Литературная Газета“, и Полевой видѣлъ въ ней подрывъ своему „Московскому Телеграфу“. П. Б.

добра. Небо благодарю за то, что оно создало васъ для уничтоженія суемудрія, будто бы человѣкъ все дѣлаетъ изъ одной холодной и расчетливой «личной выгоды или корысти».

Что̀ я такое въ этомъ мірѣ, и какая выгода вамъ на неусыпной стражѣ во всемъ томъ, что̀ ко мнѣ относится? И это вниманіе ваше существуетъ около сорока лѣтъ. Дѣлалъ ли я когда-либо что-нибудь для васъ? Никогда, никогда и ничего. Воспоминая минувшее, скажу мимоходомъ, что мнѣ удалось оказать маленькія послуги Н. М. Карамзину и И. И. Дмитріеву. 1805 года пріѣхалъ я изъ Петербурга съ запасомъ нѣсколькихъ бутылокъ Английскаго портера. Нашъ исторіографъ оправлялся отъ болѣзни, и ему приказано было употреблять портеръ. Я прислужился. 1809 года, И. И. отправляясь на чреду министра и узнавъ, что у меня есть сочиненія *Макіавеля*, выпросилъ ихъ у меня читать. Тутъ хоть что-нибудь; а вы, вы спѣшили къ намъ всегда въ нашихъ бѣдахъ, въ нашемъ горѣ. Вы и теперь тоже ознаменовали надъ горестною жертвою.

Омирова *Одиссея* оживаетъ подъ вашимъ перомъ, и вы можете съ поэтомъ Греціи сказать:

Honorons tous ce dieu puissant et révéré,
Qui, tenant dans sa main la foudre et son égide,
Conduit les pas errants de *l'indigent timide* (Livre VII).

Вы превзошли поэта. Дочь моя въ странствіи своемъ не видѣла и тѣни боязни и дивилась только спокойствію своему.

Да лелѣетъ вышній Промыслъ Своею благодатью и вашъ домъ, и колыбель вашей малютки. Весь вашъ сердцемъ и душою С. Глинка.

Приписки: 1) Que vous dirai-je, moi, dont vous avez sauvé l'avenir, vous, l'ange-gardien de mon honneur! Les sanglots me suffoquent. Vous, tous ceux auxquels vous m'avez confiée, ont mon âme, ma reconnaissance, ma vie! Oh, merci, merci! Je suis si heureuse! 2) Вѣсть о возвращеніи Анны пришла ко мнѣ въ храмѣ Божіемъ, и я молилась за васъ и вашихъ, виновникъ спасенія бѣдной дѣвушки. Вы знаете наше состояніе. Мы бы никогда не могли вырвать ее изъ этой пропасти. Богъ васъ наградитъ, а я только умѣю молиться. Мать Анны.

*

Изъ сохранившагося письма Анны Сергѣевны Глинки къ В. А. Жуковскому отъ 7 Сент. (1844) г., писаннаго въ Дюссельдорфѣ, видно, что упоминаемая выше особа была княгиня Е. И. Голицына: Mon malheureux sort m'a attaché à la princesse Eudoxie Galitzine, née Ismailoff, philosophe et géometre; elle a promis à mon père de me servir de mère-protectrice pendant mon voyage, et elle m'a maltraitée, abandonnée.

(Съ подлинника, сообщеннаго П. В. Жуковскимъ).

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

1858 *).

S-t Pétersbourg, 5 Juin. La tranquillité qui règne dans le pays n'est pas rassurante du tout. Non pas que je la crois peu sincère, mais elle tient évidemment à un malentendu. Elle tient à la confiance sans bornes du peuple dans l'Empereur, dans sa bienveillance et dans l'efficacité des intentions du Pouvoir en sa faveur. Oh, quand on est à même de voir ce qui se passe ou plutôt ce qui ne s'y passe pas, toute cette mollesse et ce décousu d'action, cette insuffisance de moyens si flagrante devant des difficultés si réelles, il est impossible, en présence de cette incurie apparente du gouvernement, si parfaitement à contre-sens dans la situation donnée, impossible, dis-je, de ne pas se laisser envahir par de vives appréhensions... Car non seulement personne ne sait ni ce qui se passe dans les Comités et où en est à l'heure qu'il est l'œuvre commencée, mais personne n'a même l'air de se soucier de le savoir. On ne pourrait pas moins parler de la chose que si elle était déjà faite et parfaite depuis une vingtaine d'années. Et cependant il est évident que rien jusqu'à présent n'a été sérieusement entamé comme réforme, bien que tout eût été mis en question, comme *statu quo*. Dernièrement j'ai dîné chez le prince Щербатовъ, curateur de l'université, en société de messieurs Хрущовъ et Валуевъ. Il n'a été question, comme de raison, à ce dîner que de la presse, de la censure, de la sottise arrogante des uns, de la pusillanimité des autres, de l'incapacité de tous... toutes choses mille fois dites, mille fois vraies et qui ne mènent à rien. Le lendemain j'ai dîné au Forestier chez les Wiasemsky en compagnie de m-r Павловъ, littérateur de Moscou très-connu. C'est un homme de beaucoup d'esprit et de talent, le même que sa femme, non moins connue que lui, a fait écrouer dans le temps par le comte Zakreffsky et exiler temporairement à Perm. Il est ici pour affaires. Il se sent la vocation, tout homme d'e-

*) См. первую книгу „Русскаго Архива" сего года, выпуски 1—4.

sprit qu'il est, de fonder un nouveau journal politico-littéraire et qui, comme de raison, sera un journal-modèle et très supérieur à tous ceux qui existent déjà. Comme il n'a trouvé de sympathie et d'appui éventuel pour son projet qu'auprès de moi seul, il s'est cramponné à moi avec toute l'énergie du désespoir, ce qui pourrait peut-être devenir importun à moins désireux et besogneux que moi de société, surtout d'une société intelligente comme est la sienne.

J'oubliais de mentionner la cérémonie de la consécration de l'église d'Isaac dans laquelle j'ai figuré à titre de chambellan. C'était bien beau, mais malheureusement aussi bien long. Convoqués à 9 heures du matin au Palais d'Hiver, à 11 heures nous stationnions encore dans la grande cour du palais, parqués dans neuf voitures respectives et attendant le signal du départ. Toute la place couverte de troupe, aussi bien que les toits de spéctateurs. Tambours battant au champs, soleil magnifique et un charivari de musique inexprimable, grâce à ce feu de file de l'hymne national, qui éclatait sur toute la ligne à mesure que l'Empereur passait devant les rangs. Je me trouvais dans l'avant-dernière voiture du cortège dorée sur toutes les coutures, attelée de six chevaux et escortée de la livrée à pied. J'avais en face de moi deux individus plus anciens que moi à ce qu'il paraît, parsqu'ils étaient dans le fond de la voiture. L'un des deux était m-r З.... Je me sentais encore plus ennuyé que ridicule.

Vers une heure la consécration était finie. Une procession dont j'avais bénévolement pris partie, en côtoyant, hors des rangs, la personne d'A. Dolgorouky, était arrêtée dans l'eglise... C'est alors que me sentant accablé de fatigue et réduit à la dernière inanition, en étant d'ailleurs convaincu de la gratuité absolue d'une présence plus longue et ayant devant moi l'avenir vraiment effroyable d'une messe d'archévêque qui commencait à peine, suivie d'une панихида en mémoire des cinq souverains, fondateurs et édificateurs de l'église: Pierre I, Cathérine II, Paul, Alexandre et Nicolas, et d'un Te-Deum non moins solennel et non moins long pour l'Empereur régnant, c'est alors, dis-je, sous le coup de toutes ces influences impérieuses et irrésistibles, que j'ai fait ce qu'il était profondément dans ma nature de faire, en prenant la clef des champs, toute clef de chambellan qu'elle était, et m'en allant solitaire et superbe à travers les rues éblouies de mes splendeurs pour gagner par le chemin le plus direct ma chambre, ma robe de chambre et mon déjeuner, dont j'avais un pressant besoin.

Переводъ. Петербургъ, 5 Іюня.

Спокойствіе, царствующее въ странѣ, вовсе не успокоительно. Не то, чтобы я считалъ его неискреннимъ, но оно основано видимо на недоразумѣніи. Его основа въ безграничной вѣрѣ народа въ Императора, въ его доброжелательность, въ то, что стремленія Верховной Власти дѣйствительно ведутъ ко благу народа. Но когда имѣешь возможность видѣть, что̀ совершается или вѣрнѣе, чего не совершается, всю эту вялость и безсвязность въ поступкахъ, недостаточность дарованій, выступающую такъ ярко передъ дѣйствительными трудностями дѣла, о! лицомъ къ лицу съ этими явными промахами правительства, такъ полно находящимися въ противорѣчіи съ современнымъ положеніемъ, нельзя не предаться самымъ живымъ опасеніямъ за будущее... Ибо не только никто не знаетъ, что̀ происходитъ въ комитетахъ, или въ какомъ положеніи въ настоящую минуту начатая работа, но даже незамѣтно, чтобы кто-нибудь стремился узнать это. Нельзя было бы говорить объ этомъ дѣлѣ меньше, если бы оно уже было сдѣлано и передѣлано двадцать лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ ясно, что доселѣ ничего серьезнаго, въ смыслѣ реформы, и не было начато, хотя все поставлено подъ вопросъ, какъ statu quo. Недавно я обѣдалъ у кн. Щербатова, попечителя университета, въ обществѣ Хрущова и Валуева. Какъ и слѣдовало ожидать, только и разговору было за этимъ обѣдомъ, что о печати, о цензурѣ, о высокомѣрной глупости однихъ, о трусливости другихъ и о бездарности всѣхъ, о чемъ говорилось тысячу разъ, что̀ тысячу разъ справедливо, и что̀ все-таки не ведетъ ни къ чему. На другой день я обѣдалъ въ Лѣсномъ у Вяземскихъ, вмѣстѣ съ Павловымъ, очень извѣстнымъ Московскимъ литераторомъ. Это очень умный и талантливый человѣкъ. Это тотъ, котораго жена, не менѣе извѣстная, нѣкогда устроила, что гр. Закревскій посадилъ его въ тюрьму и временно выслалъ въ Пермь. Здѣсь онъ по дѣламъ. Какъ онъ ни уменъ, но чувствуетъ призваніе основать новый политико-литературный журналъ, который естественно долженъ быть примѣрнымъ журналомъ, стоящимъ гораздо выше всѣхъ уже существующихъ. Такъ какъ во мнѣ одномъ онъ нашелъ сочувствіе своему предпріятію и предполагаемую опору ему, то онъ и ухватился за меня съ энергіей отчаянья; пожалуй это показалось бы докучнымъ для иного, кто менѣе, чѣмъ я, жаждетъ и ищетъ общества, особенно общества дѣйствительно-умнаго человѣка.

Я забылъ упомянуть объ освященіи Исакіевскаго собора, гдѣ я присутствовалъ по праву камергера. Было очень красиво, но къ несчастью и очень долго. Мы были созваны въ Зимній Дворецъ къ 9 часамъ утра, а въ 11 еще стояли, запертые въ девяти поставленныхъ одна противъ другой каретахъ, на большомъ дворцовомъ дворѣ, ожидая знака къ выступленію. Площадь, вся покрытая толпой, зрители на всѣхъ крышахъ, барабанъ бьющій походъ, великолѣпное солнце и нестройные звуки неописуемой музыки, потому что народный гимнъ, непрерывно подхватываемый, звучалъ по всей

линіи по мѣрѣ того какъ Императоръ проходилъ передъ рядами. Я ѣхалъ въ предпослѣдней каретѣ шествія, позолоченной по всѣмъ швамъ, запряженной шестерней въ сопровожденіи ливрейныхъ лакеевъ, шедшихъ пѣшкомъ. Передо мной сидѣло два господина, какъ оказывается, старше меня, потому что они были въ глубинѣ кареты. Одинъ изъ нихъ былъ З... Я чувствовалъ, что я еще болѣе скученъ, нежели смѣшонъ.

Въ часъ освященіе было окончено; начался крестный ходъ, въ которомъ я благоволилъ принять участіе, идя не въ порядкѣ, рядомъ съ княжною А. Долгорукою, и мы остановились въ церкви. Въ это время я чувствовалъ себя изнемогающимъ отъ усталости и отощавшимъ до послѣдней степени; притомъ я былъ убѣжденъ въ полнѣйшей безплодности дальнѣйшаго присутствія, а передо мной было прямо-таки ужасающее будущее, едва начавшаяся обѣдня, которую служилъ митрополитъ, съ панихидой въ память пяти государей, основателей и строителей храма: Петра I, Екатерины II, Павла, Александра и Николая, и съ молебномъ, не менѣе торжественнымъ и не менѣе длиннымъ, за здравіе царствующаго Императора. Тогда-то, подчиняясь всѣмъ этимъ настоятельнымъ потребностямъ и неодолимымъ соображеніямъ, я сдѣлалъ то, что было вполнѣ согласно съ моимъ характеромъ: я убѣжалъ (*здѣсь въ подлинникѣ непереводимая игра словъ*). Выбирая кратчайшіе пути, возвращался я, одинокій и великолѣпный, по улицамъ, ослѣпленнымъ моимъ блескомъ, къ своему халату и къ завтраку, въ которыхъ я очень нуждался.

S-t Pétersbourg, 21 Juin. J'ai eu la chance de rencontrer à Павловскъ le grand-père aux romans, Dumas le père, qui y a été amené comme une bête curieuse par son cornac, l'homme de lettres *Григоровичъ.* Ce n'est pas sans quelque peine que j'ai percé la foule qui s'était amassée autour de l'illustre personnage, sur le compte duquel on échangeait à sa barbe et à haute voix les remarques plus ou moins stupides que son individu suggérait, ce qui ne paraissait pas le contrarier, ni même le gêner le moins du monde dans une conversation très-animée qu'il avait engagée avec une dame beaucoup trop connue, la femme divorcée de P. Dolgorouky le Bancal. Ce rapprochement était clair et inévitable, et le cadre dans lequel il se produisait au milieu de cette cohue de badauds curieux, était parfaitement assorti... Il avait la tête nue comme c'est son habitude, dit-on, et cette tête déjà grise rappelle vaguement celle de Lablache avec une expression de figure assez sympathique d'esprit, d'animation et de gaîté. Il est arrivé ici à la suite et aux frais du comte Кушелевъ, celui qui est marié à une personne aussi beaucoup trop connue, m-me Голубцовъ, dont la soeur va épouser le fameux *Hume*, l'évocateur des esprits.

Переводъ. Петербургъ, 21 Іюня.

Мнѣ посчастливилось встрѣтить въ Павловскѣ дѣдушку современнаго романа, Дюма-отца; его привелъ туда, какъ рѣдкаго звѣря, его корнакъ (вожатый) писатель Григоровичъ. Не безъ труда пробрался я сквозь толпу,

собравшуюся вокругъ знаменитаго человѣка. На его счетъ громко и прямо ему въ лицо обмѣнивались болѣе или менѣе глупыми замѣчаніями, внушенными его личностью, и это, какъ кажется, нисколько не досаждало ему, даже ни въ малѣйшей степени не мѣшало очень оживленному разговору, завязавшемуся у него съ одной слишкомъ хорошо извѣстной дамой, съ разведенной женой П. Долгорукаго-Кривоножки. Это сближеніе было явнымъ и неизбѣжнымъ, и замѣчательно была подобрана къ нему обстановка, въ которой оно происходило, посреди шумнаго сборища любопытныхъ зѣвакъ... Дюма былъ съ открытой головой; говорятъ, что такая у него привычка. Его уже сѣдая голова чѣмъ-то напоминаетъ Лаблаша, вмѣстѣ съ общимъ довольно привлекательнымъ выраженіемъ ума, оживленія и веселости. Онъ пріѣхалъ сюда съ графомъ Кушелевымъ и на его счетъ. Это тотъ самый графъ Кушелевъ, который женатъ тоже на слишкомъ хорошо извѣстной особѣ, на Голубцовой *), а сестра ея выходитъ замужъ за вызывателя духовъ, Юма.

13 Juillet. Hume s'est produit dernièrement à Pétersbourg avec un éclat étonnant: une table suspendue en l'air avec une lampe dessus, qui ne tombait pas, une sonnette qui a passée de la main de l'Empereur dans celle du prince royal de Wurtemberg, l'Impératrice-Mère éprouvant la sensation peu habituelle d'une main qui se promenait sur elle. Mais Anna vous racontera cela mieux que moi, à moins qu'elle ne garde rancune à la table ou plutôt aux esprits qui ont exigé son renvoi de la chambre, aussi bien que celle d'Alexis Tolstoy et du c-te Bobrinsky, comme de trois êtres antipathiques à leur nature.

Переводъ. 13 Іюля.

Недавно въ Петербургѣ Юмъ проявилъ себя съ удивительнымъ блескомъ: повисшій въ воздухѣ столъ съ лампой, которая не падала, звонокъ изъ рукъ Императора перешедшій въ руки наслѣднаго принца Виртембергскаго, довольно необычное ощущеніе, которое испытала Императрица-Мать, словно ее гладила чья-то рука. Впрочемъ Анна разскажетъ тебѣ все это лучше меня, если только она не сердится на столъ или вѣрнѣе на духовъ, которые потребовали, чтобъ ее удалили изъ комнаты, такъ же какъ Алексѣя Толстого и графа Бобринскаго, какъ три существа имъ антипатичныя.

23 Juillet. Dans la matinée, j'avais été voir Gortschakoff (à Peterhof) que je complimentai à l'occasion d'un prétendu traité conclu avec la Chine, par lequel celle-ci est censée nous céder avec les embouchures de l'Amour un territoire quatre fois aussi grand que toute la France et qui très certainement ne manquera pas de se peupler dans un millier d'années, ce qui n'empêche pas que si l'Empereur, pour re-

*) Любовь Ивановна Кроль, въ 1-мъ бракѣ Пенхержевская, во 2-мъ за Иваномъ Платоновичемъ Голубцовымъ, въ 3-мъ за графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородкою. Ея сестра была первою супругою знаменитаго Юма, который, по смерти ея, женился на Юліи Михаиловнѣ Глумилиной, родной по своей матери племянницѣ С. Т. Аксакова.

connaître ce haut fait diplomatique, s'avisait de donner au cher prince le titre du Prince de l'Amour, celui-ci n'en acceptât le titre avec une sorte de reconnaissance. Le pauvre Шеншинъ a succombé après deux jours de maladie à une attaque d'esquinancie. En voici un qui, s'il était vrai que les morts restent fidèles aux habitudes de leur vie d'ici-bas, ne manquera assurément pas de me revenir. Jamais personne, homme ou femme, n'a plus passionnément aimé et recherché ma société que ce cher défunt. Que la terre lui soit légère!

Et à cette occasion reparlerai-je de Hume, de ce pauvre Hume, une espèce d'imbécile, le plus candide, le plus simple des hommes, un véritable enfant malingre et qui par toutes ces raisons est un personnage d'autant plus inexplicable et renversant? Quant à moi, voici tout ce que je puis en dire. Dimanche dernier je dînais chez la vieille Julie Stroganoff, lorsque quelqu'un à table, c'était je crois moi, s'avisa de parler du mariage de Hume, qui devait avoir lieu ce jour même à 8 heures du soir à l'église Catholique. Aussitôt la brave vieille s'enflamme d'une curiosité immense d'aller assister à cette noce et nous persuade de l'accompagner. Nous voilà partis. La grande porte de l'église hermétiquement fermée, nous nous introduisons par une porte latérale dans la sacristie. Et là, après une heure d'attente, nous voyons arriver tout le cortège. Eh bien, moi qui étais à deux pas de Hume agenouillé devant le prêtre, j'affirme que je n'ai jamais vu un homme porteur d'une physonomie plus candidement insignifiante et plus absorbé dans la prière et le recueillement. Certes, il n'y a pas un brin du jongleur dans cette figure-là. Et cependant à Peterhof on était si parfaitement sous le coup des choses prodigieuses et renversantes dont on avait été temoin, que personne ne songeait à révoquer en doute leur réalité, mais aussi personne ne demandait à en voir la répétition. L'impression qui en est restée est celle d'une accablante tristesse. J'oubliais de dire qu'à ce mariage, auquel j'assistais, Hume avait eu pour garçons de noce le comte Alexis Tolstoy et le comte Bobrinsky. Les détails que j'ai recueillis d'Alexis Tolstoy, qui a quatre fois vu Hume à l'œuvre, dépassent toute créance: des mains *visibles*, des tables suspendues en l'air et faisant à volonté le mouvement d'un bâteau en mer etc. En un mot, la certitude *matérielle* et *palpable d'un monde surnaturel.*

Переводъ. 23 Іюля.

Утромъ я ѣздилъ къ Горчакову (въ Петергофъ), чтобы поздравить его по поводу предполагаемаго договора съ Китаемъ, въ силу котораго Китай согласенъ уступить намъ вмѣстѣ съ устьями Амура область вчетверо больше всей Франціи, имѣющую лѣтъ въ тысячу несомнѣнно заселиться. Все это не мѣшаетъ тому, что милый князь принялъ бы съ особенной призна-

тельностью титулъ князя Амурскаго, еслибъ Государь рѣшилъ ему пожаловать его въ ознаменованіе этого высокаго дипломатическаго событія. Бѣдный Шенпинъ умеръ послѣ двухдневной болѣзни отъ приступа жабы. Если правда, что умершіе остаются вѣрны здѣшней жизни, то вотъ кто конечно будетъ посѣщать меня. Никто никогда, ни мужчина, ни женщина не любили и не искали моего общества болѣе страстно, какъ этотъ дорогой покойникъ. Миръ его праху! [1])

Не заговорить ли по этому поводу опять о Юмѣ, о бѣдномъ Юмѣ, столь искренно принадлежащемъ къ числу людей недалекихъ, объ этомъ обыкновеннѣйшемъ человѣкѣ, просто хиломъ ребенкѣ, который именно по всѣмъ этимъ причинамъ и сталъ необъяснимой личностью, все перевернувшей вверхъ дномъ? Что до меня, то вотъ все что я могу сообщить о немъ. Въ это Воскресенье я обѣдалъ у старой Юлій Строгановой, и вдругъ кто-то изъ сидящихъ за столомъ, кажется даже я самъ, заговорилъ о женитьбѣ Юма, назначенной на тотъ самый день, въ 8 часовъ вечера, въ Католической церкви. Бодрая старуха тотчасъ возгорѣлась страстнымъ желаніемъ присутствовать на этой свадьбѣ и убѣдила насъ ее сопровождать. Вотъ мы отправились [2]). Такъ какъ главный ходъ въ церковь былъ наглухо запертъ, мы проникаемъ черезъ боковой въ ризницу. Тамъ, послѣ часового ожиданія, видимъ мы прибытіе всего свадебнаго поѣзда. Я стоялъ въ двухъ шагахъ отъ Юма, когда тотъ преклонилъ колѣна передъ священникомъ, и я утверждаю, что еще никогда не видалъ, чтобы у человѣка было столь явно ничтожное выраженіе лица, столь сосредоточенно погруженное въ молитву. Поистинѣ, въ этомъ лицѣ нѣтъ ни тѣни обманщика. И въ тоже время въ Петергофѣ всѣ въ такой степени подъ давленіемъ чудесныхъ и невѣроятныхъ явленій, свидѣтелями которыхъ были, что никому и въ голову не приходило заподозрѣть ихъ дѣйствительность, хотя никто и не пожелалъ видѣть повторенія. Осталось подавляющее, грустное впечатлѣніе. Я забылъ сказать, что шаферами Юма на свадьбѣ, на которой я присутствовалъ, были графъ Алексѣй Толстой и графъ Бобринскій. Подробности, которыя я слышалъ отъ Алексѣя Толстого, четыре раза видѣвшаго Юма за работой, превосходятъ всякое вѣроятіе: руки, которыя видимы, столы повисшіе въ воздухѣ и произвольно двигающіеся какъ корабль на морѣ и т. д. Словомъ, *вещественныя и осязательныя доказательства*, что *сверхъестественное существуетъ*.

6 Août. Je suis interrompu par l'arrivée d'un courrier, qui m'a été expédié par le ministre Kavalefsky, porteur d'un billet très-pressé, par lequel il m'enjoint de m'assurer, si c'est notre Comité de censure qui a laissé passer un certain numéro d'un journal publié par Dumas et qui s'appelle le Monte-Christo. Le hasard a fait que j'ai eu connaissance hier à Peterhof par la p-esse Saltikoff de l'existence de ce numéro, qui

---

[1]) См. біографію Николая Васильевича Шенпина въ „Русскомъ Архивѣ" 1864 года.

[2]) Идти было недалеко: графиня Строганова жила на Невскомъ, въ домѣ своего мужа, нынѣ принадлежащемъ Волжско-Камскому банку.

contient, à ce qu'il paraît, quelques particularités assez indiscrètes sur la cour de Prusse. Heureusement notre pauvre Comité n'a pas à se reprocher une indulgence aussi criminelle, au moins pas en tant que Comité, et il faudrait supposer que c'est un des censeurs qui, sous sa responsabilité personnelle, a laissé passer le malencontreux numéro. En attendant, comme c'est par un ordre suprême que nous allons procéder à l'enquête, qui se trouve singulièrement entravée par les circonstances, que c'est aujourd'hui jour de fête, on peut se figurer dans quel pétrin cela nous mit et le peu de liberté d'esprit que cela me laisse.

Переводъ. 6 Августа.

Меня прервало прибытіе курьера, отправленнаго ко мнѣ министромъ Ковалевскимъ. Курьеръ привезъ спѣшную бумагу, въ которой предписывалось мнѣ разслѣдовать, нашъ ли Цензурный Комитетъ пропустилъ одинъ номеръ издаваемаго Дюма журнала подъ названіемъ Монтэ-Кристо. Случилось такъ, что я уже вчера въ Петергофѣ узналъ отъ кн. Салтыковой о существованіи этого номера, въ которомъ, какъ кажется, содержатся довольно нескромныя подробности о Прусскомъ дворѣ. По счастью, бѣдному нашему Комитету не приходится упрекать себя въ такомъ преступномъ потворствѣ, по крайней мѣрѣ какъ Комитету; надо предположить, что злополучный номеръ пропущенъ кѣмъ нибудь изъ цензоровъ подъ его личной отвѣтственностью. Такъ какъ приступимъ мы по высочайшему повелѣнію къ разслѣдованію, которое особенно затруднительно тѣмъ, что сегодня праздникъ, то можно вообразить, въ какомъ мы пока замѣшательствѣ и какъ мало свободы мысли оставлено мнѣ.

Moscou, 29 Août. Tout le long du chemin de fer, sur un espace de 300 verstes, nous avons côtoyé l'incendie. Conçoit-on le crétinisme du gouvernement, qui depuis trois mois regarde brûler les bois sur une étendue de plusieurs centaines de verstes, sans rien faire pour arrêter efficacement ce désastre? En arrivant ici, j'ai trouvé la cour établie à Ostankino.

Переводъ. Москва, 29 Августа.

Вдоль всего пути желѣзной дороги на протяженіи 300 верстъ ѣхали мы мимо пожара. Можно ли вообразить такую тупость правительства, что оно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, видя лѣсной пожаръ на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, не дѣлаетъ ничего, чтобы дѣйствительно остановить это бѣдствіе? Пріѣхавъ сюда, узналъ я, что дворъ помѣстился въ Останкинѣ.

Moscou, 4 Septembre. J'ai fort bien passé mon temps ici. Le fait est que je vois à Moscou beaucoup plus de société intelligente dans quinze jours que je n'en vois dans six mois à Pétersbourg. Le salon *Сушковъ* est décidément fort agréable, et les ressources qu'offre la société du Club Anglais ne sont pas non plus à dédaigner. En un mot, je

me serais estimé heureux de pouvoir rester ici encore un mois. Mais malheureusement jamais mon temps n'a été mesuré plus juste que cette fois-ci. Car, sans parler de Darie que l'Impératrice a appointée à Zarskoe du 10 ou 12 de ce mois, j'ai du promettre à mon départ à mes chers subordonnés du Comité de revenir dans leur giron avant le 15 de ce mois, attendu que c'est le dernier terme pour les présentations à faire. Or, il se trouve que j'ai toute sorte de présentations à faire en leur faveur pour des pensions, gratifications, avancements de rang et même pour des cordons, moi qui n'en ai jamais eu d'autres à ma disposition que, peut-être, des cordons de sonnette...

Avant-hier soir ma mère a absolument voulu voir la comète, et nous avons été obligés, Kitty et moi, de la conduire dans la cour entre dix et onze heures du soir pour la lui montrer. Il n'y a pas à dire, on a beau être civilisé et au-dessus de tous préjugés, il y a quelque chose dans la physionomie des comètes si évidemment exceptionnel parmi les constellations habituelles du firmament, quelque chose de si particulier qu'on est impressionné malgré soi. Celle-ci est une nouvelle venue et n'a jamais encore été observée.

Переводъ. Москва 4 Сентября.

Я провелъ время здѣсь очень хорошо. Дѣло въ томъ, что за двѣ недѣли я видѣлъ въ Москвѣ больше мыслящихъ людей, чѣмъ въ Петербургѣ за полгода. Пріемы у Сушкова рѣшительно очень милы: не приходится отвергать и того, что̀ даетъ общество въ Англійскомъ Клубѣ. Однимъ словомъ, я считалъ бы себя счастливымъ, если бы могъ здѣсь остаться еще мѣсяцъ. Къ несчастью еще никогда время у меня не было разсчитано болѣе точно, какъ на этотъ разъ. Не говоря уже о Дарьѣ, которую Императрица назначила на 10—12 число въ Царское, я еще принужденъ былъ при отъѣздѣ обѣщать моимъ дорогимъ подчиненнымъ въ Комитетѣ, что вернусь въ ихъ сонмъ раньше 15-го, потому что это послѣдній срокъ дѣлать представленія. Вѣдь случилось такъ, что мнѣ предстоитъ сдѣлать въ ихъ пользу представленія всякаго рода, къ пенсіямъ, наградамъ, повышеніямъ въ чинѣ и даже къ орденскимъ лентамъ (cordons), хотя самъ я, если и распоряжался когда шнурками (cordons), то развѣ только шнурками отъ звонка.

Третьяго дня матушка пожелала непремѣнно видѣть комету. Между 10 и 11 часами вечера мы съ Китти, чтобы показать комету, должны были провести матушку во дворъ. Конечно, хорошо быть человѣкомъ образованнымъ и стоять выше предразсудковъ; но нечего говорить: есть что-то въ образѣ кометъ, столь рѣзко отличающемся отъ обычныхъ созвѣздій, что-то въ такой степени особенное, что противъ воли поддаешься впечатлѣнію. Эта комета—новопришедшая; она еще никогда не была наблюдаема.

S-t Pétersbourg, le 11 Septembre. J'ai encore une fois pris le congé de ma mère, j'ai encore une fois fait les trois saluts en terre à côté

d'elle devant la Vierge de Kazan; encore une fois, en m'en allant de sa chambre. appuyé mon dernier regard sur elle, en l'accompagnant du même pressentiment parfaitement naturel et raisonnable. C'est inconcevable comme tout est redite dans la vie, comme tout paraît devoir durer éternellement et se répéter à l'infini, jusqu'à un certain moment, où tout-à-coup tout s'abîme, tout disparaît, et ce quelque chose qui avait tant de réalité, que vous sentiez aussi solide et aussi immense que la terre sous vos pieds, devient un rêve qui n'a d'existence que dans le souvenir et que le souvenir même à peine le conserve. Et quand dans une vie cette opération s'est reproduite plusieurs fois, quand plusieurs de ces réalités que l'on avait crues éternelles vous ont fui et laissé à sec: alors, bien que par une loi de la nature de l'homme l'illusion de la durée tende à se reproduire toujours, il y a sous cette illusion quelque chose d'éveillé, d'inquiet, de défiant, quelque chose enfin qui ne parvient plus à s'endormir tout-à-fait. On ne dort plus que d'un œil et en dépit de soi, on ne se sent plus vivre qu'au jour le jour.—La veille de mon départ de Moscou je suis allé chez la *Ростопчинъ* que j'ai trouvée souffrante, malade depuis tout l'été et se sentant, à ce qu'elle dit, déchirée et dépérie. Il est certain que la pauvre femme n'est plus qu'une ombre ou plutôt un éboulement; mais c'est toujours la même facilité ou plutôt la même impétuosité de babil, la même faculté de tout laisser s'évaporer en paroles.

Переводъ. Петербургъ, 11-го Сентября.

Я еще разъ простился съ моей матерью, я еще разъ рядомъ съ ней сотворилъ три земные поклона передъ образомъ Казанской Божьей Матери, еще разъ уходя изъ ея комнаты устремилъ на нее послѣдній взглядъ, сопровождаемый все тѣмъ же предчувствіемъ, совершенно естественнымъ и разумнымъ. Просто удивительно, до какой степени все на свѣтѣ повторяется; обо всемъ кажется, что оно должно продолжаться вѣчно и повторяться въ безконечность; но наступаетъ мигъ, и вдругъ все уничтожается, все исчезаетъ; то нѣчто, бывшее столь дѣйствительнымъ, что̀ казалось намъ прочнымъ и безпредѣльнымъ какъ земля подъ ногами, вдругъ становится призракомъ, существующимъ только въ воспоминаніи, сохранить который едва въ силахъ и воспоминаніе. И такое явленіе повторяется въ жизни много разъ; цѣлый рядъ этихъ дѣйствительностей, казавшихся вѣчными, уходитъ отъ насъ, оставляя насъ ни съ чѣмъ. Тогда-то, хотя по человѣческой природѣ и остается стремленіе сохранить эту мечту о ихъ продолжающемся существованіи, но за этой мечтой появляется что-то безсонное, безпокойное, не подчиняющееся доводамъ, нѣчто, что̀ наконецъ уже ни на мигъ не затихаетъ совершенно: спишь только однимъ глазомъ и, противъ своей воли, чувствуешь, что живешь изо дня въ день. Наканунѣ моего отъѣзда изъ Москвы

отправился я къ Растопчиной; я нашелъ ее больною, хворающею все лѣто, чувствующей себя, по ея словамъ, измученной и ослабѣвшей. Дѣйствительно, бѣдная женщина стала какой-то тѣнью или вѣрнѣе развалиной. Но у нея осталась прежняя легкость или, вѣрнѣе, прежняя горячность въ болтовнѣ, прежняя способность дать всему испариться въ словахъ.

13 Septembre. Aujourd'hui Mercredi j'ai encore mon Comité comme d'habitude, et hier en vue de ce Comité je suis allé parler à Kavalefsky (le ministre), qui lui aussi n'est guère plus fort que ces dévanciers et laissera les choses juste au même point. Mais aussi, il faut le dire, rien n'est possible dans les conditions données, et le problème à résoudre est tout bonnement insoluble: car il ne s'agit pas de moins que de faire exécuter un Oratorio de Haydn à des gens qui sont sourds et qui n'ont jamais été musiciens. L'entreprise est tellement insensée dans le sens le plus littéral du mot qu'il faudrait être fou soi-même pour croire à la possibilité d'une réussite... Le fond même de la situation actuelle est un malentendu permanent, et il y a si peu d'énergie, de volonté et de conviction de part et d'autre qu'à moins que des événements imprévus ne s'en mêlent, il n'y a pas de raison pour que ce malentendu ne se prolonge indéfiniment. Dans les journaux russes se trouvent les différents discours adressés par l'Empereur aux députés de la noblesse dans le cours de son voyage. Il n'y a que celui de Moscou qui n'ait pas encore été publié, et c'est le plus fort et le plus explicite. Tous ces discours prouvent assurément que l'Empereur veut très sincèrement l'émancipation. Mais ceci n'est que la moitié de la tâche. Il ne suffit pas de *vouloir* pour *pouvoir*: il faut encore *savoir*.

Переводъ. 13 Сентября.

Сегодня, въ Среду, я по обыкновенію еще ѣду въ свой Комитетъ. Въ виду этого я ѣздилъ вчера поговорить съ Ковалевскимъ (министромъ). И онъ тоже ничѣмъ не сильнѣе своихъ предшественниковъ и оставитъ дѣла какъ разъ въ томъ же самомъ положеніи, какъ до него. Но надо также сказать, что при существующихъ условіяхъ ничего и невозможно сдѣлать, и заданная задача по просту неразрѣшима: вѣдь дѣло идетъ ни болѣе ни менѣе какъ о томъ, чтобы заставить исполнить Ораторію Гайдна людей никогда не бывшихъ музыкантами и вдобавокъ глухихъ. Предпріятіе до такой степени безсмысленное въ полномъ смыслѣ этого слова, что надо быть самому глупцомъ, чтобы повѣрить въ возможность успѣха... Сущность настоящаго положенія составляетъ одно постоянное недоразумѣніе: и съ той и съ другой стороны такъ мало рѣшительности, доброй воли и убѣжденія, что нѣтъ причинъ, чтобы это недоразумѣніе не продолжалось безконечно, если только сюда не замѣшаются неожиданныя обстоятельства. Въ Рус-

скихъ газетахъ помѣщены различныя рѣчи, обращенныя Императоромъ къ представителямъ дворянства во время его путешествія. Не достаетъ только Московской рѣчи, еще не обнародованной, а эта самая сильная, выражающаяся особенно опредѣленно. Всѣ эти рѣчи окончательно доказываютъ, что Императоръ вполнѣ искренно хочетъ освобожденія. Но вѣдь это еще только половина дѣла. Не довольно *хотѣть*, чтобы *мочь*; надо еще *умѣть*.

23 Septembre. C'est aujourd' hui qu'arrive l'Empereur. L'acceuil qu'on lui a fait dans l'Occident de son Empire, Vilna, Grodno, Varsovie, a été aussi chaleureux, aussi empressé, que dans la Russie russe. Voici une particularité qui m'a été certifiée. A son arrivée à Varsovie il s'est rendu d'abord dans l'église Russe, mais aussitôt après il est allé dans la Cathédrale de S-t Jean, la première église catholique à Varsovie, chose que son père n'avait jamais faite, et cette démonstration, si parfaitement naturelle et convenable, a produit, dit-on, une impression très favorable sur les Polonais qui ne demandent qu' à se laisser impressionner. Ici en attendant, les premières impressions qui l'attendent à sa rentrée à Tsarskoé ne seront guère d'une nature aussi aimable. S'imagine-t-on qu'aux portes mêmes de Tsarkoé, à Pawlovsk, une bande de canaille, voilà bientôt quelques semaines, s'amusent à incendier les maisons de la ville? Mardi dernier on y a mis le feu pour la quatrième fois, et chaque fois ils font la facétie d'en prévenir d'avance la police, qui jusqu' à présent n'a fait que jouer au colin-maillard avec eux. Ils ont manqué mettre le feu au palais, si bien qu'on a été obligé d'établir des piquets tout autour pour le mettre à l'abri du danger.

Переводъ, 23 Сентября.

Государь пріѣзжаетъ сегодня. Пріемъ, оказанный ему на Западѣ Имперіи, въ Вильнѣ, Гродно, Варшавѣ, былъ столь же горячимъ, столь же радушнымъ, какъ и въ Русской Россіи. Вотъ подробность, за которую мнѣ ручались. По пріѣздѣ въ Варшаву онъ посѣтилъ сначала Русскую церковь, но тотчасъ же послѣ отправился въ соборъ Св. Яна, въ главную изъ католическихъ церквей Варшавы, чего никогда не дѣлалъ его отецъ, и этотъ поступокъ, вполнѣ естественный и умѣстный, произвелъ, какъ говорятъ, очень благопріятное впечатлѣніе на Поляковъ, которые всегда готовы поддаться впечатлѣнію. А здѣсь, первыя впечатлѣнія, которыя ожидаютъ его при возвращеніи въ Царское, пока вовсе не обѣщаютъ быть привѣтливыми. Можно ли вообразить, что у самихъ дверей въ Царское, въ Павловскѣ, шайка мерзавцевъ забавляется вотъ ужъ нѣсколько недѣль тѣмъ, что поджигаетъ городскіе дома? Въ эту Среду они совершили поджогъ въ четвертый разъ, и каждый разъ они шутятъ еще тѣмъ, что извѣщаютъ заранѣе полицію, которая до сихъ поръ только играетъ съ ними въ жмурки. Они чуть не подожгли дворецъ, такъ что принуждены были установить вокругъ него сторожевые посты, чтобы защитить его отъ опасности.

28 *Septembre*. Avant-hier j'ai dîné chez le prince Gortschakoff, la première fois après son retour, et il m'a conté beaucoup de particularités intéressantes sur leur séjour à Varsovie. Il m'a confirmé la réception enthousiaste faite à l'Empereur, déterminée en grande partie par la démonstration à l'église catholique qui a été comprise et acceptée comme le gage d'une ère nouvelle etc., etc. Il y avait là beaucoup de princes étrangers, entre autres le prince Charles de Bavière, une foule de Piémontais; mais le personnage le plus en vue et le plus curieux c'était le prince Napoléon venu en 54 heures de Biaritz à Varsovie. Il paraît qu'on a été très satisfait de lui et qu'on l'a trouvé ce qu'il est, dit-on, en effet, un homme de beaucoup d'esprit. Gortschakoff m'a raconté qu'en parlant de lui-même le sus-dit prince Napoleon lui a dit: «Croyez-moi, je vaux mieux que ma réputation; mais il est vrai, a-t-il ajouté, que cela ne veut pas beaucoup dire.»... Toute cette restauration du monde Napoléonien non pas seulement dans les faits, mais dans l'opinion des hommes et surtout dans l'opinion des cours, est pourtant une chose prodigieuse et prouve en définition tout le néant de nos soi-disantes convictions et de nos soi-disants principes, en présence de cette force brutale qui s'appelle le succès, mais qui souvent, toute brutale qu'elle est, est plus intelligente que les plus intelligents d'entre nous...

Je vais aux cours de l'Université; j'y ai été l'autre jour entendre deux nouveaux professeurs dont l'un est le ci-devant aumônier de notre légation de Berlin, le père *Палисадовъ*. C'est un homme de talent partout remarquablement bien, surtout en orateur, et avec cela une des plus belles figures de Christ que l'on puisse voir. Pas moins c'est toujours un problème à peu près insoluble de nos jours, surtout pour un prêtre, que d'avoir à prêcher la doctrine chrétienne, la philosophie chrétienne devant un auditoire composé de jeunes gens, tous plus ou moins infatués des droits de la raison, auxquels ils tiennent d'autant plus, qu'ils en usent moins. Cette maladie est générale et doit être considérée comme aussi naturelle et fatale que toutes les maladies physiques, qui accompagnent le devéloppement de l'organisme humain. Mais chez nous elle se complique malheureusement d'une circonstance tout-à-fait locale, c'est le besoin servile d'imitation étrangère, la plate prostration des intelligences indigènes, et cela par esprit de révolte, bien souvent, devant toute autorité du dehors.

Переводъ, 28 Сентября.

Третьяго дня я обѣдалъ у князя Горчакова, въ первый разъ послѣ его возвращенія, и онъ разсказывалъ мнѣ много любопытныхъ подробностей о

ихъ пребываніи въ Варшавѣ. Онъ подтвердилъ мнѣ. что Государю былъ сдѣланъ восторженный пріемъ, въ значительной степени вызванный демонстраціей въ католической церкви, которую приняли и поняли, какъ залогъ новой эры и пр. Тамъ было много иностранныхъ принцевъ, среди нихъ принцъ Карлъ Баварскій, толпа Пьемонцевъ: но самымъ замѣчательнымъ лицомъ, возбуждавшимъ наибольшее вниманіе, былъ принцъ Наполеонъ, пріѣхавшій въ 54 часа изъ Біарица въ Варшаву. Какъ кажется, имъ были очень довольны: находили его именно тѣмъ, каковъ по слухамъ онъ на самомъ дѣлѣ, умнымъ человѣкомъ. Горчаковъ разсказывалъ мнѣ, что, говоря о себѣ самомъ, упомянутый принцъ Наполеонъ, сказалъ ему: „Вѣрьте, я лучше, чѣмъ обо мнѣ говорятъ; впрочемъ, добавилъ онъ, это еще очень немного...“ Все же надо назвать чудеснымъ явленіемъ это совершившееся возстановленіе Наполеоновъ, не только въ жизни, но и въ общественномъ мнѣніи, особенно во мнѣніи дворовъ. Оно опредѣленно доказываетъ все ничтожество нашихъ такъ называемыхъ убѣжденій и такъ называемыхъ принциповъ передъ лицомъ той грубой силы, которую зовутъ успѣхомъ и которая зачастую, какъ бы ни была она груба, оказывается болѣе разумной, чѣмъ первые разумники среди насъ.

Я хожу на Университетскія лекціи: недавно я былъ тамъ, чтобъ послушать двухъ новыхъ профессоровъ, одинъ изъ которыхъ бывшій священникъ при нашемъ посольствѣ въ Берлинѣ о. Палисадовъ. Это даровитый человѣкъ. гдѣ бы онъ ни былъ, особенно какъ ораторъ, и кромѣ того по внѣшности одинъ изъ лучшихъ представителей Христа. какого только можно увидать Все же остается почти невыполнимою задачею нашихъ дней, особенно для духовнаго лица, проповѣдь христіанскаго ученія, философіи христіанства, передъ аудиторіей, состоящей изъ молодыхъ людей, болѣе или менѣе покланяющихся правамъ разума, за которыя они держатся тѣмъ болѣе страстно, чѣмъ менѣе сами ими пользуются. Это всеобщая болѣзнь. и на нее должно смотрѣть также, какъ на всѣ естественныя и необходимыя болѣзни. сопровождающія развитіе человѣческаго организма. Только у насъ она горестнымъ образомъ осложняется однимъ чисто-мѣстнымъ обстоятельствомъ: холопской привычкой подражать иностранному, пошлымъ самоуниженіемъ роднаго духа передъ всякимъ иноземнымъ авторитетомъ, очень часто изъ жажды противорѣчить всякой внѣшней силѣ.

*

Имѣя передъ собою подлинники этихъ прекрасныхъ писемъ, читатели извинятъ намъ нѣкоторыя изъяны и неточности Русскаго перевода ихъ. Ѳ. И. Тютчевъ такъ тонко чувствовалъ и думалъ и кромѣ того такъ владѣлъ Французскимъ языкомъ, что передавать его письма на другомъ языкѣ почти невозможно. П. Б.

ДОНСКІЕ АТАМАНЫ ЗА ПОСЛѢДНІЕ ПОЛВѢКА.

Въ прошломъ 1898 году минуло полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ въ Донскіе войсковые атаманы стали назначаться лица, не принадлежащія къ Донскому казачьему сословію. Теперь есть возможность подвести болѣе или менѣе опредѣленные итоги дѣятельности сихъ лицъ, въ большинствѣ своемъ, вступавшихъ въ должность безъ предварительнаго знакомства съ жизненными условіями Донского края, главная часть населенія котораго несетъ поголовную воинскую повинность на собственный счетъ.

Намъ неизвѣстно, какія причины послужили правительству основаніемъ къ тому, чтобы Донскіе генералы были какъ бы на всегда исключены изъ кандидатскихъ списковъ на этотъ отвѣтственный постъ; но едва ли сдѣлаемъ грубую ошибку, если скажемъ, что причины эти кроются въ опасеніи *непотизма*, такъ вредно вліяющаго на служебное дѣло И дѣйствительно, Донской уроженецъ, имѣя большое родство, съ юныхъ лѣтъ своихъ, кромѣ того, неизбѣжно запасается личными симпатіями и антипатіями, и все это, вмѣстѣ сложенное, даже и у недюжиннаго человѣка, не можетъ не отражаться вредомъ для службы въ ту пору, когда онъ займетъ атаманскую должность. Другой причины нечего искать, ибо предъ правительствомъ всѣ подданные равны; вопросъ сводится только къ взвѣшиванію личныхъ достоинствъ кандидата, какого бы происхожденія онъ ни былъ. Такимъ образомъ, непотизмъ— главная, если не единственная, причина порядка вещей, обратившагося на Дону какъ бы въ законъ съ 1848 года. Но поставимъ вопросъ: въ какой же степени достигается такимъ поворотомъ преслѣдуемая цѣль и теряетъ ли отъ него непотизмъ ту неформальную только, а дѣйствительную силу, которая губительно отражалась на дѣлахъ Донского управленія? Чтобы опредѣлить эту степень, необходимо сдѣлать краткій обзоръ пятидесятилѣтія, окончившагося въ прошломъ году.

Первымъ иногороднымъ наказнымъ атаманомъ былъ Михаилъ Григорьевичъ *Хомутовъ* (1848—1862), который до того прожилъ на Дону, въ качествѣ начальника штаба, около десяти лѣтъ и, какъ человѣкъ въ высшей степени любознательный, еще до вступленія въ ата-

манскую должность, изучилъ край во всѣхъ подробностяхъ. Это былъ человѣкъ высокаго практическаго ума, неустанной энергіи, проявлявшейся какъ для «высшихъ соображеній», такъ равно и для мелочей. Это былъ «маленькій» Петръ Великій для Донской земли, гдѣ до сихъ поръ еще не стерты рѣзкіе слѣды его разнообразной и кипучей дѣятельности, не смотря на то, что власть его была ограничена какъ широкимъ выборнымъ правомъ, предоставленнымъ Донскому дворянству, избиравшему лишь во всѣ войсковыя должности, начиная отъ засѣдателя (станового) и кончая старшими членами войскового правленія, гражданскаго и уголовнаго судовъ и даже окружными генералами (чисто-военная должность), такъ и тѣмъ, что въ его время должность наказного атамана не имѣла, какъ теперь, ни генералъ-губернаторскихъ, ни начальника военнаго округа правъ. Всѣ, кто помнитъ Хомутовское время, видѣли этого неустаннаго работника, съ самаго ранняго утра, или прохаживающимся по базару, гдѣ онъ часто и собственноручно расправлялся съ торговцами за нечистоту въ лавкахъ и около нихъ; или взобравшимся на какую-нибудь, даже частную, постройку и укоряющимъ каменщика за то, что онъ не такъ тщательно укладываетъ кирпичъ, какъ слѣдовало; или принимающимъ у себя доклады по всѣмъ частямъ управленія, не исключая и утвержденія приговоровъ уголовнаго суда; потомъ засѣдающимъ въ войсковомъ правленіи, гдѣ ему часто приходилось не приказывать, ибо члены этого учрежденія были выборные, а убѣждать; или гуляющимъ въ Александровскомъ саду не только для того, чтобы на свободѣ подышать чистымъ воздухомъ, а главное—въ цѣляхъ наблюденія за ростомъ этого, созданнаго имъ, дѣтища, служащаго и по сіе время (хотя достаточно уже запущеннаго) Новочеркасскому обывателю единственнымъ убѣжищемъ отъ лѣтней духоты и пыли; то дѣлающимъ у себя воскресные пріемы всѣмъ чинамъ, отъ мелкихъ и до крупныхъ включительно, и кротко бесѣдующимъ, чуть не съ каждымъ изъ нихъ, о служебной злобѣ дня; то, наконецъ, цѣлые мѣсяцы разъѣзжающимъ по области, гдѣ на станичныхъ сборахъ онъ бесѣдовалъ съ казаками, выслушивая свѣдѣнія объ ихъ нуждахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, провѣряя на мѣстѣ дѣятельность младшихъ начальниковъ. Самые злѣйшіе враги, которыхъ у Хомутова было достаточно, не могли отказать ему въ точно такой аттестаціи съ прибавленіемъ, разумѣется, указанія на его недостатки, которыхъ этотъ генералъ не былъ лишенъ, такъ какъ былъ тоже человѣкъ, а къ тому же не получившій не только серьезнаго, но, кромѣ домашняго, почти никакого образованія (ибо даже Русскую грамату не зналъ какъ слѣдуетъ). Хотя Хомутовъ не имѣлъ на Дону родства, но это не мѣшало ему создать около себя клику любимцовъ, пользовавшихся его

полнымъ довѣріемъ, и особый отдѣлъ лицъ, къ которымъ онъ относился съ замѣтнымъ предубѣжденіемъ. Выходитъ, что въ данномъ случаѣ непотизмъ, хотя и не родственный, все же игралъ роль, правда, весьма неважную, далеко не достигающую тяжести, которая была бы въ состояніи переважить ту чашку вѣсовъ, гдѣ грузно покоились рабочія достоинства этого правителя. Въ его время ходило очень много расказовъ о его корыстныхъ шагахъ, будто бы давшихъ ему возможность пріобрѣсти чуть не милліоны; но такъ какъ этихъ обвиненій провѣрить не было возможности ни тогда, ни, тѣмъ болѣе, по истеченіи почти сорока лѣтъ со времени оставленія имъ атаманской должности, то извѣты эти и не должны проходить въ ту область, гдѣ мѣсто только дѣлу. Въ заключеніе нельзя умолчать о томъ, что Хомутовъ былъ сторонникомъ просвѣщенія Донского края: при немъ открыта Усть-Медвѣдицкая гимназія; окончившіе курсъ въ университетахъ Донскіе уроженцы поощрялись имъ въ служебной карьерѣ до того, что въ послѣднее время его атаманства въ личномъ штабѣ его было довольно значительное (болѣе половины) количество университетскихъ воспитанниковъ; по станицамъ открыто много школъ, и Новочеркасская гимназія была образцовою, какъ по количеству воспитанниковъ, такъ и по качеству учебнаго персонала; Хомутовскіе мостовыя и тротуары въ Новочеркаскѣ существуютъ до сихъ поръ. Пробывъ на Дону около 23 лѣтъ и оставивъ по себѣ такую неизгладимую память, Хомутовъ, однако, не былъ польщенъ званіемъ Донского казака, которымъ впослѣдствіи удостоены почти всѣ его преемники, и только послѣ смерти этого знаменитаго дѣятеля одна изъ Донскихъ станицъ названа Хомутовскою.

Преемники Хомутова, какъ практическіе дѣятели, отстаютъ отъ него на далекое пространство. Первымъ изъ нихъ былъ извѣстный герой отечественной войны, потомъ Дуная и затѣмъ Кавказа, честный, прямодушный, человѣкъ-философъ въ полномъ значеніи этого слова, престарѣлый Павелъ Христофоровичъ *Граббе* (1862—1866). Это былъ человѣкъ «не отъ міра сего», а потому практическая сторона управленія была ему такъ же чужда, какъ всякая несправедливость. Это былъ единственный Донской атаманъ, который былъ далекъ отъ непотизма*). Но это не мѣшало ввѣренному его управленію краемъ идти весьма не шибко, весьма неопредѣленно, безъ всякой системы, при полномъ отсутствіи какого бы то ни было руководительства. Граббе справедливо слѣдуетъ назвать воспитателемъ Новочеркасскаго общества, ко-

---

*) На одномъ изъ большихъ пожаровъ онъ, при всѣхъ окружавшихъ, нелестно отнесся къ своему зятю, вмѣшавшемуся не въ свое дѣло.

торое онъ часто собиралъ у себя, и велъ историческія и философскія бесѣды, проповѣдуя объ идеалахъ добра и правды. Не только съ подчиненными и равными себѣ, Граббе и предъ высшими не умѣлъ молчать. Когда, въ 1863 году, на пароходной палубѣ, между лицами свиты покойнаго цесаревича Николая Александровича возникъ споръ о томъ, какимъ родится человѣкъ, добрымъ или злымъ, и великій князь высказалъ свое мнѣніе, что человѣкъ родится добрымъ, но что разныя неблагопріятныя обстоятельства жизни вынуждаютъ его на злыя дѣла, то Граббе, не принимавшій до того участія въ разговорѣ, вскочилъ съ своего мѣста, приблизился къ Наслѣднику и громко произнесъ...... «И останьтесь, ваше высочество, съ такимъ убѣжденіемъ на всю жизнь. Вы будете благодѣтелемъ своего народа».

Замѣтивъ въ управленіи Донскимъ краемъ значительные пробѣлы, правительство, въ 1865 году прислало на Донъ генерала Потапова, который занялъ должность наказного атамана; а Граббе, возведенный въ тоже время въ санъ атамана войскового, т. е. полнѣйшей синекуры, не долго оставался на Дону въ этомъ званіи и въ концѣ 1866 года, получивъ графское достоинство, уволенъ былъ отъ должности и поселился въ своей Малороссійской деревнѣ, сохранивъ до конца жизни отрадное воспоминаніе о своемъ пребываніи на Дону. При его содѣйствіи открыта въ Новочеркасскѣ первая частная газета, «Донской Вѣстникъ», начальный номеръ котораго онъ искренне привѣтствовалъ и былъ подписчикомъ на это изданіе даже и послѣ оставленія имъ должности войскового атамана. Новочеркасскіе старожилы сохраняютъ въ свѣжей памяти симпатичныя качества этого маститаго рыцаря, сумѣвшаго передать ихъ и своимъ дѣтямъ; сыновья его—Александръ, убитый во время Польскаго мятежа, Михаилъ, впослѣдствіи павшій подъ Карсомъ, и дочери: дѣвица Ольга и замужнія (Мосолова и Фитингофъ) привлекали къ себѣ всѣхъ своею искреннею любезностью и такою же простотою обращенія.

Атаманъ Александръ Львовичъ *Потаповъ* (1865—1868) былъ «человѣкъ бумаги» въ полномъ значеніи этого слова. Если къ этому качеству прибавить еще его постоянныя опасенія «колебанія основъ», возможныя, по его мнѣнію, даже и на Дону, котораго онъ, кстати сказать, не зналъ ни прежде, ни послѣ своего атаманства, то онъ будетъ очерченъ вполнѣ. Этотъ человѣкъ любилъ подписывать бумаги въ такой же степени, какъ и пить чай. Весь рабочій день онъ подписывалъ предписанія, подтвержденія, предложенія, рапорты и донесенія, присыпалъ ихъ пескомъ, ровнялъ, любовно укладывалъ въ портфели цѣлыя стопы этого матеріала, и, видимо, восхищался тѣмъ, что сдѣлалъ много дѣла. За такой работой проводилъ онъ время до 2—3 часовъ ночи,

начиная ее постоянно съ 10—11 часовъ дня при небольшихъ перерывахъ *). Потаповъ не могъ выносить противныхъ мнѣній, а потому, предположивъ, что широкое выборное право, которымъ до него пользовалась Донская земля, можетъ послужить началомъ къ «колебанію основъ», онъ представилъ о неудобствахъ такого порядка для управленія краемъ и въ 1867 году достигъ своей цѣли: выборы на Дону остались только для дворянскихъ должностей, подобно тому какъ это существовало и существуетъ въ губерніяхъ, а всѣ остальныя войсковыя и окружныя должности стали замѣщаться по назначенію администраціи. Но «слѣдуя за вѣкомъ», атаманъ этотъ открылъ коммисію о введеніи на Дону земскихъ учрежденій, которая существовала очень долго, до 1874 года, столько же, сколько прожили устроенныя ею земскія учрежденія... Не симпатичный и вѣчно подозрѣвавшій, Потаповъ не оставилъ по себѣ хорошей памяти, хотя работалъ усердно, далеко усерднѣе многихъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Не довѣряя во многомъ даже самому себѣ, Потаповъ, въ силу этого, за малыми исключеніями, былъ далекъ отъ непотизма, не имѣлъ не симпатій, ни антипатій. Онъ самъ часто говаривалъ, что старался быть выше всего этого... Но такая высота не завидна, особенно если къ ней прибавить дѣятельность бѣлки въ колесѣ... Этотъ атаманъ былъ очень оригиналенъ въ отношеніяхъ къ мѣстной печати: запретивъ, относительно своей персоны, какъ похвалу, такъ и порицаніе, онъ, однакоже, терпѣлъ прозаическія поэмы «Войсковыхъ Вѣдомостей», воспѣвавшія его служебныя добродѣтели даже въ передовыхъ статьяхъ. При этомъ же атаманѣ разрушена такъ называемая Донская «Китайская» стѣна: въ началѣ 1868 года, особымъ закономъ, разрѣшена продажа помѣщичьихъ земель въ иногородныя руки. Расчистивъ поле для единоличной атаманской власти, Потаповъ и года не пользовался плодами завѣтнаго труда своего: въ Февралѣ или Мартѣ 1868 года назначенный генералъ-губернаторомъ Сѣверо-западнаго края, онъ былъ замѣненъ на Дону генералъ-лейтенантомъ Михаиломъ Ивановичемъ *Чертковымъ* (1868—1874). Именитый, молодой (38 лѣтъ), красивый, умный и привлекательный, настоящій Русскій современный баринъ, хорошо ознакомленный съ губернскою правительственною машиною, такъ какъ до того управлялъ послѣдовательно двумя губерніями (Воронежской и Волынской), генералъ Чертковъ имѣлъ всѣ вѣроятія быть выдающимся руководителемъ въ управленіи Донскимъ краемъ. Не чуждый пристрастія къ великолѣпію атаманской обстановки, онъ окружилъ себя

*) По одной атаманской канцеляріи выходило болѣе 25 т. исходящихъ номеровъ, не считая бумагъ другихъ войсковыхъ учрежденій. По вѣрному расчету, Потаповъ дѣлалъ далеко болѣе ста подписей въ день.

блестящимъ штабомъ, дѣлалъ барскіе пріемы и такіе же выѣзды, а въ дѣлахъ, въ часы независимости своихъ сужденій, оставлялъ позади себя многихъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ, доказывая тѣмъ, что губернаторская дѣятельность, при его свѣжемъ умѣ и хорошей памяти, сослужила ему хорошую службу. При самомъ вступленіи въ должность, Михаилъ Ивановичъ обратилъ особенное вниманіе на неопредѣленное положеніе чиновничьихъ земельныхъ участковъ, которые имѣли срочный характеръ, и, принявъ во вниманіе, что бывшіе Донскіе помѣщики, не имѣвшіе полнаго права собственности на свои земли, получили таковое, онъ задался мыслью о предоставленіи того же самаго и донскимъ чиновникамъ. Чертковъ, дѣйствительно, вынесъ этотъ вопросъ на своихъ плечахъ и ко дню празднованія 300-лѣтняго юбилея Войска Донского (1870 г.) добился появленія закона, коимъ срочные участки донскихъ чиновниковъ сдѣлались полною ихъ собственностью. Этотъ атаманъ также усиленно хлопоталъ о дарованіи Донской области новыхъ судовъ, которые и введены: мировой институтъ въ Іюлѣ 1871, а общія судебныя мѣста — въ Августѣ 1873 годовъ. Атаманъ Чертковъ представлялъ и о введеніи въ краѣ земскихъ учрежденій, но не дождался осуществленія своихъ въ этомъ отношеніи ходатайствъ, такъ какъ въ 1874 году, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, испросилъ себѣ увольненіе отъ должности войскового атамана, сдѣлавшись членомъ Государственнаго Совѣта и получивъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ дѣятельность его по управленію Войскомъ Донскимъ названа выдающеюся. Въ атаманство генерала Черткова стала обрисовываться одна личность, занявшая потомъ видныя мѣста. Изучивъ Донской край во всѣхъ отношеніяхъ, она почему-то разошлась съ Донскою интеллигенціею во взглядахъ на земскія учрежденія, которыя, во многомъ благодаря этой личности, будучи введены въ войскѣ Донскомъ въ 1874 году, просуществовали около шести лѣтъ и получили пріостановку, длящуюся по сіе время. Очертивъ въ этихъ краткихъ словахъ управленіе Дономъ генерала Черткова, я считаю излишнимъ упоминать, въ какой мѣрѣ благопріобрѣтенный непотизмъ проявлялъ себя въ его атаманство: часто не отъ насъ, а отъ окружающихъ насъ близкихъ людей, связанныхъ съ нами семейными, родственными путами или узами дружбы, исходятъ такія нежелательныя вліянія, что тутъ можно осуждать насъ только или за непринятіе мѣръ предосторожности, или за слабость характера, или за излишество довѣрія къ этимъ окружающимъ насъ лицамъ. Время управленія генерала Черткова ознаменовано посѣщеніемъ Дона императоромъ Александромъ II-мъ (1872 г.), изъ устъ котораго, въ войсковомъ кругу, въ Новочеркасскѣ, впервые раздался призывъ, потребовавшій отъ Донцовъ, вмѣстѣ съ продолже-

ніемъ ихъ воинскихъ доблестей, и гражданскаго преуспѣянія. При этомъ же атаманѣ прекратила свое существованіе (1-го Января 1870 года) первая на Дону частная газета «Донской Вѣстникъ».

Преемникъ Черткова, генералъ Николай Александровичъ *Краснокутскій* (1874—1881), до того начальникъ 3-й гвардейской кавалерійской дивизіи, былъ взятъ прямо съ коня, а потому разсчитывать на личное и дѣятельное участіе его въ вопросѣ гражданскаго развитія Донского края не представлялось и малѣйшаго основанія. Добрый характеромъ, хлѣбосолъ и знатокъ мельчайшихъ подробностей угощеній и пріемовъ, любитель военнаго строя въ мирномъ его положеніи, атаманъ этотъ часто недоумѣвалъ въ дѣлѣ экономическаго развитія Донской области. Введенныя при немъ земскія учрежденія вскорѣ захромали не потому, чтобы Донская земля была не способна всецѣло внѣдрить въ себя это полезное нововведеніе, а вслѣдствіе того, что правящая власть въ краѣ, надѣленная смутнымъ пониманіемъ пользы этихъ учрежденій, замѣтно колебалась явно принять сторону защитниковъ или противниковъ этого института. Записка генерала Маслаковца противъ земскихъ учрежденій, искуственные протесты противъ ихъ существованія нѣкоторыхъ станичныхъ обществъ съ одной стороны и твердая по разуму, хотя безпомощная съ вліятельной стороны политика мѣстныхъ земскихъ дѣятелей, (отстаивавшихъ это учрежденіе, какъ единственный базисъ экономическаго преуспѣянія) съ другой, заставляли этого представителя войсковой администраціи балансировать: земцамъ онъ всегда рекомендовался ярымъ сторонникомъ земскихъ учрежденій, но при этомъ совѣтовалъ имъ внимательно и серьезно отнестись къ сочиненію г. Маслаковца, не признававшему полезности для Дона этого института по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ тогда существовалъ въ Донскомъ краѣ и въ другихъ губерніяхъ Россіи. Результатомъ такого поведенія начальника края было пріостановленіе на Дону дѣйствія закона 1-го Января 1864 года, состоявшееся уже при атаманѣ Святополкъ-Мирскомъ, который смотрѣлъ на войско Донское какъ на военный лагерь въ мирное время, не нуждающійся въ гражданскихъ успѣхахъ и не способный, по историческому своему назначенію, воспріять то, что̀ составляетъ принадлежность мѣстностей, не имѣющихъ военнаго характера. Генералъ Краснокутскій былъ слишкомъ добръ душою для того, чтобы упорствовать въ личныхъ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ; но это однакоже не мѣшало ему быть сдержаннымъ, сухимъ и даже холоднымъ къ тѣмъ лицамъ, которыя критически относились къ его дѣятельности.

Генералу Краснокутскому наслѣдовалъ князь Николай Ивановичъ *Святополкъ-Мирскій* (1881—1898), бывшій до того начальникомъ ка-

кой-то пѣхотной дивизіи. Хорошо снабженный отъ природы, ревнивый къ прерогативамъ почти неограниченной атаманской власти, не признававшій необходимости культурнаго развитія Донского казачества, онъ равнодушно относился и къ гражданскимъ учрежденіямъ Донского края: пробывъ на Дону 17 лѣтъ, онъ и 17-ти разъ не предсѣдательствовалъ въ учрежденіяхъ этой области, а впослѣдствіи исхлопоталъ законъ, по которому предсѣдательство это было возложено на его помощника по гражданской части; кромѣ того, онъ не признавалъ полезности объѣздовъ края, сдѣлавъ таковые не болѣе 2—3 разъ за все время. Оставаясь такимъ образомъ только при «высшихъ соображеніяхъ», атаманъ этотъ, не смотря на свою строгость, не могъ лично освѣдомляться объ изъянахъ управленія, вслѣдствіе чего дѣла вершились лицами, къ которымъ онъ имѣлъ слѣпое довѣріе, и доносы, именные и безымянные, особенно въ послѣднее время, получили какъ бы право гражданства. По той же причинѣ безнадзорности появились значительныя растраты суммъ въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ, въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ, растраты, не разъясненныя до сихъ поръ со стороны матеріальной за нихъ отвѣтственности, такъ какъ непосредственные виновники оныхъ скончались, не оставивъ послѣ себя никакого имущества. По одному безъимянному доносу атаманомъ назначена была, изъ довѣренныхъ его лицъ, особая коммиссія, которая, пріѣхавъ на мѣсто, нашла, что въ Ростовскомъ окружномъ по воинской повинности присутствіи имѣли мѣсто вопіющія злоупотребленія, подвергающія это учрежденіе, въ полномъ его составѣ, преданію суду. Областное по воинской повинности присутствіе, куда войсковой атаманъ препроводилъ это дѣло, вызвало въ свое засѣданіе всѣхъ лицъ, неправильно, по мнѣнію коммиссіи, не принятыхъ на военную службу окружнымъ присутствіемъ, провѣрило всѣ дѣйствія этого послѣдняго мѣста и не нашло даже *никакихъ* признаковъ злоупотребленій, кромѣ ничего незначущихъ описокъ. Въ такомъ смыслѣ областное присутствіе и дало атаману отвѣтъ, вслѣдствіе котораго дѣло, произведшее такой большой шумъ, вредно отозвавшійся на репутаціи честныхъ людей, естественно, прекратилось.... Если къ этимъ штрихамъ прибавить, что въ управленіе князя Святополкъ-Мирскаго (неизвѣстно, впрочемъ по чьей иниціативѣ) закрыты: Усть-Медвѣдицкая классическая гимназія и такія же прогимназіи въ станицахъ Нижне-Чирской и Каменской, а также параллельные классы Новочеркасской классической гимназіи, вслѣдствіе чего въ этомъ послѣднемъ учебномъ заведеніи число учащихся съ 700 слишкомъ человѣкъ спустилось до цифры менѣе 300; что при немъ угасли Донскія земскія учрежденія, въ защиту которыхъ онъ не сказалъ своего вліятельнаго слова, и что, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ

Донской области введенъ до того не бывшій институтъ жандармовъ, то направленіе дѣятельности этого атамана, за малыми исключеніями, обрисуется вполнѣ. Необходимо при этомъ упомянуть, что Донской кадетскій корпусъ обязанъ своимъ существованіемъ иниціативѣ князя Николая Ивановича, также какъ и сооруженіе въ Новочеркасскѣ памятника атаману Ермаку и постройка зданія для Донскаго музея; но памятникъ, вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, существуетъ только въ проектѣ, а домъ для музея, созидаемый, съ пріостановками, болѣе пяти лѣтъ, до сихъ поръ еще не оконченъ. Князь Святополкъ-Мирскій былъ большой экономъ: при немъ войсковой капиталъ достигъ небывалой цифры 7 милліоновъ рублей. Атаманъ этотъ не обладалъ хорошимъ здоровьемъ, вслѣдствіе чего въ немъ замѣчались странности, не свойственныя высокопоставленнымъ лицамъ, обязаннымъ подавать примѣръ своимъ подчиненнымъ: онъ весьма часто, а особенно въ лѣтнее время, уѣзжалъ изъ Новочеркасска въ свое Харьковское имѣніе, а будучи уволенъ, въ половинѣ Мая мѣсяца 1898 года, отъ обязанностей атамана съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, онъ, 1-го Іюня того же года, явившись изъ Петербурга въ Новочеркасскъ, отдалъ приказъ о вступленіи своемъ въ должность и подписалъ оный полнымъ титуломъ войскового наказного атамана... Что касается благопріобрѣтеннаго непотизма, то за 17 лѣтъ управленіи этого атамана, онъ не могъ не народиться и не развиться въ такой степени, чтобы не бить въ глаза самому смиренному наблюдателю: ревнивость къ неограниченной власти и отрѣшенность отъ дѣловой части управленія сами собой обусловливали существованіе недостатка, который по виду кажется ничтожнымъ у однихъ и грандіознымъ у другихъ.

Этимъ мы оканчиваемъ серію Донскихъ атамановъ не-Донского происхожденія. Какова бы ни была дѣятельность этихъ шести руководителей Донской жизни за 50-ти-лѣтній періодъ, полезная, безразличная, вредная, а Донской казакъ одинъ остался неизмѣннымъ, вынося на своихъ плечахъ разные эксперименты въ распорядкахъ страны. Этой молчаливой выносливости можно позавидовать со стороны, хотя нельзя не пожалѣть, что измѣненіе разныхъ системъ управленія ни разу и никого изъ правителей Дона не натолкнуло на мысль: 1) что обязательная и поголовная воинская повинность Донца, отбываемая имъ на собственный счетъ, съ уменьшеніемъ, вслѣдствіе прироста поселенія, земельныхъ юртовыхъ довольствій (теперь, въ среднемъ числѣ, 12—14 десятинъ на душу), давно уже начала расшатывать казачье благосостояніе, чему доказательствомъ служитъ небывалое прежде снаряженіе казаковъ къ службѣ на счетъ станичныхъ суммъ, 2) что такъ называемыя войсковыя запасныя земли (болѣе милліона десятинъ), назначе-

ніе которыхъ пополнять юртовыя довольствія, оставались и теперь, вопреки положительнаго закона, остаются въ распоряженіи войсковаго правительства какъ арендная статья, увеличивающая войсковой капиталъ, но не помогающая казаку въ его снаряженіи на службу [1]). и 3. что давно необходимо сказать высшему правительству, что казачье населеніе, вслѣдствіе постояннаго уменьшенія земельныхъ довольствій, а также особой, сравнительно съ прежнимъ временемъ, требовательности начальства къ казачьей *лошади, сбруѣ, амуниціи и другихъ стѣсненій* [2]), стало катиться по наклонной плоскости, и не далеко то время, когда оно сдѣлается полнымъ банкротомъ; а не закрывать ему, высшему правительству, глаза отъ дѣйствительности поэтическими отписками въ родѣ той, которую сдѣлалъ одинъ атаманъ, изобразивъ готовность Донского казака и полную его возможность во всякое время ринуться на врага: «конь быстръ, пика остра—повели, Государь,» и проч. Теперь само время оправдало бы опасенія смѣльчака-атамана, который имѣлъ бы мужество сказать правду правительству. Казакъ давно кряхтитъ отъ своихъ привиллегій, но, поддерживаемый своими историческими традиціями, продолжаетъ молчать... Только старшіе его братья, Донскіе дворяне, увидѣвъ приближающуюся гибель, наконецъ, поднялись на защиту угнетеннаго и въ 1898 году послали непосредственно Государю Императору всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ смѣло выставили безотрадное положеніе Донского казачьяго населенія и просили назначить комиссію для выясненія причинъ его обѣдненія и проектированія мѣръ, могущихъ смягчить тяжкое его положеніе. Великодушный Государь, не смотря на вліятельное противодѣйствіе войсковой администраціи, какъ и слѣдовало ожидать, милостиво взглянулъ на это дѣло, и въ настоящее время въ Новочеркасскѣ работаетъ большая комиссія, состоящая изъ представителей Военнаго Министерства, войскового правительства и выборныхъ лицъ отъ казачьяго сословія. На ея работахъ почіютъ надежды военной части Донского населенія, за которую заступились его старшіе братья; ибо время показало ей, что слова ея офиціальныхъ защитниковъ имѣютъ мало общаго съ дѣломъ и что хлопоты ихъ о расширеніи своей власти, объ увеличеніи, на счетъ войскового капитала, своего жалованья, о разныхъ льготахъ въ ихъ административныхъ трудахъ и проч., не заклю-

---

[1]) Нѣкоторыя исключенія, напримѣръ, образованіе новыхъ станицъ, куда переселены казаки малоземельныхъ юртовъ, составляютъ каплю въ морѣ.

[2]) Интересны въ этомъ отношеніи помѣщаемыя въ „Приазовскомъ Краѣ" корреспонденціи г. Тимощенкова, живо рисующія непривлекательное экономическое положеніе Донского казака, доказываемое цифровыми данными.

чали въ себѣ цѣли улучшенія ея матеріальнаго состоянія и смягченія ея привиллегированнаго недуга.

Мы сочли бы себя неисполнившими своей обязанности, если бы отбросили всякую мысль о сравненіи. Рядъ Донскихъ атамановъ Донского происхожденія, въ продолженіе почти такого же періода времени (1801—1848): *Графъ Платовъ, Денисовъ, Андріяновъ, Иловайскій, Кутейниковъ* и *Власовъ* не отличался ни особенными гражданскими дарованіями, ни такимъ же усердіемъ къ дѣламъ, ни тѣмъ болѣе, вліятельностью на высшія государственныя сферы, былъ небезупреченъ въ отношеніи своихъ родственниковъ и, пожалуй, даже чистоты своихъ служебныхъ дѣйствій; но весь онъ, отъ перваго и до послѣдняго человѣка, прежде всего, радѣлъ о пользахъ казачьей массы и потомъ уже о своихъ личныхъ или сословныхъ нуждахъ. Немолчнымъ доказательствомъ этихъ словъ, кромѣ всесвѣтной славы, пріобрѣтенной казаками подъ начальствомъ атамана Платова, служатъ: 1) иниціатива атамана Денисова о составленіи Положенія объ управленіи войскомъ Донскимъ (1819 годъ), стоившая этому сподвижнику Суворова всей служебной карьеры; 2) проведеніе въ это Положеніе началъ, по которымъ надѣленіе казачьихъ юртовъ 30-десятинною пропорціею земли на душу, оставленіе для пополненія этихъ юртовъ запасныхъ войсковыхъ земель и ограниченіе права собственности Донскихъ помѣщиковъ и чиновниковъ, направленное, въ существѣ своемъ, на пользу казачества, составило краеугольный камень закона 1835 года, въ проектированіи котораго, при посредствѣ извѣстнаго Донскаго просвѣщеннаго дѣятеля *Сухорукова*, принималъ такое горячее участіе атаманъ Иловайскій, подвергшійся, вмѣстѣ съ своимъ правителемъ канцеляріи, военноуголовному суду при первой арміи, и 3) строгое вниманіе атамана Власова (1836—1848), послѣдняго изъ Донскихъ Могиканъ, при которомъ вводилось Положеніе 1835 года, обращенное на надѣленіе лучшею землею казачьихъ юртовъ, вслѣдствіе чего изъ этихъ мѣстъ переселены были всѣ помѣщичьи крестьяне и ихъ владѣльцы, и большинство юртовъ обмежевано скоро и хорошо на столько, на сколько позволяли мѣстныя условія.

Мы далеки отъ пристрастія. Мы отдали обѣимъ серіямъ атамановъ все, что̀ имъ принадлежитъ. Мы имѣемъ право, въ заключеніе, сказать, что, въ смыслѣ пользъ и нуждъ меньшого брата-казака, атаманамъ иногороднымъ, отличавшимся вліятельностью, толковостью и дѣловитостью, не доставало того, что̀ было присуще ихъ туземнымъ предшественникамъ, не доставало сердца...

А. Карасевъ.

Петербургъ, 10 Марта 1899.

LE ROI DE VOLGA.

(Волжскій царь).

Изъ Нижегородской Старины.

I.

Это названіе, придуманное кѣмъ - то въ аристократическихъ кружкахъ, принадлежало потомку бывшихъ царей, князю Георгію или Егору Александровичу Грузинскому, владѣльцу обширнаго Лысковскаго имѣнія Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. То были времена неограниченной помѣщичьей воли и, пожалуй, всеобщей безшабашной удали. Въ концѣ прошлаго столѣтія, Поволожье съ его знаменитыми Керженскими (Нижегород. г.), Иргизскими (нынѣ Самарск. губ.) и Черемшанскими (Саратов. губ.) скитами, посреди дикихъ и трудно проходимыхъ вѣковыхъ лѣсовъ, представляло самый благодатный край, гдѣ постоянно гнѣздились шайки удалыхъ, гдѣ «по часту» скрывался отъ барскихъ притѣсненій подневольный крѣпостной людъ, искали уединенія раскольники и прятались отъ кары закона бѣглые преступники, гдѣ легче и почти всегда безнаказанно можно было удальцамъ производить грабежи, разбои и душегубства, а помѣщикамъ свободно проявлять свой необузданный нравъ.

Какъ разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («Русская Старина» 1897, III, 527) Е. Ю. Хвощинская, князь Георгій Александровичъ, извѣстный своимъ буйнымъ характеромъ, красотой и любовью къ женщинамъ, былъ совершенно дикій человѣкъ, по своему нраву и поступкамъ [1]); подъ его начальствомъ было нѣсколько разбойническихъ шаекъ, которыя занимались грабежами по Волгѣ [2]).

---

[1]) „Онъ былъ женатъ на Варварѣ Алексѣевнѣ Бахметевой, родной сестрѣ извѣстнаго генерала 1812 года.

[2]) Къ этому Е. Ю. Хвощинская добавляетъ, что случаи эти дошли до правительства и для производства слѣдствія командированъ жандармскій офицеръ Н. Д. Бахметевъ (отецъ матери г-жи Хвощинской). Онъ открылъ злодѣянія князя Грузинскаго, и тогда ему былъ запрещенъ выѣздъ изъ с. Лыскова, гдѣ онъ находился подъ присмотромъ полиціи. Можетъ быть, все это и дѣйствительно было; но когда происходило, о томъ

Благодаря своимъ богатымъ земельнымъ угодьямъ[1]), князь Егоръ Александровичъ представлялъ собой въ Нижегородской губерніи страшную силу. Его боялись всѣ, начиная съ мелкаго чиновника и кончая губернаторомъ. Для него какъ бы не существовало законовъ, ибо онъ дѣлалъ, чтò хотѣлъ и никто не смѣлъ ему перечить.

Окруженный своими вѣрными холопами, старостой, сотскими и дворовыми людьми, князь не рѣдко дѣлалъ «наѣзды» на сосѣдніе помѣщичьи усадьбы, грабилъ ихъ и набиралъ оттуда крестьянъ въ свои вотчины, нерѣдко разбивалъ кабаки и увѣчилъ цѣловальниковъ и сидѣльцевъ.

Начало его буйныхъ дѣйствій относится къ 1781 году. Можетъ быть, они начались и раньше, но только до этого времени не сохранилось о томъ архивныхъ показаній [2]).

22 Апрѣля этого года, «содержателя по Нижегородской губерніи питейныхъ сборовъ бригадира князя Петра Петровича Долгорукова», уполномоченный «на продажу питій» надв. с. Яловицынъ жаловался Макарьевскому уѣздному суду, что, «по причинѣ случившагося въ Лысковѣ убійства, князь Грузинскій, 5-го Апрѣля, «взялъ» изъ Ушаковскаго и Мѣдянскаго питейныхъ домовъ двухъ сидѣльцевъ Степана и Ивана Кротовыхъ и десятилѣтняго брата Василія и допрашивалъ ихъ въ своемъ домѣ, были ли подозрѣваемые имъ въ убійствѣ крестьяне «въ питейныхъ домахъ», при чемъ сидѣльца Ивана «билъ по ще-

---

г-жа Хвощинская не указываетъ. Между тѣмъ въ подлинныхъ архивныхъ документахъ мы нашли, что въ 1808 году кн. Юрій (Георгій) былъ Нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства (см. нашу статью „изъ Нижегородской Старины", „Русскій Архивъ" 1897, V) и имѣлъ званіе дѣйствительнаго камергера.

[1]) Имѣнія кн. Грузинскихъ въ Нижегородской губ. находились въ Макарьевск. округѣ Лысковской волости с. Лысково дерр. Лысая гора, Невѣрова и сс. Ляпуны и Шириново, крестьянъ 953 д., съ мельницей и рыбными ловлями, Нижегород. окр., Терешевской вол. 965 д. съ мельницей, Перевозн. окр. той же вол. 463 д., и мельница, Балахнинс. окр. Бѣлогородск. вол. 956 д., и Семеновск. окр. 24 д. Имѣнія эти (за исключеніемъ сельца Ляпуновъ 81 душъ крестьянъ, отданнаго въ приданое за княжной Анной Александровной, вышедшей замужъ за князя Бориса Андреевича Голицына) съ 1785 года по 1794 годъ, находилось въ нераздѣльномъ пользованіи князей Грузинскихъ и приносили дохода свыше 40 тыс. рублей. Кстати, здѣсь нельзя умолчать объ одномъ странномъ совпаденіи. Всѣ эти имѣнія были пожалованы въ 1700 г. Петромъ Великимъ Имеретинскому царю Арчилу Вахтангѣевичу съ сыномъ его царевичемъ Александромъ (см. грамоту объ этомъ въ „Дѣйствіяхъ" Нижегор. учен. архив. ком. в. 10, стр. 456, № 790—377). По фамильнымъ же бумагамъ послѣднихъ владѣтельныхъ царей Имеретинскихъ („Русскій Архивъ" 1897, X, 300) мы знаемъ, что отцемъ послѣдняго царя Имеретіи Саломона I былъ также царь Александръ, который никакихъ удѣловъ въ Россіи не получалъ и умеръ царемъ въ своей столицѣ Кутаисѣ. Откуда же явился въ Имеретіи еще царь Арчилъ (или Арчилій) и какимъ образомъ князья *Грузинскіе* могли унаслѣдовать имѣніе царевича *Имеретинскаго*, пока для насъ остается загадкою.

[2]) Дѣло Макарьевск. уѣзд. суда за 1789 г., № 667—991.

камъ и по головѣ, а напослѣдокъ приказалъ его раздѣть, руки и ноги связать и бить сырыми палками, что̀ «исполнено съ крайнею жестокостію».

Пострадавшіе не замедлили принести жалобу въ судъ; но судъ не только не наложилъ на князя никакого взысканія, «а даже явочнаго прошенія отъ обиженныхъ не принялъ». Между тѣмъ князь Георгій, видя, должно быть, что «его никто не возбраняетъ», 21 числа отправился самъ въ Мѣдянскій питейный домъ, гдѣ «безъ всякой причины» избилъ тамошняго сидѣльца Галкина; потомъ, приведя его и повѣреннаго Яловицына въ свою квартиру, сдѣлалъ послѣднему въ грудь «до 20 ударовъ кулакомъ, прижавъ къ стѣнѣ» и «принуждалъ повѣреннаго сидѣльца бить палками, что̀ и учинено, а если бы онъ (Яловицынъ) отрекся, то подвергнулъ бы себя равному съ сидѣльцемъ жребію». Затѣмъ черезъ четыре дня (25 числа) князь, явившись въ Ушаковскій кабакъ къ сидѣльцу Клочкову, бралъ у него «штофы и полуштофы (съ виномъ), смотрѣлъ, пробовалъ и сличалъ, потомъ требовалъ «на-лицо» дневную выручку, и когда сидѣлецъ въ этомъ ему отказалъ, «разсердясь за то, билъ его кулаками въ грудь и по лицу», подтвердивъ притомъ, «если онъ и впредъ его приказанія не исполнитъ, то грозилъ болѣе наказать». Наконецъ, «съ 6-ю или 7-ю человѣками, свиту его составляющими», князь ходилъ «всякій день по питейнымъ домамъ разгонять народъ», чтобы не пили. «Всѣ бѣгутъ изъ боязни». А черезъ это, говорилъ Яловицынъ, «немалое количество вина и другихъ питей остается въ непродажѣ» и тѣмъ «дѣлается неотмѣнно великій подрывъ; особливо же отъ князя Грузинскаго побой всѣ сидѣльцы принуждены питейные домы оставить». Яловицынъ просилъ судъ «воспретить князю Грузинскому хожденіе по питейнымъ домамъ». Судъ потребовалъ отъ Лысковскаго владѣльца «по сему дѣлу» объясненія, но тотъ не нашелъ нужнымъ «таковое» представить.

Переписка затянулась на долгіе годы. А тѣмъ временемъ князь натворилъ еще немало бѣдъ. Въ Апрѣлѣ 1785 года, придя въ домъ жившаго на его землѣ экономическаго крестьянина Серебрякова за полученіемъ поземельныхъ денегъ и не найдя хозяина, онъ избилъ его жену «изъ своихъ рукъ палкою и, сбивъ съ ногъ, топталъ ногами смертно». Ища мужа, князь перерылъ весь домъ и забралъ всѣ деньги, «лежавшія въ бѣлой горницѣ въ ящикѣ, серебряными монетами 250 р., мѣдными на столѣ 27 р. и ассигнаціями 550 р.», и, не найдя Серебрякова, поставилъ около дома караулъ. Жена его съ малолѣтней дочерью

---

*) Въ „Дѣйствіяхъ" Нижегород. учен. арх. ком. в. 8, стр. 374, г-номъ Снѣжневскимъ неправильно указано, что Яловицынъ былъ повѣреннымъ „князя Голицына по откупамъ".

какимъ-то образомъ успѣла бѣжать въ с. Исады и оттуда переправилась чрезъ Волгу на Макарьевскую сторону. Серебряковъ же, еще гдѣ завидя идущаго къ нему князя «со множествомъ крестьянъ», отъ страха забился на сушилы и зарылся въ сѣно, а «по наступленіи ночи вылѣзъ въ окно и скрылся подъ церковными амбарами, откуда въ самое полуночное время, пришедъ къ берегу, направился чрезъ Волгу и явился въ судъ». Въ с. Лысково отъ Макарьевскаго уѣзднаго суда былъ посланъ засѣдатель. Пожитки Серебрякову были возвращены, «но денегъ не оказалось». Князь далъ объясненіе, что дважды посылалъ къ Серебрякову, а потомъ самъ ходилъ къ нему съ крестьянами «для того, что онъ ему поземельныхъ денегъ не платитъ», «въ битьѣ же женки и постановленіи караула учинилъ запирательство».

Лысковскій владѣлецъ не щадилъ никого, не взирая на права и состояніе. Онъ «буйственно» обходился не только съ своими подчиненными, но не давалъ спуска холопамъ другимъ владѣльцевъ, даже всесильнаго въ то время князя Г. А. Потемкина.

Одинъ крестьянинъ сего послѣдняго «Перевозной округи, д. Карабатовой» Матвѣй Ивановъ какъ-то разъ подалъ жалобу на крестьянина с. Лыскова Краюшкина, обвиняя его въ томъ, что тотъ «неклеймeною мѣрою» обвѣсилъ его на полторы «маленки»(?). Для разбора дѣла, въ Апрѣлѣ 1788 года, въ имѣніе князя былъ посланъ сельскій засѣдатель Макарьевскаго суда Родіоновъ, захватившій съ собой и просителя. Но обвиняемый, «безъ воли своего господина», отказался отдать имъ для провѣрки найденную у него неклеймeнную мѣру и потянулъ ихъ въ «приказную» избу [1]). Въ это время тамъ случился князь.

— Ты зачѣмъ пришелъ? грозно встрѣтилъ онъ засѣдателя.

Тотъ «объявилъ данное ему наставленіе». Князь Егоръ Александровичъ по обыкновенію обругалъ его и затѣмъ, «схватя просителя Иванова за волосы, вытащилъ вонъ и, стащивши съ крыльца на дворъ, билъ его по щекамъ кулаками и таскалъ за волосы, а побивши, велѣлъ прогнать безъ всякаго удовольствія» [2]). Послѣ того онъ вошелъ въ приказную избу, «схватилъ за волосы засѣдателя, также билъ по вискамъ кулаками и велѣлъ бывшимъ тутъ разсыльщикамъ прогнать его по шеѣ». Но лишь только засѣдатель скрылся за дверью, князь догналъ его на крыльцѣ и, «вторично схвативъ за волосы, билъ головою о имѣющейся на ономъ крыльцѣ столбъ немилостивно и, взявъ за волосы, а разсыльные за руки, вторично втащилъ его въ избу, гдѣ еще билъ по щекамъ и таскалъ за волосы, а послѣ онаго приказалъ свя-

---

[1]) Въ избу вотчиннаго приказа (вотчинная контора).

[2]) Т. е. по нынѣшнему „удовлетворенія“.

зать ему руки и сковать (его) въ желѣзы». Часа два князь продержалъ засѣдателя подъ карауломъ, а потомъ велѣлъ своему земскому отвезти его въ Макарьевъ, въ уѣздный судъ, точно хотѣлъ этимъ показать: «нà-те, смотри, какъ я поступаю съ вашими засѣдателями».

6-го Іюня того же года былъ еще такой случай. Дворянскій засѣдатель поручикъ князь Кугушевъ пріѣхалъ въ с. Лысково, «по дѣлу о держаніи кн. Егоромъ Грузинскимъ у себя въ земской избѣ Шепиловскаго разбойника крестьянина Ѳедора Васильева» и предъявилъ ему указъ Макарьевскаго суда. Взявъ отъ Кугушева указъ, князь сначала не горячась сталъ «ему выговаривать, для чего-де онъ по таковому о ворахъ дѣлу требуетъ отъ него объясненія», все равно «онъ-де его не дастъ», и, «войдя въ великій озартъ», закричалъ на Кугушева:—Какъ только ты смѣлъ, такой-сякой, пріѣхать ко мнѣ «по такому дѣлу», при чемъ какъ засѣдателя, такъ «и всѣхъ судей г. Макарьева ругалъ безчестными словами». Боясь, чтобы ему не досталось отъ князя на калачи въ загривокъ, засѣдатель поспѣшилъ уѣхать изъ села въ городъ, куда «дней черезъ десять» князь прислалъ ему «съ нарочнымъ требуемыя объясненія, но копіи съ указа не возвратилъ».

Въ Августѣ 1788 г. Нижегородское намѣстническое правленіе велѣло «состоящее за кн. Егоромъ Грузинскимъ и матерью его*) въ Макарьевской округѣ недвижимое имѣніе, за неплатежъ ими по векселямъ Московскаго купца Павлова, Петербургскаго портного Самуила Керстена и секретаря Козицкаго долговъ, если нынѣ платежа отъ нихъ не послѣдуетъ, то описать и прислать въ Макарьевскій земскій судъ». Исполненіе этого укаьа возложено было на земскаго исправника Веселовскаго. Но послѣдній, очевидно, зная нравъ князя Егора, на всякій случай захватилъ съ собой сельскаго засѣдателя Родіонова, канцеляриста Мазовскаго, нѣсколькихъ сотскихъ и съ ними, 17 Августа, отправился въ Лысково. Какъ и надо было ожидать, «князь Егоръ съ братомъ своимъ княземъ Александромъ» не только не допустили исправника до описи имѣнія, но «оказали многіе злодѣйскіе поступки».

На первыхъ порахъ Веселовскій поступилъ, впрочемъ, самъ крайне опрометчиво и безъ соблюденія законныхъ формальностей. Вмѣсто того, чтобы, согласно указу, предварительно предложить князю Георгію, не согласится ли онъ добровольно уплатить долги, исправникъ, ничего не говоря князю, прямо послалъ «съ письменнымъ приказомъ» сотскаго собирать по селу «понятыхъ стороннихъ людей». Увидя это, князь захватилъ сотскаго и «у себя въ приказной избѣ означенный приказъ отнялъ, ругая исправника матерными словами». Однако,

*) Мать князя Грузинскаго была княжна Дарья Александровна Меншикова, внучка князя Александра Даниловича. П. Б.

Веселовскій не удовольствовался этимъ и послалъ другого сотскаго за вотчиннымъ начальникомъ Лыскова; вдругъ въ это время прибѣгаетъ къ нему одинъ изъ понятыхъ съ грустной вѣстью, «что князь Егоръ бьетъ команду его сотскаго и взятаго имъ для письма канцеляриста Мазовскаго». Исправникъ побѣжалъ скорѣе туда; но кн. Егоръ Александровичъ, «выбѣжавъ изъ приказу», «въ великомъ озартѣ» бросился на него и, схватя обѣими руками за воротъ, «усиленнымъ образомъ» началъ тащить его въ приказную избу.

— Какъ ты смѣлъ ко мнѣ въ вотчину пріѣхать и присылать отъ себя людей? кричалъ онъ на него. Пойдемъ, я съ тобой раздѣлаюсь.

Исправникъ «сталъ у него изъ рукъ проситься и не идти, отступая далѣе отъ приказу». Но князь позвалъ на помощь своихъ разсыльныхъ и вмѣстѣ съ нимъ потащилъ его въ приказъ. «Не видя уже себѣ отъ нихъ никакого спасенья», Веселовскій упалъ на землю, обхвативъ руками «лежащія тутъ бревна». Князь схватилъ его за волосы, а разсыльные за руки, и «старались его отъ бревна оттащить и тащили уже по землѣ и грязи». «Будучи въ крайней опасности», исправникъ «сталъ кричать на помощь». Одинъ только изъ толпы понятыхъ, Макарьевскій купецъ Кляповъ заступился за него, ухвативъ его за руку. «И хотя оные люди били Кляпова по рукамъ и исправника изъ рукъ у него отнимали, однако изъ рукъ онъ его не выпустилъ».

Въ это время «со двора выбѣжалъ князь Александръ», уговаривая брата «много не горячиться». Князь Егоръ «при братѣ» выпустилъ изъ рукъ исправника, но приказалъ вывести изъ приказа Мазовскаго, «да принести за нимъ пукъ палокъ». Канцеляристъ былъ «разбитый въ кровь», и князь Александръ не допустилъ его наказывать. Тогда кн. Егоръ снова бросился на вставшаго уже «изъ грязи» исправника и, схватя его за воротъ обѣими руками, трясъ и ругалъ всякими скверными и непотребными словами, называя воромъ, мошенникомъ и канальею, и будучи въ великомъ озартѣ и безстрашіи, похвалялся убить его до смерти»...—Какъ ты смѣлъ ко мнѣ пріѣхать? по прежнему приступалъ онъ къ нему. Хоть 10—15 тысячъ потеряю, а ужъ я тебя доканаю... У меня 7000 крестьянъ. Скажу: все сдѣлаютъ.

— Мы не допустимъ до описи своего имѣнія за вексельные долги и указовъ вашихъ не послушаемъ, потомъ заявили оба князя.

При этомъ дикомъ побоищѣ, кромѣ понятыхъ, было до ста человѣкъ постороннихъ зрителей; но никто не заступился за исправника: такъ всѣ боялись князя Грузинскаго.

Наконецъ, натѣшившись въ волю, онъ бросилъ посреди села окровавленную жертву. Веселовскій едва могъ дойти до близъ стоявшей питейной конторы, откуда питейнымъ повѣреннымъ Поляковымъ

съ понятыми былъ отправленъ домой «пѣшкомъ, глухой дорогой», изъ опасенія новаго нападенія на большой дорогѣ.

Князь Егоръ тѣмъ временемъ опять принялся за Мазовскаго и сотскаго Сергѣева. Отведя «къ щепетильнымъ (?) рядамъ», онъ ругалъ ихъ отборною бранью, потомъ, взявъ обоихъ за волосы, «билъ неоднократно голова объ голову» и, наконецъ, съ помощію разсыльныхъ втащивъ Мазовскаго «за волосы» на приказный дворъ, повалилъ на землю и опять «самъ билъ его по лицу кулаками, пинками и травилъ своею собакою, которая разорвала у Мазовскаго сюртукъ до исподняго платья и сдѣлала на обѣихъ лядвеяхъ кровавыя двѣ раны».

По освидѣтельству Мазовской оказался весь избитымъ, лѣвая бровь разсѣчена, верхніе и «искобные» (?) зубы выбиты, ноги искушены, на головѣ «немалое число выдрано волосъ». У сотскаго на головѣ оказались шишки, борода вытереблена.

Конечно, по освобожденіи своемъ изъ княжескихъ лапъ, Веселовскій обо всемъ случившемся донесъ уѣздному суду. Дѣло завязалось не на шутку, тѣмъ болѣе, къ этому примѣшивалось еще одно обстоятельство, переполнившее чашу терпѣнія мѣстныхъ властей.

«Съ письменнымъ приказомъ» о взносѣ накопившихся за крестьянами князя казенныхъ недоимокъ, въ Лысково былъ отправленъ солдатъ Осипъ Гавриловъ. Какъ и слѣдовало, онъ явился въ вотчинную контору и передалъ приказъ бурмистру; но тотъ, «вскочивъ съ мѣста», ни за что, ни прочто «началъ его ругать, угрожая посадить на цѣпь».—Пойдемъ къ князю, заоралъ онъ на него; «вчера вашихъ судей били, а ты не великъ человѣкъ»... и, схвативъ за руки, потащилъ его изъ избы.

Кое-какъ на крыльцѣ солдатъ выбился и бросился на Нижній базаръ, бурмистръ послалъ за нимъ въ догонку двоихъ разсыльныхъ; однако, перейдя р. Сундовикъ и скрываясь за кузницами, Гавриловъ избѣжалъ погони и благополучно вернулся въ Макарьевъ, гдѣ заявилъ объ этомъ происшествіи.

Послѣ этого, видя, что князь Грузинскій, «чѣмъ далѣе въ Лысковѣ жительствуетъ, тѣмъ болѣе происходятъ отъ него худыя слѣдствія, и что онъ и вотчинные его смотрители вышли изъ всякаго послушанія и повиновенія закону, находясь въ безстрашіи, и затѣмъ отнынѣ впредъ въ с. Лысково для законныхъ исполненій не токмо присутствующихъ, но и подчиненныхъ посылать никакъ не можно и остановились нѣкоторыя дѣла безъ всякаго дѣйствія», уѣздный судъ представилъ всѣ дѣла о Грузинскомъ въ намѣстническое правленіе и донесъ правящему генералъ-губернаторскую должность генералъ-поручику Ивану Михайловичу Ребиндеру. Чрезъ Нижегородскаго коменданта премьеръ-маіора

Рехенберга князь Егоръ былъ вытребованъ 15 Ноября того же года въ Нижній и въ тамошнемъ уѣздномъ судѣ далъ подписку, что по всѣмъ дѣламъ 17-го же Ноября представитъ требуемыя объясненія; но, по обыкновенію, не сдержалъ своего слова.

7 Мая слѣдующаго года, по указу намѣстническаго правленія, его снова потребовали въ Нижегородскій уѣздный судъ, но онъ опять не явился. А 21 Января 1790 года правительственный секретарь Степанъ Алексѣевъ Веселовскій обще съ ротмистромъ княземъ Г. А. Грузинскимъ подали въ судъ прошенія, въ которомъ бывшій Макарьевскій исправникъ прощалъ князю обиды и оставлялъ искъ свой на правѣ уголовномъ, «да и гражданскимъ вчинать, въ разсужденіи сего примиренія нашего, не буду».

Чѣмъ кончились для князя Егора остальныя дѣла, письменныхъ свѣдѣній о томъ не сохранилось. Скорѣе всего онъ не понесъ никакого наказанія, такъ какъ первыя дѣла, въ сравненіи съ побоями Веселовскому, составляли сущее ничтожество, изъ за которыхъ въ то время не стоило и тяжбу вести съ такимъ свирѣпымъ и могущественнымъ владѣльцемъ.

II.

Несмотря на значительность по тому времени доходовъ съ имѣній, на князьяхъ Грузинскихъ накопилась масса долговъ. Князь Егоръ, младшій изъ братьевъ, былъ долженъ Московскому купцу Павлову, генералъ-поручику графу Влад. Григ. Орлову и Петербургскому портному Крестену (неизвѣстно сколько именно); князь Александръ, старшій братъ, ген.-поручику Ивану Львов. Чернышову, Московск. купцу Ардыкову и крест. Давыдову 73,898 руб. и секундъ-маіору Савинову по двумъ векселямъ 1200 руб.; мать ихъ, княгиня Дарья Александровна секретарю Юзвицкому. Кромѣ того за покойнымъ родителемъ ихъ числился долгъ Персидскому купцу Юнусову въ 3200 рублей.

Мать, видя, что «Александръ и Георгій должны до такой степени, что могутъ разориться, и въ Сенатѣ уже есть дѣло объ уклоненіи первымъ изъ нихъ отъ платежа долговъ и обязательствъ обоихъ отъ раздѣлу имѣнія съ двоюродными братьями», просила объ учрежденіи надъ ними опеки. 6-го Іюня 1793 года, на имя генералъ-прокурора Самойлова, послѣдовало о томъ высочайшее соизволеніе, и вслѣдъ затѣмъ Нижегородскому намѣстническому правленію было предписано взять въ дворянскую опеку только имѣнія князя Александра дер. Малую Терюшевка и село Александрово (Суроватиху) въ Перевозской округѣ, находившихся, однако, въ нераздѣльномъ пользованіи съ бра-

томъ Егоромъ. Опекунами, какъ ближайшіе родственники, были назначены княгиня Дарья Александровна и князь Егоръ [1]).

Вслѣдствіе этого въ слѣдующемъ году состоялся полюбовный раздѣлъ въ семьѣ кн. Грузинскихъ. Имѣнія, находившіяся въ Нижегородской губерніи, были раздѣлены между братьями по ровну по числу крестьянъ. Двоюроднымъ братьямъ князьямъ Якову, Дмитрію и Леону Грузинскимъ и княгинѣ Дарьѣ Александровнѣ досталось изъ Терюшевской волости Нижегородской округи 483 души, изъ Перевозской окр. той же волости 232 д., Балахнинской окр. Бѣлогородской вол. 478 д., Семеновск. окр. 12 д. и Макарьевск. окр. с. Лыскова 436 душъ. Кромѣ того, выдано имъ (безъ матери) по ихъ просьбѣ деньгами 716 руб. 66¾ к., да отдана половина оброку за доставшіеся имъ на часть 1474 душъ—1105 р. 50 к. [2]). У князей же Александра и Егора въ тѣхъ же волостяхъ осталось 1639 д. крестьянъ и четыре мельницы въ округахъ Нижегородск., Перевозск., Балахинск. и Макарьевской. Въ послѣдней еще рыбныя ловли на Волгѣ.

Князь Егоръ за это время нѣсколько исправился, уплатилъ всѣ свои долги и часть долговъ матери и отца, привелъ въ порядокъ дѣла и взялъ на себя обязанность уплачивать долги брата изъ принадлежащихъ ему доходовъ. Даже мать, княгиня Дарья Александровна, жившая постоянно въ Москвѣ, по пріѣздѣ въ началѣ 1794 г. въ Нижній, «нашла поведеніе его въ лутчемъ положеніи, нежели какъ она была наслышана». Почему, не имѣя возможности сама управлять порученной ей опекой, она дала ему довѣренность на управленіе всѣми имѣніями.

Сдѣлавшись, такимъ образомъ, полнымъ хозяиномъ имѣній какъ своихъ, такъ и брата и уплачивая его долги, князь Егоръ высылалъ ему [3]) на содержаніе очень немного, только по 2 тыс. рублей въ годъ. Для князя Александра, привыкшаго сорить деньгами на-право и налѣво, этой суммы, конечно, было недостаточно. Долго онъ крѣпился; но въ началѣ 1802 года подалъ въ Нижегородское губернское правленіе прошеніе, въ которомъ прямо обвинялъ брата, что тотъ, отстранивъ его разными ухищреніями отъ всякаго участія, управляетъ нераздѣленными имѣніями одинъ и лишаетъ (тѣмъ) его дневнаго пропитанія, и хотя иногда доставляетъ ему малыя суммы, но съ такимъ затрудненіемъ и въ такомъ маломъ количествѣ, что принуждаетъ его въ

---

[1]) См. Дѣло Макарьев. у. суда за 1794 г., № 686.

[2]) Княжнѣ Дарьѣ Александровнѣ досталось 167 д. крестьянъ и еще имѣніе въ Московск. губ. (неизвѣстно только какое). Дѣло Макар. у. суда за 1797 г., № 686.

[3]) Князь Александръ служилъ въ Псковскомъ драгунскомъ полку.

стыдѣ и недостаткѣ влачить горестную жизнь въ сихъ мѣстахъ, гдѣ отставка его отъ воинской службы застала [1]) въ Іюлѣ 1799 года, съ котораго времени, не бывъ никакою должностью обязанъ, всѣ способы миролюбивые истощилъ для полюбовнаго съ нимъ окончанія» [2]).

Правъ или не правъ былъ князь Александръ, архивныя данныя не указываютъ; но князь Егоръ представленными отчетами [3]) сумѣлъ убѣдить судъ, что онъ даетъ брату столько, сколько приносятъ доходы и больше дать не въ состояніи.

III.

Здѣсь невольно приходится умолчать о деревенской жизни князя за послѣдующія двадцать слишкомъ лѣтъ (съ 1789 по 1810 г.), такъ какъ въ мѣстныхъ архивахъ не сохранилось о томъ данныхъ, очевидно потому, что дѣла эти мѣстными канцеляристами не признавались годными и уничтожены, или же прикарманены кѣмъ-нибудь изъ доморощенныхъ архивистовъ [4]); ибо трудно повѣрить, чтобы за это время князь смирилъ свой буйный характеръ. Напротивъ, будучи уже дѣйствительнымъ камергеромъ и Нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, слѣдовательно человѣкомъ солиднымъ и пожилымъ, князь Егоръ по прежнему не отказывалъ себѣ въ удовольствіи собственноручно расправляться съ подчиненными и неподчиненными. Въ концѣ 1810 года на него вновь «явилась» жалоба.

Дворовый человѣкъ маіорши Бурцевой изъ деревни Новой Усады (Симбирск. губ.) Василій Хватовъ съ двумя крестьянами былъ посланъ тит. с. Насакинымъ «для отысканія бѣглыхъ людей». Зная по слухамъ, что бѣглецы скрываются въ Лысковѣ, они прямо направились туда и у одной крестьянской вдовы нашли пять человѣкъ. Трое изъ бѣглыхъ, однако, успѣли скрыться, а послѣднихъ двухъ Хватовъ представилъ князю Грузинскому, видимо, для того, чтобы съ его разрѣшенія взять ихъ и отвести къ своему помѣщику. Князь Егоръ, «начально сдѣлавъ видъ должной строгости», приказалъ посадить бѣглецовъ подъ караулъ, но «потомъ все сіе ослабивъ», потребовалъ Хватова съ его товарищами къ себѣ въ домъ, гдѣ допрашивалъ его, «зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Лы-

---

[1]) Въ г. Житомирѣ, Волынск. губ. кн. Александръ былъ въ чинѣ отставнаго полковника. Князь же Егоръ въ то время имѣлъ чинъ отставнаго кавалерійскаго маіора.

[2]) Дѣло Макарьев. у. суда 1802 г., № 698.

[3]) Тамъ же и дѣло за 1798 г., № 695.

[4]) Въ бытность мою въ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, мнѣ удалось узнать, что изъ числа оставшихся отъ бывшихъ уѣздныхъ судовъ дѣлъ, особенно Макарьевскаго и Семеновскаго, заключавшихъ въ себѣ бумаги о Керженскомъ расколѣ, изъ Ивановской башни, гдѣ дѣла, еще не разобранныя, лежали сложенными, какъ дрова, сторожемъ съ одной интеллигентной личностью было украдено и продано слишкомъ 30 возовъ архивныхъ бумагъ.

сково и имѣетъ ли паспортъ?» Хватовъ паспорта не имѣлъ, но показалъ довѣренность отъ госпожи.

— Дай ее сюда! И взявъ оную», князь закричалъ: «чтобы впредъ ты не смѣлъ ѣздить ко мнѣ ловить бѣглыхъ безъ паспорта», и сталъ его «немилосердно бить кулаками по лицу и выбилъ четыре зуба, потомъ велѣлъ подать бывшимъ тутъ двоимъ сотскимъ палочья и онымъ его наказывалъ, отъ чего на лицѣ и спинѣ остались «боевые знаки». Также билъ онъ тѣмъ палочьемъ и товарища Хватова, крестьянина Аверьянова. Послѣ этого князь велѣлъ Хватова заковать въ желѣзы, а Аверьянова посадить на цѣпь и въ такомъ состояніи продержалъ ихъ цѣлые сутки. «Наконецъ, подъ видомъ неимѣнія паспортовъ, онъ переслалъ ихъ къ слѣдствію въ Макарьевскій Нижній земскій судъ. Тамъ Хватовъ и Аверьяновъ просили себѣ защиты или хоть «должнаго свидѣтельствованія»; «но судъ, не приступя ни къ тому, ни къ другому, принудилъ ихъ дать допросы, съ настоящимъ происхожденіемъ дѣла противные, переславъ всѣхъ въ Курмышскій нижній земскій судъ, гдѣ они уже и должны были вновь показать сущую правду.

На такія дѣйствія Макарьевскаго суда Насакинъ подалъ губернатору жалобу. Приказано было произвести точное слѣствіе. Отъ князя Грузинскаго потребовали объясненія. Но онъ, какъ ловкій сутяга, не оправдывая своихъ дѣйствій и въ тоже время не подтверждая ихъ, 1-го Мая 1811 г. подалъ въ Макарьевскій судъ слѣдующее оригинальное прошеніе «на высочайшее имя».

«Въ судѣ производится дѣло, якобы въ битьѣ мною двороваго человѣка Хватова и въ проживаніи въ с. Лысковѣ крестьянъ Насакина. Такого рода подозрѣніе принимать докладными 1788 г., Марта 15-го, отъ кн. Репнина пунктами не велѣно. Я, не имѣя вліянія на доказательство утонченной (sic) Насакинымъ въ просьбѣ неправды, побуждаюсь только поставить въ виду о томъ, сколько она исполнена отступленія отъ правилъ и порядка, какой по предмету сему въ законахъ предопредѣленъ, и возбраняемо производить удовлетворительное по таковымъ просьбамъ производство».

«Хватовъ съ Аверьяновымъ и Ѳедоровымъ [1]), по поимкѣ ихъ въ разновладѣльческомъ селѣ Лысковѣ [2]) и по представленіи тутошними сотскими въ Макарьевскій нижній земскій судъ къ сужденію, въ допросахъ [3]) ни о чемъ, кромѣ кратковременныхъ отлучекъ безъ паспор-

---

[1]) Третій товарищъ.

[2]) Въ Лысковѣ жили еще крестьяне, принадлежавшіе экономическому вѣдомству, помѣщику Каризнѣ, кн. А. Б. Голицыну и дочери князя Егора, вышедшей потомъ замужъ за графа А. И. Толстаго.

[3]) На допросахъ въ Макарьевкомъ судѣ 20 Октября 1810 г.

товъ, не показали и оное ихъ чистосердечное признаніе, по словамъ воин. процессовъ 2 ч. 2 гл., должно принято и уважено во всей ихъ силѣ, противное же тому отъ нихъ показаніе [1]), по содержанію Улож. 21 гл., 8 ст., должно по самой справедливости признаться неимовѣрнымъ. Впрочемъ искъ въ отношеніи Хватова обязанъ по силѣ Улож. 13 гл. 7 ст. производить его настоящій помѣщикъ [2]), но онъ не проситъ; а Насакинъ въ такомъ дѣлѣ, до него непринадлежащемъ, съ восхищеніемъ власти другаго, входить не имѣетъ права, понеже (ук. 1714 г. Марта 17-го) фискаламъ вступать въ дѣло, гласъ имѣющимъ, запрещено и должно обратиться съ просьбой своей въ Макарьевскій, а не Курмышскій судъ; ибо, какъ сказано (въ 420 ст. Управ. губер.) «уѣзднаго суда власть далѣе того округа, гдѣ онъ учрежденъ, не распространяется», «а просить тамъ, гдѣ отвѣтчикъ вѣдомъ» [3]).

На основаніи этихъ своихъ заключеній, князь Егоръ просилъ судъ прекратить по жалобѣ Насакина дальнѣйшее производство. И должно быть, судъ послушалъ авторитетнаго княжескаго и камергерскаго слова. По крайней мѣрѣ этимъ и закончилась переписка о буйныхъ дѣяніяхъ дерзкаго предводителя дворянства.

IV.

«У всякаго барана свои рога, у всякаго барона своя фантазія», говоритъ пословица. Князь Егоръ, кажется, во всю свою жизнь не имѣлъ ни къ кому изъ людей привязанности, не зналъ и любви къ человѣчеству. За то онъ былъ страстный любитель лошадей и особенно породистыхъ собакъ. Дворъ его былъ переполненъ псами разныхъ видовъ, возрастовъ и породъ даже больше, чѣмъ имѣлось при домѣ дворовыхъ людей, на которыхъ, при чрезмѣрной княжеской жестокости, какъ увидимъ ниже, не всегда можно было надѣяться, между тѣмъ какъ съ собаками князь чувствовалъ себя въ безопасности отъ всякихъ посягательствъ на его жизнь. Нечего говорить, что на нихъ онъ тратилъ безумныя суммы. Стоило только ему увидѣть красиваго и породистаго пса, онъ не разставался съ нимъ. И если, паче чаянія, хозяинъ не соглашался продать таковаго за деньги, вѣрные служители княжескіе изъ глазъ вырывали собаку у владѣльца и припрятывали такъ, что днемъ съ огнемъ ее нельзя было найти.

Разсказываютъ, что благодаря этой страсти князя къ собакамъ, явилась возможность перевести изъ Макарьева [4]) въ Нижній-Новгородъ

[1]) Въ Курмышскомъ судѣ, 24 Октября.

[2]) Т. е. Бурцевъ.

[3]) Дѣло Макар. у. суда за 1811 г., № 710.

[4]) Макарьевъ переименованъ въ уѣздный городъ Нижегородской губ. по указу 5 Сентября 1779 г. изъ подмонастырской слободы Макарьевки, близъ Макарьевскаго монастыря на Волгѣ.

знаменитую въ свѣтѣ «Макарьевскую» ярмарку. Купечество Нижегородское желало ея перевода въ губернскій городъ; того же желали мѣстное начальство и высшее правительство, для большаго развитія Русской торговли.

Особенно сильно тормозилъ это дѣло князь Е. А. Грузинскій. Ярмарка отстояла отъ его села Лыскова всего въ 3—4 верстахъ, сейчасъ же за р. Волгой; часть ярмарочныхъ помѣщеніи стояла на его землѣ и приносила ему большіе доходы. Разстаться съ такой хорошей доходной статьей, конечно, ему было невыгодно, и онъ, очень широко пользуясь своимъ правомъ, какъ губернскій предводитель дворянства, яко бы оберегая окрестныхъ помѣщиковъ, усиливался оставить Макарьевскую ярмарку на прежнемъ положеніи, ибо-де съ переводомъ ея въ Нижній падетъ мѣстная промышленность (лѣсоводство и лѣсопроизводство) [1]) и нанесется значительный уронъ сельскому хозяйству, а особенно благосостоянію дворянъ.

Въ самый разгаръ ярмарочной торговли, въ с. Лысково пріѣзжаетъ графъ Н. П. Румянцовъ, тогдашній министръ торговли. Говорили [2]), что ему было поручено осмотрѣть ярмарку въ Макарьевѣ и дать свое заключеніе по поводу ея перевода. Графъ сдѣлалъ визитъ князю Грузинскому. Послѣдній принялъ его очень любезно и въ разговорѣ такъ краснорѣчиво и убѣдительно доказалъ ему всѣ неудобства и невыгодности перевода ярмарки въ Нижній, что тотъ, казалось, вполнѣ убѣдился его доводами. Князь удержалъ графа у себя въ селѣ, любезно предоставивъ въ его распоряженіе своихъ лошадей и экипажъ для поѣздки въ Макарьевъ. Графъ пріѣхалъ въ сопровожденіи двухъ большихъ бѣлыхъ въ коричневыхъ яблокахъ собакъ. Князь попросилъ продать ихъ ему.—Не могу! отвѣчалъ графъ. Черезъ нѣсколько дней у графа пропали его любимыя собаки.

Это происшествіе еще больше усилило антагонизмъ между княземъ Грузинскимъ и графомъ Румянцовымъ. Зная, что князь пользуется большими доходами съ ярмарки, графъ Николай Петровичъ твердо рѣшилъ ходатайствовать о переводѣ ярмарки въ Нижній. А чтобы не было помѣхи и чтобы ускорить «теченіе событій» принята была самая радикальная мѣра... Лишь только осенью купцы вывезли изъ торговыхъ помѣщеній всѣ свои товары и послѣдніе торговцы уѣхали от-

---

[1]) Близъ самаго Макарьева съ правой стороны впадаетъ въ Волгу р. Керженецъ, съ лѣвой—верстъ на сто Ветлуга, по которымъ сплавляется лѣсъ изъ Чернораменскихъ и Брянскихъ боровъ.

[2]) Нижеприводимый разсказъ записанъ со словъ А. П. Мельникова, чиновника особыхъ порученій при Нижегородскомъ губернаторѣ, которому о томъ передавалъ покойный Макарьевскій городской голова Дымовъ.

туда, въ глухую темную осеннюю ночь [1]), Макарьевская ярмарка запылала со всѣхъ сторонъ, освѣщая на далекое пространство окрестныя села и деревни.

— Батюшки! горитъ наша благодѣтельница! увидя зарево, всполошились въ Макарьевѣ горожане.

«Сейчасъ же собрали пожарный обозъ, разсказывалъ далѣе Дымовъ, и туда; думаемъ: авось защитимъ матушку. Куда тебѣ!.. Кругомъ нея разставлены казаки и насъ близко къ ней не подпустили. Такъ и погибла наша кормилица. Сгорѣла вся до основанія».

На другой годъ, на стрѣлкѣ при сліяніи Оки съ Волгой въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ нынѣ Макарьевская часть, начали устраивать временныя деревянныя помѣщенія для будущей ярмарки, а въ слѣдующемъ 1818 году ее окончательно перенесли туда.

Вотъ какъ иногда, благодаря самымъ ничтожнымъ обстоятельствамъ, рѣшаются самыя большія дѣла!

V.

Какъ самъ владѣлецъ Лыскова, такъ и крестьяне у него были отчаянные люди. «Каковъ попъ, таковъ приходъ». Дивиться этому, понятно, нечего, коль скоро всякій сбродъ, разбойники, бѣглые, безпаспортные, незаконнорожденные [2]), непомнящіе родства, или такъ праздно шатающіеся, ищя привольныхъ мѣстъ, гдѣ бы «калачи сами пеклись въ печи», и прочій людъ съ сомнительнымъ прошлымъ всегда находили себѣ привѣтъ, ласку и радушный пріемъ въ вотчинѣ князя Грузинскаго. Не только разъ кто попалъ къ нему, тотъ уже никогда не могъ найти себѣ свободу, хотя бы былъ свободный человѣкъ, или имѣлъ на то право. Такой смѣльчакъ жестоко за это расплачивался...

Въ началѣ текущаго столѣтія изъ Владимирской губерніи помѣщицей Тиньковой въ Башкирію была переселена партія крестьянъ. Жизнь имъ тамъ не понравилась, и нѣкоторые изъ нихъ (крест. Герасимъ Ивановъ Курликовъ, съ отцомъ и женой Матреной, сыномъ Сергѣемъ, троюроднымъ братомъ Сергѣемъ же Тимофѣевымъ и его сыномъ Яковомъ) бѣжали (въ 1816 г.) въ Нижегородскую губернію и были приняты кн. Грузинскимъ въ с. Лысково, гдѣ лѣтъ 25-ть проживали своимъ домомъ наравнѣ съ его крѣпостными, платя ему съ

---

[1]) Какъ теперь, такъ и прежде Макарьевская ярмарка продолжалась съ 15 Іюля по 25 Августа (оффиціально) и заканчивалась совсѣмъ 5 Сентября (неоффиціально).

[2]) Дѣло Макарьевск. у. суда за 1833 г. № 727. „О подкинутыхъ неизвѣстно кѣмъ къ домамъ князя и крестьянъ его мужеска пола младенцахъ“. Оказалось 12 подкидышей, объявившихся въ продолженіе 1818—1829 гг. По постановленію суда князю Грузинскому выданъ былъ на нихъ владѣнный указъ.

каждой души (мужской) по 70 рубл. подати. Въ теченіе этого времени сынъ Курликова Сергѣй женился на крѣпостной князя, дѣвушкѣ Прасковьѣ, съ которой прижилъ шесть дочерей (Авдотью, Матрену, Ѳедосью, *Настасью*, Марью и Дарью), а отецъ и двоюродный братъ съ сыномъ померли. Всѣ они жили тихо, скромно; но вдругъ въ послѣднее время вотчинное правленіе стало притѣснять это семейство. Сначала самъ Курлыковъ три недѣли ни за что просидѣлъ въ оковахъ, потомъ сынъ отданъ былъ въ смирительный домъ. Въ силу необходимости, крестьянинъ подалъ въ судъ прошеніе, гдѣ, излагая обстоятельства дѣла, просилъ освободить его изъ владѣнія князя Грузинскаго. Въ судъ были вызваны бурмистръ Колесовъ и управляющій Калининъ. Оба они заявили, что всѣ Курликовы суть крѣпостные князя. Послѣдній даже представилъ купчую крѣпость, заключенную имъ, княземъ, съ прапорщикомъ Никифоровымъ 31 Марта 1834 г., въ которой было сказано, что Никифоровъ продалъ князю «крѣпостныхъ своихъ дворовыхъ людей Герасима Иванова съ женою его Матреною, съ сыновьями ихъ Сергѣемъ и Ѳедоромъ, находящимися въ бѣгахъ (sic), съ Сергѣевой женою Прасковьею и ихъ дочерьми Авдотьей, Матреной, Ѳедосьей и *Натальей*».

Несмотря на явныя противорѣчія купчей крѣпости съ показаніемъ бурмистра, утверждавшаго, что сынъ Курликова Сергѣй женился, уже будучи якобы крѣпостнымъ кн. Грузинскаго, слѣдовательно долженъ быть купленъ холостымъ, и не обращая вниманія на то, что у Сергѣя не было дочери Натальи, уѣздный судъ, основываясь только на представленной копіи съ купчей (кстати сказать, никѣмъ не засвидѣтельствованной и не провѣренной) отказалъ Курликову въ его домогательствахъ. Вотчинное начальство заковало его въ цѣпи и посадило въ такъ называемый «*черный приказъ*», откуда бѣднякъ только черезъ годъ былъ выпущенъ по просьбѣ сына. Передъ выпускомъ Курликовъ захворалъ и черезъ нѣсколько дней померъ. Сергѣй же былъ отданъ въ пожарную команду на полгода, но оттуда бѣжалъ и подалъ апелляціонную жалобу. Такъ какъ срокъ подачи этой жалобы былъ пропущенъ, то судъ оставилъ ее безъ послѣдствія. И какъ ни странно, прокуроръ призналъ правильнымъ это рѣшеніе уѣзднаго суда *).

Набранные, такимъ образомъ въ Лысково крестьяне, какъ говорится, съ кола да съ висѣлицы, и къ тому же сильно притѣсняемые, конечно, должны были неминуемо озлобиться и были озлоблены про-

*) Изъ дѣла Макар. у. суда за 1841 г. № 739.

тивъ всѣхъ и вся [1]), а еще больше противъ своего помѣщика. Жалѣю, что мнѣ Овчинниковъ [2]) попался, когда у меня никакого оружія не было, какъ - то разъ похвалялся одинъ изъ Лысковскихъ жителей, крестьянинъ Муромцевъ: сололъ бы его. Теперь постоянно ношу при себѣ ножикъ или кинжалъ. Доберусь я и до князя. Въ случаѣ какого за дурные поступки или неплатежъ податей взысканія, пойду къ нему на Пасху христосоваться, пырну его головой въ брюхо, а ежели не удастся его съ ногъ сшибить, то, подъ видомъ просить прощенія, упаду ему въ ноги, схвачу за нихъ и уроню такъ, чтобы душа его вонъ» [3]).

Видно, не сладко жилось Лысковскимъ крестьянамъ даже въ тѣ дни (въ 1843 году), «на склонѣ дней» ихъ помѣщика, когда, по выраженію одного неизданнаго сатирическаго стихотворенія [4]),

„привыкъ къ концу обѣда
князь Грузинскій засыпать".

Онъ обрюзгъ, опустился, постарѣлъ [5]) и, конечно, не могъ уже съ прежней энергіей и силой тиранить и мучить своихъ крестьянъ.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какъ скончалъ свои годы этотъ буйный человѣкъ, надѣлавшій такъ много зла въ свою жизнь...

П. Юдинъ.

Вспомнимъ, что этотъ же самый князь Грузинскій находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ знаменитымъ Сперанскимъ(!). П. Б.

---

[1]) Въ архивѣ Макарьевск. у. суда сохранилось дѣло (1826 г., № 720) о крестьянинѣ Моревѣ, который носилъ въ карманѣ 3-хъ фунтовую гирю съ намѣреніемъ „за досаду убивать людей". Онъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ на поселеніе въ Сибирь.

[2]) Бурмистръ князя Грузинскаго въ 1843 году.

[3]) Дѣло Макарьевск. у. суда 1843 г., № 740. Муромцевъ, по показанію крестьянъ, „съ малолѣтняго возраста былъ поведенія развратнѣйшаго". Судъ приговорилъ его къ наказанію 30 ударами плетью и ссылкѣ въ Сибирь.

[4]) Стихотвореніе это подъ названіемъ „Эпоха 1843 г." описываетъ всѣхъ чиновниковъ и помѣщиковъ Нижегородскихъ; хранится оно въ архивѣ Нижегородск. Ученой Архивной Комиссіи.

[5]) Тамъ же находятся и два гравированные портрета князя Грузинскаго, снятаго сидящимъ въ креслѣ. Я хотѣлъ было снять фотографическій снимокъ съ одного изъ нихъ и заручился уже согласіемъ лица, которое передало портретъ въ комиссію, но при всѣхъ моихъ хлопотахъ я не могъ добиться на это разрѣшенія. Председатель комиссіи г. Савельевъ обѣщалъ доложить мою просьбу „въ ближайшее засѣданіе" членовъ, но такъ и не исполнилъ до сего времени своего обѣщанія, не смотря на мои неоднократныя ему о томъ напоминанія.

ЗАМѢТКА О ПОРТРЕТАХЪ СУВОРОВА

и Альбомѣ Антинга.

Наступающая столѣтняя годовщина кончины Суворова вызываетъ особенный интересъ къ изображеніямъ великаго полководца. Генералъ Бильдерлингъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и г. „Русскій“ въ „Новомъ Времени“ сообщили публикѣ много любопытнаго о существующихъ въ Россіи портретахъ Суворова. Было бы весьма желательно собрать свѣдѣнія о такихъ же портретахъ, сохранившихся за границей. Я, съ своей стороны, могу указать на слѣдующія два изображенія:

1) У графа Викенбурга, въ м. Глейхенбергѣ, въ Штиріи, есть небольшой акварельный портретъ Суворова, совершенно схожій (въ уменьшенномъ видѣ) съ портретомъ Шмидта 1800 г. На оборотной сторонѣ имѣется надпись, удостовѣряющая, что портретъ этотъ написанъ *самимъ Шмидтомъ* въ Прагѣ; онъ привезенъ въ Штирію изъ Россіи графомъ Викенбургомъ, бывшимъ, въ началѣ столѣтія, Баварскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

2) Въ частной коллекціи д-ра Шубарта въ Мюнхенѣ находится альбомъ (Stammbuch) извѣстнаго силуэтиста Фридриха Антинга, гдѣ изображенъ и Суворовъ. Д-ръ Шубартъ весьма обязательно позволилъ мнѣ сдѣлать съ соотвѣтствующаго листка этого альбома фотографическій снимокъ. Силуэтъ Суворова помѣщенъ въ медальонѣ, подъ обвитымъ лаврами шлемомъ; надъ шлемомъ пальмовыя вѣтви, а вокругъ Турецкіе трофеи; въ отдаленіи изображено сраженіе съ аттакующими Русскими и бѣгущими Турецкими войсками. Надпись подъ медальономъ: „Wohl dem Helden auf dessen Loorbeeren die Palme grünt“, сдѣлана рукою Антинга; наверху имѣются слѣдующія строки, *написанныя самимъ Суворовымъ*:

„Vergeh mit mir nur dieser mein Schatten,
eh ich werde die
Tugend verrathen.
Gr. Alexander Suworow Rymnikski.
Cherson d. 7 Iuni 1793“.

Силуэтъ и автографъ относятся къ тому времени, когда Рымникскій и Измаильскій герой, командуя войсками въ новопріобрѣтенномъ отъ Турокъ краѣ, занимался въ Херсонѣ мирными организаціонными работами. Хотя изображеніе это даетъ лишь общее и несовершенное понятіе о чертахъ Суворова, оно интересно въ томъ отношеніи, что несомнѣнно сдѣлано съ натуры и, притомъ, лицомъ весьма къ фельдмаршалу близкимъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія силуэты *), были въ большой модѣ, и въ Пе-

*) Сдѣлавшееся нарицательнымъ слово *„силуэтъ“* на самомъ дѣлѣ фамилія довольно извѣстнаго Французскаго финансиста и государственнаго дѣятеля Etienne de Silhouette,

тербургѣ особенною славою силуэтиста пользовался авторъ настоящаго альбома, Фридрихъ Антингъ, извѣстный также въ качествѣ путешественника, военнаго и, позднѣе, біографа Суворова. Антингъ родился въ Германіи и былъ сперва преподавателемъ къ Пажескомъ корпусѣ въ Готѣ; предпринявъ большое путешествіе, онъ посѣтилъ Парижъ, Берлинъ. Вѣну, Константинополь и Петербургъ. и всюду имѣлъ, благодаря своему таланту, сношенія съ высшимъ обществомъ. Проѣздомъ черезъ Польшу, онъ встрѣтился съ Суворовымъ, который приблизилъ его къ себѣ и назначилъ своимъ адъютантомъ: онъ оставался при фельдмаршалѣ до самой его смерти и когда Суворова постигла немилость императора Павла, подвергся даже аресту. Послѣ кончины Суворова онъ велъ процессъ съ его наслѣдниками изъ за подареннаго ему имѣнія и умеръ въ бѣдности, въ Петербургѣ въ 1805 г. Въ 1795 г. онъ издалъ жизнеописаніе Суворова подъ заглавіемъ: „Versuch einer Kriegsgeschichte des Grafen Alexander Suwórow Rymnikski".

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о вышеупомянутомъ альбомѣ Антинга, представляющемъ совершенно особенный интересъ для Русской публики: въ немъ заключается около 200 оригинальныхъ силуэтовъ, списанныхъ Антингомъ съ извѣстнѣйшихъ лицъ современнаго ему высшаго общества, при чемъ болѣе трети этихъ лицъ Русскіе, или имѣютъ прямое отношеніе къ Русской исторіи. Каждый силуэтъ окруженъ акварельными атрибутами, эмблемами и т. п. во вкусѣ тогдашняго времени; но что̀ придаетъ этому собранію особенную цѣну, это автографы изображенныхъ въ немъ лицъ, состоящіе изъ подписей, изреченій, стихотвореній и т. д. Здѣсь имѣются сдѣланные съ натуры силуэты и автографы графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, графовъ Паниныхъ, графа Румянцова-Задунайскаго, фаворитовъ Зорича и Корсакова, И. И. Шувалова, митрополита Платона, Римско-катол. митрополита Сестренцевича, фельдмаршала князя Прозоровскаго, вице-канцлера князя Голицина, князя П. М. Дашкова, графа А. К. Разумовскаго, князя А. Б. Куракина, Булгакова, Хераскова и многихъ другихъ. Нельзя сказать, чтобы надписи и изреченія всѣхъ этихъ болѣе или менѣе знаменитыхъ лицъ отличались особенною глубиною содержанія, не отличаются онѣ (въ особенности писанныя на Русскомъ языкѣ) увы! и строгостью правописанія; но автографы эти даютъ необыкновенно живое представленіе о пестрой образованности тогдашняго Русскаго высшаго общества. Порусски пишутъ весьма немногіе. Вотъ наприм., мало искусный, почти допетровскій, почеркъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго *):

родившагося въ 1709 г. и бывшаго сперва управляющимъ у герцога Орлеанскаго, затѣмъ королевскимъ комиссаромъ при Остъ-Индской Компаніи и, наконецъ, генеральнымъ контролеромъ и министромъ (1759 г.). Его попытки поправить Французскія финансы путемъ крайняго сокращенія расходовъ навлекли на него насмѣшки публики. Все, что̀ въ тогдашнихъ людяхъ носило печать сухости и упрощенности, получило, въ шутку, названіе „àla Silhouette", окончательно оставшееся за вышеупомянутымъ родомъ портретовъ.

*) Всюду сохранено правописаніе подлинника.

„Хотя со всемъ всвете растаться,
Но при истинне буду держаться“.

1791. Сентября 4 дня.
С.-Петербургъ.

Поэтъ и попечитель Московскаго университета Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ обращается къ автору альбома съ такими стихами:

„Изчезнутъ тени всѣ, когда угаснетъ день;
Искуство ты нашелъ удержпвать и тень“.

Генералъ аншефъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ пишетъ:

„Тѣнь сохраняетъ что время истребляетъ“.

Фаворитъ Семенъ Гавриловичъ Зоричъ:

„Щастливое рожденіе, сопряженное съ отмѣнною наукою, заставитъ себя при первомъ свиданіи уважать“. 1791 г. Декабря 14 дня. Шкловъ.

Оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ:

„Чрезъ время долгое, себѣ подобны зрятся,
„И краску потерять и нѣжность не боятся“.

Генералъ-маіоръ Свѣчинъ:

„Невсегда добродетель возвышаетъ, но более унижаетъ“.

Дипломатъ и писатель Яковъ Ивановичъ Булгаковъ:

„Времянъ въ глубокомъ отдаленіи
Потомство тѣхъ увидитъ тѣни
Которыхъ мужественъ былъ духъ“.

Генералъ-поручикъ Алексѣй Григорьевичъ Ступишинъ:

„Гоняяся за суетой и ночь и день
Неложное добро оставя такъ какъ тень“.

Высшіе іерархи Русской Церкви выражаются на весьма изысканномъ Латинскомъ языкѣ:

Митрополитъ Платонъ:

„Quis credat corpus quidem mori, umbram autem vivere posse?“
Plato, Dei gr. metropolita Mosquensis.

Преосвященный Серапіонъ:

„Vivos exanguis imago refert vultus.
Efficit hoc docti artificis manus“.
Serapion, D. g. episcopus Dmitrovensis, vicarius Mosquesnis.

На Латинскомъ же языкѣ пишутъ нѣкоторые государственные дѣятели.

Вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ:

„Sperat infestis, metuit secundis
Alteram sortem bene preparatum pectus“.
Princeps Alexander a Galitzin.

Президентъ Коммерцъ-коллегіи графъ Іоганъ-Эрнстъ Минихъ:

„Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem; non secus in bonis
Ab insolenti temperatam laetitia“.

Но большинство изреченій, стиховъ и т. д. написано, конечно, по французски, въ модномъ тогдашнемъ чувствительно-нравоучительномъ тонѣ. Силуэтъ Потемкина изображенъ на урнѣ, обвитой розами; подъ нимъ написано, очевидно чужимъ почеркомъ:

„Du mortel le plus heureux voilà ce qui nous reste".

Графъ Никита Петровичъ Панинъ:

„Le vice seul est bas, la vertu fait le rang",
„Et l'homme le plus juste est aussi le plus grand".

Графъ Петръ Кирилловичъ Разумовскій (впослѣдствіи оберъ-камергеръ).

„Pour faire fortune, ce n'est pas de l'esprit qu'il faut, c'est de la délicatesse qu'il ne faut pas".

Генералъ-фельдмаршалъ князь А. А. Прозоровскій:

„Telle est l'ombre de ma vie".

A. prince Prosorovsky, gén. en chef et chevalier des plusieurs ordres.

Сенаторъ и писатель князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ:

„L'ombre de son objet atteste la présence.
Ce principe si sûr quelquefois nous séduit;
Car l'ombre du bonheur que tout mortel encense
Au bonheur ici bas ne l'a jamais conduit".

Алексѣй Семеновичъ Хвостовъ, повѣренный въ дѣлахъ при Турецкомъ дворѣ:

„La guerre et Constantinople ne sont bons que quand on en est revenu".

Князь Михаилъ Андреевичъ Голицынъ:

„Plus heureux qu'Apelles, en noircissant les traits,
Jamais on ne se plaint de vos couleurs perfides.
Votre sombre pinceau cache tous les attraits,
Mais n'en couvre pas moins les défauts et les rides".

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ):

„Une dévote un jour dans une église
Offrit un cierge au bienheureux Michel,
Et l'autre au diable. Oh quelle méprise!
Mais c'est le diable! ...Y pensez vous, o Ciel!
Laissez dit-elle, il ne m'importe guères:
Il faut toujours penser à l'avenir,
Et les amis sont partout nécessaires".

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать весь интересъ альбома Антинга для любителей нашей родной старины. Нельзя не испытать сожалѣнія, что это рѣдкое собраніе портретовъ и автографовъ дѣятелей Екатерининской эпохи находится за границею, а не въ одномъ изъ нашихъ хранилищъ. Казалось бы, что альбому, составленному сподвижникомъ Суворова и на страницахъ коего собственноручно начертано имя великаго Русскаго полководца, всего приличнѣе было бы занять мѣсто въ будущемъ Суворовскомъ музеѣ.

А. И.

Мюнхенъ, Мартъ 1899 г.

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА.

I. Нѣкоторыя подробности о его пребываніи въ Оренбургѣ.

Въ Январьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1883 г. (стр. 78), помѣщено взятое изъ архива бывшей канцеляріи Оренбургскаго генералъ-губернатора „дѣло № 78 объ учрежденіи тайнаго надзора за временно прибывшимъ въ Оренбургъ поэтомъ Пушкинымъ“, но безъ всякихъ объясненій. Между тѣмъ тутъ указывается, что „во время кратковременнаго въ Оренбургѣ его пребыванія“ „не было за нимъ полицейскаго надзора“ (какъ того требовалъ, на основаніи высочайше утвержденнаго положенія Государственнаго Совѣта 1828 г., отношеніемъ отъ 9-го Октября, Нижегородскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ Михаилъ Петровичъ Бутурлинъ). Дѣло въ томъ, что Александръ Сергѣевичъ останавливался въ домѣ Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго, который удостовѣрялъ, „что поѣздка поэта въ Оренбургскій край не имѣла другого предмета кромѣ нужныхъ ему историческихъ изысканій“. Послѣднее обстоятельство и даетъ намъ поводъ сдѣлать къ этому „дѣлу“ нѣсколько добавленій.

Какъ извѣстно, В. А. Перовскій (впослѣдствіи графъ), не смотря на его суровость и подъ часъ чрезмѣрную въ обращеніи съ подчиненными строгость, былъ въ сущности человѣкъ добрый и отзывчивый, особенно покровительствовавшій ученымъ и литераторамъ, будучи самъ не чуждъ литературныхъ занятій. Зная при томъ же, какъ относился къ поэту Николай Павловичъ и съ чьего разрѣшенія онъ предпринялъ поѣздку въ Оренбургскій край, Василій Алексѣевичъ оказывалъ ему самое широкое содѣйствіе въ собираніи матеріаловъ для предполагаемой „Исторіи Пугачевскаго бунта“. Не говоря уже о томъ, что онъ кормилъ его роскошными обѣдами и поилъ на славу, онъ самъ показывалъ ему мѣста главнѣйшихъ дѣйствій Пугачева близъ Оренбурга. Пушкинъ, такимъ образомъ, побывалъ и въ знаменитой Бердѣ, и въ Каргалѣ и въ Сакмарскѣ (въ 30 верст. отъ Оренбурга, въ то время станицы Уральскаго, а нынѣ съ 1869 г. Оренбургскаго казачьяго войска), слушалъ тамъ казачьи пѣсни и разсказы про Пугачева. Потомъ посѣтилъ онъ другія крѣпости ниже Оренбурга вплоть до города Уральска *), гдѣ еще засталъ въ живыхъ извѣстнаго Дениса Пьянова, разсказавшаго ему много про Пугачевщину.

---

*) Уральскъ въ то время входилъ въ составъ Оренбургской губерніи.

Тогда чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ губернаторѣ служилъ въ Оренбургѣ писатель (и врачъ) Владимиръ Иван. Даль (Казакъ Луганскій). Онъ также способствовалъ Пушкину въ собираніи матеріаловъ. Старожилы даже увѣряютъ, что, по порученію Перовскаго, Даль сопровождалъ поэта въ его поѣздкѣ по станицамъ и крѣпостямъ (до Уральска) и указывалъ ему мѣста Пугачевскихъ становищъ и погромовъ.

Перовскій такъ увлекся Пушкинымъ, что отдалъ ему изъ своей канцеляріи всѣ дѣла о Пугачевѣ, и Пушкинъ ихъ увезъ съ собой. Гдѣ теперь находятся дѣла эти, покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ архивѣ же бывшей канцеляріи военнаго губернатора и въ штабѣ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса нѣтъ ни одного дѣла о Пугачевщинѣ.

Пробылъ А. С. Пушкинъ въ Оренбургѣ три дня: съ 18 по 20-е Сентября 1833 г. Перовскій въ то время квартировалъ въ домѣ мурзы полковника Тимашева, на Губернской, что нынѣ Николаевская улица (главная въ городѣ), какъ разъ противъ Благовѣщенской (теперь Вознесенской) церкви. Въ настоящее время домъ этотъ принадлежитъ купцу Ив. Вас. Ладыгину, и въ немъ помѣщаются табачный и аптекарскій магазины.

Къ сожалѣнію, не смотря даже на празднованіе мѣстнымъ обществомъ въ 1887 году 50-лѣтія со дня кончины Пушкина, о домѣ этомъ въ Оренбургѣ никто не вспомнилъ, и домъ этотъ до сей поры остается ничѣмъ неотмѣченнымъ: нѣтъ даже простой надписи, что здѣсь когда-то жилъ великій поэтъ земли Русской. А между тѣмъ въ Оренбургѣ болѣе 15 лѣтъ существуетъ Ученая Архивная Коммиссія, обязанность которой заботиться о сохраненіи въ народѣ памяти о прошлыхъ дѣятеляхъ края. Если не всемірная слава Пушкина, то уже одно созданіе имъ „Исторіи Пугачевскаго бунта", основанной на документахъ Оренбургскихъ архивовъ и описывающей одну изъ видныхъ и важнѣйшихъ эпохъ Оренбургской лѣтописи, должно было бы побудить эту коммиссію сдѣлать вещественное напоминаніе о пребываніи поэта въ „столицѣ степей".

Позволительно надѣяться, что мѣстныя умственныя силы теперь не позабудутъ о томъ, чтобы почтить поэта въ день сотой годовщины его рожденія хотя бы надписью на вышепоказанномъ домѣ.

II. Астраханскіе подписчики на сочиненія Пушкина.

Въ IX выпускѣ „Русскаго Архива" за 1893 годъ мы сообщали „о первомъ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина" по документамъ, отысканнымъ нами въ Уфимскомъ архивѣ, приведя при этомъ списокъ лицъ, подписавшихся на это изданіе въ прежней Оренбургской губерніи [1]. Нынѣ мы имѣли возможность отыскать подобныя же данныя въ Астраханскомъ губернскомъ архивѣ (за 1837 г., № 290).

---

[1]) Обнимавшей въ то время нынѣшнія губерніи Оренбургскую и Уфимскую и часть Самарской (уѣзды Бугульминскій, Бузулукскій и Бугурусланскій), области Тургайскую и Уральскую и степь внутренней Букеевской орды которая входитъ теперь въ составъ Астраханской губерніи.

Вскорѣ по смерти поэта, въ пользу его семейства, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государя Императора, было предпринято высочайше утвержденной опекой изданіе всѣхъ его сочиненій. 22-го Мая 1837 г., министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ по этому случаю циркулярнымъ письмомъ [1]) просилъ Астраханскаго военнаго губернатора свиты его величества генералъ-маіора Тимирязева распространить это изданіе и въ Астраханской губерніи.

Иванъ Семеновичъ охотно откликнулся на предложеніе министра и немедленно по полученіи письма (11 Іюня) разослалъ подвѣдомственнымъ учрежденіямъ циркулярныя же предложенія, въ которыхъ, между прочимъ, писалъ: „Съ удовольствіемъ принявъ на себя исполненіе такого порученія, я увѣренъ, что всѣ любители отечественной литтературы поспѣшатъ принять участіе въ пріобрѣтеніи полнаго собранія сочиненій незабвеннаго Русскаго поэта и тѣмъ почтить память его и вмѣстѣ способствовать къ обезпеченію благосостоянія сиротъ дѣтей его. Высокій примѣръ нашего милостиваго Монарха, изъявившаго особенное участіе къ судьбѣ покойнаго и осыпавшаго своими монаршими щедротами его осиротѣвшее семейство, вѣроятно возбудитъ въ достойныхъ цѣнителяхъ Пушкина должное соревнованіе".

Вслѣдъ за этимъ, по соглашенію опеки съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, было выслано (18 Іюня) Астраханскому губернатору на первый разъ 25 билетовъ, съ № 8026 по 8050 включительно. Въ какихъ нибудь $1^1/_2$ мѣсяца билеты были раскуплены, такъ что къ 7 Августа въ канцеляріи губернатора не осталось ни одного. Тогда, 27 Сентября, было прислано еще 22 билета (подъ №№ 9918—20, 9925—28 и съ № 10. 986 по 11000) и, наконецъ, 11 Октября еще три билета (за №№ 10,311—10313) [2]). Къ Апрѣлю 1839 года недостало и этихъ билетовъ, вслѣдствіе чего двумъ подписчикамъ пришлось выписывать сочиненія Пушкина безъ билетовъ.

Несмотря на значительную цѣну изданія этого, по подпискѣ до 1 Октября 1837 г. на ординарной бумагѣ 25 руб. ассиг., съ пересылкой 35 р., и на веленевой, 40 р., съ пересыл., 50 руб. ассиг., въ разсрочку на три срока [3]), подписывались на него не только состоятельные люди, но даже бѣдные чиновники, внося полностію подписныя деньги, въ виду чего подписка была отсрочена до дня выхода въ свѣтъ послѣднихъ томовъ [4]).

Первыми откликнулось на приглашеніе губернатора мѣстное купечество. „Съ удовольствіемъ желали имѣть одинъ экземпляръ этого изданія" члены Астраханскаго магистрата. За ними разомъ на три экземпляра под-

---

[1]) Такое письмо уже приведено въ указанномъ нами выпускѣ „Русскаго Архива".

[2]) Желательно было бы знать, какое именно количество экземпляровъ разошлось по Россіи этого изданія, судя по представленнымъ номерамъ довольно значительное. Надо думать, Астраханская губернія была не изъ послѣднихъ. Допуская, что было продано только 11 т. экз., хотя по 35 руб., то выручено было приблизительно 385 т. рублей.

[3]) Порядокъ подписки и сроки см. въ IX в. „Русскаго Архива" за 1893 г.

[4]) Первые три тома были высланы въ Астрахань 10-го Іюня 1838 г., а остальные 19 Февраля 1839 года; всего было 8 томовъ.

писались члены Губернскаго Правленія (надв. сов. Потаповъ, колл. асс. Мальцовъ и тит. сов. Шавердовъ). Потомъ на 1 экземп. заявили желаніе члены Черноярскаго магистра. Далѣе подписчики идутъ въ такой послѣдовательности (по порядку ихъ подписки):

Членъ отдѣленія Сальянской опеки надв. сов. Орловъ и тит. совѣтница Ахматова по 1 экз.

Астраханская городская дума 9 экзем., а именно: Астрах. купецъ Алексѣй Михайл. Холщевниковъ, купеческіе сыновья: Николай Хлѣбниковъ, Николай Киселевъ, Яковъ Турыжниковъ, Петръ Кондр. Шапошниковъ, изъ Армянъ Егоръ Франгуловъ, Петръ Енибековъ, Григорій Бендерцовъ и коммиссіонеръ Сарептскаго общества Ѳедоръ Ѳедоровъ.

1 экз., асессоръ рыбной экспедиціи тит. сов. Крыловъ.

3 экз., совѣтъ Калмыцкаго управленія и. д. предсѣдателя суда, кол. ас. Романовъ, члены совѣта и смотритель Калмыцкаго базара Добринскій.

По 1 экз. тит. сов. Рѣшетниковъ, старшій адъютантъ штаба военнаго губернатора Кохановъ и командиръ 3-го Астраханскаго казачьяго полка войсковой старшина Тетеринъ (изъ Камышина).

2 экз., члены Ламайскаго духовнаго правленія (первая серія 25 билетовъ).

Послѣ того (во 2-ю серію) подписались: владѣлецъ Хошоутовскаго (Калмыцкаго) улуса полковникъ князь Сербеджанъ-Тюмень, Астраханскаго соляного правленія старш. совѣтники, тит. с. Ильинъ и смотрители соляныхъ озеръ: Басинскихъ, губ. секр. Шавердовъ кол. сов. Хватковъ, Алгаринскій соляной приставъ кол. асс. Василій Аѳанасьевъ (Алгара, Красноярск. у.) каждый по одному экземпляру. 10 экз., чиновники Астрахан. Казенной Палаты: вице-губернаторъ ст. с. Филиповъ, совѣтники: кол. с. Кашпиревъ, над. с. Зубаревъ, кол. ас. Кармалинъ, губерн. контролеръ кол. ас. Иванъ Аѳанасьевъ, асессоръ тит. с. Ключаревъ, и. д. Астрах. уѣзднаго казначея 12 класса Ивановъ, столоначальники: губ. секр. Крашенинниковъ и кол. рег. Семенъ Аѳанасьевъ и канцеляристъ Павелъ Юковъ.

Больше-дербетевскій владѣлецъ капитанъ Огиръ-Хапчуковъ. Въ экспедицію рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ пять экземпляровъ, а именно: секретарь тит. с. Михаилъ Нарвскій, и. д. столоначальникъ кол. рег. Никифоръ Ливановъ и смотрители Гаврила Гангесовъ, губ. секр. Николай Добровольскій и тит. сов. Гаврила Кузьминъ (послѣдній подписался на экземпляръ на веленевой бумагѣ, представивъ 45 руб.).

Владѣлецъ Яндыковско-Икицохуровскаго улуса Церенъ Аришо и 2 экз. для библіотеки пансіона Астраханскаго казачьяго войска.

Послѣдніе три экземпляра, распроданные уже въ 1839 году, распредѣлились между подполков. Астраханскаго казачьяго войска Алѣевымъ, надв. сов. Залецкимъ и лейтенантомъ Никоновымъ *).

---

*) Оправдывались слова Пушкина:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ.

Всего въ Астраханской губерніи было распродано перваго изданія сочиненій Пушкина 52 экземпляра на сумму 1825 рублей.

Достойно при этомъ замѣчанія, что никто изъ городничихъ, изъ полицейскихъ чиновъ, судей уѣздныхъ и земскихъ судовъ, а особенно изъ духовенства, но еще болѣе страннѣе изъ представителей народнаго просвѣщенія, не откликнулся на благой призывъ министра и не подписался хотя бы по одному экземпляру для каждаго учрежденія. Страннѣе всего, что это обстоятельство имѣло мѣсто тогда, когда въ Астраханской губерніи директоромъ народныхъ училищъ былъ любитель отечественной старины, исторіографъ и самъ писатель, извѣстный М. С. Рыбушкинъ.

Прошло 23 года послѣ этого. Въ 1860 году, бывшіе „воспитанники всѣхъ курсовъ императорскаго Александровскаго Лицея, увѣренные въ глубокомъ сочувствіи соотечественниковъ къ памяти питомца сего заведенія Александра Пушкина, обратились съ просьбою о дозволеніи открыть повсемѣстно подписку для сооруженія этому поэту памятника, достойнаго народной его славы“. По всеподданѣйшему докладу о томъ принца Ольденбургскаго, Государь Императоръ, „соизволивъ на открытіе подписки, повелѣлъ поставить памятникъ въ Царскомъ Селѣ. въ бывшемъ Лицейскомъ саду“.

Сообщая объ этомъ (14-го Декабря 1860 г. за № 165) Астраханскому губернатору, министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской просилъ его пригласить жителей Астраханской губерніи къ пожертвованіямъ на этотъ предметъ. Но, увы, въ теченіе 1861 года было собрано *всего 7 рублей 53 коп.*, да и то присланныхъ изъ уѣздовъ...

Такъ почтили тогда память великаго поэта Астраханцы. Теперь же, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, дума въ послѣднемъ засѣданіи (10 Марта) постановила. въ ознаменованіе столѣтія со дня его рожденія. открыть начальное женское училище имени Пушкина, раздать всѣмъ учащимся въ городскихъ училищахъ Пушкинскіе сборники и отслужить въ день его рожденія панихиду.

Удивительно, какъ времена мѣняются!

П. Юдинъ.

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ ПРАСКОВЬИ ИВАНОВНЫ ОРЛОВОЙ.

(Артистки Императорскаго театра).

Это было 14-го Ноября 1841 года. Потому такъ хорошо помню это время, что слишкомъ много перенесла горя и треволненій въ этотъ день. Моя милая, любимая наставница, утѣшительница и баловница бабушка Ксенія Ивановна, мать отца, была очень больна. Я пріѣзжала къ родителямъ наканунѣ, привезла имъ билетъ на ложу, видѣла, что бабушка слаба; но меня успокоили, и я никакъ не ожидала, что вижу ее въ послѣдній разъ.... Душа сильно болѣла, а въ день спектакля еще прибавилось горе, и вотъ какое: Мочаловъ игралъ Грузинскаго князя влюбленнаго въ *Майко*, *) а она была уже обручена съ бѣднымъ, любимымъ ею Грузиномъ. Его игралъ Самаринъ. Надо сказать, что Мочаловъ очень любилъ Н. В. Беклемишева, всегда бывалъ у него и въ упоеніи виномъ повѣрялъ ему свою любовь ко мнѣ. Беклемишевъ жилъ на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ внизу былъ винный погребъ, и всѣ посѣщавшіе его офицеры, студенты и актеры въ годъ опустошали сокровище хранимое тамъ десятки лѣтъ. Хотя Беклемишевъ былъ очень богатъ, но подобныя угощенія, да взятый имъ на себя ремонтъ лошадей, чтобъ только жить на свободѣ въ Москвѣ, и въ добавокъ одинъ пріятель офицеръ Колзаковъ, выпросившій у него, на спасеніе имѣнія отъ продажи съ аукціона (что̀ убило бы его родителей) ни болѣе, ни менѣе какъ 60.000 рублей, все это сильно подорвало состояніе Беклемишева, и мой бѣдный другъ долженъ былъ выдти въ отставку и уѣхать въ деревню для поправленія обстоятельствъ. Это было почти одновременно съ моимъ выходомъ изъ театра. Однако вернемся къ бенефису.

Мочаловъ былъ въ восторгѣ отъ своей роли въ *Майко.* Первый страстный монологъ, въ которомъ авторъ излилъ всю свою душу, всю страсть къ любимой имъ женщинѣ, Мочаловъ примѣнилъ къ себѣ и на репетиціяхъ такъ говорилъ его, что всѣ восхищались. Въ день спектакля пріѣзжаю я на репетицію. Меня встрѣчаютъ и говорятъ: «Павелъ Степановичъ не пріѣхалъ; жена его вышла къ каретѣ и сказала кучеру, что онъ запилъ». Что̀ дѣлать? Зная его привычку

---

*) Героиня драмы того же имени, соч. Ник. Вас. Беклемишева.

пьянымъ уѣзжать куда-нибудь за городъ, или на кладбище плакать на могилахъ друзей, какъ Кольцовъ и другіе, и писать стихи на все и всѣхъ, я сейчасъ же написала къ Н. В. Беклемишеву: «Спасайте меня, себя и пьесу; другъ запилъ, поѣзжайте и привозите его,—жду обоихъ!»... Черезъ полчаса являются оба.. Мочаловъ мраченъ, зубы подвязаны. Беклемишевъ бѣжитъ ко мнѣ и шепчетъ: «онъ огорченъ, т. е. придрался къ этому, что вы не послали билета его семейству»... а ложи всѣ были проданы.. Я скорѣе посылаю къ родителямъ: «отдайте вашу ложу, и вотъ вамъ взамѣнъ билеты въ галлерею за бенуарами».... Они возвращаютъ и то и другое (имъ не до театра!) Получивъ билетъ, я подхожу къ мрачному Павлу Степановичу, подаю его и говорю: «простите, что съ бенефисными хлопотами я не успѣла ранѣе вручить вамъ билетъ для вашего семейства, а все носила его въ карманѣ». Онъ взялъ и какъ будто повеселѣлъ. Онъ пьяный имѣлъ привычку подвязывать щеку и всегда говорилъ, что поѣдетъ къ дантисту дергать больной зубъ. Насмѣшники давно уже насчитали болѣе сотни зубовъ выдернутыхъ.... Нѣкоторые подходили и спрашивали: «Какъ же вы будете играть при вашемъ нездоровьи?»—«Хоть умру, а играть буду! Какъ же иначе, когда *ея* бенефисъ и *его* пьеса». (Эти *ея* и *его* были любимѣйшіе имъ люди!)

У насъ было обыкновеніе дѣлать на послѣдней репетиціи завтракъ, или хотя небольшое угощеніе.... чай, кофей и бутерброды; но тутъ Ник. Вас. попросилъ у меня и мужа позволеніе распорядиться и сдѣлалъ завтракъ на славу. Но какъ поставить его за кулисами, какъ это всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ? Я сейчасъ придумала и велѣла сервировать завтракъ въ темной директорской ложѣ. Было очень забавно, когда мущины, входя незамѣтно въ ложу изъ-за кулисъ, подавали оттуда разныя закуски и вино дамамъ; а эти послѣднія сидѣли спиной къ бенуару, который почти весь на сценѣ и по приближеніи къ нимъ Павла Степановича вставали съ мѣста, чтобъ загородить соблазнъ. Нѣкоторыя переставали жевать и всѣ, любя меня были къ нему очень почтительны. Послѣ репетиціи я приказала Беклемишеву рѣшительно не отлучаться отъ него и когда онъ предложилъ Мочалову довезти его домой на своихъ лошадяхъ, тотъ сначала воспротивился и хотѣлъ отдѣлаться отъ него громкой фразой: «Неужели ты боишься, что я позволю себѣ что-нибудь, когда *твоя* пьеса и *ея* бенефисъ»? Николай Вас. нашелся и сказалъ: «Я считаю долгомъ поправить ошибку Прасковьи Ивановны и самому предложить билетъ твоей супругѣ..

Дѣло устроилось: Николай Васильевичъ привезъ его домой и довольно долго оставался, но имѣлъ и свои дѣла, почему и рѣшился

уѣхать и убѣдительно просилъ увѣдомить его, если что̀ случится. И чуть было не случилось: едва тотъ за дверь, а Мочаловъ кричитъ:« Одѣваться! Мнѣ надо ѣхать». Жена умоляетъ его.... и слушать не хочетъ. Тутъ Богъ внушилъ ей мысль, и она сказала: «Хорошо, поѣзжай; я пошлю сказать, что ты не будешь и твою прекрасную, любимую роль сыграетъ Усачевъ. Не онъ ли тебя и подпоилъ вчера вечеромъ какъ это и прежде дѣлалъ, чтобъ только захватить твою роль? Но каково же будетъ имъ, друзьямъ твоимъ, Прасковьѣ Ивановнѣ и Николаю Васильевичу? Если хочешь вина, я тебѣ дамъ: пей сколько хочешь дома».... Къ счастію онъ согласился, а она сейчасъ послала къ Беклемишеву. Тотъ, бѣдный, не успѣлъ и пообѣдать.... бросился къ Мочалову и въ 5 часовъ привезъ его въ театръ. Вскорѣ и я подъѣхала, и первый вопросъ у капельдинера: «Что̀ Павелъ Степановичъ?» — «Здѣсь: Николай Васильевичъ привезли его». Мужъ, взглянувъ на него въ уборной, бѣжитъ ко мнѣ: «Успокойся! Его отпаиваютъ зельцерской водой и мочатъ ему голову».

Начался спектакль. По ходу пьесы Мочаловъ является во второмъ дѣйствіи. При поднятіи занавѣса онъ и другіе лежатъ на коврахъ и пьютъ изъ турьихъ роговъ. Надо сказать, что все было сдѣлано новое, и пьеса монтирована прекрасно. Публика, увидѣвъ своего любимца, зааплодировала..... Мужъ мой, который игралъ его друга, толкаетъ Мочалова чтобы онъ всталъ и раскланялся..... а тотъ едва приподнялся и сидя поклонился публикѣ. Сцена представляла палатку, въ ожиданіи приближенія каравана, идущаго на богомолье, съ которымъ и Майко шла какъ обрученная невѣста.

Влюбленный князь поджидалъ караванъ, чтобы съ товарищами напасть на него и похитить Майко. Прибѣгаютъ сказать, что караванъ близко..... всѣ вскакиваютъ, а Мочалову мужъ мой помогаетъ встать..... Я все это вижу.... и знаю, что сію минуту по перемѣнѣ декораціи онъ долженъ меня, безъ чувствъ, выносить на рукахъ и класть на скамейку..... Тутъ все мнѣ пришло въ голову: и уронить-то онъ меня и упадемъ мы вмѣстѣ..... и платье-то онъ неосторожно положитъ, и мнѣ будетъ стыдно..... Я бѣгу къ мужу и говорю: «ради Бога попроси у него позволеніе вынесть меня съ нимъ вмѣстѣ»..... Куда!.... Перемѣна сдѣлана: надо нести меня. Я встала на стулъ..... вижу, Мочаловъ бѣжитъ изъ уборной и со словами: не бойтесь, не бойтесь, мой ангелъ!.. схватилъ меня со стула, вынесъ, положилъ на скамейку и даже платье оправилъ..... Я отдохнула. Сначала онъ любуется ею и что-то шепчетъ; но когда Майко приходитъ въ себя и съ ужасомъ на него смотритъ, онъ начинаетъ говорить страстный монологъ..... да такъ говоритъ, что публика, артисты и я слушаемъ съ восторгомъ

этотъ голосъ сердца, а словъ не понимаемъ..... даже я, которая почти наизусть знала всю сцену; а изъ зрителей многіе рѣшили, что авторъ нарочно написалъ монологъ по-грузински, чтобы показать страстность этого языка. Кончивъ монологъ, онъ убѣгаетъ, а вслѣдъ ему несется восторгъ публики. Къ концу драмы Мочаловъ вполнѣ отрезвился, и пьеса имѣла успѣхъ.

Послѣ драмы шелъ водевиль, не помню его названія, но я представляла 15-ти лѣтняго Французскаго короля Людовика (помнится XVI). Когда я переодѣвалась, то мнѣ пришли сказать что Дм. Тим. Ленскій такъ пьянъ, что едва держится на ногахъ... что Верстовскій *) сердится и боится начинать..... Я поскорѣй переодѣлась, бѣгу на сцену и говорю Верстовскому: «Начинайте, Алексѣй Николаевичъ; ужъ когда драма прошла, а водевиль только смѣшнѣе будетъ». Въ это время идетъ къ Верстовскому Самаринъ, Иванъ Васильевичъ, игравшій въ первой пьесѣ и къ концу ея успѣвшій тоже накатиться Шампанскимъ..... и говоритъ съ сильнымъ негодованіемъ: «Что̀ это, Алексѣй Николаевичъ, и Ленскій осмѣлился напиться, а долженъ выходить на сцену..... компрометировать себя и любимую нашу бенефиціантку»..... а самъ едва языкомъ ворочаетъ..... Тутъ Верстовскій невольно засмѣялся и сказалъ по мочаловски, изъ трагедіи Шекспира: «Ричардъ III» «трехъ Ричмондовъ убилъ, а тутъ еще является четвертый!»

При началѣ водевиля Ленскій стоялъ, держась за кресло..... но когда вошла я, – король,—публика стала аплодировать, а Ленскій, подходя ко мнѣ, сильно пошатнулся... Тогда я подошла къ рампѣ и вслухъ сказала: «Простите! Въ этомъ я не виновата!» Къ счастію его роль была пустая.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ представителей города приходили въ ложу директора и выражали свое негодованіе, что̀ не помѣшало пьесѣ имѣть успѣхъ. Но прошу подумать, каково было мое положеніе?!... Пріѣхавъ домой, я не могла выпить чашки чая..... не могла говорить, не хотѣла слышать о привезенномъ сборѣ денегъ, сидѣла чернѣе тучи. Въ мысляхъ пробѣгали всѣ эти треволненія; обида, что артисты напились, бо̀льшая обида, что любившій меня человѣкъ напоилъ ихъ!.... (Послѣ я узнала, что онъ не былъ виноватъ, что артисты безъ церемоній посылали въ буфетъ и брали на его счетъ Шампанское). Видя меня въ такомъ положеніи, мужъ подошелъ и сказалъ: «вижу и чувствую, что тебѣ очень тяжело; Поплачь, тебѣ легче будетъ: сегодня скончалась бабушка Ксенія Ивановна». Тутъ конечно я разрыдалась и тѣмъ облегчила страшную, душевную тяжесть. . . . .

*) Директоръ Московскаго театра. П. Б.

ПУШКИНЪ ПО ЗАПИСКАМЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

Записки Александры Осиповны Смирновой, появившіяся въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1893 и 1894 годовъ, содержатъ въ себѣ цѣлый рядъ самыхъ драгоцѣнныхъ, можно сказать неожиданныхъ, свѣдѣній объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, его дворѣ и о лучшихъ представителяхъ тогдашней духовной жизни Россіи. Въ центрѣ всѣхъ событій и разговоровъ, которые передаются съ необыкновенною образностью и съ такими подробностями, что они могли быть сохранены лишь благодаря немедленному занесенію ихъ на бумагу, стоятъ Николай Павловичъ и Пушкинъ. То, что̀ говорится о послѣднемъ въ этихъ Запискахъ, является какимъ-то откровеніемъ. Пушкинъ является конечно не „ничтожнымъ сыномъ міра“, опутаннымъ сѣтью свѣтскихъ условностей и житейскихъ мелочей, тою сѣтью, которой онъ никогда не имѣлъ силы порвать и которая подъ конецъ его задушила; но въ тоже время и не тѣмъ жрецомъ искусства, у котораго

быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ,

а такимъ, какимъ *онъ желалъ быть* и какимъ несомнѣнно былъ по существу своей души. Въ Запискахъ А. О. Смирновой изображены лишь его *лучшія* стороны, тѣ тайники сердца и духа, которые большинству не были доступны и лишь отчасти проглядываютъ въ его самыхъ зрѣлыхъ произведеніяхъ. Благодаря этимъ Запискамъ, мы ясно видимъ, что поэтъ былъ выше созидаемаго имъ, что еще необозримое поприще открывалось передъ нимъ и что поэзіей, какъ ни высоко проявляема она была имъ, далеко не исчерпывалось его внутреннее содержаніе. Люди близко знавшіе Пушкина (Нащокинъ, князь П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій) утверждали, что ихъ другъ, за что̀ бы ни принялся, во всемъ былъ бы великъ и геніаленъ. Записки Смирновой служатъ яркимъ тому подтвержденіемъ. Кромѣ того въ нихъ изображены и тѣ стороны его сердца, которыя порождали къ нему безграничную привязанность и горячую любовь людей его близко знавшихъ: искренность, честность, алканіе правды и чисто-дѣтская незлобивость*) соединенная съ тонкою ироніей и полнымъ отсутствіемъ

*) А. С. Хомяковъ говаривалъ, что когда Пушкинъ хохоталъ, звукъ его голоса производилъ столь же чарующее дѣйствіе, какъ и его стихи. П. Б.

самообожанія. Словомъ все то, что̀ омрачало и оживотнивало душу и сердце поэта, обойдено молчаніемъ, и образъ его представленъ просвѣтленнымъ, одухотвореннымъ.

Умѣть понять такого человѣка какъ Пушкинъ и вызывать въ немъ проявленія лишь возвышенныхъ сторонъ духа—незабвенная заслуга Александры Осиповны Смирновой передъ всѣмъ Русскимъ обществомъ, и ея Записки будутъ настольною книгою всякаго почитателя того поэта, о которомъ Ѳ. И. Тютчевъ сказалъ, что его,

как первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

Но по скольку можемъ мы довѣрять этимъ Запискамъ? Сообщаемое А. О. Смирновой не есть ли плодъ ея фантазіи? Если на самомъ дѣлѣ она и бесѣдовала такимъ образомъ съ Пушкинымъ, то какъ она могла запомнить такіе длинные разговоры? Эти сомнѣнія должны зародиться во всякомъ читателѣ, но они разрѣшаются легко. Смирнова при всѣхъ своихъ удивительныхъ способностяхъ не могла сочинить того, что̀ говоритъ въ ея Запискахъ Пушкинъ: для этого ей надо было обладать геніемъ своего друга. На сомнѣніе же въ своей памяти она отвѣчаетъ сама, разсказывая, что Пушкинъ не разъ прочитывалъ ея записи и поправлялъ ихъ.

Труднѣе разрѣшить вопросъ о томъ, по скольку напечатанное Записки дѣйствительно принадлежитъ А. О. Смирновой. Были скептики, утверждавшіе, что Записки совершенно подложны.

Противъ такихъ отрицателей мы можемъ привести слѣдующія соображенія. Извѣстно, что Пушкинъ убѣждалъ Смирнову записывать все, что̀ ей придется увидѣть и услышать замѣчательнаго, и подарилъ ей для этого альбомъ. Достовѣрно, что она вела подробныя записи. Тетради съ подлинными записками были переданы дочерью ея, Ольгою Николаевною, Ивану Сергѣевичу Аксакову. У насъ находится нали цо слѣдующій листокъ: (рукой О. Н. Смирновой) Chère Anna! *) J'avais donnée rendez-vous à И. С. vers 4 hs; je lui laisse 67 cahiers de ma mère et un paquet blanc (feuilles détachées). Рукой И. С. Аксакова: „Получилъ Сентября 16-го 1882 г. Москва. Иванъ Аксаковъ".

Отрывокъ изъ дневныхъ записей Смирновой, относящійся къ 1845 году, напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ": онъ даетъ понятіе, какъ Записки были ведены.

И. С. Аксаковъ не имѣлъ времени разобраться въ оставленныхъ ему тетрадяхъ; они лежали у него вплоть до его смерти и потомъ были возвращены Ольгѣ Николаевнѣ Смирновой, которая, поселившись въ Парижѣ, и составила изъ нихъ то, что̀ мы имѣемъ теперь въ печати. Въ какомъ видѣ были подлинники, она сама говоритъ въ своемъ предисловіи, а насколько она придерживалась ихъ, можетъ быть рѣшено лишь тогда, когда отысканы будутъ своеручныя тетради ея матери. Послѣ кончины ея въ Парижѣ бумаги

*) Т. е. Анна Ѳедоровна Аксакова.

ея, весьма нерншливо охраненныя Русскимъ консульствомъ, были отосланы въ Россію къ ея сестрѣ, Надеждѣ Николаевнѣ Соренъ. Среди нихъ до сихъ поръ не удалось отыскать тѣхъ тетрадей Александры Осиповны, по которымъ работала Ольга Николаевна. Гдѣ онѣ? Нѣкоторыя разъясненія по этому поводу могъ бы дать, думается намъ, Александръ Өеодоровичъ Онѣгинъ, великій любитель и знатокъ всего того, что къ Пушкину имѣетъ отношеніе. Въ Парижѣ онъ часто посѣщалъ Ольгу Николаевну и, если не ошибаюсь, бывалъ ей не разъ полезенъ своими обширными литературными свѣдѣніями. Можно ожидать указаній и отъ Владимира Сергѣевича Соловьева, который также былъ близокъ къ покойной и, если не ошибаемся, состоялъ однимъ изъ ея душеприкащиковъ.

Допустимъ, что Ольга Николаевна многое измѣняла, сокращала и добавляла; но записки останутся драгоцѣннымъ памятникомъ. Если все касающееся Пушкина, выдумано (а это рѣшительно невозможно), оно такъ замѣчательно по своему содержанію, что подлежитъ самому широкому оглашенію. А между тѣмъ Записками А. О. Смирновой до сихъ поръ очень мало пользовались.

Извлекая изъ нихъ мѣста относящіяся до Пушкина, мы постараемся сгруппировать по содержанію въ одно цѣлое то, что разбросано въ оригиналѣ, дополняя и поясняя ихъ по возможности словами самого поэта.

«Мы бесѣдовали вчера о вопросахъ религіозныхъ и философскихъ. Александръ Тургеневъ вернулся изъ Парижа и говорилъ намъ о Ламеннэ. Пушкинъ называетъ Тургенева апостоломъ Бонштетена и Шатобріана въ Россіи. Иногда онъ нѣсколько завирается, особенно послѣ того, какъ повидается съ Парижскими свѣтилами. Совершенно неожиданно онъ объявилъ намъ: «Я искалъ Бога вездѣ! Искалъ Его въ пустыняхъ, въ горахъ, на краю пропасти.. » Пушкинъ отъ души расхохотался и сказалъ мнѣ: «Не вѣрьте ему; ничего онъ не искалъ и ничего не нашелъ на краю пропасти. Онъ прочелъ сегодня страницу Шатобріана и позавтракалъ съ Бонштетеномъ, который живетъ въ Швейцаріи». Насмѣшливый тонъ Пушкина былъ такъ добродушенъ, что не было возможности разсердиться на него; и Тургеневъ, который любитъ его больше, чѣмъ кого-бы то ни было, разсмѣялся вмѣстѣ съ другими, говоря: «Если-бъ я и хотѣлъ разсердиться и поссориться съ тобой, это невозможно. У тебя нѣтъ желчи даже тогда, когда ты жалишь своихъ друзей. А скажи-ка ты, гдѣ ты Его искалъ и гдѣ Его нашелъ?..»

— «Въ моей совѣсти», отвѣчалъ Пушкинъ, «хотя я и пріобрѣлъ репутацію неисправимаго скептика и маловѣра, за то что написалъ скверную эротическую поэму, навѣянную чтеніемъ Грессе, Пирона и Парни, который сводилъ съ ума до меня и дядю моего Василія и Дмитріева, друга Вяземскаго, и даже Батюшкова, что совершенно непонятно, потому что если можно находить удовольствіе въ чтеніи древнихъ пи-

сателей, наименѣе стыдливыхъ, какъ Луканъ, Проперцій, Петроній, Катуллъ, Тибуллъ, Овидій, Аристофанъ и т. п., это объясняется по крайней мѣрѣ получаемымъ отъ нихъ эстетическимъ наслажденіемъ, котораго не даютъ представители легкой Музы во Франціи. Они не болѣе поэты, чѣмъ ты, Тургеневъ. Ты хочешь знать, гдѣ я искалъ Бога? Кромѣ моей совѣсти и природы, которая говорила мнѣ о Немъ, я искалъ Его въ книгѣ, въ которой нашелъ «Пророка», во имя котораго, кажется, можно-бы и отпустить мнѣ мои грѣхи. Но мои добрые друзья и мои знаменитые критики, забывая о томъ, что̀ я сдѣлалъ хорошаго, помнятъ только о глупостяхъ риѳмоплетствовавшаго мальчишки».

Тургеневъ отвѣчалъ Пушкину:

— Помиримся, риѳмоплетъ.

Пушкинъ засмѣялся.

— Мы не воюемъ; это только фехтованіе. Но признайся, что ты все еще немножко относишься ко мнѣ, какъ къ растрепанному лицеисту. Это тебя старитъ, а меня не молодитъ».

Сочиненіемъ «скверной эротической поэмы» Пушкинъ какъ бы завершилъ тотъ періодъ своей жизни, который былъ посвященъ преимущественно безумной тратѣ молодыхъ силъ, необузданному разгулу и размѣниванію своихъ высокихъ способностей на мелочи. Два раза онъ былъ на краю могилы, благодаря тому, что даже и его могучая натура не могла безнаказанно выдерживать непомѣрныхъ кутежей и «безстыднаго бѣшенства желаній». Въ рукописяхъ поэта, относящихся къ его Петербургскому (до изгнанія) періоду жизни, есть любопытный рисунокъ: въ комнатѣ за столомъ, заставленномъ бутылками, одну изъ которыхъ сшибаетъ носкомъ какая-то растерзанная вакханка, сидитъ охмелѣвшій мужчина, другой закуриваетъ трубку, а смерть въ видѣ слуги прислуживаетъ пирующимъ. Недавно обнародованный первый томъ Остафьевскаго Архива, содержащій переписку князя Петра Андреевича Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, даетъ между прочимъ яркую картину той жизни, которую велъ поэтъ въ 1817—1819 годахъ. Но замѣчательно, что въ то время, когда Пушкинъ повидимому окончательно погибалъ въ мутномъ омутѣ безсмысленной жизни, отвращеніе къ ней уже крѣпло въ душѣ его. Къ 1819-му году относится его стихотвореніе «Возрожденіе» («Художникъ варваръ»).

Тоже сожалѣніе о праздно проведенныхъ дняхъ и объ утраченной сердечной чистотѣ выражено имъ въ стихотвореніи, написанномъ 20 Октября 1820 года

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей.

Но хотя заблужденія молодости и были сознаны, Пушкину предстояло еще совершить много грѣховъ, даже и литературныхъ; живая

воспріимчивость ко всему, чтò ему ни приходилось испытывать, и необыкновенная легкость, съ какою всякое впечатлѣніе воплощалъ онъ въ формѣ стихотворной, были тому причиной.

«Скверная поэма», упомянутая выше, была написана имъ въ Кишиневѣ 1823 года и долго потомъ мучила совѣсть поэта. Какъ ни возмутительна эта поэма, однако она намъ показываетъ, куда стало обращаться вниманіе Пушкина и какіе вопросы стали его занимать. Немного позже онъ читаетъ Коранъ и, какъ видно изъ писемъ къ брату, усердно занимается Бѣбліей.

Пріѣхавъ въ Одессу, онъ сошелся тамъ съ докторомъ Гучинсономъ. О сношеніяхъ съ этимъ Англичаниномъ онъ писалъ въ Мартѣ 1824 года: «Беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь Англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думають, но къ несчастью болѣе всего правдоподобная...»

Какъ извѣстно, письмо это было распечатано и послужило однимъ изъ поводовъ къ ссылкѣ Пушкина въ Михайловское. Любопытно, что и самъ учитель аѳеизма впослѣдствіи обратился въ ревностнаго пастора Англиканской церкви.

Много времени спустя видимъ по Запискамъ А. О. Смирновой (тогда еще Россетъ), что Пушкинъ смѣялся надъ фанатиками аѳеизма.

«Я часто задаюсь вопросомъ, замѣчалъ онъ, чего они кипятятся, говоря о Богѣ. Они яростно воюютъ противъ Него и въ тоже время не вѣрятъ въ Него. Мнѣ кажется, что они теряютъ даромъ силы, направляя свои удары противъ того, чтò, по ихъ же мнѣнію, вовсе не существуетъ».

О своихъ же урокахъ аѳеизма онъ, какъ передано въ Запискахъ Смирновой, говорилъ слѣдующее.

«Я тогда написалъ одному изъ моихъ друзей, что беру уроки атеизма и что его положенія представляютъ извѣстную вѣроятность, но что они не утѣшительны. Письмо распечатали, и въ полиціи записали мое имя въ числѣ атеистовъ. А я очень хорошо сдѣлалъ, что бралъ эти уроки: я увидѣлъ, какія вѣроятности представляетъ атеизмъ, взвѣсилъ ихъ, продумалъ и пришелъ къ результату, что сумма этихъ вѣроятностей сводится къ нулю, а нуль только тогда имѣетъ реальное значеніе, когда передъ нимъ стоитъ цифра. Этой-то цифры и не доставало моему профессору атеизма. Онъ давалъ мнѣ читать Гоббса, который опротивѣлъ мнѣ своимъ абсолютизмомъ, безнравственнымъ, какъ всякій абсолютизмъ, и неспособнымъ дать какое либо нравственное удовлетворе-

ніе... Я прочелъ Локка и увидалъ, что это умъ религіозный, но ограничивающій знаніе только ощущаемымъ, между тѣмъ какъ самъ онъ сказалъ, что относительно вѣры Слово Божіе (Библія) болѣе всего наставляетъ насъ въ истинѣ и что вопросы вѣры *превосходятъ* разумъ, но *не противорѣчатъ* ему. Юмъ написалъ естественную исторію религіи послѣ своего Опыта о человѣческомъ разумѣ: его-то доводы и убѣдили меня, что религія должна быть присуща человѣку, одаренному умомъ, способностью мыслить, разумомъ, сознаніемъ. И причина этого феномена, заключающагося *въ самомъ человѣкѣ*, состоитъ въ томъ, что онъ есть созданіе Духа Мудрости, Любви, словомъ — Бога. Вообще у Англичанъ со времени реформаціи заговорили о терпимости, о гражданскомъ и религіозномъ освобожденіи и о вопросахъ нравственности столько-же, сколько и о политическихъ вопросахъ.. И я въ концѣ-концовъ пришелъ къ тому убѣжденію, что человѣкъ нашелъ Бога именно потому, что Онъ существуетъ. Нельзя найти *то, чего нѣтъ*, даже въ пластическихъ формахъ: это мнѣ внушило искусство. Возьмемъ фантастическихъ и символическихъ животныхъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ животныхъ. Если ты возстановишь рисунки летучихъ мышей и уродливыхъ ящерицъ тропическихъ странъ, ты увидишь, откуда взяты драконы, химеры, дикія фантастическія формы. *Выдумать форму нельзя*; ее надо взять изъ того, что̀ существуетъ. Нельзя выдумать и чувствъ, мыслей, идей, которыя не *прирождены* намъ вмѣстѣ съ тѣмъ таинственнымъ инстинктомъ, который и отличаетъ существо чувствующее и мыслящее отъ существъ только ощущающихъ. И эта дѣйствительность столь же реальна, какъ все, что̀ мы можемъ трогать, видѣть и испытывать. Въ народѣ есть врожденный инстинктъ этой дѣйствительности, т. е. религіозное чувство, которое народъ даже и не анализируетъ. Онъ предпочитаетъ религіозныя книги, не разсуждая о ихъ нравственномъ значеніи: онѣ просто нравятся народу. И его вкусъ становится понятнымъ, когда начинаешь читать Писаніе, потому что въ немъ находишь всю человѣческую жизнь. Религія создала искусство и литературу, все, что̀ было великаго съ самой глубокой древности; все находится въ зависимости отъ этого религіознаго чувства, присущаго человѣку такъ же, какъ и идея красоты вмѣстѣ съ идеей добра, которую мы находимъ даже въ народныхъ сказкахъ, гдѣ злодѣи всегда такъ отвратительны. У всякаго дикаря есть представленіе о красотѣ, хотя и очень грубое, уродливое: и у него есть свои украшенія, онъ хочетъ нравиться; это уже первобытная форма любви. Все это также естественно, какъ вѣрить, надѣяться и любить... Безъ этого не было бы ни философіи, ни поэзіи, ни нравственности...

Матеріальная обстановка народа слишкомъ тяжела и дѣлаетъ его матеріалистомъ; это совершенно естественно. Впрочемъ, я думаю, что *мы никогда не дадимъ ему ничего лучше Писанія.* Я убѣжденъ, что народъ болѣе всего склоненъ къ религіи, потому что инстинктъ вѣры присущъ каждому человѣку. Это имѣетъ свою очевидную причину: то, что̀ человѣкъ чувствуетъ, для него существуетъ, и это и есть дѣйствительность. Вѣришь—чувствомъ, надѣешься — врожденной потребностью жить, любишь—сердцемъ. Вѣра, надежда и любовь— естественныя чувства для человѣка; но они сверхъестественнаго порядка, точно также какъ и разсудокъ, совѣсть и память... Хотя и животныя имѣютъ память, или скорѣе, чутье; но я говорю о памяти, которая устанавливаетъ соотношеніе между предметомъ и мыслью или чувствомъ. Все это безусловно сверхъестественно. Я хочу этимъ сказать, что все это стоитъ внѣ опредѣленныхъ и правильныхъ законовъ матеріи и не зависитъ отъ нея, потому что матерія подвергается этимъ законамъ, а сверхъестественное — нѣтъ. Человѣкъ очень непостояненъ, измѣнчивъ, полонъ противорѣчій; но его нравственныя условія постоянно управляются его волей, у него есть выборъ дѣйствій, и онъ рожденъ съ инстинктомъ сверхъестественнаго, которое находится *въ немъ самомъ*; вотъ почему народъ вездѣ склоненъ къ религіи. Я хочу этимъ сказать, что онъ чувствуетъ, что Богъ существуетъ, что Онъ есть высшее существо вселенной, однимъ словомъ, что Богъ *есть.* Этотъ инстинктъ существуетъ и у дикихъ народовъ. Мы слишкомъ мало знаемъ о ихъ происхожденіи; можетъ быть, народы, которыхъ мы считаемъ первобытными, просто выродившіеся и одичавшіе; но это ничего не мѣняетъ въ томъ, что̀ я утверждаю...»

Разъ у Смирновыхъ въ большомъ обществѣ, гдѣ былъ и Барантъ, во время оживленной бесѣды о демократіи (которую мы приведемъ ниже) князь П. А. Вяземскій заявилъ, что христіанство главнымъ образомъ демократическое ученіе.

«Да, знаю, сказалъ Пушкинъ, это политическій ярлыкъ, которымъ его награждаютъ съ тѣхъ поръ, какъ Якобинцы прозвали Іисуса Христа санкюлотомъ-патріотомъ. Это ложь, это даже нелѣпость — переряживать Его въ якобинца и въ демагога.

Вяземскій: Не станешь же ты меня увѣрять, что Онъ былъ аристократомъ, хотя и повелѣлъ отдавать кесарево кесарю. Да и жилъ Онъ среди бѣдныхъ, среди смиренныхъ.

Пушкинъ: Согласенъ, но Онъ никогда не отталкивалъ другихъ; они его оттолкнули.

Вяземскій. Апостолы были простолюдинами.

Пушкинъ: Это фактъ; то были избранники. Но кто тебѣ сказалъ, что они были избраны потому, что были простолюдины? Замѣть въ то-

же время, что волхвы (цари) поклонились Ему ранѣе народа, хотя пастухи и были при этомъ. Это и доказываетъ, что *Онъ пришелъ* для царей, для мудрецовъ, для простыхъ людей, *для всего рода человѣческаго.* Когда я читаю Евангеліе, меня всегда поражаютъ нѣкоторые, чрезвычайно знаменательные факты, относящіеся къ тѣмъ, кто исповѣдалъ Его и къ апостоламъ. На этомъ повѣствованіи лежитъ печать такой великой правдивости. Писавшіе Евангеліе не скрыли слабостей апостоловъ, даже ихъ сомнѣній въ началѣ ихъ дѣйствій, и это-то и придаетъ разсказу громадное нравственное значеніе, такъ какъ восхваленіе апостоловъ доказало бы мнѣ только, что разсказъ вымышленный. Эти повѣствованія дышатъ величавой искренностью, а такъ какъ истина не нуждается въ защитѣ, то евангелисты отъ нея и не уклонились.

Барантъ. Не укажите-ли вы намъ на тѣ факты, которые васъ особенно поразили?

Барантъ повидимому, былъ очень удивленъ оборотомъ, который принялъ разговоръ, и чрезвычайно заинтересованъ отвѣтомъ Пушкина; мы, т. е. Алина*), Мари и я, переглянулись. Пушкинъ обратился ко мнѣ: —«Не находите-ли вы, что я слишкомъ много говорю и все одинъ. Это нескромно».

Я отвѣчала: «Никто здѣсь на это не жалуется; я увѣрена, что всѣ желаютъ васъ слушать».

Всѣ просили его продолжать. Онъ колебался, на минуту задумался и рѣшился.

Прежде всего Благовѣщеніе (послѣ чрезвычайно подробной родословной) и отвѣтъ Богородицы «Се раба Господня»... Уже въ этомъ согласіи она исповѣдуетъ Его; ея родственница Елисавета тоже исповѣдуетъ Его, и пресвятая Дѣва отвѣчаетъ: «Величитъ душа моя Господа». Все это величаніе—самая возвышенная рѣчь, которая когда-либо вылилась изъ души человѣческой. Затѣмъ приходятъ поклониться Ему волхвы, потому что, если пастухи тутъ и были, они еще не «*проникли въ тайну*»; *они видитъ*, но не *знаютъ.* Во храмѣ Его исповѣдуютъ Симеонъ и Анна. Всѣ тѣ, которые исповѣдывали Христа рождшагося, были люди образованные, которые размышляли надъ пророчествами и жили въ храмѣ. Св. Іоаннъ, сынъ священника Захаріи, исповѣдуетъ Его словами: «Се Агнецъ Божій». Что̀ особенно демократическаго въ этихъ фактахъ и въ этихъ людяхъ, мужчинахъ и женщинахъ? Что Іосифъ былъ плотникомъ? Но онъ изъ рода Давидова, какъ Марія и родственница ея Елисавета. Генеалогія, я полагаю, что-нибудь да доказываетъ. Апостолы, которые за Нимъ послѣдовали, простолюдины; но не

*) Княжна Александра Петровна Волконская (позднѣе Дурново). П. Б.

доказано, чтобы всѣ они были низкаго происхожденія. Упоминается лишь о Петрѣ и Андреѣ, ихъ называютъ: «Галилейскіе рыбаки»; о происхожденіи прочихъ не говорится ровно ничего. Іуда его предалъ, Ѳома долженъ былъ осязать, чтобъ видѣть, Филиппъ его не понялъ, Петръ отъ него отрекся, тотъ самый Петръ, который прославилъ Его ранѣе прочихъ, назвавъ Его «Сыномъ Бога живаго». И тотчасъ же Іисусъ Христосъ сказалъ ему, что это только потому, что Отецъ, Духъ Святый вдохновилъ его; Онъ говорилъ устами Петра, а отнюдь не потому, что Симонъ, сынъ Іонинъ, былъ рыбакъ Галилейскій. Іисусъ отрываетъ его и Андрея отъ ихъ промысла, чтобы сдѣлать ихъ «ловцами человѣковъ»; изъ Петра же Онъ дѣлаетъ нѣчто гораздо большее: главу священства церкви, Онъ облекаетъ его властью. Петръ — избранный изъ двѣнадцати. Одинъ Іоаннъ послѣдовалъ за Нимъ до Голгоѳы, такъ, какъ онъ любилъ Его превыше всего; а Іоаннъ, который писалъ по-гречески, великій прозорливецъ Патмосскій, не былъ невѣжественнымъ простолюдиномъ, равно какъ и апостолъ Павелъ, апостолъ Лука и прочіе евангелисты. Апостолъ любви, Св. Іоаннъ, долженъ былъ, преимущественно передъ другими, воплощать въ себѣ типъ пророка, такъ какъ любовь есть *«свѣточъ души»*. Петръ былъ вдохновенъ ранѣе другихъ; не смотря на свои сомнѣнія, на свои паденія, онъ олицетворяетъ собой человѣчество и милосердіе Божіе, коль скоро душа откроетъ Богу доступъ къ ней. Привыкли какъ-то называть ихъ Галилейскими рыбаками; но что̀ знаемъ мы о ихъ происхожденіи? Если не считать Петра и Андрея, ровно ничего. Коль скоро они получили даръ Святаго Духа, они проповѣдуютъ, обращаютъ въ христіанство и, если мы вѣримъ, это должно имѣть рѣшающее значеніе. Дѣйствія ихъ становятся сверхъестественными лишь по сошествіи Св. Духа. Лишь Петръ въ одномъ случаѣ представляетъ исключеніе. И Іисусъ Христосъ тотчасъ же указалъ на непосредственное внушеніе, ниспосланное Петру; онъ не сказалъ ему, что внушеніе это связано съ его званіемъ бѣднаго рыбака. Эти факты, по моему мнѣнію, достаточно знаменательны; они мнѣ доказываютъ, что Галилейскіе рыбаки и люди ученые, какъ волхвы, Савлъ Тарсянинъ, одинъ изъ аристократовъ синагоги, Іоаннъ, сынъ священника Захаріи, и евангелистъ Іоаннъ, ученость котораго не можетъ подлежать сомнѣнію, могли въ равной мѣрѣ быть призваны, избраны, безъ всякаго вниманія къ ихъ общественному положенію. Но это мнѣ не доказываетъ, чтобы необходимымъ условіемъ было—быть простолюдиномъ, ремесленникомъ и чтобы вдохновенность или святость составляли исключительный удѣлъ одного класса, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Іисусъ работалъ, какъ и Іосифъ (который изъ рода Давидова), всю жизнь и съ цѣлью *поднять* человѣчество; его стругъ *облагородилъ* трудъ и бѣд-

ность, но и только. На трудъ тогда смотрѣли какъ на нѣчто унизительное, работникомъ былъ рабъ; надо было поднять его, *возвратить ему его достоинство.* Вотъ, на мой взглядъ, значеніе струга Іисуса Христа. Я не силенъ въ богословіи, я могу ошибаться, я просто дѣлюсь съ вами своими мыслями. Бѣдность также должна была быть выведена изъ своего уничиженія; до нашихъ дней ее унижаетъ общество, которое, однако, почитаетъ себя христіанскимъ».

Вяземскій: И ты изъ этого заключаешь?..

Пушкинъ: Что демократія тутъ не при чемъ. Главнѣйшій фактъ— появленіе волхвовъ, царей, мудрецовъ, которые приходятъ поклониться Ему и принести Ему дары. А при концѣ два богатыхъ человѣка, два аристократа того времени, Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ покупаютъ гробъ и хоронятъ Его. Итакъ, не слѣдуетъ злоупотреблять Христомъ на пользу богатыхъ или бѣдныхъ, какъ не должно говорить, что Онъ одобрялъ Тиверія, когда приказывалъ воздавать кесарево кесарю. *Надо видѣть въ немъ Спасителя всѣхъ человѣковъ; ибо, чтобы спасти ихъ, надо было ихъ всѣхъ любить. Безъ этого Онъ не былъ бы Искупителемъ, Богочеловѣкомъ.*

Барантъ смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ: *этотъ* Пушкинъ былъ ему неизвѣстенъ, онъ не читалъ ни «Пророка», ни другихъ стихотвореній въ томъ же духѣ.

Настало молчаніе. Пушкинъ всталъ и пошелъ разсматривать какую-то картину. Спустя нѣсколько времени, Барантъ сказалъ мнѣ очень тихо:

— Я и не подозрѣвалъ, что у него такой религіозный умъ, что онъ такъ много размышлялъ надъ Евангеліемъ; для меня—это чистое откровеніе. А какъ онъ хорошо говоритъ, съ какимъ чувствомъ мѣры! Какой ораторъ бы изъ него вышелъ; онъ увлекалъ бы за собой толпы, онъ краснорѣчивъ отъ природы. Мнѣ говорили, что Государь цѣнитъ его чрезвычайно высоко; я это слышалъ отъ Фикельмона.

Я отвѣчала: Государь сказалъ Блудову въ 1826 году, послѣ своего перваго свиданія съ Пушкинымъ, которому тогда было 27 лѣтъ: «Сегодня утромъ я бесѣдовалъ съ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Россіи».

. . . . . Пушкинъ пришелъ меня навѣстить и спросить моего мнѣнія. Его серьезный видъ заставилъ меня улыбнуться; онъ хотѣлъ знать, не былъ ли онъ нескроменъ тѣмъ, что говорилъ одинъ впродолженіи цѣлаго часа. Я отвѣчала: «Ничуть; часъ этотъ промелькнулъ, какъ одно мгновеніе, и вы всѣхъ привели въ восторгъ, а Баранта болѣе, чѣмъ кого-либо». Я повторила ему все, что̀ послѣдній мнѣ говорилъ. Онъ улыбнулся. «Краснорѣчивъ, ораторъ! Я закончилъ

богословіемъ, и это была вина Асмодея*); мы спорили объ этомъ вопросѣ нѣсколько дней тому назадъ. Нелѣпо повторять, что Іисусъ Христосъ демократъ; они кончатъ тѣмъ, что перерядятъ Его въ революціонера, въ демагога, въ разрушителя; Онъ станетъ подозрительнымъ въ глазахъ благонамѣренныхъ людей. Люди корчатъ изъ себя одновременно либераловъ и христіанъ; они недостаточно читаютъ Евангеліе, они не нашли бы тамъ, чтобы Іисусъ спрашивалъ, прежде чѣмъ исцѣлить и помочь: богатъ ты или бѣденъ, аристократъ или демократъ? Хоть бы, по крайней мѣрѣ, оставляли политику у входа въ церковь, не впускали ее въ Евангеліе. Только одного еще недостаетъ — это утверждать, что Онъ былъ за парламентаризмъ или за Новгородское вѣче; забываютъ даже, что смерти Его требовалъ народъ». Я отвѣчала: «Напишите-ка это, сочините поэму на Рождество и на волхвовъ». Онъ покачалъ головой. «Евангеліе отъ Луки, которое читается 25-го Марта, лучшая изъ поэмъ. Никогда мнѣ не написать ничего, что хоть сколько-нибудь къ этому приближалось бы». Минуту спустя онъ продолжалъ: «Ваша Мадонна Перуджино меня чаруетъ; она мнѣ представляется такимъ типомъ рабы Господней, той, которая произнесла magnificat. Брюловъ говорилъ мнѣ, что младенецъ написанъ Рафаэлевской манерой». Онъ пошелъ взглянуть на Мадонну и возвратился со словами: «Я читалъ Библію отъ доски до доски въ Михайловскомъ, когда находился тамъ въ ссылкѣ, читалъ даже нѣкоторыя главы своей Аринѣ, но и ранѣе я много читалъ Евангеліе. Хотите ли, чтобъ я сдѣлалъ вамъ одно признаніе?» — Насчетъ чего? — Моего «Пророка».—Говорите, я не буду нескромной.—Вотъ почему я вамъ его и дѣлаю. Я какъ-то ѣздилъ въ монастырь Святыя Горы, чтобъ отслужить панихиду по Петрѣ Великомъ; гораздо раньше я уже служилъ панихиду по Байронѣ, но однажды вечеромъ я перечитывалъ его Мазепу и остановился на этихъ стихахъ:

«Had pass'd to the triumphant Czar,
I love this sweet name»...

Это эпиграфъ, который я выбралъ для Полтавы, 4 стиха: вамъ я привожу только два. На другой день я былъ въ монастырѣ. Служка попросилъ меня подождать въ кельѣ: на столѣ лежала открытая Библія, и я взглянулъ на страницу: это былъ Исаія. Я прочелъ отрывокъ, который перефразировалъ въ «Пророкѣ». Онъ меня внезапно поразилъ, онъ меня преслѣдовалъ нѣсколько дней, и разъ ночью я написалъ свое стихотвореніе; я всталъ, чтобъ написать его; мнѣ кажется, что стихи эти я видѣлъ во снѣ. Это было незадолго до того, какъ Его Величе-

*) Такъ называли въ Арзамасскомъ обществѣ князя П. А. Вяземскаго.

ство вызвалъ меня въ Москву. Я думаю, что Петръ Великій вдохновилъ его тогда; мнѣ кажется, что мертвые могутъ внушать мысли живымъ. Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что стихъ изъ Байроновскаго *Мазепы* заставилъ меня поѣхать служить панихиду по Петрѣ Великомъ? Я часто это дѣлалъ, а въ этотъ день я молился также и за Байрона. Исаію читалъ я раньше; на этотъ разъ текстъ показался мнѣ дивно-прекраснымъ; я думалъ, что лучше его понялъ. Такъ всегда бываетъ *съ Священнымъ Писаніемъ*: сколько его ни перечитывай, чѣмъ болѣе имъ проникаешься, тѣмъ болѣе все освѣщается и расширяется. Но я никогда не читаю подрядъ: я открываю книгу наудачу и читаю, пока это доставляетъ мнѣ удовольствіе, какъ всякую другую книгу. Кстати, извѣстно ли вамъ одно древнее гаданіе, которое ведетъ свое начало отъ Латинянъ и тянулось черезъ всѣ средніе вѣка. Его зовутъ sortes Virgilianae. Открываютъ Энеиду и заранѣе рѣшаютъ, съ какой стороны книги и какую строчку прочтутъ, считая сверху внизъ или снизу вверхъ. Я часто пробовалъ это дѣлать съ Энеидой и даже съ Священнымъ Писаніемъ. Въ тотъ вечеръ, возвратясь отъ васъ, я раскрылъ такимъ образомъ Евангеліе и напалъ на текстъ: «возьмите иго Мое, ибо оно благо и бремя Мое легко есть». По славянски тутъ встрѣчается слово *благо,* которое переводится по англійски словомъ *facile.* Я купилъ себѣ Англійскую Библію, чтобы свѣрить текстъ и, читая ее, вижу, насколько Англійскіе поэты изучали Священное Писаніе. Байронъ постоянно читалъ книгу Іова... Прочтя этотъ текстъ, я подумалъ: богатые и бѣдные, счастливые и несчастные во всемъ, аристократы и демократы, великіе и малые, всѣ мы несемъ бремя жизни, иго нашей человѣчности, столь слабой, столь подверженной заблужденію; и это иго, это бремя *уравниваетъ все.* Онъ велитъ намъ взять иго, которое благо, бремя, которое легко,—это Его иго, Его бремя, которое поможетъ намъ нести наше собственное до конца, если мы будемъ помогать ближнему поднять и нести иго, подъ которымъ онъ изнемогаетъ. Вотъ весь законъ въ нѣсколькихъ словахъ, и здѣсь нѣтъ мѣста ни для аристократа, ни для демократа. Здѣсь только одна, *единственная великая сила*—любовь. Мнѣ все это хотѣлось сказать въ тотъ вечеръ, но я не поддался своему влеченію. Эти вещи не говорятся десяти человѣкамъ; онѣ говорятся лишь съ глазу на глазъ, между друзьями. Я, можетъ быть, даже былъ не правъ, наговоривъ такъ много тогда; мнѣ казалось, что я переступилъ за предѣлы салонной бесѣды и, если я погрѣшилъ противъ такта, прошу васъ извинить меня».

Я повторила ему, что Алина и Мари Элмптъ въ восторгѣ отъ вечера, а Соболевскій и Мятлевъ сказали Николаю, *) что Барантъ ви-

---

*) Т. е. Николаю Михайловичу Смирнову.

дѣлъ такого Пушкина, какого онъ еще не зналъ, и что Вяземскій, какъ кажется, былъ имъ доволенъ. Онъ отвѣчалъ:

— Мы объ этомъ снова съ нимъ говорили, и мнѣ кажется, что онъ сдается на мое мнѣніе. Это одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей, и совѣты его мнѣ драгоцѣнны. Онъ защищалъ меня противъ критики, и этотъ человѣкъ, воспитанный въ XVIII-мъ столѣтіи, вѣрующій, хотя и безмолвно. Въ этомъ отношеніи онъ феноменъ. Я на дняхъ прочелъ очень глубокую мысль по-французски: *«вѣра есть награда борьбы»*, и это столько же борьба съ нашими страстями, какъ и съ нашими сомнѣніями. Пестель разъ мнѣ сказалъ: «Разумъ мой этому противится, но сердце мое—матеріалистъ». Это меня отъ него отдалило. Слишкомъ часто думаютъ, что сомнѣніе всегда дѣло разума; сердце сомнѣвается столько же, такъ какъ на немъ отражаются наши печальнѣйшія страсти, наши недостойнѣйшія слабости. Знаете ли, что̀ всего болѣе поразило меня въ первый разъ за обѣдней въ дворцовой церкви, разукрашенной позолотою, болѣе подходящей для убранства бальной залы, чѣмъ церкви. Это, что *Государь молился за этой офиціальной обѣдней такъ же, какъ и она* *), и всякій разъ, что̀ я видѣлъ его за обѣдней, онъ молился; онъ тогда забываетъ все, что его окружаетъ. Онъ также несетъ свое иго и свое тяжкое бремя, свою страшную отвѣтственность и чувствуетъ ее болѣе, чѣмъ это думаютъ. Я много разъ наблюдалъ за царской семьей, присутствуя на службѣ; мнѣ казалось, что только они и молились».

Въ 1836 году Пушкинъ вмѣстѣ со Смирновымъ ѣздилъ смотрѣть картину Брюлова «Распятіе». Въ залѣ, гдѣ была выставлена картина, были поставлены часовые. Это глубоко возмутило Пушкина; онъ говорилъ: «Это меня оскорбляетъ, это язычество; я убѣжденъ, что это измышленіе діавола». Смирнова поспорила съ мужемъ, что Пушкинъ напишетъ стихотвореніе на этотъ случай, потому что, говорила она, когда что нибудь произведетъ на него сильное впечатлѣніе, ему надо излить его въ стихахъ. Нѣсколько времени спустя, Пушкинъ у Смирновыхъ прочелъ свое стихотвореніе: «Когда великое свершалось торжество». Когда онъ уѣхалъ, Жуковскій сказалъ намъ (пишетъ Смирнова): «Какъ Пушкинъ созрѣлъ и какъ развилось его религіозное чувство! Онъ несравненно болѣе вѣрующій, чѣмъ я». Мы запротестовали. «Да, да, я правъ, продолжалъ Жуковскій. Это результатъ всѣхъ его размышленій это не дѣло одного чувства: его сердце и разумъ вмѣстѣ увѣровали. Впрочемъ онъ еще въ первой молодости написалъ «Пророка».

---

*) Императрица Александра Θеодоровна.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА

къ В. Д. Сухорукову.

Любезнѣйшій Василій Дмитріевичъ. Пишу къ вамъ въ комнатѣ вашего соотечественника, милаго молодого человѣка *), отъ котораго не рѣдко получаю объ васъ извѣстія. Сейчасъ сказалъ онъ мнѣ, что вы женились. Поздравляю васъ отъ всего сердца; желаю вамъ счастія, которое вы заслуживаете по всѣмъ отношеніямъ. Заочно кланяюсь Ольгѣ Васильевнѣ и жалѣю, что не могу высказать ей все, что̀ про васъ думаю и все, что̀ знаю прекраснаго.

Писалъ ли я вамъ послѣ нашего разлученія въ Арзерумскомъ дворцѣ? Кажется, что не писалъ; простите всегдашнему недосугу и не причисляйте мою лѣность къ чему нибудь иному. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Вы знаете, что я сдѣлался журналистомъ (это напоминаетъ мнѣ, что я не послалъ вамъ Современника; извините—постараюсь загладить мою вину). Итакъ, сдѣлавшись собратомъ Булгарину и Полевому, обращаюсь къ вамъ съ удивительнымъ безстыдствомъ и прошу у васъ статей. Въ самомъ дѣлѣ, пришлите мнѣ что нибудь изъ вашихъ дѣльныхъ и любопытныхъ произведеній. Въ сосѣдствѣ Бештау и Эльбруса живутъ досугъ и вдохновеніе. Между тѣмъ и о цѣнѣ (денежной) не худо поговорить. За листъ печати я плачу по 200 руб. Не войдемъ ли мы и въ торговыя сношенія? Простите. Весь вашъ А. П.

14 Марта 1836 г.
С. П. Б.

Подлинникъ этого письма, появившагося лѣтъ 30 тому назадъ въ „Донской Газетѣ", хранится у наслѣдниковъ покойнаго Донского генерала Ѳ. И. Шумкова.

А. Карасевъ.

---

*) Неизвѣстно, кто. Надо, однако, полагать, что тотъ же Шумковъ. А. К.

О ЗАПИСКАХЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

Все чтò касается Пушкина возбуждаетъ теперь умъ и сердце всякаго образованнаго Русскаго человѣка: перечитываютъ его сочиненія, чтобы вновь восхищаться ими, отыскиваютъ старожиловъ, имѣющихъ хоть что нибудь о немъ сказать; появилось нѣсколько воспоминаній о немъ, но они кратки и малозначущи. Вообще же въ Пушкинѣ видятъ только поэта и великаго художника. Но развѣ онъ былъ только поэтомъ, развѣ это не была мощь въ другихъ отношеніяхъ?

Восхищаясь воспоминаніями матери моей о Пушкинѣ и о той умственно-богатой средѣ, въ которой она вращалась и въ которой Пушкинъ владычествовалъ своимъ геніальнымъ умомъ, я, какъ Русская, помнящая живые разсказы матери о тѣхъ временахъ, возражаю теперь именно на писанное и говоренное о Запискахъ ея и ссылаюсь на письмо, помѣщенное въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" (Августа 1893 года) покойной сестры моей О. Н. Смирновой. Именно теперь Записки эти должны быть дороги, какъ характеризующія Пушкина и его геніальный умъ. Преждевременная смерть не дала только совершенно развиться всему тому, чтò въ Запискахъ вырисовывается такъ ярко. Религія, политика, литература, своя и иностранная, общественныя дѣла, бытъ Россіи, художества, музыка, исторія, чего бы ни касался разговоръ, обо всемъ слово Пушкино было вѣско, блестяще: ибо все его занимало, все было имъ обдумано, понято, его геній проникалъ во все, чтò должно способствовать къ развитію ума, сердца и души человѣка.

Покойная мать моя при мнѣ передавала одному Англичанину въ Торкё (онъ увлекался ея живыми разсказами о Пушкинѣ, Жуковскомъ, Гоголѣ и др.), что она какъ-то сказала Пушкину: „Poushkine, vous parlez de tout avec connaissance de cause; comme vous devez penser beaucoup à tout! Oui, dit Poushkine, par ce que tout m'intéresse, car tout est complet".

Странное недовѣріе высказывали у насъ къ Запискамъ А. О. Смирновой, т. е. недовѣріе къ ея памяти. Память была у нея отъ природы удивительная, она развивала ее, именно своимъ дневникомъ. Въ Запискахъ ея упомянуто, что Пушкинъ провѣрялъ ея записи; онъ и Жуковскій поощряли ее записывать всѣ разговоры, все слышанное, могущее развивать ея умственныя способности и познанія. Живя при дворѣ, она продолжали это занятіе, Пушкинъ цѣнилъ въ черноокой Россетъ не красоту ея облика, но красоту ея ума; онъ цѣнилъ ея желаніе все болѣе и болѣе знать и понимать. Вотъ почему онъ и провѣрялъ записанное ею. Покойная сестра моя, уже больная, начала издавать Записки нашей матери, незадолго до смерти своей, спѣша переблѣлять ихъ съ книжекъ и листковъ и не придерживаясь хронологическаго порядка. Но, да простятъ ей эту спѣшность въ виду цѣнности ея трудной работы: она желала еще при жизни своей поставить этотъ литературный памятникъ. Записки А. О. Смирновой извлечены изъ 60-ти слишкомъ книжекъ и отдѣльныхъ листковъ. Заслуга матери моей (о которой она и не мечтала), именно состоитъ въ томъ, что Записки ея ярче, чѣмъ все другое писанное о Пушкинѣ даютъ намъ возможность понять, кто былъ ребенокъ, родившійся 26 Мая 1799 года.

Надежда Савельева, рожденная Смирнова.

Москва, 10 Апрѣля 1899 г.

леніи въ Россіи. Записка о жизни и дѣятельности Питта младшаго.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому и гр. А. А. Безбородко. Переписка его съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову. Д. П. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ. Н. Н. Новосильцова.

XIX. Переписка гр. С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову, В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова. Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову.

XXII. Переписка гр. С. и А. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Логинова къ графу С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. П. Голикова, А. В. Храповицкаго, П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова, о царствованіи Іоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Rélation de la Révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ графинѣ А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышева Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

Цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающіе не менѣе 10 книгъ пользуются уступкою 10%.

СТИХОТВОРЕНІЯ
Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

Москва. 1899. 16°. 272 стр. Цѣна 40 копѣекъ, съ пересылкою 50 к.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ **Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.**

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ **1898**—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

6.

Прилагается книга „Архива Князя Воронцова".

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1899.

НОВЫЯ КНИГИ.

Н. П. Гиляровъ. Сборникъ сочиненій. Томъ 1. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва, Синодальная типографія. 1899. 8-ка, LX, 478 и 2 нен. стр.

Нельзя не привѣтствовать появленія этой книги, въ которой собраны статьи, напечатанныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ еще самимъ Н. П. Гиляровымъ. Этотъ писатель не умретъ въ потомствѣ, благодаря самобытности своихъ мыслей, ихъ широтѣ и въ тоже время психологической чуткости. Н. П. Гиляровъ лицо вполнѣ историческое. Въ немъ довольно сходства со Сперанскимъ но Гиляровъ глубже знаменитаго дѣятеля, и если бы случай открылъ для него поприще государственное, онъ оставилъ бы по себѣ слѣдъ въ Русской жизни еще болѣе рѣшительный и, можетъ быть, болѣе благодѣтельный.

Очеркъ дѣятельности Гилярова мастерски сдѣланъ кн. Н. В. Шаховскимъ въ предисловіи къ названной книгѣ. Тутъ Гиляровъ изображенъ какъ профессоръ Духовной Академіи, цензоръ, директоръ Синодальной типографіи и наконецъ какъ издатель „Современныхъ Извѣстій“. Это предисловіе, написанное человѣкомъ, въ ранней своей молодости лично знавшимъ Гилярова, очень цѣнно для исторіи нашего просвѣщенія за послѣдніе полвѣка, и въ особенности цензуры, которая въ концѣ концовъ разорила и погубила Гилярова, между тѣмъ какъ онъ такъ высоко держалъ великое знамя общественнаго слова и такъ ясно сознавалъ значеніе цензуры. „Публицистъ, (говорилъ Гиляровъ), не уважающій исторіи и преданій своего народа и коренныхъ основъ общественной жизни, которою онъ живетъ, столь же недостоинъ своего призванія, какъ поклонникъ суевѣрій и дикихъ инстинктовъ массы, или нахальный льстецъ властей“. Вѣрно замѣчено: „Катковъ любилъ называть Московскія „Вѣдомости“ своимъ личнымъ органомъ: но онѣ служили въ значительной степени отраженіемъ высшихъ правительственныхъ сферъ и происходившей въ нихъ борьбы, нѣкоторыя его статьи можно назвать какъ бы открытыми письмами къ Государю. Аксаковъ былъ независимѣе Каткова. Послѣдній постоянно ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ личнымъ вліяніемъ поддерживалъ силу высказываемаго въ газетѣ мнѣнія. Аксаковъ же не пускалъ въ ходъ своихъ связей при дворѣ, которыхъ имѣлъ болѣе чѣмъ Катковъ. Аксаковъ былъ публицистъ-гражданинъ. Гиляровъ былъ публицистъ-философъ. Примѣненіе своего міросозерцанія ко всѣмъ выдвигаемымъ жизнью вопросамъ было цѣлью его публицистической дѣятельности“.

Каково именно было это міросозерцаніе, читатели, къ сожалѣнію, могутъ только догадываться; но замѣтимъ, что уже за одно исправленіе надписи на антиминсахъ Православная церковь и Русскіе люди обяз благодарностью Н. П. Гилярову. Это былъ достопамятный „оратай мысленнаго поля.“ Онъ же и сѣятель, но не жнецъ... П. Б.

ГРУЗІЯ.

Историческій очеркъ.

Черезъ полтора года исполнится сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Грузія вошла въ составъ Россійской Имперіи. 18 Января 1801 г. въ С.-Петербургѣ обнародованъ былъ высочайшій манифестъ Александра I-го о присоединеніи ея къ Россіи. Выясненіе причинъ рокового исхода, приведшаго одну изъ древнихъ просвѣщенныхъ странъ, съ двадцативѣковою политическою самостоятельностью, къ слiянію съ Сѣверною державой, послужитъ предметомъ особаго изслѣдованія, а теперь позволимъ себѣ, по поводу нижепомѣщенныхъ писемъ князя Циціанова и А. П. Тормасова, въ немногихъ словахъ обозрѣть прошлое и настоящее состояніе Грузіи.

Въ Закавказьѣ, въ бассейнѣ рѣкъ Куры, Ріона и Чороха, за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова водворился народъ, называвшій себя *Картвели*, отъ имени миѳическаго родоначальника своего Картли, который считался правнукомъ Ноя. Онъ извѣстенъ библейскимъ пророкамъ, Моисею и Іезекіилю, упоминается въ Ассирійскихъ и Ванскихъ клинообразныхъ надписяхъ. Греки и Римляне называли его страну Иверіей, Арабы Djouri, Персы Гурджи (по имени р. Куры), Византійцы Георгіей, въ честь Св. Георгія, покровителя страны, Французы—Géorgie. Русское названіе, Грузія, находящееся въ связи съ Персидскимъ Гурджи, впервыя встрѣчается въ бумагахъ XVI вѣка, когда начались учащенныя сношенія между Русскими государями и Грузинскими царями.

Горные кряжи, параллельные главному Кавказскому хребту, разбиваютъ громадный полукругъ, занимаемый Грузіей, на множество замкнутыхъ отдѣльныхъ мірковъ. Этими природными свойствами обусловливается вся многовѣковая исторія Грузіи. Уже вскорѣ по Р. Хр. она раздробилась на нѣсколько самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ, связанныхъ между собою весьма непрочными узами: Карталинію съ Кахетіей, Имеретію, Мингрелію, Гурію и Сванетію. Династическія и международныя смуты этихъ мелкихъ княжествъ открывали свободный, ничѣмъ не защищенный, пропускъ въ глубь страны непрерывнымъ волнамъ иноземныхъ завоевателей, поочередно расхищавшихъ и разорявшихъ Грузію. Поэтому вѣковую жизнь Грузіи въ обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ всѣхъ Картвельскихъ племенъ, называютъ мартирологомъ, т. е. повѣстью мученичества. И едва ли можно пріискать для нея лучшее названіе. Съ тѣхъ поръ какъ исторія замѣтила эту страну, она

служитъ центромъ притязанія для многоразличныхъ народовъ, шедшихъ изъ Ассиріи, Персіи, Византіи, Турціи, съ Кавказскихъ горъ и оставлявшихъ за собою кровавые, разрушительные слѣды. На обнаженныхъ горахъ Карталиніи и среди роскошной растительности Кахетіи и Имеретіи повсюду и донынѣ видны развалины старыхъ башенъ и замковъ, массивныхъ и своеобразныхъ, служившихъ убѣжищемъ населенію, во времена вражескихъ нашествій, и едва ли въ мірѣ найдется еще страна, гдѣ было бы столько нѣмыхъ свидѣтелей народныхъ страданій.

Въ то время какъ въ позабытыхъ и самою природою замкнутыхъ ущельяхъ Кавказа дичала жизнь невѣдомыхъ міру племенъ, на южной покатости горнаго хребта древняя Иверія (Грузія) въ продолженіи 14 вѣковъ отстаивала свѣтъ христіанства и просвѣщенія отъ кровавыхъ вторженій язычниковъ и магометанъ. Со времени взятія Константинополя Турками (1453 г.), Грузія становится единственнымъ христіанскимъ царствомъ въ Азіи среди мусульманскаго океана. Твердо и убѣжденно отстаивая свою вѣру, Грузинскій народъ, въ силу сложившихся политическихъ условій, долженъ былъ сдѣлаться народомъ-крестоносцемъ. „Какъ у рыцаря-крестоносца (говоритъ одинъ Русскій писатель), вся жизнь этого народа дѣлилась между молитвою и кровавою борьбою съ Исламомъ. Болѣе чѣмъ тысячелѣтіе не выпускалъ онъ изъ своихъ рукъ меча, и если христіанскій крестъ не былъ вышитъ на плечѣ его мантіи, то онъ былъ за то неизгладимо врѣзанъ въ самое сердце народа". Христіанство, распространяясь въ Грузіи со временъ апостольскихъ (Андрей Первозванный былъ проповѣдникъ Св. Евангелія въ Западной Иверіи), утверждается въ IV вѣкѣ Святою Ниной, родомъ изъ Каппадокійскихъ Грузинокъ. Царю Миріану, принявшему ученіе Христа, не легко было бороться съ огнепоклонствомъ, утвердившимся со времени основателя Грузинскаго царства, царя Фарнаваза (въ III в. до Р. Х.). Лишь въ V в. по Р. Х. ученіе Зороастра падаетъ въ Грузіи, и распространяется новое Божественное ученіе. Къ этому времени относятся уже памятники христіанскаго искусства и письма „хуцури", т. е. церковныхъ буквъ, въ противоположность „мхедрули", гражданскимъ буквамъ, введеніе которыхъ приписывается упомянутому царю Фарнавазу. Построеніе перваго христіанскаго храма сопровождается трогательнымъ сказаніемъ, которое занесено въ Грузинскую лѣтопись, извѣстную подъ именемъ Картлисъ - Цховреда. Вотъ это сказаніе.

Извѣстно, что хитонъ Господень, по распятіи Спасителя, достался по жребію Мцхетскому Еврею Еліазару. Когда онъ возвратился на родину, въ столицу Иверіи, въ Мцхетъ, сестра его, пораженная вѣстью о страданіи Сына Божьяго, схватила хитонъ въ руки и тутъ же упала мертвою. Никакія человѣческія силы не могли вырвать священной одежды изъ ея объятій, и она была погребена вмѣстѣ съ нею. Высокій кедръ выросъ надъ ея могилою и надолгое время укрылъ святое мѣсто отъ изысканій человѣческихъ. Только въ началѣ IV в. одинъ изъ потомковъ Еліазара могъ указать Св.

Нинѣ, просвѣтительницѣ Грузіи, мѣсто храненія хитона. Таинственный кедръ былъ срубленъ, и на его мѣстѣ воздвигнутъ соборный храмъ въ Мцхетѣ, составляющій понынѣ въ перестроенномъ, правда, видѣ красу Грузинскаго архитектурнаго искусства.

Христіанское ученіе послужило мощнымъ рычагомъ въ развитіи Грузіи. Оно оторвало ее отъ исключительнаго вліянія языческаго Востока и поставила подъ благотворное воздѣйствіе Запада, именно Византіи, вліяніе которой сказалось въ сферѣ умственной и нравственно-религіозной жизни. Крестъ, воздвигнутый въ древней Иверіи, сдѣлался въ одно и тоже время и религіознымъ, и національнымъ знаменемъ Грузинъ противъ мусульманскихъ народовъ.

Грузинская образованность достигаетъ высшаго развитія въ XII в., въ славную эпоху царицы Тамары, доставившей Грузіи своими побѣдоносными войнами преобладающее политическое значеніе въ Малой Азіи и на Кавказѣ. Ея вѣкъ ознаменованъ литературною дѣятельностью поэтовъ Шавтели и Чахрухи, писавшихъ въ прославленіе „богоравной“ царицы торжественныя оды, нѣчто въ родѣ Державинской „Фелицы“. Къ плеядѣ писателей золотой эпохи Грузинской словесности принадлежатъ романисты Мосе-Хонели и Саркисъ-Тмогвели, произведенія которыхъ носятъ яркіе слѣды двойственнаго вліянія пылкаго Востока и разсудительнаго Запада. Но дѣятельность этихъ классическихъ писателей блѣднѣетъ предъ именемъ геніальнаго поэта Шота-Руставели, поэма котораго „Человѣкъ въ барсовой кожѣ“ составляетъ красу и гордость Грузинской словесности по глубинѣ психологической обработки романтическаго сюжета, по чарующей художественной формѣ и хрустальной чистотѣ возвышенныхъ чувствъ. Но не только въ области литературы вѣкъ знаменитой царицы остается незабвеннымъ для благодарнаго потомства: легендарная исторія приписываетъ Тамарѣ всѣ замѣчательные архитектурные памятники Грузіи, эти нѣмые свидѣтели ея величія. Тамара повсюду оставила неизгладимыя черты своей дѣятельности и, по словамъ одного историка, „написала свое имя каменными твердынями на горахъ и долинахъ Грузіи“.

Съ кончиной Тамары, достовѣрныя свѣдѣнія о которой народная фантазія разукрасила своеобразными сказаніями, въ судьбѣ Грузіи произошелъ рѣзкій переломъ: причисленная къ лику святыхъ православною церковью и воспѣваемая въ устныхъ твореніяхъ непорочною дѣвою, великая Тамара какъ будто унесла съ собою въ могилу счастливые дни своей родины. По смерти ея на Грузію обрушивается рядъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій. Въ XIII в. она испытываетъ страшное нашествіе Монголовъ, въ XV в. подвергается варварскому вторженію Тамерлана, въ XVI в. Грузіей овладѣваетъ Измаилъ-шахъ, разрушаетъ храмы, строитъ мечеть въ укрѣпленной части гор. Тифлиса. Въ XVII в. Грузія перекидывается какъ мячъ отъ Персовъ къ Туркамъ, отъ Турокъ къ Грузинамъ, отъ Грузинъ къ Персамъ. Грузин-

скіе цари временно принимаютъ Исламъ и дѣлаются постоянными данниками Персидскихъ шаховъ. Въ 1616 г. шахъ Аббасъ I обагрилъ кровью Грузію изъ конца въ конецъ: до 100.000 душъ отвелъ онъ въ плѣнъ въ Персію, не считая 70.000 павшихъ. Наконецъ, въ 1795 г., при царѣ Ираклiи II, заключившемъ союзъ съ Екатериной II, въ Грузію вторгается Ага-Магометъ-ханъ, шахъ Персидскій, разрушаетъ Тифлисъ, вырѣзываетъ населеніе и наноситъ послѣдній роковой ударъ независимому существованію Грузинскаго царства. Гнѣвъ свирѣпаго деспота постигъ Грузію за ея дружественныя сношенія съ Россіей, клонившіяся къ разрыву съ Персидскимъ государствомъ. Жестоко отомстилъ мусульманскій Востокъ христіанской Грузіи, и лишь „цѣною сверхчеловѣческихъ усилій удалось ей уцѣлѣть до того часа, когда, по словамъ генерала Фадѣева, „Россія доросла, наконецъ, до подножья Кавказа“ *).

Такова печальная исторія Грузіи. Она постоянно горитъ, постоянно разрушается, постоянно истребляется. Разореніе ея, избіеніе ея жителей оказывается чѣмъ-то обычнымъ, какъ бы очереднымъ явленіемъ ея политической жизни. Врядъ ли можно сосчитать случаи возрожденія Грузіи изъ пепла, всѣ тѣ кровавые фазисы, въ которыхъ она, такъ сказать, мѣняла свой историческій обликъ. „Много есть грустной поэзіи въ кровавой исторіи Грузіи; Грузинъ вспоминаетъ ее со слезами. Она описываетъ вѣками исчисляемыя бѣдствія, дробленіе царства на царство, междоусобицы между царями и князьями, возстанія племенъ на племена и родовъ на роды“. Трудно было ей прожить долгій рядъ вѣковъ историческою жизнью, когда приходилось съ оружіемъ въ рукахъ завоевывать себѣ каждый день существованія. И, не смотря на всѣ тяжелыя удары, Грузины отстояли свою народность и православную вѣру. Подъ сѣнью христіанской церкви они находили отраду и утѣшеніе. Воинственный духъ, закалявшійся въ Грузинѣ силою политическихъ обстоятельствъ, смягчался религіознымъ чувствомъ, обратившимъ его въ благочестиваго паломника и подвижника, усерднаго книжника и художника, стража и защитника Св. Гроба Господня. Одной рукою онъ неустанно оберегалъ страну отъ хищныхъ завоевателей, другою онъ возводилъ и щедро украшалъ храмы и монастыри въ Грузіи и далеко за ея предѣлами, въ Палестинѣ и Сиріи, на Синаѣ и на Аѳонѣ. Первый христіанскій царь Миріанъ въ IV в., по преданію, кладетъ начало Грузинской обители въ Іерусалимѣ, а монастыри Грузинскихъ иноковъ на Аѳонѣ, нынѣ большею частью захваченные Греками, служили центрами религіознаго просвѣщенія Грузіи съ IX в. Христіанская религія спасла Грузинъ отъ поглощенія мусульманскими полчищами. Силы ихъ въ неравной борьбѣ подкрѣплялись твердой надеждой на поддержку Божьяго Провидѣнія. Безтрепетный воинъ

---

*) Присоединеніе Грузіи составляетъ неувядаемую славу графа Ѳ. В. Ростопчина, который вѣдалъ тогда нашею Иностранною Коллегію и, вопреки всяческимъ препятствіямъ, настоялъ передъ императоромъ Павломъ на этомъ присоединеніи, видя въ немъ великую пользу для будущихъ судебъ Россіи и на случай возможнаго столкновенія нашего съ Англіей (см. VIII-ю книгу „Архива Князя Воронцова“). П. Б.

на полѣ брани, идущій противъ безмѣрно превосходящей численности непріятельской орды, онъ смирялся въ храмѣ Божьемъ, изливая передъ святынями слезы благодаренія, выстраданную душевную боль и сердечныя муки. При всѣхъ превратностяхъ судьбы Грузіи, церковь оставалась въ глазахъ народа надежнымъ убѣжищемъ и вдохновляющимъ импульсомъ для пробужденія національнаго чувства противъ мусульманскихъ властителей. Въ виду такой всеобъемлющей и зиждительной роли православной церкви, понятно ея мощное вліяніе на складъ міросозерцанія и нравственныя воззрѣнія Грузинскаго народа.

Эта непреклонная защита христіанской церкви, сопровождаемая всяческими жертвами, пріучила Грузію обращать взоры упованія на Россію, православную державу, съ которой она вступаетъ въ сношенія еще въ IX—X вв. Уже въ XII в., по словамъ Русской лѣтописи[1]), князь Изяславъ Мстиславичъ (въ 1154 г.) женился на царской дочери изъ „Обезъ", подъ каковымъ именемъ разумѣется дочь Грузинскаго царя Димитрія I (1125—1154). Правнучка его, царица Тамара (1184—1212), по совѣту духовенства и князей, выходитъ замужъ за Русскаго князя Георгія, сына Андрея Боголюбскаго. Бракъ былъ, впрочемъ, несчастливъ: чрезъ нѣсколько лѣтъ Георгій уѣхалъ въ Константинополь, а въ 1196 году вовсе удалился изъ Грузіи. По завоеваніи Россіи Монголами сношенія ея съ Грузіей прекращаются: съ XIII в. до второй половины XVI в. имѣется только одно извѣстіе о сношеніяхъ при вел. кн. Иванѣ III (въ 1491—1492 гг.). Съ паденіемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ эти сношенія усиливаются. Къ этому времени Константинополь взятъ Турками, и на его мѣстѣ возвысился „третій Римъ"—Москва, къ которой въ 1557 г. Грузинскій царь обращался за помощью. Въ 1564 г. Кахетинскій царь Леонъ былъ принятъ царемъ Иваномъ IV „подъ царскую руку". За время царствованія Θедора и Бориса сношенія эти дѣлаются почти постоянными. Русскіе государи и Грузинскіе цари обмѣниваются посольствами и щедрыми подарками; обѣщанія же относительно помощи противъ непріятелей Грузіи оставались безъ исполненія, на что жалуются послы царя Александра, архим. Кириллъ и дьякъ Савва[2]) царю Борису. Это было то тяжкое время въ жизни Грузіи, когда съ двухъ сторонъ ее терзали двѣ мусульманскія державы. Посолъ Кириллъ въ драмѣ графа А. Толстого „Царь Борисъ" въ такихъ скорбныхъ словахъ рисуетъ Московскому владыкѣ печальное положеніе Грузіи:

Великій, благовѣрный государь!
Царь Александръ, твой ревностный слуга,
Тебѣ на царство кланяется въ землю.
Не попусти, о царь всея Руси,

---

[1]) П. С. Р. Л., т. I, с. 146, т. II, с. 73, 74, 302; т. VII, с. 60; т. IX, ст. 198. *Бутковъ.* О бракахъ князей Русскихъ съ Груз. въ Сѣверномъ Архивѣ, 1825, т. XIII, кн. 4, стр. 317—323. Карамзинъ, Ист. Гос. Р., т. II, стр. 265.

[2]) *Броссе.* Переписка Грузинскихъ царей съ Россійскими государями. СПБ. 1861, стр. XII.

Ему въ конецъ погибнуть! Шахъ-Аббасъ
Безжалостно, безбожно разоряетъ
Иверію. Султанъ Махмедъ Турецкій
Обрекъ ее пожарамъ и мечу.
Ограблены жилища наши, жены
Поруганы, семейства побіены,
Монастыри въ развалинахъ, и церкви
Христовы пылаютъ!

Царь Борисъ даетъ клятвенный обѣтъ очистить Грузію отъ враговъ... Шахъ вторично вторгся въ Грузію, перебилъ ея населеніе, разорилъ церкви и предалъ поруганію чтимыя народомъ святыни. Помощь войсками была замѣнена предложеніемъ заключить брачные союзы между царскими семействами Грузинскими и Русскими. Отъ имени Бориса послы Татищевъ и Ивановъ сватали въ 1604 г. среди Грузинскихъ царевичей и царевень жениха Ксеніи Борисовнѣ, а брату ея невѣсту. Царь Карталинскій Георгій согласился отдать дочь свою Елену за царевича, но удержалъ ее у себя до совершеннолѣтія [1]). Вскорѣ послѣдовала смерть Бориса, наступили смутныя времена въ Московскомъ государствѣ и прекратились завязавшіяся узы дружбы и союза, которыя возобновляются только со вступленіемъ на престолъ царя Михаила. Грузинскіе цари въ теченіе XVII—XVIII вв. не разъ присягали на вѣрность Россійскимъ государямъ, но лишь при царѣ Иракліи II (1781—1798) былъ сдѣланъ значительный шагъ для утвержденія Русскаго владычества на Кавказѣ.

Ираклій II, царь Карталиніи и Кахетіи, поддерживавшій Россію въ Турецкой кампаніи, для обезпеченія внѣшней безопасности Грузіи, заключилъ съ императрицей Екатериной II въ 1783 г. договоръ, коимъ онъ поставилъ себя въ вассальныя отношенія къ Россіи съ правомъ укрѣпить за царствующей династіей Багратидовъ прародительскій престолъ, удержать званіе католикоса (самостоятельность Грузинской церкви), имѣть собственную монету и независимое внутреннее управленіе страны [2]). Мусульманскія государства и горцы, поочередно разорявшіе Грузію, были встревожены ея союзомъ съ Россіей. Свирѣпый шахъ Персидскій Ага-Магометъ-ханъ, евнухъ Надира, жестоко отомстилъ царю Ираклію вторженіемъ въ 1795 г. и полнымъ разрушеніемъ его царства. Грузія не успѣла оправиться отъ нанесенныхъ ранъ, какъ скончался въ 1798 г. незабвенный герой Кавказа, воспѣваемый въ народныхъ пѣсняхъ, Ираклій II. На престолъ вступилъ сынъ его Георгій XII, который былъ утвержденъ на престолѣ, на основаніи третьей статьи трактата 1783 г., императоромъ Павломъ I; а Давидъ, сынъ Георгія, былъ объявленъ его законнымъ наслѣдникомъ. Внутреннія неурядицы, связанныя съ порядкомъ престолонаслѣдія, побудили Георгія XII просить Пав-

---

[1]) *Бутковъ*. Матеріалы для новой исторіи Кавказа II, 122—130. *Дубровинъ*. Ист. войны и владыч. Русскихъ на Кавказѣ, II, 9—10.

[2]) Царь Алексѣй Михайловичъ просилъ Грузинскаго царя Теймураза прислать въ Москву царевича Николая, внука Теймураза, дабы его женить на дочери своей Евдокіи. „Путешествіе Антіох. патріарха Макарія“, вып. III, стр. 84,

ла I принять Грузію въ подданство, но съ сохраненіемъ царскаго титула за наслѣдникомъ и его преемниками на Грузинскомъ престолѣ. Этому желанію Георгія XII не было суждено исполниться, и въ 1801 г. при Александрѣ I Грузія была объявлена присоединенной къ Россіи. Правителемъ ея назначенъ ген.-лейт. Кноррингъ: а царевичъ Давидъ, временно управлявшій царствомъ, въ надеждѣ и въ ожиданіи утвержденія на своемъ престолѣ Русскимъ императоромъ, согласно волѣ Георгія XII и трактату 1783 г., былъ отправленъ въ Россію. Манифестъ Александра I хранитъ слѣдъ причинъ, скосившихъ державу Грузинскихъ царей: „Сила обстоятельствъ и гласъ Грузинскаго народа преклонили насъ не оставить и не предать на жертву бѣдствія языкъ единовѣрный, вручившій жребій свой великой защитѣ Россіи".

Такъ, Грузія, не будучи завоевана. добровольно вошла въ составъ Россійской имперіи, стала ея передовымъ постомъ противъ Азіи и операціоннымъ базисомъ въ покореніи Восточнаго и Западнаго Кавказа. Съ тѣхъ поръ прошло столѣтіе, и узы, связывающія Грузинъ съ Русскими, постепенно укрѣпляясь, обратились въ магическую цѣпь, невольно и вѣчно ихъ замыкающую. „Изъ всѣхъ національностей — говоритъ И. Д. Попко — вошедшихъ въ кругъ Русскаго отечества, не найти нигдѣ Русскому человѣку столь искренней и братской дружбы, какъ въ сердцѣ Грузина. Русь и Грузія подружились еще въ тѣ дни общей скорби, когда съ поникшимъ челомъ носили ясакъ въ Золотую Орду и тамъ встрѣчались. А дружба, завязанная въ общемъ несчастіи, глубока и несокрушима, какъ братство". Грузія послужила для Россіи первой твердыней, укрѣпившей ея вліяніе за Кавказскимъ хребтомъ. Грузины являются тѣми изъ ея подданныхъ, которые всегда горячо доказывали свою преданность общимъ интересамъ отечества, сливши свое государство съ государствомъ Русскимъ. Православная церковь послужила той благодатной почвой, на которой выросло духовное единеніе и закрѣпилось духовное родство между этими двумя племенами. Не нужно забывать, что соединеніе съ Грузіей было именно причиной и оправданіемъ Русской исторической миссіи въ Закавказьѣ. „Обѣ народности на Кавказѣ представляли и представляютъ одно и тоже дѣло, и если Россія спасла Грузію, то этимъ она спасла свое собственное, общее Русскимъ съ Грузіей, дѣло. Грузинскій элементъ на Кавказѣ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ опоръ Россіи, такъ какъ наши интересы тамъ совершенно тождественны и нераздѣлимы. Мы не хотимъ сказать, чтобы эти интересы были всегда достаточно охранены; напротивъ, такія событія, какъ отдача сотнямъ тысячъ Армянъ территоріи, которая была спасена для общаго дѣла Грузіей и Россіей, и прискорбны, и вредны. Въ этихъ случаяхъ проявлялись ошибка или небрежность, но не забвеніе духовнаго родства".

Такъ писала года три тому назадъ одна изъ извѣстныхъ Русскихъ газетъ по поводу рѣчи Кутаисскаго предводителя дворянства князя Церетели, явившагося выразителемъ смущенія и негодованія изъ-за похода нѣкоторыхъ органовъ печати противъ Грузинскаго народа. Тогда насъ увѣряли,

что „Грузины и Русскіе, достигшіе объединенія, останутся въ неразрывномъ національномъ единствѣ, дружно работая на благо общаго отечества, и никогда не различая Грузина отъ Русскаго“. Однако, не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Грузины снова встревожены, и нѣтъ никакихъ основаній для увѣренности въ благосклонномъ отношеніи къ народу, который, наравнѣ съ Русскимъ солдатомъ, поливалъ своей кровью, и усѣялъ костьми горы и долины Кавказа, ограждая здѣсь славу Русскаго имени отъ вражескихъ притязаній. Когда возникъ вопросъ о заселеніи Черноморскаго побережья, то Грузины Кутаисской губ., страдающіе отъ безземелія, явились просителями отвести имъ участки. Имъ отказали на томъ основаніи, что Черноморская территорія предназначена для Русскихъ переселенцевъ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ я заявлялъ, что малоземелье въ Кутаисской и Тифлисской губерніяхъ общеизвѣстно, то меня обозвали Хаимомъ Соломоновичемъ, т. е. Евреемъ, идущимъ въ своемъ рефератѣ на съѣздѣ естествоиспытателей въ разрѣзъ съ государственными соображеніями. Случалось даже, что Грузинскій народъ не только въ экономическомъ отношеніи отдавался въ жертву пришлымъ элементамъ, но и его духовный міръ, религіозное чувство, національное достоинство подвергались осмѣянію и оскорбленію *). Однимъ изъ высокопоставленныхъ лицъ Грузинскій языкъ, на которомъ 15 вѣковъ народъ возноситъ свои молитвы къ Всевышнему, былъ названъ „собачьимъ языкомъ“. Въ одномъ изъ городовъ, въ день Св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, не была разрѣшена, не смотря на усиленныя просьбы, Божественная литургія на Грузинскомъ языкѣ. Языкъ, который имѣетъ пятнадцативѣковую литературу, не преподается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и изгоняется даже изъ низшихъ школъ, какъ языкъ преподаванія, въ Кутаисской дирекціи, гдѣ дѣти говорятъ исключительно на этомъ родномъ языкѣ. Высшая служебная карьера для Грузина постепенно закрывается. Три четверти вѣка со времени присоединенія Грузіи къ Русскому государству она являлась предметомъ особыхъ попеченій Русскаго правительства и пользовалась теплымъ участіемъ Русскаго общества. Правительство широко открывало служебныя двери Грузинскому дворянству, поощряло изученіе Грузинскаго языка, покровительственно относилась къ развитію Грузинской литературы. Это былъ періодъ намѣстничества на Кавказѣ князя Воронцова и Великаго Князя Михаила Николаевича. Представители самаго Русскаго общества, въ лицѣ писателей, восторженно отзывались о высокихъ нравственныхъ качествахъ Грузинъ, поэты воспѣвали граціозность и красоту Грузинокъ, посвящая имъ и чарующимъ пейзажамъ Грузіи вдохновенные стихи. Сравнивая отзывы Русской печати до восьмидесятыхъ годовъ съ настроеніемъ ея за послѣдніе два десятка лѣтъ, легко замѣтить постепенное ослабленіе ея вниманія къ Грузіи, забвеніе ея суще-

*) Грузины не имѣютъ въ Москвѣ даже своей церкви. Они ее имѣли на Грузинской площади; но теперь она Армянская. Любопытно знать, какъ это случилось. Вѣроятно наши власти смѣшали въ своихъ понятіяхъ эти два народа, совсѣмъ между собою разныхъ. У еретиковъ Армянъ три храма, у православныхъ Грузинъ ни одного! П. Б.

ственныхъ выгодъ, подчасъ даже враждебное отношеніе нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, усматривающихъ въ молодомъ поколѣніи Грузинъ якобы сепаратистическія стремленія. Нѣтъ нужды доказывать, насколько эти мнимыя попытки къ отдѣленію Грузіи отъ Россіи призрачны и опрометчивы, являясь плодомъ изобрѣтательности досужей фантазіи. Вопросъ же смѣны усиленнаго и заботливаго надзора за подъемомъ экономической и духовной жизни безучастнымъ созерцаніемъ естественно возбуждаетъ въ Грузинахъ чувства оскорбленнаго самолюбія. Грузины по справедливости желаютъ обратить вниманіе Русскаго общества, съ цѣлью найти благой исходъ, на двоякій процессъ, совершающійся въ ихъ внутренней жизни: съ одной на быстрое возрастаніе матеріальныхъ нуждъ и съ другой на ростъ неудовлетворенныхъ потребностей въ сферѣ духовной жизни. Но справедливость по отношенію къ двухмилліонному населенію, стоящему особнякомъ по своему языку, имѣющему богатое просвѣтительное наслѣдіе съ V вѣка и съ упованіемъ пріютившемуся подъ могучее крыло Россіи, должна побуждать Русскаго человѣка войти въ кругъ интересовъ этого народа, оказать ему нравственную поддержку, познать его умственные запросы и экономическія потребности. Сочувствіе Русскаго общества, быть можетъ, послужитъ ключемъ къ разрѣшенію тѣхъ нуждъ, которыя становятся вопіющими изъ года въ годъ въ ослабѣвающемъ подъ давленіемъ обстоятельствъ Грузинскомъ народѣ.

А. Хахановъ.

ПИСЬМА КНЯЗЯ П. Д. ЦИЦІАНОВА И А. П. ТОРМАСОВА.

Предлагаемыя бумаги были получены мною случайно. Владѣтель ихъ князь Н. Ѳ. Эристовъ, родственникъ Мингрельской царицы Нины, предложилъ ихъ мнѣ для разсмотрѣнія по одному частному вопросу, касающемуся Армянъ. Но въ виду того интереса, который представляютъ эти подлинные документы, скрѣпленные подписями главнокомандующихъ Кавказа кн. Циціанова и генерала Тормасова и донынѣ не опубликованные, я счелъ небезполезнымъ снять съ нихъ точныя копіи и напечатать, какъ матеріалъ для новой исторіи Закавказья. Документы эти относятся къ 1804—1805 гг., т.-е. ко времени правленія Грузіей князя Циціанова и къ 1810—1811 гг. къ періоду дѣятельности на Кавказѣ Тормасова. Главнымъ содержаніемъ документовъ представляются заслуги правительницы Мингреліи Нины въ присоединеніи къ Россіи Абхазіи, Джикетскихъ владѣній и пр. Князь П. Д. Циціановъ, ген.-лейт., главнокомандующій въ Грузіи (1802—1806), происходилъ отъ Грузинскихъ князей, переселившихся въ Россію въ XVIII в. Родился онъ въ 1754 г., проходилъ боевую жизнь въ войскахъ Румянцова и Суворова, былъ вѣроломно убитъ при взятіи Баку въ 1806 г. и похороненъ въ Тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ. Князя Циціанова на Кавказѣ замѣстилъ ген. отъ инфантеріи графъ Ив. Вас. Гудовичъ, который въ 1809 г. передалъ полномочія свои генералу отъ кавалеріи Александру Петровичу Тормасову. Тормасовъ одержалъ рядъ блестящихъ побѣдъ надъ Турецкими и Персидскими войсками; при немъ окончательно были присоединены къ Россіи:

Имеретія, Гурія и Абхазія. Въ 1811 г. онъ былъ отозванъ изъ Грузіи, командиромъ же корпуса Грузинскихъ войскъ остался ген.-лейт., маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулучи. А. Х.

I.

Ваша свѣтлость, милостивый государь!

Обстоятельства [1]) непреодолимыя заставили меня при вступленіи царя Соломона Имеретинскаго въ подданство Россійской Имперіи согласиться на то, чтобы, до воспослѣдованія высочайшей Его Императорскаго Величества резолюціи, Лечгумской провинціи крѣпости, вашею свѣтлостію занимаемыя, съ селеніями, тѣмъ крѣпостямъ принадлежащими, оставались во власти вашей свѣтлости; а тѣ крѣпости, кои еще не заняты, состоя въ зависимости царя, такъ какъ и обложенныя вами, оставались бы за царя Соломона Имеретинскаго. Потому и умоляю вашу свѣтлость къ собственному вашему добру взять терпѣніе до оной резолюціи и точно послѣдовать словамъ выше изъясненнымъ о Лечгумѣ, дабы тѣмъ самымъ Государь Императоръ соизволилъ увидѣть, сколь великую довѣренность вы имѣете, яко новый вѣрноподданный, не токмо къ Государю, но и къ его генераламъ. Въ протчемъ почтенный дворянинъ Гогіевъ изустно донесетъ вашей свѣтлости о многомъ; прошу постараться выполнить.

Въ протчемъ, уповая, что ваша свѣтлость, имѣя опыты моего къ вамъ доброжелательства, не оставите во всей точности выполнить мое предложеніе, увѣрить васъ могу, что оное послушаніе многая добрая доставитъ вашей свѣтлости, такъ какъ и въ томъ, что почтеніе и преданность моя къ вамъ не кончатся какъ съ жизнью, имѣю честь быть съ истиннѣйшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью, милостивый государь, вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга князь Павелъ Цищановъ.

Селеніе Ваханъ.
Апрѣля 26 дня 1804 года.

II.

Ваша свѣтлость, милостивый государь!

Спѣшу извѣстить вашу свѣтлость, что 20-го Іюня, прибывъ съ непобѣдимыми Россійскими войсками къ Эчміадзинскому монастырю во владѣніеЕриванскаго хана, на другой день по утру былъ со всѣхъ сторонъ атакованъ многочисленными Персидскими войсками, до 18 тысячъ простирающимися и предводимыми Бабахановымъ сыномъ Аббасъ-Мирзою вмѣстѣ съ бунтующимъ царевичемъ Александромъ [2]) при по-

---

[1]) Русскій текстъ сопровождается его переводомъ на Грузинскій языкъ. А. Х-въ.

[2]) Сынъ царя Ираклія II, непримирившійся въ теченіе своей жизни съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи. См. объ немъ „Акты Кавказ. Археогр. Ком.“ и *Буткова* Матеріалы для новой исторіи Кавказа. А. Х—въ.

мощи Бога Всевышняго, всегда покровительствующаго Россійское оружіе, съ такою силою я ихъ отразилъ, что въ послѣдующіе два дня, хотя также Персіяне окружали мой лагерь, но не смѣли уже подъѣзжать далѣе пушечнаго выстрѣла. А 25-го числа того же мѣсяца, рѣшась идти впередъ на лагерь Персидскій, на самомъ маршѣ къ деревнѣ Кавачерѣ отразилъ непріятеля, пушками со всѣхъ сторонъ нападавшаго, и однимъ баталіономъ егерей выбилъ ихъ въ нѣсколько минутъ изъ укрѣпленія при рѣкѣ Зангѣ, отбилъ также и два фальконета, до того устрашилъ ихъ, что они, стоя лагеремъ за 12 верстъ отъ онаго мѣста, ночью, снялись и потянулись было за Араксъ; но Ериванскій Мамадъ-Ханъ убѣдилъ Аббаса-Мирзу держаться отъ возвращенія и совокупными силами защищать крѣпость. По каковому приглашенію Шахъ-зада, Бабахановъ сынъ, со всею своею силою остановился лагеремъ близъ Еривана въ деревнѣ Каначири, куда 30 Іюня выступилъ со всѣмъ отрядомъ высокославныхъ Россійскихъ и, пробираясь сквозь самыя труднѣйшія и непроходимыя мѣста въ ущельѣ, защищаемыя отъ Персіянъ, ружейнымъ огнемъ и стрѣльбою изъ фальконетовъ вездѣ ихъ сбилъ и наконецъ достигнулъ горы, покрытой каменьями и весьма крутой; не взирая на пятидесятисаженную ея высоту, взялъ оную штурмомъ, однимъ баталіономъ обратилъ въ бѣгство многочисленную Персидскую силу, простиравшуюся, по показанію плѣнныхъ, до 27 тысячъ. При чемъ весь Персидскій богатый лагерь съ съѣстными припасами и съ безчисленнымъ богатствомъ достался въ добычу храбрымъ и неустрашимымъ Россійскимъ воинамъ, и также отбиты у непріятеля четыре знамя, семь фальконетовъ и сто пудъ пороху.

По совершеніи, при помощи Божіей, столь знаменитой побѣды надъ Бабахановыми войсками, 2-го Іюля приступилъ я къ занятію предмѣстья Ериванской крѣпости и, выбивъ со всѣхъ судовъ непріятеля, содержу теперь городъ въ блокадѣ. О семъ столь счастливомъ успѣхѣ въ военномъ дѣйствіи моемъ съ Персіянами, долгомъ моимъ ставлю извѣстить вашу свѣтлость, зная, что вы нелестное примите въ этомъ участіе.

Я же имѣю честь съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностью быть, милостивый государь, вашей свѣтлости покорнѣйшій и преданный слуга князь Павелъ Циціановъ.

При блокадѣ крѣпости Ериванской.
Іюля 6 дня 1804 года.

III.

Правительницѣ Мингрельскаго владѣнія, ея свѣтлости княгинѣ Нинѣ Георгіевнѣ и всему верховнаго совѣта правленію.

Спѣшу извѣстить сей верховный совѣтъ правленія о важномъ присоединеніи къ Всероссійской Имперіи двухъ знатныхъ ханствъ Карабагскаго и Шакинскаго *). 14-го числа сего мѣсяца высокостепенный Ибраилъ-ханъ Шушинскій и Карабагскій, прибывъ въ занимаемый мною лагерь Елисаветопольской округи, при рѣкѣ Куракъ, для поднесенія ключей Шушинской крѣпости, въ присутствіи моемъ учинилъ присягу на вѣрность Его Императорскому Величеству и вступилъ со всѣмъ своимъ семействомъ и Карабагскимъ владѣніемъ въ вѣчное подданство Всероссійской Имперіи на слѣдующихъ условіяхъ: 1-е, чтобы принять въ Шушинскую крѣпость 500 человѣкъ Россійскаго войска. 2-е, довольствовать оные провіантомъ за умѣренную цѣну по моему назначенію и снабжать дровами. 3-е, въѣздъ въ Шушинскую крѣпость отъ стороны Елисаветополя сдѣлать удобнымъ и дорогу устроить къ проѣзду арбами способною. 4-е, буде благоугодно будетъ правительству устроить дорогу, ведущую отъ Шушинской крѣпости къ Джавату, то нужныхъ для того работниковъ поставить за цѣну, назначенную отъ правительства. 5-е, давать ежегодно дани 8000 червонцевъ, внося въ казну Его Императорскаго Величества, въ Тифлисѣ находящуюся, и 6-е, дать аманатомъ внука своего въ залогъ вѣрности по Азіатскому обычаю.

По окончаніи и по подписаніи сего трактата на другой день Селимъ-ханъ Шакинскій, съ давняго времени чрезъ меня искавшій быть приняту въ число подданныхъ Россіи, прибылъ также ко мнѣ въ лагерь и 21-го Маія принялъ присягу на вѣрность Его Императорскому Величеству, повергъ себя, свое семейство и все Шакинское владѣніе въ вѣчное Всероссійской Имперіи подданство и подписалъ трактатъ. По сему онъ обязанъ: 1-е, принять въ Шакинское владѣніе Всероссійскаго войска съ пушками 500 человѣкъ. 2-е, довольствовать вышесказанныя войска провіантомъ, давая ежегодно по 529-ти халваровъ муки и сарачинскаго пшена по $80\frac{1}{2}$ халваровъ, также снабдить ихъ потребнымъ числомъ дровъ. 3-е, вносить въ дань въ казну Его Императорскаго Величества, въ Тифлисѣ находящуюся, ежегодно по 7000 червонцовъ, и 4-е, по обычаю Азіатскому дать въ залогъ вѣрности вмѣсто сына своего, коему еще не больше 4-хъ лѣтъ и от-

*) Подробности см. *Буткова*, Матеріалы.

дѣлить отъ матери трудно, дѣтей старшихъ пяти бековъ по назначенію главноуправляющаго; по прошествіи же одного или двухъ лѣтъ отдать и самого уже сына на всегдашнее пребываніе въ Тифлисѣ. О каковомъ пріобрѣтеніи сихъ двухъ владѣній не военною рукою, но доброю волею владѣющихъ высокостепенныхъ хановъ Ибраилъ-хана Карабагскаго и Селимъ-хана Шакинскаго обязанностью считаю извѣстить сей верховный совѣтъ правленія Мингрельскаго и предсѣдательствующую въ ономъ свѣтлѣйшую княгиню Нину Георгіевну.

Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго государя моего генералъ отъ инфантеріи, Кавказской инспекціи по инфантеріи инспекторъ, главноуправляющій Грузіею, Астраханскій и Кавказскій военный губернаторъ, управляющій гражданскою частью въ оныхъ губерніяхъ и пограничными здѣшняго края дѣлами, командующій Каспійскою флотиліею, орденовъ Св. Александра Невскаго, Св. Равноапостольнаго князя Владимира большого креста первой степени и Св. великомученика побѣдоносца Георгія 3-го класса кавалеръ князь Ціціановъ.

Елисаветполь,
Іюня 3-го дня 1805 года.

IV.

Ваша свѣтлость, милостивая государыня!

Имѣлъ я честь получить письмо вашей свѣтлости, изъявляющее благодарность вашу за избавленіе свѣтлѣйшаго сына вашего князя Левана*) отъ плѣна и съ душевнымъ удовольствіемъ спѣшу поздравить вашу свѣтлость съ симъ случаемъ, радуясь оному тѣмъ болѣе, что освобожденіе свое получилъ онъ отъ сильной десницы Его Императорскаго Величества.

На просьбу вашей свѣтлости, чтобы Анаклею, уступленную Келишбеку покойнымъ княземъ Григоріемъ Дадіаномъ за разныя обѣщанія, изъ коихъ первымъ ни одно не выполнено, присоединить теперь къ Мингрельскому владѣнію, долгомъ почитаю увѣдомить вашу свѣтлость, что, не имѣя на сіе высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшенія, ни отъ министра нашего, въ Константинополѣ пребывающаго, увѣдомленія, какимъ образомъ принято Турецкимъ

---

*) Малолѣтній Леванъ былъ объявленъ правителемъ Мингреліи (Дадіани) по смерти Григорія Дадіани, и регентомъ назначена „царица Нина". Изъ плѣна Абхазцевъ онъ былъ освобожденъ отрядомъ Рикгофа, который взялъ Анаклею и потомъ вступилъ въ Кутаисъ. См. Журналъ *Моамбэ*, 1899, I, стр. 5; также *Ѳ. Жорданіа* „Соломонъ II, царь Имеретинскій).

дворомъ извѣстіе о занятіи Россійскими войсками Анаклеи, и не могу теперь сего оподнить тѣмъ паче, чтобы чрезъ сіе не могъ воспослѣдовать разрывъ мирнаго союза, существующаго между Россійскою державою и Портою Оттоманскою. Но со временемъ могу почти увѣрить вашу свѣтлость, что пристань сія, когда представится удобный случай, будетъ возвращена владѣтельному дому покойнаго князя Дадіана.

Относительно изъявленій вашихъ въ письмѣ о готовности со стороны вашей свѣтлости дѣлать возможныя пособія при срубкѣ лѣса на корабельное строеніе, пріятно мнѣ изъявить вамъ за то мою признательность, оставаясь въ несомнѣнномъ надѣяніи, что исполненіе сего буду я имѣть удовольствіе видѣть на самомъ опытѣ.

Назначить время къ отправленію свѣтлѣйшаго сына вашего Георгія въ С.-Петербургъ можно не прежде осени; ибо теперь въ Тагаурскомъ ущельѣ чрезъ разлитіе Терека всѣ мосты снесены водою. Когда же сдѣлаю я нужныя къ отъѣзду его распоряженія, то буду имѣть честь извѣстить о семъ вашу свѣтлость и могу увѣрить, что по всеподданнѣйшему представленію моему, какое я объ немъ сдѣлаю, онъ будетъ принятъ въ С.-Петербургѣ лучше, нежели какъ приняты тамъ всѣ Грузинскіе царевичи.

При семъ случаѣ почитаю обязанностью моею поручить вашей свѣтлости, яко правительницѣ Мингреліи, въ особое расположеніе новаго вѣрноподданнаго Россіи и Его Императорскому Величеству князя Левана Шервашидзе, возвратившагося со всѣмъ своимъ владѣніемъ въ прежнюю зависимость Мингреліи и учинившаго присягу на вѣрность Его Императорскому Величеству всемилостивѣйшему и великому нашему Государю Императору. Причемъ увѣренъ я, что и весь домъ покойнаго супруга вашего князя Дадіана, подражая примѣру вашей свѣтлости, будетъ содержать его во всегдашней любви и уваженіи.

Наконецъ, не могу умолчать предъ вашею свѣтлостью, что сколь ни охотно готовъ я выполнить всѣ ваши желанія, но, къ сожалѣнію, моему на сей разъ долженъ отказаться отъ просимаго вашею свѣтлостью награжденія порутчику Степану Меликову; ибо онъ ничѣмъ кромѣ переводовъ не занимался и за что получалъ жалованье. При томъ же извѣстно мнѣ свойство Армянъ, что они весьма гнусны вкрадываться въ милость большихъ особъ и черезъ происки получать ихъ ходатайствомъ себѣ награжденіе, ими незаслуженное.

Въ протчемъ имѣю честь съ совершеннымъ почтеніемъ и такою же преданностью быть, милостивая государыня, вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга князь Циціановъ.

Елисаветополь.
Іюня 3 дня 1805 года.

V.

Правительницѣ Мингрельскаго владѣнія ея свѣтлости княгинѣ Нинѣ Георгіевнѣ и всему верховнаго совѣта правленію.

Его Императорское Величество всемилостивѣйшій и великій нашъ Государь Императоръ, пекущійся о благѣ всея Мингрельскія земли и не престающій изливать обильныя щедроты на домъ вѣрноподданнѣйшаго раба его покойнаго князя Григорія, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать высочайшую грамоту свѣтлѣйшему сыну его и наслѣднику Мингреліи князю Левану, нынѣ тоъ счастливо сильною рукою его Императорскаго Величества освобожденному изъ плѣну отъ Келишбека*), утверждающую его владѣтелемъ всѣхъ Мингрельскихъ областей. Каковую грамоту вмѣстѣ съ знаменемъ и мечемъ, всемилостивѣйше пожалованныхъ покойному родителю его и нынѣ по силѣ грамоты жалуемыхъ его свѣтлости, имѣлъ я удовольствіе отправить чрезъ инспекторскаго адъютанта моего штабсъ-капитана Степанова для поднесенія его свѣтлости и которые должны храниться во славу Мингрельскаго дома и въ память высокомонаршей къ нему милости и благоволенія. Извѣщая о семъ верховный совѣтъ правленія, такъ какъ и о всемилостивѣйшемъ пожалованіи его свѣтлости ордена Св. Анны 1-го класса со звѣздою, украшеннаго алмазами, знаменующаго новое къ нему императорское благоволеніе и объ осчастливленіи его высочайшимъ рескриптомъ, кои съ тѣмъ же адъютантомъ моимъ отправлены, остаюсь въ пріятной для меня увѣренности, что предсѣдательствующая въ семъ Совѣтѣ свѣтлѣйшая родительница младаго князя, по высочайшей волѣ объявленная правительницею Мингреліи и его попечительницею до совершенія имъ двадцатилѣтняго возраста, поставитъ обязанностію своею чрезъ благоразумныя внушенія вмѣстѣ съ возрастомъ свѣтлѣйшаго сына ея владѣтельнаго князя Левана возрастить въ немъ и вѣрноподданническую признательность къ Его Императорскому Величеству за всѣ таковыя объ немъ отеческія благопопеченія и научитъ его идти по слѣдамъ свѣтлѣйшаго его родителя князя Григорія, оказавшаго достаточные опыты своей вѣрности, усердія и преданности къ его Императорскому Величеству и покровительствовавшему его Россійскому правленію.

---

*) Келишбекъ, владѣтель Абхазіи, былъ убитъ сыномъ своимъ Асланбегомъ (Шервашидзе) и самъ сталъ правителемъ 2 Мая 1808 г.

Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго государя моего генералъ-отъ-инфантеріи, Кавказской инспекціи по инфантеріи инспекторъ, главноуправляющій Грузіею, Астраханскій и Кавказскій военный губернаторъ, управляющій гражданскою частію въ сихъ губерніяхъ и пограничными здѣшняго края дѣлами, командующій Каспійскою флотиліею и орденовъ Св. Александра Невскаго, Св. Равноапостольнаго князя Владимира большаго Креста 1-й степени и Св. великомученика и побѣдоносца Георгія третьяго класса кавалеръ князь Циціановъ.

Елисаветополь.
Іюня 3 дня 1805 года.

VI.

Свѣтлѣйшая княгиня Нина Георгіевна, милостивая государыня!

Получивъ извѣстіе, что отцеубійца Арсланъ-бекъ *), братъ вашего родственника Сафиръ-Али-бека, высочайше утвержденнаго законнымъ владѣтелемъ Абхазіи, усиливается и успѣваетъ отклонять Абхазскій народъ отъ повиновенія ему, я по увѣренности моей на отличное усердіе ваше къ пользамъ службы Его Императорскаго Величества и зная ваше расположеніе къ самому Сафиръ-Али-беку, обращаюсь къ вашей свѣтлости съ покорнѣйшею моею просьбою, чтобы вы, милостивая государыня, обще съ свѣтлѣйшимъ сыномъ вашимъ княземъ Леваномъ старались своими войсками подъ командою усерднаго и преданнаго къ Россіи тоже и къ дому вашему князя Манучара Шарвашидзева поддерживать Сафиръ-Али-бека, пославъ ему на вспоможеніе хотя тысячу человѣкъ, естьли больше будетъ невозможно и усиливъ его партіею, доколѣ прибудетъ Россійскій флотъ и войска для овладѣнія Сухумомъ и покоренія всей Абхазіи во владѣніе сего Сафиръ-Али-бека. Къ сему же обязываютъ вашу свѣтлость какъ близкое съ нимъ родство, такъ и то, что по вашему представленію онъ взятъ въ подданство и покровительство Государя Императора, во уваженіе ходатайства вашего удостоенъ нынѣ торжественнаго признанія за Абхазскаго владѣтеля и ощастливленъ многими высокомонаршими щедротами. Слѣдовательно, всякая сдѣланная ему теперь отъ вашей свѣтлости помощь и подкрѣпленіе, какъ подданному Всероссійской имперіи, будетъ принята съ благодарностью отъ Его Императорскаго Величества и признается новымъ доводомъ усердія и ревности къ службѣ великомилостивѣйшаго Государя Императора, всегда отличавшихъ свѣтлѣйшій домъ Дадіановъ. Я же вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшее удовольствіе довести о томъ до высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго

*) Т. е. Асланбекъ, убійца отца Келейшбека Шервашидзе. А. Х—въ.

Величества имѣть случай снова ходатайствовать о пользахъ вашихъ предъ престоломъ Его Императорскаго Величества.—Пріймите въ впрочемъ увѣреніе въ чувствованіяхъ отличнѣйшаго моего къ вамъ почтенія и совершенной преданности, съ коими имѣю честь быть вашей свѣтлости! Покорнѣйшій слуга Александръ Тормасовъ.

8 Іюня 1810
Лагерь при Сагаплугѣ.

VII.

Свѣтлѣйшая княгиня Нина Георгіевна, милостивая государыня!

Имѣя свѣдѣніе, что ея высочество Имеретинская царица Марія Каціевна *) изволитъ теперь имѣть свое пребываніе въ Мингреліи при вашей свѣтлости, я, по совершенной увѣренности моей въ неограниченной преданности вашей къ Его Императорскому Величеству, не иначе разсуждаю на счетъ даннаго вами у себя убѣжища сей знаменитой особѣ, какъ что вы, милостивая государыня, побуждены были къ сему двумя благородными чувствованіями, то есть нѣжною родственною пріязнію и похвальнымъ усердіемъ къ самой службѣ всемилостивѣйшаго Государя Императора, желая симъ способомъ отвратить ея высочество отъ соучастія во вредныхъ дѣлахъ ея супруга, который, нанеся бѣдствіе всей Имеретіи, погубилъ и себя невозвратно.

И такъ, слѣдуя истинному благорасположенію моему къ вашей свѣтлости и зная, что вы прямо желаете добра царицѣ Маріи Каціевнѣ, почелъ за нужное войти въ настоящее состояніе ея, пріемля въ ономъ искреннее участіе, и показать единственный путь, который ея величество поведетъ къ прочному благоденствію и можетъ отверзть ей двери милосердія Его Императорскаго Величества.

Средство же къ достиженію сего пути есть то, чтобы ея высочество съ полною увѣренностію на мое усерднѣйшее въ пользу ея ходатайство предъ всемилостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ, не теряя ни малѣйше времени, изволила прибыть въ Тифлисъ, поколику пребываніе ея въ Мингреліи или Имеретіи противъ самой воли ея заставитъ ее, хотя и безвинное имѣть сношеніе съ людьми, подпавшими подъ праведный гнѣвъ Его Императорскаго Величества за ихъ измѣну, и слѣдовательно она, подвергая себя справедливымъ сомнѣніямъ со стороны Россійскаго правительства, повредитъ собственнымъ своимъ дѣламъ и можетъ даже потерять ожидающее ея мирное счастіе. Вѣрьте, ваша свѣтлость, что таковое откровенное мое съ вами объясненіе

*) Она была дочь сестры Георгія Дадіани (см. выше), супруга царя Соломона II Имеретинскаго, бѣжавшаго въ Турцію въ виду присоединенія Имеретіи къ Россіи.

происходитъ прямо отъ желанія моего доказать вамъ, что я, привыкши быть ходатаемъ у высочайшаго престола Его Императорскаго Величества въ пользу извѣстнаго по усердію свѣтлѣйшаго дома Дадіановыхъ, расположенъ и въ семъ случаѣ изъ уваженія къ оному раздѣлить то участіе, какое вы пріемлете въ судьбѣ родственницы вашей царицы Маріи Каціевны и устроить на прочномъ основаніи спокойную и благоденственную ея жизнь, къ коей достигнуть другими путями она не можетъ.

Почему вашей же свѣтлости вручаю я доставленіе въ Тифлисъ ея высочества царицы Маріи, которую вы можете съ своей стороны препоручить довѣренной отъ васъ особѣ, съ тѣмъ, что сей вашъ чиновникъ, находясь при ней неотлучно до самаго Тифлиса вмѣстѣ съ Россійскимъ чиновникомъ, который отъ правителя Имеретіи генералъ-маіора Симоновича будетъ данъ съ военнымъ прикрытіемъ для безопасности, препроводитъ ее со всею приличною почестію и нужными пособіями. Въ протчемъ прошу вашу свѣтлость положиться совершенно на мое честное слово, которое я изъ младенчества научился сохранять свято, что царицѣ Маріи не только не послѣдуетъ никакого вреда, но что еще черезъ сей единственный способъ она можетъ въ лучшее благосостояніе привесть свои дѣла, получить приличное сану ея содержаніе и всѣ выгоды и тогда только можетъ въ совершенствѣ положиться на неограниченное великодушіе Его Императорскаго Величества.

Предоставляя благоразумію вашей свѣтлости судить теперь, сколь полезно можетъ быть для ея высочества неукоснительное прибытіе въ Тифлисъ, я также предоставляю попеченіямъ вашимъ исполненіе сего дѣла и дѣйствіямъ вашихъ усердныхъ совѣтовъ по плану, мною объясненному. Скорый успѣхъ въ томъ отнесется къ совершенному безпристрастію вашему и доставитъ благополучіе ея высочеству. Притомъ я поставлю себѣ за пріятный долгъ обстоятельство сіе примѣнить къ пользамъ вашимъ и предъ Его Императорскимъ Величествомъ справедливо изобразить оное какъ дѣйствіе ревностнаго вашего къ пользѣ службы усердія. Всякое же отклоненіе отъ немедленнаго исполненія сего препорученія, ни ея высочеству вашей родственницѣ, ни вашей свѣтлости не можетъ быть полезно. Къ тому же еще прибавлю, что въ первомъ случаѣ я ставлю себя порукою за благость монаршую, а въ послѣднемъ не возьму никакого участія, и при томъ мѣра сія должна непремѣнно совершиться, потому что я имѣю о семъ точное высочайшее повелѣніе Его Императорскаго Величества, чтобы взять ея высочество, гдѣ бы она ни была. Слѣдовательно, я изъ одного уваженія къ вамъ, не желалъ бы, чтобъ въ самомъ домѣ вашемъ могла случиться вамъ сія непріятность.

Съ особливѣйшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга Александръ Тормасовъ.

18 Октября 1810 г.
Тифлисъ.

VIII.

Свѣтлѣйшая княгиня Нина Георгіевна, милостивая государыня моя!

Къ крайнему удивленію моему извѣстился я, что свѣтлѣйшій сынъ вашъ князь Леванъ, соединенно дѣйствовавшій съ войсками Его Императорскаго Величества противъ мятежныхъ Имеретинцовъ въ Вокинской провинціи 8-го числа прошедшаго Іюля, захвативъ въ плѣнъ своими Мингрельскими войсками двухъ важныхъ бунтовщиковъ, князя Зураба Бучела-швили Микилядзе *) и князя Николая Пипія-швили Абашидзева, съ нѣсколькими при нихъ дворянами и мужиками, не выдалъ ихъ по требованію генералъ-маіора Симоновича, для примѣрнаго наказанія, предписаннаго законами, а отпустилъ за деньги на свободу, кромѣ князя Микилядзева, который, при отправленіи его въ Мингрелію съ малымъ прикрытіемъ, былъ отбитъ встрѣтившеюся мятежною шайкою. Сіи же государственные преступники, купивъ за деньги свою свободу, опять вооружались ко вреду войскамъ Его Императорскаго Величества. Столь важный и никогда неожиданный мною случай со стороны свѣтлѣйшаго сына вашего заставляетъ меня сказать истину, что подобное поведеніе нимало не соотвѣтствуетъ тѣмъ высочайшимъ милостямъ, коими свѣтлѣйшій домъ Дадіановыхъ имѣетъ счастье въ избыткѣ пользоваться отъ щедротъ Его Императорскаго Величества и, если бы не имѣлъ я искренняго къ вамъ усердія, то по долгу моему немедленно довелъ бы о семъ до высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора и увѣренъ въ томъ, что важное обстоятельство сіе принято было бы Его Императорскимъ Величествомъ съ крайнимъ неудовольствіемъ. Но одно уваженіе къ прежнимъ заслугамъ вашей свѣтлости и вашего сына удержало меня исполнить сіе, и то въ томъ только предположеніи, что проступокъ сей немедленно будетъ заглаженъ непремѣнною поимкою отпущенныхъ сыномъ вашимъ бунтовщиковъ и представленіемъ оныхъ къ правителю Имеретіи, господину генералъ-маіору Симоновичу, чего я и требую безотлагательно. Между тѣмъ, на предбудущее время, почитаю за долгъ сдѣлать извѣстнымъ вашей свѣтлости, что никто изъ подданныхъ Его Императорскаго Величества не можетъ имѣть права располагать плѣнными, кои взяты будутъ на службѣ Государя Императора, и обязанъ всякій представлять ихъ главному начальству, которое одно, слѣдуя постановленіямъ, на сей слу-

*) Микеладзе.

чай изданныхъ, можетъ ими располагать сообразно съ государственными пользами, что свѣтлѣйшій сынъ вашъ не только обязанъ былъ самъ исполнить, но и строго смотрѣть за исполненіемъ сего и его подвластными. Особливо же сіи люди были внутренніе бунтовщики, подлежащіе суду, а не внѣшніе непріятели, притомъ христіане и подданные одного Государя Императора съ Мингрельцами, слѣдовательно и не могли быть плѣнниками въ рукахъ частныхъ, а принадлежали Россійскому правительству.

Съ особливѣйшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга Александръ Тормасовъ.

18 Октября 1810.
Тифлисъ.

Мингрельская правительница княгиня Нина, при взятіи Потинской *) крѣпости, внушеніями своими склонила перейти на свою сторону Потинскаго и Батумскаго князя Кочубея.

Князь Кочубей, внявъ совѣту ея свѣтлости, въ доказательство усердія своего и преданности, далъ присягу на подданство Россіи. При семъ случаѣ правительница, имѣя главною цѣлію выгоды Имперіи, обязала его, при первомъ движеніи Россійскихъ войскъ, сдать ей Батумскую крѣпость. Но приведеніе сего въ дѣйствіе пріостановила тогда смерть князя Кочубея.

Между тѣмъ правительница, бывъ уже готова отправиться въ Россію, остановилась отъѣздомъ для нужныхъ въ семъ случаѣ распоряженій. Мѣры, принятыя ею, склонили въ ея пользу державшаго противную сторону, Потинскаго же князя Сосланъ-бея, двоюроднаго брата умершему. Правительница привела его, такъ равно и брата его Алибея, на подданство Россійское къ присягѣ и въ большее утвержденіе вѣрности взяла отъ нихъ аманатовъ. Сверхъ того, по совѣту правительницы, Сосланъ-бей далъ обѣщаніе жениться на вдовствующей княгинѣ, супругѣ князя Кочубея, находящейся донынѣ въ Батумской крѣпости. Вступить въ союзъ сей они имѣютъ и взаимное желаніе. И, наконецъ, Сосланъ-бей обязался, по вступленіи своемъ въ Батумскую крѣпость, ожидать приказанія правительницы о сдачѣ ей крѣпости.

Правительница съ своей стороны удостовѣрила его священнымъ именемъ Его Императорскаго Величества въ высочайшемъ покровительствѣ и, по мѣрѣ заслугъ его и усердія, о всемилостивѣйшемъ награжденіи.

---

*) Потійской, нынѣ городъ Поти.

Джикетскій князь Цани-баія-Леванъ, по приглашенію Мингрельской правительницы княгини Нины, черезъ зятя ея князя Манучара-Шервашидзе, изъявилъ ея свѣтлости усердное желаніе призвать на себя покровительство Россійское, и присоединиться въ подданство Имперіи, если удостоенъ будетъ за преданность и усердіе всемилостивѣйшаго награжденія.

Присоединеніе сей области къ Имперіи Всероссійской приведетъ въ совершенную зависимость всѣ народы, населяющіе ущелья горъ Кавказскихъ, и тѣмъ положится навсегда преграда ихъ хищничеству; потому что они тогда принуждены будутъ признать надъ собою могущество и высочайшую власть Имперіи Всероссійской.

Для приведенія сего въ дѣйствіе, князь Джикетскій ожидаетъ только рѣшительнаго отвѣта отъ правительницы.

Владѣніе Батумское и Джикетское заключаютъ въ себѣ болѣе двадцати тысячъ дворовъ жителей [1]).

IX.

Свѣтлѣйшая княгиня Нина Георгіевна, милостивая государыня!

Родной зять вашей свѣтлости Абхазскій владѣлецъ Сафиръ-Али-бекъ, изъ уваженія къ ходатайству вашему въ его пользу принятый въ подданство и покровительство Россійскій Имперіи, осчастливленный великодушными щедротами Его Императорскаго Величества, возстановленный въ правѣ владѣтеля Абхазіи и поддерживаемый побѣдоносными Россійскими войсками, охраняющими его владѣніе, по доходящимъ ко мнѣ свѣдѣніямъ мало старается соотвѣтствовать милосерднымъ благопопеченіямъ объ немъ Его Императорскаго Величества, пребываетъ въ бездѣйствіи, не имѣя попеченія объ уничтоженіи партіи отцеубійцы брата его Арсланъ-бека, могущей въ послѣдствіи быть для него опасною и пренебрегаетъ совѣтами подаваемыми ему Россійскимъ чиновникомъ, защищающимъ Сохумскую[2]) крѣпость, относящимся единственно къ собственной его пользѣ и безопасности народовъ, высочайше управленію его ввѣренныхъ. И такъ, уважая единственно вашу свѣтлость и чистосердечно желая добра вашему родственнику Сафиръ-Али беку, я почелъ за нужное дать ему дружескій мой совѣтъ, какимъ образомъ онъ долженъ вести себя и достигать пути къ счастію, его ожидающему.

---

[1]) Грузинскій переводъ имѣетъ дату: 1811 года, Февраля 25.

[2]) Сухумъ по нынѣшнему Русскому произношенію и Сохумъ по Грузинскому произношенію.

Копію съ письма моего къ нему по сему предмету я за нужное почелъ для свѣдѣнія вашего препроводить къ вашей свѣтлости, прося покорнѣйше васъ, милостивая государыня, чтобы вы по вліянію, какое имѣете надъ Сафиръ-Али-бекомъ возбудили его къ дѣятельности и наставили на путь правый, по которому онъ достигнетъ до истиннаго благополучія чрезъ вѣрность свою и усердіе къ пользамъ службы Его Императорскаго Величества. Пріймите въ протчеть увѣреніе въ чувствованіяхъ непремѣннаго моего къ вамъ почтенія и усердной преданности, съ коими имѣю честь быть вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга Александръ Тормасовъ.

15 Марта 1811. Тифлисъ.

X.

Милостивый государь, графъ Николай Петровичъ!

При отъѣздѣ въ Санктпетербургъ правительницы Мингреліи княгини Нины Георгіевны, я непремѣнною обязанностью для себя поставляю засвидѣтельствовать передъ вашимъ сіятельствомъ объ отличныхъ подвигахъ подъемлемыхъ ея свѣтлостью на пользу службы его Императорскаго Величества. Сверхъ попечительности ея о внутреннемъ устройствѣ Мингреліи, въ чемъ она довольно предуспѣла, усердіе ея ознаменовано многими полезными дѣлами. Ваше сіятельство изволите уже быть извѣстны, сколь дѣятельно она и сынъ ея, князь Леванъ Дадіанъ, содѣйствовали при взятіи крѣпости Поти, употребивъ свои войска въ помощь отряду, осаждавшему сію крѣпость: въ двухъ экспедиціяхъ на Имеретію и въ экспедиціи на Ахалцыхъ, войска Мингрельскія каждый разъ въ числѣ двухъ тысячъ находились на собственномъ иждивленіи подъ предводительствомъ сына ея владѣтельнаго князя Левана Дадіана, подобнаго ей въ усердіи къ Его Императорскому Величеству. Пріобрѣтеніе граничащей съ Мингреліею Абхазіи въ подданство Всероссійской Имперіи есть плодъ ея ревности къ пользамъ дѣлъ Его Императорскаго Величества. Нынѣ она вновь оказала неутомимость, заслуживающую всемилостивѣйшаго воззрѣнія: усмотрѣвъ, что зять ея высочайше утвержденный владѣльцемъ Абхазіи, князь Георгій Шервашидзевъ, имѣетъ надобность въ ея помощи для приведенія въ устройство внутреннихъ дѣлъ въ Абхазіи, она немедленно отправила къ нему часть своихъ войскъ, посредствомъ коихъ владѣлецъ Абхазскій успѣлъ не только вытѣснить мятежнаго брата своего отцеубійцу Арсланъ-бека, удалившагося въ Трапизонтъ, но и привесть въ подданство Его Императорскаго Величества и повиновеніе себѣ нѣсколько независимыхъ Джикетскихъ обществъ. Не ограничиваясь на семъ успѣхѣ и ища случаевъ дѣйствовать въ пользу службы Его Императорскаго Величества,

ея свѣтлость, не взирая на дальнее разстояніе и на суровость погоды, предприняла весьма трудный путь въ крѣпость Сухумъ-Кале, гдѣ теперь имѣетъ свое пребываніе зять ея Абхазскій владѣлецъ. Слѣдствіемъ же сего предпріятія она успѣла черезъ благоразумныя внушенія примирить съ Абхазскимъ владѣльцемъ двоюродныхъ его братьевъ Сосланъ-бека и Али-бека, довольно сильныхъ въ Абхазіи и враждовавшихъ противъ него въ сообществѣ съ отцеубійцею, черезъ что возстановлено въ Абхазіи спокойствіе и, сверхъ того, Сосланъ-бека, ближайшаго родственника умершему Батумскому владѣльцу, призываемаго обитателями Батума принять надъ ними правленіе, успѣла согласить сдать намъ Батумъ и все владѣніе на условіи, если будетъ онъ высочайше утвержденъ въ таковыхъ правахъ, коими имѣютъ счастье пользоваться свѣтлѣйшіе домы князей Дадіановъ, Гуріеловъ и Шарвашидзевыхъ, что̀ мною ему и обѣщано священнымъ именемъ Его Императорскаго Величества, съ обнадеживаніемъ тѣмъ, что къ успѣху сего предпріятія онъ получитъ содѣйствіе отъ крейсирующихъ теперь у береговъ Мингрельскихъ военныхъ судовъ Черноморской флотиліи и отъ правителя Имеретіи, генералъ-маіора Симоновича, имѣющаго отъ меня предписаніе распорядиться къ проведенію въ дѣйствіе сего полезнаго преднамѣренія, сообразно съ мѣстными обстоятельствами. Притомъ стараніями ея свѣтлости княгини Нины Георгіевны уговорена родительница Абхазскаго владѣльца, Ребія-Ханумъ, отправиться къ сосѣднимъ со Абхазіею Цибельскимъ князьямъ Маршаніебовымъ, роднымъ ея братьямъ, управляющимъ независимыми обществами сего воинственнаго Цибельскаго народа съ тѣмъ, чтобы преклонить ихъ вступить въ подданство Его Императорскаго Величества и признать надъ ними зависимость Абхазскаго владѣльца, въ успѣхахъ чего письменно обнадеживаетъ меня вышеупомянутая Ребія-Ханумъ.

О каковыхъ подвигахъ ея свѣтлости изложивъ передъ вашимъ сіятельствомъ во всей безпристрастной истинѣ, обязываюсь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, довести до высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества о примѣрномъ усердіи ея, вѣрности и преданности къ всемилостивѣйшему Государю Императору и оказать ея свѣтлости милостивое ваше покровительства по ея дѣламъ. Съ особливѣйшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга. Подлинное подписалъ Александръ Тормасовъ.

30-го Мая 1811-го. Тифлисъ.

Его сіятельству графу Н. П. Румянцову.

XI.

Свѣтлѣйшая княгиня Нина Георгіевна, милостивая государыня!

Изъ прилагаемой при семъ копіи съ отношенія моего къ господину государственному канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцеву, въ коемъ я, руководствуясь справедливостію, сообщилъ ему о всѣхъ похвальныхъ дѣйствіяхъ вашей свѣтлости, предпринятыхъ на пользу службы Его Императорскаго Величества, съ предстательствомъ моимъ чрезъ него о всемилостивѣйшемъ возрѣніи на ваши истинныя заслуги, вы, милостивая государыня, усмотрѣть изволите, что я по усердію моему къ вамъ и искреннему расположенію готовъ всегда отдавать справедливость вашимъ достоинствамъ и быть усерднѣйшимъ въ пользу вашу ходатаемъ.

Побуждаясь всегда постояннымъ желаніемъ моимъ споспѣшествовать лучшему устроенію вашихъ дѣлъ, я долгомъ моимъ счелъ при семъ случаѣ предложить вашей свѣтлости дружескій и искренній мой совѣтъ, если угодно будетъ вамъ, милостивая государыня, послѣдовать оному для собственныхъ вашихъ выгодъ и спокойствія всей Мингреліи: именно же, не входя ни въ какія подробности, касающіяся до фамильныхъ вашихъ неудовольствій и разсчитывая единственно пользу службы Его Императорскаго Величества вмѣстѣ съ собственными вашими выгодами, я прошу покорнѣйше вашу свѣтлость, прежде вашего отъѣзда въ Санктъ-Петербургъ, возстановить прочное спокойствіе во владѣніи вашемъ чрезъ великодушное забвеніе всѣхъ неудовольствій, кои вы имѣете къ зятю вашему князю Бери-Геловани и къ братьямъ покойнаго супруга вашего князьямъ Дадіановымъ. Увѣренъ я, что они прощеніе ваше и милостивое имъ покровительство пріимутъ съ душевною благодарностью, и вмѣсто взаимной вражды, нарушающей нынѣ спокойствіе свѣтлѣйшаго вашего дома, покровительствуемаго его Императорскимъ Величествомъ, поселится въ нихъ чувствованіе признательности къ благодѣяніямъ вашимъ и истинной къ вамъ преданности, доставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ничѣмъ ненарушимый покой и всему вашему владѣнію. Впрочемъ, предоставляя сіе собственному благоразумію вашему и доброжелательнымъ свойствамъ души вашей, я имѣю честь пребыть навсегда съ особливѣйшимъ къ вамъ почтеніемъ и совершенною преданностію вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга Александръ Тормасовъ.

30-го Мая 1811-го. Тифлисъ.

(*Сообщилъ А. С. Хахановъ*).

ПИСЬМА РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ПАРѲЕНІЮ, АРХІЕПИСКОПУ ВОРОНЕЖСКОМУ *).

Съ предисловіемъ и примѣчаніями профессра И. Н. Корсунскаго.

Парѳеній, въ мірѣ Павелъ Васильевичъ Чертковъ. сынъ Московскаго діакона, родился въ 1782 году, 10 Августа. Съ 1790 и по 1803 годъ онъ обучался въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи и по окончаніи курса въ той же Академіи состоялъ учителемъ, сперва низшаго грамматическаго класса, потомъ, съ 1805 года, поэзіи и затѣмъ съ 1808 г., риторики. Въ Октябрѣ 1810 года былъ постриженъ въ монашество. въ 1811 году опредѣленъ префектомъ Академіи и произведенъ въ санъ архимандрита Московскаго Крестовоздвиженскаго (съ 1814 г. упраздненнаго) монастыря. Въ 1814 году 12 Августа опредѣленъ настоятелемъ Лужецкаго монастыря и 19-го того же мѣсяца назначенъ ректоромъ Виѳанской Духовной Семинаріи. Въ 1817 г. переведенъ на должность ректора Московской Семинаріи, съ назначеніемъ въ настоятеля Заиконоспасскаго монастыря. Въ 1819 году перемѣщенъ въ Ставропигіальный Донской монастырь настоятелемъ и назначенъ членомъ Московской Синодальной Конторы. Въ 1821 году 21 Августа рукоположенъ въ епископа Владимирскаго и на этой каѳедрѣ въ 1833 году, Декабря 25, возведенъ въ санъ архіепископа. Въ 1850 г., Февраля 25, перемѣщенъ былъ въ Воронежъ и здѣсь скончался 5 Августа 1853 года.

Такимъ образомъ преосвященный Парѳеній, находясь въ Москвѣ, былъ свидѣтелемъ многихъ событій и между прочимъ нашествія Французовъ въ 1812 году, при чемъ его монастырь, Крестовоздвиженскій, на Воздвиженкѣ, что̀ нынѣ приходская церковь, подвергся разоренію и сожженію. Объ этомъ, равно какъ и вообще о гибельныхъ слѣдахъ пребыванія Французовъ въ Москвѣ, Парѳеній писалъ извѣстному ученому, впослѣдствіи митрополиту Кіевскому Евгенію Болховитинову, и Евгеній отвѣчалъ ему письмомъ, напечатаннымъ въ *Русскомъ Архивѣ* за 1889 годъ (III, 379).

Во Владимірѣ ему пришлось управлять епархіею очень обширною, имѣвшею многочисленное населеніе, а потому большое число приходовъ и

---

*) Воронежскимъ преосвященный Парѳеній былъ въ концѣ своей жизни, а долѣе всего онъ святительствовалъ на Владимирской каѳедрѣ и потому болѣе извѣстенъ съ именемъ архіепископа Владимирскаго.

церквей, учебныхъ заведеній и учащихся, значительное число раскольниковъ и разныхъ сектантовъ среди народа, и т. д. Все это, понятно, осложняло и затрудняло епархіальное управленіе, вызывало нерѣдкія недоумѣнія, за разрѣшеніемъ которыхъ преосвященному Парѳенію настояла надобность обращаться письменно къ старѣйшимъ, имѣвшимъ значеніе въ общемъ управленіи Россійскою церковію, іерархамъ сей послѣдней. За тѣмъ и по сопредѣльности епархій нерѣдко настояла надобность въ рѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ, спорныхъ дѣлъ, въ разграниченіи правъ, обязанностей и притязаній сторонъ той и другой епархіи, и т. п. Наконецъ, и вообще потребность живого обмѣна мыслей, мнѣній, желаній и чувствъ, важнаго и въ административномъ отношеніи, и въ личныхъ сношеніяхъ, вызывала переписку, особенно въ такихъ общительныхъ людяхъ, какимъ былъ преосвященный Парѳеній. О немъ въ „Капищѣ сердца князя Ив. Мих. Долгорукова", напечатанномъ на страницахъ *Русскаго Архива* за 1890 годъ, сказано: „Парѳеній, архимандритъ Донскаго монастыря, умный и чувствительнѣйшій человѣкъ. Я началъ его знать еще простымъ монахомъ; проповѣди его наполнены душевнаго витійства. По сходству нѣкоторыхъ свойствъ нашего характера, я съ нимъ скоро сдѣлался знакомъ и пріятелемъ. Онъ отпѣвалъ и предалъ землѣ тѣло меньшей дочери моей, Евгеніи, плакалъ вмѣстѣ со мной, когда мнѣ бывало грустно, и благодушествовалъ, когда Небо посылало мнѣ отраду. Онъ неоднократно служилъ у меня въ домовой церкви и посѣщалъ съ усердіемъ, въ разлукѣ писывалъ непринужденно, и во всемъ, что до меня касалось, принималъ живое участіе, защищалъ меня противъ клеветы, но никогда не льстилъ въ глаза и обличалъ мои пороки въ дружеской и сокровенной бесѣдѣ. Вотъ почему я люблю Парѳенія и буду помнить объ немъ во всю жизнь мою" [1]). И чрезъ десять лѣтъ по кончинѣ преосвященнаго Парѳенія митрополитъ Московскій Филаретъ хорошо знавшій и цѣнившій его отзывался такъ о Владимирскомъ періодѣ его дѣятельности: „Прежде здѣсь [2]) долго не сильно дѣйствовалъ, но привлекалъ къ себѣ добродушіемъ покойный преосвященный Парѳеній" [3]). Отзывъ, по обычаю, сдержанный, но превосходно характеризующій ту особенную черту преосвященнаго Парѳенія, которая и къ нему привлекала сердца знавшихъ его людей, и его самого влекла къ сердечному общенію съ ними и къ перепискѣ.

Переписка преосвященнаго Парѳенія была весьма обширна и уже въ значительной части своей оглашена въ печати. Такъ, письма къ нему разныхъ архипастырей были напечатаны въ *Православномъ Обозрѣніи* за 1872 г., въ *Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей дух. просвѣщенія* за 1877 г., въ *Душеполезномъ Чтеніи* за 1883 и 1891 гг., въ *Русскомъ Архивѣ* за 1889 г.;

---

[1]) „Капище моего сердца", князя И. М. Долгорукова, стр. 257. Изданіе „Русскаго Архива".

[2]) Т. е. во Владимирѣ.

[3]) *Письма митр. Моск. Филарета къ высочайшимъ особамъ и другимъ лицамъ*, изд. покойнымъ архіеписк. Тверскимъ Саввою, ч. II, стр. 165. Тверь, 1888.

его письма къ разнымъ архипастырямъ были напечатаны во *Владимирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* за 1878 и дальнѣйшіе годы.

Издаваемыя нынѣ письма разныхъ лицъ, исключительно архипастырей Русской церкви, доселѣ нигдѣ не были напечатаны. Они затрогиваютъ многіе церковные вопросы, касаются лицъ, событій и учрежденій, имѣвшихъ болѣе или менѣе важное значеніе въ жизни Русской церкви за первую половину истекающаго столѣтія, весьма характерны и для представленія личностей какъ самого преосвященнаго Парѳенія, такъ и писавшихъ къ нему архипастырей и ихъ дѣятельности церковно-общественной. Сообщеніемъ этихъ писемъ обязаны мы урожденцу Воронежской епархіи, смотрителю Жировицкаго (Литовской епархіи) Духовнаго Училища Петру Ѳеодоровичу Полянскому, которому и пользуемся случаемъ выразить глубочайшую благодарность за это сообщеніе. Н. К.

I.

Письма Серафима, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго *).

1.

Преосвященнѣйшій владыко, любезнѣйшій о Господѣ братъ и другъ!

Изложенныя въ письмѣ вашемъ, по случаю дня ангела моего, истинно христіанскія и дружескія ваши ко мнѣ чувствованія и благожеланія тронули меня до глубины сердца. Въ полной мѣрѣ чувствую любовь вашу и утѣшаюсь ею. Да будетъ всегда посреди насъ Богъ мира и любви, и да поможетъ Онъ намъ, благодатію Своею, ходить достойно званія своего.

Прося святыхъ молитвъ вашихъ, съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и братскою къ вамъ любовію есмь и на всегда пребуду вашего преосвященства, возлюбленнаго о Господѣ брата и друга, усерднѣйшій слуга Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

12-го Ноября 1822-го года.

---

*) Серафимъ, въ мірѣ Стефанъ Васильевичъ Глаголевскій, родился 27 Дек. 1759 г. Постриженъ въ монашество въ 1787 году; въ 1790 г. префектъ и въ 1798 г. ректоръ Московской Славяно-греко-латинской Академіи; въ 1799 г. 25 Дек. епископъ Дмитровскій, викарій Московской митрополіи; въ 1804 г. епископъ Витскій; въ 1805 г. — Смоленскій; 1812 г. архіепископъ Минскій; 1814 г. Тверскій и членъ Св. Синода; 1819 г. митрополитъ Московскій и съ 29 Іюня 1821 года—Новгородско-С.-Петербургскій. Скончался 17 Января 1843 года. Слѣдовательно знакомство его съ преосвященнымъ Парѳеніемъ началось еще съ Московской Славяно-греко-латинской Академіи и закрѣпилось въ бытность преосвященнаго Серафима на Московской митрополіи. Письма митрополита Серафима, нынѣ издаваемыя, числомъ пять, частію собственноручныя, частію писанныя другою рукою и только подписанныя митрополитомъ или сопровождаемыя его собственноручнымъ P. S.

P. S. Искренно жалѣю, что здравіе ваше слабо и скудно; а и мое не крѣпче вашего. Атмосферу отъ смраду М— [1]) очистилъ самъ Господь Богъ; вы счастливы, что у васъ его не было и нѣтъ. Когда бъ его нигдѣ вовсе не было! Поелику онъ весьма тяжелъ и вреденъ для головы и для сердца тѣхъ, кои любятъ истину, любятъ Бога Спасителя своего.

Почтеннѣйшему вашему господину губернатору [2]), коего я люблю за его благочестіе, прошу засвидѣтельствовать мое искреннее почтеніе [3]).

2.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ и сослужитель!

Получивъ пріятнѣйшее писаніе ваше, коимъ вы поздравляете меня со всерадостнымъ воскресенія Христа Спасителя нашего торжествомъ [4]), поспѣшаю принести вашему преосвященству и мое взаимное съ симъ же великимъ праздникомъ поздравленіе, сопровождая оное искреннѣйшимъ моленіемъ ко Господу Богу, да Духъ Его, воскресившій Христа изъ мертвыхъ, присно живетъ въ васъ и дѣйствуетъ такъ, чтобы добрыя дѣла ваши, ваше терпѣніе, кротость и любовь, были убѣдительнымъ для каждаго свидѣтельствомъ, что воистину Христосъ воскресе.

Прося себѣ святыхъ молитвъ вашихъ и продолженія вашей любви, есмь съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и братскою любовію вашего преосвященства усерднѣйшій слуга [5]) Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

10 Апрѣля 1825 года.

P. S. Сердечно радуюсь, что здравіе ваше поправляется. Дай Богъ, чтобы оно совершенно утвердилося! [6]) Преосвящ. митрополитомъ Евгеніемъ я весьма доволенъ. Пастырь отличнѣйшій по всему. Я въ немъ имѣю себѣ наилучшаго сотрудника [7]). Дѣла наши церковныя идутъ, слава Богу, довольно хорошо.

---

[1]) Чтó здѣсь разумѣется, трудно сказать въ точности. Предполагаемъ,—мистицизма, противъ котораго митрополитъ Серафимъ, съ самаго начала своего перемѣщенія изъ Москвы въ сѣверную столицу (гдѣ сдѣлался, по своему положенію, первенствующимъ членомъ Святѣйшаго Синода) повелъ сильную борьбу, вспомоществуемый такими споспѣшниками, какъ графъ Аракчеевъ, архимандритъ Фотій и др. Воззрѣнія его на мистицизмъ довольно извѣстны. Сравни между прочимъ въ *Русскомъ Архивѣ* за 1868 г., стр. 941, письмо его къ императору Александру I отъ 11 Дек. 1824 г.

[2]) Графу Петру Ивановичу Апраксину († 1852 г.).

[3]) Письмо все собственноручное.

[4]) Это поздравительное письмо преосв. Пареенія къ митрополиту Серафиму напечатано во *Влад. Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1878 г. стр. 200—201 части неоффиціальной.

[5]) Въ письмѣ только подпись и P. S. собственноручны.

3.

Преосвященнѣйшій владыко, почтенный о Господѣ братъ и сослужитель.

Коммиссія духовныхъ училищъ, въ сообразность съ высочайшимъ Его Императорскаго Величества указомъ отъ 11-го Генваря сего 1828 года о изысканіи способовъ къ лучшему устройству духовенства и успѣшнѣйшему образованію духовнаго юношества, занимаясь пересмотромъ училищныхъ уставовъ, нашла нужнымъ постановить слѣдующія правила:

1) Наблюдать, чтобы предметы ученія, существенно относящіеся къ духовному образованію и церковному служенію, преподаваемы были съ преимущественнымъ вниманіемъ.

2) На семъ основаніи наблюдать между прочимъ, чтобы ученики низшихъ училищъ тщательно обучаемы были церковному чтенію и пѣнію и, переходя въ высшія, не переставали въ свободные отъ ученія дни заниматься чтеніемъ и пѣніемъ въ церквахъ, по распоряженію, какое по мѣстнымъ обстоятельствамъ за удобнѣйшее признано будетъ.

3) При переводахъ учениковъ въ высшіе классы, употреблять предусмотрительность, чтобы до слушанія высшихъ наукъ, какъ-то философіи и богословія, допускаемы были ученики достаточно наставленные въ приготовительныхъ наукахъ и не слишкомъ младолѣтные, а

---

6) „О себѣ смѣю доложить, писалъ митрополиту Серафиму отъ 23 Марта означеннаго 1825 года преосвящ. Парѳеній, что по милости Божіей чувствую себя лучше прежняго, хотя силы скудны и грудь отъ стѣсненія болитъ". *Владим. Епарх. Вѣдомости* за 1878 г. стран. 201 части неоффиціальной.

7) Эти слова служатъ отвѣтомъ на замѣчаніе преосвящ. Парѳенія въ томъ же письмѣ отъ 23 Марта: „Я думаю, вамъ теперь поотраднѣе съ преосв. митрополитомъ Кіевскимъ. Пастырь добрый: я 'пользовался милостями его съ преосв. Симеономъ въ Вологдѣ, которыя всегда памятую и чувствую". Въ Вологдѣ это было именно въ 1812 году когда архимандритъ Парѳеній, какъ настоятель монастыря, долженъ былъ удалиться съ монастырскими сокровищами туда изъ Москвы; а Евгеній былъ епископомъ Вологодскимъ, въ то время и оттуда писалъ ему въ слѣдующемъ 1813 году письмо, напечатанное, какъ мы замѣтили выше, въ *Русскомъ Архивѣ* за 1889 г. Для борьбы съ Библейскими обществами, порожденными мистицизмомъ, митрополитъ Серафимъ въ концѣ 1824 года, послѣ сверженія министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, во главѣ коего дотолѣ стоялъ извѣстный князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, просилъ Государя Императора вызвать въ Синодъ Кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова. См. о семъ письмо его къ Государю Императору въ *Русскомъ Архивѣ* за 1868 годъ, стр. 941 и 942. Извѣстно также, что митрополитъ Евгеній въ концѣ 1824 года, когда буря поднималась и противъ Московскаго митрополита Филарета, какъ сочувствовавшаго Библейскому Обществу, критиковалъ катихизисъ его. Подробнѣе объ этомъ можно читать въ нашихъ изслѣдованіяхъ о митроп. Филаретѣ, помѣщенныхъ во II томѣ Филаретовскаго юбилейнаго сборника, изданнаго въ 1883 году Московскимъ обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія. Срав. также *Русскій Вѣстникъ* 1883 г. кн. 1.

дѣтей незрѣлаго ученія и возраста удерживать въ низшихъ классахъ для усовершенствованія въ свойственныхъ имъ предметахъ ученія.

4) Для точности въ испытаніи учениковъ, назначаемыхъ къ переводу въ высшіе классы, употреблять въ пособіе тѣхъ учителей, къ которымъ они по переводу поступить должны, которымъ и наблюдать, чтобы къ переводу избираемы были достаточно приготовленные въ низшихъ классахъ.

5) Сообразно съ предыдущимъ правиломъ знаніе Латинскаго языка въ приготовляемыхъ къ переводу изъ Уѣзднаго Училища [1]) въ Семинарію должно быть доведено до того, чтобы они знали синтаксисъ сего языка совершенно, и могли какъ переводить съ онаго и на оный, такъ и разумѣть говорящаго наономъ и отвѣтствовать.

6) Для удобнѣйшаго надзора за поведеніемъ учениковъ въ училищахъ многолюдныхъ, съ утвержденія мѣстнаго преосвященнаго архіерея, присоединять къ инспектору помощника изъ профессоровъ [2]) или учителей, особенно заслуживающаго довѣріе начальства, и прохожденіе сей должности означать въ послужныхъ спискахъ.

7) Въ аттестатахъ и свидѣтельствахъ степень ученія и достоинство поведенія означать со всевозможною точностію и безпристрастіемъ, дабы по пристрастнымъ свидѣтельствамъ не прокрадывались въ духовную службу люди къ ней неспособные или ея недостойные.

По препорученію Коммиссіи сообщая вамъ вышеизъясненныя правила къ исполненію, долгомъ считаю присовокупить, что училищнымъ правленіямъ сдѣланы уже предписанія объ оныхъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего преосвященства усерднымъ слугою Серафимъ, митрополитъ Новгородскій [3]).

№ 1.011.
19 Мая 1828 года.

---

[1]) По уставамъ 1808—1814 годовъ высшими духовно-учебными заведеніями были академіи, средними—семинаріи, а низшія именовались уѣздными и приходскими, при чемъ послѣднія представляли собой низшую ступень уѣздныхъ.

[2]) По тѣмъ же уставамъ профессорами именовались не только наставники академій, но и изъ семинарскихъ преподавателей тѣ, которые имѣли ученую степень магистра богословія; прочіе (т. е. кандидаты и дѣйствительные студенты) именовались и подписывались учителями.

[3]) Собственноручна въ этомъ дѣловомъ письмѣ только подпись имени и титула. Въ началѣ сего письма преосвященный Парѳеній, по полученіи его, сдѣлалъ слѣдующую надпись (резолюцію): „Поелику изъ отношенія видно, что о исполненіи прописанныхъ правилъ училищнымъ правленіямъ уже сдѣланы предписанія, то сообщить копію въ сем. правленіе, оставивъ подлинное при моихъ дѣлахъ, поставивъ въ обязанность сем. правленію по 6-му правилу взойти ко мнѣ съ представленіемъ; о полученіи же отношенія и имѣющемъ быть по изображеннымъ въономъ правиламъ исполненіи отвѣтствовать. Маія 31 д. 1828 г.

4.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный братъ о Господѣ!

Обрадовался было я получивъ письмо ваше; но прочитавъ оное, крайне опечалился [1]). Да какъ мнѣ было и не печалиться? Ибо пріѣзжіе изъ Москвы увѣряли меня, что вы освободились отъ недуговъ своихъ, и въ доказательство сего поставляли, что вы нерѣдко стали выѣзжать и при томъ даже на обѣды; а вы пишете, что лѣченье ваше въ Москвѣ не помогло вамъ нисколько. О пользовавшемъ васъ докторѣ [2]) всѣ отзываются, что онъ опытнѣйшій и искуснѣйшій въ лѣченіи, и при томъ извѣстно мнѣ, что онъ вамъ родственникъ и душевно преданъ вамъ, и однакожъ, при всемъ искусствѣ своемъ, прилежаніи и усердіи, не вылѣчилъ васъ, то могу ль я надѣяться, что Владимирскіе лѣкари болѣе, нежели онъ, помогутъ вамъ? Итакъ остается надежда на Онаго токмо великаго Врача, Который исцѣляетъ всѣ недуги безъ всякихъ лѣкарствъ, единымъ словомъ Своимъ. Сего-то великаго Врача молю я, да изцѣлитъ васъ вскорѣ, и тѣмъ утѣшитъ паству вашу и всѣхъ любящихъ и почитающихъ васъ, въ числѣ коихъ есмь вашего преосвященства усерднѣйшій слуга Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

11-го Окт. 1832 года.

P. S. Мое здоровье вянетъ, какъ осенью листъ на деревѣ; но еще благодарю Господа Бога, не совсѣмъ увяло.

Дѣла ваши по Синоду и Комиссіи [3]), сколько помнится, рѣшены, а что не такъ скоро, тому причиною непомѣрное ихъ множество [4]).

Я очень радъ, что здравіе почтеннѣйшаго князя Сергѣя Михайловича [5]) поправляется. Дай Богъ, чтобъ онъ долѣе и долѣе украшалъ собою матушку Москву [6]).

---

[1]) Этого письма нѣтъ среди напечатанныхъ во *Владимирскихъ Еп. Вѣдомостяхъ*.

[2]) Гр. Як. Высоцкомъ († 1849), профессоръ хирургіи, пользовавшемъ постоянно и митрополита Московскаго Филарета.

[3]) Духовныхъ училищъ.

[4]) Преосвященный Парѳеній, какъ видно изъ писемъ его къ митрополиту Серафиму, ходатайствовалъ: а) по многолюдности Владимирской семинаріи о прибавкѣ казенныхъ вакансій ученическихъ къ прежнимъ 30-ти (и ихъ прибавлено еще 40), б) о разрѣшеніи къ постриженію въ монашество вдоваго священника для архіерейскаго дома своего, в) объ освобожденіи Спасо-Евѳиміева Суздальскаго монастыря отъ обязанности содержать ссыльныхъ на счетъ монастыря, и т. д.

[5]) Голицына, извѣстнаго Московскаго вельможи, въ 1832 году ѣздившаго за границу для лѣченія.

[6]) Князь С. М. Голицынъ скончался 7 Февр. 1859 года.

Елисавета Ростисл. сына своего еще не пристроила. Князь Грузинскій [1]) уѣхалъ въ Москву. Митр. Грузинскій [2]) полюбилъ васъ [3]). Добрый и почтенный старецъ! Я имъ очень доволенъ.

Дѣла святыя церкви нашея, благодареніе Господу Богу, текутъ очень хорошо такъ, что сердце радуется. Въ Перми до 12-ти тысячъ раскольниковъ обращаются на путь истины [4]); изъ уніатовъ немало также присоединяются къ св. церкви [5]).

---

[1]) Князь Грузинскій, знаменитый „царь Волжскій".

[2]) Іона Васильевскій, съ 1821 года экзархъ Грузіи, митрополитъ Карталинскій, съ 1832 года 5 Марта назначенъ былъ присутствующимъ въ Св. Синодѣ и, проѣзжая чрезъ Москву въ Петербургъ, встрѣтился съ лѣчившимся тамъ преосвященнымъ Парѳеніемъ. Скончался въ 1849 году.

[3]) Именно въ бытность въ Москвѣ въ 1832 году.

[4]) Въ Перми въ то время святительствовалъ извѣстный знатокъ раскола и борецъ съ нимъ, архіепископъ Аркадій Ѳеодоровъ, впослѣдствіи Олонецкій († 1870). Нѣсколько писемъ его къ преосвящ. Парѳенію будетъ приведено ниже.

[5]) Письмо все собственноручное. На это письмо, поздравляя митрополита Серафима со днемъ ангела, преосвященный Парѳеній отвѣчалъ между прочимъ слѣдующее: „Сыновнюю приношу благодарность за отеческое ваше о мнѣ попеченіе. Вы удивляетесь, что сверхъ вѣстей отъ пріѣзжихъ объ улучшеніи моего здоровья, увѣрявшихъ васъ въ освобожденіи отъ недуговъ, тѣмъ что я не рѣдко выѣзжалъ, при томъ даже на обѣды, я разувѣряю васъ. Но истинно *не вѣсть человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ живущій въ немъ*. Выѣзжать я могъ: ибо еще до пріѣзда въ Москву отъ пластыря прописаннаго г. Высотскимъ, получилъ употребленіе ногъ, пораженныхъ сильнымъ скорбутомъ. Наружный видъ: обѣ щеки полнѣе отъ опухоли, какъ и теперь; даже пріятелей приводилъ въ сомнѣніе: *боленъ ли я...* Терпѣніе, дарованное мнѣ Господомъ, не обнаруживало тяжести скорби. Жестокость пароксизмовъ ревматическихъ оказывалась ночью то сильнымъ жаромъ, то томленіемъ... Каждый день принимаемыя минеральныя воды, послѣ многократнаго очищенія, располагали ко сну. Спать послѣ обѣда было запрещено: ибо сильный жаръ приливалъ къ головѣ. И вотъ злѣйшее искушеніе: ходить послѣ обѣда не было силъ, сидѣть дома и читать (а я охотникъ) еще болѣе наклоняло ко сну. И я *долженъ* былъ вслѣдъ послѣ обѣда проѣзжаться или въ какой-нибудь садъ, или обѣдать у другихъ, чтобы на людяхъ разсѣять сонъ, или сидѣть у другихъ, когда они обѣдаютъ. Жестокость болѣзни изъ того видна, что два мѣсяца пилъ минеральныя воды и въ тоже время бралъ минеральныя ванны, что составляетъ четыре курса, и другіе должны эту мѣру выполнить въ четыре года; впрочемъ теперь, по милости Божіей, служить продолжаю. Аппетитъ не худъ; органическаго поврежденія нѣтъ; а худо: разстройство сна отъ ночныхъ пароксизмовъ кишекъ, отъ сосредоточившагося въ животѣ ревматизма и желчи. Послѣднее опасно: боюсь, чтобы весною, аще Богъ благоволитъ дожить, скорбутъ опять не лишилъ ногъ. Буди воля Божія! Видно, чьи-либо молитвы доходятъ до Господа, что доселѣ живъ. На рукахъ моихъ много родныхъ племянницъ, которыхъ надобно было выдать въ замужество; нѣкоторыя изъ нихъ выданы, но и еще остались. Братья мои и одинъ зять умерли; теперь я старшій между родными.

Изволите писать, что здоровье ваше вянетъ, какъ листъ осенній на деревѣ, но не увяло; дай Богъ вамъ лѣта долги, при мирномъ и безгрѣшномъ со здравіемъ благоденствіи. Нынѣ плохи молодые, каковъ Орловскій (напримѣръ), но Высотскій замѣтилъ, что онъ поправился. Грузинскій митр. довольно, кажется, свѣжъ и бодръ. Очень благодаренъ ему за благосклонность ко мнѣ.

Радуюсь за святую церковь, что въ Перми расколъ утихаетъ и что немало и изъ уніатовъ присоединяется; о послѣднемъ я знаю отъ генерала Турчанинова; въ его вот-

5.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ и сослужитель!

Пріятнѣйшее вашего преосвященства писаніе, коимъ благоугодно было вамъ поздравить меня со днемъ ангела моего и при семъ случаѣ изъявить мнѣ благожеланія ваши, получилъ я съ особеннымъ удовольствіемъ. Принося вашему преосвященству за таковое ваше ко мнѣ благорасположеніе чувствительнѣйшую багодарность мою, честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и братскою любовію вашего преосвященства усерднѣйшій слуга Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

13-го Ноября 1837 года.

P. S. Здоровье мое слабо и плохо. Но я уже старъ [1]), а старость сама по себѣ уже есть болѣзнь [2]). Вы еще въ среднихъ лѣтахъ [3]), а слабы какъ какой-либо семидесятилѣтній старикъ. Вашему преосвященству очень нуженъ помощникъ не по одной сей причинѣ, а и по обширности паствы и множеству церквей. Я готовъ буду помогать вамъ, когда поступитъ отъ васъ по предмету сему просьба [4]).

чинѣ много обратилось; уповаетъ, что обратятся и въ вотчинѣ его покойнаго брата, имъ же управляемой. По всему видно, что расколъ поповщины ослабляется. И здѣсь довольно примѣровъ, и Молоканы у насъ стали потише. Вотъ злѣйшее и опасное сѣмя! Расколъ можетъ ослабнуть отъ обращенія съ людьми и отъ образованности. Но опасно, чтобы духоборство не усилилось: ибо совершенно снимаетъ узду съ воли и уклоняетъ разумъ отъ всякаго послушанія вѣрѣ. Но *не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля.*

Князь Грузинскій уже въ Москвѣ; князь Сергій Михайловичъ Голицынъ во Флоренціи и поправился въ здоровьѣ. Теперь въ Питерѣ добрый мой пріятель графъ П. Ив. Апраксинъ. Слухъ, что онъ назначенъ въ Москву на мѣсто генерала Волкова. Въ Ноябрѣ пріѣдетъ и другой мой пріятель, князь Александръ Борисовичъ Голицынъ; въ Саратовѣ теперь безъ него раскольники опять приподнялись“. См. *Владимирскія Епарх. Вѣдомости* за 1878 г. ч. неоффиц. стр. 451—453. Упоминаемый здѣсь Орловскій, разумѣется, епископъ Никодимъ, скончавшійся въ 1839 году далеко еще нестарымъ. Онъ былъ урожденецъ Владимирской епархіи и нѣкоторое время служилъ въ этой епархіи при епископѣ Парѳеніи, съ которымъ и въ перепискѣ состоялъ, какъ увидимъ далѣе.

[1]) Митрополитъ Серафимъ въ то время близился къ 80-лѣтнему предѣлу своей жизни.

[2]) Senectus ipsa morbus est.

[3]) Преосвящ. Парѳенію въ то время было 57 лѣтъ.

[4]) Въ этомъ письмѣ только подпись имени и P. S. собственноручны.

II.

Письма Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго [1]).

1.

Преосвященнѣйшій владыко! Почтенный о Господѣ братъ!

Коммиссіи храма[2]) совѣтникъ Дмитрій Николаевичъ Масловъ отправляется въ вашу область, съ порученіемъ по дѣлу Синжанскаго имѣнія Коммиссіи, довольно трудному и запутанному. Поелику самый добрый и благородный образъ мыслей его всегда располагаетъ меня къ участію въ немъ; а теперь вижу его по необходимости службы съ прискорбіемъ принимающаго на себя дѣло непріятное: то, желая утѣшить его, чѣмъ могу, вызвался я симъ письмомъ ввести его къ вашему преосвященству. Прошу принять его съ довѣренностію. Можетъ быть, онъ будетъ имѣть до васъ и надобность, для назначенія способныхъ духовныхъ лицъ къ увѣщанію, или другую, касающуюся духовной власти: споспѣшествуйте ему въ таковыхъ случаяхъ къ успѣху дѣла его. Естьли имѣете способъ споспѣшествовать тому, чтобы поставить его въ доброе отношеніе съ начальникомъ губерніи: и симъ сдѣлаете добро доброму человѣку, и конечно пользу дѣлу. *Аще что можеши, помози*; а и вамъ да поможетъ Богъ во всемъ благомъ, о чемъ благость Его прошу и себя молитвамъ вашимъ вручаю. Вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ митрополитъ Московскій [3]).

Марта 2. 1827.

---

[1]) Митрополитъ Филаретъ, въ мірѣ Василій Михайловичъ Дроздовъ, родился въ Коломнѣ 26 Декабря 1782 года; учился въ Коломенской (по 1799 г.) и Троицкой Лаврской Семинаріи, по окончаніи курса въ которой въ 1803 году въ ней же былъ учителемъ и въ 1808 году постриженъ въ монашество; въ концѣ того же года вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ сначала въ санѣ іеродіакона, потомъ вскорѣ іеромонаха, а въ 1811 году архимандрита и въ 1817 г. епископа Ревельскаго, состоялъ инспекторомъ С.-Петерб. Семинаріи и ректоромъ Александроневскаго училища, баккалавромъ, профессоромъ и ректоромъ (съ 11 Марта 1812 г.) Спб. Духовной Академіи. Въ 1819 году 15 Марта назначенъ архіепископомъ Тверскимъ съ званіемъ члена Св. Синода и съ оставленіемъ должности ректора Академіи. Въ 1820 г. Сентября 26 перемѣщенъ на каѳедру Ярославскую, а съ 3 Іюля 1821 года на каѳедру Московской митрополіи въ санѣ архіепископа, который носилъ до 22 Августа 1826 года, когда возведенъ въ санъ митрополита. Скончался 19 Ноября 1867 года. Преосвященнаго Парѳенія митрополитъ Филаретъ зналъ еще со времени служенія Парѳенія въ ректорской должности въ семинаріяхъ Виѳанской и Московской, которыя Филаретъ посѣщалъ въ качествѣ ревизора; за тѣмъ Филаретъ рукополагалъ Парѳенія во епископа и тогда же завязалъ съ нимъ переписку, которая въ значительной части уже напечатана (письма Парѳенія къ Филарету во *Владим. Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1879 и дальн. г., и письма Филарета къ Парѳенію въ *Правосл. Обозрѣніи* за 1872 г.

[2]) Т. е. вѣроятно Коммиссіи о построеніи храма на Воробьевыхъ горахъ.

[3]) Письмо все собственноручное. Въ началѣ его преосвящ. Парѳеній надписалъ

2.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Возвращаемъ вамъ преосвященнаго Павла [1]). Договаривайте ему, чего я не договорилъ, на дальнѣйшій путь. Есть на сіе и ваша обязанность: ибо вамъ надлежало болѣе занимать его консисторскими дѣлами, чрезъ что былъ бы онъ болѣе приготовленъ къ настоящему служенію.

При выборѣ къ вамъ ректора принимали въ соображеніе особенную важность мѣста, по многолюдству семинаріи: и выбрали по возможному удостовѣренію въ благонадежности [2]). Сколько знаю, нѣтъ вамъ причины сожалѣть, что не получили Ѳеодотія, хотя онъ и порядочный человѣкъ [3]).

Архитекторовъ имѣть при епархіяхъ конечно было бы не лишнее; но за сіе тогда уже приняться надобно, когда не будутъ голодны консистористы, благочинные, священники, канцелярскіе служители. По моему мнѣнію, о сихъ надобно подумать прежде. Если вы думаете строить семинарскій домъ на 800 человѣкъ [4]): то я вамъ удивляюсь. Я не понимаю, какъ можно такое число содержать вмѣстѣ. Какъ прокормить? Какъ усмотрѣть? Въ кадетскихъ корпусахъ помогаетъ строгость военная, но и тамъ многолюдство вредитъ.

„Получ. 4 д. Мар. и 5-го же дня дано мною чрезъ Консисторію предписаніе подлинное съ г-мъ Масловымъ къ благочинному села Бутылицъ свящ. Степану Операнскому о содѣйствіи. Отвѣт. 14 д. Марта“. Димитрій Николаевичъ Масловъ, впослѣдствіи статсъ-секретарь, управлявшій департаментомъ податей и сборовъ, скончался въ чинѣ тайнаго совѣтника 13 Февраля 1856 года.

[1]) Павелъ Подлипскій, бывшій ректоръ Владимирской Духовной Семинаріи и архимандритъ Переславскаго Данилова монастыря, урожденецъ Переславскаго же уѣзда Владимирской епархіи, 26 Мая 1830 года былъ рукоположенъ въ Москвѣ митрополитомъ Филаретомъ во епископа Костромскаго, при чемъ Филаретъ сказалъ ему въ назиданіе рѣчь (см. *Сочиненія митр. Моск. Филарета*, т. III, стр. 442—445. Москва, 1877). Преосвященный Павелъ, по выходѣ со службы на покой въ санѣ архіепископа Черниговскаго, скончался въ Переславскомъ же Троицкомъ монастырѣ, въ 1861 году.

[2]) Ректоромъ Владимирской Семинаріи, на мѣсто архимандрита Павла, назначенъ былъ архимандритъ Неофитъ Соснинъ, изъ ректоровъ Архангельской Семинаріи, человѣкъ очень дѣятельный. Прослуживъ до конца 1836 года во Владимирѣ, онъ затѣмъ рукоположенъ былъ во епископа Старицкаго, викарія Тверской епархіи, а въ 1838 году получилъ самостоятельную каѳедру Вятскую. Скончался въ 1868 году архіепископомъ Пермскимъ.

[3]) Здѣсь разумѣется магистръ С.-Петербургской Духовной Академіи выпуска 1823 года Ѳеодотій Озеровъ, урожденецъ Московской епархіи, съ 1823 по 1828 г., инспекторъ и профессоръ церковной исторіи въ Виѳанской Семинаріи, съ 1828 года ректоръ Оренбургской, а съ 1831 г. Рязанской Семинаріи. Скончался въ санѣ архіепископа Симбирскаго въ 1858 году.

[4]) 800 человѣкъ было всѣхъ семинаристовъ во Владимирѣ, какъ мы видѣли выше.

Отъ Арсенія выходца какъ Москва избавилась, такъ и впредъ прошу ее избавить. Нынѣшнее мѣсто его пребыванія здорово для его тѣла, и еще больше для души: а кто не знаетъ, что душа важнѣе тѣла? [1])

Радуюсь, что о. Анастасій здравствуетъ. Въ немъ есть доброе, достойное участія и подающее надежду. Только надобно ему болѣе смиренно мыслить, нежели смиреннословить. Вниманіе вашего преосвященства много ему помочь можетъ [2]).

За о. Владимира, подлинно, благодареніе Богу, что долгое и трудное поприще его кончилось благовременно и мирно [3]). О Мелхиседекѣ важное ли то, что̀ я имѣлъ честь говорить съ нимъ и потерялъ оную? Онъ объявлялъ о себѣ то, чего я не имѣю дерзости написать. Господь да спасетъ его, имиже вѣсть судьбами [4]).

---

[1]) Кто этотъ „выходецъ“ Арсеній, трудно сказать съ точностію. Не разумѣется ли здѣсь тотъ Святогробскій архимандритъ Арсеній, который былъ первымъ сборщикомъ подаяній на святыя мѣста Палестины въ Россіи, который своимъ страннымъ и небезукоризненнымъ поведеніемъ производилъ много шума и соблазна въ нашемъ отечествѣ, котораго съ трудомъ выжили изъ Москвы въ 1830-хъ годахъ и который впослѣдствіи сошелъ съ ума. См. о немъ *Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. Муравьеву*, стр. 2 и 3. Кіевъ, 1869.

[2]) Здѣсь разумѣется архим. Анастасій Воскресенскій, магистръ I курса Московской Духовной Академіи, бывшій ректоромъ въ нѣсколькихъ семинаріяхъ, въ 1829 году уволенный отъ ученой службы и въ 1830 году проживавшій на покоѣ въ Боголюбовѣ монастырѣ Владимирской епархіи, гдѣ онъ вскорѣ и скончался. О немъ упоминаетъ митроп. Филаретъ и въ другомъ письмѣ къ преосв. Парѳенію въ *Прав. Обозр.* 1872, II, 34—35.

[3]) Разумѣется, вѣроятнѣе всего, архимандритъ Владимиръ Третьяковъ, сынъ Московскаго священника, род. 1769 г., учился, учительствовалъ и былъ ректоромъ въ Московской Славяно-греко-латинской Академіи, въ то время, когда въ ней учился преосвящ. Парѳеній; въ концѣ 1801 года былъ уволенъ, за болѣзнію, отъ должности ректора; скончался на покоѣ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ 16 Апрѣля 1830 года.

[4]) Рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія объ архимандритѣ Мелхиседекѣ Сокольниковѣ, который съ 1821 по 1851 г. управлялъ Московскимъ Симоновымъ монастыремъ, былъ человѣкъ самолюбивый и обидчивый, любилъ слыть проповѣдникомъ, не имѣя однако достаточной къ тому подготовки, такъ какъ происходилъ изъ простыхъ ремесленниковъ (сапожниковъ) и не получилъ надлежащаго образованія. Покойный намѣстникъ Сергіевой Лавры архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ) разсказывалъ, что о. Мелхиседекъ просилъ семинаристовъ составлять для него проповѣди и выдавалъ ихъ за свои; мало того, по напечатаніи ихъ, спрашивалъ, какого мнѣнія о нихъ въ Академіи. Спрашиваемый просилъ у него дозволенія говорить откровенно; тотъ дозволялъ; тогда спрашиваемый говорилъ: „въ Академіи сказали о вашихъ проповѣдяхъ: нынѣ всякій сапожникъ хочетъ слыть проповѣдникомъ“. Это, разумѣется, очень сердило о. Мелхиседека. Скончался онъ вскорѣ по перемѣщеніи изъ Симонова въ Новый Іерусалимъ, въ настоятели же, 6 Января 1853 г. „Едва ли стоило труда, преосвященнѣйшій, писалъ въ Маѣ 1829 года къ викарію своему, епископу Дмитровскому Иннокентію (Сельнокринову), митрополитъ Филаретъ, писать цѣлый листъ, чтобы изобразить гнѣвъ Мелхиседека и Михайлова, отъ котораго ни Кремлевскія, ни Симоновскія стѣны не пали? Что̀ до меня принадлежитъ, я слышалъ только, что Симоновскій былъ недоволенъ за порученіе ему слѣдствія“, и проч. См. въ *При-*

Соскорблю вашей болѣзни. Но поелику Господь подкрѣплялъ духъ вашъ понести сіе тѣлесное бремя: то не оставляю надежды, что тою же силою Онъ и сниметъ, или хотя облегчитъ, сіе бремя. Да благопріятствуетъ вамъ лѣто: хотя, правда, весна нынѣшняя не очень ласкова.

Я пріѣхалъ изъ Петербурга въ Москву почти все въ шубѣ: здѣсь сниму ли оную? Лѣчусь: чувствую дѣйствіе укрѣпленія, но въ тоже время усиленіе припадковъ геморроидальныхъ. Мнѣ и теперь думается, какъ я и прежде вамъ говорилъ, что я иду слѣдомъ за вами. Простудная боль въ одномъ боку ходитъ у меня почти непрерывно.

Вишни, благословеніе вашего патріаршаго сада, мы вкусили на трапезѣ по посвященіи архіерея [1]).

Желая вамъ здравія и мира, прошу молитвъ вашихъ и о моей немощи.

Вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Іюня 2, 1830. [2])

3.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Пишу вамъ, чтобы освободить себя отъ даннаго слова препроводить къ вамъ записку, при семъ прилагаемую, о опредѣленіи священника въ село Малыгино [3]). По догадкѣ я представлялъ затрудненіе, которое можетъ встрѣтиться въ семъ дѣлѣ, то есть, что ученый, вѣроятно, не пойдетъ, а неученыхъ производить не велѣно; мнѣ отвѣчали, что тутъ можетъ жить священникъ безбѣдно. Исполняю дѣло посредника: вы сотворите, чтò велитъ правда и милость.

Вотъ въ чемъ хочется мнѣ получить отъ вашего преосвященства дознаніе истины: была ли въ Переславлѣ туча, послѣ которой будто вода въ тамошнемъ озерѣ повредилась такъ, что была, долго ли, коротко ли, вредна для здоровья людей и самой рыбы въ озерѣ?

Еще давно говорили мнѣ, будто архимандритъ Амфилохій въ Суздалѣ сѣтуетъ, что ему не дозволено пріобщаться Святыхъ Таинъ, и проситъ сей милости. Чтò тутъ правда? То ли, что онъ въ такомъ

бавленіяхъ къ твор. св. отцевъ за 1872 г., ч. XXV, стран. 449. Изъ этого отчасти можно видѣть и характеръ о. Мелхиседека и отношеніе митрополита Филарета къ нему.

[1]) Т. е. вышеупомянутаго преосвященнаго Павла.

[2]) Письмо все собственноручное. Писано, очевидно, въ отвѣтъ на письмо преосвященнаго Парѳенія, которое однако не сохранилось въ числѣ напечатанныхъ доселѣ писемъ послѣдняго къ митр. Филарету. Въ началѣ письма преосвящ. Парѳеній помѣтилъ только: „Получ. Іюня 11 д. 1830 г.“.

[3]) Владимирской губерніи, Александровскаго уѣзда, не вдалекѣ отъ Сергіева Посада, Моск. губ. Объ этомъ вѣроятно просилъ митрополита Филарета помѣщикъ села.

безпорядкѣ, что ему сіе не дозволено по необходимости? Тогда не на кого пенять. Или изъ запрещенія ему священнослуженія не выведено ли и запрещеніе пріобщенія, хотя онъ и исправился столько, что могъ бы допущенъ быть до пріобщенія? Въ семъ послѣднемъ случаѣ ваше преосвященство могли бы, не дозволяя ему священнодѣйствовать самому, дозволить однакоже, по разрѣшенію духовника, пріобщаться въ олтарѣ при священнослуженіи другаго. Говорю сіе на случай, нѣтъ ли подлинно въ монастырѣ недоразумѣнія, которое до васъ не доходитъ [1]).

Вы съ вашимъ градомъ, кажется, хранимы: да будетъ и продолжится такъ. А мы умираемъ и нисходимъ въ землю, яко вода мимотекущая. Общія свѣдѣнія имѣете [2]). Изъ духовенства Московскаго семь священниковъ и одинъ протоіерей скончались въ сіе время, какъ жертвы своихъ обязанностей, отъ утомленія (ибо кромѣ больныхъ очень много здоровыхъ говѣющихъ и молящихся) и частію отъ близости къ больнымъ. Но иныхъ Господь хранитъ дивно, особенно входящихъ въ больницы, которые остаются цѣлѣе не входящихъ [3]).

Помолитесь о насъ, преосвященнѣйшій, да смиримся въ день гнѣва и обрящемъ милость, еще не совсѣмъ отъ насъ удалившуюся.

Вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Окт. 22. 1830.

Посылаю четыре холерныя проповѣди [4]).

4.

Преосвященнѣйшій владыко [5]), возлюбленный о Господѣ братъ! [6])

Въ духѣ мира и любве Христовы срѣтаюсь со святительскимъ

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ объ архимандритѣ Амфилохіи, по фамиліи Тумскомъ, который, будучи кандидатомъ I курса Московской Духовной Академіи (выпуска 1818 г.) и даже баккалавромъ въ ней съ 1818 по 1822 годъ, а затѣмъ инспекторомъ Костромской Семинаріи, въ 1827 году уволенъ былъ отъ ученой службы и затѣмъ, въ санѣ архимандрита, жилъ на покоѣ въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ Владимирской епархіи, гдѣ и скончался впослѣдствіи.

[2]) Изъ газетъ, о холерѣ, которая въ это время уже очень сильно свирѣпствовала въ Москвѣ.

[3]) Подробности о холерѣ въ Москвѣ 1830—1831 годовъ и объ отношеніяхъ митрополита Филарета въ это холерное время, по долгу его званія, можно видѣть въ нашемъ изслѣдованіи объ этомъ (Москва, 1887 г.), представляющемъ оттискъ изъ *Прибавленій къ Твор. св. отцевъ* за 1887 г.

[4]) Письмо все собственноручное и проколото въ разныхъ мѣстахъ въ видахъ дезинфекціи, какъ это и вообще дѣлалось съ бумагами въ холерное время. О холерныхъ проповѣдяхъ митр. Филарета см. въ томъ же нашемъ изслѣдованіи. Надпись преосв. Парѳенія въ началѣ письма: „Получ. 27 Окт. Отвѣт. 31 Окт.“ Это отвѣтное письмо не сохранилось.

[5]) Это обращеніе писано рукою переписчика.

[6]) Это приписано собственноручно митроп. Филаретомъ.

духомъ вашего преосвященства, дабы, въ единствѣ служенія, вмѣстѣ съ вами прославить Бога, еще обновляющаго намъ лѣто житія долготерпѣніемъ и благодатію; дабы просить отъ Него вамъ храненія и споспѣшествованія ко благу церкви Его, и дабы наконецъ просить мнѣ молитвъ вашихъ, Богу угодныхъ, немощи моей потребныхъ [1]).

Вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Генваря 8 дня 1831 года. [2])

У Господа есть милость и во гнѣвѣ; сіе видно во многомъ. Не милость ли, напримѣръ, что, въ такомъ многолюдномъ городѣ, какъ нашъ, въ такое долгое оцѣпленіе, не видно было ни недостатка, ни неустройства, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ городахъ въ короткое время то и другое оказалось? Но, видно, мы еще не довольно заслуживаемъ милость, что гнѣвъ еще являетъ свои знаменія, а облегченіемъ его, можетъ быть, мы недовольно умѣемъ пользоваться. Напримѣръ, на сихъ дняхъ общій нашъ съ вами врачъ [3]) сказалъ мнѣ объ одномъ заболѣвшемъ на сихъ же дняхъ холерою, и какъ же? Дней десять онъ пьянствовалъ, и потомъ получилъ холеру. Десять такихъ человѣкъ, и говорятъ: Москва заражена. Случай сей былъ въ квартирѣ министра внутреннихъ дѣлъ [4]): онъ однако продолжаетъ вѣрить въ заразу холеры, не обращая вниманія на заразу пьянства, которая тутъ въ виду, тогда какъ холеры въ томъ домѣ ни прежде, ни послѣ не открывалось.

Не прогнѣвайтесь на меня за вашу сестрицу. До сихъ поръ не знаю, что̀ сдѣлать. Выдумайте, что̀ могу сдѣлать, и сдѣлаю. Меня просили предоставить мѣсто за дочерью на годъ, и не болѣе; но я никогда сего не дѣлаю съ мѣстами священническими и діаконскими: ибо думаю, что это грѣхъ противъ таинства священства, заарендовывать оное полу, который не можетъ получить священства [5]).

---

[1]) Все это отвѣтное привѣтствіе писано опять рукою переписчика.

[2]) Это тоже не собственноручно писано Филаретомъ, а подпись имени и вся остальная приписка къ привѣтствію собственноручныя. Письмо, также какъ и предшествующее, проколото въ разныхъ мѣстахъ: знакъ, что холера въ Москвѣ и предохранительныя мѣры противъ нея не прекратились.

[3]) Проф. Гр. Як. Высоцкій, выше упомянутый.

[4]) Графа А. А. Закревскаго. Вотъ съ какихъ еще поръ началось его разномысліе съ Московскимъ архипастыремъ, обострившееся потомъ въ его Московское генералъ-губернаторство. П. Б.

[5]) Въ поздравительномъ къ празднику Рождества Христова письмѣ отъ 22 Декабря холернаго 1830 года преосвященный Парѳеній писалъ между прочимъ митрополиту Филарету: „Припадаю къ стопамъ вашимъ съ нижайшею просьбою о неоставленіи родной сестры моей. Священникъ Воскресенья-Славущаго, что̀ въ Бронной, умершій 6-го Декабря, родной мой зять; вдовая сестра осталась съ тремя дочерьми и сыномъ; недавно расплатились съ долгами по причинѣ постройки дома; весною сего года выдали дочь въ заму-

5.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Есть ли единеніе вѣрующихъ со Христомъ, и во Христѣ между собою, было высокимъ предметомъ Его собственной молитвы и есть основаніе блаженства: то поистинѣ благословенны торжественныя минуты, въ кои хотя начатокъ сего единенія, съ именемъ Христа воскресшаго въ сердцѣ и въ устахъ, выражается восклицаніями, объятіями, а въ отдаленіи, и письменами. Въ таковомъ общеніи съ вашимъ преосвященствомъ, славлю Господа, благодарю васъ [1]), молю Его о преспѣяніи въ васъ и чрезъ васъ Его священнодѣйственной благодати, и себя молитвамъ вашимъ поручаю. Вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Апрѣля, 28 дня 1831 года.

Простите, что чужую руку употребляю [2]). Болѣзненное состояніе, не тяжелое, но безсильное, не даетъ много дѣлать. И праздникъ [3]) провелъ я у домашняго олтаря, въ затворенной келліи. Пятую недѣлю вмѣсто камилавки служитъ мнѣ то, что̀ у хирурговъ называется cancer Galeni [4]). Конца еще не вижу [5]).

Описаніе вашей болѣзни и читать болѣзненно. Да исцѣлитъ васъ Господь, а до исцѣленія да подкрѣпитъ благодатію терпѣнія. Ванны

жество, и при всемъ посильномъ моемъ пособіи, опять взошли въ долги; вторая дочь почти невѣста. Явите архипастырскую милость вдовицѣ съ сиротами. Все, что̀ Господь вложитъ въ сердце ваше къ облегченію ихъ участи, будетъ для меня и для нихъ всегдашнимъ величайшимъ благодѣяніемъ и милостію. *Владимир. Епарх. Вѣдомости* за 1880 г., № 3, стр. 55—56, части неоффиціальной. На эти-то слова письма преосв. Парѳенія и отвѣчаетъ митрополитъ Филаретъ.

[1]) Преосвященный Парѳеній, письмомъ отъ 13 Апрѣля 1831 года, уже упредилъ митрополита Филарета поздравленіемъ съ праздникомъ Пасхи, который въ означенномъ году пришелся 19 Апрѣля. Въ Р. S. къ этому письму преосв. Парѳеній выражаетъ состраданіе болѣзни митроп. Филарета и на предложеніе послѣдняго придумать, что̀ могло бы быть сдѣлано въ пользу сиротствующаго семейства его сестры, пишетъ, что когда подростетъ ея дочь до совершеннолѣтія, будетъ просить митроп. Филарета „о пристроеніи“. *Владимир. Епарх. Вѣдомости.* 1880 г., стр. 56—57 неоффиц. части.

[2]) Здѣсь, такъ же какъ и въ предшествующемъ письмѣ, первыя слова обращенія, поздравленіе, слѣдующее за поздравленіемъ выраженіе: „вашего преосвященства“ и дата: „Апрѣля дня (рукою митрополита вставлено: „28“) 1831 года“ писаны рукою переписчика, а все остальное рукою самого митрополита Филарета.

[3]) Пасхи.

[4]) Рѣшетка Галена, или ракъ Галена.

[5]) „У меня сняли съ задней части головы опухоль, которая росла нѣсколько лѣтъ, которую далѣе оставлять было бы вредно, по мнѣнію врача“, писалъ самъ митрополитъ Филаретъ своей матери отъ 13 Апрѣля 1831 года. *Письма* его *къ роднымъ*, стр. 314. Москва, 1882.

ваши не слишкомъ ли горячи, и не дѣлаютъ (*ли*) [1]) тѣмъ болѣе ощутительнымъ недостатокъ естественнаго жара? Совѣтуетесь ли вы съ г. Высоцкимъ? Съ тѣхъ поръ, какъ я мѣсяцъ у него на рукахъ, я еще болѣе прежняго нахожу достойными вниманія его совѣты.

Чтò сдѣлалось пр. Черниговскому бывшему, не знаю [2]). Года за два предъ симъ онъ скорбѣлъ и помышлялъ объ отставкѣ по случаю непріятнаго доноса; я ему совѣтовалъ быть великодушнымъ, въ правдѣ защищаться, неправду терпѣть, ошибки поправлять и остерегаться впредь. Онъ послушался, и дѣло кончилось легкимъ образомъ. Теперь, чтò бысть ему, не знаю [3]).

Естьли доживу до возможности сдѣлать что-либо въ пользу родныхъ вашихъ: радъ буду.

Что-то слышится о вашей Семинаріи? Обратите на нее вниманіе сильнѣе. Бывшій ея инспекторъ, нынѣшній Калужскій ректоръ [4]), сказывалъ, что въ его инспекторство дня не проходило безъ жалобъ и разбирательствъ, частію даже въ сношеніи съ полиціею. Это не хорошо, особенно нынѣ, когда духъ лукавый и ребятами хочетъ лукавствовать, какъ большими. Совѣтую побуждать ректора и инспектора къ бдительности, и худую траву скорѣе кидать изъ поля вонъ, а не давать ей разрастаться. Не прогнѣвайтесь; пишу по доброжелательству и по нуждѣ охранять духовенство отъ нареканій, слишкомъ охотно разсѣваемыхъ [5]).

---

[1]) Частицы: „ли“ нѣтъ въ подлинникѣ; но она должна быть по ходу рѣчи.

[2]) „Что сдѣлалось съ Черниговскимъ? спрашивалъ въ помянутомъ выше письмѣ отъ 13 Апрѣля 1831 года у митрополита Филарета преосвящ. Парѳеній. Кажется, онъ былъ крѣпокъ“. *Владимир. Епарх. Вѣдомости* за 1880 г., № 3, стр. 56 неоффиц. части. Рѣчь идетъ объ архіепископѣ Черниговскомъ Лаврентіи Бакшеевскомъ, который 14 Марта 1831 года уволенъ былъ на покой въ Переяславскій Даниловъ монастырь Владимірской епархіи, гдѣ и скончался 17 Декабря 1837 г. Раньше (до Сент. 26-го 1820 года) онъ служилъ въ Москвѣ въ санѣ архимандрита и епископа викарія.

[3]) Срав. письма митр. Филарета къ Лаврентію въ *Чтеніяхъ въ Общ. люб. дух. просв.* за 1869 г. кн. VI, 51—53 и 1872 г. ч. III, стр. 127.

[4]) Архимандритъ Владиміръ Алявдинъ, магистръ I курса Московской Духовной Академіи (выпуска 1818 г.), прямо по окончаніи Академическаго курса назначенный въ Пензенскую Семинарію инспекторомъ и профессоромъ. Въ Пензѣ онъ познакомился съ М. М. Сперанскимъ и пользовался его расположеніемъ. Здѣсь же на рукахъ его скончался извѣстный Иннокентій Смирновъ, епископъ Пензенскій. Во Владимірской Семинаріи онъ былъ инспекторомъ съ 1820 по 1827 годъ. Въ 1835 г. онъ былъ рукоположенъ во епископа Чигиринскаго. Скончался въ санѣ архіепископа Тобольскаго 20 Мая 1845 г. Характеристику его, какъ инспектора Владимірской Семинаріи, см. въ *Исторіи Владимірской Дух. Семинаріи (съ 1750 по 1840 г.)* Ксен. Надеждина, стр. 129—130. Владиміръ на Клязьмѣ 1875.

[5]) Въ началѣ письма преосвящ. Парѳеній помѣтилъ: „Отвѣт. Маія 7 д. 1831 г.“ Но отвѣта этого нѣтъ въ числѣ напечатанныхъ писемъ преосв. Парѳенія. Но что отвѣтное письмо было, это видно изъ письма къ нему митрополита Филарета отъ 28 Мая 1831 г. въ *Правосл. Обозр.* 1872 г., ч. II, стр. 35.

6.

Преосвященнѣйшій владыко, достопочтенный о Господѣ братъ!

Богъ, явившійся во плоти, чтобы небо и землю, и раздѣленное на земли соединить въ ощущеніи мира и радости, да будетъ благословенъ и за то, что сею же радостію взаимно приближаетъ и соединяетъ сердца призванныхъ въ служеніе святынѣ Его, которымъ паче прочихъ достоитъ быти едино въ Немъ.

Утѣшительно соединяюсь съ вашимъ высопреосвященствомъ [1]) въ благоговѣйной радости о Рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа [2]), и въ мысли о даруемомъ Имъ обновленіи лѣта, притекая къ Его щедротамъ со смиренною мольбою, да даруетъ вамъ обновленіе духа и силъ, къ продолженію подвиговъ служенія, Ему благоугодныхъ и благопотребныхъ сонму вѣрующихъ во имя Его.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребыть имѣю вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Спб. Ген. 4. 1838.

Во время бытности Государя Наслѣдника [3]) въ Москвѣ подлинно мнѣ было много движенія [4]), но весма пріятнаго, а поэтому почувствовалъ я усталость только уже по отбытіи его. Теперь не понимаю, какъ меня тогда доставало. Напримѣръ: въ одно утро былъ я съ нимъ въ Симоновѣ, на Крутицахъ, въ Новоспасскомъ, и даже на балконѣ надъ трапезною церковію въ Симоновѣ ходилъ, гдѣ никогда быть не думалъ, по моей немощи [5]). Также: въ первый день Августа слу-

---

[1]) Въ это время преосвящ. Парѳеній былъ уже въ санѣ архіепископа.

[2]) Преосвящ. Парѳеній уже поздравлялъ митр. Филарета съ праздникомъ Рождества Христова. см. *Влад. Епарх. Вѣдомости* за 1880 г., № 13, стр. 423 и дал. неоффиц. части. Письмо отъ 18 Дек. 1837 г.

[3]) Въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича, послѣ предпринятаго по волѣ его родителя императора Николая Павловича путешествія по Россіи, Европейской и Азіатской, въ концѣ Іюля 1837 года прибывшаго въ Москву, куда потомъ прибыла и вся царская фамилія, съ самимъ Государемъ Императоромъ во главѣ. Пребываніе царской фамиліи въ Москвѣ продлилось до начала Декабря означеннаго года.

[4]) Въ помянутомъ сейчасъ письмѣ преосв. Парѳенія отъ 18 Декабря 1837 года читаемъ: „Весною и лѣтомъ много было движенія и хлопотъ по случаю посѣщенія Владимирской губерніи Наслѣдникомъ престола Цесаревичемъ. Какъ васъ управилъ Богъ при небогатыхъ силахъ и чрезвычайныхъ, трудныхъ хлопотахъ? Столица, богатство святыни, множество памятниковъ древности и славы, и вездѣ сами! Истинно Богъ совершаетъ силу въ немощахъ". *Владимир. Епарх. Вѣдомости* за 1880 г., стр. 424 неоффиц. части. Очевидно, преосвящ. Парѳеній говорилъ такъ о митроп. Филаретѣ по газетнымъ свѣдѣніямъ.

[5]) Къ тому же, тогда какъ Наслѣднику престола въ то время было всего 19 лѣтъ, митрополиту Филарету было почти 55 лѣтъ.

жилъ я въ Успенскомъ соборѣ и ходилъ на воду (Государь Наслѣдникъ также былъ на сей литургіи, и на воду ходилъ), а возвратясь къ себѣ, поѣхалъ въ Лавру къ вечеру слушать всенощную, и на другой день тамъ принимать Государя Наслѣдника; служилъ литургію, обходилъ съ нимъ Лавру и Виѳанію, гостепріимствовалъ, и проводилъ его уже около шести часовъ вечера [1]). И въ пребываніе Государя Императора въ Москвѣ [2]) съ трудомъ перебивался я моимъ малосиліемъ, однако, также благодареніе Богу, должное исполнить могъ. Но путешествіе въ сильный холодъ сдѣлало меня рѣшительно больнымъ въ Петербургѣ [3]), такъ что я и праздникъ Рождества Христова провелъ въ келліи, и только теперь оживаю.

Одну ли лучше, или двѣ семинаріи вамъ строить, не могу сказать рѣшительно: только чрезмѣрное многолюдство въ одномъ мѣстѣ затруднительно для вѣрнаго надзора и охраненія. Заглазное положеніе Семинаріи правда не хорошо: однако благодареніе Богу, сіе обстоятельство не очень затрудняетъ меня въ отношеніи къ Виѳанской Семинаріи [4]).

Воля Господня съ преосвященнымъ Лаврентіемъ [5]). Мнѣ казалось, что онъ неудачно поселился въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни занимательнаго общенія, ни врачебной помощи (*нѣтъ*) [6]).

Здоровье владыки Новгородскаго [7]), слава Богу, значительно улучшилось [8]).

---

[1]) А между тѣмъ уже 4 Августа того же 1837 года въ Москвѣ митрополитъ Филаретъ встрѣчалъ рѣчью въ Успенскомъ соборѣ Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну, также какъ 2 Августа въ Лаврѣ встрѣтилъ Наслѣдника престола рѣчью же.

[2]) Государь Императоръ Николай Павловичъ, послѣ путешествія въ Закавказскій край, прибылъ въ Москву въ концѣ Октября, и 27 Октября его митрополитъ Филаретъ также встрѣтилъ рѣчью.

[3]) Притомъ, по прибытіи въ Петербургъ 17 Декабря 1837 года Филаретъ, вмѣсто отдыха, долженъ былъ со скорбію видѣть пожаръ Зимняго дворца, о чемъ подробнѣе см. *Русскій Архивъ* за 1889 г. III, 98 и дал. въ нашей статьѣ.

[4]) Въ томъ же письмѣ отъ 18 Декабря 1837 года преосвящ. Парѳеній писалъ митроп. Филарету: „Не сладишь съ Семинаріей: по предписанію Коммиссіи дух. училищъ нужно сдѣлать большія соображенія объ устройствѣ вмѣсто двухъ одной семинаріи. Двѣ устраивать кажется еще неудобнѣе: будетъ одна за глазами. Устройство въ Суздальскомъ архіерейскомъ домѣ семинаріи, по ветхости и по обширности, не менѣе будетъ стоить новой“. *Влад. Епарх. Вѣдом.* 1880 г. стр. 425 неоф. ч.

[5]) Бакшеевскимъ, вышеупомянутымъ, скончавшимся 17 Дек. 1837 г.

[6]) Послѣдняго слова въ подлинникѣ нѣтъ.

[7]) Митрополита Серафима.

[8]) Письмо все собственноручное.

7.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Имѣйте терпѣніе: съ докукою къ вамъ приступаю. Вы знаете въ Юрьевѣ [1]) церковь, построенія которой такъ усильно домогались, которая и построена, но не совсѣмъ отдѣлана. Предпринявшіе въ началѣ надѣялись имѣть многихъ помощниковъ; но сіе не оправдалось. Способы ихъ истощились. Вы не желали начинать сего дѣла: но не пожелаете также оставить построенную церковь безъ совершенія. Благоволите дать для сего сборную книгу. Не гнѣвайтесь на людей, которые предприняли доброе дѣло, общитались, и то не по своей винѣ, а потому что имъ дали планъ тяжелѣ предположеннаго ими. Сжальтесь надъ ихъ затрудненіемъ и окажите имъ помощь, которая вамъ не дорого будетъ стоить. А меня простите въ семъ ходатайствѣ и во всемъ.

Прося молитвъ вашихъ, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію пребываю вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Москва. Фев. 20. 1848.

Вы обдѣлили меня, не приславъ вашей проповѣди. Благодареніе князю Сергію Михайловичу [2]), что не оставилъ меня въ семъ обездоленнымъ [3]).

III.

Письма Филарета, митрополита Кіевскаго и Галицкаго.[4])

1.

Покорнѣйшую приношу вашему высокопреподобію благодарность за искреннее писаніе ваше; кажется на два не отвѣчалъ я до-

---

[1]) Юрьевъ Польскій, уѣздный городъ Владимирской губерніи. Начало построенія кладбищенской церкви въ немъ, о которой пишетъ митр. Филаретъ, относится еще къ 1841 году. См. письмо митр. Филарета къ преосв. Парѳенію въ *Правосл. Обозр.* за 1872 годъ ч. II, стр. 43.

[2]) Голицыну.

[3]) Письмо отъ начала до конца также собственноручное. Отвѣтомъ на него служитъ письмо преосв. Парѳенія отъ 10 Апрѣля 1848 года, въ коемъ преосвященный, поздравляя митрополита Филарета съ праздникомъ Пасхи, въ P. S. пишетъ: „Изволили мнѣ замѣтить, что я *обдѣлилъ* васъ, не приславъ моей проповѣди... Я стыдился подносить лепту имущему много талантовъ. Въ угодность вашу осмѣливаюсь послать *стариковское вязанье*. Согласно съ вашею волею сборная книга выдана для совершенія строющейся въ гор. Юрьевѣ церкви. Строитель при всѣхъ пособіяхъ истощается въ силахъ; я это предвидѣлъ: ревность не по разуму и выше силъ. *Владимир. Епарх. Вѣдом.* 1880 г., № 20, стр. 591 неоффиц. части. Въ началѣ письма митроп. Филарета преосв. Парѳеній помѣтилъ: „Пол. Мар. 13 д.“

[4]) Митрополитъ Филаретъ, въ мірѣ Ѳеодоръ Георгіевичъ Амфитеатровъ, въ схимѣ Ѳеодосій, родился въ Орловской губерніи 17 Апрѣля 1779 года. По окончаніи курса на-

селѣ и хотѣлъ отвѣчать скоро, но скорблю и доселѣ, что устроенію вашей экономіи не имѣю чѣмъ помочь: въ Лаврѣ нѣтъ; въ моемъ монастырѣ [1]) такъ же нѣтъ. Чтожъ теперь вамъ сказать? Ищите и обрящете. А препинающимъ теченіе добрыхъ дѣлъ судитъ Богъ. Дѣло христіанское терпѣніе ваше. Можетъ быть, Господь премѣнитъ его сердце послѣ такой жестокой болѣзни. И мой совѣтъ терпѣть до послѣдней крайности, ежели только терпѣніе полезно общему дѣлу. А только пора уже вамъ и предписаніе Коммиссіи [2]) исполнить. Попробуйте еще попросить; какой будетъ успѣхъ, увидимъ [3]).

Когда будете у о. Гермогена [4]), посмотрите, какъ онъ поживаетъ. Ему бы нуженъ хорошій келейникъ. Страшитъ меня беззаботливость его. Возвышаясь горѣ, и о нижнихъ надобно съ точностію пещись. Да устроитъ его Господь! Въ Андроніевскіе ректоры [5]), ежели желаетъ священникъ, очень хорошо. Мнѣ приходило на мысль поручить ректорство о. Гермогену, ежели бы согласился. Когда бы онъ поустроился, лучшаго бы желать нельзя. Что̀ за счетъ въ степеняхъ, когда дѣло идетъ о христіанскомъ воспитаніи юношей? Вотъ бы показалъ на дѣлѣ

укъ въ Орловско-Сѣвской Духовной Семинаріи въ 1797 г., онъ былъ учителемъ въ той же Семинаріи и въ 1798 г. постриженъ въ монашество. Затѣмъ въ той же Семинаріи онъ былъ префектомъ (инспекторомъ) и ректоромъ, а въ 1804 году перемѣщенъ на ректорскую должность въ Оренбургскую Семинарію, и только въ 1813 году его вызвали въ Петербургъ и въ 1814 году назначили инспекторомъ сперва С.-Петербургской, а потомъ Московской Духовной Академіи, гдѣ онъ съ 1816 года былъ ректоромъ и гдѣ сблизился съ преосвященнымъ Парѳеніемъ, въ то время еще архимандритомъ. Въ 1819 г. Іюня 1 архимандритъ Филаретъ рукоположенъ былъ во епископа Калужскаго, а въ 1825 г. переведенъ въ Рязань и здѣсь въ 1826 г. возведенъ въ санъ архіепископа; въ 1828 г. перемѣщенъ на каѳедру Казанскую и въ 1836 г. на каѳедру Ростовско - Ярославскую; наконецъ въ 1837 г. сдѣланъ былъ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ и въ этомъ санѣ скончался 21 Дек. 1857 г., за 17 лѣтъ до кончины принявъ постриженіе въ схиму (въ 1841 г.).

[1]) Новый Іерусалимъ.

[2]) Духовныхъ училищъ

[3]) Преосвящ. Парѳеній въ то время былъ ректоромъ Московской (бывшей тогда на Перервѣ) Семинаріи, подчиненной Московской Духовной Академіи, ректоромъ которой былъ Филаретъ Амфитеатровъ. Семинарія эта терпѣла большіе недостатки и неудобства въ помѣщеніяхъ для учениковъ и наставниковъ и въ содержаніи первыхъ, о чемъ, и именно за 1818 годъ, см. *Собраніе мнѣній и отзывовъ митроп. Моск. Филарета* I, 432. Спб. 1885. Архіепископомъ Московскимъ въ то время былъ Августинъ Виноградскій († 3 Марта 1819 г.).

[4]) Сперанскаго, питомца Московской Славяно-Греколатинской Академіи, а съ 1816 по 1818 г. инспектора Московской Духовной Академіи. Съ 1818 года управлялъ Московскимъ Андроніевымъ монастыремъ въ санѣ архимандрита и въ томъ же монастырѣ скончался въ 1845 году.

[5]) Т. е. въ ректоры Андроніевскаго Духовнаго Училища, въ то время еще существовавшаго, а послѣ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній по уставу 1867 года упраздненнаго.

свое христіанское смиреніе и любовь не знающую расчетовъ человѣческихъ.

Будьте здоровы и мира Божія причастницы, а мнѣ отъ хлопотъ роздыха нѣтъ. Вашего высокопреподобія искреннѣйшій слуга А. Филаретъ.

1818 года Ноября 7 дня.

20 лѣтъ окончилось моему монашеству [1]; но вотъ бѣда: едва ли еще начало положилъ истинному монашеству; помолитесь о мнѣ [2].

2.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь!

Принося вашему высокопреосвященству искреннѣйшую благодарность за поздравленіе моего недостоинства съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова, привѣтствую васъ взаимно всерадостнѣйшимъ гласомъ вселенской церкви: воистину Христосъ воскресе! Отъ всего сердца молю воскресшаго изъ гроба Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, да изліяетъ Онъ всеблагій изобильно въ святительское сердце ваше небесную и неотъемлемую радость и сподобитъ васъ наслаждаться всѣми спасительными плодами воскресенія Своего.

Испрашивая святыхъ молитвъ вашихъ, съ искреннѣйшимъ почитаніемъ и братскою о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ любовію, есмь и пребуду навсегда вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ митрополитъ Кіевскій.

Апрѣля 1843. Кіевъ.

P. S. Вотъ и вашему высокопреосвященству суждено повидѣть сѣверную нашу столицу и потрудиться для блага церкви въ правительствующемъ святѣйшемъ соборѣ [3]. Всѣмъ сердцемъ молю Господа силъ, да укрѣпитъ душевныя и тѣлесныя силы ваши на семъ подвигѣ служенія православной церкви. Да совершится сила Его въ немощахъ вашихъ. А о моемъ недостоинствѣ, якоже Господь Богъ, молитвами Пресвятыя Богородицы, заступницы усердной и преподобныхъ отецъ Печерскихъ, устроитъ: тако и да будетъ. Желаніе у меня одно: елико возможно скорѣе разрѣшитися и со Христомъ быти. Да будетъ воля Господня! Слава Богу о всемъ. Скорби мои многи и зѣло велики. Но Господь близъ [4].

---

[1]) Митрополитъ Филаретъ постриженъ былъ въ монашество 7 Ноября 1798 года.

[2]) Письмо все собственноручное.

[3]) Послѣ безвозвратнаго удаленія изъ Петербурга митрополитовъ Московскаго и Кіевскаго (въ 1842 году) преосвящ. Парѳеній впервыя вызванъ былъ туда для участія въ засѣданіяхъ Св. Синода.

[4]) Въ этомъ письмѣ собственноручны только подпись и P. S.

3.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивый архипастырь!

Привѣтствуя васъ взаимно съ великимъ и всерадостнымъ праздникомъ Рождества Христа Спасителя нашего, всѣмъ сердцемъ молю Его благость, да, въ новое лѣто благодати Его, обновитъ душевныя и тѣлесныя силы ваши на служеніе церкви Своей святѣй. Очень жаль, что здоровье ваше такъ давно страждетъ и такъ медленно поправляется. Весьма бы нуженъ вамъ викарій по примѣру Воронежскаго [1]). А въ епархіи вашей и монастырей довольно для помѣщенія въ одномъ изъ нихъ викарія. Но да будетъ воля Господа Бога, въ Его же руцѣ сердце царево. Посѣщеніе его св. града Кіева весьма было радостно и благотворно для нашего смиренія, подобно приближающемуся солнцу. Постоянное пребываніе мое при отечественной нашей святынѣ въ благорастворенномъ святомъ воздухѣ считаю для моего недостоинства величайшею Божіею и царевою милостію. Тѣлесное здоровье мое по лѣтамъ довольно удовлетворительно. А душевное Богъ вѣсть! Душа моя давно постоянно жаждетъ молитвеннаго безмолвія въ уединенной пустынькѣ на св. горахъ Кіевскихъ [2]), но ожидаетъ мановенія Божія, а дотолѣ подобаетъ стоять на ввѣренной моему недостоинству стражѣ дома Господня и Пресвятыя Богородицы, заступницы нашей.

Испрашивая святительскихъ молитвъ вашихъ, съ искреннѣйшимъ почитаніемъ и братскою во Христѣ Іисусѣ, надеждѣ нашей, любовію есмь и пребуду вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ митрополитъ Кіевскій [3]).

3 Января 1844.
Кіевъ.

4.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь и возлюбленный въ Господѣ братъ и сослужитель!

Прелюбезное писаніе ваше отъ 6 сего Августа и при немъ дорогія чіотки [4]) ваши имѣлъ я удовольствіе получить отъ г. доктора

---

[1]) Въ Воронежской епархіи, которою въ то время управлялъ преосвященный Антоній Смирницкій († 1846), Острогожское викаріатство открыто было еще въ 1841 году, и первымъ викаріемъ былъ преосвящ. Иринархъ Поповъ, скончавшійся въ 1877 г. въ санѣ архіепископа Рязанскаго.

[2]) Обыкновенно же митрополитъ Филаретъ уединялся по временамъ въ Голосѣевской пустыни, въ 8 верстахъ отъ Кіева, къ Югу, при озерѣ, въ лѣсу.

[3]) Письмо все собственноручное.

[4]) Такъ написано слово это въ собственноручномъ подлинникѣ письма.

медицины Алякринскаго [1]). Приношу вашему высокопреосвященству искреннѣйшую благодарность и за святую икону святителя Митрофана [2]), и за милостивую о моемъ недостоинствѣ память. Молю Господа Бога и преблагословенную Матерь Божію о возстановленіи здравія вашего и о дарованіи вамъ духа терпѣнія и утѣшенія въ болѣзни вашей. Примите отъ моего сердца любящаго васъ любовію Христовою св. икону Успенія Божіей Матери. Да будетъ Матерь милосердія утѣшительницею вашею и заступницею усердною. Чіотки ваши вручилъ я доброму сроднику моему, о. ректору здѣшней Академіи архимандриту Антонію [3]). Прошу принять благосклонно воспитанника оной подателя сего г. Лебединцова [4]), назначеннаго наставникомъ въ Семинарію вашу.

Поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ, съ искреннѣйшимъ почитаніемъ и братскою во Христѣ Іисусѣ, надеждѣ нашей, любовію есмь и пребуду вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ митрополитъ Кіевскій.

26 Августа 1852.
Кіевъ [5]).

IV.

Письмо Симеона, архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго [6]).

Преосвященнѣйшій владыко! Милостивый архипастырь!

Принося мою усерднѣйшую благодарность вашему преосвященству за ваше писаніе отъ 21 Декабря, взаимно поздравляю васъ съ наступившимъ новолѣтіемъ, искренно желая вамъ долголѣтно торжествовать обновленіе временъ въ добромъ здравіи и въ истинномъ благополучіи.

---

[1]) Митрофана Ивановича, съ 1830 года служившаго инспекторомъ Владимирской Врачебной Управы.

[2]) Преосвящ. Парѳеній въ это время былъ уже архіепископомъ Воронежскимъ.

[3]) Антоній Амфитеатровъ, родной племянникъ митрополита Кіевскаго Филарета, скончался въ 1879 г. въ санѣ архіепископа Казанскаго.

[4]) Ѳеофанъ Лебединцевъ, старшій кандидатъ Кіевской Духовной Академіи XV курса выпуска 1851 года.

[5]) Письмо также все собственноручное.

[6]) Преосвященный Симеонъ (въ мірѣ Савва) Крыловъ-Платоновъ родился въ 1771 году, воспитанникъ и съ 1798 года учитель Троицкой Лаврской Семинаріи, а съ 1801 г. учитель и съ 1810 г. ректоръ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи; съ 1814 года ректоръ Московской Духовной Академіи; съ 1816 года епископъ Тульскій, съ 1818 года Черниговскій, съ 1820 г. архіепископъ Тверскій и съ 1821 г. Ярославскій. Скончался 28 Марта 1824 года. Съ преосвящ. Парѳеніемъ знакомъ былъ съ Славяно-Греко-Латинской Академіи. О кончинѣ его митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ преосвященному Парѳенію отъ 12 Апрѣля 1824 г.: „Велика утрата для церкви: ему вѣчное пріобрѣтеніе“. Другія письма преосв. Симеона къ Парѳенію напечатаны въ *Правосл. Обозрѣніи* за 1872 г.

Жаль покойнаго кн. Ивана Михайловича Долгорукова [1]); но слава Богу, что дѣти всѣ на возрастѣ. Плохи его были обстоятельства. Отъ нихъ-то, кажется, онъ скорѣе и убрался.

И здѣсь [2]) такъ же были выборы [3]); начались 11-го, а кончились 16-го [4]). И я такимъ же страданіямъ подвергался, какъ вы, особливо 16-го, когда надобно было говорить и на литургіи, и послѣ оной въ Библейскомъ генер. собраніи рѣчи. Къ большему угнетенію меня служеніе было исправляемо въ небольшой церкви дома призрѣнія ближняго, гдѣ въ большой, прекрасной залѣ и выборы, и всѣ собранія, даже самое Библейское генеральное, бываютъ. Грудь такъ разстроилась, что доселѣ чувствую и боль, и слабость. О выборахъ и говорить нечего: справедливо назвать подборомъ. О генералъ-губернаторствѣ и здѣсь болтали [5]), но обстоятельныхъ слуховъ нѣтъ. Здѣшній губернаторъ и самъ не желаетъ сей чести. Хочется ему краснаго мундира и болѣе ничего, дабы воспитать дѣтей, коихъ у него порядочная кучка, и нѣкоторые уже стали подростать.

Не знаю, видѣли ли вы новоизданный Катихизисъ [6]), за который данъ сочинителю Александровскій орденъ. Ежели не видали, то извольте увидѣть. При семъ посылаю одинъ экземпляръ онаго. Авторъ спрашивалъ моего мнѣнія уже по напечатаніи; я много сдѣлалъ замѣчаній, за кои онъ назвалъ меня благодѣтелемъ; а искренно ли, или нѣтъ, онъ знаетъ [7]). Я дивлюсь, какъ старецъ [8]) ничего не сказалъ, а читалъ не одинъ разъ. Онъ превеликой трусъ, какъ я замѣтилъ, и автора до крайности боится. Кажется, и слѣпой бы увидѣлъ нестерпимую дерзость въ выраженіяхъ, кои подаютъ сомнѣніе и о истинѣ исповѣданія вѣры [9]); наприм. въ таинствѣ крещенія: вмѣсто *во имя* съ призы-

---

[1]) Составителя „Капища моего сердца“, гдѣ на стр. 312—313 и о Симеонѣ есть рѣчь весьма интересная.

[2]) Въ Ярославлѣ.

[3]) Дворянскіе.

[4]) Декабря 1823 года.

[5]) Въ то время было нѣсколько генералъ-губернаторствъ, что̀ въ слѣдующее царствованіе отмѣнилось.

[6]) Филарета митрополита Московскаго, въ первомъ изданіи сего Катихизиса, на который въ концѣ 1824 года сдѣлано сильное нападеніе новымъ министромъ просвѣщенія А. С. Шишковымъ. Вообще подробную исторію Катихизисовъ митрополита Филарета можно видѣть въ статьяхъ нашихъ, напечатанныхъ въ *Русск. Вѣстникѣ* за 1883 г. кн. 1 и во II т. Филаретовскаго юбил. *Сборника* (стр. 667 и дал. Москва, 1883).

[7]) Недовѣріе къ митр. Филарету, находившемуся въ хорошихъ отношеніяхъ съ нелюбимымъ многими княземъ А. Н. Голицинымъ, проглядываетъ и въ другихъ письмахъ преосв. Симеона.

[8]) Т.-е. Серафимъ, митроп. Новгородскій и С.-Петербургскій.

[9]) Конечно, этимъ уже слишкомъ много сказано относительно Филарета.

ваніемъ [1]), въ мѵропомазаніи: *во имя Св. Духа* [2]), неслыханное ученіе! Всякое таинство совершается во имя не одного лица, но всей Св. Троицы. Бракъ поставленъ ниже всѣхъ, для чего? Чтобъ еще менѣе уважали. Я крайне недоволенъ пропускомъ сей книжонки. Какъ покажется вамъ, увѣдомьте меня.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего преосвященства, милостиваго архипастыря, покорнѣйшій слуга Симеонъ архіепископъ Ярославскій.

8-го Января 1824.
Ярославль.

6-го я бродилъ на рѣку и, слава Богу, не чувствую дурныхъ послѣдствій. Здѣсь былъ морозъ до 12 градусовъ, съ вѣтромъ, который крайне затруднялъ возвращеніе съ воды въ гору довольно крутую.

И Екатерина Ивановна Воейкова переселилась въ вѣчность. 18-го Декабря было ея погребеніе. Такъ писала ко мнѣ Елисавета Петровна Глѣбова-Стрешнева [3]).

V.

Письма Авраама, архіепископа Ярославскаго [4]),

1.

Преосвященнѣйшій владыко, почтеннѣйшій архипастырь и братъ о Господѣ!

Сколько побудительныхъ причинъ имѣю я благодарить ваше преосвященство за труды ваши по моей епархіи, за присылку вашихъ

---

[1]) Это въ опредѣленіи таинства, а далѣе приводятся слова Матѳея 28, 19 и на вопросъ: „Что̀ самое важное въ священнодѣйствіи крещенія?“ отвѣтствовано было и въ первомъ изданіи Катихизиса: „Троекратное погруженіе въ воду, во имя Отца и Сына и Святаго Духа“.

[2]) Опять въ опредѣленіи таинства, при чемъ имѣется въ виду извѣстное, основанное на 1 Іоан. 2, 20—27 и 2 Кор. 1, 21, 22, изреченіе въ таинствѣ мѵропомазанія: *печать дара Духа Святаго*, что̀ дальше и раскрывается въ Катихизисѣ Филарета. Замѣчательно, что и въ послѣдующихъ, исправленныхъ, изданіяхъ своего Катихизиса (изд. 1827 и 1839 годовъ съ ихъ многочисленными повтореніями) митрополитъ Филаретъ не измѣнилъ прежнихъ, какъ вполнѣ православныхъ, выраженій относительно и того, и другаго таинства, и только таинство брака поставилъ предъ таинствомъ елеосвященія, а не послѣ этого таинства, какъ было въ первомъ изданіи. А что его катихизическое ученіе отнюдь не было „неслыханнымъ“, это можно видѣть изъ бывшихъ дотолѣ катихизисовъ (напр. митрополита Платона), еще болѣе его несовершенныхъ.

[3]) Письмо все собственноручное. Въ началѣ его преосвящ. Парѳеній помѣтилъ: „Пол. 14 Января 1824 г. Отвѣт. 25 д. Января“. Отвѣтнаго сего письма преосв. Парѳенія мы не имѣемъ.

[4]) Преосвященный Авраамъ, въ мірѣ Алексѣй Ѳеодоровичъ Шумилинъ, родился 16 Мая 1761 года. По окончаніи курса семинарскихъ наукъ, онъ въ 1782 году поступилъ въ сельскіе священники, а по времени перемѣщенъ въ Москву и здѣсь возведенъ былъ

проповѣдей въ нѣсколькихъ экземплярахъ и за поздравленіе меня съ праздникомъ Воскресенія Христова. За все приношу вашему преосвященству чувствительнѣйшую мою благодарность, поздравляя взаимно и васъ съ симъ радостнѣйшимъ для церкви Христовой праздникомъ и желая искренно вамъ, при всѣхъ прочихъ возможныхъ, наипаче духовныхъ благъ.

Кончивъ путь отъ Петербурга [1]) до Ярославля по благости Господней благополучно, я однакоже до свѣтлой недѣли не имѣлъ времени отдохнуть, въ разсужденіи тѣхъ дней, къ которымъ пріѣхалъ. Но слава Богу, что пріѣхалъ, и теперь дома: авось либо отдохну; да уже и отдохнулъ нѣсколько въ теченіе свѣтлой недѣли, и чувствую себя покрѣпче, нежели какъ былъ до праздника. Прося о продолженіи ко мнѣ любви вашей и поручая себя святительскимъ вашимъ молитвамъ, съ душевнымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего преосвященства, почтеннѣйшаго архипастыря и брата о Господѣ, покорнѣйшій слуга Авраамъ архіепископъ Ярославскій.

Апрѣля 12-го 1827 [2]).

2.

Преосвященнѣйшій владыко, почтеннѣйшій архипастырь и братъ о Господѣ!

Чувствуя, что уже утомилъ преосв. Костромскаго [3]) посвященіемъ

въ санъ протоіерея. Въ 1812 году ему, какъ протоіерею Архангельскаго собора, поручено было преосвящ. Августиномъ отвезти, на время пребыванія Французовъ въ Москвѣ, въ Вологду, въ тамошній Спасо-Преображенскій монастырь, патріаршую ризницу и библіотеку соборную и Троицко-Лаврскую ризницу, дѣла Московской Консисторіи и Синодальной Конторы для храненія. Шумилинъ вѣрно исполнилъ порученіе и, по освобожденіи Москвы отъ непріятеля, въ сохранности привезъ все довѣренное его храненію въ Москву. Въ 1813 году, овдовѣвши, онъ принялъ монашество и назначенъ архимандритомъ Златоустова, а съ 1816 г. Спасо-Андроніева монастыря; съ 1818 г. Іюля 21 епископъ Тульскій; съ 1821 г. архіепископъ Астраханскій и съ 1824 г. Ярославскій; въ 1836 г. уволенъ на покой; скончал. 18 Апрѣля 1844 г. Знакомство его съ преосвящ. Парѳеніемъ, очевидно, началось еще въ Москвѣ. И. К.—Это, если не ошибаемся, дѣдъ по матери покойнаго Сергія Михаиловича Соловьева, который намъ говорилъ, что ему въ юности доводилось проводить у преосв. Авраама подъ Ярославлемъ лѣтніе мѣсяцы. Отъ старыхъ служекъ своего дѣда будущій историкъ слышалъ о томъ, какъ Филаретъ, живучи на Ярославскомъ подворьѣ въ Петербургѣ, причинялся въ масонское одѣяніе и совершалъ вмѣстѣ съ княземъ А. Н. Голицынымъ и другими такъ называемое „радѣніе", т. е. круженіе съ духовными пѣснями. Это подтверждается дневникомъ Квакера Этьена Грелье-де-Мабилье, изданномъ въ Филадельфіи и переведенномъ для насъ А. О. Смирновою. П. Б.

[1]) Куда Авраамъ вызванъ былъ для участія въ засѣданіяхъ Св. Синода. Ко времени бытности его въ Петербургѣ и относятся труды преосвящ. Парѳенія по епархіи Ярославской.

[2]) Письмо все собственноручное.

[3]) Самуила Запольскаго-Платонова, бывшаго епископомъ Костромскимъ съ 1817 по 1830 г. Скончал. 16 Апрѣля 1831 г.

кандидатовъ на мѣста при церквахъ моей епархіи, я въ надеждѣ вашего ко мнѣ благорасположенія, предписалъ Консисторіи по тремъ городамъ: Ярославлю, Ростову и Угличу съ уѣздами препровождать таковыхъ кандидатовъ къ вашему преосвященству. А съ тѣмъ вмѣстѣ и поновляю просьбу мою, каковою я по сему предмету утруждалъ ваше преосвященство въ началѣ прошлаго 1825 года. Вѣроятно труды ваши будутъ не долговременны: ибо я уже доживаю срокъ, на каковой по крайней мѣрѣ мои предшественники были вызываемы; но благодарность къ вашему преосвященству за одолженіе Ярославской паствы вѣчно останется въ душѣ пребывающаго съ искреннимъ почтеніемъ къ вамъ недостойнаго пастыря ея а. Авраама.

Ноября 19.

День достопамятный. Ѣду въ крѣпость на панихиду; а высокопреосвященный здѣшній митрополитъ служитъ тамъ литургію.

P. S. О перемѣнахъ по Нижнему Новгороду [1]) и Казани [2]) вы уже должны быть извѣстны. Касательно о. архимандрита Ѳеоктиста [3]) исполнилось желаніе ваше. Онъ и мой Толгскій Іасонъ [4]) вызываются сюда [5]) на череду на слѣдующій годъ. Напутствуйте его, преосвященнѣйшій владыко, нужными совѣтами. Преосв. Рязанскій [6]) вызывается для присутствія въ Синодѣ [7]).

VI.

Письма Никодима, епископа Орловскаго [8]).

1.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Совершился совѣтъ превѣчный, пришло исполненіе временъ, сбы-

---

[1]) Въ Нижній Новгородъ, на мѣсто епископа Меѳодія Орлова-Соколова, уволеннаго на покой, назначенъ былъ Аѳанасій Протопоповъ, скончавшійся въ 1842 г. архіепископомъ Тобольскимъ.

[2]) Въ Казань перемѣщенъ изъ Твери архіепископъ Іона Павинскій, а изъ Казани въ Тверь извѣстный проповѣдникъ Амвросій Протасовъ.

[3]) Разумѣется Ѳеоктистъ Орловскій, бывшій сотрудникомъ преосвящ. Парѳенія по Московской Семинаріи, котораго теперь (въ 1827 г.) перемѣстили изъ Московскаго Заиконоспасскаго въ настоятели Боголюбова монастыря Владимирской епархіи, гдѣ онъ 2 Марта 1829 г. и померъ.

[4]) Архимандритъ Іасонъ Никольскій, который и скончался на Толгѣ, оставивъ настоятельство въ 1830 году.

[5]) Въ Петербургъ. Письмо писано изъ Петербурга 19 Ноября 1826 или 1827 года.

[6]) Филаретъ Амфитеатровъ.

[7]) Письмо также все собственноручное.

[8]) Никодимъ (въ мірѣ Николай) Быстрицкій, урожденецъ Владимирской епархіи, учился и учительствовалъ (съ 1808 г.) въ той же епархіи; въ 1814 году постриженъ въ

лось чаяніе языковъ, открылась велія благочестія тайна, Богъ явися во плоти. Среди всѣхъ чудесъ и знаменій благодатнаго къ намъ снисхожденія Его приснодѣвствующая Матерь, держа въ объятіяхъ Своихъ Сына своего и Бога, отъ Отца прежде денницы возсіявшаго, маніемъ Своимъ всю тварь содержащаго, повѣдаемые о Немъ глаголы слагаетъ въ сердцѣ своемъ. Божественное Отроча, своими свѣтлѣйшими очами объемля времена и вѣки, молчитъ повитое и лежащее въ яслѣхъ, трости сокрушенной не преломитъ и льна дымящагося не угаситъ, дондеже изведетъ судъ въ побѣду. Воистину видимъ таинство странное и и преславное: небо-вертепъ!

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Привѣтствуя васъ съ пресвѣтлымъ днемъ Рождества Христа Спасителя нашего, изъ всѣхъ знаменій и чудесъ единаго у Него сердечно прошу вамъ знаменія, да знаменается на васъ свѣтъ Божественнаго лица Его, и да пребудетъ съ вами Своею благодатію и силою, да укрѣпитъ ваше драгоцѣнное здравіе къ прохожденію великаго служенія вашего, къ созиданію возлюбленнаго достоянія Своего—святыя церкви; да сохранитъ и продлитъ вашу благодѣтельную и святительскую жизнь въ вожделѣнномъ и неизмѣняемомъ благоденствіи и долгоденствіи, и да возвеличитъ васъ славою и честію.

Съ таковыми искреннѣйшими чувствами сыновней преданности и сердечнаго почитанія имѣю счастіе навсегда пребыть вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца, всенижайшій послушникъ и богомолецъ Никодимъ епископъ Орловскій.

25 Декабря 1836 года.
Орелъ.

P. S. Вашему высокопреосвященству смѣю вопервыхъ принести извиненіе въ томъ, что столько давно не писалъ вамъ, хотя имѣлъ къ тому случаи и причины, а затѣмъ уже предложить вамъ нѣкоторыя мои донесенія.

Въ прошедшемъ Ноябрѣ, проѣзжая по тракту чрезъ Орелъ, два преосвященные, Владимиръ Костромскій [1]) и Павелъ Черниговскій [2]), у меня останавливались; одинъ ночевалъ одну ночь, а другой двѣ. Первый очень веселъ, здоровъ и живъ; онъ немало сѣтуетъ на васъ за

монашество и съ 1816 года настоятельствовалъ въ различныхъ монастыряхъ Владимирской же епархіи, пока 23 Дек. 1827 года не переведенъ былъ въ настоятеля Московскаго Златоустова монастыря, еще въ 1825 году получивъ санъ архимандрита. 22 Іюня 1828 г. ему повелѣно быть епископомъ Орловскимъ, на каковой каѳедрѣ онъ и скончался 30 Декабря 1839 года.

[1]) Владимиръ Алявдинъ, о которомъ рѣчь была уже выше.

[2]) Павелъ Подлипскій, о которомъ также говорено было выше.

своего роднаго брата діакона, и, думаю, сами изволили видѣть его лично въ вашемъ домѣ [1]); второй же довольно уже пособостарѣлся и немного похудѣлъ, волосы у него на головѣ всѣ совершенно посѣдѣли, но къ низу имѣютъ прежній видъ. Онъ не столь веселъ и живъ [2]), много любопытствовалъ отъ меня слышать о житьѣ Петербургскомъ; но кажется, я не во всемъ удовлетворилъ его желанію; нѣсколько подшутилъ надо мною на счетъ своего повышенія [3]). Дорожная у него карета самая небогатая, но и та чужая, будто бы подарена одною помѣщицею. Дивлюсь, что онъ изъ Костромы [4]) ѣхалъ дорогами проселочными и къ вашему высокопреосвященству во Владиміръ не завернулъ [5]).

Въ прошедшее лѣто я осмотрѣлъ въ своей епархіи четыре уѣзда, а церквей болѣе двухъ сотъ, и Господь Богъ помогъ открыть въ городѣ Ельцѣ вновь устроенный мужескій третьеклассный монастырь. Въ семъ же городѣ открылся необыкновенный случай. Въ женскомъ монастырѣ жила одна дѣвица однодворческаго званія лѣтъ пятьдесятъ пять; а отъ роду ей было лѣтъ семьдесятъ пять; послѣднія семнадцать лѣтъ она въ своей самой бѣдной хижинѣ и примѣтно въ нищетѣ проводила жизнь затворническую, а въ Іюнѣ одна безъ людей скончалась; на погребеніе ея народу собралось, какъ сказываютъ, множество, а въ сороковой день еще болѣе, и начали пѣть по ней панихиды, разглашать разныя исцѣленія и чудеса. Въ сіе дѣло сперва взошелъ тамошній городничій и донесъ губернатору, а я, по донесенію игуменіи, собравъ нѣкоторыя свѣдѣнія, представилъ Св. Синоду. Панихиды позволено указомъ пѣть по ней, но только въ церкви, а мнѣ предписано замѣтить, что якобы умножило молву мое распоряженіе, которое не умножило, но прекратило: ибо я, бывъ въ Ельцѣ, строго запретилъ въ монастырѣ разглашенія, кои, по замѣчанію, оттолѣ и выходили, и отобралъ ея портретъ. Хотѣлъ еще рапортовать съ объясненіемъ, но пріостановился, чтобы не было еще хуже [6]).

2.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Воскресеніе Христово есть свѣтлое торжество церкви, основаніе

---

[1]) Преосвященный Парѳеній, подчеркивавшій въ письмѣ мѣста, которыя его чѣмъ-либо интересовали, на этомъ мѣстѣ надписалъ: „Помирились“.

[2]) И здѣсь преосв. Парѳеній надписалъ: „Когда былъ живъ?“

[3]) Въ архіепископы. Никодимъ раньше Павла рукоположенъ былъ во епископа.

[4]) Преосв. Павелъ до 1836 г. былъ епископомъ Костромскимъ.

[5]) Здѣсь преосвящ. Парѳеній опять написалъ: „Правда!“

[6]) Письмо собственноручное.

вѣры, утвержденіе надежды, союзъ любви, источникъ истинной радости и блаженства, предметъ пѣснопѣнія ангеловъ, поклоненія и прославленія человѣковъ. Среди всеобщаго празднованія и веселія, при восторгахъ душъ и сердецъ, когда у всѣхъ глаголютъ уста: Христосъ воскресе! могу ли пребыть нечувствителенъ и безгласенъ предъ лицемъ вашего высокопреосвященства? Симъ вожделѣннымъ глаголомъ привѣтствуя васъ во благознаменитый день праздника нашего, возношу гласъ моленія моего, да благословитъ васъ Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ всякимъ благословеніемъ Своимъ; да приложитъ вамъ дни на дни, оградитъ вашу жизнь миромъ, здравіемъ и благополучіемъ, исполнитъ сердце ваше веселіемъ и радостію, паче и паче превознесетъ васъ и да удивитъ на васъ милость Свою. Съ таковыми сыновними желаніями и чувствами сердечной преданности и душевнаго почитанія имѣю счастіе навсегда пребыть вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца, нижайшій послушникъ и богомолецъ Никодимъ епископъ Орловскій.

18 Апрѣля 1837 года.
Орелъ.

P. S. У насъ доселѣ за подлинно неизвѣстно и даже не слышно, кто будетъ Кіевскимъ митрополитомъ. Кого-то Господь Богъ опредѣлитъ [1]). Пишутъ мнѣ, что преосвященнѣйшій Іосифъ [2]) очень сожалѣетъ о покойномъ митрополитѣ Евгеніи [3]). Дай Богъ ему найти въ его преемникѣ такое же къ себѣ расположеніе!

Вашему высокопреосвященству донесу еще, здѣсь получено вѣрное извѣстіе, что въ слѣдующее лѣто нашъ Орелъ изволитъ посѣтить Государь Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

Вчерашняго числа (8 Апрѣля), по указу Св. Синода, присланъ ко мнѣ въ Бѣлобережскую здѣшнюю пустыню іеромонахъ Сергій, бывшій архимандритъ и ректоръ Семинаріи сперва Калужской, а послѣ Каменецъ-Подольской, изъ Глинской пустыни, подъ надзоръ настоятеля, и велѣно репортовать о немъ пополугодно. Онъ имѣлъ дѣла съ преосвященнымъ Курскимъ Иліодоромъ, почти сотоварищемъ своимъ по Московской Академіи [4]), и съ братіею Рыльскаго монастыря, по коимъ

---

[1]) Опредѣленъ Филаретъ Амфитеатровъ.

[2]) Величковскій, бывшій Смоленскій, жившій на покоѣ съ 1834 года. Скончавъ 1851 году.

[3]) Знаменитомъ Евгеніи Болховитиновѣ, скончавъ 23 Февр. 1837 года.

[4]) Иліодоръ Чистяковъ, магистръ II курса (выпуска 1820 г.), съ 1832 епископъ Курскій; съ 1844 г. архіепископъ; въ 1860 г. уволенъ на покой и скончался 2 Февраля 1861 года въ Бѣлгородскомъ монастырѣ Курской же епархіи. Сергій Извѣковъ, кандидатъ I курса той же Академіи (вып. 1818 г.), былъ до 1820 г. баккалавромъ ея, а потомъ ин-

запрещенъ въ священнодѣйствіи и лишенъ архимандритства; а нынѣ переводится за подачу прошенія самому Государю Императору на Французскомъ языкѣ, наполненнаго неприличными матеріями.

У меня въ епархіи въ трехъ монастыряхъ настоятельскія вакансіи находятся праздны, двѣ архимандритскихъ и одна игуменская; по неимѣнію способныхъ людей замѣстить не знаю кѣмъ. Собственно о себѣ: по дѣламъ съ новаго года ничего особеннаго не случилось, а только одинъ сельскій молодой священникъ убилъ до смерти въ пьяномъ видѣ и въ пьяномъ сборищѣ однодворца. Не знаю, пройдетъ ли сіе безобидно. Самъ по временамъ бываю не совсѣмъ здоровъ, но крестъ свой несу и молю Господа Бога, да мнѣ поможетъ *).

3.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Еще сподобилъ насъ Господь Богъ праздновать тотъ благознаменитый день, въ который призрѣлъ Востокъ съ высоты на сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй.

Еще святая церковь, какъ мать чадолюбивая, утѣшаетъ и восхищаетъ души и сердца возлюбленныхъ чадъ своихъ, призывая ихъ къ духовному торжеству сладчайшимъ ангельскимъ пѣснопѣніемъ, воспѣвая славу въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе. Сынове ея, какъ сынове Сіони, во свѣтѣ вѣры и любви кланяются солнцу правды, созерцая въ младенцѣ повитомъ и лежащемъ въ яслѣхъ Бога превѣчнаго, и вмѣстѣ уготовляя Ему невещественный престолъ въ душахъ своихъ, да царствуетъ въ нихъ Христосъ во вѣки и они да воцарятся съ Нимъ.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Привѣтствуя васъ со всерадостнѣйшимъ и свѣтлымъ праздникомъ Рождества Христа Спасителя нашего и съ новымъ годомъ, еще и я предъ вами свидѣтельствую сердечную признательность мою и усердно молю воплотившагося Господа Творца вѣковъ, да умножитъ Онъ неоцѣненные дни вашей благотворной жизни по числу звѣздъ небесныхъ и песка морскаго, да благословитъ вашу святительскую особу вожделѣннымъ здравіемъ, миромъ и всеобильнымъ благополучіемъ, и вѣнчая васъ славою и честію, да явитъ вамъ спасеніе Свое. Съ таковымъ сыновнимъ расположеніемъ

спекторомъ Калужской и съ 1826 г. ректоромъ Подольской, но въ 1828 г. по случаю глазной болѣзни уволенъ въ Троицкую Сергіеву Лавру. Въ 1834 году назначенъ настоятелемъ Рыльской Николаевской пустыни Курской епархіи. Скончался въ Саровской пустынѣ Тамбовской епархіи въ 1848 году.

*) Письмо все собственноручное.

души и сердца, преданныхъ вамъ, имѣю счастіе пребыть вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца, всенижайшій послушникъ и богомолецъ Никодимъ епископъ Орловскій.

Декабря дня 1838 года.
Орелъ.

P. S. Вашему высокопреосвященству позвольте донести: изъ С.-Петербурга кто у меня ни бываетъ, всѣ увѣряютъ, что здоровье высокопреосвященнѣйшаго митрополита Серафима довольно хорошо поправилось. Слава Господу Богу! Ожидалъ къ себѣ въ Октябрѣ владыку Кіевскаго [1]), но не получилъ, хотя свита его высокопреосвященства проѣхала чрезъ Орелъ. Здѣсь у насъ особенно замѣчательно то, что по случаю ревизовки казенныхъ имѣній въ 1837 году по высочайшему повелѣнію по епархіи до пятидесяти священниковъ запрещено и отдано подъ судъ за поборы по жалобамъ прихожанъ. Дѣла о нихъ по рѣшеніи представляются Святѣйшему Синоду, коихъ болѣе половины уже и представлено, но ни объ одномъ еще разрѣшенія не получено. Большая часть по слѣдствіямъ оказались невинными, и больше молодыхъ, нежели старыхъ. Ревизовавшій чиновникъ сдѣлалъ два отношенія ко мнѣ по сему предмету и далъ слово, что онъ и еще будетъ относиться по жалобамъ, но слова своего не сдержалъ, неизвѣстно почему. Указъ о семъ послѣдовалъ въ Іюлѣ.

Въ прошедшее лѣто я осмотрѣлъ три уѣзда, а церквей до ста семидесяти, но послѣ такъ въ силахъ ослабѣлъ, что и доселѣ никакъ поправиться не могу; сначала завалило мнѣ грудь и горло, отъ чего съ трудомъ едва, едва могъ говорить, а потомъ почувствовалъ въ себѣ слабость, отъ которой при маломъ движеніи приходилъ въ изнеможеніе. Сіе ослабленіе продолжается еще доселѣ, но поменьше. Совѣтуютъ лѣчиться, но удерживаюсь. По такой трудности обстоятельствъ часто помышляю и о покоѣ. Благоволите, владыко святый, нынѣ въ томъ меня извинить, что поздно посылаю сіе письмо. Причиною тому дворянская балотировка, которая кончилась только вчерашняго дня 22 числа сего Декабря, въ которое новоизбраннымъ судіямъ была присяга. Какъ въ здѣшней губерніи дворянства очень много, то своими посѣщеніями съ 8-го числа выбили изъ рукъ всѣ дѣла [2]).

---

[1]) Митрополита Филарета (Амфитеатрова).
[2]) Письмо опять все собственноручное.

ПИСЬМО СМАРАГДА, АРХІЕПИСКОПА РЯЗАНСКАГО И МУРОМСКАГО, КЪ ГРАФУ Д. Н. ТОЛСТОМУ.

Ваше сіятельство графъ Дмитрій Николаевичъ!

Въ прошедшемъ м. Ноябрѣ ваше сіятельство изволили писать ко мнѣ о дѣлѣ Ивана Александровича Бабина, коего сынъ незаконно вступилъ въ бракъ съ княжною Барятинскою. По этому дѣлу производилось у насъ слѣдствіе, и ничего опредѣлительнаго нельзя было еще сказать вамъ о немъ. Между тѣмъ вчера получено мною *секретно* высочайшее повелѣніе, чтобъ рѣшеніемъ этого дѣла по епархіальному вѣдомству пріостановиться впредъ до особаго повелѣнія. Такимъ образомъ дѣло сіе кладется теперь у насъ подъ спудъ молчанія и забвенія...

Здѣшній губернскій архитекторъ г. Щеткинъ на дняхъ объявилъ мнѣ ваше желаніе, чтобы Знаменскій [1]) священникъ вашъ представленъ былъ къ слѣдующей наградѣ. На это обязанъ я доложить в-му с-ву, что для представленія духовныхъ лицъ къ наградамъ у насъ положенъ срокъ въ Августѣ мѣсяцѣ; почему и нельзя теперь дѣлать о семъ представленія, а въ будущемъ м. Августѣ я не забуду о вашемъ ходатайствѣ.

Много и премного радуюсь, что ваше сіятельство участвуете въ комитетѣ объ улучшеніи быта духовенства. Но прежде всего, по моему мнѣнію, нужно бъ подумать о содержаніи архіереевъ, которые (кромѣ Кіевск., Моск., Воронежск. и еще немногихъ) получаютъ самое бѣдное жалованье, положенное по штату прошедшаго вѣка, *при блаженной памяти Императора Павла Петровича.* Наприм.,Рязанскій, одинъ изъ старшихъ владыкъ, получаетъ жалованья 900 р., да изъ Радовицкаго монастыря до 400 р. Какъ тутъ жить и достоинство свое сколько нибудь поддерживать?! Домъ же владыки ничѣмъ не поддерживается болѣе уже полстолѣтія, и вашему сіятельству не безызвѣстно, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одной казармы столь ветхой, безобразной и для жительства неудобной, какъ этотъ домъ [2]), въ коемъ я потерялъ послѣднее мое здоровье, а въ прошедшемъ 1860 году едва не умеръ, собственно отъ ветхостей этого дома. Не подумайте, ваше сіятельство, что у меня есть желаніе просить какихъ-либо прибавокъ. Нѣтъ. Мнѣ уже 67 лѣтъ, и просить прибавокъ я никогда не стану, если нѣтъ на это никакихъ, сообразныхъ съ вѣкомъ, трудами и достоинствами, положеній...

Начертывая сіи старческія строки (коихъ прошу никому не показывать) въ первые дни новаго года, усердно привѣтствую ваше сіятельство со вступленіемъ въ оный, молитвенно желая вамъ, какъ мужу по сердцу Божію, небесныхъ благословеній и благодатныхъ утѣшеній во все продолженіе жизни вашей. Вашего сіятельства покорнѣйшій слуга и богомолецъ Смарагдъ, архіепископъ Рязанскій.

1863. Янв. 4. Рязань.

(Изъ автографовъ Воронежскаго Губернскаго Музея).

---

[1]) Село Знаменское-Толстые тожъ, Данковскаго у., родовое имѣніе граф.Толстыхъ.

[2]) Нѣкогда дворецъ Рязанскихъ князей. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛЕДИ БЛУМФИЛЬДЪ.

(*Съ Англійскаго*).

Леди Георгіана Блумфильдъ, рожденная Лиддель, младшая дочь лорда Томаса Генри Равенсвортъ, родилась 13 Апрѣля 1822 г. въ Лондонѣ. Ей было 17-ть лѣтъ, когда королева Викторія взяла ее ко двору, назначивъ своей личной фрейлиной. Съ этихъ поръ между нею и королевой завязалась сердечная дружба. Въ 1845 г. въ Лондонѣ она вышла замужъ за лорда Блумфильда, бывшаго тогда Великобританскимъ посланникомъ при Петербургскомъ дворѣ. Въ Октябрѣ того же года они поѣхали въ Россію. Лордъ и леди Блумфильдъ пользовались расположеніемъ императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны и уваженіемъ всего Петербургскаго общества.

Въ 1851 г., передъ началомъ Крымской войны, лордъ Блумфильдъ былъ отозванъ изъ Петербурга и назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, а оттуда въ Вѣну.

Черезъ 35 лѣтъ послѣ своего пребыванія въ Россіи, леди Блумфильдъ собрала свои письма и нѣкоторыя замѣтки въ два тома, изданные подъ заглавіемъ „Воспоминаній о придворной и дипломатической жизни“.

Ѳ. Гогель.

Суббота, 18-го Октября 1845. Мы стали на якорь въ Кронштадтѣ и, благодаря любезности одного изъ пассажировъ г. Александра Берда, предоставившаго намъ одинъ изъ своихъ пароходовъ „Александръ“, могли сойти съ „Наслѣдника“ прежде остальныхъ пассажировъ и прибыли въ Петербургъ около 1 ч. пополудни. Первыя впечатлѣнія Невы не были для меня особенно благопріятны. Погода стояла сырая и холодная, и городъ, покрытый инеемъ, имѣлъ зимній видъ. Я была поражена необыкновеннымъ видомъ рабочихъ на многочисленныхъ баркахъ, мимо которыхъ мы проѣзжали. Они всѣ одѣты въ бараньи тулупы; у нихъ мѣховыя шапки и громадныя перчатки безъ пальцевъ. Они мнѣ показались совершенными дикарями. Великъ былъ мой восторгъ, когда мы наконецъ пріѣхали къ себѣ, въ посольство, помѣщавшееся въ домѣ Струкова на Англійской набережной. Г. Букананъ, секретарь посольства, встрѣтилъ насъ, и мы нашли все приготовленное, такъ какъ прислуга уже ожидала насъ нѣсколько дней.

Днемъ я сдѣлала первую прогулку по городу въ экипажѣ. Я была очень поражена красотой города, особенно Зимнимъ дворцомъ, Адмиралтейскою площадью и церквами; размѣры ихъ очень велики, а костюмы часовыхъ и мужиковъ меня весьма забавляли. Мостовыя были отвратительны и растрясли меня совершенно. Эта тряска могла сломать не только всѣ пружины экипажа, но и всѣ кости тѣла.

Мои дипломатическія подруги были: графиня Брей, рожд. Дентисъ, жена Баварскаго посланника и *doyenne* (старѣйшина) дипломатическаго корпуса: баронесса Зеебахъ, рожд. Нессельроде, m-me Ранцау и графиня де-Реневаль, рожд. Бертенъ-де-Во. очень умная, пріятная и образованная молодая женщина, отличная музыкантша.

Я познакомилась съ графиней Воронцовой-Дашковой, рожденной Нарышкиной, съ графиней Софіей Бобринской, рожд. Самойловой, которая впослѣдствіи сдѣлалась моимъ лучшимъ другомъ и была, безъ сомнѣнія. одною изъ очаровательнѣйшихъ женщинъ, которыхъ мнѣ когда-либо приходилось знать. Она была близкимъ другомъ Императрицы и постоянно видѣлась съ нею, но никогда не хотѣла занимать никакого оффиціальнаго положенія при дворѣ послѣ своего замужества, хотя она была фрейлиной императрицы Елисаветы Алексѣевны, а мужъ ея, графъ Бобринскій, имѣлъ большое сходство съ бюстами императрицы Екатерины....

Домъ Л... на Англійской набережной, одинъ изъ лучшихъ въ Петербургѣ. былъ полонъ произведеній искусствъ и вмѣщалъ въ себѣ богатую коллекцію Египетскихъ древностей. У Л.... былъ единственный сынъ, закоренѣлый игрокъ. Отецъ съ нимъ постоянно ссорился и, заплативъ нѣсколько разъ его долги, объявилъ, что больше никогда этого не сдѣлаетъ. Вскорѣ послѣ этого молодой человѣкъ пришелъ заявить, что снова проигралъ значительную сумму и что онъ рѣшился покончить съ собой, если долгъ его не будетъ заплаченъ. Отецъ, думая, что это была лишь пустая угроза, не измѣнилъ своего рѣшенія. Тогда молодой человѣкъ пошелъ къ себѣ въ комнату и застрѣлился, къ полному отчаянію своихъ несчастныхъ родителей. Г-жа Л.. была странная особа. Она давала очень пріятные обѣды, на которыхъ мы часто бывали. Послѣ ея смерти, зять ея мнѣ разсказывалъ, что у нея была особая темная комната, ключъ отъ которой она всегда имѣла при себѣ и въ которую въ теченіе 30 лѣтъ никого не пускала. Она въ эту комнату складывала всякія вещи. Такъ, напр. послѣ большого обѣда она относила туда огарки отъ свѣчей, конфеты и т. д. Сберегая всѣ письма и записки, которыя когда-либо получила, она нерѣдко вкладывала въ нихъ ассигнаціями довольно крупныя суммы. Она воображала, что она бѣдна. Иногда она давала нянѣ своихъ внуковъ по нѣскольку рублей на покупку пары перчатокъ, чулокъ или носовыхъ платковъ, между тѣмъ какъ у нея были сложены дюжинами великолѣпные платки, присланные изъ Парижа, которые потомъ были найдены, перевязанные цвѣтными ленточками, какъ были присланы. Тамъ было 300 шелковыхъ платьевъ, 70 корсетовъ, а въ

одномъ углу этой норы нашли старую мятую картонку съ драгоцѣннымъ уборомъ изъ изумрудовъ, цѣною въ нѣсколько тысячъ!

У Воронцовыхъ - Дашковыхъ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Петербургѣ, великолѣпно отдѣланный и меблированный. Во время большихъ вечеровъ у нихъ были открыты только комнаты нижняго этажа. Стѣны и мебель были обиты роскошнымъ малиновымъ штофомъ съ бархатными портьерами того же цвѣта; но меня изумляло видимое отсутствіе книгъ и произведеній искусствъ во всѣхъ комнатахъ. Когда я бывала у Воронцовыхъ - Дашковыхъ, то обыкновенно заставала хозяйку, сидѣвшую въ очень темной комнатѣ, въ особомъ боскетѣ изъ экзотическихъ растеній и плюща, очевидно въ ожиданіи общества. Русскія дамы, казалось, никогда ничѣмъ не занимались, и ихъ главный интересъ составлялъ театръ; ихъ первый вопросъ неизбѣжно бывалъ тотъ же самый: какія пьесы я видѣла? На балу у графини Левашовой ярко освѣщенныя комнаты открывались на великолѣпный зимній садъ, гдѣ билъ фонтанъ.

Баронъ Зеебахъ повезъ насъ въ лучшіе мѣховые магазины въ гостиномъ дворѣ или базарѣ. Старый купецъ низко кланялся и, послѣ многихъ изъявленій своего расположенія, показывалъ намъ великолѣпные мѣха, между прочимъ шубу изъ чернобурой лисицы, цѣною въ 10,000 р. Въ то время рубль равнялся тремъ шиллингамъ. Мой мужъ подарилъ мнѣ прекрасную шубу изъ чернобурой лисицы съ собольимъ воротникомъ, а также великолѣпное боа и муфту изъ соболей. Онъ долженъ былъ подвергнуться лобзаніямъ купца; однако, по пріѣздѣ домой, мы были удивлены, замѣтивъ, что мѣхъ былъ подмѣненъ на другой, по крайней мѣрѣ втрое дешевлѣ. Мы тотчасъ же послали за объясненіемъ; посланный нашъ вернулся съ тѣмъ мѣхомъ, который мы выбрали и сказалъ, что это была ошибка; но безъ сомнѣнія купецъ ею бы охотно воспользовался.

Понедѣльникъ, 3-го Ноября. День прекрасный, такъ что я въ первый разъ поѣхала на острова. Въ это время года они имѣли весьма жалкій видъ, словно рядъ опустошенныхъ чайныхъ садиковъ; дороги же были ужасны. Въ другой разъ мы ѣздили въ Смольный монастырь. Церковь огромныхъ размѣровъ съ колоннами изъ бѣлаго мрамора. Сэръ Джемсъ Вилліе обѣдалъ у насъ. Онъ былъ лейбъ-медикомъ императора Александра I, всегда сопровождалъ его во всѣхъ кампаніяхъ и путешествіяхъ и оставался съ нимъ до самой его кончины. Онъ разсказывалъ мнѣ, что былъ первымъ увидившимъ императора Павла послѣ того какъ онъ скончался: ибо за нимъ послали, чтобы вскрыть и набальзамировать тѣло и привести его въ лучшій видъ. Таковъ обычай въ Россіи: тѣла членовъ императорской фамиліи выставляются на смертномъ одрѣ, въ теченіи нѣсколькихъ дней до погребенія, и народъ стекается въ громадномъ числѣ, чтобы увидѣть тѣло усопшаго и цѣловать ему руку.

Среда, 12-го Ноября. Намъ было очень забавно услышать, что великій князь Михаилъ Павловичъ недавно приглашалъ къ себѣ на Англійскую баранину, которая въ Петербургѣ считается большимъ лакомствомъ. Ока-

залось, что это была бѣдная овечка, которую выслалъ мнѣ мой отецъ; она сломала себѣ по пути ногу, вслѣдствіе чего пришлось ее немедленно заколоть. Однако мы не могли употреблять ее въ пищу, такъ какъ мясо уже испортилось; а поваръ нашъ продалъ ее метрдотелю великаго князя въ видѣ большой рѣдкости. Когда мясо подали къ столу, оно, разумѣется, не было уже съѣдобно.

Я имѣла долгій разговоръ съ д-ромъ Роджерсомъ о состояніи бѣднѣйшихъ классовъ въ Россіи. Крѣпостные у хорошихъ владѣльцевъ, вѣроятно, въ лучшемъ положеніи, чѣмъ бѣдный людъ въ Англіи; но когда ихъ угнетаютъ, то для нихъ нѣтъ никакого спасенія, потому что даже въ случаѣ обращенія крестьянъ къ властямъ, владѣлецъ, при помощи подкупа, обыкновенно получаетъ рѣшеніе въ свою пользу, и тогда несчастный крѣпостной и его семейство подвергаются такимъ преслѣдованіямъ, что предпочитаютъ сносить всякія жестокости, чѣмъ жаловаться на своего господина. Въ южныхъ губерніяхъ крестьяне терпѣли большую нужду, и д-ръ Роджерсъ говорилъ мнѣ, что видѣлъ, какъ крестьяне примѣшивали къ мукѣ опилки и сушеныя тертыя яблоки. У одного помѣщика было два сына: старшій законный, младшій незаконный. Отецъ гораздо болѣе любилъ послѣдняго и далъ ему прекрасное воспитаніе. Молодой человѣкъ имѣлъ выдающійся артистическій талантъ и отлично занимался; но когда отецъ его умеръ, онъ сталъ крѣпостнымъ своего старшаго брата, который его ненавидѣлъ. Итакъ, онъ за нимъ послалъ, приказавъ ему покинуть Петербургъ и немедленно возвратиться къ плугу въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи. Несчастный человѣкъ въ отчаяніи заявилъ, что это будетъ для него полная погибель, и предлагалъ заплатить всякій откупъ, какой только угодно будетъ назначить его брату, съ тѣмъ, чтобы ему было разрѣшено оставаться въ Петербургѣ и продолжать свое занятіе. Но старшій братъ былъ неумолимъ и отвѣчалъ, что не нуждается въ его деньгахъ, а желаетъ его погибели, потому что его ненавидитъ. Младшему брату пришлось повиноваться и уѣхать изъ Петербурга!

Въ Петербургѣ и Москвѣ множество больницъ, которыя порядочно содержатся: но въ провинціи бѣдному населенію приходится очень тяжело отъ недостатка медицинской помощи, и оно сильно страдаетъ отъ изнурительной тифозной горячки.

16-го Ноября. Получивъ приглашеніе въ Царское Село, мы выѣхали изъ дому въ нашей кибиткѣ, четверкой въ рядъ, и пріѣхали туда въ 2 часа; насъ тотчасъ же провели въ наши аппартаменты, которые находились во второмъ этажѣ дворца, прекрасные по своимъ размѣрамъ, но плохо меблированные, съ пустымъ столомъ, нѣсколькими стульями и съ очень твердымъ и неудобнымъ диваномъ, приставленнымъ къ стѣнѣ. Было еще три комнаты поменьше, и хотя намъ предложили кровати, но очевидно разсчитывали, что мы не примемъ этого предложенія, такъ какъ была всего одна небольшая постель въ передней. Послѣ нашихъ просьбъ, намъ удалось получить умывальники. Мы зашли къ статсъ-дамѣ Барановой, а затѣмъ одѣвались къ обѣду. Насъ перевезли черезъ большой дворъ въ придворной каретѣ и про-

вели въ царскіе покои, гдѣ я встрѣтила свою Португальскую подругу m-me Корреа, которая должна была тоже представляться. Императоръ Николай и Императрица проводили эту зиму въ Палермо, для здоровья Императрицы, которое было очень слабое. Вскорѣ Цесаревна или наслѣдная великая княгиня вышла, и я была представлена ей, потомъ ея супругу Цесаревичу, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, ея супругу герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому и принцу Александру Гессенскому, брату Цесаревны. Немедленно послѣ представленія мы пошли къ обѣду. Я слѣдовала за императорской фамиліей и сидѣла за столомъ рядомъ съ оберъ-гофмаршаломъ. Была многочисленная свита, и придворныхъ было, какъ мнѣ показалось, отъ 150 до 200 человѣкъ. Я сидѣла противъ Наслѣдника; во время обѣда игралъ оркестръ. Послѣ обѣда мы на короткое время перешли въ гостинную, гдѣ я познакомилась съ двумя замѣчательными старушками: графиней Апраксиной и княгиней Долгорукой, которыя были фрейлинами императрицы Екатерины и сопровождали ее во время ея путешествія въ Крымъ. Онѣ были украшены множествомъ орденовъ, которые онѣ носили на лѣвомъ плечѣ. Было четыре дежурныхъ фрейлины; онѣ носятъ брилліантовый шифръ Императрицы на голубомъ бантѣ. Около 6 часовъ мы возвратились въ наши комнаты, гдѣ я была рада отдохнуть до 9-ти часовъ, когда переодѣлась, и затѣмъ мы возвратились въ императорскія комнаты, и насъ повели въ маленькій театръ, принадлежащій къ дворцу, гдѣ были сыграны двѣ Французскія пьесы. M-lle Плесси, которая въ это время очень славилась въ Петербургѣ, была главною приманкой. Она была отличная актриса и немного напомнила мнѣ m-lle Марсъ; но ее плохо поддерживали другіе актеры, и мнѣ не понравилась ни одна изъ пьесъ, которыя были: „Quand l'amour s'en va" и „Rodolphe" или „Frère et Soeur".

Послѣ спектакля былъ ужинъ, сервированный на маленькихъ круглыхъ столахъ. Меня помѣстили за столомъ Цесаревича. Цесаревичъ обходилъ столы и разговаривалъ съ гостями. Лишь только ужинъ окончился, мы немедленно откланялись и возвратились въ Петербургъ, около 3-хъ часовъ ночи. Царскосельскій дворецъ великолѣпенъ, и комнаты, занимаемыя императорской фамиліей, тѣ самыя, въ которыхъ жила императрица Екатерина II; онѣ поддерживаются въ точно такомъ же видѣ, какъ были при ней. Паркетъ въ одной комнатѣ инкрустированъ перламутромъ; я тоже была изумлена удивительной и рѣдкой коллекціей янтаря.

Мы видѣли дѣтей Цесаревича: славнаго мальчика лѣтъ двухъ и его сестеръ *). При нихъ Англійскія няни. Послѣднихъ особенно цѣнятъ въ Россіи, и ихъ обыкновенно нанимаютъ въ лучшіе Русскіе дома.

---

*) Великій князь Николай Александровичъ, впослѣдствіи Наслѣдникъ Цесаревичъ, род. въ 1843 г. Другія дѣти, о которыхъ упоминаетъ леди Блумфильдъ, могли быть великая княжна Александра Александровна и дочь великой княгини Маріи Николаевны (великая княжна Марія Александровна родилась лишь въ 1853 году).

Одна дама мнѣ разсказывала, что няня Англичанка, жившая у нея нѣсколько лѣтъ, перешла отъ нея къ княгинѣ Б..., которая платила ей 70 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, кромѣ множества подарковъ; однажды, когда эта дама зашла къ княгинѣ, няня пришла сказать, что желаетъ кареты и четырехъ слугъ, чтобы выѣхать кататься съ ребенкомъ. Это требованіе было тотчасъ же исполнено, и няню вскорѣ увидѣли сходящую по парадной лѣстницѣ въ сопровожденіи выѣздныхъ лакеевъ!

M-me P... была первымъ бракомъ замужемъ за княземъ ......, но вскорѣ послѣ свадьбы объявила ему, что г-нъ P... безумно въ нее влюбленъ и что если онъ, мужъ ея, согласится на разводъ, она заплатитъ ему крупную сумму. Они на этихъ условіяхъ заключили между собой дружественный договоръ; она продолжала быть въ дружескихъ отношеніяхъ со своимъ первымъ мужемъ, но вышла замужъ за его соперника.

Обѣдая однажды у Нарышкиныхъ, я была удивлена тѣмъ, что разговоръ вели особенно шумно и оживленно. Оказалось, что партіи раздѣлялись на поклонниковъ и противниковъ Полины Віардо-Гарсіи, примадонны Итальянской оперы и еще какого-то артиста. Споры, которые изъ за этого поднялись, были положительно смѣшны.

Я разговаривала съ одной изъ моихъ подругъ, которая мнѣ разсказала, что когда она жила въ ***, то была однажды утромъ удивлена исчезновеніемъ ковра съ лѣстницы, который былъ унесенъ за ночь. Мѣдныя палки, прикрѣплявшія коверъ, были разбросаны, и вору удалось скрыться незамѣченнымъ. Когда лордъ Кленрикардъ былъ посломъ, то у него украли сбрую, отдѣланную серебромъ. Мнѣ говорили, что Рождество и Пасха—самое удобное время для кражъ, такъ какъ тогда обыкновенно дѣлаютъ подарки другъ другу, и прислуга, какъ говорится „robs Peter to pay Paul“, т. е. обкрадываетъ своихъ господъ не столько для своей собственной пользы, сколько для своихъ друзей.

21-го Декабря. Мы были перепуганы запахомъ дыма въ моей гостинной и, осмотрѣвъ каминъ, замѣтили, что коверъ, находившійся возлѣ него, началъ тлѣть. Ужасный запахъ предупредилъ насъ объ опасности; а иначе домъ вѣроятно вскорѣ былъ бы въ пламени. Однажды, вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, я была разбужена ночью пушечными выстрѣлами изъ крѣпости. Я не могла понять, что̀ это означало, и спросила мужа, который отвѣчалъ мнѣ: „Ахъ, это, ничего—это *только* наводненіе“. Такъ какъ, по описанію наводненія 1824 года, я составила себѣ ужасное представленіе о наводненіяхъ, то очень встревожилась и совѣтывала встать и приготовиться къ опасности. Однако я успокоилась, когда узнала, что стрѣляютъ лишь только потому, что вода на Невѣ поднимается выше своего обычнаго уровня. Графиня Бобринская, которая жила на берегу одного изъ каналовъ за Англійской набережной, говорила мнѣ, что во время большого наводненія въ 1824 году обломки плавали на высотѣ перваго этажа и что когда вода спала, то около самаго ея дома нашли не менѣе восемнадцати труповъ. Вообще, подвалы домовъ въ Петербургѣ осенью часто затопля-

ются, и бѣдный людъ, живущій въ нихъ, сильно страдаетъ отъ тифа и другихъ эпидемій, причиняемыхъ сыростью. Домà построены на сваяхъ, и мнѣ говорили, что когда лѣтомъ вынимаютъ двойныя рамы, то ихъ нумеруютъ и сохраняютъ, но осенью приходится обыкновенно ихъ передѣлывать, такъ какъ окна измѣняютъ свою форму!

Гранитныя набережныя великолѣпны, но частью отъ дурного фундамента, частію и отъ дѣйствія морозовъ, плиты шатаются и измѣняютъ свое положеніе. Во время сильныхъ морозовъ моя вуаль зачастую представляла собою кусокъ обледенѣвшей ткани, лошади и сани покрывались инеемъ, а снѣгъ такъ сухъ, что какъ пыль разсыпается и хруститъ подъ ногами. Колеса каретъ едва передвигаются. Однажды я поѣхала расписаться къ принцессѣ Ольденбургской и хотя карета моя была закрыта и въ ней была грѣлка, тѣмъ не менѣе чернила замерзли на перѣ прежде чѣмъ я успѣла написать свое имя. Въ тотъ же день г. X... катался на конькахъ на Невѣ, противъ нашихъ оконъ, и съ катка прошелъ небольшое разстояніе пѣшкомъ. Катаясь, онъ согрѣлся, но потомъ сильно озябъ и когда вернулся домой, то увидѣлъ, что шапка у него примерзла къ головѣ, и онъ не могъ снять ее!

Прислуга, когда я жила въ Россіи, была вся изъ крѣпостныхъ. Нѣкоторые платили своимъ владѣльцамъ до 200 р. оброка въ годъ. У насъ, въ посольствѣ, вся прислуга изъ мужиковъ помѣщалась отдѣльно отъ иностранной прислуги; въ нашемъ домѣ для нея были небольшія антресоли, которыя всегда были жарко натоплены и которыя ни разу за всю зиму не провѣтривались, хотя люди выходили на воздухъ въ самые трескучіе морозы. Комнаты мужиковъ были безъ всякой мебели и, если не ошибаюсь, они спали на полу, завернувшись въ свои бараньи тулупы. Пища ихъ состояла изъ капусты, замороженной рыбы, сушеныхъ грибовъ, яицъ и масла, весьма дурного качества. Они смѣшиваютъ все это въ горшкѣ, варятъ эту смѣсь и предпочитаютъ эту тюрю хорошей пищѣ. Въ бытность свою посломъ, лордъ Стюартъ Ротсей хотѣлъ кормить мужиковъ какъ и остальную прислугу, но они отказались ѣсть то, что приготовлялъ для нихъ поваръ. Они носили красную рубашку, широкіе нанковые шаровары на выпускъ, куртку и передникъ, при чемъ они раздѣвались только разъ въ недѣлю, когда ходили въ баню, которая была мнѣ описана, какъ своего рода огромная плоская печь, нагрѣваемая возможно больше и поливаемая водой, вслѣдствіе чего образуется сильный паръ. Надъ этой печью устроены ступени различной вышины, на которыхъ сидятъ и моются. Жара очень велика и вызываетъ обильную испарину; тѣмъ не менѣе народъ остается въ банѣ до получаса и болѣе, послѣ чего выбѣгаетъ на дворъ, гдѣ другъ друга окачиваютъ холодной водой. Это освѣжаетъ голову отъ угара, которымъ часто вызывается приливъ крови къ головѣ. Самыя маленькія дѣти проходятъ черезъ этотъ суровый режимъ, хотя это нерѣдко убиваетъ ихъ.

Удивительно, какъ Русскій человѣкъ легко переноситъ перемѣну температуры отъ сильной жары къ сильному холоду. Кучеръ выйдетъ изъ своей комнаты, въ которой нестерпимо жарко, и безнаказанно просидитъ нѣ-

сколько часовъ на козлахъ въ сильнѣйшій морозъ. Почтальоны, по большей части молодые парни, нерѣдко засыпаютъ на своихъ лошаденкахъ и замерзаютъ до смерти; впрочемъ, это случается обыкновенно, если они выпьютъ водки. Многіе изъ нашихъ мужиковъ умѣли читать и писать, но были очень невѣжественны и суевѣрны; они крестились, проходя мимо церкви, и строго соблюдали Рождественскій и Великій посты. Во время постовъ они не прикасались не только къ мясной пищѣ, но даже къ молоку, маслу и яйцамъ. Нашъ дворецкій Ѳока (онъ былъ прекрасный человѣкъ) всегда замѣтно худѣлъ во время этихъ постовъ; на Страстной недѣлѣ, чулки висѣли какъ мѣшки на его худыхъ ногахъ. Я часто заставала его въ передней за чтеніемъ Библіи по славянски. Впрочемъ онъ, кажется, былъ лучше, чѣмъ обыкновенная Русская прислуга, и онъ конечно былъ очень честный и достойный человѣкъ. Однажды нашъ дворецкій пришелъ ко мнѣ въ отчаяніи, прося меня пойти въ кладовую и чуланъ, которые кишѣли клопами. Нашъ младшій дворецкій женился передъ тѣмъ и вмѣсто того, чтобы остаться дома и смотрѣть за серебромъ, онъ ушелъ послѣ нашего обѣда: нашъ maître d'hôtel, не сказавъ намъ, велѣлъ одному изъ кухонныхъ мужиковъ спать въ кладовой, результатомъ чего было то, о чемъ я сказала выше. Когда мы выѣзжали по вечерамъ, то прислуга дожидалась насъ въ сѣняхъ, которые отоплялись, и я рѣдко возвращалась домой безъ того, чтобы не найти на себѣ двухъ или трехъ клоповъ. Нашъ кучеръ носилъ кафтанъ и красный кушакъ, сдѣланный изъ кашмира, сложеннаго въ нѣсколько разъ; когда онъ изнашивалъ его, то приносилъ показать нашему дворецкому, и платье оказывалось полно насѣкомыхъ, хотя по виду кучеръ нашъ былъ однимъ изъ красивѣйшихъ въ Петербургѣ.

3-го Января 1846. Я ѣздила на рынокъ замороженнаго мяса. Это очень оригинальное зрѣлище. Быки, поросята, телята, бараны, домашняя птица и дичь—все сложено горой одно на другомъ и имѣетъ страшный видъ. Продаютъ ихъ въ огромномъ количествѣ, и можно встрѣтить по всему городу возы покрытые ими; иногда видишь солдата, несущаго барашка на спинѣ. Телятъ и дичь закалываютъ въ началѣ зимы и отправляютъ изъ деревни замороженными; можно ихъ оставлять затѣмъ въ такомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока они не будутъ употреблены въ пищу: тогда мясо отмораживаютъ, погружая его въ холодную воду; оно тогда вполнѣ годно, хотя довольно безвкусно; но если готовить его прежде, чѣмъ хорошо отморозить, то оно очень скверно. Съ рынка мы впервыя поѣхали черезъ Неву въ крѣпость и посѣтили Петропавловскій соборъ, гдѣ похоронена императорская фамилія. Гробницы покрыты черными бархатными чехлами съ инициалами усопшихъ. Соборъ красивъ и хорошо отопленъ. Лампады теплятся у разныхъ иконъ, и тамъ собраны знамена, взятыя въ сраженіяхъ. Стѣны крѣпости съ одной стороны омываетъ Нева. Это государственная тюрьма, очень мрачное на видъ мѣсто.

Генри Элліотъ, второй сынъ лорда Минто, бывшій вторымъ чиновникомъ посольства, ѣздилъ недавно на медвѣжью охоту. Отдалившись отъ

своихъ спутниковъ, онъ встрѣтилъ огромнаго коричневаго медвѣдя и выстрѣлилъ въ него, когда медвѣдь подошелъ на разстояніе трехъ саженей. Медвѣдь былъ только раненъ, но не убитъ, и г. Эллiотъ имѣлъ лишь время опустить ружье и принять его на рогатину, которою, къ счастью, снабдилъ его одинъ крестьянинъ, когда медвѣдь пошелъ на него. Медвѣдь былъ смертельно раненъ, но снѣгъ былъ такъ глубокъ, что г. Эллiотъ потерялъ равновѣсiе и упалъ навзничъ, а медвѣдь на него. Ему однако удалось держать рогатину правой рукой, а лѣвой защитить голову, такъ какъ медвѣди прежде всего на нее набрасываются. Медвѣдь укусилъ г. Эллiота въ руку и локоть; когда же, чтобъ высвободить руку, онъ сильно лягнулъ медвѣдя, тотъ высвободилъ руку, но схватилъ его за ногу и укусилъ ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Однако онъ вскорѣ ослабѣлъ отъ большой потери крови и, къ невыразимому облегченiю и удовольствiю Эллiота, издохъ, но не прежде какъ нанеся ему шесть тяжкихъ ранъ и нѣсколько болѣе легкихъ. Медвѣдь, котораго я видѣла, вѣсомъ 480 фунтовъ и, по словамъ крестьянъ, прошлой зимой съѣлъ женщину и сильно помялъ одного мужика. Эллiотъ говорилъ мнѣ, что видѣлъ много волчьихъ слѣдовъ и что волки заходили нерѣдко даже въ городскiя заставы.

Графъ Рибопьеръ былъ у насъ и разсказалъ слѣдующiй забавный анекдотъ про медвѣдя. Графъ Панинъ, близкiй другъ графа Рибопьера, былъ большой охотникъ, и у него было имѣнье въ семидесяти верстахъ отъ имѣнья, гдѣ охотился Рибопьеръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Сентябрѣ, гр. Рибопьеръ собрался поѣхать въ зáмокъ графа Панина, чтобы отпраздновать его имянины. Когда онъ прiѣхалъ, то узналъ, что гр. Панинъ на медвѣжьей охотѣ и уже шесть дней какъ выслѣживаетъ двухъ медвѣдей съ медвѣжатами, не имѣя возможности приблизиться къ нимъ. Гр. Панинъ получилъ письмо Рибопьера поздно, послѣ полудня, и,чтобы не возвращаться домой, не сдѣлавъ выстрѣла, онъ продолжалъ облаву; наконецъ онъ услышалъ шорохъ въ кустахъ и, думая, что это медвѣдь, выстрѣлилъ, но такъ какъ было уже темно, то онъ не захотѣлъ въ этотъ вечеръ углубляться въ чащу, хотя ему показалось, что онъ слышалъ стоны. На слѣдующее утро онъ вернулся на это самое мѣсто и тамъ нашелъ одного изъ медвѣжатъ, который, будучи смертельно раненъ, дотащился до гнилого дупла и тамъ издохъ. Графъ Панинъ положилъ его на телѣгу и быстро помчался домой, куда прибылъ во-время, чтобъ привѣтствовать графа Рибопьера. Послѣднiй ушелъ къ себѣ въ комнату, чтобы переодѣться къ обѣду, когда гр. Панинъ вбѣжалъ къ нему и сказалъ, что его егерь только что увѣдомилъ его о томъ, что видѣли въ паркѣ большого медвѣдя, и такъ какъ ихъ совсѣмъ нѣтъ въ этой мѣстности, то гр. Панинъ предлагалъ тотчасъ послѣ обѣда ѣхать на охоту и застрѣлить его. Они дѣйствительно поѣхали къ мѣсту, указанному егеремъ, и графъ Панинъ застрѣлилъ большую медвѣдицу, которая оказалась матерью бѣднаго медвѣженка. Она бѣжала по слѣду телѣги, увозившей ея медвѣженка, нѣсколько верстъ по открытой мѣстности, и со скоростью почтовыхъ лошадей. Такое необычайное проявленiе материнской нѣжности

заслуживало быть увѣковѣчено, и графъ Панинъ поставилъ памятникъ въ воспоминаніе о томъ. Мнѣ разсказывали, что мой дѣдъ сэръ Герри Лиддель послалъ моремъ изъ Ньюкастеля въ Лондонъ одну изъ своихъ гончихъ, вскорѣ послѣ того какъ она ощенилась. Собака исчезла, и ее не могли найти; но по истеченіи невѣроятно короткаго срока она появилась въ конурѣ въ Равенсвортѣ совершеннымъ скелетомъ, такъ какъ пробѣжала 280 миль. Несчастная собака только добралась до дому, упала и издохла!

24-го Января 1846. Я слышала характерный анекдотъ про Государя. Когда онъ былъ въ Италіи, онъ нашелъ, что фельдъегеря или государственные курьеры употребляли на свои поѣздки болѣе времени чѣмъ Его Величество находилъ нужнымъ; послѣ допроса оказалось, что они были положительно нагружены различными предметами для разныхъ придворныхъ и везли вмѣстѣ съ депешами всевозможныя вещи. Во избѣжаніе повторенія подобнаго злоупотребленія Государь теперь лично отправляетъ курьеровъ, и министры присылаютъ къ нему свои портфели для депешъ. Въ таможенномъ вѣдомствѣ ужасныя злоупотребленія; пошлины такъ высоки, что всякій старается избѣжать ихъ тѣмъ или другимъ образомъ. Всѣмъ извѣстно, что одинъ богатый Русскій вельможа, выписавшій себѣ изъ Англіи столовый сервизъ, просилъ, чтобы осмотрѣли его у него на дому. Ему разрѣшили; но таможенный офицеръ, посланный осмотрѣть его, получилъ такую большую взятку, что оцѣнилъ сервизъ въ четверть его дѣйствительной стоимости. Когда генералъ графъ Бенкендорфъ былъ министромъ полиціи, онъ замѣтилъ однажды, возвратясь ночью изъ клуба, что потерялъ свой бумажникъ, наполненный деньгами. Онъ увѣдомилъ объ этомъ полицію, обозначивъ число потерянныхъ денегъ. Черезъ нѣсколько дней означенная сумма была ему возвращена, но безъ бумажника, который былъ объявленъ затеряннымъ; тѣмъ временемъ деньги и бумажникъ графа были найдены въ его шинели, между сукномъ и подкладкой. Оказалось, что полицейскіе чины, чтобы доказать свое усердіе и распорядительность, собрали отъ себя эти деньги, которыя и поднесли своему высшему начальнику.

5-го Февраля 1846. Мы посѣтили Казанскій соборъ, заложенный императоромъ Александромъ въ 1801-мъ году. Онъ построенъ въ видѣ креста; внутренность его великолѣпна и раздѣлена двойнымъ рядомъ Коринѳскихъ гранитныхъ колоннъ съ бронзовыми золочеными капителями и базисами. Ключи отъ различныхъ крѣпостей, взятыхъ Русскими, сохраняются здѣсь; а также тутъ находится большая коллекція штандартовъ и знаменъ, между которыми я замѣтила украшенныя Французскими императорскими орлами. Вечерня началась, пока мы были въ соборѣ, при чемъ присутствовало около пятидесяти или шестидесяти человѣкъ, различныхъ классовъ, которые приблизились къ алтарю и попеременно становились на колѣни, крестились и дотрогивались лбами до земли, тогда какъ причетники читали службу монотоннымъ голосомъ. Они были одѣты въ простыя черныя рясы; но затѣмъ вышелъ другой священникъ, облаченный въ великолѣпную ризу золотой матеріи и съ серебрянымъ кадиломъ въ рукахъ; онъ обошелъ соборъ, кадя

передъ образами различныхъ святынь. Затѣмъ зажгли множество свѣчей, большія двери за (?) алтаремъ раскрылись, и показался большой образъ Успенія Богородицы. Во все время священники не переставали пѣть; но затѣмъ священникъ въ блестящей ризѣ произнесъ что-то, на что остальные, казалось, отвѣчали. Черезъ нѣсколько минутъ двери опять заперли, послѣ чего служба продолжалась какъ и прежде. Музыки не было, но у священниковъ были славные голоса.

Государь всегда ѣздитъ въ Казанскій соборъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга и по возвращеніи изъ путешествія. Онъ ѣздитъ туда безъ всякаго почета и церемоній и, ставъ на колѣна передъ алтаремъ, молится. Повидимому, нѣтъ особенныхъ правилъ и обрядовъ при слушаніи богослуженія, ибо присутствовавшіе стоятъ или опускаются на колѣна по желанію; но никому не разрѣшается сидѣть въ православной церкви. Тамъ было множество небольшихъ алтарей (?) передъ различными образами, а высоко надъ большими дверьми было большое изображеніе Тайной Вечери. Если бы женщина вошла случайно въ алтарь, то церковь считается оскверненною, и она должна быть вновь освящена (?!).

21-го Февраля. Я ѣздила на частную репетицію пѣвческой капеллы Государя и была изумлена и восхищена красотой этой музыки. Было всего 86 пѣвчихъ; но это еще не полный комплектъ, такъ какъ Государь послалъ 12 пѣвчихъ съ лучшими голосами въ Римъ, чтобы по прибытіи туда Императрица нашла тамъ свой собственный хоръ. Ничто не можетъ сравниться съ прелестью этихъ голосовъ; ихъ постепенное нарастаніе и замираніе были поразительно. Генералу Львову, который самъ отличный музыкантъ, Государь поручилъ завѣдывать обученіемъ многочисленныхъ хоровъ гвардейскихъ полковъ въ Петербургѣ. Львовъ этимъ занимался полтора года, послѣ чего однажды пригласилъ меня послушать ихъ. Было 630 голосовъ, не считая акомпанимента. Лучшіе голоса изъ Бѣлоруссіи; но если кто-нибудь во всей имперіи одаренъ изъ ряда выходящимъ голосомъ, его приглашаютъ въ хоръ. Музыка Бартнянскаго оставляетъ сильное впечатлѣніе.

Государь очень гордится своимъ хоромъ. Мальчики (пѣвчіе) одѣты въ простые мундиры. Мы видѣли приготовленія къ ихъ обѣду. Генералъ Львовъ сочинилъ Русскій національный гимнъ: „Боже Царя храни!“ Онъ разсказывалъ мнѣ, что, во время его путешествія по Рейну, труппа музыкантовъ съ духовыми инструментами исполнила этотъ гимнъ у него подъ окнами. Его самолюбіе было этимъ такъ затронуто, что онъ послалъ за регентомъ хора и сказалъ ему, что если онъ принесетъ ему ноты, то онъ поправитъ ихъ, такъ какъ все было невѣрно. Регентъ дѣйствительно принесъ ему ноты, которыя Львовъ потрудился исправить, послѣ чего онъ заставилъ музыкантовъ повторить гимнъ нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ пока они его не сыграли правильно, а затѣмъ сказалъ имъ, что они могутъ уйти; однако регентъ объявилъ, что не уйдетъ, пока ему Львовъ не заплатитъ сга франковъ, говоря, что Львовъ продержалъ ихъ два часа для своего собствен-

наго удовольствія, а имъ все равно, играютъ ли они его сочиненіе правильно или неправильно. И Львову пришлось заплатить.

У меня былъ съ визитомъ графъ Нессельроде, недавно возвратившійся изъ Италіи. Маленькаго роста, онъ имѣлъ довольно жидовскій видъ и носилъ очки. Однако разговоръ его былъ очень уменъ и оживленъ, а манеры весьма непринужденны. Онъ былъ въ восторгѣ отъ своей первой поѣздки въ Италію, а также съ большимъ удовольствіемъ говорилъ о своемъ посѣщеніи Англіи, два года тому назадъ. Онъ стоитъ во главѣ Русской политики за послѣднія двадцать семь лѣтъ, а передъ тѣмъ игралъ видную роль на Вѣнскомъ конгрессѣ. Графъ Нессельроде родился на Англійскомъ фрегатѣ, въ устьѣ Таго, и всегда (всю жизнь) считалъ себя членомъ Англиканской церкви. Въ Россіи ни одно оффиціальное лицо не можетъ получать содержанія, пока не докажетъ, что причащался въ церкви, къ которой принадлежитъ. Поэтому, разъ въ годъ, обыкновенно въ Великій Четвергъ, графъ Нессельроде, пока былъ канцлеромъ Имперіи и министромъ иностранныхъ дѣлъ, присутствовалъ на богослуженіи въ Англійской церкви, на Англійской набережной, и причащался Св. Таинъ по обрядамъ Англиканской церкви, которой, однако, онъ никогда не посѣщалъ въ иныхъ случаяхъ, да, если не ошибаюсь и никакихъ другихъ церквей, хотя ему конечно приходилось оффиціально присутствовать на всѣхъ торжественныхъ богослуженіяхъ въ православной церкви. Я помню, какъ онъ однажды обѣдалъ у насъ въ Январѣ 1848 года и говорилъ мнѣ, что никакое политическое событіе не казалось ему важнымъ въ то время, и что все идетъ какъ по нотамъ. Нѣсколько недѣль спустя, вся Европа уже пылала, революціи вспыхнули въ Пруссіи, въ Австріи и во Франціи, Луи-Филиппъ былъ изгнанъ изъ Парижа, Тюильри ограблено, и республика объявлена. Развѣ не приходится воскликнуть: кто можетъ предсказать, что принесетъ съ собою слѣдующій день?

Извѣстіе о помолвкѣ великой княжны Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ доставило большое удовольствіе Государю. Принцъ Карлъ встрѣтилъ въ Вѣнѣ Государя, который сказалъ ему, что хотя онъ предоставляетъ великой княжнѣ и ему полную свободу выбора, но что ничто не доставило бы ему большей радости какъ видѣть ихъ соединенными. Поэтому онъ охотно согласился на желаніе наслѣднаго принца поѣхать въ Палермо, въ надеждѣ пріобрѣсти сочувствіе великой княжны. Въ Палермо, гдѣ его встрѣтили весьма привѣтливо, какъ Императрица, такъ и ея дочь, онъ сдѣлалъ по прошествіи пяти дней предложеніе, которое было принято, къ великой радости обѣихъ сторонъ.

Масляница началась во Вторникъ 22-го Февраля 1846. Былъ прекрасный ясный день, первый за нѣсколько недѣль. Все пространство большой Адмиралтейской площади было покрыто временными бараками и деревянными театрами, а также цирками, каруселями, ледяными горами и т. д., устроенными для развлеченія народа. Дорога противъ Зимняго дворца была занята непрерывной линіей каретъ, которыя тянулись точно въ процессіи и были преимущественно наполнены дѣтьми. Въ общемъ это было красивое

и веселое зрѣлище, словно большая ярмарка. Во время масляницы люди всѣхъ классовъ, казалось, совсѣмъ теряли голову, думая только о томъ, какъ бы больше наполнить эту недѣлю удовольствіями и развлеченіями. Театры давали представленія днемъ и вечеромъ. Частныя собранія начинались днемъ, и танцы длились до поздней ночи. Послѣдняя folle journée была дана великой княгиней Маріей Николаевной „чтобы похоронить масляницу“, какъ говорили Русскіе. Танцы начались въ три часа. Въ шесть общество разъѣхалось, чтобы пообѣдать и переодѣться, а въ восемь снова вернулось.

10-го Марта. Мы ѣздили на дачу графа Нессельроде, на Каменномъ острову и въ Ботаническій садъ. На дачѣ графа есть чудные цвѣты, особенно хороши камеліи, подобныя я видѣла только въ Англіи, а зимніе сады великолѣпно содержаны и очень обширны. Оранжереи въ Ботаническомъ саду тоже огромныя, и мы прошли цѣлую милю, прежде чѣмъ обошли ихъ до конца. Садъ насаженъ Петромъ Великимъ, по его смерти и до 1822-го года былъ очень запущенъ, но въ 1822-мъ году его привели въ порядокъ, и г. Фишеръ назначенъ его директоромъ. Онъ уже много лѣтъ завѣдывалъ этимъ садомъ, но ему отпускалось только 2000 фунт. стерл. въ годъ на его содержаніе, и у него подъ начальствомъ было лишь двадцать человѣкъ. Такъ какъ въ коллекціи было болѣе двухсотъ тысячъ растеній, которыя требовали постояннаго ухода, то онъ пожаловался, говоря, что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточно рукъ, чтобы работа шла какъ слѣдуетъ. Нѣкоторыя тропическія растенія были удивительно хороши, и для нихъ строили оранжерею въ 260 футовъ длины и 60 въ вышину. Было немного растеній въ цвѣту, и коллекціи эти болѣе научныя.

20-го Марта 1846. Мы посѣтили Горный Институтъ съ графомъ Реневалемъ, Французскимъ посломъ, который былъ очень умный и пріятный человѣкъ. Мы осматривали очень богатую коллекцію минераловъ, допотопные остатки, модели и т. д. и были очень удивлены великолѣпнымъ самородкомъ золота, вѣсящимъ 80 фунтовъ. Тамъ была также большая коллекція неграненыхъ драгоцѣнныхъ камней, сохраняющихся въ слоѣ земли, въ которой они были найдены. Мы спускались въ подземный проходъ, который устроенъ въ точности на подобіе различныхъ шахтъ въ Россіи, при чемъ гряды аккуратно содержаны. Директоръ института указалъ мнѣ затѣмъ на нѣкоторые изъ самыхъ замѣчательныхъ моделей, между прочимъ на одну, которая показываетъ, какъ золотой песокъ отчищаютъ отъ земли въ Сибири. Песокъ помѣщаютъ въ длинный и глубокій ящикъ, подъ которымъ находится резервуаръ съ водой; его пропускаютъ затѣмъ сквозь рѣшето. Нѣсколько человѣкъ вытрясаютъ песокъ, который уносится водой; но золотой песокъ падаетъ и тщательно промывается.

Когда навигація открывается, комендантъ крѣпости, согласно давно установившемуся обычаю, ѣздитъ къ Государю и подноситъ его величеству золотую чарку съ холодной водой, а Государь возвращаетъ ее наполненной червонцами. Комендантъ затѣмъ переѣзжаетъ черезъ Неву на катерѣ, чтобы показать, что навигація безопасна. Вслѣдъ затѣмъ шлюпки и лодки начи-

наютъ сновать во всѣхъ направленіяхъ, но отнюдь не ранѣе, чѣмъ когда комендантъ переѣхалъ черезъ Неву. Увѣряютъ, что, ледъ стоитъ обыкновенно 146 дней, но въ нынѣшнемъ 1846 году только 120 дней. Вмѣсто 46 человѣкъ, составляющихъ среднюю ежедневную смертность, умирало 140 человѣкъ въ сутки. Госпитали были переполнены, и д-ръ Роджерсъ мнѣ говорилъ, что въ одинъ день отказали въ пріемѣ 50-ти больнымъ, изъ которыхъ большинство было въ послѣднемъ періодѣ, т. е. въ агоніи. Горячка впервыя принесена въ городъ изъ провинціи, гдѣ былъ большой неурожай. Болѣзнь это такъ заразительна, что всѣ служащіе въ госпиталяхъ болѣе или менѣе страдали отъ нея, въ особенности прачки; но эта эпидемія была почти исключительнымъ достояніемъ низшихъ классовъ; высшіе классы сильно страдали отъ инфлуенцы: очень немногіе ея избѣгли.

30-го Марта 1846. Я рада, что погода стала мягче за послѣднее время но здѣсь ужасно много заболѣваній, и одинъ тифъ уноситъ болѣе народа, чѣмъ холера въ 1832 году. Говорятъ, что въ одинъ день на прошлой недѣлѣ умерло 850 человѣкъ на 450 тысячъ населенія. Высшіе классы сильно страдаютъ отъ инфлуэнцы; но нельзя удивляться, что эпидеміи здѣсь такъ распространены въ виду ужасныхъ санитарныхъ условій города. Вся грязь, которая накопилась за послѣдніе пять мѣсяцевъ и которую выбрасываютъ въ каналы, не оттаиваетъ и заражаетъ воздухъ. Нельзя сказать, чтобы разнообразные дурные запахи на улицахъ были особенно пріятны, и я отчасти рада, что сильный насморкъ, который продолжается уже пять недѣль, парализовалъ мои обонятельные нервы. Ледъ на улицахъ лежитъ слоемъ около двухъ футовъ толщины, но онъ твердъ какъ скала, и люди прочищающіе улицы съ трудомъ проламываютъ его. Никто, посмотрѣвъ на улицы, не сказалъ бы, что онѣ покрыты льдомъ, ибо онѣ почти чернаго цвѣта; но нельзя себѣ представить ничего ужаснѣе, какъ состояніе Петербургскихъ мостовыхъ. Онѣ съ огромными ямами, которыя угрожаютъ опрокинуть экипажъ, и наши хорошія Англійскія рессоры такъ натягиваются, что, имѣя пять собственныхъ каретъ, мы на время наняли еще одну.

Пасха. 18-го Апрѣля 1846 г. Тронулся ледъ съ Ладожскаго озера. Адмиралтейская площадь по случаю Пасхи приняла опять такой же видъ, какъ на Масляницѣ. Я, къ несчастью, по нездоровью, не могла поѣхать къ заутренѣ въ Зимній Дворецъ (въ полночь). Весь дворъ, въ парадной формѣ, присутствуетъ на богослуженіи, и Царь цѣлуетъ присутствующихъ, говоря: „Христосъ Воскресе!“ Мнѣ разсказывали, что однажды Государь привѣтствовалъ этими словами часового, который отвѣчалъ къ его удивленію: „никакъ нѣтъ; это не правда“. Оказалось, что часовой былъ Еврей.

Мы были на вечерѣ у Воронцовыхъ-Дашковыхъ, гдѣ любители играли двѣ Французскія пьесы „Le Mari à la campagne“ и „La Fille à marier“. Участвовали: графиня Воронцова, Брей, m-me Соловая и графиня Орлова-Денисова, баронъ Жомини, графъ Биландтъ и г. Альбединскій. Они всѣ сдѣлали бы честь любой сценѣ.

Я осматривала Зимній дворецъ и далеко прославленный Эрмитажъ и была изумлена и восхищена ихъ великолѣпіемъ и размѣрами. Меня тамъ поразили, какъ и повсюду въ этомъ странномъ городѣ, недоконченность и грубость во всемъ. Великолѣпные дворцы надъ лавками, мизерныя ливреи, кареты и фуры съ ободранными кучерами, богатыя каменныя лѣстницы, покрытыя грубыми и грязными зелеными коврами и общій видъ грязи и неакуратности, который оскорбляетъ глазъ, привыкшій въ Англійской чистотѣ и опрятности.

Мы видѣли коллекцію картинъ, завѣщанную Государю графомъ Татищевымъ, бывшимъ Русскимъ посломъ въ Вѣнѣ; но большинство изъ нихъ копіи, и не особенно хорошія. Мы затѣмъ прошли въ недавно построенную галлерею для портретовъ династіи Романовыхъ, начиная отъ патріарха Филарета до царствующаго Государя и его дѣтей; но еще не всѣ портреты исполнены. Меня привели въ восторгъ всѣ chefs-d'oeuvres Эрмитажа, въ особенности коллекція картинъ Фламандской школы, лучшая въ мірѣ, и необыкновенно богатая Рембрандтомъ, Вуверманомъ, П. Поттеромъ, Теніеромъ, Бергемсомъ, Ванъ-Остсомъ и Рюисдалемъ. Итальянская школа гораздо бѣднѣе, далеко не полна, и я сильно сомнѣваюсь въ подлинности нѣкоторыхъ картинъ, которыя слывутъ за оригиналы. Кромѣ картинъ, здѣсь также большая коллекція рѣдкостей, между прочимъ очень старинныя украшенія, золотыя четки и т. д., найденныя при раскопкамъ въ Крыму. Нѣкоторые браслеты по формѣ и работѣ похожи на Индійскія издѣлія. Здѣсь еще прекрасная коллекція драгоцѣнныхъ камней, ларцевъ, кубковъ и т. д. Мы видѣли также принадлежащій ко дворцу театръ, гдѣ императрица Екатерина давала для немногихъ спектакли. Онъ теперь отдѣлывается, и ложи Рафаэля были упакованы въ деревянныхъ ящикахъ. Намъ показывали интересный образецъ Нѣмецкаго механизма, сдѣланный въ царствованіе Екатерины и изображающій курицу, павлина и пѣтуха на золоченомъ деревѣ. Курица двигаетъ головой глазами и бьетъ часы, ударяя ногой о колокольчики. Павлинъ поворачиваетъ голову и шевелитъ перьями, поворачивается кругомъ и распускаетъ хвостъ съ гордостью и достоинствомъ настоящей птицы. Пѣтухъ тоже двигается и громко кричитъ. Эту рѣдкость привозили въ Англію, гдѣ одно время возникъ вопросъ о покупкѣ ея и отсылкѣ въ Индію; но за нее запросили слишкомъ невѣроятную цѣну, а потому она была отправлена въ Петербургъ и была продана князю Потемкину. Послѣ его смерти она перешла къ императрицѣ Екатеринѣ.

Надъ манежемъ дворца находится садъ, и это такъ странно: подниматься на высоту восьмидесяти или ста ступеней и вдругъ очутиться въ большомъ саду, съ деревьями и кустами, широкими дорожками, усыпанными пескомъ, грядами цвѣтовъ и т. д. Одно время деревья достигли довольно значительной вышины, но послѣ перестройки дворца они болѣе не росли, хотя сирень была хорошихъ размѣровъ. Русскіе очень высокаго мнѣнія о своихъ зимнихъ садахъ. Однажды я жаловалась великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ на то, что мнѣ недостаетъ растеній, къ которымъ я привыкла дома;

великая княгиня сказала: Но вѣдь у васъ есть дворъ; отчего не устроить зимняго сада? Какъ будто это было самое простое дѣло на свѣтѣ сдѣлать стеклянную крышу надъ дворомъ нанимаемаго дома и превратить его въ зимній садъ! Я подумала, что вѣроятно „l'impossible est dans le dictionnaire des fous!" какъ сказалъ Наполеонъ.

Пятница, 8-го Мая. Я встрѣтила императора Николая въ первый разъ на спектаклѣ у Воронцовыхъ-Дашковыхъ. Я пріѣхала поздно, потому что портной запоздалъ прислать мое платье, и представленіе уже началось. Тѣмъ не менѣе меня провели въ первый рядъ, и лишь только я усѣлась Государь замѣтилъ меня, и я видѣла, какъ онъ очевидно спросилъ В. К. Наслѣдника, кто я, послѣ чего онъ нѣкоторое время смотрѣлъ на меня. Лишь только дѣйствіе окончилось, ко мнѣ подошла великая княгиня Марія Николаевна, пожала мнѣ руку, сказавъ, что рада меня снова увидѣть. Затѣмъ подошелъ Государь и долго со мной разговаривалъ. Онъ безспорно былъ самый красивый человѣкъ, котораго я когда-либо видѣла, и его голосъ и обхожденіе были необычайно обаятельны. Онъ выразилъ сожалѣніе, что не познакомился со мной раньше, и надежду, что я не страдаю отъ суровости климата, прибавивъ, что онъ не запомнитъ такихъ сильныхъ морозовъ и такой сырости, какіе были у насъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Я рѣшилась замѣтить что такъ какъ Его Величество пріѣхалъ изъ Палермо въ Декабрѣ, то вѣроятно сильно чувствуетъ внезапную перемѣну, съ чѣмъ онъ согласился. Его Величество много разспрашивалъ о королевѣ и сказалъ, какъ онъ сильно желалъ бы, чтобы она рѣшилась пріѣхать въ Петербургъ, хотя боится, что разстояніе слишкомъ велико для того, чтобы онъ могъ ожидать этого удовольствія. Когда Государь сперва приблизился ко мнѣ, я почувствовала большую робость; но таковы были его доброта и любезность въ обхожденіи, что прежде чѣмъ онъ отошелъ отъ меня, я опять почувствовала себя совершенно спокойною. Различіе въ его манерахъ, когда онъ разговариваетъ съ дамами, и когда командуетъ войсками, поразительно. Онъ имѣлъ видъ худѣе, чѣмъ когда былъ въ Англіи въ 1844-мъ году, былъ въ простомъ мундирѣ и двигался безъ малѣйшаго стѣсненія. Вмѣсто того, чтобы сидѣть противъ сцены, въ первомъ ряду, Государь выбралъ небольшой стулъ въ сторонѣ, рядомъ съ музыкантами; и хотя онъ часто улыбался и апплодировалъ, но выраженіе его прекраснаго лица было серьезное, даже грустное. Послѣ этого великій князь Михаилъ Павловичъ попросилъ моего мужа представить его мнѣ и, бесѣдуя со мной нѣкоторое время, вспоминалъ съ удовольствіемъ о своемъ пребываніи въ Англіи и сказалъ, какъ онъ былъ тронутъ, получивъ отъ королевы доброе письмо соболѣзнованія, когда онъ потерялъ дочь, полтора года тому назадъ.

11-го Мая 1846. Мы поѣхали на блестящій балъ у Австрійскаго посла графа Коллоредо, на которомъ присутствовали Государь и царская фамилія. Для почета, кавалерамъ было написано быть въ парадныхъ мундирахъ. Государь и великіе князья были въ Австрійскихъ мундирахъ, которые къ нимъ гораздо больше идутъ и несравненно красивѣе генеральской простой формы,

которую они обыкновенно носятъ, и Государь былъ, если это возможно, красивѣе чѣмъ когда-либо. Онъ опять подошелъ и разговаривалъ со мной и объявилъ мнѣ о прибытіи перваго въ этомъ году Англійскаго парохода, что̀ всегда нѣкотораго рода событіе въ Петербургѣ. Онъ казался недовольнымъ тѣмъ, что прибыло только шесть пассажировъ на пароходѣ, и спросилъ меня, ожидаю ли я кого-нибудь изъ своихъ родныхъ или друзей; а когда я отвѣчала, что нѣтъ, то Его Величество покачалъ головой и сказалъ, что боится, что я отозвалась невыгодно объ его столицѣ и о Русскомъ климатѣ, присовокупивъ, что ему бы доставило большое удовольствіе видѣть мое семейство и моихъ друзей. Я бесѣдовала также съ великими князьями, Наслѣдникомъ и Михаиломъ Павловичемъ, а также съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, который насмѣшилъ меня, жалуясь на то, что Государь и „Leurs Altesses“ стояли у всѣхъ дверей и что поэтому „il n'y avait pas moyen de circuler“, между тѣмъ какъ онъ самъ стоялъ въ дверяхъ въ эту минуту. Бальная зала была великолѣпно освѣщена, и зданіе посольства, домъ Салтыковыхъ на дворцовой набережной, удивительно роскошно: лакеи въ парадныхъ ливреяхъ и пудрѣ, стоявшіе шпалерами на парадной лѣстницѣ, придавали ей и сѣнямъ очень эффектный видъ. Такъ какъ графъ Коллоредо не женатъ, то баронесса Зеебахъ, рожд. Нессельроде, жена Саксонскаго посланника, принимала гостей. Ужинъ былъ накрытъ на небольшихъ круглыхъ столикахъ, по 12-ти человѣкъ; но не было особеннаго изобилія блюдъ.

14 Мая 1846. Я видѣла чудное зрѣлище: императоръ Николай дѣлалъ смотръ сорока тысячамъ войска на Марсовомъ полѣ. День былъ прекрасный и ясный, и у меня было отличное мѣсто у окна, во дворцѣ принца Ольденбургскаго. Въ 1 часъ дня всѣ войска выстроились, и Государь со свитой, въ составъ которой вошли всѣ военные дипломатическаго корпуса, и мой мужъ въ томъ числѣ, подъѣхалъ верхомъ къ строю; войска̀ закричали „ура“, и звукъ такого множества голосовъ потрясалъ воздухъ. Государь тогда подъѣхалъ къ Лѣтнему саду, и всѣ войска дефилировали передъ нимъ: сперва легкая артиллерія, затѣмъ пѣхота, за нею кавалерія, сопровождаемая тяжелою артиллеріей. Ровное волненіе штыковъ пѣхоты походило на колышащееся поле ржи, подъ лѣтнимъ вѣтеркомъ, а яркій блескъ касокъ и яркіе цвѣта мундировъ кавалеріи рябили въ глазахъ. Императоръ Николай имѣлъ дивный видъ; великіе князья, Наслѣдникъ и Михаилъ Павловичъ ѣхали по обѣ его стороны. Воздухъ положительно дрожалъ отъ восклицанія такой массы человѣческихъ существъ, которыя всѣ, завися отъ воли Монарха, тревожно ожидали одобряющаго взгляда и сло̀ва его. Я не думала, смотря на эти войска, что черезъ нѣсколько лѣтъ они будутъ сражаться съ Англичанами и Французами въ Крыму, откуда большинство ихъ не вернулось. Намъ говорили, что полки, уходившіе съ Сѣвера въ тысячу человѣкъ, уменьшались до двухсотъ прежде перваго выстрѣла; а по окончаніи войны сэръ Вильамсъ, который проѣхалъ черезъ всю страну послѣ капитуляціи Карса, говорилъ мнѣ, что онъ почти не видѣлъ здоровыхъ и молодыхъ людей, обработывающихъ землю: въ деревняхъ оставались старики и женщины.

На обѣдѣ, который мы дали 19-го числа, графъ Блудовъ, великій говорунъ и очень пріятный человѣкъ, разсказалъ мнѣ нѣсколько очень интересныхъ анекдотовъ о д-рѣ Рожерсонѣ, лейбъ-медикѣ императрицы Екатерины. Можетъ быть, если бы она послушалась его совѣта, то жизнь ея была бы продлена; ибо наканунѣ того дня, когда съ ней случился апоплексическій ударъ, убившій ее, Рожерсонъ обѣдалъ въ Эрмитажѣ. Въ это утро императрица получила извѣстіе о важной побѣдѣ, и это ее очень взволновало; вечеромъ у нея былъ такой разгоряченный и оживленный видъ, что Рожерсонъ былъ этимъ крайне пораженъ, а когда она простилась со своими гостями, онъ послѣдовалъ за нею въ ея спальню и просилъ позволенія ощупать ея пульсъ. Это его такъ встревожило, что онъ велѣлъ ей моментально пустить себѣ кровь. Императрица однако смѣялась надъ его опасеніями и отклонила его совѣтъ, говоря, что будетъ достаточно времени на слѣдующій день; но въ 4 часа утра она была поражена рукою смерти и болѣе не поправилась. Д-ръ Рожерсонъ, который любилъ общество и партію въ вистъ, ужасно негодовалъ на нѣкую княгиню Г., которая имѣла обыкновеніе посылать за нимъ въ самое неудобное время, чтобы лечиться отъ воображаемыхъ недуговъ. Она однажды послала за нимъ среди ночи, давъ знать, что умираетъ. Когда онъ пріѣхалъ, то увидѣлъ, что это была, какъ всегда, фальшивая тревога; тѣмъ не менѣе онъ очень серьезно осмотрѣлъ княгиню, увѣрялъ ее, что она въ большой опасности и что онъ вовсе не увѣренъ, что можетъ спасти ее; тѣмъ не менѣе онъ велѣлъ ей немедленно выпить нѣсколько стакановъ холодной воды, встать и пройтись 50 разъ вдоль Англійской набережной. Ночь была очень морозная и шелъ сильный снѣгъ, это было признано необычайнымъ средствомъ для умирающей женщины, однако ученый медикъ настаивалъ и уѣхалъ. Княгиня, дрожа отъ страха, встала съ постели и исполнила совѣтъ доктора. На слѣдующій день Рожерсонъ заѣхалъ и нашелъ свою паціентку совершенно здоровой.

21-го Мая 1846. Я ѣздила сегодня на острова въ открытомъ экипажѣ, но была очень рада своей мѣховой шубѣ и грѣлкѣ. Все имѣетъ такой грустный и голый видъ. Я думаю, что когда погода перемѣнится, весна сразу вступитъ въ свои права; но, кажется, весна здѣсь значительно хуже зимы. Можно еще примириться съ суровой погодой въ Декабрѣ и Январѣ; но въ концѣ Мая, когда дни такъ длинны (совершенно свѣтло до 10-ти часовъ вечера) и солнце такъ сильно свѣтитъ, невольно ожидаешь чего-нибудь лучшаго въ особенности послѣ семи непрерывныхъ мѣсяцевъ зимы!

Императоръ Николай возвратился изъ Италіи 11-го Января. Онъ путешествовалъ, какъ и всегда, съ необычайной быстротой, провелъ первый день Рождества въ Варшавѣ и прибылъ въ Петербургъ не останавливаясь. Онъ отдыхалъ три часа послѣ пріѣзда, но затѣмъ въ 11 часовъ присутствовалъ на разводѣ, послѣ чего гулялъ по городу и сдѣлалъ нѣсколько визитовъ. Его дѣятельность дѣйствительно замѣчательна. Его Величество 13-го принималъ дипломатическій корпусъ, пожалъ руку моему мужу и сказалъ,

намекая на его женитьбу, которая состоялась послѣ ихъ послѣдней встрѣчи: „Ахъ! Совершилось то, что̀ насъ такъ заботило".

Во время Масляницы часто бываютъ маскарады, на которыхъ Государь обыкновенно присутствуетъ. Намъ разсказывали, что одинъ нашъ знакомый ухаживалъ за двумя дамами, которыя были очень дружны между собой; онѣ рѣшили заинтриговать его и по очереди ѣздить на маскированные балы, при чемъ передавали одна другой что̀ тамъ происходило. Такъ какъ онѣ были одинаковаго роста, одинаково одѣты въ домино и старались говорить одинаковымъ голосомъ, то нашъ знакомый былъ совершенно заинтригованъ. Наконецъ въ послѣдній вечеръ Масляницы, онъ сталъ упрашивать маску сказать свое имя; она отказалась наотрѣзъ, но за то назначила ему rendez-vous въ Гатчинѣ, на слѣдующій вечеръ. Однако, вмѣсто того, чтобы поѣхать туда самой, она послала свою горничную; а господинъ, подозрѣвая шутку, послалъ вмѣсто себя своего лакея. Итакъ, эти оба совершенно незнакомыя между собой лица̀ встрѣтились, и результатъ былъ очень забавенъ. Русскіе считаютъ, что грѣшно носить маски: ибо они говорятъ, что Богъ далъ человѣку лицо не для того, чтобы онъ его пряталъ; но тѣмъ не менѣе они маскируются, и затѣмъ, чтобы смыть съ себя грѣхъ, они прыгаютъ въ прорубь на Невѣ послѣ освященія воды, въ день Крещенья, хотя термометръ часто показываетъ нѣсколько градусовъ ниже нуля.

Библія разрѣшена въ Россіи, но ее печатаютъ на Славянскомъ языкѣ, который мало кому извѣстенъ, и она сто̀итъ дорого.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ священникъ перевелъ Псалмы и Новый Завѣтъ на Русскій языкъ, но такъ какъ его трудъ различался въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ разрѣшеннаго толкованія, то Государь запретилъ печатать его. Намъ говорили, что въ Балтійскія провинціи была послана походная церковь, и протестантамъ были обѣщаны большія привиллегіи въ случаѣ, если они присоединятся къ православной церкви. Они присоединялись въ большомъ количествѣ: но часто случалось, что мужчины приходили по два раза, чтобы надъ ними совершали обрядъ присоединенія къ православію, между тѣмъ какъ женщины и дѣти оставались въ протестанствѣ. Это причиняло большой соблазнъ и разладъ въ семьяхъ, а послѣ того какъ крестьяне присоединялись къ православію, походную церковь увозили дальше, а ихъ оставляли безъ всякихъ наставленій и безъ возможности посѣщать богослуженіе. Такимъ образомъ, они убѣждались слишкомъ поздно, что были обмануты; но если они пытались возвратиться къ протестанству, то ихъ за это строго наказывали. Большой неурожай посѣтилъ Прибалтійскій край зимою 1845—1846 г., и много бѣднаго люда умерло отъ голода. Въ желудкѣ одного человѣка нашли большое количество кожи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣдняки примѣшивали опилки къ мукѣ, которую конечно не могли переварить. Нерѣдко случалось, что бѣдняки покидали свой домъ и приходили въ Петербургъ за кускомъ хлѣба. Они иногда проходили сотни верстъ пѣшкомъ; волненіе поддерживало ихъ силы во время пути, но они умирали въ большомъ количествѣ по прибытіи. Одна женщина прошла со

своей дочерью 300 верстъ, пришла въ госпиталь, гдѣ бы нашла отдыхъ и облегченіе, но умерла часъ спустя отъ чрезмѣрнаго истощенія. Русскіе вообще великодушны и щедры, и я не забуду, какъ однажды во время большого обѣда, который мы давали, я получила письмо отъ моей свекрови, въ которомъ она говорила мнѣ о женѣ одного пастора въ Суссексѣ, овдовѣвшей и оставшейся съ большимъ семействомъ безъ всякихъ средствъ къ существованію, такъ какъ мужъ ея умеръ скоропостижно отъ апоплексическаго удара. Это меня очень разстроило, и я разсказала объ этомъ графу Нессельроде, сидѣвшему рядомъ со мной за обѣдомъ. Онъ тотчасъ сказалъ: „Отчего вы не устроите сбора въ пользу вдовы?“ Я отвѣчала: „Мнѣ это не пришло въ голову, и я думала, что у Русскихъ довольно *своихъ* бѣдныхъ“. Тѣмъ не менѣе онъ сказалъ: „Если вы сдѣлаете сборъ, я вамъ дамъ сто рублей“. Ободренная его предложеніемъ, я разсказала про это другимъ и имѣла радость послать домой чекъ на сто фунтовъ стерлинговъ для бѣдной вдовы, къ которой эта помощь пришла такъ неожиданно, что она думала, что она послана ей „Отцемъ сиротъ и Покровителемъ вдовъ“.

1-го Іюня. Мы посѣтили Исаакіевскій соборъ съ г-мъ Бердомъ. Внутренность его была неокончена, кромѣ очень небольшой части, гдѣ все-таки сохраняются остатки прежней церкви. Въ Россіи церковь не можетъ быть совершенно разрушена и вновь отстроена, но часть старой постройки должна всегда оставаться. Я болѣе восхищалась моделью старой церкви, чѣмъ новой. Мы зашли въ мастерскія Витали и видѣли нѣкоторыя модели; огромный барельефъ, изображающій поклоненіе волхвовъ надъ сѣверной дверью, очень хорошъ. Куполъ построенъ по новой системѣ и весь сдѣланъ изъ кованнаго желѣза. Мы поднимались на двѣсти семдесятъ пять ступеней къ куполу надъ церковью, откуда видъ очень хорошъ; но мѣстность вокругъ Петербурга такая плоская, что совсѣмъ не интересна, и самый городъ со своими золочеными куполами и шпилями болѣе всего поражаетъ глазъ. Намъ разсказывали, что Монферанъ написалъ картину, изображающую наводненіе въ Петербургѣ, и единственные два предмета, которые были видимы: Исаакіевскій соборъ и Александровская колонна, оба построенные имъ! Довольно характерная черта Французскаго хвастовства. Мы посѣтили мастерскую, гдѣ дѣлаютъ восемь малахитовыхъ колоннъ, заказанныхъ Государемъ. Колонны сперва выковываютъ изъ бронзы, затѣмъ накладываютъ малахитъ въ полъвершка толщины, въ безчисленныхъ маленькихъ кусочкахъ, скрѣпляя ихъ составомъ изъ малахита и мастики, послѣ чего уже всю колоннку полируютъ.

2-го Іюня 1846. Мы осматривали частные покои аппартаменты Зимняго дворца и императорскія регаліи, которыя сохраняются въ стеклянныхъ ящикахъ. Короны Государя и Императрицы сдѣланы сплошь изъ брилліантовъ, при чемъ на коронѣ Государя на верху знаменитый рубинъ огромной величины. Брилліантъ, составляющій вершину скипетра, тоже громадный, и въ этой же комнатѣ хранятся великолѣпныя ожерелья, серьги и уборы изъ изумрудовъ, рубиновъ, сафировъ и жемчуга, отдѣланныхъ брилліантами; словомъ, почти всѣ драгоцѣнности, кромѣ тѣхъ, которыя Императрица уве-

зла съ собой въ Италію. Мы видѣли гостиную Императрицы, очень красивую комнату, выходящую окнами на Неву. Изъ нея входятъ въ зимній садъ, наполненный экзотическими растеніями. Мы были также въ малой дворцовой церкви, гдѣ ежедневно совершается богослуженіе, а равно въ комнатахъ цесаревны и покойной великой княгини Александры Николаевны, которыя были отдѣланы къ ея бракосочетанію съ принцемъ Нассаускимъ и остались нежилыми послѣ ея кончины.

9-го Іюня 1846. Г. Сабуровъ любезно предложилъ показать намъ Царское Село и Павловскъ, и мы поѣхали туда съ часовымъ поѣздомъ. Насъ въ Царскомъ ожидалъ шарабанъ, запряженный маленькими пони, и мы сперва проѣхали въ новый дворецъ, построенный императоромъ Александромъ. Собственные аппартаменты Государя и Императрицы были совершенно измѣнены послѣ смерти ихъ прелестной дочери, чтобы ничто не напоминало Императрицѣ объ этомъ печальномъ событіи. Комната, въ которой великая княгиня скончалась, раздѣлена на три; но то мѣсто, гдѣ стояла ея постель, отдѣлено и превращено въ молельню. Много драгоцѣннаго стариннаго Дрезденскаго фарфора, находящагося теперь въ будуарѣ Императрицы, было найдено на чердакѣ, куда было отнесено какъ ненужный хламъ. Комната Государя мала, и въ ней находятся модели всѣхъ кавалерійскихъ полковъ въ Россіи, великолѣпно исполненныя: тамъ также виситъ много современныхъ картинъ, изображающихъ разныя битвы и парады. Я замѣтила очень много битвъ Наполеона, котораго Царь былъ большимъ поклонникомъ.

Осмотрѣвъ дворецъ, мы поѣхали на Ферму, замѣчательную лишь по чрезвычайной уютности и чистотѣ, что̀ рѣдкость въ Россіи. Мы затѣмъ отправились смотрѣть на очень хорошаго слона, привезеннаго изъ Персіи, 13-ти футъ вышины и большихъ размѣровъ. Разсказываютъ, что во время большаго наводненія въ 1824 году, вода наполнила клѣтку слона. Сторожъ, чтобы укрыться, влѣзъ въ конуру: но когда вода поднялась, слонъ, думая, что человѣкъ сыгралъ съ нимъ шутку, сталъ наполнять свой хоботъ водой и стрѣлять ею въ сторожа, который чуть не погибъ.

Мы ѣздили къ очень красивому мѣсту, гдѣ построенъ лѣтній домикъ въ память великой княгини Александры Николаевны, такъ какъ это было ея любимое мѣсто, и она кормила тамъ своихъ лебедей. Государь воздвигъ памятникъ изъ бѣлаго и чернаго мрамора, при чемъ великая княгиня съ ребенкомъ на рукахъ представлена восходящею на небо. Говорятъ, что голова похожа, но туловище слишкомъ длинно и не пропорціонально. Прогулка по парку до арсенала очень красива и вся мѣстность великолѣпно содержана. Былъ прелестный ясный день, все намъ показалось съ самой выгодной стороны, а такъ какъ деревья были роскошно одѣты первой зеленью весны, то растительность показалась мнѣ красивѣе, чѣмъ я дотолѣ видѣла въ Россіи; однако изъ деревьевъ здѣсь растутъ лишь березы, липы, дубы, клены. Послѣдніе довольно рѣдки, а въ прямыхъ аллеяхъ парка мало разнообразія, хотя онѣ очень красивы, длинны и въ паркѣ до 130 верстъ дорожекъ. Арсеналъ въ видѣ готической башни вмѣщаетъ въ себѣ большую великолѣпную

коллекцію вооруженія и разнаго рода оружія и два чудныхъ Турецкихъ чепрака и сбруи, роскошно украшенныхъ бриллiантами. Тутъ же находится чайный сервизъ, принадлежавшій Наполеону, и прядь его волосъ, присланная со Св. Елены послѣ его смерти! Затѣмъ мы отправились въ Китайскую деревню, гдѣ нѣсколько небольшихъ домиковъ, занимаемыхъ придворными, когда дворъ находится въ Царскомъ Селѣ, а затѣмъ мы отправились осмотрѣть церковь и аппартаменты Большого Дворца, гдѣ живетъ Наслѣдникъ. Церковь очень богато отдѣлана въ синій цвѣтъ и золото, а зала, ведущая въ нее, бѣлая съ золотомъ. Аппартаменты императора Александра сохраняются въ томъ же видѣ, какъ при его жизни. Его письменныя принадлежности, ножницы, перья и т. д., лежатъ на столѣ; а его платье, сапоги, шляпа, перчатки и рубашка, выложены въ его спальнѣ. Кровать была очень не большая и казалось особенно неудобной, такъ же какъ и его бритвенныя принадлежности. Трудно себѣ представить комнату менѣе роскошную.

Изъ Царскаго мы проѣхали въ Павловскій паркъ, гдѣ дворецъ в. к. Михаила Павловича. Мѣстность живописна и разнообразна, а вокзалъ, гдѣ мы обѣдали, любимое мѣсто публики лѣтомъ. Каждый праздникъ, толпы народа прiѣзжаютъ изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ, и много публики живетъ тамъ на дачахъ во время лѣтнихъ мѣсяцевъ.

12 Іюня 1846 г. Мы тотчасъ послѣ завтрака выѣхали въ открытомъ экипажѣ въ Петергофъ. Погода была прелестная, даже жаркая, но съ пріятнымъ вѣтеркомъ. Сады и дачи тянутся по обѣ стороны дороги съ случайными проблесками залива, и хотя видъ особенно не поражаетъ, но свѣжая весенняя зелень придавала ему веселый и красивый видъ; такъ какъ мы не имѣли возможности распорядиться заранѣе, то должны были разсчитывать исключительно на самихъ себя и на нашего егеря и когда мы въ Петергофѣ прямо проѣхали въ большой дворецъ, положеніе наше казалось довольно безнадежнымъ: ибо мы могли найти только рабочихъ, которыми не были поняты. Наконецъ мы однако нашли одного придворнаго лакея, говорившаго по-нѣмецки, и онъ намъ показалъ весь дворецъ. Его отдѣлывали къ свадьбѣ великой княжны Ольги Николаевны. Архитектура его напомнила мнѣ старый Французскій дворецъ; церковь какъ разъ передъ тѣмъ была вызолочена: бракосочетаніе должно было быть совершено въ ней. Рамы, двадцати или тридцати футовъ вышиной, тянулись вдоль каждой аллеи и должны были быть сплошь покрыты цвѣтными лампочками; аллей множество, эффектъ долженъ напоминать волшебные сады Аладина въ „Арабскихъ Ночахъ“. По праздникамъ сады открываются для публики, и всѣ кто можетъ отправляется въ Петергофъ. Гостей пригласятъ на балъ, и будутъ кататься вдоль иллюминованныхъ аллей въ линейкахъ. Изъ большаго дворца мы проѣхали въ коттеджу Императрицы (въ Александрія). Комнаты тамъ совсѣмъ маленькія, просто меблированы, а видъ изъ зеркальныхъ цѣльныхъ оконъ великолѣпенъ. Императрицу вскорѣ ожидали, и было развѣшено много картинъ, напоминающихъ ей ея посѣщеніе Палермо. Всѣ ея вещи были разложены въ ея будуарѣ. Съ одной стороны коттеджа находится ве-

ликолѣпная статуя Богородицы, работы Витали. Она съ трехъ сторонъ окружена деревьями и цвѣтами и поставлена на мѣсто, откуда открывается прелестный видъ на сады и на заливъ. Въ другомъ маленькомъ коттеджѣ, рядомъ съ этимъ, жили молодые великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, и мы видѣли мѣсто, на которомъ они занимаются гимнастикой. Вся мѣстность вокругъ коттеджа была покрыта цвѣтами и должна быть очень пріятна. Изъ Александріи мы поѣхали по берегу Финскаго залива въ Монплезиръ; это большой павильонъ съ террасой, выходящей на море и съ большими деревьями. Когда актеровъ и актрисъ вызываютъ въ Петергофъ, ихъ помѣщаютъ тамъ. Мы затѣмъ отправились въ Марли, небольшой дворецъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій. Его камзолы, шляпы, сапоги, палки и кровать сохраняются тамъ, и говорятъ, что одна комната собственноручно имъ оштукатурена. Противъ дворца находится прудъ, наполненный старыми карпами, которые пріучены приплывать для кормленія по звонку. Тутъ есть рыбы огромной величины съ небольшими на шеѣ цѣпочками, надѣтыми еще при Петрѣ Великомъ. Изъ Марли мы отправились въ Англійскій дворецъ, занимаемый дипломатическимъ корпусомъ во время празднествъ; затѣмъ посѣтили птичникъ, ферму, и послѣ долгой поѣздки пріѣхали къ „избѣ“ или Русской хатѣ, прелестному маленькому домику, куда Императрица случайно пріѣзжаетъ пить чай. Затѣмъ мы видѣли Isola Madre и Isola Bella, два острова на искусственномъ озерѣ, гдѣ два Итальянскихъ павильона построены для Императрицы: это прекрасные домика; оба острова полны садами, цвѣтами и статуями. Вообще публика не допускается на эти острова; но мы рѣшили все осмотрѣть, подкупили садовника, и онъ перевезъ насъ черезъ озеро на дрянной маленькой лодочкѣ, на которой обыкновенно перевозятъ цвѣточные горшки, почему она и была полна мусора и грязи... Мы благополучно возвратились и, отдохнувъ немного въ маленькой гостинницѣ подъ названіемъ „Самсонъ“, гдѣ и позавтракали, мы поѣхали за шесть верстъ дальше, ко дворцу великой княгини Маріи Николаевны, въ Сергіевку. Мѣстоположеніе дома красивое и болѣе возвышенное, чѣмъ обыкновенно въ этой плоской странѣ. Такъ какъ великой княгини не было дома, то мы не заѣзжали, а возвратились въ Петергофъ и поѣхали въ мѣсто, называемое Знаменка, гдѣ великая княжна Ольга Николаевна должна была провести свой медовый мѣсяцъ. Мы останавливались на обратномъ пути, чтобы осмотрѣть Стрѣльну, большой дворецъ, гдѣ жилъ великій князь Константинъ Павловичъ, необитаемый послѣ его смерти. Въ Субботу, 13-го Іюня мы выѣхали изъ Петербурга, вызванные въ Англію опасною болѣзнію моего свекра.

(Reminiscences of court and diplomatic life by Georgiana baroness Bloomfield. New edition. London, 1883. 8-ка, XII и 403 стр.).

ПИСЬМО А. С. ХОМЯКОВА КЪ А. И. КОШЕЛЕВУ.

Третьяго дня получилъ я отъ тебя письмо, любезный Кошелевъ, и ты пишешь, что прежде этого писалъ ко мнѣ два раза; одно письмо я получилъ, а другого нѣтъ. Это съ Тульской почтой случается. На письмо жъ твое не отвѣчалъ потому, что самъ тогда собирался въ Москву; однако вотъ и до сей поры не собрался. Преглупая это штука—вѣтреная оспа: тянется, тянется безъ конца; особенно подсыхаетъ очень медленно. За всѣмъ тѣмъ, если Богъ дастъ, дня черезъ четыре надѣюсь подняться съ мѣста и явиться къ вамъ. Давно уже хочется мнѣ къ вамъ перебраться въ бѣлокаменную, впрочемъ не ради бѣлокаменной, а ради васъ. Жизнь же Московская, думаю немного чѣмъ живѣе деревенской; самъ Аксаковъ въ этомъ согласится, не смотря на свое поклоненіе Москвѣ. Его письма наполнены восторгомъ по случаю древней сельской жизни въ Россіи. Очевидно онъ принимаетъ за дѣйствительно бывшее многое, что̀ существовало только въ законѣ, а не на дѣлѣ. Иначе представился бы случай единственный въ мірѣ: золотой вѣкъ, о которомъ никто не помнитъ черезъ 150 лѣтъ, не смотря на крайнюю желѣзность послѣдовавшаго. Если онъ въ Москвѣ, сообщи ему это замѣчаніе. Прощай, любезный другъ. Скажи Ольгѣ Ѳедоровнѣ мой низкій поклонъ; дай вамъ Богъ счастливаго и радостнаго новаго года. Твой А. Хомяковъ.

*

Въ бумагахъ А. И. Кошелева нашлось еще это письмо Хомякова, относящееся къ началу пятидесятыхъ годовъ *). Если бы Алексѣй Степановичъ имѣлъ обыкновеніе сохранять получаемыя имъ письма, то можно бы опредѣлить въ точности время написанія этого письма, что̀ не прибавило бы однако интереса письму, такъ какъ онъ заключается лишь въ заключительныхъ словахъ, обращаемыхъ чрезъ Кошелева къ К. С. Аксакову. Здѣсь представляется нѣсколько непонятнымъ, почему Хомяковъ, упоминая о письмахъ Аксакова, „наполненныхъ восторгомъ по случаю древней сельской жизни въ Россіи", вѣроятно выраженнымъ въ письмахъ къ нему, отвѣчаетъ не прямо ему, а чрезъ А. И. Кошелева. Кромѣ двухъ писемъ къ К. С. Аксакову во

---

*) Осмнадцать писемъ А. С. Хомякова къ А. И. Кошелеву напечатано въ XI-й книжкѣ „Русскаго Архива" 1879 г.

2-мъ томѣ сочиненій Хомякова и одного письма въ „Р. Архивѣ“ 1884 г. (кн. 5-я), писемъ его къ Аксакову не сохранилось: но въ этихъ трехъ письмахъ не говорится о восторгѣ „по случаю древней сельской жизни въ Россіи“. Вѣроятно замѣчаніе, которое Хомяковъ проситъ Кошелева передать Аксакову, есть какъ бы дополненіе къ непосредственному отвѣту его, заключающее въ себѣ замѣчаніе, которое ему не пришло на умъ, когда онъ писалъ свой отвѣтъ самому Аксакову.

Въ немъ, въ этомъ краткомъ замѣчаніи, по поводу порядковъ идеализируемой Аксаковымъ древней Русской дѣйствительности, заключается все значеніе настоящаго письма: тутъ разъясняется краткой фразою вопросъ о томъ, какъ смотрѣли Славянофилы вообще и Хомяковъ въ особенности, на осуществленіе древнею Россіей тѣхъ началъ ея жизни государственной и общественной, которыя они ставили такъ высоко. До послѣдняго времени, а можетъ быть и еще теперь, Славянофильскому направленію ставили въ укоръ идеализацію древней Русской жизни, будто бы не согласную вовсе съ историческими фактами, доказывающими, что въ старину жилось вовсе не такъ идеально, какъ думаютъ эти политическіе старовѣры. Дѣйствительно, если основать свои выводы на нѣкоторыхъ выраженіяхъ, попадающихся у К. С. Аксакова, или на словахъ И. В. Кирѣевскаго въ родѣ слѣдующихъ: „Особенность Россіи заключалась въ самой полнотѣ и чистотѣ того выраженія, которое христіанское ученіе получило въ ней *во всемъ объемѣ ея общественнаго и частнаго быта*“; если не войти въ разсмотрѣніе того, какъ эти выраженія понимались ими и выхватить ихъ изъ контекста цѣлой статьи: тогда позволительно строить на нихъ какія угодно обвиненія въ непомѣрной идеализаціи старины. Что касается до Кирѣевскаго, то онъ въ той же статьѣ, въ заключительныхъ ея словахъ, ясно опредѣляетъ, въ какомъ смыслѣ онъ проповѣдуетъ возвратъ къ старинѣ и какъ мало онъ желалъ бы видѣть возстановленіе отжившихъ формъ ея внѣшняго устройства. Въ разборѣ этой статьи (О характерѣ просвѣщенія Европы) А. С. Хомяковъ также ясно изложилъ свои далеко нелестные взгляды на древне-Русскую дѣйствительность, противополагая ей тѣ начала, на которыхъ она основывалась и стараясь объяснить причины того, повидимому, парадоксальнаго явленія, что высшія начала Русскія не проявились въ такихъ же или еще болѣе блестящихъ формахъ, въ которыя вылилась жизнь Западныхъ народовъ, основанная на началахъ низшихъ и одностороннихъ. Аксаковъ изъ всѣхъ Славянофиловъ одинъ былъ склоненъ идеализировать „допетровскую Русь, въ ея дѣйствительности, и современное крестьянство, которое онъ называлъ въ стихотворной формѣ „величавымъ народомъ“. Этимъ увлеченіямъ К. С. Аксакова постоянно противополагалъ А. С. Хомяковъ свое трезвое воззрѣніе на нашу старину, съ чѣмъ въ концѣ концовъ соглашался, хотя отчасти, и Аксаковъ. Идеализацію же современнаго крестьянства и Русскаго человѣка вообще крайне охлаждалъ И. В. Кирѣевскій, хотя бы въ отрывкахъ неоконченной статьи, которыми заключается второй томъ его сочиненій. Но всѣ эти свои мысли и взгляды Славянофилы развивали въ статьяхъ сравнительно длин-

ныхъ и всегда на столько строгихъ по формѣ изложенія и глубокихъ по существу, что ихъ противники охотнѣе останавливали вниманіе свое и своихъ читателей на отдѣльныхъ фразахъ, которыя могли быть удобно толкуемы въ желанномъ смыслѣ, оставляя въ сторонѣ (сознательно, или можетъ быть просто по недомыслію) самую суть того разсужденія, въ которое вставлено было то или другое выраженіе. Такимъ образомъ сложилось постепенно общераспространенное убѣжденіе, что Славянофилы требуютъ даже детальнаго возвращенія къ старинѣ и анаѳематствуютъ безъ разбора все, что внесено въ нашу жизнь послѣдними столѣтіями такъ называемаго сближенія съ Европой. Чтобы разсѣять такого рода неосновательныя осужденія Русско-православнаго, именуемаго Славянофильскимъ, направленія, крайне полезны такіе популяризирующіе его труды, каковъ напр. трудъ В. Н. Лясковскаго объ А. С. Хомяковѣ *): въ немъ конспектно изложено его ученіе—его же словами. Трудъ г. Лясковскаго не остался безъ полезныхъ послѣдствій; но конечно еще важнѣе, когда удается находить неизданныя писанія, въ которыхъ кратко выражаются основные взгляды этого ученія. Настоящее письмо къ Кошелеву тѣмъ и цѣнно, что оно даетъ точное выраженіе взгляду Хомякова на Старо-Русскую сельскую жизнь. Едва ли кто рѣшится обвинять его въ идеализаціи ея, послѣ того какъ прочтетъ заключительныя слова этого письма.

Не лишено значенія въ этомъ письмѣ и другое еще мѣсто, гдѣ Хомяковъ говоритъ, что „Московская жизнь немного чѣмъ живѣе деревенской". Подобный отзывъ объ общественной жизни Москвы встрѣчается и у Кирѣевскаго; но это не мѣшало однако имъ обоимъ придавать большое значеніе той же Москвѣ въ умственномъ и культурномъ отношеніи. Видимо, что и здѣсь они умѣли ясно отличать начала отъ случайнаго ихъ проявленія, болѣе или менѣе полнаго. Москва—живой центръ Русской земли и ея народа; это центръ народной жизни и подстать самому народу она можетъ и должна быть центромъ живымъ, и дѣйствительнымъ. Но ея жизнь тѣсно связана съ духовнымъ состояніемъ самого народа въ каждую данную минуту, чѣмъ и отличается она отъ тѣхъ искусственныхъ столицъ, которыя могутъ жить сами по себѣ, не обращая вниманія на угнетенность духа, господствующаго въ странѣ, коей онѣ сами болѣе или менѣе способствуютъ. Эпоха, когда жили въ Москвѣ Хомяковы, Кирѣевскіе, Аксаковы была эпохой не блестящей въ отношеніи Русской общественности и гражданственности; и отъ того сама Москва носила, по свидѣтельству ихъ, тотъ характеръ мертвенности, который составлялъ и основную черту духовной жизни того времени. Многое измѣнилось въ жизни Москвы за послѣдніе годы, и она сама стала неузнаваема для тѣхъ, кто ее помнитъ за нѣсколько десятилѣтій назадъ; но она не измѣнила своему основному характеру—быть барометромъ народной жизни: все то, что въ ней совершается и хорошаго, и плохого, до сихъ поръ тѣсно связано съ хорошими и плохими явленіями жизни всей земли Русской.

*) Напечатанъ въ XI книжкѣ „Русскаго Архива" 1896 года. Превосходный трудъ Кіевскаго профессора В. З. Завитневича еще не весь появился къ печати.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. Д. БОГАТИНОВА *).

Теперь пора сказать нѣсколько словъ и о гимназическомъ моемъ ученіи.

Всеобщую исторію преподавалъ во 6-мъ классѣ профессоръ Университета Алексѣй Ивановичъ Ставровскій. Шелъ урокъ о возникновеніи монашества въ христіанствѣ послѣ первыхъ вѣковъ гоненія; въ объясненіи профессоръ коснулся жизнеописанія и преподобнаго Антонія, и лишь только профессоръ произнесъ: «преподобный Антоній!» какъ нѣсколько учениковъ, какъ бы по какому общему сигналу, обратились назадъ въ ту сторону, гдѣ я сидѣлъ и впились въ меня своими смѣющимися глазами. Какъ меня ни прозывали: и «ханжа», и «святоша», и «преподобный Ѳеофаній!». Кромѣ личныхъ уколовъ насмѣшками, приходилось то и дѣло слышать со всѣхъ сторонъ самыя неприличныя рѣчи, а когда, бывало, во время перемѣнъ выходили въ садъ, то и неприличныя пѣсни. Разъ не было учителя; кто-то изъ студентовъ взошелъ на каѳедру, усѣлся и, окруженный любопытною толпою, сталъ громко читать какое-то грязнѣйшаго содержанія стихотвореніе, которое выдавали за принадлежащее Пушкину. Иные, слушая, озирались въ мою сторону, гдѣ я сидѣлъ отдѣльно, какъ и нѣсколько другихъ, занятые уроками, и улыбались.

Какъ нервный мальчикъ, я весьма часто улыбался нервною улыбкою, даже говоря что-либо вовсе несмѣшное, нѣсколько прихихикивая при разговорѣ и дѣлая нервную мину, похожую на улыбку. И эта моя слабость, отъ дѣтства и донынѣ преслѣдующая меня, была предметомъ уколовъ. «Чтò ты все хихикаешь? Чтò ни скажешь, все «хи-хи». Я еще счастливъ былъ, что меня только словами допекали да приставаньями, но не трогали, не били меня; а то былъ бѣдный товарищъ Монтрезоръ, старшій изъ двухъ братьевъ, нѣсколько изъ себя странный, съ чудны́ми манерами, сынъ генерала, богатаго помѣщика: такъ того эти буяны просто били, и бѣдный кричалъ отъ боли,

---

*) См. выше, стр. 47.

оборачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, откуда сыпались на него безцеремонные пинки и удары. И не было кому заступиться за него, да и меня спасти отъ оскорбленій; не только никто изъ товарищей не приходилъ дѣломъ на помощь, но даже хотя бы словомъ заикнулся: «зачѣмъ его трогаете?» Порядочные, Чеховичи-братья, Мощинскіе-братья, Смилянскій были въ меньшинствѣ; большинство же составляли эти «отдѣленцы»-буяны. Доставалось отъ нихъ и Мощинскому меньшему, Григорію, маленькому ростомъ, толстенькому: этого было и довольно, чтобы и онъ сталъ посмѣшищемъ для этихъ, жаждавшихъ развлеченій и упражненія въ кулачныхъ схваткахъ, негодяевъ. Ничего этого не знали ни учители, ни инспекторъ: никто не жаловался; съ приходомъ учителя въ классъ все приходило въ порядокъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Инспекторъ рѣдко заглядывалъ во время перемѣнъ: «вѣдь 7-й классъ!», а у него цѣлая гимназія на плечахъ, и на младшихъ классахъ главнымъ образомъ сосредоточивалось его наблюденіе; онъ и не видалъ, что̀ творили мальчуганы 7-го класса. Какихъ нравственныхъ пытокъ и мнѣ стоилъ этотъ 7-й классъ, пока Богъ помогъ выйти на свободу изъ этого вертепа негодяевъ и разбойниковъ! Къ числу ихъ принадлежалъ и одинъ изъ приходящихъ, старшій братъ Коломійцевъ, скалозубъ и тоже грязный мальчикъ. И это тѣмъ больнѣе было для меня, что у него-то и досталъ я для чтенія книгу Михаила Десницкаго: «Трудъ, пища и покой духа человѣческаго» (собственность его отца, значитъ порядочнаго человѣка).

Съ благодарностью тѣмъ большею поэтому вспоминаю о немногихъ моихъ добрыхъ товарищахъ, которые такъ или иначе и сами немало терпѣли отъ этого скопища «отдѣленцевъ»: о братьяхъ Чеховичахъ, о братьяхъ Мощинскихъ, о Смилянскомъ и особенно о Чеховичѣ Павлѣ. Онъ со мною весь 4-лѣтній гимназическій курсъ учился Греческому языку. Съ нимъ мы и оставались въ Гимназіи на обѣденное время; съ нимъ и возвращались домой на Подолъ, осенью и зимою, уже въ ночной темнотѣ. Онъ былъ одного со мною росту, и потому, какъ оба поднялись, мы съ нимъ и пару составили, когда нѣкоторое время ученики Гимназіи, кажется, во время проѣзда Государя Императора или Государя Наслѣдника, а до нихъ тоже нѣкоторое время, въ видѣ выправки и дисциплины, выходили изъ Гимназіи на ранги и такъ шли по улицамъ, отдѣляясь изъ общаго строя только при ближайшемъ направленіи къ своимъ домамъ. Разъ, поставленные въ пару, мы почему-то не захотѣли долго дожидаться; дождь ли накрапывалъ, холодно ли было, проголодались ли, только вздумали мы съ нимъ ускользнуть изъ строя и домой, въ парѣ же, скорымъ шагомъ. Но только нѣтъ, не удалось:

инспекторъ замѣтилъ, воротилъ, и мы просидѣли съ нимъ въ Гимназіи нѣсколько часовъ и уже къ вечеру вернулись домой.

Такъ, очень немного отрадныхъ воспоминаній осталось у меня въ мое жизненное достояніе изъ отношенія ко мнѣ товарищей въ Гимназіи, особенно за послѣдніе два года ученія. Измученный нравственными пытками общенія съ ними, тѣмъ пламеннѣе я искалъ успокоенія своему оскорбленному нравственному чувству и находилъ его въ священной оградѣ храма Божьяго, въ благоуханіи теплой молитвы, которая и творила во мнѣ обновленіе духовной бодрости и укрѣпляла на новыя пытки, изо дня въ день въ томъ или другомъ видѣ повторявшіяся. Съ какою радостію, съ какимъ торжествомъ я праздновалъ поэтому день окончанія курса Гимназіи, когда и вся эта буйная ватага разбрелась утѣшать своихъ родителей своею благовоспитанностію, а я остался самъ съ собою и съ своею семьею!

Учился я въ Гимназіи прилежно; въ учебникахъ не нуждался, получая нѣкоторые изъ нихъ отъ учениковъ, прошедшихъ уже курсъ того класса, для котораго они нужны были мнѣ, или доставалъ у товарищей-Подолянъ. Я былъ въ каждомъ классѣ только по году и 18-ти лѣтъ въ 1852 году окончилъ Гимназію, но уже не въ домѣ Киселевскаго, а въ домѣ Козлова, гдѣ нынѣ Военно-окружной судъ и гдѣ Гимназія очутилась уже къ самому концу моего курса, перешедши сюда изъ своего прекраснаго зданія, нарочно для нея построеннаго на бульварѣ и отобраннаго отъ нея по волѣ императора Николая I, повелѣвшаго въ этомъ зданіи помѣстить вновь открытый тогда Кіевскій Владимирскій не ранжированный кадетскій корпусъ, до времени постройки для него особаго помѣщенія. 4-й и 5-й классъ я провелъ еще въ домѣ Киселевскаго, 6-же классъ и 7-й до Свѣтлой Седмицы 1852 г. въ зданіи Гимназіи, а въ домѣ Козлова уже провелъ только меньше мѣсяца и сдавалъ выпускные экзамены, такъ какъ Пасха тогда была поздняя, и ученіе возобновилось послѣ нея только 11-го Апрѣля. Я посѣщалъ уроки всегда исправно; однажды только, въ Понедѣльникъ на Ѳоминой недѣли, выпалъ ужаснѣйшій глубочайшій снѣгъ, какого въ зиму не бывало, и я не пошелъ въ Гимназію; когда-же во Вторникъ пришелъ я, какъ раскричится на меня инспекторъ, почему я вчера не пришелъ на уроки... «Я васъ лишу аттестата!..» Но тутъ уже я понялъ, что это была только вспышка гнѣва у глубоко-уважаемаго мною Николая Михаиловича Громова, и спокойно выслушалъ его угрозу. А онъ могъ бы мнѣ извинить, зная почти за четыре года мою всегдашнюю исправность. Даже когда у меня сильно болѣла грудь, начиная съ 6-го класса, я не помню, чтобы я пропускалъ уроки.

Съ большою любовью я занимался исторіею, еще и въ 4-мъ классѣ. Руководство Смарагдова по древней исторіи было дополняемо довольно подробными извлеченіями изъ Всеобщей Исторіи Лоренца, и я особенно охотно приготовлялъ уроки, стараясь возможно ближе и полнѣе держаться Лоренца. Въ 5-мъ классѣ нѣкоторое время преподавалъ исторію Виталій Яковлевичъ Шульгинъ, но не долго; вмѣсто него, перешедшаго въ Университетъ, назначенъ былъ *Ющенко*. Этотъ много разсказывалъ, но какъ-то сухо, непонятно, хотя и подробно, и мы мало что заимствовали изъ его объясненій. Къ концу года онъ оставилъ службу, какъ больной: въ припадкѣ помѣшательства пытался перерѣзать себѣ горло, былъ спасенъ, но службы уже не могъ продолжать. Въ 6-мъ классѣ А. И. Ставровскій очень намъ много объяснялъ съ оживленіемъ, давая подробныя записки о реформаціи въ Германіи и въ Голландіи и о 30-ти лѣтней войнѣ. Помню особенно его одно объясненіе о различіи древняго и новаго міра, на предѣлахъ коихъ, какъ грань, стоитъ христіанство съ своимъ всемірнымъ значеніемъ. Къ сожалѣнію, въ 7-мъ классѣ уже назначенъ учителемъ исторіи Лашнюковъ, и мы обречены были на машинальное изученіе учебниковъ.

Съ живѣйшимъ интересомъ и любовью изучалъ я географію Россіи въ 5-мъ классѣ подъ прекраснымъ, энергическимъ, оживленнымъ руководствомъ Ѳ. В. Пиленка и получалъ въ теченіи всего года у него отмѣтку 5-ть.

Съ неменьшею любовью я занимался Латинскимъ языкамъ у Д. Ю. Красковскаго. Книга о Катилинѣ и Югуртинской войнѣ, Цицерона De officiis, еще раньше жизнеописанія Корнелія Непота, доставили мнѣ много душевнаго удовлетворенія и дали много поучительныхъ уроковъ. Съ меньшею охотою и успѣхомъ я занимался переводами съ Русскаго языка на Латинскій, это потому, что вообще былъ не очень твердъ въ грамматическихъ началахъ.

Греческій языкъ сначала у Христофора Николаевича (кажется Еронскаго), потомъ въ 7-мъ классѣ у Владимира Ѳедоровича Ѳедорова, шелъ у меня всегда хорошо; я настойчиво изучалъ и формы грамматики, и слова, и получалъ въ 7-мъ классѣ весьма часто по 5-ти.

Математикою, сверхъ ожиданія, я очень хорошо занимался въ 4-мъ классѣ, особенно геометріею, благодаря прекрасному преподаванію *Тимоѳея Ивановича Пристина*, который обыкновенно объяснялъ новый урокъ, излагая оный всегда ясно и доказательно и предоставлялъ желающимъ записать дòма и подать ему для исправленія. Это-то я и дѣлалъ почти въ теченіе всего года и дѣлалъ настолько обстоятельно и

полно, что Т. И., по прочтеніи моихъ записокъ, предлагалъ и прочимъ списывать у меня, чѣмъ еще болѣе заохочивалъ меня къ усидчивой работѣ дома, а въ классѣ къ усиленному и сосредоточенному вниманію. Даже по алгебрѣ въ 4-мъ и 5-мъ классахъ я занимался очень хорошо, и напр., биномъ Ньютона, помню, изучалъ съ особенною радостью и такъ, что понимаю и постигаю его построеніе. Но какъ дошло дѣло до тригонометріи и логариѳмовъ, тутъ уже я ослабѣлъ; не пересилить было мнѣ этой мудрости синусовъ, косинусовъ и тангенсовъ... какъ въ лѣсу терялся. Физика и особенно космографія проходились мною съ особенною любовью, хотя опять въ физикѣ всѣ алгебраическія формулы были для меня камнемъ претыканія.

Но особенно благотворное и воспитательное вліяніе на меня производили уроки Русскаго языка въ 4-мъ классѣ и затѣмъ Русской словесности въ 6-мъ и 7-мъ классахъ, а въ 4-мъ классѣ занимался Русскимъ языкомъ *Ѳедоръ Васильевичъ Березницкій*. Онъ давалъ записки и диктовалъ примѣры періодовъ. Помню одинъ періодъ, кажется, причинный, составленъ былъ въ развитіе текста: «Блажени умирающіе о Господѣ; ей глаголетъ Духъ: почіютъ отъ трудовъ своихъ; дѣла бо ихъ вслѣдъ ихъ ходятъ». Послѣ учили о фигурахъ, тропахъ по общей риторикѣ Кошанскаго, гдѣ что ни фигура, то прекраснѣйшіе примѣры; далѣе изучали стихосложеніе по учебнику Пенинскаго, опять съ примѣрами.

„Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ,
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ“.

„Не рѣзвись, мотылекъ:
Обожжетъ огонекъ.
Чѣмъ горитъ онъ свѣтлѣе,
Тѣмъ сожжетъ онъ скорѣе“ и пр.

Примѣры эти я съ величайшимъ удовольствіемъ заучивалъ, вдумывался въ нихъ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ и послѣдній, здѣсь приведенный, имѣли впослѣдствіи для меня, по своимъ глубокимъ мыслямъ, значеніе жизненныхъ правилъ. «Не рѣзвись мотылекъ: обожжетъ огонекъ!». О, сколько разъ въ послѣдующей жизни этими краткими внушеніями, обращенными къ мотыльку, этою картиною, взятою изъ природы и исполненною глубокой думы поэта, я удерживалъ себя, какъ бы вразумлялъ себя въ порывахъ влеченій, хотя благородныхъ и чистыхъ, но и опасныхъ для свободнаго стремленія духа. Да, не уроки собственно Русскаго языка, которые были довольно однообразныя диктовки, разборы, спрашиванія, а именно такіе хорошо съ

толкомъ и чувствомъ подобранные примѣры благотворно дѣйствовали на мою душу и служили въ школѣ полнымъ отголоскомъ тѣхъ высокихъ внушеній, какія я слышалъ въ глубинѣ души въ глаголахъ жизни изъ Слова Божьяго, въ бесѣдахъ съ моимъ незабвеннымъ Аполлономъ Ивановичемъ и въ чтеніи даваемыхъ имъ мнѣ книгъ. Въ 4-мъ же классѣ впервыя мы изучали Церковно-славянскій языкъ и теоретически, и практически. Для практическихъ упражненій употреблялась Хрестоматія Слав. языка Пенинскаго же, прекрасно составленная; мы читали отсюда отрывки изъ Св. Писанія; помню одно: «Моисей же бяше пасый овцы Іоѳара, тестя своего»... и далѣе: «иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ, земля бо, на ней же стоиши, свята есть»... и шло повѣствованіе о явленіи Бога Моисею въ купинѣ на горѣ Синайской. Какъ поражала меня эта строгая рѣчь Божьяго посланничества для спасенія порабощеннаго Израиля! Помню: читали отрывокъ изъ книги Юдиѳи объ ея неустрашимости спасать Евреевъ отъ Олоферна. И много, много подъ эту, повидимому, скучную работу однообразнаго чтенія и разбора, много продумано, прочувствовано, благодаря прекрасному выбору статей, такъ воспитательно дѣйствовавшихъ на молодыя души. Еще большею силою воспитательнаго вліянія отличался великолѣпно составленный сборникъ церковныхъ пѣснопѣній, помѣщенный въ этой же Хрестоматіи. «Ты моя крѣпость, Господи! Ты моя и сила! Ты мой Богъ! Ты мое радованіе!».. Что̀ можетъ сдѣлать хорошо составленная Хрестоматія, я испыталъ самъ на себѣ, и занятія Русскимъ и Церковнославянскимъ языкомъ, при помощи такихъ прекрасно составленныхъ учебниковъ и сборниковъ, доставляли мнѣ величайшее наслажденіе. Я тогда же, еще ученикомъ 4-го класса, возымѣлъ желаніе быть учителемъ, и именно учителемъ Русскаго языка, и тогда же опредѣлилъ себя поступить на историко-филологическій факультетъ Университета, почему крѣпко держался уроковъ Греческаго языка, избраннаго мною для изученія (Греческій языкъ былъ не обязателенъ), хотя на первыхъ порахъ онъ представлялъ для меня немалыя затрудненія.

Въ 5-мъ классѣ занятія Русскою словесностью шли вяло. Новый преподаватель, *Николаевскій*, диктовалъ свои записки по теоріи прозы, различные виды прозаическихъ сочиненій, описанія, разговоры и пр. Домашнія упражненія были тоже рѣдки, но все же кое-что и писали; я, напримѣръ, писалъ: Днѣпръ по Гоголю. Еще, при прохожденіи какого-либо вида сочиненія, читали его образцы по хрестоматіи (тогда Пенинскаго), напр. описаніе Финляндіи Батюшкова и пр. Въ 4-мъ классѣ упражнялись въ чтеніи, тоже по христоматіи Пенинскаго; потомъ отрывки изъ поэмы «Полтава». Учили ли какія стихотворенія за эти два года,

не помню. Но въ 3-мъ еще классѣ у насъ учили: «Русская слава» Жуковскаго, «Была пора», «Клеветникамъ Россіи» Пушкина, «Бородино» Лермонтова. То было время патріотическаго возбужденія, Венгерскій походъ. Французская революція 1848 г. тоже настраивала общественное мнѣніе къ чуткости государственной безопасности и свободѣ. *Павелъ Ивановичъ Балабуха,* движимый патріотическимъ же чувствомъ, диктовалъ намъ и патріотическаго содержанія стихотворенія и достигалъ своей цѣли: и у насъ возбуждалось это высокое подъемлющее духъ чувство. Помню, какъ въ 3-мъ классѣ я тыкалъ пальцемъ въ карту, въ то мѣсто, гдѣ Франція, съ азартомъ, какъ бы тѣмъ выражая, что такъ слѣдуетъ поступить съ этою страною, возмущавшей общій миръ людей своими всегдашними волненіями. Въ 6-мъ классѣ съ Николаевскимъ мы только начали краткую исторію Русской словесности въ ея древній періодъ; тоже шли записки, но не долго съ нимъ занимались: или онъ умеръ, или переведенъ былъ куда, не помню; только послѣ него занимался съ нами, по приглашенію начальства, профессоръ Университета *Александръ Ивановичъ Селинъ.* Онъ пока оставилъ исторію Русской словесности и занималъ насъ исторіею поэзіи, давая намъ записки, кратко, но прекрасно составленныя, которыми ознакомилъ насъ довольно обстоятельно съ родами и видами поэзіи; но при этомъ главное то, что все, что̀ ни говорилось Александромъ Ивановичемъ, говорилось съ чувствомъ, обращалось и къ нашему чувству. Особенно глубоко запали въ душу мою объясненія и записки о различіи въ духѣ, въ характерѣ, въ чертахъ даже внѣшнихъ, поэзіи древнихъ классическихъ народовъ отъ поэзіи христіанскаго міра: тамъ герои-боги тѣже люди, въ которыхъ обоготворены всѣ человѣческія страсти, гдѣ вся сущность счастія и блаженства поставляется въ чувственныхъ удовольствіяхъ; здѣсь, въ христіанскомъ мірѣ, прославляются герои борьбы, страданія, подвиги, здѣсь славная побѣда надъ страстями; первообразъ христіанскаго героя несетъ на своихъ раменахъ крестъ и умираетъ на крестѣ, молясь за своихъ распинателей. Когда шла рѣчь о гимнѣ, Александръ Ивановичъ сжато, но обстоятельно далъ записки и о поэзіи Еврейской, гдѣ гимнъ, псаломъ, религіозная ода составляютъ главнѣйшіе виды поэзіи этого избраннаго Богомъ народа. Эти объясненія, эти записки открыли моему разумѣнію новую область духа поэзіи, прояснили для меня значеніе ея формъ, ея видовъ, значеніе высокой силы творческаго слова. Прекрасныя эти записки и донынѣ сохраняются у меня. Столь же обстоятельно, при необходимой краткости, Александръ Ивановичъ давалъ намъ понятіе о классическомъ эпосѣ. Эти незабвенные для меня уроки Александра Ивановича впервые ввели меня въ міръ общечеловѣческихъ идеаловъ,

общественныхъ стремленій къ высокому во всѣхъ областяхъ творчества. зодчествѣ, ваяніи, живописи, музыкѣ, поэзіи. О, какъ все это глубоко прочувствованнымъ изливалось во вдохновенной рѣчи Александра Ивановича! Онъ сравнивалъ пагоду Индійскую съ величественнымъ храмомъ Греческимъ и потомъ съ тѣмъ высокимъ идеаломъ, какой имѣетъ христіанскій храмъ: небо—престолъ Мой, земля же—подножіе ногамъ Моимъ» и какъ на свѣтлѣйшій типъ этой христіанской идеи указывалъ на средневѣковой готическій храмъ, весь въ своихъ стрѣльчатыхъ, поднимающихъ въ высь линіяхъ, уходящій въ небеса. Онъ объяснилъ преобладаніе въ древнемъ мірѣ ваянія, въ христіанскомъ живописи, въ древнемъ представленія всего человѣческаго тѣла и въ ваяніи, и въ живописи обнаженнаго, въ христіанскомъ одного только лица, какъ выраженія духа. Онъ, наконецъ, показалъ высокое обаятельное дѣйствіе музыки на душу человѣка, но еще высшее въ развитіи человѣческаго творчества поэзіи. Онъ объяснилъ намъ значеніе идеала и различіе его отъ идеи; значеніе творца-генія. Эти незабвенные уроки и объясненія, полныя жизни, чувства, духа, о какъ воспитательно они дѣйствовали на меня, уже значительно подготовленнаго именно къ такому идеальному отношенію къ міру человѣческаго творчества и потому свободно, живо, глубоко воспринимавшаго всею душою такое отъ чувства шедшее просвѣщенное руководство незабвеннаго Александра Ивановича! Онъ же преподавалъ исторію Русской словесности древней и новой. По недостатку времени въ древней онъ останавливался на главнѣйшемъ; такъ я помню, онъ очень живо представилъ намъ образы Нила Сорскаго, Іосифа Волоцкаго и особенно трогательно, можно сказать, изобразилъ мученика за непонятыя современниками высокія идеи Максима Грека. Картина невиннаго страдальца глубоко трогала и умиляла меня. Такою же трогательною рѣчью изображенъ былъ предъ нами Даніилъ Заточникъ, и еще раньше игуменъ Даніилъ, ставящій у гроба Господня и возжигающій кадило за всю Русскую землю. Довольно обстоятельно представилъ онъ намъ и Русскія мистеріи. Прочее пройдено по запискамъ за недостаткомъ времени. Въ новомъ періодѣ Русской словесности мы останавливаясь на чтеніи отрывковъ изъ писателей. Такъ обстоятельно мы были ознакомлены съ сатирами Кантемира, съ комедіями Фонъ-Визина, съ Ломоносовымъ, съ одами Державина и особенно «Фелицею» и «Богомъ», съ духовными ораторами XVIII столѣтія, и все это объяснено и прочтено съ чувствомъ, увлеченіемъ, жаромъ. Помню, когда проходили о духовныхъ ораторахъ, приведены были отрывки изъ надгробнаго слова Ѳеофана Прокоповича у гроба Петра Великаго, изъ привѣтственнаго слова Георгія Конисскаго Екатеринѣ Великой; когда дошла очередь до Анастасія Братановскаго,

то Александръ Ивановичъ предложилъ прочитать его знаменитое слово на смерть Бецкаго одному изъ учениковъ (изъ отдѣленцевъ), но его чтеніе ему сразу не понравилось, и онъ спросилъ, не можетъ ли еще кто-либо прочесть получше. Тогда, откуда возьмись у меня смѣлость, вызвался я прочесть, и прочелъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ (я былъ издавна, еще съ дѣтскихъ лѣтъ, порядочный чтецъ). Александръ Ивановичъ, кажется, не ожидалъ отъ меня такого чтенія, остался очень доволенъ и тутъ же предъ всѣми похвалилъ меня. «Вотъ прекрасно прочитали». Съ тѣхъ поръ онъ оказывалъ ко мнѣ особенное вниманіе. О Карамзинѣ много не говорилъ Александръ Ивановичъ, но очень обстоятельно ознакомилъ насъ въ выдержкахъ съ Пушкинымъ и особенно съ Евгеніемъ Онѣгинымъ. Помню, разъ Александръ Ивановичъ допустилъ маленькую неосмотрительность: сталъ читать Руслана и Людмилу и потомъ то мѣсто, гдѣ представлена картина пѣтуха, гордо выступающаго среди куръ, и какъ загогочутъ «отдѣленцы» при чтеніи этого вольнаго мѣста на весь классъ. Александръ Ивановичъ, кажется, понялъ свою оплошность, забылъ или не зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, съ мальчуганами уже знакомыми и не съ такими вещами, выдаваемыми за «Пушкинскія», и больше уже избѣгалъ такихъ вольныхъ мѣстъ. Прочтены были тоже выдержки изъ «Полтавы». Изъ Жуковскаго прочтено нѣсколько балладъ, между прочимъ: «Свѣтлана» въ отрывкахъ. Отъ Александра Ивановича перваго мы узнали о кончинѣ Жуковскаго 12-го Апрѣля 1852, о чемъ онъ съ скорбію сообщилъ намъ въ классѣ же, на урокахъ. Изъ Гоголя прочтено было нѣсколько отрывковъ, нѣкоторые типы «Мертвыхъ душъ» и между прочимъ «Плюшкинъ». Въ 7-мъ же классѣ Александръ Ивановичъ далъ на домъ каждому прочесть какую-либо книгу и сдѣлать изъ нея подробное извлеченіе. Я избралъ XII томъ Карамзина, царствованіе Василія Шуйскаго и, добросовѣстно прочитавъ весь томъ, дѣйствительно сдѣлалъ изъ него подробное извлеченіе, которое и подано было въ концѣ года на разсмотрѣніе Александра Ивановича.

Подъ такимъ прекраснымъ воспитательно-дѣйствовавшимъ руководствомъ въ изученіи родного языка, въ теченіи почти двухъ лѣтъ, я имѣлъ счастіе и окончить Гимназію, сохранивъ въ душѣ глубочайшую признательность къ Александру Ивановичу и утѣшаясь мыслью, что въ немъ буду имѣть и въ Университетѣ достойнаго руководителя. Онъ же своими прекрасными и душу захватывавшими уроками мирилъ меня съ тою оскорблявшею обстановкою «отдѣленскаго» товарищества, о которой я выше упомянулъ и которая такъ часто ожидала меня тутъ же, лишь только Александръ Ивановичъ удалялся изъ класа, унося съ

собою и мой міръ, и мое наслажденіе; точно эти люди не слышали и не понимали его рѣчи вдохновенной чувствомъ высокаго и прекраснаго.

Я еще ничего не сказалъ о своихъ занятіяхъ въ Гимназіи Французскимъ и Нѣмецкимъ языками. Въ 4-мъ классѣ на урокахъ Французскаго языка переводили мы «Странствованія Телемака» Фенелона, и помню своею назидательностію этотъ переводъ доставлялъ мнѣ много поучительныхъ уроковъ. Съ 5-го же и до 7-го уже введена была Христоматія Трикò, тоже по богатымъ содержаніемъ, хорошо выбраннымъ отрывкамъ производившая на меня всегда сильное воспитательное дѣйствіе, знакомя меня съ жизнію чуждаго народа, съ его исторіею, его нравственными понятіями и такимъ образомъ прокладывая въ моей душѣ дорогу къ пониманію общечеловѣческой жизни въ ея возвышенныхъ, идеальныхъ проявленіяхъ. Не совсѣмъ только удовлетворительно шло преподаваніе грамматики, особенно въ 5-мъ и отчасти въ 6-мъ классѣ, когда занимался съ нами Венесъ, плохо говорившій по русски; но съ живѣйшимъ интересомъ я принялся за грамматику Французскую, когда сталъ преподавать Майеръ, частью въ 6-мъ классѣ, и нѣкоторое время въ 7-мъ, ведшій свое дѣло съ большимъ умѣньемъ и любовью. Окончилъ съ нами курсъ Гимназіи по Французскому языку молодой учитель *Иванъ Яковлевичъ Ростовцевъ*, главнымъ образомъ обратившій вниманіе на чтеніе и переводы.

Нѣмецкимъ языкомъ занимался съ нами весь гимназическій курсъ *Августинъ Яковлевичъ Сигизмундъ*, прекрасный преподаватель, особенно своею грамматикою, составленною для Русскихъ и ясно изложенною, помогшій мнѣ достаточно ознакомиться съ Нѣмецкимъ языкомъ, такъ что и на экзаменѣ выпускномъ я получилъ по Нѣмецкому языку 4-ре.

Экзамены наши начались приготовленіемъ въ классѣ сочиненія по Русскому языку. Было дано нѣсколько темъ, главнымъ образомъ изъ писателей. Такъ водилось всегда, я это зналъ и потому дома достаточно подготовлялся къ написанію сочиненія, особенно старательно прочитавъ все, чтò зналъ объ Озеровѣ. Дѣйствительно, въ числѣ темъ была дана тема и «объ Озеровѣ». Я ее и выбралъ себѣ. И тѣмъ не менѣе, я провозился съ сочиненіемъ въ теченіи всего дня, съ 9 часовъ утра и до 8 часовъ почти вечера, не обѣдая, измучивъ и надзирателя, которому поручено было оставаться до окончаній написанія всѣми сочиненій, достопочтеннаго *Гриненка*, который имѣлъ терпѣніе ожидать меня, нисколько не подгоняя и не настаивая, а я пишу да пишу, и дотянулъ почти до 8 часовъ вечера, удивившись самъ, какъ это я весь день просидѣлъ и не вспомнилъ даже про обѣдъ. Это сочиненіе и

было единственнымъ письменнымъ упражненіемъ на окончательномъ испытаніи; переводовъ по языкамъ не было, какъ и рѣшенія письменныхъ задачъ. Окончилъ я курсъ Гимназіи въ числѣ среднихъ по успѣхамъ, внесши предварительно въ пользу канцеляріи, по требованію письмоводителя, полтора рубля... и простился съ Гимназіею, гдѣ узналъ я много, много хорошаго, полезнаго и добраго, но гдѣ же и испилъ горькую чашу нравственныхъ огорченій и оскорбленій, отъ которыхъ тоже была своя доля пользы: они отрицательно помогали мнѣ утверждаться въ томъ добрѣ, которое положительно насаждали во мнѣ такіе уроки и такое преподаваніе, какъ Русскаго языка и другихъ предметовъ, съ ихъ воспитательнымъ дѣйствіемъ, оставившимъ въ душѣ моей чувство глубокой признательности къ заведенію, гдѣ провелъ я опасные годы юной жизни, всегда занятый серьезнѣйшимъ трудомъ и въ классѣ, и дома, всегда изо дня въ день въ этихъ урокахъ находившій столько духовнаго удовлетворенія, что низменные токи «отдѣленскихъ» мерзостей не залили въ душѣ моей благодатныхъ ощущеній.

Наступило время поступленія въ Университетъ. Тогда для оканчивающихъ Гимназію было въ Университетѣ производимо повѣрочное испытаніе въ видѣ сочиненія по Русскому языку. 1-го Августа и я писалъ сочиненіе въ присутствіи ректора Университета Траутфеттера и Александра Ивановича Селина. Писали на темы, которыя назначены были на билетахъ. Мнѣ вынулся не помню съ какою темою билетъ, но она показалась для меня трудною, и я помѣнялся съ моимъ товарищемъ по гимназіи Мощинскимъ и писалъ: «О значеніи Кіева». Въ сочиненіи допускалось сдѣлать не болѣе двухъ ошибокъ; третья уже лишала права поступленія въ Университетъ. Ректоръ очень внимательно просматривалъ сочиненія; хотя и Нѣмецъ, онъ отлично зналъ Русское правописаніе, и нашелъ въ моемъ сочиненіи три ошибки, изъ нихъ одна: «оцѣпѣнѣлъ»... Роковая минута! Спасъ меня уже знавшій меня Александръ Ивановичъ; онъ объяснялъ Нѣмцу - ректору, что въ такомъ письмѣ слѣова еще нѣтъ ошибки, что пишутъ и такъ глаголы въ силу очень мягкаго произношенія, привелъ нѣсколько примѣровъ, словомъ, явился моимъ заступникомъ предъ строгимъ судьею. Ректоръ не могъ возражать профессору Русской словесности, я былъ спасенъ и принятъ въ Университетъ по историко-филологическому факультету.

Нужно было получить «матрикулъ» печатный, за него вносилось 2 рубля. Чтобы добыть ихъ я продалъ Должикову (содержателю «Аптеки для души», кабинета для чтенія) бывшую у насъ очень старинную Географію всеобщую, не помню уже, на Русскомъ или Нѣмецкомъ

языкѣ, но очень, очень старинную (уже не подарена ли и она была Королиною Ивановною вмѣстѣ съ другими книгами, о чемъ я говорилъ), кажется, за 1 р. 50 копѣекъ. Пошить сюртукъ, шинель форменную, сдѣлать мундиръ, купить шпагу, трехуголку, уплатить за право ученія, 20 р. за первое полугодіе, все это были такіе расходы, которые не могли сдѣлать мои родители безъ непомѣрнаго напряженія. Я это видѣлъ и рѣшился занять какую-либо репетицію, сталъ спрашивать, искать, узналъ, что есть, съ тѣмъ чтобы я жилъ въ домѣ того господина. Вблизи Университета домъ, тѣмъ лучше: зима приближается, не ходить съ Подола. Иду. Господинъ этотъ гордо и чрезвычайно сухо обошелся съ студентомъ и предложилъ, если угодно, заниматься съ его сыномъ, но только за столъ и квартиру, безъ денежнаго вознагражденія. Столъ и квартира у меня и безъ того есть у родителей; я не согласился и въ этомъ видѣлъ Божье устроеніе, чтобы не покидать родительскаго крова ни на одинъ день моей юной жизни. Вскорѣ нашлись у меня занятія частными уроками, вблизи же у Смородиновыхъ, куда я ежедневно ходилъ послѣ обѣда заниматься съ сыномъ, а нѣсколько позже у купчихи Дитятиной, сынъ которой приходилъ ко мнѣ. Плату я получалъ самую ничтожную, кажется не больше 4 р. въ мѣсяцъ у Смородиновыхъ и 4 р. или 5 р. у Дитятиной; но и это было немалою поддержкою въ нашей бѣдности. Изъ этихъ ли денегъ, или уже родители добыли средства, было сдѣлано все необходимое для меня, хотя исподоволь, и уплачено за право ученія. За всѣ 4 года моего студенчества не было ни одного разу, чтобы я своевременно уплачивалъ эту значительную сумму, и каждый разъ къ 1-му Октября, кажется, и къ 1 Февраля я былъ исключаемъ изъ Университета; потомъ, когда вносилъ эту сумму инспектору, тотъ дѣлалъ о взносѣ помѣтку, и тогда я уже могъ предъявить декану факультета, проф. *Нейкирху,* свой листъ семестровый, гдѣ означались предметы лекцій на тотъ семестръ: незабвенный скорбный листъ моего бѣдственнаго студенчества, который и донынѣ хранится у меня. Листъ же этотъ имѣлъ документальное значеніе: имъ опредѣлялось время курса, право на полукурсовой и окончательный экзаменъ, и не будь въ какомъ-либо семестрѣ помѣтки декана, даже и при уплатѣ за ученіе, но просто по забывчивости студента, своевременно не предъявившаго декану своего семестроваго листа, это полугодіе не считалось въ число обязательныхъ 8-ми въ Университетскомъ курсѣ. Эти же деньги частью пригодились во время болѣзни матери въ Маѣ и Іюнѣ 1853 г., о чемъ я писалъ уже. Описанная мною смерть отца застала меня уже въ началѣ 2-го года университетскаго курса.

Послѣ этого печальнаго событія въ нашей жизни, матушка съ нами осталась въ самомъ ужасномъ положеніи. Продолжать содержаніе

постоялаго двора женщинѣ не приходилось; но какія же другія средства къ жизни? О, какія тяжелыя дни переживали мы съ матушкою, думая-раздумывая, что же намъ дѣлать? Одно только было для насъ несомнѣнно и ясно: мы должны оставить эту квартиру и прежде всего найти себѣ помѣщеніе самое скромное и маленькое собственно для нашей небольшой семьи, а чѣмъ жить? что дѣлать? не время было объ этомъ думать. Оставалось всецѣло предаться волѣ Божьей и укрѣпить себѣ надеждою, что Богъ не оставитъ насъ по предсмертному упованію отца. Матушка стала пріискивать квартиру и по моему указанію обратилась въ Флоровскій монастырь, нѣтъ ли въ гостиницѣ монастыря, или подлѣ самого монастыря, какой-либо квартиры. Какъ же я могъ указать на эту гостиницу? Ходя ежедневно съ Подола въ Университетъ и спускаясь прямо по полю холма Андреевской церкви тропинкою подъ гору (чѣмъ въ пятеро сокращалъ путь), я неоднократно засматривался на новый мезонинъ Флоровской гостиницы, какъ-то выдѣлявшійся замѣтно надъ прочими строеніями въ той части и, замѣчательно! часто, глядя на него (еще задолго до смерти отца), я думалъ: вотъ должно быть хорошенькій уголочекъ, совершенно отдѣльное себѣ жилье, съ крытою со двора лѣстницею, красиво ломавшеюся въ нѣсколькихъ колѣнахъ, и галлерейка премиленькая, застѣнленная, гдѣ и пройтись можно. А видъ отсюда долженъ быть какъ хорошъ на горы, на далекій Днѣпръ! Часто я особенно любовался этимъ миленькимъ мезониномъ, и вотъ, когда предстала неизбѣжная необходимость искать квартиры, я и указалъ матушкѣ на этотъ именно мезонинъ, узнать, не отдается ли онъ въ наемъ. Матушка, со страхомъ и трепетомъ предъ ожидающимъ будущимъ, пошла узнать; дѣйствительно, отдается, только что оконченъ отдѣлкой, по 9 р. въ мѣсяцъ двѣ комнаты съ передненькою, галлерею, чердакъ съ ходомъ изъ галлереи, кухня, погребокъ, дровяникъ. Рѣшились нанять, и матушка выпросила себѣ право пускать въ квартиру жильцовъ проѣзжающихъ, съ позволеніемъ даже лошадямъ, если случится съ лошадьми, останавливаться на дворѣ. Ожидали насъ большія непріятности съ Супруновичемъ, который, уже не помню изъ за-чего, всячески затруднялъ нашъ переходъ, кажется предъявляя притязаніе на уплату ему извѣстной суммы за то, что не предупредили его своевременно объ оставленіи квартиры. Но тутъ случился у насъ квартирантъ, какой-то господинъ; онъ вмѣшался въ наши препирательства, принялъ участіе въ нашемъ положеніи, словомъ, явился, уже именно по Божьему устроенію, неожиданнымъ нашимъ защитникомъ отъ Супруновича, и съ нимъ-то мы и перешли на новую квартиру, гдѣ онъ, какъ квартирантъ, и занялъ большую комнату, а мы всѣ помѣстились въ одной, меньшей. Это было 9-го Сен-

тября 1853 года, день незабвенный для нашей семьи и для меня въ особенности. *Девять лѣтъ* мы прожили здѣсь, и изъ нихъ три года моего студенчества протекли здѣсь, полные усиленныхъ трудовъ и величайшихъ лишеній, но и незабвенныхъ проявленій къ нашей сиротствующей семьѣ Божьяго милостиваго попеченія. Постоялецъ нашъ уѣхалъ, и мы остались безъ всякихъ средствъ.. Тутъ приближалось 1-ое Октября, срокъ взноса платы за ученіе. Я въ концѣ Сентября пошелъ отыскивать нашего благодѣтеля, послушника Михаила, который въ то время жилъ въ Выдубецкомъ или гдѣ-то на хуторѣ; цѣлый день пробродилъ, прошедши черезъ Голосѣево, очутился на Мышеловкѣ, а день сѣрый, пасмурный, сырой. О, невеселыя думы какъ разъ находили себѣ соотвѣтствующую обстановку и въ смутно выглядывавшей природѣ. Я выбился изъ силъ, а все таки не нашелъ Михаила и вернулся домой уже позднимъ вечеромъ, не принеся матушкѣ и сестрѣ ожидаемаго утѣшенія. Я пошелъ просить помочь намъ о. Дезидерія, который въ это время былъ іеродіакономъ на ближнихъ пещерахъ, и онъ далъ намъ 10 рублей. Какъ несказанно я благодарилъ Бога за это благодѣяніе, идя домой низомъ подъ горою, гдѣ царскій садъ! День былъ ясный, чудная осенняя Октябрьская погода, и душа полна была чувства Божьяго милосердія, и такъ благодатно хорошо настраивалась къ жизни и горемъ, и радостью! Я понималъ собственнымъ опытомъ, чтò значитъ въ пору оказанное добро, и какимъ подъемомъ духа можетъ отвѣчать одолженная милостію душа на оказанное добро. Чтобы достать другіе 10 р., матушка заложила бывшія у нея серебряныя вещи у богача Котляревскаго, домъ котораго былъ на углу противъ Успенія. Такъ и внесъ я третьи уже 20 р. въ Университетъ. Тутъ Богъ послалъ мнѣ занятіе: мой товарищъ *Чеснокъ, Александръ Павловичъ*, жившій подлѣ меня недалеко же у дяди-генерала, узнавъ, что я ищу какой-либо репетиціи, предложилъ мнѣ уроки у своего родственника Тецнера съ его двумя племянниками, братьями, кажется, *Гуттенбергъ*, по 9 р. въ мѣсяцъ. Чрезъ него же, кажется, я вскорѣ получилъ и другое занятіе съ племянникомъ стряпчаго, кажется, Юрьева (хорошо не помню имени и отчества), жившаго въ домѣ профессора академіи Малышевскаго, куда приходилось ходить нѣсколько далеконько, невдалекѣ отъ Днѣпра, тоже, кажется, по 9 рублей. Оба семейства прекрасные люди; мальчики предобрые, скромныя дѣти. Ежедневно, приходя изъ Университета около 4 часовъ и пообѣдавъ, я вскорѣ уходилъ то къ Тецнеру, то къ Юрьеву и возвращался уже домой вечеромъ около 8 часовъ. Часы вечера только и оставались у меня для занятій лекціями и чтеніемъ. Деньги за свой трудъ я получалъ всегда исправно, по истеченіи мѣсяца, и это былъ, можно сказать,

единственно вѣрный источникъ нашего содержанія, который, благодареніе Богу, не оскудѣвалъ за все время моего студенчества: не смотря на слабое здоровье, на недостатокъ иногда и въ отношеніи къ питательной пищѣ, на всякаго рода нужды, я никогда, въ теченіе всего университетскаго курса, не болѣлъ, не смотря и на то, что никогда не справлялся, какая погода: дождь, вѣтеръ, морозъ, жаръ для меня не налагали препятствія къ выходу изъ дому; я ежедневно бывалъ въ Университетѣ съ первыхъ лекцій и до послѣднихъ, только изрѣдка пропуская первыя лекціи Нѣмецкаго или Французскаго языковъ, лекторовъ Краузе и Бореля, особенно въ зимнее время, какъ назначенныя въ 8 часовъ. Никогда я не болѣлъ; но отъ мокроты однажды я сильно простудилъ ноги, такъ что разъ, на лекціи Латинскаго языка я едва вынесъ безъ крику страшную боль въ кости правой ноги. Это было уже на 3-мъ курсѣ, и только тогда я впервыя заказалъ себѣ калоши, которыхъ до того времени вовсе не носилъ. Такимъ образомъ я и въ моихъ занятіяхъ съ мальчиками былъ всегда исправенъ, почему и вычетовъ съ моей платы никогда не бывало. Когда же занятія у Тецнера окончились и уже были близки къ концу и занятія у Юрьева, къ концу моего студенчества я имѣлъ еще занятіе въ 3-мъ домѣ, у землемѣра, кажется, Зиновьева (что-то въ этомъ родѣ, не помню), тоже жившаго въ домѣ матери Тецнера и тоже съ однимъ мальчикомъ, котораго я приготовлялъ къ поступленію во 2-ой классъ Гимназіи, получая постоянно около 9 рублей или 10-ти. Но когда наступили вакаціи, и послѣ нихъ нужно было явиться мальчику къ экзамену, отецъ его не далъ мнѣ своевременно по истеченіи мѣсяца плату, попросивъ подождать до окончанія занятій, когда сынъ сдастъ экзаменъ. Но онъ по ариѳметикѣ не сдалъ, запутался въ рѣшеніи задачи и былъ принятъ только въ 1-й классъ. Когда я пришелъ къ отцу за платою, онъ безъ всякаго стѣсненія отказалъ мнѣ въ 15 рубляхъ, какіе мнѣ слѣдовали съ него, такъ какъ сынъ его не сдалъ экзамена. Ахъ, онъ не зналъ, какой великій ущербъ онъ наносилъ этимъ намъ бѣднымъ; ибо деньги за мой трудъ и были единственнымъ нашимъ средствомъ къ жизни. Но это было уже, когда я кончилъ курсъ Университета, подалъ уже прошеніе на опредѣленіе меня на службу, и вскорѣ Богъ утѣшилъ насъ: къ концу Августа я уже получилъ радостнѣйшее сообщеніе, что вскорѣ состоится мое опредѣленіе. Однако какъ горько было перенести эту потерю, и какими (хотя уже и послѣдними) лишеніями сопровождался для нашей семьи этотъ грубый произволъ грубаго человѣка-отца. Тѣмъ пріятнѣе было мнѣ вспомнить о всегдашней ласкѣ, привѣтливости и пріязни, которыя всегда я встрѣчалъ въ семействѣ Тецнера и особенно у добрѣйшаго стряпчаго Юрьева. Даже когда уже прекратились мои занятіи съ ми-

лымъ мальчикомъ, его племянникомъ, и я уже учительствовалъ, Миша въ день моего ангела принесъ мнѣ въ подарокъ бронзовую чернильницу, которая и теперь у меня на столѣ, напоминая мнѣ и о дорогомъ времени студенчества, и о тѣхъ пріятныхъ часахъ, которые я проводилъ болѣе двухъ лѣтъ въ этомъ добромъ семействѣ. Другихъ занятій съ дѣтьми, кромѣ упомянутыхъ, я не имѣлъ; да и эти дорого мнѣ доставались, отнимая у меня, какъ выше сказано, много, много времени отъ моихъ занятій по Университету; но за то этимъ трудомъ только главнымъ образомъ и содержались мы, и то съ какимъ ограниченіемъ во многомъ! Бывали времена, когда только матушка пила чай, да и то легонькій и въ накладку, а мы съ сестрою довольствовались кипяткомъ съ молокомъ, и то въ прикуску, съ крохотнымъ кусочкомъ сахару только для вкуса. Ни одну масляную мы ни разу не пекли блиновъ; не было и рыбы на обѣдъ, а только сырная недѣля была для насъ въ пшенной кашѣ съ сыромъ врозмѣсь. По цѣлымъ мѣсяцамъ зимою мы не топили кухни, а кушанье варила наша кухарка въ комнатной печкѣ; тутъ же, въ передней, она и спала, незабвенная для насъ по своей терпѣливости, по сердечному участію въ нашемъ положеніи *Стефанида,* крѣпостная дѣвушка Красножоновыхъ (уже покойница), служившая у насъ болѣе двухъ лѣтъ въ самую трудную пору нашей сиротской жизни. Въ дровахъ былъ большой недостатокъ и, помню, не разъ сестра, бывая у Каролины Ивановны, гдѣ гостила по цѣлымъ днямъ, привозила съ собою въ саняхъ вязанки двѣ или три дровъ, которыя тайкомъ отъ мужа давала ей, отпуская домой, добрѣйшая Каролина Ивановна. Разъ, еще до занятій моихъ съ малышами, наступалъ Новый годъ, а у насъ ни одной копѣйки нѣтъ; негдѣ и взять. И что жъ? Богъ послалъ постояльца, какого-то поповича, пріѣхавшаго къ сестрѣ-монахинѣ: постоялъ день, и у насъ было 40 коп. на Новый годъ... Не разъ я въ поздній вечеръ выходилъ на набережную къ церкви Рождества Христова, гдѣ и бродилъ, въ ожиданіи, не будетъ-ли кто ѣхать въ городъ, чтобы зазвать постояльца къ себѣ, не допустивъ въ городъ, гдѣ, конечно, онъ остановился-бы на какомъ-либо постояломъ дворѣ. Но вообще рѣдко, рѣдко въ ту улицу заѣзжали пріѣзжіе: мѣсто глухое, въ сторонѣ отъ городского движенія. Только во время контрактовъ можно было навѣрно разсчитывать на наемъ квартиры, и тогда, бывало, мы отдавали даже обѣ комнаты, переходя сами жить внизъ, въ кухню, очень чистенькую комнату, столь уютную, столь пріятно и теперь въ своей прелестной простотѣ и чистотѣ живо предстающую моему воображенію. Въ теченіе же года весьма рѣдко случалось отдавать комнатки свои. Стоялъ разъ у насъ дней съ десять одинъ военный медикъ, довольно свысока относившійся ко мнѣ, бѣдному студенту,

видя, какъ я долженъ былъ кое въ чемъ, помогая матушкѣ, прислуживать ему, что̀, конечно, и меня немало смущало, такъ что и рѣчь моя съ нимъ бывала какая-то несвязная, какъ-бы оборванная, и слыша, какъ я иногда говорю, запинаясь. Приписывая это моему недостатку и неумѣлости, онъ разъ преоткровенно отрѣзалъ мнѣ: «И вы готовитесь быть учителемъ! Да я ни за что не довѣрилъ-бы вамъ своихъ дѣтей, если бы они были у меня...» Горько мнѣ было слышать такой презрительный отзывъ; но я утѣшался тѣмъ, что это слово человѣка, хотя и богатаго, разсчитавшагося съ нами полуимперіаломъ, но на мѣстѣ котораго, съ его вольною жизнію, съ его столь же вольными сужденіями и понятіемъ, я никогда не пожелалъ-бы быть при всей моей бѣдности... Остановилось у насъ, разъ лѣтомъ, большое семейство, пріѣхавшее изъ Оренбурга на службу въ Кіевъ, доктора военнаго *Корсунскаго*, съ которымъ по переходѣ ихъ на постоянную квартиру осталось у насъ доброе знакомство надолго. Жена его, Луиза Васильевна, бывала у насъ, и эти приходы, хотя и рѣдкіе, о какъ они были для насъ желанны, какъ дороги! Бывало, по цѣлымъ мѣсяцамъ ни одна душа не заглянетъ въ наше убѣжище. Для насъ, бывало, чуднымъ казался тотъ случай, когда услышимъ, что кто-либо берется за клямку двери въ галлерею, и мы задаемъ себѣ тотчасъ вопросъ: «Кто-же бы это могъ быть такой?» и спѣшимъ выглянуть... Единственными гостями попрежнему оставались мои знакомцы по Академіи, но и то не частыми, такъ какъ въ ту пору значительно сократились мои знакомства въ Академіи: не до того было, дѣла было много. А то останавливались у насъ, бывало, пріѣзжавшіе навѣстить своихъ родныхъ въ женскомъ монастырѣ. Такъ около мѣсяца жила у насъ сестра достойнѣйшей монахини, матери Виталіи, Екатерина Александровна; это было время нѣкотораго оживленія нашей, слишкомъ однообразной жизни: къ ней приходила монахиня-сестра, она съ матушкой бывала у сестры, дѣлила общество съ нами. Уѣзжая, она подарила сестрѣ бисерный кошелечекъ съ червонцемъ и съ желаніемъ, чтобы никогда не переводились деньги въ кошелькѣ. Кошелечекъ этотъ и деньги у меня хранятся. Но драгоцѣннѣйшій даръ этой добродѣтельной женщины: это установившееся со времени ея пріѣзда сближеніе матушки нашей съ ея сестрою, монахинею Виталіею Александровною, вдовою полковника Ярышкина. Уже и прежде, съ самаго начала жительства нашего въ гостиницѣ монастыря, матушка была постоянною молитвенницею въ монастырскомъ храмѣ и становилась у иконы Божьей Матери, гдѣ было мѣсто и монахини Виталіи, которой, какъ и никого въ монастырѣ, матушка не знала. Стоя подлѣ, монахиня Віталія не могла не замѣтить скорбнаго лица матушки, не видѣть ея слезныхъ горячихъ молитвъ.

Она зашла къ ней сама, пригласила къ себѣ зайти въ келію; такъ и познакомились онѣ, и въ этомъ мы всегда видѣли Божью великую милость. Матушка бывала у нея часто, всегда принимаемая, оставалась на чашку чаю, бесѣдовали подолгу: и у матушки было что разсказать, и Виталія Александровна, мать четверыхъ малютокъ, похоронившая ихъ всѣхъ и мужа *Илію* тоже. Такъ у матери Виталіи и отдыхала душею отъ скорби житейской наша мать, возвращаясь домой просвѣтленная, умиротворенная христіанскою любовью. Но матушка наша никогда и никого не просила въ нуждѣ, не просила и мать Виталію помочь ей; сама Виталія вызвалась съ своей помощью, предложила прежде всего помочь мнѣ, узнавъ, что я теперь озабоченъ предстоящею взносомъ за право ученія. И такъ въ теченіи этого времени незабвенная мать Виталія уплатила три раза за меня въ Университетъ, а разъ помогла тетушка, давъ 20 рублей: кажется, уже послѣдній взносъ... И эта вещественная, неоцѣненная поддержка, давшая мнѣ возможность окончить курсъ Университета, и это духовно-благодѣтельнѣйшее общеніе, доставлявшее несказанное счастіе для нашей семьи, видѣвшей изо-дня въ день благотворное его вліяніе на матушкѣ, укрѣплявшейся имъ въ трудной вдовьей долѣ, предававшейся съ спокойною душею домашнимъ дѣламъ или чтенію духовно-поучительныхъ книгъ и даже дѣлавшей изъ нихъ многочисленныя выписки: все это было въ то трудное для насъ время величайшимъ даромъ Божіимъ, и я безъ глубокаго чувства благодарности и благоговѣнія не могъ смотрѣть на эту нашу Богомъ посланную и благодѣтельницу, и друга-утѣшительницу, мать Виталію, строгое, худое, блѣдное лицо которой было истиннымъ выразителемъ ея высокой души, жившей святою христіанскою любовію. О сколько отрады, сколько мира душевнаго, сколько высокаго духовнаго удовлетворенія, и сколько поученія доставила ея христіанская любовь нашей семьѣ! Да воздастъ ей Господь Своею безконечною любовью за ея любовь къ нашей матушкѣ и христіанское попеченіе о насъ!.. Подъ ея благотворнымъ вліяніемъ протекли эти три года тяжелаго вдовства матушки и нашего сиротства до окончанія мною курса Университета, хотя въ большой нуждѣ и лишеніяхъ, но въ постоянной нравственной поддержкѣ, въ постоянномъ общеніи любви и молитвѣ, въ непрестанномъ чувствѣ Божьихъ къ намъ благодѣяній, оправдывавшихъ въ нашемъ благоговѣйномъ сознаніи святую истину предсмертныхъ словъ отца: «Богъ не оставитъ васъ...»

У насъ-же останавливалась и мѣсяца два жила одна прекрасная семья изъ Одессы, пріѣхавшая навѣстить одну изъ сестеръ монастыря: *Снѣжко-Блоцкіе,* мать, Вѣра Константиновна, и обѣ дочери, Юлія и

Елисавета. День онѣ проводили въ монастырѣ, а на ночь приходили къ намъ... Тутъ уже сестрѣ моей Богъ послалъ утѣшеніе въ обществѣ этихъ двухъ достойныхъ дѣвицъ, и ея однообразная жизнь много была оживлена въ это хотя непродолжительное время. И для нея это такъ было нужно: дѣвица 20 лѣтъ была обречена на жизнь полнѣйшей отшельницы, только и свѣту Божьяго, что̀ монастырь. Я по цѣлымъ днямъ то въ Университетѣ, то на урокахъ; матушка, то въ церкви, то за домашними занятіями, шьетъ, вяжетъ, и Сашенька сама съ собою сидитъ по цѣлымъ днямъ, и тоже только въ церковь да на монастырскій дворъ и были ея выходы. Заходила иногда къ намъ дочь одного дьякона Ксенія Максимовна, скромная дѣвушка; ну, бывало, пойдешь, съ нею пройдешься. Чрезъ это семейство познакомилась сестра съ родственницею К—ихъ, А. Гр. К—ою, молодою, бездѣтною особою, которая часто приглашала къ себѣ сестру, часто и сама заходила къ намъ; но сестра стала замѣчать въ К—ой и ея отношеніяхъ къ ней нѣчто двусмысленное, и короткія эти отношенія прекратились во-время, Она вынесла изъ этого знакомства только поучительное для себя знаніе людей и ихъ эгоистическихъ стремленій, иногда такъ искусно прикрываемыхъ любезностью и безкорыстною расположенностью. Около этой же поры была у сестры еще одна хорошая знакомая: жена чиновника Сементовскаго, несчастная мать, недавно потерявшая любимое дитя. Ну, тутъ уже сестра сама явилась утѣшительницею этой убитой горемъ женщины, бывала у нея, она бывала изрѣдка и у насъ. Но все это не то, что̀ нужно молодой дѣвицѣ, въ лѣтахъ сестры, и вотъ дѣвицы Снѣжно-Блоцкія хотя на короткое время внесли и въ ея жизнь недостающее оживленіе, свойственное ея возрасту: съ ними она ходила въ Лавру, въ Братскій монастырь, такъ гулять. Но семейство это было тоже строго-скромное, получившее хорошее направленіе своей христіанской жизни въ добромъ руководствѣ, какимъ оно пользовалось, будучи въ Одессѣ, въ обществѣ ректора тамошней Семинаріи, архимандрита Серафима (впослѣдствіи викарія Кіевской епархіи). Разъ какъ-то передали онѣ въ разговорѣ, какъ училъ ихъ Серафимъ молиться, обращая серіознѣйшее ихъ вниманіе на ежедневныя, обычно-начинательныя молитвы: Царю небесный, Святый Боже, Пресвятая Троица. «Только вслушайтесь въ эти краткія молитвы, только вникните въ ихъ глубокое молитвенное чувство, и вы не будете читать ихъ машинально, но будете истинно молиться, читая эти краткія, столь привычныя намъ, до невниманія къ нимъ, молитвы».

Сидячая, однообразная жизнь сестры была причиною ея серіозной болѣзни: у нея ноги стали холодѣть, и это болѣзненное состоя-

ніе длилось подрядъ нѣсколько лѣтъ, даже, когда я былъ уже учителемъ, сестра должна была лѣчиться, обращалась за совѣтомъ къ Пирогову, бывшему въ то время попечителемъ округа, пользовалась совѣтомъ моего товарища по Университету медика Станкевича. Начало этой болѣзни именно лежало въ томъ образѣ жизни, какой выпалъ на долю сестры въ это трудное для насъ время нашей сиротской жизни, въ пору моего студенчества. Кромѣ сестры, во время моего университетскаго курса, разъ сильно разболѣлась и матушка наша серіозно-опасно. Тутъ Господь невидимо послалъ намъ Свою помощь. Въ сосѣдствѣ съ нами жила вдова *Уварова*, тоже хорошая знакомая матушки по церкви. Узнавъ о ея болѣзни, она просила посѣщавшаго ея доктора, профессора Университета, *Ю. Н. Мацона*, принять участіе въ ней и посѣщать матушку. И Мацонъ бывалъ у насъ въ теченіи всей болѣзни матушки, болѣе трехъ недѣль, и когда мы, по ея выздоровленіи, поднесли ему денежную благодарность, онъ отказался принять ее, глубоко тронувъ насъ своимъ благороднымъ безкорыстіемъ и состраданіемъ къ нуждающимся. Благодѣтельница наша Уварова, уѣзжая изъ Кіева, на память подарила намъ образокъ Св. Николая небольшого размѣра въ серебряномъ окладѣ, который и донынѣ хранится у меня. Такъ, испытывая немало горя, нужды и лишенія, мы непрестанно же видѣли и благодѣющую намъ десницу Божію, посылавшую и помощь, и утѣшеніе, и неожиданное участіе. Во время болѣзни матушки о сколько горячихъ молитвъ вознесено было нами съ сестрою къ Богу-Спасителю, да не лишитъ насъ и матери; ибо что̀ же тогда мы, бѣдные, дѣлали бы: я бѣдный студентъ, только уроками добывавшій кое - какія средства къ жизни, и бѣдная дѣвица-сестра! Помню, какъ горячо я призывалъ молитвенную помощь Святителя Ѳеодосія Углицкаго, нетлѣнно почивающаго въ Черниговскомъ соборѣ, о чудесной помощи котораго призывающимъ его молитвы я слышалъ отъ кого-то разсказы. И Господь услышалъ нашу сердечную мольбу.

Помню, еще одно обстоятельство вызывало во мнѣ пламенную молитву къ Богу - Благодѣтелю. То были годы Крымской кампаніи, тяжелые годы для Россіи непомѣрнаго напряженія ея внутреннихъ силъ. Двинуто было государственное ополченіе; ратники различныхъ внутреннихъ губерній то и дѣло переходили Кіевъ, направляясь къ театру войны. Вдругъ разнесся тревожный слухъ, что будетъ закрытъ Университетъ на время войны, и студентамъ предоставлено будетъ право перейти въ Московскій или Харьковскій, и этому слуху тѣмъ легче было вѣрить, что, какъ это извѣстно было, императоръ Николай I не любилъ Университета и, бывая очень часто въ Кіевѣ, какъ разсказывали, не заѣзжалъ въ Университетъ ни разу, кромѣ пер-

ваго его обзора послѣ построенія; а тутъ еще къ тому около этого же времени студенты-негодяи (большею частью медики, въ томъ числѣ и мои благовоспитанные товарищи по Гимназіи изъ «отдѣленцевъ») производили безпорядки въ городѣ, разбивая толпами домà терпимости, выкидывая и другія пьяныя штуки. О, какъ поразилъ меня этотъ слухъ и всѣхъ насъ! Вѣдь, здѣсь только проходила моя дорòга къ жизненному обезпеченію нашей сиротствующей семьи. Я сознавалъ, что закрытіе Университета было бы для меня равносильно отнятію у меня всякихъ средствъ къ дальнѣйшему образованію, а для матушки и сестры всякой надежды на облегченіе отъ удручающей нужды. Переходить же въ Москву или Харьковъ и немыслимо было при той бѣдности, въ какой и въ родномъ городѣ мы жили тогда. И я горячо, горячо молилъ Господа, и не разъ плакалъ горючими слезами, чтобы не постигло меня это горе, уже сверхъ силъ моихъ и нашихъ. Помню, въ такомъ молитвенномъ настроеніи я часто бывалъ по Субботамъ на акаѳистѣ Божіей Матери въ церкви Срѣтенія, гдѣ икона «Всѣхъ скорбящихъ радости», и здѣсь горячо молился Божіей Матери, чтобы спасла насъ отъ грозящаго несчастія. Такъ и въ Университетѣ, какъ и въ Гимназіи, жизненныя нужды и скорби, по изволенію Божьему, питали во мнѣ горячее религіозное чувство, давали ему постоянное побужденіе упражняться въ молитвенномъ общеніи съ Богомъ и поддерживали доброе, чистое, преданное въ волю Божію, настроеніе души. Я весьма часто бывалъ въ Лаврѣ, въ пещерахъ, тутъ говѣлъ въ Спòсовку ко дню Преображенія Господня, говѣлъ въ Филипповку, причащался разъ въ Михайловскомъ монастырѣ въ одну изъ Субботъ, предшествовавшихъ празднику, иногда въ Софійскомъ соборѣ. Приходилось слышать выраженіе удивленія, что студентъ Университета обнаруживаетъ такое благочестивое настроеніе. Бывая въ Лаврѣ, я проводилъ по цѣлымъ часамъ у о. Алимпія, у него обѣдалъ, читалъ, иногда ночевалъ, готовясь къ причащенію у него или еще у другаго іеромонаха о. Николая или у о. Іоакима. О, ночи эти незабвенныя! Сколько поэзіи и чуднаго чувства оставляли онѣ въ душѣ моей! Въ кельи тишина невозмутимая; горятъ-теплятся лампады у иконъ; слышится бой часовъ густымъ басомъ, а на дворѣ, на крѣпостномъ валу, раздается перекликъ протяжный отъ времени до времени часовыхъ: «Слуш-а-а-а-й!» Какая тихая поэзія! Добраго моего кормильца, Симеона, уже не было въ Лаврѣ; гоненія постигли и его, онъ долженъ былъ оставить Лавру, и я совсѣмъ потерялъ его изъ виду. Но кромѣ о. Алимпія я къ этому времени познакомился съ митрополичьимъ поваромъ, монахомъ *Тихономъ*, и у него тоже, заходя послѣ обѣдни, подкрѣплялся. Помню, разъ у него въ митрополичьей кухнѣ я ночевалъ просто на голой до-

скѣ, ничѣмъ не постланной, и какъ крѣпко спалъ! О счастливая пора юности! Изъ Лавры я никогда не возвращался съ пустыми руками: несъ домой съ собою хлѣбъ Лаврскій, иногда фунтовъ по десяти, отъ о. Алимпія или Тихона. Это бывало немалымъ подспорьемъ для насъ, давая возможность нѣсколько дней обходиться безъ покупки хлѣба на базарѣ. Какъ въ Лаврѣ я часто снабжался хлѣбомъ, такъ въ Университетѣ одинъ мой добрый товарищъ, незабвенный для меня по первой юношеской дружбѣ, *Николай Даниловичъ Протопоповъ*, тоже студентъ историко - филологическаго факультета, бывшій на казенномъ счету и направленія вполнѣ согласнаго съ моимъ, тоже прошедшій суровую школу жизни до поступленія въ Университетъ, снабжалъ меня писчею бумагою, такъ что во все время студенчества я не покупалъ бумаги, имѣя ее отъ него. Онъ-же дѣлилъ со мною часто свой казенный завтракъ, кусокъ вкуснаго, превкуснаго хлѣба, чѣмъ я и подкрѣплялся въ теченіи продолжительнаго пребыванія на лекціяхъ съ 8 до 3 часовъ. Онъ же подарилъ мнѣ лишнюю портупею къ шпагѣ, которую я въ память его дружбы ношу и теперь, старенькую, престаренькую. Университетъ не разъ приходилъ мнѣ на помощь въ моихъ нуждахъ. Здѣсь я дважды получалъ сукно на сюртукъ, вынужденный просить объ этомъ помощника попечителя учебнаго округа, М. В. Юзефовича. Отсюда мнѣ, какъ бѣдному студенту, выдано было разъ пособіе, кажется въ 25 р., изъ суммы, собранной отъ домашняго спектакля (или концерта), даннаго въ пользу бѣдныхъ студентовъ, и изъ этого-то пособія было разъ уплачено 20 р. за право ученія. Ахъ, всѣ эти разнообразнѣйшіе виды Божьяго попеченія о насъ, сиротахъ, непрестанно питали во мнѣ глубоко-молитвенное настроеніе, и помню, оставаясь въ сборной залѣ въ часы, свободные отъ лекцій, въ ожиданіи своихъ лекцій, и будучи часто одинъ, я на свободѣ, тутъ-же сидя гдѣ либо на лавкѣ, въ углубленіи залы, изливалъ душу свою въ пламенной молитвѣ къ Богу, Благодѣтелю и просилъ Его помощи, Его благословенія и благодати на всѣхъ путяхъ моей жизни. Тѣже чувства не покидали меня и во время частыхъ моихъ прогулокъ въ свободные отъ лекцій часы въ Ботаническомъ саду, гдѣ торжественная тишина уединенія въ зеленой глуши такъ способствовала поэтически - религіозной настроенности, которая тутъ, въ окружающей ея природѣ, находила для себѣ богатую пищу. Часто я свои досуги дѣлилъ здѣсь и въ стѣнахъ Университета съ упомянутымъ выше студентомъ Протопоповымъ, въ которомъ тоже Богъ послалъ мнѣ добраго, любящаго друга, собесѣдника, единомысленника и помощника. Онъ передавалъ мнѣ часто, какъ онъ мучится, живя въ средѣ казенныхъ студентовъ и видя на каждомъ шагу выраженія кощунства, безбожія, попраніе всего святаго;

какъ однажды одинъ изъ его сотоварищей по камерѣ, снявши икону, швырнулъ ее черезъ всю комнату, какъ нельзя даже и говорить съ ними, пытаясь ихъ образумить, отрезвить въ ихъ такихъ безумныхъ выходкахъ. То была первая моя юношеская дружба, напоминавшая мнѣ живо дружбу моего отрочества, моего незабвеннаго Аполлона Ивановича. Прежде, отрокъ, я только назидался отъ моего возрастнаго друга-наставника; здѣсь мы, люди одинаковаго возраста и положенія, другъ друга назидали, находя другъ въ другѣ полное удовлетвореніе потребности любить и жить для другого. Съ другими студентами моего факультета и курса я не сходился такъ близко, но вообще я былъ счастливъ въ отношеніи къ товариществу: здѣсь послѣ нравственныхъ мукъ Гимназіи я нашелъ полнѣйшій покой, уважительное отношеніе къ личности, сдержанность, приличіе, бесѣду тоже всегда благопристойную, иногда весело-шутливую, всегдашнія расположенность и общительность. Все это послѣ того, что̀ я имѣлъ несчастіе испытать въ Гимназіи, было для меня истиннымъ благодѣяніемъ, за которое я горячо благодарилъ Бога. Находя высокое удовлетвореніе своимъ сердечнымъ чувствамъ какъ въ тихомъ семейномъ быту, такъ и среди добрыхъ, благорасположенныхъ товарищей, я, и подавляемый тяжелою нуждою, ни на минуту не ослабѣвалъ въ любви къ научному труду и предавался ему съ упоеніемъ. Отъ знакомыхъ студентовъ по Академіи, отъ о. Алимпія изъ Лавры, изъ университетской библіотеки я бралъ книги, читалъ, изучалъ. Къ этому времени относится чтеніе впервыя сочиненій Муравьева: «Письма о Богослуженіи», «Исторія св. града Іерусалима», «Первые четыре вѣка христіанства», «Письма о спасеніи міра сыномъ Божіимъ», «Римскія письма», «Письма о Грузіи и Арменіи», «Письма о православіи», «Письма съ Востока», «Русская Ѳиваида», «Путешествіе по св. мѣстамъ Палестины», «Путешествіе по св. мѣстамъ Русскимъ». Всѣ эти сочиненія прочтены были мною, взятыя у о. Алимпія въ пору моего студенчества. У него я бралъ «Христіанское Чтеніе», журналъ, издаваемый при С.-Петербургской Духовной Академіи, «Лавсаикъ или повѣствованія о святыхъ отцахъ-подвижникахъ», «Лугъ духовный» Іоанна Мосха, «Исторію Русской церкви, архіепископа Филарета». Тогда же читалъ я первые томы исторіи Русской церкви преосв. Макарія. Одновременно съ такимъ духовно-назидательнымъ чтеніемъ, я усердно занимался изученіемъ новыхъ языковъ, Французскаго и Нѣмецкаго, особенно Французскаго. Къ сожалѣнію, методы этихъ языковъ, Борель и Краузе, не могли поддержать во мнѣ охоту къ изученію этихъ языковъ, и лекціи эти, можно сказать, безусловно были безполезны для меня. Я читалъ книги на томъ и другомъ языкѣ только дома, или даже въ Университетѣ въ свобод-

ные часы, при помощи словарей; на лекціяхъ-же этихъ языковъ я ничему не могъ научиться, ничѣмъ не могъ дополнить своихъ знаній гимназическихъ: такъ онѣ были безсодержательны, вялы, безжизненны, проходили въ переводѣ, напр. Тридцатилѣтней войны Шиллера кѣмъ-либо изъ студентовъ, при чемъ другіе студенты оставались совершенно безучастными, даже скорѣе зрителями, чѣмъ слушателями, ибо и слушать было нечего. Если же и дѣлалъ лекторъ какое-либо замѣчаніе или объясненіе, то для меня, не понимавшаго разговора на Французскомъ или Нѣмецкомъ языкѣ, все это пропадало безслѣдно. Но это не ослабляло во мнѣ желанія учиться, и я настойчиво читалъ Тридцатилѣтнюю войну Шиллера, и особенно усердно занимался Французскимъ языкомъ.

Къ этому времени относится знакомство мое, чрезъ о. Алимпія, съ студентомъ академіи *Ѳеофаномъ Доброленскимъ*, изъ Черниговской семинаріи. Онъ тоже усердно занимался Французскимъ языкомъ, читалъ «Études philosophiques sur le Chrystianisme par Degérando». Взялъ у него и я это сочиненіе и съ большою любовью прочелъ почти всѣ три полныхъ тома, пытался даже переводить письменно, и донынѣ хранится у меня переводъ мой «О душѣ», крайне неумѣлый; но я былъ безъ помощи, дѣлалъ все, чтò могъ, и все самъ собою. Отъ Доброленскаго же досталъ я сочиненіе того-же Degérando: Du perfectionnement moral, 2 тома, и читалъ его. Въ университетской библіотекѣ бралъ я томы Французскихъ энциклопедистовъ или критику на нихъ и особенно на Вольтера; помню хорошо, какъ, въ свободный часъ, забираясь въ VI-ю аудиторію, одинокій въ ней, я погружался въ это занятіе и былъ безмѣрно счастливъ въ эти минуты, забывая жизненное горе и нужду свою... Товарищи подсмѣивались надо мною, видя, что я постоянно ношусь съ тетрадкою словъ Французскихъ и учу по ней. Однажды эта тетрадка была выхвачена у меня изъ рукъ и положена подъ подставку каѳедры; а студентъ благодушно смѣялся, утѣшая меня, что это не бѣда, что и безъ тетрадки и безъ зубренія можно составить значительный запасъ иностранныхъ словъ только чрезъ чтеніе съ помощью словаря. Помню этого моего шутника-товарища: Полякъ, свѣтлорусый, прекрасный, милый малый, фамилія Бржезинскій, что-то въ этомъ родѣ... Съ той поры, дѣйствительно, я больше не писалъ словъ, а съ переходомъ на 3-й курсъ и вовсе пересталъ заниматься языками, а погрузился въ чтеніе матеріаловъ для написанія заданнаго въ тотъ годъ на золотую медаль сочиненія: «Историческое обозрѣніе просвѣщенія въ Россіи отъ временъ Св. Владимира до XIX столѣтія». Я взялся писать, и все иное время, кромѣ лекцій, частныхъ уроковъ и церкви, было занято

этимъ трудомъ. Перечиталъ я все доступное, лѣтописи, томы Полнаго Собранія законовъ, журналы: Москвитянинъ, М. Н. Просвѣщенія, отдѣльныя сочиненія, какъ Воронова Историческое обозрѣніе образованія въ С.-Петербургскомъ округѣ, и когда собралъ значительный запасъ матеріаловъ, усѣлся писать самое сочиненіе. Помню, не одну полночь я проводилъ за этою работою: спятъ матушка, сестра, а я пишу, стоя, прислонившись у стола или на стулѣ, при свѣтѣ лампады, наполняемой подсолнечнымъ масломъ, чтобы меньше стоило освѣщеніе (ибо много пошло бы свѣчей, если бы работать при свѣчахъ). Когда сочиненіе было написано, оставалось написать заключеніе, и помню день и часъ завершенія моего непосильнаго труда: это Великая Суббота, послѣ обѣдни, около 7-ми часовъ, предъ самымъ чтеніемъ Дѣяній предъ плащаницею, *9-го Апрѣля 1855 года.* О какъ я былъ счастливъ въ эти минуты! Какъ радостно встрѣтилъ великій праздникъ! Пересмотрѣлъ и исправилъ мѣстами мое сочиненіе мой знакомый студентъ Академіи *Поповъ*, бывавшій у насъ. Мое сочиненіе было переписано на-бѣло и сдано декану. Одновременно писали на туже тему и мой любезнѣйшій Протопоповъ, и еще студентъ *Янсонъ*, изъ аристократическаго круга, близкій родственникъ тогдашняго окружнаго инспектора *Могилянскаго*. Хотя соблюдены были формальности относительно девиза, и проф. педагогики и исторіи воспитанія *Гогоцкій* зналъ всѣхъ насъ писавшихъ и кому какое сочиненіе принадлежитъ, но золотую медаль онъ присудилъ Янсону, мнѣ же и Протопопову серебряныя, не смотря на то, что Янсонъ написалъ только до Петра Великаго. Въ этомъ я видѣлъ пристрастное отношеніе профессора и былъ глубоко огорченъ; ибо предлогомъ къ лишенію меня золотой медали послужила только внѣшняя сторона, языкъ, какъ выразился въ своей рецензіи профессоръ, при громадной массѣ разработанныхъ матеріаловъ и строгой логической системѣ въ построеніи. Когда 9-го Іюня былъ назначенъ актъ, гдѣ я долженъ былъ получить серебряную медаль, я вовсе не пошелъ на актъ; вызывали, вызывали. Особенно желалъ меня видѣть митрополитъ Филаретъ, присутствовавшій на актѣ, когда ему прочли девизъ сочиненія: «Корни будутъ цѣлы, все дерево будетъ жить». Я на другой день явился къ ректору за медалью, и онъ встрѣтилъ меня упреками и неудовольствіемъ. Конечно, я скрылъ отъ него настоящую причину моей неявки на актъ. Медаль свою я тогда же продалъ за 5 рублей: такъ велика была наша семейная нужда! Но все же трудъ мой, если и не былъ вознагражденъ тогда, не пропалъ для меня: я много прочиталъ, научился обработывать свою письменную рѣчь, да и въ обществѣ профессоровъ оставилъ хорошее впечатлѣніе. Моя исправность въ посѣщеніи лекцій, мое трудолюбіе расположили ко мнѣ профессо-

ровъ факультета, во главѣ котораго былъ достойнимъ Иванъ Яковлевичъ Нейкирхъ, и когда Богъ привелъ меня держать окончательныя испытанія, я получилъ лучшія отмѣтки и выпущенъ былъ изъ Университета кандидатомъ, даже въ числѣ старшихъ кандидатовъ, имѣвшихъ въ то время право непосредственно по окончаніи курса начинать службу въ столицѣ, о чемъ дано было мнѣ и свидѣтельство отъ Университета, которое и донынѣ хранится въ числѣ моихъ документовъ, какъ и свидѣтельство о полученіи мною серебряной медали за сочиненіе. Но каково достались мнѣ эти окончательныя испытанія! Въ это самое время у насъ остановилась семья какая-то изъ Одессы, вдова съ дочерьми. Мнѣ уголка не было пріютиться съ книгами, тетрадями: все движеніе, шумъ, людно. И я забирался, въ лѣтніе Майскіе и Іюньскіе дни, на чердакъ подъ желѣзную крышу и здѣсь готовилъ Ксенофонта Анабазисъ, Виргиліевы Эклоги, Русскую Исторію и пр. Въ пору испытаній я измѣнилъ даже своему обычаю слушать богослуженіе или въ Братскомъ монастырѣ, или въ Семинарской церкви (гдѣ оно совершалось медленно и довольно поздно оканчивалось), а бѣгалъ въ Ильинскую церковь на раннюю обѣдню въ день Св. Троицы или Вознесенія, гдѣ тоже пѣли пѣвчіе, хоръ учениковъ духовнаго училища, но гдѣ служба оканчивалась къ 9 часамъ, и я поспѣшалъ къ своимъ занятіямъ. На всенощной только выслушивалъ я до каѳизмъ, и тоже спѣшилъ къ своимъ испытаніямъ. Но какъ въ пору гимназическихъ испытаній, такъ и окончательныхъ въ Университетѣ, я всегда заходилъ предъ испытаніемъ мимоходомъ въ Михайловскій монастырь или въ Софійскій соборъ, прося Божьяго благословенія и помощи.

И Господь благословлялъ мои труды. *9-го Іюня 1856 года* было послѣднее испытаніе, день этотъ и есть день окончанія мною, при милосердой Божіей помощи, курса Университета...

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

1859 *).

Moscou, 27 Avril. Nous avons eu hier la séance public d'une société littéraire nouvellement ressuscitée après trente et quelques années d'interruption et à laquelle je me souviens, hélas, d'avoir jadis appartenu à titre de membre-adjoint. J'ai été obligé hier d'aller prendre mon siège de membre effectif à une longue table couverte d'un drap rouge, où j'ai trôné, comme les autres, dans une douce majesté, exposé aux regards bienveillants de la curiosité d'un nombreux public. Le président de la société, qui est Хомяковъ et qui, cette fois en frac, faisait, accroupi dans son fauteuil, la plus drôle de figure de président qu'on ait jamais vue, a ouvert la séance par la lecture d'un discours très spirituel et écrit en très bon langage sur cet éternel thème de la signification respective de Moscou et de Pétersbourg. Puis est venue cette lecture de l'ami Павловъ, toute palpitante d'actualité, qui a été fort applaudie. Puis des vers sur l'Italie... J'étais assis entre Шевыревъ et Погодинъ; le tout avait un caractère de sereine solennité.

Décidement Moscou est une ville archi-littéraire et où toute cette littérature écrivante et lisante se prend fort au sérieux. Mais, comme de raison, la côterie règne et gouverne, la côterie littéraire, bien entendu, la plus insupportable de toutes. Pour moi il me serait positivement impossible de vivre ici, dans ce milieu si plein de lui-même et si sourd pour tous les échos du dehors. Ainsi, par exemple, il ne m'est pas prouvé qu'un intérêt puéril, comme celui de la séance d'hier, ne l'emporte de beaucoup sur celui des formidables événements qui se préparent au dehors.

Переводъ. Москва, 27 Апрѣля. Вчера у насъ было публичное засѣданіе литературнаго общества, недавно воскресшаго послѣ перерыва въ тридцать съ лишнимъ лѣтъ; вспоминаю, что и я когда-то, увы, принадлежалъ къ этому обществу какъ членъ-соревнователь (adjoint). Вчера я былъ принужденъ занять свое мѣсто дѣйствительнаго члена за длиннымъ столомъ, покрытымъ

*) См. выше стр. 92.

краснымъ сукномъ; тамъ я, какъ и другіе, возсѣдалъ въ кроткомъ величіи, предоставленный любопытству благосклонныхъ взоровъ многочисленной публики. Предсѣдатель общества, Хомяковъ, во фракѣ на этотъ разъ [1]), скорчившись въ креслѣ, представлялъ изъ себя забавнѣйшаго изъ предсѣдателей какого когда либо видѣли. Онъ открылъ засѣданіе очень умной рѣчью, написанной прекраснымъ языкомъ, на вѣчную тему объ относительномъ значеніи Москвы и Петербурга. Потомъ слѣдовало чтеніе друга-Павлова, трепещущее современностью: ему много аплодировали. Потомъ стихи объ Италіи... Я сидѣлъ между Шевыревымъ и Погодинымъ; на всемъ лежалъ отпечатокъ спокойной торжественности. Рѣшительно Москва архи-литературный городъ, гдѣ очень серьезно относятся ко всѣмъ тѣмъ произведеніямъ, которыя пишутся и читаются. Но, какъ и слѣдовало ожидать, господствуетъ и управляетъ партія, конечно литературная партія, самая несносная изо всякихъ. Мнѣ было бы совершенно невозможно жить здѣсь, въ этой средѣ, которая столь полна сама собой и не желаетъ слышать никакихъ отголосковъ извнѣ. Такъ напримѣръ, я не убѣжденъ, что такое дѣтское занятіе какъ вчерашнее засѣданіе не увлекаетъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ тѣ страшныя событія, которыя подготовляются въ мірѣ [2]).

Berlin, 13 (25) Mai. Embarqué Samedi dernier sur l' «Aigle», nous aussi nous avons eu ce qu'on appelle une bonne traversée, c'est-à-dire la chose la plus dégoutante, la plus écoeurante qui se puisse imaginer. Ah la mer! Oui, le poète grec a raison, c'est une bien belle chose contemplée du rivage; mais quand on y est, juché pendant trois fois vingt-quatre-heures sur cette stupide escarpolette qu'on ne peut arrêter, dans tous les dégoûts et toutes les incommodités de cette sordide cohabitation avec deux cents de vos semblables, entassés les uns sur les autres, étalant avec un cynisme révoltant ce qu'on est dans l'habitude de dissimuler, non certes on n'a pas besoin d'avoir le mal de mer pour s'y sentir fort mal et pour se promettre avec toutes sortes de serments de ne jamais retomber dans une pareille ignominie. Et cependant, encore une fois, nous avons eu une heureuse traversée... Enfin débarqués à Stettin hier à quatre heures de l'après-midi, je n'ai eu garde de profiter du dernier convoi, qui partait à six heures pour Berlin, et mettant tout scrupule sous mes pieds, aussi bien que mon expé-

[1]) Обыкновенно А. С. Хомяковъ носилъ поддёвку. П. Б.

[2]) Относительно А. С. Хомякова замѣчаніе это невѣрно. Именно тогда писалъ онъ:

И теперь, съ полудня темной
Тучей кроетъ небеса,
И за тишью вѣроломной
Притаилася гроза.

Подвиги Гарибальди приводили въ восторгъ многихъ Москвичей. П. Б.

dition de courrier, je pris largement possession de cette délicieuse ville de Stettin, la plus belle ville qu'il y ait au monde pour ceux qui y arrivent par mer. Je laissai donc bravement partir tous mes compagnons de voyage, plus pressés que moi, et m'installai à demeure dans un excellent hôtel où j'ai passé la nuit et la grasse matinée d'aujourd'hui, et après m'être ainsi refait, réconforté et m'être restitué à moi-même, je ne quittai ce lieu de délices que pour le train de deux heures et arrivai vers les six heures du soir à Berlin, porteur fidèle, mais peu empressé, d'une expédition dont le retard n'aura certes compromis aucun intérêt essentiel du service de l'Empereur.

Переводъ. Берлинъ, 13 (25) Мая. Отплывъ прошлую Субботу на „Орлѣ“, мы тоже испытали что̀ называется хорошій переѣздъ, то есть нѣчто самое непріятное и отвратительное, что̀ только можно себѣ представить. О море! Да, Греческій поэтъ правъ: оно прелестно, если имъ любоваться съ берега *): но когда приходится просидѣть на этихъ безтолковыхъ качеляхъ, которыя нельзя остановить, трое сутокъ, испытывая всѣ непріятности и всѣ неудобства отвратительнаго сожительства съ двумя стами себѣ подобныхъ людей, набитыхъ биткомъ, выставляющихъ на показъ съ возмутительнымъ безстыдствомъ все что̀ принято скрывать,—о! тогда конечно не нужно никакой морской болѣзни, чтобы чувствовать себя дурно и надавать себѣ всякихъ клятвъ, что больше никогда не подвергнешь себя такому позору. А между тѣмъ, повторяю, нашъ переѣздъ былъ счастливымъ. Высадившись наконецъ въ Штетинѣ вчера въ четыре часа пополудни, я не захотѣлъ воспользоваться послѣднимъ поѣздомъ, отходившимъ въ 6 часовъ въ Берлинъ и, попирая ногами угрызенія совѣсти, такъ же какъ и обязанности курьера, я широко воспользовался прелестями города Штетина, прекраснѣйшаго изъ городовъ въ свѣтѣ для тѣхъ кто пріѣзжаетъ съ моря. Итакъ, я предоставилъ разъѣхаться моимъ спутникамъ, торопившимся болѣе моего, а самъ помѣстился въ превосходной гостинницѣ, гдѣ провелъ ночь и большую часть сегодняшняго утра. Оправясь такимъ образомъ, укрѣпившись и пришедши въ себя, я покинулъ этотъ восхитительный пріютъ только съ двухъ-часовымъ поѣздомъ и прибылъ въ Берлинъ около шести часовъ, какъ надежный, но не очень торопливый исполнитель порученія, коего замедленіе не нанесетъ конечно никакого существеннаго ущерба царской службѣ.

Berlin, 1 Juin. Je pars ce soir même. Je vais coucher à Leipsik, demain dans la charmante ville de Nuremberg et Vendredi, le 3, j'espère Dieu aidant, vous retrouver à Munich. Ce qui a véritablement embelli mon séjour à Berlin, c'est que depuis que j'y suis, il ne s'est pas passé de jour qui n'eût apporté la nouvelle de quelque échec subi

*) Можетъ быть, имѣется въ виду Мосхъ, элегію котораго о морѣ пересказалъ Пушкинъ. В. Б.

par les Autrichiens. C'est positivement très rafraîchissant par la chaleur qu'il fait. Je sais qu'à Munich cette manière de voir n'est pas partagée et que d'après ce que l'on vient de me raconter, la croisade contre la France continue à y être prêchée avec plus de ferveur que jamais. Je ne m'y oppose pas, et si en effet les armes bavaroises réussissaient après quelques généreux efforts à battre les Français et à incorporer définitivement la France à la Bavière Rhénane, je serais peut-être assez dominé par mes affections d'autrefois pour me réjouir de leurs succès, pourvu seulement qu'elles ne fassent aucune part à l'Autriche dans cette magnifique dépouille... J'ai reçu un petit billet de Maltitz, qui témoigne d'une manière de voir essentiellement différente. Aussi je désespère de réussir auprès de lui dans la mission dont j'ai été chargé par Горчаковъ et par l'Empereur lui-même, qui, ayant tous deux la naïveté de prendre au sérieux la correspondance diplomatique de Maltitz, m'ont vivement recommandé de tâcher de modérer son patriotisme ultra-autrichien.

Переводъ. Берлинъ, 1 Іюня. Я уѣзжаю сегодня же вечеромъ. Ночевать буду въ Лейпцигѣ, завтра въ прелестномъ городѣ Нюренбергѣ, а въ Пятницу 3-го, съ Божьей помощью, надѣюсь свидѣться съ вами въ Мюнхенѣ. Поистинѣ, скрасило мое пребываніе въ Берлинѣ то обстоятельство, что съ тѣхъ поръ какъ я туда прибылъ, не проходило дня безъ извѣстія о какой нибудь неудачѣ Австрійцевъ. Это очень освѣжительно, особенно при такой жарѣ какъ теперь. Я знаю, что въ Мюнхенѣ не раздѣляютъ этого взгляда, и судя по тому, что̀ мнѣ разсказывали, продолжаютъ съ бо̀льшимъ усердіемъ, чѣмъ когда либо, проповѣдывать крестовый походъ противъ Франціи. Я ничего не имѣю противъ, и если бы въ самомъ дѣлѣ Баварскимъ войскамъ удалось, послѣ какого нибудь геройскаго усилія, побить Французовъ и окончательно присоединить Францію къ Прирейнской Баваріи, я быть можетъ еще оказался бы настолько во власти своихъ прежнихъ чувствъ, что радовался бы ихъ успѣху, но лишь при томъ условіи, чтобы Австрія рѣшительно ничѣмъ не воспользовалась изъ этой великолѣпной добычи. Я получилъ отъ Мальтица*) записку, въ которой высказывается взглядъ существенно отличный. Потому я и не надѣюсь, чтобы мнѣ удалось выполнить порученіе, данное мнѣ къ нему Горчаковымъ и самимъ Государемъ. Оба они настолько наивны, что приняли за чистую монету дипломатическую переписку Мальтица и настойчиво совѣтовали мнѣ сдѣлать попытку умѣрить его ультра-Австрійскій патріотизмъ.

Rosenheim, 13 (25) Juin. Je suis arrivé ici hier pas plus tard que dix heures avec de la pluie pendant presque toute la journée, mais

*) Нашего министра въ Веймарѣ (женатаго на графинѣ Клотильдѣ Ботмеръ, сестра которой была первою супругою Ѳ. И. Тютчева).

qui a cessé le soir pour faire place à un magnifique coucher du soleil sur le Chiemsee et tout cet amphithéâtre de montagnes qui étaient de toutes les couleurs. C'était splendide. Il est huit heures. C'est à midi que je m'en vais d'ici par le chemin de fer pour Holzkirchen. Je me sens presque aussi triste qu'irrité, et c'est beaucoup dire. Ces quinze jours à Reichenhall me sont comme une oasis dans l'âme.

Переводъ. Розенгеймъ, 13 (25) Іюня. Я прибылъ сюда вчера не позднѣе десяти часовъ; почти цѣлый день шелъ дождь, который пересталъ однако къ вечеру, чтобы уступить мѣсто дивному закату солнца на Химзэ [1]) и на цѣлый амфитеатръ разноцвѣтныхъ горъ. Это было великолѣпно. Теперь восемь часовъ. Въ двѣнадцать я уѣзжаю отсюда по желѣзной дорогѣ въ Гольцкирхенъ. Я чувствую себя столь же печальнымъ какъ раздраженнымъ, а это немало. Эти двѣ недѣли въ Рейхенгалѣ словно нѣкій оазисъ въ моей душѣ.

Munich, 15 (27) Juin. Je suis rentré hier soir à Munich après avoir passé vingt-quatre heures à Tegernsee, splendidement favorisé du temps. Quant à mon entrevue avec les montagnes et le lac de Tegernsee, elle m'a, comme de raison, innondé de mélancholie. Je n'ai décidement plus assez de vie pour tenir tête à de pareilles impressions. Elles anéantissent en moi jusqu'au sentiment de mon identité. En général tout mon organisme physique et moral est tellement ébranlé que ce qui devrait être et serait pour tout autre une occasion de plaisir et de distraction m'éprouve de la manière la plus pénible.. J'ai revu, revisité, reparcouru tout ce que je connaisais si bien, et tout ce qui m'est devenu si parfaitement étranger. Mais où vais-je? Et pourquoi? Il me semble que je rêve tout éveillé. Mais ce qui n'est pas un rêve, c'est le nouveau désastre des Autrichiens. Je commence à trouver que le bon Dieu nous venge trop.

Переводъ. Мюнхенъ, 15 (27) Іюня. Я вернулся вчера вечеромъ въ Мюнхенъ, послѣ двадцати четырехъ часовъ проведенныхъ на Тегернзее. Погода дивно благопріятствовала мнѣ. Чтò касается моей встрѣчи съ горами и съ озеромъ Тегернзее, она, какъ и слѣдовало ожидать, исполнила меня тихой грусти [2]). Рѣшительно во мнѣ уже нѣтъ довольно жизни, чтобы переносить подобныя впечатлѣнія. Онѣ уничтожаютъ во мнѣ даже сознаніе моей личности. Въ самомъ дѣлѣ, все мое существо, тѣлесное и нравственное, до такой

[1]) Химзее—озеро въ Верхней Баваріи на пути изъ Рейхенгаля (близъ Зальцбурга) въ Гольцкирхенъ. В. Б.

[2]) Ѳ. И. Тютчевъ уже былъ на Тегернзее въ 1833 г., и тамъ написаны имъ удивительные стихи: „Я Лютеранъ люблю богослуженіе". В. Б.—Нынѣ въ Тегернзее имѣется возможность Русскому человѣку, хоть изрѣдка, помолиться въ православномъ храмѣ, который устроенъ благочестіемъ покойнаго графа Николая Владиміровича Адлерберга; онъ и похороненъ въ Тегернзее. П. Б.

степени расшатано, что меня томитъ самымъ тягостнымъ образомъ то, что̀ должно быть и было бы для другихъ поводомъ повеселиться и развлечься. Я снова осмотрѣлъ, навѣстилъ, снова обѣжалъ все что̀ мнѣ такъ хорошо было знакомо и что̀ стало для меня столь рѣшительно чуждымъ. Но куда я иду? И зачѣмъ? Мнѣ кажется, что я грежу послѣ пробужденія. Но что̀ не сонъ, такъ это новое пораженіе Австрійцевъ. Начинаю находить, что Богъ слишкомъ мститъ за насъ.

Kanstadt, près Stuttgard, 18 (30) Juin. J'ai eu le bon esprit de me laisser échouer ici avant-hier aux portes de Stuttgard. C'est à la chaleur excessive qu'il faisait ce jour-là que j'ai du cette fraîche inspiration... J'ai rencontré le roi de céans conduisant lui-même son cabriolet, et dans ce cabriolet la bonne et originale figure de notre prince d'Oldenbourg, qui est ici depuis deux jours et qui part demain pour Wildbad. J'aurai donc la bonne fortune de faire le voyage avec son altesse impériale. Ce soir je serai reçu par la grande - duchesse Olga dans sa villa que je vois de mes fénêtres, et demain 1-er Juillet je compte arriver définitivemenl à Wildbad.

Переводъ. Каништадтъ, близъ Штутгарда. 18 (30) Іюня. Третьяго дня мнѣ пришла счастливая мысль выкинуться здѣсь, у самыхъ воротъ Штутгарда. За это свѣжее внушеніе обязанъ я благодарностью чрезвычайной жарѣ, бывшей тогда. Я встрѣтилъ здѣшняго короля, который самъ управлялъ кабріолетомъ, а въ этомъ кабріолетѣ доброе и оригинальное лицо нашего принца Ольденбургскаго; онъ здѣсь уже два дня и уѣзжаетъ завтра въ Вильдбадъ. Итакъ, мнѣ представится счастливый случай путешествовать вмѣстѣ съ его императорскимъ высочествомъ. Сегодня вечеромъ я буду принятъ великой княгиней Ольгой въ ея виллѣ, которую вижу изъ моихъ оконъ, а завтра 1-го Іюля окончательно разсчитываю прибыть въ Вильдбадъ.

Wildbad, 22 Juin (6 Juillet). J'ai aujourd'hui pris mon troisième bain. Ils sont fort agréables et ne m'occasionnent aucun des inconvénients qu'on leur attribuent quelquefois: ni lassitude extraordinaire, ni congestion à la tête. Mais produisent-ils le résultat voulu? Ceci est une autre question. Le pays ici est fort joli, mais ne saurait comme de raison se comparer aux magnificences de Reichenhall, qui doivent être plus éclatantes que jamais par le temps qu'il fait.

Je m'aperçois que je n'ai pas encore parlé de ma visite à la grande - duchesse Olga, ou plutôt de mes deux visites: car, après m'avoir reçu à 5 heures elle m'a engagé à revenir le soir, ce que j'ai fait, bien entendu. Elle est vraiment charmante, si féminine et si pure. Et la feérique demeure qu'elle habite avec cet horizon si aimable de collines qui l'entourent, tout ce milieu de paix, de lumière et de bien-être,

qui a l'air d'émaner d'elle, tout cela s'adapte à sa personne. Son mari, qui a un véritable culte pour elle, m'a touché en m'exprimant naïvement la peine qu'il ressentait de ne pouvoir suffisamment reconnaître le don d'une pareille femme. Et on comprenait à son accent que c'était là un sentiment profondement sincère. Puis il m'a parlé sur les affaires du jour d'une manière très sensée et très équitable. Et cette fois, comme bien souvent, j'ai été à même de faire l'observation que si les princes ne sont pas plus intelligents que le commun des hommes, ils ont presque toujours infiniment plus de pureté et de droiture dans leur intelligence. Cela doit tenir à la position. A souper la grande-duchesse, à côté de laquelle j'étais assis, a eu un petit quart d'heure de conversation en russe avec moi. Et ce peu de mots, dits par elle sur la situation présente, avaient un accent parfaitement national.

Вильбадъ, 22 Іюня (6 Іюля). Сегодня я принималъ третью ванну. Онѣ очень пріятны и не причиняютъ ни одного изъ тѣхъ неудобствъ, какія имъ приписываютъ иногда: ни чрезмѣрной усталости, ни прилива крови къ головѣ. Но приводятъ ли онѣ къ желаннымъ слѣдствіямъ? Это другой вопросъ. Мѣстность здѣсь очень красива, но нельзя конечно ее сравнивать съ великолѣпіемъ Рейхенгаля, которое, благодаря теперешней погодѣ, должно казаться пышнѣе чѣмъ когда-либо.

Замѣчаю, что еще не говорилъ о своемъ посѣщеніи великой княгини Ольги, вѣрнѣе о своихъ двухъ посѣщеніяхъ: ибо, принявъ меня въ 5 часовъ, она пригласила меня придти опять вечеромъ, чтò разумѣется я и сдѣлалъ. Она по истинѣ прелестна, такъ женственна и такъ чиста. И сказочный пріютъ, гдѣ она проводитъ дни съ его ласкающими видами окружныхъ холмовъ, эта жизнь мира, свѣта и благоденствія, словно создаваемаго ею, все это сливается съ ея личностью. Мужъ ея, который просто покланяется ей, тронулъ меня, чистосердечно высказывая мнѣ, какъ ему горько сознавать, что онъ безсиленъ воздать все должное дарованіямъ подобной женщины. И было видно по его тону, что то было глубоко-искреннее чувство. Потомъ онъ говорилъ со мной прочувствованно и безпристрастно о событіяхъ дня. И на этотъ разъ, какъ нерѣдко прежде, я имѣлъ возможность сдѣлать наблюденіе, что если владѣтельныя особы и не умнѣе простыхъ людей, то умъ ихъ почти всегда отличается безконечно-большею откровенностью и прямодушіемъ. Это вѣроятно зависитъ отъ положенія. За ужиномъ великая княгиня, подлѣ съ которой я сидѣлъ, бесѣдовала со мной съ четверть часа по русски. Эти нѣсколько словъ, сказанныхъ ею о современномъ положеніи дѣлъ, носили отпечатокъ истинно-Русской души.

Wildbad, 1 (13) Juillet. Quel gaillard que cet empereur français! Il est certain que si l'oncle à été un fameux aéronaute, le neveu est un fier prestidigitateur. Comme il file la carte! Quel habile coquin! Les

stupides journaux allemands ne manqueront pas de faire accroire à leur public de niais que ce sont leurs menaces qui ont fait cela, et que c'est devant les armements de l'Allemagne que la France a capitulé. Et tout en disant cela, ils auront plus peur que jamais, et cette fois-ci ils n'auront pas tort. Je sais bien que si j'étais le *Rhin - Allemand*, j'aurais plus peur de la paix, qui va se faire, que de la guerre qui vient de cesser ou de s'interrompre. Quelle ridicule position que celle de la Prusse! La voilà bien recompensée de tous les frais de sa mobilisation. Ce qu'il y a de plus clair, c'est qu'il va sortir de cette paix (si elle se fait aux conditions supposées) une Italie toute aussi provisoire que par le passé et une Allemagne plus divisée que jamais, et c'est précisement ce qu'il faut à ce grand pêcheur en eau trouble.

Вильбадъ, 1 (13) Іюля. Что̀ за молодчина Французскій императоръ! Несомнѣнно: если дядя былъ славный воздухоплаватель, то племянникъ—смѣлый фокусникъ. Какъ онъ передергиваетъ! Какой онъ искусный плутъ! Глупые Нѣмецкіе журналы непремѣнно заставятъ повѣрить свою тупоумную публику, что все это произошло благодаря ихъ угрозамъ, что Франція отступила именно передъ Нѣмецкими вооруженіями. И говоря это, въ тоже самое время будутъ больше чѣмъ когда либо бояться, и на этотъ разъ будутъ правы. Я знаю хорошо, что, будь я Рейнскій Нѣмецъ, я бы больше боялся настоящаго мира, чѣмъ только что кончившейся или прервавшейся войны. Что за смѣшное положеніе Пруссіи! Вотъ хорошее вознагражденіе за всѣ ея издержки по мобилизаціи. Самое явное, что̀ получится изъ этого мира (если онъ состоится на предлагаемыхъ условіяхъ), это все столь же необезпеченная, какъ и прежде единая Италія, и единая Германія, раздробленная болѣе чѣмъ когда-либо; понятно, что это именно то, что̀ нужно великому ловцу рыбы въ мутной водѣ.

Wildbad, 5 (17) Juillet. J'ai rencontré ici, à un thé donné par les Oldenbourg, le jour de fête de l'Impératrice-Mère, Tascher-le fils, autrement dit le Don-Tascher. Bien que son intelligence n'ait pas grandie avec sa fortune, il est assurément très curieux à entendre sur le chapitre du régime actuel en France, régime qu'il connaît nécessairement en détail et dont il parle avec une bonhomie et une sincérité d'appréciation qui ne laisse que mieux voir le fond des choses, et quel bas fond que ce fond-là! C'est un régime redevenu, pour ainsi dire, primitif à force de corruption. C'est presque l'état de nature, comme dans les bains publics de Russie. Et quand on pense qu'une force matérielle aussi écrasante se trouve aux ordres de toute cette dépravation morale et intellectuelle, de tout ce mensonge si brutalement cynique: alors, ma foi, il y a de quoi frémir pour l'avenir du monde. Ce qui vient d'arriver, cette insigne rouerie de la paix qui vient de se conclure, cette

rouerie exécutée avec tant d'aplomb et presque de gaieté, comme une niche d'écoliers, sur cent mille cadavres, qui en ont payé la façon... Et bien, toute cette iniquité, en même temps qu'elle fait bondir d'indignation toute âme honnête, n'en sera pas moins acceptée comme un véritable bienfait par l'Europe entière, et un nouveau progrès, un progrès énorme aura été fait dans la voie de démoralisation où l'on s'enfonce de plus en plus. C'est l'avenir de la pauvre Allemagne qui est véritablement navrant, avenir d'impuissance croissante et d'ineffable ridicule.

Вильбадъ, 5 (17) Іюля. Я встрѣтилъ здѣсь за чаемъ, на который пригласили Олденбургскіе въ день тезоименитства императрицы-матери, Ташера-сына, иначе называемаго Донъ-Ташеръ. Хотя, вмѣстѣ съ состояніемъ, ума у него не прибавилось, однако очень конечно любопытно слышать, что̀ онъ говоритъ о современномъ образѣ правленія во Франціи; по необходимости онъ въ подробностяхъ знаетъ это правленіе и говоритъ о немъ съ простодушіемъ и съ полною искренностью, благодаря которымъ только яснѣе видишь самую глубину вещей, и какую отвратительную глубину! Правленіе по причинѣ общей подкупности возвратилось, такъ сказать, къ простѣйшимъ формамъ. Это почти такое же первобытное состояніе какъ въ Русскихъ народныхъ баняхъ. И какъ только подумаешь, что столь могучая грубая сила находится во власти всей этой нравственной и умственной испорченности, всей этой лжи столь скотски безстыдной, то право, есть отъ чего трепетать за будущность міра. То, что̀ случилось, это безпримѣрное паясничество только что заключеннаго мира, это паясничество, совершаемое съ такой самоувѣренностью и почти съ такимъ веселіемъ, какъ школьническая продѣлка, на сотнѣ тысячъ труповъ, заплатившихъ за него... И вся эта несправедливость, въ то время какъ она заставляетъ содрогаться отъ негодованія каждую честную душу, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ принята всей Европой, какъ истинное благодѣяніе, и будетъ совершенъ новый шагъ прогресса, великаго прогресса по пути къ растлѣнію нравовъ, въ которое погружаются все больше и больше. Будущность бѣдной Германіи, вотъ что дѣйствительно удручаетъ: это будущность возрастающаго безсилія и несказаннаго посмѣшища.

Paris, 31 Juillet (12 Août). De Cologne, où j'ai couché, je me suis paresseusement acheminé par Liège à Paris, où je suis arrivé hier fort tard dans la soirée, dans la compagnie de quelque cent ou deux cent mille étrangers qui sont venus ce jour-là par toutes les lignes qui y aboutissent s'engouffrer niaisement dans ce Paris encore plus niais et qui, à l'heure qu'il est, est tout entier dans les préparatifs des fêtes qu'il va se donner. Dans ce moment même j'entends, tout en bas dans la rue, les cris forcenés des colporteurs de journaux annonçant le programme des grandes fêtes nationales etc. etc. C'est demain que le grand empereur vient coucher aux Tuilleries, et c'est le 14 la rentrée triomphale

de ces admirables troupes qui ont si parfaitement réussi, au prix des plus sanglantes victoires, à mettre cette Italie, qu'elles allaient délivrer, dans un gâchis cent fois pire, que celui où elle avait été. Mais qui dans ce moment-ci se donnerait la peine ici de songer à autre chose qu'à la *grande fête nationale*, qui sera, comme me le disait ce matin mon barbier, une de ces merveilles qu'on ne peut rencontrer qu'à Paris? Quant aux éventualités politiques, mon barbier croit à une guerre plus ou moins imminente avec l'Angleterre, et je crois que mon barbier a raison, au moins le Journal des Débats d'aujourd'hui, ce journal autrefois si anglais, parle maintenant tout-à-fait comme mon barbier. Ah, c'est bien certainement l'enfant terrible de l'Europe que ce charmant et absurde peuple, qui nous inspire tous les sentiments possibles à l'exception d'un seul, celui du *respect*.

Парижъ, 31 Іюля (12 Августа). Изъ Кельна, гдѣ я переночевалъ, я лѣниво направился черезъ Люттихъ въ Парижъ, куда прибылъ вчера вечеромъ очень поздно, вмѣстѣ съ сотней или двумя сотнями тысячъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ тотъ день по всѣмъ ведущимъ сюда дорогамъ, чтобы глупо исчезнуть въ этомъ еще болѣе глупомъ Парижѣ, всецѣло поглощенномъ въ этотъ часъ приготовленіями къ праздникамъ, какіе онъ себѣ даетъ. И вотъ даже въ эту минуту я слышу внизу на улицѣ неистовые крики газетчиковъ, выкрикивающихъ программы большихъ національныхъ праздниковъ и т. д. и т. д. Завтра великій императоръ будетъ ночевать въ Тюльери, а 14-го состоится торжественное вступленіе его несравненныхъ войскъ, которымъ такъ хорошо удалось, цѣною самыхъ кровавыхъ побѣдъ, ввергнуть ту самую Италію, освобождать которую они шли, въ злоключенія сто разъ худшія, чѣмъ какимъ она подвергалась. Но кто въ эту минуту станетъ здѣсь думать о чѣмъ либо, какъ не о *великомъ національномъ праздникѣ*, который будетъ, какъ говорилъ сегодня утромъ мой брадобрѣй, однимъ изъ чудесъ, встрѣчающихся только въ Парижѣ? А что касается политическихъ ожиданій, мой брадобрѣй полагаетъ, что болѣе или менѣе угрожаетъ война съ Англіей, и я думаю, что мой брадобрѣй правъ: по крайней мѣрѣ сегодняшній № Journal des Débats, газеты въ прежнее время столь Англійской, говоритъ теперь точь въ точь какъ мой брадобрѣй. Да, этотъ прелестный и нелѣпый народъ по истинѣ опасный шалопай Европы; онъ внушаетъ намъ къ себѣ всѣ возможныя чувства за исключеніемъ только уваженія.

Paris. 5 (17) Août. Me voilà sorti sain et sauf de la bagarre des fêtes nationales, et je dois même dire que jamais je ne me suis senti moins *embagarré* en pareille circonstance, et pourtant, grâce à un hasard tutélaire, j'ai eu la bonne chance, tout en flanant insoucieusement sous les arcades de la rue de Rivoli, de voir tout le défilé des troupes zouaves, turcs et tutti quanti, pour la modeste somme de 2 francs, aussi

bien que ceux qui ont payé la fenêtre 800 francs et le balcon de 4 à 8 mille francs; car il y avait de ces prix-là. J'ai même vu pour ces mêmes *deux francs* le grand empereur lui-même et dans son plus beau moment encore, car il était à cheval. Et je dois avouer que sa tenue, aussi bien que l'expression de sa figure, m'ont beaucoup plu par leur calme, leur air de bienveillance et par l'absence de toute prétention à l'effet. Et puis on ne saurait impunément se trouver en présence d'un indivudu, qui, comme lui, réalise dans le moment donné la plus grande somme de force et d'énergie dans le monde. Quant aux troupes que j'ai vu défiler devant moi depuis onze heures du matin jusqu'à deux de l'après-midi au nombre de 70 à 80 mille hommes, dans leur tenue de campagne, avec leur drapeaux dont quelquesuns ne sont plus que des loques, marchant de ce pas ferme et décidé, avec cette liberté d'allure ressemblant si peu à la parade, tout cela avait quelque chose de si réel, de si positif et de si *décidement sérieux*, que l'on sentait instinctivement en le voyant, qu'un homme dans la position de Napoléon III, qui avait de pareilles troupes dans sa main, était fatalement condamné à s'en servir à tout prix. Et quelque soit l'avenir réservé au pouvoir qui dispose de pareilles forces, il suffit de venir à Paris pour comprendre d'emblée que, dans un pays comme la France, il ne peut pas y avoir de pouvoir sérieux en déhors des conditions que celui-ci s'est créées, ce qui ouvre assurément une assez triste perspective tant sur l'avenir de la France, que sur celui de l'Europe en général.

Je quitterai Paris fort content assurément de l'avoir vu, mais sans le moindre regret. Il y a, et certes, ce n'est pas d'aujourd'hui, que j'en ai fait l'expérience, il y a dans toute cette engeance française quelque chose qui, après nous avoir amusé, intéressé et momentanément séduit, finit par nous choquer, nous irriter et nous déplaire. Pour supporter à la longue les Français, il faudrait pouvoir toujours les considérer comme des enfants; mais ils sont trop robustes et trop peu candides pour que cette illusion puisse être longtemps maintenue.

Парижъ, 5 (17) Августа. Я вышелъ живъ и здравъ изъ сумятицы національныхъ праздниковъ и даже долженъ сознаться, что никогда въ подобномъ случаѣ я не чувствовалъ себя менѣе ошеломленнымъ, притомъ благодаря какому-то случаю-покровителю. Бродя беззаботно подъ сводами улицы Риволи, мнѣ удалось увидать весь церемоніальный маршъ и зуавскихъ полковъ, и Турецкихъ, и tutti quanti, за скромную плату въ 2 франка, не хуже чѣмъ тѣмъ, которые платили по 800 франковъ за окно и отъ 4 до 8 тысячъ за балконъ; ибо и такія цѣны были. Я видѣлъ даже самого великаго императора за тѣже *два франка* и притомъ въ одно изъ его лучшихъ мгновеній, такъ какъ онъ былъ на лошади. И надо сознаться, что

его способъ держаться на лошади, какъ и выраженіе его лица, очень мнѣ понравились своимъ спокойствіемъ, добродушнымъ видомъ и отсутствіемъ всякаго стремленія къ эффекту. И притомъ невозможно находиться безнаказанно въ присутствіи человѣка, являющагося въ данное мгновеніе представителемъ величайшей въ мірѣ суммы силъ и энергіи. А что̀ касается войскъ проходившихъ передо мной съ одиннадцати часовъ утра до двухъ пополудни въ числѣ 70 или 80 тысячъ человѣкъ, въ походной формѣ, со своими знаменами, нѣкоторыя изъ которыхъ уже только лохмотья, маршируя твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ, свободной поступью, такъ мало напоминающей парадъ, то во всемъ этомъ было что-то столь дѣйствительное, столь рѣшительно-важное, что, глядя на это, невольно чувствовалось, какъ роковымъ образомъ въ положеніи Наполеона III, имѣя въ своихъ рукахъ подобное войско, всякій человѣкъ былъ бы осужденъ употребить его въ дѣло, во что̀ бы то ни стало. И какая бы будущность ни предстояла власти, располагающей такими силами, стоитъ только пріѣхать въ Парижъ, чтобы сразу понять, что въ такой странѣ, какъ Франція, положительная власть невозможна внѣ условій, какія создалъ для себя онъ. Это конечно открываетъ печальную перспективу на будущность какъ Франціи, такъ и вообще всей Европы.

Я покинулъ Парижъ довольный конечно тѣмъ, что его увидалъ, но безъ малѣйшаго сожалѣнія. Есть что-то (и понятно, это я замѣтилъ не теперь только) во всемъ Французскомъ, что̀, позабавивъ, занявъ и временно увлекши насъ, въ концѣ концовъ насъ оскорбляетъ, раздражаетъ и становится противнымъ. Чтобы долгое время выносить Французовъ, надо было бы постоянно смотрѣть на нихъ какъ на дѣтей; но они слишкомъ ужъ крѣпки и недостаточно чисты, чтобы такая мечта могла долго сохраняться.

Francfort, 22 Août (3 Septembre). Je suis enchanté d'avoir été à Paris, et cela dans un moment d'un aussi grand relief. J'en ai rapporté la conviction que quelque soit l'avenir réservé au régime actuel, ce régime dans le moment donné est très décidement populaire et réunit une plus grande masse de sympathies que n'en a réuni aucun autre depuis soixante ans. C'est un pouvoir sympathique aux masses, et pour s'en convaincre, il suffit de prêter l'oreille à ce qui se dit dans la rue et à la manière dont cela se dit chaque fois qu'il est question de l'empereur.

Переводъ. Франкфуртъ, 22. Августа. Я очень радъ, что былъ въ Парижѣ, и притомъ еще въ дни значительнаго блеска. Я вынесъ оттуда убѣжденіе, что какая бы участь ни ожидала нынѣшнее правительство, все же оно въ настоящее мгновенье самымъ рѣшительнымъ образомъ популярно и соединяетъ на своей сторонѣ бо̀льшую сумму сочувствія, чѣмъ какое либо другое за послѣднія вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ. Эта власть любезна толпѣ, а чтобы въ томъ убѣдиться, достаточно прислушаться къ тому что̀ говорится на улицахъ и какъ это говорится, всякій разъ когда рѣчь идетъ объ императорѣ.

Vevay, 8 (20) Septembre. S'il y a un coin de terre où l'on se sentirait tout naturellement disposé à se laisser aller à une douce et seraine quiétude, c'est bien certainement celui-ci. A mon arrivée il faisait un temps affreux, pluie, vent glacial; on aurait pu se croire aux îles. Mais hier le soleil avait repris ses droits, et ce coin de terre enchanté est apparu dans toute sa gloire. Le lac, les montagnes, Vevay, Clarens, Montreux, plus au fond Chillon, Villeneuve, tout cela est vraiment charmant. De tout cela il nous vient comme un souffle du printemps et de jeunesse; mais hélas, les tièdes bouffées sont si fugitives, si courtes, si impuissantes! Quand on pense que cette année il y a eu juste cent ans que l'illustration poétique de ce coin de terre a commencé par Jean-Jacques (son Éloïse est, si je ne me trompe, de 1759), depuis lors trois quatre générations se sont succédées: m-me de Staël, lord Byron, notre Karamsine dans ses lettres du Русскій Путешественникъ, puis la génération de Lamartine, Жуковскій, qui a tant aimé cette partie du lac et qui en a si bien parlé; puis notre génération à nous, et toutes les imaginations dans leur jeunesse ont habité avec amour cette terre bénie, et elles ont passé, elles se sont évanouies les unes après les autres. Mais on dirait qu'il en reste quelque chose dans l'air, la lumière, les contours, les splendeurs de ce lac et de ces montagnes... et puis quand on vient de se dire que ceci encore est une illusion: on se sent envahir l'âme par une indifférence profonde, sereine et que l'on pourrait croire définitive, et cependant...

Переводъ. Веве, 8 (20) Сентября. Если есть на землѣ уголокъ, который естественно располагаетъ предаться тихому и свѣтлому спокойствію, то онъ конечно здѣсь. Въ день моего пріѣзда погода была ужасная, дождь, леденящій вѣтеръ, можно было представить себѣ, что находишься на островахъ [1]). Но вчера солнце вернуло себѣ свои права, и этотъ восхитительный уголокъ земли явился во всемъ своемъ блескѣ. Озеро, горы, Веве, Клaverенсъ, Монтрё, далѣе Шильонъ, Вильнёвъ, все это по истинѣ прелестно. Ото всего этого какъ бы вѣетъ весной и юностью, но увы! теплыя вѣянія такъ мимолетны, такъ быстро исчезаютъ, такъ безсильны! Когда подумаешь, что въ этомъ году исполняется ровно сто лѣтъ, какъ Жанъ-Жакъ началъ поэтическое описаніе этого уголка земли (вѣдь его Элоиза помѣчена, если не ошибаюсь, 1759 годомъ), съ тѣхъ поръ уже смѣнилось три-четыре поколѣнія: m-me де Сталь, лордъ Байронъ, нашъ Карамзинъ со своими Письмами Русскаго Путешественника, потомъ поколѣніе Ламартина и Жуковскій, такъ любившій эту часть озера и такъ хорошо говорившій о ней [2]), наконецъ въ свою очередь и наше поколѣніе. И всѣ грёзы мечтательной юности съ лю-

[1]) Рѣчь идетъ объ островахъ въ Петербургѣ.

[2]) Въ Шильонскомъ Узникѣ.

бовью устремлялись въ этотъ благословенный край, и вотъ одни за другими эти мечтанія прошли, развѣялись, исчезли. Но вѣрится, что отъ нихъ осталось что-то въ воздухѣ, въ свѣтѣ, въ очертаніяхъ, въ сіяніи озера и горъ; а послѣ, когда скажешь себѣ, что это тоже самообманъ, то чувствуешь вдругъ, что душу наполняетъ глубокое безразличіе, свѣтлое и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное, хотя все таки... [1]).

Weimar, 19 (31) Octobre. Voici en peu de mot mes faits et gestes et mon programme d'avenir immédiat. Ce n'est que le (13) 25 de ce mois que j'ai quitté Genève; je me suis arrêté un jour et demi à Bade. A Francfort j'ai été obligé de m'arrêter deux jours, et enfin me voici arrivé cette nuit à deux heures dans cette nécropole de Weimar, où j'ai été assailli de tous les fantômes du passé. J'ai couché à l'auberge dans une chambre glaciale, qui s'est rechauffée sous moi. A ce moment je reviens de chez Maltitz que j'ai trouvé engraissé... et qui prétend que l'obésité est une des grâces de la vieillesse.

Переводъ. Веймаръ, 19 (31) Октября. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ все что я сдѣлалъ и исполнилъ, а также и мои замыслы на ближайшее будущее. Только (13) 25 этого мѣсяца выѣхалъ я изъ Женевы; останавливался я на полтора дня въ Баденѣ. Во Франкфуртѣ мнѣ пришлось пробыть два дня, и вотъ наконецъ сегодня ночью въ два часа я прибылъ въ Веймаръ, въ этотъ городъ мертвыхъ, гдѣ окружили меня всѣ призраки минувшаго. Я ночевалъ въ гостинницѣ въ ледяной комнатѣ, которая потомъ согрѣлась отъ моего присутствія. Сейчасъ я возвратился отъ Мальтица; я нашелъ его потолстѣвшимъ и утверждающимъ, что дородность одна изъ прелестей старости.

1 Novembre (20 Octobre). Je continue. Je suis bien aise de vous savoir sur place, quand même cette place est en face du Gostinoï Dvor[2]). Et cependant je l'avoue, je ne puis y songer sans horreur. Tous ces beaux pays, ces scènes variées, si animées, ces journées si radieuses qui ont passé comme un rêve devant moi depuis les sites de Reichenhall et Salzbourg jusqu'à cet enchantement continuel des bords du lac de Genève avec Paris sur l'arrière plan, et cette incomparable chose, la vallée du Rhin! Hélas, hélas, tout cela a fui avec les beaux jours, les belles soirées, la chaleur et la lumière. Bade il y a encore quelques jours de cela m'est apparu ravissant, tout, tout abandonné qu'il soit. Le fleuve bruyant et quelque peu trouble s'était écoulé. Les

---

[1]) Воспоминаніе объ этой поѣздкѣ на Леманъ сохранилось въ двухъ поразительныхъ стихотвореніяхъ Тютчева „Дорога изъ Кенигсберга въ Петербургъ“.

[2]) Ѳ. И. Тютчевъ жилъ тутъ долго потомъ на Невскомъ, въ д. Армянской церкви.

quelques figures qui restaint toutes connues avaient l'air de maîtres de maison se promenant avec satisfaction et liberté d'esprit dans la salle de bal toute parée et éclairée encore après le départ des convives. Mais revenons à Weimar. Comme de raison, je passe toute la journée avec Maltitz... J'ai repassé le passé, retrouvé, ressaisi avec un mélancolique plaisir cette nature de Maltitz si intelligente, si impressionnable, si active, tournant toujours sans se lasser dans le même cercle d'impressions, d'idées, de lectures, d'habitudes, et bien que je sache parfaitement combien un pareil milieu serait impossible pour moi, je ne puis sans une sorte d'envie et de retour pénible sur moi-même voir ces existences reglées, rassises et qui se prolongent sans solution de continuité... pour qui le passé ne devient pas comme un membre amputé dont on finit par douter s'il nous a jamais appartenu. On a beau dire, une des trois unités de l'ancien drame classique qu'on a si fort décriée, *l'unité du lieu*, est plus nécessaire qu'on ne pense à l'intérêt du drame, au moins de la vie réelle.

Переводъ. 1 Ноября (20 Октября). Продолжаю. Я очень радъ, узнавъ, что вы на мѣстѣ, хотя это мѣсто и противъ Гостиннаго Двора. Между тѣмъ сознаюсь, что не могу объ этомъ подумать безъ ужаса. Эти дивныя страны, эти разнообразныя картины столь оживленныя, эти лучезарные дни, промелькнувшіе предо мной какъ сонъ, отъ дней проведенныхъ въ Рейхенгалѣ и Зальцбургѣ до этого безпрерывнаго очарованія береговъ Женевскаго озера, съ Парижемъ на заднемъ планѣ, и наконецъ безподобная долина Рейна! Увы, увы! все это исчезло вмѣстѣ съ прекрасными днями и прекрасными вечерами, съ тепломъ и свѣтомъ. Баденъ еще нѣсколько дней тому назадъ казался мнѣ восхитительнымъ, хотя и покинутъ всѣми: сбѣжалъ шумный и нѣсколько мутный потокъ; немногія оставшіяся лица, хорошо знакомыя, имѣли видъ хозяевъ, прогуливающихся съ удовольствіемъ и съ непринужденностью по залѣ еще убранной и освѣщенной послѣ ухода гостей. Но возвратимся къ Веймару. Какъ и слѣдовало ожидать, я провожу цѣлые дни съ Мальтицемъ... Я вновь пережилъ прошлое, вновь обрѣлъ, вновь сошелся съ какой-то радостной грустью съ душей Мальтица, съ этимъ характеромъ столь воспріимчивымъ, столь дѣятельнымъ, столь развитымъ умственно, вращающимся безъ утомленія все въ томъ же кругѣ впечатлѣній, тѣхъ же идей, книгъ и привычекъ. И хотя я слишкомъ знаю, что такая среда жизни для меня невозможна, но я не могу безъ какой-то зависти, безъ томительнаго возвращенія къ собственному прошлому смотрѣть на такія размѣренныя, установившіяся существованія, продолжающіяся безъ всякаго развитія во времени..., а мое прошлое становится для меня отнятымъ членомъ, и наконецъ начинаешь сомнѣваться, принадлежалъ ли онъ когда нибудь мнѣ. Можно смѣло сказать, что одно изъ пресловутыхъ единствъ античной драмы, *един-*

ство мѣста, важнѣе чѣмъ думаютъ для полноты драматическаго дѣйствія, по крайней мѣрѣ въ дѣйствительной жизни.

24 Octobre (5 Novembre). Enfin, enfin le dernier pas va se faire, et pas plus tard que ce soir je vais me lancer non pas dans l'éternité comme les pendus en Angleterre, mais dans l'infini comme les voyageurs en Russie. Oui, je pars ce soir pour Königsberg et de là sur Kowno ou Riga d'après l'inspiration du hasard ou de notre consul à Königsberg. Le *comment* du voyage est subordonné aux mêmes chances...

Переводъ. 24 Октября (5 Ноября). Наконецъ, наконецъ еще одинъ шагъ, и не далѣе какъ сегодня вечеромъ я брошусь не въ вѣчность, какъ повѣшенные въ Англіи, а въ безконечность, какъ путешественники по Россіи. Да, сегодня вечеромъ я уѣзжаю въ Кенигсбергъ, оттуда черезъ Ковно или Ригу, смотря по внушенію случая или нашего консула въ Кенигсбергѣ. Всякое *какъ* моего путешествія подчинено тѣмъ же случайностямъ.

КАКЪ ПРИХОЖАНЕ ИСКАЛИ СЕБѢ БАТЮШКУ.

Въ г. Вязникахъ, въ родственномъ домѣ мѣстнаго купца И. И. Порошина, проживаетъ 80-лѣтняя старушка, его мать, духовнаго званія. Старушка эта, вспоминая былые дни и „свое время", между прочимъ, передала намъ разсказъ о томъ, какъ ея родной дѣдъ избранъ былъ во священники.

Въ Юрьевскомъ уѣздѣ есть село Каблуково. Въ былое время оно принадлежало генералу Митькову. Случилось, что въ Каблуковѣ умеръ священникъ, котораго, честь честью, похоронили. Мужички-прихожане, помянувъ усопшаго батюшку, отправились къ барину съ просьбой похлопотать о томъ, чтобы имъ назначили „стоющаго" iерея.

— Для меня все одно, ищите сами: кого найдете, тотъ и будетъ назначенъ.

— Ну а ежели да того, ваше превосходительство: мы облюбуемъ, а архiерей не поставитъ?

— Сказалъ вамъ: кого выберете, тотъ и будетъ поставленъ.

Пожелавъ долголѣтняго здравiя генералу, мужички отправились отыскивать себѣ батюшку.

Долго они выглядывали, долго разспрашивали, но все что-то дѣло не подходило.

— Нужно ѣхать въ городъ на базаръ; тамъ скорѣе дѣло сладимъ, разсудили мужички.

Разсудили и выбрали ходоковъ. Прiѣхали ходоки въ Юрьевъ. Базаръ былъ большой, многолюдный.

Прошли мужички по базару разъ, прошли два и видятъ: торгуетъ овсомъ лицо духовнаго званiя, изъ себя рослый, лицомъ красивый, въ плечахъ дюжiй,

— Во бы, ребята, намъ этого, указываетъ одинъ изъ ходоковъ на торгующаго овсомъ духовнаго человѣка.

— Дюжiй парень, нады-ть попробовать, отзываются другiе.

Подошли къ возу, посмотрѣли овесъ, спросили про цѣну.

На разговорахъ облюбованное духовное лицо еще болѣе понравилось ходокамъ, и они отошли отъ воза посовѣтоваться.

— Хорошъ, ребята, намъ лучше не найти.

— А можетъ еще къ намъ и не пойдетъ; походимъ еще по базару, може и еще облюбуемъ какого, говорили нѣкоторые изъ ходоковъ.

Пошли. Прошли конную, прошли красные ряды, прошли всѣ видныя мѣста; но лучше ни одного духовнаго лица не усмотрѣли, а потому вторично направились къ облюбованному духовному лицу. Оказалось, что это духовное лицо овесъ продало и готовило свою лошадку, чтобы ѣхать съ базара домой.

Мужички окружили его и любопытно осматривали.

— Что вы, братцы, такъ пристально на меня смотрите?

— Да вотъ дѣло есть до тебя.

— Какое дѣло, я васъ не знаю. Господь съ вами! Ступайте себѣ своимъ путемъ-дорогой.

Степенная рѣчь духовнаго лица еще болѣе расположила къ нему Каблуковскихъ мужиковъ-ходоковъ.

— Да ты скажи намъ, отколѣ ты будешь?

— Я пономарь изъ с. Богородскаго.

— А мы вотъ тебя облюбовали въ попы къ себѣ въ Каблуково.

— Что вы, Господь съ вами! Архіерей строгій, неученыхъ не посвящаетъ въ попы.

— Да намъ нашъ баринъ сказалъ: кого выберете, того и поставимъ.

— Да вѣдь это дѣло-то не бариново, а архіерейское.

— Да ужъ что баринъ нашъ молвитъ, такъ и будетъ. У него, видишь ты, вездѣ рука.

— Не знаю, братцы, какой вамъ отвѣтъ дать. Надо посовѣтоваться съ батюшкой, я съ нимъ живу вмѣстѣ: онъ дьячкомъ, а я пономаремъ въ одномъ приходѣ.

Эта сыновняя покорность сына отцу привела мужичковъ въ восторгъ, и они уже ни за что не хотѣли разстаться съ пономаремъ: помогли ему запрячь лошадку, живой рукой впрягли своихъ и поѣхали въ село Богородское.

Старикъ-дьячокъ благосклонно выслушалъ рѣчь ходоковъ, обласкалъ, угостилъ ихъ и отпустилъ своего сына въ Каблуково для представленія барину.

Генералу Митькову облюбованный крестьянами пономарь тоже очень понравился, и онъ, написавъ два письма, вручилъ ихъ ему (фамилія его Добронравовъ).

— Смотри, не перемѣшай. Одно письмо потоньше, это будетъ секретарю Консисторіи, другое потолще—владыкѣ преосвященному.

— Слушаю, ваше превосходительство, не перемѣшаю, почтительно отвѣчалъ пономарь Добронравовъ.

— Ну, а это вотъ тебѣ двѣсти рублей на посвященіе. Тамъ нужно будетъ дать тому-другому, такъ сдѣлай какъ слѣдуетъ!...

Не прошло и двухъ недѣль, какъ бывшій пономарь на маленькомъ приходцѣ посвященъ былъ въ санъ іерейскій на большой приходъ.

Большую задачу составляло для новопосвященнаго батюшки, чѣмъ отблагодарить генерала. Думалъ онъ немало и рѣшилъ принести въ даръ

поросенка. Когда батюшка несъ этотъ подарокъ барину, то поросенокъ такой поднялъ визгъ, что все семейство генерала выбѣжало на террасу... Подарокъ былъ принятъ благосклонно, хотя, конечно, не безъ улыбки.

Пріученный съ малолѣтства къ землепашеству, Добронравовъ и въ санѣ священника не оставлялъ сохи. Онъ наравнѣ съ мужичками и пахалъ, и косилъ, и, такимъ образомъ, жилъ однимъ интересомъ съ своими прихожанами, которымъ въ особенности нравилось въ ихъ батюшкѣ его хожденіе около кормилицы-земли. Пообжившись въ Каблуковѣ, священникъ Добронравовъ занялся скотоводствомъ. Благодаря близости коннаго завода князя Голицына въ с. Симѣ, онъ развелъ породистыхъ и цѣнныхъ лошадей и сдѣлался образцовымъ хозяиномъ во всей окружной мѣстности. По вопросамъ сельскаго хозяйства этотъ батюшка изъ пономарей давалъ полезные совѣты не только своимъ прихожанамъ-крестьянамъ, но и помѣщикамъ и духовенству. Совѣты и личный примѣръ трудолюбія Добронравова прихожане его очень цѣнили и такое питали въ нему расположеніе, что когда онъ выдавалъ замужъ свою дочь (тоже за священника) и нуждался въ тысячѣ рублей (конечно ассигнаціями) приданаго для награжденія дочери, то прихожане его въ нѣсколько часовъ собрали эту сумму между собою и ссудили ею любимаго батюшку.

Съ о. Добронравовымъ случилась одна непріятность. Занятый хозяйствомъ, а болѣе всего по малограмотности, онъ неаккуратно записывалъ родившихся въ приходѣ его въ метрическія книги. Вслѣдствіе сего, въ вотчинѣ генерала Митькова, въ приходѣ священника Добронравова, при десятой ревизіи оказалось пропущенныхъ сорокъ пять душъ. Это надѣлало немалыхъ хлопотъ генералу Митькову, и только его вліяніе спасло хозяйственнаго батюшку отъ гнѣва и наказанія епархіальнаго начальства.

Выборъ пономаря Добронравова во священника происходилъ въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія. Архіереемъ во Владимирѣ въ то время былъ архіепископъ Парѳеній, воспоминаемый и доселѣ духовенствомъ Владимирской епархіи, наравнѣ съ высокопреосвященнымъ Ѳеогностомъ, который недавно архіепископствовалъ во Владимирѣ и оставилъ по себѣ самую свѣтлую память.

Нужно замѣтить, что архіепископъ Парѳеній не окончившихъ семинарскій курсъ очень рѣдко посвящалъ во священники. Добронравову дано было мѣсто священника по исключительной вліятельности генерала Митькова, впрочемъ, рекомендовавшаго, какъ оказалось, весьма достойнаго человѣка и всего болѣе подходившаго для сельскаго прихода, по крайней мѣрѣ по тому времени.

Н. И. Соловьевъ.

Апрѣля 15 дня 1899 г.
Г. Вязники.

РАЗСКАЗЪ НЕИЗВѢСТНАГО ОЧЕВИДЦА СОБЫТІЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

14 Декабря 1825 года.

Въ 1 часу 14 числа на площади противъ дворца выстроены были конногвардейцы и кавалергарды. Государь принималъ званіе шефа. Въ это самое время два баталіона лейбъ-гренадерскаго полка подъ ружьемъ проходятъ чрезъ площадь. Государь приказываетъ имъ остановиться. Они идутъ въ молчаніи къ Сенату и соединяются съ двумя ротами Московскаго полка, не согласившагося отрещись отъ присяги, данной Константину. Государь поручаетъ Милорадовичу[1]) уговорить бунтовщиковъ. Графъ ѣдетъ, вступаетъ въ каре непріятелей; всѣ солдаты дѣлаютъ ему честь; уже графъ начинаетъ свое увѣщаніе, какъ вдругъ князь Оболенскій[2]) пистолетнымъ выстрѣломъ наноситъ ему смертельную рану, и храбрый генералъ, котораго щадили пули непріятельскія, скончался въ ночь на 15 число. Вслѣдъ за графомъ было посылано и нѣсколько парламентеровъ. Они, частію невредимы, частію раненые, возвращались безъ успѣха. Къ бунтующимъ присоединился весь гвардейскій экипажъ, нѣсколько статскихъ чиновниковъ, сочинителей, журналистовъ и черни съ ножами, тесаками и пистолетами. Буйные изверги оглашали воздухъ безпрестанными возгласами: да здравствуетъ Константинъ! Митрополитъ съ нѣсколькими духовными особами хотѣлъ внушить въ сердца ихъ страхъ Божій; но самъ, устрашившись свиста пуль, пролетѣвшихъ мимо его и сразившихъ проводника его полковника Стюллера, на извощикѣ спасся отъ враговъ неукротимыхъ. Частный приставъ Александровъ былъ прибитъ до полусмерти, и одного рядового жандарма въ моихъ глазахъ закололь штыкомъ унтеръ-офицеръ Московскаго полка. Ужасъ овладѣлъ зрителями сего происшествія; весь С.-Петербургъ стекался на площадь, и первая Адмиралтейская часть вмѣщала въ себѣ до 150-ти тысячъ человѣкъ. Знакомые и незнакомые, пріятели и враги забывали свои личности и, собираясь въ кружки, разсуждали о предметѣ, поразившемъ ихъ взоры.

---

[1]) Тогдашній Петербургскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

[2]) Князь Евгеній Петровичъ († 1894). П. Б.

Въ 3 часу Императоръ, видя тщетность намѣренія своего обратить бунтующихся на путь истины, рѣшается принудить ихъ къ тому силою. Преображенскій полкъ, рядами, занимавшими всю широту Адмиралтейскаго бульвара, а конногвардейцы по площади мимо присутственныхъ мѣстъ идутъ къ монументу Петра Великаго, стараются стѣснить своихъ соперниковъ; но послѣдніе, приткнувшись къ стѣнѣ Сената, открываютъ залпъ изъ ружей. Нѣсколько раненыхъ и убитыхъ конногвардейцевъ были отнесены на плащахъ въ ближайшіе домы. Защитники Царя еще не имѣли приказанія стрѣлять и сдѣлали шагъ назадъ. Между тѣмъ посылаютъ за артиллеріею, привозятъ пушки, зарядные ящики, убійственныя оружія, бросаютъ тучи картечь. Враги отпаливаютъ изъ ружей, Исакіевская площадь покрывается тѣлами: и защитники Царевы, и бунтовщики, и любопытные—въ числѣ жертвъ возмущенія. Наконецъ бунтовщики разбѣгаются или на Васильевскій Островъ или въ Коломну. Ночь сокрыла ихъ, сокрыла слѣды кровопролитія, и народъ спѣшитъ въ домы свои.

Въ 7 часовъ вечера я отправился домой, и вотъ необычайное въ С.-Петербургѣ зрѣлище: у всѣхъ выходовъ дворца стоятъ бекеты, у всякаго бекета ходятъ два часовыхъ, ружья въ пирамидахъ, солдаты грѣются вокругъ горящихъ костровъ, ночь, огни, дымъ, говоръ проходящихъ, оклики проходящихъ, оклики часовыхъ, пушки, обращенныя жерлами во всѣ выходящія отъ дворца улицы, кордонныя цѣпи, патрули, ряды копій казацкихъ, отраженіе огней въ обнаженныхъ мечахъ кавалергардовъ и трескъ горящихъ дровъ, всё это было наяву въ столицѣ. Когда же ночь задернула завѣсу свою, и тутъ простреленныя стѣны Сената*), выбитыя рамы частныхъ домовъ по Галерной улицѣ были мертвыми свидѣтелями вчерашняго происшествія. Ночные патрули захватили главныхъ зачинщиковъ бунта и ихъ послѣдователей, крѣпость наполнилась арестантами. Иные были убиты во время перепалки, и тѣла ихъ брошены въ море; прочіе скрываются, но вѣроятно не останутся безъ должнаго возмездія. Теперь спокойствіе возстановилось, всѣ солдаты присягнули и объявлены невинными.

---

*) Покойный П. А. Плетневъ передавалъ намъ, что утромъ 15 Декабря 1825 года онъ проѣзжалъ мимо зданій Синода и Сената, которыя были забрызганы кровью. Выстрѣлы, направленные по Галерной улицѣ, достигали до самого конца ея, и нѣсколько пуль застряло въ домѣ графа Бобринскаго. П. Б.

ПИСЬМО А. Ѳ. ВОЕЙКОВА КЪ КНЯГИНѢ Е. А. ВОЛКОНСКОЙ

о событіи въ Петербургѣ

14 Декабря 1825 года.

Милостивая государыня княгиня Екатерина Александровна!

Если мы, жены и дѣти наши не зарѣзаны, алтари не осквернены, престолъ не опровергнутъ, столица не въ пеплѣ и Россія стоитъ еще: то всѣмъ этимъ обязаны мы единственно необыкновенному присутствію духа и геройской храбрости молодого нашего Императора Николая Павловича, который между кинжалами убійцъ и подъ пулями бунтовщиковъ распоряжался и повелѣвалъ съ такимъ же хладнокровіемъ, съ такою же рѣшимостью, какъ будто бы во дворцѣ своемъ въ спокойное время. «Il a brusquement monté à la hauteur de son siècle!» сказалъ о немъ Французскій посолъ графъ Де-ла-Фероне, очевидецъ чудеснаго мужества нашего Монарха въ самыя опасныя минуты. «Онъ сегодня завоевалъ любовь народа и уваженіе Европы!» сказалъ о немъ одинъ дальновидный политикъ.

Примѣчаніе: Якубовичъ, одинъ изъ самыхъ отважныхъ заговорщиковъ, притворился, будто бы раскаялся въ своемъ злодѣйскомъ умыслѣ, подошелъ къ Государю, разговаривалъ съ нимъ. Императоръ подалъ ему руку, послалъ его убѣждать мятежниковъ; онъ ходилъ къ нимъ, возвратился, донесъ Е. В., что не успѣлъ въ своемъ посольствѣ и пробылъ подлѣ его особы до конца дѣла, изыскивая благопріятный мигъ для цареубійства.

Подполковникъ Булатовъ, командиръ 12-го егерскаго полку, явясь 15-го Декабря во дворецъ, просилъ быть представленъ Императору. Когда его допустили, то, подавая шпагу свою Е. И. В—ву, онъ сказалъ: «вчера я былъ подлѣ В. В. съ двумя пистолетами и кинжаломъ. Вы живы—слѣдственно, во мнѣ есть искра совѣсти. Я преступникъ, но могу открыть В. В. многое.» Государь очень милостиво изво-

лилъ сказать окружающимъ его: «это преступникъ раскаявшійся; онъ вѣрно былъ завлеченъ обманомъ.» Булатовъ отведенъ до времени въ крѣпость.

Все, что̀ изобрѣлъ адъ, Французскіе Якобинцы, Гишпанскіе и Италіянскіе Карбонары и Англійскіе радикалы, было придумано нашими переимчивыми на злодѣйство Пугачевыми. Обольщеніе, деньги, вино, обѣщаніе дозволить солдатамъ три дни грабить городъ, покушеніе захватить сенаторовъ и учредить временное правительство, умыслъ овладѣть крѣпостью и захватить казенныя деньги, убійство, гнуснѣйшая клевета: вотъ орудія, достойныя изверговъ, отрекшихся отъ Бога, Царя, Отечества, отъ матерей, женъ, дѣтей и отъ добраго имени.

Наставшее царствованіе отличается благородною откровенностью и довѣренностью къ народу. Прочитайте высочайшій манифестъ по сему случаю, краткое извѣстіе о несчастномъ происшествіи, омрачившемъ 14-ое Декабря, всерадостный день восшествія на престолъ Государя Императора Николая 1-го и подробное извѣстіе, вышедшее въ свѣтъ 20-е Декабря: въ нихъ со всею вѣрностью, со всѣми подробностями описаны всѣ, даже малѣйшія обстоятельства отъ начала до конца. Первый написанъ Сперанскимъ; второе по французски гр. Матусевичемъ, переведено Д. Н. Блудовымъ; третье сочинено въ Главномъ Штабѣ, вѣроятно, дежурнымъ генераломъ Потаповымъ.

Буду говорить съ вами только о томъ, что̀ еще не успѣло правительство обнародовать и о чемъ, по высокой скромности Государя Императора и не щадившаго жизни великаго князя Михаила Павловича, умолчано.

Надобно отдать справедливость Русскимъ Маратамъ: адское ихъ воображеніе неистощимо въ разбойничьихъ своихъ замыслахъ. Волосы становятся дыбомъ и кровь стынетъ въ жилахъ, когда подумаешь объ ужасахъ, кои они намъ приготовляли. 1) Если бъ императоръ Александръ былъ живъ, то они покусились бы на драгоцѣнную жизнь его въ праздникъ 25-ти лѣтняго юбилея, т. е. 12-го Марта 1826-го, и произвели бы всеобщее возмущеніе. 2) Если бъ цесаревичъ Константинъ принялъ престолъ, то изверги рѣшились остановить погребальное шествіе отъ Царскаго Села въ Петербургъ, открыть гробъ императорскій, закричать, что это не его тѣло, что Государя убили или заключили, начать убійства, бунтъ, и воспламенить, за вымышленный ими предлогъ, мщеніе солдатъ и буйной черни, пьяной, слѣпой, нищей и готовой на всякія неистовства. 3) Отреченіе цесаревича Константина ускорило исполненіе ихъ кровавахъ умысловъ; дьявольски прозорливый

взоръ зачинщиковъ увидѣлъ благопріятную минуту и благовидный предлогъ, коимъ можно было возмутить солдатъ для защиты, будто бы, присяги. Быстро и съ удивительнымъ коварствомъ воспользовались они симъ неожиданнымъ для нихъ случаемъ. Видно по всему, что они наизусть знаютъ всѣ тайныя пружины и сокровенные подкопы, посредствомъ коихъ Маратъ и Робеспьеръ подкопали тронъ Бурбоновъ.

Гдѣ была полиція? Что̀ дѣлали градоправители наши и военные начальники? У нихъ подъ носомъ составился и приведенъ въ дѣйство заговоръ обширный, гибельный! Почти явно на площадяхъ, въ казармахъ, на улицахъ проповѣдывали бунтъ; зачинщики давали другъ другу ночные пиры, готовили переодѣваніе, чистили оружіе, набивали боевые патроны. Полиція крѣпко почивала и ничего или почти ничего не вѣдала! Главнѣйшіе дѣйствующіе варвары были ежедневными собесѣдниками, любимцами графа Милорадовича, который, ослѣпясь страстью къ молоденькой актрисѣ, проводилъ все время съ танцовщицами, актрисами, потворщиками и подлыми льстецами. «Губка, намоченная кровью, стерла время управленія Петербургомъ съ жизни генерала Милорадовича, и его славные военные подвиги въ блескѣ слились съ его славною смертью за Царя и Отечество», сказалъ 15-го Декабря вечеромъ краснорѣчивый Русскій исторіографъ. Да прильнетъ языкъ мой къ гортани моей, если я не благословляю памяти сего незабвеннаго мужа за его благодѣтельность, которая послѣдній грошъ бѣдному отдавала; за то жаркое усердіе, которое вступалось за безгласныхъ, защищало беззащитныхъ, за ту нѣжную доброту, которая миловала, спасала, облегчала.

Къ стыду нынѣшняго новомоднаго просвѣщенія, въ доказательство того, сколь пагубенъ умъ безъ правилъ вѣры, чести и добродѣтели, оказались бунтовщиками и убійцами нѣсколько весьма хорошихъ нашихъ писателей. Капитанъ-лейтенантъ Н. А. Бестужевъ (Объ удовольствіяхъ на морѣ, повѣсть Гуго-фонъ-Брантъ, Записки о Голландіи) хладнокровно застрѣлилъ (какъ всѣ увѣряютъ) командира лейбъ-гренадерскаго полку Стюрлера. Рылѣевъ (авторъ Думъ, поэмы Войнаровскій, издатель Полярной Звѣзды) стрѣлялъ, билъ прикладами и кололъ штыкомъ генераловъ, офицеровъ и другихъ, посыланныхъ отъ Е. И. В—ва для увѣщанія солдатъ. А. А. Бестужевъ (сумасбродный критикъ, наглецъ въ обществѣ, писатель не безъ дарованія, но гоняющійся за умомъ тогда, какъ умъ никогда почти не давалъ ему поймать себя) выдалъ себя за адъютанта великаго князя Константина Павловича, клялся солдатамъ, что цесаревичъ схваченъ на дорогѣ, что Михаилъ Павловичъ въ оковахъ, изранилъ частнаго пристава Александрова, исколол̂ъ квартальнаго надзирателя, велѣлъ провозглашать: да здрав-

ствуетъ конституція! (одинъ солдатъ спросилъ у другого: кто эта конституція? «Какъ же ты не знаешь?» отвѣчалъ мудрецъ, «это жена Константина Павловича!»). Орестъ Сомовъ (переводчикъ писемъ Вутье о Греціи), взятый съ пистолетомъ въ рукѣ[1]). Корниловичъ (издатель календарика Русская Старина). Вильгельмъ Кюхельбекеръ, бѣшеный дуракъ. Онъ больше фанатикъ, нежели Равальякъ и Зандтъ (издатель Мнемозины, воспитанный въ Лицеѣ, въ одно время съ А. С. Пушкинымъ, на собственное иждивеніе государя великаго князя Михаила Павловича, также, какъ три сестры, кои и теперь получаютъ пенсію отъ щедротъ Е. И. Высочества), прицѣливался въ своего благодѣтеля изъ пистолета; но солдаты вырвали у него пистолетъ и прибили его.

Примѣчаніе: Удивительно, что всѣ они были друзья и сотрудники по журналамъ извѣстныхъ Греча и Булгарина, хотя по сіе время ни Гречъ, ни Булгаринъ не уличены въ явной измѣнѣ и не подвизались съ ними въ междоусобицѣ [2]).

Горько, страшно вообразить, что весьма многіе молодые люди знатныхъ фамилій, богатые, сыны отцевъ знаменитыхъ военными и гражданскими доблестями, вовлечены въ сію адскую шайку, и нѣкоторые дерзнули даже поднять святотатственныя руки на соотечественниковъ. Таковы: князь Оболенскій, адъютантъ генерала Бистрома, князь Одоевскій, офицеръ конной гвардіи, князь Щепинъ-Ростовскій, капитанъ гвардіи Московскаго полку. Въ числѣ сообщниковъ взяты подъ стражу: полковникъ князь Трубецкой, женатый на графинѣ Лаваль; кавалергарды Муравьевъ, Анненковъ, Арцыбашевъ, Свистуновъ, Депрерадовичъ (сынъ генерала), Фрезеръ. Конно-гвардейцы: князь Одоевскій; всѣ офицеры гвардейскаго морского экипажа, кромѣ двоихъ, и очень много другихъ офицеровъ.

Государь Императоръ съ свойственнымъ ему милосердіемъ утѣшаетъ и обнадеживаетъ ихъ отчаянныхъ матерей, раздраженныхъ отцевъ, горестныхъ женъ, помогаетъ нуждающимся. Можно быть совершенно увѣреннымъ, что судъ отличитъ ослѣпленныхъ молодыхъ людей отъ хитрыхъ зачинщиковъ, и временное наказаніе сгладитъ съ нихъ пятно, честь ихъ очернившее.

---

[1]) Орестъ Сомовъ впослѣдствіи былъ однако секретаремъ у барона А. А. Дельвига, когда тотъ издавалъ „Литературную Газету“. П. Б.

[2]) По словамъ графа Д. Н. Блудова (неоднократно отъ него слышаннымъ), императоръ Николай Павловичъ былъ увѣренъ, что манифестъ Декабристовъ набирался въ типографіи Греча и что наборщикъ вечеромъ того же 14 Декабря былъ убитъ. П. Б.

Насилу собрался съ силами написать это; простите нескладицу, нелѣпицу, за то, что все здѣсь написанное есть чистая истина.

Съ высокимъ уваженіемъ и глубокою преданностью, за отличную честь поставляю быть вашимъ, милостивая государыня, покорнѣйшимъ слугою

А. Воейковъ.

18 XII (26) 25. СПБ.
№ 737.

Графъ Аракчеевъ уже не докладываетъ ни по Государственному Совѣту, ни по Комитету Министровъ; собственная императорская канцелярія перевезена въ Зимній дворецъ. Вчера дано двѣ Андреевскія ленты Московскому князю Д. В. Голицыну и графу П. А. Толстому; графу Комаровскому св. Александра; конногвардейскій А. Ѳ. Орловъ сдѣланъ графомъ.

*

(Оба эти показанія современниковъ извлечены, съ любезнаго позволенія П. И. Щукина изъ пятой части Сборника старинныхъ бумагъ, хранящихся въ его Музеѣ). П. Б.

ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ ЩЕПКИНЪ.

Выдержки изъ его писемъ.

Письма, выдержки изъ которыхъ помѣщаются ниже, принадлежатъ дѣду моему, профессору Московскаго Университета Павлу Степановичу Щепкину и относятся къ 1828 г., ко времени его поѣздки въ Петербургъ. Письма эти содержатъ въ себѣ довольно подробное описаніе пребыванія Щепкина въ Петербургѣ, гдѣ, между прочимъ, онъ не разъ имѣлъ случай видѣться съ министромъ народнаго просвѣщенія, свѣтлѣйшимъ княземъ Карломъ Андреевичемъ Ливеномъ и объяснить ему положеніе Московскаго Университета, страдавшаго въ то время отъ злоупотребленій попечителя округа генерала А. А. Писарева, который былъ назначенъ попечителемъ въ 1825 г. и въ теченіе своего пятилѣтняго управленія Московскимъ округомъ не пріобрѣлъ себѣ расположенія ни профессоровъ, ни студентовъ. Пристрастіе Писарева къ отдѣльнымъ личностямъ, его легкомысліе, грубость и самовластныя распоряженія по дѣламъ Университета, выражавшіяся часто въ назначеніи на должности вопреки уставу, безъ выбора Университетскаго Совѣта, возбудили неудовольствіе среди профессоровъ, раздѣлившихся тогда на двѣ партіи. Одну составляли приверженцы Писарева и его ласкатели, въ которыхъ, надо замѣтить, не было тогда недостатка; другую—профессоры, недовольные его образомъ дѣйствій. Къ послѣдней партіи кромѣ Щепкина принадлежали, насколько мнѣ извѣстно, Перевощиковъ, Двигубскій, Цвѣтаевъ, Павловъ, Сандуновъ, Мудровъ, Маловъ. Но Писаревъ, пользуясь покровительствомъ министра народнаго просвѣщенія Шишкова и дружбой директора департамента Языкова, не обращалъ никакого вниманія на неудовольствія этихъ профессоровъ, прекрасно понимая, что ихъ протестъ при такомъ исключительномъ его положеніи не имѣлъ-бы никакихъ послѣдствій. Положеніе Писарева нѣсколько измѣнилось съ отставкой Шишкова и назначеніемъ на его мѣсто князя Ливена, и недовольные профессоры могли теперь поднять свой голосъ противъ попечителя.

Какъ разъ къ этому времени относится поѣздка Щепкина въ Петербургъ, куда онъ былъ посланъ для представленія къ экзамену въ Академіи Наукъ молодыхъ кандидатовъ, назначенныхъ Московскимъ Университетомъ для поступленія въ только-что открывавшійся тогда, по проекту академика Паррота, Дерптскій Профессорскій Институтъ.

Современники Щепкина говорили, что онъ очернилъ тогда Писарева въ глазахъ министра и ставили эту поѣздку его въ Петербургъ въ связь съ послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ этого удаленіемъ Писарева отъ должности попечителя.

Въ Петербургѣ Щепкинъ дѣйствительно былъ любезно принятъ министромъ, который съ довѣріемъ выслушалъ его мнѣніе о состояніи Университета и о злоупотребленіяхъ попечителя. Изъ писемъ Щепкина можно однако убѣдиться, что въ данномъ случаѣ онъ не дѣйствовалъ изъ-за личныхъ выгодъ и не руководствовался непріязнью своей къ попечителю и своимъ врагамъ, въ которыхъ среди приверженцевъ Писарева у него не было недостатка, а имѣлъ въ виду только интересы Университета.

Предлагаемыя читателю письма писаны моимъ дѣдомъ къ женѣ его Клавдіи Николаевнѣ, рожденной Тимирязевой. Въ нихъ я опускаю мѣста, касающіяся личныхъ и семейныхъ дѣлъ и оставляю только то, что можетъ представить общій интересъ.

Дмитрій Щепкинъ.

1 Іюня 1828 г.

Пріѣхалъ въ Петербургъ въ 5 часу вечера 31-го числа. Нынѣ въ 9 часовъ ходилъ къ директору департамента [1]) являться. Онъ—добрѣйшій человѣкъ въ гражданскомъ быту, но по службѣ не входящъ; принялъ преласково, звалъ ежедневно обѣдать, приводя съ собой по два человѣка изъ привезенныхъ. Отъ него, переодѣвшись, пошелъ я и едва нашелъ въ огромномъ, но опустѣвшемъ, Зимнемъ дворцѣ, моемъ сосѣдѣ (я стою въ Лондонѣ), помѣщеніе графа [2]). У графа въ это время былъ какой-то огромный комитетъ. Но какъ я рѣшилъ обѣдать у Языкова, то и не могъ къ нему опять придти, а оставилъ посылки. Директоръ дома не обѣдалъ отъ министра, но со всѣмъ тѣмъ у него заведено, что и безъ него остаются; меня оставили, и я обѣдалъ съ молодежью. Между прочимъ меня польстилъ одинъ вовсе незнакомый молодой человѣкъ, какъ родной меня занимавшій только по тому, что онъ ученикъ моего ученика, оставшагося меня уважающимъ. Признаюсь, въ чужой сторонѣ это мнѣ показалось весьма пріятно. Пословица сбывается: брось камень назадъ, онъ очутится напереди.

---

[1]) Дмитрій Ивановичъ Языковъ.

[2]) Графъ Петръ Александровичъ Толстой (1761—1844) — одно изъ очень близкихъ лицъ къ императору Николаю Павловичу, съ воцареніемъ котораго онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и участвовалъ во многихъ важнѣйшихъ дѣлахъ правительства. Щепкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ то время, когда графъ, въ отсутствіе Государя, уѣхавшаго на театръ военныхъ дѣйствій, былъ главнокомандующимъ Петербурга и Кронштадта и членомъ Совѣта, назначеннаго для управленія Имперіей. Съ графомъ Толстымъ и со всей его семьей Щепкинъ находился въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Д. Щ.

Послѣ обѣда директоръ возвратился и назначилъ завтрашнее утро принять мою молодежь [1]) и представить свѣтлѣйшему министру [2]). Возвращаюсь домой, слушаю Ивана, котораго посылалъ съ письмами къ графскимъ людямъ. Графъ приказалъ мнѣ сказать, чтобы я нынѣ-же побывалъ на дачѣ или завтра въ 9 часу у него. Съ 9 часовъ онъ въ работѣ и неприступенъ до обѣда; вѣроятно въ 9-мъ онъ за кофеемъ и приметъ меня по старому, не какъ великій вельможа. Я чувствую, что онъ мнѣ будетъ большой помощью. Есть во мнѣ какое-то предчувствіе, что я не даромъ здѣсь. Не знаю, какъ мнѣ быть завтра у него, потому что въ это-же время долженъ представить и своихъ путешественниковъ. Но какъ ни на есть, а все сбѣгаю и кажется, что вольнымъ и простымъ обращеніемъ обращу его вниманіе на преднамѣренное добро общее. Вечеромъ—дождь, и я бросился въ театръ. Представь себѣ—мнѣ тамъ весело: множество лицъ меня останавливаютъ и сказываютъ свои фамиліи, это все ученики, состарѣвшіеся и тѣмъ ласковѣе, чѣмъ болѣе въ старину ихъ бранивалъ. Ну вѣришь-ли, что болѣе нашелъ знакомыхъ, чѣмъ въ Московскомъ театрѣ. Михайло Семеновичъ [3]) принятъ отлично. Публика отъ него и Рязанцева безъ ума. Однако же скажи Дмитрію Матвѣевичу [4]), что Булгаринъ своему знакомому, сказавшему, что пріѣзжій Щепкинъ въ первый разъ играетъ въ Петербургѣ, отвѣчалъ: «Какъ-же онъ смѣлъ не прислать мнѣ билета? Ужъ я его отдѣлаю». А піесы еще не видалъ: вотъ честь журналиста! Пусть Дмитрій Матвѣевичъ присовѣтуетъ написать это въ Московскихъ журналахъ. И дѣйствительно, игра Михаила Семеновича осмѣяна въ Транжиринѣ этимъ Булгаринымъ, котораго уже и ругаютъ. Если увидишь Ивана Алексѣевича [5]), то скажи ему, что̀ къ нему идетъ; я къ нему еще не пишу, а напишу, узнавши что-нибудь основательнѣе изъ завтрашняго дня отъ министра. Вѣрно только, что для молодыхъ людей ничего здѣсь не приготовлено, и они должны оставаться на собственномъ содержаніи. Не знаю, какъ выпросить имъ помощи, а дойдетъ до этого дѣло; впрочемъ, не для себя легко всего просить. Изъ Лондона завтра мы выѣдемъ, потому что дорого, хотя помѣщаемся на самомъ высокомъ, т. е. ученомъ чердакѣ.

*

---

[1]) Среди кандидатовъ и лѣкарей, которыхъ привезъ тогда Щепкинъ въ Петербургъ, находились также Ник. Ив. Пироговъ и Петръ Григ. Рѣдкинъ. Д. Щ.

[2]) Князю Карлу Андреевичу Ливену. Д. Щ.

[3]) Щепкинъ. Д. Щ.

[4]) Профессоръ астрономіи и математики Перевощиковъ. Д. Щ.

[5]) Заслуженный профессоръ Московскаго Университета и ректоръ Двигубскій. Д. Щ.

3 числа Іюня.

По желанію графа я въ 8 часовъ пошелъ къ нему и нашелъ еще спящимъ, немного подождалъ, уже стали находить съ рапортами; умывшись позвалъ онъ меня къ себѣ. Ты не повѣришь, какъ чувствительно онъ меня принялъ и какъ крѣпко и долго обнявши цѣловалъ; кажется, я своимъ появленіемъ возобновилъ въ его памяти прежнія блаженныя его утра. Маленькіе разспросы о Москвѣ, объ Узкомъ [1]), о причинѣ моего пріѣзда сдѣланы въ туже пору. Обѣщался вспомнить при свиданіи и замолвить обо мнѣ и министру, и товарищу, называя перваго добрымъ человѣкомъ, очень добрымъ. Я предупредилъ, что не имѣю желаній, относящихся до моихъ личныхъ выгодъ; но графъ даже вызвался на добро мнѣ и именно на какое, а узнаешь послѣ. Прошу тебя ничего не желать новаго лучшаго для себя: что̀ дадутъ, то наше, а не попрекай меня, если я не усилюсь употребить случай въ свою пользу. Ей, ей! Я болѣе желаю разогнать мрачное облако, носящееся надъ нашимъ обществомъ и очистить Университетъ отъ канальевъ; собственная-же моя участь пусть идетъ такъ, какъ ведутъ обстоятельства. Графъ Петръ Александровичъ знаетъ ходъ новыхъ дѣлъ по нашей службѣ, и слѣдовательно мои объявленія будутъ ему не лишнія. Прежде нежели онъ охолодѣлъ отъ родственнаго удовольствія, съ какимъ меня встрѣтилъ, я оставилъ его, ибо въ это время долженъ былъ представлять свой народъ начальству. Отъ него тотчасъ повелъ своихъ къ директору, отъ котораго къ министру; но онъ по болѣзни отложилъ пріемъ до Понедѣльника. Обѣдалъ опять у Языкова директора, который очень дружно до обѣда въ семейномъ его кругу толковалъ о разномъ. 3-го числа утромъ посѣтилъ я здѣшняго попечителя [2]), который принялъ добродушно и съ удовольствіемъ часа два разговаривалъ о состояніи нашего и своего Университетовъ. Тутъ нашелъ профессора, также весьма любопытнаго. Отсюда пошелъ во дворецъ; встрѣчаю графинь, которыя меня узнали прежде и по своему обычаю чуть не кричали; онѣ ѣхали къ Императрицѣ въ парадномъ платьѣ на молебенъ о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай. Перескажи изъ письма, что̀ слѣдуетъ Ивану Алексѣевичу, чтобы онъ не попрекалъ меня за молчаніе. Извѣщу его, представившись уже министру, гдѣ что-нибудь откроется. Утѣшайся моею надеждою на общее добро, которая укрѣпляется болѣе и болѣе.

*

---

[1]) Это подмосковное имѣніе графа П. А. Толстого нынѣ принадлежитъ князю П. Н. Трубецкому. Д. Щ.

[2]) Константина Матвѣевича Бороздина. П. Б.

7-го числа Іюня 1828.

4-го числа, въ Понедѣльникъ, представлялись мы министру, который обѣщаетъ намъ много добраго по благородному пріему и добродушной наружности, соединенной съ великолѣпіемъ вельможи; не могу сказать, чтобы онъ много разговорился съ нами, но довольно и того, что вообще былъ ласковъ; со мною обѣщалъ видѣться, а доселѣ не призываетъ. Что онъ былъ къ намъ ласковъ, доказываю тѣмъ, что Виленскихъ студентовъ принималъ при отпускѣ насъ совсѣмъ другимъ тономъ. Послѣ него я осматривалъ тѣмъ-же утромъ маленькій и жалкенькій здѣшній Университетъ, котораго профессора плачутся, видя свою незначительность. Ихъ здѣсь вовсе не знаютъ въ обществѣ, а начальство только смѣется. Обѣдалъ я у Языкова. 5 числа утромъ посѣтилъ одного изъ здѣшнихъ профессоровъ Соловьева, у котораго, долго будучи, старался проникнуть въ ихъ положеніе. Жалость! Обѣдалъ у графа Петра Александровича во дворцѣ по его зову вдвоемъ. Про меня онъ уже говорилъ министру, и надѣюсь, что не даромъ. Онъ говоритъ, что очень съ нимъ друженъ. Про Узкое много было вопросовъ; при рѣчи о Москвѣ онъ все еще чрезвычайно грустенъ, и доходитъ дѣло до слезъ. Нынѣ, въ Четвергъ, собираюсь къ товарищу министра Блудову, вѣроятно пріѣхавшему изъ Павловска. Что-то будетъ? Я вездѣ надѣюсь быть съ радостью, ибо и само высшее начальство Университетъ нашъ уважаетъ, отстаиваетъ отъ Нѣмцевъ, враговъ нашихъ.

*

10 Іюня 1828 г.

Въ Четвергъ 7 числа размахнулся я явиться къ товарищу нашего министра, но онъ только-что пріѣхалъ изъ Павловска и велѣлъ мнѣ сказать, что очень желаетъ со мной познакомиться и проситъ пожаловать въ Пятницу. Нечего дѣлать, пришлось вылѣзать изъ мундира. 8-го числа представилъ своихъ Блудову, который однако удержалъ меня познакомиться и поговорилъ о разныхъ учебныхъ дѣлахъ съ любопытствомъ и привѣтливостью молодого и довѣреннаго чиновника.

9 числа, въ 10 ч. утра, пошелъ къ графу Петру Александровичу, но его не засталъ, однакоже дождался въ 11 час.; онъ возвратился съ дочерьми, которыхъ отпустилъ, а меня удержалъ на часъ и съ прежнею лаской поговорилъ обо всемъ, взявшись хорошо отрекомендовать меня и министру, и товарищу. Безъ сомнѣнія, это будетъ имѣть хорошее дѣйствіе и на вниманіе ихъ къ нашему вѣдомству.

10, въ Воскресенье, утро пробылъ у Мих. Семен. и у одного изъ профессоровъ. Обѣдалъ у Авдотіи Петровны *) вдвоемъ; отъ нея вечеромъ таскался по тамошнимъ островамъ. Жалѣю, что мало вижу любопытнаго: все еще голова занята казеннымъ дѣломъ. Жду экзамена молодымъ людямъ, по случаю котораго сближусь съ начальствомъ и яснѣе увижу дѣло. Въ разсужденіи-же себя ручаюсь, что всѣ ко мнѣ будутъ ласковы. Завтра поѣду въ Стрѣльну къ гр. Остерманъ. Письмо къ Ивану Алексѣевичу запечатай и доставь. Нѣтъ-ли между нашими какихъ слуховъ обо мнѣ? Я, чай, и Богъ знаетъ, что̀ приходитъ имъ въ голову.

*

14 числа, Іюня 1828 г.

11 числа, въ Понедѣльникъ, былъ я утромъ на экзаменѣ въ здѣшнемъ Благородномъ пансіонѣ. Знакомства мои съ здѣшней ученостью безпрестанно умножаются и часъ отъ часу успокоиваютъ болѣе совѣсть насчетъ нашего состоянія. Оттуда зашелъ къ попечителю, у котораго прочиталъ новый уставъ, еще неутвержденный, всѣмъ училищамъ, подвѣдомственнымъ Университету. Это для меня чрезвычайно любопытно; очень-бы желалъ сойтиться съ кѣмъ-нибудь изъ высшихъ властей и поговорить о немъ; но доселѣ кромѣ перваго раза ни съ кѣмъ не видался. Въ этотъ день я обѣдалъ у попечителя за его простымъ семейнымъ столомъ. Онъ пригласилъ, а я не почелъ приличнымъ отказаться. Вечеръ провелъ у университетскаго профессора математики Чижова, также добродушнаго человѣка. Въ отдаленности мы думаемъ, что здѣшніе наши товарищи блаженствуютъ; на повѣрку-же выходитъ, что все счастіе заключается въ орденскихъ украшеніяхъ, которыя нѣкоторые часто мѣняютъ, служа въ разныхъ казенныхъ учрежденіяхъ для необходимости своего содержанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ вытерпливая кучу неудовольствій, а особливо отъ иностранцевъ. Эти піявицы тѣмъ болѣе нонѣ хитрятъ, чѣмъ болѣе нашъ добрый Государь усиливается распространить Русское и освободиться отъ нужды въ Нѣмцахъ. Дай Богъ, чтобы онъ устоялъ передъ коварствомъ сихъ холодныхъ пришельцевъ. Дай Богъ!

12 ч. утромъ избилъ я свои ноги, ходя по лѣстницамъ огромнѣйшаго и великолѣпнѣйшаго дома Главнаго Штаба. И чертежныя, и библіотеку, и типографію, и архивъ, и обсерваторію, и всѣ мелкія заведенія высмотрѣлъ съ Болотовымъ.

13-го ч., въ Среду, вмѣсто разбора бумагъ въ нашемъ совѣтѣ Московскомъ, разбиралъ я вещи Кунсткамеры, гдѣ, останавливаясь на

*) Графиня Гурьева, дочь гр. П. А. Толстого, невѣстка министра финансовъ. Д. Щ.

томъ да на другомъ, пробылъ часа два. Вечеромъ получилъ записку отъ Дмитрія Матвѣевича [1]) который все хлопочетъ, чтобы я посмотрѣлъ Главный Штабъ. Видѣлъ его, видѣлъ и астрономическій кабинетъ, въ которомъ нѣсколько инструментовъ работы знатныхъ художниковъ, еще до употребленія, перепорчены. Вечеромъ отдыхалъ въ театрѣ маломъ для бенефиса Мих. Сем.; давалъ «Урокъ Старикамъ» и «Учитель и Ученикъ». Театръ былъ полонъ; сыграно все хорошо, и онъ, чаю, не въ накладѣ. Моей молодежи Мих. Семен. далъ ложу. Они въ восхищеніи, а ему за это простится нѣсколько грѣховъ.

*

17 Іюня 1828 г.

15 число. Въ 11 часу отправился, примундирившись, въ Университетъ на торжественное собраніе, куда ранѣе всѣхъ пожаловалъ министръ. Познакомившись съ профессорами, которые къ нему еще не являлись, велѣлъ начать актъ при однихъ студентахъ. Въ теченіе акта, весьма продолжительнаго, вошли многіе и почетные, въ томъ числѣ митрополитъ съ двумя архіереями, нѣсколько старѣйшихъ духовныхъ особъ иностранныхъ. На актѣ безъ малѣйшаго перерыва (музыки не было по скудости Университета) три профессора измучили полнымъ чтеніемъ безъ сокращенія двухъ сочиненій и одного отчета. На актѣ нѣтъ ни великолѣпія, ни приличія. Здѣсь по мундиру адресовался ко мнѣ 1-й мой учитель того времени, какъ я знакомился съ Университетомъ, Кошанскій[2]), кончившій службу при Лицеѣ и получающій пенсію. Я не успѣлъ еще быть у него, но имѣлъ твердое намѣреніе, которое исполню. Онъ 20 лѣтъ въ Петербургѣ и все еще привязанъ къ Московскимъ. Обѣдалъ на дачѣ у Толстыхъ. Ты угадала его желаніе втиснуть меня въ Цензурный Комитетъ, о чемъ онъ уже говорилъ и министру, давшему слово снестись объ этомъ съ попечителемъ. Что̀ будетъ, не знаю. Двигубскій и Цвѣтаевъ уже просили попечителя и о томъ сюда писали, чтобы развѣдать, представлены-ли? Всѣхъ нужно трехъ. Храни это въ тайнѣ. Мнѣ по совѣсти жаль, если-бы этимъ двумъ я помѣшалъ [3]). Постараюсь узнать, кто назначенъ отъ барина [4]).

Вчера получилъ твое письмо отъ 10 Іюня съ письмомъ Двигубскаго. Ты очень рада моему житью здѣсь. И подлинно, я здѣсь не попадалъ ни на одну непріятность; правда, что ничего не успѣлъ полез-

---

[1]) Перевощикова. Д. Щ.

[2]) Николай Ѳедоровичъ Кошанскій былъ съ 1811 по 1823 г. профессоромъ Русской и Латинской словесности въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Д. Щ.

[3]) П. С. Щепкинъ въ это время въ Цензурный Комитетъ не попалъ. Д. Щ.

[4]) Подъ „бариномъ“ надо разумѣть попечителя Писарева. Д. Щ.

наго сдѣлать для нашего общества ученаго, про которое не встрѣчаю ни малѣйшаго негодованія. Если начальство холодно къ чиновникамъ нашимъ, то это все происходитъ отъ пренебреженія къ попечителю, котораго знаютъ вполнѣ, и думаю, что по возвращеніи Государя ему долго не быть. Съ завтрашняго дня начнутся испытанія съѣхавшейся молодежи и вѣрно будутъ производиться съ притѣсненіемъ Нѣмцевъ. Но впрочемъ надобно видѣть, чтобы судить. Экзамены протянутся недѣлю; послѣ нужна недѣля, чтобы услышать рѣшительное о молодыхъ людяхъ. Ну такъ и проживешь до конца Іюня, если не выгонятъ. Какъ ни говори, а все что-нибудь выйдетъ полезное изъ моего путешествія; вреднаго ожидать нельзя. Если выгоды будутъ на одно мое лицо, то и это всѣмъ пригодится: по крайней мѣрѣ баринъ нашъ будетъ остерегаться меня по службѣ. Къ ректору я пишу откровенно и тебя не виню, что мои письма показала: онъ надеженъ.

*

21 ч. Іюня 1828 г.

Благодарю тебя за послѣднее письмо, въ которомъ ты извѣщаешь меня, какъ всѣ хлопочутъ, чтобы узнать, что̀ я здѣсь дѣлаю. Что̀ я думаю интриганы ни придумываютъ въ своемъ подломъ устроеніи! *) Я не желалъ-бы выводить ихъ изъ заблужденія: пусть полагаютъ, что и я хитрю, хотя живу здѣсь безъ дальнѣйшихъ видовъ, единственно для пользы своей молодежи, которую изрѣдка поддерживаю, и для собственнаго любопытства въ городѣ, гдѣ все ново. 18 ч. утромъ до 5 часовъ пробылъ при экзаменахъ молодымъ ученымъ въ Академіи Наукъ, а вечеромъ просидѣлъ у Кошанскихъ, изъ которыхъ одинъ мой учитель, а другой—товарищъ.

19 ч. утро также въ Академіи; обѣдалъ у Языкова.

20 ч. утро въ Академіи.

Такъ-то идутъ дѣла мои! Желаю, чтобы поскорѣе что-нибудь открылось и чтобы я могъ скорѣе возвратиться домой. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я оставилъ васъ, а по всему видно, что ближе конца Іюня не могу отсюда выѣхать, потому что до 24 протянутся экзамены, послѣ которыхъ, вѣроятно, не менѣе недѣли должно ждать рѣшенія. Къ счастію, что здѣсь не встрѣтилъ ни малѣйшаго случая къ неудовольствію;

*) Изъ письма къ П. С. Щепкину жены его отъ 23 Іюня видно, что въ Москвѣ университетскіе очень интересовались его пребываніемъ въ Петербургѣ. „Давыдовъ (Ив. Ив.), пишетъ она, спрашиваетъ у всѣхъ твоихъ знакомыхъ, нѣтъ-ли какихъ новостей о тебѣ; Снегиревъ также выпытываетъ. Давыдовъ ищетъ себѣ въ покровители А. Бенкендорфа. Сейчасъ слышала новость: Писаревъ очень грустенъ, говоря, что когда нашимъ въ Петербургѣ хорошо, то здѣшнимъ вѣрно дурно“. Д Щ.

кромѣ вѣжливостей и ласки не видалъ ничего непріятнаго. Знакомые умножаются и пригодятся впередъ. Здѣшняя ученая собратія также рада мнѣ, какъ и я ей. Взаимное любопытство поддерживаетъ общій интересъ. Доселѣ не выигралъ только одного: близкаго свиданія съ старѣйшимъ начальствомъ. Впрочемъ, съ товарищемъ нашего министра встрѣчаюсь теперь часто и каждый разъ получаю отъ него знаки внимательности; но это приписываю его придворной ласкѣ.

*

23 ч. Іюня 1828 г.

22 числа кончились испытанія въ Академіи Наукъ. Теперь начнутъ судить, кого возвратить и на какомъ положеніи посылать въ Дерптъ; досадно, что собранія для этого дѣлаются очень рѣдко, и мнѣ придется дожидаться. Но надобно-же видѣть конецъ!

Вѣроятно, что наши всѣ будутъ приняты, ибо довольно дряни послано изъ Казани и Вильны. Очень въ пользу мой пріѣздъ сюда, какъ собственно для меня, такъ для всей службы нашей и въ особенности для молодыхъ людей, коимъ много оказалъ помощи при разныхъ случаяхъ. Жаль, что молодые кандидаты ничего не писали мнѣ о ходѣ своихъ испытаній и о слабыхъ интригахъ при всякомъ случаѣ лютаго хитреца и образцоваго . . . ., Давыдова *). Ну гдѣ ему было повредить студентамъ, которые всѣ знаютъ свое дѣло лучше, чѣмъ онъ въ званіи профессора - скороспѣлки? Будетъ-ли время, когда этотъ нечестивецъ адскаго происхожденія отдалится отъ спокойной и благочестивой нашей службы? Ты не написала мнѣ, какимъ крестомъ награжденъ Иванъ Алексѣевичъ; объ этомъ и здѣсь я не слыхалъ. Вѣроятно, съ алмазными знаками. Это награжденіе странно; какъ оно попало послѣ всѣхъ во вниманіе Государя въ лагерѣ? Я радъ, что имѣлъ случай съ уваженіемъ отозваться объ его службѣ здѣсь.

*

29 Іюня 1828 года.

Третьяго дня получилъ я письмо твое. Странно слышать, что Университетъ уже получилъ слухъ объ окончаніи здѣшнихъ экзаменовъ, между тѣмъ какъ послѣдній былъ только 22 числа въ Пятницу,

---

*) Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, извѣстный въ то время профессоръ Моск. Унив. За время своего профессорства онъ занималъ каѳедру философіи, Латинской словесности, Русской словесности, а съ 1826 по 1831 г. взялся читать курсъ чистой математики. Какъ человѣкъ, Давыдовъ оставилъ по себѣ недобрую память. Онъ былъ мелоченъ, мстителенъ и пользовался плохою извѣстностью. Давыдовъ и Щепкинъ были товарищами по студенчеству и почти одновременно начали свою службу при Университетѣ; но Щепкинъ, не сочувствуя дѣятельности Давыдова, вскорѣ съ нимъ совсѣмъ разошелся. Д. Щ.

а 1-й 18-го въ Понедѣльникъ, о чемъ я уже писалъ тебѣ и Ивану Алексѣевичу. Слѣдовательно, ваши слухи объ этомъ вздорны. О моемъ выѣздѣ изъ Петербурга не скажу опять ничего вѣрнаго, а видно ближе 15-числа мнѣ не воротиться, и это мнѣ досадно отъ того, что вакація пройдетъ, и я ею въ Москвѣ не воспользуюсь. Экзамены были въ Академіи Наукъ, въ которой собраніе Совѣта бываетъ по Понедѣльникамъ; но послѣдній Понедѣльникъ, 25-го числа, пропущенъ по причинѣ праздника, и недѣля пропала, такъ что Академія соберется 2-го числа и, можетъ быть, представитъ донесеніе объ экзаменахъ 3-го числа. Это донесеніе въ училищномъ начальствѣ подъ предсѣдательствомъ министра будетъ разсмотрѣно, и положится окончательное рѣшеніе вѣроятно 5-го числа. Я вчера былъ у товарища министра, чтобы узнать, нуженъ ли я лицемъ своимъ въ Петербургѣ, и узналъ тотъ ходъ дѣла, который сейчасъ тебѣ описалъ. Онъ также замѣтилъ, что не лишнее мнѣ дождаться рѣшенія молодымъ людямъ, изъ которыхъ по теперешнему его понятію въ Москву возвратится развѣ только одинъ. Это свиданіе кончилось серьезнымъ и откровеннымъ разговоромъ о положеніи дѣлъ нашего Университета. Дѣла-то вышли важны, а не договорены по причинѣ посѣщенія одного Нѣмецкаго попа; поэтому я буду позванъ для продолженія разговора полезнаго очень и очень для цѣлаго нашего вѣдомства. Жду зова съ охотой и чистой совѣстью. Объ этомъ не говори никому ни слова кромѣ Ивана Алексѣевича, которому и самъ напишу.

Вчерашній день хорошо начался и кончился также; средину дня былъ я въ мундирномъ облаченіи на публичномъ экзаменѣ Горнаго Корпуса, оттуда поспѣшилъ къ графинѣ Авдотьѣ Петровнѣ; обѣдали втроемъ съ графомъ. Нынѣ для имянинъ графа*), по зову Авдотьи Петровны, обѣдаю у нихъ-же. Вотъ тебѣ и обѣдъ имянинника! Сію минуту получилъ письмо отъ Блудова, чтобы быть въ 6 часу у министра. Совѣсть моя покойна къ добру (?) и съ радостью пойду къ начальнику, о которомъ восхищаюсь, слушая про его благородство и великодушное расположеніе къ добру.

*

30-е ч. Іюня.

Во вчерашнемъ письмѣ я далъ тебѣ знать, что получилъ зовъ къ свѣтлѣйшему. Спѣшу сказать, что вчерашнее мое свиданіе съ добрѣйшимъ министромъ было весьма пріятно и, думаю, для всѣхъ насъ полезно. Онъ столь привѣтливъ и добродушенъ, что я открылъ ему свою

---

*) Т. е. графа П. А. Толстаго, а не графа Гурьева. П. Б.

совѣсть и описалъ грусть нашего круга сослуживцевъ такъ, какъ товарищу. Что онъ не оскорбился ничѣмъ, то доказывается ласковымъ прощаніемъ, при которомъ онъ предложилъ мнѣ нынѣ у себя обѣдать; это исполню съ признательностью. Послѣ пріятнаго посѣщенія сдѣланнаго начальству, вечеръ провелъ я въ Русской комедіи, на которую въ Москвѣ и смотрѣть не стану; ибо Сосницкихъ, Рязанцева, Каратыгину и Боброва Михаилъ Семеновичъ не можетъ замѣнить въ одной комедіи самъ одинъ. Скажи ему это. На Рязанцева любовался, какъ на свое родное; наглядѣться не могу. Вотъ какое сокровище пропало для Москвы по милости проклятаго Ѳ. Ѳ. [1]). Кланяйся Михаилу Яковлевичу [2]) и скажи ему, что поворотъ солнца дѣйствительно будетъ.

*

2-е ч. Іюля 1828 г.

Третьяго дня извѣщалъ я тебя, кажется, что расхожусь съ своей ученой молодежью. 29 числа они перешли въ казенную квартиру въ Университетскій домъ, куда я самъ не поѣхалъ, чтобы остаться на свободѣ; при томъ-же домъ на краю города.

30 ч. обѣдалъ я у министра, весьма ласковаго и все еще любопытствующаго про разныя наши дѣла и заведенія. Послѣ обѣда изъявилъ онъ желаніе еще видѣть меня передъ выѣздомъ, а между тѣмъ приказалъ почтеннѣйшимъ изъ моихъ сослуживцевъ по моему выбору передать самое лестное увѣреніе въ его покровительствѣ и проч., что̀ уже объявлю при возвратѣ. Начальнику, такъ далеко отъ насъ отстоящему, нечего-бы расточать свои ласки для одной вѣжливости не отъ сердца, и потому, принимая его расположеніе ко мнѣ и цѣлому нашему кругу такъ, какъ ведутъ рѣчи, я считаю, что желанія наши удовлетворены, и надежда на пріятное продолженіе службы возстановлена. Съ великимъ удовольствіемъ возвращаюсь въ Москву, окончивъ доброе дѣло. Вчера сдѣлалъ нѣсколько посѣщеній и обѣдать отправился къ графинямъ[3]). Передъ обѣдомъ былъ дождикъ и облагодѣтельствовалъ гулянье на Елагиномъ острову, куда пустился весь городъ для рожденія высокой хозяйки острова, Александры Ѳеодоровны. Тамъ изволила кушать и императрица Марія и, вѣроятно, участвовала въ гуляньѣ; для этого графъ, возвратившись съ обѣда, между тѣмъ какъ мы были еще за столомъ, переодѣлся и съ мученическимъ терпѣніемъ поѣхалъ опять

---

[1]) Вѣроятно, управлявшій въ то время Московскимъ театромъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ. Д. Щ.

[2]) Профессоръ Московскаго университета Маловъ. Д. Щ.

[3]) Т. е. къ графинямъ Толстымъ.

на островъ, чтобы быть верхомъ при Императрицѣ. Ты знаешь, каково ему гулять по должности и для церемоніи потерять день!

Нынѣ, 2 ч., будетъ въ Петербургѣ большая церемонія: празднуютъ взятіе Анапы, о чемъ еще третьяго дня получено извѣстіе изъ лагеря, въ соборѣ Николы Морского. Егоръ Петровичъ [1]) произведенъ въ капитаны, Менщиковъ въ вице-адмиралы, а Грейгъ въ адмиралы. Пріобрѣтеніе важное, стоитъ большихъ наградъ. Великій князь [2]), сказываютъ, украшенъ орденомъ св. Георгія 2 степени. Спаси ихъ Богъ!

Мнѣ уже очень хочется домой, чтобы не ушла между рукъ вакація, которую желаю употребить на работы домашнія въ кабинетѣ. Скучно будетъ заѣзжать на дорогѣ въ училища; но какъ быть? Постараюсь и тутъ удовлетворить свое любопытство для знанія всѣхъ частей своей службы.

Если увидишь Дмитрія Матвѣевича, то скажи ему, что подставка для рычага, о которомъ онъ писалъ, найдена, и рычагъ вышелъ изъ равновѣсія; надобно только умненько располагать приложеніемъ симъ для благого ихъ дѣйствія.

*

12 ч. Іюля 1828 г.

9-го ч. утромъ ходилъ я къ нашему министру для пользы двухъ нашихъ забракованныхъ молодыхъ людей и изъ нихъ одного отстоялъ съ большимъ успѣхомъ, а другого дѣло также приняло хорошій оборотъ. Князь Ливенъ продолжаетъ быть по насъ очень ласковъ и оказываетъ довѣренность. Я думалъ тутъ и раскланяться съ нимъ, но онъ велѣлъ для этого нарочно еще придти передъ моимъ отъѣздомъ.

10 ч. опять утромъ былъ у министра.

11-го ч. уѣхалъ въ Стрѣльню, побывалъ нѣсколько времени до обѣда у Софіи Петровны [3]).

У графини Елисаветы Алексѣевны [4]) сверхъ насъ былъ только графъ Петръ Александровичъ и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Этотъ день мнѣ очень былъ пріятенъ особенно потому, что послѣ обѣда

---

[1]) Графъ Егоръ Петровичъ Толстой, сынъ графа Петра Александровича, въ Севастопольскую кампанію былъ Таганрогскимъ градоначальникомъ. Д. Щ.

[2]) Михаилъ Павловичъ. П. Б.

[3]) Дочь графа П. А. Толстого, за мужемъ за флиг.-адъют. Влад. Степан. Апраксинымъ. Д. Щ.

[4]) Это родная тетка С. П. Апраксиной, сестра ея матери, супруга графа А. И. Остермана-Толстаго, урожд. кн. Голицына. П. Б.

тотчасъ ввосьмеромъ въ линейкѣ отправились мы въ Петергофъ, гдѣ я уже и не надѣялся быть послѣ того, какъ отказался почевать у Апраксиныхъ, чтобы видѣть всѣ тамошнія пріятности. Мало было времени осмотрѣть все въ Петергофѣ; но главное видѣлъ. Воды нарочно были пущены; маленькіе дворцы Петра Великаго были открыты со всѣми приборами и вещами его жизни. Нигдѣ нельзя лучше возвыситься до понятія о Петрѣ, чудѣ природы, какъ въ Петергофѣ, гдѣ все его и при томъ все великолѣпно и царственно, что и нынѣ завести не у всякаго мысль родится и силы явятся. О великій, великій!

Дня три я проживу для прощанія, ожидая совершеннаго окончанія нашихъ дѣлъ, приведенныхъ къ концу. Тяжело, подлинно тяжело было-бы здѣсь просрочивать, если-бы дѣла мои или лучше дѣла нашего мѣста шли неудачно; но, кажется, не ошибаюсь въ ихъ успѣхѣ, и потому медленность сносна, ибо открываетъ нужды повидаться съ кѣмъ нибудь и всегда къ лучшему.

*

16 ч. 1828 г. Понедѣльникъ.

Наконецъ, слава Богу, я отдѣлался и не имѣю ничего ожидать въ Петербургѣ. Нынѣ утромъ распрощался съ министромъ и директоромъ. Первый докончилъ свои пріятныя ласки для меня и доказалъ свое доброе ко мнѣ расположеніе; остается ожидать, докажетъ-ли все это на дѣлѣ и продолжится-ли его память, которую добрые люди взялись поддерживать.

13-го ч. получилъ я письмо черезъ графа Александра Дмитріевича [1]), который пріѣхалъ еще 10-го. 13-го я обѣдалъ у графини, но его еще не видалъ, разъѣхавшись на дорогѣ. Послѣдніе вечера съ 11 часа до 12 бывалъ я у графа Петра Александровича, который радъ всегда просидѣть со мной, когда въ это время бываетъ свободенъ.

Выѣду отсюда завтра 17-го числа и, слѣдовательно, потративши нѣсколько времени на заѣзды въ Новгородъ, Тверь и другіе городишки [2]), надѣюсь доѣхать 26-числа или, коли постараюсь, 25-го.

---

[1]) Графъ Александръ Дмитр. Гурьевъ, сынъ министра финансовъ и мужъ графини Авдотьи Петровны Толстой, былъ впослѣдствіи предсѣдателемъ департамента экономіи Государственнаго Совѣта. Д. Щ.

[2]) На обратномъ пути изъ Петербурга П. С. Щепкину было поручено осмотрѣть гимназіи и училища въ городахъ, находившихся на пути. Д. Щ.

А. С. ПУШКИНЪ ПО ЗАПИСКАМЪ А. О. СМИРНОВОЙ *).

«Страсти наши, говорилъ Пушкинъ по словамъ А. О. Смирновой, всегда были и будутъ антихристіанскими. Прощеніе явилось вмѣстѣ съ христіанствомъ именно потому, что оно такъ человѣчно. Кротость христіанина совсѣмъ не такая какъ у язычника, который прощалъ изъ великодушія, душевнаго благородства и величія, но никоимъ образомъ не изъ состраданія или доброты. Они не знали радости прощенія и смиренія, которыя божественно-человѣчны..... Богъ есть основаніе всей любви.

У Байрона было положительное религіозное чувство, хотя его и обвиняли въ атеизмѣ, конечно не читая его. Особенно поразили меня нѣкоторыя строки изъ его Донъ-Жуана, гдѣ онъ говоритъ о Сократѣ и Христѣ [1]); онѣ написаны христіаниномъ. Его Люциферъ [2]) болѣе библейскій, чѣмъ сатана Мильтона. Между всѣми поэтическими изображеніями Сатаны онъ единственный, такъ какъ у Байрона Сатана говоритъ Каину: «Если ты не Его (Бога), то ты мой». А Каинъ сообщаетъ Сатанѣ, что Ѳирза, жена его, своею преданностью облегчаетъ ему бремя жизни. Этимъ ясно сказано, что Богъ, а отнюдь не Сатана вложилъ въ наши души чувство любви.

Въ этомъ нѣтъ софизма относительно жалости и любви...; а въ поэмѣ Альфреда-де-Виньи «Элоа» [3]) проводится относительно этого взгляда безнравственный софизмъ. Поэма прекрасна; въ ней есть высокія лирическія достоинства, но она проводитъ ложную идею. Этотъ ангелъ, рожденный изъ слезы Христа (очень поэтическая мысль) есть ангелъ состраданія. Шекспиръ сказалъ гораздо раньше Виньи: «жалость сродни любви». Это совершенно вѣрно; чтобы пожалѣть, надо полюбить; жалѣютъ тѣхъ, кого любятъ, такъ какъ любовь основана на самопожертвованіи и на преданности другимъ. Какъ глубоки слова нашего народа, когда часто вмѣсто *онъ любитъ*, онъ говоритъ *онъ*

---

*) См. выше стр. 146.

[1]) Пѣснь XV, строфа 18-я и пѣснь VII, стр. 5-я.

[2]) Въ „Каинѣ“.

[3]) Eloa ou la soeur des anges. Mystère. En trois chants. 1823.

жалѣетъ. Но Элоа приноситъ свою чистоту и невинность въ жертву Люциферу. Можно ли сказать, не впадая въ софизмъ, что паденіе можетъ быть однимъ изъ слѣдствій сострадания? Любовь можетъ смягчать горести жизни; но сказать, что Люциферъ можетъ утѣшить своею любовью—софизмъ, тѣмъ болѣе, что Богъ есть любовь. Элоа не спасаетъ Люцифера своей жертвой; она только губитъ себя. Альфредъ-де-Виньи долженъ быть разочарованнымъ человѣкомъ, если онъ думаетъ, что состраданіе можетъ привести къ паденію чистое, любящее существо: это печальная мысль. Онъ противорѣчитъ себѣ, такъ какъ сама Элоа родилась изъ слезы Христа, плакавшаго о Лазарѣ. Говорить, что Люциферъ, падшій по своей гордости и притомъ себялюбецъ, какъ всѣ гордецы, стремящіеся властвовать, можетъ утѣшить своей любовью ангела, нелогично. Онъ очень краснорѣчивъ и тонко уменъ, паденіе Элоа доставляетъ ему торжество; но онъ не любитъ и не можетъ уже любить, паденіе ея даетъ ему только удовлетвореніе. А между тѣмъ авторъ далъ ему черты любящаго существа, исполненнаго состраданія къ человѣчеству, сообщаетъ ему нѣчто идеальное и интересное.

Пушкинъ сказалъ затѣмъ, что онъ считаетъ «Моисея» Альфреда-де-Виньи выше, чѣмъ «Элоа», потому, можетъ быть, что самая личность Моисея всегда поражала и привлекала его. Онъ находилъ Моисея замѣчательнымъ героемъ для поэмы. Ни одно изъ библейскихъ лицъ не достигаетъ его величія, ни патріархи, ни Самуилъ, ни Давидъ, ни Соломонъ; даже пророки менѣе величественны, чѣмъ Моисей, царящій надъ всей исторіей народа Израильскаго и возвышающійся надъ всѣми людьми. Брюловъ подарилъ Пушкину эстампъ, изображающій Моисея Микель-Анджело. Пушкинъ очень желалъ бы видѣть самую статую. Онъ всегда представлялъ себѣ Моисея съ такимъ сверхчеловѣческимъ лицомъ. Онъ прибавилъ: «Моисей—титанъ, величественный въ совершенно другомъ родѣ, чѣмъ Греческій Прометей и Прометей Шелли. Онъ не возстаетъ противъ Вѣчнаго, онъ творитъ Его волю, онъ участвуетъ въ дѣлахъ Божественнаго Промысла, начиная съ неопалимой купины до Синая, гдѣ онъ видитъ Бога лицомъ къ лицу. И умираетъ онъ на горѣ Нево, одинъ предъ лицомъ Всевышняго: только въ Богѣ можетъ найти успокоеніе этотъ великій служитель Божій. Никогда и нигдѣ Моисей не говоритъ о своихъ личныхъ чувствахъ. Замѣчательное лицо для поэмы Іовъ, на мой взглядъ, воплощаетъ въ себѣ человѣчество: онъ все время говоритъ о себѣ, какъ и мы грѣшные; онъ намъ ближе. Альфредъ-де-Виньи прекрасно понялъ то чувство одиночества, которое долженъ былъ испытывать Моисей среди людей, такъ мало понимавшихъ его». Пушкинъ говорилъ: «Между Шелли и Байрономъ та раз-

ница, что послѣдній никогда не смѣшивалъ Христа съ христіанами, ни Бога съ деспотами».

По поводу Прометея Шелли [1]) Пушкинъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія. Шелли изобразилъ въ «Прометеѣ» Мессію, спасителя человѣчества, которое онъ избавитъ, возставъ противъ Юпитера, а подъ именемъ Юпитера онъ разумѣлъ Бога. Я не признаю, чтобы возмущеніе противъ Бога могло освободить насъ отъ нашихъ жизненныхъ золъ; это софизмъ, это архи-лживо: возмущеніе противъ Бога только ожесточаетъ людей. Шелли сомнѣвается въ Провидѣніи, *онъ смѣшиваетъ Бога съ политическимъ деспотизмомъ*, между тѣмъ какъ это двѣ вещи не имѣющія ничего общаго: тиранія отнюдь не основана на волѣ Бога, любви и справедливости. Во всякомъ случаѣ, когда Прометей принимаетъ страданіе и казнь за свою непокорность и отказывается покориться Юпитеру изъ любви къ человѣчеству, воображая, что онъ будетъ побѣдителемъ въ борьбѣ съ Провидѣніемъ, онъ дѣлаетъ это, бросая вызовъ Богу; а это софизмъ, потому что страданіе, принимаемое съ непокорнымъ духомъ, никого не освобождаетъ. Это все равно, что сказать, что Богъ—который есть любовь — терзаетъ человѣчество для того, чтобъ наслаждаться его страданіями. Все это совершенно ложно. Данте, Шекспиръ, Мильтонъ, Гёте, Байронъ никогда не проповѣдывали такого чудовищнаго софизма.

Разъ какъ-то, пишетъ Смирнова, я заговорила о «Скупомъ Рыцарѣ», котораго Пушкинъ читалъ мнѣ. Я нахожу этого скупого лицомъ трагедіи по всему, что̀ онъ говоритъ о золотѣ, о совѣсти, которая вызываетъ мертвыхъ изъ ихъ гробовъ. Въ этомъ скупомъ есть что-то дьявольское, когда онъ говоритъ о своемъ могуществѣ.

Пушкинъ отвѣчалъ мнѣ: Золото есть даръ Сатаны людямъ, потому что любовь къ золоту была источникомъ бо̀льшаго количества преступленій, чѣмъ всякая другая страсть. Мамонъ былъ самый низкій и презрѣнный изъ демоновъ. Онъ ниже Вельзевула, Веліала, Молоха, Астарота, Вельѳегора, Ахитофела, всѣхъ слугъ Люцифера. Но послѣдній опаснѣе всѣхъ, потому что, по сказанію, одинъ онъ прекрасенъ. Онъ соблазнительнѣе и слѣдовательно тоньше всѣхъ.

Александръ Тургеневъ, слушавшій его, спросилъ: Съ какихъ это поръ ты занялся изученіемъ этой чертовщины? Намѣренъ ты прочесть доннѣ-Соль [2]) курсъ демонологіи?

---

[1]) Освобожденный Прометей. Лирическая драма (1819 г.), недавно (1899) переведенная довольно удачно К. Д. Бальмонтомъ.

[2]) А. О. Смирнова между друзьями звалась: донна-Соль, что̀ дало поводъ князю Вяземскому сказать, что она и донна-Перецъ.

Всѣ разсмѣялись, а Пушкинъ отвѣчалъ: Она читала Сенъ-Марса, а въ главѣ о бѣсноватыхъ есть полный списокъ этихъ господъ; но Люциферъ не чета имъ, и поэтому ему трудно противустоять, что̀ и доказала Элоа, соблазненная его красотой и его софизмами. Опасность этого демона заключается въ двухъ вещахъ: въ томъ, что онъ овладѣваетъ нами посредствомъ софизмовъ мысли и софизмовъ сердца.

Я спросила, почему Пушкинъ заставляетъ своего Мефистофеля говорить, что ему необходимо постоянно быть въ дѣйствіи, такъ что, когда Фаустъ хочетъ его прогнать, онъ долженъ дать ему какое-нибудь дѣло.

Князь Вяземскій отвѣчалъ мнѣ: Потому что Лукавый очень дѣятеленъ, что̀ бы ни говорили о томъ, что лѣнь есть мать пороковъ. Можетъ быть, это и справедливо относительно людей, но относительно Сатаны совершенно напротивъ. Если-бъ Сатана оставался въ бездѣйствіи, то и не было бы Сатаны. Хотите знать почему? Я сказала: «Хочу знать почему?

Пушкинъ улыбнулся: «Потому что зло вообще очень дѣятельно; таковъ же, слѣдовательно, и духъ зла. Зло есть покатый склонъ, а вы знаете, какъ легко скользить по покатому склону, сохраняя при этомъ иллюзію, что находишься въ покоѣ. Главное въ томъ, чтобъ не допустить себя скользить, чтобъ бороться съ этою склонностью, вмѣсто того, чтобы дѣлать обратное». Помолчавъ, онъ прибавилъ: «Человѣкъ есть постоянно дѣятельное и дѣйствующее существо; стремленіе дѣлать, творить что-нибудь—это божественное свойство. Ангелы обладаютъ этимъ свойствомъ, и падшій Люциферъ сохранилъ его. Но человѣкъ властенъ *въ выборѣ между добромъ и зломъ*. Люциферъ не можетъ уже творить добраго, онъ связанъ необходимостью, вынуждающей его дѣлать злое; въ этомъ часть его наказанія: онъ не можетъ уже подняться изъ пропастей *тьмы кромѣшной*. Народъ нашъ называетъ преступниковъ кромѣшниками; въ сущности, они сыны тьмы, темнаго ада (какой у насъ чудный языкъ!) Гордость Люцифера должна страдать отъ этого ограниченія областью злого (я такъ думаю, по крайней мѣрѣ), и оттого онъ и ненавидитъ чистыхъ духовъ, другихъ ангеловъ. Особенно онъ ненавидитъ человѣчество, одаренное властью выбора между добромъ и зломъ. Онъ искушаетъ человѣка изъ ненависти къ этому смертному, который тѣмъ не менѣе можетъ подняться къ свѣту, изъ ненависти къ существу могущему умереть отъ ничтожнѣйшей причины и которое все же свободнѣе его, его, который былъ ангеломъ, денницей. Такъ я объясняю себѣ Злого Духа искусителя. И Байронъ, усердно читавшій Библію, такъ же понималъ его: его Сатана грандіознѣе Сатаны Мильтона; онъ и ближе къ библейскому, по моему мнѣнію».

Тургеневъ сказалъ ему: «Я вижу, что у тебя самыя правовѣрныя воззрѣнія насчетъ Лукаваго?»

Пушкинъ возразилъ очень живо: «А кто же тебѣ сказалъ, что я неправовѣрный? Но суть не въ этомъ. Суть въ нашей душѣ, въ нашей совѣсти и въ обаяніи зла. Это обаяніе было бы необъяснимо, если бъ зло не было одарено прекрасной и пріятной внѣшностью. Я вѣрю Библіи во всемъ, что̀ касается Сатаны. Въ стихахъ о падшемъ духѣ, прекрасномъ и коварномъ, заключается великая философская истина. Безобразіе никого не искусило, и насъ оно не очаровываетъ... Въ легендахъ злой духъ всегда пользуется личиной красоты, когда искушаетъ святыхъ и монаховъ, мужчинъ или женщинъ».

Жуковскій прибавилъ: «Я видѣлъ въ Германіи старую картину, на которой змій былъ изображенъ съ прекраснымъ человѣческимъ лицомъ и крылышками, какъ у херувима, голубыми крылышками за ушами».

Смирнова сказала: «Но въ средніе вѣка дьявола всегда изображали въ ужасномъ, отвратительномъ видѣ».

— Они были неправы, переряживая его сатиромъ, отвѣчалъ ей Пушкинъ. Надо было запугать людей, потому что, если бъ онъ былъ прекрасенъ, его не боялись и не остерегались бы. Тѣмъ не менѣе и его уродливость не мѣшала колдуньямъ покланяться ему, что̀ тоже свидѣтельствуетъ о развращенности человѣчества, которое подчасъ преклоняется предъ всевозможными уродливостями, возводя ихъ въ красоты, особенно нравственныя уродливости. Обожали вѣдь даже Марата!

*

Такъ изображены въ Запискахъ А. О. Смирновой взгляды Пушкина на богословско - нравственные вопросы. Не трудно убѣдиться, что они не могли быть выдуманы «черноокою Россети». Съ другой стороны несомнѣнно, что такъ могъ говорить Пушкинъ; а мнимому фальсификатору надлежало бы обладать совершенною, какъ говорятъ Нѣмецкіе критики, конгеніальностью съ поэтомъ, чтобы сочинить вышеприведенные разговоры.

Любопытно слѣдующее сообщеніе А. О. Смирновой. Она разсказала Пушкину, что въ Шлиссельбургской крѣпости служатъ панихиды по царевичѣ Алексѣѣ, Іоаннѣ Антоновичѣ и Таракановой въ день ихъ имянинъ. Тотъ пожелалъ узнать, поминаютъ ли пятерыхъ декабристовъ; Александра Осиповна узнала отъ великаго князя Михаила Павловича, что ихъ поминаютъ, какъ и всѣхъ другихъ. Когда она передала объ этомъ Пушкину, то онъ признался ей, что «всегда служитъ панихиду

по декабристамъ въ день ихъ имянинъ, но что не хочетъ говорить объ этомъ, такъ какъ увѣренъ, что его обвинили бы въ желаніи *выставлять на показъ свою религіозность*, а это надо дѣлать втихомолку». Глинка, по словамъ Смирновой, засталъ какъ-то Пушкина съ Евангеліемъ въ рукахъ, при чемъ Пушкинъ сказалъ ему: «Вотъ единственная книга въ мірѣ; въ ней все есть». Смирнова замѣтила Пушкину: «Увѣряютъ, что вы невѣрующій». Онъ расхохотался и сказалъ, пожимая плечами: «Значитъ, они меня считаютъ совершеннымъ кретиномъ».

*

Обнародованіе писемъ Пушкина къ женѣ было какъ бы откровеніемъ нравственной жизни поэта; изъ нихъ мы узнали, что онъ былъ нѣжнымъ и заботливымъ отцемъ. Но вотъ что сообщаетъ Смирнова о взглядахъ его на воспитаніе и заботахъ о своихъ дѣтяхъ. «Сверчокъ уже заботится о воспитаніи своихъ дѣтей, и онъ правъ: оно начинается съ первымъ зубомъ, а можетъ быть и ранѣе. Мы говорили о дѣтскихъ книгахъ. Мой мужъ сказалъ, что Греки и Итальянцы рождены артистами, такъ какъ они постоянно созерцаютъ дивную природу, роскошныя краски, которыя мы, сѣверяне, видимъ только во снѣ. Кромѣ того, они живутъ среди дивныхъ произведеній искусства, самый языкъ этому способствуетъ: онъ такъ звученъ въ Италіи, люди воспитываются тамъ посредствомъ глазъ и ушей. Пушкинъ разсказалъ намъ, что онъ вчера страшно взбѣсился: кормилица его сына дала ребенку хлѣба, который сама сначала прожевала; онъ былъ въ ярости. Няня балуетъ дѣвочку, которая очень живая; ей спускаютъ всѣ ея капризы. Мой мужъ посовѣтовалъ ему взять няню Англичанку или Шотландку. Пушкинъ очень любитъ обѣихъ Скугель [1]), въ особенности Маріанну; онъ находитъ ее оригинальной и прямой. Онъ уже составилъ планъ воспитанія своихъ дѣтей, одобренный Жуковскимъ. Онъ говорилъ намъ: «Надо воспитывать дѣтей по ихъ способностямъ» и прибавилъ: «Вильеръ [2]) сказалъ мнѣ очень тонкую вещь, говоря объ О. Д. «Ученый дуракъ дважды дуракъ; человѣкъ не долженъ быть воспитанъ выше своихъ способностей; излишекъ воспитанія такъ же вреденъ какъ излишекъ въ пищѣ». Жуковскій говоритъ, что женщинъ слѣдуетъ воспитывать такъ, чтобы онѣ были подругами для своихъ мужей, не будучи синими чулками. Пушкинъ восхищается здравымъ смысломъ Англичанъ во всемъ; онъ находитъ методы и книги Нѣмцевъ педантичными, но у нихъ есть нѣсколько хорошихъ дѣтскихъ книгъ, впрочемъ менѣе чѣмъ у Англичанъ. Затѣмъ

[1]) Двѣ сестры Шотландки, жившія въ гувернанткахъ, одна у Карамзиныхъ, другая у Гагариныхъ.

[2]) Впослѣдствіи лордъ Кларендонъ.

онъ сказалъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ создать дѣтскую и народную литературу; онъ того мнѣнія, что ее и создавать не надо, что есть только одинъ способъ ее найти—это изучить ту, которая существуетъ у всѣхъ народовъ. Ребенокъ и крестьянинъ на одномъ уровнѣ, но надобно дать этой литературѣ бо̀льшую обработанность, отбросивъ все грубое, но не посягая на присущіе ей умъ и истину. Онъ ненавидитъ дѣтскую литературу конца XVIII столѣтія, а изъ тѣхъ, которые еще теперь подражаютъ ей во Франціи, онъ предпочитаетъ Перро Беркену и всѣмъ этимъ нравственнымъ и педантичнымъ сказкамъ. Гулливеръ, Робинзонъ, наши сказки, сказки Нѣмцевъ и Англичанъ, Тысяча и одна ночь,—ничто изъ этого не было написано для дѣтей, а это блаженство дѣтей, и онъ считаетъ невозможнымъ написать что-нибудь лучшее. Онъ хочетъ писать сказки и легенды для своихъ дѣтей, приспособить уже существующія вездѣ, а также житія святыхъ, изложивъ ихъ хорошимъ, доступнымъ Русскимъ языкомъ. Онъ говоритъ: «Англичане правы, что даютъ Библію дѣтямъ. Для чистыхъ все чисто; невинное воображеніе ребенка никогда не загрязнится, потому что оно чисто. «Тысяча и одна ночь» никогда не развратила ни одного ребенка, а въ ней много неприличнаго. Священныя исторіи нелѣпы: отъ нихъ отнята вся поэзія текста, это какая-то искусственная наивность. Поэзія Библіи особенно доступна для чистаго воображенія; передавать этотъ удивительный текстъ пошлымъ современнымъ языкомъ—это кощунство даже относительно эстетики, вкуса и здраваго смысла. Мои дѣти будутъ читать вмѣстѣ со мною Библію въ подлинникѣ. По-славянски я самъ ихъ обучу. Сказки моей бабушки и Арины были скорѣе Славянскія, чѣмъ Русскія; нашъ народъ понимаетъ лучше Славянскій, чѣмъ Русскій литературный языкъ».

По мнѣнію Жуковскаго, находившагося при этой бесѣдѣ, какъ сообщаетъ Смирнова, дѣтямъ можно читать много книгъ, написанныхъ не для нихъ. Можно доставлять удовольствіе ихъ воображенію, но надо дѣлать выборъ: напримѣръ, рыцарскія сказки, все комическое и поэтическое и стихотворенія, вообще хорошо написанныя книги, но никогда не давать имъ ничего безобразнаго, никакихъ карикатуръ, ничего необычайнаго. Пушкинъ былъ того-же мнѣнія, говоря: «Въ мое время читали, можетъ быть, слишкомъ много; моя сестра въ пятнадцать лѣтъ прочла Новую Элоизу; въ двѣнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ поступать въ Лицей, я прочелъ все, что̀ было въ библіотекѣ моего отца. До семи лѣтъ я былъ тяжелъ, молчаливъ, мало развитъ; едва научившись читать, я сталъ размышлять, сравнивать и сдѣлался болтливъ. Я былъ снѣдаемъ любопытствомъ, я хотѣлъ все прочесть, все знать. До семи лѣтъ моей един-

ственной литературой были сказки моей бабушки и моей няньки Арины; вотъ почему я переложилъ ихъ въ стихи. Стенька Разинъ былъ моимъ первымъ героемъ, и я уже мечталъ о немъ, когда мнѣ не было восьми лѣтъ». Онъ прибавилъ: «Смирновъ правъ, говоря, что глазъ и ухо начинаютъ воспитаніе и что надо избѣгать развращать ихъ безобразнымъ и ужаснымъ. Если бъ мы могли найти игрушки Грековъ и Римлянъ, мы получили бы откровеніе относительно воспитанія первыхъ лѣтъ, того воспитанія, которое предшествовало образованію и было его основой. Замѣтьте, что до XIX-го вѣка ребенка одѣвали какъ взрослыхъ, жизнь начиналась очень рано, женили дѣтей; въ тоже время роль мальчика и дѣвочки въ семействѣ была очень безцвѣтна, а между тѣмъ съ ними обращались не какъ съ дѣтьми, ихъ заставляли косвенно способствовать всѣмъ семейнымъ и имущественнымъ комбинаціямъ, а съ XVII-го вѣка это уже были хорошо дрессированныя куклы; ихъ, обвѣнчанныхъ въ 12 и 15 лѣтъ, толкали въ жизнь въ томъ возрастѣ, когда начинается воспитаніе, или точнѣе истинное образованіе. Было ли это дурно? Не знаю. Выходили мужчины и женщины; быть можетъ, по пустотѣ и легкомыслію мы не лучше ихъ. Теперь болѣе стараются заставить ихъ учиться. Кончатъ тѣмъ, что создадутъ педантовъ и синихъ чулковъ; учатъ больше, но воспитываютъ меньше для той роли, которую придется играть въ жизни. Перемѣна въ педагогическомъ отношеніи громадна, особенно за послѣднія 20 лѣтъ. Богъ вѣсть, создастъ ли это серьезное поколѣніе; но родители стали серьезнѣе, дѣти играютъ болѣе выдающуюся роль въ семьѣ, и это къ лучшему, въ особенности для родителей». Жуковскій говорилъ о Нѣмецкихъ системахъ, Кампе, Базедовѣ, Песталоцци, о школѣ моралистовъ въ Цюрихѣ и Винтертурѣ, о Лафатерѣ и Сюльцерѣ и о школахъ Гернгутеровъ въ Цинзендорфѣ; онъ находитъ ихъ практичными, а прочія педантичными. Для народа онъ предпочитаетъ Ланкастерскій методъ, въ особенности для пріютовъ.

Пушкинъ продолжалъ развивать свою мысль, говоря: «Если родители будутъ преувеличивать въ томъ смыслѣ, что ребенокъ слишкомъ восчувствуетъ свое значеніе, это будетъ зло, такъ какъ, быть можетъ, слишкомъ забудутъ пятую заповѣдь, станутъ читать ее наоборотъ: почитай сына твоего и дочь твою! Такъ трудно достичь скучной, золотой средины и здраваго смысла, этого качества драгоцѣннаго въ семейномъ быту, способствующаго счастью; имъ слишкомъ пренебрегаютъ, тогда какъ онъ обезпечиваетъ счастье и успѣхъ въ воспитаніи. Въ сущности людей слѣдуетъ воспитывать для той роли, которую имъ приходится играть на свѣтѣ; роль большинства быть добрымъ мужемъ,

добрымъ отцомъ, доброй женой, доброй матерью; но для этого надо сначала быть добрымъ сыномъ, добрымъ братомъ, доброй дочерью, доброй сестрой. Слѣдуетъ также быть добрымъ гражданиномъ и добрымъ патріотомъ; понятно, не въ смыслѣ гражданственности 1793 года. Полагаю, что добрые люди, христіане, всегда будутъ добрыми гражданами и пр., даже добрыми монархами и монархинями. Я отдаю должное кесарю, но не слѣдуетъ отдавать ему то, что̀ ему не принадлежитъ, т. е. «львиную часть.» Мы всѣ смѣялись, такъ какъ Пушкинъ никогда не можетъ воздержаться, чтобы не закончить своихъ размышленій насмѣшливымъ словцомъ, смыслъ котораго всегда глубокъ, хотя онъ придаетъ ему форму шутки: у него всегда много юмора. Вильеръ [1]) сказалъ Н. М. Смирнову, что онъ былъ пораженъ, встрѣтивъ въ Россіи человѣка, одареннаго такимъ юморомъ; тотъ отвѣчалъ ему: «Вы, значитъ, воображали, что Джонъ-Булль получилъ монополію на юморъ?»

Относительно женщинъ мы находимъ слѣдующее въ Запискахъ Смирновой.

Пушкинъ принесъ ей стихи, которые онъ хотѣлъ передать на усмотрѣніе Государя. Смирнова съ фрейльной Эйлеръ въ это время перечитывали «Ученыхъ женщинъ» [2]). Вечеромъ Пушкинъ спросилъ ее что̀ она думаетъ объ этой комедіи. Та отвѣчала, что можно быть ученой и въ тоже время не быть педанткой и что мужчины могутъ быть такими же педантами, какъ и женщины, доказательствомъ чего служитъ профессоръ [3]).

— Да, сказалъ Пушкинъ, вы правы, и для этой комедіи скорѣе подошло бы заглавіе «Женщины-педантки». Я даже думаю, что настоящіе ученые и ученыя не могутъ быть педантами. Я спросила, почему? — Потому что они знаютъ достаточно, чтобы знать, что имъ еще очень многое неизвѣстно, отвѣчалъ онъ. Педантизмъ въ своемъ родѣ тщеславіе.

— Прежде женщины были ученыя, сказалъ Пушкинъ, или по крайней мѣрѣ были заняты вещами очень серіозными: философіей, богословіемъ, напримѣръ во Франціи въ ту эпоху, когда онѣ были картезіанками, янсенистками, молинистками, даже свѣтскія женщины, напримѣръ m-me de Севинье и ея дочь, въ особенности же янсенистки Port Royal'я; m-me Ментенонъ также не была невѣждой. Декартъ и Лейбницъ были въ перепискѣ съ Нѣмецкими принцессами. Я совсѣмъ не держусь мнѣнія, что женщина привлекательнѣе, когда она невѣжда,

---

[1]) Лордъ Кларендонъ.

[2]) Комедію Мольера.

[3]) Такъ называли С. С. Уварова.

когда она только хозяйка или нянька, или свѣтская барыня, которая только одѣвается, раздѣвается и болтаетъ.

— Тебѣ нравятся ученыя женщины XVIII столѣтія? спросилъ его Вяземскій. — Нѣтъ, онѣ были педантки; да и вся эта эпоха меня не восхищаетъ.

Полетика сказалъ, что тогда были ученыя женщины въ Англіи и что тамъ не смѣялись надъ ними, потому что онѣ были дѣйствительно ученыя. Тамъ смѣялись только надъ синими чулками, которыя лишь на половину знали то, о чемъ разсуждали; настоящія же ученыя были умны и не подавали повода къ насмѣшкамъ.

Пушкинъ отвѣчалъ ему: — Съ умомъ можно быть ученымъ безнаказанно, можно даже говорить иногда вздоръ и не показаться смѣшнымъ. Глупость и тщеславіе—вотъ что губитъ и ученыхъ, и невѣждъ. Нѣтъ ничего опаснѣе глупости и самомнѣнія, какъ для себя, такъ и для другихъ. Я вообще страшно боюсь дураковъ; глупость — это бездонная пропасть.

Серіозный и убѣжденный тонъ Пушкина разсмѣшилъ насъ. — Да, да, смѣйтесь, сказалъ Пушкинъ, глупость—c'est le pavé de l'ours.

— У всѣхъ женщинъ XVII и XVIII столѣтій были салоны, замѣтилъ Пушкинъ. Владѣть разговоромъ—это и искусство, и рабство. Всѣ знаменитыя личности развивали въ себѣ искусство писать письма и писали мемуары; это очень полезно для историковъ. Было бы желательно, чтобы и у насъ дѣлали тоже, хотя бы изъ-за чувства общественности. Просвѣщенное общество должно быть общительно и солидарно... Въ этомъ есть и еще одно преимущество: надо стѣснять себя ради другихъ; а тутъ, можетъ быть, есть и доля человѣчности. Пушкинъ опять заговорилъ объ «Ученыхъ Женщинахъ».

— Между ними и обоими мужчинами нѣтъ никакой разницы, сказалъ онъ. Онѣ смѣшны своимъ выискиваніемъ словъ, точно также, какъ Триссотенъ и Вадіусъ; и я не вижу, при чемъ тутъ ихъ полъ? Онъ не дѣлаетъ ихъ смѣшнѣе въ этомъ случаѣ.

Князь Вяземскій спросилъ:—Что же ты изъ этого заключаешь? — А то, что дуракъ и дура, педантъ и педантка, кокетка и фатъ стòятъ другъ друга, что глупая и педантичная женщина не глупѣе и не педантичнѣе дурака и педанта. Тутъ дѣло не въ томъ, женщина это или мужчина; здѣсь полъ не при чемъ. Кокетка все-таки лучше фата...

— Потому что она любезничаетъ съ тобой, замѣтилъ Тургеневъ. Всѣ засмѣялись, а Пушкинъ возразилъ: — Или со мной, или съ кѣмъ-

нибудь другимъ... во всякомъ случаѣ кокетство прекраснаго пола довольно лестно для некрасиваго пола; женщины ищутъ нашего вниманія.

— И это раздуваетъ тщеславіе, присущее сильному полу въ такой же мѣрѣ, какъ и слабому, сказалъ ему Полетика; это-то и создаетъ фатовъ.

— Фатъ отличается отъ кокетки, сказалъ Пушкинъ: онъ *думаетъ*, что нравится, а она *хочетъ* понравиться.

Князь Вяземскій опять проворчалъ: Когда женщины восхищаются твоими стихами, Пушкинъ, какъ думаешь, хотятъ онѣ тебѣ нравиться? —Да, иногда; другія же восхищаются въ самомъ дѣлѣ стихами, и это для меня еще пріятнѣе, такъ какъ мои стихи — мои дѣти. И я больше всего люблю женщинъ, искренно любящихъ поэзію, мою возлюбленную, мою обожаемую, мою царицу. Такія женщины приводятъ меня въ восторгъ, даже если онѣ говорятъ, что тотъ или другой стихъ у меня плохъ. Это—мои друзья. Мольеръ смѣялся надъ «Ridicules»; но въ концѣ-концовъ, если женщина пренебрегаетъ хозяйствомъ для того, чтобы ѣздить на балы и вечера, если она не занимается дѣтьми, а всю жизнь проводитъ съ портнихами, съ модистками и съ утра бѣгаетъ по магазинамъ—въ какомъ отношеніи будетъ она лучшей женой и матерью, чѣмъ та, которая не занимается своимъ домомъ и дѣтьми, а переводитъ Эвклида или читаетъ Гомера? Можно быть образованной, даже ученой и исполнять свои обязанности. А я думаю, что имѣть возможность бесѣдовать со своей женой—большое удовольствіе. Жуковскій разсказывалъ мнѣ, что Нѣмки, за исключеніемъ такихъ, какъ Рахель Варнгагенъ и нѣкоторыя другія, очень скучны; жены профессоровъ, ученыхъ и писателей—просто ключницы. Мужчины разговариваютъ между собою, а онѣ болтаютъ и дѣлаютъ тартинки, не выпуская вязанья. Это почтенно, но смертельно скучно.

*

У Смирновыхъ собрались: Пушкинъ, князь П. А. Вяземскій, С. А. Соболевскій, Мятлевъ, Барантъ и другія лица. Зашелъ разговоръ о движеніи Англійскихъ рабочихъ и вообще о демократіи.

Пушкинъ сказалъ: Во всѣ времена были деспоты-республиканцы. Якобинцы болѣе деспоты, чѣмъ всѣ короли.

Соболевскій. Ярлыкъ тутъ рѣшительно ничего не значитъ.

Пушкинъ. По моему мнѣнію, демократія, въ томъ видѣ, какъ ее понимаютъ, только слово—не болѣе.

Барантъ. Вы хотите сказать?..

Пушкинъ. Объяснять это очень долго.

Смирнова. Слово за вами, объясняйте.

Пушкинъ. Такъ вы желаете, чтобъ я произнесъ рѣчь, или съимпровизировалъ бы Essay на Англійскій манеръ, или цѣлую статью на слово *демократія*?

Барантъ и остальные просили его сказать рѣчь, а Алина Дурново сказала по-русски: «Онъ опредѣлитъ гораздо лучше, чѣмъ всѣ эти болтуны въ палатахъ».

Мари Эльмптъ, ярая поклонница ума Пушкина, тихонько шепнула Смирновой: «Онъ въ десять минутъ передумаетъ больше, чѣмъ другіе въ десять дней.» Барантъ, который очень уменъ, говорилъ на-дняхъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, что этотъ поэтъ—великій мыслитель, что онъ мыслитъ какъ опытный, государственный мужъ.

Пушкинъ. Міръ раздѣленъ на двѣ части: на аристократовъ и демократовъ, такъ какъ они одинаково существуютъ въ монархіяхъ и въ республикахъ. Слѣдовало бы условиться относительно смысла, какой придается словамъ аристократія и демократія, и даже вмѣсто аристократіи я предпочелъ бы слово олигархія, что̀ болѣе точно. Понятно, что названія эти лишены всякаго дѣйствительнаго смысла въ древнихъ и восточныхъ монархіяхъ, гдѣ были лишь государи, неограниченные и деспотическіе, или касты, какъ въ Индіи: Ксерксъ, Аттила, Тамерланъ имѣли лишь рабовъ и царедворцевъ; въ этихъ монархіяхъ гражданъ не существовало. Итакъ, слова олигархія и демократія появляются тамъ, гдѣ были граждане. Но какъ жизнь древнихъ, въ Греціи и Римѣ, была основана на рабствѣ: то, хотя народъ и посѣщалъ форумъ, я не вижу истинной демократіи въ этихъ республикахъ, такъ-какъ часть гражданъ была въ рабствѣ, и отъ него надлежало освободиться, чтобы сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ гражданина, да и то съ очень ограниченными правами. Спарта, военная республика съ илотами, съ желѣзной дисциплиной, суровой и узкой, считается представительницей олигархическаго правленія въ Греціи, и Спарта немного внесла въ человѣческую мысль; но не ея аристократизмъ, а ея военные нравы причина того, что у Спартанцевъ жизнь мускульная оказалась преобладающей надъ жизнью умственной. Аѳины считаются городомъ демократическимъ, и этому приписываютъ вліяніе этого города на міръ мысли, въ этомъ думаютъ найти тайну его генія. Это—заблужденіе: и въ Аѳинахъ были рабы, что̀ противно демократическому равенству. Не потому, что система правленія въ Аѳинахъ была демократичнѣе чѣмъ въ Спартѣ, Аѳины даровали міру мыслителей, философовъ, изъ коихъ одинъ—Аристотель—не имѣетъ въ себѣ ничего демократическаго, а другой—Платонъ—противникъ безусловнаго равенства, такъ какъ онъ идеалистъ,

который желаетъ изгнать изъ своей республики искусство и въ тоже время создаетъ идеальный и эстетическій міръ (его республика построена на правдѣ и разумѣ, воплотившихся въ идею красоты, а это прямая противоположность демократическому идеалу). Кромѣ того, вѣкъ Фидія, вѣкъ Праксителя и Апеллеса, вѣкъ Перикла, Алкивіада и Аспазіи не имѣютъ въ себѣ ничего демократическаго. Это литературно-образованное Аѳинское общество по существу своему—общество аристократическое. Всѣ ихъ творенія, начиная съ Гезіода, этого пастуха-жреца, до Гомера, рапсода героической жизни, до послѣднихъ поэтовъ, драматурговъ и ораторовъ, не представляютъ ничего похожаго на современный демократическій идеалъ. Это наименѣе буржуазная среда, какая только существовала на свѣтѣ.

Всѣ эти Греки—умственные олигархи. Они не особенно жаждутъ видѣть простой народъ сравненнымъ съ людьми, которые правятъ на àгорѣ. Только это—граждане; а простолюдины изгнаны изъ ихъ совѣтовъ. Кромѣ того, умственно-развитое и артистическое меньшинство гражданъ никогда не будетъ демократическимъ, такъ какъ ученіе это прямая противоположность тому, котораго придерживается демократія. Въ ученіи этого меньшинства сказывается идея избранности, ограниченное число; у нихъ господствуютъ способности, которыя всегда въ меньшинствѣ, въ демократіи же преобладаетъ число, количество вмѣсто качества. Въ Греціи первое мѣсто принадлежитъ головѣ, а не членамъ и желудку.

Всѣ древнія республики, равно какъ и Итальянскія, придерживались одинаковаго принципа. Демократія предполагаетъ правленіе въ рукакахъ не только большинства, но всѣхъ: логически говоря, таково должно быть ученіе демократовъ, но въ примѣненіи оно невозможно. Олигархія предполагаетъ правленіе въ рукахъ ограниченнаго числа, но съ собраніями, съ избранными, съ избирателями; тотчасъ возникаетъ борьба двухъ партій и если верхъ возьметъ большинство—меньшинство уже не имѣетъ болѣе голоса въ управленіи народомъ, и оно побѣждено. Между тѣмъ истинная демократія не можетъ логически давить меньшинство, если она только вѣрна своему ученію. Аристократія, т. е. дворянство по крови, наслѣдственное, связанное съ владѣніемъ землей, просто произошло отъ семейныхъ патріарховъ, отъ главы каждой семьи. Понятіе о семьѣ, объ отцѣ-главѣ дома, понятіе аристократическое по существу. Слова: дворянство, аристократія, отвѣчающія феодальнымъ понятіямъ, хотя болѣе древнія, чѣмъ Германская аристократія (такъ какъ уже въ Римѣ существовали всадники и патриціи), теперь стали достояніемъ гостиныхъ. Во всѣ времена были избранные,

предводители; это восходитъ до Ноя и Авраама. Существуетъ одно основное положеніе: это, что міромъ управляла мысль; разумная воля единицъ или меньшинства управляла человѣчествомъ. Въ массѣ воли разъединены, и тотъ, кто овладѣетъ ею, сольетъ ихъ во-едино. Роковымъ образомъ люди, при всѣхъ видахъ правленія, подчинялись меньшинству или единицамъ; такъ что слово демократія, въ извѣстномъ смыслѣ, представляется мнѣ безсодержательнымъ и лишеннымъ почвы. Великая революція, мнѣ кажется, это доказала.

Барантъ. А между тѣмъ это было торжество демократіи, равенства.

Пушкинъ. Только въ одномъ смыслѣ: по отношенію къ торжеству третьяго сословія надъ дворянствомъ и королевской властью, къ уничтоженію привилегій. Но провозглашеніе правъ человѣка было, собственно для народа, лишь фразой; точно также какъ и бившія на эффектъ слова: «ступайте и скажите королю, что мы здѣсь волею народа!» и проч. Это была даже ложь, такъ какъ генеральные штаты созвалъ король, а отнюдь не народъ въ полномъ составѣ, да и никакая хартія не предоставляла народу этого права. Единственныя права были: привилегіи дворянства, духовенства, льготы городовъ и третьяго сословія, буржуазіи, что̀ еще не составляетъ народа. Народъ тогда получилъ земли, конфискованныя у дворянъ, которыи раздавались и даже продавались народу, буржуазіи. Но если исчезли десятина и нѣкоторые изъ видовъ налога на соль, народъ однако вездѣ еще удрученъ налогами и даже въ сильной степени; всегда будетъ существовать налогъ на собственность, да и все оплачивается: мостовыя, освѣщеніе, вода, право въѣзда въ города, ввозъ товаровъ изъ другихъ государствъ, дороги. Для народа, который воображаетъ, что у правительства всегда есть деньги, требованія государственной казны, налоги, всегда представляются притѣсненіемъ, такъ какъ онъ не хочетъ понять, что это одна изъ доходныхъ статей государства, съ помощью которыхъ приводится въ движеніе вся машина. Чѣмъ сложнѣе машина, тѣмъ дороже она сто̀итъ, и истинно-демократическимъ дѣломъ было бы—упростить пружины, чтобы снять бремя съ людей, дворянъ, буржуа и простолюдиновъ, такъ какъ за поддержаніе машины платятъ всѣ.

Барантъ. Это внѣ всякаго сомнѣнія, и эта демократическая мѣра была бы даже мѣрой консервативной.

Пушкинъ. Вотъ почему она кажется мнѣ полезной. Демократія, чтобъ быть логичной, не должна конфисковать имѣнія гражданъ; такъ какъ права человѣка предполагаютъ равенство, то, продавая имѣнія, попавшія подъ секвестръ, прегрѣшали противъ равенства по отноше-

нію къ части гражданъ. Прекрасно поступили, провозгласивъ прав человѣка, но на практикѣ съ ними недостаточно соображались.

Соболевскій. Однажды, когда мы говорили о равенствѣ, Мериме мнѣ сказалъ: «Для двухъ третей лицъ, которыя объ этомъ толкуютъ, это значитъ: *я хочу быть выше тѣхъ, кто выше меня поставленъ*». Только и всего.

Барантъ. Это довольно вѣрно.

Пушкинъ. У Грековъ было равенство въ извѣстномъ смыслѣ; у нихъ люди мысли были равны, они были истинными властелинами, а между тѣмъ Аѳиняне изгнали Аристида. Народъ рѣдко разсуждаетъ, а когда онъ правитъ, онъ постоянно дѣйствуетъ подъ вліяніемъ своихъ страстей. У нихъ были свои консерваторы, свои либералы; а городъ господствовалъ надо всѣмъ, онъ все поглощалъ. Народныя движенія, жакерія, крестьянская война всегда исходили изъ проведенной подъ ними борозды; сельчанъ поднимаютъ обезземеленіе и голодъ, а отнюдь не политическія партіи. Они требуютъ лишь клочка земли, права свободнаго труда, безъ барщины, безъ десятины:—вотъ вамъ сельская демократія, и она истинная. Брутъ въ Римѣ не что иное, какъ олигархическій трибунъ, который возстаетъ противъ царя. Гракхи требовали аграрныхъ законовъ, права чисто-экономическаго; но эти аграрные законы не предоставляли сельчанамъ политическихъ правъ. Римъ архи-олигархическій городъ; онъ въ своихъ гражданахъ видитъ лицъ привилегированныхъ; *Римскій гражданинъ*—это почетный титулъ, почесть. Это крайне-аристократично. Ни народъ, ни рабы не имѣли въ Римѣ и въ Греціи истинныхъ правъ гражданства; въ Римѣ жрецы, всадники, Patres Conscripti были олигархами, и милитаризмъ логически приводилъ къ цезаризму. Впрочемъ, вездѣ были консерваторы, реакціонеры, демагоги, трибуны, и эти демократы, или такъ называемые защитники народа, проповѣдывали также реакціонные принципы, такъ какъ народъ по временамъ можетъ быть отличнымъ ретроградомъ, какъ напримѣръ наши старовѣры, которые не что иное, и это именно въ народной средѣ. Народъ вообще консервативенъ, хотя бы онъ и не желалъ сохранить барщину и подати, налогъ на соль и десятину. Венеція, Генуя, Флоренція, не смотря на свои двѣ партіи—олигархіи: никто меньше не гоняется за равенствомъ, чѣмъ эти мнимыя демократіи, Греческія и Итальянскія. Наши города, въ старину, нѣсколько уподобляются Итальянскимъ городамъ, хотя въ Новгородѣ и Псковѣ избираютъ предводителей и судей, и избранные бояре управляютъ избравшими ихъ; на нихъ даже ходили жаловаться въ Москву; бояре вели и торговлю, какъ Итальянскіе патриціи въ Венеціи, Генуѣ, Флоренціи. Смирновъ давалъ

мнѣ читать Итальянскія хроники, и меня поразило это сходство; въ Германской же Ганзѣ господствуетъ высшая буржуазія. Венеція титуловалась всепресвѣтлѣйшей республикой, а Новгородъ Великій именовалъ себя Господиномъ. Въ обѣихъ имперіяхъ, послѣ Римской имперіи, въ феодальныхъ королевствахъ, въ республиканскихъ олигархіяхъ слово *демократія* не означаетъ *равенства*, и даже подъ этой демократіей не должно понимать народный элементъ вообще; преобладаетъ всегда третье сословіе.

Король Нормандскій въ Британіи—первый баронъ королевства, и онъ понимаетъ это такъ широко, что возводитъ въ званіе пэра. Король Французскій также создаетъ пэровъ, онъ первый дворянинъ королевства. Остановимся ли мы на рыцарствѣ у Саррациновъ, у Нормановъ, на городскихъ головахъ или на патриціяхъ въ Испаніи, въ Португаліи, въ Нидерландахъ, во Фландріи, все основано на олигархическихъ принципахъ: парламенты и сеймы; даже во Франціи существуетъ дворянство меча и дворянство судейскаго плаща. Точно тоже было и въ трехъ Скандинавскихъ королевствахъ; но когда Норвегія утратила свою автономію, она одемократилась, сельскій элементъ возымѣлъ преобладаніе у этихъ древнихъ героевъ-пиратовъ; а въ Даніи, у другихъ пиратовъ-героевъ, верхъ взялъ буржуазный элементъ. О трехъ Скандинавскихъ странахъ я узналъ различныя подробности отъ ихъ дипломатовъ. Наиболѣе своеобразна Швеція; эти Готы и Норманы отнюдь не были демократами, но у нихъ есть палата крестьянъ. Въ Швеціи имѣются: риттеры, которые представляютъ свое сословіе и крупную поземельную собственность; буржуазія, которая представляетъ города, промышленность, торговлю; крестьяне, которые представляютъ мелкую поземельную собственность, часто нуждающуюся въ крупной; наконецъ духовенство, которое представляетъ сословіе воспитательное; а такъ какъ эта палата должна заниматься общественнымъ воспитаніемъ, имъ бы слѣдовало открыть въ нее доступъ и ученымъ міръянамъ. Четыре сословія имѣютъ свои палаты, и я иногда себя спрашиваю: не есть ли это чрезвычайно-практичная система?

Каждое сословіе обсуждаетъ свои потребности, свои интересы, принимаетъ на себя прямую за нихъ отвѣтственность и основательно знаетъ свои нужды. Въ палатѣ депутатовъ, хотя бы ихъ было болѣе одного на каждую провинцію, всѣ интересы не такъ непосредственно представлены. Кандидатъ не прошелъ на выборѣ, положимъ кандидатъ сельскихъ избирателей: тогда преобладать будетъ городъ, да и вообще города имѣютъ больше представителей, чѣмъ села. Города поглощаютъ все и слишкомъ многое. Въ палатѣ риттеровъ и въ палатѣ крестьянъ

земля представлена болѣе непосредственно; забываютъ, что она источникъ богатствъ, отводятъ слишкомъ большое мѣсто промышленности; скоро за нею останется львиная часть. Шведская система наиболѣе демократическая изъ всѣхъ парламентскихъ системъ, хотя и наиболѣе консервативная: въ этомъ ея преимущество. Избранные отъ крестьянъ—аристократія деревни, самые умные, самые полезные. Я всегда желалъ съѣздить въ Стокгольмъ, чтобы видѣть палату крестьянъ въ дѣйствіи.

Барантъ. Эпизодъ Этьена Марселя одинъ изъ самыхъ любопытныхъ, такъ какъ этотъ буржуа отнюдь не демократъ.

Пушкинъ. Третье сословіе никогда не было демократично, оно было только анти-аристократично; они часто держали сторону короля противъ крупныхъ вассаловъ, эти гг. буржуа.

Мятлевъ. Однако, буржуазная демократія низвергла королевскую власть.

Пушкинъ. Не въ Англіи. Демократія была не при чемъ въ представленіяхъ Гампдена и Кромвеля. Одинъ Мильтонъ написалъ свое Defensio Populi, но всѣ эти люди Англійской революціи вовсе не поклонялись равенству. Во Франціи часть аристократіи была болѣе демократична, чѣмъ третье сословіе; народъ, у котораго не было ни хлѣба, ни земли, примкнулъ къ ней, такъ какъ онъ не отличается добродушіемъ, когда голоденъ, а между тѣмъ движеніе въ Вандеѣ возникло въ сельской средѣ. Кадудаль былъ крестьяниномъ. Низшее духовенство было демократическимъ потому, что епископы были такъ богаты; все тотъ же экономическій вопросъ, и онъ все болѣе и болѣе будетъ причиной всякой новой революціи. Третье сословіе восторжествовало въ 89-мъ году, и изъ него образовалась буржуазная аристократія. Привилегіи уничтожили въ 89-мъ году—первый шагъ въ дѣлѣ равенства или демократіи, но шагъ призрачный, такъ какъ исчезла одна феодальная аристократія; то, чтò ее замѣнило, отнюдь не проникнуто равенствомъ, хотя бы и считалось демократическимъ.

Барантъ. Я съ вами согласенъ. Третье сословіе сдѣлалось новой аристократіей, безъ грамотъ и безъ родословнаго древа, но въ сущности ничто менѣе не говоритъ о равенствѣ. Демократія, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, отнюдь не означаетъ участія народа въ дѣлахъ правленія, хотя бы даже онъ и подавалъ голосъ на выборахъ; вотъ почему лѣвая и хочетъ расширить право голосованія: она находитъ его слишкомъ ограниченнымъ. Въ Англіи право это расширено.

Князь Вяземскій. Значитъ съ твоей точки зрѣнія, Пушкинъ, демократія лишь звукъ пустой?

Пушкинъ. Съ моей точки зрѣнія, чтобъ быть демократомъ, недостаточно не имѣть частицы-де и генеалогическаго древа. Это, мнѣ кажется, фактъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это отвлеченное выраженіе; оно перестаетъ быть отвлеченнымъ, когда признаёшь, что народъ имѣетъ до нѣкоторой степени право выражать свои желанія, свои потребности и избирать своихъ уполномоченныхъ. Наше вѣче, наши земскіе соборы пользовались этимъ естественнымъ правомъ; значитъ, нравы были демократическіе. Но система удѣловъ и феодальный царизмъ, который боролся съ олигархами нашей думы, не имѣли въ себѣ ничего демократическаго.

Барантъ. У васъ былъ совѣтъ аристократовъ?

Пушкинъ. Да, боярская дума. Но если тамъ разсуждали, подавали голосъ, контрсигнировали указы царей (такъ какъ дума ведетъ свое начало отъ временъ царизма): то вѣче, которое созывалось старшими князьями, а также и младшими въ ихъ удѣлахъ, посадниками, чѣмъ-то въ родѣ средневѣковыхъ Итальянскихъ подéста, выборными, въ вольныхъ городахъ, это вѣче состояло изъ всѣхъ гражданъ. Но его созывали въ особыхъ случаяхъ. Эти Русскіе форумы не управляли страной, и дума также не управляла: она служила цѣлямъ административнымъ, такъ какъ въ то время у насъ не было бюрократіи. Болѣе древніе, удѣльные князья, засѣдавшіе въ думѣ, не имѣли политическихъ правъ.

Барантъ. Тамъ засѣдали по праву рожденія?

Пушкинъ. Да; но цари сажали туда также лицъ, послужившихъ государству на войнѣ или въ посольствахъ, а также думскихъ дьяковъ, равно какъ и простыхъ дворянъ, такъ какъ это были образованные люди того времени. Какъ видите, система была смѣшанная. Михаилъ Романовъ посадилъ въ думу мясника Козьму Минина въ награду за его заслуги.

Барантъ. Онъ возвелъ его въ дворяне?

Пушкинъ. Ничуть. Петръ Великій первый государь, возводившій у насъ въ служилое дворянство.

Барантъ. Петръ Великій былъ, кажется, большой демократъ?

Пушкинъ улыбнулся. Да, порядочный, но дума умирала естественной смертью: тамъ постоянно спорили изъ-за мѣстъ, и старшій братъ Петра даже сжегъ знаменитыя разрядныя книги, такъ какъ тамъ засѣдали по старшинству, и бояре, которыхъ сажали въ думу цари, садились ниже прочихъ. Петръ былъ демократомъ въ широкомъ смыслѣ слова. Онъ понялъ, что люди выдающіеся, люди талантливые часто также выходятъ изъ массы и что геній проявляется во всякой средѣ.

Эти избранные и составляютъ умственную аристократію, такъ какъ они уже вышли изъ своей среды; въ этомъ смыслѣ неравенство, значитъ, не полное, такъ какъ эти люди возвышаются надъ своей природной средой. Въ сущности говоря, неравенство есть законъ природы. Въ виду разнообразія талантовъ, даже физическихъ способностей, въ человѣческой массѣ нѣтъ единообразія; слѣдовательно нѣтъ и равенства. Былъ у насъ одинъ поэтъ, самый первый, онъ былъ также и научнымъ геніемъ: это Ломоносовъ, сынъ крестьянина, Архангельскаго рыбака.

Барантъ. Одинъ изъ папъ былъ сыномъ Англійскаго пастуха, другой сыномъ Итальянскаго свинопаса, и Шекспиръ тоже сыномъ пастуха. Конечно, у этихъ людей не было ничего общаго съ ихъ средой, такъ же какъ и у вашего Ломоносова.

Пушкинъ. Да, они были равны всѣмъ олигархамъ, и даже сынъ пастуха и сынъ свинопаса повелѣвали императорами и королями. Въ столь опредѣленной іерархіи церкви, которая допускаетъ въ ряды своихъ служителей крестьянина и принца, мы видимъ идеалъ равенства, но съ различіемъ въ смыслѣ должностей, обязанностей, а, слѣдовательно, и правъ. Всѣ эти іерархическія ступени имѣютъ своей исходной точкой равенство, такъ какъ сынъ мужика можетъ сдѣлаться епископомъ и даже папой, послѣдствіемъ же ихъ является избраніе достойнѣйшаго. Вотъ такъ-то я и понимаю равенство и демократію, при чемъ это нисколько не мѣшаетъ избраннымъ быть цвѣтомъ даннаго общества, аристократіей.

Соболевскій. Это стало возможнымъ, какъ только священство перестало быть кастой, когда исчезла замкнутая каста Еврейскихъ Левитовъ. Какъ только у народа образуется цвѣтъ общества изъ мыслителей, ученыхъ, писателей, художниковъ, полководцевъ, государственныхъ людей, будь они по рожденію аристократы, буржуа или крестьяне, изъ нихъ неизбѣжно образуется аристократія.

Пушкинъ. Пока люди образованные были лишь въ рядахъ служителей церкви, въ монастыряхъ, то міромъ, то-есть королями, рыцарями, буржуа, главами государствъ, императорами управляла церковь. Съ Карломъ Великимъ папство еще могло столковаться, такъ какъ обѣ власти, по степени цивилизаціи, были близки другъ къ другу; но церковь, болѣе ученая, преобладала нравственно. Когда дворянство начало преуспѣвать по части образованія, оно стало играть новую, политическую роль по отношенію къ королямъ, которые тоже дѣлались цивилизованнѣе; затѣмъ за книгу засѣло третье сословіе и тотчасъ же

стало стремиться къ тому, чтобы сбросить съ себя иго. Въ XVIII вѣкѣ Французская аристократія стала легкомысленной, утратила свою умственную силу и подпала подъ вліяніе очень образованнаго третьяго сословія, съ которымъ болѣе серьезные аристократы естественно пришли къ соглашенію.

Если народъ черезъ сто лѣтъ станетъ тѣмъ, чѣмъ было во Франціи третье сословіе въ 1789 году, онъ получитъ преобладаніе въ силу своей цивилизаціи и вмѣстѣ своей численности; это будетъ третья аристократія, умственная. Но пока существуетъ аристократія денежная, плутократія, она господствуетъ въ обществѣ, которое сдѣлалось буржуазнымъ. Теряетъ тутъ, главнымъ образомъ, буржуазія, такъ какъ преобладаніе получается уже не въ силу ума, а въ силу денегъ.

Князь Вяземскій. Ты думаешь, что народъ, масса, черезъ сто лѣтъ сможетъ играть роль третьяго сословія и что большинство будетъ образованнымъ?

Пушкинъ. Нѣтъ, никогда не бываетъ умственно-развитого большинства ни среди аристократіи, ни среди буржуазіи, ни среди народа сельскаго или городского, какъ не бываетъ въ школѣ большинства прилежныхъ и умныхъ учениковъ. Но, въ сущности, революціи, всѣ перемѣны къ добру или худу, всегда затѣвало меньшинство; толпа шла по стопамъ его, какъ Панургово стадо. Чтобъ убить Цезаря, нужны были только Брутъ и Кассій; чтобъ убить Тарквинія, было достаточно одного Брута. Для преобразованія Россіи хватило силъ одного Петра Великаго. Наполеонъ, безъ всякой помощи, обуздалъ остатки революціи и, какъ ни говорите, г-жа Тальенъ сломила Робеспьера. Быть можетъ, это было предопредѣлено рокомъ, имъ уже тяготились; но все же единицы или крайне незначительныя большинства совершили всѣ великія дѣла въ исторіи. Кромвель, Генрихъ IV, Карлъ V, Густавъ-Адольфъ, Вильгельмъ Молчаливый, Густавъ Ваза, Григорій VII, множество папъ и государей дѣйствовали въ одиночку; по крайней мѣрѣ ихъ воля создавала, разрушала, преобразовывала. Ничто не можетъ быть любопытнѣе исторіи святыхъ, этихъ людей съ чрезвычайной сильной волей. Возьмемъ для примѣра св. Франциска Ассизскаго, или св. Доминика, или св. Бруно. Начатое ими дѣло живо до сихъ поръ. Возьмемъ Лойолу и, наконецъ, Іоанну д'Аркъ, а у насъ Козьму Минина, Нижегородскаго мясника. За этими людьми шли, ихъ поддерживали; но первое слово всегда было сказано имп. Все это является прямой противоположностью демократической системѣ, не допускающей единицъ, этой естественной аристократіи, которая ведетъ за собой массы, управляетъ ими, направляетъ ихъ. Впрочемъ, слова: аристократія, дво-

рянство, олигархія имѣютъ различныя значенія, и всякій придаетъ имъ то, какое соотвѣтствуетъ его понятіямъ. Не думаю, чтобъ міръ могъ увидѣть конецъ того, что̀ исходитъ изъ глубины человѣческой природы, что, кромѣ того, существуетъ и въ природѣ, конецъ неравенства. Но очевидно, что несправедливыя неравенства должны исчезнуть; впрочемъ, передъ закономъ всѣ равны, хотя у насъ извѣстныя наказанія и не существуютъ для дворянства. Съ другой стороны, съ тѣхъ поръ какъ Петръ Великій сталъ давать дворянство, государи могутъ и лишать дворянства.

Смирновъ. Англійскіе короли, которые во всѣ времена возводили въ званіе пэра, начиная съ Вильгельма Завоевателя, также во всѣ времена налагали запрещеніе на это званіе и снимали его съ недостойныхъ.

Пушкинъ. И это въ странѣ людей до такой степени независимыхъ, дѣйствительно, довольно любопытно. Эта королевская привилегія еще держится въ странѣ, гдѣ королевская власть ограничена.

Барантъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Англійскій пэръ еще судится равными себѣ.

Смирновъ. И формула, употребляемая пэрами въ такихъ случаяхъ, чрезвычайно характерна; они не принимаютъ присяги, хотя въ обыкновенныхъ судахъ, въ качествѣ свидѣтелей, присягаютъ; но когда они судятъ, они утверждаютъ: «*по чести*».

Пушкинъ. Это я запишу, это очень характерно.

Онъ обратился къ Баранту: — Извѣстна ли вамъ формула древне-Русской присяги? Она также очень характерна.

Барантъ. Нѣтъ, мы такъ мало знаемъ исторію Россіи до Петра Великаго.

Пушкинъ. «*Да будетъ мнѣ стыдно*», подразумѣвалось: «если солгу, если я нарушу свою клятву».

Говорили какъ-то о Мицкевичѣ, котораго Пушкинъ глубоко жалѣлъ. Онъ коснулся его поэмы о наводненіи, которое онъ самъ изобразилъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ», и сказалъ: «Мицкевичъ въ своей поэмѣ о наводненіи *) думалъ, что лошадь (конь, на которомъ сидитъ Петръ Великій въ статуѣ Фальконэ, долженствующій изображать Россію) ринется въ пропасть и разобьется; но я не такой дурной пророкъ, какъ онъ: она удержится на ногахъ, эта отлитая изъ мѣди лошадь. Про̀пасть насъ поглотитъ лишь въ томъ случаѣ, если мы не совершимъ того, о чемъ

---

*) Въ Дзіадахъ.

я мечтаю съ Лицея—не освободимъ крѣпостныхъ, не возвратимъ имъ правъ гражданина и собственности. Остальные виды свободы придутъ потомъ, въ силу вещей. Я на дняхъ спорилъ съ X., который воображаетъ себя либераломъ и подъ предлогомъ, что мужикъ варваръ, находитъ, что освободить его нельзя, и хочетъ сдѣлать изъ него вѣчнаго несовершеннолѣтняго, вмѣсто взрослаго человѣка. Гдѣ жъ тутъ либерализмъ?»

Н. М. Смирновъ замѣтилъ: «X. жалуется, что самодержавіе его тяготитъ, а самъ—деспотъ. Первое дѣло: освободить Россію отъ крѣпостного права. X. мечтаетъ о парламентѣ на Англійскій ладъ и совсѣмъ незнакомъ съ исторіею этого парламента; онъ воображаетъ, что онъ всегда существовалъ такимъ, какимъ онъ сталъ со временъ реформъ-биля! Онъ воображаетъ даже, что парламенту этому не случалось порой задерживать реформы, не думаетъ о томъ, что приходилось выдерживать сильную борьбу, чтобы добиться освобожденія католиковъ, уничтоженія rotten-boroughs, продажи мѣстъ и пр.». Пушкинъ отвѣчалъ: «Онъ забываетъ, что въ парламентѣ неизбѣжно существуютъ двѣ партіи, и иногда и болѣе двухъ, реформаторовъ и контръ-реформаторовъ, и воображаетъ, что наша дума могла бы превратиться въ Англійскій парламентъ. Я въ этомъ сомнѣваюсь, такъ какъ не тѣмъ путемъ она шла и хотя и была уничтожена, а все же думскіе бояре составили самую узкую оппозицію противъ Петра Великаго. Дворянство у насъ (а быть можетъ, отчасти и вездѣ) самое образованное сословіе, въ виду своихъ досуговъ. У насъ это безспорно такъ; я сожалѣю, что оно лишилось нѣкоторыхъ своихъ правъ, но горячо желаю, чтобы оно лишилось права имѣть рабовъ. Ты моего мнѣнія, Смирновъ; ты говорилъ мнѣ, что право это даже препятствуетъ помѣщику хоть нѣсколько облегчать своихъ крестьянъ, препятствуетъ изъ за сосѣдей, такъ какъ ихъ крѣпостные сердятся и бываютъ недовольны, видя крестьянъ освобожденныхъ отъ нѣкоторыхъ повинностей». Н. М. Смирновъ отвѣчалъ: «Да, мнѣ-таки жаловались сосѣди; но я уничтожилъ барщину; оброкъ мнѣ платятъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ его уплачивали отцу: я его не увеличиваю. Я оплачиваю работу въ моихъ садахъ, даже рубку дровъ. Крестьяне работаютъ только въ полѣ, и всѣ жатвы собираютъ по закону крѣпостного права, такъ какъ по закону ничто меня не обязываетъ требовать съ нихъ барщины, если мнѣ это непріятно. Оброкъ тотъ же трудъ. Я не вмѣшиваюсь ни въ браки, ни въ выборъ рекрутовъ: они все это рѣшаютъ между собой, это ихъ дѣло. Но на каждомъ шагу встрѣчаются затрудненія! Такъ ко мнѣ приходили жаловаться на то, что крестьяне выдали своихъ доче-

рей замужъ за сосѣдей и что этимъ лишили моихъ крестьянъ невѣстъ. Я отвѣчалъ, что отецъ въ правѣ выдавать своихъ дочерей за кого хочетъ и что мои крестьяне могутъ также искать себѣ невѣстъ у сосѣдей. Но сосѣду-то приходится платить. Это возмутительно, я имъ даже давалъ на это денегъ. День, когда Государь подпишетъ указъ, будетъ лучшимъ днемъ моей жизни». Тогда Вяземскій сказалъ: «К. говорилъ мнѣ, что Польское возстаніе этому помѣшало; что его величество тогда этого желалъ». Пушкинъ со вздохомъ сказалъ: «Ненавижу я придворное дворянство. Съ нимъ-то Государю всего труднѣе будетъ справиться въ дѣлѣ освобожденія: оно всегда будетъ возставать противъ реформъ. Пропасть наша заключается въ томъ, что мы еще слишкомъ завязли въ привычкахъ прошлаго; побѣждать приходится не политическія идеи, а предразсудки, и самый узкій изъ всѣхъ—это вѣрить, что единообразіе есть порядокъ, безмолвіе—согласіе и что истина не выигрываетъ при обсужденіи мнѣній. Петръ разрушилъ только развалины и предразсудки, которые крѣпче всякихъ принциповъ, такъ какъ въ его время у его противниковъ не было никакихъ понятій политическаго порядка. Да, Петръ былъ революціонеръ-гигантъ; но это геній какихъ нѣтъ, тѣмъ болѣе великій, что со времени его смерти прошло 110 лѣтъ, со времени рожденія 163 года, а у него были идеи, которыя опередили его время на цѣлый вѣкъ. Жалкимъ былъ бы я Русскимъ патріотомъ, еслибъ сѣтовалъ на него за то, что онъ отнялъ у боярства нѣкоторыя права, которыми часто дурно, очень дурно пользовались, хотя нерѣдко не щадили себя и приносили большія жертвы странѣ. Я безъ конца спорю съ Хомяковымъ и Погодинымъ, хотя люблю и цѣню ихъ, но они слишкомъ несправедливы къ Петру Великому. Я роюсь въ архивахъ; тамъ ужасныя вещи; дѣйствительно, много было пролито крови, но ужъ рокъ велитъ варварамъ проливать ее, и исторія всего человѣчества залита кровью, начиная отъ Каина и до нашихъ дней. Это, быть можетъ, неутѣшительно, но не для меня, такъ какъ я имѣю въ виду будущность тѣхъ, кто мыслитъ и въ тоже время любитъ. Въ сущности, мы еще въ Европѣ варвары или язычники, но когда-нибудь мы сдѣлаемся людьми цивилизованными и христіанами; только мы-то, въ Россіи, слишкомъ молоды и страстны, чтобы быть всегда справедливыми. Одни обзываютъ меня демократомъ, другіе аристократомъ. Я ни то, ни другое, такъ какъ въ Россіи все это лишь слова, лишенныя положительнаго содержанія. У Поляковъ была военная аристократія на Нѣмецкій ладъ, и она погубила Польшу. Мы этого избѣгли, и тѣмъ лучше. Что ты на это скажешь, милордъ Николай, Итальянскій бояринъ?».

Смирновъ отвѣчалъ ему: «Я всегда съ тобой согласенъ. Англійская аристократія единственная, которая сумѣла сыграть свою роль, скорѣе политическую, чѣмъ военную; а она совершила преобразованія, хотя Байронъ, этотъ мнимый радикалъ, въ сущности высокій аристократъ. Но Англія не похожа ни на какую другую страну; о ней судить трудно». Пушкинъ отвѣчалъ: « Во всякомъ случаѣ то, что̀ полезно въ Лондонѣ, еще вредно въ Москвѣ».

Пушкинъ, говоря о Байронѣ, сказалъ: «Его взгляды на монархію чисто-Англійскіе. Смирновъ объяснялъ мнѣ, какъ они смотрятъ на корону, на ея привелегіи и права; чтобы понять это воззрѣніе, надо жить въ странѣ и совсѣмъ вблизи изучать ихъ парламентскую исторію. Такъ, напримѣръ, мы думаемъ, что Англійская королевская власть всегда была такою, какою мы ее видимъ, и это заблужденіе. Она была феодальной и отличалась особымъ характеромъ. Феодальный король былъ у нихъ первымъ рыцаремъ и барономъ; женились они постоянно на подданныхъ, и есть множество семействъ, имѣющихъ королевскій гербъ. Война Бѣлой и Алой Розы результатъ этихъ браковъ; наконецъ они выдали эту принцессу Плантагенетъ за Валлійскаго дворянина, внука Оуэна Тюдора и принцессы Валуа. Этотъ Оуэнъ не былъ даже пэромъ, но онъ потомокъ Валлійскаго короля. Сынъ этотъ Генриха VII, Генрихъ VIII, настоящій неограниченный король; сынъ его король картонный, за него царствуетъ протекторъ, герцогъ Соммерсетъ, а обѣ дочери короля пользуются почти неограниченной властью, въ особенности Елисавета, молодецъ-баба. Первый изъ Стуартовъ даже разогналъ свой парламентъ и созвалъ его лишь по истеченіи двухъ лѣтъ; за это время онъ царствовалъ и правилъ при помощи совѣта. Смирновъ говорилъ мнѣ, что когда онъ вступилъ на престолъ, этотъ Яковъ I, двѣ трети пэровъ находились подъ запрещеніемъ, также и всѣ герцоги, за исключеніемъ двухъ. Онъ возвратилъ имъ ихъ права и возвелъ въ это званіе, далъ этотъ титулъ новымъ лицамъ. Карлъ I-й пытался царствовать и управлять, его заставили пожертвовать Стаффордомъ и епископомъ Лодъ и наконецъ судили его самого; но это не была революція. Это была междоусобная война. Оуэнъ, Англичанинъ, говорилъ Смирнову, что до XVIII вѣка всѣ его предки погибали насильственной смертью на войнѣ или на эшафотѣ, или же были задушены въ тюрьмѣ. Кромвель также былъ совершенный деспотъ; онъ даже нарушилъ конституцію, войдя въ парламентъ съ своими солдатами. Карлъ II былъ жалкая личность, а братъ его, Яковъ II, былъ низверженъ за то, что хотѣлъ освободить католиковъ, что̀ не понравилось епископамъ, такъ какъ этимъ путемъ освободились бы и методисты. Это оригинально: король изгнанный изъ-за

своего либерализма». Смирновъ отвѣчалъ: «Да, но они заставили принца Оранскаго подписать билль, ограничившій права государя, и принудили Анну призвать лютеранъ изъ Ганновера. Съ этой минуты министры начали борьбу съ личнымъ режимомъ Нѣмецкихъ королей». Пушкинъ сказалъ: «Все это сдѣлалось не въ одинъ день, и это-то придало ихъ королевской власти этотъ Англійскій и особый типъ. Я не могъ объяснить себѣ этого регента, столь презираемаго, столь презрѣннаго, погрязшаго въ долгахъ, имѣвшаго этотъ постыдный процессъ съ женой, этого человѣка, которому Брогамъ наговорилъ такихъ рѣзкихъ вещей, котораго заклеймилъ въ своей рѣчи; но монархическому принципу ничто не повредило, такъ какъ дѣло монархіи не было поставлено на карту. *The King can do no wrong*, король не можетъ дѣлать зла, такъ какъ онъ царствуетъ не управляя, и его личный режимъ не существуетъ. Все это было бы невозможно въ другой странѣ. Смирновъ объяснилъ мнѣ многое относительно Англичанъ. Принцъ Оранскій и Георги пытались управлять, и главнымъ препятствіемъ для нихъ была оппозиція виговъ, крупныхъ аристократовъ». Пушкинъ сказалъ затѣмъ, что революція доказала, что буржуазія можетъ быть деспотичнѣе аристократіи и королей и что дворянство, вѣрное государямъ, всегда однако независимо. Онъ прибавилъ: «Во Франціи дѣлаютъ опыты парламентаризма, и король вмѣшивается во все. Наполеонъ былъ также мало ограниченъ въ своей власти, какъ и Людовикъ XIV. Ихъ великій король былъ Генрихъ IV. Избирательный принципъ отдалъ Польшу на жертву всѣмъ интригамъ сосѣдей и сеймовъ и даже довелъ ее до избранія иноземныхъ королей. Король по избранію нѣчто не имѣющее смысла; монархическая власть должна быть наслѣдственной, что̀ нашъ земскій соборъ и понялъ въ 1613-мъ году».

Князь Вяземскій. Въ странѣ, гдѣ наслѣдованіе по прямой линіи восторжествовало не безъ труда, даже Іоаннъ III отдалилъ своего старшаго сына отъ престола». Пушкинъ отвѣчалъ: «Право родительское! Но старшая линія восторжествовала надъ Рязанью; такъ было написано въ книгѣ судебъ. Въ 1613 году страна порѣшила вопросъ съ большимъ здравымъ смысломъ, въ силу великаго инстинкта провозгласивъ родовое право. «Погибель государей, всегда и вездѣ—въ тѣхъ, которые окружаютъ ихъ; это деревья, изъ-за которыхъ не видно лѣса, туристы, которые мѣшаютъ любоваться видомъ. Не всегда даже были опасны фавориты и фаворитки, а опасна рутина дворовъ, все тѣже люди, «les mêmes entours», какъ говорили въ XVII столѣтіи: никакихъ мыслей извнѣ, никакого умственнаго движенія. Ничего не знаютъ о странѣ, въ которой теряется столько живыхъ силъ, нравственныхъ

и матеріальныхъ. Петръ Великій именно никогда не подчинялся своей камарильѣ.

Рыцарская преданность нигдѣ часто не встрѣчается. Не фрондёрствомъ въ гостинныхъ можно принести пользу родинѣ, но служа ей, согласно строгимъ законамъ чести и честности. Это также тѣсный путь долга. Я не понимаю, чтобъ можно было служить Монарху, котораго не любишь и не уважаешь; а какъ у насъ Государь и отечество одно и тоже, то я ихъ и не раздѣляю. Впрочемъ, я надѣюсь достигнуть результата черезъ журналъ, создать между правительствомъ и публикой, которая будетъ меня читать, дѣйствительную солидарность и доказать цензурѣ и нѣкоторымъ личностямъ, что пресса можетъ оказывать правительству услуги, пользуясь нѣкоторою свободою слова. Если бъ я имѣлъ дѣло лишь съ Государемъ, я-бы этого достигъ.

*

Освободить крѣпостныхъ было, какъ извѣстно, завѣтною мечтою Николая Павловича, и въ этомъ отношеніи лучшіе люди того времени ему глубоко сочувствовали. Вотъ что кромѣ вышеприведеннаго сообщаетъ по этому поводу А. О. Смирнова.

Пушкинъ нажилъ себѣ непріятностей „*Анчаромъ*“. Въ концѣ концовъ все уладилось; но Катонъ *) невыносимъ. Императоръ самъ прочелъ corpus delicti, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Передъ ужиномъ онъ заговорилъ объ этомъ со мною и сказалъ: «То былъ *рабъ*, а у насъ крѣпостные. *Я прекрасно понялъ, что̀ хотѣлъ выразить этимъ стихотвореніемъ Пушкинъ и о какомъ деревѣ онъ говоритъ.* Большею частью люди ищутъ и желаютъ свободы для себя и отказываютъ въ ней другимъ. Пушкинъ не изъ таковыхъ. Я его знаю: это воплощенная прямота, и онъ совершенно правъ, говоря, что прежде всего мы должны возвратить Русскому мужику его права, его свободу и его собственность. Я говорю *мы*, потому что я не могу совершить этого помимо владѣльцевъ этихъ крѣпостныхъ; но это будетъ». Потомъ онъ улыбнулся и сказалъ: «Если-бъ я одинъ сдѣлалъ это, сказали-бы, что я—деспотъ. Уполномочиваю васъ передать все это Пушкину, а также сказать ему, чтобъ онъ прислалъ ко мнѣ то, что̀ хочетъ печатать. Я поручаю это вамъ; но прошу, чтобъ по этому поводу не было лишнихъ разговоровъ. Я вѣдь не могу сдѣлаться единственнымъ цензоромъ всѣхъ пишущихъ; мнѣ пришлось-бы проводить всю жизнь за чтеніемъ рукописей». Государь былъ очень въ духѣ. Я поѣхала къ Карамзинымъ, гдѣ застала Пушкина, который былъ въ восторгѣ отъ

*) Графъ А. Х. Бенкендорфъ.

этого разговора. Я говорила съ нимъ съ глазу на глазъ, въ углу гостиной, въ сторонѣ даже отъ Е. А. Карамзиной. Пушкинъ сказалъ мнѣ нѣчто удивившее меня. «Меня упрекаютъ въ томъ, что я преданъ Государю. Думаю, что я его знаю и знаю, что онъ понимаетъ все съ полуслова. Меня каждый разъ поражаетъ его проницательность, его великодушіе и искренность. Послѣ одной изъ непріятностей, причиненныхъ мнѣ Катономъ, я встрѣтилъ Государя въ Лѣтнемъ саду, и онъ сказалъ мнѣ: «Продолжай излагать твои мысли въ стихахъ и въ прозѣ; тебѣ нѣтъ надобности золотить пилюли для меня; но надо дѣлать это для публики. Я не могу позволить говорить всѣмъ то, что̀ позволяю говорить тебѣ, потому что у тебя есть вкусъ и тактъ. Я убѣжденъ въ томъ, что ты любишь и уважаешь меня; и это взаимно. Мы понимаемъ другъ друга, а понимаютъ люди только тѣхъ, кого любятъ». Пушкинъ прибавилъ: «Меня очень трогаетъ его довѣріе; но я могу утратить его, если на меня будутъ клеветать». Я поспѣшила увѣрить его въ томъ, что Государь много разъ говорилъ въ моемъ присутствіи, что Пушкинъ не только великій поэтъ и человѣкъ замѣчательнаго ума, но что это человѣкъ честный, искренній, правдивый и вполнѣ порядочный. На Государя нелегко повліять. Пушкинъ вздохнулъ: «Онъ наидовѣрчивѣйшій изъ людей, потому что самъ человѣкъ прямой; а это-то и страшно. Онъ вѣритъ въ искренность людей, которые часто его обманываютъ. За исключеніемъ небольшой части общества, Россія менѣе просвѣщенна, чѣмъ ея царь. Наши правители вынуждены насильно прививать намъ просвѣщеніе; страна наша варварская; мы ходимъ на помоча̀хъ. Придетъ время, когда надо будетъ стать на ноги; это будетъ трудно, да и никому это не давалось легко. Во всякомъ случаѣ Государь болѣе Русскій человѣкъ, чѣмъ всѣ наши другіе правители, исключая Петра I; но все-же онъ не настолько Русскій, какъ Петръ».

Я разсказала Пушкину, что̀ Государь мнѣ говорилъ нѣсколько времени тому назадъ. Онъ гуляетъ пѣшкомъ по вечерамъ и проходилъ мимо Большого театра; было очень холодно, кучера грѣлись на площади вокругъ костровъ и разговаривали. Государь ихъ послушалъ и потомъ говорилъ: «Они мерзли и очень здраво разсуждали. Я нахожу жестокимъ держать ихъ цѣлый вечеръ; можно было бы отправлять ихъ домой, между 8 и 12». Онъ прибавилъ: «Только тогда буду я счастливъ, когда народъ этотъ освободится отъ крѣпостной зависимости». Я отвѣчала ему: «Да услышитъ васъ Богъ, Государь! Я ненавижу крѣпостное право». На это мой мужъ и Пушкинъ сказали: «Аминь». Фикельмонъ замѣтилъ: «Если бъ Государь уничтожилъ крѣпостное право почеркомъ пера, начали бы кричать объ абсолютизмѣ; мѣра должна

быть подготовлена, но она сложна, и это будетъ крупный экономическій и аграрный переворотъ; народъ еще такъ отсталъ». Пушкинъ прервалъ его: «Это было мнѣніе Карамзина, но я его не раздѣляю. Государь гуляетъ по утрамъ и разговариваетъ съ простымъ народомъ. Часто эти люди даже не знаютъ его; это крестьяне, приходящіе на заработки въ городъ, и онъ мнѣ сказалъ, что здравый смыслъ и умъ этихъ рабочихъ его поражаютъ; этимъ путемъ онъ многое узналъ про страну. Петръ I нашелъ полезныхъ людей въ кузницахъ и на распутьяхъ Москвы. Когда Французскій король заперся въ Версалѣ, онъ отдѣлился отъ страны и отъ самой столицы своей, что̀ было большой и опасной ошибкой, такъ какъ тогда ничего не слышно, да и не видно изъ оконъ дворца: стекла слишкомъ толсты». Всѣ засмѣялись, такъ какъ Пушкинъ среди серьозной бесѣды долженъ непремѣнно сказать что-нибудь смѣшное. Затѣмъ онъ продолжалъ: «Когда крестьянинъ болѣе не будетъ подъ опекой, онъ разовьется; увѣряю васъ, что если будутъ ждать, чтобъ онъ былъ вполнѣ цивилизованъ, его никогда не освободятъ, а страну все болѣе и болѣе будутъ развращать. Крѣпостничество—анахронизмъ». Мой мужъ и Вяземскій были его мнѣнія. Пушкинъ продолжалъ: «Вообще слѣдуетъ признать, что у государей плохіе слуги и что дѣлается все, чтобы скрыть отъ нихъ истину. Я не за парламентаризмъ въ Россіи, а скорѣй за генеральные штаты—отъ времени до времени; но всѣ преобразованія должны ожидать освобожденія крестьянъ: это пока единственная важная реформа; остальныя придутъ послѣ, въ силу вещей».

*

У Карамзиныхъ Пушкинъ, бесѣдуя по поводу недавно вошедшаго въ силу реформъ-билля *), хвалилъ Англичанъ за ихъ практическій умъ и независимый характеръ.

— Твои Англичане большіе эгоисты, сказалъ ему Тургеневъ.

— А ты когда-нибудь видалъ, чтобы политика была основана на любви къ другимъ народностямъ? возразилъ Пушкинъ. Близкіе сосѣди и тѣ рѣдко любятъ другъ друга; у тебя предубѣжденія Французовъ противъ *коварнаго Альбіона*. Эти два народа много сражались во всѣ времена; потомъ было Ватерло, котораго не забыли, что̀, быть можетъ, и естественно для поклонниковъ Наполеона. Но эта ненависть къ лорду *Vilainton* ребячество, такъ какъ не могъ же Веллингтонъ дать себя разбить, чтобы доставить удовольствіе Французамъ.

*) Реформъ-билль, преобразовавшій Англійскій парламентъ въ болѣе демократическомъ духѣ, прошелъ 7-го Іюня 1832 года. Онъ съ необычайной силой волновалъ Англійское общество, и долгое время натискъ пламенный „либеральной партіи“ встрѣчалъ „отпоръ суровый“ консерваторовъ.

— Вольтеръ сказалъ, что патріотизмъ требуетъ отъ насъ ненависти къ другимъ народамъ.

— Это софизмъ, какъ многія остроты Вольтера, отвѣчалъ ему Пушкинъ; да и ты, Тургеневъ, порядочный любитель софизмовъ и парадоксовъ. Я могу быть патріотомъ, не ненавидя другихъ народовъ; почему любовь къ родинѣ обязываетъ меня ненавидѣть все то, что̀ находится по ту сторону Таурогена?

Жуковскій одобрилъ эту мысль, сказавъ:

— Солдатъ-патріотъ и жертвуетъ родинѣ жизнью. Онъ убиваетъ потому, что и на полѣ битвы находится для того, чтобы убивать или ранить; но онъ не ненавидитъ, хотя бы даже, возбужденный сраженіемъ, онъ совершалъ иногда звѣрскія дѣла: онъ опьяненъ борьбой, запахомъ пороха, крови. Но какъ скоро сраженіе кончено, онъ становится человѣколюбивымъ, онъ подаетъ напиться раненому врагу. Онъ никогда не убиваетъ хладнокровно, а потому онъ не имѣетъ въ сердцѣ ни малѣйшей ненависти.

— Побѣдители всегда сострадательнѣе побѣжденныхъ, сказалъ ему Тургеневъ; это очень естественно.

— Ничуть, отвѣчалъ Жуковскій: въ 1812 году мы были очень долго побѣжденными и даже ранѣе 1812 года. Бываютъ исключенія; но въ видѣ общаго правила можно сказать, что у солдата ненависть не связана съ патріотизмомъ, по крайней мѣрѣ у того, котораго я видѣлъ, и многіе военные говорили мнѣ тоже самое, между прочимъ Батюшковъ.

— Рылѣевъ, Раевскій, Денисъ Давыдовъ говорили мнѣ тоже самое, сказалъ Пушкинъ. Да еслибъ ненависть всегда тутъ сказывалась, война была бы еще ужаснѣе, чѣмъ она есть, а она и такъ страшная необходимость. Ненависть, при вторженіи врага въ страну, сказывается сильнѣе среди населенія, чѣмъ среди солдатъ; это вѣрно. Если чувство ненависти проявляется въ войскахъ, это плохой знакъ, такъ какъ тогда къ патріотизму примѣшивается народное тщеславіе. Въ сущности говоря, пораженіе не есть униженіе, если весь долгъ исполненъ; такова судьба сраженій, чтобы были побѣжденный и побѣдитель: этому должно покоряться, какъ и прочимъ житейскимъ невзгодамъ. Патріотизмъ чувство благородное, достойное; не слѣдуетъ умалять и унижать его съ помощью самаго жалкаго порока, какой только существуетъ— тщеславія. Слава Богу, порокъ этотъ не свойственъ ни Русскому народу, ни Русскому войску. Благородно перенести пораженіе, не-

счастье—это дѣло, быть можетъ, болѣе достохвальное, чѣмъ побѣда, такъ какъ оно болѣе трудное. Петръ Великій служилъ этому примѣромъ: побѣды Карла XII подъ Нарвой и Венденомъ нисколько не унизили Петра, и онъ былъ дивно прекрасенъ во время побѣды подъ Полтавой. Это былъ такой великій характеръ!

Карамзина сказала ему:

— Вы воодушевляетесь всякій разъ, какъ говорите о Петрѣ Великомъ, вы даже взволнованы.

— Это правда, я люблю говорить о немъ, я много о немъ думаю. Государь иногда говоритъ со мной о немъ онъ также гордится своимъ предкомъ и оживляется, когда говоритъ о немъ.

— Англичане отличаются невыносимой народной надменностью, сказалъ Тургеневъ.

— Скорѣй народной гордостью, возразилъ Пушкинъ, безъ всякаго тщеславія; но даже гордость слѣдуетъ предпочитать жалкому тщеславію, такъ какъ въ гордости не всегда есть заносчивость. Они въ правѣ гордиться своей страной, своими писателями, своими политическими правами. Я очень горжусь Россіей, всѣмъ, что̀ она совершила со временъ Петра Великаго; я горжусь тѣмъ, что она произвела такого своеобразнаго генія, такого великаго патріота, который никогда не усомнился въ будущности своей родины, въ ея силахъ, въ ея способностяхъ, который всегда вѣрилъ въ нее и передъ Полтавской битвой сказалъ своимъ войскамъ: думать не о царѣ, но о Россіи. Это слово патріота, гражданина; хотѣлось бы мнѣ повторить ихъ Байрону, когда онъ писалъ Мазепу.

Война «ужасная необходимость», сказалъ въ другой разъ Пушкинъ; «но она даетъ поводъ къ высокимъ подвигамъ, подвигамъ храбрости, самоотверженія, патріотизма. Въ эти страшные часы въ этихъ подвигахъ проявляется чувство долга. Я былъ свидѣтелемъ этого, когда былъ въ Эрзерумѣ съ Паскевичемъ. Наши солдаты, наши молодые офицеры, перемѣна въ ихъ настроеніи *до* и *послѣ* дѣла, производили на меня сильное впечатлѣніе. Конечно, я видалъ битвы только издали, но не могу сказать, до чего трогали меня лица солдатъ, идущихъ на бой и возвращающихся оттуда, а также погребеніе. Ни хвастовства, ни фразёрства нѣтъ въ нашихъ войскахъ».

*

Какъ не быть благодарну А. О. Смирнову за то, что она сохранила намъ такія сужденія, такія рѣчи Пушкина! Ю. Б.

А. С. ПУШКИНЪ ВЪ КИШИНЕВѢ.

Въ 1885 г. въ Кишеневѣ одновременно скончались два современника Пушкина: библіотекарь мѣстной публичной библіотеки Трясцовскій и простой Молдованинъ, извѣстный подъ именемъ «бади Тодоре». Оба они въ особенности второй, состоявшій у генерала Инзова чѣмъ-то въ родѣ мажордома, разсказывали о Пушкинѣ много подробностей.

Пушкинъ, какъ извѣстно, жилъ въ Кишиневѣ съ 1820 по 1823 годъ. Бессарабія, присоединенная къ Россіи въ 1812 году, была въ то время еще областью; но центръ ея, Кишиневъ, былъ похожъ скорѣе на деревню чѣмъ на городъ. Разбросанный живописно по берегамъ многоводной еще тогда рѣки Быка, городъ со своими кривыми улицами, Турецкими постройками и невылазною грязью имѣлъ оттѣнокъ чисто-восточнаго города. Этому еще способствовала невообразимая пестрота населенія—смѣсь Востока и Запада, со значательнымъ преобладаніемъ Востока, а вслѣдствіе возстанія Грековъ, городъ наполнялся значительнымъ количествомъ Греческихъ и Молдавскихъ бѣглецовъ, искавшихъ здѣсь убѣжища. Элементъ этотъ придавалъ городу особенный характеръ. По выраженію самого поэта, здѣсь была «великая смѣсь народовъ, племенъ, нарѣчій, состояній». Помимо выходцевъ, въ Кишиневѣ въ то время была масса военнаго люда, между которыми преобладалъ элементъ офицеровъ генеральнаго штаба. И вотъ, при такихъ обстоятельствахъ, въ Сентябрѣ 1820 года въ Кишиневъ пріѣзжаетъ А. С. Пушкинъ. Еще за мѣсяцъ или два до пріѣзда его, по городу разнеслась вѣсть, что поэтъ ѣдетъ къ намъ. Особенно интересовалась пріѣздомъ Пушкина молодежь, знавшая его по наслышкѣ какъ веселаго человѣка и хорошаго товарища; но на первое время пришлось разочароваться. По пріѣздѣ, Пушкинъ велъ себя чрезвычайно тихо и скромно и не заявлялъ даже о своемъ существованіи. Поселился онъ у одного Молдаванина въ тѣсной хижинкѣ и прожилъ тамъ всего нѣсколько дней, послѣ чего перебрался къ исправлявшему должность намѣстника Бессарабіи Ивану Никитичу Инзову, благороднѣйшему старцу, о добротѣ и честности котораго разсказываютъ еще и нынѣ.

Инзовъ принялъ въ поэтѣ горячее участіе и окружилъ его всѣми удобствами, хорошо сознавая, что поэтъ призванъ не для того, чтобы заниматься канцелярскою работой. Онъ отвелъ Пушкину двѣ небольшія, но очень уютненькія комнатки, съ окнами въ садъ. Домъ Инзова помѣщался на возвышенности, которая теперь и называется. «Инзова гора» *) По заявленіямъ старожиловъ, гора эта въ то время была одною изъ живописнѣйшихъ мѣстностей города. Прекрасный садъ, засаженный преимущественно фруктовыми деревьями, привлекалъ туда много гуляющей публики. Тамъ были даже весьма рѣдкостныя растенія, какъ-то апельсиновыя и померанцовыя деревья, не говоря уже о прекрасныхъ виноградникахъ. На самой вершинѣ горы красовался небольшой двухъ-этажный домъ Инзова. Стѣны были выкрашены масляными красками и разрисованы видами разныхъ растеній: до того генералъ Инзовъ любилъ растительность. Комнатки, отведенныя для Пушкина, не отличались особенною обстановкой. Какъ на особенность его спальни, указываютъ, что постель его всегда была измята, а потолокъ разукрашенъ какими-то особенными пятнами. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Пушкинъ имѣлъ обыкновеніе лежать на кровати и стрѣлять изъ пистолета хлѣбнымъ мякишемъ въ потолокъ, стараясь выдѣлывать на немъ всевозможные узоры. По слоѣамъ бади Тодоре, жившаго при домѣ Инзова, Пушкинъ вставалъ на разсвѣтѣ и, вооружившись карандашомъ и книжечкой, долго, безъ устали гулялъ по саду и заходилъ далеко въ поля. Походитъ, походитъ онъ часъ, другой, выберетъ затѣмъ какой-нибудь пень или камень, присядетъ, напишетъ немного и опять ходитъ. Это наблюдалось лѣтомъ; но зимою, когда «рыхлая стѣна къ воротамъ заграждала путь», Пушкинъ по утрамъ приказывалъ вытопить хорошенько печь и принимался ходить по комнатѣ, шлепая Турецкими туфлями. Походитъ, походитъ, такъ же какъ и въ саду, затѣмъ присядетъ, попишетъ немного и опять начинаетъ ходить. По временамъ, бывало, Пушкинъ до того увлекался работой, что его никакъ нельзя было оторвать отъ нея къ завтраку или обѣду. Когда ему мѣшали, онъ страшно сердился, въ особенности разъ, когда, какъ это хорошо помнилъ бади Тодоре, за Пушкинымъ послали одного молодого парня; не успѣлъ еще тотъ переступить порога и передать порученіе, какъ Пушкинъ, съ крикомъ и сжатыми кулаками, набросился на него и навѣрное побилъ бы если бы тотъ своевременно не убѣжалъ. Послѣ этой «исторіи» Пуш-

*) Въ настоящее время отъ этого дома нѣтъ и слѣда... Когда въ семидесятыхъ годахъ на Инзовой горѣ были выстроены гусарскія конюшни, онъ былъ срытъ, и въ настоящее время трудно даже опредѣлить мѣсто, на которомъ онъ былъ выстроенъ.

кинъ жаловался Инзову, что онъ никогда не забудетъ этого случая и просилъ разъ на всегда не безпокоить его во время занятій, хотя бы онъ долженъ былъ остаться безъ обѣда. Поэтому, когда въ послѣдствіи кого-нибудь изъ прислуги посылали за Пушкинымъ, то они предварительно подкрадывались къ окну и высматривали, что̀ Пушкинъ дѣлаетъ: если онъ работалъ, то никто изъ прислуги не рѣшался переступить порога. Въ другой разъ, когда ему помѣшали, онъ до того разсердился, что, схвативъ со стола бумагу, на которой писалъ, разорвалъ ее, скомкалъ и швырнулъ въ лицо помѣшавшаго ему. Это случилось съ экономкой Инзова, женщиной въ лѣтахъ, изъ городского сословія. Когда послѣ этого экономка, «жипуняса Катерина», обидѣвшись, дулась на Пушкина, онъ увѣщевалъ ее и просилъ извинить ему, такъ какъ это «находитъ» на него.

Если вѣрить бади Тодоре, то изо всей у Инзова прислуги онъ былъ самымъ приближеннымъ къ поэту человѣкомъ. Онъ обучалъ Пушкина Молдавскому языку, который, кстати сказать, очень трудно давался ему. Установленнаго времени для «уроковъ» не было; ученіе большею частію происходило гдѣ и когда попало. Мало-по-малу Пушкинъ дѣлалъ успѣхи и чрезъ нѣкоторое время успѣлъ составить себѣ маленькій Молдавскій словарь, изъ котораго съ грѣхомъ пополамъ складывалъ предложенія, большею частію не имѣвшія, впрочемъ, никакого смысла. Бывало придетъ къ нему въ свободное время бади Тодоре, Пушкинъ его еще на порогѣ встрѣчаетъ привѣтствіями на Молдавскомъ языкѣ. «А буна дзыуа», «бади Тодоре»! (Здравствуйте, г. Өедоръ). «Пувтимъ, пувтимъ» (пожалуйте, пожалуйте) и т. д. Подавъ затѣмъ гостю стулъ, Пушкинъ принимался забрасывать его разнаго рода вопросами на Молдавскомъ языкѣ. Фразы или слова, которыя ему особенно трудно удавались, онъ обыкновенно записывалъ себѣ и затѣмъ выучивалъ. Нѣкоторыя фразы, которыя чаще всего надобно было употреблять и которыя ему особенно не давались, онъ записывалъ прямо на стѣнахъ, чтобъ онѣ были всегда на виду.

При изученіи Молдавскаго языка Пушкину много способствовало то, что онъ вращался и въ средѣ простого Молдавскаго населенія. Привлеченный въ эту среду благодаря «черноокимъ Молдаванкамъ», Пушкинъ успѣлъ расположить къ себѣ Молдаванъ, которые уважали и даже любили его, во-первыхъ, потому что онъ, «чиновникъ намѣстника», не брезгаетъ ихъ обществомъ и, во-вторыхъ, какъ веселаго «флакыу» (парня). Фамилію Пушкина Молдаванамъ очень трудно было произносить, а потому они его и прозвали «куконашъ Пушка» (паничъ Пушкинъ). Несмотря однако на такія дружелюбныя отношенія, въ средѣ Молдаванъ, точно такъ же какъ и въ средѣ горожанъ, Пушкинъ

успѣлъ нажить себѣ недоброжелателей. Постоянныя его ухаживанія за Молдаванками, безъ протеста послѣднихъ, вынуждали родителей и жениховъ жаловаться Инзову на его вѣтренаго чиновника. Инзовъ же имѣлъ обыкновеніе разбирать жалобы всенародно, то-есть приглашалъ жалобщиковъ и заставлялъ ихъ въ присутствіи Пушкина излагать свои жалобы Инзовъ долженъ былъ наказывать Пушкина хотя бы для виду, чтобы жалобщики не роптали. Наказаніе заключалось въ томъ что Инзовъ оставлялъ Пушкина безъ сапогъ. Такого рода наказаніе давало поводъ нѣкоторымъ смѣльчакамъ изъ Молдаванъ грозить: «смотри, куконашъ Пушка, будешь сидѣть безъ сапогъ!» Подобнаго рода наказанія находятъ себѣ подтвержденіе въ собственноручномъ письмѣ Пушкина къ какому-то другу, которому онъ пишетъ: «Инзовъ меня очень любилъ и за всякую ссору съ Молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ отъ скуки ради Французскіе журналы... Генералъ Инзовъ добрый, почтенный и Русскій въ душѣ. Онъ не предпочитаетъ перваго Англійскаго шелопая своимъ соотечественникамъ. Онъ уже не волочится: страсти въ немъ давно погасли. Онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ ихъ, не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ, и никогда не подвергается заслуженной колкости, потому что онъ со всѣми вѣжливъ».

Несмотря однако на такой отзывъ объ Инзовѣ, Пушкинъ въ посланіи къ какому-то другому своему другу воспѣлъ свое заточеніе слѣдующими строфами:

Мой другъ, уже три дня
Сижу я подъ арестомъ,
И не видался я
Давно съ своимъ Орестомъ.
Спаситель Молдаванъ,
Бахметьева намѣстникъ,
Смиренный Іоаннъ,—
За то, что Ясскій панъ,
Извѣстный всѣмъ болванъ,
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трусъ и грубіянъ,
Побитъ немножко мною
И что бояръ пугнулъ
Я новою тревогой,—
Къ моей каморкѣ строгой,
Приставилъ караулъ.

Попавъ въ Кишиневъ, Пушкинъ мало-по-малу втянулся въ эту вѣчно-праздную жизнь и очертя голову бросился въ омутъ разнаго рода развлеченій. Принимаемъ онъ былъ въ лучшихъ домахъ тогдаш-

ней аристократіи: вице-губернатора Крупенскаго, Бальша, Варѳоломея, Катакази и пр. Онъ былъ душой общества, и ни одинъ вечеръ, ни одинъ обѣдъ, ни одинъ спектакль не устраивались безъ Пушкина. Веселый, остроумный, онъ всегда оживлялъ общество. Тогдашняя аристократія, стоя на очень низкой степени умственнаго развитія, не могла достаточно оцѣнить Пушкина какъ поэта: она въ немъ видѣла остроумнаго и веселаго человѣка, и этого было достаточно. Но въ средѣ всѣхъ этихъ пустыхъ людей нашлось нѣсколько болѣе развитыхъ, которые смотрѣли на Пушкина съ совершенно другой точки зрѣнія: они видѣли въ немъ будущую славу отечества и благоговѣли предъ нимъ. Какъ только всѣ гостиные вопросы прекращались, и разговоры переходили на серіозную почву, Пушкинъ совершенно преобразовывался: шутки и остроты сходили со сцены; онъ воодушевлялся, дѣлался серіознымъ, говорилъ и спорилъ, такъ что человѣкъ со стороны никогда бы не сказалъ, что онъ способенъ шутить и острить. Но, какъ сказано, серіозныхъ людей тогда было очень мало. Больше всего Пушкинъ «убивалъ» время и весело коротaлъ его. Игра въ карты, любовныя похожденія и прочія затѣи и забавы не давали ему скучать. Даже по настоящее время о немъ въ городѣ ходитъ много легендарныхъ разсказовъ. Всѣмъ, конечно, придавать вѣры нельзя; но большинство исходитъ если не отъ самихъ очевидцевъ, то по крайней мѣрѣ, изъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ источниковъ. Любимымъ его занятіемъ была верховая ѣзда; бывали дни, когда онъ почти не слѣзалъ съ лошади. Разъѣзжая по верхней части города аристократической онъ натыкался на разнаго рода приключенія. Проѣзжая однажды по одной изъ многолюднѣйшихъ улицъ (Харлампіевской), Пушкинъ увидѣлъ у одного окна хорошенькую головку и, не долго думая, далъ лошади шпоры и въѣхалъ на самое крыльцо. Дѣвушка испугавшись упала въ обморокъ, а родители ея пожаловались Инзову. Послѣдній за это оставилъ виновника на два дня безъ сапогъ. Затѣмъ Пушкинъ въ эту же часть города очень часто появлялся въ самыхъ разнообразныхъ и оригинальныхъ костюмахъ. То, бывало, появляется онъ въ костюмѣ Турка, облаченный въ широчайшія шаровары, въ сандаліяхъ и съ феской на головѣ, важно покуривая трубку; то появится онъ Грекомъ, Евреемъ, Цыганомъ и т. п. Наряжался онъ также въ какую-то длинную мантію, причемъ одну полу забрасывалъ на плечи, а другую волочилъ по землѣ, говоря, что это по-«генеральски». Разгуливая по городу въ праздничные дни, онъ натыкался на Молдавскіе хороводы и безо всякой церемоніи присоединялся къ нимъ, не стѣсняясь присутствующими, которые, бывало, нарочно приходили «смотрѣть Пушкина». По окончаніи плясокъ, онъ изъ общества Молдаванъ сразу пе-

реходилъ въ общество «смотрѣвшихъ» его лицъ изъ образованнаго класса, которымъ и принимался съ восторгомъ разсказывать, какъ весело и пріятно отплясывать «джокъ» подъ звуки Молдавской «кобзы». Однимъ изъ крупнѣйшихъ «происшествій» съ Пушкинымъ, о которомъ очень долго не переставали говорить тогда въ городѣ, было «происшествіе» въ загородномъ саду (кажется, нынѣ г. Романдина). Въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ Пушкинъ не стѣснялся и одновременно ухаживалъ за нѣсколькими дамами и барышнями. Однажды онъ назначаетъ въ вышесказанномъ саду свиданіе одной молодой дамѣ изъ тамошней аристократической семьи. Въ назначенный часъ оба сошлись на мѣстѣ свиданія и принялись изливать другъ другу свои чувства; вдругъ, какъ разъ въ это время, сосѣдніе кусты неожиданно раздвигаются и оттуда какъ разъяренная тигрица выскакиваетъ смуглая Цыганка съ растрепанными волосами. Въ одинъ моментъ она набрасывается на соперницу-аристократку, сваливаетъ ее на земь, и давай колотить. Пушкинъ окончательно растерялся и не зналъ что̀ дѣлать. Наконецъ, онъ бросился разнимать ихъ, но усилія оказались тщетными: Цыганка, какъ тигрица, вцѣпилась въ распростертую на землѣ даму. Не давая себѣ самому отчета, Пушкинъ выхватываетъ изъ виноградника жердь и начинаетъ колотить Цыганку. Дикій крикъ огласилъ воздухъ. Цыганка не помня себя отъ ярости, оставила свою жертву и набросилась было на Пушкина, но, опомнившись вовремя, отшатнулась и гордо поднявъ свое смуглое лицо, важною поступью ушла прочь. Благодаря постороннимъ людямъ, подоспѣвшимъ къ этой «исторіи», вѣсть о ней быстро разнеслась по городу; вездѣ и всюду объ этомъ только и говорили. Пушкинъ цѣлыя двѣ недѣли послѣ этого не показывался въ городѣ и заперся дома. Дама сильно заболѣла и ее увезли за границу, а Цыганка исчезла навсегда и, несмотря на поиски, ее нигдѣ не нашли...

Молдавскіе бояре, занимавшіе тогда въ Кишиневѣ самое видное мѣсто, души не чаяли въ Пушкинѣ, несмотря на самыя злыя и острыя эпиграммы, написанныя на нихъ Пушкинымъ. И все это опять-таки потому что онъ принадлежалъ къ свитѣ намѣстника Бессарабіи. Однимъ изъ такихъ бояръ былъ К. К. Варѳоломей (ему принадлежалъ дворянскій домъ, занимаемый нынѣ губернаторомъ), который, до присоединенія Бессарабіи къ Россіи, игралъ самую ничтожную роль: онъ, ни больше, ни меньше какъ стоялъ съ чубукомъ въ рукахъ на запяткахъ у Ясскаго господаря Мурузи... Въ послѣдствіи же онъ сдѣлался владѣльцемъ большихъ имѣній, откупщикомъ и членомъ верховнаго совѣта. У Варѳоломея была единственная дочь Пульхерія, для которой отецъ отыскивалъ жениха, и задавалъ пиры. Несмотря на то что

Пульхерія, хотя и была не дурна собой, но далеко не изъ первыхъ красавицъ, да при томъ еще очень надменна, она успѣла вскружить головы всей тогдашней молодежи, которая даже сложила про нее пѣсенку, гдѣ ее называли «нашъ Кишиневскій божокъ». У Пульхеріи была подруга, нѣкая Эйхвальдъ, также популярная въ то время красавица. За ними-то и начали ухаживать Пушкинъ и лучшій другъ его Алексѣевъ: первый за Пульхеріей, а второй за Эйхвальдъ. Пульхеріи въ альбомъ Пушкинъ написалъ

Куконица Пульхерица,
Я стою предъ тобой
Съ полусонною цѣвницей,
Съ полумрачной головой.
Наслажденья въ жизни шуткой
Пролетаютъ близъ меня.
Я безмолвной незабудкой
Сохну въ книгѣ бытія.
Здѣсь на балѣ всѣ мнѣ чужды,
На лицѣ моемъ печаль и пр..

Стихотвореніе это напечатано было въ одной изъ Одесскихъ газетъ и приписано было Пушкину; насколько это вѣрно, мы не знаемъ, такъ какъ эта же самая «Пульхерица» ядовито осмѣивается въ слѣдующемъ стихотвореніи Пушкина, сохраненномъ покойнымъ библіотекаремъ Трясцовскимъ. Описывается балъ у боярина Варѳоломея.

Музыка Варѳоломея,
Становись скорѣй въ кружокъ,
Инструменты строй скорѣе
И играй на славу „джокъ"!
Наблюдая нѣжны связи,
Съ дамой всякъ ступай любой.
Въ первой парѣ Катакази
Съ скромной Скиновой женой;
Ты-жъ возьми его супругу
Вицъ-Крупенскій отставной;
Руки за поясъ другъ другу
И пляшите „джокъ" родной!
Въ третьей парѣ Михалаки
Съ Богданясою „повтимъ" (пожалуйте).
Во четвертой Сандулаки
И мадамъ Карея съ нимъ.
Въ пятой парѣ для красы
Худобашевъ съ Пульхранисой—
Бекасиновы носы.
Пульхерица легконожка,
Устарѣлый нашъ божокъ,
Стань, сударушка, немножко
Оттанцуй съ бабакой (папашей) „джокъ"!..

Заносчивость Пушкина повлекла за собою въ Кишиневѣ нѣсколько дуэлей. Хотя оффиціально извѣстны только три, однако здѣсь утверждаютъ, что ихъ было гораздо больше. Всѣ дуэли оканчивались благополучно, большею частью примиреніемъ. Первая дуэль произошла у него съ бояриномъ Бальшемъ; вторая съ командиромъ Егерскаго полка Старовымъ, а третья, изъ-за карточнаго спора, съ какимъ-то поручикомъ или капитаномъ З. Дуэли всегда происходили за городомъ, на такъ называемой «Малинѣ», гдѣ теперь помѣщается православное кладбище. Современникъ Пушкина Вельтманъ, бывшій здѣсь свидѣтелемъ одной такой дуэли, говоритъ, что «Пушкинъ не боялся пули, точно также какъ жала критики; въ то время когда въ него цѣлили, казалось что онъ, смотря въ дуло и улыбаясь сатирически, замышлялъ даже эпиграмму на стрѣлка и его промахъ».

Пушкинъ нѣсколько разъ отлучался изъ города и странствовалъ по Бессарабіи, бродя съ Цыганскими таборами и ведя вмѣстѣ съ ними кочевую жизнь. Кочуя такимъ образомъ, доходилъ до самаго Дуная. Помимо этого онъ разъѣзжалъ по Бессарабіи съ археологическою цѣлью, чтобъ отыскивать историческіе памятники, надписи и древности, которыя сильно дѣйствовали на его фантазію. Между прочимъ, онъ разыскивалъ слѣды Буджакскихъ хановъ и никакъ не могъ допустить мысли, чтобы все послѣ нихъ могло исчезнуть; ему все грезились развалины дворцовъ и фонтановъ, руины и пр. Въ Бендеры Пушкинъ ѣздилъ спеціально за тѣмъ, чтобы разыскать могилу Мазепы или узнать хотя какія-нибудь о немъ преданія; не найдя тамъ ничего, онъ сильно досадовалъ, что никто даже не знаетъ тамъ его имени.

И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы гетманской могилы...

Будучи командированъ разъ Инзовымъ въ Буджакскую степь для истребленія саранчи, Пушкинъ по дорогѣ встрѣтилъ Цыганскій таборъ и примкнулъ къ нему. Нѣсколько дней провелъ онъ въ этомъ таборѣ, и результатомъ этой кочевой жизни затѣмъ явилась

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ праздный я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями.

Въ Кишеневѣ говорятъ что предисловіе—*Цыгане шумною толпой* написано гораздо раньше, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды Пушкинъ отправился гулять въ сады примыкающіе къ верхней части города, гдѣ какъ разъ въ это время расположился

таборъ Цыганъ. Не успѣлъ Пушкинъ выйти на поляну, какъ цѣлая ватага Цыганскихъ мальчишекъ бросилась къ нему съ крикомъ и визгомъ. Пушкинъ бѣжалъ отъ нихъ обратно въ городъ. Запыхавшись отъ усталости, онъ забѣжалъ въ первый знакомый домъ и крикнувъ «пера и чернилъ!» тутъ же набросалъ первыя строфы *Цыганъ*. Вообще о многихъ стихотвореніяхъ Пушкина здѣсь держатся разнаго рода преданія. Напримѣръ, *Гречанка*, которую Пушкинъ въ сохраненной имъ замѣткѣ называетъ «прелестною Гречанкой», по отзывамъ современниковъ, была чуть ли не куртизанка Калипсо Полихрони, эмигрировавшая изъ Константинополя. Хотя она и называется «прелестною», однако была болѣе чѣмъ некрасива, и Пушкинъ ею увлекся только потому что, вѣрилъ, будто она была возлюбленною Байрона. Стихотвореніе *Еврейкѣ* посвящено одной миловидной хозяйкѣ постоялаго двора, помѣщавшагося тогда въ нижней части города, неподалеку отъ «Низовой горы». Темой для *Черной-Шали* послужила Пушкину пѣсня Молдаванки Маріулы, служившей въ одномъ изъ мѣстныхъ ресторановъ, который часто посѣщался поэтомъ.

(Извлечено изъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1887 года, № 39).

АНЕКДОТЪ О ПУШКИНѢ.

Въ 1833 г. П. В. Нащокинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ гостинницѣ. Это было 29 Іюня, въ день Петра и Павла. Съѣхалось нѣсколько знакомыхъ, въ томъ числѣ и Пушкинъ. Общая радость, веселый говоръ, шутки, воспоминанія о прошломъ, хохотъ. Между тѣмъ со двора, куда номеръ выходилъ окнами, раздавался еще болѣе громкій хохотъ и крикъ, мѣшавшій веселости друзей: это шумѣли полупьяные каменщики, которые сидѣли на кирпичахъ, около ведра водки и деревянной чашки съ закускою. Больше всѣхъ горланилъ какой-то лысый мужикъ съ рыжими волосами. Пушкинъ подошелъ къ окну, прилегъ грудью на подоконникъ, сразу замѣтилъ крикуна и, повернувъ голову къ намъ, сказалъ: Тотъ рыжій должно быть имянинникъ? Тутъ, оборотясь на дворъ, онъ крикнулъ: —Петръ! —Что, баринъ?—Съ ангеломъ!—Спасибо, господинъ.

— Павелъ! крикнулъ онъ опять и, обернувшись въ комнату, прибавилъ: въ такой кучѣ и Павелъ найдется!—Павелъ ушелъ.—Куда? Зачѣмъ?—Въ кабакъ... все вышло. Да постой, баринъ, скажи: почемъ

ты меня знаешь?—Я и старушку матушку твою знаю.—Ой? А батька-то померъ? (очень вѣроятно у такого лысаго).

— Давно, царство ему небесное! Братцы, выпьемте за покойнаго родителя!

Въ это время входитъ на дворъ мужикъ со штофомъ водки. Пушкинъ, увидавъ его раньше, закричалъ: «Павелъ! Съ ангеломъ! Да неси скорѣе!» Павелъ, влѣзая на камни, не сводитъ глазъ съ человѣка, назвавшаго его по имени. Другіе, объясняя ему, пьютъ, а рыжій не отстаетъ отъ словоохотнаго барина: — Такъ, стало, и деревню нашу знаешь? — Еще бы не знать! Вѣдь она близъ рѣки (какая же деревня безъ рѣки?). — Такъ, у самой рѣчки. — А ваша-то изба, почитай крайняя? — Третья отъ края. А чудной ты, баринъ. Ужъ поясни, сдѣлай милость не святымъ же духомъ всю подноготную знаешь? — Очень просто: мы съ вашимъ бариномъ на лодкѣ утокъ стрѣляли, вдругъ — гроза, дождь, мы и зашли въ избу, къ твоей старухѣ... — Такъ... теперь смѣкаю... — А вотъ мать жаловалась на тебя: мало денегъ высылаешъ!

— Грѣшенъ, грѣшенъ!.. да вотъ все на проклятое то-выходитъ, сказалъ мужикъ, указывая на стаканъ, изъ котораго выпилъ залпомъ и прокричалъ: «здравствуй, добрый баринъ!»

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ Е. В. ПУТЯТЫ *).

А. С. Пушкина я видѣлъ въ первый разъ въ Москвѣ, въ Большомъ театрѣ, во время празднествъ, послѣдовавшихъ за коронаціею императора Николая Павловича.

Театръ наполняли придворные, военные и гражданскіе сановники, иностранные дипломаты, словомъ—все высшее, блестящее общество Петербурга и Москвы.

Когда Пушкинъ, только что возвратившійся изъ деревни, гдѣ жилъ въ изгнаніи и откуда вызвалъ его Государь, вошелъ въ партеръ, мгновенно пронесся по всему театру говоръ, повторявшій его имя: всѣ взоры, все вниманіе обратились на него.

У разъѣзда толпились около него и издали указывали его по бывшей на немъ свѣтлой пуховой шляпѣ. Онъ стоялъ тогда на высшей степени своей популярности.

Дня черезъ два, Е. Баратынскій, другой поэтъ-изгнанникъ, недавно оставившій печальные граниты Финляндіи, повезъ меня къ Пушкину, въ гостинницу Hôtel du Nord, на Тверской. Пушкинъ былъ со мною очень привѣтливъ.

Съ этого времени я довольно часто встрѣчался съ Пушкинымъ въ Москвѣ и Петербургѣ, куда онъ скоро потомъ переселился. Онъ легко знакомился, сближался, особенно съ молодыми людьми, велъ повидимому самую разсѣянную жизнь, танцовалъ на балахъ, волочился за женщинами, игралъ въ карты, участвовалъ въ пирахъ тогдашней молодежи, посѣщалъ разные слои общества.

Среди всѣхъ свѣтскихъ развлеченій, онъ порой бывалъ мраченъ; въ немъ было замѣтно какое-то грустное безпокойство, какое-то неравенство духа; казалось, онъ чѣмъ то томился, куда-то порывался. По многимъ признакамъ, я могъ убѣдиться, что покровительство и опека

*) Эта выдержка любезно сообщена намъ Ольгою Николаевной Тютчевой, дочерью Николая Васильевича Путяты (род. 22 Іюля 1802, ум. 29 Октября 1877), нѣкогда предсѣдателя Общества Любителей Россійской Словесности. Читатели „Русскаго Архива“ помнятъ его по статьямъ его, у насъ помѣщенными и по его некрологу (1878, I, 125). П. Б.

императора Николая Павловича тяготили его и душили. Посредникомъ своихъ милостей и благодѣяній Государь назначилъ графа Бенкендорфа, начальника жандармовъ. Къ нему Пушкинъ долженъ былъ обращаться во всѣхъ случаяхъ. Началась Турецкая война. Пушкинъ пришелъ къ Бенкендорфу проситься волонтеромъ въ армію. Бенкендорфъ отвѣчалъ ему, что Государь строго запретилъ, чтобы въ дѣйствующей арміи находился кто-либо не принадлежащій къ ея составу, но при этомъ благосклонно предложилъ средство участвовать въ походѣ: хотите, сказалъ онъ, я опредѣлю васъ въ мою канцелярію и возьму съ собою. Пушкину предлагали служить въ канцеляріи III-го отдѣленія!

Пушкинъ просился за-границу, его не пустили. Онъ собирался даже ѣхать съ барономъ Шилингомъ въ Сибирь, на границу Китая. Не знаю, почему не сбылось это намѣреніе, но слѣды его остались въ стихотвореніи:

Поѣдемъ, я готовъ. . . . .
Къ подножію-ль стѣны недвижнаго Китая и пр.

Наконецъ, весною въ 1829 г., Пушкинъ уѣхалъ на Кавказъ. Изъ Тифлиса онъ написалъ къ гр. Паскевичу и, получивъ отъ него позволеніе, догналъ армію при переходѣ ея черезъ хребетъ Саганъ-Лу. Памятникомъ этой поѣздки осталось прекрасное описаніе Путешествіе въ Арзерумъ во время похода 1829 г. По возвращеніи Пушкина въ Петербургъ, Государь спросилъ его, какъ онъ смѣлъ пріѣхать въ армію. Пушкинъ отвѣчалъ, что главнокомандующій позволилъ ему.

Государь возразилъ: Надобно было проситься у меня. Развѣ не знаете, *что армія моя*?

Слышалъ я все это тогда же отъ самого Пушкина.

По выходѣ въ свѣтъ его Исторіи Пугачевскаго бунта, появилась пошлая на нее критика въ «Сынѣ Отечества». Только что прочитавъ эту критику, я пошелъ на Невскій проспектъ, встрѣтилъ Пушкина и шутя привѣтствовалъ его слѣдующей оттуда фразой: «Александръ Сергѣевичъ! Зачѣмъ не описали вы намъ перомъ Байрона всѣхъ ужасовъ Пугачевщины?» Пушкинъ разсмѣялся и сказалъ: «Какихъ имъ нужно еще ужасовъ? У меня цѣлый томъ наполненъ списками дворянъ, которыхъ Пугачевъ перевѣшалъ. Кажется, этого достаточно!»

Послѣ 1830 г., Пушкина женатаго я видалъ рѣже. Во время его дуэли я былъ нѣсколько боленъ и не выходилъ изъ комнаты. Узнавъ о его смерти, я съ принужденіемъ одѣлся и отправился на его квартиру, на Мойкѣ, близъ Пѣвческаго моста, въ нижнемъ этажѣ дома князя Волконскаго. У гроба былъ безпрерывный приливъ людей всѣхъ со-

стояній, приходившихъ поклониться праху любимаго, народнаго поэта. Здѣсь я узналъ, что отпѣваніе тѣла его будетъ въ Адмиралтейской церкви На другой день, въ назначенное время, подъѣзжаю къ этой церкви и къ удивленію моему вижу, что двери заперты, а около бродятъ нѣсколько человѣкъ въ такомъ же недоумѣніи какъ и я. Оказалось, что изъ опасенія какой-либо манифестаціи на похоронахъ Пушкина, накапунѣ, въ ночь, приказано перемѣнить мѣсто отпѣванія. Оно происходило въ Конюшенной церкви. Когда, по разнымъ соображеніямъ и разспросамъ я добрался туда, гробъ уже выносили изъ церкви нѣсколько друзей и Лицейскихъ товарищей покойнаго. Сколько мнѣ помнится, Австрійскій посланникъ графъ Фикельмонъ и Французскій графъ Барантъ одни были въ мундирахъ и лентахъ.

Зимою, въ концѣ 1837 или въ 1838 г. пріѣзжалъ въ Петербургъ на нѣсколько дней Е. Баратынскій и останавливался у меня. В. А. Жуковскій, коему Государь поручилъ разобрать бумаги Пушкина, далъ Баратынскому одну изъ его рукописныхъ тетрадей in folio въ переплетѣ. Въ ней находился напечатанный потомъ отрывокъ Пушкина о Баратынскомъ. Тетрадь эта оставалась у послѣдняго самое короткое время; онъ былъ уже на отъѣздѣ и просилъ меня тотчасъ возвратить ее Жуковскому, что̀ я и исполнилъ. Кромѣ помянутаго отрывка, въ этой тетради находились нѣкоторыя другія статьи въ прозѣ и клочки дневника Пушкина разныхъ годовъ. Помню изъ него почти слово въ слово слѣдующія мѣста: 1) число, мѣсяцъ. «Сегодня пріѣхали въ Петербургъ два Француза, Дантезъ и маркизъ Пинна.» Въ этотъ день ничего болѣе не было записано. Что̀ замѣчательнаго могъ найти Пушкинъ въ ихъ пріѣздѣ? Это похоже на какое-то предчувствіе! 2) число, мѣсяцъ... .... «Меня пожаловали камеръ-юнкеромъ для того, чтобы Наталья Николаевна могла быть приглашаема на балы въ Аничковъ. Вечеромъ я былъ на балѣ у Б. Великій князь Михаилъ Павловичъ встрѣтилъ меня въ дверяхъ и поздравилъ. Я отвѣчалъ ему: Ваше Высочество, вы одни меня поздравляете, всѣ надо мною смѣются.»

Пушкинъ былъ необыкновенно впечатлителенъ и при этомъ имѣлъ потребность высказаться первому встрѣтившемуся ему человѣку, въ которомъ предполагалъ сочувствіе или который могъ понять его. Такъ, я полагаю, разсказалъ онъ мнѣ ходатайство свое у графа Бенкендорфа и разговоръ съ Государемъ.

Такую же необходимость имѣлъ онъ сообщать только что написанные имъ стихи. Однажды утромъ я заѣхалъ къ нему въ гостинницу Демута, и онъ тотчасъ началъ читать мнѣ свои великолѣпные стихи

изъ Египетскихъ ночей: «Чертогъ сіялъ и пр...» На вечерѣ, въ одномъ домѣ на островахъ, онъ подвелъ меня къ окну и въ виду Невы, озаряемой луннымъ свѣтомъ, прочелъ наизусть своего «Утопленика», чрезвычайно выразительно.

У меня на квартирѣ читалъ онъ мнѣ стихи: «Тан, тан свои мечты» и пр. и, по просьбѣ моей, тутъ же написалъ мнѣ ихъ на память. Всѣ эти стихотворенія были напечатаны уже впослѣдствіи.

Не хвастаюсь дружбой съ Пушкинымъ, но въ доказательство нѣкоторой пріязни его и расположенія ко мнѣ, могу представить, кромѣ помянутаго автографа, еще одну записку его на Французскомъ языкѣ. Пушкинъ прислалъ мнѣ эту записку съ своимъ кучеромъ и дрожками. Содержаніе записки меня смутило, вотъ она: M'étant approché hier d'une dame, qui parlait à m-r de Lagrené *), celui-ci lui dit assez haut pour que je l'entendisse: renvoyez-le! Me trouvant forcé de demander raison de ce propos, je vous prie, monsieur, de vouloir bien vous rendre auprès de m-r de Lagrené et de lui parler en conséquence. Pouchkine.»

Я тотчасъ сѣлъ на дрожки Пушкина и поѣхалъ къ нему. Онъ съ жаромъ и негодованіемъ разсказалъ мнѣ случай, утверждалъ, что точно слышалъ обидныя для него слова, объяснилъ, что записка написана имъ въ такой формѣ и такъ церемонно именно для того, чтобъ я могъ показать её Лагрене и настаивалъ на томъ, чтобъ я требовалъ у него удовлетворенія. Нечего было дѣлать: я отправился къ Лагрене, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, и показалъ ему записку. Лагрене, съ видомъ удивленія, отозвался, что онъ никогда не произносилъ приписываемыхъ ему словъ, что вѣроятно Пушкину дурно послышалось, что онъ не позволилъ бы себѣ ничего подобнаго, особенно въ отношеніи къ Пушкину, котораго глубоко уважаетъ какъ знаменитаго поэта Россіи, и разсыпался въ изъявленіяхъ этого рода.

Пользуясь такимъ настроеніемъ, я спросилъ у него, готовъ-ли онъ повторить тоже самому Пушкину. Онъ согласился, и мы тотчасъ отправились съ нимъ къ Александру Сергѣевичу. Объясненіе произошло въ моемъ присутствіи, противники подали руку другъ другу, и дѣло тѣмъ кончилось. На другой день мы завтракали у Лагрене съ нѣкоторыми изъ нашихъ общихъ пріятелей.

Стихи Пушкина, писанные его рукою, и Французская его записка свято у меня сохраняются.

---

*) Лагрене былъ секретаремъ Французскаго посольства.

РАЗНЫЯ ЗАМѢТКИ О ПУШКИНѢ.

(Изъ записныхъ книжекъ „Русскаго Арахива“).

Достопочтенный академикъ и профессоръ Анучинъ, на основаніи напечатаннаго въ «Русскомъ Архивѣ» (1891, I L, 101) прошенія Авраама Петровича Ганнибала императрицѣ Елисаветѣ о дарованіи ему Россійскаго дворянскаго достоинства, произвелъ крайне-любопытныя этнографическія розысканія, съ цѣлью доказать, что «Арабъ Петра Великаго», а слѣдовательно и его правнукъ А. С. Пушкинъ были происхожденія Абиссинскаго. Если это такъ, въ такомъслучаѣ надо предположить, что Петръ Великій не зналъ про то, что между Абиссиніей и Ганнибаломъ Карѳагенскимъ, имя котораго онъ далъ своему крестнику, нѣтъ ничего общаго.

Какъ ни далеки отъ насъ Абиссинцы (эти доблестные Черногорцы Восточной Африки), но въ нашемъ Посольскомъ Приказѣ конечно знали о нихъ нѣсколько больше, чѣмъ даже въ недавнее время (до царствованія Александра III-го) въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Надо бы поискать въ архивахъ, не писалъ ли Цареградскій резидентъ Вишняковъ Ѳ. А. Головину или Г. И. Головкину о посылкѣ Арапчепка Государю, любившему всякаго рода рѣдкости и особенно такъ называемыхъ «монстровъ», о доставленіи каковыхъ въ Петербургъ былъ даже изданъ особый царскій указъ. Если купленный Вишняковымъ въ Царьградѣ и посланный къ Петру Великому чернокожій мальчикъ былъ Абиссинецъ, то зачѣмъ было крестить его: вѣдь Абиссинцы одного съ нами исповѣданія, и мудрено, чтобы Петръ Великій не слышалъ о сношеніяхъ Абиссинскаго негуса съ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ.

А. С. Пушкинъ напоминалъ лицомъ своимъ Американскихъ такъ называетъ Метисовъ, т. е. людей происшедшихъ отъ Европейской и Негритянской крови. Нѣкто, жившій въ Америкѣ, пріѣхавшій въ Россію изумлялся сходству знакомаго ему Метиса съ однимъ изъ сыновей нашего поэта.

Д. Н. Анучинъ въ статьѣ своей («Русскія Вѣдомости» 1899, № 134) называетъ г-на Юни, у котораго купленъ былъ княземъ Оболенскимъ портретъ А. П. Ганнибала *торговцемъ-антикваріемъ.* Это невѣрно: статскій совѣтникъ Юни, умершій въ глубокой старости въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Покровкѣ, ничѣмъ не торговалъ. Я лично его зналъ и видѣлъ у него этотъ портретъ, который, по его словамъ, изображаетъ именно «Арапа Петра Великаго», а не его сына.

Александръ Сергѣевичъ однажды пришелъ къ своему пріятелю И. С. Тимирязеву. Слуга сказалъ ему, что господа ушли гулять, но скоро возвратятся. Въ залѣ у Тимирязевыхъ былъ большой каминъ, а на столѣ лежали орѣхи. Передъ возвращеніемъ Тимирязевыхъ домой Пушкинъ взялъ орѣховъ, залѣзъ въ каминъ и, скорчившись обезьяною, сталъ ихъ щелкать. Онъ любилъ такія проказы. (Слышано отъ Софьи Ѳедоровны Тимирязевой). Напомнимъ, что по словамъ Елисаветы Александровны Пушкиной († 1897), вдовы Льва Сергѣевича, у свекрови ея Надежды Осиповны ладони были съ желтыми пятнами.

Пылъ Африки и трезвость Великороссіянина — вотъ Пушкинская поэзія. Стихъ его горячъ и въ тоже время соразмѣренъ. Чувственность управлена разумомъ. Даже такія лица, какъ переводчикъ Св. Писанія на Русскій языкъ, духовный подвижникъ, миссіонеръ Алтайскій Макарій писалъ въ Св. Синодъ, что, съ закрытіемъ библейскихъ обществъ, наше общество, вмѣсто слова Божія увлеклось чтеніемъ стиховъ Пушкина, про которые онъ отозвался: слова, часто гнилыя, но для ветхаго человѣка *необычайно-сладостныя.*

*

Пушкинъ говаривалъ про Д. В. Давыдова: Военные увѣрены, что онъ отличный писатель; а писатели про него думаютъ, что онъ отличный генералъ. (Отъ князя А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго).

*

Молодой лейбъ-гусаръ графъ А. В. Васильевъ, въ Царскомъ Селѣ, очень раннимъ утромъ, ѣхалъ на ученье мимо дома Китаевой, гдѣ жилъ Пушкинъ. Знавшій его, какъ и многихъ другихъ офицеровъ, Пушкинъ увидалъ его въ окно и позвалъ къ себѣ. Передъ тѣмъ появился въ печати «Конекъ-Горбунокъ». «Этотъ Ершовъ сказалъ Пушкинъ графу Васильеву (который тоже писалъ стихи) владѣетъ Русскимъ стихомъ точно своимъ крѣпостнымъ мужикомъ».

*

Выраженіе Пушкина про небо съ кучевыми рѣдкими облаками: *небо простоквашей.*

Аркадій Осиповичъ Россетъ (братъ А. Ѳ. Смирновой), въ послѣдніе годы жизни Пушкина, часто бывалъ у него. Въ Ноябрѣ 1836 года, когда онъ у него обѣдалъ, принесли письмо отъ Дантеса, который заявлялъ о своемъ желаніи жениться на старшей свояченицѣ Пушкина, Екатеринѣ Николаевнѣ Гончаровой. Пушкинъ тутъ же, черезъ столъ, подалъ ей это письмо и ее поздравилъ. Та вспыхнула и убѣжала изъ столовой. Это была старшая изъ трехъ сестеръ (Наталья Николаевна была средняя).

Россетъ переносилъ Пушкина съ дивана, на которомъ онъ умеръ, на столъ. Вспоминая о томъ,онъ прибавлялъ: «Какъ былъ онъ легокъ!»

По словамъ Россета, Пушкинъ, играя въ банкъ, заложитъ, бывало, руки въ карманы и припѣваетъ солдатскую пѣсню съ замѣною слова *солдатъ*:

Пушкинъ бѣдный человѣкъ,
Ему негдѣ взять
Изъ за эвтава бездѣлья
Не домой ему идтить....

*

Извѣстный богачъ, Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ писалъ Николаю Алексѣевичу Муханову изъ Парижа, отъ 8 (20) Декабря 1829:

«Благодарю за нѣсколько словъ о Пушкинѣ. Если онъ не уѣхалъ въ деревню на зиму, то кланяйтесь поэту-герою. Онъ чуть ли не долженъ получить отсюда небольшаго приглашенія анонимнаго. Дойдетъ ли до него? А не худо было бы ему потрудиться пожаловать куда зовутъ. Помнитъ ли онъ прошедшее? Кто занялъ два опустѣвшія мѣста на нѣкоторомъ большомъ диванѣ въ нѣкоторомъ переулкѣ? Кто *держитъ* извѣстныя его предложенія и внимаетъ погребальному звуку, производимому его засученою рукою по ломберному столу?»

Владиміръ Алексѣевичъ Муханову писалъ своему брату Николаю изъ Москвы отъ 27 Марта 1830: «Ушакова меньшая идетъ за Киселева... О старшей не слышно ничего, хотя Пушкинъ бываетъ у нихъ всякой день почти».

Отъ 1 Мая того же года: «Пожалѣй о первой красавицѣ здѣшней, Гончаровой... Она идетъ за Пушкина. Это вѣрно и сказываютъ, что онъ написалъ ей стихи, которые такъ начинаются:

Я плѣненъ, я очарованъ,
Я совсѣмъ огончарованъ.

28 Февраля 1825. Москва, Н. В. П. пишетъ къ Н. А. Муханову о Пушкинѣ по поводу появленія въ печати первой пѣсни Онѣгина: «Ахъ ножки, ножки!» Но за эти ножки достанется Пушкину отъ оскорбленнаго самолюбія нашихъ соотечественницъ... Тѣхъ великихъ и глубокихъ мыслей, того вѣрнаго познанія сердца человѣческаго, сильной душевной мрачности, даже той нѣжной чувствительности, которая мѣстами вырывается у Байрона, мы не находимъ у Пушкина, особенно въ Онѣгинѣ. Въ самыхъ чувствахъ любви у сего послѣдняго мы видимъ только что развращенное, доказывающсе, что онъ истинно не постигалъ сихъ сихъ чувствъ, которыя въ его сочиненіяхъ являются одними порывами бѣшенаго желанія. Евгеній также похожъ на Чайльдъ-Гарольда, какъ наши коротко-остриженные либералы на Фокса и Бентама. Въ деревнѣ онъ можетъ быть исправится съ помощью Тани и нянюшекъ ея, перестанетъ подражать модѣ, сдѣлается Русскимъ и болѣе оригинальнымъ:»

(*Изъ Музея П. И. Щукина*).

ЗАМѢТКА.

XVIII вѣкъ въ нашей исторіи полонъ загадочныхъ лицъ и невыясненныхъ событій, къ которымъ почему-то еще не находятъ возможнымъ подступать для полнаго ихъ выясненія. И эта сдержанность тѣмъ страннѣе, что она не вяжется съ развязностью, съ которою мы подходимъ иногда къ инымъ вопросамъ современности, всего болѣе требующимъ осторожности, выдержки и извѣстной мѣры благовоспитанности...

Къ числу такихъ загадочныхъ явленій прошлаго вѣка принадлежитъ несчастная женщина, когда-то промелькнувшая на историческомъ горизонтѣ подъ именемъ княжны Таракановой, или подъ другими вымышленными именами. Когда-то имя это было въ ходу, и какъ всегда случайно, ради успѣха картины Флавицкаго, изобразившаго смерть этой женщины, со свойственною инымъ художникамъ исторической живописи невѣжественною самоувѣренностью.

Всѣ заговорили о Таракановой и вслѣдъ затѣмъ появилась книга не то романъ, не то изслѣдованіе Мельникова, цѣликомъ заимствованное изъ обнародованныхъ любопытныхъ бумагъ Панинскаго архива. Но ссылокъ не было, и читатель недоумѣвалъ, гдѣ вымыселъ, вставленный для прикрасы, гдѣ дѣйствительное историческое откровеніе? Существеннѣйшимъ вкладомъ явилось обнародованіе Панинскихъ бумагъ: но „мода" скоро прошла, и глубокое молчаніе вокругъ извѣстнаго имени не прекратилось до нашихъ дней. Со словъ императрицы Екатерины, прозвавшей эту женщину „авантюркою" всѣ успокоились, не давая себѣ труда провѣрить данныя этою женщиною показанія и заранѣе объявляя её обманщицей, а показанія её фантастическими, не стоющими вниманія.

Современное освѣщеніе дѣла объ этой женщинѣ не даетъ однако возможности рѣшить вопросъ объ ея происхожденіи въ ту или другую сторону; но несомнѣнно, что голословнымъ отрицаніемъ всѣхъ показаній мы никакъ не подвинемъ разъясненія загадки.

Примѣры другихъ подобныхъ явленій убѣждаютъ, что тщательная провѣрка показаній необходима до голословнаго отрицанія. При всемъ недовѣріи къ инымъ словамъ и показаніямъ прежде всего нужно постараться выяснить, насколько фантастичны иныя изъ нихъ и дѣйствительно ли они ли-

шены всякой исторической основы? Иногда возможно путемъ такого способа доходить и до противоположныхъ результатовъ.

Почему не примѣнить этого пріема къ данному вопросу о происхожденіи такъ называемой Таракановой? Почему не искать болѣе твердой почвы, тамъ, гдѣ всё представляется основаннымъ на пескѣ?

Прежде всего и болѣе всего фантастичнымъ является все то, что относится до „восточныхъ" ея связей и преимущественно до *Персіи*. При чемъ тутъ Персія? умается невольно, и какой неудачный вымыселъ, скорѣе всего вредящій показаніямъ этой женщины, чѣмъ внушающій къ ней довѣріе? Однако ближайшее знакомство съ вопросомъ можетъ неожиданно привести къ сознанію, что Персія не такъ чужда всему этому дѣлу, какъ могло бы казаться. Если такъ, то самое трудное, чему можно было бы повѣрить, получаетъ сверхъ ожиданія нѣкоторое подтвержденіе. При этомъ сознаніи и остальное должно представляться уже въ иномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что представляется возможнымъ ухватиться за нѣсколько именъ, сочетаніе которыхъ можетъ привести къ неожиданнымъ откровеніямъ, подкрѣпляемымъ наличностію, другихъ мало извѣстныхъ лицъ, съ которыми однакоже приходится считаться и дѣйствительность которыхъ доказывается неоспоримо.

И вотъ одною изъ таковыхъ является нѣкая *мадамъ Іоганна* или *Яганна Петрова*, съ которой и нужно начать, для того, чтобы подойти къ загадочной „Елисаветѣ", такъ злополучно и такъ рано погибшей въ Петропавловской крѣпости....

***

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина. Часть пятая. Москва. 1899. Въ малый листъ, VIII, 337 и 2 нен. стр. Напечатано 200 экземпляровъ.

Въ пяти частяхъ этого сборника напечатано такъ много цѣнныхъ для исторіографіи и любопытныхъ для изображенія нашего прошлаго быта бумагъ, что является потребность имѣть къ нимъ предметный и азбучный указатели, а сей послѣдній не только для именъ собственныхъ, но и для вышедшихъ нынѣ изъ употребленія словъ: въ пятой, напримѣръ, части Щукинскаго сборника находимъ грамоты XVI и XVII вѣковъ и показанія для исторіи Московскаго Англійскаго клуба или Полицейскую переписку о появившихся о Саратовѣ въ 1823 году фарфоровыхъ куклахъ, изображающихъ молодаго монаха, несущаго въ снопѣ за спиною миловидную крестьянку (фотографіи такой куклы приложена).

Всѣ бумаги въ Сборникѣ печатаются съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ, что весьма важно для временъ отдаленныхъ, но, по

нашему мнѣнію, не имѣетъ значенія для бумагъ новѣйшихъ и только затрудняетъ чтеніе ихъ явными ошибками писцовъ. Даже и самыя старинныя бумаги слѣдовало бы, кажется, печатать, для бо́льшаго удобства въ уразумѣніи ихъ, съ нынѣшними знаками препинанія и съ разбивкою на новыя строки. Замѣтимъ также, что пріемы западно. Европейской археографіи не всегда приложимы у насъ, гдѣ иной разъ грамотный простолюдинъ скорѣе и вѣрнѣе пойметъ какую либо грамоту XVI вѣка, особливо касающуюся землевладѣнія и податей, чѣмъ современное канцелярское распоряженіе.

Пятая часть Щукинскаго Сборника полна драгоцѣннымъ содержаніемъ. Старая Русь въ явѣ повѣщаетъ себя. Отмѣтимъ записную книжку архіерейскаго келейника Петра Стенинова о тайныхъ замыслахъ въ пользу царевича Алексѣя Петровича, при чемъ приведено письмо царевны Екатерины Алексѣевны къ Казанскому митрополиту Тихону. Изъ бумагъ на стр. 41—44 видно, что нѣкоторыя лица изъ нашего духовенства не только встрѣчали Пугачова въ полномъ облаченіи и поминали его на ектеньяхъ, но и участвовали въ разграбленіи помѣщичьяго достоянія.— Крайне любопытны показанія о днѣ 14 Декабря 1825 года, написанныя неизвѣстнымъ лицомъ. А. Ѳ. Воейковъ сообщаемъ между прочимъ, что императоръ Александръ Павловичъ танцовалъ Польскій съ его супругою знаменитою „Свѣтланою“.

Вообще Щукинскій Сборникъ отличается пестротою содержанія; въ нынѣшней пятой части его встрѣчаемъ разсказъ о кончинѣ королевы Виртембергской Екатерины Павловны, написанный *М. Лонгиновой.* Это столь извѣстная въ Москвѣ Марья Александровна Лонгинова, дѣйствительная тайная совѣтница мать нашего библіографа Михаила Николаевича. Она бы ужаснулась отъ мысли, что попадетъ въ печать.

Отъ души пожелаемъ Петру Ивановичу Щукину новыхъ успѣховъ въ его достойной всякаго сочувствія дѣятельности на поприщѣ роднаго историческаго самопознанія. Собрать такой Музей, какой нынѣ у него, есть истинная передъ согражданами заслуга. Одними денежными средствами ея не достигнешь: тутъ нужны живое знаніе, опытность и любовь къ дѣлу. П. Б.

Воспоминанія о студенческой жизни. Москва 1899. Малая 8-ка, 270 стр.

Достоуважаемой предсѣдательницѣ Общества распространенія полезныхъ книгъ, столь много потрудившейся для благаго просвѣщенія на Руси, пришла счастливая мысль издать этотъ сборникъ. Онъ читается легко и пріятно съ первой до послѣдней страницы и занимателенъ не только для нынѣшнихъ, но и для всѣхъ прежнихъ студентовъ Московскаго университета, котораго жизнь изображена здѣсь слишкомъ за полстолѣтія, съ того времени, когда, послѣ Французскаго нашествія, студенты пребывали и лекціи читались въ тѣсныхъ каморкахъ наемнаго дома и до нашихъ дней, когда Университетъ занимаетъ собою нѣсколько прекрасныхъ и огромныхъ зданіяхъ, все еще недостаточно вмѣщающихъ въ себѣ многотысячное число юношей, наставниковъ, профессоровъ и чиновниковъ. Отмѣнно любопытныя воспоминанія Д. Н. Свербеева относятся къ 1814—1817 годамъ, а гг. Дергачевъ и Кирпичниковъ живо разсказываютъ объ Университетской жизни шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Въ книжкѣ помѣщены также выдержки изъ напечатанныхъ уже прежде воспоминаній Ѳ. И. Буслаева и С. М. Соловьева, при чемъ въ сихъ послѣднихъ не опущены, къ сожалѣнію, невѣрные отзывы о С. П. Шевыревѣ. Мы уже имѣли случай (Русскій Архивъ 1897, III) замѣтить, какъ пристрастенъ былъ покойный историкъ относительно М. П. Погодина, этого великаго писателя-гражданина, какимъ онъ нынѣ является въ превосходномъ трудѣ Н. П. Барсукова. Долгъ благодарности побуждаетъ насъ заявить здѣсь, что, вопреки С. М. Соловьеву, и Шевыревъ принадлежалъ къ числу достопамятнѣйшихъ профессоровъ Московскаго Университета и много послужилъ ему: студенты же его времени никогда не позабудутъ добра, которое они отъ него и чрезъ него получили. Изданная А. Н. Стрекаловой книжка о Московскомъ университетѣ предназначена для чтенія преимущественно студентамъ, и жаль, что они могутъ получить превратное понятіе о такомъ профессорѣ, какимъ былъ С. П. Шевыревъ. П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ **1898**—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

7.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1899.

НОВЫЯ КНИГИ.

Архивъ Князя Ѳ. А. Куракина. Книга VIII-я подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Саратовъ, 1899. 8-ка XII+509.

Восьмой томъ „Архива“ Князя Ѳ. А. Куракина дѣлится на двѣ части: Бумаги князя Бориса Ивановича за 1713 годъ и Бумаги его правнука, князя Александра Борисовича, за 1775—1777 годы.

Личность князя Бориса Ивановича уже ярко обрисовалась въ предыдущихъ томахъ Архива, полныхъ весьма цѣннаго матеріала, имѣющаго большое значеніе для общей исторіи Россіи того времени. Нѣкоторыя темныя стороны Петровской эпохи получаютъ неожиданное освѣщеніе благодаря бумагамъ этого ревностнаго сотрудника Петра Великаго, его свояка (онъ былъ первымъ бракомъ женатъ на Ксеніи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, родной сестрѣ царицы Евдокіи), учившагося въ Венеціи, участвовавшаго въ обоихъ Азовскихъ походахъ, осаждавшаго Нарву и неустрашимо бившагося подъ Полтавою, а съ 1709 года вступившаго на поприще дипломатіи, на которомъ и стяжалъ себѣ громкую славу.

Помѣщенные въ этомъ томѣ дипломатическіе мемуары князя, занимавшаго въ это время мѣсто посла при „Генеральныхъ Статахъ Соединенныхъ Нидерландъ“, содержатъ много любопытнаго, между прочимъ проектъ нѣкоего полковника Геслера о возмущеніи противъ Турокъ въ пользу Россіи Черногорцевъ, похвальное слово Голландіи и разсужденіе князя на „артикулы инструкціи дворовой о мирѣ со Швеціей“.

Вторая бо́льшая часть тома, изображая жизнь и сношенія блестящаго баловня судьбы, князя Александра Борисовича, имѣетъ высокій, такъ сказать, культурно-психологическій интересъ.

Представитель древняго, красавецъ собой, воспитанникъ Лейденскаго университета, образовавшій себя путешествіями по чужимъ землямъ, онъ своими выдающимися способностями обратилъ на себя вниманіе Екатерины Великой. Дипломатическую свою службу князь началъ, не будучи еще 20 лѣтъ отъ роду, при Русскомъ послѣ въ Копенгагенѣ, Сальдернѣ, но не долго тамъ оставался. Въ 1775 г. онъ былъ опредѣленъ въ сенатъ, къ столу генералъ прокурора. Близкій в. к. Павлу Петровичу и родственникъ Панинымъ, князь А. Б. несмотря на свои 24 года, являлся крупной величиной, и его дружбою дорожили весьма многіе; какъ старшій, онъ зорко наблюдаетъ за своими братьями—Алексѣемъ, еще учившемся въ Лейденѣ, и Степаномъ, кирасирскимъ офицеромъ, и соединяетъ въ себѣ нити многочисленной вліятельной родни. Къ сожалѣнію его писемъ брату не напечатано, но и изъ отвѣтовъ князя Алексѣя Борисовича видно, что онъ вникалъ во всѣ мелочи ученія и жизни будущаго министра внутреннихъ дѣлъ.

УКАЗЪ КНЯЗЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ЧЕРКАСКАГО АБРОСИМУ СЕМЕНОВУ.

Ѣхать тебѣ въ Черкаскія мои слободы Алексѣевскую, Богородицкую и Марьино *) и быть въ оныхъ слободахъ на мѣсто прежняго управителя Ивана Матисена управителемъ и исполнять по нижеслѣдующимъ пунктамъ:

1) Пріѣхавъ въ оныя слободы, у прежняго управителя Ивана Матисена данныя инструкціи и посланные указы, приходныя и расходныя книги и всякія вѣдомости, дворъ мой со всякимъ строеніемъ и мельницу со всѣми мельничными инструментами и сборный мой всякій хлѣбъ, винницу и казаны и со всякимъ заводомъ лошадей и всякую скотину по прежнему росписному списку осмотрѣть, написать все именно и, учиня всему росписные списки, принять съ роспискою и изъ оныхъ одинъ росписной списокъ прислать въ домовую мою канцелярію, а таковой же росписной списокъ оставить у себя и что̀ явится сверхъ прежняго росписнова списку прибылова, оное все написать въ нынѣшній новый росписной списокъ обстоятельно и по принятіи онаго исполнять тебѣ, какъ въ оной инструкціи и указахъ написано, во всемъ непремѣнно; а онаго Матисена и при немъ съ приходными и расходными всякихъ сборовъ книгами выслать въ Москву въ домовую мою канцелярію къ счету.

2) Справиться подлинно, сколько на Вологодской драгунскій полкъ слободы Алексѣевской взято было подводъ съ людьми, и по указу ли тѣ подводы взяты, и въ томъ взятьи было ли расположеніе съ другими посторонними обывателями, и не было ли отъ оной слободы излишнихъ подводъ и всѣ ли возвратились; и о томъ прислать ко мнѣ именную вѣдомость. А буде означенныя подводы взяты безъ указу или противъ расположенія излишне, и о томъ бить челомъ того полку на полко-

*) Воронежской губерніи, Бирюченскаго уѣзда. По Словарю Географическаго Общества (1863) въ Алексѣевской слободѣ съ ея приселками 77 тысячъ душъ населенія на 120.000 десятинахъ земли. П. Б.

выхъ командировъ, гдѣ надлежитъ, и для вѣдома писать ко мнѣ. Впредъ по указамъ Ея Императорскаго Величества во всякихъ требованіяхъ исполнять тебѣ во всемъ непремѣнно, какъ въ тѣхъ указахъ написано будетъ, не отписывая ко мнѣ, а излишняго сверхъ указу и безъ указу никому ничего не давать, и въ такихъ случаяхъ о обидахъ бить челомъ главнымъ командирамъ.

3) Въ городъ за всякими слободскими дѣлами по прежнимъ моимъ указамъ ѣздить тебѣ самому, а изъ Черкасъ[1]) никого не посылать и отъ всякихъ напрасныхъ убытковъ слободы мои охранять, чтобъ о томъ впредъ никакихъ отъ нихъ жалобъ не было и отстоящихъ на квартирахъ полковъ отъ обидъ охранять же, а отъ кого будутъ происходить обиды, на такихъ бить челомъ командующему генералитету.

4) Въ оныхъ моихъ слободахъ нынѣ на лицо сколько плацовъ[2]) и хатъ жилыхъ имѣется, также и послѣ выходныхъ сколько пустыхъ хатъ, и все именно и давно ли и отчего запустѣли, справясь прислать ко мнѣ обстоятельную вѣдомость и впредъ о прибылыхъ и вышедшихъ Черкасъ дворахъ и хатахъ, жилыхъ и пустыхъ, присылать третныя вѣдомости во всемъ и прилежное имѣть стараніе, какъ доброму и вѣрному слугѣ надлежитъ, и надъ приходящими Черкасы въ тѣхъ слободахъ населенія какъ возможно пріумножить, и для того призывать ихъ ласкою, объявляя, что имъ излишнія и напрасныя тягости никакой отъ меня кромѣ положеннаго чиншу не будетъ, а убѣглыхъ казаковъ и подпомощниковъ, также и всякаго званія Русскихъ людей и моихъ вотчинныхъ крестьянъ, не принимать и жить не допускать.

5) Сторожей потребное число, какъ для карауловъ на дворъ мой и въ канцелярію, такъ и для случающихся разсылокъ опредѣлить по совѣту со всего громаднаго[3]) приговору, безъ излишества, и сверхъ надлежащаго числа излишнихъ не употреблять. Черкасъ къ тому тебѣ не принуждать и на свою работу Черкасъ и женъ ихъ тебѣ не посылать надъ опасеніемъ штрафа.

---

[1]) Т. е. такъ называемыхъ Малороссіянъ, которыми постепенно заселялись южные уѣзды Воронежской губерніи. Этимъ поселенцамъ предоставлялись разныя льготы, и тѣмъ исполнялась мысль Петра Великаго, о которой упоминаетъ Фридрихъ Великій въ своихъ Запискахъ: при тогдашней затруднительности охранять войскомъ Русскія обширныя границы, обезопасить ихъ съ Запада лѣсами и топями Бѣлоруссіи, а съ Юга ненаселенными степями. Слова *свобода* (отъ податей и поборовъ) и *слобода* одно и тоже: народъ вмѣсто *освободить* говоритъ *ослобонить*. Отсюда и названіе „Слободоукраинской“ губерніи. П. Б.

[2]) Т. е. площадей. П. Б.

[3]) Т. е. по великороссійски мірскаго. П. Б.

6) На 738-й годъ въ оныхъ слободахъ по окладу чиншевыя, указанныя деньги собрать тебѣ въ скорости и тѣ деньги прислать въ Москву въ казенное вѣдомство съ нарочными казаками и съ добрыми проводниками, не ожидая въ томъ впредъ подтвердительныхъ указовъ, и почему оныя деньги собрать надлежитъ и съ чего именно, о томъ въ вышеписанныхъ инструкціяхъ и въ посланныхъ указахъ и окладныхъ книгахъ написано именно.

7) Въ бытность твою въ оныхъ слободахъ получать тебѣ жалованья изъ тамошнихъ моихъ доходовъ денегъ двадцать пять рублевъ, хлѣба, ржи, гречи по двадцати четвертей, съ роспискою; а болѣе того изъ моихъ доходовъ и съ Черкасъ ничего не брать и нападковъ и обид ъ Черкасамъ никакихъ не чинить подъ опасеніемъ немалаго штрафа У подлиннаго указа подписано такъ: князь Алексѣй Черкаской.

Изъ Клину.
Января 10 дня 1739 года.

*

Извѣстный канцлеръ князь А. М. Черкаскій, политическая роль котораго еще не вполнѣ выяснена, какъ и настоящее значеніе этого чисто-Русскаго человѣка, вызвавшаго несочувственные отзывы иностранцевъ въ то время, когда иностранцы у насъ хозяйничали, отличался тѣмъ же, какъ видимъ, человѣколюбивымъ стремленіемъ, какъ и его единственная и горячо любимая дочь, Варвара Алексѣевна, въ замужествѣ графини Шереметева.

Хозяйственныя распоряженія князя Черкаскаго не лишены бытового интереса и характеризуютъ то направленіе, которое не вяжется съ ходячими взглядами на повальное изувѣрство и гнетъ помѣщичьей власти. Сгущать краски теперь повидимому принято; но лучшимъ отвѣтомъ могутъ послужить не разсужденія, а документальныя свидѣтельства, идущія въ разрѣзъ съ извѣстными обобщительными теоріями, подобными встрѣчающимся въ статьяхъ подъ заглавіемъ: «Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка» («Русская Старина» 1899 г.)

Графъ С. Шереметевъ.

ПЯТЬ РЕСКРИПТОВЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КНЯЗЮ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ.

1.

Полученъ 27 Генваря въ Кіевѣ.

Князь Александръ Александровичъ. По обороту, который приняли дѣла наши съ Портою Оттоманскою, ожидать можно, что нѣкоторую часть земскаго войска, главному начальству вашему ввѣреннаго, должно будетъ двинуть къ границѣ Турецкой и посредствомъ сего поставить васъ въ возможность содѣйствовать операціямъ генерала Михельсона.

Извѣщая васъ о обстоятельствахъ сихъ, я признаю нужнымъ, чтобы вы соотвѣтственно тому учредились въ тѣхъ распоряженіяхъ, которыя вами сдѣланы будутъ къ образованію Милиціи области вашей. Желательно было бы, чтобы вы, руководствуясь наставленіями, вамъ данными, и стараясь сколько можно отвратить всякій поводъ къ безвременному безпокойству крестьянъ, довели образованіи Милиціи до такой степени готовности, чтобы хотя часть оныхъ обращена быть могла на службу.

Въ семъ предположеніи, я предоставляю на усмотрѣніе ваше, не будетъ ли какого неудобства въ нарядѣ первоначально на службу Милиціи губерній Екатеринославской и Херсонской, такъ какъ пограничныхъ и населенныхъ людьми изъ разныхъ мѣстъ стекшимися и притомъ поселенными на большомъ пространствѣ, при немалой удобности къ побѣгамъ.

Если заключеніе сіе можетъ быть уважительно, то въ такомъ случаѣ удобнѣе, быть можетъ, прибѣгнуть къ наряду земскаго войска изъ губерній Кіевской и Малороссійской-Полтавской и, подвинувъ ихъ къ границѣ, оставить позади Милиціи Новороссійскаго края.

Въ семъ послѣднемъ случаѣ, я желаю, чтобы вы вошли въ соображеніе, какое количество войска сего, хотя отчасти вооруженнаго, обращено къ границамъ Турецкимъ быть можетъ, принявъ къ надлежащему соображенію и способы продовольствія онаго на мѣстѣ его назначенія или доставленія провіанта по положенію, на три мѣсяца отъ земли назначеннаго; но въ семъ послѣднемъ случаѣ нужно такъ распорядиться, чтобы движеніе запасовъ сихъ не могло остановить

подвоза на обывательскихъ подводахъ провіанта для войска, въ Кіевской и Малороссійской-Полтавской губерніи повелѣннаго.

Зная въ полной мѣрѣ благоразуміе ваше и тѣ основательныя соображенія, къ коимъ вы по возлагаемымъ на васъ дѣламъ пріобыкли, я не сомнѣваюсь, чтобы вы не изобрѣли самыхъ лучшихъ мѣръ къ исполненію вышеупомянутаго предположенія, когда нужда того востребуетъ и потому ожидать буду отъ васъ подробнаго о семъ донесенія.

Пребываю въ прочемъ вамъ всегда благосклоннымъ. Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 11, 1807.

2.

№ 47. (Полученъ) 11 Іюля 1807.

Князь Александръ Александровичъ. Упорная и кровопролитная между Россіей и Франціей война, въ которой каждый шагъ, каждое дѣйствіе ознаменованы неустрашимою храбростью и мужествомъ войскъ Россійскихъ, заключеннымъ 27-го дня сего мѣсяца миромъ, Богу благодареніе, прекращена. Возстановлено блаженное спокойствіе, неприкосновенность и безопасность границъ Россійскихъ охранены новымъ приращеніемъ, и Россія симъ обязана геройскимъ единственно подвигамъ, неутомимымъ трудамъ и рвенію, съ которымъ храбрые ея сыны на всѣ бѣдствія и на самую смерть безстрашно стремились. Я спѣшу о семъ благополучномъ происшествіи васъ увѣдомить для извѣщенія во всемъ начальствѣ вашемъ. Пребываю вамъ всегда благосклонный

Александръ.

Іюня 28 дня 1807 года
Таврогенъ.

3.

Князь Александръ Александровичъ. Комитетъ для главнаго производства дѣлъ по Милиціи представилъ мнѣ судъ, въ Кіевѣ по приказанію вашему надъ пятидесятникомъ подвижного земскаго войска Овсіевскимъ, за законопротивные поступки его произведенный.

Утверждая мнѣніе ваше по сему дѣлу, я поручаю вамъ предписать привесть оное въ исполненіе, но вмѣсто ссылки Овсіевскаго, по лишеніи чина и дворянства на вѣчную работу, обратить его въ отдаленные Сибирскіе полки въ солдаты безъ выслуги. Пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Въ С.-Петербургѣ
Августа 16. 1807.

4.

Князь Александръ Александровичъ. Разсмотрѣвъ представленія ваши отъ 30 Іюля, съ нарочнымъ здѣсь полученныя, о затрудненіяхъ въ снабженіи милиціи, вамъ ввѣренной, порохомъ и свинцомъ и о сум-

махъ на обмундированіе и содержаніе оной, если она останется на службѣ особеннымъ корпусомъ, я нашелъ тутъ новый опытъ благоразумной предусмотрительности вашей, точности и ревности, съ коими исполняете вы всѣ дѣла, на васъ возлагаемыя.

Находя совершенно основательными описываемыя вами неудобства въ доставленіи изъ отдаленныхъ мѣстъ пороха и свинца для ввѣреннаго вамъ подвижнаго земскаго войска, я, какъ по сему, такъ и по уваженію того, что войско сіе находится въ дѣйствительной службѣ, поручилъ министру военныхъ сухопутнымъ силъ сдѣлать распоряженіе, дабы порохъ и свинецъ по мѣрѣ надобности и по вашему востребованію отпускаемъ былъ для Милиціи VI области изъ артиллерійскаго вѣдомства на томъ самомъ основаніи, какъ отпуски сіи для всѣхъ войскъ производятся.

Что касается до самой Милиціи сей, то полагая, что и она, бывъ обращена по обстоятельствамъ на службу особымъ корпусомъ, должна поступить, какъ скоро сіе будетъ возможно, на комплектованіе арміи, я признаю, что безполезно было бы производить на полное снабженіе ея, какъ отдѣленнаго и непремѣннаго войска, довольно значущія издержки и что потому должно оставить ее въ настоящемъ видѣ, доставляя по мѣрѣ надобности всѣ нужныя вещи по лучшему вашему усмотрѣнію изъ суммъ на Милицію опредѣленныхъ, до того времени, когда приступить можно будетъ къ принятію окончательныхъ мѣръ къ распредѣленію войска сего, что̀ ни въ какомъ случаѣ далѣе исхода настоящаго года продлиться не можетъ.

Извѣщая васъ о таковомъ предположеніи моемъ, я удостовѣренъ, что посредствомъ благоразумныхъ вашихъ распоряженій всѣ въ продолженіе сего времени необходимыя надобности для ввѣренной вамъ Милиціи наилучше удовлетворены будутъ.

Пребываю вамъ всегда благосклонный Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.
Августа 20 1807.
Полученъ 30-го Августа 1807.

5.

Князь Александръ Александровичъ. Во изъявленіе совершенной моей признательности къ заслугамъ вашимъ, въ продолженіе долговременнаго служенія въ пользу отечества оказанныхъ, наипаче въ теченіе прошедшей войны, гдѣ вы неусыпною дѣятельностью въ короткое время устроили Милицію совершенно исправною въ службѣ, пожаловалъ я васъ въ генералъ-фельдмаршалы и вмѣстѣ съ тѣмъ ввѣряю вамъ армію, состоявшую подъ начальствомъ покойнаго генерала Михельсона, въ

твердомъ увѣреніи, что сіе назначеніе подастъ вамъ новый случай оказывать пользу службѣ и мнѣ къ изъявленію отличнаго уваженія, съ коимъ не престану быть вамъ благосклонный Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.
30-го Августа 1807.

Съ подлинниковъ, любезно сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ" (равно какъ и три нижеслѣдующія письмà) княгинею Марьею Александровной Голициной-Прозоровскою. П. Б.

ПИСЬМО И. И. МИХЕЛЬСОНА КЪ КНЯЗЮ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый государь князь Александръ Александровичъ. Переговоры наши сближаются къ перемирію, котораго два первые артикулы уже заключены. Обѣ стороны оставляютъ Молдавію и Валахію до постановленій мира. Затрудненіе было въ разсужденіи крѣпостей, о коихъ въ наставленіи мнѣ ничего не сказано; но я судилъ, что и ихъ должно очистить яко въ Молдавіи и Валахіи лежащіе. Турки и на то теперь соглашаются. Другое затрудненіе: ничего не сказано о Сербахъ. Но для сохраненія чести оружія нашего я настаиваю, чтобы перемиріе и на сей бѣдный народъ распространялось. О семъ теперь споръ еще происходитъ, а я стыжусь оставить ихъ быть жертвою преданности къ Россіи, когда Наполеонъ всѣхъ подобныхъ преданныхъ ему поддержалъ. Наконецъ боюсь, что принужденъ буду ихъ оставить. Съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ и преданностью быть честь имѣю, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

Иванъ Михельсонъ.

5-го Августа 1807.
Букарестъ.

Отвѣтъ.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ.

Сего Августа 19 числа я имѣлъ честь получить письмо вашего высокопревосходительства отъ 6-го сего же мѣсяца; судя по разстоянію мѣста, это не такъ скоро.

Извѣстно вамъ, милостивый государь мой, что я не ласкатель; особливо же при старости моихъ лѣтъ сіе было бы неприлично. Но скажу вамъ откровенно, что я съ сердечнымъ восхищеніемъ читалъ письмо ваше, видя столь основательныя и патріотическія ваши положенія въ постановленіи пунктовъ перемирія, какъ въ разсужденіи очи-

щенія крѣпостей отъ гарнизоновъ, такъ наипаче относительно единовѣрцевъ нашихъ, о которыхъ попеченіе ваше и Богу будетъ угодно. Я не знаю, кто ихъ подвигнулъ къ возмущенію противу своего правительства; но какъ бы то ни было, одно человѣчество запрещаетъ подвергнуть ихъ мечу Турецкому. Вы представляете сему свѣжій примѣръ: императоръ Французскій никакъ не согласился отдать Прусскому королю принадлежавшей ему же Польши, яко людей по его подстреканью приверженныхъ къ интересамъ Франціи. Слѣдовательно тѣмъ паче Сербы заслуживаютъ справедливаго отъ васъ покровительства. Дай Богъ, чтобы вы во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ имѣли совершенный успѣхъ, къ общему благу и къ истинному патріотическому удовольствію пребывающаго къ вамъ съ душевнымъ почтеніемъ и совершенною преданностью, милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства...

Въ К.-Подольскомъ.
Августа дня 1807 года [1]).

ПИСЬМО ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ КНЯЗЮ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый государь князь Александръ Александровичъ.

Отправляя къ вашему сіятельству курьера съ подробнымъ моимъ отвѣтомъ на всѣ ваши приказанія, я только болѣе ничего не желаю такъ какъ того, чтобъ ваше ко мнѣ расположеніе не перемѣнилось; ибо сего, кажется многіе желаютъ.

Я признаюсь вашему сіятельству въ моихъ слабостяхъ: я очень мнительный отъ природы человѣкъ, то и опасаюсь уже, не хочетъ ли Володимеръ Ивановичъ[2]) вашего сіятельства противу меня перемѣнить; но я всегда буду стараться доказывать то, что болѣе меня никто не преданъ вамъ и не уважаетъ такъ, какъ истинно вамъ преданный и покорный слуга г. Аракчеевъ.

12 Февраля 1809.
С.-Петербургъ.

---

[1]) Съ черноваго подлинника.
[2]) Кто это, намъ неизвѣстно. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ 1863 ГОДА ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

(По разсказамъ генералъ-адъютанта Гонецкаго).

Эти разсказы записаны мною лѣтомъ 1885 г. со словъ генералъ-адъютанта Ивана Степановича Гонецкаго, имъ же затѣмъ просмотрѣны въ рукописи и по его указанію исправлены. Нѣкоторыя исправленія сдѣланы были также генералъ-маіоромъ барономъ Ѳед. Петр. Зассомъ, который въ 1863 году командовалъ 1-ю стрѣлковою ротою лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка и о которомъ упоминается во второмъ разсказѣ. Въ такомъ видѣ разсказы были переданы мною въ 1894 г. въ „Русскій Вѣстникъ", гдѣ и появились, но съ измѣненіями и сокращеніями, а три изъ нихъ совсѣмъ не напечатаны. Между тѣмъ разсказы эти очень живо рисуютъ положеніе дѣлъ въ Западномъ краѣ во время Польскаго мятежа. Чтò важнѣе всего, они записаны со словъ лица, принимавшаго главнѣйшее участіе въ подавленіи Польскаго мятежа и, слѣдовательно, отличаются исторической точностью. Въ виду этого я рѣшился напечатать ихъ вновь, безъ всякихъ пропусковъ. Но при этомъ я еще разъ отдалъ ихъ на просмотръ брату Ивана Степановича, члену Государственнаго Совѣта, генералу-отъ-инфантеріи Николаю Степановичу Гонецкому. Николай Степановичъ любезно сдѣлалъ нѣкоторыя указанія, которыя и приняты къ свѣдѣнію. Затѣмъ они были просмотрѣны также Е. К. Теннеромъ (нынѣ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго присутствія Опекунскаго Совѣта), о которомъ упоминается во второмъ разсказѣ, и найдены имъ вполнѣ вѣрными дѣйствительности. Въ такомъ видѣ все это теперь и печатается.

Считаю нужнымъ привести главныя біографическія данныя объ И. С. Гонецкомъ, любезно сообщеныя сыновьями его, Дмитріемъ Ивановичемъ (у котораго хранится весь богатый архивъ, оставшійся послѣ смерти его отца) и Николаемъ Ивановичемъ Гонецкими [1]).

Отецъ Ивана Степановича, Степанъ Михайловичъ Гонецкій [2]), происходилъ изъ дворянъ Смоленской губ. Онъ служилъ въ лейбъ-гвардіи Семенов-

---

[1]) Самая біографія любезно составлена, по нашей просьбѣ, на основаніи этого матеріала, О. В. Крыжановскимъ.

[2]) Мы пишемъ не Ганецкій, какъ это обыкновенно принято, а Гонецкій, какъ эта фамилія записана въ Общемъ Гербовникѣ Россійской Имперіи (кн. 6). Черезъ *а* сталъ писать свою фамилію еще отецъ Ивана Степановича, но и до сихъ поръ еще нѣкоторые члены рода Гонецкихъ пишутъ свою фамилію по старому, черезъ *о*.

скомъ полку и въ 1790 г., принималъ участіе въ бывшей тогда войнѣ противъ Шведовъ, находясь съ войсками въ Финляндіи. Въ 1802 г., по смерти своего отца, для поддержанія старушки-матери и для хозяйства по имѣнію, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи, находившемся въ Духовщинскомъ у., Смоленской губ., у Соловьева Перевоза. Въ 1809 г., онъ женился на дочери помѣщицы Эсмонтъ и служилъ по выборамъ. Отъ этого брака онъ имѣлъ троихъ дѣтей: старшаго сына Ивана, родившагося 26 Сентября 1810 г., дочь Александру, родившуюся въ 1813 г., и младшаго сына Николая, родившагося въ 1815 г. Въ 1822 г., по неимѣнію средствъ къ образованію дѣтей, онъ повезъ ихъ въ Петербургъ, гдѣ дочь Александра была опредѣлена въ томъ же году въ Екатерининскій институтъ, а сыновья Иванъ и Николай поступили въ Первый Кадетскій корпусъ.

По окончаніи курса наукъ въ корпусѣ, Иванъ Степановичъ былъ выпущенъ 25 Декабря 1828 г. прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ. Въ Апрѣлѣ 1829 г. онъ, въ составѣ усиленной роты Финляндскаго полка, выступилъ въ походъ къ Юго-Западной границѣ, въ Каменецъ-Подольскую губернію; но по случаю окончанія войны съ Турціей, дошедши до м. Тульчина, возвратился съ своимъ полкомъ назадъ и 10 Февраля 1830 г. прибылъ въ Петербургъ.

Будучи еще молодымъ офицеромъ, И. С. Гонецкій въ 1836 г. отправился на Кавказъ, гдѣ принималъ участіе въ кампаніи противъ горцевъ. Здѣсь онъ оставался въ теченіе года, прошедши такимъ образомъ хорошую боевую школу и за отличіе въ дѣлахъ былъ награжденъ 4 Іюня 1837 г. орденомъ св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ.

Быстро повышаясь въ чинахъ, И. С. въ 1847 г. былъ произведенъ уже въ полковники, а 27 Сентября 1848 г. утвержденъ командиромъ 2 баталіона лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

По случаю войны съ Венгріей въ 1849 г., И. С. находился въ походѣ гвардіи къ Западнымъ границамъ имперіи съ 15 Мая по 1 Ноября 1849 г., и въ этотъ періодъ времени, 29 Іюля, былъ утвержденъ командиромъ 1-го батальона лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

30 Августа 1854 г. И. С. былъ назначенъ командующимъ лейбъ-гвардіи Финляндскимъ резервнымъ полкомъ; 30 Августа 1855 г. И. С. за отличіе по службѣ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командующимъ 4-ой гваредейской пѣхотной бригадой и лейбъ-гвардіи Финляндскимъ резервнымъ полкомъ, а 9 Іюня 1856 г., назначенъ командиромъ Финляндскаго дѣйствующаго полка.

Финляндскій полкъ въ это время, когда прекратилось тревожное время Севастопольской войны, двигался изъ Ломжи въ Москву. Въ Ельнѣ, уѣздномъ городѣ Смоленской губ., И. С. принялъ 16 Іюня надъ нимъ начальство, и съ этихъ поръ, „отъ Ельни", какъ говорили старики, для полка

„настали другія времена“ [1]). Дѣйствительно, И. С. въ качествѣ военнаго человѣка былъ выдающеюся личностію. Онъ „отличался всегда умѣньемъ говорить съ солдатомъ, проникать ему въ душу и дѣйствовать на его убѣжденія. Выѣхавъ изъ Москвы, навстрѣчу полку, генералъ Гонецкій, по его словамъ, нашелъ его какъ бы усталымъ, не такимъ бодрымъ, какимъ онъ его оставилъ; но достаточно было нѣсколько дней, нѣсколькихъ бесѣдъ Ивана Степановича съ Финляндцами, давно его знавшими... достаточно было нѣсколькихъ переходовъ, чтобы все встрепенулось и ожило“ [2]).

Эти прекрасныя качества И. С—ча были замѣчены еще императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который сказалъ разъ ему на церковномъ парадѣ по случаю полкового праздника: „Я тебя благодарю не за церемоніальный маршъ и смотръ, которые у тебя всегда хороши, а за тотъ молодцеватый видъ, молодцеватость твоихъ солдатъ и ихъ разумные отвѣты“ *).

На собственныя средства Гонецкій заводилъ военныя состязанія солдатъ, выдавалъ призы лучшимъ стрѣлкамъ и въ 1856 г. устроилъ на Смоленскомъ полѣ стрѣльбище.

Въ 1863 году И. С. съ ввѣреннымъ ему Финляндскимъ полкомъ поступилъ въ составъ войскъ Виленскаго военнаго округа. Онъ находился въ Виленской губ. съ 1 Февраля по 7 Августа 1863 г. и въ Гродненской съ 22 Августа и до окончательнаго усмиренія мятежа, по 29 Октября того же 1863 г. Здѣсь онъ выказалъ блистательныя военныя способности, разбивъ шайки Сѣраковскаго и Колышки, этихъ главныхъ предводителей Польскихъ повстанцевъ. Борьба съ ними была особенно трудна потому, что повстанцы вели партизанскую войну, при чемъ имъ покровительствовала топографія страны, густые лѣса и болота, а также прекрасное знаніе мѣстности. Тѣмъ славнѣе была одержанная надъ ними побѣда. О значеніи, придаваемомъ этой побѣдѣ мѣстнымъ Русскимъ населеніемъ, можно судить по той встрѣчѣ, которая была оказана И. С-чу и его войскамъ при его въѣздѣ въ Вильну и о которой говорится далѣе во второмъ разсказѣ. Считаемъ также нелишнимъ сообщить о проводахъ, которые тогда были устроены И. С-чу. Вотъ какъ разсказывается объ этомъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ въ № за 17 Іюля 1863.

„Вчера (13 Іюля) вечеромъ были проводы бывшаго командира л.-гв. Финляндскаго полка, генерала Гонецкаго, и офицеровъ отправившагося съ нимъ эшелона. Въ буфетѣ Виленской станціи желѣзной дороги былъ приготовленъ ужинъ, устроенный по подпискѣ, и впереди всѣхъ была подпись Михаила Николаевича Муравьева. Списокъ подписавшихся былъ врученъ

---

[1]) Ф. Ростковскій. Исторія лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Отд. II. Спб. 1881 г., стр. 127.

[2]) Тамъ же, стр. 126—127.

[3]) Тамъ же, стр. 104.

на память Ивану Степановичу Гонецкому *). Около 11-ти часовъ онъ подъ звуки музыки, былъ подведенъ къ столу. За ужиномъ тосты и спичи слѣдовали одинъ за другимъ, при громкихъ кликахъ ура всѣхъ пирующихъ и нижнихъ чиновъ отправлявшагося эшелона. Первый тостъ за здоровье Государя Императора былъ предложенъ П. С. Лебедевымъ, бывшимъ профессоромъ Николаевской Академіи генеральнаго штаба, состоящимъ нынѣ въ распоряженіи М. Н. Муравьева. Петръ Семеновичъ говорилъ нѣсколько спичей, съ большимъ воодушевленіемъ и съ свойственнымъ ему умѣніемъ, и между прочимъ онъ прочиталъ „Клеветникамъ Россіи" Пушкина. Потомъ пили тосты въ честь генерала Гонецкаго и офицеровъ Финляндскаго полка. Въ $11^{1}/_{2}$ часовъ получена съ генералъ-губернаторской дворцовой станціи телеграмма: „Командиру Финляндскаго полка генералу Гонецкому. Искренно сожалѣю, что не могъ лично присутствовать на прощальномъ ужинѣ. Прошу почтеннаго Ивана Степановича заявить его молодецкому полку мою искреннюю благодарность за военные его подвиги, подавившіе мятежъ и крамолу въ здѣшнемъ краѣ. Заочно пью за здоровье славнаго полка и доблестнаго начальника его. Ура! М. Муравьевъ". Громкое ура было отвѣтомъ на это привѣтствіе Михаила Николаевича; снова провозгласили тостъ за его здоровье, а Гонецкій, ставъ на окно залы, прочиталъ своимъ молодцамъ эту телеграмму, при громкихъ восклицаніяхъ восторженныхъ солдатъ. Въ 12 часовъ Гонецкій донесъ по телеграфу же: „Генералъ-губернатору. Финляндскій полкъ пьетъ за здоровье геніальнаго человѣка, который правитъ здѣшнимъ краемъ. За здоровье и благоденствіе Михаила Николаевича Муравьева. Ура"! На это посланъ изъ дворца контръ-отвѣтъ въ $12^{1}/_{4}$ часа пополуночи, къ сожалѣнію не поспѣвшій во время ужина: „Генералу Гонецкому. Въ отвѣтъ на ваше привѣтствіе, еще разъ душевно благодарю въ лицѣ вашемъ моихъ бывшихъ сподвижниковъ и желаю имъ благополучнаго пути. Молодецкіе подвиги Финляндскаго полка останутся навсегда памятны для всякаго истинно-Русскаго. М. Муравьевъ". Состоящій при Михаилѣ Николаевичѣ каммергеръ д. ст. с. Булычевъ прочиталъ: „Родная семья провожаетъ своихъ родныхъ братій, провожаетъ ту храбрую дружину, которой имя долго будетъ памятно въ Литвѣ. Свѣжо межъ нами воспоминаніе о молодецкихъ дѣяніяхъ Финляндскаго полка, и отголосокъ ура, съ которымъ Финляндцы напомнили возстанію о силѣ Русскаго штыка, еще долго и громко будетъ отзываться въ лѣсахъ Литовскихъ. Услышали повстанцы и грозный крикъ во славу Русскаго царя, за родное достояніе. Пусть же Финляндцы услышатъ теперь нашъ громкій привѣтъ въ честь Русскаго оружія, за славу Русскаго побѣдоноснаго войска! Здоровье храбрымъ предводителямъ храброй дружины! Заздравный кубокъ въ честь гг. штабъ, оберъ-офицеровъ и всѣхъ служащихъ въ Финляндскомъ полку. Ура"!

Далѣе въ корреспонденціи приводятся и другіе тосты, между прочимъ тостъ адъютанта М. Н. Муравьева, поручика гусарскаго полка Владимира

*) Списокъ этотъ до сихъ поръ хранится у Н. С. Гонецкаго.

Θедоровича Самарина *), передавшаго приводимый ниже, во второмъ разсказѣ, случай съ гвардейскимъ обозомъ.

Ужинъ, по словамъ корреспондента, кончился около половины 2-го ч. пополуночи. При громовомъ нескончаемомъ ура, раздавшемся по всей Вильнѣ и окрестностямъ, и подъ звуки „Боже царя храни", потянулся поѣздъ, и долго еще слышны были въ ночной тиши гулъ постукивающаго паровоза и звуки народнаго гимна, несшіеся отъ удаляющагося поѣзда.

Довольно радушная встрѣча была оказана И. С-чу и въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ, впрочемъ, на этотъ разъ очень недолго. Объ этомъ можно судить по слѣдующей телеграммѣ, посланной ему 19 Іюля М. Н. Муравьевымъ: „Искренно благодарю васъ и вашихъ молодцевъ Финляндцевъ за добрый привѣтъ. Радуюсь оказываемому вамъ въ столицѣ вполнѣ заслуженному сочувствію. Вы встрѣтите его вездѣ, гдѣ дорожатъ славой Россіи и доблестью Русскаго войска. Еще разъ прошу привѣтствовать отъ меня славный вашъ полкъ".

За свои подвиги И. С. Гонецкій былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-ой степени съ мечами.

7 Іюня 1863 г. онъ былъ назначенъ командовать 16-ой пѣхотной дивизіей, а 19 Августа того же года, въ знакъ особеннаго вниманія, ему былъ пожалованъ мундиръ Финляндскаго полка.

Послѣ этихъ служебныхъ перемѣнъ и наградъ И. С. 22 Августа 1863 г. назначается командующимъ войсками, расположенными въ Гродненской губ., къ которой временно подъ его начальство былъ присоединенъ Ломжинскій уѣздъ Августовской губ. На этомъ посту онъ оставался по 15 Ноября 1865 г. Одновременно съ указаннымъ назначеніемъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и утвержденъ начальникомъ 3-ей пѣхотной дивизіи. За время своего 13 лѣтняго командованія этой дивизіей онъ довелъ ее до блестящаго состоянія, что она и оправдала въ теченіе минувшей Турецкой войны.

4 Апрѣля 1876 г. И. С. назначенъ членомъ Комитета (нынѣ Александровскаго) о раненыхъ, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ, а 19 Февраля 1877 г. назначенъ командиромъ Гренадерскаго корпуса.

Скоро послѣ этого вновь началась боевая дѣятельность И. С. Гонецкаго. Въ Сентябрѣ 1877 г., онъ двинулся во главѣ Гренадерскаго корпуса, чтобы войти въ составъ дѣйствующей Дунайской арміи. 2 Ноября весь Гренадерскій корпусъ сосредоточился подъ Плевной, у Дольняго

*) Память В. Θ. Самарина дорогà людямъ знавшимъ его. Это былъ храбрый воинъ и по истинѣ душа-человѣкъ. Покойные братъ его Николай Θедоровичъ и сестра, графиня М. Θ. Сологубъ передавали намъ, что онъ оставилъ Записки. Желательно видѣть ихъ въ печати. П. Б.

Дубняка и Горнаго Нетрополя, и на И. С. Гонецкаго возложено было командованіе всѣми войсками 6-го участка обложенія Плевны на лѣвомъ берегу р. Вида.

Всѣмъ, конечно, извѣстны подробности Плевненскихъ событій. Для характеристики И. С. Гонецкаго мы воспользуемся нѣсколькими строками изъ корреспонденціи съ поля битвы В. В. Комарова („С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1878 г., № 1).

„Я вошелъ къ корпусному командиру. Крошечная комната въ четыре шага ширины и пять шаговъ длины. Одно небольшое окно съ разбитыми, замазанными стеклами, небольшой складной столъ у окна, въ углу складная кровать, маленькая переносная печь, два складные табурета, голыя почернѣлыя стѣны, битый земляной полъ—вотъ и все жилище корпусного командира Гренадерскаго корпуса, въ которомъ онъ провелъ два мѣсяца. Въ комнатѣ было такъ холодно, вѣтеръ продувалъ такъ немилосердно, что всѣ сидѣли въ шапкахъ и шубахъ.

„Въ эту комнату могъ входить каждый имѣющій дѣло до генерала, входить безъ доклада, за исключеніемъ того времени, когда генералъ бывалъ занятъ съ начальникомъ штаба. Тутъ не было ни дня, ни ночи. Для дѣла не было сна, всегда было время. Иванъ Степановичъ Гонецкій небольшого роста, плотный, крѣпкій мужчина, лѣтъ 65-ти отъ роду. Движенія его быстры, рѣшительны. Голосъ звучный, рѣзкій. Сѣдые рѣдкіе волосы, выраженіе лица доброе, мягкое. Сѣрые глаза полны жизни и движенія. Отличительныя черты Ивана Степановича Гонецкаго, какъ человѣка: необыкновенная простота и прямодушіе. Природный умъ подсказываетъ генералу тотчасъ сущность каждаго дѣла, какъ оно ни кажется сложнымъ, и онъ высказывается прямо и тотчасъ же. Генералъ умѣетъ говорить съ солдатами, умѣетъ понимать ихъ нужды и тяготы и всегда старается облегчить ихъ, на сколько можетъ. Въ тоже время едва ли служба исполняется гдѣ-либо строже, какъ у генерала Гонецкаго“.

А вотъ еще характерная картинка, набрасываемая другимъ корреспондентомъ, Всеволодомъ Крестовскимъ.

„Генералъ Гонецкій все время боя (во время вылазки Плевненскаго гарнизона) разъѣзжалъ по войскамъ первой линіи и ободрялъ ихъ.

— Кукурузники, не отступать и не смѣй думать объ этомъ! съ веселымъ видомъ, грозя кулакомъ, кричалъ онъ нѣсколькимъ Сибирскимъ ротамъ, передъ которыми въ одномъ мѣстѣ разстилалось кукурузное поле.

— Ваше превосходительство, патроновъ нѣтъ! Разстрѣляли уже всѣ патроны, отвѣчали ему изъ ложементовъ солдаты, показывая пустые подсумки.

— Ну и наплевать, коли нѣтъ! Такіе молодцы и безъ патроновъ, однимъ штыкомъ, турнутъ непріятеля, да и баттарею свою назадъ отберутъ!

— Рады стараться, ваше превосходительство! Прикажите впередъ идти.

— Не торопись, братцы; будетъ время—прикажу. Не бойсь, назади не останетесь! А патроны вотъ уже подвозятъ".

Указанная вылазка произошла, какъ извѣстно, 28 Ноября 1877 г. Несмотря на отчаянный натискъ Турокъ, И. С. съ своими гренадерами геройски отбилъ ихъ и тѣмъ самымъ принудилъ къ безусловной сдачѣ Османа-пашу со всей его 40,000-ой арміей. Это геройское дѣло навѣки прославило имя И. С. Гонецкаго. Сама нынѣшняя Государыня Императрица, тогда Цесаревна Марія Ѳеодоровна, прислала ему поздравительную телеграмму.

„Отъ всей души, телеграфировала Цесаревна (1 Декабря), поздравляю васъ съ блестящей побѣдой. Искренно радуюсь за васъ, что вамъ удалось способствовать общей радости".

Характеренъ отвѣтъ И. С-ча на эту телеграмму: „Глубоко тронутъ телеграммой Вашего Высочества. Примите душевную мою благодарность. Отправляясь принять Гренадерскій корпусъ, имѣлъ счастье получить отъ Вашего Высочества благословеніе на трудную предстоящую службу. Этому искреннему благословенію отношу и побѣду, одержанную мною надъ Османъ-пашою".

Въ битвѣ Гонецкій не жалѣлъ себя, нерѣдко очень близко подъѣзжая къ непріятельскимъ выстрѣламъ и подвергая себя опасности. Вслѣдствіе этого, напр., за два дня до сдачи Плевны (26 Ноября), онъ былъ контуженъ въ голову, впрочемъ, не опасно. За взятіе Плевны онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Послѣ взятія Плевны И. С. продолжалъ оставаться въ дѣйствующей арміи, подвигаясь со своими войсками черезъ Габрово, Шипкинскій перевалъ, Казанлыкъ и такъ далѣе до побережья Мраморнаго моря и Архипелага. Здѣсь 17 Апрѣля 1878 г. И. С. былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Черезъ четыре мѣсяца послѣ этого война окончилась, и Гонецкій со своими гренадерами возвратился въ Москву.

Въ первую годовщину взятія Плевны, 28 Ноября 1878 г., И. С. былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, а въ третью годовщину, 28 Ноября 1880 г., зачисленъ въ списки гренадерскаго Астраханскаго полка.

21 Мая 1881 г. И. С. назначенъ комендантомъ С.-Петербургской Петропавловской крѣпости. На этомъ посту онъ оставался до самой своей смерти, 8 Апрѣля 1887 года.

Похороненъ онъ не въ оградѣ церкви Петропавловской крѣпости, гдѣ обыкновенно хоронятся коменданты, а въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ могилой своей жены, какъ самъ того пожелалъ предъ смертью.

Сверхъ многихъ Русскихъ и иностранныхъ орденовъ, Иванъ Степановичъ имѣлъ бронзовую на Владимирской лентѣ медаль въ память 1812-го года съ надписью: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему“. Извѣстно, что эта медаль, установленная высочайшимъ указомъ 30 Августа 1814 года, выдавалась лицамъ, оказавшимъ какія-либо услуги своему отечеству въ тяжелую для него годину испытаній. И. С. Гонецкій получилъ ее въ 1818 году, когда ему было всего восемь лѣтъ. Прислана она была ему отъ предводителя дворянства Смоленской губерніи *).

*

Считаю необходимымъ предварительно представить общую картину состоянія Западнаго края во время Польскаго мятежа. Польскій противо-государственный заговоръ, втайнѣ подготовлявшійся извѣстнымъ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ, проявился въ 1861 году одновременно въ Царствѣ Польскомъ и въ Западныхъ губерніяхъ. Въ первое время онъ выражался костельными процессіями, публичными пѣніями революціонныхъ гимновъ, ношеніемъ Польскихъ цвѣтовъ съ символическими знаками, траурной одежды, чамарокъ, конфедератокъ, собираніемъ пожертвованій на патріотическое дѣло, печатаніемъ возмутительныхъ листковъ, оскорбленіемъ на улицахъ и на гуляньяхъ Русскихъ людей и даже офицеровъ и солдатъ и пр. Русскія власти благодушно смотрѣли на эти выходки и какъ будто совѣстились принимать строгія мѣры противъ безпорядковъ; военнымъ чинамъ приказывалось даже избѣгать всякихъ столкновеній съ Польскими обывателями и не отвѣчать на ихъ брань и насмѣшки. Снисходительность и безнаказанность поощряли главныхъ руководителей мятежа и усиливали дерзость уличныхъ негодяевъ и шляхты. Въ высшихъ Петербургскихъ кругахъ и въ литературѣ раздавались голоса въ защиту угнетенной Польской народности, хотя въ Западныхъ губерніяхъ дѣйствительно угнетенною народностью была не Польская, а Русская: кому неизвѣстно, въ какомъ униженіи паны и шляхта держали православныхъ священниковъ и крестьянъ и въ какомъ убожествѣ находились православныя церкви не только въ селеніяхъ, но даже въ городахъ и въ самой Вильнѣ? Нечего удивляться тому, что Польскій мятежъ вспыхнулъ въ Русскихъ губерніяхъ: мы сами ему потворствовали и усердно подкладывали горючіе матеріалы въ разгоравшійся революціонный пожаръ.

Въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ вооруженный мятежъ вспыхнулъ нѣсколько позже, чѣмъ въ Варшавѣ, именно въ началѣ 1863 года. Въ этомъ мятежѣ были замѣшаны всѣ Польскіе магнаты, помѣщики, ксендзы и шляхта Они требовали присоединенія Западныхъ губерній къ царству Польскому и возстановленія Польскаго государства въ предѣлахъ 1772 года. Такіе поводы къ мятежу были непонятны и чужды не только Русскому православному населенію, т. е. большинству жителей Западныхъ губерній, но и мѣстнымъ

*) Медаль эта передавалась отъ отца къ дѣтямъ. Я тоже имѣю счастіе хранить эту серебряную медаль на голубой лентѣ, полученную моимъ отцомъ, подполковникомъ Арзамазскаго конноегерскаго полка. П. Б.

крестьянамъ, католикамъ. Народъ не вѣрилъ льстивымъ обѣщаніямъ пановъ и шляхты: ни убѣжденія, ни угрозы, ни злодѣйства повстанцевъ, наводившихъ своими набѣгами ужасъ на беззащитныхъ поселянъ, не поколебали вѣрности и преданности ихъ правительству. Какъ ни старались Поляки привлечь народъ на свою сторону и придать шляхтскому возмущенію характеръ общаго народнаго движенія, это имъ не удалось. Народъ совсѣмъ отдѣлился отъ нихъ и относился къ ихъ политической затѣѣ не только безучастно, но даже враждебно. Извѣстно, что крестьяне-старообрядцы сами распорядились захватить, перевязать и представить начальству повстанцевъ, собравшихся въ Витебской губерніи, подъ предводительствомъ помѣщика графа Моля, и намѣревавшихся овладѣть крѣпостію Динабургомъ. Въ Могилевской губерніи помѣщичій бунтъ былъ также укрощенъ крестьянами. Польскій мятежъ въ средѣ Русскаго населенія былъ совершенно безсиленъ и легко могъ быть подавленъ быстрыми и рѣшительными мѣрами. Къ сожалѣнію, управленіе Сѣверо-западнымъ краемъ было въ слабыхъ рукахъ генералъ-губернатора Владимира Ивановича Назимова. Скажемъ въ его оправданіе, что онъ былъ стѣсняемъ въ своихъ дѣйствіяхъ либеральными вѣяніями тогдашнихъ Петербургскихъ правительственныхъ сферъ. Окруженный Польскими панами изъ партіи такъ называемыхъ бѣлыхъ или умѣренныхъ, онъ смотрѣлъ на мятежъ совершенно неправильно и придавалъ ему значеніе, котораго онъ вовсе не заслуживалъ. В. И. Назимовъ былъ убѣжденъ, что мѣстные Польскіе помѣщики представляютъ надежный консервативный элементъ, что они сами болѣе всѣхъ страдаютъ отъ вооруженнаго мятежа безпокойной шляхты; онъ даже вѣрилъ благонадежности капитана генеральнаго штаба Сѣраковскаго (оказавшагося главнымъ вождемъ вооруженныхъ силъ мятежниковъ) и нерѣдко совѣщался съ нимъ и съ мѣстными Польскими панами о мѣрахъ къ прекращенію волненій и къ успокоенію умовъ.

Въ Вильнѣ, какъ главномъ городѣ Сѣверо-западнаго края, имѣлъ мѣстопребываніе генералъ-губернаторъ и находилась вся наша высшая, центральная администрація. Сюда предъ началомъ открытаго мятежа съѣхались самые вліятельные паны подъ тѣмъ предлогомъ, будто они чуждаются партіи ярыхъ, красныхъ революціонеровъ и ихъ вооруженныхъ шаекъ и опасаются жить въ своихъ имѣніяхъ. Въ дѣйствительности, цѣли были иныя: живя въ Вильнѣ, имъ удобнѣе было слѣдить за дѣйствіями правительства, совѣщаться между собою, сноситься съ единомышленниками въ Варшавѣ и Петербургѣ, дѣйствовать на генералъ-губернатора и на Русскихъ чиновниковъ. Имѣя повсемѣстно своихъ агентовъ, они, при содѣйствіи ксендзовъ, подстрекали жителей городовъ и мѣстечекъ къ политическимъ демонстраціямъ, вербовали вооруженныя банды и помогали повстанцамъ укрываться въ лѣсахъ, на мызахъ, фольваркахъ и пр. Отсюда ихъ шайки дѣлали набѣги, жгли деревни, вѣшали и истязали православныхъ священниковъ, крестьянъ и другихъ преданныхъ правительству людей, грабили хлѣбные магазины, отбирали деньги въ кассахъ волостныхъ правленій, уводили крестьянскихъ лошадей, рогатый скотъ и пр.

Высылая военные отряды для истребленія повстанцевъ и жандармовъ вѣшателей, генералъ Назимовъ былъ крайне снисходителенъ къ мирнымъ политическимъ демонстраціямъ, въ которыхъ принимали участіе ксендзы, послушныя имъ толпы богомолокъ и костельныхъ братчиковъ, знатныя паньи съ дѣтьми, гулящая шляхта, ученики гимназіи и дворянскихъ училищъ, канцелярскіе чиновники и писцы и пр. Оскорбленіе на улицахъ Русскихъ людей сдѣлалось въ Вильнѣ обычнымъ явленіемъ. Однимъ словомъ, въ Вильнѣ повторялось тоже, что и въ Варшавѣ. Уличные негодяи позволяли себѣ дерзости даже противъ семейства генералъ-губернатора. При встрѣчѣ на улицѣ съ викаріемъ Литовской епархіи, благодушнѣйшимъ епископомъ Ковенскимъ Александромъ (впослѣдствіи архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ), одна ярая Полька плюнула ему въ лицо. В. И. Назимовъ посѣтилъ преосвященнаго, выразилъ ему глубокое соболѣзнованіе, но не принялъ мѣръ къ отысканію и наказанію виновной.

Поощряемые безнаказанностію Поляки, твердо надѣявшіеся на иностранное дипломатическое за нихъ заступничество, долго бы продолжали свою агитацію. Къ счастію, В. И. Назимовъ въ Маѣ 1863 года оставилъ Вильну, и въ управленіе взволнованнымъ и измученнымъ Сѣверо-западнымъ краемъ вступилъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Съ его прибытіемъ положеніе дѣлъ мгновенно измѣнилось. Новый генералъ-губернаторъ отлично зналъ сѣверозападный край и Поляковъ, и послѣдніе, съ своей стороны, также хорошо его знали и боялись. Михаилъ Николаевичъ былъ увѣренъ, что уличными демонстраціями и вооруженнымъ мятежемъ руководила такъ называемая бѣлая партія, что мѣстная Польская знать и шляхта, шумѣвшая въ городахъ и участвовавшая въ вооруженныхъ бандахъ, были орудіемъ въ рукахъ Польской знати. Что касается крестьянскаго населенія, то Муравьевъ ни минуты не сомнѣвался въ его преданности Государю и Россіи.

Въ числѣ первыхъ его распоряженій было выслать всѣхъ пановъ изъ Вильны въ ихъ помѣстья, съ приказаніемъ никуда оттуда не отлучаться безъ разрѣшенія военноуѣздныхъ начальниковъ, и призвать все крестьянское населеніе къ устройству сельскихъ карауловъ для поимки повстанцевъ и для содѣйствія войскамъ въ истребленіи бродившихъ по лѣсамъ шаекъ.

2-го Іюня 1863 г. М. Н. Муравьевъ обратился къ „сельскимъ обывателямъ губерній Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской“ съ воззваніемъ, въ которомъ говорилъ между прочимъ слѣдующее:

„Люди злонамѣренные подняли знамя буйства противъ законнаго своего Государя; съ помощію ксендзовъ, изъ коихъ многіе измѣнили долгу присяги и обязанностямъ своего духовнаго званія, они стараются именемъ Божіимъ вовлечь васъ въ преступленіе. Но они ошиблись; настоящій мятежъ далъ вамъ случай доказать на дѣлѣ преданность вашу Государю“.

„Для собственнаго каждаго изъ васъ и семействъ вашихъ спокойствія призываю васъ къ немедленному образованію вооруженныхъ сельскихъ карауловъ по указанію и распоряженію военнаго начальства. Съ помощію ихъ смѣло и безбоязненно станьте лицомъ къ лицу противъ бунтовщиковъ. Помните, что отъ вашего соединеннаго дѣйствія зависитъ скорѣйшее возстановленіе спокойствія и огражденіе жилищъ вашихъ отъ разграбленія". Это достопамятное воззваніе къ народу, изданное въ самый разгаръ шляхетскаго мятежа и доказывающее полное и смѣлое довѣріе, которое главный начальникъ Сѣверо-западныхъ губерній питалъ къ народу, напечатано въ изданной въ 1866 г. въ Вильнѣ, книгѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ распоряженій графа М. Н. Муравьева по усмиренію Польскаго мятежа въ Сѣверо-западныхъ губерніяхъ 1863—1864 г. Составилъ Н. Цыловъ".

Крестьяне вполнѣ оправдали довѣріе къ нимъ М. Н. Муравьева. Вмѣстѣ съ нашими военными отрядами сельскіе караулы ловили и вязали бунтовавшую шляхту. Благодаря дружнымъ усиліямъ войскъ и крестьянъ, мятежъ былъ прекращенъ въ короткое время, и во всемъ обширномъ краѣ водворились порядокъ и безопасность.

И. Корниловъ.

РАЗСКАЗЫ О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ.

I. Кантонистъ.

Въ Январѣ 1863 года полки второй гвардейской пѣхотной дивизіи, Московскій, Павловскій, Гренадерскій и Финляндскій, отправлены были изъ Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ въ Сѣверо-западный край для усиленія стоявшихъ тамъ армейскихъ войскъ. Первымъ изъ Петербурга выступилъ Финляндскій полкъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Ивана Степановича Гонецкаго. 1-го Февраля 1863 года И. С. вступилъ въ Вильну и оставленъ тамъ съ своимъ полкомъ, смѣнившимъ армейскій, переведенный въ другое мѣсто.

Узнавъ, до какой степени были распущены въ Вильнѣ Поляки и какія дерзости позволяли они себѣ даже съ офицерами и солдатами, И. С. рѣшился положить конецъ этимъ безобразіямъ.

Пригласивъ офицеровъ и потребовавъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, онъ просилъ ихъ соблюдать строгую дисциплину, оберегать честь и добрую славу полка и смотрѣть, чтобы никто изъ нижнихъ чиновъ не смѣлъ обижать мирныхъ жителей; «но, присовокупилъ онъ, если какой-нибудь изъ здѣшнихъ мерзавцевъ позволитъ себѣ дерзость, то не давать себя въ обиду и защищать честь полкового мундира». Всѣмъ нижнимъ чинамъ, даже музыкантамъ и писарямъ, приказано было носить на улицахъ тесаки.

Случилось, что писарь, лѣтъ 16-ти, изъ кантонистовъ, былъ посланъ старшимъ писаремъ въ лавку за бумагой и чернилами. Въ то время, какъ онъ разсчитывался съ купцомъ, вбѣгаетъ въ лавку какой-то долговязый съ огромными усищами шляхтичъ и, толкнувъ кантониста, требуетъ для себя пакетовъ. Купецъ попросилъ обождать, пока онъ разсчитается; но шляхтичъ, нагло взглянувъ на мальчика, крикнулъ: «Вотъ еще дожидаться такого лайдака! Давай пакеты!» Едва успѣлъ онъ это сказать, какъ оскорбленный мальчикъ выхватилъ тесакъ и бросился на шляхтича. Оробѣвшій шляхтичъ быстро выскочилъ на улицу и пустился улепетывать, а писарь за нимъ съ обнаженнымъ тесакомъ. Тутъ подоспѣлъ полицейскій и остановилъ разъяреннаго мальчика. Его привели къ Ивану Степановичу. Удостовѣрясь, какъ было дѣло, генералъ похвалилъ браваго мальчика, далъ ему отъ себя небольшую денежную награду и объявилъ благодарность въ приказѣ по полку. Поляки тотчасъ-же воспользовались этимъ случаемъ и распустили клевету, будто солдаты генерала Ганецкаго гоняются по улицамъ за мирными жителями съ обнаженными тесаками, бьютъ народъ и дѣлаютъ всякія безчинства. И. С., по поводу этихъ нелѣпыхъ слуховъ, имѣлъ объясненіе съ начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютантомъ Бистромомъ. Ему писали изъ Петербурга и умоляли, чтобы онъ поберегъ свою служебную репутацію и остановилъ буйство своихъ солдатъ.

Можно-ли было ожидать, чтобъ совершенно ничтожный случай произвелъ не только въ Вильнѣ, но даже въ Петербургѣ переполохъ? И. С. опасался даже, что это послужитъ поводомъ къ удаленію его изъ Вильны, и только тогда совершенно успокоился, когда генералъ-адъютантъ Бистромъ, по возвращеніи изъ Петербурга, передалъ ему благодарность Государя Императора за хорошее поведеніе его полка.

Дѣйствительно, Виленскіе Поляки стали побаиваться Финляндцевъ и присмирѣли. Графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, которому тогда ввѣренъ былъ военно-полицейскій надзоръ за Варшавскою желѣзною дорогою, увидѣвъ однажды Ивана Степановича въ Вильнѣ, на вокзалѣ желѣзной дороги, спросилъ его: «Что̀ такое случилось съ Вильною? Она перемѣнилась; ее узнать нельзя. Недавно еще Русскимъ опасно было ходить по улицамъ; оскорбляли даже офицеровъ».

— «Спокойнѣе стало отъ того, отвѣчалъ Гонецкій, что въ Вильну вступилъ Финляндскій полкъ».

Многіе опасались, что Поляки устроятъ демонстрацію на площади противъ дворца, въ которомъ проживало семейство генералъ-губернатора. Супруга В. И. Назимова спросила часового Финляндскаго полка, стоявшаго у воротъ дворца, можетъ-ли караулъ отстоять дворецъ въ случаѣ нападенія? — Не извольте безпокоиться, отвѣчалъ часовой: никакая шляхта противъ насъ не пойдетъ; побоятся!»

II. Плѣнъ Сѣраковскаго.

Въ послѣднихъ числахъ Марта 1863 года былъ посланъ изъ Вильны на Вилкомирскій трактъ, въ м. Мейшагоны, для наблюденія за повстанцами полковникъ Крамеръ съ 1-ю стрѣлковою и 5-ю линейною ротами л. гв. Финляндскаго полка.

19-го Апрѣля, часу въ первомъ ночи, явился въ Вильну къ командиру полка И. С. Гонецкому тысяцкій изъ м. Ширвинтъ съ донесеніемъ отъ Крамера, который извѣщалъ, что, узнавъ о появленіи шайки въ м. Ширвинтахъ, онъ поспѣшилъ туда съ своимъ отрядомъ, но уже не засталъ тамъ повстанцевъ. По ихъ слѣдамъ онъ прошелъ еще восемь верстъ, до деревни Киванцы, и въ трехъ или четырехъ верстахъ за этою деревнею, въ лѣсу, въ укрѣпленной окопами мѣстности, онъ натолкнулся на непріятельскій лагерь, въ которомъ, по разсказамъ крестьянъ, было не менѣе 600 хорошо вооруженныхъ людей подъ предводительствомъ Колышки. Увидѣвъ мятежниковъ, открывшихъ изъ-за окоповъ ружейный огонь, наши солдаты стремительно бросились въ укрѣпленный лагерь и выгнали повстанцевъ, которые въ безпорядкѣ разбѣжались; при этомъ нѣсколько солдатъ было ранено. Крамеръ остерегся преслѣдовать бѣглецовъ, опасаясь встрѣчи съ болѣе сильнымъ врагомъ, и рѣшился возвратиться въ м. Ширвинты и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Встревоженный полученнымъ донесеніемъ, И. С. Гонецкій призналъ необходимымъ немедленно отправиться въ м. Ширвинты и лично удостовѣриться въ положеніи дѣла.

Несмотря на поздюю ночь, онъ поспѣшилъ къ начальнику дивизіи, генералъ-адъютанту Бистрому, котораго засталъ въ постели. Генералъ Бистромъ вполнѣ одобрилъ предположеніе его выступить на разсвѣтѣ въ м. Ширвинты съ двумя ротами Финляндскаго полка. Оставалось испросить на это согласіе Владимира Ивановича Назимова.

Сего послѣдняго также разбудили. Онъ вышелъ къ И. С-чу въ халатѣ, очень благодарилъ его за быстроту и распорядительность, позволилъ взять, кромѣ двухъ ротъ, еще взводъ гвардейскихъ казаковъ и отпра-

вить въ м. Ширвинты на курьерскихъ, съ конвоемъ изъ четырехъ стрѣлковъ, полкового фельдшера для помощи раненымъ. На клочкѣ бумаги онъ написалъ губернскому почтмейстеру г. Россильону о немедленной выдачѣ курьерской тройки.

Выступивъ съ своимъ отрядомъ 19-го Апрѣля на разсвѣтѣ изъ Вильны, И. С. къ 10-ти часамъ вечера былъ уже въ м. Ширвинтахъ; онъ сдѣлавъ переходъ почти въ 50 верстъ. Отрядъ полковника Крамера встрѣтилъ его съ радостными криками ура! Солдаты смотрѣли бодро и весело. Изъ разспросовъ оказалось, что, увидѣвъ непріятеля, весь отрядъ, какъ одинъ человѣкъ, не дожидаясь приказанія своихъ офицеровъ, бросился на повстанцевъ и выбилъ ихъ изъ окоповъ.

И. С. поблагодарилъ солдатъ за ихъ молодецкое дѣло, а полковнику Крамеру и офицерамъ замѣтилъ, что солдаты не должны начинать дѣла безъ ихъ приказанія.

Непріятель понесъ большія потери убитыми и ранеными. У насъ было всего четверо убитыхъ и шестеро раненыхъ. Послѣднихъ фельдшеръ, прибывшій ночью на курьерской тройкѣ, успѣлъ уже перевязать. Они радостно поздоровались съ Иваномъ Степановичемъ, который пришелъ ихъ навѣстить и поблагодарить за храбрость.

20-го Апрѣля нѣсколько нашихъ мелкихъ отрядовъ обошли въ разныхъ направленіяхъ окрестности, верстъ на шестьдесятъ кругомъ, были на мѣстѣ вчерашняго сраженія, осмотрѣли мызы, фольварки, сараи, и нигдѣ не оказалось никакихъ слѣдовъ повстанцевъ.

Только на одной мызѣ найденъ былъ запасъ лазаретной одежды, бѣлья, кроватей, перевязочныхъ средствъ, хирургическихъ инструментовъ, лѣкарствъ и всего, что̀ требуется для походнаго лазарета. Хозяинъ мызы, Полякъ, мировой посредникъ Вилкомирскаго уѣзда, изъ отставныхъ инженеровъ путей сообщенія, былъ въ отсутствіи. Его жена, увѣрявшая, будто несчастнаго ея мужа преслѣдуютъ повстанцы за его преданность Русскому правительству, пригласила офицеровъ и солдатъ къ закускѣ; но никто не принялъ ея угощенія.

Убѣдившись, что въ этой мѣстности все спокойно, И. С. Гонецкій рѣшилъ возвратиться въ Вильну со всѣмъ своимъ отрядомъ.

21-го Апрѣля, въ 5 часовъ утра, солдаты были уже въ строю, совсѣмъ готовые къ выступленію. Какъ на зло, всѣ офицеры и даже ихъ денщики опоздали. И. С., крѣпко раздосадованный такою неисправностью, обошелъ всѣ избы и разбудилъ сонныхъ офицеровъ. Денщикамъ онъ пригрозилъ, что, по приходѣ въ Вильну, подтянетъ ихъ и прика-

жетъ обучать строевой выправкѣ. Въ ожиданіи офицеровъ, онъ велѣлъ подать себѣ стаканъ чаю.

Вдругъ на Виленскомъ шоссе показалась несшаяся во весь духъ курьерская телѣжка. Она остановилась, какъ вкопанная, прямо противъ И. С-ча. Сидѣвшій въ ней поручикъ стрѣлковаго баталіона Императорской Фамиліи, ординарецъ Назимова, подалъ И. С-чу пакетъ съ предписаніемъ генералъ-губернатора. Въ немъ было сказано, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, въ окрестностяхъ Вилкомира, Поневѣжа и въ Александровскомъ уѣздѣ собрались вооруженныя шайки, числомъ до 20.000 человѣкъ. Для повѣрки этихъ свѣдѣній И. С-чу приказано немедленно, со всѣмъ отрядомъ, идти чрезъ Вилкомиръ на м. Оникшты, гдѣ, по слухамъ, были главныя силы мятежниковъ. Ему предложено было во время пути присоединять къ своему отряду всѣ военныя команды, квартировавшія въ Вилкомирѣ и въ другихъ селеніяхъ, расположенныхъ по дорогѣ въ м. Оникшты. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобъ идти въ Вильну, Иванъ Степановичъ долженъ былъ направиться въ противоположную сторону. Его отрядъ состоялъ изъ 1-й и 2-й стрѣлковыхъ и 3-й линейной ротъ Финляндскаго полка и взвода лейбъ-казаковъ. 5-я линейная рота, подъ командою штабсъ-капитана Рудановскаго, съ плѣнными повстанцами, съ больными и ранеными солдатами и съ излишними повозками и вещами, отправлена назадъ въ Вильну.

Въ тотъ-же день, 21-го Апрѣля, И. С. прибылъ поздно вечеромъ въ Вилкомиръ. Здѣсь присоединились къ нему квартировавшія въ этомъ городѣ двѣ роты Софійскаго и Нарвскаго полковъ, подъ начальствомъ маіора Гильцебаха, два уланскихъ полуэскадрона Курляндскаго и Петербургскаго полковъ и сотня Донскихъ армейскихъ козаковъ.

Вилкомирскій военно-уѣздный начальникъ, полковникъ Барановскій, получая съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія о повстанцахъ и ничего не зная объ ихъ намѣреніяхъ и численности, былъ постоянно наготовѣ къ бою. Опасаясь нечаяннаго нападенія, онъ спалъ не на своей квартирѣ, а на гауптвахтѣ, при которой стоялъ днемъ и ночью сильный караулъ. Въ самомъ Вилкомирѣ было арестовано нѣсколько подозрительныхъ личностей въ чамаркахъ, охотничьихъ сапогахъ и съ револьверами въ карманахъ. Въ народѣ ходили слухи о многочисленныхъ шайкахъ, о главномъ предводителѣ ихъ, Литовскомъ воеводѣ, никому тогда неизвѣстномъ, какомъ-то Доленгѣ. На этого Доленгу Поляки возлагали большія надежды. Говорили, будто онъ со своими войсками пробирается въ Либаву на соединеніе съ Польскими и Русскими эмигрантами и иностранными волонтерами, которые, подъ начальствомъ Бакунина, идутъ на пароходахъ изъ Франціи и высадятся въ Либавѣ

Проведя въ Вилкомирѣ ночь, И. С. выступилъ 22 Апрѣля на разсвѣтѣ въ м. Оникшты, гдѣ онъ ожидалъ встрѣтиться съ многочисленнымъ непріятелемъ. Въ авангардѣ и въ головѣ походной колонны шли три Финляндскія роты, а въ хвостѣ колонны и въ аріенгардѣ Софійская и Нарвская роты подъ начальствомъ маіора Гильцебаха. Обозъ долженъ былъ слѣдовать въ промежуткѣ между хвостомъ колонны и аріенгардомъ.

По выходѣ изъ города, И. С. остановился, чтобы пропустить мимо себя отрядъ и посмотрѣть все-ли въ порядкѣ.

Онъ замѣтилъ нѣсколько повозокъ, которыя шли впереди другихъ не за хвостомъ колонны, какъ было назначено, а въ самой колоннѣ, окруженныя армейскими солдатами, составлявшими какъ-будто охрану.

— Что это за повозки спросилъ И. С.? Зачѣмъ онѣ идутъ не тамъ, гдѣ приказано?

— Это гвардейскія повозки, ваше превосходительство, отвѣчалъ маіоръ Гильцебахъ.

— Такъ что-жъ такое, что гвардейскія! Развѣ не все равно, какія повозки? Уберите ихъ отсюда, чтобъ онѣ шли на своихъ мѣстахъ и не мѣшали солдатамъ.

И. С. остановилъ отрядъ и вызвалъ къ себѣ офицеровъ.

— Господа, сказалъ онъ, маіоръ Гильцебахъ дѣлаетъ какое-то различіе между арміею и гвардіею; даже гвардейскія повозки у него важнѣе армейскихъ. Это не должно быть. Всѣ мы равны, всѣ мы солдаты и вѣрные слуги Государя Императора. Чтобъ этого различія у насъ не было! Кто честно служитъ и храбро дерется, тотъ и гвардеецъ.

Этотъ случай имѣлъ на войска хорошее нравственное вліяніе и сблизилъ гвардейцевъ съ армейцами.

На 4-й или 5-й верстѣ отъ Вилкомира какой-то Русскій крестьянинъ догналъ И. С-ча и обратился къ нему съ просьбою:

— Батюшка, защити! Меня обидѣлъ казачій сотникъ: взялъ у меня сѣна на три рубля, а денегъ не отдалъ. Прикажи разсчитаться.

Торопясь въ Оникшты и не имѣя возможности провѣрить на походѣ жалобу крестьянина, И. С. приказалъ ему явиться съ этою просьбою, когда отрядъ будетъ возвращаться.

Дорòгою во многихъ мѣстахъ видны были слѣды пребыванія повстанцевъ: хлѣбные сельскіе магазины были разграблены, народъ

въ страхѣ. Разсказывали, что въ м. Субочъ Доленго приказалъ повѣсить сотскаго, въ м. Скопишкахъ сожгли сельское управленіе.

Старовѣры, чрезъ деревни которыхъ проходилъ отрядъ, говорили, будто у Доленги много войска и есть пушки; ихъ бабы провожали солдатъ съ причитаніями, какъ на вѣрную смерть. Жиды были такъ увѣрены въ побѣдѣ повстанцевъ и истребленіи нашего небольшого отряда, что какъ будто впередъ заискивали милости будущихъ побѣдителей. Они избѣгали насъ и остерегались оказывать услуги даже за деньги.

22-го Апрѣля, вечеромъ, отрядъ вступилъ въ м. Оникшты, нигдѣ не встрѣтивъ ни одного повстанца. Здѣсь присоединились къ отряду прибывшіе подъ начальствомъ маіора Мерлина изъ м. Рогова 1-я рота и 1-й взводъ 4-й роты Копорскаго полка. Второй взводъ этой роты догналъ отрядъ двумя днями позже, въ м. Шиманцахъ.

По разсказамъ жителей, верстахъ въ 15-ти отъ Оникштъ, въ лѣсу на р. Свентѣ, у фольварка Кнебье, стояла болѣе двухъ мѣсяцевъ въ укрѣпленномъ лагерѣ многочисленная шайка. Никѣмъ не тревожимая, она преспокойно занималась фронтовыми ученьями и стрѣльбою въ цѣль, и къ ней постепенно присоединялись шайки, приходившія изъ Поневѣжскаго и Ново-Александровскаго уѣздовъ. Не вѣрится, чтобы все это происходило не въ какой-нибудь отдаленной и недоступной мѣстности, а въ Ковенской губерніи, на виду у военныхъ и гражданскихъ властей, жандармовъ и полиціи, и невольно вспоминаются слова незабвеннаго М. Н. Муравьева про это время: «Наше счастье, что Поляки взбунтовались. Если бъ они сидѣли смирно, мы продолжали бы спать, да спать, а годика черезъ три они бы насъ и вынесли отсюда, какъ младенцевъ въ люлькахъ».

21-го Апрѣля, узнавъ о приближеніи отряда И. С., повстанцы оставили свой лагерь и ушли въ направленіи къ Курляндской границѣ. Уланы и казаки, посланные для развѣдокъ, видѣли въ покинутомъ лагерѣ мишени для цѣльной стрѣльбы, запасы дровъ, досчатые балаганы и другіе слѣды продолжительной военной стоянки.

Повстанцы уйти далеко не могли, и надо было только напасть на ихъ слѣдъ. Кромѣ этой заботы, на душѣ у И. С-ча была еще другая забота о продовольствіи отряда: солдаты шли налегкѣ и имѣли на себѣ печенаго хлѣба только на двое сутокъ.

Вечеромъ, 22-го Апрѣля, наканунѣ выступленія изъ Оникштъ въ

м. Андронишки, И. С. пригласилъ къ себѣ старшихъ офицеровъ для совѣщанія о продовольствіи отряда.

Кто-то предложилъ устроить въ м. Оникштахъ хлѣбопекарню. Но для этого пришлось бы оставить для ея охраны вооруженный караулъ; явились бы и другія затрудненія: какъ доставлять хлѣбъ въ отряды, находящіеся въ непрерывномъ движеніи, и гдѣ ихъ отыскивать? Понадобились бы подводы, проводники, конвойные.

Не придя ни къ какому заключенію, И. С. предложилъ своимъ усталымъ собесѣдникамъ собраться къ нему утромъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о продовольствіи.

И. С. занималъ большую комнату съ досчатой перегородкой, за которой стояла его кровать. Онъ пробовалъ заснуть, но неотвязчивая мысль о продовольствіи отгоняла сонъ. Вдругъ счастливая мысль осѣнила его, и онъ громко вскрикнулъ: «нашелъ!»

— Не въ голодной мы пустынѣ, подумалъ онъ, и не велика наша армія! Здѣсь народъ зажиточный; въ каждомъ селеніи и въ каждой корчмѣ можемъ покупать мясо, хлѣбъ, водку. У повстанцевъ втрое болѣе народа, чѣмъ у насъ, а не мрутъ же они съ голоду.

Это соображеніе совершенно его ободрило; онъ сталъ уже засыпать. Вдругъ за перегородкой раздался голосъ состоявшаго при отрядѣ капитана генеральнаго штаба Лаврова *):

— Ваше превосходительство, когда прикажите отряду выступать и какое угодно сдѣлать распоряженіе о продовольствіи?

— Въ шесть утра. Продовольствіе будетъ. Прощайте, Лавровъ, покойной ночи!

Утромъ, 23-го числа, предъ выступленіемъ отряда, собрались въ квартиру И. С-ча старшіе офицеры.

— Господа, сказалъ онъ, людей у насъ немного; во всякомъ мѣстечкѣ и на мызахъ всегда найдемъ провизію и будемъ ее покупать. Довольно ли у васъ денегъ? Если мало, выдамъ своихъ 500 р.; а если и этого не хватитъ, вытребуемъ изъ уѣзднаго казначейства. Извольте такъ распоряжаться, чтобъ на людяхъ было всегда печенаго хлѣба не менѣе какъ на двое сутокъ, мяса по фунту въ день и по чаркѣ водки на человѣка.

И. С. зналъ, что у армейцевъ пища была плохая, хотя порціонныхъ денегъ имъ отпускалось столько же, сколько и на гвардейскихъ

*) Убитъ подъ Телишемъ, въ послѣднюю Турецкую войну.

солдатъ. Онъ объявилъ, что если замѣтитъ, что солдатская пища въ армейскихъ ротахъ хуже, чѣмъ въ ротахъ Финляндскаго полка, то виноватыхъ немедленно уволитъ изъ отряда на всѣ четыре стороны: пусть они уходятъ, куда угодно, хоть къ повстанцамъ.

Распоряженіе И. С-ча по продовольствію отряда оказалось чрезвычайно удачнымъ: экспедиція противъ Доленги продолжалась около двухъ недѣль, и во все это время никакого недостатка въ пищѣ не было; люди были всегда сыты, довольны, могли безъ устали дѣлать быстрые и большіе переходы.

— Откуда это, братцы, у васъ такой генералъ? спрашивали армейскіе солдаты Финляндскихъ стрѣлковъ. Видали мы разныхъ начальниковъ, а такого не было, чтобы каждый день нашъ братъ, армейскій солдатъ, получалъ водку и говядину.

Сдѣлавъ 23-го Апрѣля небольшой переходъ въ 14-ть верстъ, отрядъ вступилъ въ м. Андронишки. Здѣсь такъ же, какъ и въ м. Оникштахъ, не оказалось мятежниковъ. Желая скорѣе напасть на ихъ слѣдъ, И. С. рѣшился раздѣлить свой отрядъ на три колонны и двинуть ихъ по тремъ дорогамъ, которыя идутъ въ одномъ направленіи къ Курляндской границѣ и выходятъ въ разныхъ мѣстахъ на шоссе ведущее изъ Ново-Александровска въ м. Радзивилишки.

Правая колонна изъ 1½ ротъ Копорскаго полка и сотни Донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ маіора Мерлина, должна была направиться на Свядосце, Скопишки и Понедѣль. Средняя колонна, при которой находился И. С., состоявшая изъ трехъ ротъ Финляндскаго полка, полуэскадрона С.-Петербургскаго Уланскаго полка и взвода лейбъ-казаковъ, должна была идти на Шиманцы, Купишки и Герстейку. Лѣвой колоннѣ, изъ двухъ ротъ Софійскаго и Нарвскаго полковъ и полуэскадрона Курляндскаго Уланскаго полка, подъ командою маіора Гильцебаха, назначено слѣдовать на м. Субочъ, Милюны, Вобольнаки и Биржу.

Всѣ три колонны, находясь на близкомъ одна отъ другой разстояніи, должны были поддерживать постоянныя между собою сношенія.

24-го Апрѣля отрядъ раздѣлился, согласно диспозиціи, на три колонны, и каждая колонна направилась изъ Андронишекъ по своей дорогѣ.

Пройдя около 16-ти верстъ, колонна Ивана Степановича остановилась въ м. Шиманцахъ.

Сюда прибылъ изъ окрестностей м. Рогова 2-й взводъ 4-й роты Копорскаго полка. Такъ какъ 1-й взводъ этой роты находился въ от-

рядѣ маіора Мерлина, то И. С. приказалъ прибывшему къ нему 2-му взводу немедленно отправиться на подводахъ въ Понедѣль, догнать колонну маіора Мерлина и присоединиться къ своей ротѣ.

Проживающіе въ м. Шиманцахъ Русскіе старовѣры разсказывали, что здѣсь проходила шайка Доленги, и будто бы самъ Доленго требовалъ отъ декана, настоятеля мѣстнаго костела, чтобы онъ собралъ своихъ прихожанъ и торжественно прочелъ имъ съ амвона воззваніе о поголовномъ возстаніи противъ Россіи и о возстановленіи Польши. Но деканъ, несмотря на угрозы и на пистолетъ, приставленный къ его груди, рѣшительно объявилъ, что, безъ разрѣшенія епископа, онъ ни за что не исполнитъ этого требованія. И. С. нарочно пошелъ къ декану на домъ, чтобъ показать предъ народомъ свое къ нему уваженіе.

Проведя ночь въ Шиманцахъ, И. С. 25-го Апрѣля, на разсвѣтѣ, пришелъ въ Герстейку. Жители этого селенія ввели его въ заблужденіе разсказами о находившейся будто бы невдалекѣ шайкѣ. Въ поискахъ за нею онъ потерялъ нѣсколько часовъ.

Неимѣніе извѣстій изъ отрядовъ Мерлина и Гильцебаха очень его безпокоило. Желая получить точныя свѣдѣнія объ отрядѣ Мерлина, И. С. послалъ около полудня въ м. Понедѣль (отстоящее въ 12-ти верстахъ отъ Герстейки) полуэскадронъ Петербургскихъ уланъ подъ начальствомъ ротмистра Износкова. Этотъ распорядительный и храбрый офицеръ отлично зналъ мѣстность, такъ какъ онъ долгое время квартировалъ въ Понедѣлѣ съ резервнымъ дивизіономъ.

Въ тотъ же день въ 10 часовъ вечера были отправлены въ Понедѣль на пароконной подводѣ четыре расторопныхъ стрѣлка. Имъ было приказано получить отъ ротмистра Износкова извѣстіе объ отрядѣ маіора Мерлина и тотчасъ же возвратиться въ Герстейку съ отвѣтомъ.

Въ 1-мъ часу ночи 26 Апрѣля стрѣлки возвратились и привезли И. С-чу отъ Износкова обстоятельное донесеніе. Износковъ писалъ, что къ нему пріѣзжалъ подпоручикъ Копорскаго полка Вангасъ, посланный маіоромъ Мерлинымъ изъ д. Медейки, съ пакетомъ на имя И. С-ча. Вангасъ сообщалъ Износкову, что маіоръ Мерлинъ 25-го Апрѣля напалъ въ м. Понедѣлѣ на слѣдъ многочисленной шайки и погнался за нею. Въ м. Пепелѣ ему сказали, что чрезъ это мѣсто часа четыре тому назадъ прошла шайка изъ 500 или 600 человѣкъ и направилась въ д. Медейку. Казаки, слѣдовавшіе впереди отряда, захватили въ плѣнъ, не доходя м. Медейки, нѣсколько вооруженныхъ повстанцевъ, которые показали, что они отстали отъ шайки Доленги. Жители м. Медейки объ-

явили, что повстанцы прошли чрезъ мѣстечко не болѣе какъ полчаса тому назадъ.

Казаки тотчасъ же пустились въ погоню на рысяхъ, пѣхота ускорила шагъ. Казаки настигли шайку на опушкѣ лѣса, чрезъ который проходитъ дорога въ м. Радзивилишки. Началась перестрѣлка. Вскорѣ подоспѣли Копорцы. Вмѣстѣ съ казаками дружнымъ натискомъ они выбили мятежниковъ, засѣвшихъ въ лѣсу и по сторонамъ дороги, и погнались за ними.

Доленго намѣренъ былъ завлечь Мерлина въ лѣсъ и затѣмъ окружить его, пославъ часть шайки въ тылъ. Но казаки замѣтили во время обходное движеніе, и нашъ отрядъ остановилъ преслѣдованіе, положивъ убитыми и ранеными до 60-ти повстанцевъ, и возвратился вечеромъ того же 25 Апрѣля въ Медейку. У насъ выбыло изъ строя только 2 убитыхъ и 4 раненыхъ. Взводъ 4-й роты Копорскаго полка, посланный на подводахъ къ маіору Мерлину изъ м. Шиманцевъ, прибылъ благополучно въ Медейку вскорѣ послѣ сраженія и присоединился къ своей ротѣ. Въ заключеніе своего донесенія ротмистръ Износковъ сообщилъ, что подпоручикъ Вангасъ, перемѣнивъ лошадей, тотчасъ же поѣхалъ въ м. Герстейку.

Не дожидаясь прибытія этого офицера, И. С. рѣшился немедленно идти къ Мерлину и приказалъ ударить сборъ. Въ солдатскихъ котлахъ варилась пища; офицеры просили отложить выступленіе на два часа времени, чтобы накормить солдатъ; но И. С. не согласился и велѣлъ вылить изъ котловъ варку. — «Нельзя откладывать, сказалъ онъ: теперь каждая минута дорога́. Кто не въ силахъ идти, пусть остается». Разумѣется, никто не остался. Въ два часа ночи 26-го Апрѣля отрядъ выступилъ изъ Герстейки и къ четыремъ часамъ утра прибылъ въ Понедѣль. Здѣсь его ожидало болѣе ста подводъ, заготовленныхъ ротмистромъ Износковымъ, который догадался, что И. С. не промедлитъ ни минуты въ Герстейкѣ и тотчасъ же пойдетъ въ Медейку.

Благодаря этимъ подводамъ, на которыя стрѣлки по очереди садились, отрядъ прошелъ безъ остановки болѣе 30 верстъ и въ полдень прибылъ въ Медейку, гдѣ и соединился съ отрядомъ Мерлина.

Хорошо, что Износковъ не положился на исправность Вангаса и послалъ отъ себя донесеніе къ И. С-чу. Вангасъ совсѣмъ не попалъ въ Герстейку. Онъ сбился съ дороги и возвратился въ Медейку, не исполнивъ порученія.

Прибывшія войска отдохнули въ Медейкѣ не болѣе двухъ часовъ. Затѣмъ всѣ наличныя силы, а именно: три роты Финляндскаго полка,

двѣ роты Копорцевъ и лейбъ-казаки выступили изъ Медейки въ два часа дня прямо на то мѣсто, верстахъ въ трехъ отъ деревни, гдѣ накапунѣ происходило сраженіе.

При отрядѣ были проводники изъ лѣсниковъ и нѣсколько подводъ. Ротмистръ Износковъ съ своими уланами былъ оставленъ въ Медейкѣ, для охраны раненыхъ и обоза и для разъѣздовъ въ нашемъ тылу. День былъ ненастный; перепадалъ дождь.

Отрядъ выступилъ навстрѣчу непріятелю, имѣя въ первой линіи 1-ю и 2-ю стрѣлковыя роты Финляндскаго полка, которыя шли разсыпнымъ строемъ; 1-я рота, капитана Кушакевича, была на правомъ флангѣ, а 2-я рота, капитана Засса, на лѣвомъ флангѣ. Во второй линіи слѣдовали, въ ротныхъ колоннахъ: на правомъ флангѣ, 3-я линейная рота Финляндскаго полка, а на лѣвомъ флангѣ, 4-я рота Копорскаго полка. Наконецъ, въ аріергардѣ, шла 1-я рота Копорскаго полка. Казаки держали разъѣзды впереди цѣпи и съ боковъ.

Вскорѣ напали на свѣжій слѣдъ колесъ и людей. Изрытая глубокими колеями и мѣстами топкая дорога тянулась лѣсомъ.

Подвигаясь цѣпью, разсыпанною вправо и влѣво отъ дороги, стрѣлки, пройдя отъ мѣста вчерашняго сраженія еще верстъ пять или шесть, подошли къ довольно большой продолговатой полянѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной лѣсомъ. На правомъ флангѣ она имѣла шаговъ сто въ ширину, а къ лѣвому флангу постепенно суживалась; здѣсь протекалъ топкій, болотистый ручей.

Цѣпь, не выходя на поляну, пріостановилась. Казачій разъѣздъ увидѣлъ на противоположной опушкѣ лѣса нѣсколько людей, прятавшихся за деревья.

И. С. приказалъ стрѣлкамъ приготовиться. Два казака, выѣхавшіе на поляну, были тотчасъ же встрѣчены ружейными выстрѣлами. Сомнѣваться было нечего: это были повстанцы.

По данному сигналу наши стрѣлки открыли огонь. Повстанцы стрѣляли лежа, укрывшись за кочками и деревьями, а потому наши стрѣлки цѣлили внизъ. Непріятель былъ вооруженъ превосходными двухстволками, имѣющими преимущества для сраженій въ лѣсахъ на близкомъ разстояніи. Наши стрѣлки имѣли одноствольныя винтовки и потому могли на два выстрѣла отвѣчать только однимъ, но за то наши выстрѣлы были мѣтки.

И. С. рѣшился выбить непріятеля изъ занятой ими противоположной опушки. Чтобъ не терять напрасно людей на томъ мѣстѣ, гдѣ

поляна представляла значительную ширину, онъ приказалъ начальнику цѣпи, полковнику Н. К. Теннеру придвинуть цѣпь къ лѣвой окраинѣ поляны, гдѣ обѣ опушки сходились на близкое разстояніе и гдѣ протекалъ ручей. Когда 2-я стрѣлковая рота подошла къ тому мѣсту, гдѣ разстояніе между опушками было не болѣе тридцати шаговъ, И. С. велѣлъ командиру этой роты, капитану Зассу, перебѣжать это пространство и занять противоположную опушку. Онъ самъ бросился впередъ вмѣстѣ съ стрѣлками, и это внезапное, быстрое нападеніе рѣшило судьбу сраженія. Несмотря на топкій ручей, въ которомъ И. С. и стрѣлки вязли по поясъ, опушка была занята безъ всякой потери въ людяхъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ не было ни одного непріятельскаго стрѣлка.

Повстанцы были такъ увѣрены, что болотистый ручей совсѣмъ непроходимъ, что оставили его безъ защиты. Но когда они увидѣли, что стрѣлки перебѣжали ручей и угрожаютъ правому ихъ флангу, то немедленно начали отступать. По ихъ слѣдамъ правый флангъ нашей передовой цѣпи, а за нимъ вторая линія и резервъ, перешли поляну безъ выстрѣла и заняли оставленную непріятелемъ опушку. Здѣсь мѣсто было песчаное, боровое и рѣдкій сосновый лѣсъ. На землѣ валялись раненые и убитые повстанцы.

Построившись въ прежній боевой порядокъ, нашъ отрядъ двинулся за уходившею шайкою. Въ это время поднялась страшная снѣжная метель съ холоднымъ пронизывающимъ вѣтромъ и дождемъ. Стало темнѣть.

Капитанъ Лавровъ доложилъ Ивану Степановичу, что командиръ 4-й роты Копорскаго полка, находившійся на лѣвомъ флангѣ, во 2-й линіи, замѣтилъ, что на нашъ лѣвый флангъ идутъ какія-то колонны. И. С. поспѣшилъ къ 4-й ротѣ и дѣйствительно увидѣлъ двѣ приближавшіяся толпы. Онъ приказалъ командиру роты поставить своихъ людей развернутымъ строемъ, лицомъ къ наступавшимъ колоннамъ и, дождавшись, когда непріятель приблизится шаговъ на пятьдесятъ, открыть противъ него пальбу рядами.

Офицеръ построилъ свою роту спокойно, безъ суеты, какъ будто на домашнемъ ученьѣ. Капитанъ Зассъ повернулъ также противъ непріятеля нѣсколько звеньевъ своей стрѣлковой цѣпи. Подпустивъ колонны повстанцевъ шаговъ на пятьдесятъ, нашъ лѣвый флангъ, по приказанію И. С., открылъ противъ нихъ въ упоръ мѣткій и сильный огонь. Наступавшія колонны мгновенно побѣжали врассыпную, съ кри-

ками: «Матка Боска! Матка Боска!» Оказалось, что это были двѣ, набранныя изъ крестьянъ Жмудяковъ, толпы косинёровъ.

Наступила совершенная темень, которая въ лѣсу была особенно сильна. Холодный дождь съ снѣгомъ не унимались.

Чтобъ дать отдыхъ людямъ и не идти наугадъ, И. С. прекратилъ наступленіе и повелъ отрядъ обратно на ту поляну, гдѣ началась перестрѣлка. Здѣсь, на открытомъ мѣстѣ, было немного посвѣтлѣе. Отрядъ остановился; люди, выходя изъ лѣсу, начали строиться въ ротныя колонны, стали подбирать раненыхъ и укладывать ихъ на подводы.

И. С. сидѣлъ верхомъ на конѣ, имѣя поверхъ сюртука надѣтое въ рукава осеннее пальто и накинутый на пальто зимній плащъ.

Мимо прошли стрѣлки, неся на рукахъ раненаго товарища своего, который дрожалъ отъ холода и стоналъ. И. С. бросилъ на раненаго свою шинель: — «Накройте его, ребята!»

Вслѣдъ за этимъ раненымъ, пронесли на рукакъ другого раненаго, который также стоналъ, также продрогъ и не могъ, какъ говорится, свести зубъ съ зубомъ. И. С. слѣзъ съ коня, снялъ съ себя пальто и велѣлъ имъ прикрыть раненаго.

— Что вы дѣлаете! замѣтилъ ему кто-то изъ окружавшихъ. Какъ можно въ такую погоду оставаться въ одномъ сюртукѣ?

— Не безпокойтесь; пройдусь пѣшкомъ, согрѣюсь!

Вскорѣ солдатъ принесъ обратно пальто. — «Ваше превосходительство, сказалъ онъ, извольте ваше пальто; раненый приказалъ долго жить».

Проводникъ повелъ отсюда отрядъ въ Медейку другою, кратчайшею дорогой, по песчаной мѣстности. По этой дорогѣ до Медейки оказалось не болѣе трехъ или четырехъ верстъ.

Въ Медейку войска возвратились часу въ 12-мъ ночи. И. С. очень безпокоили мысли: съ какою шайкою онъ имѣлъ дѣло; не авангардная-ли это только стычка; гдѣ теперь непріятель; что̀ предпринять; куда направиться; сколько у насъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными? На всѣ эти вопросы онъ не находилъ успокоительнаго отвѣта.

Отрядный медикъ и два фельдшера были заняты перевязкою раненыхъ. Заботясь о пріисканіи для нихъ возможно-удобнаго помѣщенія, И. С. пошелъ осматривать избы. Выходя изъ одной избы, онъ запнулся на порогѣ, упалъ и сильно расшибъ правую ногу, ниже колѣна. Отъ сильной боли онъ промучился всю ночь, не смыкая глазъ.

Часу въ 1-мъ ночи онъ потребовалъ къ себѣ командира лейбъ-казачьяго взвода, корнета Кутейникова [1]) и приказалъ ему немедленно отправиться съ своими казаками въ разъѣздъ на Радзивилишское шоссѣ. Другой отрядъ Донскихъ кзаковъ былъ посланъ съ порученіемъ разузнать о непріятелѣ и пріискать надежныхъ проводниковъ для обхода лѣсовъ, идущихъ вдоль Курляндской границы.

Корнетъ Кутейниковъ возвратился въ Медейку въ 9 часовъ утра 27 Апрѣля съ плѣннымъ повстанцемъ, пойманнымъ казаками въ то время, какъ онъ хотѣлъ перебѣжать чрезъ шоссе: онъ ушелъ изъ шайки Доленги и думалъ пробраться въ Вилкомиръ.

Плѣнный откровенно признался, что его фамилія Станишевскій, что онъ служитъ офицеромъ въ полевой артиллеріи; по выходѣ въ отставку поступилъ на службу акцизнымъ чиновникомъ [2]) Вилкомирскаго уѣзда и нынѣ, къ своему несчастію, принялъ участіе въ мятежѣ.

— «Были вы вчера въ сраженіи? спросилъ его И. С.—Я командовалъ правымъ флангомъ, который примыкалъ къ болотному ручью. Мы были увѣрены, что этотъ ручей непроходимъ и потому оставили его безъ обороны».

— «Кто былъ вашимъ начальникомъ?» — «Сѣраковскій».

— «Какъ Сѣраковскій? Вы хотите сказать Доленго?»

— «Доленго—его прозваніе, а настоящая фамилія Сѣраковскій».

— «Какой-же это Сѣраковскій?»

— «Капитанъ Генеральнаго Штаба.»

Извѣстіе, что Доленго тотъ самый капитанъ, котораго онъ зналъ въ лицо и который пользовался особымъ довѣріемъ добродушнаго Владимира Ивановича Назимова, совѣщавшагося съ нимъ о мѣрахъ противъ мятежа, крайне изумило Ивана Степановича. Онъ встрѣчался съ нимъ въ высшемъ военномъ обществѣ въ Петербургѣ. Ему даже случилось однажды играть съ нимъ въ карты. Съ перваго взгляда Сѣраковскій такъ не понравился прямодушному и открытому И. С-чу и возбудилъ въ немъ къ себѣ такое противное чувство, что И. С., обыкновенно сообщительный и разговорчивый, никогда не вступалъ съ нимъ въ разговоръ.

---

[1]) Нынѣ генералъ-маіоръ.

[2]) Покойный К. К. Гротъ въ то время раздавалъ мѣста по акцизному вѣдомству (съ крупнымъ окладомъ) преимущественно Полякамъ и когда Государь обратилъ на это вниманіе, объяснилъ, что Поляки, занятые своими мечтаніями, не воруютъ. (Слышано отъ И. С. Аксакова, по письму котораго К. К. Гротъ немедленно опредѣлилъ въ Рязань акцизнымъ начальникомъ Н. В. Луженовскаго, принявъ его за Поляка). П. Б.

Сѣраковскій былъ студентомъ С.-Петербургскаго Университета. Въ 1849 году за политическія преступленія былъ сосланъ рядовымъ въ Оренбургскій линейный баталіонъ, въ 1857 г. возвращенъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Генеральный Штабъ. Онъ пользовался въ Военномъ Министерствѣ особеннымъ довѣріемъ и въ Маѣ 1860 года былъ посланъ въ Парижъ для участія въ работахъ международнаго военно-статистическаго конгресса. Находясь въ этой командировкѣ болѣе года, онъ обратилъ на себя вниманіе Наполеона III-го и Гарибальди. Говорили, будто Пальмерстонъ, къ которому онъ являлся какъ политическій заговорщикъ, объявилъ ему, что Англія можетъ обратить вниманіе на Поляковъ только тогда, когда они заявятъ о себѣ чѣмъ-нибудь серьезнымъ и выкажутъ свою силу и энергію. Въ Іюлѣ 1861 г. Сѣраковскій, по распоряженію Военнаго Министерства, былъ посланъ въ западныя губерніи для осмотра тамошнихъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ. Въ томъ же Іюлѣ мѣсяцѣ онъ былъ въ Вильнѣ на съѣздѣ Польскихъ помѣщиковъ. Въ 1858 и 1860 годахъ Сѣраковскій основалъ въ Петербургѣ военный и статскій революціонные кружки.

— «Какія послѣдствія вчерашняго сраженія?» спросилъ Иванъ Степановичъ Станишевскаго.

— «Почти всѣ ротные и баталіонные командиры ранены или убиты; Сѣраковскій раненъ; его шайка въ полномъ разстройствѣ; многіе разбѣгаются».

Можно себѣ представить, съ какимъ радостнымъ чувствомъ И. С. слушалъ разсказъ плѣннаго. Въ первый разъ съ самаго начала экспедиціи онъ вздохнулъ свободно. Наконецъ-то онъ убѣдился, что исполнилъ свое дѣло какъ слѣдуетъ.

Донскіе казаки возвратились въ Медейку почти въ одно время съ лейбъ-казаками и привели лѣсника, который рано утромъ видѣлъ отступавшую многолюдную шайку и взялся указать мѣсто, гдѣ она проходила.

27-го Апрѣля, въ 10 часовъ утра, оставивъ въ Медейкѣ 4-ю роту Копорскаго полка и уланскій полуэскадронъ, И. С. пошелъ съ остальными войсками на то мѣсто, гдѣ проводникъ видѣлъ шайку. День былъ свѣтлый, ясный, благопріятный для похода. Проводникъ былъ изъ Русскихъ староверовъ, которыхъ много въ этой мѣстности. Отрядъ былъ въ такомъ же бодромъ и веселомъ настроеніи, какъ и самъ И. С. Шли не по дорогѣ, а цѣлиной. Пройдя верстъ 15 или 20 въ направленіи къ Курляндской границѣ, проводникъ объявилъ, что именно

онъ на этомъ мѣстѣ видѣлъ шайку, которая скрылась въ лѣсу, но ему неизвѣстно, куда она ушла.

Отрядъ пріостановился. Въ это время на опушкѣ лѣса между деревьями раздались голоса; кто-то шумѣлъ.

— «Не казаки ли кого-нибудь обижаютъ? подумалъ И. С.

Дѣйствительно, два казака вели крестьянина, который старался отъ нихъ отбиться. Они поймали его въ лѣсу; онъ ѣхалъ съ возомъ сѣна и когда увидѣлъ казаковъ, то бросилъ возъ и пустился бѣжать. На разспросы, изъ какой онъ деревни и куда везетъ сѣно, онъ давалъ сбивчивые отвѣты.

И. С. прикрикнулъ на крестьянина.

— Ты ѣдешь въ шайку, признавайся! Гдѣ она? Куда ушла?

Крестьянинъ помолчалъ и, не говоря ни слова, указалъ рукою вдаль.

— «Смотри, мы возмемъ тебя въ проводники, и если ты не обманываешь, то получишь въ награду 25 рубл. и ступай, куда хочешь. Если даже тебя арестуютъ, то я твой защитникъ. Если же ты солгалъ, то на первомъ деревѣ велю тебя повѣсить».

Слова И. С-ча должно быть сильно подѣйствовали на оробѣвшаго крестьянина. Онъ подумалъ и указалъ рукою совсѣмъ въ другую сторону.

Бывшій при отрядѣ Русскій проводникъ заявилъ, что въ указанномъ направленіи есть довольно вязкое болото, которое тянется версты на три, и за болотомъ есть фольварокъ Шнуркишки и мѣсто тамъ сухое и высокое. Иванъ Степановичъ рѣшился вести туда отрядъ.

Онъ подъѣхалъ къ 2-й стрѣлковой ротѣ и сказалъ капитану Зассу:

— «Вчера подъ Медейкой я былъ особенно доволенъ вашей ротой, а потому хочу дать сегодня вашимъ молодцамъ случай отличиться: будьте съ вашей ротой во главѣ отряда».

Пройдя не болѣе двухъ или трехъ верстъ, отрядъ вошелъ въ болото. Лошадь И. С-ча завязла въ тинѣ, такъ что онъ бросилъ ее, соскочилъ чрезъ ея голову и полѣзъ по болоту, помогая себѣ руками и хватаясь за кочки и кустарникъ.

За болотомъ виднѣлись обозъ, биваки и суетившіеся и бѣгавшіе туда и сюда люди. Слышались барабанный бой и сигналы. Ведеты повстанцевъ сдѣлали по наступавшимъ войскамъ нѣсколько выстрѣловъ.

Перейдя болото, 1 и 2 стрѣлковыя роты Финляндскаго полка бросились на бивакъ и почти безъ выстрѣла овладѣли обозомъ съ лошадьми, денежнымъ ящикомъ, захватили большое, богато украшенное золотомъ и шелками знамя Литовскаго воеводы, взяли въ плѣнъ начальника Польской кавалеріи Лобановскаго и около 60 повстанцевъ. На мѣстѣ сраженія оставлено непріятелемъ болѣе 50-ти убитыхъ. У насъ были легко ранены только капитанъ Лавровъ и одинъ стрѣлокъ.

Деморализованные вчерашнимъ пораженіемъ и бѣгствомъ, повстанцы, вѣроятно, не ожидали, что ихъ такъ скоро отыщутъ. Одинъ изъ ихъ главныхъ начальниковъ Колышко, взятый на другой день въ плѣнъ, разсказывалъ про это дѣло, что его люди до того оробѣли, что не было никакой возможности принудить ихъ защищаться; при одномъ видѣ стрѣлковой цѣпи и колоннъ, пробиравшихся по болоту, ими овладѣлъ паническій страхъ, и они пустились бѣжать безъ оглядки, какъ испуганное стадо барановъ.

Оставивъ въ непріятельскомъ бивакѣ полковника Теннера съ небольшимъ числомъ людей, И. С. погнался за бѣглецами; но они разсыпались въ разныя стороны, такъ что некого было преслѣдовать, и отрядъ, прекративъ безполезное наступленіе, пошелъ обратно въ Медейку, куда и прибылъ того же 27-го Апрѣля къ 12 часамъ ночи.

Иванъ Степановичъ хотѣлъ выдать крестьянину обѣщанные ему 25 р., но его не нашли: онъ куда-то скрылся.

Утромъ 28 числа прибылъ въ Медейку съ своими двумя ротами маіоръ Гильцебахъ, и такимъ образомъ весь отрядъ Ивана Степановича соединился. 26-го числа, въ тотъ самый день, какъ И. С. разбилъ Сѣраковскаго, маіоръ Гильцебахъ, съ своей стороны, имѣлъ удачное дѣло подъ м. Биржею съ партіею въ 500 человѣкъ и разогналъ ее.

Командиръ 4-й копорской роты, оставленный И. С. въ Медейкѣ, очень сокрушался, что не участвовалъ съ своею ротою въ дѣлѣ 27-го Апрѣля. Желая дать ему случай отличиться, И. С. послалъ его 28 Апрѣля въ м. Понедѣль и велѣлъ ему выслать оттуда съ надежными проводниками развѣдочныя партіи по мызамъ и фольваркамъ для разысканія и ареста разбѣжавшихся повстанцевъ, а главное—ихъ офицеровъ и предводителей. Надо было полагать, что они остались въ Ковенской губерніи и не рѣшились перебраться въ Курляндію, гдѣ населеніе совершенно имъ чуждо и гдѣ они не могли разсчитывать на укрывательство.

Одна изъ такихъ партій, подъ командою извѣстнаго уже намъ подпоручика 4-й Копорской роты Вангаса, пробираясь глухимъ про-

селкомъ, набрела нечаянно на пріютившуюся въ глухомъ лѣсу, на небольшой полянѣ, маленькую, уединенную мызу. Солдаты окружили усадьбу. Вдругъ въ панскомъ домѣ кто-то открылъ окно и сказалъ подходившему къ крыльцу офицеру: «сдѣлайте милость, не прикажите шумѣть; здѣсь лежитъ раненый генералъ Сѣраковскій». Вангасъ тотчасъ вошелъ въ домъ со своими солдатами. При обыскѣ взято въ плѣнъ 21 человѣкъ, въ томъ числѣ раненый въ спину Сѣраковскій, Колышко, ихъ адъютанты и другія лица, составлявшія ихъ штабъ. Вангасъ остался на мызѣ съ своимъ отрядомъ для караула плѣнныхъ и немедленно отправилъ на подводѣ въ Понедѣль двухъ рядовыхъ съ донесеніемъ къ своему ротному командиру.

Въ тотъ же самый день, 28-го Апрѣля, въ Медейкѣ на кладбищѣ происходили похороны десяти нашихъ солдатъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ. Между ними были православные, католики и лютеране. Въ Медейкѣ и окрестныхъ селеніяхъ вовсе не было духовнаго лица для совершенія обряда похоронъ.

Всѣ десять гробовъ были принесены къ вырытой на кладбищѣ общей могилѣ. При погребеніи присутствовалъ И. С. съ нѣкоторыми офицерами и солдатами, пожелавшими отдать своимъ бывшимъ товарищамъ послѣдній долгъ. При опусканіи въ могилу каждаго гроба, всѣ присутствовавшіе становились на колѣни и, молясь за усопшихъ, произносили вслухъ троекратно молитву: «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ». Возвращаясь съ кладбища, И. С. увидѣлъ бѣжавшихъ къ нему на встрѣчу офицеровъ и нѣсколько солдатъ съ радостными криками: «Ура, Сѣраковскій въ плѣну!»

Донесеніе о плѣнѣ Сѣраковскаго было прислано командиру 4-й Копорской роты изъ Понедѣля съ нарочнымъ.

Прочтя донесеніе, И. С. приказалъ поручику Финляндскаго полка Е. К. Теннеру съ взводомъ 2-й стрѣлковой роты отправиться на подводахъ прямо на мызу, гдѣ находились плѣнные, взять ихъ и тотчасъ доставить въ Медейку.

Теннеръ прибылъ съ своимъ взводомъ на мызу часу въ 12-мъ ночи. Вокругъ дома и въ прихожей были наши часовые. Въ одной комнатѣ человѣкъ двѣнадцать плѣнныхъ спали на полу на соломѣ. Одинъ изъ нихъ, видный, молодцоватый молодой человѣкъ, всталъ, подошелъ къ Теннеру и назвалъ себя «Колышко». Въ сосѣдней комнатѣ лежалъ на кровати и спалъ или притворялся спящимъ раненый Сѣраковскій Возлѣ него сидѣли два врача въ Польскихъ чамаркахъ. Въ той же комнатѣ.

лежало шестеро раненыхъ. Къ Теннеру осторожно подошелъ красивый юноша, поклонился и сказалъ вполголоса: «Я адъютантъ генерала, графъ Коссаковскій».

— «Извольте разбудить Сѣраковскаго, сказалъ ему Теннеръ. Мнѣ приказано немедленно перевезти всѣхъ васъ въ Медейку».

— «Это невозможно, возразилъ Коссаковскій: генералъ опасно раненъ; теперь кризисъ; онъ не переживетъ переѣзда; подождите до 7 часовъ утра».

На мызѣ разсказывали, что невдалекѣ скрываются повстанцы изъ шайки ксендза Мацкевича и могутъ отбить плѣнныхъ.

Теннеръ подошелъ къ Сѣраковскому и разбудилъ его.

— «Я не въ силахъ ѣхать, сказалъ Сѣраковскій; подождите до утра; вамъ же лучше привезти меня живымъ, а не мертвымъ».

Теннеръ рѣшительно объявилъ, что откладывать невозможно и что онъ долженъ въ точности исполнить данное ему приказаніе.

24-го Апрѣля, около 2-хъ часовъ утра, Теннеръ усадилъ всѣхъ плѣнныхъ на подводы и приготовился къ выступленію. Для Сѣраковскаго нашли на мызѣ коляску. Сѣраковскій медлилъ садиться въ экипажъ подъ разными предлогами. Теннеръ выждалъ нѣсколько времени; но, видя, что Сѣраковскій намѣренно медлитъ, онъ замѣтилъ:

— «Про васъ говорятъ, и мы всѣ думали, что вы энергическій, желѣзный человѣкъ, съ сильною волею. Вижу, что мы ошиблись».

Сѣраковскій вспыхнулъ.

— «Если такъ, сей-часъ ѣду», сказалъ онъ.

Теннеръ сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ коляску, и отрядъ двинулся въ Медейку.

— «Предупреждаю васъ, сказалъ онъ Сѣраковскому, что если вздумаютъ васъ отбивать, то я не выпущу васъ живого».

— Какъ! Убивать плѣннаго! Да это разбой, это позоръ предъ Европой!

— «Я получилъ такое приказаніе и въ точности его исполню».

Къ 5-ти часамъ утра нашъ отрядъ благополучно доставилъ всѣхъ плѣнныхъ въ Медейку.

Иванъ Степановичъ пожелалъ ихъ видѣть.

Сѣраковскій, съ желтымъ, болѣзненнымъ лицомъ, сидѣлъ въ коляскѣ. Онъ былъ въ партикулярномъ платьѣ; на головѣ была круглая шляпа-цилиндръ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ его адъютантъ. Прочіе плѣнные выстроились въ одну линію на проѣзжей дорогѣ. Всѣ они были въ чамаркахъ и высокихъ охотничьихъ сапогахъ.

Глаза И. С. и Сѣраковскаго встрѣтились; они узнали другъ друга.

Сѣраковскій назвалъ себя по фамиліи и, указывая на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, совершенно еще юнаго человѣка, прибавилъ:

— «Это мой адъютантъ графъ Коссаковскій».

— «Вы извѣстны подъ названіемъ Доленги», замѣтилъ И. С.

— «Нѣтъ; я Сѣраковскій».

— «Зачѣмъ вы остановились подъ Медейкою, а не отступали далѣе?»

— «Я хотѣлъ дать сраженіе».

— «Вамъ-бы выгоднѣе было вести партизанскую войну, а не вступать съ нами въ открытый бой».

— «Это мое дѣло. Я потерялъ сраженіе потому, что не вò время пустилъ косинёровъ въ атаку на вашъ лѣвый флангъ».

— «Отчего вы не поддержали вашего праваго фланга?»

— «Онъ опирался въ непроходимый ручей».

— «Какъ непроходимый! Стрѣлки, и я съ ними, мы его перешли безъ особеннаго труда и даже не потеряли ни одного человѣка».

Сѣраковскій промолчалъ.

И. С. прекратилъ разспросы и подошелъ къ стройному, средняго роста, очень видному и мужественному человѣку. Онъ стоялъ, скрестивъ на груди руки и нахмуривъ брови.

И. С. приложилъ руку къ фуражкѣ и спросилъ:

— «Ваша фамилія?»

— «Колышко», отвѣтилъ онъ, мгновенно выпрямившись и приложивъ также руку къ своей конфедераткѣ.

— «А ваша фамилія?» спросилъ И. С. его сосѣда.

— Это мой адъютантъ, отвѣтилъ за него Колышко и назвалъ его фамилію.

Видъ этихъ самозванныхъ генераловъ и адъютантовъ, такъ много мечтавшихъ о себѣ и такъ быстро и комично покончившихъ свои по-

двиги, возбудилъ въ И. С-чѣ чувство сожалѣнія. Нимало не желая ихъ оскорбить, онъ невольно вскрикнулъ:

— Шуты вы гороховые! Надѣлали себѣ генераловъ и адъютантовъ и вздумали воевать съ Россіею! Смѣхъ и горе съ вами. Завтра я васъ отправлю въ Вильну.

И. С. позволилъ Сѣраковскому послать записку къ Курляндскому помѣщику Гану съ просьбою о высылкѣ ему коляски и лошадей. Тотъ немедленно исполнилъ желаніе Сѣраковскаго.

На слѣдующее утро, 30-го Апрѣля, наши раненые и болѣе ста плѣнныхъ мятежниковъ подъ конвоемъ 1-й и 2-й стрѣлковыхъ ротъ приготовились къ выступленію въ Курляндское пограничное мѣстечко Шёнбергъ.

Сѣраковскій и адъютантъ его сидѣли въ четвероместной коляскѣ. Рядомъ съ кучеромъ, на козлахъ, помѣстился Колышко. Увидѣвъ подходившаго къ нимъ Ивана Степановича, Колышко сказалъ ему:

— Позвольте ѣхать на козлахъ; даю честное слово, что не убѣгу.

— Колышко, я вашего честнаго слова не могу принять. Вы измѣнили своей присягѣ.

Колышко, не говоря ни слова, слѣзъ съ козелъ и присоединился къ другимъ плѣннымъ, которые были связаны по рукамъ попарно изъ предосторожности противъ побѣга.

Изъ Шёнберга слѣдовало доставить и сдать плѣнныхъ на ближайшую станцію Риго-Динабургской желѣзной дороги для отправленія въ Вильну.

И. С. написалъ командиру стоявшаго въ Шёнбергѣ армейскаго баталіона, чтобы онъ отпустилъ обратно 2-ю стрѣлковую роту л.-г. Финляндскаго полка, которая должна была возвратиться и присоединиться къ отряду въ м. Понедѣли, а вмѣсто нея далъ бы свою роту для конвоированія плѣнныхъ до станціи желѣзной дороги, откуда, для конвоя плѣнныхъ и раненыхъ, достаточно было одной 1-й стрѣлковой роты Финляндскаго полка.

Дорогою Колышко нѣсколько разъ спрашивалъ командира этой роты, капитана Кушакевича:

— Чтò за человѣкъ вашъ генералъ?

Кушакевичу любопытно было узнать, почему онъ неоднократно дѣлаетъ ему такіе вопросы.

— Помилуйте, сказалъ Колышко: вы слышали, какъ онъ намъ въ глаза сказалъ, что мы шуты.

— А, такъ вотъ что васъ безпокоило! Сознайтесь, г. Колышко, что онъ имѣлъ основаніе это сказать. Какъ человѣкъ прямой и откровенный, онъ сказалъ то, что̀ многіе вамъ не говорятъ, но думаютъ.

Колышко разсказывалъ про Сѣраковскаго, что, при всемъ замѣчательномъ умѣ и познаніяхъ, онъ не полководецъ и не имѣетъ достаточно энергіи и рѣшительности: послѣ сраженія 25 Апрѣля съ маіоромъ Мерлинымъ, Колышко хотѣлъ напасть на Медейку, куда Мерлинъ отступилъ; но Сѣраковскій не позволилъ этого сдѣлать потому, что туда прибыло, какъ ему донесли, сильное подкрѣпленіе.

То, что̀ Сѣраковскій считалъ сильнымъ подкрѣпленіемъ, былъ 2-й взводъ 4-й Копорской роты, пріѣхавшій къ Мерлину на подводахъ изъ м. Шимацевъ. Подводы растянулись по дорогѣ, и повстанцамъ показалось издали, будто въ Медейку идетъ значительная помощь.

Въ несчастномъ для нихъ дѣлѣ 27 числа, Сѣраковскій, вслѣдствіе полученной раны, не могъ участвовать. Но тутъ былъ ксендзъ Мацкевичъ, присоединившійся къ Сѣраковскому съ шайкою изъ 800 человѣкъ. Впрочемъ, эта помощь явилась слишкомъ поздно и не могла уже возбудить бодрости и мужества въ разбитой и деморализованной толпѣ мятежниковъ; самъ Мацкевичъ едва спасся отъ плѣна, убѣжавъ съ нѣсколькими десятками приверженцевъ въ Поневѣжскіе лѣса.

Въ день сраженія, 26-го Апрѣля, Мацкевичъ, по разсказамъ крестьянъ и плѣнныхъ, былъ не далѣе какъ въ 8 или 10 верстахъ отъ д. Медейки. Онъ могъ обойти нашу позицію и напасть на Медейку, гдѣ былъ только уланскій полуэскадронъ.

Ротмистръ Износковъ во время сраженія 26-го Апрѣля посылалъ разъѣзды на Радзивилишскую дорогу. Его уланы видѣли какихъ-то людей, которые выбѣгали изъ лѣсу и тотчасъ скрывались при появленіи нашихъ солдатъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, эти люди были изъ шайки Мацкевича.

Разгромивъ шайки Сѣраковскаго, Колышки и Мацкевича и покончивъ блистательно возложенное на него генералъ - губернаторомъ Назимовымъ порученіе, Иванъ Степановичъ рѣшился возвратиться въ Вильну прежнею дорогою чрезъ Вилкомиръ.

Онъ выступилъ изъ д. Медейки въ м. Понедѣли 30-го Апрѣля, часа черезъ два послѣ отправленія въ Шёнбергъ обоза съ плѣнными и ранеными.

Предъ выступленіемъ отряда крестьяне д. Медейки явились къ нему съ поклономъ и принесли сто пудовъ хлѣба, который былъ заказанъ на весь отрядъ и за который имъ слѣдовало выдать деньги. Они рѣшительно отказались получить плату и просили передать хлѣбъ солдатамъ въ благодарность за то, что они избавили ихъ отъ повстанцевъ.

Вечеромъ 30-го Апрѣля отрядъ И. С-ча пришелъ въ м. Понедѣль на дневку, и въ тотъ же самый день 2-я стрѣлковая рота, конвоировавшая плѣнныхъ до м. Шёнберга, возвратилась въ Медейку.

Тысяцкій деревни Медейки и нѣсколько крестьянъ-домохозяевъ пришли къ командиру этой роты капитану Зассу и заявили слѣдующее:

— Пошли мы сегодня въ лѣсъ, смотримъ и глазамъ не вѣримъ: то тутъ, то тамъ висятъ на деревьяхъ повстанцы. Не знаемъ, какъ это случилось; не придется ли намъ за это отвѣчать?

— За что же вы будете отвѣчать, если они сами повѣсились?

— Точно такъ. Благодаримъ покорно; теперь мы покойны, вскричали въ одинъ голосъ мужики.

Надо полагать, что это была расправа самихъ крестьянъ.

На слѣдующій день капитанъ Зассъ выступилъ изъ Медейки и присоединился къ главному отряду въ м. Понедѣлѣ.

И. С. и съ нимъ человѣкъ 15 офицеровъ расположились въ богатомъ господскомъ домѣ. Самъ владѣлецъ былъ въ отсутствіи. Управляющій имѣніемъ отвелъ офицерамъ прекрасныя комнаты съ мягкими кроватями и чистымъ постельнымъ бѣльемъ. Въ первый разъ во всю экспедицію офицерамъ удалось такъ хорошо и спокойно провести ночь. И. С. заказалъ на всѣхъ офицеровъ чай, обѣдъ и ужинъ. Все было приготовлено и подано отлично. Угощали на славу.

Предъ выступленіемъ И. С. потребовалъ счетъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, сказалъ управляющій; какой же счетъ? Я только исполнилъ мой долгъ.

— Что?... Подайте счетъ!

— Слушаю-съ.

И. С. подумалъ про себя: «Закатитъ же онъ счетъ! Такъ и клади сто рублей. Но поданный счетъ былъ крайне умѣренъ.

Въ Понедѣлѣ отрядъ закупилъ въ изобиліи фуражу и провіанта.

При выступленіи отряда изъ Понедѣля въ Шиманцы женщина пожаловалась на одного Донского казака, взявшаго у нея простыню и наволочку. И. С. выдалъ женщинѣ пять рублей и приказалъ казачьему сотнику наказать виновнаго, замѣтивъ, что онъ не позволитъ казакамъ обижать народъ.

— Ваше превосходительство, сказалъ сотникъ; за вину одного казака вы изволите обижать всю мою сотню.

Въ Шиманцахъ И. С. навѣстилъ декана, отказавшаго Сѣраковскому прочесть въ костелѣ мятежное воззваніе. Деканъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и радушно угостилъ ихъ.

Узнавъ отъ проживающихъ въ этой мѣстности раскольниковъ, что викарный ксендзъ, усердно прислуживавшій офицерамъ во время этого угощенія, былъ въ шайкѣ Сѣраковскаго и даже участвовалъ въ сраженіи подъ Медейкою, И. С. сказалъ объ этомъ декану.

— Изъ уваженія къ вамъ я его теперь не трону, сказалъ И. С.; но онъ будетъ навѣрное арестованъ, потому что слишкомъ замѣшанъ. Если изъ-за него и вы будете арестованы, то обратитесь ко мнѣ: я буду вашимъ ходатаемъ.

Дѣйствительно, спустя нѣсколько времени, по распоряженію военной слѣдственной комиссіи по политическимъ дѣламъ, деканъ и его викарный были арестованы; но, по просьбѣ И. С., графъ М. Н. Муравьевъ приказалъ декана освободить отъ ареста и не привлекать къ слѣдствію.

Деканъ сообщилъ И. С-чу, что верстахъ въ пятидесяти отъ Андронишекъ, въ лѣсистой мѣстности Зеленки, скрывается какая-то шайка. Желая провѣрить это извѣстіе, И. С. по прибытіи въ Андронишки, обошелъ окрестности, былъ въ Зеленкѣ, но нигдѣ не нашелъ никакихъ слѣдовъ повстанцевъ и только напрасно потерялъ время и утомилъ людей.

Въ Оникштахъ маіоръ Мерлинъ, съ своими двумя ротами Копорскаго полка, отдѣлился отъ И. С-ча и возвратился въ м. Рогово, на прежнія квартиры.

Подходя къ Вилкомиру, И. С. сталъ припоминать: «Кажется, здѣсь кто-то мнѣ жаловался; ба! вспомнилъ! Вы обижаетесь, сказалъ онъ сотнику, что я напрасно обвиняю вашихъ казаковъ, что они не прочь взять чужое. А сами вы, хорошо-ли поступили въ Вилкомирѣ съ вашимъ хозяиномъ, крестьяниномъ, да еще Русскимъ? Взяли у него на три рубля сѣна, а денегъ не отдали.»

— «Смѣю доложить, ваше превосходительство, что мы выступили ночью; темень была такая, что нельзя было денегъ разглядѣть. Я теперь отдамъ свой долгъ.»

Отрядъ вступилъ въ Вилкомиръ съ развернутымъ знаменемъ Литовскаго воеводы. Видъ Польскаго знамени въ нашихъ рукахъ глубоко затронулъ обидчивое самолюбіе Поляковъ. Многіе готовы были простить генералу Гонецкому и разбитіе шаекъ, и взятіе въ плѣнъ Сѣраковскаго и Колышки, но такъ издѣваться надъ побѣжденными и выставлять на позорище ихъ знамя, такой обиды Поляки никогда не забудутъ.

Оставивъ въ Вилкомирѣ двѣ роты Нарвскаго полка и сотню Донскихъ казаковъ, И. С. пошелъ въ Вильну, имѣя лишь 2-ю стрѣлковую и 3-ю линейную роты Финляндскаго полка и взводъ лейбъ-казаковъ.

Въ началѣ Мая, въ ясный солнечный день, отрядъ подходилъ къ Вильнѣ съ развернутымъ знаменемъ Литовскаго воеводы. Далеко за городомъ толпы народа встрѣтили войска радостными криками. Впереди отряда ѣхалъ верхомъ И. С. Можно себѣ представить, съ какимъ радостнымъ чувствомъ всѣ офицеры и солдаты подходили къ городу, изъ котораго вышли недѣли двѣ тому назадъ въ иномъ настроеніи духа.

У заставы ихъ встрѣтили генералъ-губернаторъ В. И. Назимовъ съ семействомъ и всѣ служащіе съ ихъ женами и дѣтьми; безчисленныя толпы тѣснились на улицахъ и оглашали воздухъ радостнымъ ура! Народъ карабкался на заборы, на деревья, на крыши домовъ, глядѣлъ изъ оконъ. Все имѣло видъ праздничный.

Войска Виленскаго гарнизона стояли по обѣ стороны улицъ шпалерами и отдавали военную честь проходившему мимо нихъ отряду; крики «ура» мѣшались съ звуками военной музыки. Народъ кидалъ въ воздухъ шапки; многіе изъ толпы бросались къ И. С-чу, ѣхавшему верхомъ, и обнимали его ноги.

На площади, возлѣ дворца генералъ-губернатора, отрядъ остановился. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ православнымъ духовенствомъ. На открытомъ воздухѣ предъ аналоемъ было совершено торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ.

Послѣ молебствія генералъ-губернаторъ радушно обнялъ И. С-ча, горячо благодарилъ офицеровъ и солдатъ и отпустилъ ихъ въ казармы.

И. С. все еще страдалъ отъ ушиба ноги, но ему было не до отдыха. Возвратясь домой, онъ поѣхалъ въ коляскѣ на Погулянку, въ больницу св. Іакова, гдѣ содержался Сѣраковскій.

Стоявшій въ караулѣ офицеръ л. гв. Павловскаго полка объявилъ ему, что безъ особеннаго письменнаго разрѣшенія генералъ-губернатора никто не допускается къ Сѣраковскому, но предложилъ посмотрѣть на него изъ коридора чрезъ небольшое окошко въ дверяхъ его комнаты.

Комната была въ нижнемъ этажѣ, съ большимъ окномъ, выходившимъ на улицу. Сѣраковскій сидѣлъ у окна, облокотившись обѣими руками на маленькій столикъ и поддерживая голову. Онъ пристально смотрѣлъ на улицу, не подозрѣвая, что за нимъ присматриваютъ.

Комната была чуть не на одномъ уровнѣ съ мостовой: Сѣраковскій легко могъ убѣжать.

Прямо изъ больницы Иванъ Степановичъ поѣхалъ къ В. И. Назимову, который былъ удивленъ его неожиданнымъ пріѣздомъ.

— «Я сейчасъ отъ Сѣраковскаго,» сказалъ И. С., «онъ непремѣнно убѣжитъ».

— «Какъ убѣжитъ! Помилуйте. Я его видѣлъ два часа тому назадъ; онъ не встаетъ съ постели, еле живъ, не сегодня завтра умретъ.»

— «Онъ убѣжитъ; я сейчасъ его видѣлъ; онъ сидѣлъ на стулѣ какъ здоровый и преспокойно смотрѣлъ въ окно.»

— «Чего-же вы хотите?»

— «Въ этой больницѣ всѣ служащіе: и смотритель, и докторъ, и фельдшера, Поляки; имъ довѣрять нельзя. Прикажите, чтобъ Сѣраковскаго лѣчилъ мой полковой докторъ и мои фельдшера.»

В. И. Назимовъ изъявилъ на это согласіе, и съ тѣхъ поръ при Сѣраковскомъ докторъ, фельдшера и вся лазаретная прислуга были Русскіе. Русскій медикъ нашелъ, что рана Сѣраковскаго вовсе не была опасна.

Послѣ того, какъ В. И. Назимовъ уѣхалъ изъ Вильны и его замѣнилъ М. Н. Муравьевъ, И. С. получилъ изъ Петербурга письмо, извѣщавшее, что жена Сѣраковскаго дѣятельно хлопочетъ о помилованіи мужа, что многіе сильные и вліятельные люди ей помогаютъ, что Англійскій посолъ и его жена ходатайствуютъ о томъ предъ Императрицею и что, по всѣмъ вѣроятіямъ, ихъ усилія увѣнчаются успѣхомъ.

И. С. поспѣшилъ показать это письмо М. Н. Муравьеву.

— «Неужели офицеръ, измѣнившій присягѣ, главный руководитель мятежа, увлекшій въ преступленіе и погубившій нѣсколько ты-

сячъ людей, получитъ прощеніе? Послѣ этого, какъ-же мы будемъ наказывать тѣхъ людей, которые имъ вовлечены въ мятежъ и менѣе его виноваты?

— «Все это мнѣ извѣстно; не безпокойтесь,» сказалъ М. Н. Муравьевъ.

Чрезъ недѣлю послѣ этого Сѣраковскій былъ всенародно повѣшенъ.

И. С. слышалъ отъ М. Н. Муравьева, что, по донесеніямъ военно-уѣздныхъ начальниковъ, послѣ разгрома шаекъ Сѣраковскаго, Мацкевича, Колышки и окончательнаго усмиренія мятежа въ Ковенской губерніи, земскою полиціею было подобрано въ лѣсахъ и другихъ мѣстахъ до 1500 тѣлъ повстанцевъ, убитыхъ, повѣшанныхъ неизвѣстно кѣмъ и умершихъ отъ ранъ, болѣзней и голода.

III. Арестъ политическаго преступника въ Вильнѣ.

Ботаническій садъ есть любимое въ Вильнѣ общественное гулянье. Особенно въ праздничные дни народъ разгуливаетъ по тѣнистымъ дорожкамъ или толпится около военной музыки. Поляки неоднократно позволяли себѣ здѣсь оскорблять Русскихъ посѣтителей сада, а потому, тотчасъ по пріѣздѣ въ Вильну, въ Маѣ 1863 года, М. Н. Муравьевъ приказалъ штабсъ-капитану л. гв. Финляндскаго полка Рудановскому завѣдывать ботаническимъ садомъ въ полицейскомъ отношеніи и наблюдать за порядкомъ во время гуляній.

Генералъ Гонецкій отправился однажды послѣ обѣда въ садъ и подошелъ къ оркестру музыкантовъ л.-гв. Финляндскаго полка, игравшихъ на садовой площадкѣ. Штабсъ-капитанъ Рудановскій доложилъ ему, что онъ получилъ сейчасъ отъ имени М. Н. Муравьева приказаніе арестовать и отправить въ политическую тюрьму № 14 одного молодого человѣка, сидѣвшаго возлѣ оркестра на скамьѣ и очень оживленно бесѣдовавшаго съ двумя нарядно одѣтыми дамами.

И. С. посовѣтовалъ Рудановскому доложить объ этомъ прежде всего, какъ слѣдовало въ служебномъ порядкѣ, находившемуся въ саду начальнику внутренней стражи полковнику Беллендорфу; но послѣдній, выслушавъ донесеніе офицера, не отвѣчалъ ему ни слова и направился къ выходу изъ сада.

Въ это время подошелъ къ оркестру начальникъ 3-й дивизіи, баронъ Б . . . , къ которому Рудановскій также обратился для полученія отъ него приказанія; но генералъ сказалъ ему только, чтобъ онъ въ точности исполнилъ волю генералъ-губернатора и отошелъ въ сторону.

Не такъ поступилъ И. С. Хотя это дѣло вовсе не относилось къ его служебнымъ обязанностямъ, но онъ нашелъ малодушнымъ оставить офицера въ затруднительную для него минуту безъ совѣта и поддержки и рѣшился взять на себя отвѣтственность въ исполненіи приказанія генералъ-губернатора. Воспользовавшись антрактомъ, когда музыканты стояли безъ дѣла, И. С. велѣлъ Рудановскому взять для конвоя двухъ музыкантовъ, подойти съ ними къ человѣку, котораго слѣдовало арестовать, объявить ему приказаніе генералъ-губернатора и предложить ему выйти вмѣстѣ съ ними изъ сада. Незнакомецъ, внимательно выслушавъ заявленіе Рудановскаго, тотчасъ же, не говоря ни слова, всталъ со скамьи и пошелъ за нимъ въ сопровожденіи конвоя. Никакого волненія и безпорядковъ между гуляющими не было. Только на другой день явились къ И. С-чу просительницы съ ходатайствомъ объ освобожденіи арестованнаго; но И. С. объявилъ имъ, что это зависитъ не отъ него, а отъ главнаго начальника края.

IV. Панихида.

По ходатайству М. Н. Муравьева генералъ Гонецкій былъ назначенъ въ Іюнѣ 1863 года начальникомъ 3-й пѣхотной дивизіи и командующимъ войсками, въ Гродненской губерніи расположенными.

Тяжело было И. С-чу разставаться съ своимъ любимымъ л.-гв. Финляндскимъ полкомъ, въ которомъ онъ началъ службу прапорщикомъ въ 1828 году. Государь Императоръ милостиво дозволилъ ему носить мундиръ этого полка.

Гродненская губернія, смежная съ царствомъ Польскимъ, особенно страдала отъ повстанцевъ. Укрываясь въ Бѣловѣжской пущѣ и другихъ лѣсахъ и находя пріютъ въ панскихъ мызахъ и шляхетскихъ околицахъ, они грабили селенія, вѣшали народъ и наводили страхъ на мирныхъ жителей.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ потребовалъ, чтобы И. С. немедленно устроилъ по всей губерніи сельскіе караулы изъ крестьянъ для поимки повстанцевъ и защиты селеній отъ ихъ разбоевъ.

Тотчасъ по вступленіи въ должность И. С. разослалъ по разнымъ направленіямъ небольшие военные отряды, а самъ съ главнымъ отрядомъ изъ роты л.-гв. Семеновскаго полка, роты 3-го армейскаго стрѣлковаго баталіона, взвода улановъ и сотни казаковъ отправился въ Пружанскій уѣздъ, какъ самый безпокойный.

Сентябрь былъ великолѣпный, сухой; топи и болота пересохли, и можно было свободно ихъ переходить.

Отрядъ пришелъ на ночлегъ въ м. Шерешево, близъ Бѣловежской пущи. Мѣстечко большое; жителей по равной части православныхъ, католиковъ и Евреевъ, тысячъ восемь.

Здѣшніе города и мѣстечки, наполненные Поляками и Жидами, не то, что̀ города и слободы въ Великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ всѣ жители православные и Русскіе. Здѣсь въ 1863 году Русскій православный человѣкъ назывался хлопомъ и быдломъ и былъ угнетенъ инородцами и иновѣрцами, отъ которыхъ нельзя было ожидать искренней, безкорыстной любви къ Государю и Россіи.

Дня за два до прихода отряда человѣкъ двадцать повстанцевъ и жандармовъ вѣшателей, предводимые ксендзомъ, несшимъ распятіе, ворвались ночью въ мѣстечко, всполошили народъ, забрали у жителей нѣсколько подводъ съ провизіей, угнали скотину, отобрали деньги, хранившіяся въ волостномъ правленіи, повѣсили трехъ крестьянъ (одного православнаго, двухъ католиковъ) и двухъ Евреевъ и сожгли пивной заводъ. Совершивъ такіе подвиги, повстанцы съ пѣснями: «е̇ще Польша не сгинела, кеды мы жіемы».... ушли въ лѣсъ и скрылись такъ, что и слѣдъ ихъ простылъ. И. С. потребовалъ лѣсниковъ и послалъ ихъ съ казаками для поисковъ, но всѣ старанія напасть на слѣдъ бѣжавшей шайки были напрасны. Безъ сомнѣнія, злодѣи имѣли соумышленниковъ въ самомъ мѣстечкѣ: иначе они не посмѣли бы сдѣлать нападенія.

Вдовы и дѣти повѣшанныхъ и ограбленные жители просили И. С-ча о помощи и защитѣ. Тѣла повѣшанныхъ были уже похоронены, но И. С. хотѣлъ торжественно, всенародно почтить память людей, погибшихъ за вѣрность царю и отечеству. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ двухъ приходскихъ священниковъ отслужить въ мѣстечкѣ, на площади, панихиду по убитымъ въ присутствіи всѣхъ жителей, которымъ было приказано собраться къ назначенному времени.

Кавалерія и пѣхота на коняхъ занимали одну сторону площади, предъ войсками стояли оба священника въ черныхъ рясахъ и пѣвчіе изъ солдатъ.

Вся площадь и прилегающія улицы были залиты сплошными толпами народа, съ обнаженными головами и въ глубокомъ безмолвіи.

И. С. выѣхалъ къ войскамъ верхомъ, поздоровался съ ними и громко, на всю площадь, сказалъ:

— «Спасибо вамъ, братцы, за молодецкую службу! Вы честно исполняете священную волю Государя и не попустите, чтобы злодѣи-повстанцы грабили и мучили народъ. Гдѣ надо защищать женщинъ, дѣтей, безоружный народъ отъ измѣнниковъ-повстанцевъ, тамъ вы первые. Не такъ-ли, ребята?»

Весь отрядъ грянулъ какъ одинъ человѣкъ:

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— «А гдѣ надо бить измѣнниковъ, тамъ вы также первые! Мерзавцы струсили, убѣжали до лясу; но мы до нихъ доберемся. Не долго имъ разбойничать!»

— Рады стараться, ваше превосходительство!

— «Они ограбили мѣстечко и повѣсили пятерыхъ человѣкъ за то, что эти люди не хотѣли измѣнить присягѣ. Помолимся-же, братцы, за людей, невинно замученныхъ злодѣями.»

Иванъ Степановичъ сошелъ съ коня, велѣлъ спѣшиться кавалеріи и скомандовалъ отряду:

— «На молитву! Шапки долой!»

Потомъ онъ обратился къ народу, покрывавшему площадь и улицы, и крикнулъ:

— «Всѣ на колѣни!»

Среди мертвенной тишины раздалось пѣніе церковныхъ молитвъ.

Вдругъ священникъ обращается къ Ивану Степановичу: и шопотомъ спрашиваетъ.

— Помпнать-ли католиковъ?

— «Непремѣнно!»

— А Евреевъ?

— «Какъ-же не помянуть; вѣдь они пострадали за Царя и отечество».

Такимъ образомъ, за этой достопамятной панихидой поминались вмѣстѣ съ христіанами два Еврея.

Послѣ панихиды Иванъ Степановичъ сказалъ народу:

— «Васъ здѣсь нѣсколько тысячъ, а вы дали себя ограбить двумъ десяткамъ разбойниковъ, не связали ихъ, не представили вашему начальству! Стыдно вамъ.»

— Какъ-же намъ было защищаться? Вѣдь они были вооружены; а у насъ, какое оружіе!

— «Какое у васъ оружіе? А цѣпы, рогатины, топоры! Нѣтъ, дѣло не въ томъ, что у васъ нѣтъ оружія, а въ томъ, что между вами есть мерзавцы, которые за одно съ повстанцами. Если бъ не было между вами негодяевъ, то никто не посмѣлъ бы на васъ напасть. Вы сами потворствуете злодѣямъ. Они вѣшали при васъ людей, грабили; а вы потеряли даже ихъ слѣдъ и не знаете, куда они бѣжали. На этотъ разъ не хочу строго васъ наказывать, а налагаю на мѣстечко 2500 рублей штрафа, изъ котораго будутъ выданы пособія семействамъ повѣшанныхъ и ограбленныхъ. Ваше дѣло разверстать деньги между собою, какъ знаете.»

Такъ какъ огромное большинство жителей мѣстечка вовсе не сочувствовало мятежу, то при раскладкѣ штрафа, оно, конечно, не дало себя въ обиду. Такимъ образомъ, вся тяжесть контрибуціи легла на ополяченную шляхту, которая, опасаясь, чтобы ее не стали уличать въ сношеніяхъ съ повстанцами, безмолвно подчинилась рѣшенію большинства.

Евреи разсказывали, что когда Иванъ Степановичъ крикнулъ народу: «на колѣни!» то они присѣли на корточки, такъ какъ ихъ законъ запрещаетъ становиться на колѣни.

Устроивъ изъ мѣстныхъ крестьянъ вооруженный караулъ и подчинивъ его расторопному унтеръ-офицеру съ небольшимъ числомъ рядовыхъ, И. С. пошелъ съ своимъ отрядомъ въ Бѣловѣжскую пущу.

V. Укрощеніе бунта.

Обходя Бѣловѣжскую пущу, отрядъ И. С-ча прибылъ вечеромъ въ одно небольшое православное селеніе.

Такъ какъ въ избахъ было душно, притомъ всѣ онѣ были курныя и закоптѣлыя, то генералъ Гонецкій, вдвоемъ съ начальникомъ дивизіоннаго штаба, полковникомъ Клугеномъ, расположился на ночлегъ въ амбарѣ.

Стало темнѣть; солдатскія пѣсни и разговоры пріумолкли.

Вдругъ кто-то подошелъ къ амбару, покашливаетъ.

— «Кто тамъ? спросилъ И. С. Войди!»

Дверь отворилась, и показался сѣдой, сгорбленный крестьянинъ. Онъ ступилъ нѣсколько шаговъ и тотчасъ бухъ въ ноги.

— Отцы родные, спасите!

— «Кто ты? Чего тебѣ надо?»

— Я здѣшній староста. Вокругъ насъ живетъ шляхта, и намъ нѣтъ отъ нея житья за то, что мы не бунтуемъ. Деревню хотятъ сжечь, а меня повѣсить. Я боюсь жить въ избѣ и ночую то въ полѣ, то въ лѣсу. Намъ бѣда будетъ, когда вы уйдете. Шляхта говоритъ, что будто мы васъ заманили сюда. Спасите, ради Христа. Вся деревня проситъ вашей защиты. Старикъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

Зло овладѣло И. С-чемъ противъ поганой шляхты, которая никому не даетъ покоя.

— ‹Перестань, старикъ, плакать! Богъ милостивъ! Скажи крестьянамъ, что никакая шельма ихъ не тронетъ. Ступай съ Богомъ! Не бойся!›

Раннимъ утромъ отрядъ пошелъ въ обходъ, обшарилъ верстъ на шестьдесятъ кругомъ лѣса, фольварки, захватилъ запрятавшихся въ сѣно двухъ повстанцевъ и къ ночи возвратился въ туже деревню. На слѣдующее утро надо было идти далѣе.

И. С. приказалъ старостѣ обойти всѣ шляхетскія околицы и объявить шляхтичамъ-домохозяевамъ, что съ ними желаетъ переговорить генералъ Гонецкій и чтобъ они явились къ нему къ назначенному для выступленія отряда времени.

Собралось человѣкъ тридцать. Отрядъ И. С-ча выстроился на дорогѣ и былъ готовъ къ выступленію. Всѣ жители деревни вышли провожать солдатъ. И. С. подошелъ къ шляхтѣ, одѣтой въ чамарки и съ конфедератками въ рукахъ, и вспомнилъ вчерашній разсказъ старика.

— ‹Берегитесь, сказалъ онъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ, я не позволю вамъ своевольничать! Если узнаю, что вы дружите съ повстанцами и обижаете крестьянъ, то велю повѣсить виновныхъ и сожгу ихъ дома.›

Прямо противъ него, впереди другихъ, стояли пять широкоплечихъ шляхтичей, съ нахальными и дерзкими лицами. Они, кажется, были твердо убѣждены, что ихъ только стращаютъ и, конечно, хотѣли щегольнуть своимъ молодечествомъ предъ остальною шляхтою и крестьянами.— ‹Надо проучить этихъ коноводовъ, подумалъ И. С. Если я сейчасъ, при народѣ, не накажу и не собью ихъ спѣси, то они, пожалуй, пуще заважничаютъ передъ мужиками и, чего добраго, въ самомъ дѣлѣ сожгутъ деревню или повѣсятъ старосту.

‹Вы смѣете угрожать, крикнулъ И. С., что сожжете деревню вы думаете, что можете своевольничать и что шляхту нельзя тронуть пальцемъ. Вотъ я вамъ покажу, какъ васъ нельзя тронуть!

«Казаки,—влѣпить вотъ этимъ пяти молодцамъ по двадцати пяти нагаекъ!»

Шляхтичей преисправно угостили казацкими нагайками.

«Теперь идите всѣ по домамъ, да благодарите Бога, что такъ дешево отдѣлались и не забывайте, что я съ вами шутить не намѣренъ».

Пристыженная и униженная шляхта, низко поклонившись И. С-чу, побрела домой съ смиренно опущенными головами и съ конфедератками въ рукахъ.

«Важничать теперь передъ народомъ не будутъ», сказалъ И. С.; «да и бунтовать, пожалуй, перестанутъ».

Надо было видѣть сіявшія отъ радости лица крестьянъ.

Далеко за деревню съ благословеніями и молитвами они провожали уходившій отрядъ.

Послѣ этого случая, который тотчасъ же сдѣлался извѣстнымъ, шляхта Пружанскаго уѣзда присмирѣла.

VI. Бѣловѣжскіе лѣсники.

Лѣсная стража, оберегающая Бѣловѣжскую пущу, состояла въ 1863-мъ году болѣе, нежели изъ двухъ-сотъ человѣкъ. Всѣ они были семейные люди, выбранные изъ благонадежныхъ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ; многіе были обвѣшаны крестами, медалями, имѣли нашивки на рукавахъ за безпорочную службу. Они жили въ караульныхъ домикахъ, отдѣльно разбросанныхъ, верстъ на двадцать домикъ отъ домика, по опушкѣ лѣса.

Въ самой срединѣ пущи, на р. Наревкѣ, въ селеніи Бѣловѣжѣ, находится такъ называемый охотничій дворецъ, въ которомъ жилъ тогда офицеръ, управлявшій этою пущею. Онъ завѣдывалъ и лѣсною стражею.

Между лѣсниками было много католиковъ и лютеранъ. Всѣ они были снабжены отъ казны полнымъ вооруженіемъ; у каждаго были солдатская винтовка съ штыкомъ и тесакъ. Но, при началѣ безпорядковъ и при первомъ появленіи мятежныхъ шаекъ, бывшій Гродненскій военный губернаторъ, генералъ Галлеръ, испросилъ у генералъ-губернатора В. И. Назимова приказаніе отобрать отъ лѣсной стражи оружіе и сдать его на храненіе въ Брестъ-Литовскій крѣпостной арсеналъ: начальникъ губерніи опасался, что повстанцы насильно отберутъ у лѣсниковъ оружіе. Само собою разумѣется, что, благодаря этому распоряженію, повстанцы перестали бояться обезоруженныхъ лѣсниковъ, и Бѣловѣжская пуща сдѣлалась главнымъ ихъ притономъ. Здѣсь они укрывались и отсюда дѣлали набѣги на деревни.

Дѣлая обходъ Бѣловѣжской пущи, Иванъ Степановичъ вступилъ съ своимъ отрядомъ въ с. Бѣловѣжу. Здѣсь его встрѣтили начальникъ лѣсной стражи и вся команда лѣсниковъ, собранная по заранѣе отданному приказанію. И. С., обращаясь къ стоявшимъ предъ нимъ въ строю безъ всякаго оружія старымъ военнымъ служакамъ, сказалъ:

— «Я знаю, что въ вашей пущѣ скрываются повстанцы. Стыдно вамъ, братцы, что вы терпите у себя такихъ негодяевъ».

— Ваше превосходительство, сами понимаемъ, что это нехорошо, отвѣчали лѣсники, да ничего сдѣлать не можемъ. У насъ начальство отобрало оружіе. Будь у насъ оружіе, такъ ни одного повстанца здѣсь не будетъ: всѣхъ повыгонимъ, обойдемъ облавой всю пущу, да и сами они уберутся. Ваше превосходительство, помилосердуйте; прикажите отдать намъ наше оружіе.

— «Хорошо, оружіе вамъ выдадутъ; кромѣ того, оставлю вамъ въ помощь изъ своего отряда двадцать стрѣлковъ. Смотрите же, братцы, чтобъ ни одного повстанца у васъ не было».

— Не извольте безпокоиться: всѣхъ выгонимъ.

И. С. вытребовалъ оружіе изъ Брестъ-Литовскаго арсенала, приказалъ его возвратить лѣсникамъ, и въ короткое время Бѣловѣжская пуща была совершенно очищена отъ повстанцевъ.

VII. Офицеръ-католикъ.

Послѣ самоубійства генералъ-адъютанта Герстенцвейга и выѣзда изъ Варшавы графа Ламберта, временнымъ намѣстникомъ царства Польскаго былъ назначенъ въ 1861 году военный министръ Н. О. Сухозанетъ. Проѣздомъ въ Варшаву онъ дѣлалъ смотры войскамъ въ Гроднѣ и Вильнѣ.

Послѣ каждаго смотра онъ, вызывая къ себѣ офицеровъ, обращался къ нимъ съ предложеніемъ: «станьте, господа, по религіямъ», и затѣмъ, говорилъ католикамъ, что онъ понимаетъ, какъ неудобно имъ оставаться на службѣ въ Западныхъ губерніяхъ. Онъ предлагалъ имъ перейти въ войска, расположенныя внутри Имперіи, и обѣщалъ выдавать имъ прогоны на проѣздъ до новаго мѣста ихъ служенія.

Офицеры-католики были крайне озадачены этими предложеніями военнаго министра. Нѣкоторые изъ нихъ, вовсе не располагавшіе выходить изъ своихъ полковъ, были поставлены въ весьма щекотливое и неловкое положеніе.

Дѣлая подобныя заявленія офицерамъ, военный министръ думалъ, вѣроятно, что онъ слѣдуетъ примѣру, данному въ 1831 году императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Тогда въ войскахъ Литовскаго кор-

пуса служили католики, уроженцы Царства Польскаго, присягавшіе на вѣрность Польской конституціи. Когда вспыхнулъ Польскій мятежъ, то Государь Императоръ приказалъ объявить этимъ офицерамъ, что они могутъ, если пожелаютъ, выйти въ отставку и возвратиться на родину. Государь Императоръ имѣлъ нравственное основаніе оказать великодушное снисхожденіе офицерамъ, присягавшимъ конституціи Царства Польскаго. Но трудно объяснить, какими соображеніями руководствовался г. Сухозанетъ, дѣлая это предложеніе офицерамъ, связаннымъ присягою на вѣрную службу Государю и Россіи. Не думалъ ли онъ, что долгъ присяги Русскаго подданнаго католика иной, чѣмъ Русскаго православнаго; что только для послѣдняго присяга безусловно обязательна всегда и вездѣ, а для перваго она дѣйствительна лишь въ Великорусскихъ губерніяхъ? Впрочемъ, что̀ бы генералъ Сухозанетъ ни думалъ о присягѣ, но странно было слышать изъ устъ военнаго министра рѣчи, подрывавшія въ войскахъ дисциплину и унижавшія понятія о чести, присягѣ и вѣрности данному слову. Вѣроятно, не одинъ военный министръ пропагандировалъ между своими подчиненными подобное ученіе о служебномъ долгѣ: таково было въ Петербургѣ настроеніе цѣлаго кружка людей, имѣвшихъ, къ несчастію, вліяніе не только въ обществѣ и литературѣ, но и въ высшемъ правительствѣ.

Офиціальныя рѣчи военнаго министра вредно отразились въ 3-й пѣхотной дивизіи на дисциплинѣ и на отношеніяхъ офицеровъ между собою.

Одинъ капитанъ 10-го Новоингерманландскаго полка, католикъ, уроженецъ Витебской губерніи, заявилъ начальнику 3-й дивизіи, генералъ-лейтенанту Гольтгойеру, что ему, какъ католику, неудобно въ настоящее время служить въ Западныхъ губерніяхъ, и потому просилъ о переводѣ его въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ во внутреннихъ губерніяхъ. Дивизіонный начальникъ призналъ заявленіе офицера основательнымъ. Это было передъ самымъ назначеніемъ И. С-ча начальникомъ 3-й дивизіи на мѣсто генерала Гольтгойера. Узнавъ объ этомъ, И. С. вызвалъ по телеграфу въ Гродну командира Новоингерманландскаго полка, полковника Воронова и капитана-католика. Являются они къ нему въ назначенное время.

«Вы объявили генералу Гольтгойеру, сказалъ капитану И. С., что вамъ неудобно здѣсь служить, такъ какъ вы католикъ, и генералъ съ вами согласился. Я также съ этимъ согласенъ. А потому не угодно ли вамъ подать просьбу объ отставкѣ?»

Капитанъ совершенно растерялся. Онъ не ожидалъ такой развязки, надѣясь, что за него начальство будетъ хлопотать о переводѣ его въ другія войска.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, я не желаю выходить въ отставку, я Русскій патріотъ, извините.... я не думалъ....

— Безъ объясненій; извольте завтра же подать прошеніе. Просить о вашемъ переводѣ не буду: кому совѣсть мѣшаетъ исполнять присягу въ Гродненской губерніи, тотъ и во всякой другой губерніи ненадеженъ.

Только въ уваженіе особеннаго ходатайства полкового командира, И. С. представилъ этого офицера къ увольненію изъ полка не прямо въ отставку, а съ зачисленіемъ по арміи.

Послѣ этого случая никто изъ офицеровъ-католиковъ, служившихъ въ полкахъ 3-й дивизіи, не просился во внутреннія губерніи.

Мы уже замѣтили, что офиціальныя рѣчи, произнесенныя въ 1861 году генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ на военныхъ смотрахъ, имѣли вредное вліяніе на служебную дисциплину. Онѣ возбудили между офицерами столько непріятныхъ столкновеній, недоумѣній и толковъ, что для прекращенія ихъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ тотчасъ по прибытіи въ Маѣ 1863 года, въ Вильну, издалъ 23 Мая по войскамъ Виленскаго военнаго округа слѣдующій приказъ:

«Въ 1861 году, при началѣ волненій въ Царствѣ Польскомъ и Западныхъ губерніяхъ, предоставлено было всѣмъ офицерамъ изъ уроженцевъ Царства Польскаго и Западныхъ губерній Римско-католическаго исповѣданія просить о переводѣ въ войска, внутри Имперіи находящіяся, при чемъ объявлено было, что тѣ офицеры, которые не воспользуются симъ дозволеніемъ, за всѣ проступки будутъ отвѣчать по законамъ. На основаніи сего и имѣя въ виду, что правительство не должно разбирать въ офицерахъ, къ какой націи принадлежитъ тотъ или другой изъ нихъ и что тотъ, кто не исполняетъ своего долга по присягѣ и совѣсти, во всякомъ случаѣ измѣнникъ, подлежащій отвѣтственности по всей строгости законовъ, объявляю по войскамъ Виленскаго военнаго округа, и въ Витебской и Могилевской губерніяхъ расположеннымъ, что на дальнѣйшее время переводы въ войска, внутри Имперіи находящіяся, офицеровъ Римско-католическаго исповѣданія допускаемы не будутъ и что, въ случаѣ отклоненія ихъ отъ точнаго исполненія своего долга, будетъ съ ними поступлено по всей строгости военныхъ законовъ».

Сравнивая распоряженія двухъ высшихъ сановниковъ государства по одному и тому же, казалось бы, весьма простому и ясному вопросу военной дисциплины, нельзя не удивляться ихъ рѣзкой противоположности. Эти противорѣчія и полнѣйшій разладъ въ дѣйствіяхъ главныхъ представителей государственной власти живо напоминаютъ

время общей безурядицы, когда въ Россіи хозяйничали доктринёры и говоруны, сбивавшіе съ толку и правительство, и народъ; когда твердой и опредѣленной государственной системы управленія не было, когда все зависѣло отъ личныхъ воззрѣній и умничанья лицъ, случайно находившихся у власти и когда ходъ и характеръ управленія не былъ согласованъ, не былъ связанъ одною мыслію, а отличался противорѣчіями и мѣнялся вмѣстѣ съ лицами.

VIII. Что скажетъ Европа?

И. С. очень часто посылалъ небольшіе отряды въ различные уѣзды Гродненской губерніи для преслѣдованія шаекъ и нерѣдко самъ участвовалъ въ этихъ экспедиціяхъ. Съ однимъ изъ такихъ отрядовъ онъ прибылъ однажды въ д. Новосельцы, Брестскаго уѣзда, на берегу р. Буга, составляющаго границу Гродненской губерніи и Царства Польскаго. За день до прихода отряда шайка повстанцевъ изъ пограничнаго Польскаго мѣстечка Янова, Сѣдлецкой губерніи, переправилась чрезъ эту рѣку въ Брестскій уѣздъ, схватила въ д. Новоселкахъ двухъ конныхъ объѣздчиковъ, наблюдавшихъ за провозомъ спирта, истязала ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ и скрылась обратно за р. Бугъ.

Военнымъ становымъ начальникомъ участка, въ которомъ это случилось, былъ подполковникъ З... Его участокъ простирался по рѣкѣ Бугу, отъ Брестъ-Литовска почти до м. Дрогичина. Этотъ офицеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи шесть ротъ пѣхоты и взводъ уланъ, что̀ было совершенно достаточно для охраненія границы. Г. З... былъ старый штабъ-офицеръ, долго служившій на Кавказѣ и переведенный въ Виленскій военный округъ въ 1861 году вслѣдствіе распоряженія военнаго министра Сухозанета о замѣнѣ въ этомъ округѣ офицеровъ-католиковъ православными. Его грудь была увѣшана медалями и крестами; за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ онъ имѣлъ орденъ Св. Владимира съ мечами.

Вызвавъ къ себѣ подполковника З..., И. С., въ присутствіи начальника штаба, полковника Клугена, замѣтилъ ему, что въ его становомъ участкѣ было уже нѣсколько подобныхъ несчастныхъ случаевъ, доказывающихъ недостаточную его заботливость и плохую распорядительность.

— Долгомъ считаю доложить вашему превосходительству, что я поставленъ въ крайне затруднительное положеніе: католическій епископъ, проживающій въ м. Яновѣ, открыто покровительствуетъ мятежникамъ, содержитъ ихъ на свой счетъ и защищаетъ отъ всякаго пре-

слѣдованія. Это всѣмъ здѣсь извѣстно, и шайка, сдѣлавшая набѣгъ, перебралась чрезъ Бугъ изъ м. Янова.

— Можетъ ли это быть? Хорошъ епископъ, который содержитъ шайку разбойниковъ! Донесли вы объ этомъ военному уѣздному начальнику?

— Никакъ нѣтъ; я не смѣлъ этого сдѣлать.

Да почему же? Вашъ уѣздный начальникъ немедленно телеграфировалъ бы объ этомъ въ Варшаву, и Его Высочество намѣстникъ непремѣнно удалилъ бы епископа изъ Царства Польскаго.

— Какъ же это возможно, ваше превосходительство?

— Да почему же невозможно?

— Что̀ скажетъ на это Европа!

— Что скажетъ Европа! Это что такое? Шутите вы со мной, что ли? Какое вамъ дѣло до Европы? Если она станетъ съ вами разговаривать, то повернитесь къ ней спиною, чтобы она знала, что это не ея дѣло. Для разговоровъ съ Европой есть у Государя министръ иностранныхъ дѣлъ. Ваше дѣло, г. подполковникъ, исполнять свой долгъ, а не разговаривать съ Европой.

Въ это время съ подполковникомъ З.... начались какъ будто судороги въ лицѣ; онъ замигалъ глазами и вдругъ разразился потокомъ слезъ.

П. С. обратился въ недоумѣніи къ полковнику Клугену:

Лавръ Никаноровичъ, что̀ это съ подполковникомъ? Не послать ли за докторомъ?

— Ваше превосходительство, рыдая проговорилъ г. З...; никогда въ жизни я не слыхалъ подобнаго выговора!

— Да и я слышу въ первый разъ, чтобы старый Кавказскій служака пускался въ такія странныя разсужденія. Теперь мнѣ понятно, отчего въ вашемъ участкѣ повстанцы разбойничаютъ. Вы здѣсь оставаться не можете, и я подумаю, куда васъ убрать.

Г. З.... самъ поспѣшилъ пріискать себѣ другую службу: недѣли черезъ двѣ онъ былъ переведенъ въ Варшавскую полицію.

IX. Памятникъ мятежникамъ въ г. Ломжѣ.

Въ 1863 году двадцать пять уполномоченныхъ отъ пятитысячнаго крестьянскаго общества Зыпле, Августовской губерніи Царства Польскаго, прибыли въ Вильну и представили главному начальнику Сѣверо-западнаго края М. Н. Муравьеву слѣдующее прошеніе:

«Генералъ! Мы, крестьяне общества Зыпле, Царства Польскаго, Августовской губерніи, Маріампольскаго уѣзда, прибѣгаемъ со всепо-

корнѣйшею просьбою къ тебѣ: Спаси насъ! Плачевное наше положеніе достойно сожалѣнія.

«Настоящій мятежъ и волненія въ краѣ приписываютъ Полякамъ. Это клевета. Мы, Поляки, всегда были и будемъ вѣрными подданными нашего всемилостивѣйшаго Государя. Нарушители же спокойствія суть низкіе люди, которыхъ можно найти въ каждомъ народѣ.

«Крайность заставляетъ насъ обратиться къ тебѣ. Знаемъ, что наша губернія принадлежитъ другому управленію; но что же дѣлать намъ, несчастнымъ, когда нашъ край, вмѣсто того, чтобы смириться, еще болѣе волнуется? Слыша, что край, ввѣренный тебѣ, твоею заботою уже успокоенъ и въ немъ водворенъ порядокъ, мы еще разъ повторяемъ нашу покорнѣйшую просьбу: прими насъ подъ свое покровительство. Пусть дадутъ намъ войско, и мы пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ, будемъ сражаться до послѣдней капли крови и докажемъ на дѣлѣ нашу любовь и приверженность къ всемилостивѣйшему нашему Монарху и ненависть нашу къ мятежникамъ. Мятежники, зная нашу привязанность къ Государю, будутъ стараться отомстить намъ. А потому просимъ тебя, генералъ, удостой принять насъ подъ свое покровительство и пришли войско для нашей обороны. Еще разъ умоляемъ тебя, генералъ: возьми насъ къ себѣ, и тогда нашъ край успокоится, какъ Литва. Мы вѣрны нашему Государю и не желаемъ безпорядковъ» *).

Можно судить по этому адресу, какъ враждебно относились крестьяне Царства Польскаго къ шляхетскому мятежу и къ политическимъ интригамъ своихъ магнатовъ и шляхты и какъ они сочувствовали твердой и строгой системѣ управленія М. Н. Муравьева въ Сѣверозападномъ краѣ.

Просьба крестьянъ была уважена, и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1863 года вся Августовская губернія, на время существованія военнаго положенія, была, по Высочайшему повелѣнію, подчинена въ административномъ отношеніи М. Н. Муравьеву.

Первымъ его дѣломъ было принять мѣры къ немедленному очищенію всей Августовской губерніи отъ шаекъ.

Губернія была раздѣлена на два военныхъ отдѣла. Военное управленіе въ уѣздахъ Маріампольскомъ, Кальварійскомъ, Сейненскомъ и Августовскомъ было ввѣрено генералъ-лейтенанту Якову Петровичу Бакланову, а Ломжинскій уѣздъ былъ подчиненъ командовавшему войсками въ Гродненской губерніи И. С. Гонецкому.

---

*) См. книгу: „Сборникъ распоряженій графа М. Н. Муравьева по усмиренію Польскаго мятежа 1863—1864 года. Вильна. 1866 года“. На стр. 66-й этотъ крестьянскій адресъ приведенъ цѣликомъ.

М. Н. Муравьевъ, къ которому И. С. явился изъ Гродны для полученія приказаній, сообщилъ неодобрительныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ служащихъ въ Ломжинскомъ уѣздѣ. Онъ совѣтовалъ обратить особенное вниманіе на двухъ офицеровъ стоявшей въ Ломжѣ артиллерійской батареи. Оба они, хотя Русскіе и православные, были очень ненадежны въ политическомъ отношеніи. Военно-уѣздный начальникъ, полковникъ З...., также былъ ненадеженъ по своей безхарактерности и либеральничанью.

Съ небольшимъ отрядомъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и полсотни казаковъ И. С. выступилъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, изъ Гродны и прибылъ по желѣзной дорогѣ въ Ломжу для принятія Ломжинскаго военнаго отдѣла въ свое управленіе.

Имя генерала Гонецкаго было хорошо извѣстно въ Августовской губерніи. Ходившіе въ народѣ разсказы о его дѣйствіяхъ въ Ковенской и Гродненской губерніяхъ наводили страхъ на повстанцевъ, такъ что изъ шаекъ, бродившихъ въ Ломжинскомъ уѣздѣ, многіе повстанцы ушли въ Пруссію.

Въ Ломжѣ, при общемъ представленіи Ивану Степановичу военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, находился и Ломжинскій военно-уѣздный начальникъ, полковникъ Зайцовъ.

Пригласивъ его послѣ представленія къ себѣ въ кабинетъ, И. С. сообщилъ ему отзывъ Михаила Николаевича Муравьева о политической неблагонадежности двухъ артиллерійскихъ офицеровъ, считая невозможнымъ, чтобы эти офицеры оставались на службѣ въ Ломжѣ. И. С. посовѣтовалъ полковнику Зайцову увѣдомить объ этомъ шифрованною телеграммою начальника артиллеріи Варшавскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта Шварца и просить его о переводѣ обоихъ офицеровъ въ другія батареи.

Телеграмма была отправлена, и въ тотъ же день полковникъ З.... получилъ отъ генерала Шварца отвѣтъ съ предложеніемъ оставить офицеровъ въ Ломжѣ и не вмѣшиваться не въ свое дѣло.

И. С. немедленно телеграфировалъ объ этомъ М. Н. Муравьеву и получилъ въ отвѣтъ приказаніе тотчасъ арестовать обоихъ офицеровъ и отправить подъ конвоемъ въ Вильну.

Вслѣдъ затѣмъ И. С-чу былъ представленъ приговоръ военнаго суда о смертной казни жандарма-вѣшателя Кулиша, осужденнаго за нѣсколько звѣрскихъ политическихъ убійствъ.

И. С. утвердилъ приговоръ и приказалъ повѣсить злодѣя на городской площади днемъ, въ присутствіи войскъ и народа. Грозная обстановка этой казни произвела на Поляковъ устрашающее дѣйствіе.

Спустя нѣсколько дней, И. С. поѣхалъ осматривать городъ въ сопровожденіи жандармскаго офицера. На площади, противъ зданія гимназіи и возлѣ огромнаго каменнаго костела, украшавшаго площадь, онъ увидѣлъ каменный памятникъ въ видѣ пирамиды, съ крестомъ на ярко-вызолоченномъ шарѣ и съ какими-то символическими украшеніями и надписями.

Къ величайшему изумленію своему онъ узналъ отъ жандармскаго офицера, что памятникъ сооруженъ въ 1861 году въ честь пяти мятежниковъ, убитыхъ въ томъ году въ бою съ Русскими войсками въ Варшавѣ, во время уличнаго возмущенія.

«Кто же, спросилъ И. С., позволилъ его поставить, да еще на площади, противъ гимназіи, какъ будто въ назиданіе ученикамъ?»

Оказалось, что шляхта воздвигла памятникъ самовольно, ни у кого не спрашиваясь. Ни комендантъ города, ни начальникъ дивизіи, ни военный уѣздный начальникъ не препятствовали и никому объ этомъ не доносили.

Только недавно, неизвѣстно кѣмъ, былъ снятъ находившійся на памятникѣ лавровый вѣнокъ. Открытіе памятника происходило въ 1861 году съ особенною торжественностію, при огромомъ стеченіи народа, при чемъ участвовало все городское и сельское католическое духовенство, нарочно собравшееся со всего уѣзда; присутствовали также ученики гимназіи съ своими воспитателями и чиновники. Поляки въ форменныхъ мундирахъ. Этимъ памятникомъ мятежники пользовались при всѣхъ уличныхъ демонстраціяхъ для возбужденія толпы. Ежедневно можно было видѣть, особенно въ праздники, фанатиковъ, а можетъ быть и агитаторовъ, повергавшихся предъ памятникомъ на колѣни и распѣвавшихъ патріотическіе гимны.

Глубоко взволнованный разсказами о такой вызывающей и, между тѣмъ, такъ долго безнаказанной дерзости мятежниковъ, И. С., возвратясь домой, потребовалъ къ себѣ уѣзднаго исправника, завѣдывавшаго также и городскою полиціею. Это былъ католикъ Полякъ, изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

«Какъ смѣли вы, закричалъ на него И, С., поставить на площади памятникъ въ честь мятежниковъ?»

— Ваше превосходительство, возразилъ исправникъ, я не виноватъ: его поставили городскіе жители. Здѣсь есть Русскіе генералы съ войсками, они это знали; при нихъ и деньги собирали на памятникъ, и строили его, и освящали; они все время молчали. Что жъ я одинъ съ моей полицейской командой могъ сдѣлать противъ цѣлаго города?

— «Вы начальникъ полиціи и отвѣчаете за порядокъ въ городѣ. Безъ вашего разрѣшенія никто ничего не можетъ строить, особенно на площади. Вы должны были запретить строить, а если бъ васъ не послушались, то донести объ этомъ начальству. Вы этого не сдѣлали, а потому вы виноваты. Памятникъ долженъ быть срытъ немедленно и чтобъ слѣда его не осталось. Завтра къ 9-ти часамъ утра будьте у памятника и приведите съ собою рабочихъ съ кирками, заступами и тачками. Я самъ буду на площади съ моими солдатами и останусь до тѣхъ поръ, пока памятникъ будетъ снятъ и мѣсто очищено и выровнено. Объявите объ этомъ жителямъ, чтобъ всѣ знали и собирались на площади. Если вы не исполните въ точности моего приказанія, то я съ вами поступлю какъ съ жандармомъ-вѣшателемъ Кулишемъ и тутъже, у памятника, велю васъ повѣсить».

На другой день въ 9 часовъ утра двѣ роты пѣхоты, 50 казаковъ и 25 объѣздчиковъ таможенной стражи выстроились на площади.

Возлѣ памятника стоялъ уѣздный исправникъ и при немъ человѣкъ сорокъ рабочихъ. Вся площадь и улицы были покрыты народомъ. И. С. выѣхалъ верхомъ къ войскамъ, поздоровался съ ними и, обратясь къ народу, сказалъ громкимъ и твердымъ голосомъ:

«Этотъ позорный памятникъ вашей измѣны долженъ быть сегодня же уничтоженъ! Господинъ исправникъ, извольте начать работу!»

Исправникъ стоялъ какъ вкопанный. Рабочіе не шевелились. И. С. ожидалъ. Находившійся возлѣ него полковникъ Врангель замѣтилъ ему въ полголоса: «мы попались; какъ намъ выдти изъ этого положенія»?

Положеніе было дѣйствительно непріятное.

Чтобъ облегчить лошадей, И. С. громкимъ и твердымъ голосомъ вдругъ скомандовалъ казакамъ и таможенной стражѣ:

«Съ коней слѣзай!»

Эта команда и происшедшее отъ того въ войскахъ движеніе произвели совершенно неожиданное дѣйствіе. Исправникъ вѣроятно испугался и вообразилъ, что И. С. собирается его арестовать. Не успѣли казаки спѣшиться, какъ онъ въ туже секунду засуетился, забѣгалъ во всѣ стороны, и тотчасъ рабочіе дружно принялись за дѣло.

Будто гора свалилась съ сердца у И. С-ча. Народъ во время работы оставался спокойнымъ и равнодушнымъ зрителемъ.

Не прошло часа, какъ стоявшій на верху памятника крестъ покачнулся и сталъ наклоняться. Его бережно сняли, и И. С. приказалъ бережно передать его въ костелъ.

Вскорѣ мусоръ былъ вывезенъ, мѣсто заравняли, и памятникъ,

свидѣтельствовавшій о малодушіи законной власти, исчезъ навсегда съ городской площади.

И. С. увѣдомилъ немедленно католическаго епархіальнаго епископа, проживавшаго въ Августовѣ, о разрушеніи памятника, сооруженнаго въ честь измѣнниковъ, и о недостойномъ поведеніи католическаго духовенства, дозволившаго себѣ торжественно освятить этотъ памятникъ.

Епископъ, съ своей стороны, въ учтиво-лукавомъ отвѣтѣ указалъ на то, что такъ какъ памятникъ былъ торжественно освященъ церковію, то генералу не слѣдовало его разрушать безъ предварительнаго на то согласія духовнаго начальства.

Подробное донесеніе о разрушеніи памятника и подлинное письмо католическаго епископа были отправлены къ М. Н. Муравьеву, который выразилъ И. С-чу благодарность, а епископа увѣдомилъ, что если подчиненные ему ксендзы, забывая присягу, осмѣлятся и впредъ служить не законному правительству, а мятежу, то виновные будутъ арестованы и преданы военному суду.

Послѣ этого случая И. С. простоялъ въ Ломжѣ около недѣли и, затѣмъ, съ небольшимъ отрядомъ казаковъ и пѣхоты, обошелъ уѣздную границу, сначала съ сѣверной стороны, а потомъ съ южной. Крестьяне всюду радостно встрѣчали наши войска, какъ своихъ давно ожидаемыхъ избавителей, и сожалѣли, что правительство такъ долго оставляло ихъ безъ защиты. По ихъ разсказамъ, повстанцы силою уводили молодыхъ крестьянъ въ банды, отнимали у народа хлѣбъ, лошадей рогатый скотъ и держали все населеніе въ страхѣ и тревогѣ.

Обходъ уѣздной границы продолжался не болѣе двухъ недѣль; банды разстроились, повстанцы разбѣжались, многіе скрылись въ Пруссію, и въ Ломжинскомъ военномъ отдѣлѣ все пришло въ порядокъ.

И. П. Корниловъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. Д. БОГАТИНОВА *).

Наступилъ для меня мучительный періодъ неизвѣстности въ ожиданіи мѣста, при той же, и быть можетъ, еще болѣе напряженной нуждѣ и лишеніяхъ. Нужно было сшить новое платье, сбросивъ студенческое, котораго уже не имѣлъ я права и носить. Кажется, пришлось студенческій сюртукъ перелицевать, и вышло что-то обрѣзанное, короткое, въ родѣ сюртука однобортнаго. Такъ и началась моя свободная отъ всѣхъ обязательствъ жизнь, крайне нуждавшаяся въ отдыхѣ отъ усиленныхъ, напряженныхъ занятій. Я кончилъ Университетъ тощій, исхудалый какъ щепка. Но мысль о мѣстѣ не давала мнѣ покою. Къ моему великому счастію и по невидимому Божьему строенію, къ этому самому времени подоспѣла перемѣна въ управленіи Кіевскимъ учебнымъ округомъ. До этого времени попечителемъ округа былъ генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ, при немъ помощникомъ Юзефовичъ; но собственно дѣйствительнымъ управителемъ былъ правитель канцеляріи попечителя, Л—въ, отъ котораго, какъ тогда шла общая молва, и зависѣло опредѣленіе на учительскія мѣста, и требовалось истратить расхода до 200 р., чтобы получить мѣсто. Гдѣ же мнѣ, бѣдняку, можно было думать о мѣстѣ, которое приходилось купить? Но вотъ въ это самое время попечительство отдѣляется отъ генералъ - губернаторства, и попечителемъ, мы узнаёмъ, назначенъ градоначальникъ гор. Кяхты, *Николай Романовичъ Ребиндеръ*, который въ концѣ Іюня и прибылъ въ Кіевъ. Онъ привезъ съ собою и новаго правителя канцеляріи Губера, опредѣленіе же учителей взялъ въ свои собственныя руки. И я рѣшился просить у него мѣста. Въ ночь подъ 7-е Іюля я писалъ свое прошеніе; утромъ съ матушкою и сестрою горячо молились мы предъ иконою Божьей Матери Братскою и, получивъ благословеніе матери, я отправился, еще въ студенческомъ мундирѣ, при шпагѣ и треуголкѣ, къ Ребиндеру. Онъ внимательно прочелъ мое прошеніе, въ которомъ, объясняя свое семейное

---

*) См. выше, стр. 245.

положеніе, я просилъ опредѣлить меня въ Кіевѣ при одной изъ Кіевскихъ гимназій учителемъ Русскаго языка или словесности, или исторіи, въ случаѣ же невозможности такого назначенія въ Кіевѣ, просилъ назначить въ Полтаву или поближе къ Кіеву, такъ какъ матушка моя и сестра не могли ни въ какомъ случаѣ оставить Кіевъ. Ребиндеръ особенно обратилъ вниманіе на мою семейную любовь и заботу о матери и сестрѣ; но, посмотрѣвъ на меня, изможденнаго, тощаго, пожелтѣвшаго, онъ усумнился, могу ли я учительствовать, однако обѣщалъ сдѣлать все, что̀ можно, и когда я просилъ позволенія, слѣдя въ канцеляріи за открывающимися вакансіями, напомнить ему о себѣ, въ случаѣ открытія таковыхъ, онъ самъ обѣщалъ слѣдить за вакансіями, сказавъ, что лучше меня это сдѣлаетъ и успѣшнѣе.

Обрадованный такимъ милостивымъ пріемомъ, можно себѣ представить, какую несказанную радость я принесъ въ свою бѣдную, напряженно ожидавшую моего возвращенія, семью! Но не одного Ребиндера Богъ послалъ во̀ время для устроенія моего жизненнаго пути предъ Нимъ. Около этого времени былъ переведенъ изъ Чернигова инспекторомъ Кіевской 1-й Гимназіи бывшій мой учитель *Тимоѳей Ивановичъ Пристичъ*, очень хорошо меня помнившій, какъ прилежнѣйшаго и лучшаго ученика въ бытность его учителемъ въ Кіевской 2-й Гимназіи. Къ нему тоже я обратился около этого времени съ просьбою о помощи въ пріисканіи мѣста. Съ полною готовностью онъ обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе и вскорѣ исполнилъ на дѣлѣ свое обѣщаніе.

Однако въ полной неизвѣстности пришлось намъ оставаться до конца Августа. Все это время до Августа я продолжалъ заниматься приготовленіемъ мальчика изъ семьи землемѣра (о чемъ выше писалъ) къ поступленію въ Гимназію и въ семьяхъ Юрьева и Тецнера. Эти уроки только и поддерживали нашу семью. Горькимъ лишеніемъ для насъ былъ отказъ землемѣра заплатить мнѣ 15 р., за послѣднее время занятій съ сыномъ, послѣ того, какъ онъ не выдержалъ испытанія во 2-й классъ, а былъ принятъ только въ 1-й. Единственное утѣшеніе я находилъ въ усердной молитвѣ. Въ эти вакаціи, какъ нарочно, ректоръ Семинаріи, архимандритъ Петръ, въ наказаніе, какъ говорили, пѣвчимъ, которыми былъ недоволенъ, не распустилъ хора на вакаціи, и все вакаціонное время я имѣлъ счастіе слышать прекрасное церковное пѣніе въ семинарской церкви. Пѣвчіе часто выполняли концерты Бартнянскаго, между прочимъ и концертъ «Вскую прискорбна еси, душе моя.» Эта умилительная пѣснь надежды на Бога была великимъ утѣшеніемъ для меня въ ту трудную пору. Но вотъ, 28-го Августа, вдругъ

въ нашу квартиру, куда по цѣлымъ мѣсяцамъ не показывался никто изъ постороннихъ, кромѣ университетскаго педеля, частенько меня посѣщавшаго, является экономъ пансіона при 1-й Гимназіи съ приглашеніемъ явиться къ инспектору, т. е. Т. И. Пристичу. Къ полудню 29-го Августа я былъ уже у Пристича, засталъ его за обѣдомъ (постнымъ, по случаю поста въ память усѣкновенія главы Іоанна Крестителя) и отъ него узналъ отраднѣйшую для меня вѣсть, что по его предстательству на дняхъ состоится опредѣленіе меня учителемъ въ Кіевскую 1-ю гимназію. Могу ли я теперь передать то глубочайшее чувство благодарности Промыслителю-Богу за эту Его величайшую ко мнѣ милость? 1-я Гимназія считалась лучшимъ учебнымъ заведеніемъ. Сюда поступали дѣти людей богатыхъ, аристократы; она въ общественномъ мнѣніи стояла много выше 2-й губернской, такъ-называемой, Гимназіи. И вотъ я бѣднякъ, безъ протекціи, безъ всѣхъ съ моей стороны данныхъ (ибо кто же зналъ меня студентомъ и слѣдилъ за мною?) опредѣляюсь въ гимназію, и еще какъ? Еще даже не было и свободнаго мѣста, и меня уже назначаютъ. Такъ Богъ строилъ по молитвамъ матушки и сестры! Въ это время служилъ въ гимназіи учителемъ Русскаго языка нѣкто *Дубницкій*, которымъ начальство гимназіи было очень недовольно за его крайнюю неисправность и искало случая отдѣлаться отъ него. Поѣхалъ онъ на вакацію въ отпускъ; проходитъ недѣля ученія, вторая, онъ не является изъ отпуска. Еще проходитъ недѣля, нѣтъ его. Это и послужило поводомъ къ увольненію его отъ службы. Послали ему письмо съ предложеніемъ увольниться, а меня назначили на его мѣсто, впредъ до его увольненія, частнымъ образомъ, по найму, изъ особыхъ спеціальныхъ средствъ гимназіи. Бумагу о своемъ назначеніи я получилъ 5-го Сентября 1856 года. Тогда праздникъ Рождества Богородицы, 8 Сентября, приходился въ Субботу, въ Пятницу же былъ всего одинъ урокъ Русскаго языка, такъ что можно было бы и не начинать занятій до Понедѣльника, но мой благодѣтель Тимоѳей Ивановичъ настоялъ, чтобы не начинать мнѣ службы въ Понедѣльникъ.

И такъ 7-го Сентября 1856—день незабвенный, начало моего наставническаго служенія. Какъ ни трудолюбивъ я былъ, проходя курсъ университета, все же явился къ новому дѣлу почти неприготовленнымъ и ходилъ къ своему достойнѣйшему учителю *Павлу Семеновичу Балабухѣ* за совѣтомъ, какъ приступить къ дѣлу, съ чего начать. Однако, съ благословенія Божьяго, началъ, зорко слѣдя за своими ошибками, промахами, недостатками. То была особая пора въ жизни моей школы. И въ школѣ обнаружилась новая жизнь, какую начала Рос-

сія съ новымъ царствованіемъ. Стали появляться въ печати статьи Н. И. Пирогова въ «Морскомъ Вѣстникѣ», и всѣ вдругъ о нихъ заговорили. «Воспитать человѣка» стало девизомъ обновленной школы. Мой предметъ, Русскій языкъ, сдѣлался предметомъ особенно живыхъ статей. Коснулись совершенно новой постановки его, чисто практической; зубреніе склоненій и спряженій, вообще преобладающее господство формы надъ содержаніемъ подверглось жестокому осужденію. Въ эту-то самую горячую пору оживленныхъ толковъ въ педагогической литературѣ о постановкѣ преподаванія Русскаго языка я началъ учительствовать, вовсе незнакомый со всѣмъ тѣмъ, что̀ писалось въ то время по этому предмету. Но на первыхъ же порахъ Т. И. Пристичъ явился мнѣ руководителемъ на новомъ для меня пути. Разъ онъ вызвалъ меня въ свободный часъ походить съ нимъ на гимназическомъ дворѣ и вкратцѣ ознакомилъ меня съ тѣмъ, что̀ печаталось по предмету Русскаго языка, далъ прочесть нѣсколько статей и выразилъ желаніе, чтобы я усвоилъ своему преподаванію новые пріемы, новый характеръ практическаго изученія языка. Я охотно и съ благодарностью воспользовался указаніями Тимоѳея Ивановича; но все же сразу мнѣ трудно было оторваться отъ принятаго въ школѣ способа изученія Русской грамматики, такъ какъ (я это видѣлъ сразу) новые взгляды касались существеннѣйшаго въ изученіи языка: изгоняли они все, что̀ давало твердое знаніе формъ языка и, составляя всѣ грамматическіе термины и подраздѣленія, требовали усвоенія и развитія путемъ чтенія и безконечныхъ бесѣдъ и вопросовъ. Не могъ я этого и позволить даже себѣ, имѣя въ виду экзамены, когда ученики должны же обнаружить предъ комитетомъ свои точныя знанія, а не какой-то сумбуръ, оставшійся послѣ безконечныхъ бесѣдъ. И я остался при твердомъ изученіи грамматическихъ формъ, но все же далъ широкое приложеніе въ преподаваніи практическимъ занятіямъ и объясненіямъ, словомъ, сталъ осмыслять ученіе путемъ разнообразныхъ практическихъ упражненій. Назначенный непосредственно послѣ моего вступленія въ должность окружнымъ инспекторомъ, ревизоръ гимназіи *Стеблинъ-Каменскій* содѣйствовалъ тому, что я съ первыхъ же уроковъ долженъ былъ серьезно озаботиться о наилучшей постановкѣ даваемыхъ уроковъ. Незамѣтно я и втянулся въ свое учительское дѣло и вскорѣ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что мое усердіе къ дѣлу не остается незамѣченнымъ. Такъ, Тимоѳей Ивановичъ предложилъ мнѣ давать частные уроки сыну одного богатаго человѣка (фамиліи не припомню) худо подготовленному, раза три въ недѣлю, для чего я приходилъ къ нему послѣ обѣда въ пансіонъ 1-й гимназіи и здѣсь въ спальнѣ занимался съ своимъ ученикомъ. Большою поддержкою были для меня эти уроки, пополняя крайне

скудныя мои средства. Жалованье мнѣ было назначено по окладу младшаго учителя, 328 рублей въ годъ. Съ большимъ трудомъ я собрался изъ перваго полученнаго жалованья сшить себя форменный сюртукъ (тогда впервыя введены были эти форменные сюртуки вмѣсто вицъ-мундировъ) изъ самого дешеваго синяго сукна, скорѣе свѣтло-синяго, чѣмъ синяго. Сюртукъ этотъ не могъ не отличать меня въ ряду прочихъ преподавателей. Да я и самъ какъ-то сторонился всѣхъ, и, приходя въ учительскую, не рѣшался вступать въ близкое общеніе съ своими новыми сослуживцами. Отдавъ честь директору, я становился у окна, опираясь о подоконникъ, и такъ ожидалъ минуты выхода въ классы. Такъ было долго, пока я освоился и сталъ нѣсколько смѣлѣе, не стѣсняясь своимъ бѣдно-старымъ сюртукомъ. Чаще всего я заходилъ на большую перемѣну въ канцелярію и здѣсь чувствовалъ себя нѣсколько свободнѣе въ обществѣ болѣе простыхъ людей, письмоводителя и бухгалтера, который зналъ моего дядю Алексѣя Ивановича по прежней службѣ съ нимъ въ Банкѣ, оттого относился и ко мнѣ, какъ къ своему знакомому. Наступала осень. Нужно было думать о тепломъ платьѣ. Но думать много не приходилось: по недостатку средствъ, перелицевали мою студенческую шинель, перекрасили ее и кое-какъ сшили изъ нея теплое ваточное форменное пальто (тогда только что введены были эти военнаго покроя пальто). Пришлось сшивать сукно такъ, что шовъ прошелъ поперекъ пальто ниже поясницы. Было замѣтно, но что же дѣлать? Такимъ бѣднякомъ я и проходилъ всю ту зиму. Нужны были и часы, чтобы своевременно являться на урокъ. Ну, на часы вовсе не хватило средствъ; но и тутъ Богъ послалъ помощь: мой родственникъ, *Михаилъ Андреевичъ Буренковъ,* бывшій учителемъ въ Подольскомъ дворянскомъ училищѣ, одолжилъ мнѣ свои лишніе часы, и я съ ними проходилъ до Мая 1857 г., когда за 15 р. матушка купила для меня часы, которые и донынѣ служатъ мнѣ, составляя для меня драгоцѣнную память всей моей прожитой на службѣ жизни, спутники почти всей моей службы.

Имѣя большіе промежутки между уроками, я отправлялся къ недалеко жившей нашей старой знакомой (о которой выше было разсказано) *Королинѣ Ивановнѣ Петерсонъ* и здѣсь находилъ всегда радушный дружескій пріемъ и необходимое подкрѣпленіе въ видѣ завтрака; иногда даже, когда назначалось вечернее собраніе, я проводилъ у нея цѣлый день, какъ это было (и теперь помню) подъ день *21 Сентября,* когда былъ назначенъ совѣтъ въ предсѣданіи ревизора, изложившаго здѣсь свои наблюденія по прямой, воспитательной части. Какъ мнѣ забыть этотъ уютный уголокъ, гдѣ находилъ я какъ бы родной домъ,

куда смѣло шелъ, какъ въ свою родную семью. Таковы крѣпкія были связи дружбы, соединявшія нашу семью издавна съ этой доброю женщиною, оказавшею намъ въ нашей нуждѣ много добра и заботы, а когда нужда и прекратилась, продолжавшею ласкать меня, какъ родного. Въ концѣ Октября я былъ приглашенъ давать еще частные уроки въ домѣ г-жи Давыдовой, двумъ ея дочерямъ. Маленькія средства наши этими уроками значительно дополнялись. Матушка могла уже выкупить изъ залога кое-какія серебряныя вещи, могла пошить необходимое бѣлье для всѣхъ насъ, обзавестись нужнымъ платьемъ. На праздникъ Рождества Христова я могъ уже пригласить къ себѣ одного или двухъ учениковъ 1-го класса, дѣтей изъ пансіона, чтобы угостить ихъ у себя, самъ пріѣзжалъ за ними, самъ и отвозилъ ихъ къ вечеру.

Но слишкомъ далеко было мнѣ ходить на службу: мы остались жить въ той-же квартирѣ, на Подолѣ, платили за нее, какъ и въ первый годъ, 108 р. въ годъ, по 9 р. въ мѣсяцъ. Конечно, со дня моего поступленія на службу, прекратилась отдача нашихъ комнатъ въ наймы, и матушка съ сестрою могли теперь заняться этою маленькою квартирою, чтобы обратить ее въ милый, счастливый уютный уголокъ, какимъ она оставалась все время нашей жизни здѣсь до 1862 года.

Хотя я и привыкъ ходить (ибо изъ этой же квартиры ходилъ и въ Университетъ, а прежде съ Подола-же ходилъ въ Гимназію) но теперь ходить въ 1-ую Гимназію было далеко труднѣе, ибо надлежало подниматься на двѣ горы. Обыкновенный путь мой чрезъ Старый Кіевъ по Андреевской горѣ, мимо Михайловскаго монастыря чрезъ Крещатикую площадь и по Институтской, мимо дома генералъ-губернатора и въ Гимназію; но иногда въ хорошую погоду я сокращалъ путь, проходя жардармскою усадьбою, начиная отъ Банка и выходя чрезъ одну частную усадьбу на улицу, прямо приводившую къ Гимназіи. Такъ какъ большею частью мнѣ приходилось проходить свой путь въ раннюю пору, въ 9-мъ часу, то большею частью я рѣдко встрѣчалъ проходившихъ и могъ наслаждаться чудною тишиною и чистымъ воздухомъ этой лучшей части города, Липокъ, гдѣ зданіе Гимназіи. Самая Гимназія стояла совершенно вдали всякаго движенія и городского шума, окруженная обширнымъ пустымъ, заросшимъ травою дворомъ, вдали отъ проѣзжей улицы, внутри усадьбы; къ ней отъ воротъ проводилъ широко намощенный деревянный помостъ, гдѣ можно было пріятно пройтись во время перемѣнъ и свободныхъ часовъ. Надъ зданіемъ, на фронтонѣ высился государственный гербъ, чугунный вылитый орелъ, держащій въ когтяхъ ленту съ подписью: «Ad solem». Подпись эта постоянно обращала мое вниманіе и служила для меня всегдашнимъ

напоминаніемъ о духѣ, о цѣли, о характерѣ и моего скромнаго учительскаго труда, которому также предлежитъ задача служить этой высокой цѣли образованія—обращать жизнь духовную дѣтей къ вѣчному Солнцу истины, разума и добра... Пройдя по своему почти безлюдному пути, поэтически настроенный этою невозмутимою тишиною, я вступалъ въ гимназическій дворъ съ особеннымъ, возвышеннымъ настроеніемъ души, и первое, что̀ попадалось мнѣ здѣсь въ глаза, это много говорившая подпись: «Ad solem».

Уроки я давалъ въ низшихъ классахъ до 4-го, Русскаго и Ц.-славянскаго языка. Классы не особенно большіе, не болѣе 40 человѣкъ. Дѣти, прекрасно выдержанныя, скромныя, прилежныя... И я съ любовью отдавался своему дѣлу. Проходилъ по классамъ директоръ Любимовъ, хотя, впрочемъ, изрѣдка. Разъ, на урокѣ 1-го кл. онъ замѣтилъ мнѣ ошибку въ удареніи на словѣ: «багровый», которое я прочиталъ: ба̀гровый, и тутъ же исправилъ: «багро̀вый...» Замѣтивши во мнѣ охоту къ чтенію, такъ какъ я кое-что въ началѣ урока прочитывалъ дѣтямъ, Любимовъ разъ пригласилъ меня къ себѣ на квартиру и далъ мнѣ «Журналъ для дѣтей» 1856 года. Это былъ первый дѣтскій журналъ, въ моихъ рукахъ... Вообще, все мнѣ было совершенно ново въ учебномъ дѣлѣ. Ошибка моя: «ба̀гровый» оттого и происходила, что я до того времени не имѣлъ въ рукахъ никакого словаря. Живая же рѣчь не могла служить для меня образцомъ; ибо гдѣ же я могъ ее слышать въ образцовомъ говорѣ, во время моего студенчества, проведеннаго въ тиши родной семьи и въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ товарищей и знакомыхъ изъ числа студентовъ Академіи? Неопытность моя, думаю, замѣтна была начальству; но все покрывала моя любовь къ дѣлу и дѣтямъ.

Назначенный 4-го Сентября 1856, я только *21-го Января 1857* формально былъ опредѣленъ младшимъ учителемъ Русскаго языка въ Кіевскую 1-ую Гимназію, и съ этого-то дня начала считаться моя государственная служба. Наша должность учителя Русскаго языка всегда считалась должностью старшаго учителя; но за выбытьемъ Дубницкаго мѣсто старшаго учителя (которыхъ было по уставу только 8) предоставлено было учителю естествовѣдѣнія *Девьену*, такъ какъ окладъ учителя старшаго былъ нѣсколько выше, кажется, *450 р.* Однако я не скоро выразумѣлъ эту разницу въ положеніи старшаго и младшаго учителя и все старшинство приписывалъ предмету, а не окладу, пока, наконецъ, не открылся мнѣ истинный смыслъ старшинства, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Весь годъ меня ни разу не приглашали въ засѣданіе педагогическаго совѣта. Я даже этого и не замѣтилъ. Но вотъ

въ концѣ года, по окончаніи переходныхъ испытаній (это уже я зналъ еще изъ своего гимназическаго курса) назначается педагогическій совѣтъ; я узналъ о времени его собранія, и хотя тоже не былъ приглашенъ, пришелъ, занялъ мѣсто за столомъ и вижу, не всѣ учителя собрались, а только 8-мь, тѣ, кто были старшими. Идутъ сужденія о переводѣ; ко мнѣ не обращаются вовсе, точно меня нѣтъ; я при случаѣ далъ какой-то отзывъ, его прошли незамѣченнымъ. Тутъ только я понялъ всю тайну старшинства: по тогдашнему уставу педагогическій совѣтъ гимназій составляли только *старшіе* учители, младшіе же вовсе не входили въ составъ совѣта. Никто мнѣ этого не растолковалъ, самъ я не догадался, и только та неловкость, въ которой я очутился въ засѣданіи совѣта, открыла мнѣ глаза. Но опять никто, ни единымъ словомъ, даже и теперь, не далъ мнѣ понять, что въ «не въ свои сани сѣлъ», явившись не прошенный въ совѣтъ. И съ того времени я уже зналъ свое положеніе до времени преобразованія гимназій по новому положенію. Думаю, немало дивились моей жизненной простотѣ мои товарищи по службѣ, съ которыми, по прежнему, и въ концѣ года я былъ въ тѣхъ же отношеніяхъ почтительнаго отдаленія, встрѣчаясь съ ними только въ учительской во время перемѣнъ, привѣтствуя рукопожатіемъ и двумя-тремя словами перекидываясь въ общемъ разговорѣ. Да и гдѣ же бы намъ встрѣчаться? Я жилъ своимъ особеннымъ міромъ: родная семья, церковь, частные уроки, вотъ былъ мой замкнутый міръ, изъ котораго я не выходилъ и теперь, какъ и въ пору студенчества. А мой любимый Подолъ и тѣмъ болѣе держалъ меня въ отдаленіи отъ всѣхъ сослуживцевъ, жившихъ поближе къ Гимназіи.

Вакаціи 1857 года я впервыя проводилъ вполнѣ покойный душею, счастливый счастіемъ матушки и сестры, которыя теперь только почувствовали себя свободными отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ и, подобно мнѣ, отдыхали душею послѣ тяжелаго и долгаго періода всяческихъ лишеній сиротской жизни. На досугѣ я впервыя занялся литературнымъ трудомъ и обработалъ одну изъ частей моего сочиненія на медаль. Помню, какъ, гуляя, у памятника Св. Владиміра, я сочинялъ, обдумывалъ, иногда даже, присѣвъ на камняхъ, здѣсь нагроможденныхъ, дѣлалъ наброски приходившихъ мыслей. Плодомъ этихъ досуговъ вакаціонныхъ была моя первая въ печати статья: *Идеалъ древне-русскаго воспитанія*, которую я послалъ въ новый съ 1857 года выходившій педагогическій журналъ Чумикова: «*Журналъ для Воспитанія.* Журналъ для учителей и родителей». Здѣсь моя статья и была напечатана въ 3-мъ томѣ за 1858 годъ. Я получилъ за нее 50 экземпляровъ оттисковъ, да право получать журналъ, который и получалъ до времени его прекращенія *въ 1862 году.*

Новый учебный годъ 1857 — 1878-й пришлось начинать въ новомъ помѣщеніи. 1-я Гимназія была переведена въ зданіе, которое временно занималъ Кадетскій корпусъ, когда этотъ послѣдній уже могъ перейти въ новое воздвигнутое для него зданіе въ рощѣ. Это то самое зданіе, гдѣ я провелъ весь 6-й, почти весь 7-й классъ, періодъ многострадальный въ моей дѣтской жизни, о чемъ я выше подробно писалъ. Вотъ тѣ комнаты, гдѣ я учился, гдѣ мучали меня негодяи-отдѣленцы. Теперь Богъ привелъ меня въ этомъ зданіи служить-учительствовать, гдѣ я долженъ былъ воспитывать въ дѣтяхъ другой духъ, прививать имъ другіе нравы и внушать другія чувствованія, достойныя христіанскаго дитяти и юноши. Однако Гимназія не вдругъ заняла это зданіе. Кіевъ тогда, въ началѣ Октября 1857 года, встрѣчалъ своего новаго Царя, Императора Александра Николаевича, впервые по вступленіи на престолъ посѣтившаго Кіевъ. По Житомирскому шоссе, откуда ждали прибытія Государя съ Государынею, были воздвигнуты тріумфальные ворота, которые потомъ такъ и остались стоять, постоянно поддерживаемые и поновляемые все время, пока я служилъ въ Кіевѣ, до 1879 года. Есть ли теперь эти ворота, не знаю. Дворянство Кіевской губерніи давало балъ Государю. За неимѣніемъ другого помѣщенія для бала было избрано зданіе, предназначенное для 1-й Гимназіи. Весь 2-й этажъ обращенъ въ бальныя комнаты, и залы и Гимназія, т. е. классы, помѣстились временно въ угольномъ домѣ по Елисаветинской улицѣ, гдѣ и прежде помѣщалась одна изъ общихъ квартиръ 2-й Гимназіи. Пансіонеры, кажется, вошли въ зданіе и занимали 3-й этажъ, и на уроки ходили въ этотъ пышный домъ. По выѣздѣ Государя не вдругъ гимназія перешла въ свое зданіе. Классы были оклеены красивыми и дорогими обоями. Въ залѣ тоже боковыя отдѣленія, предназначенныя для помѣщенія библіотеки, были обиты дорогими обоями. Еще до перехода классовъ я получилъ отъ Тимоѳея Ивановича Пристича предложеніе помогать библіотекарю Иноземцову въ перевозкѣ библіотеки изъ Липокъ въ новое зданіе. Это было въ томъ наемномъ домѣ. Помню, въ учительской, я вздумалъ было возразить Пристичу (заступавшему тогда должность директора за увольненіемъ въ отставку Любимова) противъ порученія мнѣ помогать библіотекарю. «Это дѣло членовъ совѣта, старшихъ учителей; я же младшій учитель», сказалъ я. «Дѣлайте, что̀ вамъ приказано», былъ суровый отвѣтъ Пристича. И стали мы перевозить библіотеку, Иноземцевъ, Должиковъ, Ростовцевъ и я. Въ Липкахъ мы помогали снимать книги съ полокъ и укладывать въ ящики; ящики сопровождалъ я или кто другой, а принималъ книги исключительно я. Книги выкладывались изъ ящиковъ прямо на полъ въ залѣ рядами, послѣ чего я ряды приводилъ въ по-

рядокъ, смѣшанныя при перевозкѣ разставлялъ на свое мѣсто въ ряду, а потомъ съ Иноземцевымъ и по полкамъ. Нѣсколько дней проведены мною въ такой работѣ, непосредственно послѣ уроковъ; работали при свѣчахъ. Разъ Пристичъ даже пригласилъ меня пообѣдать у него, оторвавъ меня отъ работы.

Вмѣстѣ съ Гимназіею перешелъ на квартиру въ новое зданіе и попечитель округа *Н. Р. Ребиндеръ*, занялъ одну половину 1-го этажа; на другой же къ улицѣ жили инспекторъ и одинъ изъ надзирателей, именно *Григорій Ѳомичъ Постаневскій*. Квартира сего послѣдняго имѣетъ для меня немалое значеніе. Здѣсь я нашелъ себѣ пріютъ для отдыха послѣ уроковъ въ ожиданіи послѣобѣденныхъ частныхъ уроковъ, которые и въ это время продолжались въ семействѣ Давыдовыхъ и для частныхъ занятій, о которыхъ будетъ сказано ниже. Здѣсь я завтракалъ тѣмъ, что̀ захватывалъ съ собою изъ дому; здѣсь имѣлъ обѣдъ у добрѣйшаго Григорія Ѳомича, который охотно согласился удовлетворить этой моей нуждѣ въ виду затрудненія моего бывать въ обѣденное время до́ма, на далекомъ Подолѣ. Здѣсь послѣ обѣда я читалъ, занимался, отдыхалъ; здѣсь былъ складъ моихъ книгъ учебныхъ и моей маленькой библіотеки, которая мало-по-малу составилась изъ дѣтскихъ книгъ, приносимыхъ мною изъ дому для раздачи ученикамъ къ прочтенію. Уютная квартирка эта была для меня съ 1857 года вплоть до 1862-го вторымъ домомъ и замѣнила гостепріимный домъ Каролины Ивановны, которую и теперь, проходя на уроки въ Липки, въ домъ Давыдовыхъ, я не переставалъ посѣщать отъ времени до времени.

Обѣды эти у Григорія Ѳомича Постаневскаго особенно памятны мнѣ по одному обстоятельству. Это былъ періодъ въ моей юной жизни съ 1857 по 1862 г., требовавшій по господствующему строю души моей великихъ жертвъ, чтобы дать духу силу, побѣждающую жизнь плоти, чтобы держать его на высотѣ, куда призывала его та исполненная глубокой мысли подпись: «Ad solem». Это былъ періодъ, когда нужно было спасать духъ отъ порабощенія плоти, и я у Григорія Ѳомича за обѣдомъ никогда не ѣлъ мяса, довольствуясь наваромъ, вмѣсто жаркого подаваемымъ къ жаркому соусомъ или картофелемъ и кашею. До̀ма тоже я нѣсколько лѣтъ къ ряду вовсе не употреблялъ мяса, предпочитая растительную пищу. Часто, идучи въ Гимназію на уроки, я завтракалъ, вмѣсто чаю, черносливомъ сырымъ; было время, когда даже разговлялся и на Пасху только рыбою и молочнымъ, сыромъ, масломъ, яйцами, и ничего мяснаго. Да, говорю, нужно было держать духъ на высотѣ жизни съ яснымъ пониманіемъ, призваніемъ и долгомъ борьбы

за свободу духа, за вѣрность внутреннѣйшимъ, сокровеннымъ обѣтамъ служить Богу, служа воспитанію дѣтей; нужны были жертвы. Въ лишеньи же мяса въ то время для меня и не было собственно особенной жертвы, ибо я всегда до того предпочиталъ молочную и растительную пищу животной.

У Григорія-то Ѳомича я, можно сказать, и проживалъ всю недѣлю, возвращаясь домой ежедневно не только къ вечеру, но часто даже позднимъ вечеромъ, около 9 часовъ, опять среди глухой тишины безлюдныхъ улицъ, опять подъ обаяніемъ этой плѣнительной тишины и безлюдья при наступающей уже тьмѣ, предаваясь чистымъ мечтамъ поэзіи, слагая свои горячія молитвы къ Богу о помощи, о свѣтѣ жизненномъ, о храненіи благодатномъ, о дарованіи силы нести крестъ Его. Проходя мимо Михайловскаго монастыря уже позднимъ лѣтнимъ вечеромъ, я въ умиленной молитвѣ къ св. Великомученицѣ преклонялся на колѣни, прямо противъ колокольни, призывая св. дѣву охранить наитіемъ ея молитвы миръ сердца и чистоту любви.

Оставляя домъ раннимъ утромъ и возращаясь почти ежедневно позднимъ вечеромъ, я почти не жилъ семейною жизнію, и кромѣ праздничныхъ дней, почти не говорилъ съ матушкою и сестрою. Усталый отъ трудовъ дня, ученія и говоренія безпрерывнаго и чтенія, я, дѣйствительно, уже не способенъ былъ къ живой бесѣдѣ среди родныхъ, и въ томъ и было величайшее мое счастіе, что въ родной семьѣ я находилъ только покой, миръ и ненарушимый имѣлъ отдыхъ. Даже, видя меня сильно уставшимъ, неособенно и занимали меня разговорами, словомъ, дорожили моимъ покоемъ. Да и покою-то, въ смыслѣ отдыха, было мало у меня. Помимо ночи, когда я напролетъ до 3-хъ часовъ проводилъ за писаньемъ то записокъ для уроковъ въ Кадетскомъ корпусѣ, куда я былъ приглашенъ преподавать Русскую словесность, теорію поэзіи и прозы съ 1858 г., то писемъ къ ученикамъ и ученицѣ (въ семьѣ Давыдовыхъ), то въ прочтеніи ученическихъ сочиненій и изъ Гимназіи, и изъ Корпуса, и на частныхъ урокахъ, и послѣ такой ночи, отдохнувъ до 7 часовъ, я уже собирался въ Гимназію, и, часто даже не молясь, выходилъ изъ дому, а читалъ свои утреннія молитвы по дорогѣ и оканчивалъ ихъ, можно сказать, на порогѣ Гимназіи. Такъ часто бывало. Сестра моя все это время, около 4-хъ лѣтъ, серьезно хворала малокровіемъ, лѣчилась, а я почти и не замѣчалъ этого. Такъ мало я жилъ жизнью семьи въ эту трудовую, страдную пору моей жизни, когда кромѣ Гимназіи частные уроки держали мои мысли въ теченіе цѣлаго дня въ отчужденіи отъ родной семьи. Не помню даже, чтобы въ этотъ суровый періодъ усиленнаго труда и

напряженія, я когда-либо прохаживался съ сестрою по улицамъ Подола. И добрая сестра моя не давала мнѣ чувствовать своего огорченія, что она лишена этого удовольствія пройтись со мною, освѣжиться; ходить же одной по улицамъ, это было не въ ея характерѣ. Она глубоко проникнута была священнымъ чувствомъ женственности и блюла ее дороже зѣницы ока, дороже здоровья, которое сильно терпѣло у нея отъ этой замкнутости и сидячей, почти затворнической, жизни. Такъ жила она въ пору моего студенчества; такъ Богъ судилъ ей жить и въ лучшее сравнительно время первой поры моего учительства, когда, поистинѣ, я не принадлежалъ семьѣ и не могъ платить ей тѣмъ вниманіемъ, тою нераздѣлимою, цѣльною любовью, какими надѣляли меня любящія сердца матушки и сестры. Отраднѣйшимъ воспоминаніемъ для меня изъ этой трудовой поры были ласка, радушіе и дружеское расположеніе, которыя сестра моя находила въ семействѣ Давыдовыхъ. Съ ними впервые познакомилась она на всенощной въ Софійскомъ соборѣ подъ 8 Сентября, послѣ чего г-жа Давыдова пожелала видѣть ее у себя, а затѣмъ весьма часто сестра моя затворница проводила тамъ по цѣлой недѣлѣ, раздѣляя общую жизнь этой доброй семьи, посѣщая съ дочерьми Давыдовой лекціи университета, именно лекціи богословія (тогда это водилось, доступъ былъ свободный и женщинамъ на лекціи профессоровъ), гуляла съ Давыдовыми въ саду, работала вмѣстѣ, читая и слушая чтеніе и музыку, иногда даже домашніе спектакли. Матушка моя также посѣщала это доброе семейство. Это и было единственнымъ развлеченіемъ и оживленіемъ жизни моей родной семьи.

Семья моя и я самъ имѣли счастіе въ это время познакомиться съ *Елисаветою Алексѣевною Кублицкою*, настоятельницею общины сестеръ милосердія въ С.-Петербургѣ. Это было лѣтнею вакаціонною порою 1859 года, въ незабвенномъ для меня Голосѣевѣ, гдѣ я уже второй разъ въ это лѣто проводилъ мѣсяцъ вакацій, было въ незабвенный для меня день 20-го Іюля. Я жилъ въ самомъ монастырѣ, въ свободныхъ келіяхъ, гдѣ обыкновенно проводилъ лѣтніе мѣсяцы покойный іеросхимонахъ *Парѳеній*, скончавшійся года три до того. Въ сосѣдствѣ съ моею комнаткою помѣщался въ томъ же домѣ рясофорный монахъ *Илія*, изъ какого-то монастыря въ Петербургѣ или его окрестностяхъ, больной чахоткою, поступившій незадолго передъ тѣмъ въ Лавру и отправленный отсюда въ Голосѣево «на поправку» на чистомъ воздухѣ. Его-то, въ день его ангела, пріѣхали изъ Кіева навѣстить двѣ скромно одѣтыя въ монастырскія черныя ряски, покрытыя черными платочками, женщины. Одна изъ нихъ и была названная мною Елисавета Алексѣевна Кублицкая, вдова полковника гвардіи;

другая, *Елена*, ея домашняя прислужница и хозяйка. Послѣ обѣдни онѣ зашли въ келію Иліи. Я, видя затрудненіе Иліи относительно угощенія чаемъ дорогихъ гостей, предложилъ имъ свой чайный приборъ, свой самоваръ. Это и было начало моего знакомства съ Е. А. Кублицкой. Оставивъ Илію съ гостьями, я пошелъ въ лѣсъ, захватилъ съ собою свою небольшую рукопись о значеніи любви христіанской и здѣсь вчитывался въ нее, сидя на одной изъ лѣсныхъ скамеекъ у дорожки. Прелестнѣйшая лѣтняя погода, чудная лѣсная природа, ласкающая теплота солнечнаго освѣщенія, подъ тѣнью древесною, тишина восхитительная и чарующая. Вижу, по той дорожкѣ идутъ мои знакомки: вышли погулять въ лѣсу. Я присталъ къ нимъ, разговорились, узналъ, кто моя собесѣдница, разсказалъ о себѣ, о своей семьѣ, и такъ какъ вскорѣ разговоръ привелъ отъ прелестной Голосѣевской природы, отъ умилительнаго монашескаго пѣнія, которымъ была тронута Елисавета Алексѣевна, къ тѣмъ чистымъ удовольствіямъ, которыя такъ обильно доставляетъ душѣ христіанская жизнь, согрѣтая любовью къ Богу: то я предложилъ своей собесѣдницѣ, не пожелаетъ ли она послушать и мои немногіе наброски о значеніи любви въ высшемъ пониманіи этого святѣйшаго чувства, и прочелъ имъ свою рукопись. Такъ въ пріятнѣйшей, поучительно-назидательной бесѣдѣ провели мы время до обѣда, вмѣстѣ возвратились къ дому въ монастырь, и здѣсь я распростился съ Елисаветою Алексѣевною Кублицкою, прося ее, если она удостоитъ, посѣтить въ Кіевѣ мою матушку и познакомиться съ нею. Она обѣщала и исполнила обѣщаніе, была у матушки вскорѣ, прежде моего возвращенія въ городъ къ 27-му Іюля. Такъ и завязалось наше знакомство, имѣвшее такое большое значеніе въ моей юной жизни, не безплодное и для моей семьи въ нравственномъ отношеніи. Г-жа Кублицкая уѣхала въ Петербургъ, но возымѣла желаніе, оставивъ общину, по слабости здоровья, поселиться въ Кіевѣ на покой, и въ будущемъ году привела свое намѣреніе въ исполненіе: дѣйствительно пріѣхала въ Кіевъ къ осени 1860 года и по долгомъ обсужденіи, гдѣ устроиться, по моему предложенію, избрала туже Флоровскую гостинницу, гдѣ и мы жили, и поселилась въ нижнемъ этажѣ (мы же продолжали занимать мезонинъ), занявъ три комнаты. Здѣсь она и прожила съ осени 1860 по 7-ое Мая 1861 года, когда снова, призываемая настойчиво великою княгинею Еленою Павловною, уѣхала въ Петербургъ, чтобы снова стать во главѣ той же общины. Знакомство съ этой добродѣтельною женщиною было для меня въ высшей степени благотворно. Изъ ея собственныхъ разсказовъ и сообщеній дѣвушки, жившей съ нею въ качествѣ ея хозяйки-распорядительницы, *Любови Николаевны Аскевичъ*, я узналъ прошлое Елисаветы Алексѣевны.

Еще очень молодою, она вышла замужъ за полковника гвардіи, человѣка уже пожилого, болѣзненнаго, почему въ скоромъ времени уѣхали они за границу, гдѣ провели нѣсколько лѣтъ въ Италіи, Швейцаріи, на берегахъ Рейна въ разныхъ мѣстахъ. Трогательно передавала Ел. Алек. о той тоскѣ по родинѣ, которою томился ея мужъ, живя въ Италіи, о той радости,какой ожила его душа, когда, оставивъ Италію, онъ увидалъ горы Швейцаріи покрытыя снѣгами, напоминавшими ему родную Россію. Живя на берегахъ Рейна, Ел. Алек. присутствовала часто при религіозныхъ собраніяхъ и общественныхъ, и семейныхъ своихъ знакомыхъ изъ Евангелическихъ братьевъ и другихъ инославныхъ религіозныхъ общинъ. Это религіозное воодушевленіе, этотъ піэтизмъ частной жизни, строгое христіанское содержаніе бесѣдъ, даже частныхъ, семейныхъ, дѣла христіанскаго благотворенія, все это неотразимо дѣйствовало на добрую душу, и она очень близка была къ опасности отступничества отъ родного православія, котораго, конечно, она и не знала близко, получивъ свѣтское воспитаніе, затѣмъ, по выходѣ замужъ, вращаясь въ великосвѣтскомъ кругѣ, гдѣ не знаютъ православной церкви. Но благость Божія бдила надъ ея душею. Мужъ рѣшилъ возвратиться въ отечество, желая умереть на родинѣ. Она снова явилась въ великосвѣтскомъ обществѣ; но знакомство и общество съ благочестивыми инославными оставили въ ея душѣ глубокіе слѣды. И вотъ, вскорѣ овдовѣвъ, она озаботилась поближе узнать свою родную церковь, вошла въ общеніе съ лучшими представителями столичнаго духовенства, въ средѣ кои особенно благодѣтельно было для нея знакомство съ архимандритомъ Кирилломъ, бывшимъ въ послѣдствіи епископомъ Мелитопольскимъ, настоятелемъ Русской миссіи въ Іерусалимѣ. Она знала поближе высокій духъ православія и изъ богослуженій церкви, узнала жизнь строгихъ подвижниковъ въ обителяхъ иноческихъ и предалась всею душою дѣламъ благотворенія и служенія страждущему человѣчеству, въ духѣ православной церкви, принявъ званіе начальницы общины сестеръ милосердія въ С.-Петербургѣ. Нисколько не нуждаясь въ средствахъ къ жизни, она отказалась отъ всѣхъ удовольствій, удобствъ, покоя, какими могла бы пользоваться, достаточно обезпеченная по смерти мужа и со стороны брата мужа, который предоставилъ въ ея пожизненное пользованіе значительныя средства, и приняла на себя непрестанный трудъ разнообразнаго служенія, которому посвящена была дѣятельность общины, ею управляемой, содѣйствуя общинѣ не только своимъ личнымъ трудомъ и жертвой, но и своими матеріальными средствами. Усиленная, напряженная дѣятельность въ общинѣ скоро растроила ея здоровье, отъ природы слабое, и вотъ она посѣтила Кіевъ, между прочимъ, не только съ цѣлью поклониться Кіевской святынѣ, но

и освѣдомиться, не можетъ ли здѣсь пристроиться и поселиться. Она колебалась, гдѣ поселиться, такъ какъ, кромѣ Кіева, привлекалъ ее Валдайскій Иверскій монастырь, гдѣ настоятельствовалъ въ то время бывшій намѣстникъ Кіево-печерской Лавры, архимандритъ Лаврентій, строгой жизни инокъ. Однако рѣшеніе ея остановилось на Кіевѣ, и въ 1860 г. она, оставивъ общину, провожаемая сердечнымъ соболѣзнованіемъ общины и всѣхъ видившихъ ея благотворную дѣятельность, прибыла въ Кіевъ на жительство, остановилась въ Лаврской гостинницѣ, и тутъ предсталъ ей трудный для разрѣшенія вопросъ: гдѣ же и какъ пристроиться. Одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ старцевъ Лавры совѣтовалъ ей настойчиво вступить въ женскій монастырь, Кіево-Флоровскій, гдѣ уже въ то время жило нѣсколько его духовныхъ дочерей подъ непосредственнымъ его духовнымъ руководствомъ, настолько обнимавшимъ всю жизнь его духовныхъ дѣтей, что безъ его благословенія ни кто изъ нихъ не рѣшался что̀ бы то ни было предпринять, даже видимо доброе и богоугодное дѣло. Одну изъ этихъ духовныхъ дочерей старца, пожилыхъ лѣтъ помѣщицу Ярославской губерніи, женщину образованную, я просилъ, пользуясь ея добрымъ расположеніемъ, переписать для меня нѣкоторыя ноты концертовъ Веделя, Дехтерева и др. мелкія, которыя доставалъ изъ Академіи, и что же? Она не иначе рѣшилась на это дѣло, какъ испросивъ благословенія старца и, получивъ оное, занялась усердно перепискою нотъ. Въ такое же подчиненіе своему духовному водительству замыслилъ старецъ поставить и исполненную къ нему благоговѣйнаго почтенія Е. А. Кублицкую, смиреніе которой было поразительно. Она, образованная женщина, высокаго положеніи и въ жизни, вполнѣ независиой и по средствамъ, покорно подчиняла свою волю скромному иноку, простому человѣку, самоучкою добывшему себѣ нѣкоторыя знанія, но богатому жизненнымъ опытомъ, знаніемъ жизни и людей. Она, чрезвычайно нѣжная, мягкая въ рѣчи, въ обращеніи, въ сужденіяхъ, смиренно выслушивала рѣчь часто грубаго тона, богатую оборотами, пріемами, мѣткими выраженіями и оттѣнками грубой народной среды... Эта рѣдкая женщина почти готова была принять совѣтъ старца, поступить въ монастырь и тѣмъ войти и въ жизни своей въ духъ полнаго послушанія, ставящаго человѣку запретомъ что либо дѣлать по своей волѣ безъ воли и указанія старца.

Какъ было ожидать, чтобы строй монастырской жизни могъ удовлетворить душу, необычно одаренную возвышенною энергіею для блага ближнихъ и въ этомъ трудѣ, предпріемлемомъ во имя любви, находить свое спасеніе. Для такихъ душъ тѣсенъ монастырь съ его обиходными, чиномъ установленными, добрыми дѣлами, съ его обрядовымъ

благочестіемъ. Пользуясь расположеніемъ ко мнѣ Елисаветы Алексѣевны, я старался выяснить ей все неудобство жизни для нея въ монастырѣ, все несоотвѣтствіе этой жизни ея духовному складу, ея жизненному опыту, ея душевной энергіи и свѣтомъ Христовымъ просвѣщенной свободѣ. Я совѣтовалъ ей во всякомъ случаѣ, ближе поселившись, присмотрѣться къ монастырской жизни, вникнуть въ нее, и тогда уже рѣшиться на этотъ шагъ. Она такъ и сдѣлала. Несмотря на явное неудовольствіе огорченнаго старца, она не рѣшилась послѣдовать его совѣту и поселилась, какъ я выше сказалъ, въ Флоровской гостинницѣ, гдѣ и мы жили, и, конечно, не раскаявалась никогда въ этомъ своемъ рѣшеніи. Скоро она встосковалась о покинутой общинѣ, о живомъ дѣятельномъ трудѣ любви къ ближнимъ, случаевъ къ которому не представляла уже болѣе ея уединенная жизнь, томилась этою тоскою всю зиму, и нужно было видѣть ея радость, ея торжество, когда усѣлась она въ дилижансъ 7-го Мая 1861 г. и отправилась обратно въ шумный и суетливый Петербургъ, чтобы стать снова въ главѣ трудящихся для Бога въ суетѣ жизни. И вотъ 23-й годъ уже идетъ она этимъ труднымъ тернистымъ путемъ самоотверженной жизни для Христа и во Христѣ. Какая же изъ нея вышла бы монашенка, и во что для нея обратилось бы духовное руководство старца, наложившаго было свою тяжелую руку на вольный полетъ ея души въ область живой, пламенной любви къ Богу и добру? Бѣгала бы духовною дочерью въ Лавру за благословеніемъ старца напоить чаемъ странницу, купить возъ дровъ бѣдной сестрѣ инокинѣ... и въ томъ былъ бы для нея подвигъ самоотреченія. Каждому своя дорога въ жизни. И Е. А. Кублицкая таки вышла на свою дорогу. Она впрочемъ и не сходила съ нея. Живя съ нами, она продолжала дѣлать все, что могла, въ добро ближнимъ. Узнала она отъ меня, что студенты, пѣвчіе Академіи, мои знакомцы, нуждаются въ чаѣ, сахарѣ, и черезъ меня послала имъ голову сахару, два фунта чаю, въ благодарность за ихъ прекрасное пѣніе. Это моимъ знакомымъ: *Дмитрію Захарьевичу, Ѳедору Лебединскому, о. Андрею.* Предложилъ я ей купить книгъ для библіотеки учениковъ духовнаго училища (продавались дешево въ книжной лавкѣ Ивана Литова, прекращавшаго свою торговлю) она купила книгъ рублей на 30 и черезъ меня пожертвовала въ Кіево-Подольское духовное училище, но здѣсь къ этому дару отнесся смотритель училища, *іеромонахъ Самуилъ*, мой знакомый по Академіи, слишкомъ легкомысленно: валялись книги въ его квартирѣ, въ каталогъ не внесены, бралъ, кто хотѣлъ: такъ и исчезли вмѣстѣ съ другими книгами, которыя тогда и я передалъ отъ себя изъ числа книгъ, полученныхъ мною изъ библіотеки пансіона 1-й Гимназіи, ока-

завшихся при повѣркѣ библіотеки не внесенными въ каталоги и потому подаренными мнѣ библіотекаремъ *Эразмомъ Игнатьевичемъ Кулаковскимъ*.

Елисавета Алексѣевна искала случаевъ благотворить. Она сама просила меня предложить смотрителю духовныхъ училищъ Кіево-Софійскаго *іеромонаху Нарциссу*, тоже моему доброму знакомому по Академіи, сшить для бѣдныхъ бурсачковъ двѣ или три пары платья. Но о. Нарциссъ отклонилъ эту милость, приводя въ оправданіе отказа, что начальство можетъ сильно вознегодовать на него, узнавъ объ этомъ, и осудить его въ попрошайствѣ и въ выставленіи напоказъ бѣдности духовныхъ училищъ. Это извѣстныя мнѣ благодѣянія Елисаветы Алексѣевны. Сколько же она помогала невѣдомо для меня! Самъ я много получилъ добра отъ нея. Замѣтивъ изъ моихъ разговоровъ мое сожалѣніе, что не имѣю возможности слышать хорошее чтеніе по-французски, она предложила заниматься со мною Французскимъ языкомъ, который знала въ совершенствѣ, и вотъ я по вечерамъ весьма часто проводилъ съ нею по нѣскольку часовъ въ чтеніи Шатобріана, Мильтона. Я имѣлъ случай много разъ вести съ нею назидательные разговоры, при чемъ она немало сообщала мнѣ своихъ жизненныхъ опытовъ, свои наблюденія, сужденія, и въ основѣ всей ея духовной жизни лежало глубокое религіозное чувство, которымъ завершалось собою ея прекрасное образованіе.

Годы 1858 — 1863 были самыми кипучими годами труда и напряженія во всей моей жизни. Я былъ слишкомъ занятъ дѣломъ и въ тоже время слишкомъ разбросанъ въ своемъ желаніи трудиться, рѣшительно забывая и о себѣ, и о своей семьѣ, и о своемъ будущемъ... Въ Кадетскомъ корпусѣ имѣлъ я 11 уроковъ въ недѣлю, продолжая и занятія въ семействѣ Давыдовыхъ. Тамъ послѣдовали уроки въ семействѣ проф. *Бунге*, баронессѣ *Аннѣ Петровнѣ Боде*, сыновьямъ попечителя Н. И. Пирогова, уроки ученику 3-го класса Реуту, сыну Кіевскаго почтмейстера, наконецъ, съ 1861 года, уроки въ семействѣ генерала-губернатора князя *Иларіона Иларіоновича Васильчикова* его сыну Сережѣ. Къ этому присоединились довольно частыя засѣданія педагогическаго совѣта, со времени Пирогова, разсмотрѣніе разныхъ правилъ, также въ попечительство Пирогова литературныя собранія учениковъ съ обязательствомъ на нихъ присутствовать и учителямъ, особенно Русскаго языка и словесности. Уходя изъ дома въ 8 часовъ утра я возвращался часто въ 8 часовъ вечера, иногда и позже, всегда пѣшкомъ, усталый, изнуренный. Хотя я и обѣдалъ у Григорія Ѳомича Постаневскаго; но послѣобѣденные уроки и далекій путь совершенно изну-

ряли меня, и, придя домой, я еще подкрѣплялся пищею, проголодавшись. Иногда же очень часто я оставался обѣдать то у баронессы Боде, то у Давыдовыхъ, то у князя Васильчикова и, конечно, что̀ это былъ за обѣдъ? Такъ только перекусишь немного, сидишь за столомъ больше для виду, чѣмъ обѣдаешь, возьмешь всего понемножку и встаешь почти голоднымъ. Особенно могу сказать это объ обѣдахъ у Давыдовыхъ. Тамъ рѣдко я молчалъ; я и за обѣдомъ все говорилъ, говорилъ, даже иногда нарочно обдумывалъ, что̀ мнѣ сказать у нихъ за обѣдомъ. Это былъ единственный случай говорить со всѣмъ семействомъ. Я замѣчалъ, что меня слушали, находилъ многое что̀ хотѣлось ввести въ эту хотя добрую, но аристократическую семью, лучшія, болѣе свѣтлыя представленія, православно-русскія. Такъ, замѣчая у нихъ наклонность предпочитать обычаи протестантскіе, помню, я обдумывалъ, что̀ сказать о молитвѣ за усопшихъ, по поводу изъ восхищенія протестантскими кладбищами, содержимыми точно роскошный садъ. Слыша крайне поверхностныя сужденія о монашествѣ, я говорилъ и объ этомъ. Словомъ, и за обѣдомъ я оставался «учителемъ», и рѣчь моя разсчитана была на поученіе. Оттого я и говорю, что почти не обѣдалъ, а только для виду пропуская въ ротъ нѣсколько ложекъ супу или кусочекъ жаркого, все говорилъ, говорилъ.

Послѣдствія неправильности въ пищѣ не заставили себя долго ждать: въ 1862 г. я уже почувствовалъ первые приступы страданій. До половины 1861 г. я не зналъ извозчика. Пѣшкомъ въ гору къ Гимназіи, пѣшкомъ и изъ Гимназіи домой, пѣшкомъ въ Липки, на уроки къ Давыдовымъ, а потомъ въ домъ князя Васильчикова, въ праздники пѣшкомъ въ Лавру и изъ Лавры, притомъ и не съ пустыми руками, съ цѣлою объемистою кучею книгъ. Только на уроки въ Кадетскій корпусъ я ѣздилъ, вмѣстѣ съ прочими преподавателями, въ дилижансѣ, который обыкновенно пріѣзжалъ въ городъ изъ Корпуса, останавливался на углу 1-й Гимназіи и здѣсь ожидалъ учителей съ 3¾ ч., затѣмъ къ 7 часамъ вечера дилижансъ снова забиралъ учителей и отвозилъ въ городъ. Это сообщеніе съ Корпусомъ было чрезвычайно удобно; но за то чего бывало не наслушаешься въ этомъ миломъ обществѣ просвѣтителей юношества! Какіе разговоры грязнѣйшіе велись здѣсь, когда забиралась въ нашу гражданскую компанію военщина гвардейская, прикомандированная въ Корпусъ для преподаваній военныхъ наукъ. — Въ 1857—1862 годахъ я впервыя прочиталъ нашихъ классическихъ писателей въ полномъ изданіи ихъ сочиненій, и много читалъ журналовъ: Современникъ, Отечественныя записки, Русскій Вѣстникъ, гдѣ въ это время печатались: Дворянское гнѣздо, Наканунѣ,

«Отцы и дѣти» Тургенева, «Обломовъ» Гончарова, «Русская Бесѣда», гдѣ печатались статьи К. Аксакова и «Труды Кіевской Духовной Академіи», гдѣ въ это время печатались статьи «Изъ науки о духѣ человѣческомъ» Памфила Юркевича.... Довольно припомнить, что тогда появился въ Современникѣ романъ Чернышевскаго: «Что̀ дѣлать?» Это было время Писаревыхъ, Добролюбовыхъ, т. е. полной распущенности въ печати. Я прочелъ всего Шиллера въ Русскомъ переводѣ и многія трагедіи Шекспира. Большое дѣйствіе произвела на меня поэма графа А. Толстого: «Іоаннъ Дамаскинъ». Это лучшее изъ его твореній, гдѣ каждое слово дышетъ высокимъ вдохновеніемъ и исполнено высокой красоты. Неизгладимо въ душѣ моей запечатлѣлись святыя слова:

«Свѣти лишь ты, небесная любовь,
Въ моей ночи звѣздою лучезарной!

Въ «минуту жизни трудную» слова эти сіяли мнѣ небеснымъ свѣтомъ въ тьмѣ земныхъ помысловъ, и не разъ, о не разъ! ихъ благодатный свѣтъ давалъ миръ душѣ моей и выводилъ ее на путь прямого, безповоротнаго, разъ избраннаго дѣла... Другое безсмертное твореніе, откуда я черпалъ свою духовную силу, это предсмертное произведеніе Жуковскаго, его «Агасѳеръ». «Я съ Нимъ, Онъ мой, Онъ все, въ Немъ все, все отъ Него, все одному Ему: такое для меня знаменованье тетеперь пріяла жизнь»...

Въ это же время я прочелъ въ Русскомъ переводѣ всѣ трагедіи Софокла и оригинальную трагедію О. Миллера: Конрадинъ, послѣдній изъ Гогеншауфеновъ, въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія». Софоклъ, Шекспиръ, Шиллеръ (смерть Валленштейна), Рустемъ и Зорабъ, Наль и Дамаянти, Ундина, Камоэнсъ Жуковскаго—сколько высокихъ идеаловъ предносилось предъ моею душею въ эту пору, окрыляя ея помыслы. Я не зналъ покоя, не зналъ усталости, даже мало спалъ, ибо некогда было и спать, точно также какъ некогда было поговорить съ матушкою и сестрою.

Во весь этотъ періодъ моей жизни я велъ усиленную переписку съ своими учениками и ученицею (въ семействѣ Давыдовыхъ), не потому, что лично не могъ передать имъ свои мысли, а избиралъ этотъ способъ бесѣды, какъ болѣе дающій возможности подробно развить свою мысль или выяснить извѣстную сторону предлагаемаго мною совѣта, урока. Бывали случаи, что я писалъ къ ученикамъ, проводившимъ время на вакаціяхъ до̀ма, или оставлявшимъ заведеніе. Послѣднее было, когда ученики мои по 2-му спеціальному классу въ

Корпусѣ переведены были въ 3-й спеціальный классъ въ Петербургъ. Напр., къ одной изъ дочерей Давыдовой я писалъ подробное письмо о значеніи монашества. Словомъ, письма брали у меня очень много времени. Помню, послѣ долгой службы Христовыхъ Страстей въ Великій Четвергъ, я провелъ до 2 или 3 часовъ ночи за письмомъ къ моей ученицѣ. У меня составилось цѣлое собраніе этихъ писемъ, такъ какъ нѣкоторыя я писалъ сначала начерно. Два изъ такихъ писемъ къ ученикамъ были напечатаны мною въ «Домашней Бесѣдѣ» 1861 г. № 25.

Въ это незабвенное для меня время я, можно сказать, пера не выпускалъ изъ рукъ. Я написалъ большую статью: «Живыя картины Кіева» и послалъ въ «Русскую Бесѣду», но получилъ обратно при письмѣ И. С. Аксакова, въ которомъ онъ побуждалъ меня отъ занятій беллетристикою обратиться къ серьезному изученію Русской жизни въ этнографіи, географіи, статистикѣ и пр., хотя и признавалъ въ моей рѣчи обнаруженіе нѣкоторыхъ задатковъ художественнаго дарованія. Тогда я усѣлся за обширный трудъ: «Духовныя потребности Русскаго народа», толстая тетрадь и послалъ въ «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія»; возвратили назадъ съ отзывомъ: не можетъ быть напечатана по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. Нѣкоторая часть этой рукописи была тогда же отдана мною въ редакцію «Руководства для сельскихъ пастырей», гдѣ и напечатана подъ заглавіемъ: «*Отношеніе богомольцевъ и странниковъ къ народной жизни*» (1862 г. № 17). Тамъ же я напечаталъ статьи «*О божественномъ и человѣческомъ значеніи церкви*» (1862, №№ 49, 50 51). Въ «Духовной Бесѣдѣ» 1859 г. № 40 была напечатана моя статья: «*Любовь—жизнь души*», та самая статья, что̀ я читалъ въ лѣсу въ Голосѣевѣ 20 Іюля 1859 г. Елисаветѣ Алексѣевнѣ Кублицкой. Помню, какъ появилась у меня эта статья. Разъ я взялся написать кое-что для упражненія въ правильной разстановкѣ знаковъ, и изъ простого учебнаго дѣла явилась у меня настоящая литературная работа. Въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» 1861 помѣщенъ былъ другой отрывокъ изъ рукописи: «Духовныя потребности Русскаго народа» подъ заглавіемъ: «*Идеалъ духовнаго пастыря*». Въ Подснѣжникѣ 1860 № 10 я напечаталъ повѣсть «*Юношеская любовь*»; тоже, сначала взялся кое-что набросать для учебныхъ упражненій на урокахъ, и вышла большая повѣсть. Въ «Домашней Бесѣдѣ» 1860 № 5 напечатана моя статья: «Гуманный совѣтъ». Поводъ къ ней: въ это время, очень болѣя грудью, я пошелъ къ одному врачу на Подолѣ за совѣтомъ; разспросивъ объ условіяхъ и образѣ моей жизни и узнавъ, что я холостъ, онъ безъ обиняковъ далъ совѣтъ не отказывать себѣ въ половой жизни. Совѣтъ этотъ глубоко огорчилъ меня,

я написалъ статью и послалъ Аскоченскому; тотъ далъ ходъ статьѣ, представилъ въ цензуру, а цензоръ, какой-то, кажется, Палаузовъ, не пропустилъ ея, какъ «безнравственную». Это въ то время, когда въ «Современникѣ» и «Отеч. Запискахъ» печатались самыя отвратительныя по цинизму статьи. Аскоченскій пишетъ о томъ ко мнѣ и посылаетъ статью въ духовную цензуру, откуда статья и получила ходъ. Таковы-то понятія о нравственномъ и безнравственномъ господствовали въ цензурѣ 60-хъ годовъ.

Въ тоже время я написалъ нѣсколько статей по учебной и училищной части: «Рѣшеніе педагогическихъ вопросовъ современною литературою» («Русскій Педагогическій Вѣстникъ» 1860 № 10). «Насколько проектъ устава гимназій достигаетъ цѣли образованія» (тамъ же 1859). За эти обѣ статьи я не только никакого гонорара, даже ни одного оттиска не получилъ изъ редакціи. «Объ учительскихъ институтахъ» мнѣніе мое напечатано въ «Замѣчаніяхъ на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ», ч. I, стр. 83—128. Къ этой статьѣ дополнительное мнѣніе о томъ же, тамъ же напечатанное (часть V, стр. 554). «Объ отношеніи поэзіи къ другимъ предметамъ преподаванія»: мои два чтенія по словесности въ 1-мъ спеціальномъ классѣ Кадетскаго корпуса («Циркуляры по управленію» 1862 № 10 и 11; здѣсь же раньше былъ помѣщенъ мой отзывъ по новому мнѣнію Ю. Янсона, моего сослуживца, о преподаваніи словесности). Остались ненапечатанными рукописи, составленныя въ этотъ періодъ времени: «*Маленькій Парнассъ*», передѣлка на Русскій языкъ одной Французской сказки, краткое содержаніе романа Вальтеръ-Скотта «Айвенго»... и краткія замѣтки о повѣстяхъ Тургенева «Наканунѣ» и Гончарова: «Обломовъ» и пр...

Изъ всего перечисленнаго только двѣ статьи принесли мнѣ матерьяльную поддержку, изъ редакціи «Руководства для сельскихъ пастырей»: «О Божественномъ и человѣческомъ значеніи церкви» и «Отношеніе богомольцевъ и странниковъ къ народной жизни». Остальныя статьи—ни копейки, а если вышлютъ одинъ или два года изданіе, и только, а то ничего. Но это меня вовсе и не огорчало, такъ какъ не имѣлъ я въ виду никакой корыстной цѣли, печатая свои статьи, а считалъ долгомъ и счастіемъ дѣлиться своими мыслями съ обществомъ. Вообще, я ни мало не думалъ въ это время о какихъ бы то ни было выгодахъ. Я беззавѣтно предавался внутреннему влеченію трудиться для блага церкви, любезнаго отечества и дѣтей, учениковъ... Они составляли предметъ моихъ думъ; они же были и лучшимъ моимъ обществомъ. Въ 1858 году, когда еще Гимназія не переходила въ новое

зданіе, почетный попечитель гимназіи графъ Тышкевичъ устроилъ гулянье для учителей и учениковъ, съ угощеніемъ и фейрверкомъ, въ Ботаническомъ саду. Я тоже былъ, но все время провелъ съ учениками, гулялъ съ ними по саду и между ними сидѣлъ во время чаю. Было въ это время на гуляньи и семейство Давыдовыхъ; я только видѣлъ ихъ и даже не подошелъ къ нимъ. Думаю, мои сослуживцы, съ которыми я за цѣлый вечеръ ни слова не сказалъ, немало удивлялись моей дикости и моимъ вкусамъ. Въ первую недѣлю великаго поста, въ одинъ изъ этихъ годовъ, я говѣлъ въ Успенскомъ соборѣ, ближайшей къ нашей квартирѣ церкви. Туда же, въ Субботу, собрались въ церковь и ученики низшихъ классовъ 2-й Гимназіи, такъ какъ второй священникъ этой церкви *о. Павелъ Подвысоцкій* былъ вторымъ законоучителемъ въ той Гимназіи. Наступило время пріобщенія. Я всячески силился пробиться напередъ, чтобы пріобщиться прежде, чѣмъ подойдутъ дѣти-ученики, и когда, не смотря на мои старанія, оттиснутый прочими причастниками, я все-таки употреблялъ усилія стать во главѣ дѣтей, подойти къ святой чашѣ такъ, чтобы за мной сейчасъ же и дѣти стали подходить, то священникъ обратился даже ко мнѣ съ внушеніемъ: «дайте возможность прежде дѣтямъ пріобщиться... ихъ нужно прежде пропустить!»... О, онъ, конечно, и не подозрѣвалъ, какія побужденія подталкивали меня впередъ. А между тѣмъ я такъ думалъ: «я, учитель, я долженъ стать во главѣ дѣтей, подвести ихъ къ Господу Спасителю, ихъ поставить предъ Нимъ; поэтому-то мое мѣсто впереди ихъ».

Мнѣ хотѣлось быть образцомъ для дѣтей во всемъ, въ самой внѣшности. Я былъ строгій ревнитель точнаго соблюденія формы, порядка во всемъ. Лишь только явилась возможность, съ наступленіемъ весны, я заказалъ себѣ лѣтнее пальто форменнаго покроя, военнаго, носилъ форменную фуражку съ кокардою, застегивалъ сюртукъ форменный (да другого у меня долгое время и не было) на всѣ пуговицы. Въ такомъ видѣ я и снялся впервые въ жизни въ фотографіи. Когда попечитель Ребиндеръ собралъ разъ на вечеръ къ себѣ всѣхъ служащихъ въ Университетѣ и гимназіяхъ, я явился на вечеръ въ вицмундирѣ, даже и не подозрѣвая, что это не принято, и тогда только понялъ свою неловкость, когда професс. Бунге подошелъ ко мнѣ и спросилъ съ удивленіемъ: «чтó это, вы сюда пришли прямо со службы?»... «Нѣтъ», отвѣчалъ я наивно... Но другой разъ я уже сознательно явился на такой же вечеръ опять въ вицмундирѣ и уже самому Н. Р. Ребиндеру объяснилъ, когда онъ заговорилъ со мною: «Ваше превосходительство, быть можетъ, вы изволите находить мое присутствіе на вечерѣ здѣсь въ вицмундирѣ неловкимъ; но я не стыжусь своего виц-

мундира и предпочитаю его черному фраку, ибо и здѣсь вицмундиръ напоминаетъ мнѣ, что я учитель»... Мои слова, кажется, понравились Ребиндеру. Онъ уже зналъ обо мнѣ и по службѣ моей въ гимназіи, и по занятіямъ въ семействѣ Давыдовыхъ. Въ этотъ же вечеръ жена Ребиндера привѣтствовала меня и отозвалась такъ о моихъ занятіяхъ: «Александра Ивановна не нахвалится вашими уроками съ ея дочерью. Вы—для нея, она—для васъ; такое усердіе въ трудѣ у васъ обоихъ»... Въ скоромъ времени, осенью 1859 г., Ребиндеръ былъ переведенъ въ Одессу. Я пришелъ проститься. Онъ принялъ меня очень любезно, какъ я и не ожидалъ, и сказалъ: «Я знаю о вашей любви къ дѣлу, вашемъ усердіи. Трудитесь такъ и впередъ, и вы исполните свой долгъ... Душевно желаю, чтобы такъ цѣнили и мои преемники вашу службу, и такъ хорошо думали о васъ, какъ я»... Въ глубинѣ души я радовался несказанно такому любезному отзыву Ребиндера, моего истиннаго благодѣтеля, которому я обязанъ своимъ опредѣленіемъ на службу въ Кіевѣ, радовался, что оправдалъ его милостивое вниманіе ко мнѣ, и такой благосклонный отзывъ его былъ для меня высшею и лучшею наградою. Свое вниманіе ко мнѣ Н. Р. Ребиндеръ запечатлѣлъ, приславъ мнѣ на память (уже изъ Одессы или Петербурга не помню) свой гравированный портретъ, который и донынѣ составляетъ дорогое для меня украшеніе моей гостиной. Мой благодѣтель скончался 14 Сентября 1865 года въ Москвѣ, въ званіи сенатора, скоропостижно, по признанію врачей, отъ истощенія силъ, принявъ незадолго до того православіе (онъ былъ лютераниномъ), ради дѣтей. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Трубецкой вторымъ бракомъ, и, когда жена его умерла, то, по любви къ дѣтямъ, онъ присоединился и самъ къ православной церкви. Царство ему небесное и вѣчный покой!

Такимъ же одобреніемъ вѣнчался мой трудъ и въ Кадетскомъ корпусѣ. Поступивъ туда, въ 5-й общій классъ, я нашелъ въ своихъ ученикахъ полнѣйшее равнодушіе къ занятіямъ словесностью, даже небреженіе; но еще въ этомъ же году составленіемъ записокъ, объясненіями, чтеніемъ отрывковъ изъ образцовыхъ писателей, разборомъ изъ собственныхъ сочиненій я измѣнилъ ихъ отношеніе, и они полюбили и предметъ, и меня. Въ 1-мъ и 2-мъ спеціальномъ классахъ я читалъ имъ общую исторію словесности и Русской, и при этомъ, сколько возможно, знакомилъ ихъ и съ писателями, между прочимъ, чтеніемъ ихъ произведеній. Съ увлеченіемъ я читалъ имъ Рустемъ и Зорабъ, Наль и Дамаянти, отрывки изъ Божественной Комедіи Данта, изъ Сервантеса Мильтона, трагедіи Софокла, Король Лиръ Шекспира и многое другое. Уроки мои бывали въ послѣобѣденное время, съ 4 до 7 часовъ. Въ осеннее и зимнее время они приходились въ часы съ вечернимъ освѣ-

щеніемъ. Длинная зала въ 5 или 6 оконъ, учениковъ до 25 не болѣе; мягкій пріятный свѣтъ лампъ; тишина невозмутимая, и при этой располагающей къ поэзіи обстановкѣ я читаю съ увлеченіемъ, съ чувствомъ и читаю цѣлыхъ два урока въ 1½ часа каждый. Незабвенны для меня эти часы кадетскихъ занятій! И теперь, проѣзжая по желѣзной дорогѣ мимо Корпуса, я съ благоговѣйнымъ чувствомъ обращаюсь благодарнымъ къ Богу сердцемъ къ этому прилежащему дорогѣ крылу зданія и ищу напряженно то мѣсто, гдѣ былъ мой классъ, гдѣ я жилъ такою чудною, счастливою высшимъ счастьемъ жизнію. И ученики меня любили. Когда въ 1861 году они оставляли корпусъ, я пришелъ проститься съ ними предъ выѣздомъ ихъ въ Петербургъ. Они уже изъ зданія переведены были въ баню и здѣсь приготовлялись къ отъѣзду. Пришелъ и я къ нимъ въ баню и просилъ ихъ на память написать на листѣ свои имена и фамиліи, раздавъ нѣкоторымъ лучшимъ изъ нихъ мои фотографическія карточки, но сдѣлалъ ошибку, заказалъ только дюжину, и имѣлъ огорченіе замѣтить неудовольствіе тѣхъ, кому не досталось карточки. Начался молебенъ предъ отправленіемъ въ путь, на площади противъ главнаго входа въ зданіе. Сердечно простились со мною всѣ уѣзжавшіе. Провожалъ ихъ директоръ Корпуса генералъ *Адольфъ Васильевичъ Вольскій*, до Броваровъ. Они на прощанье просили его засвидѣтельствовать мнѣ ихъ сердечную благодарность за прочтенный мною курсъ словесности и за всѣ труды мои для нихъ. Многіе изъ нихъ прислали мнѣ изъ Петербурга свои карточки, которыя и донынѣ хранятся у меня, перенося мою мысль въ отраднѣйшее время моей молодой жизни, когда жить для другихъ, для моихъ учениковъ было моему сердцу величайшимъ и счастіемъ, и потребностью...

ЗАМѢТКА О Д. П. СѢВЕРИНѢ.

Въ послѣднее время было много говорено и писано противъ космополитическаго типа Русскаго дипломата Нессельродовской эпохи. Въ справедливости строгаго приговора надъ этимъ типомъ никто болѣе не сомнѣвается, и въ этомъ отношеніи, кажется, уже сказано послѣднее слово. Не пора ли теперь вспомнить о тѣхъ изъ нашихъ представителей за границею, которые съумѣли, вопреки царившему когда-то въ нашихъ посольствахъ и миссіяхъ духу безпочвенности и оторванности, сохранять свой отечественный обликъ и живую духовную связь съ родиною? Въ извѣстной своей статьѣ „Русская дипломатія старая и новая“ г-нъ Татищевъ, перечисляя нашихъ инородныхъ и иновѣрныхъ дипломатовъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, упоминаетъ лишь о двухъ исключеніяхъ: А. П. Бутеневѣ и В. П. Титовѣ.

Къ этимъ двумъ именамъ было бы справедливо присоединить имя *Дмитрія Петровича Сѣверина*, бывшаго нашимъ посланникомъ въ Мюнхенѣ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ, съ 1837-го по 1863-й г. Краткія біографическія свѣдѣнія о немъ можно найти въ Январьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1896 г., при письмахъ къ Д. П. Сѣверину князя П. А. Вяземскаго [1]). Къ этимъ даннымъ можемъ добавить, что Д. П. Сѣверинъ пользовался особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ графа Нессельроде. Съ графомъ Каподистріа связывала его тѣсная дружба. Онъ былъ старше по службѣ князя А. М. Горчакова и, рано занявъ вліятельное положеніе въ министерствѣ, имѣлъ случай оказать поддержку первымъ шагамъ будущаго канцлера на дипломатическомъ поприщѣ. За границею Д. П. Сѣверинъ не разъ исполнялъ различныя важныя порученія; но на его долю не выпало занять болѣе виднаго и дѣятельнаго постояннаго поста чѣмъ Мюнхенскій. Выйдя въ отставку онъ до своей смерти (1865) жилъ въ Мюнхенѣ въ кругу родственниковъ своей жены, рожденной баронессы Мольтке [2]). Въ оставшихся послѣ него частныхъ бумагахъ сохранился набросокъ короткой автобіографіи въ стихахъ, посвященной князю Н. Б. Юсупову:

---

[1]) Въ *Русской Старинѣ* фамилія Сѣверинъ написана черезъ *е*; самъ же Д. П. Сѣверинъ писалъ свою фамилію черезъ *ѣ*; того же правописанія держалось и Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

[2]) Это вторая его супруга. Въ первый разъ Д. П. Сѣверинъ женился на дочери знаменитаго Берлинскаго врача Гуфланда, сестра которой была супругою А. С. Стурдзы. П. Б.

Я родился въ концѣ Екатерины
И, вслѣдъ за тѣмъ, младенцемъ въ ссылкѣ жилъ [1]).
Я возмужалъ, и Александровы дружины
Знакомы стали мнѣ, и Царь меня любилъ.
При Николаѣ я и много зналъ и дѣлалъ
И за границею Россію величалъ.
Но съ небеси намъ новый духъ повѣялъ,
И свѣтлый лучъ на Тронѣ возсіялъ.
Чтò ожидать отъ Царскаго знакомца?
Его я ласками издавна былъ богатъ.
Какъ не любить Жуковскаго питомца,
Какъ не служить ему?... Но дней моихъ закатъ
Велитъ о почестяхъ не помышлять ужъ болѣ,
А покорясь святой небесной волѣ
И вспомнивъ рядъ моихъ предлинныхъ лѣтъ,
Оставя, князь, для васъ цвѣтущій свѣтъ,
Молить: да будетъ Царь, народовъ примиритель,
Въ семьѣ счастливъ, въ скорбяхъ Россіи утѣшитель!

Мюнхенъ.
14 (26) Декабря 1855 г.

Подобно Ѳ. И. Тютчеву, который также былъ тѣсно связанъ съ Мюнхенскою средою родственными и другими отношеніями, Д. П. Сѣверинъ, не смотря на долгое пребываніе заграницею, не потерялъ ни отпечатка истинно-Русской образованности, ни близкаго соприкосновенія съ Русскою мыслью и литературою. Извѣстно, что, нѣкогда служа въ Петербургѣ, онъ былъ членомъ общества „Арзамасъ", гдѣ носилъ названіе „Рѣзвый Котъ". Жуковскій, князь Вяземскій, Дашковъ, Блудовъ были ему друзьями. Какъ литераторъ, онъ былъ извѣстенъ нашей публикѣ, кажется, лишь переводомъ Французской пьесы: „Писатель въ обществѣ". Но въ кругу друзей очень цѣнились его остроумные экспромпты и мелкія стихотворенія, иногда очень граціозныя по формѣ, какъ видно изъ слѣдующаго четверостишія:

Елисаветѣ Петровнѣ Валуевой [2]).

Зимой, среди мороза,
Съ небесной высоты,
Слетѣла къ дѣду роза...
О внучка, это ты!

Владѣя въ совершенствѣ Нѣмецкимъ и Французскимъ языками, онъ вписываетъ въ альбомъ королевы Маріи Баварской Русскія строки:

[1]) Какъ и почему, намъ неизвѣстно. Вѣроятно при Павлѣ. П. Б.

[2]) Это дочь гр. П. А. Валуева и, по матери своей, внучка кн. П. А. Вяземскаго, нынѣ вдова князя Александра Васильевича Голицына (1827—1869). Въ письмахъ своихъ къ Д. П. Сѣверину князь Вяземскій продолжаетъ называть ее „*внучкой-розою*".

Уборъ престола твоего
Твоя душа, краса и добродѣтель.
Какъ не цѣнить мнѣ счастья моего?
Я при тебѣ, я имъ свидѣтель!

Осенью 1840 года, въ замкѣ Тегернзее близъ Мюнхена, у вдовствующей королевы Баварской Каролины, гостила великая княгиня Елена Павловна съ молоденькими дочерьми, великими княжнами Маріею и Екатериною Михайловнами. Не смотря на преклонный возрастъ и болѣзненность хозяйки, среди молодежи было много веселья: устраивались живыя картины, музыкальные вечера и т. п. Умный и любезный Сѣверинъ былъ душою увеселеній. На просьбу описать въ стихахъ одинъ изъ наиболѣе удачныхъ вечеровъ онъ отвѣчалъ слѣдующимъ экспромптомъ, не особенно, можетъ быть складнымъ, но полнымъ Русской задушевности:

Наша Русь вездѣ блеститъ,
Радость дома иль чужбины.
Посмотрите Русскій видъ
Въ за́мкѣ Каролины.

Послѣ лепета двора
Всѣ кружкомъ присѣли:
Это вечера пора
Славной віолончели;

Віельгорскаго смычокъ,
Даръ отъ Амфіона,
Наливаетъ въ душу токъ
Мелодій и звона.

Катя, стройная краса,
Повтори припѣвы!
О какія чудеса
Зиждетъ голосъ дѣвы!

Сынъ Венеціи златой,
Гроте́скъ посѣдѣлый,
Забываетъ возрастъ свой
И горитъ веселый.

Наша Русь вездѣ блеститъ,
Радость дома иль чужбины.
Посмотрите Русскій видъ
Въ за́мкѣ Каролины.

Пылкой Марьи черный взглядъ
Въ сердце проникаетъ,
А зубовъ прекрасный рядъ
Въ сумеркахъ блистаетъ.

Предъ Султаномъ вотъ лежитъ
Гури одалиска,
Берегитесь! уязвитъ
Пуще василиска.

Но Султану и во вѣкъ
Не знавать отраду,
Только Божій человѣкъ
Машенькѣ по ладу.

Наша Русь вездѣ блеститъ
Радость дома иль чужбины.
Посмотрите Русскій видъ
Въ за́мкѣ Каролины.

Вотъ богиня—великанъ,
Но тиха, стыдлива!
Въ станѣ женскомъ-флигельманъ,
А межъ насъ пужлива.

Пальма пышная блюдетъ
Двухъ садовъ блаженства,
Царскій, драгоцѣнный цвѣтъ,
Наше совершенство.

Бросьте жъ яблоко *одной*,
Слѣдуя преданью,
Мы же всѣмъ родной душой
Платимъ той же данью.

Наша Русь вездѣ блеститъ,
Радость дома и чужбины.
Полюбите Русскій видъ
Въ за́мкѣ Каролины.

О непрекращавшейся, не смотря на постоянное пребываніе заграницею, связи Д. П. Сѣверина съ Русскою жизнью и литературою свидѣтельствуетъ обильная переписка его съ Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ, Тютчевымъ и др. Нѣсколько прелестныхъ писемъ къ нему князя Вяземскаго, какъ сказано выше, напечатано въ 1896 г. въ „Русской Старинѣ“. Изъ нихъ видно, какъ высоко цѣнилъ поэтъ умственныя и душевныя качества своего друга-дипломата и насколько онъ былъ увѣренъ въ его патріотизмѣ. „Мы съ тобою

люди стараго покроя, пишетъ онъ ему, однокорытники, совоспитанники и сопитомцы Карамзина и Дмитріева. Они любили и понимали Россію и высоко почитали ея честь и свою“. И въ другомъ мѣстѣ: „Тебѣ одному изъ нашихъ Русскихъ заморскихъ представителей Русское слово не мертвая буква“.

Въ бумагахъ Д. П. Сѣверина сохранилось слѣдующее стихотвореніе, въ которомъ авторъ, скрывая свое имя подъ буквами Н. О., благодаритъ хозяина за оказанный ему пріемъ:

Простите мнѣ—рука слѣпаго
Немного можетъ написать;
Пройдутъ года, пока я снова
Свободно буду вамъ писать.

Тогда я пышными стихами
Пріемъ вашъ милый воспою,
Теперь же скромными словами
Душевно васъ благодарю.

У васъ повѣяло мнѣ Русью,
Вы говорили про Москву;
Нерѣдко мы съ невольной грустью
Воспоминали про Неву.

Вы лѣтописцемъ не хотѣли
Драгаго Арзамаса быть,
По крайней мѣрѣ вы сумѣли
Намъ скучный Мюнхенъ усладить.

Радушнымъ словомъ, ободреньемъ
Вы вдохновили Коцебу;
И дивнымъ, чуднымъ онъ твореньемъ
Изъ гроба вызвалъ старину.

Муотта, Нови, Чортовъ мостъ,
Онъ вѣрно васъ изобразилъ;
Великолѣпный вы погостъ
Родныхъ безвременныхъ могилъ.

Пробила полночь, Мюнхенъ спитъ.
И мнѣ пора на боковую,
Adieu, васъ *другъ* благодаритъ
За вашъ пріемъ, за искренность прямую.

Н. О.

11 (23) Ноября 1855 г.

Этою данью чисто-Русскому гостепріимству Д. П. Сѣверина мы закончимъ настоящую замѣтку. Прибавимъ лишь, что живописецъ, ободренный разумнымъ словомъ нашего посланника, былъ извѣстный баталистъ Александръ Коцебу и что упомянутыя въ этомъ стихотвореніи его картины, изображающія переходъ черезъ Чертовъ мостъ и сраженія при долинѣ Мерлинской и при Нови, находятся въ Зимнемъ Дворцѣ.

А. И.

Мюнхенъ.
Май 1899 г.

*

Къ характеристикѣ Д. П. Сѣверина можетъ послужить слѣдующій отрывокъ письма его къ В. А. Жуковскому (писаннаго изъ Берна. 13 Января ст. ст. 1833 въ Веве):

„Дай Богъ, чтобъ геній Россіи внушилъ Императора постигнуть всю важность восточныхъ событій, не теряя изъ виду и западныхъ. Око политики всеобъемлющей покрыто очками вице-канцлера Пигмея! Но Давидъ убилъ Голіаѳа. Авось-либо и нашему Карлѣ удастся побѣдить злой духъ революціонный, въ какомъ бы видѣ онъ ни представлялся, въ клубахъ и конференціяхъ на Западѣ, или въ панцырѣ Ибрагима на Востокѣ. Прости, другъ Свѣтлана. Кошечка усердно тебѣ кланяется и мурлычитъ“. Скромность Сѣверина и то, что онъ, кажется, по цѣлымъ десятилѣтіямъ не могъ быть въ Петербургѣ, воспрепятствовали ему занять положеніе, какое подобало его уму и дарованіямъ. Преданіе увѣряетъ, что Д. П. Сѣверина въ министерствѣ, что̀ называется, оттирали, опасаясь соперничества.

Какъ человѣкъ и писатель, Д. П. Сѣверинъ образовался подъ воздѣйствіемъ И. И. Дмитріева, который былъ другомъ его мачихи и называетъ его въ своихъ письмахъ: mon pupille (мой питомецъ).

Кажется, что къ числу дипломатовъ Николаевскаго времени, вѣрныхъ преданіямъ Екатерининскаго, слѣдуетъ причислить еще и князя Григорія Ивановича Гагарина. П. Б.

О князѣ Е. А. Грузинскомъ и переводѣ Макарьевской ярмарки въ Нижній.

Въ статьѣ г-на Юдина о князѣ Грузинскомъ („Р. Архивъ" 1899, вып. 5) сказано, что пропажа у министра торговли двухъ любимыхъ имъ собакъ (въ чемъ отвѣтственность возлагалась на владѣльца села Лыскова) имѣла будто послѣдствіемъ переводъ Макарьевской ярмарки въ Нижній.

Мнѣ никогда не случалось слышать ничего подобнаго, а какъ изъ фамильныхъ воспоминаній мнѣ хорошо извѣстны всѣ относящіяся до сего обстоятельства, то въ видахъ сохраненія ихъ для исторіи, я рѣшаюсь вкратцѣ изложить ихъ. При этомъ считаю нужнымъ оговориться, что хотя польза перенесенія такъ-называемаго Всероссійскаго торжища изъ небольшаго уѣзднаго городка въ значительный губернскій городъ Нижній (при сліяніи двухъ большихъ судоходныхъ рѣкъ, близъ густо населенной мѣстности, съ сильно развитой и тогда уже фабричной промышленностію) не могла не сознаваться правительствомъ, и совершеніе этого безспорно было дѣломъ государственной важности. но тѣмъ не менѣе, переводъ этотъ совершился случайно, вслѣдствіе мелочныхъ, малозначащихъ причинъ, имѣвшихъ совершенно-частный характеръ.

Въ половинѣ второго десятилѣтія текущаго столѣтія, въ Нижегородской губерніи былъ губернаторомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Антоновичъ Быховецъ, человѣкъ весьма разумный, трудолюбивый, честно относившійся къ служебной своей дѣятельности. Супруга его, Мавра Егоровна, при добромъ сердцѣ, обладала большимъ умомъ, твердымъ, настойчивымъ характеромъ и имѣла немалое вліяніе на своего мужа. Какъ губернаторъ, такъ и супруга его, принадлежа къ среднему помѣстному дворянству, не получили въ молодости свѣтскаго образованія, не знали иностранныхъ языковъ и, за исключеніемъ необходимыхъ требованій служебнаго представительства, предпочитали вести жизнь замкнутую.

Въ тоже время, должность Нижегородскаго губернскаго предводителя дворянства занималъ, съ незапамятныхъ временъ, дѣйствительный камергеръ князь Георгій Александровичъ Грузинскій, обладавшій большимъ состояніемъ, получившій блестящее свѣтское образованіе и, какъ ближайшій потомокъ недавно предъ тѣмъ медіатизированныхъ царей Грузіи, имѣвшій по

родству и знакомству большія связи, а по характеру представлявшій смѣсь добра съ безграничнымъ своеволіемъ и крайнею вспыльчивостію. При этомъ, въ обычныхъ сношеніяхъ онъ былъ весьма ласковъ и для всѣхъ доступенъ. Супруга его, принадлежавшая къ извѣстному дворянскому роду Бахметевыхъ, менѣе его пользовалась общимъ сочувствіемъ.

Одно изъ главныхъ имѣній князя Грузинскаго, село Лысково, скорѣе походившее на городъ, лежитъ противу Макарьева, по другую сторону Волги, дѣлающей въ этой мѣстности большой изгибъ, способствующій образованію затоновъ, съ безопасною стоянкою для утлыхъ по постройкѣ того времени рѣчныхъ судовъ, какъ то бѣлянъ, росшивъ и т. п. Послѣднее обстоятельство послужило къ тому, что почти всѣ товары, привозимые на Макарьевскую ярмарку на судахъ (какъ-то: желѣзо, соль, рыба, разные хлѣба, сало, кожи, щепной товаръ, посуда, Сибирскіе мѣха, чай, Азіатскіе товары и многое другое), имѣли главнымъ образомъ склады въ Лысковѣ, гдѣ и производилась торговля ими. Послѣднему немало способствовали размѣры Лысковскаго населенія, съ двумя соборами, нѣсколькими церквами, большимъ числомъ многоэтажныхъ домовъ, гостинницъ, трактировъ и пр. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, главнѣйшій доходъ съ ярмарки получалъ князь Грузинскій, естественно игравшій роль какъ бы главнаго распорядителя на ярмаркѣ, что оправдывалось послугами и распоряженіями, исходившими отъ него, по размѣщенію мѣстъ торговли, назначенію за нихъ платы, изданію разнаго рода правилъ и порядковъ, обязательныхъ для торговцевъ и пріѣзжавшихъ. Множество споровъ и тяжебъ добровольно представлялись на разрѣшеніе князя, и онъ нерѣдко творилъ не только судъ, но и расправу, не брезгая иногда налагать наказаніе отеческими пріемами. При этомъ, домъ князя былъ открытъ для пріѣзжавшихъ на ярмарку его знакомыхъ; у него во флигеляхъ могли размѣститься многія и многія семейства дворянъ и именитаго купечества.

Естественно, что гражданской власти не разъ приходилось сталкиваться съ произволомъ князя, что вело, если не къ открытому между ними разрыву, то все же къ неудовольствіямъ, по времени разраставшимся и имѣвшимъ послѣдствіемъ сначала холодность между семействами губернатора и князя, а потомъ, мало-по-малу, враждебныя отношенія. При этомъ княгиня мало щадила самолюбіе губернаторши въ вопросахъ мѣстнаго этикета, въ условныхъ отношеніяхъ первенства въ собраніяхъ, въ приглашеніяхъ на разныя торжества и праздники и т. п. Этого не могла простить губернаторша, почитавшая себя вправѣ первенствовать во многихъ случаяхъ провинціальной жизни.

Мавра Егоровна Быховецъ настояла, чтобъ мужъ ея вновь поднялъ не разъ уже обсуждавшійся вопросъ о перенесеніи ярмарки изъ Макарьева въ Нижній, и чтобъ, на сей разъ, тщательно выработанный проектъ устройства ярмарки въ Нижнемъ, со всѣми необходимыми разсчетами, былъ представленъ, помимо министерства (гдѣ почему-то ему не давали хо-

да этому дѣлу) къ тогдашнему временщику графу Аракчееву, который недружелюбно относился къ князю Грузинскому. Графъ Аракчеевъ взглянулъ на представленіе губернатора весьма внимательно и поручилъ ему немедленно приступить къ негласной заготовкѣ большаго количества строительныхъ матеріаловъ, для возведенія будущихъ ярмочныхъ построекъ. Губернаторъ исполнилъ это порученіе весьма отчетливо, съ соблюденіемъ значительной выгоды для казны. Затѣмъ состоялось высочайшее повелѣніе о перенесеніи ярмарки изъ Макарьева въ Нижній и прислана была цѣлая партія инженеровъ, подъ главнымъ начальствомъ Французскаго инженера Бетанкура. Сей послѣдній ни слова не говорилъ по-русски, что до крайности затрудняло сношенія его съ губернаторомъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ присланныхъ инженеровъ нашли возможнымъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и стали ссорить Бетанкура съ губернаторомъ, къ чему пристали многія лица, интересы коихъ были затронуты перенесеніемъ ярмарки въ Нижній. Начали увѣрять, что избранное губернаторомъ мѣсто неудобно, такъ такъ потопляется вешними водами, что ни на Волгѣ, ни на Окѣ не имѣется для судовъ безопасныхъ стоянокъ и пристанища. обвиняли даже губернатора въ своекорыстномъ расходованіи казенныхъ суммъ и пр. Скажу кратко, что все это окончилось весьма плачевно для губернатора, которому было предписано оставить службу, и хотя, вскорѣ послѣ сего, Бетанкуръ, узнавшій всю правду (сославъ одного молодаго инженера Рокасовскаго), поспѣшилъ лично доложить о всемъ Государю Императору, вслѣдствіе чего Быховцу уже находившемуся въ отставкѣ пожалована была Анненская лента и сдѣлано предложеніе о поступленіи вновь на службу, но онъ уже не могъ этимъ воспользоваться, такъ какъ отъ постигшаго его горя сошелъ съума и вскорѣ умеръ. Что касается инженеровъ, то нѣкоторые изъ нихъ были отданы подъ судъ и понесли кару за свои дѣйствія. Ярмарка, конечно, была безповоротно переведена въ Нижній Новгородъ, лишивъ тѣмъ князя Грузинскаго значительнаго дохода.

Но все, по времени, забывается и изглаживается изъ памяти: въ 1839 году мнѣ случилось быть на большомъ обѣдѣ у общей нашей родственницы Ольги Леоновны Турчаниновой и тамъ я видѣлъ г-жу Быховецъ и князя Грузинскаго сидѣвшихъ рядомъ и мирно бесѣдовавшихъ о давно минувшихъ временахъ.

Въ настоящее время всѣ упоминаемыя мною лица уже перешли въ лучшій міръ, почему я и позволилъ себѣ называть ихъ по имени.

Андрей Шишковъ.

1899 г. 9 Мая.
Самара.

О ГРУЗИНСКИХЪ ЦЕРКВАХЪ ВЪ МОСКВѢ.

Въ примѣчаніи къ статьѣ А. С. Хаханова *„Грузія"*, напечатанной въ 6-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" сего года, сообщается, что „Грузины не имѣютъ въ Москвѣ даже своей церкви. Они ее имѣли на Грузинской площади, но теперь она Армянская. Любопытно знать, какъ это случилось. Вѣроятно наши власти смѣшали въ своихъ понятіяхъ эти два народа, совсѣмъ между собою разныхъ. У еретиковъ Армянъ три храма, у православныхъ Грузинъ ни одного!" Это невѣрно.

Существующая Армянская церковь на Грузинской площади построена была Армянами и всегда принадлежала имъ [1]). До устройства Армянскаго кладбища за Прѣсненскою заставою, церковь въ Грузинахъ была кладбищенскою, что видно по сохранившимся вокругъ церкви надгробнымъ памятникамъ. Къ сожалѣнію надписи на нихъ нельзя прочитать, такъ какъ камни поросли мохомъ, да и самыя надписи отъ времени почти сгладились.

Православная же приходская церковь св. Георгія въ Грузинахъ [2]) первоначально была деревянная, дворцовая, во имя Іоанна Богослова; построена она была тщаніемъ царя Алексѣя Михаиловича. Точное время ея построенія неизвѣстно. Также неизвѣстно, когда именно эта церковь сгорѣла; но уже въ послѣдніе годы царствованія Петра I-го она не существовала. Грузинскій царь Вахтангъ, искавшій покровительства Россіи и затѣмъ поселившійся въ Москвѣ, пожалованъ былъ Петромъ землею на Прѣснѣ, и кромѣ того ему дано было 10,000 р. на построеніе дома. Съ этого времени вмѣстѣ съ царемъ Вахтангомъ стали селиться въ Москвѣ Грузины, и отъ нихъ получила свое названіе мѣстность, которая и теперь зовется Грузинами.

14 Октября 1749 г., царевичъ Георгій, сынъ царя Вахтанга, вошелъ съ прошеніемъ къ архіепископу Московскому и Сѣвскому Платону, о дозволеніи ему, царевичу, при Прѣсненскомъ домѣ, пожалованномъ его покойному родителю, построить деревянную церковь, во имя св. великомуч. Георгія, со всею церковною утварью, на томъ основаніи, что оставшаяся послѣ царя Вахтанга его фамилія и Грузинскіе князья, дворяне и служители имѣютъ нѣсколько домовъ, ими построенныхъ, въ которыхъ живутъ, а приходской

---

[1]) См. Матеріалы для истор., археологіи и статист. г. Москвы, ч. 2, стр. 1009.

[2]) П. А. Рудневъ. Историч. описаніе церкви св. Георгія. Московскія Епархіальныя Вѣдомости за 1872 годъ.

церкви при томъ мѣстѣ нѣтъ, а удобное къ строенію мѣсто есть, въ количествѣ 37 саж. длиннику и 70 саж. поперечнику и что на означенномъ мѣстѣ была дворцовая церковь, которая давно сгорѣла. Грузинской націи имѣется 50 дворовъ, которые ни къ какой церкви не приписаны. Всякія требы исправляютъ у нихъ Грузинскіе священники.

Ноября 3-го 1749 г. дано было позволеніе построить деревянную церковь во имя св. великомуч. Георгія. Вновь построенная церковь 23 Апрѣля 1750 г. освящена Грузинскимъ архіепископомъ Іосифомъ. Въ 1767 г. къ ней пристроенъ былъ деревянный же предѣлъ Рождества Христова. Въ 1779 г., въ день Богоявленія, когда причтъ ходилъ по приходу, отъ небрежной топки печки церковь сгорѣла, и Грузинское населеніе, въ числѣ 73 дворовъ и 24 двора Русскихъ, снова осталось безъ прихода. По прошествіи 9 лѣтъ, въ 1788 г., отъ прихожанъ сгорѣвшей церкви подано было прошеніе митрополиту Платону о дозволеніи построить каменную церковь; но какъ видно, пожертвованія на построеніе храма текли не обильно. Въ 1793 г., Грузинская царица Анна просила митрополита Платона пожаловать ей пособіе, такъ какъ она и прихожане истощили всѣ средства и остаются безъ всякой надежды окончить строеніе. Митрополитъ велѣлъ передать въ Георгіевскую церковь колокола, всю церковную утварь и ризницу изъ церкви Св. Леонтія (давшей названіе переулку); она была предназначена въ это время къ упраздненію. Благодаря пособію, 26 Ноября 1793 года церковь освящена. Въ первые годы существованія церкви принималъ участіе прихожанинъ князь Циціановъ; но участіе это ограничивалось ежегоднымъ взносомъ нѣсколькихъ рублей, на содержаніе священника. Въ спискѣ настоятелей храма нѣтъ ни одного священника Грузина, слѣдовательно и служба въ церкви со времени ея основанія совершалась пославянски. Оно и понятно, такъ какъ въ приходѣ числилось 24 дома, принадлежавшіе Русскимъ. Если бы церковь была исключительно приходскою для Грузинъ, то и священники при ней были бы Грузины; а они несомнѣнно держались для службы въ домовыхъ церквахъ, у царевичей и Грузинскихъ князей. Такихъ церквей было нѣсколько *): у княжны Леоновой Грузинской церковь во имя Божьей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости; въ домѣ княжны Грузинской Бакаровой, тоже во имя названной Божьей Матери; въ домѣ князя Грузинскаго Вахустова церковь Воздвиженіе Честнаго Креста; въ домѣ княжны Грузинской вблизи церкви св. Параскевы, въ Охотномъ ряду (теперь домъ Корзинкина) была церковь во имя Іоанна Богослова.

Недавно упразднена Грузинская церковь въ домѣ царевича Окропира, одного изъ сыновей послѣдняго царя Георгія XIII. При ней, еще въ 60-хъ годахъ, былъ священникъ Грузинъ, и служба шла по грузински, а пѣвчіе пѣли по русски. Упразднена эта церковь съ переходомъ обширнаго владѣнія (дѣтей царевича Окропира) къ купцу Хлудову, и на мѣстѣ княжескихъ палатъ и церкви устроены теперь бани и торговыя помѣщенія. Вѣроятно таже участь постигла и другія Грузинскія домовыя церкви, такъ какъ почти

*) П. Хавскій. Семисотлѣтіе Москвы.

всѣ дома и владѣнія князей Грузинскихъ не удержались наслѣдниками и перешли въ частныя руки. Кромѣ священниковъ Грузинъ, исправлявшихъ требы и церковныя службы у Грузинъ, въ прошломъ столѣтіи въ Москвѣ, проживали архіереи и митрополиты Грузинскіе, которымъ не только не возбранялось служеніе, но они участвовали въ соборномъ служеніи, въ крестныхъ ходахъ, и отправляли всякія дѣйствія архіерейскаго служенія, для чего имъ отпускалась ризница изъ Чудова монастыря, иподіаконъ и шесть человѣкъ пѣвчихъ. Дозволялось Грузинскимъ архіереямъ отправлять богослуженіе и въ приходскихъ церквахъ по приглашеніямъ, на погребеніяхъ и пр. [1]).

Изъ числа Грузинскихъ митрополитовъ наиболѣе сохранилась память о митрополитѣ Романѣ. Указомъ Московской Конторы Св. Синода, 8 Марта 1743 г., за отказъ его служить въ соборныхъ служеніяхъ, предписывалось не допускать его для священнослуженія въ обрѣтающіеся въ Москвѣ монастыри и церкви, о чемъ и было объявлено циркулярно. Митроп. Романъ скончался и погребенъ въ церкви Іоанна Предтечи на Прѣснѣ. На внутренней алтарной стѣнѣ надъ жертвенникомъ сохранилась надпись: „Помяни Господи Романа митрополита“ и пр. [2]) Странно, что точно такая же надпись сохранилась въ алтарѣ церкви св. Николая на Щепахъ. Наиболѣе вѣроятія, что тѣло Романа погребено было въ церкви Іоанна Предтечи, такъ какъ въ этой же церкви похоронены Грузинская княжна Амилахварова и другіе изъ Грузинъ, несомнѣнно по близости имѣвшіе дома и гдѣ скорѣе всего могъ найти себѣ пріютъ митрополитъ Романъ [3]).

Церковь св. Георгія не принадлежала однимъ Грузинамъ, а была, какъ и всѣ приходскія церкви, одинаково доступна, какъ для Грузинъ, такъ и для Русскихъ. Тѣ десять рублей съ копейками, какія вносились кн. Циціановымъ на содержаніе священника, были конечно и въ то время недостаточны для содержанія Грузинскаго причта, если бы онъ не пользовался доходами отъ Русскихъ. Изъ перечня домовыхъ Грузинскихъ церквей видно, что запрещенія держать священниковъ изъ Грузинъ не было; а если не было и до сихъ поръ нѣтъ въ Москвѣ особой Грузинской церкви, то виною тому сами Грузины, не сумѣвшіе удержать въ своихъ рукахъ тѣ большія средства, какими они награждены были Русскимъ правительствомъ. Чтобы построить и содержать церковь и причтъ, нужно немало денегъ: а много ли найдется въ Москвѣ Грузинъ, которые могли бы составить приходъ? Послѣднее владѣніе князей Грузинскихъ, у Каменнаго моста, недавно продано.

В. Попандопуло.

---

[1]) Н. Розановъ. Истор. Московск. Епарх. управленія ч. II, кн. 1.

[2]) Надгробная лѣтопись Москвы. „Р. Архивъ“ 1895 г., книга II.

[3]) Наказаніе, какое понесъ митр. Романъ въ то суровое время, можно считать незначительнымъ. Въ 1751 г., Марта 15, Рождественскій на Дмитровкѣ діаконъ за небытіе у царской панихиды наказанъ въ Консисторіи плетьми. (См. Ист. Московск. Епарх. управленія, Н Розанова).

ПИСЬМО ВАСИЛЬЯ ЛЬВОВИЧА ПУШКИНА КЪ Д. Н. БЛУДОВУ.

(Съ подлинника, изъ Музея П. И. Щукина).

Moscou, le 23 Mai 1812.

Je vous dois une lettre, mon cher Дмитрій Николаевичъ. Que dis-je? Une lettre! Je vous dois de la reconnaissance pour les services que vous m'avez rendus, pour l'amitié que vous m'avez témoignée. Je dois vous féliciter d'avoir mis fin à l'affaire la plus intéressante de votre vie, d'avoir surmonté tant d'obstacles et d'être enfin possesseur de celle que vous chérissez depuis si longtems. Puissiez vous tous les deux être aussi heureux que je le désire et que vous le méritez! Quoique je ne vous ai écrit que deux mots depuis que je suis à Moscou, je vous ai regretté bien souvent, et je songe avec délices au moment de notre réunion. Mais, hélas! j'ignore jusqu'à présent quand, où et comment nous pourrons nous revoir. Je crains bien que mon absence de Pétersbourg ne soit très longue, et j'espère plutôt que vous viendrez ici, comme vous vous le proposiez tant de fois.—Je voulais vous donner des détails sur nos littérateurs de Moscou, et je n'ai presque rien à dire.

Une certaine demoiselle Пучковъ vient de publier un petit recueil d'historiettes et de réflexions que je n'ai fait que feuilleter. Cet auteur-femelle est une très grande admiratrice Шишкова, Шахматова, Глинки et compagnie. C'est déjà faire son éloge. Elle a à peine 20 ans, elle porte des bicycles, apparemment pour paraître plus jolie, car elle est très laide. On l'a dit spirituelle; je n'en sais rien: je ne lui ai jamais parlé et je ne l'ai vue que deux ou trois fois au Lycée de Мерзляковъ. J'a remarqué que votre Fréron Каченовскій a une envie démesurée d'écrire l'histoire; de là sa haine contre notre respectable historiographe. M-r Кутузовъ fait toujours des vers détestables, avec une facilité prodigieuse. M-r Сандуновъ est le diseur de bons mots par excellence, et je ne serai pas étonné de voir paraître incessamment une sandounoviana qu'on pourra mettre à côté de toutes les saloperies de la halle. M-r Вельяшевъ fait des petites fables de quatre pages, où il n'y a pas le sens commun, et m-r Шатровъ parodie le Psalmiste. Le prince

Boris Голицынъ a renoncé aux dystiques; il fait des commentaires français sur les oeuvres de Карамзинъ. Воейковъ est arrivé à Moscou. Il va faire imprimer deux volumes de poésies; ils serviront de supplément à celles que Жуковскій a publiées. Жуковскій a commencé un poème dont il a déjà trois cent vers de faits. Il a creé une ballade dans le genre de Людмилла, mais qu'il ne nous a pas encore envoyée. Votre aimable poète est toujours à la campagne. Il est en correspondance avec Pletchéeff. Ils ont fait deux épîtres en vers, l'un en français, et l'autre en russe, qu'ils se sont adressées mutuellement. Quoiqu'il soit aisé de voir que celle de Жуковскій a été faite à la hate, son talent y perce toujours. L'épître française de Pletchéeff est rempli de fautes de langage, de rimes défectueuses; mais on y trouve aussi quelques bons vers et le cachet d'un homme d'esprit. J'ai ouï dire que Милоновъ a fait une satyre toute entière sur mon compte, et je l'en remercie. Les vers du nouveau Cantemir ne mourront sans doute jamais, et me voilà devenu immortel sans m'en douter. Le cher ami Дашковъ aurait bien voulu que je réponde aux invectives de Милоновъ (l'inclément Clément), mais je n'en ferai rien. Que me font les piqûres des moucherons du Parnasse? D'ailleurs, je n'ai aucun tort à son égard que celui de lui avoir témoigné de l'amitié et de la politesse; cela me console des toutes ses satyres présentes et à venir.

Adieu, mon cher et très cher Дмитрій Николаевичъ. Aimez-moi, parce que je vous suis réellement attaché, et d'autant plus que je vous connais davantage. Ne m'oubliez pas auprès de l'estimable Михаилъ Александровичъ et presentez mes respects à votre aimable compagne.

B. Pouschin.

NB. Mille choses à Tourguéneff, Dachkoff, Tcherbinin, Batuchkoff.

Переводъ.

Мой дорогой Дмитрій Николаевичъ! Я долженъ вамъ написать письмо. Что говорю я: написать письмо? Я долженъ вамъ быть признателенъ за тѣ услуги, которыя вы мнѣ оказали, за дружбу, которую вы мнѣ засвидѣтельствовали. Я долженъ васъ поздравить съ окончаніемъ самаго интереснаго дѣла въ вашей жизни, съ тѣмъ, что вы преодолѣли всѣ препятствія и наконецъ обладаете тою, которую вы уже такъ давно любите [1]). Будьте оба

---

[1]) Д. Н. Блудовъ (позднѣе графъ) весною 1812 года женился на княжнѣ Аннѣ Андреевнѣ Щербатовой, которую узналъ и полюбилъ еще во время коронаціи Александра Павловича; но мать княжны, Антонина Войновна (ур. Яворская), гордая своею знатностью, не хотѣла слышать объ этомъ бракѣ. Старанія графини Каменской (матери главнокомандующаго) замѣнившей для

настолько счастливы, какъ я этого желаю и какъ вы того заслуживаете. Хотя, пріѣхавъ въ Москву, я не писалъ вамъ больше двухъ строкъ, я очень часто грущу о васъ и съ наслажденіемъ думаю о томъ времени, когда мы были вмѣстѣ. Но увы! до сихъ поръ я не знаю, когда, гдѣ и какимъ образомъ мы будемъ имѣть возможность свидѣться: я весьма боюсь, что мое отсутствіе изъ Петербурга очень затянется; скорѣе надѣюсь, что вы пріѣдете сюда, какъ вы это предполагали столько разъ. Я хотѣлъ бы сообщить вамъ нѣкоторыя подробности о нашихъ Московскихъ литераторахъ, но мнѣ почти нечего разсказывать.

Извѣстная дѣвица Пучкова только что выпустила въ свѣтъ небольшой сборникъ разсказцевъ и размышленій: я его лишь перелистовалъ [2]). Сей авторъ женскаго-пола-величайшая почитательница Шишкова, Шахматова, Глинки [3]) и компаніи. Это ей хвала. Ей не полныхъ 20 лѣтъ, она носитъ очки (двукружіе), повидимому, чтобы казаться болѣе красивою, такъ какъ она очень безобразна. Говорятъ, что она умна; объ этомъ ничего не знаю: я никогда съ ней не бесѣдовалъ и видѣлъ ее два или три раза въ Лицеѣ

Блудова покойную мать его, съ которой она находилась въ тѣсной дружбѣ, и быстрое служебное возвышеніе молодого человѣка сломили долголѣтнее упорство княгини Щербатовой. Въ это время Блудовъ уже былъ совѣтникомъ посольства въ Стокгольмѣ и выдавался среди своихъ сослуживцевъ.

[2]) Первые опыты въ прозѣ. Катерины Пучковой. въ Москвѣ у С. Селивановскаго. 1812. Съ эпиграфомъ „Міръ судитъ въ насъ дѣла и подвигъ лишь единой, знатокъ ихъ мѣряетъ со способомъ и силой. Бунина". Въ обращеніи своемъ къ читателямъ писательница проситъ ихъ быть благосклонными, оправдываясь тѣмъ, что она и не руководствовалась ничьими наставленіями и едва имѣетъ двадцать лѣтъ отъ роду". Книжка составлена изъ разсказцевъ въ родѣ „Миловзоръ или наказанная жадность къ богатству" и разсужденій и діалоговъ о женщинахъ, о чтеніи, о томъ, нужны ли женщинамъ науки и познанія. Въ „письмѣ къ пріятельницѣ о словесности Русской" Пучкова негодуетъ на то, что „мы до сихъ поръ читаемъ, учимся на языкѣ иноземномъ и до сихъ поръ иностранцы образуютъ Русское юношество". Должность наставниковъ „должны занимать воспитанники Академіи Наукъ и Университета, а надзирательницами могутъ быть недостаточныя дѣвицы, воспитывающіяся подъ милосердымъ покровительствомъ вдовствующей Императрицы"; для того же, чтобы „процвѣла словесность Русская, должно желать, чтобы женщины полюбили Русское слово", и Пучкова прославляетъ Бунину. Екатерина Наумовна Пучкова (р. 1792 † 1867) кромѣ книжки своей напечатала нѣсколько стихотвореній въ журналахъ (между прочимъ въ „Русскомъ Инвалидѣ), но съ 20-хъ годовъ перестала заниматься литературой. На нее направлены злыя эпиграммы Пушкина въ 1816 году.

[3]) Александръ Семеновичъ Шишковъ слишкомъ извѣстенъ. Князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, другъ и единомышленникъ Шишкова, прозванный „Шихматовымъ безглагольнымъ" за то, что въ его стихотвореніяхъ не встрѣчалось глагольныхъ риѳмъ, только что выпустилъ передъ тѣмъ книжку „Ночь на Гробахъ" подражаніе Юнгу (С.-Петербургъ). Глинка, вѣроятно Сергѣй Николаевичъ, основатель „Русскаго Вѣстника".

Мерзлякова. Я замѣтилъ, что вашъ Фреронъ, Каченовскій [4]), имѣетъ чрезмѣрное желаніе писать исторію, отсюда его ненависть къ нашему почтенному исторіографу. Кутузовъ [5]) все пишетъ отвратительныя стихотворенія съ легкостью изумительною. Сандуновъ [6])—составитель острословій по преимуществу, и я не удивлюсь, если въ скоромъ времени появится Сандуновіана, которую можно будетъ сопоставить съ отборнѣйшими произведеніями рынка. Вельяшевъ [7]) сочиняетъ басенки въ четыре страницы, а Шатровъ пародируетъ Псалмопѣвца. Князь Борисъ Голицынъ [8]) отказался отъ двустишій и пишетъ Французскій комментарій къ сочиненіямъ Карамзина. Воейковъ пріѣхалъ въ Москву. Онъ будетъ печатать два тома стихотвореній, которые послужатъ дополненіемъ къ тому, что̀ издано Жуковскимъ. Жуковскій началъ поэму и уже написалъ триста стиховъ; онъ сочинилъ балладу въ родѣ *Людмилы*, но намъ еще ея не присылалъ. Вашъ любезный поэтъ до сихъ поръ въ деревнѣ; онъ состоитъ въ перепискѣ съ Плещеевымъ [9]), они написали другъ къ другу посланія въ стихахъ одинъ по французски, другой по русски. Хотя и ясно, что Жуковскій писалъ свое посланіе на спѣхъ, его талантъ отовсюду проглядываетъ. Французское посланіе Плещеева полно

---

[4]) И Пушкинъ, и князь П. А. Вяземскій, и Баратынскій изощряли на Каченовскомъ свое остроуміе и наперерывъ наносили ему удары, такъ какъ несомнѣнно это былъ сильный противникъ. Фреронъ—Французскій критикъ XVIII в., извѣстный своими нападками на Вольтера, который написалъ на него слѣдующую эпиграмму:

L'autre jour, au fond de vallon,
Un serpent mordit Jean Fréron.
Que pensez—vous qu'il arriva?
Ce fut le serpent qui crêva.

[5]) Кутузовъ Павелъ Ивановичъ тогдашній кураторъ Московскаго Университета, перевелъ Пиндара, писалъ оды и пр. Онъ изображенъ у Воейкова въ „Сумашедшемъ домѣ“ грызущимъ бюстъ Карамзина.

Но напрасно мраморъ гложетъ.
Только время тратитъ онъ:
Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.

[6]) Сандуновъ вѣроятно Сила Николаевичъ (1761—1813), извѣстный актеръ, братъ профессора Университета.

[7]) Вельяшевъ-Волынцевъ Дмитрій Ивановичъ († 1818) артиллеріи полковникъ, составитель и переводчикъ драмъ, комедій, оперъ, повѣстей, издатель журнала „Талія“ (Москва 1810—1811).

[8]) Голицынъ князь Борисъ Владимировичъ (1769—1813), генералъ, умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Бородинымъ; онъ писалъ лишь по французски. О его комментаріяхъ къ Карамзину намъ ничего неизвѣстно.

[9]) Плещеевъ Александръ Алексѣевичъ (ум. 1832) перелагалъ стихи Державина и Жуковскаго на музыку; необычайно искусный чтецъ, по Арза-

ошибками противъ языка, хромыми рифмами, но въ немъ находится нѣсколько хорошихъ строкъ и обаяніе умнаго человѣка. Я слышалъ, что Милоновъ написалъ на меня цѣлую сатиру. Я ему за нее благодаренъ. Стихи новаго Кантемира конечно никогда не умрутъ, и вотъ я, нисколько о томъ не заботясь, сдѣлаюсь безсмертнымъ. Дорогой другъ Дашковъ очень бы желалъ, чтобы я отвѣчалъ на нападки (злостныя) Милонова (немилосерднаго Клементія *), но я этого не сдѣлаю. Что̀ значатъ для меня уколы Парнасскихъ мошекъ? Впрочемъ я по отношеніи къ нему виноватъ лишь тѣмъ, что оказывалъ ему дружбу и вѣжливость; это меня утѣшаетъ противъ всѣхъ его настоящихъ и будущихъ сатиръ [10]).

Прощайте, мой дорогой, очень дорогой, Дмитрій Николаевичъ. Любите меня, такъ какъ я дѣйствительно къ вамъ привязанъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе я васъ знаю. Не забывайте меня вмѣстѣ съ уважаемымъ Михаиломъ Александровичемъ [11]) и передайте мое почтеніе вашей милой спутницѣ.

В. Пушкинъ.

NB. Всего хорошаго Тургеневу, Дашкову, Щербинину, Батюшкову.

мазскому прозвищу *Черный Вранъ*, онъ былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой и устраивалъ для нея въ своемъ Орловскомъ имѣньи „Чернь“ пышныя празднества. Одно изъ такихъ торжествъ описано г-жей Толычевой въ „Русскомъ Архивѣ“ 1877 г. II, 361.

*) Непереводимая игра словъ: Клементій значитъ „кроткій“, „милосердный“.

[10]) Милоновъ Михаилъ Васильевичъ, род. 1792 г., воспитанникъ Московскаго благороднаго пансіона, ум. 1821 г. Его стихотворенія изданы отдѣльной книжкой въ Петербургѣ 1819 года. Онъ осмѣялъ В. Л. Пушкина въ сатирѣ „Къ моему разсудку“ (стр. 46) подъ именемъ *Вздоркина.* Вотъ то мѣсто, въ которомъ всѣ узнали В. Л. Пушкина, такъ какъ послѣдній стихъ есть выдержка изъ его перевода одной оды Горація.

Я Вздоркину сто разъ стыдъ тяжкій предрекалъ,
Когда онъ въ свѣтъ свои посланья издавалъ;
А Вздоркинъ, что̀ не день, то басня или ода,
А Вздоркинъ, новаго произведя урода,
Скропавши два стиха, надулся и кричитъ:
О радость! О восторгъ! И я, и я Піитъ!

Его же затрогиваетъ Милоновъ въ сатирѣ „На женитьбу въ большомъ свѣтѣ“ (стр. 154).

А Вздоркинъ, Вздоркинъ самъ, отъ басенъ безъ ума,
Ихъ будетъ такъ читать, какъ читывалъ Тальма!

По увѣренію А. С. Пушкина, дядя его добродушно жаловался на сатирика: „А вѣдь сколько разъ бывалъ у меня, чай пилъ“.

[11]) Салтыковымъ, позднѣе тестемъ барона А. А. Дельвига.

ПИСЬМА А. С. ХОМЯКОВА*).

(Съ подлинниковъ, изъ Музея П. И. Щукина).

1.

Къ брату его Өедору Степановичу.

Милый братецъ, я получилъ письмо твое отъ 7-го. Поздравляю тебя съ камеръ-юнкерствомъ и тѣмъ болѣе, что по моему мнѣнію, стараніе, съ которымъ ты это производство впуталъ въ разныя пустыя извѣстія, доказываетъ, что ты къ нему не равнодушенъ. Я за тебя очень радъ, а еще болѣе за маменьку. Письма мои, которыя ты конечно уже получилъ съ курьерами, содержатъ въ себѣ все что̀ я могу сказать объ Парижѣ, и право я не знаю, что̀ къ нимъ прибавить. Жить я здѣсь бы не хотѣлъ; но съ другой стороны признаюсь, что нѣтъ города живѣе, прелестнѣе, занимательнѣе. Народъ мнѣ не нравится. Онъ ни то, ни сё. Правленіе не согласно съ его духомъ, и какое-то стремленіе къ коммерческимъ оборотамъ или, лучше сказать, къ деньгамъ (слѣдствіе конституціи) такъ неловко вмѣшалось во Французскія души, что они, сколько мнѣ кажется, потеряли свой природный характеръ. Они сами это чувствуютъ и жалуются на это; но едва ли это можетъ исправиться. Трудно судить о народѣ, еще труднѣе судить, видѣвъ его такъ поверхностно; но я скажу тебѣ свое мнѣніе о немъ.

Вѣка славы, крови, просвѣщенія блистательнаго и забавъ не нравственныхъ, но живыхъ, прошли надъ Франціей, и она ослабла, какъ человѣкъ послѣ потрясеній несоразмѣрныхъ съ его силами. Продолжу сравненіе. У него всѣ впечатлѣнія, всѣ понятія смѣшались въ какой-то безцвѣтный хаосъ, изъ котораго онъ силится освободиться, но не можетъ, потому что не имѣетъ ясной цѣли. Такъ во Франціи есть какое-то броженіе, но не то сильное, пламенное, которымъ означается молодость народовъ, а безсильное, холодное, неспособное производить

*) Эти драгоцѣнныя для жизнеописанія А. С. Хомякова письма найдены П. И. Щукинымъ въ Мухановскихъ бумагахъ, которыя поступили въ его Музей по кончинѣ Прасковьи Алексѣевны Мухановой. Семейства Хомяковыхъ и Мухановыхъ находились въ давней дружбѣ. П. Б.

ничего высокаго и оригинальнаго. Отъ того-то у нихъ такъ безцвѣтны произведенія искусствъ, такъ несвязны понятія о своемъ политическомъ существованіи, такъ неясны всѣ желанія. Впрочемъ, я думаю, провинціи не похожи на Парижъ [1]).

Я бы хотѣлъ теперь ѣхать въ Англію, но жду 1 Апрѣля, чтобъ отправиться вмѣстѣ съ И. В. [2]), который тебѣ кланяется. Меня очень занимаетъ курсъ Академіи Живописной, и это мѣшаетъ мнѣ заняться поэзіей, которою голова моя полна больше чѣмъ когда-нибудь. Прощай.

А. Хомяковъ.

Ф. 25 д. (1826. Парижъ).

Кирѣевскихъ и Самбурна обними за меня.

Я радъ, что у тебя есть занятія по службѣ; но вообще я недоволенъ тѣмъ, что ты для себя ничего не пишешь.

О лошади моей даешь ты мнѣ дурныя вѣсти; но ты долженъ помнить, что папенька купилъ ее противъ моей воли, говоря, что я безъ него сдѣлаю дурную покупку.

2.

Къ А. А. Муханову [3]).

(Изъ Турецкаго похода 1829 года).

Любезный Александръ Алексѣевичъ.

Не знаю, исполнилъ ли вашъ братъ свое обѣщаніе увѣдомить васъ о скоромъ моемъ пріѣздѣ и о похвальномъ моемъ намѣреніи присут-

---

[1]) Хомякову, когда онъ писалъ это, не было еще 22 лѣтъ отъ роду: такъ рано наступила для него умственная зрѣлость. Не одни его сверстники, но и люди пожилые, какъ въ то время, такъ и позднѣе, увлекались Франціей и обольщались громкими словами ея дѣятелей. Кровавая попытка примѣнить къ Россіи начала Французской революціи произошла всею за два мѣсяца передъ тѣмъ, какъ сообщалъ Хомяковъ старшему брату свои сужденія о Французахъ. Но еще раньше, въ Ноябрѣ 1825 года, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Парижъ, онъ велъ о томъ же предметѣ бесѣды съ Рылѣевымъ (у котораго въ „Полярной Звѣздѣ“ печаталъ стихи свои) и съ его единомышленниками, доказывая имъ умственную и нравственную несостоятельность ихъ затѣи. Подобно Пушкину, со многими изъ Декабристовъ Хомяковъ, служа въ конной гвардіи, былъ друженъ и не могъ не сочувствовать благородному побужденію, которое ими руководило; но мысль причислять его, какъ Пушкина, къ Декабристамъ могла бы появиться лишь въ головѣ отуманенной предубѣжденіями. П. Б.

[2]) Шатиловымъ, двоюроднымъ братомъ матери Хомякова Марьи Алексѣевны (ур. Кирѣевской). Онъ служилъ позднѣе въ Петербургѣ дежурнымъ генераломъ. Это родной дядя извѣстнаго хозяина и лѣсовода Іосифа Николаевича Шатилова. Хомяковъ передъ своею женитьбою въ 1836 году ѣздилъ къ нему нарочно изъ Москвы въ деревню. Въ этотъ разъ, т. е. въ 1826 г. Хомякову, кажется, не удалось побывать въ Англія. П. Б.

[3]) Находившемуся въ главной квартирѣ Русскихъ войскъ, во второй походъ Турецкой войны (1829). П. Б.

ствовать при великихъ подвигахъ, воспѣвать ихъ, раздѣлять ихъ и пр. и пр. Я бы теперь ужъ имѣлъ удовольствіе съ вами видѣться, поговорить, вспомнить про Васильевскій островъ и Лондонской трактиръ и многіе (по крайней мѣрѣ для меня) веселые часы, когда мы были вмѣстѣ всякій день; но, не имѣя вида, я убоялся главной квартиры и близости всѣхъ великихъ лицъ и предметовъ, остановился въ Болградѣ, откуда слышалъ съ плачемъ и скрежетомъ зубовъ пальбу и перестрѣлку, при которой присутствовать не удалось. Если Н. Алексѣевичъ [1]) не писалъ къ вамъ обо мнѣ (за что впрочемъ я и сердиться не могу, потому что его одолженіямъ *нѣтъ конца)*, то я вамъ разскажу обстоятельства, въ которыхъ нахожусь.

Киселевъ далъ въ Инспекторскій Департаментъ бумагу, по которой онъ меня приглашаетъ и обѣщаетъ мѣсто при себѣ. Словесно же сказалъ онъ, что хотя онъ всячески меня принять готовъ, но желалъ бы лучше въ военномъ мундирѣ [2]). Вотъ по какому поводу я пріѣхалъ. Къ Киселеву писалъ я, и письмо мое къ нему обѣщался доставить полковникъ Фридрихсъ, который и это писаніе съ собой везетъ. Я надѣюсь на вашу дружбу. Узнайте, если возможно, какъ и въ какой должности Киселевъ хочетъ меня принять. Я бы болѣе желалъ быть военнымъ; но впрочемъ на все согласенъ кромѣ 12-го класса, потому что Гальба увѣряетъ *que c'est la vermine qui ronge la Russie et qu'ils sont placés si bas sur l'échelle de la société que rien ne peut les déshonorer;* а какъ это напечатано, то поневолѣ надобно этому вѣрить.

Увѣдомьте меня объ себѣ, гдѣ вы, что̀ вы и перешли ли черезъ старый Дунай, и здоровы ли и пр. Съ Фридрихсомъ мой человѣкъ, который вѣроятно вамъ это письмо отдастъ. Такъ какъ онъ сюда вернется, то вы съ нимъ можете откликнуться хоть словечкомъ. Я надѣюсь, что вы теперь помирились съ судьбой, которой ни вы, ни Александръ Толстой [3]) еще ни разу добраго слова не сказали, какъ я видѣлъ изъ вашихъ писемъ къ Н. Алексѣевичу. Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, обнимаю васъ отъ души и прошу извинить мое маранье. Я сейчасъ только узналъ, что вы въ Сатуновѣ, а Фридрихсъ спѣшитъ ѣхать. Еще разъ прощайте. Обрадуйте меня извѣстіемъ, что я васъ скоро могу видѣть тамъ,

---

[1]) Братъ предъидущаго, жившій въ Петербургѣ. П. Б.

[2]) Но онъ придворный и пр. *Примѣчаніе подлинника.* Это стихъ изъ ходившаго тогда въ рукописи посланія Пушкина къ А. Ѳ. Орлову. П. Б.

[3]) Графъ Александръ Петровичъ, впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Св. Синода. П. Б.

Гдѣ воды льетъ Дунай глубокій,
Трубою бранной оглашенъ;
Гдѣ Русскихъ бѣлыя палатки
Покрыли скатъ крутыхъ холмовъ,
И жажда битвъ и близкой схватки
Волнуетъ духъ младыхъ бойцовъ.

Tout à vous Alexis Хомяковъ.

27 Мая. Болградъ (1829).

3.

Къ Н. А. Муханову.

(Съ Кавказскихъ водъ).

Любезный Николай Алексѣевичъ! Я уѣхалъ изъ Петербурга не простившись съ вами, и совѣстно объ этомъ вспомнить. Какъ это случилось, самъ не знаю. Сколько мы [1]) съ тѣхъ поръ промучились, что̀ претерпѣли, отъ воды на Дону, отъ огня (ось загорѣлась), отъ недуга (въ холерныхъ деревняхъ), отъ меча (Черкесы ужасно шалятъ); отъ смотрителей станціонныхъ и грязи, объ этомъ можно бы написать цѣлые томы. Однакоже доѣхали, свидѣлись съ Иваномъ Вас., вмѣстѣ лѣчимся, гуляемъ верхомъ, вспоминаемъ пріятелей и находимъ, что здѣсь было бы очень весело, если бы больные не вздумали веселиться пикниками и балами и тому подобными глупостями. Не скажу, чтобы было скучно. Хотя книгъ нѣтъ, но передо мной всегда развернута разнообразная книга природы, въ которой нахожу Эльборусъ и Бештау, хорошіе луга, скверную погоду и сѣрную вонь. Умственныхъ занятій также довольно много: они состоятъ въ томъ, что пьемъ, ѣдимъ, потъ утираемъ, да еще дѣйствіе кислосѣрныхъ намъ извѣстно. Ѣхалъ я, и казалось, что голова такъ полна, что только стоило до мѣста добраться, и стихи польются. Не тутъ-то было. Въ ваннахъ я такъ разварился, что даже думать не хочется. Не то, чтобъ я ослабъ; но какая-то лѣнь напала на меня вдвое болѣе обыкновенной. Впрочемъ, я водами доволенъ и надѣюсь, что путешествіе наше будетъ не безполезно. Посѣтителей довольно, но я еще не добрался до порядочнаго человѣка. Все какая-то дрянь. Да какое мнѣ дѣло до нихъ? Хуже всего то, что я собою не совсѣмъ доволенъ и безъ всякой пользы провожу досугъ свой. Ив. Вас. показывалъ мнѣ письмо ваше и съ какою-то (кажется) радостью видѣлъ, что пріѣздъ графа[2]) поуменьшилъ вашу работу. Ему завидно было думать, что передъ вами лежатъ кипы этихъ милыхъ, этихъ

---

[1]) А. С. Хомяковъ ѣздилъ на Кавказъ съ матерью и больною сестрою, Анною Степановной († 1836). Въ этомъ году скончался на Кавказѣ его братъ Ѳедоръ. П. Б.

[2]) Нессельроде? П. Б.

любезныхъ бумагъ, съ которыми онъ разстался до Сентября. Бѣдный человѣкъ! Ни одной бумажки съ утра до вечера. При этой мысли онъ, какъ я еще въ Петербургѣ пророчилъ, восклицаетъ про васъ:

А онъ, исполненный отваги,
Одинъ съѣдаетъ всѣ бумаги,
Гусинымъ тѣшится перомъ,
И въ пьянствѣ отъ чернильной браги
О другѣ позабылъ своемъ.

Поздравляю Павла Алекс. *) съ милостью, вѣроятно заслуженною. Дай Богъ, чтобы новый начальникъ, также какъ прежній, оцѣнилъ его дѣятельность, его рвеніе, его воинственный духъ! Впрочемъ это вѣроятно будетъ. Кланяйтесь ему отъ меня. Въ будущемъ своемъ письмѣ напомните обо мнѣ Александру Алексѣевичу. Все ли онъ въ Бухарестѣ? Прощайте. Кончаю мое письмо и вижу, что все вздоръ написалъ; но все таки слова два сказалъ вамъ, и это удовольствіе для меня.

Ал. Хомяковъ.

Іюля 4 д. (1830).

4.

Къ нему же.

(Изъ деревни).

Сколько времени, любезный Николай Алексѣевичъ, собирался я къ вамъ писать и насилу какъ-то собрался. Не то, чтобы что-нибудь новое или занимательное произошло въ моемъ житьѣ-бытьѣ: оно все тянется или ползетъ мало-по малу безъ перемѣны, какъ обыкновенно у людей лѣнивыхъ; не то, чтобъ даже что нибудь новое мелькнуло въ мысляхъ или чувствахъ, которыя дремлютъ, какъ и самая жизнь, а такъ, хотѣлось хоть кое-что сказать пріятелю, словечко пустое, да доказывающее существованіе, какъ дыханіе въ *летаргіи*. Досадно мнѣ было слышашь, что вы явились въ Москву, когда меня уже занесло въ деревню. Кромѣ дружбы и веселой бесѣды мнѣ всякое свиданіе съ вами какъ-то обновляетъ былое, объ которомъ мы съ вами можемъ пожалѣть не по поэтической модѣ, а просто потому, что былое было, право, хорошо. Для меня это особенно чувствительно, потому что, удаленный отъ свѣта столичнаго и бесѣдуя съ нѣкоторыми вывезенными изъ Турціи недугами, менѣе развлекаются мысли внѣшними обстоятельствами. Ваша жизнь живѣе и разнообразнѣе, и я надѣюсь, что, не смотря на необходимость водъ Московскихъ для поправленія вашего здоровья, оно не такъ разстроено, чтобы отнять у васъ возмож-

*) Это извѣстный впослѣдствіи археологъ и Варшавскій дѣятель, П. А. Мухановъ, двоюродный братъ вышепомянутыхъ. П. Б.

ность пользоваться веселостями, которыми бывало увлекались вы съ такимъ поэтическимъ презрѣніемъ къ шуму и блеску. T'en souviens-tu? Que de chose à dire en couplets à la Béranger. Les bals si brillants, cette féerie de la cour et ces réflexions si philosophiques la veille et le lendemain, mais qui se faisaient pendant les heures de l'enchantement. Я ничего не дѣлаю, а хочется за что-то приняться. Но за что? Вотъ вопросъ. Всѣ эти смутныя грезы, которое по временамъ раздаются въ головѣ, исчезаютъ при строгомъ и внимательномъ разборѣ, когда дѣло идетъ объ исполненіи. Я напишу стихи объ этомъ и скоро пошлю ихъ къ вамъ. Погода становится темнѣе и пасмурнѣе, въ головѣ будетъ свѣтлѣе. Помните записку, которая у меня хранится: «На дворѣ свѣтло, тепло и пр.»; я ее теперь повторяю, только на изнанку. Что̀ Александръ А.? Гдѣ онъ? Что̀ графъ Толстой (Александръ)? Что ваша служба? Что̀ Москва? Напишите словечко въ отвѣтъ. Я знаю, что вы не лѣнивы и не думаю, чтобы были забывчивы для друзей. Прощайте. Крѣпко на крѣпко васъ обнимаю. А. Хомяковъ

Узнаю ли я васъ безъ усовъ и во фракѣ? Да еще пожалуйста словечко объ Chétif, объ графѣ Закревскомъ и о свадьбѣ Пушкина. Je deviens commère.

(1830).

5.

Къ нему же.

Le choléra est donc à Pétersbourg! Quel temps d'épreuves pour la Russie. Que Dieu fasse passer ce fléau destructif, qu' Il garde surtout l'Empereur. Quand on le sait si près de la contagion, impossible de ne pas craindre un malheur qui mettrait le comble à tous les autres. Portez-vous bien, et si je pouvais plaisanter, je dirais: Continuez à nous bien gouverner. J'espère que quand vous recevrez ce billet, vous pourrez déjà rire de bon coeur de mon ton tragique.

Приписка А. С. Хомякова въ письмѣ И. В. Шатилова къ Н. А. Муханову.

И. В. Шатиловъ писалъ изъ Пятигорска 20 Іюля 1830.

«Я очень счастливъ, что здѣсь Хомяковъ. Онъ всякой день у меня, и вмѣстѣ проводимъ большую часть дня. Нечего тебѣ говорить, что съ нимъ не соскучишься: ты знаешь, что онъ поетъ какъ гусли.» А. С. Хомяковъ приписалъ:

«У васъ, любезный Николай Алексѣевичъ, холера; у насъ также, да мы ее и въ грошъ не ставимъ. У насъ есть на нее поташъ съ уксусомъ (по скрупулу въ ложкѣ уксуса, до 12 пріемовъ): лѣкарство

вѣрное. Но хуже того: у насъ Черкесы да Чеченцы, народъ холерическій, а Ермоловскаго поташу здѣсь ужъ нѣтъ, и мы частенько тревожимся; впрочемъ, не смотря на тревоги и лѣченія, выздоравливаемъ и толстѣемъ.

А. Хомяковъ

*

Изъ другихъ писемъ И. В Шатилова къ Н. А. Муханову.

15 Іюня.

Je me suis arrêté dans cette vitte (Voronège) pendant deux jours. Les Khamiakofs m'y ont attrapé. Je les y ai laissés; mais comme on y avait beaucoup parlé sur le peu de sûreté des chemins à cause de Tcherkesses, je ne suis pas bien certain qu'ils ne retournent sur leurs pas.

1 Августа.

Хомяковъ служилъ мнѣ немалою отрадою. Онъ послѣ завтра отправляется съ семействомъ своимъ на Кислыя воды.

30 Августа.

Хомяковы вчера уже уѣхали домой, съ большимъ страхомъ попасться въ руки Черкесамъ, которые нынѣшній годъ шалятъ неимовѣрно *).

ЗАМѢТКА О ПЕРВОМЪ ИЗДАНІИ СОЧИНЕНІЙ А. С. ПУШКИНА.

Въ статьѣ П. Л. Юдина. „Памяти А. С. Пушкина" (Русскій Архивъ 1899 г. книга II, стр. 139) передъ перечисленіемъ лицъ, подписавшихся въ Астрахани на посмертное изданіе сочиненій великаго Русскаго писателя, указано между прочимъ слѣдующее обстоятельство. Первоначально было выслано въ Астрахань 25 подписныхъ билетовъ, которые были раскуплены въ канцеляріи губернатора въ теченіе шести недѣль. Вслѣдствіе такого быстраго успѣха подписки и за недостаткомъ билетовъ, губернаторъ обратился въ опеку, учрежденную надъ семьею Пушкина, съ новымъ требованіемъ. 27 Сентября и 11 Октября 1837 года въ Астрахани были получены дополнительные билеты, въ числѣ 28 штукъ. Номерація ихъ относилась къ де-

*) Живымъ памятникомъ этого путешествія на Кавказъ остался въ семьѣ Хомяковыхъ на многіе годы мальчикъ Черкесъ, котораго мать Алексѣя Степановича взяла къ себѣ на воспитаніе. Онъ принялъ православіе, обучался наукамъ и выросши уѣхалъ на родину. П. Б.

сятой и одиннадцатой тысячамъ и заканчивалась № 11,000. Заявляя объ этихъ фактахъ, авторъ статьи, П. Л. Юдинъ, дѣлаетъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе. „Желательно было бы знать, какое именно количество экземпляровъ разошлось по Россіи этого изданія, судя по представленнымъ номерамъ довольно значительное. Надо думать, что Астраханская губернія была не изъ послѣднихъ. Допуская, что было продано только 11,000 экземпляровъ, хотя по 35 рублей, то выручено было приблизительно 385 тысячъ рублей".

Цѣна за посмертное изданіе сочиненій Пушкина, первоначально предполагавшееся въ шести томахъ, но къ которымъ впослѣдствіи было прибавлено еще два, назначалась по подпискѣ въ слѣдующихъ размѣрахъ по счету на ассигнаціи: на ординарной бумагѣ 25 рубл., съ пересылкою 35 рубл., на веленевой 40 рубл., съ пересылкою 50 рубл. Окончательный срокъ подписки назначался по 1-е Октября 1837 г., но впослѣдствіи, въ связи съ дополнительными двумя томами былъ продолженъ еще на мѣсяцъ. По прошествіи указанныхъ сроковъ цѣна увеличивалась на десять рублей за каждый экземпляръ того и другого рода (Русскій Архивъ, 1893 г., кн. 3, стр. 121—124, сообщеніе того же П. Л. Юдина „О первомъ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина").

Я имѣю возможность хотя отчасти отвѣтить на поставленный П. Л. Юдинымъ вопросъ о количествѣ экземпляровъ посмертнаго изданія сочиненій Пушкина, разошедшихся по подпискѣ и по первоначальной продажѣ. Въ числѣ бумагъ моего семейнаго архива, сохранившихся отъ моего дѣда, графа Мих. Юр. Вьельгорскаго, одного изъ трехъ опекуновъ надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина, находится проектъ краткаго отчета опеки за четыре года, съ 1837 г. (1 Февраля) по 1 Января 1841 года. Документъ этотъ, повидимому приготовленный къ подписи опекуновъ, выставленъ на юбилейной выставкѣ въ Историческомъ Музеѣ, и съ нимъ могли познакомиться ея посѣтители. Изъ этого проекта отчета можно убѣдиться, что по 1-е Января 1841 года опекою было получено отъ подписчиковъ на сочиненія Пушкина 262,075 рубл. 40½ коп. ассигнаціями и 532 рубл. 60 коп. серебромъ Уплата по подпискѣ разсрочивалась на три срока: 1 Сентября 1837 г. и 1 Января и 1 Мая 1838 г.; стало быть къ отчетному сроку опеки всѣ подписныя деньги должны были быть получены полностію. П. Л. Юдинъ (Русскій Архивъ 1899 г., loco citato) сомнѣвается, чтобы Астраханская губернія, куда поступила одиннадцатая тысяча подписныхъ билетовъ, была одною изъ послѣднихъ. Съ этимъ едва ли можно согласиться, такъ какъ преимущество въ очереди подписки по всей вѣроятности было дано губерніямъ центральнымъ и тѣмъ, въ которыхъ университеты и высшія учебныя заведенія, вообще рѣдкія въ то время, могли обезпечивать кругъ читателей Пушкина. На Кавказъ и Сибирь едва ли въ то время можно было въ этомъ отношеніи разсчитывать. Изъ обѣихъ цитуемыхъ статей П. Л. Юдина можно заключить, что въ отдаленныя юговосточныя окраины Россіи было выслано губернаторамъ, по примѣру Оренбургскаго и Астраханскаго, не болѣе 25 подписныхъ билетовъ каждому. Успѣхъ подписки, поощряемой министромъ

внутреннихъ дѣлъ, конечно всего болѣе зависѣлъ отъ усердія мѣстныхъ представителей администраціи, и можно легко допустить, что далеко не во всѣхъ губерніяхъ появились, какъ въ Астраханской, запросы на дополнительные экземпляры. Весьма вѣроятно, что не всѣ даже губернаторы постарались размѣстить присланное имъ количество подписныхъ билетовъ. Попавшій въ Астрахань билетъ № 11,000 доказываетъ только, что изданіе выпускалось въ свѣтъ въ количествѣ по крайней мѣрѣ 12,000 экземпляровъ, но отнюдь не оправдываетъ предположенія П. Л. Юдина, что подписка должна была реализировать около 400.000 рубл. ассигнаціями или приблизительно 135.000 серебромъ. Кромѣ того, не всѣ экземпляры непремѣнно должны были быть пріобрѣтены читателями по предварительной подпискѣ: часть ихъ поступила въ продажу по возвышенной на 10 рублей ассигнаціями цѣнѣ. Наконецъ, изъ денегъ, получаемыхъ опекою, необходимо исключить расходы на почтовую пересылку.

Если, согласно приведенной выпискѣ изъ отчета опеки, къ 1841 году въ теченіе четырехъ лѣтъ подписка дала только 262.000 рубл., то, принимая расчетъ П. Л. Юдина въ 35 руб. за экземпляръ по средней цѣнѣ, на розничную продажу къ этому сроку должно было остаться книгъ еще приблизительно на 150,000 рублей, то-есть, смотря по цѣнѣ, отъ $3^1/_2$ до 4 тысячь экземпляровъ. Этотъ конечный выводъ подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что черезъ 15 приблизительно лѣтъ, въ 1855—1857 г.г., когда вышло изданіе Анненкова, первое посмертное изданіе Пушкина было далеко еще не все распродано.

М. Веневитиновъ.

ПОПРАВКИ.

Къ 4-му выпуску „Русскаго Архива" сего года, стр. 562. Женою Ильи Васильевича Селиванова (совѣтника Московской Уголовной Палаты) была меньшая дочь друга братьевъ Булгаковыхъ, Фавста Петровича Макеровскаго, *Вѣра Фавстовна*, умершая въ концѣ 60-хъ годовъ; Анастасія же Фавстовна здравствуетъ и нынѣ, какъ и братъ ея, горный инженеръ, Дмитрій Фавстовичъ Макеровскій. В. П.

*

Въ 5-мъ выпускѣ стр. 57-я, строка 1-я сверху, надо *надъ* вмѣсто *насъ*. Стр. 61-я, строка 10-я снизу, *страшно* вмѣсто *странно*.

Къ 6-му выпуску, стр. 358. Екатерина II-я называла Тараканову „авантюр*ою*", а не „авантюр*кою*". С. Ш.

КНЯЗЬЯ ПРОЗОРОВСКІЕ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

РОДА КНЯЗЕЙ ПРОЗОРОВСКИХЪ.

Приложеніе къ „Русскому Архиву“ 1899 года.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1899.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РОДА КНЯЗЕЙ ПРОЗОРОВСКИХЪ.

Прилагаемая родословная роспись рода князей Прозоровскихъ составлена, главнымъ образомъ, на основаніи источниковъ напечатанныхъ. Мы имѣли также въ своихъ рукахъ нѣкоторые, къ сожалѣнію немногіе, но любопытные матеріалы рукописные, относящіеся до князей Прозоровскихъ XVII-го вѣка *). Кромѣ того, мы почерпнули нѣсколько, преимущественно біографическихъ свѣдѣній о кн. Прозоровскихъ XVIII-го вѣка, изъ одной рукописной родословной или, вѣрнѣе, записки о службахъ, составленной, какъ кажется, около 1800-го года, по порученію фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровскаго. Записка эта, болѣе чѣмъ краткая за время, предшествующее эпохѣ Петра Великаго, представляетъ собою за XVIII-й вѣкъ какъ бы сводъ краткихъ показаній о тѣхъ изъ князей Прозоровскихъ, которые находились въ военной службѣ. Полное отсутствіе точныхъ и подробныхъ данныхъ о князьяхъ Ярославскихъ и Моложскихъ (предкахъ князей Прозоровскихъ), нѣсколько высказанныхъ нами предположеній касательно нѣкоторыхъ изъ этихъ князей (предположеній, требующихъ подтвержденія или же, наоборотъ, опроверженія), недостатокъ свѣдѣній, какъ о первоначальныхъ князьяхъ Прозоровскихъ, такъ и о послѣднихъ представителяхъ ихъ рода: все это, вмѣстѣ взятое, не даетъ намъ права смотрѣть на роспись нашу, какъ на трудъ законченный. Прилагаемая роспись есть не болѣе какъ сборникъ матеріаловъ.

Тѣмъ не менѣе, льстимъ себя надеждой, что, будучи полнѣе появившихся уже въ печати двухъ родословныхъ росписей князей Прозоровскихъ (у князя Долгорукова и у Петрова), наша роспись можетъ представить нѣкоторый интересъ любителямъ генеалогій и родословныхъ изысканій.

М. М.

Октябрь 1898.

---

*) Матеріалы эти, касающіеся князей: 1) *Семена Васильевича* (158?—1660); 2) Ивана Семеновича (161?—1670); 3) *Петра Ивановича* (1644—1720) и 4) Бориса Ивановича (1661—1718) *Прозоровскихъ*, а также и дочери князя Петра Ивановича, *княгини Анастасіи Петровны Голицыной* (1665—1729), хранятся въ домашнемъ архивѣ села Петровскаго (Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда), нынѣ принадлежащаго по наслѣдству князю Александру Михайловичу Голицыну, потомку въ седьмомъ колѣнѣ (по женской линіи) князя Петра Ивановича Прозоровскаго. (См. примѣчаніе № XXIX).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РОДА КНЯЗЕЙ ПРОЗОРОВСКИХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Родословная роспись.

Родъ князей Прозоровскихъ (нынѣ угасшій) принадлежалъ къ многочисленной группѣ князей Ярославскихъ (Рюрикова дома), составляя въ ея родословной одну изъ отраслей младшей или Моложской вѣтви [1]).

Существуетъ преданіе, приписывающее основаніе города Ярославля великому князю Ярославу I-му, въ началѣ XI-го вѣка. Преданіе это гласитъ, что Ярославъ велѣлъ „срубить городокъ“ при впаденіи р. Которосли въ Волгу въ память единоборства своего съ медвѣдемъ. Гербомъ города Ярославля увѣковѣчивается это преданіе. Названіе Ярославля встрѣчается въ первый разъ въ лѣтописяхъ въ 1071 году, какъ города приписаннаго къ Ростову; но удѣльное самостоятельное Ярославское княжество возымѣло начало свое лишь въ началѣ XIII-го вѣка (лѣтъ за 20 до нашествія Батыя), когда великій князь Владимирскій и Ростовскій, Константинъ Всеволодовичъ Мудрый, незадолго до смерти своей († 1219) отдѣлилъ Ярославль отъ Ростова, возвелъ его въ самостоятельный удѣлъ и отдалъ его девятилѣтнему сыну своему князю Всеволоду-Іоанну (1210—1238), который такимъ образомъ сталъ первымъ княземъ Ярославскимъ [2]).

Удѣльное княжество Ярославское недолго оставалось достояніемъ князей Ростовскаго дома. Не далѣе какъ сорокъ лѣтъ послѣ своего основанія оно, за прекращеніемъ мужскаго потомства въ поколѣніи кн. Всеволода-Іоанна Константиновича, перешло, путемъ брачнаго союза, въ родъ князей

[1]) Послѣдній представитель рода князей Прозоровскихъ, князь Александръ Петровичъ умеръ въ 1852 году. 12-го Ноября того же года высочайше разрѣшено было князю Александру Ѳедоровичу Голицыну (1810—1897), мать котораго княгиня Анна Александровна, рожденная княжна Прозоровская, была дочерью фельдмаршала князя Александра Александровича, именоваться съ нисходящимъ потомствомъ *княземъ Прозоровскимъ-Голицынымъ*. (Кн. Долгоруковъ I, 190).

[2]) Старшій братъ князя Всеволода-Іоанна, князь Василій Константиновичъ (1208—1238) былъ родоначальникомъ всѣхъ князей Ростовскихъ; а младшій его братъ князь Владимиръ Константиновичъ (1214—1249) родоначальникомъ князей Углицкихъ.

Смоленскихъ. Переходъ этотъ состоялся около 1260 года, когда послѣдняя представительница первоначальнаго рода князей Ярославскихъ и единственная наслѣдница Ярославскаго удѣла княжна Марія Васильевна Ярославская (внучка князя Всеволода-Іоанна) вышла замужъ за князя Смоленскаго и Можайскаго Ѳедора Ростиславича Чернаго. Князь Ѳедоръ Ростиславичъ (такъ же какъ и жена его княжна Марія Васильевна) были потомками Владимира Мономаха, въ седьмомъ колѣнѣ; но князь Ѳедоръ происходилъ отъ великаго князя Мстислава Владимировича, а княгиня Марія отъ младшаго его брата великаго князя Юрія Владимировича (Долгорукаго), что̀ видно изъ слѣдующей таблицы:

VII. Колѣно отъ Рюрика.	*В. к. Владимиръ-Мономахъ* († 1125).
VIII. В. к. Мстиславъ Владимировичъ († 1132).	В. к. Юрій Владиміровичъ († 1157).
IX. В. к. Ростиславъ (Михаилъ) Мстиславичъ Смоленскій († 1164).	В. к. Всеволодъ III Юріевичъ (Большое Гнѣздо) Владимірскій и Суздальскій (1154—1212).
X. Князь Давидъ Ростиславичъ Смоленскій († 1197).	В. к. Константинъ Всеволодовичъ (Мудрый) Владимірскій и Ростовскій (1185—1219) женатъ на княжнѣ Аннѣ Волынской.
XI. Князь Мстиславъ (Ѳедоръ) Давидовичъ Смоленскій († 1230).	Князь Всеволодъ-Іоаннъ Константиновичъ (1210—1238), *первый князь Ярославскій*. Убитъ при рѣкѣ Сити 4 Марта 1238, женатъ на княжнѣ Маринѣ Ольговнѣ Курской.
XII. Князь Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій († 1245).	Князь Василій Всеволодовичъ Ярославскій († 4 Февраля 1249) [1]. Женатъ на княжнѣ Ксеніи N. N.
XIII. Князь Ѳедоръ Ростиславичъ (Черный) Смоленскій и Можайскій. Послѣ перваго брака своего—князь Ярославскій († 19 Сентября 1299).	Княжна Марія Васильевна Ярославская [2].

Первоначальное удѣльное княжество Ярославское, столь недолго бывшее достояніемъ князей Ростовскихъ, представляетъ собою явленіе крайне любопытное въ исторіи древней Россіи тѣмъ, что оно большую часть своего кратковременнаго существованія находилось подъ управленіемъ не князей, а княгинь. Уже при самомъ основаніи своемъ (1219) Ярославскій удѣлъ, данный девятилѣтнему князю Всеволоду-Іоанну, находился вѣроятно нѣкоторое время подъ управленіемъ вдовы великаго князя Константина Всеволодовича, великой княгини Анны. Затѣмъ, по смерти князя Всеволода-

---

[1]) У князя Василія Всеволодовича былъ еще братъ, кн. Константинъ, но былъ-ли онъ или нѣтъ удѣльнымъ Ярославскимъ княземъ неизвѣстно.

[2]) У княжны Маріи Васильевны былъ братъ, князь Василій Васильевичъ, умершій малолѣтнимъ; отъ брака съ княземъ Ѳедоромъ Ростиславичемъ у нея былъ одинъ только сынъ, князь Михаилъ Ѳедоровичъ, умершій ранѣе отца своего.

Іоанна (1238) Ярославль управлялся нѣсколько лѣтъ его вдовой княгиней Мариной. По смерти же князя Василія Всеволодовича (1249) Ярославлемъ управляла вдова княгиня Ксенія, которая повидимому управляла имъ и послѣ брака своей дочери Маріи съ княземъ Ѳедоромъ Ростиславичемъ.

Отъ этого брака у княгини Маріи Васильевны былъ только одинъ сынъ, князь Михаилъ Ѳедоровичъ. Въ лѣтописяхъ говорится, что въ продолжительное отсутствіе князя Ѳедора Ростиславича (служившаго въ ордѣ у хана Менгу-Темира), его теща княгиня Ксенія возвела на Ярославское княженіе своего внука, князя Михаила Ѳедоровича. Когда же князь Ѳедоръ явился подъ Ярославль, чтобъ снова утвердить въ немъ свою власть и низвести сына своего, то „княгиня Ксенія и бояре не пріяша его и нелѣпыя словеса глаголаша изъ города женскимъ измышленіемъ“. Должно предположить, что около 1280 года не было болѣе въ живыхъ ни княгини Ксеніи, ни княгини Маріи Васильевны, ни юнаго князя Михаила Ѳедоровича, и что около этого же времени князь Ѳедоръ Ростиславичъ, окончательно утвердившись въ Ярославлѣ, женился вторымъ бракомъ на дочери хана Менгу-Темира, принявшей въ крещеніи имя Анны.

Отъ этого второго брака князя Ѳедора и произошли всѣ многочисленныя фамиліи князей Ярославскихъ, къ числу которыхъ принадлежатъ князья Прозоровскіе. Имѣя первымъ родоначальникомъ своимъ князя Ѳедора Ростиславича, всѣ нѣкогда существовавшія, а также существующія и донынѣ фамиліи кн. Ярославскихъ, не состоятъ поэтому ни въ какихъ кровныхъ соотношеніяхъ съ первоначальными князьями Ярославскими, Ростовскаго дома.

По смерти княгини Маріи Васильевны князь Ѳедоръ Ростиславичъ окончательно унаслѣдовалъ отъ нея Ярославскій удѣлъ, а по его смерти (1299) удѣлъ этотъ перешелъ къ его сыну князю Давиду Ѳедоровичу, родившемуся отъ второго брака его отца. Затѣмъ, по мѣрѣ размноженія рода, удѣлъ этотъ, дробясь на болѣе мелкіе удѣлы, сталъ постепенно и отдѣльными частями присоединяться къ великому княжеству Московскому путемъ продажъ и превращеній удѣловъ въ вотчины. Самостоятельность удѣльнаго княжества Ярославскаго окончательно прекратилесь въ 1462 году, когда князь Александръ Ѳедоровичъ (Брюхатый) отказался отъ правъ своихъ на большое княженіе въ Ярославлѣ и промѣнялъ Іоанну III-му удѣлъ свой на вотчины, именуясь тѣмъ не менѣе „намѣстникомъ Ярославскимъ“.

Князья Прозоровскіе, какъ члены многочисленной семьи князей Ярославскихъ, испытали несомнѣнно общую участь всѣхъ своихъ родичей, иначе сказать—слились съ Москвой послѣ весьма кратковременнаго, если не сомнительнаго, *самостоятельнаго* удѣльнаго существованія.

Чтобы опредѣлить мѣсто, занимаемое князьями Прозоровскими въ родословной росписи князей Ярославскихъ, мы приведемъ эту роспись (на-

сколько она намъ извѣстна), начиная съ ея родоначальника князя Ѳедора Ростиславича и доводя ее до потомковъ его въ VI-мъ колѣнѣ, когда уже всѣ фамиліи князей Моложскихъ (младшей вѣтви князей Ярославскихъ, къ которой принадлежатъ князья Прозоровскіе) возымѣли свое начало. Роспись эта обнимаетъ собой конецъ XIII-го, весь XIV-й и первую половину XV-го вѣка, заключая въ себѣ колѣна XIII, XIV, XV, XVI, XVII и XVIII отъ Рюрика.

Колѣно XIII (отъ Рюрика).

1. *Князь Ѳедоръ Ростиславичъ* (Черный), князь Смоленскій и Можайскій. Послѣ перваго брака (князь Ярославскій, родоначальникъ (по второму браку) всѣхъ князей Ярославскаго дома. Княжилъ одно время въ Переяславлѣ. Въ 1279 г. присоединилъ Смоленскъ къ Ярославлю, но въ 1298 г. принужденъ былъ отдать его племяннику своему князю Александру Глѣбовичу. Скончался 19-го Сентября 1299 г. Причисленъ церковью къ лику святыхъ. Мощи его покоятся въ Ярославлѣ, гдѣ были открыты въ 1462 году.

Женатъ былъ: 1) на княжнѣ Маріи Васильевнѣ Ярославской, принесшей ему въ приданое Ярославскій удѣлъ (1 сынъ и 2 дочери); 2) на дочери хана Большой Орды Менгу-Темира, въ крещеніи Анны (два сына). **I** *).

Колѣно XIV.

2. *Князь Михаилъ Ѳедоровичъ Ярославскій.* Былъ поставленъ бабушкой своей княгинею Ксеніею на Ярославское княженіе. Умеръ вѣроятно ранѣе 1280 года........ 1.

Княжна N. Ѳедоровна Ярославская—за княземъ Давидомъ Константиновичемъ Галицкимъ и Дмитровскимъ († 1280)........ 1.

Княжна N. Ѳедоровна Ярославская—съ 31 Іюля 1277 г. за княземъ Михаиломъ Глѣбовичемъ Бѣлозерскимъ († 1293). Вѣнчаны были въ Ярославлѣ, въ церкви Пресвятой Богородицы епископомъ Игнатіемъ........ 1.

3. *Князь Константинъ Ѳедоровичъ Ярославскій* (Улемецъ). Род. въ Ордѣ, скончался вѣроятно ранѣе своего отца. Причисленъ церковью къ лику святыхъ. Мощи его, открытыя въ 1462 г., покоятся въ Ярославлѣ........ 1.

4. *Князь Давидъ Ѳедоровичъ Ярославскій*, второй родоначальникъ князей Ярославскихъ. Родился въ Ордѣ. Построилъ Толгскій монастырь на Волгѣ. Передъ кончиною (1321) раздѣлилъ унаслѣдованный имъ отъ отца Ярославскій удѣлъ на двѣ части, изъ которыхъ одну (Яро-

*) Крупная Римская цифра, здѣсь и далѣе, относится къ напечатаннымъ въ концѣ Родословной Росписи примѣчаніямъ.

славль) отдалъ старшему сыну князю Василію, а другую (Мологу)— младшему сыну князю Михаилу. Причисленъ церковью къ лику святыхъ. Мощи его, открытыя въ 1462 г., покоятся въ Ярославлѣ. . 1.

Колѣно XV.

5. *Князь Василій Давидовичъ Ярославскій* (Грозныя Очи). Наслѣдовалъ отъ отца Ярославскій удѣлъ въ 1321 г. Во время борьбы Москвы съ Тверью держалъ первоначально сторону князей Тверскихъ противъ тестя своего великаго князя Іоанна Калиты (Московскаго), но долженъ былъ подчиниться сему послѣднему. Въ 1341 г. ходилъ съ великимъ княземъ Симеономъ Гордымъ на Новгородъ. Умеръ въ 1345 г. и похороненъ въ Ярославлѣ.

Женатъ былъ на княжнѣ Московской Евдокіи Іоанновнѣ, дочери Іоанна Калиты, которая † въ 1362 г.... .... 4.

6. *Князь Михаилъ Давидовичъ Ярославскій-Моложскій.*

Послѣ смерти отца своего (1321) сѣлъ на удѣлъ на Мологу, какъ сказано въ лѣтописи. Въ 1341 г. ходилъ съ великимъ княземъ Симеономъ Гордымъ на Новгородъ и былъ намѣстникомъ его въ Торжкѣ. Въ 1361 г. ходилъ въ Орду съ княземъ Ростовскимъ. Умеръ въ 1362 г.. 4.

Колѣно XVI.

7. *Князь Василій Васильевичъ Ярославскій* (род въ 1339 г.). Былъ послѣ отца своего на большомъ княженіи въ Ярославлѣ, участвовалъ въ походѣ великаго князя Дмитрія Донского на Тверь въ 1375 г. 8-го Сентября 1380 года, въ битвѣ на Куликовомъ полѣ, предводительствовалъ частью войска.............................. 5.

8. *Князь Глѣбъ Васильевичъ Ярославскій.* Участвовалъ въ битвѣ на Куликовомъ полѣ.. 5.

9. *Князь Романъ Васильевичъ Ярославскій.* Ходилъ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ на Тверь въ 1375 году. Участвовалъ въ битвѣ на Куликовомъ полѣ. Построилъ городъ Романовъ на Волгѣ (Романово-Борисоглѣбскъ)................................ 5.

10. *Князь Ѳедоръ Михайловичъ Моложскій.* Ходилъ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ на Тверь въ 1375 г. Участвовалъ въ битвѣ на Куликовомъ полѣ. Передъ смертію принялъ постриженіе подъ именемъ Ѳеодорита. Умеръ 7 Апрѣля 1408 г. (въ Лазареву субботу) и похороненъ „въ своей отчинѣ въ Мологѣ въ соборѣ“.. 6.

11. *Князь Иванъ Михайловичъ Моложскій.* Убитъ былъ 8 Сентября 1380 г. въ битвѣ на Куликовомъ полѣ.. .... 6.

12. *Князь Левъ Михайловичъ Моложскій.* Участвовалъ въ битвѣ на Куликовомъ полѣ. **II** .... 6.

Колѣно XVII.

13. *Князь Иванъ (большой) Васильевичъ Ярославскій.* Былъ ли онъ или нѣтъ послѣ отца своего на большомъ княженіи въ Ярославлѣ, неизвѣстно въ точности, хотя оно и вѣроятно. Въ 1410 г. ходилъ по приказу великаго князя Василія Дмитріевича Московскаго (вмѣстѣ съ князьями Ростовскими) на князей Даніила и Бориса Нижегородскихъ. Въ 1412 г. сопровождалъ великаго князя Василія Дмитріевича въ Орду. Въ томъ же году выдалъ дочь свою, княжну Марію Ивановну, за князя Александра Өедоровича (Ростовскаго?, Микулинскаго? или Ярославскаго?). Въ 1425 г. принималъ у себя въ Ярославлѣ митрополита Фотія, ѣхавшаго въ Галичъ уговаривать князя Юрія Дмитріевича Звенигородскаго признать племянника своего князя Василія Васильевича Темнаго великимъ княземъ Московскимъ. Умеръ въ1426 году. Женатъ былъ на княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Бычковой-Ростовской. **IX**. 7.

14. *Князь Өедоръ Васильевичъ Ярославскій.* Былъ ли или нѣтъ въ большомъ княженіи въ Ярославлѣ—неизвѣстно. **III** и **IX** .... 7.

15. *Князь Семенъ Васильевичъ „Новленскій“* .... 7.

16. *Князь Дмитрій Васильевичъ „Заозерскій“.* Убитъ татарами въ 1434 г. женатъ былъ на княжнѣ Маріи N. N. (родоначальникъ князей Заозерскихъ). **IV** .... 7.

17. *Князь Иванъ (меньшой) Воинъ Васильевичъ Ярославскій* .... 7.

18. *Князь Иванъ Глѣбовичъ Ярославскій.* .... 8.

19. *Князь Өедоръ Глѣбовичъ Ярославскій* .... 8.

20. *Князь Константинъ Глѣбовичъ Ярославскій* „Шахъ“ (родоначальникъ князей Шаховскихъ). .... 8.

21. *Князь Иванъ Романовичъ Ярославскій* „Неблагословенный или неблагословенный свистунъ“ .... 9.

22. *Князь Дмитрій Романовичъ Ярославскій.* .... 9.

23. *Князь Василій Романовичъ Ярославскій* .... 9.

24. *Князь Даніилъ Романовичъ Ярославскій* .... 9.

25. *Князь Илья Романовичъ Ярославскій* .... 9.

26. *Князь Андрей Романовичъ Ярославскій.* .... 9.

27. *Князь Василій Өедоровичъ Моложскій* .... 10.

28. *Князь Семенъ Өедоровичъ Ситскій или Сицкій* (прозваніе полученное отъ рѣки „Сити“). Въ иночествѣ Серапіонъ (?). **V** .... 10.

29. *Князь Дмитрій Өедоровичъ Моложскій* (Перина)............ ...10.

30. **Князь Иванъ Өедоровичъ Моложскій-Прозоровскій,** *родоначальникъ князей Судскихъ и Прозоровскихъ.* Убитъ подъ Суздалемъ 6 Іюня 1445 г. **VI**.............................. .....10.

Княжна N. Өедоровна Моложская—за княземъ Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ..................................10.

31. *Князь Андрей Ивановичъ Моложскій.* ....11.

32. *Князь Глѣбъ Ивановичъ „Шуморовскій"*, родоначальникъ князейШуморовскихъ, убитый подъ Суздалемъ 6 Іюня 1445 г. **VII**.........11.

33. *Князь Өедоръ Ивановичъ „Ушатый"*, родоначальникъ князей Ушатыхъ............... ....11.

34. *Князь Андрей Львовичъ* „Дуло", родоначальникъ князей Дуловыхъ. „Отъѣхалъ въ Тверь, потому и вотчины отсталъ". (Родословная 1787 г., изд. Новикова)......................................12.

Колѣно XVIII.

35. *Князь Романъ Ивановичъ Ярославскій.* Отъ дальнѣйшихъ развѣтвленій его потомства произошли князья: 1) Алабышевы, 2) Алонкины, 3) Троекуровы и 4) Сысѣевы. **VIII**..........................13.

36. *Князь Александръ Ивановичъ Ярославскій.* Убитъ подъ Казанью въ 1455 году... .13.

37. *Князь Василій Ивановичъ Ярославскій.* Отъ дальнѣйшихъ развѣтвленій его потомтсва произошли князья: Шастуновы, Гагины и Великогагины..13.

38. *Князь Яковъ-Воинъ Ивановичъ Ярославскій.* Убитъ подъ Казанью въ 1455 г. По смерти удѣлъ его (село Курба) перешелъ къ его брату князю Семену Ивановичу....................................13.

39. *Князь Семенъ Ивановичъ Ярославскій*, родоначальникъ князей Курбскихъ............... ....13.

Княжна Марія Ивановна Ярославская. 31 Января 1412 г. вышла замужъ за князя Александра Өедоровича Ростовскаго (?), Микулинскаго (?) или Ярославскаго (?). **IX**...........................13.

40. *Князь Александръ Өедоровичъ Ярославскій* (Брюхатый). Былъ на большомъ княженіи въ Ярославлѣ. При великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ Темномъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ его противъ князей Дмитрія Шемяки и Василія Косого. Въ 1440 г. былъ ими взятъ въ плѣнъ. Въ 1462 г. промѣнялъ Іоанну III-му удѣлъ свой Ярославскій на вотчины, именуясь намѣстникомъ Яро-

Князь Өедоръ Ростиславичъ Ярославскій былъ родоначальникомъ сорока двухъ (намъ извѣстныхъ) княжескихъ родовъ. Всѣ эти сорокъ два рода дѣлятся на двѣ главныя группы. Первая изъ нихъ (группа князей Ярославскихъ) идетъ отъ старшаго внука князя Өедора Ростиславича, князя

Василія Давидовича Грозныя Очи (№ 5); а вторая группа (князей Моложскихъ), отъ младшаго его внука князя Михаила Давидовича (№ 6). Первую группу составляютъ слѣдующіе тридцать три княжескіе рода: *князья:* 1) Алабышевы; 2) Алонкины; 3) Троекуровы; 4) Сысѣевы; 5) Гагины; 6) Великогагины; 7) Шастуновы; 8) Курбскіе; 9) Пѣнковы: 10) Новленскіе, и затѣмъ Юхотскіе; 11) Заозерскіе; 12) Кубенскіе; 13) Щетинины; 14) Темносиніе; 15) Сандыревы; 16) Засѣкины (старшей линіи); 17) Солнцевы; 18) Солнцевы-Засѣкины; 19) Жирово-Засѣкины; 20) Засѣкины (младшей линіи); 21) Бородатые; 22) Шаховскіе; 23) Бѣльскіе; 24) Морткины: 25) Шеконскіе; 26) Дѣевы; 27) Зубатые; 28) Львовы; 29) Вѣкошкины; 30) Луговскіе; 31) Ухорскіе; 32) Охлябины и 33) Хворостины.

Вторая группа (Моложская) состоитъ изъ слѣдующихъ девяти родовъ: *князья*: 1) Сицкіе; 2) Моложскіе; 3) Судскіе; 4) *Прозоровскіе;* 5) Шуморовскіе; 6) Шамины; 7) Голыгины; 8) Ушатые; и 9) Дуловы.

Въ настоящее время вся группа кн. Моложскихъ угасла, а изъ князей Ярославской группы существуютъ и донынѣ князья: 1) Шаховскіе; 2) Солнцевы; 3) Солнцевы-Засѣкины; 4) Засѣкины (младшей линіи) 5) Львовы и 6) Щетинины. Не подлежитъ сомнѣнію, что количество отдѣльныхъ, самостоятельныхъ фамилій, имѣвшихъ или, можетъ быть, имѣющихъ и донынѣ родоначальникомъ своимъ князя Ѳеодора Ростиславича, гораздо болѣе сорока двухъ. О нѣкоторыхъ такихъ имѣются свѣдѣнія, но столь неопредѣленныя, что нѣтъ возможности внести ихъ въ родословную роспись. Такъ напримѣръ, извѣстно, что существовали Ярославскіе князья „Романовичи“ и „Безчестіевы“ (Родословная изд. Новикова, т. II), но кого изъ Ярославскихъ или Моложскихъ князей имѣютъ они своимъ родоначальникомъ, не видно. Кромѣ того, болѣе чѣмъ вѣроятно, что тѣ князья, которые въ приведенной выше росписи (колѣна XVII и XVIII) лаконически названы князьями Ярославскими и потомство которыхъ также лаконически названо только князьями Ярославскими въ Родословной книгѣ князя П. В. Долгорукова (т. I, ст. 146—147), безъ придачи къ родовому фамильному имени какой-либо иной фамиліи, должны были въ свое время именоваться какимъ-нибудь самостоятельнымъ фамильнымъ именемъ, а не величаться исключительно только князьями Ярославскими. Если сынъ послѣдняго самостоятельнаго удѣльнаго князя Ярославскаго назывался кореннымъ фамильнымъ именемъ своимъ, княземъ Пѣнковымъ (см. № 40), а княземъ Ярославскимъ только придаточно, то трудно предположить, чтобы его родичи (остальные князья Ярославскіе болѣе чѣмъ онъ отдаленные отъ большого княженія и вѣроятно уже подчиненные вполнѣ Москвѣ) могли бы называться исключительно только князьями Ярославскими. У князей Ярославскаго дома не вошло въ обычай называться, всѣмъ безъ исключенія, князьями Ярославскими, подобно князьямъ Ростовскаго дома, которые и до нынѣ сохранили наименованіе „Ростовскихъ“ какъ придаточное къ своей фамиліи; а если были нѣкоторые князья Ярославскіе съ такимъ придаточнымъ наименованіемъ, то это было явленіемъ

исключительнымъ и говоря по нынѣшнему—неофиціальнымъ. Такъ например, извѣстный князь Андрей Михайловичъ Курбскій въ письмахъ своихъ къ Іоанну Грозному называетъ себя княземъ Ярославскимъ. Гораздо позднѣе (при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ) бояринъ князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ назывался во многихъ случаяхъ княземъ Львовымъ - Ярославскимъ. Въ нѣкоторыхъ боярскихъ спискахъ четвертый сынъ князя Романа Ивановича Ярославскаго (по нашей росписи № 35), князь Семенъ Романовичъ (кн. Долгоруковъ I, 146, № 156), также лаконически названъ княземъ Ярославскимъ (Др. Рус. Вивліоѳика XX, 3); но, повторяемъ, это были исключенія, а въ послѣднемъ случаѣ даже вѣроятно—пропускъ или недомолвка, такъ какъ князь Семенъ Романовичъ былъ повидимому княземъ Сисѣевымъ.

Князья Прозоровскіе, какъ видно изъ приведенной выше росписи, занимаютъ четвертое мѣсто по старшинству въ группѣ князей Моложскихъ; но въ виду кратковременнаго существованія князей Моложскихъ (потомства князя Петра Дмитріевича № 63), а также и князей Судскихъ (потомства князя Юрія Ивановича № 64), имъ въ сущности принадлежитъ второе мѣсто, тотчасъ послѣ князей Сицкихъ, старшихъ представителей Моложской вѣтви князей Ярославскихъ.

Опредѣливъ мѣсто, занимаемое князьями Прозоровскими въ обширной семьѣ князей Ярославскаго дома, приведемъ родословную роспись ихъ дома совмѣстно съ росписью старшей вѣтви ихъ рода, столь недолго существовавшихъ князей Судскихъ.

РОДОСЛОВНАЯ РОСПИСЬ РОДА КНЯЗЕЙ ПРОЗОРОВСКИХЪ.

Колѣно XVII (отъ Рюрика).

1. *Князь Иванъ Ѳедоровичъ Моложскій, первый князь Прозоровскій.* [1]) Праправнукъ князя Ѳедора Ростиславича Смоленскаго, Можайскаго и Ярославскаго, владѣлецъ (съ 1408 г.) самостоятельнаго удѣла „Прозоровскаго“ въ нынѣшнемъ Моложскомъ уѣздѣ. Убитъ подъ Суздалемъ 6-го Іюня 1445 г.

1. *Княжна N. Ѳедоровна Моложская*—за княземъ Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ.

Колѣно XVIII.

2. *Князь Юрій Ивановичъ Прозоровскій* [2])........................ 1.

3. *Князь Андрей Ивановичъ Прозоровскій* [3])... .... 1.

---

[1]) Въ предыдущей росписи князей Ярославскихъ находится подъ № 30.

[2]) Въ предыдущей росписи князей Ярославскихъ подъ № 64-мъ.

[3]) Въ предыдущей росписи кн. Ярославскихъ подъ № 65-мъ.

Участвовалъ при в. к. Іоаннѣ III-мъ въ походахъ на Литву и на Казань и сопровождалъ его въ походѣ на Новгородъ. **XII.**

Колѣно XIX.

4. *Князь Өедоръ Юрьевичъ Прозоровскій-Судской*.................. **2.**
Сопровождалъ княжну Елену (дочь Іоанна III-го) при отъѣздѣ ея въ Литву въ 1495 г. Воевода лѣвой руки въ походѣ на Литовскихъ людей, шедшихъ на Псковъ (1505), намѣстникъ Дорогобужскій (1503—1505). **XIII.**

5. *Князь Андрей Юрьевичъ Прозоровскій (Судской?)* (Баклашка)..... **2.**
Участвовалъ въ походахъ Іоанна III, гдѣ названъ „дворяниномъ". Въ 1503 г. воевода лѣвой руки (на случай) въ Великихъ - Лукахъ. Бездѣтенъ.

6. *Князь Михаилъ Андреевичъ Прозоровскій* (Лугвица).............. **3.**
Въ 1507 г. былъ въ походѣ изъ „Сѣвера на Литву" воеводой правой руки. Въ 1527 г. находился въ числѣ прибавочныхъ воеводъ въ Коломнѣ, „на берегу". Въ 1528 г. былъ третьимъ воеводой въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ 1529 г. —такимъ же въ Калугѣ. Въ 1531 г. велѣно было ему идти „изъ Серпухова въ Тулу" первымъ воеводой, (а въ Серпуховѣ онъ былъ вторымъ). Въ 1542 г. былъ воеводой лѣвой руки въ Коломнѣ. Въ томъ же году переведенъ на Угру въ большой полкъ вторымъ воеводой. Въ 1543 г. былъ воеводой въ Костромѣ и переведенъ на „Плесо". **XIV.**

7. *Князь Иванъ Андреевичъ Прозоровскій* (Руговица или Пуговица). . **3.**
Былъ воеводой: въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ 1529 г. въ Калугѣ противъ Ислама, царя Крымскаго; въ 1532 г. въ Серпуховѣ; въ 1534 г. въ Стародубѣ; въ 1548 г. на „Плесѣ" вмѣстѣ съ князьями Өедоромъ Ивановичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ и Александромъ Борисовичемъ Горбатовымъ. Въ томъ же году мѣстничалъ съ кн. Курлятевымъ. (Прозоровскій, будучи назначенъ вторымъ воеводой лѣвой руки подъ княземъ Курлятевымъ, „списковъ не взялъ" и былъ назначенъ воеводой на Угру). Въ 1537 г. былъ въ Галичѣ первымъ воеводой „за городомъ"; въ 1540 г. во Владимірѣ; въ 1542 г. въ Муромѣ, но въ походъ не пошелъ и былъ замѣненъ воеводой Михаиломъ Тучковымъ. Владѣлъ селомъ „Старые Холопи" (Борисоглѣбскъ) на Мологѣ около 1545 г.

8. *Князь Өедоръ Андреевичъ Прозоровскій*........................ **3.**
Въ 1534 г. въ Іюлѣ по Смоленскимъ вѣстямъ велѣно ему изъ Боровска идти въ Вязьму. Въ 1537 г. былъ первымъ воеводой въ Одоевѣ подъ „царевичами Татарскими". Въ томъ же году былъ третьимъ воеводой въ Мещерѣ. Въ 1538 г. былъ первымъ воеводой кон-

ной рати на Казань, но походъ не состоялся. Въ 1539 г. былъ въ Коломнѣ въ большомъ полку въ головахъ. Похороненъ, кажется, въ Кирило-Бѣлозерскомъ монастырѣ.

Колѣно XX.

9. *Князь Иванъ Өедоровичъ Судской* старшій (Хромой)............ 4.

10. *Князь Иванъ Өедоровичъ Судской* младшій.................... 4.
Бездѣтенъ.

11. *Князь Василій Ивановичъ Прозоровскій*....................... 7.
На свадьбѣ царя Симеона (1554) несъ вино въ „скляницѣ". Съ 1563 по 1567 г. намѣстникъ Черниговскій. 14-го Сентября 1554 г. одержалъ подъ Черниговымъ побѣду надъ Поляками и захватилъ знамя Польскаго военачальника Сапѣги. Къ нему съ золотыми посланъ былъ Яковъ Шешневъ. 2 Іюня 1566 г. подписалъ въ числѣ прочихъ бояръ и воеводъ приговорную грамоту о войнѣ съ Польшею. Въ 1567 г. воевода въ Полоцкѣ. По словамъ князя Курбскаго, убитъ по приказанію Іоанна Грознаго своимъ двоюроднымъ братомъ княземъ Никитой Прозоровскимъ (№ 15). Бездѣтенъ.

12. *Князь Александръ Ивановичъ Прозоровскій* .... 7.
Дворецкій князя Юрія Васильевича (брата Іоанна Грознаго). Въ 1563 г. воевода въ Полоцкѣ. Въ томъ же году участвовалъ въ походѣ въ „Лукомель ко граду Ельмину". Въ 1564 г. воевода передового полка, въ томъ же году получилъ одинъ золотой Угорскій. Въ 1565 г. воевода сторожевого полка въ Серпуховѣ, сперва съ княземъ И. И. Пронскимъ, а затѣмъ съ кн. И. А. Шуйскимъ. Въ томъ же году—воевода „за палатой" въ Полоцкѣ. 12 Апрѣля 1568 г. былъ поручителемъ за князя Михаила Ивановича Воротынскаго. Въ томъ же году былъ вторымъ воеводой сторожеваго полка въ Болховѣ. Того же года въ Маѣ встрѣчалъ въ Москвѣ иноземныхъ пословъ. Имѣлъ мѣстническій споръ съ княземъ Дмитріемъ Шастуновымъ. Упоминается въ грамотѣ Бѣжецкаго Верха въ Городецкій судъ (26 Мая 1563 г.) по дѣлу о жалобѣ крестьянъ Симонова монастыря на князей Прозоровскихъ. Въ 1566 году подписалъ въ числѣ прочихъ бояръ и воеводъ приговорную грамоту о войнѣ съ Польшею. Въ Январѣ 1576 г. встрѣчалъ въ Можайскѣ Цесарскихъ пословъ Якова Кобенцеля и Даніила Принца. По словамъ князя Курбскаго, казненъ былъ Іоанномъ Грознымъ, что сомнительно. **XV**.

13. *Князь Никита Ивановичъ Прозоровскій*........................ 7.

Упоминается въ грамотѣ Бѣжецкаго Верха въ Городецкій судъ (26 Мая 1563) по дѣлу о жалобѣ крестьянъ Симонова монастыря на князей Прозоровскихъ. (См. выше № 12).

14. *Князь Михаилъ Өедоровичъ Прозоровскій* .... **8.**

Участвовалъ въ свадебномъ поѣздѣ царя Симеона въ 1554 г. Въ томъ же году былъ воеводой въ Василь-городѣ вмѣстѣ съ княземъ Ив. Александр. Стригинымъ-Оболенскимъ. Имѣлъ съ нимъ мѣстническій споръ, по которому былъ обвиненъ. Въ 1556—1557 гг.—намѣстникъ въ Рыльскѣ. Въ 1562 г.—воевода въ Великихъ-Лукахъ при царѣ Симеонѣ. Въ томъ же году былъ первымъ воеводой большого полка въ походѣ на Литву. Въ 1563 г. находился вторымъ воеводой при зятѣ своемъ князѣ Андреѣ Курбскомъ, когда послѣдній бѣжалъ въ Польшу. Съ 1564 по 1567 г. былъ воеводой въ Свіяжскѣ. По словамъ князя Курбскаго, казненъ Іоанномъ Грознымъ. Женатъ былъ на княжнѣ N. Михайловнѣ Курбской.

15. *Князь Никита Өедоровичъ Прозоровскій* (Дурной).............. **8.**

Участвовалъ въ 1554 г. въ свадебномъ поѣздѣ царя Симеона, причемъ присвоено ему прозвище: „Хозетюшина" (?) Князь Курбскій называетъ его „безумнымъ". Владѣлъ сельцомъ Короваевымъ на Всходнѣ близъ Москвы. Убилъ, по словамъ кн. Курбскаго, своего двоюроднаго брата князя Василія Ивановича Прозоровскаго (№ 11).

Колѣно XXI.

2. *Княжна Наталія Ивановна Судская*........................ **9.**
Замужемъ за княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Стригинымъ-Ряполовскимъ.

3. *Княжна N. Ивановна Судская*.............................. **9.**
Замужемъ за княземъ Семеномъ Дмитріевичемъ Палецкимъ (убитъ подъ Полоцкомъ въ Январѣ 1564 г.).

16. *Князь Василій Александровичъ Прозоровскій*.................. **12.**

Верстанъ помѣстьемъ во 100 четей въ Московскомъ уѣздѣ въ 1550 г. Названъ стольникомъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ въ 1577 г. Воевода въ Переяславлѣ-Рязанскомъ въ 1589 г. Владѣлъ сельцомъ „Бурцово" на Малой Пахрѣ.

17. *Князь Андрей Александровичъ Прозоровскій*................... **12.**
Названъ стольникомъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ въ 1577 г. Убитъ подъ „Кесью" (Венденъ) въ 1578 г. Бездѣтенъ.

18. *Князь Алексѣй Александровичъ Прозоровскій*.................. **12.**
Верстанъ помѣстьемъ во 100 четей въ Московскомъ уѣздѣ въ 1550 г.

Колѣно XXII. *)

19. *Князь Иванъ Васильевичъ* .... 16.
Убитъ подъ Москвою отъ Литовскихъ людей (въ смутное время).

20. *Князь Семенъ Васильевичъ* .... 16.
(Род. 158? умеръ 14 Сентября 1660.)

Стольникъ (1607), воевода (1609), дворянинъ (1624), Московскій дворянинъ (17 Марта 1626), окольничій (31 Марта 1630), бояринъ и дворецкій (15 Августа 1646 г.).

Упоминается въ первый разъ въ 1607 г. во время похода царя Василія Шуйскаго на Алексинъ и Тулу.

17-го Января 1608 г. на свадьбѣ царя Василія находился въ свадебномъ поѣздѣ и въ тотъ же день „наряжалъ вина за большимъ столомъ“. Въ 1609 г. разбилъ подъ Коломною пана Хмѣлевскаго. Въ томъ же году былъ посланъ въ Касимовъ къ боярину Ѳ. И. Шереметеву „съ жалованнымъ словомъ и со многими дарами за то, что онъ царю Василію служилъ и прямилъ“; но одновременно съ тѣмъ Прозоровскому поручено было передать Шереметеву, что онъ „идетъ мѣшкотно и за государскимъ дѣломъ не радѣетъ“. Послѣ насильнаго постриженія царя Василія (Іюль 1610) находился „съ казаки“ въ окрестностяхъ Ростова, гдѣ воевалъ противъ Сапѣги и Будилло. Находился при кн. Пожарскомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и Ярославлѣ (1611—1612). Подписалъ грамоту объ избраніи царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Находился при государѣ въ Апрѣлѣ 1613 г. Во время шествія царя изъ Костромы въ Москву былъ изъ Переяславля-Залѣсскаго посланъ противъ Шведовъ, занимавшихъ Новгородскую область. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ (Іюнь-Сентябрь 1613) защищалъ отъ Шведовъ городъ Тихвинъ и 14-го Сентября нанесъ имъ полное пораженіе. Въ Ноябрѣ (1613) награжденъ былъ шубой, кубкомъ, также и денежными и помѣстными окладами. Въ 1615 г., воевода въ Мценскѣ. Въ 1617 г. (въ началѣ первой Польской войны) вмѣстѣ съ княземъ Юріемъ Сулешевымъ и княземъ Никитой Барятинскимъ участвовалъ во многихъ встрѣчахъ съ Польскими передовыми отрядами и за Дорогобужскую службу награжденъ золотымъ Угорскимъ.

Въ числѣ прочихъ воеводъ защищалъ въ Сентябрѣ 1618 г. Москву, осажденную королевичемъ Владиславомъ (сперва за Яузой,

---

*) Съ прекращеніемъ рода князей Судскихъ всѣ дальнѣйшіе князья Прозоровскіе именуются исключительно только Прозоровскими и потому, начиная съ XXII-го колѣна, мы выпускаемъ въ росписи фамильное наименованіе.

а затѣмъ у Срѣтенскихъ воротъ). Въ 1619 г. 6 Марта указано ему быть въ Украинскомъ разрядѣ на сбереженіе отъ Крымскихъ и Ногайскихъ людей. Былъ воеводой: съ 1619 по 1623 г. въ Астрахани; съ 1624 по 1626 г. въ Вязьмѣ; съ 1627 по 1630 г. въ Путивлѣ. Въ 1631 г. версталъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстьями и денежными окладами. Въ томъ же году былъ посланъ въ Калугу разбирать дворянъ, дѣтей боярскихъ и прочихъ чиновъ людей. Въ 1632 г. велѣно ему присутствовать въ Помѣстномъ приказѣ. Въ томъ же 1632 г. (при началѣ второй Польской войны) велѣно ему принять начальство надъ передовымъ полкомъ въ городѣ Ржевѣ. Взялъ въ томъ же году города Бѣлый и Велижъ. Присоединивъ затѣмъ свой отрядъ къ большому полку боярина Шеина, онъ былъ вмѣстѣ съ нимъ осажденъ Поляками подъ Смоленскомъ и вмѣстѣ съ нимъ сдался на капитуляцію королю Владиславу 16 Февраля 1634 г. Въ день казни Шеина (7 Мая 1634) былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Нижній-Новгородъ, причемъ имѣнія его взяты въ казну. 15-го Мая отправленъ со всѣмъ семействомъ своимъ на баржѣ по Москвѣ-рѣкѣ и Окѣ до Нижняго. Въ Сентябрѣ того же года прощенъ и возвращенъ въ Москву. Всѣ имѣнія были ему возвращены, кромѣ одной Нижегородской вотчины.

Въ 1635 г. вмѣстѣ съ дядей своимъ кн. И. И. Шуйскимъ встрѣчалъ на Польской границѣ тѣло царя Василія. Въ 1636 г. велѣно было ему описать приказъ Нижегородской чети. Въ 1636—1637 г. участвовалъ неоднократно въ поѣздкахъ царя въ Троицкую Лавру и на Угрѣшу. Въ 1638 г. былъ воеводой въ Веневѣ. Въ 1639—1640 г. строилъ валъ и стѣны вокругъ Москвы. Одновременно съ этимъ былъ судьею въ Московскомъ Судномъ Приказѣ. Въ 1642 г. (а также и въ 1646—1647 г.) завѣдывалъ Ямскимъ приказомъ. Въ 1644 г. былъ еще разъ воеводой въ Мценскѣ. Въ 1645 г. (Іюля 13) при восшествіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича приводилъ жителей Москвы ко кресту. На первой свадьбѣ царя Алексѣя (16 Января 1648) былъ вмѣстѣ съ кн. А. Н. Трубецкимъ сидячимъ бояриномъ на государевой сторонѣ. Въ 1648—1649 г. вмѣстѣ съ князьями Н. И. Одоевскимъ и Ѳ. Ѳ. Волконскимъ, при дьякахъ Леонтьевѣ и Грибоѣдовѣ, составилъ такъ-называемое „Уложеніе царя Алексѣя Михайловича". Въ 1649—1651 г. былъ вторично воеводой въ Путивлѣ. Въ 1653 г. (23 Октября) указано ему быть воеводой большого полка вмѣстѣ съ зятемъ его княземъ Я. К. Черкасскимъ. Участвовалъ во взятіи Орши (2 Августа), въ битвѣ съ Радзивиломъ (9 Августа) и во взятіи Дубровны (16 Октября). Неизвѣстно, былъ или нѣтъ при государѣ при взятіи Смоленска 23 Сентября; замѣненъ былъ (въ 1655 г.) въ званіи воеводы сыномъ своимъ кн. Иваномъ Семеновичемъ. Въ 1657 году получилъ награды за походъ 1654 г., и затѣмъ удалился въ Тихвинскій мо-

настырь (имъ нѣкогда обороненный отъ Шведовъ). Принялъ постриженіе подъ именемъ Сергія и скончался 14 Сентября 1660 г. Похороненъ въ монастырскомъ соборѣ.

Князь С. В. мѣстничалъ: съ княземъ Н. П. Барятинскимъ; съ И. М. Бутурлинымъ; съ Б. Кокоревымъ; съ С. Волынскимъ; съ князьями Куракиными (очень любопытное дѣло); съ княземъ Мосальскимъ; съ Б. А. Плещеевымъ (Глазуномъ); съ княземъ Тюфякинымъ; съ княземъ Ю. Д. Хворостинымъ и съ Б. Нагимъ (очень любопытное дѣло).

Князь С. В. Прозоровскій былъ женатъ на Маріи Семеновнѣ N., бывшей при первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича (16 Января 1648 г.) вмѣстѣ съ княгиней Е. И. Трубецкой „сидячей боярыней на государевой сторонѣ“. **XVI**.

21. *Князь Матвѣй Васильевичъ* .... **16**.

Стольникъ 1614, дворянинъ 1624. Въ началѣ 1613 года былъ еще въ недоросляхъ и не верстанъ помѣстьемъ. Въ концѣ того же года раненъ и взятъ въ плѣнъ „Литовскими и Русскими воровскими людьми“ близъ Бѣлозерска, но вскорѣ выкупленъ или размѣненъ. Былъ воеводой: въ Дѣдиловѣ (1624); въ Торопцѣ (1628); въ Курскѣ (1632—1634); въ Вяткѣ (1638); въ Устюжнѣ (1642); въ Переяславлѣ-Рязанскомъ (1646); въ Вязьмѣ (1648). Въ 1640 г. (?) былъ воеводой въ полку у князя Черкасскаго въ Можайскѣ. Въ 1642 г. участвовалъ въ Московскомъ Соборѣ. Мѣстничалъ съ князьями Куракиными, съ княземъ Д. П. Лопатой-Пожарскимъ и съ княземъ Ромодановскимъ.

Умеръ въ 1670 или 1671 г. холостымъ.

4. *Княжна Гликерія (Ульяна) Васильевна* .... **16**.
Замужемъ за княземъ Романомъ Ѳедоровичемъ Троекуровымъ. **XVII**.

Колѣно XXIII.

22. *Князь Иванъ Семеновичъ* .... **20**.

(Род. 161? г. умеръ 22 Іюня 1670 г.)

Стольникъ 12 Іюня 1632, бояринъ 21 Декабря 1656 г. Упоминается въ первый разъ при взятіи города Бѣлаго его отцомъ княземъ Семеномъ Васильевичемъ въ 1632 году. Исполнялъ дворцовую службу стольника, рынды и проч., начиная съ 1635 года. Воевода въ Переяславлѣ-Рязанскомъ въ 1642 г. При вступленіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича (13 Іюля 1645) былъ посланъ въ Астрахань приводить жителей ко кресту. Въ 1646 г. былъ воеводой въ Тулѣ вмѣстѣ съ княземъ Н. И. Одоевскимъ. Въ 1655 г. замѣнилъ отца своего какъ второй воевода большого полка, при зятѣ

своемъ князѣ Я. К. Черкасскомъ. Участвовалъ во взятіи Вильны (30 Іюля) и Ковны (9 Августа 1655 г.). Въ 1656 г. осаждалъ Ригу. Въ томъ же году въ Смоленскѣ получилъ отъ царя шубу, кубокъ и денежную придачу къ окладу. Въ 1657 г. былъ судьею во Владимирскомъ приказѣ. 1 Декабря 1658 г., именуясь намѣстникомъ Тверскимъ, подписалъ вмѣстѣ съ А. Л. Ординымъ-Нащокинымъ перемиріе со Швеціею въ мѣстечкѣ Вельесарѣ. 21 Іюня 1661 г., вторично именуясь намѣстникомъ Тверскимъ, подписалъ миръ со Швеціею въ мѣстечкѣ Кардиссѣ. Въ 1664 г., будучи вторымъ воеводой при князѣ Я. К. Черкасскомъ, нанесъ пораженіе Полякамъ въ Сомовской волости Карачевскаго уѣзда. Въ томъ же году разбилъ гетмана Михаила Паца близъ Мглина. Въ 1665 г. вмѣстѣ съ княземъ Н. И. Одоевскимъ велъ мирные переговоры съ Польшею. Мѣстничалъ съ И. О. Бутурлинымъ, съ М. С. Волынскимъ, съ княземъ Корходиновымъ и съ княземъ И. А. Хованскимъ. Въ 1666 г. назначенъ былъ воеводой въ Астрахань, гдѣ во время разгрома города Стенькой Разинымъ былъ по его приказанію сброшенъ съ соборной колокольни (22 Іюня 1670 г.).

Женатъ былъ: на Прасковіи Ѳедоровнѣ Лихачевой. Умерла въ Москвѣ 14 Января 1687 г. и погребена въ Срѣтенскомъ монастырѣ (17 Января) патріархомъ Іоакимомъ. **XVIII.**

23. *Князь Петръ большой Семеновичъ*.......................... **20.**
(Род. 161? умеръ 1669 г.).

30 Ноября 1632 г. былъ посланъ „съ золотыми" къ отцу своему князю Семену Васильевичу послѣ взятія города Бѣлаго. Въ 1643—46 г. былъ въ большомъ полку князя Черкасскаго въ Тулѣ. Въ 1649—1650 г.—воевода въ Перми и Чердыни. Исполнялъ дворцовую службу стольника и рынды до 1654 г. Въ походѣ 1654 г. былъ сотеннымъ головой въ большомъ полку сперва у дворянъ, а затѣмъ у стольниковъ. Въ 1655 г. былъ вторымъ воеводой эртаульнаго полка. Участвовалъ во взятіи Вильны и Ковны. Съ 1656 по 1659 г.—воевода въ Двинскѣ. Въ Мартѣ 1662 г., именуясь намѣстникомъ Тульскимъ, отправленъ былъ вмѣстѣ съ дворяниномъ Иваномъ Желябужскимъ и дьякомъ Давыдовымъ посломъ въ Англію къ королю Карлу II-му. Вернулся обратно въ Москву въ Августѣ 1663 г. Въ 1664 г. назначенъ судьею въ Московскій Судный Приказъ. Въ 1665—1666 г.—воевода въ Смоленскѣ. Въ 1666 г. назначенъ приставомъ при патріархѣ Александрійскомъ Паисіи.

Женатъ былъ на N. N.: о ней въ дворцовыхъ разрядахъ 8 Мая 1660 г. сказано, что она какъ боярыня угощала въ покояхъ царицы Маріи Ильинишны Грузинскую царицу Елену Леонтьевну. **XIX.**

24. *Князь Михаилъ Семеновичъ*.......................... **20.**
(Род. 162? умеръ 22 Іюня 1670).

Въ 1653 г. посланъ въ Нижній-Новгородъ на встрѣчу Грузинской царицы Елены Леонтьевны. Въ походѣ 1654 г. находился при государевой ставкѣ у большого копія. Исполнялъ дворцовую службу стольника и рынды до 1666 г., былъ между прочимъ рындой подъ Ригою въ 1656 г., при пріемѣ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ Курляндскаго посла Мельхіора Фонъ-Фельверзама. Въ 1657 г. былъ сотеннымъ головой въ дворянской сотнѣ. Въ 1662 г. былъ судьею въ Московскомъ Судномъ Приказѣ. Въ 1666 г. назначенъ состоять при братѣ своемъ князѣ Иванѣ Семеновичѣ въ Астрахань, гдѣ 22 Іюня 1670 г. убитъ по приказанію Стеньки Разина.

25. *Князь Петръ Меньшой Семеновичъ* .... **20.**

(Род. 163? умеръ 1 Января 1691 г.).

Стольникъ (1656), бояринъ (1681). Исполнялъ дворцовую службу стольника, рынды и пр. съ 1655 по 1667 г. Былъ воеводой: въ Терскѣ (1667—1678); въ Вяткѣ (1678); въ Кіевѣ (1682—1683); въ Тобольскѣ (1684—1689) и въ Новгородѣ (1690). Именуясь намѣстникомъ Брянскимъ, участвовалъ въ 1674 г. въ мирныхъ переговорахъ съ Польшею. Подписалъ (1682) постановленіе объ уничтоженіи мѣстничества. Похороненъ въ Москвѣ 3 Января 1691 г. въ Срѣтенскомъ монастырѣ. Женатъ на Иринѣ Алексѣевнѣ Мусиной-Пушкиной. **XX**.

26. *Князь Александръ Семеновичъ* .... **20.**

Стольникъ. Умеръ въ молодыхъ лѣтахъ 25 Января 1668 г. и похороненъ въ Москвѣ въ Срѣтенскомъ монастырѣ.

5. *Княжна Евдокія Семеновна* .... **20.**

За бояриномъ княземъ Яковомъ Куденетовичемъ Черкасскимъ. Пріѣзжая боярыня царицы Евдокіи Лукьяновны и Маріи Ильинишны. Упоминается какъ боярыня, сидѣвшая у гроба царевны Анны Алексѣевны 9 Мая 1659 г. **XXI**.

6. *Княжна Домна Семеновна* .... **20.**

Въ 1-мъ бракѣ за бояриномъ Михаиломъ Ивановичемъ Морозовымъ. Въ октябрѣ 1674 г. значится женою, а въ 1680 году вдовою Морозова.

Во 2-мъ бракѣ за окольничимъ Александромъ Севастіановичемъ Хитровымъ (или за братомъ его стольникомъ Иваномъ Севастіановичемъ). **XXII**.

Колѣно XXIV.

27. *Князь Петръ Ивановичъ* .... **22.**

(Род. 1644 умеръ 20 Марта 1720).

Стольникъ (12 Января 1659), комнатный стольникъ (1666), ближ-

ній человѣкъ царевича (1674—1682), а затѣмъ царя (1682—1696) Іоанна Алексѣевича. Ближній бояринъ въ 1676 г. (6 Іюня).

Исполнялъ дворцовую службу стольника и рынды съ 1658 г. Въ 1664 г. былъ у царя на смотру передъ войною „за его государевымъ Семеновскимъ дворцомъ“; въ 1667 г. былъ приставомъ при патріархѣ Макаріи Антіохійскомъ. Въ 1682 г. подписалъ постановленіе объ уничтоженіи мѣстничества. Игралъ выдающуюся роль въ 1689 г. въ эпоху паденія правительства царевны Софіи. Управлялъ приказомъ Большой Казны съ 1689 г. Во время перваго путешествія Петра I за границу (1697) былъ въ числѣ пяти бояръ, оставленныхъ царемъ управлять государствомъ; завѣдывалъ Монастырскимъ Приказомъ (въ Москвѣ) до 1718 г.; завѣдывалъ монетнымъ дворомъ съ 1710 г. Въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича, гдѣ была замѣшана его дочь княгиня Анастасія Петровна Голицына (по Московскому и Суздальскому розыску), подписалъ 4 Марта 1718 г. смертный приговоръ Кикину. Пользовался особымъ довѣріемъ и уваженіемъ какъ царя Алексѣя Михайловича, такъ и Петра Великаго, и сохранилъ за собой право соблюдать „обычаи старины“ до самой своей кончины. Женатъ былъ на Аннѣ Өедоровнѣ Ртищевой, пріѣзжей боярынѣ царицы Наталіи Кириловны. Княгиня Анна Өедоровна умерла 8 Мая 1683 г. и погребена въ Воздвиженскомъ монастырѣ въ Москвѣ. **XXIII**.

28. *Князь Борисъ Ивановичъ Старшій*........................... **22.**
Имѣя около 14 лѣтъ отъ роду, во время разгрома Астрахани Стенькой Разинымъ, былъ повѣшенъ за ноги по его приказанію (22 Іюня 1670 г.).

29. *Князь Борисъ Ивановичъ Младшій*........................... **22.**
(Род. 1661 г. умеръ въ Мартѣ или Апрѣлѣ 1718 г.).

Стольникъ (1672); комнатный стольникъ (1674); ближній человѣкъ (1676); ближній бояринъ (26 Февраля 1682). 17 Марта 1672 года изъ недорослей переименованъ въ стольники „за службу и смерть его отца и за мученія имъ потерпленныя“ (онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ (№ 28) и будучи 9-ти только лѣтъ отъ роду, былъ повѣшенъ за ноги 22 Іюня 1670 г. при разгромѣ Астрахани Стенькой Разинымъ, но снятъ съ висѣлицы еще съ признаками жизни и возвращенъ матери своей; остался хромымъ на всю жизнь и ходилъ на костыляхъ.) Подписалъ въ 1682 г. постановленіе объ уничтоженіи мѣстничества. Завѣдывалъ Саввинскимъ монастыремъ въ городѣ Звенигородѣ въ 1682 г. Долго управлялъ Оружейнымъ Приказомъ и государевой Мастерской палатой. Былъ воеводой въ Новгородѣ съ 1691 по 1700 г. (гдѣ и понынѣ хранится его знамя). Сопровождалъ Петра Великаго въ Архангельскъ въ 1702 г. и находился при немъ неоднократно на Воронежскихъ верфяхъ. Въ 1707 году изъ города

Жолквы назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣну, но посольство это было отмѣнено. Присутствовалъ въ С.-Петербургѣ (1712) при бракосочетаніи Петра Великаго съ Екатериною Алексѣевною. По завѣщанію своему оставилъ все свое состояніе въ распоряженіе императрицы Екатерины I-й. Похороненъ въ Москвѣ въ Срѣтенскомъ монастырѣ. Женатъ былъ на Иринѣ Михайловнѣ Корсаковой (умерла ранѣе 1727 г.). **XXIV**.

7. *Княжна Акилина Ивановна, въ иночествѣ старица Александра*... **22**.

(Род. 1650, умерла въ 1727 г.).

Будучи 12 лѣтъ отъ роду (1662), была изцѣлена какимъ-то чудомъ отъ слѣпоты. Въ юныхъ годахъ приняла постриженіе въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ.

8. *Княжна Марѳа Ивановна*.............................. **22**.

(Умерла 23 Февраля 1730).

Въ 1-мъ бракѣ за окольничимъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ (будто бы казненнымъ 17 Сентября 1677 г.).

Во 2-мъ бракѣ за Петромъ Петровичемъ Салтыковымъ (умеръ въ 1719). **XXV**.

30. *Князь Василій Петровичъ*...... .... **23**.

(Умеръ 1704 г.).

Стряпчій (1662). Переименованъ въ стольники (1664), комнатный стольникъ (1670), бояринъ (29 Іюня 1682). Въ юныхъ годахъ сопровождалъ (кажется) своего отца въ Англію (1662). Въ 1669 г. сопровождалъ патріарха Паисія отъ Москвы до Кіева. Исполнялъ дворцовую службу стольника, рынды и пр.—съ 1664 по 1689 г. Въ 1679 г. посланъ съ жалованнымъ словомъ къ князю Н. .И Одоевскому. Въ томъ же году назначенъ вторымъ воеводой въ Кіевъ при князѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Голицынѣ. Упоминается неоднократно во время поѣздокъ царя Ѳедора Алексѣевича по монастырямъ. Мѣстничалъ съ братьями Дмитріевыми въ 1674 г. Похороненъ въ Москвѣ въ Срѣтенскомъ монастырѣ. Бездѣтенъ.

31. *Князь Алексѣй Петровичъ*.......................... .... **23**.

(Умеръ въ 1705 г.)

Стряпчій (1662), комнатный стольникъ (1672), кравчій (29 Іюня 1682), бояринъ (1690). Въ юныхъ годахъ сопровождалъ (кажется) отца своего въ Англію (1662). Исполнялъ дворцовую службу стольника, рынды и пр. до 1689 г.; мѣстничалъ съ братьями Дмитріевыми въ 1674 году. Въ 1697 году былъ воеводой въ Азовѣ при бояринѣ Шеинѣ для промысла надъ Турками, Кубанцами и Ногайцами и для строенія въ Азовѣ и Таганрогѣ крѣпостей. Съ 1699 по 1703 г. былъ воеводой Двинскимъ; построилъ Ново-Двинскую крѣпость. Въ Москвѣ имъ сооружена часовня въ каменной

оградѣ Срѣтенскаго монастыря. Оставилъ по завѣщанію часть состоянія своего (село Люберцы близъ Москвы) князю Александру Даниловичу Меншикову. Похороненъ (вѣроятно) въ Срѣтенскомъ монастырѣ. *Женатъ* былъ: 1) на Маріи Васильевнѣ N., умершей 4 Января 1697 года и похороненной въ Срѣтенскомъ монастырѣ, 2) на Аграфенѣ Михайловнѣ N., вышедшей затѣмъ замужъ за князя Юрія Владимировича Долгорукова. **XXVI**.

9. *Княжна Евдокія Петровна*.. **23.**

За бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ (1629—1685). Его вторая жена. Евдокія Петровна умерла 9 Февраля 1687 г. и погребена была патріархомъ Іоакимомъ въ церкви Николая въ Столбахъ. **XXVII**.

32. *Князь Андрей Петровичъ*.. **25.**

(Умеръ 5 Іюня 1722). Стольникъ царицы Наталіи Кирилловны (1676); стольникъ царя Ѳедора Алексѣевича (1679), комнатный стольникъ царя Іоанна Алексѣевича (1682); бояринъ (29 Августа 1690) Въ 1705 г. показанъ бояриномъ на службѣ въ С.-Петербургѣ (Устряловъ, т. IV). Женатъ былъ: 1) на княжнѣ Иринѣ Юрьевнѣ Ромодановской (3 сына и 3 дочери), 2) на Матренѣ Ѳедоровнѣ Водородской (2 дочери) и 3) на Иринѣ Матвѣевнѣ Вельяминовой - Зерновой (3 сына и 7 дочерей).

33. *Князь Никита Петровичъ*.. **25.**

(Умеръ въ 1705 г.) Стольникъ царицы Наталіи Кирилловны (1676); стольникъ царя Ѳедора Алексѣевича (1680); комнатный стольникъ царя Іоанна Алексѣевича (1682); бояринъ (8 Іюня 1693 года). Въ 1691—1593 г. воевода въ Новгородѣ. Въ 1703 г. воевода въ Ладогѣ. Женатъ былъ: 1) на Аннѣ Петровнѣ Кондыревой, 2) на княжнѣ Маріи Михаиловнѣ Голицыной.

34. *Князь Александръ Петровичъ*.. **25.**

(Умеръ въ Вѣнѣ около 1720 г.) Былъ (кажется) замѣшанъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича. Стольникъ съ 1692 г. Женатъ былъ на княжнѣ Маріи Юрьевнѣ Великогагиной. Послѣ смерти мужа, она приняла постриженіе въ Московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ была казначейшей. **XXVIII**.

10. *Княжна Марѳа Петровна*.. **25.**

За комнатнымъ стольникомъ царя Ѳедора Алексѣевича Иваномъ (большимъ) Ивановичемъ Колычевымъ († 1703).

11. *Княжна Марія Петровна*.. **25.**

(Умерла 10 Марта 1684 г.). За княземъ Иваномъ Григорьевичемъ Куракинымъ (его вторая жена). Похоронена вмѣстѣ съ мужемъ въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ.

12. *Княжна Елена Петровна*.................................... **25.**

Была замужемъ за N. N.—и затѣмъ, овдовѣвъ, приняла постриженіе.

Колѣно XXV.

13. *Княжна Анастасія Петровна*......... .... **27.**

(Род. 22 Октября 1665, умерла 10 Марта 1729). Съ 12 Апрѣля 1684 замужемъ за комнатнымъ стольникомъ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Голицынымъ (1658—1729). Извѣстная „свѣтлѣйшая княгиня“ или „князь-игуменья“ эпохи Петра Великаго. Была лицомъ близкимъ къ царицѣ Прасковіи Ѳедоровнѣ и къ ея дочерямъ, такъ же какъ и къ царевнамъ сестрамъ Петра. Пользовалась кромѣ того (до 1718 г.) особымъ расположеніемъ императрицы Екатерины I-й. Будучи въ Копенгагенѣ при императрицѣ (лѣтомъ 1717 г.), княгиня Анастасія Петровна была вызвана въ Москву для допроса въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича и бывшей царицы Евдокіи Ѳедоровны (Лопухиной) (Суздальскій и Московскій розыски). 18-го Марта 1718 г., за недонесеніе словъ, сказанныхъ ей разстригою Демидомъ (епископомъ Досиѳеемъ), и за переноску словъ изъ дома Царскаго Величества къ царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ была приговорена къ наказанію „батогами“. Въ 1722 году снова появилась ко двору. Похоронена вмѣстѣ съ мужемъ своимъ въ Москвѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ. **XXIX**.

14. *Княжна Аграфена Петровна*................................ **27.**

(Умерла 8 Февраля 1707.) Была замужемъ за кравчимъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Салтыковымъ, братомъ царицы Прасковіи. (Его первая жена) **XXX**.

35. *Князь Петръ Алексѣевичъ*.............................. .... **31.**

Умеръ младенцемъ (4 Мая 1672 г.) и похороненъ въ Москвѣ въ Срѣтенскомъ монастырѣ.

36. *Князь Иванъ Алексѣевичъ*.......................................

Умеръ младенцемъ (2 Мая 1674) и похороненъ въ Москвѣ въ Срѣтенскомъ монастырѣ.

37. *Князь Иванъ Андреевичъ* (старшій) (отъ 1-го брака) .... **32.**

Комнатный стольникъ царя Іоанна Алексѣевича (25 Марта 1692); постригся (кажется въ 1705 г.) подъ именемъ Іосаѳа.

38. *Князь Ѳедоръ Андреевичъ*... **32.**

(Отъ 1-го брака). Въ 1712 г., посланъ за границу учиться морскому дѣлу. Показанъ пажемъ (?) при императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ 1720 г. Женатъ былъ на Иринѣ Ѳедоровнѣ Соковниной. **XXXI**.

39. *Князь Михаилъ Андреевичъ* (отъ 1-го брака)................ **32.**

Принялъ монашество на Аѳонской горѣ. Затѣмъ, именуясь Сергіемъ, былъ архимандритомъ въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ.

15. *Княжна Анна Андреевна* (отъ 1-го брака)................ **32.**

За княземъ Александромъ Ивановичемъ Жирово-Засѣкинымъ.

16. *Княжна Ѳедосія Андреевна* (отъ 1-го брака)................ **32.**

За Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ.

17. *Княжна Евдокія Андреевна* (отъ 1-го брака)................ **32.**

Въ первомъ бракѣ—за княземъ Петромъ Савельевичемъ Волконскимъ. Во второмъ бракѣ—за княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Шаховскимъ.

18. *Княжна Елена Андреевна* (отъ 2-го брака)................ **32.**

За Алексѣемъ Кирилловичемъ Лихаревымъ.

19. *Княжна Марія Андреевна* (отъ 2-го брака)................ **32.**

Умерла младенцемъ.

40. *Князь Иванъ Андреевичъ* младшій (отъ 3-го брака)............ **32.**
(Род. въ Москвѣ 5 Іюня 1712, ум. 1786).

Въ 1728 г. поступилъ лейбъ-гв. въ Преображенскій полкъ солдатомъ. Сержантъ въ 1729 г. Въ томъ же году назначенъ въ „штатъ" князя Василія Владимировича Долгорукова. Принималъ участіе въ походахъ 1733—1734 и былъ раненъ при взятіи Очакова (въ 1737 г.) Служилъ въ драгунскихъ полкахъ: Троицкомъ, Нарвскомъ и Пермскомъ, а также и въ Новгородскомъ пѣхотномъ. На коронаціи императрицы Елисаветы Петровны былъ церемоніймейстеромъ. Въ 1745 г. значится бригадиромъ, а въ 1750 г., генералъ-маіоромъ. 25 Декабря 1755 г. произведенъ въ генералъ-поручики. При Петрѣ III (въ самомъ началѣ 1762 г.) получилъ „абшидъ", а 22 Сентября того же года на коронаціи императрицы Екатерины II награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. 1-го Марта 1763 г. уволенъ вовсе отъ службы полнымъ генераломъ. Женатъ былъ на княжнѣ Маріи Михаиловнѣ Голицыной (1717—1780).

41. *Князь Петръ Андреевичъ* (отъ 3-го брака)..................... **32.**
Началъ службу рейтаромъ лейбъ-гвардіи въ Конномъ полку. Былъ въ походѣ 1737 г., гдѣ раненъ и контуженъ. 28 Декабря 1740 года изъ вахмистровъ произведенъ въ корнеты Конной гвардіи. Изъ секундъ-ротмистровъ Конной гвардіи 25 Сентября 1745 г. былъ переведенъ въ армію подполковникомъ, „за недостаткомъ содержать себя въ гвардіи". Уволенъ отъ службы бригадиромъ. Женатъ былъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Измайловой (1700—1793). **XXII** и **XXXVI**.

42. *Князь Василій Андреевичъ* (отъ 3-го брака)................... **32.**

Въ 1737 г., вступилъ на службу въ Нарвскій драгунскій полкъ. Въ семилѣтнюю войну былъ капитаномъ въ Псковскомъ пѣхотномъ полку и 1 Августа 1759 убитъ въ сраженіи при Франкфуртѣ на Одерѣ (Кунерсдорфъ). Холостъ.

20. *Княжна Екатерина Андреевна* (отъ 3-го брака). Умерла дѣвицей.. **32.**

21. *Княжна Аграфена Андреевна* 1-ая (отъ 3-го брака). Умерла трехлѣтнимъ ребенкомъ.. **32.**

22. *Княжна Марѳа Андреевна* 1-ая (отъ 3-го брака). Умерла младенцемъ.. **32.**

23. *Княжна Марѳа Андреевна* 2-ая (отъ 3-го брака). Умерла младенцемъ.. **32.**

24. *Княжна Марѳа Андреевна* 3-ья (отъ 3-го брака). Умерла младенцемъ.. **32.**

25. *Княжна Александра Андреевна* (отъ 3-го брака). Умерла дѣвицей 13 Февраля 1758 годя.............................. **32.**

26. *Княжна Аграѳена Андреевна* 2-ая (отъ 3-го брака). Умерла дѣвицей 9 Іюня 1756 годя.................................. **32.**

43. *Князь Александръ Никитичъ* (отъ 1-го брака). (Умеръ въ 1740 г.). **33.**

Комнатный стольникъ царя Іоанна Алексѣевича, сержантъ лейбъгвард. Семеновскаго полка. 21 Іюля 1708 посланъ въ Европейскія государства для обученія „всякимъ свободнымъ наукамъ". Учился морскому дѣлу въ Голландіи и былъ на службѣ въ Нидерландскихъ штатахъ. По возвращеніи въ Россію былъ опредѣленъ въ 1717 г. подпоручикомъ во флотъ. Въ 1721 г.—лейтенантъ. Сломалъ себѣ ногу, вышелъ въ отставку въ 1727 году. Въ 1732 г., опредѣленъ на службу во Владиміръ. Похороненъ (кажется) во Введенской-Островской пустынѣ Владимирской губерніи. Женатъ былъ: 1) на Прасковіи Васильевнѣ Леонтьевой, 2) (съ 15 Апрѣля 1729 г.) на княжнѣ Аннѣ Борисовнѣ Голицыной. **XXXIII.**

44. *Князь Владиміръ Никитичъ* (отъ 2-го брака)............... **33.**

Находился флигель, а затѣмъ генеральсъ-адъютантомъ при фельдмаршалѣ князѣ Михаилѣ Михаиловичѣ Голицынѣ. Женатъ былъ на Аграфенѣ Григорьевнѣ Годуновой. **XXXIV.**

45. *Князь Петръ Никитичъ* (отъ 2-го брака) .... **33.**

Былъ поручикомъ Лейбъ-Гв. Семеновскаго полка. Съ 1730 г. въ отставкѣ. Умеръ 1758 г. Женатъ былъ на Евдокіи Ѳедоровнѣ Глѣбовой.

27. *Княжна Аграфена Александровна* .... **34.**

За Княземъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Щербатовымъ († 24 Декабря 1762 г.).

28. *Княжна Ѳедосія Александровна*.............................. **34.**

За Степаномъ Степановичемъ Зиновьевымъ. **XXXV**.

Колѣно XXVI.

46. *Князь N. Ѳедоровичъ* .... **38.**

(Умеръ малолѣтнимъ).

29. *Княжна N. Ѳедоровна*.. **38.**

(Умерла малолѣтнею).

47. *Князь Андрей Ивановичъ*.. **40.**

(Род. 11 Мая 1748, умеръ послѣ 1780 г.).

Зачисленъ въ Семеновскій полкъ въ 1755 г. Съ 1765 г. флигель, а затѣмъ генеральсъ - адъютантъ фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына. Привезъ въ С.-Петербургъ извѣстіе о битвѣ подъ Хотинымъ 19 Апрѣля 1769 г. Служилъ въ Рязанскомъ пѣхотномъ полку. Былъ въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ и получилъ орденъ св. Георгія 4-ой степени. Въ 1773 г. служилъ сперва подъ Силистріею въ отрядѣ генерала поручика Потемкина (будущаго кн. Таврическаго), а затѣмъ въ Крыму при князѣ В. М. Долгоруковѣ (Крымскомъ), гдѣ 23 Октября учавствовалъ въ дѣлѣ подъ Базарчикомъ. 17 Марта 1774 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, командуя бригадой (полками Рязанскимъ и Каргопольскимъ). Въ 1777 г. по болѣзни уволенъ въ отпускъ, а въ 1779 г. въ отставку.

48. *Князь Михаилъ Ивановичъ* .... **40.**

(Род. 27 Марта 1752, умеръ 11 Марта 1759).

49. *Князь Иванъ Ивановичъ* .... **40.**

(Род. 23 Сентября 1754). Зачисленъ на службу 1 Января 1766 г. въ Архангелогородскій полкъ. Въ 1770 г. былъ волонтеромъ у генерала Вейсмана. Въ 1772 г. былъ флигель-адъютантомъ фельдмаршала кн. Александра Михайловича Голицына. Въ 1774 г. состоялъ подъ командою генералъ-поручика Суворова. Въ 1776 г. былъ полковникомъ въ легко-конномъ Черниговскомъ полку. Въ 1780 г. произведенный въ бригадиры, продолжалъ командовать полкомъ. Въ 1782 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Участвовалъ въ кампаніи 1788 г. Въ 1790 г. произведенъ въ генералъ-поручики и опредѣленъ къ статскимъ дѣламъ. Женатъ былъ на княжнѣ Татьянѣ Михайловнѣ Голицыной (1769—1840).

50. *Князь Николай Ивановичъ старшій* . . . . **40.**
(Умеръ малолѣтнимъ въ 1755 г.).

51. *Князь Николай Ивановичъ младшій.* . . . . **40.**
(Род. 1760, умеръ 1762).

30. *Княжна Татьяна Ивановна* . . . . **40.**
(Умерла младенцемъ).

31. *Княжна Варвара Ивановна (старшая)* . . . . **40.**
(Род. 1744, умерла 1749).

32. *Княжна Екатерина Ивановна* . . . . **40.**
(Род. 1745, умерла 1763).

33. *Княжна Марія Ивановна* . . . . **40.**
(Род. 1746, умерла 1747).

34. *Княжна Наталія Ивановна* . . . . **40.**
(Род. 23 Августа 1749). За Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Сафоновымъ.

35. *Княжна Варвара Ивановна (младшая)* . . . . **40.**
(Род. 2 Августа 1750, ум. 1806 г.). Съ 30-го Января 1774 г. за генералъ-поручикомъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ, будущимъ генералъ-фельдмаршаломъ, княземъ Италійскимъ, графомъ Рымникскимъ.

36. *Княжна Анна Ивановна* . . . . **40.**
(Род. 1753, ум. 1754).

37. *Княжна Анастасія Ивановна* . . . . **40.**
(Род. 1758, ум. 1759).

52. *Князь Андрей Петровичъ* . . . . **41.**
(Умеръ малолѣтнимъ).

53. *Князь Александръ Александровичъ старшій* (отъ 1-го брака). . . . **43.**
(Род. 1715, ум. 6 Августа 1769). Въ 1736 г. выпущенъ изъ Сухопутнаго Шляхетскаго Корпуса (куда опредѣленъ былъ въ 1732 г.) въ Бутырскій пѣхотный полкъ. Служилъ въ 1737 въ арміи графа Миниха и былъ раненъ. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1738 и 1742 годовъ флигель-адъютантомъ генералъ-аншефа Леонтьева. Въ 1748 г. былъ въ заграничномъ походѣ подъ начальствомъ князя Репнина. Въ 1755 г. произведенъ въ полковники. Участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и 19 Августа 1757 г. при Гроссъ-Эгерсдорфѣ раненъ пулею въ ногу. Въ 1759 г. уволенъ въ отставку генералъ-маіоромъ. Въ 1764 г. получилъ орденъ св. Анны 1-ой степени. Женатъ былъ: 1) на княжнѣ Маріи Сергѣевнѣ Долгоруковой, умерла 21 Ноября 1763 г. и погребена въ Москвѣ въ Срѣтенскомъ мона-

стырѣ. 2) на графинѣ Маріи Александровнѣ Головиной († 11 Октября 1770). **XXXVI.**

54. *Князь Алексѣй Александровичъ* (отъ 2-го брака)............... **43.**
(Умеръ малолѣтнимъ).

55. *Князь Борисъ Александровичъ* (отъ 2-го брака)................ **43.**
(Умеръ малолѣтнимъ).

56. *Князь Александръ Александровичъ младшій* (отъ 2-го брака)...... **43.**
(Род. 1732, ум. 9 Августа 1809). Зачисленъ на службу въ л.-гв. Семеновскій полкъ 7 Іюля 1742 г. солдатомъ. Въ Семилѣтнюю войну былъ сперва поручикомъ, а затѣмъ капитаномъ во 2-мъ Московскомъ полку. Былъ раненъ подъ Гроссъ-Эгерсдорфомъ. Вторично раненъ при Цорндорфѣ (25 Августа 1758). Въ 1759 г. переведенъ въ Воронежскій пѣхотный полкъ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Пальцигѣ или при Франкфуртѣ на Одерѣ. Въ 1760 г. переведенъ былъ подполковникомъ въ 1-й гренадерскій полкъ и участвовалъ во взятіи Берлина графомъ Тотлебеномъ, послѣ чего отправленъ былъ въ С.-Петербургъ съ вещами, взятыми въ Берлинѣ. Въ 1761 г. былъ полковникомъ сперва въ Углицкомъ полку, а затѣмъ въ С.-Петербургскомъ пѣхотномъ. Въ 1762 г. переведенъ въ 4-й гренадерскій полкъ. Находился во время коронаціи императрицы Екатерины II (22 Сентября 1762) въ Москвѣ, гдѣ принималъ участіе въ военной коммиссіи о составленіи новыхъ штатовъ для пѣхотныхъ полковъ. Въ 1764 г. произведенъ въ генералъ-маіоры въ Смоленскую дивизію. Въ 1766 и 1767 гг. находился съ „деташементомъ“ въ Варшавѣ. Въ 1767 г. получилъ отъ Польскаго короля орденъ св. Станислава. Въ 1768 г. дѣйствовалъ противъ Барскихъ конфедератовъ и получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Въ 1769 г., находился въ арміи князя А. М. Голицына и получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ 1770 г., находился во 2-ой арміи (графа П. И. Панина) и получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени и 10.000 р. с. Съ 1771 по 1774 г. находился въ арміи князя В. М. Долгорукова-Крымскаго. Въ 1773 г., произведенъ былъ въ генералъ-поручики и получилъ вотчину въ Могилевской губерніи (мѣстечко Сухарное). Въ 1775 г., назначенъ былъ командующимъ корпусомъ въ Полтаву (бывшая вторая армія). Въ томъ же году „за прошлую Крымскую кампанію“ получилъ брилліантовую шпагу. Въ 1777 году „за Крымскія дѣла“ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени, командуя Украйнскою дивизіею. Въ 1780 г. назначенъ былъ намѣстникомъ Орловскимъ и Курскимъ. Въ 1783 г. произведенъ былъ въ генералъ-аншефы. Въ 1784 г. уволенъ изъ Орла. Въ 1790 г., назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Москву и получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1795 г. получилъ орденъ св. Владиміра 1-й степени. Въ 1796 г. (24-го Ноября) назначенъ былъ командиромъ Смолен-

ской дивизіи съ переименованіемъ въ генералы отъ инфантеріи. 6 Января 1797 г. отчисленъ былъ отъ должности и удаленъ въ деревню „за вступленіе въ командованіе не своей части“ (какъ сказано въ парольномъ приказаніи). Въ 1801 г. вновь опредѣленъ на службу. Въ 1806 вступилъ въ командованіе VI-ой области государственнаго ополченія. Въ 1807 г. (30 Августа) произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Въ 1808 г. назначенъ главнокомандующимъ арміи противъ Турокъ. Въ 1809 г. скончался въ лагерѣ подъ Мачиномъ. Похороненъ въ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ. Женатъ былъ: на княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Волконской (дочери князя Михаила Никитича).

57. *Князь Өедоръ Александровичъ* (отъ 2-го брака) .... **43.**
(Умеръ малолѣтнимъ).

38. *Княжна Анастасія Александровна* (отъ 1-го брака) . . . . **43.**
(Умерла дѣвицей).

39. *Княжна Ирина Александровна* (отъ 1-го брака). . . . . **43.**
(Постриглась въ Москвѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ).

58. *Князь Петръ Владимировичъ*....... .... **44.**
Служба его неизвѣстна. Былъ женатъ на N. N. **XXXVII.**

40. *Княжна Анна Владимировна*. . ... **44.**
За Алексѣемъ Петровичемъ Акинөіевымъ.

59. *Князь Николай Петровичъ*.................................. **45.**
(Род. 1729 г.). Въ 1755 г. выпущенъ изъ Сухопутнаго Кадетскаго корпуса во 2-ой Московскій полкъ. Участвовалъ въ началѣ Семилѣтней войны. Въ 1760 г. уволенъ въ отставку капитаномъ. Женатъ былъ на Дарьѣ Ивановнѣ Ильиной (бездѣтенъ).

60. *Князь Иванъ Петровичъ*.................................... **45.**
Сержантъ л.-гв. Преображенскаго полка. Уволенъ изъ службы поручикомъ арміи.

41. *Княжна Елена Петровна*.................................... **45.**
(Умерла дѣвицей).

Колѣно XXVI.

42. *Княжна Анна Ивановна*...................................... **49.**
За княземъ Юріемъ Ивановичемъ Трубецкимъ. (Его первая жена).

61. *Князь Николай Александровичъ* (отъ 1-го брака) .... **53.**
(Умеръ малолѣтнимъ).

62. *Князь Алексѣй Александровичъ* (отъ 1-го брака). .... **53.**
(Умеръ малолѣтнимъ).

63. *Князь Петръ Александровичъ* (отъ 1-го брака) . ... **53.**

(Род. 11 Мая 1753). Въ 1770 г.—поручикъ арміи; за Кагульское сраженіе произведенъ въ капитаны. Въ 1771 году—секундъ-маіоръ. Въ 1772 г. преміеръ-маіоръ. Въ 1775 г., будучи на Кубани, пожалованъ въ подполковники. Въ 1777 г. находился въ арміи въ Крыму. Въ 1784 г. произведенъ въ полковники въ Глуховской карабинерный полкъ. Въ 1790 г. былъ бригадиромъ. Женатъ былъ: 1) на Елисаветѣ (Александрѣ?) Егоровнѣ Волынской (?), 2) на Софіи Ивановнѣ Скоропадской (?) **XXXVIII.**

64. *Князь Дмитрій Александровичъ* (отъ 1-го брака) .... **53.**
(Род. 7 Сентября 1759 г., умеръ въ Апрѣлѣ 1814). Въ 1776 г. изъ Сухопутнаго Кадетскаго корпуса выпущенъ въ армію поручикомъ. Находился при войскахъ въ Крыму въ 1782 г. Въ томъ же году уволенъ изъ военной службы капитаномъ и опредѣленъ въ Курскъ прокуроромъ съ чиномъ коллежскаго асесссора. Затѣмъ былъ полиціймейстеромъ въ Москвѣ въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Женатъ былъ: 1) на княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Волконской, 2) на Маріи Григорьевнѣ Шишкиной.

43. *Княжна Прасковія Александровна.* (Отъ 1-го брака) .... **53.**
(Умерла малолѣтней). **XXXIX.**

44. *Княжна Елисавета Александровна*.......................... **56.**
(Род. 1781 г., ум. 20 Іюня 1795).

45. *Княжна Анна Александровна*.............................. **56.**
(Род. 28 Декабря 1782, ум. 12 Декабря 1863). Съ 14 Февраля 1809 г. за егермейстеромъ княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ. Старшій сынъ, родившійся отъ этого брака, князь Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ (1810—1898), сталъ съ 10-го Ноября 1852 г. родоначальникомъ князей Прозоровскихъ-Голицыныхъ.

65. *Князь Владиміръ Петровичъ*.............................. **58.**
(Род. 4 Мая 1743 г., ум. 21 Января 1796 г.). Служилъ недолго сперва въ военной, а затѣмъ въ гражданской службѣ. Въ 1790 г., былъ въ отставкѣ. Женатъ былъ на княжнѣ Прасковіи Васильевнѣ Хилковой (род. 21 Іюня 1739, умерла 21 Мая 1807).

46. *Княжна Аграфена Петровна*. .... **58.**
(Умерла дѣвицей).

47. *Княжна Марія Петровна*.................................. **58.**
(Умерла дѣвицей).

48. *Княжна Варвара Петровна*................................ **58.**
За Иваномъ Семеновичемъ Васильчиковымъ.

66. *Князь Петръ Ивановичъ* .... **60.**
(Род. въ 1765 году). Служилъ л.-гв. въ Измайловскомъ полку.

Колѣно XXVIII.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Примѣчанія *).

I. Въ Родословной Книгѣ кн. Долгорукова (томъ I. стр. 141) вторая жена кн. Ѳедора Ростиславича названа „Анною Ногаевною“ и была будто бы дочерью хана Ногая, а не Менгу-Темира. Показаніе это, какъ кажется, основано на одномъ только предположеніи Карамзина. Карамзинъ (томъ IV, ст. 87 и 105), сомнѣваясь, чтобы Менгу-Темиръ, преемникъ хана Берку, брата Батыя (перваго хана, принявшаго Исламизмъ), могъ дать разрѣшеніе своей дочери перейти въ Православіе, полагаетъ, что тестемъ кн. Ѳедора Ростиславича былъ не Менгу-Темиръ, а Ногай, исповѣдывавшій Христіанскую вѣру и женатый на Еѳросиніи, дочери императора Михаила Палеолога. Предположеніе это не согласуется, кажется, съ тѣми свѣдѣніями, которыя дошли до насъ о кн. Ѳедорѣ Ростиславичѣ (Степенная книга, Никоновская лѣтопись). Если кн. Ѳедоръ женился на дочери того самаго хана, при которомъ онъ игралъ выдающуюся роль, управляя обширною областію съ 30-ю городами (въ числѣ которыхъ упоминается въ первый разъ Казань), то несомнѣнно, что ханъ этотъ былъ ханомъ Большой, а не начинавшей свое существованіе Ногайской орды. Кромѣ того, изъ роли, игранной княземъ Ѳедоромъ Ростиславичемъ во время распрей между сыновьями Александра Невскаго, видно, что, держа сторону Андрея Городецкаго, онъ пользовался покровительствомъ Менгу-Темира, а не Ногая, который повидимому поддерживалъ Дмитрія Александровича противъ Андрея, по крайней мѣрѣ въ тѣ года, когда кн. Ѳедоръ женился вторымъ бракомъ (около 1280 года). Бракъ кн. Ѳедора на Татарской княжнѣ не былъ явленіемъ исключительнымъ: дядя его первой жены (и одновременно тесть его дочери), князь Глѣбъ Бѣлозерскій, былъ женатъ на дочери хана Сартока, сына Батыя и племянника Берку. Митрополитъ Макарій (Ист. Рус. Церкви, т. IV, стр. 124) называетъ княгиню Анну дочерью Менгу-Темира, а не Ногая.

II. Въ Никоновской лѣтописи (т. IV, стр. 98) говорится, что въ войскѣ Дмитрія Донского на Куликовомъ полѣ находились между прочими князьями „князья Андрей и Романъ Прозоровскіе и князь Левъ Курбскій“. Ни Прозоровскихъ, ни Курбскихъ не существовало еще въ 1380-мъ году, и потому надо полагать, что помянутые князья назывались просто еще князьями Ярославскими и Моложскими. Они нѣсколько иначе названы въ

---

*) Римскія цифры, которыми помѣчены эти примѣчанія, соотвѣтствуютъ, каждая таковымъ же въ Родословной росписи, напр. I страницѣ 10-й; II, III, IV и V—страницѣ 12-й и такъ далѣе.

„Повѣданіи о побоищѣ в. к. Дмитрія Ивановича Донского“ (Русскій Историческій Сборникъ Погодина, т. III, стр. 16). Тамъ говорится, что при Донскомъ находились князья: 1) Андрей Ярославскій, 2) Романъ Прозоровскій и 3) Левъ Серпуховской, который будто въ нѣкоторыхъ спискахъ названъ „Курбскимъ“ или „Курскимъ“. Несомнѣнно, что всѣ кн. Ярославскіе и Моложскіе участвовали въ походѣ на Мамая: Дмитрій Донской писалъ въ грамотахъ своихъ, „что Ярославскіе князья съ нимъ какъ одинъ человѣкъ“. Названный кн. Романъ былъ вѣроятно кн. Романомъ Васильевичемъ Ярославскимъ (№ 9), а кн. Левъ—княземъ Львомъ Михайловичемъ Моложскимъ (№ 12). Кого надо разумѣть подъ именемъ кн. Андрея, мы не знаемъ.

III. Въ „Исторіи города Ярославля“ Троицкаго сказано, что у кн. Ѳедора Васильевича былъ сынъ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ, намѣстникъ Двинскій. Показаніе это едва ли точно. Намѣстникомъ Двинскимъ въ 1391-мъ году былъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ростовскій, а не Ярославскій (Древняя Русская Вивліоѳика, томъ XVIII, стр. 5).

IV. См. Путевыя письма графа М. Толстаго.

V. Такъ сказано у кн. Долгорукова. У князя же Лобанова въ его Родословной Книгѣ Серапіономъ названъ внукъ кн. Семена Ѳедоровича и его одноименникъ.

VI. Въ Древней Русской Вивліоѳикѣ (т. IV) помѣщенъ одинъ синодикъ 1684 года. Въ этомъ синодикѣ (стр. 457) сказано между прочимъ слѣдующее:

„Иже убіеннымъ въ Суздалѣ отъ безбожнаго Мамутека за православную вѣру, князю Борису Васильевичу Суздальскому, *князю Ивану Ѳедоровичу Прозоровскому*, князю Глѣбу Ивановичу Шуморовскому, князю Борису Семеновичу *и* брату его князю Петру (Сицкимъ), *князю Юрію Ивановичу да сыну его Ѳедору и сыну его князю Андрею Прозоровскимъ-Моложскимъ*, князю Юрію Ярославскому (?), князю Дмитрію Палецкому—вѣчная память“.

Убитыми подъ Суздалемъ слѣдуетъ разумѣть здѣсь только тѣхъ лицъ, имена которыхъ значатся раньше первой частички *и*. Слѣдующія затѣмъ имена составляютъ уже, вѣроятно, дальнѣйшую приписку и не относятся къ Суздальскому погрому. По крайней мѣрѣ относительно князей Ѳедора и Андрея Прозоровскихъ достовѣрно извѣстно, что они не могли быть убитыми въ 1445-мъ году. Болѣе чѣмъ сомнительно также, чтобы кн. Юрій Ивановичъ не жилъ во второй половинѣ XV-го вѣка. Въ Родословной кн. Лобанова (т. II) убитымъ подъ Суздалемъ въ родѣ Сицкихъ показанъ одинъ только князь Борисъ Семеновичъ. О братѣ же его князѣ Петрѣ (помѣщенномъ въ синодикѣ уже послѣ частички *и*) тамъ ничего не сказано.

VII. Въ Родословной Долгорукова (т. I, стр. 144) князь Глѣбъ ошибочно названъ Ѳедоромъ. Не про него ли упоминается въ духовной грамотѣ Іоанна III, гдѣ между прочимъ сказано: „Городъ Мологу изъ Глѣбовыхъ

вотчинъ..... благословляю сына моего Дмитрія"? (Др. Русск. Вивліоѳика, т. V, стр. 75). Шуморово—село на Волгѣ въ 8-ми верстахъ отъ г. Мологи.

VIII. Нѣкоторыя родословныя производятъ князей Тюменскихъ отъ князей Троекуровыхъ. Князь Лобановъ (т. II, стр. 307) опровергаетъ это предположеніе. Князья Тюменскіе происхожденія Татарскаго.

IX. Вопросы о томъ: 1) былъ ли или нѣтъ князь Иванъ Васильевичъ (№ 13) на большомъ княженіи въ Ярославлѣ, и 2) почему право на большое княженіе перешло къ сыну князя Ѳедора Васильевича (№ 14), князю Александру Ѳедоровичу (№ 40), а не осталось достояніемъ старшей вѣтви рода, т. е. потомства князя Ивана Васильевича—остаются до сихъ поръ вопросами неразрѣшенными. Если, съ одной стороны, нѣкоторыя родословныя книги и, руководствуясь ими, нѣкоторые историки даютъ понять намъ, что кн. Иванъ Васильевичъ вовсе не былъ на большомъ княженіи, то съ другой стороны существуютъ данныя, на основаніи которыхъ бытіе кн. Ивана Васильевича на большомъ княженіи кажется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Уже одно то обстоятельство, что имя кн. Ивана Васильевича (и какъ будто бы—представителя власти въ Ярославлѣ) встрѣчается неоднократно въ лѣтописяхъ, между тѣмъ какъ о князѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ не упоминается ни разу, наводитъ нѣкоторое сомнѣніе на предполагаемое небытіе кн. Ивана на Ярославскомъ княженіи. Но съ другой стороны, почему же старшинство въ родѣ перешло къ князьямъ Пѣнковымъ, потомкамъ кн. Ѳедора, а не осталось въ родѣ князей Алобышевыхъ, Алонкиныхъ, Троекуровыхъ, Сисѣевыхъ, Шастуновыхъ, Гагиныхъ, Велико-Гагиныхъ или Курбскихъ, представителей старшей вѣтви рода? Переходъ старшинства въ родъ кн. Пѣнковыхъ понятенъ при непремѣнномъ условіи небытія князя Ивана на Ярославскомъ княженіи, но такъ какъ небытіе это очень сомнительно и даже невѣроятно, то поневолѣ, за неимѣніемъ данныхъ, приходится прибѣгать къ различнымъ предположеніямъ и догадкамъ, для того чтобы найти рѣшеніе задачи и признать какъ бытіе Ивана Васильевича на большомъ княженіи, такъ и старшинство рода князей Пѣнковыхъ, за два достовѣрныхъ факта, не противорѣчащихъ другъ другу.

Намъ кажется, что есть одно предположеніе (конечно весьма проблематическаго свойства), съ помощью котораго можно объяснить старшинство князей Пѣнковыхъ, при сохраненіи условія—великаго княженія князя Ивана Васильевича въ Ярославлѣ.

Предположеніе это слѣдующее.

Въ Родословной книгѣ кн. Долгорукова и въ книгѣ А. А. Титова „Ростовскій уѣздъ" указывается на то, что дочь кн. Ивана Васильевича Ярославскаго, княжна Марія Ивановна, была за мужемъ за княземъ Александромъ Ѳедоровичемъ Ростовскимъ. Въ сочиненіи же А. В. Экземплярскаго (Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси, томъ II, стр. 92—97) говорится, что мужемъ княжны Маріи Ивановны былъ кн. Александръ Ѳедоровичъ

не Ростовскій, а Микулинскій. Первое изъ этихъ указаній основано, кажется, на родословныхъ таблицахъ кн. Щербатова, а другое—на одномъ мѣстѣ Тверской лѣтописи. Очевидно, что одно изъ этихъ указаній ошибочно, но которое? Не ошибочны ли оба указанія, и не была ли княжна Марія Ивановна женою своего двоюроднаго брата князя Александра Ѳеодоровича Ярославскаго? Предположеніе это имѣетъ въ основаніи своемъ слѣдующія данныя:

1) Браки между близкими родственниками заключались нерѣдко въ древней Россіи (Карамзинъ т. II и III).

2) Въ Никоновской лѣтописи (т. V, стр. 42) лаконически сказано: „Тое-же зимы (1412-го года) Генваря 17-го, князь Иванъ Васильевичъ Ярославскій выдалъ дочь свою Марію за князя Александра Ѳеодоровича“. Такъ какъ означенному князю Александру Ѳеодоровичу не приписывается въ лѣтописи ни родового, ни фамильнаго наименованія, то является возможность предположить, что онъ подобно своей женѣ былъ также изъ рода кн. Ярославскихъ; другого же князя Александра Ярославскаго, кромѣ кн. Александра Ѳеодоровича Брюхатаго, въ родословныхъ не значится.

3) Въ одномъ синодикѣ 1684 года (Др. Рус. Вивліоѳ. т. VI, стр. 447) встрѣчается слѣдующее поминовеніе рода князей Пѣнковыхъ:

„*Благовѣрному князю Ивану Васильевичу* и князю Александру Ѳеодоровичу и сыну его князю Даніилу и внучатамъ его князю Вассіану и князю Ивану Пѣнковымъ-Ярославскимъ—вѣчная память“.

Спрашивается, почему въ поминаніи этомъ пропущенъ кн. Ѳеодоръ Васильевичъ, который по крови былъ ближе къ кн. Пѣнковымъ, чѣмъ старшій его братъ кн. Иванъ Васильевичъ? Не есть-ли это указаніе на то, что корень, давшій родовое старшинство кн. Пѣнковымъ, былъ не кн. Ѳеодоръ, а князь Иванъ? Какимъ же образомъ могъ кн. Иванъ, минуя своихъ сыновей, передать старшинство рода въ поколѣніе своего брата? Не отказались-ли, добровольно или недобровольно, сыновья кн. Ивана Васильевича отъ правъ своихъ на большое княженіе, не слились-ли они съ Москвою еще при в. к. Василіи Дмитріевичѣ и не вышла-ли сестра ихъ, княжна Марія Ивановна, за своего двоюроднаго брата, передавъ ему эфемерныя права на большое Ярославское княженіе? Допуская возможность такого предположенія, слѣдуетъ одновременно съ этимъ установить фактъ о весьма продолжительной жизни кн. Александра Ѳеодоровича: женившись въ 1412 году, онъ умеръ лишь въ 1471, на что мы указаній не имѣемъ никакихъ.

X. Въ житіяхъ св. Іосафа сказано, что кн. Андрей поступилъ въ монастырь, имѣя всего 13 лѣтъ отъ роду, между тѣмъ какъ въ родословныхъ (Новикова, Долгорукова и Лобанова) онъ показанъ женатымъ на княжнѣ Дѣевой. А. В. Экземплярскій (т. II, ст. 114) опровергаетъ показанія названныхъ родословныхъ и полагаетъ, что на княжнѣ Дѣевой былъ женатъ не князь Андрей (№ 42), а братъ его кн. Семенъ (№ 43). Что же

касается до брака князя Семена съ княжной Софіей Дмитріевной Шемякиной, о которомъ говорится у Долгорукова (т. I, ст. 145), то А. В. Экземплярскій считаетъ его невѣроятнымъ вслѣдствіе слишкомъ близкаго родства, существовавшаго между ними, такъ какъ отецъ княжны, князь Дмитрій Юрьевичъ, былъ женатъ на сестрѣ князей Андрея Заозерскаго и Семена Кубенскаго.

XI. Сыновья князя Аѳанасія, князья Семенъ и Василій Аѳанасьевичи, продали г. Романовъ великой княгинѣ Марьѣ Ярославнѣ (матери Іоанна III), которая подарила его младшему сыну своему, князю Андрею Васильевичу. (Сборникъ Муханова стр. 67, 611).

XII. У Соловьева (т. V, примѣчаніе 99) говорится объ одномъ князѣ *Тимоѳеѣ Прозоровскомъ*, посланномъ Іоанномъ III въ Казань въ 1486 году. Имени „Тимоѳея" не встрѣчается въ родословныхъ кн. Прозоровскихъ. Не одно ли это лицо съ кн. Андреемъ? Въ азбучномъ указателѣ именъ Русскихъ дѣятелей (Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества, т. LXII) сказано, что князь Андрей Ивановичъ сохранилъ самостоятельность своего удѣла до 1508 года. Намъ неизвѣстно, на чемъ основано подобное показаніе.

XIII. Изъ грамотъ, писанныхъ Іоанномъ III князю Ѳедору Юрьевичу (Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества, т. XXXV) видно, что онъ кореннымъ фамильнымъ именемъ своимъ назывался княземъ Прозоровскимъ, а не Судскимъ. Правда, что на нѣкоторыхъ грамотахъ находится слѣдующая подпись: „А се такова грамота наша послана къ Судскому въ Дорогобужъ"; но въ самыхъ грамотахъ кн. Ѳедоръ Юрьевичъ называется Прозоровскимъ; онъ также именуется Прозоровскимъ, а не Судскимъ, въ упомянутомъ выше синодикѣ (см. примѣчаніе VI-ое). Прозваніе „Судского", перешедшее затѣмъ въ фамильное наименованіе рода, происходитъ вѣроятно отъ рѣки „Судской", впадающей въ Волгу близъ Мологи, или же отъ какой либо „Судской" волости, но только едва ли отъ извѣстной Судской волости близъ Бѣлозерска, принадлежавшей еще въ 1380 году Дмитрію Донскому (Соловьевъ, т. IV). Не есть ли это прозвище, смыслъ котораго намъ въ настоящее время непонятенъ? Одновременно съ той эпохой, когда кн. Ѳедоръ Юрьевичъ былъ намѣстникомъ въ Дорогобужѣ, въ Вязьмѣ намѣстничалъ одинъ окольничій, который въ грамотахъ называется не иначе, какъ „Шадра" или „Шадринъ" (Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества, т. XXXV), но который былъ никто иной, какъ окольничій Иванъ Васильевичъ Воронцовъ-Вельяминовъ, названный у Долгорукова (т. IV) „Щадра", а въ Шереметевскомъ спискѣ (Др. Русс. Вивліоѳ. т. XX)—„Щедра". Шадра (по словарю Даля) значитъ рябой. Въ родословныхъ Долгорукова и Лобанова отецъ князя Ѳедора Юрьевича, князь Юрій Ивановичъ (№ 2), названъ княземъ Судскимъ, что кажется ошибочно.

XIV. „Плёсъ"—нынѣ заштатный городъ Костромской губерніи близъ Нерехты.

XV. Въ указателѣ личныхъ именъ Русскихъ дѣятелей (Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества т. LXII) князь Александръ Ивановичъ названъ бояриномъ. Не знаемъ, откуда почерпнуто это показаніе.

XVI. Вскорѣ послѣ насильнаго постриженія царя Василія Шуйскаго и его супруги царицы Маріи Петровны (осенью 1610 года) былъ произведенъ въ Московскомъ Кремлѣ обыскъ боярами князьями Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ и Василіемъ Михайловичемъ Рубецъ-Масальскимъ, обыскъ, имѣвшій цѣлью узнать „сколько княжъ Васильева княгиня Шуйскаго государевой казны покрала и кому давала хоронити". Изъ допросовъ, которымъ подвергнуты были лица приближенныя къ бывшей царицѣ, видно, что одна княгиня *Евдокія Прозоровская* пользовалась ея полнымъ довѣріемъ и что одна княжна Прозоровская жила „во дворцѣ въ сѣнѣхъ". Князь же Семенъ Васильевичъ (какъ будто тоже жившій во дворцѣ) продавалъ по порученію царя и царицы „царскую рухлядь" и вырученными отъ продажи деньгами платилъ жалованье боярскимъ дѣтямъ и „Нѣмцамъ", т. е. вѣроятно Шведамъ войска Делагарди. Чѣмъ приходились названныя княгиня и княжна князю Семену Васильевичу—намъ не удалось открыть. Были ли это его мать и сестра, или первая жена и сестра. мы не знаемъ. (Забѣлинъ, Домашній бытъ Русскихъ царицъ; Матеріалы стр. 19—21 и другія).

Относительно дѣйствительной щедрости, оказанной Василіемъ Шуйскимъ Шведамъ, любопытно прочесть отзывъ князя Даніила Мезецкаго, высказанный имъ Шведскимъ уполномоченнымъ при заключеніи Столбовскаго мира. (Соловьевъ, т. IX).

XVII. Князь Романъ Θедоровичъ Троекуровъ извѣстенъ былъ между прочимъ своимъ мѣстническимъ споромъ съ любимцемъ Бориса Годунова, княземъ Даніиломъ Мезецкимъ. При первомъ самозванцѣ князь Романъ былъ воеводой въ Тобольскѣ (1606). Братъ его князь Иванъ Θедоровичъ былъ женатъ на Аннѣ Никитишнѣ Романовой, сестрѣ патріарха Филарета. (Разрядная книга томъ I и родословная кн. Троекуровыхъ А. А. Титова, Русскій Архивъ, 1895, № 9).

XVIII. Княгиня Прасковія Θедоровна была дочерью извѣстнаго дьяка, печатника и думнаго дворянина Θедора Θедоровича Лихачева, умершаго 26 Января 1653 года схимникомъ въ Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ. Въ числѣ вотчинъ, данныхъ имъ въ приданое дочери своей, находилось и полъ-деревни Дурнева. преобразившееся при кн. Иванѣ Семеновичѣ въ село Петровское (см. примѣчаніе № XXIX). Дворъ кн. И. С. Прозоровскаго находился въ Москвѣ между улицами Знаменкой и Пречистенкой (см. планъ, приложенный въ V тому „Рода Шереметевыхъ" А. Барсукова).

XIX. Существуетъ картина масляными красками, изображающая князя Петра (большого) Семеновича Прозоровскаго, окруженнаго тремя другими лицами. Картина эта писана въ Англіи или Голландіи въ 1662 г. во время посольства князя Петра Семеновича. Подлинникъ ея принадлежалъ кня-

гинѣ Е. П. Кочубей и былъ выставленъ на С. Петербургской портретной выставкѣ 1870 года. (См. каталогъ этой выставки Н. П. Петрова стр. 5; въ каталогѣ этомъ между прочимъ сказано, что картина была писана въ Италіи, что ошибочно). Копія съ этой картины находится въ Москвѣ въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а фототипія ея приложена къ историческому очерку А. Ладыженскаго „Посольство въ Англію князя Прозоровскаго", С.-Петербургъ, 1880 года. Г-нъ Ладыженскій полагаетъ, что на картинѣ изображены вмѣстѣ съ кн. П. С. Прозоровскимъ его товарищи по посольству Желябужскій и Давыдовъ, а также и переводчикъ посольства, нѣкто Фаротъ. Едва ли это вѣрно. Стоитъ только взглянуть на картину, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ числѣ четырехъ изображенныхъ лицъ двое не только что юноши, но скорѣе даже отроки, и потому правдоподобнѣе кажется признать въ нихъ не товарищей князя, а его сыновей, о которыхъ, какъ о недоросляхъ, не упоминается въ статейномъ спискѣ. На самой картинѣ начерчена надпись, касающаяся князя П. С. Прозоровскаго, но не называющая изображенныхъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ.

Вотъ что пишетъ про эту картину графъ Іосифъ Михайловичъ Вельегорскій, сопровождавшій въ 1838 году покойнаго государя Александра Николаевича (тогда еще наслѣдника престола) во время заграничнаго его путешествія (письмо изъ Рима): „Картина представляетъ кн. Прозоровскаго, нашего посла въ Лондонѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (sic), *со своими сыновьями*. Здѣсь видны вся пышность и великолѣпіе боярскаго костюма. Одинъ изъ сыновей подаетъ ему шапку, другой—жезлъ. Видны всѣ подробности кафтана, рубашки, унизанной жемчугами, и шапки, покрытой дорогими каменьями. Я окаменѣлъ, когда увидѣлъ. Эта одна картина, которую нашъ консулъ въ Генуѣ Смирновъ продаетъ и хочетъ за нее 8000 франковъ наличными деньгами. Съ другими онъ разстаться не хочетъ. Всѣ три нашелъ онъ въ Лондонѣ у антикварія, который хотѣлъ ихъ замазать, не понимая буквъ, которыя на ней назначены. На картинѣ Прозоровскаго есть описаніе оной Славянскими буквами." (Русскій Архивъ 1888, т. I, ст. 123). Погодинъ видѣлъ эту самую картину годъ спустя (1839) у того же Смирнова въ Генуѣ. (Н. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. V, стр. 259).

Упомянутый консулъ Смирновъ (Иванъ Яковлевичъ) былъ сыномъ извѣстнаго настоятеля нашей церкви при Лондонскомъ посольствѣ, протоіерея Я. И. Смирнова (1759—1842), который жилъ болѣе 80-ти лѣтъ въ Англіи и пользовался особымъ довѣріемъ нашихъ пословъ, въ особенности графа С. Р. Воронцова.

Для кого писана была картина, какимъ образомъ очутилась она у антикваріевъ, и наконецъ, когда и какъ попала она въ богатое собраніе княгини Е. П. Кочубей, намъ неизвѣстно.

XX. Свѣдѣнія о томъ, что князь Петръ Семеновичъ (младшій) былъ женатъ на И. А. Мусиной-Пушкиной, почерпнуты нами изъ соч. А. А. Титова „Ростовскій уѣздъ“ стр. 375.

XXI. О княгинѣ Евдокіи Семеновнѣ говорится только въ Родословной Книгѣ кн. Долгорукова и въ одномъ мѣстѣ Дворцовыхъ Разрядовъ. У Забѣлина (Домашній бытъ Русскихъ царицъ, стр. 349) сказано, что жена кн. Якова Куденетовича Черкасскаго приходилась снохой женѣ князя Ивана Борисовича Черкасскаго (двоюроднаго брата царя Михаила Θеодоровича), что̀ означало бы, что кн. Яковъ былъ женатъ на дочери кн. Ивана Борисовича, который, какъ кн. Черкасскій, приходился ему двоюроднымъ братомъ. Весьма вѣроятно, что кн. Яковъ былъ женатъ два раза и что княжна Евдокія Семеновна была его второй женой. Въ 1659 году она значится женою кн. Черкасскаго (Дворцовые Разряды, т. III. Дополненіе, стр. 186). Князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій (а до принятія Православія Урусланъ-Мурза) былъ однимъ изъ лучшихъ военачальниковъ средины XVII вѣка (Соловьевъ, т. X), а по „знатности“ занималъ одно изъ самыхъ выдающихся положеній среди бояръ эпохи царя Алексѣя Михаиловича.

XXII. По первому мужу своему, боярину Михаилѣ Ивановичу Морозову, Домна Семеновна приходилась свояченицей извѣстному боярину Борису Ивановичу Морозову, женатому на Аннѣ Ильинишнѣ Милославской, сестрѣ царицы Маріи Ильинишны.

Относительно второго мужа Домны Семеновны въ Родословной князя Лобанова есть противорѣчіе. Въ росписи Морозовыхъ (т, I, стр. 399) сказано, что мужемъ кн. Домны Семеновны былъ стольникъ Иванъ Севастьяновичъ Хитровъ, а въ росписи Хитровыхъ (т. II. стр. 319) ея мужемъ названъ его братъ, окольничій Александръ Севастьяновичъ. Что̀ правильнѣе, мы не знаемъ.

XXIII. Въ церкви села Петровскаго, принадлежавшаго князю П. И. Прозоровскому въ теченіи 50 лѣтъ съ 1670-го по 1720-й годъ (см. примѣчаніе XXIX) хранятся церковныя книги, скрѣпленныя по листамъ слѣдующею надписью:

„Сентября въ 15-й день дана сія книга (затѣмъ слѣдуетъ названіе книги) Московскаго уѣзда боярина князя Петра Ивановича Прозоровскаго въ вотчину свою въ село Петровское въ церкви Пречистыя Богородицы Тихвинской, по женѣ своей княгинѣ Аннѣ Θедоровнѣ *изъ Ртищевыхъ*, при священникѣ Θедорѣ и т. д.“ Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно въ точности, какого именно Ртищева была княгиня Анна Θедоровна дочерью? Во второй половинѣ XVII-го столѣтія, кромѣ извѣстнаго ревнителя просвѣщенія, окольничаго Θедора Михайловича Ртищева, жило еще трое другихъ Ртищевыхъ, носившихъ имя Θедора. Первый изъ нихъ, Θедоръ Михайловичъ (младшій), былъ роднымъ братомъ окольничаго, а остальные два были стольники Θедоръ Григорьевичъ и Θедоръ Евгеніевичъ. Нѣкоторымъ указаніемъ

на то, что кн. Анна Өедоровна былъ дочерью именно извѣстнаго Өедора Михайловича, а не другого какого - либо Өедора Ртищева, можетъ служить то обстоятельство, что она похоронена не въ Срѣтенскомъ монастырѣ, служившимъ какъ-бы усыпательницей рода князей Прозоровскихъ, а въ Воздвиженскомъ, гдѣ за полтора года до ея кончины (Мая 1683) похоронена была (Октября 1681) вдова окольничаго Ө. М. Ртищева, Ксенія Матвѣевна (Холмогоровъ и Забѣлинъ, Матеріалы стр. 521, и Алфавитный Указатель къ боярскимъ книгамъ). Въ преисполненномъ небылицъ „Повѣствованіи о жизни Ө. М. Ртищева“ (Древ. Русс. Вивліоө. т. XVIII) говорится только объ одной дочери его княгинѣ Акулинѣ Өедоровнѣ Одоевской († 1687), и хотя и упоминается о какой-то отроковицѣ Аннѣ, но эта отроковица никакъ не могла быть кн. Анна Өедоровна, которая въ годъ смерти Ө. М. Ртищева (1673) была уже болѣе 8-ми лѣтъ замужемъ и имѣла семилѣтнюю дочь, княгиню Анастасію Петровну.

Князь Н. Н. Голицынъ (Родъ кн. Голицыныхъ, т. I, стр. 86) говоритъ, что мать царицы Евдокіи Өедоровны (Лопухиной), первой супруги Петра Великаго, Өекла Өедоровна Лопухина, была урожденная Ртищева. Существовало ли родство между ею и княгиней Анною Өедоровною, намъ неизвѣстно. Кромѣ того Ртищевы приходились, кажется, сродни Домнѣ Семеновнѣ Морозовой, урожденной кн. Прозоровской, черезъ ея невѣстку, извѣстную боярыню Өедосью Прокофьевну Морозову (Соковнину). (Лобановъ, т. II; Домашній бытъ Русскихъ царицъ Забѣлина, стр. 105—148 и статья Тихонравова „Боярыня Морозова“, Русскій Вѣстникъ 1865, № 9).

XXIV. Въ селѣ Петровскомъ (см. Примѣчаніе XXIX) сохранился большой портретъ, писанный масляными красками, князя Бориса Ивановича, на которомъ находится слѣдующая надпись на Нѣмецкомъ языкѣ:

„Anno 1694, den 12-ten August in Gros-Novgorod ist der Boiahr kness Boris Ivanovitz Prozorovsky abgeconterfeit worden; seines Alters 33 Iahr und ein Monat; und dieses Conterfei hat ein Deutscher gemacht mit Nahmens Georges-Ernst Grübe von Dantzig“. (Копія съ этого любопытнаго портрета находится въ Москвѣ, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

Причина, почему князь Б. И. Прозоровскій оставилъ состояніе свое въ распоряженіе императрицы Екатерины I-ой, остается неизвѣстной. Въ завѣщаніи своемъ (писанномъ 18 Марта 1718) князь Борисъ Ивановичъ выражается слѣдующимъ образомъ:

„Прошу ея величество государыню царицу Екатерину Алексѣевну, дабы милостиво призрѣла оставшуюся по мнѣ любезную мою супругу, княгиню Ирину, и для того ее, помянутую мою супругу, вручаю подъ покровъ ея величества, такъ же какъ и все имѣніе мое, какъ движимое, такъ и недвижимое, отдаю въ волю ея величества моей всемилостивѣйшей государынѣ. Наипаче молю ея величество, дабы грѣшная душа моя незабвенна была въ

поминовеніи по обычаю христіанскому; а когда по соизволенію Божію и упомянутая моя любезнѣйшая жена теченіе жизни своей окончитъ, то все имѣніе мое, какъ движимое, такъ и недвижимое, да будетъ въ волѣ ея величества, и для того прошу ея величество, дабы изъ деревень моихъ нѣкоторую часть указала продать и деньги отдать для поминовенія души моей сродникамъ моимъ по разсмотрѣнію. Прочее же оставшееся, какъ движимое, такъ и недвижимое, куда заблагоразсудитъ ея величество по своему высокомудрому разсужденію, да употребитъ".

На подлинникѣ завѣщанія (хранящагося, кажется, въ Архивѣ Сената) находится слѣдующая крайне замѣчательная резолюція Петра Великаго:

„Учинить по завѣщанію; а понеже по смерти жены его просилъ насъ, дабы мы употребляли волю свою и поминали душу его и ея, того для въ томъ случаѣ опредѣляемъ оныя деревни въ Госпиталь. Ибо сія добродѣтель по священному письму и по натурѣ выше всѣхъ. Петръ. С.-Петербургъ Мая въ 6 день 1718-го года".

„Сей великаго государя указъ объявлялъ кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ. Мая въ 9 день 1718-го года". (Изъ домашняго архива князя А. М. Голицына).

По распоряженію императрицы Екатерины, состояніе князя Б. И. было оставлено его вдовѣ пожизненно за исключеніемъ одного капитала, который, согласно волѣ Петра I, былъ отданъ въ госпиталь при Александро-Невской Лаврѣ. По кончинѣ же княгини Ирины Михайловны (до 1727 года) все, или покрайней мѣрѣ часть состоянія ея, было въ распоряженіи императрицы. Такъ напр., домъ кн. Б. И. Прозоровскаго (въ Москвѣ на Знаменкѣ) былъ подаренъ гр. Ягужинскому, а одна изъ вотчинъ его, село Денисово (Знаменское), смежное съ неоднократно упомянутымъ нами селомъ Петровскимъ, принадлежавшимъ князю П. И. Прозоровскому, было подарено императрицей Екатериной ея дочери в. к. Елисаветѣ Петровнѣ, которая, будучи уже императрицей, подарила Знаменское графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому. Разумовскій продалъ Знаменское Ивану Ивановичу Шувалову, который оставилъ его по завѣщанію своему племяннику князю Ѳедору Николаевичу Голицыну, владѣвшему уже по наслѣдству отъ князя П. И. Прозоровскаго селомъ Петровскимъ. (Холмогоровъ, Загородская Десятина и архивъ села Петровскаго).

Нельзя не обратить вниманія на то, что завѣщаніе кн. Бориса Ивановича было имъ написано за нѣсколько только дней до смерти и въ тотъ самый день (18 Марта 1718), когда произнесенъ былъ приговоръ надъ его племянницей, княгиней Анастасіей Петровной Голицыной.

XXV. Въ Алфавитномъ Указателѣ къ боярскимъ книгамъ и въ Родословной Руммеля (т. I, стр. 555) сказано, что кн. Александръ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій былъ казненъ 26 Сентября 1677-го года. Между тѣмъ

въ Матеріалахъ для исторіи Московскихъ церквей Забѣлина и Холмогорова т. I, столбецъ 553, значится, что 27 Сентября 1677-го года патріархъ Іоакимъ ходилъ въ Рождественскій Дѣвичій монастырь на погребеніе князя Александра Ивановича Лобанова. Намъ кажется, что эти два показанія трудно согласить между собой, такъ какъ едва-ли могъ патріархъ отпѣвать лицо, умершее на плахѣ или на висѣлицѣ. Другого же князя Александра Лобанова въ родословной росписи ихъ рода не значится.

У Долгорукова (т. I) княжна Мароа Ивановна ошибочно названа Маріею.

XXVI. Князь Алексѣй Петровичъ игралъ довольно значительную роль въ началѣ царствованія Петра I-го. (См. Р. И. Библіографію Межова т. I, стр. 241, а также статью Л. Б. Борисова: „Антоній-де-Лаваль", Русскій Вѣстникъ 1890, № 12). Причина, почему кн. А. П. оставилъ часть своего состоянія (село Люберцы) Меншикову, неизвѣстна. У Голикова (т. IX, стр. 44) сказано, что Меншиковъ получилъ по завѣщанію отъ какого-то кн. Прозоровскаго 3031 душъ крестьянъ. Не отъ князя ли Алексѣя Петровича? И въ такомъ случаѣ, почему? Не была ли вторая жена князя Прозоровскаго, княгиня Аграфена Михайловна, урожденная Арсеньева и не была ли она сестрой княгини Даріи Михайловны Меншиковой?

XXVII. Извѣстный Иванъ Михайловичъ Милославскій былъ женатъ въ 1-мъ бракѣ на Александрѣ Кузьминишнѣ N. Не была ли она Елеазарова, сестра дьяка и думнаго дворянина Өедора Кузмича Елеазарова?

XXVIII. Князь Б. И. Куракинъ въ любопытныхъ запискахъ своихъ (Архивъ князя Ө. А. Куракина, т. I, стр. 227) говоритъ, что въ 1708 году онъ встрѣтилъ въ Вѣнѣ за обѣдомъ у барона Урбиха, нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, одного кн. Прозоровскаго. Не былъ-ли это кн. Александръ Петровичъ? Не онъ ли былъ замѣшанъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича (Исторія Петра Великаго Устрялова, т. VI, стр. 159)? Не онъ ли также находился одно время на службѣ въ Австріи въ 1719 году (Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества т. XX стр. 18) и не онъ ли былъ въ 1700 году въ Вѣнѣ же въ посольствѣ князя Петра Алексѣевича Голицына? (Письма Петра I. т. I, стр. 872).

XXIX. Въ селѣ Петровскомъ сохранился великолѣпный портретъ княгини Анастасіи Петровны, писанный въ 1727 году извѣстнымъ Андреемъ Меркуріевичемъ Матвѣевымъ (1701—1739). Фототипія съ этого портрета приложена къ сочиненію князя Н. Н. Голицына. „Родъ кн. Голицыныхъ" (т. I). Кромѣ портрета, въ архивѣ села Петровскаго хранятся письма, адресованныя княгинѣ Анастасіи Петровнѣ царицами и царевнами въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка.

Село Петровское (о которомъ неоднократно упоминалось выше, въ примѣчаніяхъ) находится въ Звенигородскомъ уѣздѣ Московской губерніи и

расположено при впаденіи рѣки Истры въ Москву-рѣку, въ 35-ти верстахъ отъ Москвы. Въ старину оно называлось „сельцомъ Дурневымъ". Названіе „Дурнева" или „Дурневское" встрѣчается въ первый разъ въ межевой грамотѣ, составленной въ 1496 году, когда в. к. Іоаннъ III выдѣлялъ своего сына кн. Юрія Іоанновича, давъ ему города Дмитровъ, Рузу и Звенигородъ. Въ этой грамотѣ (при опредѣленіи границы между землями Московскими и Звенигородскими) встрѣчается слѣдующее указаніе: „Изъ рѣки Москвы, рѣкою Истрою вверхъ, на правѣ, въ Горетовскомъ станѣ, земля великаго князя, сельцо Дурневское, да великаго князя деревня Обрядива и т. д." (Древ. Русск. Вивліоѳика, т. II, стр. 338). Во второй половинѣ XVI-го вѣка, а также и въ началѣ XVII-го, Дурнево не было еще вотчиною, а отдавалось въ помѣстье, составляя два отдѣльныхъ участка, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ полъ-сельца да помѣщичій дворъ. Такъ, напр., при Іоаннѣ Грозномъ Дурневымъ владѣли одновременно Тимоѳей Ѳедоровичъ Плещеевъ и Романъ Васильевичъ Алферьевъ, а въ годъ смерти Грознаго (1584) Дурневскими помѣщиками были дьяки Захаръ Григорьевичъ Свіязевъ и Козьма Петровичъ Шипиловъ. Не сохранилось никакихъ извѣстій о томъ, что̀ было съ Дурневымъ въ эпоху смутнаго времени. Извѣстно только, что Поляки заняли сельцо и, какъ сказано въ современномъ документѣ, „разогнали крестьянъ и учали изъ житницъ насыпать хлѣбъ" (Холмогоровъ, Загородская Десятина, стр. 329). Въ самомъ началѣ царствованія царя Михаила Ѳедоровича Дурневымъ владѣли князь Василій Михайловичъ Селеховскій и Иванъ Апухтинъ, а нѣсколько лѣтъ спустя (1626 годъ) князь Андрей Васильевичъ Хилковъ и извѣстный дьякъ, печатникъ и думный дворянинъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лихачевъ.

Въ 1632-мъ году Лихачевъ обратилъ свое помѣстье (полъ-сельца Дурневскаго) въ вотчину: а 4 года спустя (1636) онъ округлилъ свою новую вотчину, прикупивъ къ ней (изъ дворцовыхъ земель смежнаго съ нимъ села Ильинскаго) двѣ деревни (Бузланово и Аринкино) съ пашнею, лѣсомъ и пустошами, названія которыхъ сохранились отчасти и донынѣ. Выдавая за мужъ въ 1643-мъ году дочь свою Прасковью Ѳедоровну за князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, Лихачевъ далъ ей въ приданое, а отчасти и продалъ своему зятю, кромѣ вотчинъ въ Костромѣ и Владимирѣ, еще и полъ-сельца Дурнева съ деревнями Бузланово и Аринкино. Три года спустя (въ 1646-мъ году) Дурнево значится за княземъ Иваномъ Семеновичемъ Прозоровскимъ и съ 1665 года называется уже не сельцомъ Дурневскимъ, а селомъ Петровскимъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Петровское получило свое названіе въ честь родившагося въ 1644-мъ году старшаго сына кн. Ивана Семеновича, князя Петра Ивановича Прозоровскаго. Около этого же времени князь Иванъ Семеновичъ присоединилъ къ своей вотчинѣ другую половину Дурнева, принадлежавшую въ 1626 году князю Хилкову.

Переименованіе сельца Дурневскаго въ село Петровское очевидно соединено было съ построеніемъ церкви. Таковая была построена въ томъ

же 1665 году. Церковь была деревянная и кромѣ главнаго храма, во имя иконы Тихвинской Божіей Матери, имѣла еще два придѣла, одинъ во имя св. Николая Чудотворца, а другой во имя св. Апостоловъ Петра и Павла. Особое почитаніе иконы Тихвинской Божіей Матери было преемственно въ родѣ кн. Прозоровскихъ со времени славной защиты Тихвинскаго монастыря княземъ Семеномъ Васильевичемъ въ 1613 году. Это почитаніе высказывалось у кн. Прозоровскихъ XVII-го вѣка во многихъ разнообразныхъ случаяхъ ихъ жизни. Такъ, напримѣръ, при заключеніи Вельесаріевскаго перемирія (1658), а также и Кардисскаго мира (1661), князь Иванъ Семеновичъ имѣлъ при себѣ чудотворную икону Тихвинскую, принесенную изъ Тихвинскаго монастыря къ мѣсту переговоровъ. Въ нѣкоторыхъ его вотчинахъ, перешедшихъ затѣмъ по наслѣдству, также какъ и село Петровское, въ родъ кн. Голицыныхъ, почитаніе Тихвинской иконы сохранилось до нашихъ дней. Такъ напр., въ селѣ Бучалкахъ (Епифанскаго уѣзда Тульской губерніи) день праздника Тихвинской иконы Божіей Матери (26 Іюня) празднуется до сихъ поръ трехъ-дневной ярмаркой. Не подлежитъ сомнѣнію, что первоначальная церковь, тамъ построенная въ XVII-мъ вѣкѣ, и отъ которой въ настоящее время не осталось никакого слѣда, была основана во имя иконы Тихвинской. Снимокъ съ этой иконы сохранился до сихъ поръ въ новой Бучалкской церкви и служитъ предметомъ особаго почитанія во всемъ околоткѣ. Въ Тихвинскомъ монастырѣ (гдѣ князь С. В. Прозоровскій принялъ постриженіе и былъ похороненъ) сохраняется донынѣ нѣсколько предметовъ, подаренныхъ монастырю его сыновьями.

Послѣ князя Ивана Семеновича, убитаго въ Астрахани 22-го Іюня 1670 Стенькой Разинымъ, село Петровское перешло къ его старшему сыну, князю Петру Ивановичу. Князь Петръ Ивановичъ владѣлъ селомъ Петровскимъ до самой смерти своей (1720 года), т. е. въ продолженіе 50-ти лѣтъ, и былъ, такъ сказать, основателемъ „усадьбы". При немъ построенъ былъ каменный домъ вотчинника и каменная же церковь (1688), существующая и донынѣ. Князь Петръ Ивановичъ почти ежегодно просился въ Іюнѣ мѣсяцѣ на „богомоліе", и проводилъ это время у себя въ Петровскомъ, празднуя 26-го числа икону Тихвинскую. Имъ въ этотъ день заведена была ярмарка въ селѣ, которая продолжаетъ существовать и до настоящаго времени. Имъ вырыты были пруды, и довольно высокій берегъ Москвы-рѣки былъ урегулированъ земляными террасами. Насажены были дубы, нѣсколько экземпляровъ которыхъ уцѣлѣло донынѣ.

Каменная церковь, построенная княземъ Петромъ Ивановичемъ, была освящена 17 Мая 1688 года патріархомъ Іоакимомъ, въ присутствіи царя Ивана Алексѣевича, царицъ, царевны Софіи и другихъ царевень, ея сестеръ. Петръ Великій не присутствовалъ при этой церемоніи; онъ въ это время находился на Переяславскомъ озерѣ. Церковь (во имя Успенія Пресвятой Богородицы) имѣетъ (подобно прежней деревянной церкви) два придѣла: одинъ во имя св. Николая Чудотворца, другой во имя апостоловъ Петра и

Павла. Въ церкви замѣчательнѣе всего великолѣпный рѣзной, золоченый иконостасъ. Нѣсколько иконъ писаны извѣстнымъ Милютинымъ, ученикомъ еще болѣе извѣстнаго Симона Ушакова. Мѣстная икона Богородицы (налѣво отъ царскихъ вратъ) есть икона Тихвинской Божіей Матери, особо чтимая какъ въ Петровскомъ, такъ и въ сосѣднихъ селахъ и деревняхъ. Преданіе говоритъ, что этотъ снимокъ былъ подаренъ князю Петру Ивановичу царевнами, сестрами Петра Великаго. Кромѣ него въ Петровской церкви находятся еще двѣ иконы Тихвинскія, чрезвычайно любопытныя. Одна изъ нихъ довольно большая и окружена 16-ю маленькими изображеніями всего сказанія о Тихвинской иконѣ; она замѣчательна по своему письму XVI-го вѣка и относится по мнѣнію знатоковъ ко времени Іоанна Грознаго. Другая икона Тихвинская, небольшая, была собственностью кн. Ивана Семеновича Прозоровскаго и вѣроятно находилась при немъ въ Астрахани. Кромѣ иконъ, въ Петровской церкви обращаютъ на себя особенное вниманіе: 1) ризы, вышитыя жемчугомъ и подаренныя церкви царевнами, дочерьми царя Алексѣя Михайловича; 2) два напрестольныхъ креста, изъ которыхъ одинъ былъ пожертвованъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Лихачевымъ.

Первоначально князь Петръ Ивановичъ владѣлъ селомъ Петровскимъ нераздѣльно со своимъ братомъ княземъ Борисомъ; но общее владѣніе продолжалось не долго. Князь Борисъ пріобрѣлъ село Денисьево (Знаменское), расположенное противъ Петровскаго по правую сторону Москвы-рѣки, и единственнымъ владѣльцемъ Петровскаго остался кн. Петръ, который прикупилъ къ нему въ 1694 году еще деревню „Новую“ или Новинку на Истрѣ. У князя Петра Ивановича была любопытная тяжба съ сосѣдомъ его бояриномъ РодіономъМатвѣевичемъ Стрѣшневымъ, владѣвшимъ селомъ Ильинскимъ. Дѣло шло объ опредѣленіи межи между ихъ двумя вотчинами.

По смерти князя Петра Ивановича (1720 годъ), Петровское перешло къ его старшей дочери (единственной оставшейся въ живыхъ), княгинѣ Анастасіи Петровнѣ Голицыной, и съ тѣхъ поръ и до нынѣшняго времени осталось въ родѣ князей Голицыныхъ, переходя по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Княгиня Анастасія Петровна (1665—1729) оставила Петровское старшему сыну своему князю Ѳедору Ивановичу Голицыну (1700—1759), который передъ смертію своею подарилъ его своему внуку, 8-ми лѣтнему князю Ѳедору Николаевичу. Князь Ѳедоръ Николаевичъ (1751—1827) владѣлъ Петровскимъ до самой своей смерти, т. е. въ продолженіе 68-ми лѣтъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія (1808) онъ построилъ въ Петровскомъ большой каменный домъ съ каменными же службами, въ замѣнъ существовавшаго до него какого-то каменнаго же замка съ башнями, неизвѣстно кѣмъ и когда построеннаго (можетъ быть, еще кн. П. И. Прозоровскимъ). Объ этомъ замкѣ упоминается въ Запискахъ графини Варвары Николаевны Головиной (1756—1824), сестры князя Ѳ. Н. Голицына. (Историч. Вѣстникъ

1899 г., № 1). Въ 1812 году Французскіе мародёры въ небольшомъ количествѣ расположились въ Петровскомъ и, живя довольно мирно съ крестьянами села, оставались въ немъ до начала отступленія великой арміи. Когда же въ началѣ Октября какой-то казачій отрядъ сталъ приближаться къ Петровскому, то Французы бѣжали изъ Петровскаго, при чемъ, судя по мѣстнымъ преданіямъ, дѣло не обошлось безъ кровавой расправы. Въ Петровскомъ домѣ они оставили по себѣ память, давъ нѣсколько сабельныхъ ударовъ въ большой портретъ князя Бориса Ивановича Прозоровскаго (См. пр. XXIV). Послѣ князя Өедора Николаевича Петровское досталось двумъ его сыновьямъ нераздѣльно: князьямъ Ивану Өедоровичу (1792—1839) и Михаилу Өедоровичу (1800—1873); князь Иванъ Өедоровичъ скончался бездѣтнымъ въ 1839 году, и владѣльцемъ Петровскаго остался одинъ князю Михаилъ Өедоровичъ, по кончина котораго (26 Января 1873) Петровское перешло къ его сыну князю Александру Михаиловичу, владѣющему имъ и до настоящаго времени.

XXX. Въ Родословной Книгѣ кн. Долгорукова княжна Аграфена Петровна ошибочно показана дочерью кн. Петра Семеновича младшаго. Изъ акта раздѣла имѣній между кн. Петромъ и Борисомъ Ивановичами Прозоровскими видно, что Аграфена Петровна была младшею дочерью кн. Петра Ивановича. (Архивъ села Петровскаго). Она была первой женой В. Ө. Салтыкова. Вторая же жена его, Александра Григорьевна, была урожденная княжна Долгорукова. О ней много подробностей въ сочиненіи М. Семевскаго „Царица Прасковья“.

XXXI. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества т. XI, стр. 253 и Древняя и Новая Россія (1876 т. I, стр. 202). Ирина Өедоровна Соковнина была дочерью боярина Өедора Прокофьевича и племянница казненнаго 4 Марта 1697 года Алексѣя Прокофьевича Соковнина (Руммель т. II ст. 403—404).

XXXII. Во время службы своей въ Конной гвардіи въ 1743 году князь Петръ Алексѣевичъ отвезъ въ Сибирь сосланныхъ туда Лопухиныхъ (Степана и Наталію). 13 Января 1744 года онъ сдалъ своихъ арестантовъ въ Якутскѣ прапорщику Ангусову. (Исторія Л. Г. Коннаго полка Анненкова и Русская Старина 1874, т. IX).

XXXIII. Въ Владимирскомъ Сборникѣ Тихонравова 1857 года сказано, что въ Введенской пустынѣ, кромѣ кн. Анны Борисовны, похоронены еще князья Петръ и Иванъ Прозоровскіе. Не были ли это князья Иванъ и Петръ Андреевичи (№ 40 и № 41)?

XXXV. Аграфена Григорьевна не была-ли дочерью стольника Григорія Петровича, послѣдняго представителя рода Годуновыхъ? (Лобановъ, т. I).

XXXV. Не была ли кн. Өедосія Александровна замужемъ за Степаномъ Степановичемъ Зиновьевымъ? (№ 124 въ Родословной кн. Лобанова т. I, стр. 213).

XXXVI. Въ Срѣтенскомъ монастырѣ въ Москвѣ въ одной изъ стѣнъ собора вдѣлана металлическая доска со слѣдующею надписью: „1763 года, Ноября 21. Въ день Введенія Пресвятой Богородицы пополудни въ 9 часовъ, преставися раба Божія его сіятельства генералъ-маіора князя Александра Александровича Прозоровскаго жена его княгиня Марія Сергѣевна. Житія ея отъ роду было 75 лѣтъ(?) Погребена противъ сей таблицы“.

Года княгини Маріи Сергѣевны (75 лѣтъ) показаны ошибочны. Если признать ихъ за точныя, то выходило бы, что она родилась въ 1688 году, что̀ совершенно невозможно, такъ какъ ея отецъ, князь Сергѣй Петровичъ, родился самъ въ 1695 году. (Долгоруковъ, т. I, стр. 92).

XXXVII. Въ родословной Измайловыхъ (кн. Лобановъ, т. I стр. 255) сказано, что Екатерина Ивановна Измайлова была замужемъ за кн. Петромъ Владимировичемъ Прозоровскимъ (№ 58), а не за княземъ Петромъ Андреевичемъ (№ 41). Въ рукописной же родословной, составленной по порученію фельдмаршала кн. А. А. Прозоровскаго и имѣющейся у насъ въ копіи, Екатерина Ивановна показана женой кн. Петра Андреевича (№ 41). Мы придерживаемся этого послѣдняго показанія. Но въ этой же родословной жена князя Петра Владимировича не названа ни по имени, ни по фамиліи своего отца, а такъ какъ въ росписи Измайловыхъ Прасковья Васильевна Измайлова (стр. 224) показана замужемъ также за однимъ кн. Прозоровскимъ, то кажется вѣроятнымъ, что она-то и была за кн. Петромъ Владимировичемъ.

XXXVIII. Въ Родословной Книгѣ кн. Долгорукова первая жена кн. Петра Александровича названа Елисаветой Егоровною; у князя же Лобанова въ росписи Волынскихъ (т. I, стр. 117) она значится Александрой Егоровною. Вторая жена его, Софья Ивановна Скоропадская, была замужемъ въ первомъ бракѣ за Иваномъ Ивановичемъ Скоропадскимъ (кн. Лобановъ, т. II, ст. 226).

XXXIX. Въ Русскомъ Вѣстникѣ 1891 года (Апрѣль, стр. 103—104) упоминается объ одной княжнѣ Прасковіи Прозоровской, окончившей воспитаніе въ С.-Петербургѣ въ Екатерининскомъ Институтѣ, 21-го Февраля 1811 года. Она писала стихи своей подругѣ Фанни Петровнѣ Карабановой (по мужу Леонтьевой), матери писателя К. Н. Леонтьева. Намъ неизвѣстно, какого кн. Прозоровскаго была она дочерью.

---

*

Князья Прозоровскіе по историческому значенію своему (отнюдь впрочемъ не первостепенному въ судьбахъ Россіи) принадлежатъ исключительно XVII-му столѣтію. Какъ до начала возвышенія князя Семена Васильевича (№ 20), такъ и послѣ смерти его внука кн. Петра Ивановича (№ 27), никто изъ представителей ихъ рода не выдѣлялся изъ общей массы служивыхъ людей и затѣмъ дворянъ, за исключеніемъ фельдмаршала князя Александра Александровича (1732—1809), славная государственная дѣятельность котораго принадлежитъ концу XVIII-го и началу XIX-го вѣка.

Въ XVI-мъ вѣкѣ, когда имена многихъ князей Ярославскихъ и Моложскихъ (родичей князей Прозоровскихъ) какъ-то: князей Сицкихъ, Ушатыхъ, Кубенскихъ, Курбскихъ, Пѣнковыхъ, Троекуровыхъ, Шастуновыхъ, Хворостининыхъ и друг., встрѣчаются неоднократно на страницахъ лѣтописей въ высшихъ званіяхъ боярина или окольничаго, никто изъ Прозоровскихъ не поднялся выше должности воеводы или званія стольника.

Изъ немногочисленныхъ свѣдѣній, дошедшихъ до насъ о мѣстническихъ спорахъ кн. Прозоровскихъ (до XVII-го вѣка), трудно придти къ какому-либо точному заключенію о степени ихъ родовитости и знатности; но тѣмъ не менѣе можно, кажется, утвердительно сказать, что степень эта была второстепенная. Мы знаемъ, напр., что кн. Иванъ Андреевичъ (№ 7) мѣстничалъ съ кн. Курлятевымъ и былъ обвиненъ (Маркевичъ. О мѣстничествѣ, стр. 427, и его же Исторія мѣстничества стр. 263), что князь Михаилъ Ѳедоровичъ (№ 14) также неудачно мѣстничалъ съ кн. Стригинымъ-Оболенскимъ (Акты Археографической Экспедиціи, т. I, стр. 269) и наконецъ, что у кн. Александра Ивановича (№ 12) былъ съ кн. Д. Шастуновымъ споръ, исходъ котораго намъ неизвѣстенъ. Мы знаемъ еще, что кн. Василій Ивановичъ (№ 11) былъ больше двоюроднаго брата своего кн. Михаила Ѳедоровича (№ 14), но менѣе Матвѣя Бороздина (Рус. Истор. Сборникъ Погодина, т. V, стр. 101—155) и что если кн. Ѳедоръ Андреевичъ (№ 8) былъ въ Коломнѣ (въ 1539 году) больше кн. Михаила Андреевича Трубецкаго, то только потому, что велѣно было быть „безъ мѣстъ“, такъ какъ, по выраженію Юрія Григорьевича Пильемова-Сабурова, „Прозоровскому Трубецкаго вмѣстно ли больше быти“. (Историческій Сборникъ Погодина, т. II, стр. 236—253).

Во второй половинѣ XVI-го вѣка немногочисленный родъ кн. Прозоровскихъ, въ лицѣ князя Василія (№ 11), его брата кн. Александра (№ 12) и ихъ двоюроднаго брата князя Михаила (№ 14), испыталъ на себѣ гнѣвъ Іоанна Грознаго; но степень этого гнѣва трудно опредѣлить, и вопросъ о томъ, былъ ли кто изъ Прозоровскихъ казненъ или нѣтъ, остается до сихъ поръ вопросомъ еще не разъясненнымъ *). Вотъ что говоритъ о казняхъ кн. Прозоровскихъ князь Андрей Михайловичъ Курбскій въ своей Исторіи

---

*) Есть извѣстіе, что разрядныя (а можетъ быть и родословныя книги) кн. Прозоровскихъ сгорѣли въ Москвѣ въ 1812 году (Маркевичъ. О мѣстничествѣ, стр. 757).

Іоанна Грознаго. „И потомъ Василія, Александра и Михаила князей глаголемыхъ Прозоровскихъ и другихъ княжатъ того же роду Ушатыхъ нареченныхъ, сродныхъ братьевъ имъ сущихъ, тѣхъ же княжатъ Ярославскаго рода погубилъ всероднѣ. Понеже имѣли отчины великія, мню негли изъ того ихъ погубилъ“. Повидимому, фактъ гибели Прозоровскихъ и относится къ 1568 году. Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣло идетъ о вышеназванныхъ князьяхъ Василіи, Александрѣ и Михаилѣ. Карамзинъ считаетъ показаніе Курбскаго вполнѣ достовѣрнымъ, и относительно казни кн. Василія онъ, помимо Курбскаго, ссылается еще на одну синодальную рукопись, отмѣченную у него № 346-мъ, а также и на свидѣтельство чужестранца Гваньини. (Карамзинъ, т. IX). Изъ этихъ источниковъ явствуетъ, что кн. Василій былъ убитъ своимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ Никитой Өедоровичемъ (№ 15), по приказанію царя. Опровергнуть эти показанія невозможно; но съ другой стороны невозможно также безусловно утверждать, что кн. Никита, носящій прозвище „Дурнаго“ и еще одно болѣе замысловатое „Хозетюшина“, къ тому же названный Курбскимъ „безумнымъ“, убивая двоюроднаго брата своего, дѣйствовалъ именно по приказу царя, а не по собственному произволу *). Казнь кн. Михаила (зятя Курбскаго) очень правдоподобна, хотя не могла послѣдовать ранѣе пяти лѣтъ послѣ бѣгства Курбскаго въ Литву, и ничѣмъ не подтверждается инымъ, кромѣ вышеприведеннаго отрывка изъ Исторіи Іоанна Грознаго. Что же касается до казни князя Александра, то таковая кажется сомнительною и вотъ почему:

7-го Іюля 1625 года разбирался въ присутствіи царя Михаила Өедоровича мѣстническій споръ между Василіемъ Ивановичемъ Нагимъ и княземъ Өедоромъ Борисовичемъ Татевымъ. Приводя разные „случаи“, Нагой указалъ между прочимъ на то обстоятельство, что въ 1576 году въ Можайскѣ встрѣчалъ цесарскихъ пословъ Кобенцеля и Принца князь Александръ Ивановичъ Прозоровскій. (Дворцовые Разряды, т. I, стр. 709).

Если названный кн. Александръ Ивановичъ былъ дѣйствительно кн. Прозоровскимъ, а не инымъ, то указаніе Курбскаго о его казни становится очень сомнительнымъ. Мы говоримъ *если*, потому-что при Іоаннѣ Грозномъ въ Можайскѣ находился еще другой кн. Александръ Ивановичъ, а именно кн. А. И. Ярославовъ-Оболенскій (Дворцовые Разряды, т. I, стр. 709). Кромѣ того нельзя не обратить вниманія на то, что въ томъ же 1576 г. и въ Можайскѣ же находились въ свитѣ царя стольники кн. Василій и Андрей (№ 16 и 17), т. е. сыновья казненнаго, будто бы, кн. Александра Ивановича (Акты Московскаго Государства, т. I). Не слѣдуетъ ли выраженіе Курбскаго „погубилъ всероднѣ“ разумѣть не исключительно только какъ смертную казнь, но какъ и всякую опалу, положенную Грознымъ на Прозоровскихъ? Гоненіе, бывшее при Грозномъ, на всѣхъ безъ исключенія князей

*) Выраженіе „Хозетюшинъ“ происходитъ, вѣроятно, отъ древняго слова „Хозъ“, означающаго козла.

Ярославскаго дома есть фактъ неопровержимый; но невозможно при этомъ, за неимѣніемъ данныхъ, опредѣлить степень этого гоненія, для каждаго отдѣльно взятаго потомка Өедора Ростиславича. Извѣстно, что изъ числа князей Ярославскихъ казнены были Іоанномъ Грознымъ князья Алонкины, Кубенскіе, Троекуровы, Ушатые (вѣроятно и другіе еще); но о казненныхъ кн. Прозоровскихъ не упоминается нигдѣ, какъ только у Курбскаго, и имена ихъ не встрѣчаются ни въ одномъ изъ извѣстныхъ синодиковъ Грознаго. Тѣмъ не менѣе царскій гнѣвъ легъ въ сильной степени на всѣхъ кн. Прозоровскихъ вообще. Гнѣвъ этотъ ясно выражается въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ письма, писаннаго Іоанномъ Грознымъ Курбскому изъ Вольмара въ 1577 году:

„Коликія напасти азъ отъ васъ пріялъ! Колико оскорбленіе! Коликія досады и огорченія! И за что? Что моя передъ вами исперва вина? Кого чимъ огорчилъ? То ли моя вина, что Прозоровскихъ полтораста четей Өедора сына дороже? По памяти и косу. Съ какою есть укоризною ко мнѣ судили Сицкаго съ Прозоровскими! И какъ обыскивали, какъ бы злодѣя! Ино земля-то нашихъ головъ дороже? И сами Прозоровскіе каковы передъ нами? Ино то ужъ мы въ ногу имъ не судны? А у батюшки, за Божіимъ милосердіемъ, Пречистой Богородицы милости и Великихъ Чудотворцевъ молитвами и Сергіевою милостью и батюшкинымъ благословеніемъ, и у насъ Прозоровскихъ было не одно сто". (Сказанія Князя Курбскаго, т. I).

Точный смыслъ этого любопытнаго отрывка непонятенъ, такъ какъ дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, что Грозный говоритъ о Прозоровскихъ, какъ о людяхъ испытавшихъ уже его гнѣвъ. Онъ какъ будто объясняетъ Курбскому причину этого гнѣва, но какъ причина, такъ и степень этого гнѣва остаются для насъ неразъясненными.

Какъ бы то ни было, были ли или нѣтъ казнены кн. Прозоровскіе, достовѣрно только то, что немногочисленные представители ихъ рода были унижены, загнаны и конечно лишены значительной части своихъ вотчинъ. Есть извѣстіе, что послѣ бѣгства Курбскаго въ Польшу всѣ родичи его были понижены въ мѣстническомъ отношеніи на 12 степеней (Маркевичъ. о мѣстничествѣ, стр. 417); но касалась ли эта мѣра Прозоровскихъ, мы не знаемъ. Лишеніе же многихъ (если не всѣхъ) князей Ярославскаго дома ихъ земельной собственности подтверждается духовной грамотой Іоанна Грознаго, гдѣ между прочимъ говорится: „которыя вотчины я взялъ у князей Ярославскихъ, тѣ вотчины сыну моему Өедору" (Соловьевъ, т. VII). Однако родовая вотчина кн. Прозоровскихъ и ихъ бывшій удѣлъ, село Прозорово, оставалась повидимому нетронутымъ или была имъ вскорѣ отдана обратно, такъ какъ намъ извѣстно, что, въ самомъ началѣ XVII-го столѣтія (20 лѣтъ послѣ смерти Іоанна Грознаго) село Прозорово принадлежало князьямъ Семену и Матвѣю Прозоровскимъ (№ 20 и 21).

Село Прозорово (Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи) давшее наименованіе роду кн. Прозоровскихъ, было одно время (но очень недолго) самостоятельнымъ удѣломъ. Удѣлъ этотъ возымѣлъ начало свое въ 1408 году при смерти кн. Ѳедора Михайловича Моложскаго (№ 10 нашей росписи кн. Ярославскихъ), когда при раздѣлѣ Моложскаго удѣла оно досталось князю Ивану Ѳедоровичу Моложскому, первому князю Прозоровскому (№ 1). Хотя князь Иванъ Ѳедоровичъ былъ самостоятельнымъ удѣльнымъ княземъ, но степень этой самостоятельности (въ виду несомнѣнной зависимости удѣла отъ Мологи, Ярославля, вѣроятно уже Москвы, а можетъ быть отчасти даже и Твери) должна была быть очень условна. Сыновья кн. Ивана Ѳедоровича, князья Юрій и Андрей (№ 2 и 3), едва ли продолжали быть самостоятельными удѣльными князьями, а если и были, то не болѣе какъ въ теченіе 17-ти лѣтъ, между годомъ смерти ихъ отца (1445) и окончательнымъ присоединеніемъ Ярославля къ Москвѣ (1462). Къ удѣлу Прозоровскому приписано было село Холопово или Холопій городокъ, имѣвшій нѣкогда большое торговое значеніе. При Іоаннѣ III-мъ торговля изъ Холопьяго городка была переведена въ г. Мологу (Соловьевъ т. V). Карабановъ говоритъ (Русская Старина 1870, т. II, стр. 478), что въ началѣ нынѣшняго вѣка еще видны были около села Прозорова слѣды княжескихъ гробницъ.

Начиная съ конца царствованія Іоанна Грознаго, затѣмъ во все продолженіе царствованія Ѳедора Ивановича, а также во времена Бориса Годунова и Лже-Дмитрія, имя князей Прозоровскихъ не упоминается нигдѣ, и только съ восшествіемъ Василія Шуйскаго на престолъ имя это снова появляется на страницахъ нашей исторіи и не перестаетъ затѣмъ уже появляться на нихъ, во все продолженіе XVII-го вѣка, въ лицѣ кн. Семена Васильевича, его сыновей и внуковъ. Немногочисленный родъ кн. Прозоровскихъ, состоявшій за весь XVII-й вѣкъ лишь изъ 13 взрослыхъ представителей, насчитываетъ среди нихъ 8 бояръ: явленіе, доказывающее, что кн. Прозоровскіе, начиная съ кн. Семена Васильевича, заняли всѣмъ родомъ своимъ особо-выдающееся положеніе среди другихъ многочисленныхъ боярскихъ фамилій до-петровской Россіи. Несомнѣнно, что положеніе это было создано пятидесятилѣтнею дѣятельною и любопытною службою кн. Семена Васильевича. Начавъ ее при Василіи Шуйскомъ въ 1607-мъ году и съумѣвъ выдержать эпоху междуцарствія, оставаясь „прямымъ“, князь Семенъ Васильевичъ, уже съ самаго начала царствованія Михаила Ѳедоровича, сталъ особенно выдѣляться изъ группы многочисленныхъ воеводъ, созданныхъ смутнымъ временемъ. Гордясь своей прямотой, онъ на ней основывалъ иногда свои мѣстническія притязанія, что между прочимъ видно изъ спорнаго дѣла его съ кн. Куракинымъ. Какъ военачальникъ, онъ пользовался заслуженною репутаціею, и даже невольная сдача его королю Владиславу въ 1634 году не была поставлена ему въ вину, такъ какъ всѣ второстепенные военачальники показали на судѣ, что онъ долгъ свой исполнилъ добросовѣстно до конца осады. Защита Тихвинскаго монастыря въ 1613-мъ году положила

основаніе этой репутаціи. Какъ бы ни было малозначуще Тихвинское сидѣніе" въ историческомъ отношеніи, оно тѣмъ не менѣе для современниковъ и особенно для начинавшагося царствованія царя Михаила Θедоровича должно было имѣть довольно большое значеніе. Побѣда Прозоровскаго надъ Шведами была первою побѣдой Русскихъ надъ внѣшними врагами, послѣ очищенія Кремля Поляками въ 1612 году. Какъ воевода-администраторъ, кн. Семенъ Васильевичъ проявилъ особенную дѣятельность сперва въ Астрахани (1619—1623), гдѣ завелъ сношенія съ центральною Азіею, а затѣмъ гораздо позднѣе въ Путивлѣ (1649—1651), гдѣ черезъ его руки Москва сносилась съ Малороссіею. Достигнувъ наконецъ боярства, онъ былъ сидячимъ бояриномъ на первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича, а участіе, принятое имъ въ составленіи Уложенія, доказываетъ, что онъ принадлежалъ къ категоріи „дѣловыхъ" бояръ своего времени, получившихъ нѣкоторое образованіе.

Въ преклонныхъ уже годахъ онъ снова появляется передъ войсками и участвуетъ въ походѣ 1654 года. Къ сожалѣнію неизвѣстно, находился ли онъ при взятіи Смоленска 23 Сентября 1654 года: какое радостное чувство долженъ былъ онъ испытать въ этотъ день, когда Польскіе военачальники били челомъ и складывали знамена передъ царемъ! Прошло 20 лѣтъ и семь мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ Шеинъ и онъ производили такую же церемонію передъ королемъ Владиславомъ (Соловьевъ, т. X).

Но помимо его службы, давщей ему „знатность", немалымъ значеніемъ для него было его родство съ кн. Шуйскими. Это родство было причиной того, что, оставшись вѣрнымъ царю Василію до его постриженія, онъ затѣмъ не призналъ второго Самозванца, едва ли даже присягалъ королевичу Владиславу, а дѣйствовалъ самостоятельно, и съ какими-то казаками воевалъ противъ Польскихъ отрядовъ въ окрестностяхъ своихъ Ярославскихъ вотчинъ, до той самой поры, пока не начались дѣйствія кн. Пожарскаго, къ которому онъ одинъ изъ первыхъ присоединился со своими же казаками. Намъ не удалось открыть степень родства, существовавшаго между Шуйскими и Прозоровскими. У Холмогорова (Селецкая Десятина, стр. 126 и Владимирская Десятина, стр. 171) сказано, что кн. Семенъ Васильевичъ былъ племянникомъ кн. Ивана Ивановича Шуйскаго (брата царя Василія). Косвенными подтвержденіями родства служатъ слѣдующія указанія:

1) Особое положеніе, занимаемое княземъ Семеномъ Васильевичемъ, какою-то княгинею Евдокіею, а также и княжной Прозоровскими, во дворцѣ царя Василія (см. примѣчаніе XVI).

2) Встрѣча тѣла царя Василія на Польской границѣ (лѣтомъ 1635 года), куда посланы были бояринъ кн. Ив. Ив. Шуйскій и окольничій кн. Семенъ Васильевичъ Прозоровскій. (Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, т. XII, стр. 570).

3) Пожертвованіе, сдѣланное кн. С. В. Прозоровскимъ въ 1638 году въ Соловецкій монастырь „по князѣ Иванѣ Ивановичѣ Шуйскомъ“. Пожертвованіе это состояло изъ оправленнаго въ серебрѣ и каменья палаша, принадлежавшаго князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. (Описаніе Соловецкаго монастыря арх. Досиѳея, т. I).

4) Принятіе въ 1658 году княземъ Семеномъ Васильевичемъ постриженія въ Тихвинскомъ манастырѣ, гдѣ за 20 лѣтъ передъ этимъ принялъ такое же постриженіе князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій. (Описаніе Тихвинскаго монастыря).

О князѣ Иванѣ Ивановичѣ, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія:

Имя его упоминается въ первый разъ, кажется, въ 1586 году, въ Шведскомъ походѣ царя Ѳедора Ивановича, когда онъ Шуйскій вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Никитичемъ Романовымъ (будущій патріархъ Филаретъ) находились „у большаго саадака“ (Др. Р. Вивліоѳика, т. XIV, стр. 493). Въ бояре онъ былъ пожалованъ въ 1595 году. Въ 1610-мъ онъ былъ увезенъ плѣнникомъ въ Варшаву, вмѣстѣ съ братомъ своимъ царемъ Василіемъ. Возвращенъ обратно въ Москву въ 1620 году. Завѣдывалъ затѣмъ приказомъ сыскныхъ дѣлъ. Передъ кончиною своею (1638), принявъ имя „Іоны“, постригся въ Тихвинскомъ монастырѣ, гдѣ и былъ похороненъ. Онъ (кажется) женатъ былъ два раза: 1) на Евдокіи Васильевнѣ N. (Долгоруковъ, т. I). 2) со 2-го Ноября 1622 на Марѳѣ Васильевнѣ N. (Дополненіе къ дворцовымъ разрядамъ). (Чтенія 1862 года). У Петрова („Исторія родовъ Русскаго дворянства“ стр. 122) сказано, что второй женой кн. И. И. Шуйскаго, была княжна Марѳа Владимировна Долгорукова, сестра царицы Маріи Владимировны, первой супруги царя Михаила Ѳедоровича.

Основавъ „знатность“ своего рода, князь Семенъ Васильевичъ передалъ ее по наслѣдству своимъ сыновьямъ и внукамъ. Старшій сынъ его, князь Иванъ Семеновичъ, пользовался большимъ довѣріемъ царя Алексѣя Михайловича, а мученическая смерть его въ 1670 году въ Астрахани имѣла послѣдствіемъ то, что не только его сыновья, но и племянникъ его были всѣ приближены къ царской семьѣ. Второй сынъ кн. Семена Васильевича, кн. Петръ (большой) Семеновичъ, будучи воеводой въ Двинскѣ (Архангельскѣ), имѣлъ тамъ частыя сношенія съ Англичанами, и вслѣдствіе этого, былъ выбранъ царемъ въ 1662 году для посольства въ Англію. Старшій сынъ князя И. С., князь Петръ Ивановичъ, 30-ти лѣтъ отъ роду и въ званіи боярина, былъ въ 1674 году назначенъ дядькой царевича, а затѣмъ царя, Ивана Алексѣевича. Братъ его кн. Борисъ Ивановичъ, носившій званіе боярина, не имѣя еще 22-хъ лѣтъ, всю юность свою провелъ, живя въ комнатахъ царевича, а затѣмъ царя Петра Алексѣевича. Сыновья князей Петра большаго Семеновича и Петра Семеновича младшаго именовались всѣ комнатными стольниками и были лицами близкими къ царской семьѣ.

Князья Прозоровскіе конца XVII-го вѣка были безъ сомнѣнія истыми представителями кончавшаго свое существованіе, типичнаго Русскаго бояр-

ства. По характеру своему боярство это конечно не могло сочувственно относиться къ реформамъ Петра Великаго, но самое несочувствіе это было у нѣкоторыхъ князей Прозоровскихъ облечено въ такую форму, которой самъ Петръ I не могъ отказать въ уваженіи. Такимъ бояриномъ былъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій.

Государственная дѣятельность кн. Петра Ивановича въ эпоху царствованія Петра Великаго заключалась главнымъ образомъ въ завѣдываніи Приказомъ Большой Казны, а затѣмъ въ управленіи Монетнаго Двора и Монастырскаго Приказа въ Москвѣ. Онъ едва ли былъ когда-либо въ Петербургѣ и съ разрѣшенія государя до конца своихъ дней (1720) соблюдалъ въ образѣ жизни своемъ, а также и въ одеждѣ, обычаи прежней боярской жизни. О немъ мало говорится въ исторіи Петра Великаго. Кругъ дѣятельности его былъ замкнутъ, и имя его заглушено громкими именами „Птенцовъ гнѣзда Петрова", для которыхъ онъ копилъ деньги, бережливо храня ихъ въ царскихъ кладовыхъ. Повидимому онъ держалъ (какъ говорятъ Французы) шнурки казеннаго кошелька туго затянутыми и тѣмъ иногда причинялъ нѣкоторую досаду какъ самому царю, такъ и нѣкоторымъ приближеннымъ къ царю лицамъ. Вообще же современники отдавали ему полную справедливость, и самъ Петръ Великій, называя его своимъ вѣрнымъ бояриномъ, умѣлъ цѣнить его бережливость. Во время перваго путешествія Петра за границу, князь Петръ Ивановичъ былъ оставленъ имъ вмѣстѣ съ четырьмя другими боярами управлять государствомъ. Какъ характеристику его государственной дѣятельности, приведемъ два слѣдующихъ о немъ отзыва.

Въ 1703 году Левъ Нарышкинъ просилъ у государя денегъ для уплаты заготовленныхъ имъ артиллерійскихъ снарядовъ. Получивъ эту просьбу, Петръ въ письмѣ своемъ Виніусу поручаетъ ему сказать Нарышкину, что денегъ у него нѣтъ, „а деньги есть у князя Петра" (Прозоровскаго).

Три года спустя (въ 1706 году), Ѳедору Матвѣевичу Апраксину поручено было послѣ смерти Ѳ. А. Головина произвести ревизію Монетнаго или Денежнаго Двора. Донося объ исполненіи возложеннаго на него порученія, Апраксинъ пишетъ царю: „О Монетномъ Дворѣ доношу: переписавъ прикажи его принять кн. Прозоровскому. Осмотрительнѣе будетъ". (Письма Петра Великаго, т. II и IV).

Но кромѣ справедливости, которую Петръ I-й отдавалъ князю Петру Ивановичу за его бережливость, онъ питалъ къ нему чувство благодарности за услуги, имъ оказанныя, въ эпоху паденія правительства царевны Софіи. Роль кн. Прозоровскаго въ этомъ дѣлѣ долго не была выяснена, но съ появленіемъ въ печати I-го тома „Архива Князя Ѳ. А. Куракина" стало очевидно, что кн. Петръ Ивановичъ сильно способствовалъ паденію царевны, принудивъ ее выдать Шакловитаго. Въ дѣла внѣшней политики онъ не вмѣшивался, но едва ли онъ раздѣлялъ во всемъ взгляды своего государя. Ненавидя Польшу, онъ не могъ одобрить союза Петра съ королемъ Августомъ,

но вѣроятно одобрялъ войны съ Турціею, что между прочимъ видно изъ участія, принятаго имъ въ „кумпанствахъ“, имѣвшихъ цѣлью строеніе судовъ въ Воронежѣ. Онъ не былъ врагомъ просвѣщенія и не могъ быть таковымъ (въ особенности если достовѣрно то, что онъ приходился зятемъ Ѳ. М. Ртищеву), но искренно ненавидѣлъ вводимые Петромъ Великимъ Европейскіе обычаи. Современникъ его князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, говоря о немъ, выражается слѣдующимъ образомъ: „Князь Петръ Ивановичъ былъ человѣкъ набожный и справедливый и весьма противный царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ“, и далѣе: „Князь Петръ сидѣлъ въ большой казнѣ и вѣдалъ Денежный Дворъ и управлялъ со всякою вѣрностью и безъ мздоимства, понеже былъ человѣкъ набожный, который до смерти своей былъ содержанъ честно и такъ скончалъ свою жизнь“. („Архивъ Князя Куракина“, т. I).

Любопытную характеристику князя Петра Ивановича сообщаетъ намъ Корбъ въ своемъ Дневникѣ: „Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій (knezius Petrus Ivanovicz Prozorovski), бояринъ и его царскаго величества сокровищехранитель (Thesaurarius), хотя и знатенъ по благородству своего происхожденія, но еще болѣе отличается въ своей средѣ благочестіемъ жизни. Онъ ведетъ жизнь суровую и изъ опасенія запачкать руку никогда не отпираетъ дверей, такъ какъ онѣ могли быть осквернены прикосновеніемъ человѣка нечистаго или кого-нибудь изъ иностранцевъ, которыхъ всѣхъ считаетъ за еретиковъ“.

Кромѣ князя Петра Ивановича, изъ внуковъ князя Семена Васильевича наиболѣе замѣчательными были князья Борисъ Ивановичъ (№ 29) и Алексѣй Петровичъ (№ 31). Первый изъ нихъ былъ товарищемъ и другомъ дѣтства Петра I-го; а второй, какъ строитель крѣпостей, пользовался одно время большимъ значеніемъ и былъ высоко цѣнимъ своимъ государемъ.

Если Петръ I-й снисходительно разрѣшалъ кн. Петру Ивановичу не подчиняться Европейскимъ обычаямъ изъ уваженія къ его личности и вслѣдствіе этого же уваженія снисходительно смотрѣлъ, какъ двоюродные братья князя Петра Ивановича, сыновья князей Петра большого и Петра младшаго, держались также большею частью старины, то онъ не оказывалъ подобной снисходительности молодому подростающему поколѣнію кн. Прозоровскихъ. Это молодое поколѣніе состояло изъ князя Александра Петровича (№ 34), младшаго сына кн. Петра Семеновича младшаго, и изъ сыновей Андрея и Никиты Петровичей (№ 32 и 33), такъ какъ ни у князя Петра Ивановича, ни у брата его кн. Бориса, ни у кн. Алексѣя Петровича не было сыновей. Молодые князья Прозоровскіе были принуждены обучаться „разнымъ свободнымъ наукамъ и морскому дѣлу“ за границей; но, повидимому, обученіе это не принесло никакихъ плодовъ, и всѣ Прозоровскіе первой половины XVIII вѣка стушевались, не достигнувъ никакого мало-мальски выдающагося положенія.

Князь Александръ Петровичъ (№ 34) былъ, сколько кажется, замѣшанъ въ дѣло царевича Алексѣя Петровича былъ съ нимъ въ 1717 году за гра-

ницей, въ Россію не возвращался, поступилъ на службу въ Австріи и умеръ въ Вѣнѣ.

Князь Ѳедоръ Андреевичъ (№ 38) обучался морскому дѣлу за границей, но о дальнѣйшей его дѣятельности въ Россіи намъ ничего не извѣстно.

Князья Иванъ Андреевичъ старшій и братъ его князь Михаилъ Андреевичъ (№ 37 и 39) постриглись въ монахи.

Князь Александръ Никитичъ (№ 43) обучался за границей, затѣмъ служилъ во флотѣ, но по болѣзни долженъ былъ оставить службу.

Слѣдующее за ними поколѣніе Прозоровскихъ подвизалось съ честью въ военной службѣ и участвовало въ походахъ Миниха, въ Семилѣтней войнѣ и въ славныхъ войнахъ времени Екатерины II; но никто изъ нихъ не выдвинулся впередъ кромѣ фельдмаршала князя Александра Александровича, славная служба котораго составляетъ въ росписи кн. Прозоровскихъ XVIII-го вѣка единственное блестящее исключеніе. Князь Александръ Александровичъ, подобно своимъ предшественникамъ, наиболѣе замѣчательнымъ князьямъ Прозоровскимъ, т. е. подобно князьямъ Петру и Борису Ивановичамъ и Алексѣю Петровичу, не имѣлъ сыновей. Дальнѣйшее же поколѣніе кн. Прозоровскихъ (сыновья и внуки кн. Александра Александровича старшаго № 53), жившее въ самомъ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка, стало постепенно вымирать и преимущественно въ молодыхъ годахъ. Родъ кн. Прозоровскихъ, въ продолженіе болѣе 30-ти лѣтъ, имѣлъ одного только представителя, князя Александра Петровича (послѣдняго въ родѣ), умершаго бездѣтнымъ и въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1852 году. Послѣдняя же представительница рода, княгиня Анна Александровна Голицына, рожденная княжна Прозоровская, скончалась въ 1863 году 82-хъ лѣтъ отъ роду. Старшій сынъ ея, князь Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ, сталъ (съ1852 года) родоначальникомъ, новой княжеской, фамиліи князей Прозоровскихъ-Голицыныхъ, о чемъ было упомянуто выше.

Во второй части нашихъ матеріаловъ мы предполагаемъ изложить краткія біографіи наиболѣе замѣчательныхъ князей Прозоровскихъ, жившихъ въ XVII столѣтіи, а именно князя Семена Васильевича (№ 20), князя Ивана Семеновича (№ 22), князя Петра большого Семеновича (№ 23), князя Петра Ивановича (№ 27), князя Бориса Ивановича (№ 29) и князя Алексѣя Петровича (№ 31).

М. М.

Октябрь 1896.

15-го Апрѣля 1776 года скончалась первая супруга Павла Петровича, Наталья Алексѣевна, а лѣтомъ того же года вмѣстѣ съ Н. П. Румянцевымъ и Н. И. Салтыковымъ сопровождалъ великаго князя въ Берлинъ для смотринъ невѣсты, будущей императрицы Маріи Ѳеодоровны. Поѣздка эта весьма живо изложена въ его письмахъ. Свадьба была 27-го Сентября, а 7 Октября императрица дала указъ князю А. Б. ѣхать въ Стокгольмъ, чтобы извѣстить Шведскій дворъ о состоявшемся бракосочетаніи. Снабженный инструкціями и 2000 рублей, князь совершилъ трудное путешествіе свое съ большою поспѣшностью, въ Стокгольмѣ съумѣлъ найти ласковый пріемъ и былъ принятъ въ члены Академіи наукъ.

Въ своихъ донесеніяхъ и письмахъ онъ обнаружилъ большую зрѣлость сужденія о политическомъ положеніи Швеціи и порученіе свое исполнилъ столь блистательно, что весною слѣдующаго года Густавъ III, дотолѣ намъ враждебный, пріѣхалъ на свиданіе съ Екатериной. Цѣль и послѣдствія сего свиданія извѣстны.

Исполняя свою дипломатическую миссію, князь А. Б. усердно ухаживалъ, между прочимъ, и за одной изъ самыхъ видныхъ особъ Шведской аристократіи, графиней Софіей Ферзенъ, сестрою того Ферзена, который способствовалъ побѣгу Людовика XVI въ Вареннъ и былъ въ 1810 году убитъ Стокгольмской чернью, обвинявшей его въ смерти герцога Аугустенбургскаго. Ея письма къ князю (39) читаются совершенно какъ романъ; въ нихъ съ необычайною пластичностью рисуется возникновеніе симпатіи въ душѣ благородной дѣвушки, ростъ чувства, его переходъ въ могучую страсть и борьба съ сознаніемъ долга. Нельзя читать э хъ писемъ безъ живаго участія; они конечно послужатъ прекраснымъ матеріаломъ для писателя-психолога.

VIII-й томъ, какъ и предыдущія, изданъ во всѣхъ отношеніяхъ безупречно, снабженъ цѣнными введеніемъ, примѣчаніями и указателями. Ю. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году выходить по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ 1898—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

8.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1899.

НОВЫЯ КНИГИ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Спб. 1899 книга XIII.

Повѣствованіе почтеннаго г. Н. Барсукова продолжается безостановочно. Настоящая XIII книга, удостоенная подобно предъидущимъ Императорскою Академіей Наукъ полной Уваровской преміи, оканчивается 18 Февраля 1855 г., днемъ кончины Императора Николая I.

По интересу сообщаемаго въ этомъ томѣ, онъ нисколько не уступаетъ предшествующимъ и содержитъ въ себѣ обстоятельное повѣствованіе о пережитой Россіей порѣ, начиная съ 1853 г., т. е. съ начала Восточной войны. Въ порѣ этой Погодину пришлось принять видное участіе, преимущественно своими политическими письмами, которыя имѣли широкое распространеніе среди всей читающей Россіи. Въ ходѣ войны этой приняли, какъ и естественно ожидать, всѣ близкія Погодину лица, и разсказъ объ томъ или другомъ ихъ участіи, передаваемый по большей части ихъ собственными словами, составляетъ одну изъ выдающихся прелестей разсказа г. Н. Барсукова. Одною изъ жемчужинъ разсказа являются выписки изъ писемъ Севастопольскаго протоіерея Арсенія Лебединцева, которыми онъ дѣлился съ преосвященнымъ Херсонскимъ Иннокентіемъ, горячо принимавшимъ къ сердцу дѣйствія Русскаго оружія.

Читатель, слѣдя за этими выписками, только жалѣетъ о томъ, что ихъ въ книгѣ г. Барсукова приведено мало. Но разсказъ о Восточной войнѣ 1853 г. не составляетъ исключительнаго содержанія разсматриваемой книги. Она содержитъ не мало и другихъ весьма интересныхъ разсказовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ Погодину. Напримѣръ, разсказъ о празднованіи столѣтняго юбилея Московскаго Университета; въ высшей степени любопытное повѣствованіе объ участіи академика Куника въ занятіяхъ и работахъ по Русской исторіи и хронологіи, объ его стремленіи утвердить изученіе Византіи въ нашемъ отечествѣ; весьма любопытныя и важныя данныя по поводу интересныхъ статей П. И. Бартенева: Пушкинъ въ Южной Россіи и т. д. и т. д. Эти и имъ подобные эпизоды поддерживаютъ постоянно вниманіе и интересъ читателей книги г. Н. Барсукова и дѣлаютъ изъ нея вполнѣ достойное продолженіе предшествующихъ книгъ. Отъ души желаемъ, чтобы почтенный авторъ безпрепятственно окончилъ такъ блестяще продолжаемое повѣствованіе о жизни Погодина.

И. Помяловскій.

27 Іюня 1899 г.

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО КОНСТАНТИНУ ЯКОВЛЕВИЧУ.

1805-й годъ [1]).

Неаполь, 7 (19) Февраля 1805.

Какая была для меня радость, узнать, что ты готовъ ѣхать въ Москву! Ну, милой мой и безцѣнной Костя, поздравляю тебя отъ всей души: пришла минута столь много нами желаемая. Да препроводитъ тебя Господь Богъ въ путешествiи твоемъ! Наслаждайся удовольствiемъ, коего три года ты былъ лишенъ. Это письмо, можетъ быть, будешь читать въ Москвѣ, сидя въ твоей тепленькой конуркѣ, или у батюшки въ саду; ну гдѣ бы то ни было, все это живѣе приведетъ тебѣ на память того, который къ тебѣ пишетъ.

Пожалуй опиши мнѣ подробно путешествiе твое, прiемъ князя Чарторижскаго, что̀ будетъ тебѣ говорить, ибо вѣрно вспомнитъ Анстетову [2]) рекомендацiю; о маменькѣ, какъ ее найдешь, о прочихъ знакомыхъ, а особливо, также то, что̀ узнаешь о Татищевѣ и о всемъ до миссiи нашей касающемся, о Гагариной и о тысячѣ пустякахъ, коихъ теперь припомнить не могу. Изъ Москвы также, милой братъ, навѣщай меня какъ можно чаще письмами; ты можешь себѣ вообразить, какой они будутъ для меня цѣны. Я слѣдую тебя теперь воображенiемъ, а мнѣ кажется, что ты теперь выѣзжаешь въ Москву, что ты у Кузнецкаго моста, встрѣчаешь множество знакомыхъ, у коихъ, видя тебя, лицо перемѣняется отъ радости или удивленiя, всякая встрѣча производитъ волненiе въ твоемъ сердцѣ, приближаешься къ Слободѣ [3]), сердце бьется, прiѣзжаешь въ домъ, батюшка на крыльцѣ или въ своей комнатѣ, не ожидая тебя такъ скоро; ты входишь въ его кабинетъ, кидаешься ему на шею, какая минута! Любезной братъ, какое удовольствiе для тебя найти отца благословляющаго тебя за хорошее твое поведенiе, за спо-

---

[1]) См. выше, стр. 5-я.

[2]) Анстетъ былъ однимъ изъ чиновниковъ нашего посольства въ Вѣнѣ, гдѣ тогда служилъ К. А. Булгаковъ.

[3]) Т. е. къ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ были домъ и усадьба Я. И. Булгакова (вѣроятно въ нынѣшнемъ Демидовскомъ переулкѣ).

койствіе, за радости, кои ты доставлялъ ему вкушать, во все время твоего отсутствія! Вкушай сіи плоды: ты столь ихъ заслуживаешь. Ежели это письмо дойдетъ до тебя послѣ свиданія твоего, то послужитъ нѣжнымъ воспоминаніемъ счастливой той минуты, въ которую совершились желанія твои; ежели же прежде, то умножитъ, можетъ быть, твое нетерпѣніе. Но нѣтъ бѣды. Я нечувствительно предался пылкости моего воображенія, а пришла охота грустить, вспомня, что не могу ни видѣть, ни раздѣлять счастія твоего. Мы здѣсь веселимся сколько можно, хотя и менѣе баловъ противъ прошлогодняшняго; редуты въ С. Карло, за то, гораздо веселѣе. Третьяго дня было болѣе 4.000 масокъ. Я теперь большой пріятель съ Кауницомъ; онъ волочится за сестрой моей княгини, и дѣла его клеятся очень хорошо, sous ma médiation et garantie. У насъ проектъ теперь трактуется: всѣ мы сядемъ на нашъ корабль и поѣдемъ гулять по Неапольскому заливу, объѣдемъ острова и заѣдемъ посмотрѣть Капри. Notre société sera composée d'une cinquantaine de personnes, всякой беретъ блюдо съ собою.

*

Неаполь, 14 (26) Февраля 1805.

Посольшѣ [1]) пишетъ графъ: *Le petit Bulhakow est parti, cela m'a fait beaucoup de peine, car je lui suis attaché; il s'applique etc.* Это должно тебѣ быть пріятно: ты знаешь, что посолъ не очень щедръ на комплименты подчиненнымъ своимъ. Посольша увѣряетъ, что Гриша [2]) болѣе не воротится въ Вѣну, а Рибопьеръ даже вымаранъ изъ миссіи вашей. Она очень грустна. Здѣсь маленькое démêlé. Французскій посолъ требовалъ, чтобъ Дамаса выслали изъ здѣшняго королевства и отняли команду надъ арміею; не знаютъ, какъ и чѣмъ сія претензія кончится. Я не дѣлаю секрета изъ сего, ибо весь городъ о томъ говоритъ. Линевская пріѣхала, но я ея еще не видалъ. Демидова, говорятъ, ужъ въ Римѣ и скоро будетъ сюда. Сегодня послѣдній день карнавала, и я этому радъ: балы у меня по горло уже. Мы съ княгинею... оба просимъ отдыха; кстати Великій постъ подходитъ.. а я думаю говѣть съ Долгоруковыми, благо имѣемъ нашего попа на кораблѣ *Прасковеѣ*. Можно ли быть столь странною какъ Головкина: поѣхала въ Римъ только за тѣмъ, чтобы провести тамъ послѣдніе три дня карнавала, а тамъ опять сюда воротится. Можетъ быть, это подложная причина, а есть другая настоящая, которую мы не можемъ найти.

*

[1]) Т. е. вѣроятно первой женѣ нашего посла при императорѣ Германскомъ графинѣ Елисаветѣ Осиповнѣ Тунъ († 1806), проживавшей для здоровья въ Неаполѣ, пишетъ изъ Вѣны мужъ ея графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій.

[2]) Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ?

Неаполь, Февраля 21 (Марта 5) 1805 года.

Твоя Демидова[1]) отмѣнно мнѣ нравится: любезна, весела и, что̀ болѣе всего мнѣ пріятно, очень къ тебѣ привязана. Она, Балковы [2]) и Николушка живутъ вмѣстѣ; я отмѣнно часто у нихъ бываю. Всѣ здѣшнія достопамятности очень мнѣ извѣстны и даже прискучили, но для нихъ охотно все еще разъ просмотрю и съ ними всюду поѣду въ званіи Цицерона, o sia Chiacherone. Демидова съ пріѣзда лежала больна въ постели лихорадкою, теперь выздоровѣла и выѣзжаетъ. Мы сбирались было говѣть; но теперь надобно отложить попеченіе, ибо бѣдной священникъ нашего корабля умеръ на этихъ дняхъ.

*

Неаполь, 12-го Марта 1805 г.

Трудно мнѣ отвыкать отъ старой привычки имѣть всякую недѣлю по два письма отъ тебя, но какъ быть? Утѣшаюсь мыслію, что желанія твои совершились, и ты въ Россіи, милой и любезной братъ.

Не повѣришь, какъ я теперь пріятно раздѣляю время между моею княгинею съ Демидовою. Сія очень мнѣ нравится, нрава открытаго и предобраго сердца; я не удивляюсь нимало, что ты ее любилъ и не хулю этого: заслуживаетъ того, время съ нею не видишь какъ проходитъ; вчера пришелъ я къ ней въ 10 часовъ вечера и до трехъ часовъ пополуночи заболтался.

Мы были всѣ на превеселомъ обѣдѣ у Кауница третьяго дня, а завтра вся наша шайка, и дамы также, ѣдемъ въ Баю и Фузаро ѣсть устрицъ, ce qui n'est pas mon fort du tout, car je les déteste. Дамасъ на дняхъ ѣдетъ и ждетъ только благополучнаго вѣтра; ему дана большая лента св. Фердинанда, и теперь щеголяетъ со звѣздою. Посольша очень грустна; говорятъ, что чрезъ шесть недѣль ворочается въ Вѣну. Я радъ, что подоспѣла сестра Линевская въ столь нужную минуту.

*

Неаполь, 14 (26) Марта 1805.

Слава Богу, ты благополучно доѣхалъ до Питера; радуюсь всѣмъ оказаннымъ тебѣ ласкамъ, и посла люблю безъ ума. Мы видимъ теперь, что онъ не таковъ, каковымъ большая часть его полагаетъ. Я про-

---

[1]) Петръ Ѳедоровичъ Балкъ-Полевъ и жена его (которую далѣе Булгаковъ называетъ Балкшею) Варвара Николаевна, ур. Салтыкова, родная тетка нашего Московскаго князя В. А. Долгорукова.

[2]) Это супруга Николая Никитича Демидова, Елисавета Александровна († 1818), сестра графа Г. А. Строганова, успѣхи котораго между женщинами помянуты даже Байрономъ во 2-й пѣснѣ Донъ-Жуана. Она была тоже счастлива въ мужчинахъ. Графъ Блудовъ говаривалъ: Nos grandes-mères étaient pures de coeur, pas de corps.

челъ посольшѣ, что̀ ты пишешь о мужѣ, и она была тронута до слезъ. Voilà, dit-elle, ce qu'on gagne à être bon enfant comme votre frère. Я тебѣ признаюсь, что не ожидалъ бы таковыхъ доказательствъ привязанности посла къ тебѣ. Не оставляй ни подъ какимъ видомъ его миссіи: кажется, намъ не должно теперь сомнѣваться, что тебѣ дадутъ жалованье. Благодарю за все, что̀ пишешь о маменькѣ; я бы ей послалъ денегъ съ отъѣхавшимъ вчера въ Петербургъ курьеромъ, но по несчастію батюшкинъ вексель ко мнѣ въ 500 ч. принужденъ былъ отослать Гумпту, ибо онъ адресованъ тебѣ и платежъ долженъ сдѣлаться тебѣ, въ Вѣнѣ, гульденами; просилъ Гумпта все это устроить, несмотря на твое отсутствіе. Я къ маменькѣ пишу довольно часто, но что̀ дѣлать съ почтою, и я объ ней былъ въ безпокойствіи, а въ Четвергъ получилъ вдругъ три письма, изъ коихъ одно 17 Января, каково? Татищевъ ѣдетъ; по твоему письму везетъ еще двухъ; не знаю, что̀ со мною будетъ, но надѣюсь не быть ему безполезнымъ. Демидова говоритъ, что онъ былъ въ нее влюбленъ. Она его встрѣтитъ и скажетъ ему, что любитъ меня очень и что знаться съ нимъ не будетъ, ежели я не буду его фаворитъ. Комиссіи къ знакомымъ въ Петербургѣ не могу тебѣ давать; тебя теперь тамъ нѣтъ, я думаю.

Ты говоришь, что многое говорятъ у васъ; а не пишешь, что̀ именно. Кто объ насъ представлялъ, коллегія ли, князь Чартор. или наши министры? Лучше бы, вмѣсто чина, хорошее жалованье. Я получилъ вдругъ два письма отъ батюшки; онъ, кажется, намекаетъ, что и моя очередь придетъ ѣхать въ Москву, тогда въ Вѣнѣ погощу у тебѣ два раза хорошенько. Да и тебѣ изъ Москвы зачѣмъ спѣшить? Я воображаю, что ты воротишься къ послу черезъ Петербургъ. Мы время славно здѣсь препровождаемъ. Что̀ за женщина эта Демидова, и какъ я ее худо судилъ, покуда только видомъ ее зналъ; право, заслуживаетъ любовь хоть кого. Она была огорчена, что въ письмѣ твоемъ, которое принудила почти все прочесть ей, нѣтъ ни слова объ ней. Она въ большихъ ажитаціяхъ, ибо ѣдетъ изъ Парижа вслѣдъ за нею какой-то Гишпанецъ, кажется Pignatelli, который влюбленъ въ нее, и она не знаетъ какъ его принять послѣ того, что̀ было въ Вѣнѣ. Она очень къ тебѣ привязана. Всѣ здѣшнія достопамятности видѣлъ я сто разъ, но ее долгомъ почелъ вездѣ провожать. Вчера были мы въ Казертѣ и до того доходились, что пріѣхалъ я безъ ногъ въ Неаполь отъ усталости. Какъ смѣялись! Мы были пятеро: Д., Балкша, Томасъ, старый абатъ чичероне и я. Сколько разъ тебя поминали! Ко мнѣ изъ Вѣны пишетъ какой-то чудакъ Ротіакобъ, коего въ глаза не знаю, и проситъ, чтобы я заставилъ тебя заплатить Беттерѣ 100 г. и оные ему

переслалъ. Что я оберъ-полицеймейстеръ что-ли? Je dirai comme la D: Non, ce sont des contes tout cela. Пожалуй напиши мнѣ, подъ секретомъ все, что ты могъ слышать въ Петербургѣ о Карповѣ, особливо въ княжеской канцеляріи и пр. Когда будетъ Татищевъ, куда, думаешь, дѣнется Карповъ?

*

Неаполь, 21 Марта (2 Апрѣля) 1805 г.

Вѣрно увидишь Татищева въ Москвѣ. Чтò за люди съ нимъ ѣдутъ et de quelle trempe ils sont? Вообще все до миссіи нашей касающееся должно меня интересовать натурально. Мы дѣлаемся теперь сиротами: въ Воскресенье уѣхала Долгорукова, въ Понедѣльникъ Балкша съ мужемъ, въ Четвергъ ѣдутъ Демидова и Головкина. Очень мнѣ будетъ жаль Демидову, съ которой я очень тѣсно подружился. Ее нельзя не любить, когда два раза только увидишь; жалуется, что многіе ее ненавидятъ и завидуютъ ей. Сіе заставило меня написать ей въ Stambuch на одномъ листочкѣ съ тобою: Vous êtes gentille, aimable, bonne, sensible, vous avez des envieux; soyez plus gentille, plus aimable, plus bonne, plus sensible, et vous les confondrez, et moi je jouirai de votre triomphe. Не знаю, отъ чего въ Россіи имѣлъ я отъ нея такое большое отвращеніе, а теперь люблю ее очень. Она совершенно вбила себѣ въ голову, что ты ее забылъ, какъ я ни увѣряю ее въ противномъ. Elle dit de vous: Oh, à présent il est nuit et jour chez sa belle Dolgorouky. Qu'est ce qu'il trouve donc dans ce petit monstre? Жаль мнѣ очень, что она покидаетъ насъ; провожу ее почты три, чтò ни съ кѣмъ не дѣлалъ кромѣ съ Гагариными.

*

Неаполь, 28 Марта (9 Апрѣля) 1805 г.

Наконецъ возвратился ты въ Москву, и всѣ желанія твои сбылись. Я право былъ тронутъ всѣмъ тѣмъ, чтò ты мнѣ говоришь, и мнѣ казалось, что я стою между батюшкою и тобою, что у окошка Фастъ смотритъ будто на термометръ, дабы не показать, что плачетъ, глядя на наше благополучіе; у кровати Александра Петровна потупила глаза на Китайца, вышитаго на завѣсахъ; княгиня сидитъ на большихъ, красныхъ креслахъ, съ платкомъ на носу, который весь покраснѣлъ; князь Сергій говоритъ батюшкѣ, смотря то на одного, то на другаго: эхъ! дюдюшка, да вамъ радоваться должно, посмотрите-ка, какими воротились молодцами! Въ эту минуту входитъ Біанки, кричитъ, всѣмъ кланяется, никто ему не отвѣчаетъ. Эта картина такъ сильно представилась моему воображенію, что я только тогда очнулся, что въ Неаполѣ,

какъ пришелъ Антоніо съ завтракомъ. Теперь узналъ я, что можно быть счастливу мысленно; но какъ жаль, что это счастіе есть одна только минута.

*

Неаполь, 11 (23) Апрѣля 1805 г.

Къ намъ ѣдутъ опять много Русскихъ, т. е. Демидова обратно на все лѣто съ мужемъ (bon!), князь Дондуковъ (ex-Karsakoff) съ женою, Сапiera, двое Яковлевыхъ, Щербатовъ-драчунъ и не помню кто еще. Балкша тоже сюда будетъ, а мужъ ея ѣдетъ въ Россію, проситься въ Китай съ посольствомъ нашимъ. Правду ты говоришь, что рѣдкость найти женщину, которая была бы достойна быть единымъ предметомъ человѣка. У меня съ княгинею пречастыя ссоры за проклятую ея страсть къ игрѣ, а ежели она не броситъ играть, то я ее вѣрно брошу; ибо не повѣришь, какъ больно моему сердцу видѣть молодую женщину, которую люблю, растропающую свое имѣніе. Всякой день у насъ ссора за это, и я такъ оной встревоженъ, печаленъ, что боленъ даже бываю. Какая несчастная и неизлѣчимая страсть—карты! Какая наука для меня, и какую ненависть имѣю теперь къ игрѣ.

Какъ я радъ, что нашъ безцѣнной Фастъ не перемѣнился нимало, что̀ бы очень меня огорчило и охолодило бы сердце ко всякому чувствованію дружбы. Мнѣ батюшка не писалъ о продажѣ деревни Азанчевскому, и не знаю, сколько душъ. Дай Боже, чтобы это уменьшило долгъ, который столь его безпокоитъ и о коемъ онъ столь часто упоминаетъ. У васъ Екатерина III-я Пушкина*), а мы здѣсь Долгорукую такъ называли.

*

Неаполь, 18 (30) Апрѣля 1805 г.

Повѣрь, братъ, что охоты никакой не имѣю быть камеръ-юнкеромъ: теперь это не важно, и право божусь тебѣ, что лучше предпочту мѣсто секретаря посольства, которое есть цѣль всѣхъ моихъ желаній. Слушай! Министры наши здѣсь довольно часто перемѣняются; при отъѣздѣ всякаго, я бы былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, а наконецъ, привыкши быть мною довольными и произведя меня раза четыре, сдѣлали бы и министромъ тѣмъ охотнѣе, что дворъ и дѣла не важны. Такъ ли? Вотъ планъ мой; съ помощію Татищева надѣюсь достигнуть моего желанія. Тогда дамъ пиръ, и хотя не люблю вина, но по твоему вытяну полдюжину бокаловъ Шампанскаго.

*

*) Т. е. графиня Екатерина Алексѣевна Мусина-Пушкина, ур. кн. Волконская.

Неаполь. 7 Мая 1805 г.

Я буду проситься курьеромъ въ Вѣну, гдѣ доброй нашъ посолъ меня нѣсколько задержитъ и потомъ отправитъ въ Петербургъ, а ежели ѣхать туда прямо, то когдаже съ тобою пожить? Дороги по Италіи теперь очень вѣрны, по крайней мѣрѣ ужъ давно не слыхать, чтобъ шалили. Благодарю за вѣсти Московскія и всѣ твои подробности о домѣ нашемъ: отъ всего этого сердце бьется. Батюшка, кажется, веселъ и предоволенъ нами, пишетъ: «Канцлеръ[1]) меня утѣшилъ похвалою о тебѣ, хвалитъ, да и много, все то, что̀ ты писалъ во время болѣзни Карпова: но сіе да не возгордитъ тебя. Обѣщался мнѣ о васъ обоихъ писать къ кн. Чарторыскому. Я съ нимъ переговорилъ о всемъ, что̀ только можетъ касаться до вашего будущаго блага; увидимъ, что̀ сдѣлаютъ въ Петербургѣ, между тѣмъ радуюсь, что начальники васъ за глаза знаютъ и хвалятъ». Не повѣришь, какъ сіи слова меня порадовали: стоютъ всякаго награжденія. Отгадай, кто къ намъ явился вдругъ. Виленскій знакомый, красноносый и краснощекой генералъ Лассій, такойже все чудакъ, пріѣхалъ лѣчиться и началъ тѣмъ, что ложится въ семь часовъ спать, обѣдаетъ въ часъ, по сю пору только мнѣ сказалъ: Бачка! Какъ ты, братица, выро̀съ; приходи обѣдать къ намъ. Пріѣхалъ изъ Рима Щербатовъ, да что-то не взлюбилъ Неаполя и ѣдетъ чрезъ двѣ недѣли, возвращась въ Россію. Скоро будутъ сюда Демидовы, жду ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ, а Балкъ, кажется, раздумалъ ѣхать въ Китай.

Вотъ три года что̀ я здѣсь, а впервой видѣлъ чудо св. Януарія. Удивительно, что въ церемоніи сей, основанной на ослѣпленіи и глупомъ суевѣріи народа, не наблюдается по крайней мѣрѣ благопристойности. Старыя бабы сидятъ на первыхъ мѣстахъ и ругательски ругаютъ бѣднаго святаго за то, что мѣшкаетъ, а не дѣлаетъ чуда; когда же зазвонитъ колокольчикъ, начинаютъ кричать: bravo S. Gennaro, nostro caro, quanto piacere ci fai provare, quanto sei grazioso, amabile, quanto ti vogliamo bene [2]) и другія подобныя глупости. Какая разница въ нашихъ священныхъ обрядахъ, какая у насъ тишина, благоголѣпіе, благопристойность, а здѣсь поютъ кастраты, играютъ 200 музыкантовъ, иллюминація, процессіи и пр.

*

---

[1]) Государственный канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ.

[2]) Т. е. браво св. Януарій, дорогой нашъ, какое удовольствіе ты даешь намъ испытывать, какъ ты милъ и любезенъ, какъ мы тебя любимъ.

Неаполь, 2 (14) Мая 1805.

Ей Богу больно: пишу тебѣ подъ № 119, а ты мнѣ на 102-й только отвѣчалъ въ послѣдній разъ. Спасибо тебѣ, что устроилъ дѣла бѣднаго Приклонскаго.

Приступимъ теперь къ Неаполю. Въ немъ дѣлаются страшныя проказы. L'occasion de départ de Borel me permet de vous parler sans risque de beaucoup de choses. Je ne sais si vous êtes informé de l'accident de Scherbatoff, accident d'autant plus fâcheux que non seulement il blesse les principes du droit des gens et offense Scherbatoff, mais rejaillit sur toute notre nation. La nuit du 9 au 10 un détachement de sbires avec un officier rentra dans la chambre de S., l'arrêta, le fit monter dans une calèche et le conduisit de cette manière, comme un malfaiteur, hors des états de Naples, sans aucun concert préalable avec m-r Karpow. Vous pouvez vous imaginer l'effet qu'un pareil procédé produisit sur un homme *zélé Russe* comme Karpow. Il adressa une note très salée, par la quelle il demande une réparation prompte et telle qu'il sache s'il doit continuer ou cesser l'exercice de ses fonctions auprès de cette cour. Hier on nous a enfin répondu par une note, qui peut passer pour un chef d'oeuvres de platitude, et dans la quelle une phrase détruit l'autre. Les griefs contre S. sont: qu'il ne s'est pas fait présenter à la cour, qu'on a trouvé un fusil chez lui, qu'il ne portait par son uniforme, qu'il venait à Naples pour braver cette cour par sa duel avec Sachs, qu'il avait tué, au moins pas à la Napolitaine par derrière, c. à d. Je vous fais grâce du reste et vous demande si tout cela autorise à traiter un étranger comme un malfaiteur et sans en avertir, ni avant ni après, son ministre; car nous savons tout cela par un homme de la police. Все это приказано королевою въ возмездіе за высылку Сакса изъ Петербурга; а ты, можетъ быть, не знаешь, что онъ былъ ея любовникомъ. Королю сказано все это только вчера. Мы посылаемъ курьера въ Питеръ и увидимъ, какъ Государь это дѣло приметъ. Арестуя Щерб., принесли ему кошелекъ съ деньгами, чтобъ заплатить долги, ежели найдутся; но онъ сказалъ офицеру, чтобъ убирался и онъ, и тотъ кто деньги прислалъ, что онъ долги, которые умѣетъ дѣлать, умѣетъ и самъ платить, что придетъ время, что все это отомститъ, написалъ записку Гагарину и Карпову, сѣлъ въ карету, и его помчали. Не повѣришь, любезный, какъ у меня кровью сердце заливается отъ подобнаго скареднаго поступка; не должна Россія терпѣть подобныя дерзости отъ державы, которую Алжирцы заставляютъ себя бояться. Я право второй день хожу какъ шальной. Посольша изволитъ защищать сей

поступокъ; ты можешь вообразить, какой шумъ мы подымаемъ, мы *Русскіе въ душѣ.* Неаполь сталъ для меня гнусенъ, и не вижу минуты убраться. Я такъ откровенно всѣмъ говорю мой образъ мыслей, что вѣрно дошло до знатной особы, чему я и радъ и готовъ на все; лучше ѣсть Русское . . . чѣмъ Неапольскіе макароны. Записка къ Гагарину была вѣрно въ рукахъ здѣшняго двора, который будетъ коситься на него за дружбу Щербатова.

Къ маменькѣ черезъ Приклонскаго посылаю деньги 50 ассигнацію, которую купилъ на нашемъ кораблѣ у матроса. Пини нашъ воротился изъ Корфу, былъ въ Венеціи, гдѣ видѣлъ Маруція, который тебѣ кланяется, а дочь Бароція большія имѣетъ на тебя претензіи.

*

Неаполь, 9 (21) Мая 1805 г.

Я получилъ третьяго дня письмо отъ батюшки, который говоритъ: «вчера (29 Марта) отпустилъ я брата въ Петербургъ, и поплакали». Вотъ что онъ пишетъ: «Тебя желаю избавить отъ Неаполя, гдѣ нечего тебѣ лучшаго ожидать; а я старъ, дряхлъ и хотѣлъ бы имѣть при себѣ котораго нибудь изъ васъ, даже и для вашей пользы. Глаза мои, кои мнѣ столь вѣрно служили 60 лѣтъ безъ очковъ, начинаютъ худо видѣть, рука ослабѣла, голова также ненадежна. Какъ же мнѣ не желать имѣть при себѣ человѣка, на котораго положиться могу, а гдѣ его найти кромѣ одного изъ васъ?»

Не можешь вообразить, какъ я на Васильчикова*) золъ. Что̀ за фофанъ! Куда дѣвались всѣ мои письма? 11-го сего мѣсяца Татищева всякую минуту ждали въ Тріестѣ, такъ что онъ можетъ быть прибудетъ сюда въ концѣ этой недѣли, и тогда будутъ здѣсь три наши корабля; теперь имѣемъ мы Прасковею, линейный корабль и фрегатъ Венусъ. Сегодня Пини, Николушка, Беттера ѣдутъ обѣдать къ капитану Сотланову и ѣсть щи. Маменька пишетъ, что ожидаетъ тебя всякую минуту. Я послалъ ей денегъ съ Борелемъ, а въ этомъ мѣсяцѣ еще пошлю, ибо буду богатъ. A propos: батюшка пишетъ, что далъ тебѣ для меня 500 ч.; сдѣлай одолженіе перешли изъ оныхъ 100 матушкѣ: это всего короче и лучше, чѣмъ мнѣ отсюда посылать вексель; изъ Вѣны удобнѣе и вѣрнѣе можно доставить деньги въ Петербургъ.

Все идетъ по старому, съ княгинею все ладно, она доброй парень, только страшная игрица, что̀ терпѣть въ женщинѣ не могу. Сегодня должны пріѣхать Демидовы; онъ будетъ брать бани острова Искіи, а

---

*) Алексѣя Васильевича. Онъ былъ родной племянникъ нашего Вѣнскаго посла графа А. К. Разумовскаго и служилъ въ Вѣнѣ подъ его начальствомъ.

она я, чаю, амуриться съ Гишпанцомъ Парижскимъ, о которомъ она тебѣ вѣрно говорила, et qui est venu en Italie exprès pour elle.

*

Неаполь, 16 (28) Мая 1805 г.

Ну, братъ, теперь насъ занумерили, и надѣюсь, все пойдетъ какъ по маслу. Все то, что́ князь Чарторыскій тебѣ говорилъ очень меня обнадеживаетъ и радуетъ; теперь не надобно намъ унывать.

Я матушкѣ много писалъ о желаніи нашемъ, чтобъ она переселилась въ Москву; ежели тамъ Шумлинскіе [1]) докучаютъ, то по крайней мѣрѣ карману ничего не стоятъ, а въ Питерѣ не такъ съ протчею роднею.

*

Неаполь, 9 (21) Іюня 1805 г.

Такъ и быть, умру, но Пинія не отпущу въ Вѣну безъ письма къ любезному и милому моему Костюшѣ. Это заглавіе тебѣ покажется трагично, mais tranquillisez vous. Дѣло въ томъ, что я три ночи не сплю за работою, которую дѣлаю одинъ, Пини будучи занятъ приготовленіями къ отъѣзду; право, не чувствую ни рукъ, ни глазъ. 16 большихъ депешныхъ листовъ дешифровалъ для Государя, да къ князю Чарторыскому еще изрядная кучка. Мнѣ была предложена поѣздка, но я не хочу ѣхать не видавшись съ Татищевымъ, что̀ ему бы показалось нѣсколько странно или неучтиво. Какъ его по сіе время здѣсь нѣтъ. то заключаю, что онъ заѣхалъ въ Корфу.

Виленской нашъ знакомый [2]) далъ мнѣ увѣреніе, что сто̀итъ мнѣ только сказать ему, когда мнѣ хочется, то онъ меня отправитъ въ Петербургъ, и такъ я съ этой стороны очень покоенъ et sûr de mon fait. Я съ нимъ живу очень ладно, меня любитъ и много хвалилъ и рекомендовалъ князю Чарторыскому. Приглашаетъ съ нимъ быть на основаніи, какъ былъ помнишь при немъ П. Я. У. [3]) въ Вильнѣ; все это можетъ устроиться и съ большими для меня выгодами. Это усмотрѣніе заставляетъ меня не торопиться въ Россію, ибо фортуна моя можетъ быть сдѣлана.

*

Неаполь, 14 (26) Іюня 1805 г.

Шпренгпортенъ сумасшедшій человѣкъ и удивительныя дѣлалъ дурачества и проказы въ Корфу. Надобно знать, что жена его увѣряетъ безпрестанно, что брюхата, и въ послѣдній переѣздъ его изъ Корфу въ

---

[1]) Мать братьевъ Булгаковыхъ въ это время была уже вдовою доктора Шумлянскаго и съ двумя отъ него дочерьми жила въ Петербургѣ.

[2]) Т. е. генералъ Борисъ Петровичъ Лассій, бывшій Литовскій военный губернаторъ, начальникъ Русскихъ войскъ, высадившихся въ Неаполѣ въ первую войну нашу съ Наполеономъ.

[3]) Павелъ Яковлевичъ Убри?

Венецію, при страшной бурѣ, ей будто сдѣлалось дурно и будто она выкинула, ему показала кусокъ телячьей почки въ чемъ-то выпачканной, говоря, что это выкинутый зародышъ. Онъ повѣрилъ и говорилъ всѣмъ: je vu le petit paquet dont ma femme a été délivrée. Она, кажется, Костромская купчиха. Скажи, имѣетъ ли Турчанинова съ собою еще капельмейстера Итальянца, который вѣрно ее гдѣ нибудь обокрадетъ. Радъ я, что ты съ посломъ со дня на день лучше; ежели чуть здѣсь не такъ пойдетъ, то къ вамъ турну, и давай вмѣстѣ жить. Посольша тебѣ кланяется; она меня представила какой-то Колоредо, пріѣхавшей изъ Вѣны et qui me charge de bien des choses pour vous. Съ Демидовымъ я пріятель; доброй малой, велѣлъ сказать батюшкѣ, что на всѣ его предложенія соглашается, не зная даже, въ чемъ оныя состоятъ; желательно было, чтобъ батюшка скорѣе меня уполномочилъ трактовать то дѣло, а я берусь выходить все то что̀ онъ хочетъ. Écrivez cela tout de suite à papa, car D. reste ici, il paraît, toute l'été. Она сію минуту пріѣхала, и я ея еще не видалъ. Балкша будетъ позже.

О Турчаниновой, это правда, что она сущая фурія; я ея самъ не любилъ. Головкина une bonne femme, а на бѣдную Долгорукую, здѣсь бывшую, напечатали въ Миланскихъ газетахъ преехидную сатиру, въ коей между прочимъ обвиняютъ ее за то, что она смѣетъ себя называть публично пріятельницею Неаполитанской королевы, приверженной къ Англіи и пр.; однимъ словомъ, въ этой сатирѣ помѣщено все, что̀ можетъ только кольнуть самолюбіе женщины, что у ней носъ попугая, языкъ сороки, что въ Парижѣ хотѣла держать bureau d'esprit, который обанкрутился par le manque des fonds.

*

Неаполь, 9-го Іюля 1805 г.

На той недѣлѣ, любезный братъ, воротился я изъ Казертской ярмонки, узнавъ, что здѣсь былъ сигналъ двухъ военныхъ кораблей: я не хотѣлъ, чтобъ Татищевъ, пріѣхавъ, можетъ быть, меня не нашелъ, и вышло, что очень хорошо сдѣлалъ. Весь третьягоднишній день *Крѣпкой* танцовалъ между Капри и Неаполемъ, ибо былъ почти совершенный штиль, а вчера наконецъ фрегатъ до рейды нашей дотащился. Онъ былъ еще далеко отъ порта, когда я поѣхалъ на встрѣчу Дмитрію Павловичу, но какъ тотчасъ прибылъ и Карповъ, то я съ нимъ много говорить не могъ. Онъ вбѣжалъ тотчасъ въ каюту, вынесъ указъ о прибавкѣ мнѣ жалованья и самъ оный прочелъ. Онъ въ карантинѣ, и мы только подъѣзжать къ нему смѣемъ, что̀ очень безпокойно по причинѣ качки. Сегодня всталъ я поранѣе и поѣхалъ къ нему. Узнавъ меня издали, вышелъ онъ въ окошко, и я, держась за корабельную цѣпь, часа

съ два съ нимъ разговаривалъ путемъ, ибо вчера кромѣ bon jour и adieu ничего не было. Онъ меня такъ обласкалъ, что я не зналъ наконецъ что̀ отвѣчать. Ваше намѣреніе, сказалъ я, есть послать меня скоро курьеромъ? На это онъ отвѣчалъ: Мое намѣреніе? У меня вынудили обѣщаніе это, а я ничего столь не желаю какъ чтобъ вы со мною остались хотя мѣсяца два-три. Потомъ много спрашивалъ о важныхъ здѣшнихъ особахъ, о чужестранныхъ министрахъ, ихъ инфлюенціи, о образѣ жизни Неапольской, о дворѣ и пр. и пр. Съ перваго разу онъ столь на ласковую ногу себя поставилъ со мною, что я кромѣ хорошаго ничего не предвижу. Далъ мнѣ комиссію людей ему искать, домъ и пр.; взялъ всѣхъ, которыхъ я ему рекомендовалъ. Выйдя изъ карантина (удивительно, что здѣшній дворъ не далъ еще давно приказанія освободить фрегатъ отъ карантины подъ какимъ либо предлогомъ), сойдетъ въ трактиръ Crocella, а тамъ переѣдетъ въ бывшій Скавронской домъ; но вѣроятно, что оный не будетъ для него достаточенъ по малости, и что онъ возметъ другой, о чемъ онъ и мнѣ уже говорилъ, прибавя: je veux vour avoir avec moi.

Ежели вздумается похитителю Франціи и здѣшнимъ королевствомъ завладать, мы куда нибудь да дѣнемся и поѣдемъ ежели не въ Россію, то въ Вѣну. Какъ ты думаешь?

Смерть бѣдной Гагариной *) меня огорчила. Между радостями, которыя думалъ найти въ Россіи, считалъ и на ту: еще разъ ее обнять. Мы какъ бѣшеные другъ друга любили, и я съ нею провелъ здѣсь 8 мѣсяцевъ наиріятнѣйшихъ въ свѣтѣ. Безъ ея малодушія умерла бы она моею. Дай ей Богъ царства небеснаго! Благодарю любезнаго Званцова за приписку; пріятно мнѣ будетъ обнять столь стариннаго пріятеля и товарища.

*

Неаполь, 10 (30) Іюль 1805 года.

Пишу, чтобъ вывесть тебя изъ заблужденія, если у васъ разнесется слухъ, что мы погибли отъ сильнаго землетрясенія, которое мы ощутили 26-го сего мѣсяца въ 10 часовъ вечера. Бѣды имъ произведенныя чрезмѣрны; всѣ дома, которые не развалились, повреждены. Но столица еще не столько пострадала, сколько окружности, въ Campobasso, Isernia, Avelino etc. страшныя разоренія, и погибло нѣсколько тысячъ душъ. Казертскій славный дворецъ треснулъ, въ Капуѣ завалило цѣлый эскадронъ. Мы всѣ страхъ какъ перепугались. Сидѣли у посольши, какъ вдругъ начали хрустали въ люстрахъ звенѣть, всѣ колокольчики сами собою зазвонили, три потрясенія были отмѣнно сильны. Физикъ Caselli увѣрялъ короля, что если бы продолжилось землетрясеніе еще

---

*) Это знаменитая княгиня Анна Петровна, ур. княжна Лопухина; она скончалась 25 Апрѣля 1805 года.

6 секундъ, весь бы Неаполь исчезъ. Вотъ достовѣрное и плачевное извѣстіе; вѣрь только этому, все прочее басни.

Я боялся за посольшу, но она очень хорошо все перенесла; я признаюсь, что меня бросило въ потъ и въ содроганіе, которое не скоро прошло. Что это за чувство, изобразить нельзя; народъ, ходя по улицамъ воетъ, женщины кричатъ безмилосердно, весь городъ еще въ уныніи.

*

Неаполь, 1 (13) Августа 1805.

У насъ со дня на день ладнѣе идетъ все. Намедни заболтались мы на балконѣ до полуночи. Спрашивалъ о моей службѣ и удивлялся, что я не болѣе ассессора, прибавя: прошлаго года васъ обоихъ хотѣли произвести, но слишкомъ много передъ вами есть старшихъ; но это не помѣшаетъ намъ выхлопотать при первомъ удобномъ случаѣ чинъ. Je vous promets que cela ne tardera pas à venir, et que nous ne manquerons pas d'occasion и пр. Мы цѣлый день почти неразлучны. Ты знаешь, что Карповъ человѣкъ пречестный, но имѣетъ странный нравъ, и съ нимъ ужиться очень трудно. Д. П. очень его ласкаетъ, когда надоткнется на него, но кажется не ищетъ случаевъ. Полетика отмѣнно лѣнивъ и, кажется, veut me laisser maître du champ de bataille, Межаковъ употребляется только для переписыванія набѣло, изъ чего можешь посудить, что большая часть бремени на мнѣ лежитъ, и я теперь удостовѣрился, что съ доброю охотою можно горы ворочать. Въ этой экспедиціи большую часть депешей далъ мнѣ сочинить; это хорошо, но скучно отмѣнно дьявольское шифрованіе и переписываніе. Когда прочелъ я ему проекты двухъ писемъ къ вамъ, прочтя ихъ сказалъ: Славно, сударь; то-то у единороднаго въ Вѣнѣ забьется сердце, когда увидитъ подвиги Неапольской миссіи; теперь прошу тебя переписать, ибо у другихъ заваляется и никогда не поспѣетъ и пр.

Ну, сударь, прошу отгадывать, гдѣ я теперь былъ? Знайте, что въ сію минуту, 10 часовъ вечера, вспыхнулъ Везувій престрашнымъ образомъ. Вся восточная часть неба какъ будто кровью облита, лава менѣе нежели въ часъ дотечетъ безъ сомнѣнія до моря. Что за зрѣлище! Никто не видалъ здѣсь подобной ерюпціи; на улицѣ хоть письма читай. Завтра почта идетъ, я дамъ тебѣ описаніе подробное, а теперь успѣлъ едва намарать пару словъ, покуда печатаютъ пакеты. Порутчикъ Реди остается въ графскомъ распоряженіи, для отправленія сюда обратно. Я тебѣ его рекомендую: бѣдный, но хорошій человѣкъ, служилъ въ старину у насъ и говоритъ по русски. Прошу съ нимъ прислать мнѣ сургучу вашего, который надобенъ и Д. П.; а объ гитарѣ некогда было и по-

думать, но въ оказіяхъ недостатка не будетъ; между тѣмъ посылаю тебѣ, любезный, струнъ самыхъ лучшихъ запасецъ.

У насъ все беретъ грозную осанку, и Богъ знаетъ, что̀ будетъ съ нами. Впередъ я тебѣ буду писать лимоннымъ сокомъ иногда, а дабы не заставлять тебя коптить всѣ письма, то знай, что сокомъ будетъ писано только въ тѣхъ, которыя будутъ начинаться словами *любезный братъ*. Ты тоже самое дѣлай въ разсужденіе меня; впрочемъ не буду употреблять это условіе, покуда не получу отъ тебя отвѣта и извѣстія о полученіи сего письма. Эта предосторожность не худа, а я множество имѣю вещей, которыя для тебя крайне интересны, а по почтѣ писать не могу.

*

Неаполь, Августа 1805 года.

Nous étions tous chez l'ambassadrice. Je vois que la c-sse Kaunits me fixe, je lui en demande la raison; elle me dit: pourquoi remuez vous ma chaise? Je n'avais pas ouvert la bouche pour lui répondre, que vient une autre secousse; alors je me lève en criant: c'est un tremblement de terre. Одинъ маркизъ здѣшній, съ нами сидѣвшій, хотѣлъ удерживать, что въѣхала карета на дворъ; но не было никакого сомнѣнія, когда въ люстрѣ, которую качало какъ колыбель, начали звенѣть хрустали, и всѣ колокольчики сами собою зазвонили. Тутъ и маркизъ закричалъ: Dieu! C'est un tremblement de terre terrible. Ah! mon Dieu, dit l'ambassadrice, que faire? Мнѣ первая мысль, которая тотчасъ пришла въ голову, было Лисабонское землетр., отъ котораго срѣзало всѣ дома. Ожидая, что и нашъ провалится, бросилъ я очень непохвально дамъ и кинулся на улицу, куда также сбѣжалъ съ 3-го этажа Гагаринъ, Беттера и весь трактиръ. Mourir ensemble est un si doux trépas, говоритъ Флоріанъ, но видно ему не случалось быть при землетр. Меня кинуло въ потъ и сдѣлалась тошнота, которая продолжалась дня два, а въ нервахъ имѣлъ столь непріятное чувствованіе, что не могу тебѣ изобразить. Увидя послѣ посольшу, думалъ, что будетъ меня бранить за то, что ихъ бросилъ и убѣжалъ; но такъ какъ Нѣмки сантиментальны, она меня похвалила, что я въ сію минуту вспомнилъ мою княгиню и тотчасъ къ ней побѣжалъ, et comme cela je me suis fait, sans y songer, un mérite pour une chose qui sûrement était blâmable. Но признаюсь что такая испуга на меня тогда нашла, что кинулся бы вѣрно изъ балкона, ежели бы нашелъ дверь запертою. На лѣстницѣ нашелъ женщину въ обморокѣ, всѣ ее оставили. Татищевъ ей помогъ одинъ, принесу уксусъ и пр. Это тѣмъ прекраснѣе, что это была Француженка, а онъ Русскій министръ. Козловскій тотчасъ бы написалъ стихи. Демидовъ бросилъ костыли, забывъ подагру, и пустился бѣжать. Непонятнымъ сча-

стіемъ здѣсь убило человѣкъ съ 12 не болѣе, два или три дома провалились, но повреждены почти всѣ безъ изъятія, и нѣтъ сомнѣнія, что ежели бы продолжалось еще секундъ 6, Неаполь бы исчезъ; но слава Создателю, все миновалось, мы всѣ живы, и никому изъ нашихъ ничего не случилось. Gagarin a fort heureusement échappé; car dans la maison de Schitelli, qui est à côté de lui et séparée de sa chambre par une seule muraille, tout est en ruine. Dans la maison de S. Capriola le toit est enfoncé et le 3-me étage très endommagé, также и Скавронской домъ пострадалъ; въ комнатѣ посольши большая также нашлась трещина. Depuis ce jour fatal toutes les plaçes de la ville et la Villa Reale sont remplies des voitures, dans les quelles on a établi des lits pour y dormir pendant toute la nuit, les maisons sont absolument vides; les lazaroni en auraient sûrement profité, si on n'avait mis toute la garnison sous les armes, ils se sont attrouppés devant la cathédrale en criant: Sangue di S. Gennaro esce fuori[1]) lui demandant le miracle. Toute la ville est remplie de processions, de prières, c'est un tintamarre épouvantable. Cette histoire durera encore quelques jours, tant que le peuple ne se tranquillise entièrement; tous les théâtres sont fermés.

Ну братъ, какое мнѣ съ министромъ за житье, какъ мы ладимъ! Нельзя лучше. Онъ ни пылинки отъ меня не скрываетъ, отмѣнно откровенно обходится со мною, и не могу тебѣ описать какъ милостивъ; чтò бы ни хотѣлъ дѣлать, всегда мнѣ напередъ намекаетъ; дѣла ли, гулянье, пустяки, все пошлите-ка Булганова! Вчера пришелъ я къ нему въ 7 часовъ вечера, попилъ чаю, потомъ сѣли на балконъ, начали говорить, заболтались до 11 часовъ нечувствительно, а онъ было дома остался, чтобъ многое написать, и принужденъ былъ работать всю ночь.

Полетика [2]) того не показываетъ, но не вѣрю, чтобъ внутренно былъ доволенъ оказываемыми мнѣ Д. П. ласками; впрочемъ его уважаетъ министръ, а онъ мнѣ, сколь могъ примѣтить, кажется человѣкомъ, съ которымъ легко ужиться. Межаковъ все гуляетъ, развѣ когда Карповъ его поймаетъ и заставитъ переписывать. Сей послѣдній здѣсь, я думаю, останется, и Д. П. занимаетъ его разными препорученіями касающимися до здѣшнихъ. Онъ мнѣ пространно говорилъ о выгодѣ здѣсь остаться, прибавя: вы не раскаетесь. И я не сомнѣваюсь, что съ нимъ очень легко я выйду. Ему у двора очень хорошо, и онъ очень запанибрата съ Чарторыскимъ. Сей въ собственноручномъ письмѣ къ Л., который меня ему рекомендовалъ, говоритъ: tout ce que vous me dites du jeune B. lui donne des droits à la confiace de l'Empereur, j'en parlerai à S. M. I.

[1]) Кровь Св. Януарія, покажись!

[2]) Петръ Ивановичъ Полетика, бывшій потомъ посланникомъ въ Америкѣ.

Это очень меня порадовало; всѣ сіи по клочкамъ приходящія хорошія рекомендаціи, когда еще прибавится и Татищева, сдѣлаютъ мнѣ добро, по крайней мѣрѣ заставятъ замѣтить и не отказывать первому объ мнѣ представленію.

Всѣ эти дни не выходилъ я со двора, какъ только, чтобы идти къ Дмитрію Павлов. какъ ради дѣла, такъ и по причинѣ опасности на улицахъ: народъ суевѣрный, ни за что ни про что въ ухо свиснетъ. Одну женщину башмашникъ колодкою за мертво положилъ, говоря, что, ходя съ открытою грудью (что̀ проповѣдниками запрещено), женщины раздражали Бога и навлекли землетрясеніе. Они этакъ могутъ подумать, что и соломенная моя шляпа, обшитая черною тафтою, можетъ также навлечь вторичное землетрясеніе. Слуга покорный съ такими чудаками!

Батюшка, говоря о 50 ч., которые намъ давать хочетъ помѣсячно, включаетъ ли тутъ то что̀ намъ идетъ отъ Государя или только свои одни деньги, что̀ составило бы большія богатства? Да притомъ онъ говоритъ: буду вамъ давать вмѣсто 40—50, да я 40 никогда не получалъ, а только 25. Пожалуй выведи меня изъ этого недоумѣнія, чтобы я могъ путемъ батюшкѣ отвѣчать, и растолкуй мнѣ новый планъ хорошенько, т. е. вообрази себѣ, что передъ тобою стоитъ князь Александръ Щербатовъ и говоритъ: это смѣшно, какъ можно изъ рублей червонцы дѣлать, и какъ можно вести счетъ съ червонцами, я вѣдь не банкиръ, я почему знаю то, что̀ ни есть, да я знаю и пр.—Каковы же ваши Нѣмцы! пойди-ка такъ расшумѣлись, что и не уймешь. Здѣшнихъ грѣшныхъ сильно прижимаютъ общіе враги и заставляютъ кричать *аминь*. Чѣмъ-то все это кончится, но приходится терять терпѣніе.

*

Неаполь, (2) 10 Августа 1805.

Вчера отправили мы нашего курьера въ Петербургъ; съ нимъ поѣхалъ также поручикъ Реди, мнѣ очень знакомый, которому я далъ къ тебѣ письмо и посылку, т. е. гитарныя струны.

Сидимъ мы за работою и очень торопимся, ибо Д. П. хотѣлъ непремѣнно, чтобы курьеръ уѣхалъ къ вечеру; вдругъ поднялся шумъ, всѣ бѣгутъ, народъ кричитъ, спрашиваемъ что̀ сдѣлалось, il Vesuvio butta fuoco, закричали намъ множество голосовъ. Услыша сіи слова заперлась канцелярія, и всѣ бросились на уголъ улицы, откуда виденъ Везувій. Какая картина представилась нашимъ глазамъ! Прошедшая ерюпція ничего въ сравненіи сей. Лава съ вышины кратера до моря (т. е. мили $3^1/_2$) протекла минутъ въ 50. Я бы никогда не повѣрилъ, что огонь можетъ въ самой водѣ горѣть и довольно долго. Татищеву

безпокоиться было не за чѣмъ, ибо писавши изъ своего кабинета видитъ Везувій нельзя лучше во всемъ его пространствѣ. Какъ это для меня не новое, то я тотчасъ воротился въ канцелярію и, покуда тѣ разинувъ ротъ смотрѣли, я написалъ тебѣ письмецо, которое тебѣ вручено будетъ поручикомъ Реди. Д. П. тотчасъ подписалъ бумаги и поѣхалъ съ Кауницомъ, Гагаринымъ и Коллоредо смотрѣть вблизи лаву; сегодня я у него былъ, и онъ восхищенъ тѣмъ, чтò видѣлъ.

Чтò мнѣ дѣлать съ Дондуковымъ? Я былъ довольно глупъ, взявъ переслать ему женины брилліянты; чортъ знаетъ, гдѣ они теперь возятся, а между тѣмъ мнѣ бѣда, ежели украдутъ ихъ какъ нибудь. Пожалуй, другъ мой, напиши Бароцію, ежели они будутъ въ Венеціи, чтобы онъ имъ сказалъ, что ежели не напишутъ мнѣ тотчасъ кому или какому банкиру ихъ вручить, я ни за что отвѣтствовать не буду. Я имъ не братъ и не пріятель, чуть въ глаза знаю, не намѣренъ лелеять ихъ пожитки. Ежели въ Вѣну будутъ, скажи имъ это самъ, и вообще старайся развѣдывать, гдѣ они обрѣтаются. Балкшѣ шаль доставлена.

*

Неаполь, (8) 20 Августа 1805 г.

Императоръ прислалъ съ курьеромъ, который привезъ мнѣ письмо твое, прекрасную золотую табакерку, обсыпанную брилліантами, Карпову, и велѣно ему дать кромѣ жалованья 1200 ч. пенсіи. Какъ меня это обрадовало! Давно заслуживалъ это бѣдный нашъ Карповъ.

*

Неаполь, (22 Августа) 3 Сентября 1805 г.

Я былъ увѣренъ напередъ, что слухи о землетрясеніи дойдутъ до васъ чрезмѣрно увеличены. Сіе побудило меня два письма къ тебѣ писать для большей вѣрности; одно послано по почтѣ, другое черезъ курьера; вижу съ удовольствіемъ, что оба до тебя дошли. Но чтò меня очень тронуло и обрадовало, это поступокъ посла. Я посольшѣ прочелъ этотъ пассажъ; она была въ восхищеніи и довольна, что ты признаешь такъ ласки ея мужа, о чемъ вѣрно ему писать будетъ. Она велѣла тебѣ сказать: puisque ainsi est, quand je reverrai votre frère, il me trouvera un abord froid. Она живетъ съ королевою въ Castellamare, и тамошній воздухъ примѣтно возстановилъ ея здоровье: стала пополнѣе, и локотки начинаютъ становиться покругловатѣе. Мѣсто ею обитаемое называется Quisisana, чего лучше? Въ добавокъ реляціи моей о землятрясеніи прилагаю у сего экстрактъ съ рапорта поданаго оберъ-полицемейстеромъ королю. Ну, что за суматоха! Какъ вспомню, такъ по кожѣ подираетъ. Бѣдному Неаполю досталось: нѣтъ дома безъ по-

чинокъ. Полно о семъ, да притомъ Реди можетъ тебѣ разсказать все подробнѣе; а я тебѣ его рекомендую. Когда возвратите его намъ, не забудь сургучу прислать, въ коемъ терпимъ нужду. Ну, братъ, что за лады у меня съ Татищевымъ и какъ онъ меня любитъ! Ты говоришь: грѣй желѣзо, а мнѣ кажется, что согрѣлъ да и сковалъ уже. Я былъ не здоровъ на той недѣли: изволилъ дѣтиночка обкушаться. Услыша это къ вечеру отъ княгини (а я у него обѣдалъ въ тотъ день), которая просила его заставить меня взять лѣкарство, онъ ей это обѣщалъ, прибавя, что любитъ меня какъ брата. Можно ли большее сдѣлать увѣреніе? Для меня оно кажется превыше всѣхъ, и я сколько бы ни жилъ, не буду въ случаѣ оное употребить. На другой день подлинно ко мнѣ пришелъ и просидѣлъ часа съ два.

*

Неаполь, 10 Сентября 1805 г.

Третьяго дня было ежегодное великое торжество Piè di Grotto, т. е. что дворъ въ великой процессіи идетъ къ гротѣ Позилипской прикладываться къ мадоннѣ. Вся армія въ парадѣ, подъ оружіемъ, всѣ смотрѣли это у Элліота, а я обѣдалъ у милой посольши en tête-à-tête. Ея окошки низки, и мы все отмѣнно хорошо видѣли. Была бѣдная печальна, на глазахъ ея можно было читать: вотъ тысячъ семь войска, но настоящаго-то героя, героя моего сердца, нѣтъ. Она мнѣ сказала, что послу написала слово въ слово все то, что̀ ты объ немъ мнѣ говорилъ, и что онъ вѣрно очень будетъ доволенъ видѣть, сколь ты признателенъ. Все у насъ покойно и благополучно, но каналья Везувій все еще шалитъ: теперь течетъ рѣчка сѣрная позади горы; говорятъ, что прекрасно видѣть двѣ сіи полосы, т. е. красную огненную лавы и желтую сѣры. А мнѣ эти прелести начинаютъ быть равнодушны; лучше посмотрѣлъ бы на Грабенъ, на острую Свято-Стефанскую мечеть, вмѣсто круглыхъ изъ лавы табакерокъ. Хоть посмотрѣть бы на круглыя пуговки старушки, къ которой я съ Гришею такъ часто бѣгалъ!

Въ Піедигротской праздникъ былъ передъ Villa Reale цѣлый флотъ, который также много придавалъ торжества. Матросы были по рейдамъ, множество флаговъ украшали мачты, были тутъ два Аглинскіе корабля, нашъ большой фрегатъ, корветъ и много Неапольскихъ. Но жаль, что запрещено было стрѣлять, такъ какъ обыкновенно; ибо боялись, что всѣ сіи пушечные выстрѣлы могли бы повалить дома поврежденные отъ землетрясенія.

*

Неаполь, (5) 17 Сентября 1805 г.

Встаю ранехонько, любезный братъ, чтобъ успѣть что нибудь тебѣ написать съ капитаномъ Петромъ Егоровичемъ Александромъ, котораго Дмитрій Павловичъ отправляетъ къ вамъ курьеромъ съ великою поспѣшностію. Хотя онъ у васъ останется не больше дня (ибо Татищевъ проситъ посла немедленно сюда возвратить Александра, а депеши наши послать въ Петербургъ съ кѣмъ-либо изъ васъ), но все-таки рекомендую Александра: человѣкъ примѣрный и достойный. Съ горстью Русскихъ защищалъ онъ здѣсь Портичи противъ нѣсколько тысячъ лазароновъ, Якобинцевъ и Французовъ и разбилъ генерала Шкипану; за это данъ ему Аннинской крестъ и отъ здѣшняго двора орденъ *Св. Константина.*

Вчера была у меня баталія съ Карповымъ, который, какъ ни честный человѣкъ, но изъ такова сдѣланъ тѣста, что ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ съ нимъ сжиться не можетъ, и надобно было мое терпѣніе и кротость, чтобъ такъ долго ладить съ такимъ начальникомъ. Вчера печаталъ я экспедицію въ Корфу; вдругъ пришелъ, спрашиваетъ, что̀ вы печатаете? Письмы въ Корфу. Да какъ это? Я не видалъ, что̀ написано и какъ запечатано, да зачѣмъ же я секретарь посольства и пр? Я отвѣчалъ ему, что не было бы ничего легче быть секретаремъ посольства, ежели бы должность состояла въ печати пакетовъ. Взявъ письмо я оторвалъ конвертъ и отдалъ ему: вотъ извольте смотрѣть, читать, свидѣтельствовать и печатать. Такъ и ушелъ. Онъ, все слѣдя за мною, спрашиваетъ: да кто же запечатаетъ? Я отвѣчалъ, да вы сами сказали что это дѣло секретаря посольства; я васъ увѣряю, что письмы не пойдутъ. Ну вамъ придется дать отчетъ. И такъ я ушелъ. Не повѣришь, что нѣтъ человѣка здѣсь, съ кѣмъ бы онъ не перебранился; такая желѣзная голова, да притомъ такова спорщика свѣтъ не производилъ. Скажи бѣлое, онъ черное, всегда противное; не удивительно, что не умѣлъ себѣ во всю жизнь нажить друзей, а тьму непріятелей. Для меня Богъ съ нимъ. Я вѣрно болѣе всѣхъ здѣсь ему желаю добра, но попрошу Д. П. избавить меня отъ его команды. Мнѣ кажется, что ему не очень пріятно мое первенство у министра, который всѣ дѣла даетъ мнѣ и Полетикѣ; ибо у Карпова слогъ претугой, неплавный и старинный, а его должность совершенно почти только печатать и отправлять пакеты.

Безъ всякаго порядка стану тебѣ теперь разсказывать пиршество наше на корветѣ нашей *Афонъ*, прибывшей недавно сюда изъ Корфы. Капитанъ ея И. А. Баскаковъ позвалъ насъ 12-го къ себѣ на корабль

завтракать; этотъ завтракъ вышелъ большой обѣдъ, на которомъ всѣ перепились. Былъ тутъ Д. П. Гагаринъ, я, Кауницъ, Карповъ (который подрался съ Николушкой, но все ладно кончилось, и не имѣло бы мѣста, ежели бы не забрало обоихъ) и многіе другіе наши пріятели и офицеры флотскіе. Пили здоровье всего на свѣтѣ, и всякій разъ пушечный залпъ препровождалъ toast. Послѣ обѣда Кауницъ, желая показаться, попросилъ еще вина, взялъ большой стаканъ Шампанскаго, вытянулъ и кинулъ стаканъ въ море; всѣ этому захлопали. Капитанъ съ нашего фрегата *Крѣпкаго* вдругъ всталъ: Да что, говоритъ онъ, это Нѣмецкая штука; вотъ какъ Русскіе дѣлаютъ! Сказавъ это, вытянулъ туже порцію, да вмѣсто стакана самъ какъ былъ изъ окошка кинулся въ море. Это Кауница удивило. Diable, dit-il; il faut qu'il soit bon plongeur et qu'il sache nager. Лейтенантъ Папа-Егоровъ вскипѣлъ. — Что̀ вы говорите nager? Да я сроду не умѣлъ nager, да вотъ! Сказавъ это, выпилъ свою долю, также бухнулся въ море, и будучи толстъ насилу пролѣзъ въ окно каюты; ежели бы его тотчасъ не вытащили, вѣрно бы утонулъ. Тутъ Кауницъ пришелъ въ восхищеніе. Да и подлинно, что за народъ Русской! Когда, изъ пустяка и бездѣльной амбиціи рискуетъ жизнію своею, что̀ онъ долженъ быть, когда дѣло идетъ о пользѣ государства и о чести націи? Право нѣтъ другого народа, и Кауницъ отъ экстаза плакалъ; не повѣришь, какъ смѣшонъ! Настоящій шустеръ, когда пьянъ. Ну кто молодецъ, закричалъ Д. П., лѣзь на мачту! Гагаринъ и я тотчасъ кинулись и полѣзли на самый верхъ; но голова страхъ какъ кружилась отъ высоты и вина, да и колѣнки дрожали. Однакожъ я всѣхъ менѣе подпилъ; только цѣлый день были на корветѣ и очень весело провели. Ввечеру начали мы между собою танцовать, тутъ сдѣлалось несчастіе: лейтенантъ Мордвиновъ, вальсируя съ Д. П., упалъ и переломилъ себѣ ребро. Одинъ лѣкарь увѣряетъ, что нѣтъ ничего переломленнаго, но между тѣмъ больной не можетъ безъ боли поворотить глазъ. Гагаринъ очень жалѣлъ, что не было тутъ Анстета, qui est sûrement le meilleur compagnon du monde. Въ имянины Д. П. будутъ на фрегатѣ обѣдъ, балъ и ужинъ; но я сдѣлаюсь больнымъ наканунѣ: слуга покорный, можетъ и со мною сдѣлаться бѣда, а прибыль не сто̀итъ несчастія.

*

Неаполь, 1-го Октября 1805 г.

Сію минуту отправился въ Вѣну императрицинъ камердинеръ, съ коимъ Д. П. много писалъ и послалъ графу, и я также къ тебѣ писалъ пространно, но со всѣмъ тѣмъ, любезный братъ, не хочу не сказать тебѣ на всякой случай два слова и черезъ почту. Писемъ отъ тебя по этой почтѣ не имѣлъ. Все у насъ здо̀рово и идетъ хорошо. Д. П. те-

перь отъ меня вышелъ и велѣлъ тебѣ кланяться, да проситъ тебя Христомъ Богомъ прислать скорѣе *Perduto l'Arbitro.*

Козловской съ своимъ болтаніемъ надѣлалъ себѣ бѣды, и я знаю, что на него пишутъ графу жалобы; но боюсь, что сдѣлали слона изъ мухи; впрочемъ будетъ наука для него, а намъ это хорошіе примѣры безъ убытку.

Сегодня Д. П. сказалъ мнѣ подъ большимъ секретомъ, что онъ, вѣроятно, будетъ имѣть Лондонскую миссію, почти ему обѣщанную, когда Воронцовъ оставитъ службу; а ты знаешь, что онъ*) только еще годъ тамъ согласился остаться. И такъ мнѣ можетъ быть придется въ Лондонъ ѣхать, ежели не будетъ помѣхи отъ батюшки, ибо тамъ дорого жить, и не знаю, возможно ли будетъ жить, ежели папуша или казна не прибавятъ жалованья.

Полетика какъ-то отсталъ отъ Д. П., который также къ нему, мнѣ кажется, охолодѣлъ; въ противномъ случаѣ не могъ бы рѣшиться отдать его Лассію, у коего правитъ онъ всѣми дѣлами и перепискою. Полетика очень со мною откровененъ, и я съ нимъ autant qu'il le faut. Говоритъ мнѣ, что раскаивается, что оставилъ Петербургъ, куда ѣхать хочетъ первый разъ, чѐ представится случай къ тому. Ежели такъ, то удастся мнѣ тяпнуть секретарское мѣсто.

Демидовъ все еще въ Римѣ, увѣряя, что скоро можно будетъ Рускимъ ѣхать въ Парижъ; я бы желалъ, чтобы попало ихъ туда тысячъ сто да со штыками вмѣсто кошельковъ съ деньгами, выработанными пòтомъ нашихъ добрыхъ мужиковъ, кои проматываются безъ пользы

Наше маленькое общество всякій день обѣдаетъ у Д. П., у котораго славный столъ. Вѣнскаго повара онъ сослалъ; рѣдкаго въ немъ ничего не было, а кралъ безмилосердно.

Изъ Корфы прибылъ нашъ шкиперъ *Експедиціонъ*, и на немъ курьеръ къ намъ изъ Петербурга асессоръ Вейдемейеръ, котораго Д. П. удержитъ въ канцеляріи своей до пріѣзда Пинія; будетъ кому переписывать по крайней мѣрѣ.

*

*) Т. е. графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, близкій родственникъ Д. П. Татищева, бывшій посломъ въ Лондонѣ съ 1785 года и вышедшій въ отставку въ 1806 году, по кончинѣ смерти брата своего, канцлера (ум. Дек. 1805).

Неаполь, (7) 19 Октября 1805 г.

Вообрази, что мы ни слова не знаемъ о генералахъ командующихъ нашими войсками. Сдѣлай милость напиши ихъ имена, по крайней мѣрѣ главныхъ. Д. П. съ большимъ любопытствомъ принялъ то, что̀ ты пишешь о Родофиникинѣ и прочихъ и проситъ тебя купно со мною и со всѣми не лѣниться и писать все, что̀ можешь только узнать объ нашихъ *публичнаго*? Ты чрезмѣрно меня одолжишь, и я надѣюсь, что не откажешь мнѣ это удовольствіе по всякой почтѣ. Пиши о всѣхъ проѣзжающихъ чрезъ Вѣну, объ успѣхахъ соединенныхъ армій, словомъ Pilnuy, panie, ò nas, bendziemy wdzieczny iego mosci za wszystko *).

Сегодня пришелъ я къ Д. П., нашелъ его окутаннаго въ волтерскихъ креслахъ, больного горломъ и съ жаромъ. Цѣлый день у него былъ, къ вечеру побѣжалъ на минуту въ театръ къ княгинѣ, посидѣлъ съ нею и воротился къ больному. Говорили, разсуждали; спорщикъ Беттера насъ замучилъ, и мы сѣли, Д. П., Карповъ, Беттера и я, играть въ бостонъ. Ну тутъ-то надобно было видѣть войну между Карповымъ и Беттерою, qui est un peu intéressé en jouant. Я вспомнилъ стихи:

Non son Turco, ni Ebreo,
Son'un povero Raguseo.

впрочемъ доброй, милой и любитъ Русскихъ. Боюсь я очень, что какъ заварится въ Италіи каша, Французы будутъ останавливать всѣ посты, и тогда не знаю, какъ намъ переписываться, что̀ не мало меня тревожитъ. Впрочемъ это не долго продолжится, надѣюсь; ибо Д. П. беретъ уже свои мѣры, дабы завести порядочную и безопасную коммуникацію съ Вѣною посредствомъ пакетботовъ, которые будутъ уже скоро готовы для перевозки пакетовъ нашихъ изъ Барлеты въ Зару, а оттуда черезъ Тріестъ къ вамъ, или изъ Манфредоніи прямо въ Тріестъ. Тогда нечего намъ будетъ бояться; но покуда заведется все, это пройдетъ довольно времени.

*

Неаполь, 12-го Ноября 1805 г.

Здѣшнему почтовому повѣренному въ Римѣ г-ну Рашету предписано брать всѣ мѣры для доставленій сюда Вѣнской, а вамъ Неапольской почтъ, что̀ не будетъ теперь трудно черезъ Анкону, которая Французами оставлена. Сіи господа совсѣмъ вышли теперь изъ Неапольскихъ областей и страшно спѣшатъ соединиться съ Масеною, который, видно, эрцгерцогомъ Карломъ побитъ. Мы здѣсь совершенно какъ въ Сибири: только тѣ вѣсти имѣемъ, которыя угодно Французамъ намъ давать. По ихъ сказкамъ вся Австрійская армія уже истреблена, и

*) Постарайся, панъ, о насъ; будемъ за все благодарны твоей милости.

намъ грозятъ тѣмъ же. Пожалуй, давай намъ вѣсти и пользуйся всѣми случаями, чтобы писать сюда, почты не пропускай; я не вижу, зачѣмъ имъ до насъ не доходить, какъ скоро будутъ отправляемы моремъ въ Анкону или Менфредонію. Не забудь прислать арію Perdutto l'Arbitro etc. для Дмит. Павл. Я съ нимъ всякой день короче; онъ безцѣнный человѣкъ!

*

Неаполь, 14-го Ноября 1805 г.

Насилу-то рѣшился ты дать намъ нѣкоторыя новости. Скромность твоя конечно похвальна; но нѣтъ, мнѣ кажется, никакого зла сообщать вѣсти, которыя происходятъ на бѣломъ свѣтѣ, которыя печатаются и публикуются: я говорю о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя не зачѣмъ въ секретѣ держать. По сему надѣюсь, что ты и впередъ будешь давать намъ новости и присылать интересные булетины. Послѣдній тобою присланный, хотя и стараго числа, былъ намъ полезенъ: мы сравнили числа съ Миланскими и прочими Италъянскими газетами, Французамъ преданными, и нашли большія разницы и противорѣчія. Такъ-то обманываютъ насъ здѣсь грѣшныхъ. Стишки an Russland's Truppen очень хороши.

То-то будетъ радостей въ Вѣнѣ, когда пріѣдетъ нашъ Государь. Нѣмцы добры, а обхожденіе ласковое нашего ангела пристраститъ къ нему весь народъ; ты увидишь, что Нѣмцы будутъ внѣ себя, и радость ихъ будетъ доходить до сумасшествія. Когда будетъ наша Долгорукая у васъ, кланяйся ей много отъ меня, ея сынъ милый и скромный малый *), а она меня изволила жаловать и любить.

Нельсонъ разбилъ почти въ прахъ Фран.-Гишп. флотъ, который имѣлъ глупость выйти изъ Кадикса. Изъ 33 кораблей только 11 спаслись, всѣ прочія взяты или взорваны на воздухъ Англичанами. Вилленёвъ убитъ, а Гравина ранили въ руку; число умершихъ съ трехъ сторонъ считаютъ до 24 тысячъ; страшно, но за то прощай флотъ Французскій! Нельсона потеря очень незначуща въ сравненіи. Это привезъ Гишпанскій курьеръ; но надобно видѣть, что̀ дастъ намъ знать самъ Нельсонъ, который можетъ быть и 11 судамъ не далъ спастись. Теперь бы намъ должно также хорошо поколотить этихъ собачьихъ сыновъ.

*

---

*) Это князь Николай Васильевичъ, впослѣдствіи оберъ-гофмаршалъ и оберъ-шенкъ. Его Записки въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 года.

Неаполь. 19-го Ноября 1805 г.

Флотъ и войско наше у насъ въ виду въ Неапольскомъ заливѣ. Картина безподобная видѣть кораблей 100. Сегодня имянины посольши, всѣ обѣдали у Кауница, королева надарила имянинницѣ пропасть бриліантовъ, серьги, медаліонъ съ портретомъ, султанъ etc., et tout est riche et beau. Я ей далъ перстенекъ съ мозаикомъ. Прощай, весь городъ въ радости, кромѣ шельмей, преданныхъ Французамъ.

*

Неаполь. 22 Декабря 1805 г.

Кардиналъ Фешъ разъсѣялъ слухъ въ Римѣ, что взяли у насъ 25 т. плѣнныхъ, 15 т. убыли и 20 генераловъ также взяли еще, что 3 дня послѣ заключено перемиріе между нами и Французами. Мы не можемъ рѣшиться вѣрить подобнымъ несчастіямъ.

Наши всѣ ушли въ походъ къ границамъ. Дамасова генералъ-квартира въ Chieti, Лассія въ Теано, а Кретова [1]) въ Lessi. У насъ все, слава Богу, идетъ хорошо; все спокойно, только тревожатъ насъ слухи, идущіе отъ васъ. Ради Бога, побейте діявола Бонапарта, а то онъ съѣстъ всѣхъ. Кремская побѣда насъ оживотворила. Дай Боже, чтобы скоро было опять такое же извѣстіе.

*

Неаполь, (9) 21 Декабря 1805.

Съ утра до вечера сидѣлъ я за перепискою ратификаціи нашего трактата. Скучная работа, требуетъ всякой осторожности, на пергаментѣ: что̀ соврешь, такъ ужъ не скобли, а переписывай снова. Д. П. сказалъ, что мнѣ данъ будетъ особенной подарокъ отъ здѣшняго двора. То-то взбѣсится Карповъ, коему даже и червонныхъ мало достанется. Насъ обидѣли; ибо князь [2]) пишетъ прислать въ его канцелярію половину суммы, нашей канцеляріи опредѣленной. Pazienza!

У Карпова была съ Беттерою сцена, которую тебѣ перескажу, не имѣя ничего иного писать. Comme on a parlé français, je vais vous raconter dans cette langue, comment l'affaire s'est passée. On parlait de plusieures choses à table. Il y avait Kaunitz et sa femme, Nicolas et beaucoup d'autres. On mit le chapitre sur Luchesini [3]), et la conversation devint générale. Pozzo dit qu'en présentant à Bonaparte ses lettres de créance, il le harangua en italien pour lui faire sa cour. Je remarquai

---

[1]) Генералъ Кретовъ, отличившійся въ послѣдующія наши войны.

[2]) Т. е. князь Чарторыскій, тогда, за отъѣздомъ въ деревню графа А. Р. Воронцова, вѣдавшій наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

[3]) Прусскій посланникъ въ Парижѣ.

que c'était assez gauche de sa part. Pourquoi? demanda Karpow. Parcequ'il rappellait à Bonaparte, dis-je, qu'il était, et aux Français qu'ils avaient un étranger pour maître. Plusieurs personnes me soutiennent. Карповъ разгорячился и говоритъ: Je ne vois rien de gauche dans cela, chacun voit les choses à sa manière. Qui sait dans quel dessein Luchezini a parlé italien à Bonaparte? Bettera alors pris la parole et dit: Mais, m-r K, vous n'avez qu'à suivre Luchesini dans sa conduite à Paris; les bassesses dont il s'est couvert sont une preuve qu'il n'avait jamais voulu braver B-te. Tout le monde ajouta: mais sûrement. K., dominé par son esprit de contradiction, eut de la peine à se contenir; mais le ministre ayant adroitement détourné la conversation, on n'en parla plus. Apres dìné K., ne pouvant digérer d'avoir été réduit au silence, remet le discours sur Luchesini, voulant à outrance prouver qu'il a raison. Bettera s'approchant de lui pour lui parler, lorsque K. lui dit avec humeur: Ah! cela n'est pas à votre portée, laissez en juger ceux qui peuvent le faire, Bettera se fâcha et répondit: Je crois que cela n'est pas à votre portée, puisque vous ne pouvez pas conçevoir une chose sur laquelle tout le monde est d'accord. Тутъ Карповъ пришелъ внѣ себя. Il n'est pas très grand orateur en général et quand il se fâche, l'éloquence et même la parole lui manquent. Il se frotta les mains et balbutia à Bettera avec un regard foudroyant: Vous m'avez compris?—Non, m-r, dit l'autre, je ne comprend pas les pantomimes; parlez moi, et je vous répondrai. К. замолчалъ, и тѣмъ все кончилось.

Пріѣхалъ изъ Гаеты Лизакевичъ, съ нимъ толстый Козловскій, который все такой же болтунъ и запачканой. Все меня комплементами потчиваетъ. Говоритъ, что имѣю un' aria inponente, что обращеніе мое важно и подобныя глупости. Д. П., узнавъ, что онъ не пришелъ къ нему обѣдать, не будучи званъ, велѣлъ къ нему послать печатный билетъ, звать его обѣдать завтра. Съ Лизакевичемъ жена, Санковская (которую... Португальской повѣренной въ дѣлахъ при королѣ Сардинскомъ) и множество дѣтей.

Я тебѣ не хочу говорить объ Аустерлицкой баталіи, которая поставила здѣсь всѣ умы въ верхъ. Но какъ вѣрить всему, что̀ Французскіе булетины намъ расказываютъ? Покуда свѣтъ будетъ свѣтомъ, подобнаго несчастія наше войско не увидитъ; мы ждемъ съ великимъ нетерпѣніемъ курьера отъ графа. Я тебя увѣряю, что питаю внутренно достовѣрность, что все почти ложь; но здѣсь всѣ, даже и наши, вѣрятъ публикованному Французами.

Разсуди, что Карповъ былъ сегодня у Дм. Пав., жаловаться на Беттеру. J'espère, dit-il, que v. e. ne voudra pas me mettre au niveau d'un

petit marchand de Raguse. Le ministre lui refusa nette d'entrer dans cette affaire, d'autant plus que K. avait complettement tort, en disant une impertinence et devait attendre qu'on lui en dira aussi. Sa prétention était que Bettera eût la tête lavée etc. C'est comme un enfant qui se plaint à sa maman. Самъ развѣ бы не могъ раздѣлаться съ Беттерою? Получа отказъ, Карповъ вышелъ отъ Д. П. взбѣшенъ; мы думали, что полетитъ прямо къ сопернику, но ничего не бывало: онъ съ нимъ сегодня провелъ вечеръ очень спокойно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Есть ли толкъ въ его поведеніи?

1806-й годъ.

1-го Генваря.

Я теперь одинъ бьюсь какъ собака, ибо Карповъ пересталъ ходить къ Д. П. и мало по-малу посылаетъ мнѣ бумаги, которыя у него. Какой чудакъ, и что онъ этимъ выиграетъ? Боголюбовъ, долженъ будучи ѣхать къ нашимъ въ армію, просилъ Карпова достать ему подорожную; онъ ему отвѣчалъ съ сердцемъ: adressez vous au secrétaire d'état (говоря обо мнѣ); moi je ne me mets de rien.

Новый годъ начинается довольно грустно. Со всѣхъ сторонъ печальныя вѣсти; сказываютъ, что идутъ сюда Французы. Но ежели ихъ не болѣе какъ 30 т., то напрасно трудятся. Между тѣмъ все это меня нѣсколько безпокоитъ. Дворъ перепугался и послалъ трактовать съ С.-Сиромъ въ Римѣ. Увидимъ, удастся ли негоціація, препорученная кардиналу Руфо; а не то придется бѣжать въ Сицилію. Прерываю сіи печальныя мысли, чтобъ сказать тебѣ, что я перешелъ жить въ домъ къ Д. П. Карповъ хотѣлъ нанять сіи покои, но послѣ ссоры бросилъ, и я ихъ тотчасъ взялъ на годъ за 250 дукатовъ съ мебелями, которыя мнѣ принадлежать будутъ и стоятъ конечно 150 дукатовъ. И я и Д. П. оба очень рады. Имѣю пять прекрасныхъ комнатъ съ видомъ на море, городъ и пр., одна даже стоитъ пуста и къ твоимъ услугамъ, ежели пріѣдешь, чего однакожъ теперь не желаю, искренно говоря. Сбирался къ тебѣ много писать, но не тутъ-то: княгиня прислала за мною. Чувствую, что найду ее печальною, по слухамъ, которые носятся; жаль мнѣ будетъ ее оставить; но какъ быть? Могу жить съ нею въ разлукѣ, когда не вижу и любезныхъ родныхъ.

*

4-го Генваря

Сей радостный для меня день, противъ всякаго чаянія, получилъ я чрезъ почту письмо твое изъ Ольмица отъ 27 Ноября; хотя и старо, но очень меня обрадовало послѣ долгой о тебѣ неизвѣстности. Сколько бы оно было пріятно намъ всѣмъ, дойдя въ свое время, ибо заключаетъ

утѣшительныя вѣсти; но какъ быть? Получаю оное болѣе мѣсяца позже. Patience! Стану отвѣчать. Въ пустую мою комнату пустилъ я жить Беренса, а то онъ бѣдной въ трактирѣ проживался. Онъ мнѣ кажется добрый малый и не глупъ. По вечерамъ сижу часто съ нимъ и разговариваемъ о Россіи, Вѣнѣ и пр. Картина твоя о Вѣнѣ жалка и тѣмъ болѣе, что я къ Вѣнѣ очень приверженъ. Повѣрю, какая должна была быть сумотоха въ городѣ. Слава Богу, что ты храбро перенесъ твои куріерскія поѣздки и, хотя не спалъ и бился, не занемогъ. Мы куріеровъ отъ васъ ждемъ какъ ангеловъ; но я боюсь все, что забудете объ насъ, и мы не знаемъ, радоваться ли или печалиться. Ай да Багратіонъ! Вообрази, что мы объ этомъ ничего по сіе время не знаемъ. Пиши чаще подобныя вѣсточки. Нашъ же Лассій (entre nous)... хочетъ убраться отсюда какъ нибудь. Держалъ совѣтъ. Агличане ему вскружили голову отсюда ѣхать. Богъ знаетъ что тогда съ нами будетъ. Одна надежда и была на нашихъ.

Король нашъ показываетъ много духу, хочетъ самъ взять команду арміи своей, ежели бы мы ушли, и Дамасъ ручается, что солдаты его будутъ хорошо драться и хочетъ собою жертвовать. Армія сильно и поспѣшно умножается. Но къ чему все это поможетъ? Ваши мерзкіе Нѣмцы все подгадили; теперь Бонапарте всѣ свои силы можетъ обратить сюда, и все можетъ быть потеряно. Бѣдная посольша похожа на мертвую, жалка. Боится лишиться навѣкъ Дамаса, оплакиваетъ несчастіе своего отечества, хлопоты, потери графа, печаль королевы etc. Tout cela n'est pas peu de chose. Dieu veillera sur nous, и все надѣюсь какъ нибудь да уладится, между тѣмъ Лассій покрываетъ наши войска стыдомъ. Правду говорили бат.*), что онъ пустой человѣкъ. Хочешь посмѣяться. Послушай, какъ онъ принялъ протчихъ генераловъ по пріѣздѣ ихъ изъ Корфы. Первыя рѣчи, которыя имъ сказалъ, не сказавъ даже здравствуй: «Ну, господа, смотрите, берегитесь дѣвокъ; вотъ Полетика не можетъ избавиться...» Похоже ли это на дѣло, и можно ли компрометировать такъ бѣднаго Полетику? Другой кудесникъ Карповъ образумился и наконецъ явился къ министру, который такъ добръ, что принялъ его какъ будто ни въ чемъ не бывало, но Беттеру противъ прежняго ласкаетъ при немъ.

*

14-го Генваря.

Король подарилъ мнѣ перстень брилліантовый, преславный, въ 1000 дукатовъ, а у насъ стоитъ болѣе 2000; кромѣ того досталось мнѣ 350 дукатовъ. Всѣмъ этимъ обязанъ я не кому иному какъ любез-

*) Т. е. Якову Ивановичу Булгакову, который вѣроятно зналъ Лассія по его службѣ въ Вильнѣ или Варшавѣ.

ному Д. П.: это вѣрно по его просьбѣ. Къ намъ пріѣхалъ флигель-адъютантъ Шепелевъ, изъ Аустерлица; теперь узнали мы, какъ происходила баталія. Но что̀ прибыли? Наши ретируются, и Лассію прислано повелѣніе оставить Неапольское королевство. Я боюсь и думать о слѣдствіяхъ, которыя навлечетъ отзывъ войскъ нашихъ. Теперь-то будетъ каша: Французы придутъ, хотя бы и не имѣли то на умѣ, коль скоро узнаютъ, что мы ушли отсюда.

Батюшкѣ пишу чрезъ Ив. Ал. Алексѣева, коего женѣ посылаю въ подарокъ гребень. Ежели вы въ хлопотахъ, то не думайте, что намъ лутче. Теперь въ городѣ страшная суматоха: Французы не далеко отъ Неапольскихъ границъ. Король велѣлъ, чтобы все было готово сѣсть на корабль и ѣхать въ Палерму. Королева, принцъ наслѣдный и вся фамилія еще остаются и не уѣдутъ какъ при послѣдней крайности. Надобно думать, что успѣютъ его отговорить отъ сего несчастнаго намѣренія, ибо Французы скажутъ какъ въ первой разъ: мы короля не прогнали, онъ самопроизвольно уѣхалъ, васъ бросилъ, мы пришли вамъ покровительствовать etc. etc Лассп уже въ Баѣ, и почти всѣ наши войска посажены на суда. Богъ знаетъ что̀ съ нами будетъ. Въ Палерму ли поѣдемъ или въ Россію? Дай Богъ послѣднее, ибо Сицилія или Сибирь все равно: оттуда плохо придется переписываться намъ. Все это очень меня опечаливаетъ. Кто могъ предвидѣть такую перемѣну и хлопоты? На несчастіе наше Д. П. занемогъ и лежитъ въ постелѣ. Онъ очень встревоженъ; кажется, будто для того пріѣхалъ въ Неаполь, чтобы потерять королевство. Между нами сказано, это все бы не случилось, ежели бы наши не бухнули сюда. Король привлекъ симъ на себя ненависть Бонапарта, а въ ту минуту, когда королевство въ опасности, Ласси садится на суда, и дай Богъ ноги! Компрометировалъ здѣшнихъ, и Д. П. видитъ, что всему сему причиною ревность его къ службѣ, довѣренность, которую умѣлъ здѣсь пріобрѣсть и успѣхъ его переклонить дворъ сей на нашу сторону, тогда какъ Фр. дѣлали ему выгодныя пропозиціи. Онъ видитъ себя невиннымъ образомъ орудіемъ всего зла. Разумѣется, что я все это говорю съ тобою наединѣ. Бѣдная княгиня очень печальна, ибо была уже разъ въ кашѣ сей и знаетъ что̀ это, особливо съ тремя ребятами на рукахъ.

Мы поѣдемъ, я думаю, на фрегатѣ «Михаилѣ», коимъ командуетъ Снаксаревъ; помнишь ты *казеннаго человѣка*, ну! Это онъ самъ. Человѣкъ хорошій, веселый, и славная команда; хорошо и то, что не буду принужденъ ничего здѣсь бросить.

*

Неаполь, 11 Февраля 1806.

Ну, братъ, пришлось и намъ горе мыкать. Ваши хлопоты миновались, теперь наши наступили. Вообрази цѣлый городъ въ волненіи, уныніи, всѣ бѣгутъ, всѣ ѣдутъ, король уже въ Сициліи, королева съ принцессами амбаркируется сегодня и ѣдетъ также въ Палерму; съ нею посольша, которая очень огорчена не имѣть объ графѣ никакого извѣстія; наслѣдный принцъ и принцъ Леопольдъ ѣдутъ въ Калабрію, и мы съ ними, т. е., Д. П. и я. Карповъ и прочіе отправляются моремъ въ Палерму. Не знаемъ, гдѣ еще учредитъ принцъ главную квартиру свою, въ Катанцаро или въ Матерѣ.

Французы завтра входятъ въ Неаполь. Я тебѣ не могу описать уныніе городское; жалко смотрѣть особливо на народъ, который въ отчаяніи. Однакожъ будь покоенъ, ибо я не разлученъ отъ Дмитрія Павловича, а ты знаешь, какъ онъ меня любитъ. Въ первый разъ буду вести жизнь лагеря. Съ принцемъ 17 т. войска, и говорятъ, что вся Калабрія возстаетъ противъ Французовъ.

*

Мессина, 1 Апрѣля 1806.

Мы рыскаемъ по дремучимъ лѣсамъ и непроходимымъ дорогамъ. Множество было съ нами приключеній смѣшныхъ и печальныхъ; разъ чуть не попались въ плѣнъ, въ другой подосланы были люди, чтобы насъ ограбить, но мы обманули нашихъ хозяевъ, которые затѣяли эту шуточку: сказали имъ, что поѣдемъ одною дорогою, вмѣсто того поѣхали другою. Я многое пишу батюшкѣ, ты оное прочтешь и избавишь меня отъ лишняго писанія. Впрочемъ, когда увидимся, прочтешь мой журналъ, въ коемъ все увидишь, а я оный съ самаго пріѣзда моего въ Неаполь все продолжаю вести.

Англичане также съ моря теперь блокирують Неаполь. Бѣдный Дамасъ въ отчаяніи, что все пошло столь худо; но онъ не виноватъ: вездѣ подвергался большимъ опасностямъ, рекруты бросили ружья, бѣжали, съ ними даже одинъ полковникъ; другіе послѣдовали сему примѣру. Дамасъ остался съ одною гвардіею, которая дралась очень хорошо цѣлые три часа и кончила штыками. Принца не было въ дѣлѣ, слѣдовательно и мы тамъ не были. Basta. Двѣ стычки въ мѣстахъ которыя похожи были по мѣстоположенію на Швейцарскія, гдѣ чортъ не могъ предвидѣть, что Французы пройдутъ, рѣшили кампанію и отдали обѣ Калабріи Французамъ. Le canal de Messine est devenu comme le pas de Calais, qui sépare deux pays ennemis. Крѣпость Гаета, въ коей

принцъ Филипстальской командуетъ, покрываетъ себя ежедневно славою и отвѣчаетъ ядрами на всѣ предложенія Французовъ войти въ переговоры. Самъ Іосифъ осаждалъ ее, но былъ отогнанъ съ большею потерею. Эта крѣпость долго будетъ держаться; ибо, имѣя море, удобно снабжается провіантомъ. Весь Неаполь въ негодованіи, и Іосифъ, боясь лазаронцовъ, да и присланъ будучи противъ воли своей, писалъ къ брату, прося переселиться въ Римъ подъ предлогомъ, что Неапольской воздухъ вреденъ его здоровью. На банкировъ наложенъ налогъ въ полтора милліона дукатовъ. Ахъ! Да ежелибы наша кампанія въ Калабріи удалась, я увѣренъ, что народъ, узнавъ это, перерѣзалъ бы всѣхъ Французовъ въ Неаполѣ. Лазаронцы сдѣлали пѣсенку: Bonaparte se non parte, passa quai, ma assai; коль скоро на улицахъ трое говорятъ., тащутъ ихъ въ тюрьму яко бунтовщиковъ, и тамъ заведена преварварская полиція какъ въ Парижѣ. Вотъ что мы знаемъ о Неаполѣ. Французы вѣрно не то по свѣту разглашаютъ. Изъ Корфы получили мы курьера, что Славянскіе народы добровольно пошли въ наше подданство и вооружаются противъ Французовъ, Бокка-де-Катаро, наши и прочія мѣста, отданныя вашимъ миромъ Франціи.

Мы скоро поѣдемъ осмотрѣть главные города Сициліи, потомъ воротимся сюда, сядемъ на фрегатъ и маршъ въ Палерму, гдѣ Карповъ повѣреннымъ въ дѣлахъ покуда; тамъ и Пини etc. Здѣсь у меня только и забавы, что театръ, гдѣ представляютъ ораторію прекрасную *Zaira*, музыка славная di Federici. Primadonna мила, поетъ хорошо, мы всѣ въ нее влюблены. Д. П. ужасно милъ, ласковъ, любитъ меня какъ брата; особливо въ эту дорогу мы очень сблизились и сдѣлались такими друзьями, что ничего другъ отъ друга не таимъ. Онъ не даетъ князю Адаму покою, чтобы меня произвели.

*

Мессина, 26 Апрѣля 1806.

Сюда не успѣли мы пріѣхать, какъ король пригласилъ Дм. Павл. проводить его до Сиракузы, а съ нимъ и меня. Дорога сія была очень пріятна: вездѣ былъ король принимаемъ съ восторгомъ, и вездѣ давали намъ славные праздники, балы, фейерверки и пр. и пр. Особливо въ Катаніи мы очень повеселились. Ну, братъ, что̀ за городъ, un petit Pétersbourg, славные дома, славныя, длинныя, прямыя, широкія, хорошо вымощенныя улицы; что̀ ваша Вѣна въ сравненіи—дрянь! Les femmes y sont jolies, traitables, mais leurs manières sont singulières, наши Ярославки. Вездѣ жили мы съ королемъ и все время проводили съ нимъ Онъ веселъ, любезенъ, только встаетъ съ солнцемъ лѣтнимъ, съ цыплятами, обѣдаетъ въ полдень, въ Катаніи далъ балъ, въ которомъ мы от-

личились. Д. П. не пропустилъ ни единаго контраданца. Я бы очень здѣсь распространился о нашихъ приключеніяхъ, ежелибы былъ увѣренъ, что письмо дойдетъ вѣрно, но готовься читать десть моего маранья съ любезною посольшею. Она поѣдетъ къ вамъ, коль скоро будетъ фрегатъ, который Д. П. для нея выписываетъ изъ Корфы. Съ нею вѣроятно поѣдетъ и Дамасъ.

Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, отправимся мы въ Палерму сухимъ путемъ. Ну, братъ, я изъѣздилъ верхомъ тысячи двѣ верстъ со дня, что̀ оставилъ Неаполь, и растолстѣлъ какъ быкъ; вообще я, ты знаешь, неслабаго сложенія, но здѣсь сталъ я еще здоровѣе, свѣжѣе, плотнѣе; жары всѣхъ ослабѣваютъ, а мнѣ такъ лучше отъ нихъ.

Вообрази, кто ко мнѣ входитъ въ эту минуту? Твой образъ Беттера. Какъ же я его обнялъ! Ему стало скучно въ Палермѣ, пріѣхалъ, чтобы найти судно въ Рагузу, и Д. П. его не пускаетъ и понуждаетъ возвратиться въ Палерму съ нами. Славной compagnon de voyage. Тебѣ велитъ много кланяться.

*

Палермо, 2 (14) Іюня 1806.

Намедни королева пригласила Д. П. и меня на рыбную ловлю (du thon). Долго бы описывать это странное и кровопролитное зрѣлище. Рыба престрашная, хвостомъ однимъ можетъ человѣка убить. Потомъ былъ обѣдъ. Не могу тебѣ сказать, сколь королева, принцы и принцессы ласковы были со мною, а все, чтобы угодить Татищеву. такъ какъ онъ меня любитъ. Играли въ макао, и ея в—во меня обыграла. Въ Неаполѣ большіе мятежи, народъ не можетъ видѣть Французовъ и возстаетъ, дворяне же ведутъ себя какъ шельмы. Дюкъ С.-Теодоро сдѣлалъ себя церемонимейстеромъ Іосифа, вотъ тебѣ реестръ камергеровъ новыхъ и пр. Гаета хватски защищается, теперь Массена принялся за эту крѣпость. Сидней Смитъ прехватъ: чуть Іосифа не увезъ изъ Фавориты, гдѣ былъ балъ, овладѣлъ островомъ Капри и пугаетъ очень Французовъ.

*

Палермо, отъ 19 (31) Мая 1806.

Мы часть дороги изъ Мессины сюда сдѣлали съ королемъ наипріятнѣйшимъ образомъ; все обходилось безъ церемоніи, по солдатски; но задъ бѣдный мои отбило такъ отъ верховой ѣзды, что принужденъ былъ сѣсть въ летигу (родъ кареты навьюченной на двухъ пребольшихъ мулахъ). Ну братъ, что̀ за городъ Катанія! И какъ мы тамъ повеселились. Что̀ за женщины! Всѣ были мы влюблены, начиная отъ царя до послѣдняго слуги. Д. П. обѣщался своей туда воротиться, и мы со-

вершимъ это путешествіе въ Іюлѣ, ежели ничто не помѣшаетъ, тѣмъ болѣе что многихъ достопамятностей не успѣли осмотрѣть, а ихъ немало. О Палермѣ намъ такъ много всѣ наговорили зла, что намъ городъ полюбился. Прогулки здѣсь прекрасны и лучше Неапольскихъ, но все протчее какъ сравнить съ *любезнымъ моимъ Неаполемъ*, по которомъ тоскую безпрестанно. Я пріѣхалъ сюда въ подагрѣ, но только дней 6 не выходилъ; теперь здоровъ, но хочу рѣшиться брать Терминскія бани. Онѣ цѣлительны для ревматизмовъ и ежели боль отъ нихъ не пройдетъ, то стало въ самомъ дѣлѣ подагра, и тогда нечего дѣлать какъ терпѣть боль два-три раза въ годъ. Татищева домъ здѣсь безподобный, первый въ городѣ; я живу у него.

*

Палермо, 29 Іюля 1806.

У насъ все идетъ славно, слушай. Стуартъ высадилъ войска въ Калабріи, разбилъ въ прахъ Regnier, взялъ 3000 плѣнныхъ съ генераломъ Compaire. Калабрійцы всѣ взбунтовались противъ Французовъ и гонятъ ихъ. Regnier, говорятъ, умеръ въ Катанцаро отъ ранъ. Сидней Смитъ завладѣлъ крѣпостію Lamanta, 400 ч. гарнизона плѣнные, кромѣ того адмиралъ взялъ 2 знамя, 8 пушекъ и множество съѣстныхъ припасовъ. Каковы же господа милорды! Въ Неаполѣ большая суматоха, Іосифу худо приходится, и ежели Наполеонъ не пришлетъ армію, изъ коей надобно будетъ пожертвовать 10/т. для взятія Гаеты, придется Французамъ оставитъ королевство, ибо вездѣ бунты и неповиновеніе. Что за хватъ князь Филипстальской! Ранили бѣднаго сильно бомбою въ голову; сказали было, что смертельно, но онъ велѣлъ сказать королю, чтобъ его высочество было спокойно, что Гаета не сдастся никогда, но не могъ еще писать, ни ходить; заставляетъ себя таскать на носилкахъ, какъ Карлъ XII, и самъ вездѣ даетъ распоряженія. Гдѣ вашимъ вшивымъ Австрійцамъ съ нимъ равняться? Мы получили славныя новости изъ Корфы, наши тамъ дѣлаютъ чудеса, тебѣ это же должно быть извѣстно; но вотъ все таки печатный листъ, dont le rédacteur est m-r le conseiller Alex. Bulgakow. Здѣсь пять дней продолжалось празднество (ежегодное) въ честь св. Розаліи, покровительницы города; были иллюминаціи, скачки, фейерверки, гулянье и др.

*

Палерма, 25 Сентября (6 Августа) 1806.

Ежели Строгонова*) въ Лондонъ, то стало быть Татищеву туда не ѣхать; но мнѣ тѣмъ лучше, ибо батюшка того, кажется, не желалъ. Лондонское мѣсто было для него назначено, и безъ отставки князя

---

*) Графа Григорія Александровича. Онъ не получилъ этого мѣста: его занялъ князь Ливенъ.

Адама теперь бы имѣлъ повелѣніе туда ѣхать. Въ тотъ же день, что̀ ты мнѣ сообщаешь о перемѣнѣ въ министерствѣ, получили мы циркулярное письмо князя о назначеніи Будберга на его мѣсто и пр. Это большая потеря для насъ. Адамъ былъ другъ Дм. Павл. и ничего ему не отказывалъ; это бы сдѣлало мою фортуну. Но такъ и быть. Я даромъ ничего не требую, а что̀ заслужу, то всякій министръ долженъ мнѣ выдать. Будбергъ меня зналъ въ Неаполѣ и очень даже былъ ласковъ ко мнѣ; но онъ былъ тогда путешественникъ, а не министръ. Спасибо за Антрегову книжку; я ея тотчасъ не читалъ, послалъ Дм. Павл. въ деревню; онъ говоритъ, что хорошо писана; еще не возвратилъ ее мнѣ.

*

Palerme, le 19 (31) Octobre 1806.

Mon cher ami. Je vous écris de chez le marquis de S-t Clair. Это здѣшній князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, понимаешь? Доброй малой, съ коимъ я очень друженъ. Je trouve ici m-r de Matheus, officicer Suédois qui part ce soir même pour Vienne; cela fait que ma lettre ne sera pas bien longue. J'ai beaucoup bu à table, cela fait que ma lettre n'aura pas le sens commun.

Знай подъ секретомъ, что меня представилъ Дм. Павл. въ секретари съ 1800 жалованья; писалъ о томъ своеручно Будбергу и въ такихъ выраженіяхъ, что способу нѣтъ отказать. Не пиши о томъ папашѣ: вдругъ его обрадуемъ лучше.

*

Палермо, 9 (21) Ноября 1806.

Ты знаешь, что Дм. Павл. просился въ отпускъ на годъ и что это время хотѣлъ провести въ Вѣнѣ, какъ для собственнаго своего удовольствія, но болѣе еще чтобы мнѣ угодить. Государь велѣлъ его просить остаться здѣсь еще нѣсколько времени, покуда не рѣшится судьба здѣшняго двора, послѣ чего дастъ ему мѣсто приличное его дарованіямъ и услугамъ, оказаннымъ уже отечеству. Я это желалъ бы тебѣ утаить, такъ какъ и батюшкѣ, но подумалъ, что совѣстно продолжить твою мечту. Придется намъ еще здѣсь пожить; но, дабы доставить себѣ возможность по прошествіи зимы и худого мореплаванія пріѣхать къ вамъ курьеромъ, былъ я заступникомъ Полетики и упросилъ Дмитрія Павловича позволить ему сюда пріѣхать, о чемъ Полетика стороною велѣлъ меня просить. Дм. Павл., по свойственной ему добротѣ, все прошедшее забылъ и писалъ Полетикѣ пріѣхать, ежели хочетъ, безъ чего мнѣ бы отсюда не вырваться никогда: ибо Дм. Павл. одному всѣмъ ворочать никакъ нельзя, а мои товарищи здѣсь совершенно безполезны.

Агличане дѣлать чудеса перестали, бросили Калабрію, услышавъ о нашемъ мнимомъ мирѣ и воротились всѣ въ Мессину. Теперь Калабрійцы одни дерутся съ Французами и ихъ славно щелкаютъ; въ послѣднемъ дѣлѣ взяли 300 плѣнныхъ, коихъ большая часть привезена сюда же; всѣ голы, босикомъ и худо кормлены. La reine, qui fait du bien même à ses ennemis, touchée de leur état, les a fait habiller et chausser à ses propres frais. Ils ont été sensibles à ce procédé généreux et viennent de lui adresser un sonnet pour la remercier. Je vous en enverrai copie, si le tems me le permet. Скажи это посольшѣ: ее это обрадуетъ, ибо она другъ королевы. Берегите ее; съ прискорбіемъ слышу отъ тебя о худомъ ея положеніи, но надѣюсь, что покой все возстановитъ; такое путешествіе, какъ ея, хоть кого бы разстроило. Дѣла Французовъ въ Неаполѣ конечно идутъ очень дурно, и ихъ вся надежда на томъ основана, что Наполеонъ все поправитъ своими побѣдами и дерзостію. Чѣмъ-то все это кончится? Мы опять поздно подоспѣемъ и будемъ имѣть похвальную надменность драться съ меньшимъ количествомъ войскъ, подеремся хватски, но потеряемъ Европу. Оставимъ размышленія, отъ которыхъ грустно должно дѣлаться Россіянину. Во время Якова Ивановича Турки инако говорить смѣли съ Россіею; теперь одинъ Себастіани (кажется) борется съ 100/т. Русскихъ, кои на границахъ Турецкихъ и завладѣть бы могли всею землею, прежде нежели Бонапартъ узнаетъ, что они идутъ.

*

Мессина, 13 (25) Декабря 1806.

Сюда пришла эскадра Русская подъ командою командира Игнатьева, пять кораблей, фрегатъ, два корвета и шлюпъ. Дм. Павл., узнавъ объ этомъ, тотчасъ сюда качнулъ по курьерски, имѣя нужду обо многомъ поговорить съ Игнатьевымъ. Меня взялъ съ собою. Эскадра уходитъ сегодня же въ Корфу, и я азардую тебѣ это письмо черезъ Моцениго: авось либо дойдетъ. Ну, что за эскадра! Удивленіе! Какіе корабли! Что за хваты, всѣ капитаны, вся молодежь! Корветою *Флорою* командуетъ Андрея Семеновича Кологриваго братъ, Владимиръ, молодецъ бойкій и прелюбезный. Они насъ славно угощали; были пиры, стрѣльба, концерты etc. etc. Между ними есть капитанъ Лукинъ, престрашный силачъ. Онъ себя прославилъ въ Англіи, гдѣ съ 30 матросами завоевалъ цѣлый портъ Чернесъ, двухъ Агличанъ поднялъ на воздухъ, держа въ каждой рукѣ по одному за бакенбарды, стукнулъ ихъ головами и бросилъ въ ровъ. Онъ ломаетъ талеръ надвое такъ, какъ нашъ братъ пряникъ. Вчера праздновали мы рожденіе Государево. Изъ девяти судовъ жарили такъ, что Мессинѣ хуже пришлось, какъ во время земле-

трясенія. Французы сдѣлали новое нападеніе на Калабрію, которая у насъ въ виду. Вчера ночью сожгли они три селенія. Не повѣришь, какъ больно и жалко было смотрѣть на эти иллюминаціи! Господа Агличане здѣсь руки сложа сидятъ. Ихъ 20000, и они равнодушно на это смотрятъ. Изъ Реджіо бѣгутъ сюда на баркахъ бѣдные обыватели. Солдаты заперлись въ крѣпость, les masses ont pris les armes pour aller à la rencontre des Français. Чѣмъ-то это кончится? Послѣ завтра возвращаемся мы въ Палерму, куда мнѣ смертельно хочется: безъ Евангелистки*) тоска, а она отпустила только на десять дней. Мы сюда махнули въ 37 часовъ 180 миль, каково это? Частію водою, частію верхомъ. Отсюда беремъ съ собою Монклара, который у насъ погоститъ въ Палермѣ мѣсяца два, а здѣсь ему нечего дѣлать при гросмейстерѣ. Этотъ молодецъ мнѣ еще подтвердилъ, что дастъ крестъ; но чортъ знаетъ, когда его признаетъ папа, который трусить Бонапарта.

1807-й годъ.

Палермо, 4 (16) Генваря 1807.

Я ѣздилъ съ Дм. Павл. въ Мессину, гдѣ была эскадра наша, изъ Балтики пришедшая. Изъ Мессины писалъ я тебѣ и теперь, пользуясь первымъ случаемъ, пишу тебѣ черезъ Корфу, куда сегодня отправляемъ фрегатъ *Венусъ*. Не буду распространяться въ семъ письмѣ, ибо оно поздно до тебя дойдетъ; такъ-то говорится, а какъ примусь тебѣ писать, то не умѣю уже перестать. Прилагаю письмо къ батюшкѣ, изъ онаго ты многое до меня касающееся узнаешь. Можно ли усерднѣе о братѣ своемъ просить, какъ Дмитрій Павловичъ обо мнѣ? Я не сомнѣваюсь, что эта рекомендація произведетъ желаемое дѣйствіе. Тогда мнѣ будетъ лафа: 1500 брюхатыхъ рублевъ въ годъ, да и дорога моя сдѣлана. Попасть только на эту стезю.

*

Палермо, 21 Марта (12 Апрѣля) 1807.

Я тебѣ премного обязанъ за вѣсти объ нашихъ успѣхахъ; продолжай ради Христа писать о новостяхъ всѣхъ вообще. Ты право смѣшонъ: какъ дѣлать секреты изъ того, чтò надобно трубить Русскимъ по всей вселенной? И опять, какъ можешь ты думать, что я въ какомъ либо случаѣ тебѣ компрометирую? Дмитрій Павловичъ именно велитъ мнѣ тебя бранить за воздержность твою. Écrivez (me dit-il) à votre frère qu'il est comme Bühler qui, le lendemain de la mort du prince

*) Такъ называетъ Булгаковъ свою Итальянскую возлюбленную.

Potemkine, disait à ses amis à l'oreille que son altesse était très malade [1]).

Наше отечество въ прежалкомъ положеніи. Сидней Смитъ пишетъ отъ 2-го Марта, что онъ высадилъ войска, прогналъ Турокъ, посланныхъ изъ Азіи на помощь Дарданелей, завладѣлъ батареями, заколотилъ пушки, сжегъ и ждетъ только Сенявина (ушедшаго изъ Корфы съ 8 корабл., 4 фрегат. и пр.), которому оставляетъ завладѣть Царьградомъ и драться съ Турецкимъ флотомъ; а самъ пойдетъ куда? Это загадка! Говорятъ, покорить Египетъ. Первыя извѣстія изъ Архипелага будутъ весьма интересны. Аманъ! Аманъ! Дадутъ имъ Амана: у Сенявина всѣ капитаны прехваты, не уступятъ хоть самимъ Агличанамъ.—Сколь ни люблю Куракина, желаю для тебя и для службы, чтобъ графъ у васъ остался, и это вѣроятно: ежели по сю пору тотъ не бывалъ, то не будетъ совсѣмъ [2]).

Полетика вѣрно ушелъ въ Дарданелы съ Сенявинымъ, и такъ адресуй пожалуй письмы твои черезъ Пеллегрини къ Моченигѣ, а еще лучше къ Манзѣ, ибо изъ Тріеста очень часто идутъ суда въ Мессину; я къ тебѣ такимъ же манеромъ писать теперь буду. Пожалуй сообщай, какія награжденія кому даны, кто изъ знакомыхъ въ арміи отличаются и пр. Теперь Аустерлицъ заглаженъ на вѣчныя времена; долго Бонапарте на всякую музыку пѣлъ это слово. И у насъ заведутся пѣсенки на Пултускъ, Морунгенъ, Ейлау. Ай да казаки! Французы про нихъ говорятъ, что они людоѣды. Манифестъ о милиціи писанъ безподобно [3]) и долженъ распалять сердце всякаго Россіянина. Мы читали съ восхищеніемъ все то, что̀ ты пишешь объ энтузіазмѣ, у насъ царствующемъ.

Кауница здѣсь очень мало уважаютъ: король не любитъ, а королева трактуетъ какъ шалуна; да и положеніе его таково. Надобно посмотрѣть, какъ съ нашимъ обходятся, да и какъ нашъ себя ведетъ. Я право другого Дмитрія Павловича не знаю на свѣтѣ. Я право съ тобою не могу быть фамильярнѣе какъ съ нимъ. Цѣлой день мы вмѣстѣ, другъ отъ друга ни малѣйшей бездѣлки не утаиваемъ. Что̀ бы я ни захотѣлъ, все для меня сдѣлаетъ, во всемъ требуетъ всегда мое согласіе или мнѣніе, а неограниченная его довѣренность и дружба ко

---

[1]) „Напишите, сказалъ онъ мнѣ, вашему брату, что онъ, какъ Бюлеръ, который на другой день по кончинѣ князя Потемкина на ухо говорилъ своимъ друзьямъ, что его свѣтлость былъ очень боленъ".—Это баронъ Карлъ Яковлевичъ, родной дядя столь извѣстнаго Москвѣ барона Өедора Андреевича Бюлера, который, какъ видно, и походилъ на него.

[2]) Князь Куракинъ, на пути въ Вѣну, задержанъ былъ заключеніемъ мира въ Тильзитѣ.

[3]) Не такъ объ этомъ манифестѣ отзывался В. А. Жуковскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу („Р. Архивъ" 1895. вып. 2-й).

мнѣ даютъ мнѣ вѣсъ въ городѣ и у двора. Всѣ министры меня любятъ. Что̀ дѣлаетъ Поццо de fameux? Онъ въ военной службѣ. За чѣмъ у васъ? Ты просишь мой журналъ. Авось либо надумаю прислать его съ Радіемъ. Все боюсь, чтобъ не пропалъ, и не потерялись мои труды; а онъ тебя позабавитъ. Кланяйся премного отъ меня Дамасу. Всѣ его пріятели вспоминаютъ объ немъ очень часто и любятъ его.

*

5 (17) Апрѣля 1807 г.

Агличане напакостили въ Дарданелахъ, пробились туда, но что̀ пользы? Чѣмъ идти тотчасъ на столицу, Арбутнотъ кинулъ якорь у Iles des Princes и началъ трактовать. Les Turcs ont amusé le tapis pendant trois jours et gagnèrent ainsi le tems précieux. Ils mirent la capitale en état de défense et réunirent devant les murs 15 vaisseaux de ligne, qu'on fit venir de Bouyouk-déré. Les Anglais, craignant d'être attaqués par des forces trop sérieuses, opérerent leur retraite et eurent beaucoup à souffrir du feu des battreries en repassant les Dardanelles. Seniavine s'est uni à eux 3 jours après à Ténédos; il proposa à Dunckworth d'aller à Constantinople, mais celui-ci refusa, voulant qu'on s'empara avant tout des châteaux des Dardanelles pour assurer sa retraite. Il a fait voile vers l'Égypte, laissant aux 8 vaisseaux de Seniavine tout le poids des opérations aux Dardanelles. Nous ne savons quel partie prendra notre v.-amiral. En attendant les Anglais ont pris déjà Alexandrie avec la perte de 2 officiers et 5 soldats. Quel massacre!

Si Italinsky eût été un jeune homme, aimant la gloire et méprisant les dangers, il se serait embarqué sur notre escadre, aurait passé les Dardanelles avant les Anglais et forcé les Turcs à la paix sans leur laisser le tems de respirer. Est-il possible qu'un seul homme l'emporte lui seul sur toute une armée, qui a envahi déjà la moitié de la Turquie et sur une escadre de 8 vaisseaux? Sébastiani a de génie et de l'adresse; on ne saurait le nier.

*

Палермо, 9 (21) Апрѣля 1807.

Вчерашній день былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ моей жизни, милой и любезной братъ: отъ тебя перваго узнаю я, что меня сдѣлали секретаремъ посольства. Я тебѣ не могу описать радость мою: я плакалъ такъ, какъ то бываетъ при радостномъ свиданіи послѣ долговременной разлуки; стыдно сказать другому, но тебѣ открываю мою слабость. Размышленіе умножило мое благополучіе. Я представилъ себѣ удовольствіе батюшкино, поздравленія ему дѣлаемыя о нашихъ успѣхахъ въ службѣ; воображаю себѣ утѣшенную его старость видѣть труды

свои непотерянными и обѣщанія наши при отъѣздѣ изъ Россіи ему данныя исполненными; представилъ себѣ любезнаго Константина, удѣляющаго пріятелямъ общую радость; прибавь къ этому открывающуюся мнѣ дорогу, особливо ежели Неаполь Россіею возвратится законнымъ своимъ государямъ; все это такъ далеко завело мое воображеніе, что я нашелся счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Вообрази себѣ, что я сплю; меня будятъ, подаютъ мнѣ газеты. Выругавъ моего jaquet (je m'en suis donné un depuis que le коротконогой генералъ n'a sa tête pleine que de ses rôles, ses comédies, ses répétitions etc.), я опять заснулъ. Сплю, меня еще будятъ; бѣшусь на мальчика, не понимаю его смѣлости. Mais il était sûr de son fait. C'è, dit-il, una lettera de le fratello. Dov'è?. Въ одну минуту колпакъ очутился на полу, сонъ исчезъ, открываю твое письмо (т. е. копію твою съ батюшкинова письма № 45); первыя слова: *здравіе и почтеніе г-ну секретарю посольства.* Давай одѣваться скорѣй, бѣгу безъ штановъ въ капотѣ на низъ къ Дмитрію Павловичу, давай его цѣловать. Онъ еще въ постелѣ. *Комедія!* Qu'est-ce que vous avez, dit-il, ну! Что качнулъ, небось, Л....шталь? Dites donc! — Какая тутъ Л....? Дѣло въ томъ, что передъ вами стоитъ вашъ секретарь посольства съ удрученною подъ 1500 рублями мошною.—Шутишь?—Какая тутъ шутка? Вотъ и указъ батюшка прислалъ. Не повѣришь, какъ это обрадовало Дмитрія Павловича; началъ меня цѣловать и поздравлять. Я ему говорю: вы это все сдѣлали, а онъ отвѣчаетъ: какой чортъ я, ты самъ заслужилъ etc. За обѣдомъ пили Шампанское за мое здоровье; всѣ сердечно радовались. Карповъ, особливо Пини, кажется, недовольны, но должны въ кожѣ лопать и молчать, ибо попрекнуть ни тотъ, ни другой не могутъ: оба слишкомъ знаютъ, что они съ пріѣзда Дмитрія Павловича въ Неаполь и не прикоснулись къ работѣ, я все одинъ дѣлалъ. Всѣ одно только и говорятъ: «стоилъ того Булгаковъ, нечего сказать». Королева велѣла мнѣ сказать черезъ маркиза Сенъ-Клера, что очень радуется опредѣленію, которое оставляетъ меня прочно при ея дворѣ, и поздравляетъ меня.

*

Палермо, 1 (13) Іюня 1807.

Отправляется какой-то офицеръ, именемъ Цукати, въ Корфу. Дмитрій Павловичъ посредствомъ Моцениги пишетъ къ Сенявину. Ты можешь себѣ представить, милой и любезной братъ, съ какимъ восхищеніемъ я пользуюсь симъ случаемъ, чтобы къ тебѣ писать, полагая, что письмо это найдетъ тебя здороваго и благополучно прибывшаго въ Тенедосъ. Куда тебя обстоятельства не заносили? Неаполь, Корфу, Тенедосъ! Авось либо попадешься и въ Сицилію; сердце мнѣ предска-

зываетъ эту радость; эта радостная мысль не выходитъ у меня изъ головы. Дмитрій Павловичъ меня въ томъ обнадеживаетъ очень. Поццо между прочимъ къ нему пишетъ: Bulhakow est avec moi; c'est un véritable bonheur pour moi de l'avoir; je vous écris peu, car il dira le reste à son frère, auquel il écrit etc.

Лордъ тебѣ кланявшійся называется (не вспомню); онъ пустился было воевать въ Египтѣ волонтеромъ; ихъ тамъ отмуштровали славно, отпала волонта, и онъ опять сюда явился. Ништо имъ! Зачѣмъ не дождаться Сенявина, пройти вмѣстѣ Дарданеллы и задавить Турокъ? А то отъ жадности надѣлали много шуму въ Европѣ своимъ проходомъ, не умѣли дѣло кончить и оставили все на нашихъ плечахъ, забыли общую выгоду, погнались за своею въ Египетъ и ништо взяли: изъ 5 т. человѣкъ едва, сказываютъ, 200 осталось въ живыхъ измѣною Мамалуковъ. Изъ Сициліи послано туда два полка на подкрѣпленіе.

Спасибо за подробности о нашихъ офицерахъ въ Корфу: между ними есть прехорошіе ребята и мнѣ хорошіе пріятели. Это хорошо, что изъ Петербурга тебѣ велѣно ѣхать съ Поццо, стало быть тебя занумерили (comme disait le petit Richter à Moscou); вамъ вѣрно дано препорученіе и ежели удастся, то будетъ и тебѣ награжденіе какое-либо. Ваша посылка, я думаю, носъ Италинскому, который поступилъ какъ баба. Зачѣмъ занесло его въ Мальту? Приличнѣе было ѣхать въ Корфу, поторопить Сенявина, предупредить Агличанъ, самому ѣхать къ Дарданелламъ, не терять времени какъ Арбутнотъ и отомстить Себастіани, который угрозами и обѣщаніями умѣлъ взять верхъ надъ министромъ государства, какъ Россія, имѣющая половину Турціи въ рукахъ. Ну ужъ, братъ, показалъ бы Туркамъ Русской духъ Татищевъ, ежели бы онъ тутъ случился.

Французы по сіе время поютъ Аустерлицкую баталію, которая з.....ха въ сравненіи съ Ейлаускимъ дѣломъ. И такъ не надобно унывать славить нашихъ героевъ: мы печатаемъ здѣсь подробности сей побѣды. Ты увидишь это изъ прилагаемаго у сего экземпляра. Взятіе Тенедоса мы также напечатали со всевозможнымъ для Агличанъ снисхожденіемъ.

Италинской къ намъ пишетъ, что его совсѣмъ забыли et qu'il attend des ordres sur sa destination ultérieure. Dites-moi quelque chose sur Polética, est-il avec vous à Ténédos?... Булетины Французскіе наполнены вздорами; называютъ нашего Государя un jeune obstiné, qui ne veut pas le repos de l'Europe. Особа пріѣхавшая изъ Мальты въ Мессину увѣряетъ, что Италинскій собирается ѣхать въ Лондонъ. Этотъ старикъ съ ума сходитъ отъ Агличанъ.

Палермо, (13) 25 Іюня 1807.

Намъ сегодня дали знать, что Аглинской корабль идетъ въ Тенедосъ, я пользуюсь симъ случаемъ съ восхищеніемъ, чтобы къ тебѣ написать. Мы 13-го сдѣлали большую экспедицію къ Дм. Никол., коему препроводили черезъ Корфу пакеты отъ Чичагова. Вамъ, можетъ быть, уже извѣстно, что въ Лондонѣ произошла большая перемѣна въ министерствѣ: вся Фоксова шайка къ общему благополучію слетѣла, всѣ почти министры въ чужихъ краяхъ перемѣнены. Дугласъ отозванъ, на его мѣсто опять Левизонъ Говеръ; на мѣсто Адера къ вамъ въ Вѣну графъ Пемброкъ; сіи два посла прежде отправятся въ армію къ Императору нашему, а оттуда по своимъ мѣстамъ. Къ Прусскому королю назначенъ лордъ Пажетъ, а Артуръ Пажетъ ожидается всякій день сюда; пробывъ здѣсь мало времени, послѣдуетъ онъ въ Тенедосъ, дабы трактовать съ Портою. Къ Сенявину идутъ 4 Агл. корабля съ 4 т. войска, сіи назначены для покоренія острова Scio; такимъ образомъ запрется сношеніе со Смирною. Теперь все пойдетъ хорошо, а то право плохо было приходилось, по милости Агличанъ. Система низверженныхъ министровъ клонилась къ постыдному миру, и они всячески работали, чтобы внушить намъ отвращеніе къ войнѣ.

Алопеусу обѣщано, что будетъ высажено въ скоромъ времени 14 т. Агл. войска въ Германіи, а къ Государю Императору посланъ планъ на апробацію; обѣщано также, что будетъ дано повелѣніе Фоксу содѣйствовать въ усиліяхъ здѣшняго двора для покоренія Неапольскаго королевства. Мы имѣемъ здѣсь на рейдѣ пять кораблей, изъ коихъ Formidable, Royal Souvereign и Windsor Castle трехдечные; ожидаются другіе три корабля.

Въ Польшѣ и Пруссіи ничего не происходитъ. Les lettres les plus récentes et officiales qu'on a de Vienne sont du 30 May. Ruffo dit que l'Autriche est vivement pressée; sa diète doit finir le moi Juin, l'empereur reviendra à Vienne fort content des Hongrois, Stadion le précède. R. ne doute pas que l'A. finira par se déclarer; car sa médiation, froidement accueillie par nous et la Prusse, n'opère rien. Il paraît qu'on s'est pénétré chez nous de la vérité, que tout traité avec Bonap. est une duperie. On est extrêmement disposé à de grands efforts, on veut un *oui* ou *non* de l'Autriche, et dans le dernier cas on est résolu de prendre des mesures, pour parvenir au but proposé sans sa coopération. Le grand plan d'opération militaire et politique a été tracé par notre Empereur et le roi de Prusse; ils se sont convenu le 26 Avril de ne pas déposer les armes que le but ne soit atteint. On travaille à y faire

accéder François. Dans cette convention rien n'a été oublié jusqu'au prince d'Orange. On y garantit l'intégrité de l'Empire Ottoman. Qu'en dites vous? Все это большая тайна, и знай про себя. Вообрази, всѣмъ мы отдаемъ свое да съ прибавкою Пруссіи и Австріи, первой въ Германіи, второй въ Италіи, а себѣ мы не беремъ *ничего.* Bonaparte s'est retranché et fortifié d'une manière formidable; mais il manque de tout pour sa subsistance. On croit avec raison que Benigsen veut l'affamer. Quoiqu'il en soit, son inaction depuis que tous les renforts lui sont arrivés, doit tenir à des motifs d'une importance majeure; il n'a pas perdu son tems: avec 70 m. hommes il agirait sûrement avec 340 m., s'il le fallait. Bonaparte a écrit une lettre pour arrêter l'effusion de sang et se rapprocher. Benigsen a répondu: je suis ici pour me battre et non pour négocier, je n'en ai pas les pouvoirs. Dantzig jusqu'au 20 May, d'après les rapports français, réfusait de se rendre; on en est à la troisième parallèle, et les Fr. menacent de donner assaut. Neise, Graudenz, Colberg résistent toujours. 20 m. Russes ont été embarqués à Pillau; ils vont dans la Poméraine Suedoise pour prendre les Français au dos.

Mille choses à cher Pozzo-di-Borgo de ma part. J'ai envoyé partout pour chercher son oncle et lui faire savoir, qu'il y avait une occasion pour Ténédos, mais on n'a pas pu le trouver. En attendant dites lui qu'il se porte fort bien. Д. П. s'est intéressé pour son fils, qui sera placé dans l'état-major. Ne laissez échapper aucune occasion pour m'écrire et écrivez moi beaucoup. A propos: imaginez, qu'un officier d'ici a percé le petit valet de chambre du ministre, Василій, de trois coups d'épée, et savez vous pourquoi? Basile donnait sur le quai le bras à une femme; l'officier avec sa canne leva la jupe de celle-ci; Basile dit: m-r, cette femme n'est pas une p. . . . Cela a suffi pour faire déployer à l'officier son *courage* contre un désarmé. Экой народъ! Le pauvre blessé souffre, mais il vivra. L'officier est arrêté, la punition sera exemplaire.

Кланяйся нашимъ хватамъ капитанамъ. Глаза Европы обращены на нихъ, и я увѣренъ, что ежели Турки осмѣлятся выйти, ихъ поколотятъ свойски. Французы разглашаютъ, что капитанъ-паша сбирается выйти съ нами драться и взять обратно Тенедосъ; однимъ словомъ, газеты наполнены всякимъ вздоромъ.

*

Палермо. (5) 17 Ноября 1807 г.

Мы имѣемъ извѣстіе, что наши прошли Гибралтаръ 16-го Октября, направляя путь къ океану. У насъ была страшная письменная война съ Англичанами и съ здѣшнимъ дворомъ. Баратынскій пришелъ въ Мессину съ двумя кораблями. Англ. генералъ Moore отказалъ имъ входъ въ портъ и другимъ тремъ суднамъ, пришедшимъ на другой день подъ

нашимъ флагомъ. Мы съ симъ посылаемъ курьера въ Петербургъ, т. е. до Тріеста, препоручая Пелигриви доставить пакетъ Куракину. Его же сіятельство пошлетъ все къ Будбергу съ первою курьерскою оказіею по просьбѣ нашей. Куда бы охотно я пустился, да и Д. П. охотно бы самъ отпустилъ!

Куда какая славная школа была для меня все это время, что работалъ съ Д. П.; ежели бы не потерялъ я два года съ Италинскимъ, а особливо два другіе съ Карповымъ, а тотчасъ бы попалъ въ настоящія руки, теперь бы не поддался бы ни одному изъ моихъ коллеговъ-секретарей. Но на что хвастать? Только и оправданія, что пишу тебѣ, а это у меня какъ разговоръ съ самимъ собою. Что это за человѣкъ Дм. Павл.! Я благословляю ту минуту, въ которую назначили меня въ Неаполь, puisque les événements, le sort devaient l'y amener aussi.

*

Палермо, 11 Декабря 1807.

У насъ здѣсь теперь фрегатъ *Венусъ*; сѣлъ бы на него и пустился бы въ Тріестъ! Этотъ фрегатъ отправленъ къ намъ Сенявинымъ, который со всею своею эскадрою намѣренъ зимовать въ Лиссабонѣ и послалъ отыскивать остальныя суда, предписывая имъ идти также въ Лиссабонъ на зиму. Пришествіе этого судна весьма встревожило здѣсь всѣхъ: думали, что онъ пришелъ насъ отсюда увезти; но теперь успокоились. Мы составляемъ теперь общество на подобіе Московскаго Благороднаго собранія, mais en petit, и имѣемъ большіе проекты веселиться въ этотъ карнавалъ: всякій день будетъ съѣздъ, и разъ въ недѣлю танцовать; мы устроили маскарадъ, кадрили, théâtre de société etc., будетъ весело; но для меня главное веселіе будетъ пріѣздъ Радія и счастливѣйшій день тотъ, въ который пущусь въ Москву черезъ любезную Вѣну.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. Д. БОГАТИНОВА [1]).

Отъ глубины души благодарю Бога: гдѣ, я ни занимался, я находилъ должную оцѣнку моего усердія и въ этомъ нравственную поддержку въ трудѣ. Въ семействѣ кн. Васильчикова я былъ принятъ очень любезно: часто оставляли меня обѣдать; приглашали на домашніе спектакли, которые давались на Французскомъ языкѣ въ домѣ гражданскаго губернатора Гессе (отца). Въ день имянинъ моихъ въ 1861 году сама княгиня [2]) подвезла къ моему скромному жилищу своего сына Сережу поздравить меня. Другой разъ, когда я просилъ у нея позволенія въ воскресный день прочесть ея дѣтямъ и ближнимъ ея знакомымъ Жуковскаго «Агасѳеръ», она сама пріѣхала за мною съ Сережею, посадила меня съ собою, а Сережа сѣлъ противъ, и такъ въ открытомъ фаэтонѣ я проѣхалъ городомъ въ ихъ домъ. Тутъ были собраны въ предобѣденное время ея дѣти: дочери Софія, Вѣра, Сережа, еще нѣсколько дѣвицъ и сама княгиня. Собрались и усѣлись за работы, кто вышивать, кто плести тамбуромъ, а я читалъ. Были въ большой залѣ. Но я не замѣтилъ, чтобы чтеніе мое производило должное дѣйствіе. Это слишкомъ высокія матеріи для людей этого класса. Если бы я читалъ имъ сатиру Щедрина, или Некрасова, или какую комедію, вышло бы другое совсѣмъ. А Агасѳера слушали, скучая... поднимались... выходили... и я радъ былъ скорѣе окончить и ждалъ съ нетерпѣніемъ приглашенія дворецкаго къ обѣду: «кушать готово!» По себѣ я судилъ о другихъ. Для меня Агасѳеръ былъ высокимъ даромъ незабвеннаго Жуковскаго; я думалъ этимъ даромъ дѣлиться со всѣми... и ошибся. Больше уже я не заикнулся о такомъ воскресномъ чтеніи.

Княгиня Васильчикова особенно стала ко мнѣ расположенною послѣ того, какъ прочла мою повѣсть: «Юношеская любовь». На другой день ея старшая дочь, моя всегдашняя собесѣдница, передаетъ мнѣ: «Maman всю ночь продумала про эту повѣсть, такъ она на нее подѣйствовала». У княгини родилась даже мысль пригласить меня ѣхать

---

[1]) См. выше, стр. 423.

[2]) Урожденная княжна Щербатова. Супругъ ея князь Ларіонъ Ларіоновичъ былъ тогда Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. П. Б.

съ ними на вакаціонное время за границу въ Лондонъ, такъ прокатиться, или, если поѣздка не состоится, пожить съ ними въ ихъ имѣніи, гдѣ-то въ Тамбовской или Рязанской губерніи. Планы эти однако сами собою рушились; тѣмъ не менѣе я до самого прекращенія своихъ занятій въ ея домѣ пользовался ея особеннымъ вниманіемъ. 3-го Мая 1862 г., князь и княгиня праздновали свою серебряную свадьбу, впрочемъ, очень скромно, въ семейномъ кругу. Въ числѣ немногихъ къ обѣду былъ приглашенъ и я; а послѣ обѣда они оба предприняли поѣздку въ свою загородную дачу по Житомирскому шоссе, съ Сережею и младшею дочерью. Пригласили и меня. Князь сѣлъ на козлы править лошадьми, подлѣ себя усадилъ и меня. Такъ я и проѣхалъ съ нимъ по городу. На возвратномъ пути, желая возможно ближе подвезть меня къ дорогѣ на Подолъ, князь такимъ же образомъ, усадивши меня съ собою на козлахъ, провезъ по Старому Кіеву до зданій присутственныхъ мѣстъ, гдѣ я и распростился съ нимъ, глубоко благодарный за такой необычайный знакъ вниманія и расположенія ко мнѣ. Съ глубокою горестью я оплакалъ кончину этого достойнаго, незлобиваго человѣка. Князь въ Октябрѣ, присутствуя на работахъ на этой самой дачѣ и оставшись въ сырую погоду довольно долго на воздухѣ, простудился, получилъ злокачественную жабу въ горлѣ и скончался 12-го Ноября 1862 года. И по смерти его я продолжалъ заниматься съ Сережею до осени 1863 года, уже въ частной квартирѣ на Крещатикѣ, по прежнему пользуясь тѣмъ же радушіемъ и расположеніемъ княгини; она не разъ и теперь приглашала меня къ своему столу, послѣ котораго я оставался въ гостиной въ числѣ ея гостей, но уже ни разу не напрашивался на чтеніе, помня свой первый, охладившій мой пылъ, опытъ. Впрочемъ, разъ я читалъ ей и ея ближнимъ знакомымъ, также послѣ обѣда, свою подробную записку объ учрежденіи въ Межигорьи (мѣстность вверхъ по Днѣпру отъ Кіева верстахъ въ 8, вблизи древняго Вышгорода) учебнаго заведенія для образованія народныхъ учителей съ пріютомъ при немъ. Записку эту я составилъ послѣ предварительныхъ бесѣдъ съ княгинею по этому предмету и по ея приглашенію; ибо хотя княгиня и была уже теперь и не во главѣ благотворительныхъ учрежденій, но продолжала поддерживать свое прежнее значеніе благотворительницы, и ей потому показалась моя мысль возможною къ осуществленію; но когда я развилъ ее въ запискѣ, она тогда же признала ее неосуществимою, на чемъ дѣло и кончилось. Записка эта должна быть, кажется, между моими набросками.

Я упомянулъ, что и въ праздники я отлучался изъ дому для чтеній. Такъ было не разъ въ этотъ періодъ моей жизни. Помню, въ Суб-

боту на первой недѣлѣ Великаго Поста, пріобщившись Св. Таинъ и подкрѣпившись чаемъ, я немедля отправился въ Гимназію, испросивъ прежде согласія инспектора (тогда князь Василій Дмитріевичъ Дабижа) на чтеніе своимъ ученикамъ въ пансіонѣ чего-либо назидательнаго, чтобы святой этотъ день дѣти были хорошо настроены и въ домашней жизни. Пришелъ, собралъ собственно своихъ учениковъ и читалъ имъ: «Сраженіе со зміемъ» Жуковскаго. Мои ученики внимательно слушали; но тутъ же были и прочіе, изъ другихъ классовъ, гдѣ я не занимался. Въ притворенную дверь стали постукивать, затѣмъ кто-то изъ толпы выкрикнулъ что-то оскорбительное на мой счетъ, въ родѣ «ханжа»... или что-то въ родѣ этого, не помню. Это глубоко меня огорчило, и съ тѣхъ поръ я уже ни ногою въ пансіонъ. Такъ отвѣчали на мою безпредѣльную готовность служить просвѣщенію сердца свѣтомъ нравственнаго вліянія.. Однако, въ этой безпорядочной толпѣ мальчиковъ, дурно воспитанныхъ, были дѣти и съ добрымъ, благодарнымъ сердцемъ. Одинъ изъ моихъ учениковъ этого еще періода моей жизни долженъ былъ оставить Гимназію и перешелъ въ другое заведеніе. Мать его, совершенно незнакомая мнѣ женщина, надзирательница Левашовскаго Института, прислала мнѣ на память прекрасно вышитую закладку въ книгу при письмѣ, въ которомъ въ теплыхъ и искреннихъ словахъ выражала свою благодарность за сына, за доброе нравственное руководство имъ. Другой мальчикъ переведенъ былъ въ Варшаву, слѣдуя за семьею, туда переселившеюся; пришедши ко мнѣ на квартиру, онъ со слезами прощался со мною, прося писать къ нему.

Но такая кипучая дѣятельность въ первые годы моей службы, такая неутомимая и разнообразнѣйшая, усидчивая, напряженная работа безъ должного покоя, а особенно неправильность въ питаніи, не могли не отозваться на моемъ здоровьѣ. Еще, когда я кончилъ Университетъ и просилъ мѣста у Ребиндера, онъ подозрительно отнесся къ моему исхудалому болѣзненному виду и выразилъ опасеніе, по силамъ ли для меня будетъ моя учительская служба. Но все-же я началъ служить бодро. выносливо, даже не особенно берегся, не боясь ни холода, ни непогоды, ни вѣтровъ. Только одинъ разъ въ глубочайшій снѣгъ, помню въ Четвергъ, я не пошелъ въ Гимназію, еще въ Липкахъ, и то потому, что былъ всего только одинъ послѣдній урокъ. А такъ я не зналъ препятствій, которыя удержали бы меня дома, хотя и нужно, и даже не нужно было идти по службѣ изъ дому. Въ новый годъ, напр., я разъ по глубочайшему снѣгу, безъ пути и дорожки, пробирался въ гору въ Липки, сталъ привѣтствовать съ новымъ годомъ помощника попечителя (тогда г. Могилянскаго), хотя никто и никогда и не поставилъ

бы мнѣ этого въ долгъ непремѣнный. Такъ и въ тотъ разъ, когда я ходилъ послѣ пріобщенія Св. Таинъ читать въ пансіонъ, былъ солнечный весенній день, распустило отъ жару, ручьи текли по улицамъ и горному спуску, грязь; но ничто меня не удерживало. Я не кутался, хотя уже и носилъ калоши, еще съ Университета, когда, на третьемъ курсѣ, вдругъ на одной изъ лекцій схватились у меня въ ногѣ ревматическія невыносимыя боли, послѣ чего я и сталъ носить калоши, но именно съ этой только поры, не раньше. Шарфа на шеѣ вовсе не носилъ; о зонтикѣ, если не для дождя, и подумать не допускалъ, почитая употребленіе зонтика мужчиною дѣломъ женоподобія. Конечно, нечего уже и говорить о перчаткахъ, которыхъ я никогда не носилъ, хотя и имѣлъ одну пару черныхъ, и пару бѣлыхъ, такъ, для приличія, держа ихъ въ рукахъ, когда необходимость заставляла надѣвать или форменный мундиръ, или черный фракъ, которымъ, противъ моего желанія, все-таки пришлось обзавестись: ибо, будучи учителемъ въ семьѣ Васильчиковыхъ, получалъ частыя приглашенія то на балъ къ князю, то на домашній спектакль. Только уже въ этихъ случаяхъ я и надѣвалъ свой черный, ненавистный мнѣ фракъ. Но все это время я довольствовался и зимою только ваточнымъ толстаго сукна пальто, не думая вовсе баловать себя мѣхами. Мнѣ ни по чемъ стоило сдѣлать большіе переходы, напр., съ Подола прямо въ Корпусъ или въ Лавру. Извощика—никогда. Но, усиленныя занятія въ этотъ необычайно-дѣятельный періодъ моей жизни разстроили мое здоровье, которое стало уже года черезъ три по началѣ службы подвергаться простудѣ. Грудь у меня, впрочемъ, болѣла еще съ Университета. Странная боль, безъ кашлю, ноетъ, томитъ, тяжелитъ, сосетъ точно что̀; такъ разбаливалось, что я, приходя домой и едва подкрѣпившись пищею, бросался въ постель и безмолвно пролеживалъ въ ней довольно, пока пересиливалъ эту томительную боль въ груди*). Къ этому стали присоединяться и простуды. Разъ я простудилъ горло, отъ горла вся шея стала болѣть, въ горлѣ деретъ, лишь стану говорить; урокъ дать было для меня мука: слюна такъ и валитъ, щекочетъ въ гортани. Это во время Н. И.

*) Доктора совѣтовали мнѣ гулять побольше у берега Днѣпра, вдыхая водяные пары. И я бывало по цѣлымъ днямъ проводилъ у Днѣпра. Совѣтовали вмѣсто чаю завтракать грушами. Такъ и дѣлалъ: уходя съ ранняго утра на берегъ Днѣпра, я запасался грушами и съѣдалъ ихъ по десятку. Совѣтовали подниматься на гору и тамъ оставаться подолгу, на совершенно чистомъ воздухѣ, и это я дѣлалъ. Гора Флоровская подъ бокомъ. Взойду и провожу здѣсь бывало цѣлые часы. Сюда порой моя матушка не разъ приносила мнѣ то завтракъ, то въ полдникъ грушу или что либо молочное. Хорошо помню, что здѣсь, гуляя на горѣ, я съ увлеченіемъ прочитывалъ статью: „Генрихъ Песталоцци“ въ Ж. М. Н. Просв., гдѣ такими яркими красками представленъ этотъ мужъ непоколебимой воли и сердца, пламенно любившій дѣтей... Обаятельное на меня дѣйствіе производило это чтеніе! Образъ этого героя добра влекъ меня къ себѣ.

Пирогова. Я пошелъ къ нему. Онъ прописалъ мнѣ порошки. Помогло... Но вскорѣ стала мучительно болѣть шея. Болѣе двухъ недѣль я просидѣлъ дома, и съ той только поры я сталъ употреблять шарфъ, и безъ него уже ни шагу съ наступленіемъ холоднаго времени до лѣта.. Но худшее еще было впереди. Въ 1861 году, проводя вакацію въ Голосѣевѣ, я купался въ тамошнемъ пруду, купался усердно, по два раза, иногда даже по три раза. Было 20-го Іюля, день сырой, дождливый. Я все таки, покупавшись утромъ, пошелъ купаться и послѣ обѣда; шелъ дождь, вѣтрено было. Въ водѣ, чтобы согрѣться, я старался дѣлать усиленныя движенія. Пришедъ домой, я вскорѣ почувствовалъ сильную боль въ груди. Въ тотъ день или на другой была баня для митрополита. Поздно вечеромъ я пошелъ въ баню и здѣсь, по чьему-то умному совѣту, а своего ума, какъ видно, тогда не имѣлъ, вытеръ грудь перцовкою. Не зналъ, какъ переночевалъ. Не дождавшись конца вакаціи (тогда уже съ 1-го Августа), я 24-го Іюля возвратился въ Кіевъ, и на другой же день открылась у меня кровь горломъ. По назначенію одного Подольскаго врача, къ которому ходилъ на домъ, я пилъ микстуру, отъ чего кровь перестала показываться. Но 1-го Августа нужно было идти въ Университетъ на пріемныя испытанія, тогда по распоряженію Пирогова производившіяся учителями Гимназіи для постороннихъ лицъ, не бывшихъ въ гимназіяхъ. Такихъ было множество, полная первая громадная аудиторія. Нужно было, возвышая сильно голосъ, съ большимъ напряженіемъ диктовать въ этой наибольшей во всемъ Университетѣ аудиторіи. А послѣ диктовки еще пришлось экзаменовать. Пришелъ домой около $3\frac{1}{2}$ часовъ, и лишь сдѣлалъ шагъ въ комнату, какъ польется кровь, тазъ подставили. Но 4 или 5-го Августа опять пришлось идти въ корпусъ съ Подола за полученіемъ жалованья (тогда по третямъ выдавалось). Былъ жаркій страшно день. Не успѣлъ вернуться, какъ опять и еще сильнѣе полилась кровь. Ровно два мѣсяца я пролежалъ въ постели, не выходя изъ квартиры. Доброе семейство Давыдовыхъ прислало ко мнѣ, узнавъ о моей болѣзни, своего домашняго врача, профессора *Сергья Петровича Алферьева.* Онъ подробно освидѣтельствовалъ и нашелъ, что не столько расширена у меня грудь, сколько въ моемъ кровотеченіи обнаружился геморой, которымъ, дѣйствительно, я сталъ къ тому времени страдать.

Алферьевъ удивился неудобству занимаемой нами квартиры въ гигіеническомъ отношеніи и настоятельно совѣтовалъ перемѣнить квартиру и, оставивъ Подолъ, переселиться въ верхнюю часть города. Дѣйствительно, воздухъ на нашемъ дворѣ и возлѣ былъ крайне неблагорастворенъ. На дворѣ монастырской гостиницы постоянно оста-

навливались подводы съ лошадьми богомольцевъ, масса богомольцевъ здѣсь ночевала, отхожихъ мѣстъ хорошихъ вовсе не было; вблизи гора и тутъ же уличное, естественное, такъ сказать, отхожее мѣсто для всей этой многолюдной толпы богомольцевъ. Воздухъ стоялъ предурной. Пробившись два мѣсяца, я уже долженъ былъ отказаться отъ лишнихъ уроковъ въ Корпусѣ, вообще къ этому времени мои частные уроки значительно сократились; остались только въ Корпусѣ, но уже только около 7 или 8, да у князя Васильчикова. Уже сталъ я ѣздить въ Гимназію и даже домой на извозчикѣ. Перемѣнять квартиру къ зимѣ нельзя было, и мы рѣшили перезимовать и уже въ будущемъ 1862 году года непремѣнно нанять квартиру въ верхней части города. Для насъ, отъ рожденій Подолянъ, для матушки особенно, любившей храмъ Божій, гдѣ она ежедневно продолжала бывать и утреню и вечерню, оставить Подолъ, оставить его благоговѣйно совершаемое богослуженіе въ храмахъ Академіи и Семинаріи, съ ихъ стройными хорами пѣвчихъ, для меня съ сестрою оставить мѣсто, гдѣ протекли наше дѣтство и большая часть юности, было великимъ подвигомъ и страшнымъ дѣломъ. Да и средства наши были еще очень не велики, несмотря на значительную поддержку частныхъ уроковъ. Положительно страшила насъ мысль покинуть нашъ тихій, мирный уголокъ, гдѣ мы прожили 9 лѣтъ въ невозмутимомъ покоѣ, гдѣ такъ все дышало внутреннимъ миромъ и счастіемъ, страшила мысль перейти въ совершенно чужой намъ кругъ людей. Здѣсь-то все это время моего учительства у матушки были искреннія сердечныя знакомства въ Флоровскомъ монастырѣ; у меня не переводились добрыя знакомства въ Академіи: съ ректоромъ ея о. *Іоанникіемъ* (нынѣ митрополитъ Московскій), съ инспекторомъ. покойнымъ архимандритомъ *Меѳодіемъ*, скончавшимся *3 Іюля 1862 г.*, съ преемникомъ его архимандритомъ *Сильвестромъ*, тогда еще только профессоромъ, нынѣ ректоромъ Академіи, съ профессоромъ *Иваномъ Игнатьевичемъ Малышевскимъ* и *Василіемъ Ѳедоровичемъ Пѣвницкимъ*. Всѣ, словомъ, связи, и нравственныя, и житейскія, привязывали насъ къ Подолу. Но нужно было все это принести въ жертву благоразумію, требовавшему подумать о серьезно разстроившемся моемъ здоровьи, да и о здоровьи сестры моей, которая все это время продолжала по прежнему серьезно недомогать малокровіемъ и другими недугами, такъ что вынуждена была въ 1860 году съ ранняго лѣта поселиться съ нашею доброю знакомою (женою протоіерея Дашкевича) въ Голосѣевѣ, гдѣ и прожила все лѣто, что̀ ее значительно подкрѣпило. И мы рѣшили съ наступленіемъ лѣтняго времени перейти поближе къ Гимназіи. Средства мои теперь, хотя и незначительно, все же увеличились. *Съ 21-го Января 1861 года* я опредѣленъ былъ старшимъ учителемъ и сталъ по-

лучать нѣсколько высшій окладъ жалованья. А съ 1862 года жалованье еще болѣе увеличилось, вслѣдствіе вообще увеличенія жалованья учителямъ гимназій до 900 рублей. Къ этому времени попечитель Пироговъ былъ переведенъ въ Одессу, а вновь назначенный на его мѣсто баронъ де-Витте, поселившійся на короткое время въ попечительской квартирѣ въ Гимназіи, вскорѣ оставилъ ее, нашедши ее очень неспокойною по слабому здоровью своей жены. Такимъ образомъ, открылась обширная квартира въ самой Гимназіи, которую тогдашній директоръ гимназіи *Александръ Карловичъ Деленъ* рѣшился предоставить въ пользованіе двумъ семействамъ изъ преподавателей Гимназіи и еще семейству окружного инспектора *Михаила Ивановича Тулова*. Я особенно усердно просилъ директора дозволить мнѣ помѣститься въ Гимназіи, на что̀ и получилъ согласіе; другой же въ сосѣдствѣ со мною поселившійся былъ преподаватель словесности *Василій Ивановичъ Лучицкій*. Въ Сентябрѣ 1862 года мы перешли въ нашу новую квартиру.

Съ грустью я оставлялъ тотъ мирный, тѣсный уголокъ, гдѣ протекла моя почти вся студенческая трудовая жизнь, исполненная для меня такихъ дорогихъ воспоминаній. Среди скорбей и всяческихъ лишеній, выпавшихъ на долю нашей сиротствующей семьѣ, какъ ощутительно являлась намъ благодѣющая рука Божья въ разнообразномъ попеченіи о насъ! Какъ настраивалась здѣсь душа любить Бога и въ этой святой любви находить жизнь для себя и высочайшее наслажденіе! Какими порывами духа воспитывался я здѣсь, въ этой скромной обстановкѣ, къ жизни для блага ближнихъ! И сколько, о сколько было въ моей юношеской жизни здѣсь незабвенныхъ часовъ высокаго восторга и религіознаго воодушевленія!

Здѣсь отдыхалъ я душою и отъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, которыми такъ щедро дарила меня моя служба въ Гимназіи въ пору попечительства Пирогова, отъ тѣхъ нравственныхъ огорченій, которыя систематически - разсчитанно готовилъ мнѣ въ эту несчастную пору каждый часъ моего пребыванія въ Гимназіи при исполненіи моихъ обязанностей. Здѣсь, большею частью стоя у комода, я писалъ (и засиживался далеко за полночь) свои первыя сочиненія, выше исчисленныя, и жилъ, о какою богатою жизнью духа, углубляясь въ это царство гармоніи, мира и истины. Словомъ, здѣсь девять лѣтъ жилось такою роскошною, богатою жизнью духа, что воспоминаній объ этомъ періодѣ самыхъ подробныхъ, будь они записываемы, стало бы на всю дальнѣйшую жизнь.

Здѣсь же, никогда не забуду я этого, Богъ приготовлялъ меня Своими чудными откровеніями къ моей будущей судьбѣ. Разъ снился

мнѣ сонъ: у св. иконы я привѣшивалъ дорогую лампадку съ тремя стаканчиками, затеплилъ ихъ всѣ и молился предъ св. иконою горячо. Проснувшись, я ни сестрѣ, ни матушкѣ не сказалъ о снѣ; но самъ въ себѣ я растолковалъ его такъ: это Богъ открываетъ мнѣ, что я останусь одинъ въ мірѣ и буду молиться за всѣхъ изъ моей милой семьи, которые, по судьбамъ Божьимъ, должны раньше меня оставить этотъ міръ. Такъ и было. Похоронивъ отца, я послѣдовательно похоронилъ матушку и сестру, и теперь долженъ приносить о нихъ горячія молитвы къ Богу, о нихъ, такъ любовно, съ такимъ попеченіемъ заботившихся о моей жизни. Здѣсь же я видѣлъ и другой сонъ. Я всхожу на корабль и отплываю съ нимъ отъ берега, и оказывается, что я главный распорядитель и управитель этого огромнаго судна, плывущаго теперь уже на широкомъ просторѣ водъ. Не исполнился ли и не исполняется ли и нынѣ этотъ многознаменательный сонъ, когда я стою во главѣ цѣлаго учебнаго заведенія и веду его, какъ его главный управитель? Да, здѣсь, еще въ 1861 году, я уже предавался мечтамъ объ учительскихъ институтахъ (такъ думали прежде назвать заведенія для приготовленія сельскихъ учителей), уже писалъ подробныя записки объ устройствѣ этихъ учебныхъ заведеній, горѣлъ желаніемъ посвятить себя на служеніе народу въ лицѣ приготовляемыхъ для него учителей; здѣсь уже сознательно, среди воздымавшихся волнъ душевнаго боренія, я приносилъ въ жертву этой, овладѣвшей моимъ духомъ, идеѣ самыя дорогія и чистыя земныя привязанности и влеченія, которыя, какъ они ни были дороги, чисты и благородны, но (я это видѣлъ ясно) могли бы очень помѣшать мнѣ остаться тѣмъ, чѣмъ я былъ доселѣ и чѣмъ считалъ для себя обязательнымъ, въ силу моего внутреннѣйшаго стремленія, и остаться. Здѣсь, такимъ образомъ, полагалось начало, опредѣлялся путь, установился характеръ, ясно намѣчались цѣли всей дальнѣйшей моей жизни, всей моей жизненной судьбы.

И съ этимъ тихимъ пріютомъ блаженной юности я разстался въ Сентябрѣ 1862 года. Когда я послѣ того проходилъ въ Флоровскій монастырь мимо этого нашего жилища, когда и теперь, бывая въ Кіевѣ, прохожу мимо него, я впиваюсь глазами въ эти три окошечка мезонина и сердечно молю Господа принять мою благодарную молитву за Его великія милости, явленныя мнѣ и нашей семьѣ въ этомъ мѣстечкѣ. «Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяй чудеса!» я говорю невольно, поднимая взоръ свой къ этимъ незабвеннымъ для меня окошечкамъ.

Въ новое свое жилище я имѣлъ утѣшеніе внести уже порядочную библіотеку, составившуюся у меня въ этотъ же первый періодъ моей службы. Я не жалѣлъ денегъ на книги, и изъ средствъ, которыя пріобрѣталъ отъ частныхъ уроковъ, немного у меня оставалось собственно про запасъ. Въ это время мною пріобрѣтены сочиненія: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Жуковскаго, Батюшкова, Козлова, Кольцова, Грибоѣдова, Записки Охотника, почти всѣ имѣющіяся въ моей библіотекѣ Французскія книги. Отъ Давыдовыхъ получилъ я въ это же время въ даръ полное собраніе сочиненій Михайловскаго-Данилевскаго 6 т., собраніе сочиненій Шатобріана (иллюстр.), Du perfectionnement moral Dégérando. Библіотекарь Кадетскаго Корпуса безплатно снабдилъ меня «Журналомъ для дѣтей» съ 1858 по 1863 годъ, въ мою собственность, книгою Разина «Міръ Божій». Библіотекарь пансіона первой Гимназіи тоже передалъ въ мою собственность «Журналъ для дѣтей» съ 1855 года по 1857 годъ. Въ это же время я пріобрѣлъ «Творенія св. отцевъ» за 11 лѣтъ, Слова св. Іоанна Златоустаго на Евангелиста Матѳея и на посланіе къ Римлянамъ, Записки на книгу Бытія, Училище благочестія и много другихъ книгъ. Никогда послѣ уже я не употреблялъ столько денегъ на книги, какъ въ это золотое время моей жизни, когда я вовсе не думалъ о будущемъ, вовсе не хлопоталъ собрать что-либо про запасъ, безраздѣльно отдаваясь въ своихъ мысляхъ единому удовлетворенію высшихъ стремленій любящаго сердца.

Съ грустью я покидалъ свое жилище на Подолѣ, гдѣ душа моя жила такою полною, цѣлостною жизнію, и грусть моя еще болѣе усиливалась отъ сознанія, что есть кое-что, за что̀ я долженъ и упрекнуть себя въ это незабвенное время моей жизни. Я говорилъ уже, что за это кипучее время, живя въ семьѣ, собственно я мало жилъ для семьи, мало дѣлилъ свои досуги въ общеніи семейной жизни, ибо досуговъ у меня и не было почти вовсе, мало разговаривалъ даже съ матушкою и сестрою. Только ихъ неизсякаемая любовь могла прощать мнѣ это мимовольное отчужденіе въ моихъ отношеніяхъ къ себѣ. И я никогда не слышалъ упрека отъ нихъ. Покорно подчинялись онѣ этой необходимости и дорожили моимъ покоемъ, въ которомъ я такъ нуждался.

Даже вакаціонное время мое не сближало меня съ семьею. Только въ 1857 году я проводилъ вакацію въ городѣ, съ 1858 же года за весь этотъ періодъ жизни моей на Подолѣ постоянно вакацію проводилъ я въ пустынѣ *Голосѣевъ*, покидая семью на цѣлый мѣсяцъ, иногда и болѣе. О милый мой, незабвенный Голосѣевъ! Какимъ благомъ отъ Бога былъ для меня ты! Тутъ освѣжались и укрѣплялись мои тѣлесныя силы: тутъ крѣпились и мои духовныя силы въ полномъ уединеніи

среди прелестнѣйшей мѣстности. Еще съ дѣтства, какъ я уже разсказалъ выше, я нерѣдко проводилъ здѣсь дни съ матушкою, посѣщавшею съ нами схимниковъ Өеофила и Парөенія. Будучи уже студентомъ, тоже я былъ здѣсь съ матушкой въ 1853 году, когда матушка моя здѣсь схватила и горячку себѣ, какъ о томъ выше разсказано. По окончаніи Университета, послѣ подачи прошенія Ребиндеру объ опредѣленіи на должность, я здѣсь провелъ нѣсколько дней, между прочимъ и 15-ое Іюля, въ самомъ монастырѣ вмѣстѣ съ студентомъ Академіи іеромонахомъ Кирилломъ, о которомъ выше сказано. Въ это время я удостоился быть допущеннымъ къ митрополиту Филарету, который припомнилъ мою фамилію, ровно годъ тому назадъ слышанную имъ на актѣ Университета, когда меня вызывали получить медаль за сочиненіе и когда онъ меня пожелалъ видѣть. Узнавъ, что я посвящаю себя учительству, онъ вынесъ мнѣ св. икону финифтевую и съ сердечнымъ участіемъ призвалъ на меня Божье благословеніе. Съ того времени завязались у меня кое съ кѣмъ изъ братіи пустыни знакомства. Въ 1858 году я попыталъ счастія, нельзя ли мнѣ прожить здѣсь мѣсяцъ вакацій. Нужно было обратиться за дозволеніемъ къ начальнику пустыни, іеросхимонаху Моисею, человѣку суровому, мало разговорчивому. Однако я рѣшился просить его, и къ моей радости, онъ позволилъ мнѣ занять одну оказавшуюся тогда свободнюю келію подлѣ холодной церкви. Тутъ же другую, пообширнѣе, занимали студенты Академіи Сербы, іеромонахъ Моисей, священникъ Николай и еще два нашихъ Русскихъ студента: Лебединскій и Дмитрій Захарьинъ. Весело и беззаботно въ ихъ обществѣ я провелъ здѣсь мѣсяцъ. Вмѣстѣ обѣдали въ братской трапезѣ и гуляли по лѣсу. Такъ какъ я не имѣлъ, кромѣ трапезнаго, другого содержанія; то иногда, готовя самъ себѣ въ своей келіи молочную манную кашицу, угощалъ ею и своихъ сосѣдей. Былъ я тутъ и на послушаніи. Въ это время перебирался изъ одного помѣщенія въ другое начальникъ пустыни. Онъ и меня привлекъ къ переноскѣ, и я вмѣстѣ съ послушниками помогалъ. Побывавъ въ церкви и напившись чаю, я уходилъ обыкновенно въ лѣсъ или садъ монастырскій, и тутъ почти весь день проводилъ на свѣжемъ воздухѣ. Незамѣтно прошелъ для меня этотъ мѣсяцъ, и 27-го Іюля я возвратился домой, найдя мою квартиру всю убранную цвѣтами, радующую своею чистотою и удобствомъ. Послѣ тѣсной келейки моя квартира показалась такою роскошью, исполненною такой красоты! И однако, сердце мое тосковало по Голосѣевѣ, по его чудной природѣ, по его невозмутимой тишинѣ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія новыхъ вакацій, чтобы спѣшить сюда, подъ кровъ св. обители, и здѣсь съ наслажденіемъ предавался полнѣйшему уединенію среди тишины

лѣса и монастырскаго парка. Стремленіе къ монастырю еще съ лѣть отрочества, уступившее мѣсто въ пору Гимназіи и Университета болѣе сознательному отношенію къ закону религіозной жизни, все же не ослабѣло въ душѣ моей настолько, чтобы міръ иночества сталъ для меня чѣмъ-то чужимъ; напротивъ, я всегда находился подъ вліяніемъ строя монастырской жизни, жилъ съ дѣтства въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ монастырями, то съ Братскимъ, то съ Флоровскимъ, даже въ гостинпцѣ этого послѣдняго; весьма часто посѣщалъ Лавру, питая душу свою чуднымъ богослужебнымъ чиномъ въ обители, ея умилительнымъ пѣніемъ; имѣлъ здѣсь непрерывно добрыя знакомства, поддерживавшія во мнѣ глубокое уваженіе къ иночеству; преимущественно любилъ слушать службу Божью въ монастыряхъ; здѣсь и говѣлъ въ пору студенчества почти каждый постъ; этому св. обычаю я оставался вѣрнымъ и во весь періодъ жизни на Подолѣ до 1862 года, уже будучи учителемъ. Монастырю я былъ свой человѣкъ съ дѣтства. Оттого и Голосѣевъ влекъ меня къ себѣ неотразимо и далъ мнѣ за эти годы столько духовнаго счастія, столько пролилъ мира въ мою душу, столько счастливѣйшихъ, сладостнѣйшихъ ощущеній испытало мое сердце въ его чудной тишинѣ, что въ теченіе года, предаваясь кипучей дѣятельности и уставая отъ нея чрезмѣрно, я только и мечталъ о днѣ, когда буду имѣть счастіе увидѣть свой родной мнѣ по духу Голосѣевъ. Здѣсь я провелъ вакаціи 1859 г., когда имѣлъ здѣсь же счастіе познакомиться и съ Елисаветою Алексѣевною Кублицкою, 1860 и 1861 г. все лѣто въ самомъ монастырѣ, а въ 1862 году уже провели со мною лѣто здѣсь матушка и сестра въ хатѣ одного изъ монастырскихъ рабочихъ. Хорошо было мнѣ здѣсь и въ 1862 году; но, живя внѣ монастыря, хотя и вблизи его, я уже не могъ предаваться всецѣло тому обаянію тишины и безмолвія, какое охватывало мой духъ въ годы моего пребыванія въ самомъ монастырѣ. Здѣсь я былъ господинъ своего времени, и не только днемъ, но до глубокой ночи могъ бродить по саду и монастырю, вдыхая въ себя, такъ сказать, духъ этого внутренняго мира, этого истиннаго счастія. А душа этого-то и жаждала; ей нужна была сила, въ это время особенно, которая поднимала бы ее въ область свободы, возносила горѣ, учила «горняя мудрствовать, а не земная»; ей нужна была чрезвычайная помощь благодати Божьей, и здѣсь я находилъ ее въ обиліи.

День свой начиналъ я ежедневно молитвою въ храмѣ Божьемъ, предъ св. иконою Божьей Матери, предавая Ей свою жизнь и близкихъ моему сердцу, въ храмѣ же и подлѣ храма и оканчивалъ свой день. Да, здѣсь всюду былъ раскинутъ нерукотворный храмъ Бо-

жій. Гуляю въ саду — проходитъ монахъ, читаетъ Псалтырь; иду на другую дорожку — сюда черезъ оврагъ со стороны пасѣки доносится горячая молитва молодого пасѣчника на служеніи: «Царица моя преблагая, надеждо моя, Богородица!»; тамъ монахъ работаетъ въ саду и поетъ священную пѣснь. Гуляешь въ саду во время службы, издали слышишь умилительное пѣніе церковное, отчетливо разливающееся въ чистѣйшемъ воздухѣ пустыни и ее окружающихъ садовъ. И самому хочется молиться и плакать отъ притока святыхъ чувствъ. И я горячо молился въ этомъ мѣстѣ молитвы. Въ ожиданіи воскресной обѣдни, подъ звуки благовѣста, я имѣлъ обычай, оставаясь въ саду, прочитывать акаѳистъ Воскресенію Христову, тогда впервые напечатанный при «Страннике», кажется, или въ «Духовной Бесѣдѣ». А когда зайдетъ солнце, и спустится на землю чарующая своею прелестью ночь теплая, ласкающая, въ этой невыразимой тишинѣ я много, много разъ обойду кругомъ церкви монастыря, въ молитвенномъ настроеніи, тихо ступая по деревянному помосту; тутъ часто читалъ я свои вечернія молитвы «на сонъ грядущій», повергаясь на колѣни со всѣхъ четырехъ сторонъ св. храма. О, горячо, пламенно молился я тутъ, въ эти незабвенныя минуты моей жизни! Полною грудью я впивалъ въ себя мягкій, теплый воздухъ, а душа моя не знала предѣла своему незапному восторгу въ этой чудной тишинѣ св. храма. Въ день отъѣзда, когда уже подвода съ моими вещами стояла у воротъ монастыря, поджидая моего выхода, я заходилъ въ церковь и здѣсь приносилъ предъ царскими вратами свою послѣднюю молитву, прося Божьяго благословенія на трудъ, Божьей просвѣщающей, вразумляющей благодати и помощи на жизненномъ пути, и изъ дому Божьяго прямо пускался домой, но думалъ не такъ: «здѣсь домъ мой, а теперь я иду изъ него временно дѣло дѣлать, назначенное мнѣ Богомъ до дня возвращенія.» Въ полнотѣ высшаго неземного счастія, чувствуя глубоко Божье благодѣяніе, я повторялъ себѣ, оглядываясь на монастырь: «Аще забуду тебѣ, Іерусалиме, забвена буди десница моя! Аще не помяну тебѣ, аще не предложу яко въ началѣ веселія моего!» «Умереть бы здѣсь!» такъ думалъ я, прощаясь съ моимъ милымъ Голосѣевымъ и проникая мыслію къ концу жизненнаго пути, на который я выходилъ теперь снова, послѣ мѣсяца отдыха и такой плодотворной для жизни подготовки подъ сѣнію св. обители. Съ такимъ настроеніемъ я входилъ въ наше мирное жилище, въ нашъ мірской монастырь, встрѣчаемый ласкою и любовью матушки и сестры, которыя въ 1858—1861 г. изрѣдка навѣщали меня въ моемъ уединеніи, пріѣзжая съ утра на обѣдню и проводя со мною цѣлый день до вечера.

Періодъ съ 1857 по 1862 г. чрезвычайно богатъ воспоминаніями не только изъ моей личной жизни, но и общественной дѣятельности, моихъ служебныхъ занятій и отношеній. Думаю, каждый изъ пережившихъ эту несчастную пору внутренней жизни Россіи, пору страннѣйшей неурядицы во всемъ, что̀ относилось къ умственной жизни и дѣятельности, сохранилъ немало воспоминаній, которыя могли только въ эту именно пору и зародиться въ душѣ Русскаго человѣка. Это пора, о которой можно бы выразиться: «все подвинулось къ чему-то, оторвавшись отъ стараго порядка, понеслось, понеслось безтолково, кувыркаясь, осклабляясь, плюя на прошлое, мотая головою на волѣ и продѣлывая иногда премерзкія вещи.» Въ это время уже заваривалась каша въ землѣ Русской, начинался хаосъ, повсюду ослаблялись власть и подчиненіе. Въ мірѣ литературномъ, далѣе въ мірѣ учебномъ, скоро оказалось такое замутлѣніе жизни отечества! И я въ это время тоже работалъ, служа своимъ идеаламъ въ этой страшной сумятицѣ, охватывавшей и дѣтскій, т. е. мой исключительный міръ. Настрадался я вдоволь, изныла душа моя!

По переходѣ въ новое зданіе и по окончательномъ водвореніи въ немъ послѣ дворянскаго бала въ честь Государя Императора, о которомъ я выше упоминалъ, учебныя занятія пошли своимъ порядкомъ. За выходомъ въ отставку Любимова, исправляющимъ должность директора Гимназіи былъ до конца учебнаго года Т. И. Пристичъ, а инспекторомъ В. Д. Дабижа. Явились новыя лица и въ составѣ учащихъ. Учитель математики Рощинъ переведенъ въ Петербургъ, т. е. (какъ шелъ слухъ) ему предложили уволиться, замѣтивъ его неблагонадежныя отношенія къ ученикамъ, его вольнодумныя рѣчи и внушенія. На его мѣсто поступилъ изъ Петербурга учителемъ математики *Петрушевскій*, по болѣзни вынужденный оставить Петербургъ; другимъ учителемъ математики опредѣленъ *Паліенко* изъ Чернигова.

Учебныя занятія при Т. И. Пристичѣ шли въ порядкѣ: ученики не баловались, учились прилежно, а кто полѣнивался, Т. И. не скупился такого угощать и розгами, часто посѣщалъ классы, вникалъ въ родъ занятій. Посѣщалъ изрѣдка классы и Н. Р. Ребиндеръ. Разъ, побывавъ на моемъ урокѣ въ 3-мъ, кажется, классѣ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и поправилъ мою ошибку въ выраженіи. Я сказалъ: говорю *за* волка; онъ исправилъ: «нужно говорить про волка, о волкѣ». Мирно, покойно прошелъ этотъ учебный 1857—1858 годъ, вмѣстѣ съ своимъ предшественникомъ, моимъ первымъ служебнымъ годомъ 1856—1857. За все это время воспоминаніе останавливается на одномъ характерномъ случаѣ. Наступила Пасха 1857 года. Было дано отъ началь-

ства свѣдѣніе, чтобы собрались на поздравленіе попечителя съ праздникомъ. Къ 9 или 10 часамъ стали собираться въ квартирѣ Н. Р. Ребиндера въ Липкахъ. Въ числѣ поздравляющихъ вижу, священникъ Богдановъ, въ то время временный настоятель университетской церкви, діаконъ и причтъ этой церкви тоже въ передней въ ожиданіи входа въ залу, по докладу о томъ попечителю. Входимъ. Н. Р. Ребиндеръ, тогда еще лютеранинъ, видно не ожидавшій церковнаго привѣта, принимая насъ, суетится, обращается къ дворецкому, вынимаетъ деньги. Это, значитъ, платитъ причту за поздравленіе! Больно, жутко стало на душѣ. Другихъ отношеній нѣтъ къ священнику и причту, какъ только денежныхъ; другой заботы нѣтъ, какъ только избавиться поскорѣе отъ этого непрошеннаго посѣтителя. О въ какомъ приниженномъ положеніи должны были очутиться священникъ и діаконъ, когда служитель вынесъ имъ *плату* за поздравленіе, точно подачку выпрашивавшему ее нищему! Какое оскорбленіе должны были вынести въ эту минуту передъ лицомъ собравшагося ученаго общества скромные служители церкви, пожелавшіе, конечно, по собственному личному расположенію, поздравить начальника округа отъ лица церкви! Собрались профессора, учители гимназій. Жена Ребиндера*) пригласила всѣхъ въ столовую разговѣться. Столпились у стола; но его роскошное убранство, его обильныя яства тотчасъ стали предметомъ отзывовъ, въ которыхъ проскользнуло неуваженіе къ этому доброму обычаю православной старины. «C'est une coutume patriarchale» слышу я изъ устъ одного профессора. Немногіе стали отвѣдывать настольныхъ яствъ и печеній, другіе такъ только стояли, дополняя собою эту патріархальную картину. Я въ томъ же числѣ.

Ироническій, тонкій отзывъ ученаго мужа, конечно, не особенно былъ пріятенъ добросердечной хозяйкѣ, доброй православной женщинѣ. Несомнѣнно, она имѣла причину пожалѣть, что столько трудовъ и заботъ потрачено съ тѣмъ, чтобы, какъ выходило, показаться предъ ученымъ сословіемъ Кіева людьми патріархальными. Видно Кяхта не Кіевъ, и что̀ въ Кяхтѣ (гдѣ Ребиндеръ былъ до того градоначальникомъ) считается необходимымъ закономъ каждаго православнаго семейства, и простого, и знатнаго, то въ Кіевѣ только «coutume partiarchale». Въ 1858 году уже не было у Ребиндера ничего подобнаго. Но были, какъ я упоминалъ, вечернія собранія нѣсколько разъ, куда приглашались и учители. Не на всѣхъ я бывалъ. На одномъ изъ такихъ вечеровъ одинъ изъ пожилыхъ преподавателей 1-й Гимназіи, *Ѳ. А. Токарскій*, сѣдой и лысый толстякъ, человѣкъ очень почтенный, уже черезчуръ

---

*) Дочь декабриста князя Трубецкаго и правнука статсъ-секретаря Екатерины Великой Козицкаго.

усердно плясалъ съ молодежью; усердіе это однако было истолковано не въ пользу стараго плясуна, и онъ получилъ вскорѣ назначеніе инспекторомъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію, что для него было сущимъ наказаніемъ, ибо должность учителя математики, которую онъ занималъ дотолѣ, была въ то золотое время доходная должность: онъ имѣлъ у себя пансіонеровъ, давалъ частные уроки ученикамъ за высокую плату. На его-то мѣсто и поступилъ *Паліенко*, о которомъ выше я упомянулъ.

Разъ какъ-то, еще не сблизившись съ моимъ добрымъ Григоріемъ Ѳомичемъ Постоловскимъ (см. выше), я заночевалъ послѣ одного изъ такихъ вечеровъ, которые въ то время устраивались для учениковъ на праздникахъ Рождества Христова, у жившаго въ то время въ гимназіи *Петрушевскаго*. Тамъ же, вмѣстѣ съ нимъ, жилъ и другой учитель, *Должиковъ*, оба холостые, занимали по комнатѣ и помѣщались въ зданіи по должности воспитателей, которую занимали. Тогда, не помню уже, по чьей волѣ, къ занятію должностей воспитателей, въ видахъ поднятія значенія воспитателя во мнѣніи учениковъ и также въ видахъ возвышенія нравственнаго вліянія на учениковъ пансіона, приглашались преподаватели, и изъявили на то согласіе: Должиковъ, Петрушевскій, немного позже *Паліенко* и *Ростовцевъ* (послѣдній раньше поѣздки своей за границу съ ученою цѣлью). Вотъ у Петрушевскаго съ Должиковымъ я и заночевалъ, боясь позднею ночью возвращаться на Подолъ. Пришли. *Петрушевскій* тотчасъ же раздѣлся, легъ въ постель и, уже лежа въ постели, съѣлъ принесенный имъ съ вечера апельсинъ. Должиковъ тутъ же предо мною, нисколько не стѣсняясь посторонняго человѣка, сбросилъ рубаху, надѣлъ ночную. Для меня, воспитаннаго въ строгихъ правилахъ православно-церковной жизни, впервые представился случай вблизи наблюдать людей, жившихъ въ иномъ духѣ, внѣ законовъ православнаго семейнаго чина. Безъ молитвы вечерней, безъ знаменія креста, улегшись ѣсть апельсинъ и тутъ же отойти ко сну: видѣть это въ наставникѣ юношества было крайне больно. Не менѣе поражала меня свобода и нестѣсненность обращенія: сбрасывать рубашку предъ постороннимъ человѣкомъ, хотя можно было легко сдѣлать это въ другой комнатѣ, тутъ сказалось для меня и неуваженіе къ гостю, предъ которымъ хозяинъ не чинится, и развязность отношеній, которая обнаруживала вообще слабую степень наблюденія за собою. То-то, я думалъ, получить воспитаніе въ казармѣ на казенный счетъ: и стыдъ притупляется! И я сердечно благодарилъ Бога за благо семейнаго воспитанія, которое спасло меня отъ многаго такого, чего истинная благовоспитанность ни допустить, ни извинить не можетъ.

Съ наступленіемъ 1858—1859 учебнаго года я вдругъ лишился двухъ добрыхъ и незабвенныхъ моихъ благотворителей. Н. Р. Ребиндеръ, какъ я писалъ выше, былъ переведенъ въ Одессу, а на его мѣсто назначенъ Н. И. Пироговъ; но еще прежде Т. И. Пристичъ тоже оставилъ 1-ую Гимназію и былъ назначенъ директоромъ Немировской гимназіи. Сердечно простившись съ тѣмъ и другимъ, память о которыхъ незабвенна для меня навсегда, я остался одинъ-одинешенекъ между людьми, съ которыми я не имѣлъ ничего общаго ни по образу жизни, ни по взглядамъ и убѣжденіямъ, свидѣтельство чему приведено выше. Я стоялъ среди моихъ сослуживцевъ особнякомъ и нынѣ, какъ и въ первый день моей службы. Мѣсто директора еще Н. Р. Ребиндоромъ было предоставлено профессору Университета, А. К. Деллену, инспекторомъ при которомъ продолжалъ оставаться еще около году *В. Д. Дабижа.* Александръ Карловичъ уже зналъ меня съ поры моего студенчества, и мнѣ отрадно было думать, что новый начальникъ, примѣрно-порядочный, именно поддержитъ строгій порядокъ въ заведеніи, какимъ онъ соблюдался при Т. И. Пристичѣ. Но прибылъ Н. И. Пироговъ, и съ нимъ постигло нашу Гимназію величайшее бѣдствіе; да, я думаю, и всѣ учебныя заведенія округа. Роковое положеніе человѣка, думающаго творить добро и творящаго мимовольно зло. И это положеніе всего попечительства Пирогова. Несомнѣнно, онъ хотѣлъ одного только добра, но выходило противоположное: зло, величайшее зло.

Сразу онъ поднялъ все на ноги. Образовались педагогическіе совѣты при участіи всѣхъ преподавателей съ правомъ голоса. Оживилась учебная и литературная дѣятельность преподавателя: въ циркулярахъ по управленію округомъ стали печататься разныя мнѣнія, сужденія, и др. работы преподавателей; обращено было вниманіе на усиленіе учебной части; воспитательная часть совершенно переворочена, уничтожены тѣлесныя наказанія; опредѣлены строгія степени наказаній и взысканій и строгая послѣдовательность, введена своего рода отчетность въ системѣ взысканій: за что какое наказаніе можетъ или не можетъ быть назначено. Учащіеся привлекались къ самостоятельнымъ работамъ, къ сочиненіямъ для чтенія на литературныхъ бесѣдахъ, Пироговымъ же учрежденныхъ по воскреснымъ днямъ. Для поднятія уровня образованія учителей учреждены *кандидаты-педагоги,* которые, по окончаніи Университета, должны были извѣстное время (не помню, два или три года) пристроиться къ той или другой Гимназіи, присутствовать на урокахъ преподавателей и самимъ, въ случаѣ надобности, давать уроки. Учреждены конкурсы для занятія учительскихъ должностей. Эти кандидаты-педагоги, да и всѣ желавшіе занять должность учителей,

должны были дать въ присутствіи многочисленнаго комитета, съ попечителемъ во главѣ, пробный урокъ въ одной изъ Кіевскихъ гимназій. Словомъ, поднялась такая кипучая дѣятельность въ округѣ, какой едва ли когда и занятъ былъ до того учебный міръ нашъ. Но одновременно съ симъ развилась и такая распущенность въ дисциплинарномъ отношеніи, какой тоже, уже вѣрно можно сказать, дотолѣ не видалъ учебный міръ. Дисциплина страшно упала. Учитель не въ правѣ былъ наказать ученика, да и не учитель только, а инспекторъ и директоръ, не подведши сначала его проступка подъ ту или другую установленную ступень проступковъ; онъ могъ сначала только прибѣгнуть къ выговору, потомъ къ выговору же усиленному, и т. д., пока доберется до болѣе чувствительнаго взысканія. За проступки опять могли назначаться только избранныя и указанныя взысканія. Словомъ, воцарилась такая строгая *законность* на бумагѣ и *беззаконіе* въ жизни заведеній, что законъ вовсе пересталъ быть закономъ. Таблица проступковъ и взысканій представляла такую законно-строгую регламентацію, предъ которой оказывались безсильны или вѣрнѣе безпомощны ошеломленные педагоги. Бѣда была въ томъ, что таблица эта не могла изобразить и развить по отдѣламъ всѣ виды проступковъ до послѣдней мелочи. Обнаруживались проступки далеко не предусмотрѣнные ни совѣтами гимназій, ни самимъ организаторомъ всей этой регламентированной путаницы, и нельзя было подъ страхомъ отвѣтственности судить и наказывать этотъ ново-явленный проступокъ, какъ подведши его насильно подъ ближайшій къ нему по существу. Школа обратилась въ судилище, гдѣ законъ сталъ на мѣсто воспитательнаго вліянія и сердечныхъ искреннихъ отношеній. И это сразу, вдругъ почуяли мальчуганы; сразу вдругъ все дурное, исковерканное домашнимъ воспитаніямъ, испорченное разнородными вліяніями, все вдругъ подняло голову, окрысилось, зашумѣло, заволновалось, прихватило черезъ верхъ распущенности. И дисциплина школы вдругъ до нельзя упала. Дошло дѣло до того, что ученики уже прямо къ попечителю стали ходить съ жалобою на директора; на бѣднаго же, безгласнаго учителя уже и не обращали вниманія: ибо они вдругъ сообразили, что̀ онъ имъ можетъ сдѣлать, когда и совѣтъ долженъ еще поломать голову, что̀ подвести подъ извѣстный разрядъ проступокъ мальчугана, прежде чѣмъ назначить ему какое нибудь самое ничтожное наказаніе. На бѣду, при подобномъ, понятно непредвидѣнномъ самимъ Пироговымъ, разрѣшеніи въ жизни его геніальныхъ преобразованій, не было (что касается нашей Гимназіи) никакого противовѣса этому печальному направленію отуманенной призракомъ свободы и законности мысли учениковъ, ни въ директорѣ, ни въ инспекторѣ гимназіи. А. К. Делленъ, прекраснѣйшій, добрѣйшій

человѣкъ, былъ слишкомъ мягокъ, слишкомъ нѣженъ, чтобы поддержать авторитетъ власти въ заведеніи. В. Д. Дабижа, инспекторъ, тоже прекраснѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, былъ слишкомъ высокъ по своему княжескому положенію, слишкомъ аристократъ, чтобы унижаться до мелочей школьной обыденности, чтобы досматриваться до этихъ мелочей и заниматься ими серьезно-самоотверженно. Да вскорѣ онъ получилъ новое назначеніе въ Одесскомъ учебномъ Округѣ, мѣсто окружного инспектора, и на его мѣсто Пироговъ выписалъ своего новаго инспектора изъ Чернигова, *А. Ѳ. Андріяшева*, котораго въ лицо не зналъ, но который передъ тѣмъ помѣстилъ въ циркулярѣ по округу нѣсколько своихъ мнѣній по воспитательной части, пришедшихъ какъ разъ по вкусу Пирогову. Пироговъ узрѣлъ въ немъ призваннаго педагога, и мы получили въ 1859-мъ году новаго инспектора. При немъ дисциплина школьная уже окончательно упала. Трудно изобразить, что̀ представляло тогда нѣкогда столь благоустроенное учебное заведеніе, какимъ была Гимназія еще за годъ съ небольшимъ при Т. И. Пристичѣ!.

Нельзя было узнать 1-ой образцовой по порядку Гимназіи!... Въ перемѣны между уроками коридоръ представлялъ безпорядочную массу шалуновъ, бѣгающихъ, наскакивающихъ на идущаго учителя. Бьетъ звонокъ, никто и не думаетъ идти въ классъ; бьетъ второй, послѣдній, нужно, чтобы надзиратели загоняли учениковъ низшихъ классовъ, а высшихъ просили идти въ классъ. Здѣсь шумъ, шалости, стукъ, скачки. Даже во время урока не было для неспокойныхъ, грубыхъ и шаловливыхъ ничего, что̀ сдержало бы ихъ. Учитель жалуется инспектору, т. е. Андріяшеву, на непорядокъ, на непослушаніе; онъ въ отвѣтъ: «учитель не имѣетъ должнаго нравственнаго вліянія на учениковъ, не имѣетъ въ ихъ глазахъ авторитета, самъ и виноватъ!» И никакой мѣры къ обузданію классныхъ шалостей и выходокъ, которыя отъ такого отношенія инспектора растутъ все болѣе и болѣе и доходятъ до безобразій. Развитію такого страшнаго безпорядка въ школѣ много содѣйствовали сами учителя. Вмѣсто того, чтобы со вторымъ звонкомъ имъ отправляться въ классы, они продолжали спокойно бесѣдовать въ учительской, или, собравшись въ канцеляріи, курили здѣсь; такъ проходило до 5, до 10 даже минутъ, и тогда учителя медленно расходились по классамъ, давъ ученикамъ время вдоволь нашалиться въ ожиданіи ихъ прихода. Такъ поступало большинство: въ числѣ же ничтожнаго меньшинства, исправно по звонку входившаго въ классы, былъ и я: всегда, лишь звонокъ пробилъ, я входилъ въ классъ, въ то время, какъ въ обоихъ сосѣднихъ классахъ шла возня, шумъ, крикъ, визгъ. Первыя 10 минутъ пропадали для занятій. Эта

моя исправность, какъ и вообще строгая требовательность къ ученикамъ, столь тяжелыя для распустившихся изъ нихъ, были причиною, что въ это безпорядочной средѣ находилось немало враждебно ко мнѣ расположенныхъ, и, не чуя надъ собою никакой власти, эти негодяи творили со мною, что̀ хотѣли. Лишь только я войду въ классъ, какъ изъ сосѣднихъ двухъ классовъ, съ обѣихъ сторонъ, поднимается стукъ въ двери съ завываньемъ. Вотъ, съ приходомъ учителей, тамъ водворяется тишина; тогда въ моемъ классѣ, на задней скамьѣ или гдѣ посрединѣ, вдругъ начинается топотъ ногами. Подхожу, прекращается; отойду, опять поднимается. Разъ, былъ мой послѣдній урокъ въ 1-мъ классѣ; а передъ моимъ урокомъ, урокъ чистописанія; учитель, слабый старичекъ Бѣляевъ; ученики на свободѣ стали приготовлять классъ къ моему приходу и облѣпили положительно весь потолокъ чертиками изъ черной смоченной и въ комки свитой бумаги. И какъ разъ на этотъ урокъ пришелъ Пироговъ. Осмотрѣлъ потолокъ, но просидѣлъ почти весь урокъ, молча, строго насупившись. Однако плодъ его посѣщеній сказался на другой же день. Директоръ А. К. Делленъ, не разсчитывая на Андріяшева, самъ вошелъ въ классъ, сдѣлалъ строгій выговоръ классу и наблюденіе за порядкомъ класса поручилъ отъявленнымъ негодяямъ, во главѣ которыхъ стоялъ нѣкто Павловъ, выбралъ изъ нихъ безпорядочныхъ до шести и пригрозилъ имъ отвѣтственностью за каждую шалость, за каждое нарушеніе порядка.

И этой мѣры уже достаточно было, чтобы эти безобразія прекратились. Въ другомъ классѣ, 5-мъ, я имѣлъ урокъ Ц.-славянскаго языка. Это уже не дѣти, это мальчуганы уже порядочные. Разъ по обыкновенію прихожу въ классъ по звонку: въ классѣ ни одного ученика. Является одинъ, за нимъ погодя другой, тамъ третій, и такъ по одиночкѣ, муча меня, входятъ всѣ. И этотъ случай оставили безнаказаннымъ. Не говорю уже о другихъ дурныхъ выходкахъ, грубости въ отвѣтахъ, непокорности. Разъ, прочитавъ по Ц.-славянски извѣстный отрывокъ хрестоматіи изъ жизни кого-то изъ святыхъ, я сталъ дѣлать разъясненія, перешелъ къ выводу и назиданію; въ это самое время, какъ я уже кончалъ свою рѣчь, ударилъ звонокъ. «Аминь!» возвыся голосъ, крикнулъ одинъ ученикъ, въ отвѣтъ на мою поучительную бесѣду. Андріяшевъ не примѣнилъ никакихъ мѣръ къ упорядоченію дисциплины, и бѣдные надзиратели были истинными мучениками школы. Но за то Андріяшевъ очень заботился о развитіи литературномъ учениковъ, отвѣчая этими заботами идеѣ Пирогова, проведенной въ исполненіе въ видѣ литературныхъ бесѣдъ учениковъ. Были въ пансіонскую библіотеки выписаны: «Горькая Судьбина» Писемскаго, «Гроза» Островскаго и

многія другія въ такомъ же родѣ, и ученики принялись на это чтеніе съ такою жаждою, что черезъ два-три мѣсяца они были изорваны, истрепаны до нельзя.

Въ это же время впервые введенъ былъ во всѣхъ гимназіяхъ округа Юго-западнаго края языкъ Польскій, назначенъ былъ и въ 1-ую Гимназію чиновникъ библіотеки университета Св. Владимира, *Козловскій,* и Андріяшевъ, чтобы и этимъ людямъ былъ просторъ въ ученіи, исходатайствовалъ разрѣшеніе пріобрѣсти для Поляковъ-учениковъ цѣлую кучу Польскихъ книгъ, Польскихъ писателей. Устраивались учительскіе вечера, но уже не съ такою милою обстановкою, какъ былъ вечеръ на праздникѣ Рождества при Н. Р. Ребиндерѣ (съ елкою для дѣтей, гдѣ исключительно и были ученики). Нѣтъ, пошли въ ходъ танцовальные вечера, ученики привозили или приводили барышень, родственницъ и знакомыхъ, приглашался оркестръ музыки. Этого мало: пошли драматическія представленія, комедіи; ученики наряжались въ женскія платья. Помню, играли какую-то комедію. «Какъ намъ быть безъ женщинъ?» спрашиваетъ актеръ-ученикъ: «безъ бабы и калача не спечешь». Ученики сами устраивали сцену, разрисовывали кулисы, занавѣсъ, и сами же отъ себя ходили по учителямъ съ приглашеніемъ «сдѣлать имъ честь» пожаловать на ихъ драматическій вечеръ. Длинный, предлинный залъ пансіона весь былъ уставленъ стульями; посѣтители были не только семейства учителя, но и посторонніе лица, которыхъ ученики получали позволеніе приглашать. Конечно, ученье не особенно шло на умъ ученикамъ. Да не особенно ими занимались и учителя. Они тоже устраивали свои вечеринки въ классныхъ комнатахъ съ картежною игрою. Но должно отмѣтить здѣсь и другое проявленіе ихъ общительности: была складчина для образованія лекторіи, и состоялась лекторія, выписывались журналы, приходили, читали; хотя я и не участвовалъ въ выпискѣ журналовъ, но такъ какъ въ послѣобѣденное время чтеній здѣсь не бывало, и книги оставались свободно лежать по столамъ, то я, въ ожиданіи послѣобѣденныхъ уроковъ, тоже приходилъ въ лекторію и знакомился съ содержаніями журналовъ. Недолго, впрочемъ, существовала эта лекторія, сама собою закрылась. Довольно часто собирались учители вмѣстѣ и на квартирѣ А. К. Деллена, который раза два въ году собиралъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ служащихъ; бывалъ и я здѣсь, оставаясь ночевать у Григорія Ѳомича Постоловскаго. Довольно часты были общія собранія учителей и въ педагогическіе совѣты. Разъ, помню я просилъ А. К. Деллена позволить мнѣ прочесть въ засѣданіи написанное мною мнѣніе о нѣкоторыхъ вопросахъ изъ школьной жизни, читалъ долго, до 1-го ча-

са, и думалъ, что дѣлаю хорошее дѣло, т. е. занимаю собраніе тѣмъ, чѣмъ всего пріятнѣе ему заниматься; но не то вышло. Едва я кончилъ, какъ стали въ лицо мнѣ высказывать неудовольствіе, что я продержалъ ихъ такъ долго, что соскучились, слушая,—и только. А. К. Делленъ стоялъ на томъ, что все-же я ничего не сдѣлалъ дурного, если попытался занять мысли педагоговъ педагогическимъ же дѣломъ. Вообще, А. К. Делленъ всегда отличалъ меня особеннымъ своимъ расположеніемъ и довѣріемъ. Въ это самое время, предъ наступленіемъ Великаго поста, я писалъ къ нему подробное письмо, прося его вникнуть въ важный вопросъ христіанскаго воспитанія, обратить вниманіе на пріученіе учащихся соблюдать уставы св. церкви и прекратить безпричинное и огульное нарушеніе постовъ учениками въ теченіе даже Великаго поста. Было такъ: ѣсть ли скоромное или поститься предоставлялось самимъ ученикамъ. И оказывалось, что за исключеніемъ 3, 4 на 150, всѣ прочіе ѣли скоромное, будучи совершенно здравы и бодры. Я совѣтовалъ А. К-чу не допускать такого произвола и установить общеобязательный постъ для всѣхъ, предоставивъ только нѣкоторымъ нарушить его, съ вѣдома и признанія въ томъ необходимости со стороны гимназическаго доктора. Такъ онъ и сдѣлалъ. И пока былъ онъ директоромъ, Великій постъ соблюдался въ той гимназіи. не смотря на излишніе расходы на рыбу. А. К. вмѣстѣ со мною сѣтовалъ на безпорядочность, царствовавшую въ Гимназіи въ отношеніи произвольнаго запаздыванія учителей приходомъ на уроки, и на другіе подобные же дисциплинарные недостатки, просилъ меня написать свое мнѣніе по этому предмету, и когда я написалъ и представилъ ему, оно такъ ему понравилось, что онъ изъявилъ намѣреніе прочесть это мнѣніе мое въ совѣтѣ, какъ будто имъ самимъ составленное. Дѣйствительно, въ совѣтѣ онъ сталъ читать мою рукопись; но тутъ вдругъ на одномъ словѣ остановился, затрудняясь разобрать. Я потерпѣлъ—и все-таки не утерпѣлъ и подсказалъ ему, чѣмъ и обнаружилъ свою тайну, повредивъ своею необдуманностью и самому А. К-чу, который не стѣснялся. впрочемъ, воспользоваться моимъ мнѣніемъ, будучи съ нимъ совершенно согласенъ, но затруднялся только самъ высказать тоже отъ себя лично, не владѣя достаточно для этого труда Русскимъ языкомъ, будучи Нѣмцемъ, хотя грамматически онъ очень вѣрно писалъ порусски.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ директоромъ я былъ на сторонѣ строгой дисциплины и для учениковъ, и для учителей, не одобрялъ и другія нехорошія стороны своихъ сослуживцевъ, между прочимъ и ихъ индиферентизмъ религіозный, проявлявшійся предъ учащимися на каждомъ шагу, и въ церкви, и въ классѣ, и въ жизни. Учители между собою доз-

воляли дѣлать непочтительные отзывы о церковныхъ обычаяхъ. Нѣмецъ, напр. называетъ лобызаніе креста комедіею; тотъ смѣется и иронизируетъ объ ангелахъ.

Въ это время я давалъ частные уроки сыну боронессы Боде, женщины глубоко религіозной. Ея знакомая нѣкая Батіевская имѣла двухъ сыновей, учившихся въ нашей Гимназіи, мальчиковъ очень дурныхъ, распущенныхъ, поступившихъ въ нашу Гимназію откуда-то изъ другого учебнаго заведенія. Мать горевала, относя немалую долю распущенности дѣтей къ винѣ Гимназіи и преподавателей. Баронесса Боде, съ которою я въ искреннемъ разговорѣ сѣтовалъ о полнѣйшемъ равнодушіи къ задачамъ нравственно-религіознаго воспитанія, какое съ сердечною болью я видѣлъ въ большинствѣ моихъ сослуживцевъ, подтверждала сѣтованія Батіевской на индиферентизмъ въ воспитаніи и, должно быть, сослалась и на мои отзывы. Батіевская была знакома съ преосвященнымъ Антоніемъ, тогда викаріемъ Кіевской епархіи, бывшимъ ректоромъ Академіи, ревностнымъ блюстителемъ православія въ жизни и воспитаніи. Оплакивая свое горе, распущенность дѣтей, предъ преосвященнымъ, Батіевская уже, должно быть, преувеличила очень, прибавила, чего мнѣ и въ голову не приходило, и тоже сослалась на меня, какъ члена Гимназіи для покрѣпленія несомнѣнности своихъ обличеній. Какъ было далѣе, что̀ и кѣмъ говорилось, не знаю; но Пироговъ вдругъ сообщаетъ директору свое неудовольствіе на доносъ, будто учителя представляютъ партіи двухъ противоположныхъ направленій: одно, ничтожное меньшинство, вѣрны началамъ вѣры, стоятъ за нравственныя задачи воспитанія и работаютъ въ этомъ направленіи; другіе напротивъ отчаянные либералы, ведутъ рѣчи вольныя съ учениками, враждебно относятся къ религіи, къ церкви, и что этотъ доносъ исходитъ отъ меня. Ничего подобнаго никогда я не говорилъ ни баронессѣ Боде, ни тѣмъ болѣе лично преосв. Антонію, съ которымъ хотя и былъ знакомъ, но весьма рѣдко бывалъ у него. Это неудовольствіе стало мнѣ извѣстно, и, кажется, не лично А. К. Делленъ мнѣ его передалъ, щадя меня, а чрезъ Григорія Ѳомича Постоловскаго, у котораго я находилъ въ это время временное пристанище послѣ уроковъ до начала послѣобѣденныхъ занятій. Почтенный хозяинъ мой, передавая мнѣ это и пораженный удивленіемъ моимъ, какъ могли вмѣшать меня въ эти препирательства, помню, выразился: «Не даромъ царь Давидъ молится: избави меня отъ клеветы человѣческой». Это сообщеніе меня сильно встревожило, главнымъ образомъ потому, что я не считалъ себя вовсе виновнымъ, ибо между моими искренними, простосердечными сѣтованіями въ пріятельской бесѣдѣ о неутѣшительномъ вообще направленіи

современнаго воспитанія и такимъ рѣшительнымъ обличеніемъ, какое строилось на моихъ сѣтованіяхъ, не было ничего общаго. Лишь услышалъ я это, на другой день утромъ рано, еще въ 6½ ч., передъ раннею обѣднею, я былъ уже у преосвящ. Антонія, просилъ свиданія съ нимъ въ такое неурочное время ради крайней надобности, и, принятый во внутреннихъ покояхъ, изложилъ ему свое положеніе, прося его, если бы Пироговъ спросилъ его не указывать на меня, ибо мнѣ достовѣрно было извѣстно, что Батіевская на меня оперлась, сваливая вину распущенности дѣтей на Гимназію. Преосвященный меня успокоилъ, и, благодареніе Богу, дѣло какъ-то утихло само собою. Я и въ душѣ никогда не могъ бы развращеніе учащихся относить къ непосредственному вліянію наставниковъ. Много было развращающихъ элементовъ и внѣ школы, и даже въ условіяхъ семейной жизни и общественныхъ отношеніяхъ, и Батіевскіе, негодяи, были плодъ этого внѣ-школьнаго разложенія. Но несчастная мать прицѣпилась къ словамъ Боде о моихъ сообщеніяхъ и, позабывъ, быть можетъ, и свою немалую вину въ распущенности дѣтей, всю ее взвалила на Гимназію. Я не могъ такъ дико думать, ибо я видѣлъ только равнодушіе, индиферентизмъ въ дѣлѣ нравственно-религіознаго воспитанія и немалое нерадѣніе къ своему служебному дѣлу и долгу, какъ говорится, халатное отношеніе къ службѣ. Это-то послѣднее, понимаемое въ широкомъ смыслѣ, и было главною причиною такого печальнаго исхода нововведеній въ дѣлѣ воспитанія Пирогова. Онъ задался мыслію развить законность въ молодомъ поколѣніи, а эта мысль выходила у него изъ высокаго пониманія свободы человѣка и уваженія къ личности. Основаніе, идея—высоко-нравственныя. Были крайности въ развитіи идеи; но все же сама идея, будь она понята, какъ должно, дала бы благіе плоды, но, конечно, тогда, когда чувство законности господствовало бы въ жизни исполнителей его нововведеній. А какъ выразилось это чувство въ дѣйствіяхъ воспитателей, видно изъ вышесказаннаго. Почуяли и учители, что опека власти ослабла, но не догадались, что, быть можетъ, намѣренно ослабили, чтобы вызвать самодѣятельность свободы и примѣненія ея къ дѣлу, къ труду, къ служебному долгу, къ вѣрности разъ принятому направленію. Въ этомъ отношеніи Пироговъ могъ бы служить образцомъ. Онъ упорно преслѣдовалъ разъ намѣченную цѣль, настойчиво требовалъ подчиненія разъ указанной формѣ. Въ числѣ его нововведеній были между прочимъ, какъ я выше замѣтилъ, конкурсы для желающихъ занять учительскую должность. Но не странно ли, что этому конкурсу и я подвергся? Я уже учительствовалъ 4½ года, и не безъ очевиднаго успѣха, и не безъ умѣнья вести дѣло. Однако, когда въ началѣ 1860 года открылись вакансіи стар-

шаго учителя съ выходомъ въ отставку учителя географіи *Корпаковскаго*, которому была предоставлена вакансія старшаго учителя за смертію учителя словесности *Иноземцова*, и я былъ представленъ къ замѣщенію этой вакансіи, Пироговъ назначилъ быть конкурсу и для меня наровнѣ съ опредѣляющимися вновь. И конкурсъ состоялся въ Январѣ 1860 года въ моемъ же классѣ, во время моего же урока по расписанію. Собралась многочисленная коммиссія, человѣкъ до 12, если не болѣе: директоры обѣихъ гимназій, всѣ профессоры историко-филологическаго факультета, явился и самъ Пироговъ съ помощникомъ, Михневичемъ, и окружнымъ инспекторомъ. Я велъ дѣло на урокѣ, какъ и всегда, въ порядкѣ продолжая курсъ; употреблялъ тѣже пріемы, что̀ и всегда; словомъ, я совершенно забылъ, что это какой-то тамъ конкурсъ, что тутъ возсѣдаетъ цѣлая комиссія съ начальствомъ во главѣ. Я видѣлъ предъ собою только учениковъ. Помню: урокъ былъ о придаточныхъ предложеніяхъ. Въ это время я вовсе устранилъ изъ употребленія учебникъ грамматики, и ученики должны были все узнавать отъ меня, но путемъ собственнаго усилія надъ данными для вывода правила примѣрами. Давалъ я примѣръ, изъ него выяснялись форма, отношенія, выводились правила. Послѣ этого ученики писали собственные примѣры. Затѣмъ выведенное правило или замѣчаніе записывалось въ тетради. И это только и задавалось на урокъ. Работа шла медленно, но ученики вѣрно подвигались впередъ и основательно узнавали изучаемую форму, твердо запоминали выводъ, ибо все было самими учениками добыто усиліемъ вниманія и вдумчивости. Такъ составлялись цѣлыя толстыя тетради грамматическаго содержанія, устранявшія совершенно употребленіе учебника. Такихъ тетрадей одна или двѣ и донынѣ сохранились у меня на память. Ученики охотно занимались дѣломъ; весь положительно классъ былъ занятъ, и ни одна минута не пропадала даромъ, безъ пользы. Такая работа была и на конкурсѣ. Я признанъ достойнымъ занять должность старшаго учителя. По окончаніи конкурса директоръ А. К. Деллень передаетъ мнѣ, что Пироговъ сказалъ въ комиссіи: «Я и не сомнѣвался, что дѣло будетъ вестись хорошо; но конкурсъ долженъ былъ быть ради формы, чтобы не было отступленій отъ нея и въ другихъ случаяхъ».

Такъ съ 21 Января 1860 года я и сталъ старшимъ учителемъ. Не помню, до этого ли дня или послѣ него я получилъ и первую денежную награду, 150 р. Говорили, что Делленъ представилъ къ наградѣ одного изъ двухъ Нѣмецкихъ учителей къ наградѣ, Пироговъ же его зачеркнулъ и поставилъ мою фамилію. А случилось это не безъ участія моего благодѣтеля Т. И. Пристюка. Около этого времени онъ пред-

ставилъ къ наградѣ одного учителя своей (Немировской) гимназіи и когда ему сдѣлали возраженіе изъ округа противъ такого представленія, то онъ въ объясненіи указалъ на меня, который много работаетъ и уже не первый же годъ, а никакой награды не получалъ, вполнѣ заслуживая ее. Пироговъ прочиталъ этотъ отзывъ и представилъ меня къ наградѣ въ 150 р. Такимъ образомъ почти одновременно было засвидѣтельствовано со стороны окружнаго начальства мое усердное и умѣлое отношеніе къ дѣлу, мнѣ порученному. Въ тѣхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, среди обезумѣвшей отъ свободы молодежи, которыя съ начала и до конца попечительства Пироговскаго и даже далѣе еще года два я долженъ былъ испытывать, можно сказать, на каждомъ шагу въ Гимназіи, было истинною отрадою для меня такое одобреніе моего труда и усердія. *Время это было самое тяжелое для меня во всю мою службу.* И однако съ помощью Божьею дѣло велъ я хорошо, чисто-практическимъ способомъ съ того самаго дня, когда *Т. И. Пристюкъ* указалъ мнѣ на статью педагогическаго содержанія въ *Морскомъ Сборникѣ.* Если находилось въ классѣ немало мальчиковъ дурныхъ, то были и прекрасныя дѣти, которыя понимали мою любовь къ нимъ и искали способовъ ее выразить мнѣ. Въ это время въ залѣ нашей Гимназіи, по разрѣшенію директора-Нѣмца, устраивалась ежегодно къ Ѳомину Воскресенію лотерея въ пользу училища при Лютеранской киркѣ. Ученики тоже брали билеты. Одному изъ нихъ, милому, симпатичному мальчику Роде, попалъ выигрышъ Полное собраніе сочиненій Шиллера на Нѣмецкомъ языкѣ. Это былъ мой любимый ученикъ и меня любившій. Онъ принесъ мнѣ свой выигрышъ въ даръ. Другой, тоже очень хорошій ученикъ, Католикъ, выигралъ письменный вязаный мѣшокъ и тоже принесъ мнѣ въ подарокъ свой выигрышъ. Среди ежедневныхъ непріятностей службы мнѣ пріятно было видѣть выраженіе дѣтской любви и благодарности, и я не хотѣлъ огорчить добрыхъ дѣтей отказомъ. Мнѣ отрадно было видѣть замѣчательные успѣхи въ Русскомъ и Ц.-славянскомъ языкахъ моихъ учениковъ, прилежно занимавшихся моими предметами при полнѣйшей запущенности въ наблюденіи за успѣхами учащихся со стороны инспектора. Но что̀ особенно отрадно было видѣть, что ученики Римско-католики не только не отставали въ успѣхахъ отъ Русскихъ, но даже шли выше и обнаруживали замѣчательную любовь къ занятіямъ не только Русскимъ, но даже и Ц.-славянскимъ языкомъ. Когда я поступилъ въ 1856 г. на службу, тогда изученіе Ц.-славянскаго языка ограничивалось только чтеніемъ по Ц.-славянски житія четырехъ Евангелистовъ. Затѣмъ начались чтенія изъ четырехъ Евангелистовъ. Чтеніе, переводъ, разборъ, всѣ эти однообразныя, а потому и скучныя для дѣтей занятія сами по себѣ

не давали никакого плода въ смыслѣ ознакомленія учениковъ съ богослужебнымъ языкомъ, не освѣщали въ ихъ душахъ высоты церковнаго языка и его сердечности. Я сталъ читать съ учениками церковныя пѣснопѣнія по синодальному молитвеннику, разбиралъ пѣснопѣніе, выяснялъ его смыслъ, его содержаніе. И занятіе это было общеобязательное для всѣхъ учениковъ, въ томъ числѣ и Римско-католиковъ. И дѣти охотно вели эти занятія, не чуждаясь языка церкви, не брезгая славянщиною. Я не замѣтилъ ни разу холоднаго отношенія къ дѣлу. И что же? Родители вступились за дѣтей непрошенными защитниками ихъ религіозныхъ убѣжденій; стали жаловаться на меня инспектору (въ то время князю Дабижѣ), что я вмѣсто уроковъ Русскаго языка занимаюсь религіозною пропагандою посредствомъ уроковъ Ц.-славянскаго языка, назначаю изученіе молитвъ православной церкви и Римско-католикамъ. Дабижа передалъ мнѣ эти жалобы мягко, не настаивая, не требуя, совѣтовалъ щадить религіозныя убѣжденія Римско-католиковъ и не занимать ихъ изученіемъ молитвъ. Я объяснилъ, что пропаганды никакой не веду, но разбираемое пѣснопѣніе выясняю со стороны его смысла и содержанія, что въ синодальномъ молитвенникѣ и нѣтъ такихъ пѣснопѣній, которыя исключительно выразили бы собственно ученіе нашей церкви, отличное отъ Римско-католической; напротивъ, здѣсь всѣ до одного пѣснопѣнія заключаютъ въ себѣ общехристіанскіе догматы и ученіе. Я продолжалъ свое дѣло попрежнему. Иногда я читалъ ученикамъ отрывокъ изъ житія святого по славянски, а ихъ заставлялъ написать по русски. Хороши, оживленны были эти уроки, какъ и уроки Русскаго языка, и только негодяи портили ихъ доброе вліяніе на дѣтей своими безпорядками, о которыхъ я говорилъ выше, а инспекторъ своимъ безучастіемъ въ поддержаніи дисциплины. Однако, непорядки школы выходили уже за предѣлы самой школы, распущенность учениковъ стала замѣчаться и въ обществѣ. Генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ сильно былъ недоволенъ на Пирогова, дѣлалъ ему предложенія о принятіи мѣръ къ обузданію распущенной имъ молодежи. Пироговъ, по выраженію А. К. Деллена, «проглотилъ эти пилюли», и дѣло шло по прежнему, пока (вѣроятно, по ходатайству кн. Васильчикова) Пироговъ не былъ переведенъ въ Одессу попечителемъ на мѣсто Ребиндера, который назначенъ былъ директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. Студенты и гимназисты устроили Пирогову торжественные проводы многочисленною толпою до заставы. Это было, вѣроятно, въ половинѣ Апрѣля 1860 г. Онъ выѣхалъ, но долго еще посѣянное имъ приносило горькіе плоды, и дисциплина классная слабо возстановлялась вплоть до назначенія инспекторомъ вмѣсто Андреяшева, И. Я. Ростовцева. Но это было уже въ 1862 г.

На мѣсто Пирогова попечителемъ назначенъ былъ баронъ Николаи, человѣкъ строгаго порядка и законнаго признанія за школою исключительно-воспитательнаго учрежденія, а не какого-то судебнаго, задающагося цѣлью развить законность строгою регламентаціею правилъ воспитанія. Не могу болѣе подробно охарактеризовать управленіе барона Николаи. Никакихъ и ни въ чемъ особенно видныхъ распоряженій и мѣръ за время его управленія не припоминаю. Помню только, что онъ не былъ равнодушенъ къ нарушенію служащими условій служебнаго труда. Тогда уже возвратился изъ-за границы И. Я. Ростовцевъ и сталъ ходить съ бородою. Баронъ Николаи потребовалъ отъ него снять бороду. При немъ довольно часто собирались совѣты для обсужденія предположеній по новому плану устройства среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, и я часто являлся въ эти засѣданія прямо изъ дома князя Васильчикова, послѣ обѣда у Васильчиковыхъ, что бывало не рѣдко... Я тоже писалъ свое мнѣніе по устройству какъ гимназій, такъ и предположенныхъ учительскихъ институтовъ, уже тогда объятый горячимъ желаніемъ посвятить себя народному образованію. Къ первому своему мнѣнію я написалъ дополнительное мнѣніе и съ нимъ лишь являлся къ барону Николаи 21 Января 1861 года, прося его обратить вниманіе министерства на мою записку, не забыть и меня лично, когда будетъ идти рѣчь о назначеніи начальниковъ этихъ новыхъ учебныхъ заведеній. Являлся же я къ б. Николаи, уже не столько какъ къ попечителю округа, какъ къ товарищу министра, которымъ онъ незадолго передъ тѣмъ былъ назначенъ, оставаясь, впрочемъ, жить въ Кіевѣ и управлять округомъ до Мая, и въ Іюнѣ 1862 года, когда уѣзжалъ въ Петербургъ, Общество профессоровъ университета дѣлало ему прощальный обѣдъ въ квартирѣ ректора университета (тогда Иванишева); изъ гимназій въ обѣдѣ приняли участіе только директоры гимназій 1-ой Делленъ, 2-ой Вилуевъ, а изъ учителей я и назначенный еще при Пироговѣ учителемъ словесности В. И. Лучицкій изъ 1-й Гимназіи. Баронъ пожелалъ имѣть карточки лицъ, прощавшихся съ нимъ на обѣдѣ. Это заставило меня сняться во второй разъ. Первый разъ я снимался въ 1858, кажется, году и въ форменномъ сюртукѣ застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ книгою въ рукахъ. Теперь уже я сталъ отступать отъ строгости формы, даже имѣлъ уже черный фракъ, которымъ и пользовался, бывая часто на балахъ у князя Васильчикова; въ немъ же былъ на обѣдѣ барона Николаи. Скоро послѣ этого еще представился случай надѣть черный фракъ. Почти одновременно оставилъ службу при нашей гимназіи и директоръ А. К. Делленъ. По случаю 25 лѣтъ ему предстояло избрать: или, оставаясь профессоромъ и директоромъ, лишиться пенсіи по профессорству, или, отказавшись отъ директорства,

остаться профессоромъ и получить пенсію. А. К. Деллень предпочелъ послѣднее. Тяжко досталось ему время директорства въ разгаръ Пироговской распущенности. Не сочувствуя Пирогову, онъ былъ настолько честенъ, что признавалъ тѣмъ не менѣе для себя обязательнымъ добросовѣстно проводить въ жизнь Гимназіи его нововведенія, конечно, не встрѣчая себѣ поддержки въ составѣ служащихъ. Нѣкоторые даже позволяли себя остроты относительно привычекъ его частной жизни. Онъ былъ прекрасный семьянинъ, любящій отецъ семейства, любилъ своихъ сыновей и, желая доставить имъ удовольствіе и съ пользою занять ихъ, клеилъ съ ними коробочки, вырѣзывалъ рисунки по листу, склеивалъ разные домики и пр. Одинъ изъ учителей, колкій на языкъ, въ общемъ разговорѣ въ учительской, когда кто-то спросилъ: не видали ли директора въ Гимназіи? отвѣчалъ: «нѣтъ его въ Гимназіи; должно быть, дома, коробочки клеитъ». Слова эти были переданы Деллену. Чрезъ нѣсколько дней онъ во время переклички входитъ въ канцелярію, гдѣ имѣли обыкновеніе собираться утромъ, несетъ съ собою коробочки и подноситъ ихъ этому учителю (Паліенку) прося его принять ихъ на память отъ него говоря, что склеилъ ихъ собственно для него. Понятно, А. К. Деллень былъ радъ выйти изъ условій этой тревожной, напряженной дѣятельности, гдѣ мало видѣлъ истиннаго пониманія высокаго назначенія наставническаго труда.

Въ Сентябрѣ былъ данъ ему обѣдъ отъ лица учителей Гимназіи въ залѣ клуба. Это былъ первый обѣдъ торжественный, на которомъ я присутствовалъ. Я приготовилъ рѣчь, какъ и нѣкоторые другіе. Но я пережидалъ всѣ рѣчи и сказалъ свою послѣдній, завершивъ чествованіе достойнѣйшаго начальника. На концѣ по непривычкѣ я сбился, но все-таки оправился и, кажется, произвелъ пріятное впечатлѣніе! Я былъ такъ еще молодъ, такъ полонъ жизни, такъ горѣлъ любовью къ труду, такъ уважалъ въ лицѣ А. К. истинно-достойнаго труженика. Я радовался его семейному счастію, лаская его дѣтокъ-сыновей, славныхъ мальчиковъ. И въ своей рѣчи я пожелалъ ему видѣть счастье его дѣтей и въ этомъ получить лучшую награду за трудъ свой и для чужихъ дѣтей... Послѣ рѣчи, учитель Нѣмецкаго языка, Карлъ Романовичъ Макинелъ, распорядитель обѣда, подошелъ ко мнѣ и, отзываясь о тонѣ рѣчи моей, выразился: «нашъ митрополитъ!». Это выраженіе мнѣ было понятно очень. Мои сослуживцы (а я съ многими изъ тѣхъ, которыхъ засталъ въ Гимназіи при поступленіи и нынѣ продолжалъ служить) видѣли во мнѣ человѣка, преданнаго своему дѣлу и религіозно его понимавшаго, какъ дѣло христіанское, видѣли мою любовь къ церкви, знали о моихъ отношеніяхъ къ ученикамъ, о характерѣ моихъ бесѣдъ

съ ними, знали мой образъ и мысли и жизни. И вотъ я «нашъ митрополитъ!»...

Обѣдъ А. К. Деллену былъ послѣднимъ событіемъ, достойнымъ упоминанія въ томъ періодѣ моей жизни, который протекъ для меня до переселенія моего съ Подола. Еще будучи директоромъ, Делленъ изъявилъ свое согласіе на переходъ мой въ гимназическую квартиру съ платою по 200 рубл. въ годъ за 3 комнаты съ кухнею, и я вскорѣ послѣ этого обѣда перешелъ въ гимназію, и переходъ этотъ истинно былъ замѣтною гранью, разъединившею первый періодъ, *Подольскій*, моей жизни отъ дальнѣйшаго. Окончилась тогда жизнь почти отшельническая, отчужденная отъ ближайшаго сообщества съ людьми; началась жизнь болѣе общительная и дѣятельная и для нашей семьи. Вотъ собственно и главная черта этого событія въ нашей семейной жизни. Другая важнѣйшая: я сталъ болѣе принадлежать семьѣ, ибо все свободное отъ уроковъ время проводилъ уже дома. Но и въ другихъ отношеніяхъ, переходъ мой съ Подола провелъ грань между моимъ прошлымъ и ожидавшимъ меня будущимъ. Одновременно съ этимъ переходомъ порвались мои доселѣ близкія отношенія къ Академіи, къ храму Божьему съ монастырскою обстановкою, установились невольно новыя отношенія въ жизни, и къ мѣстамъ, и къ людямъ, и къ собственнымъ жизненнымъ задачамъ; наконецъ, я сталъ въ совершенно новыя отношенія и къ Гимназіи, и къ своимъ служебнымъ условіямъ. Кончилась пора кипучей, разбросанной дѣятельности. Наступила пора, когда стало возможнымъ сосредоточиться въ себѣ, подумать и о своемъ здоровьѣ, ради сохраненія котораго главнымъ образомъ и предпринято переселеніе съ Подола. И благодареніе Богу за это событіе въ моей жизни!... Съ нимъ дѣйствительно начинается для меня новая пора не столько по отношенію къ моей служебной дѣятельности, сколько къ моему личному нравственному бытію и моей семьи.

Но прежде чѣмъ перейти эту грань, чтобы не пропустить ничего существеннаго изъ воспоминаній перваго періода, остановлюсь на коечемъ памятномъ изъ этого свѣтлаго, отраднаго времени моей молодости.

Я выше замѣтилъ, что мои сослуживцы хорошо знали мой образъ мыслей, мои убѣжденія. Къ тому представлялось немало случаевъ. Я иногда бывалъ въ гимназической церкви, читалъ Апостолъ, напр., на праздникъ Рождества Христова, канонъ на утренѣ, разъ подъ день св. Николая моихъ имянинъ. Впрочемъ, я рѣдко бывалъ въ гимназической церкви, живя на Подолѣ. Послѣ выхода въ отставку учителя географіи, Петра Корпаковскаго, на его мѣсто опредѣленъ былъ Пирого-

вымъ нѣкто Полякъ *Руневскій*. По принятому въ то время правилу замѣщенія мѣстъ воспитателей при пансіонѣ Гимназіи преподавателями, Руневскій поступилъ въ воспитатели. Какъ онъ смотрѣлъ на свои воспитательскія обязанности, куда направлялъ свободное влеченіе дѣтей, можно видѣть изъ того, что въ Великій постъ ученики, на его дежурствахъ и съ его почина, занимались приготовленіемъ масокъ, которыя и надѣвали, рѣзвясь въ свободные часы. Узналъ я объ этомъ, не могу теперь припомнить какъ, и въ педагогическомъ совѣтѣ при случаѣ указалъ на такое неблаговѣйное препровожденіе времени въ дни Великаго поста. Около этого же времени, за переходомъ Ю. Янсона въ Петербургъ на должность профессора Университета, мѣсто учителя словесности нѣкоторое время занималъ кандидатъ-педагогъ *Р*. . . , извѣстный въ мѣстномъ литературномъ кружкѣ подъ именемъ *Ѳеди*, какъ онъ подписывался подъ статьями, преимущественно фельетонами, «Кіевлянина» или «Кіевскаго Телеграфа». Разъ, на учительскомъ вечерѣ я, ходя съ нимъ въ актовой залѣ, велъ разговоръ о воспитаніи въ духѣ религіи; перешли къ вѣрѣ вообще и различіи вѣроисповѣданій. «Я высоко цѣню православіе; какъ чистое христіанское ученіе, оно безъ всякаго даже сравненія выше римско-католицизма и лютеранства; его основы такъ глубоки... я признаю это своимъ сознаніемъ, и однако вѣрить, жить вѣрою, не могу». И этотъ человѣкъ безъ вѣры тоже былъ воспитателемъ при пансіонѣ, нѣкоторое время и жилъ въ Гимназіи. Каковы могли быть его уроки словесности?.. Да, словесность тогда въ гимназіяхъ, въ пору Пирогова и послѣ него, стояла на страшныхъ распутіяхъ болтовни о всемъ «по поводу» прочитываемыхъ образцовъ, и обратилась въ ничего - недѣланіе. Твердыхъ знаній никакихъ. Противъ риторики, противъ поэзіи, противъ исторіи словесности и особенно же противъ чтенія и изученія памятниковъ древней словесности до Петра (каковы Кириллъ Туровскій, Слово о Полку Игоревѣ и др.) поднялся ожесточенный лай. Долой риторика, теорія, исторія, никакихъ категорій, искусственныхъ подраздѣленій, никакихъ родовъ и видовъ... только читать сатирическія произведенія, изучать ихъ и составлять понятія о достоинствахъ языка ихъ (это было время Писарева, Добролюбова). Новые преподаватели словесности, сбитые и сбившіеся съ толку, производили кутерьму въ головахъ учениковъ, и дѣло шло страшно безобразно. Доходило до того, что разбирали на урокахъ словесности «Грозу» Островскаго, выясняли идеалы «Обыкновенной исторіи» Гончарова, его же «Обломова». Особенно Обломовъ, сталъ любимою темою такихъ необыкновенныхъ словесниковъ. Къ такимъ преподавателямъ принадлежалъ и *Р*. . . Впрочемъ онъ недолго былъ въ нашей Гимназіи.

Ко времени моего перехода въ Гимназію на жительство, составъ служащихъ значительно измѣнился, начиная съ директора или, лучше сказать, съ попечителя округа. По отъѣздѣ барона Николаи къ началу учебнаго года прибылъ новый попечитель баронъ *де Витте.* При немъ уже выбылъ изъ гимназіи А. К. Делленъ и назначенъ на его мѣсто А. Ѳ. Андріяшевъ, нашъ инспекторъ, а инспекторомъ назначенъ И. Я. Ростовцевъ. Законоучитель, тотъ же о. Василій, учитель словесности послѣ Р. . . *В. И. Лучицкій*, Исторіи *Должиковъ*, Географіи *Рудневскій*, Физики и Математики вмѣсто Петрушевскаго, возвратившагося по укрѣпленіи здоровья въ Петербургъ, *Илья Гавриловичъ Радкевичъ* и *Паліенко*, Естествоведенія-*Девьенъ*, Латинскаго языка вмѣсто Ростовцева, *Николай Панкратьевичъ Кустовъ*, Нѣмецкаго *К. Р. Мозинскій*; Французскаго, вмѣсто *Гедуана*, *Леплеръ*; кромѣ того *Ю. Э. Функе*, въ параллельныхъ классахъ, кажется и Латинскаго языка, *Н. Д. Успенскій*, за упраздненіемъ предмета законовѣдѣнія, то Латинскаго,то Русскаго языка; Ариѳметики — *Куликовскій.* Благодарю Бога, я былъ со всѣми ими въ добрыхъ отношеніяхъ, да и вообще всѣ мы жили очень согласно; я не помню ничего похожаго на интриги, сплетни или какія-либо подвохи и подкопы. Въ наиболѣе близкомъ общеніи я находился съ добрѣйшимъ Эразмомъ Игнатьевичемъ Куликовскимъ и Ильею. Гавриловичемъ Радкевичемъ, хотя и со всѣми, какъ сказалъ, не имѣлъ поводовъ къ непріятностямъ. Я не одобрялъ ихъ господствующаго обычая оттягивать уроки, который и теперь продолжался; но этотъ пунктъ, можно сказать, единственно рѣзко выдѣлялъ меня изъ общей среды, и оттого я и близокъ стоялъ къ тѣми изъ учителей, которые вмѣстѣ со мною стояли на сторонѣ строгаго порядка въ школѣ. Другое, съ чѣмъ я не могъ примириться, это куреніе на перемѣнахъ. Лишь кончится урокъ, почти всѣ спѣшатъ изъ учительской въ канцелярію, которая въ это время обращена была въ курительную комнату. Тѣмъ болѣе это тяжело было видѣть, что канцелярія находилась въ одномъ коридорѣ съ классами, только нѣсколько сбоку, ученики имѣли доступъ къ ней и могли наблюдать за своими учителями. Дурной примѣръ шелъ отъ учителей, а они какъ будто не сознавали этого. Было время, даже курили въ библіотекѣ, уже совсѣмъ смежной съ классами, и дымъ табачный проходилъ въ классъ. И это нисколько не смущало наставниковъ. Такіе непорядки продолжались и по возстановленіи нѣкоторой дисциплины въ Гимназіи, за что принялся съ энергіею новый инспекторъ Ростовцевъ. Будучи въ числѣ либеральныхъ людей въ бытность учителемъ, онъ, лишь сдѣлался инспекторомъ, увидѣлъ и призналъ необходимость сильной власти и принялся за дѣла горячо. И черезъ два-три мѣсяца, куда дѣлась эта распущенность учениковъ, это опаз-

дываніе съ перемѣнъ на уроки, эти шалости и шумъ и даже безчинства, что̀ царили въ Гимназіи въ инспекторство Андріяшева. Оживились надзиратели въ наблюденіи за учениками. Педели заполошились во время перемѣнъ. Лишь раздавался первый звонокъ, ученики быстро наполняли классъ и тотчасъ усаживались по мѣстамъ. Между 1 и 2-мъ звонкомъ, въ теченіе 5 минутъ ни одного ученика не видно въ коридорѣ, а въ классахъ всѣ на мѣстѣ въ ожиданіи прихода учителя. Большого труда, большихъ усилій стоило измѣнить къ лучшему донельзя распущенную Гимназію. И во все инспекторство Ростовцева до 1865 г. порядокъ въ гимназіи былъ образцовый. Великая его заслуга предъ 1-ой Гимназіею. Онъ спасъ ее и изгладилъ зло, причиненное ей безпорядочностью инспекціи Андріяшева. Тяжело вспомнить объ этомъ ужасномъ времени всяческихъ безпорядковъ. На жалобу преподавателя И. Я. Ростовцевъ уже не говоритъ, подобно Андріяшеву: наставникъ хозяинъ класса, онъ виною самъ, если нѣтъ порядка, и никакой фразы; напротивъ по первой жалобѣ учителя И. Я-чъ вникалъ въ дѣло, наказывалъ ученика строго, особенно за дерзкія рѣчи, непослушаніе, и у него ученикъ, а не учитель, былъ неправъ въ своей дерзости или непослушаніи. Оттого ученики боялись забываться, и даже грубѣйшія натуры сдерживались. Мнѣ не разъ приходилось приглашать И. Я. въ классъ, когда какой-либо грубый мальчикъ проявлялъ нетерпимое въ классѣ непослушаніе или говорилъ дерзко. Не задумывался его прибѣгать и къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Около этого времени поступилъ въ должность учителя Латинскаго языка въ параллельныхъ классахъ или низшихъ, не помню, А. А. Ивановъ, кандидатъ-педагогъ, ѣздившій за границу, человѣкъ, преданный классицизму всею душею и больше Грекъ и Римлянинъ, чѣмъ самъ Грекъ и Римлянинъ, но при этомъ человѣкъ крайне крутого нрава, тяжелый, желѣзный, немилосердный, какъ трудно представить, въ отношеніи къ ученикамъ, которые не знали, что и какъ, по его мнѣнію, нужно знать классику. Непомѣрныя его требованія въ отношеніи къ формамъ Латинскаго языка, строгость оцѣнки, приводили въ уныніе классы, изъ состава которыхъ два-три ученика могли удовлетворить неумолимаго педагога-классика, другихъ же до крайности ожесточали. Въ числѣ послѣднихъ былъ въ 4-мъ классѣ ученикъ, поступившій въ нашу Гимназію откуда-то недавно, малый грубый, дерзкій, не знавшій удержу, племянникъ коменданта Кіевской цитадели, генерала Мусницкаго. Онъ до крайности ожесточился противъ Иванова, который не щадилъ его, какъ лѣнтяя вообще. Тутъ и я подбавилъ съ своей стороны масло въ эту горѣвшую гнѣвомъ душу. И по Русскому языку этотъ ученикъ шелъ плохо, нерадиво, лѣниво, и моя настойчивость, требовательность и тоже оцѣнка по достоинству

вооружили его и противъ меня. Получивъ дурную отмѣтку съ назначеніемъ обязательной работы, этотъ ученикъ (фамиліи не припомню), наговорилъ мнѣ дерзости, и я пригласивъ И. Я. Ростовцева; И. Я-чъ, видя, что дѣло не пустое, по степени раздраженія, этого ученика, заключилъ его въ карцеръ, но тотъ вырвался и, схвативъ ножъ, сталъ бѣгать по зданію, ища Иванова и меня. Я уже жилъ въ это время въ Гимназіи, скрылся въ своей квартирѣ, пока его не обезоружили. И въ тотъ же день онъ былъ отправленъ изъ Кіева съ служителемъ въ домъ родителей. Будь это при инспекторствѣ Андріяшева, не знаю, чѣмъ бы могло дѣло кончится!.. Ростовцевъ впрочемъ, вообще обращался съ учениками тихо, внушительно-сдержанно, спокойно, и въ этомъ отношеніи онъ, можно сказать, вдругъ передѣлалъ себя въ другого человѣка изъ того, какимъ былъ, будучи учителемъ, вспыльчивымъ, крикливымъ, запальчивымъ. Его не слышно было въ коридорахъ и въ классахъ, и только рѣдко, рѣдко онъ выходилъ изъ себя и возвышалъ голосъ въ объясненіи съ какимъ-либо грубымъ мальчуганомъ. Такъ было собственно въ Гимназіи. Какъ дѣло велось въ пансіонѣ, я почти не знаю. Съ того несчастнаго чтенія, которое я съ такою любовью спѣшилъ предложить ученикамъ въ день пріобщенія Св. Таинъ, еще при Дабижѣ, и былъ жестоко ими оскорбленъ, съ того времени я уже ни шагу въ пансіонъ, вовсе не вмѣшивался въ его внутреннюю жизнь, въ его порядки, хорошіе ли, дурные. Еще болѣе оттолкнула меня отъ пансіона страшная холодность ко всему религіозному и церковному, которую дѣти, конечно, заимствовали отъ своихъ воспитателей, подобныхъ Рупневскому, Петрушевскому и пр. Разъ, тоже еще при Дабижѣ, я вызвался прочитать наканунѣ Св. Причащенія правило въ церкви, сталъ читать; но во время чтенія изъ послѣднихъ рядовъ, позади меня, доносились смѣхъ, топотъ, входили и выходили; словомъ, большинство вело себя весьма неблаговѣйно... развѣ только маленькія дѣти первыхъ двухъ классовъ оставались спокойны. Я изъ всего этого увидѣлъ, что не могу разсчитывать на какую либо пользу въ средѣ этихъ дурно настроенныхъ дѣтей, и пересталъ вовсе бывать въ пансіонѣ, навсегда, не будучи увѣренъ, что не получу оскорбленій изъ за угла или исподтишка. Поэтому не знаю близко, какъ шли дѣла у Ростовцева въ пансіонѣ. Пансіонеры затѣяли какое-то самоуправство, какой-то заговоръ противъ усиленнаго надзора. Ростовцевъ и тутъ настоялъ на немедленномъ увольненіи трехъ или четырехъ за разъ: тогда былъ уволенъ Юскевичъ-Красновскій, сынъ моего добраго учителя Ивана Доминовича, Замятинъ, въ низшихъ классахъ, прекрасное дитя, любимое мною и мнѣ преданное Ковричъ, Писаревъ.

Настойчивость, требовательность, при спокойномъ отношеніи къ дѣлу и рѣшительныя мѣры, произвели свое благотворное дѣйствіе: дисциплина въ Гимназіи была возстановлена. И съ этой поры наступаетъ для меня пора самаго спокойного мирнаго труда въ средѣ дѣтей почтительныхъ, послушныхъ, исполнительныхъ, ведущихъ себя безукоризненно, отлично. Къ числу мѣръ, которыя въ моихъ классахъ, т. е. тамъ, гдѣ предстоялъ мой урокъ, поддерживали порядокъ со стороны инспекціи, я употреблялъ и свое личное вліяніе на дѣтей. Каждый разъ, по приходѣ въ классъ, особенно въ 1-мъ 2-мъ классахъ, гдѣ было больше времени, я прочитывалъ дѣтямъ что-либо. Такъ по частямъ я прочитывалъ цѣлую большую повѣсть изъ дѣтскихъ журналовъ. Дѣти очень любили слушать, очень дорожили случаемъ послушать хорошаго чтенія... и вотъ лишь только наступало время моего урока, въ классѣ водворялась необычайная тишина; дѣти знали, что лишь пробьетъ звонокъ, я явлюсь тотчасъ, и сидѣли съ напряженнымъ ожиданіемъ моего прихода. Отрадно было на душѣ, когда вступалъ я въ классъ, точно пустой, такая была тишина невозмутимая. Иногда я не могъ скрыть улыбки удовольствія, и урокъ начинался чтеніемъ. Что̀ бы ни читали, много ли, мало ли, дѣти всѣ поднимались послѣ чтенія и поклономъ благодарили за чтеніе. Иногда я читалъ и въ концѣ урока, и даже значительную часть урока занималъ чтеніемъ, когда видѣлъ, что урокъ приготовленъ хорошо, знаютъ отчетливо, пишутъ правильно заданное, напр., стихотвореніе и пр. Тогда въ награду, я что нибудь читалъ. Когда же, случалось, я заставалъ классъ въ нѣкоторомъ непорядкѣ, я не читалъ, объявляя, что лишаю ихъ чтенія въ наказаніе за непорядокъ. На другой разъ уже приходя въ классъ, я могъ вполнѣ насладиться примѣрнымъ порядкомъ и, конечно, опять читалъ. Такъ дѣти привыкли къ такому порядку предъ моими уроками, что надзиратели и инспекторъ, проходя мимо класса, могли уже напередъ знать, что это будетъ мой урокъ, когда видѣли классъ въ полнѣйшемъ порядкѣ. Благодареніе Богу, такимъ образомъ дѣло у меня продолжало идти чрезъ цѣлыя 12 лѣтъ, съ 1862 по 1874 годъ; я вполнѣ наслаждался миромъ, и бывали годы, когда я, можно сказать, не имѣлъ надобности возвышать голосъ, говоря съ дѣтьми. И за все это я не могу не поблагодарить сердечно.

ЮРІЙ НИКИТИЧЪ БАРТЕНЕВЪ [1]).

1843.

Жизнь въ Крыму.

15-го Іюня 1843 года Юрій Никитичъ выѣхалъ съ семьею своею изъ Кореиса, чтобы въ Симферополѣ посовѣтоваться съ докторомъ Мильгаузеномъ; больной возлагалъ большія надежды на лѣченіе грязевыми ваннами. По дорогѣ онъ, какъ любитель ботаники, рѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ Гартвиса, директора Никитскаго сада, и пожить въ этомъ уже тогда образцовомъ учрежденіи. Предоставляемъ ему самому описывать свою поѣздку, такъ какъ дневникъ его за это время сохранился почти въ полномъ видѣ (конечно здѣсь приводятся только выдержки изъ этого дневника наиболѣе изображающія этого достопамятнаго человѣка). Ю. Б.

Вторникъ, 15-го Іюня 1843. Никитскій садъ.

Собрались окончательно. Проснувшись еще рано поутру, я услышалъ проливный дождь, какого въ Россіи рѣдко бываетъ; мнѣ вообразилось, что такой дождикъ бываетъ подъ тропиками. Сестра князева [2]) прислала къ намъ одного изъ своихъ поваровъ съ предложеніемъ изготовить намъ обѣдъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она прислала и свои припасы. Приходили прощаться Лиза, Ольга Карловна, управитель, у котораго я взялъ только что починенный въ Мисхорѣ шарабанъ; бричку съ кладью мнѣ привелось оставить, потому что проѣхавшій въ Алупку Крымскій губернаторъ забралъ лошадей: мнѣ досталось только четыре лошади. Вотъ, послѣ обѣда, помолившись Богу, отправились въ путь; бричку обѣщали вслѣдъ за нами отправить часа чрезъ два. До Ялты десять или двѣнадцать верстъ ѣхали мы, наслаждаясь и природою, и свѣжестью горнаго воздуха; проѣзжали двѣ Оріанды, царскую и покойнаго графа Витта. При въѣздѣ въ городокъ встрѣтили мы князя Козловскаго, присовѣтовавшаго намъ ѣхать далѣе и не останавливаться въ трактирѣ, чтобъ дождаться брички. На почтѣ я оставилъ бумагу, чтобъ

---

[1]) См. Р. Архивъ 1898, III, 516.

[2]) Т. е. Елисавета Михаиловна Кологривова, сводная сестра князя А. Н. Голицына, домашнимъ секретаремъ котораго жилъ Ю. Н. Бартеневъ на южномъ берегу Крыма. Ю. Б.

мои письма пересылать въ Симферополь. Поздненько уже мы отправились изъ Ялты; дождевыя тучи сбирались, но мы успѣли доѣхать до поворота въ Никитскій садъ. Дорога въ этотъ садъ довольно стремниста, мы вышли и пошли пѣшкомъ. Смеркалось; тѣни по дорогѣ было очень много; шарабанъ уѣхалъ впередъ, и даже звонъ колокольчика не былъ слышанъ, все молчало, и вотъ мы услышали говоръ людской; форейторъ озаботился идти къ намъ навстрѣчу, предполагая, не заплутались ли мы, и онъ шелъ въ сопровожденіи г. Гартвиса, директора Никитскаго сада, и его супруги, которые вышли встрѣтить утомленныхъ путешественниковъ. По приходѣ, горячій чай ожидалъ уже насъ, а вскорѣ и свѣжія постели со всѣми принадлежностями. Моя кровать была коротка; я худо спалъ, безпокойныя сновидѣнія тревожили меня. Поутру вяло и съ затрудненіемъ исполнялъ долгъ свой, около получаса сократилъ свое занятіе, если не по немощи, то по невозможности*). Самочестивое и адамическое самолюбіе нашептывало мнѣ о казуистической исправности моей.—Почтмейстеръ Ялтскій очень простъ мнѣ показался. Видѣлъ въ Ялтѣ Жида Бухштаба, который предлагалъ мнѣ квартиру; видѣлъ и аптекаря, пріѣхавшаго ко мнѣ на станцію и привезшаго спиртъ, которымъ я тру ногу и спину. Господи, да будетъ воля Твоя! Сохрани насъ грѣшныхъ невредимо!

Середа, 16-го Іюня. Никитскій садъ.

Я спалъ дурно, кровать была коротка; халата надѣть нельзя было, потому что онъ вмѣстѣ съ прочими вещами оставался въ бричкѣ. Дождь ливмя лилъ, барометръ опустился. Пособіе большое однако было въ хозяинѣ; разговоры были съ нимъ безпрестанные; всякое слово его было плодомъ девятнадцатилѣтней опытности, ибо столько живетъ на южномъ берегѣ Крыма и управляетъ Никитскимъ садомъ, разведеннымъ съ 1812 года. Мнѣ больно было, что, послѣ стольких лѣтъ постояннаго желанія увидѣть этотъ садъ, чаяніе мое не сбывалось; предъ обѣдомъ дождь поуменьшился, и хозяинъ пригласилъ меня пройтись по саду въ калошахъ и съ зонтикомъ. Дѣйствительно, было чего поглядѣть. Мы пошли по нижнему саду, который обращенъ къ морю. Это родъ Англійскаго сада; вездѣ деревья съ густою тѣнью и тамъ, гдѣ въ Англійскихъ садахъ разбросаны обыкновенныя деревья, въ саду Никитскомъ красуются деревья отборныя, имѣющія каждое свое значеніе. Надглядный, бѣглый взглядъ не оставляетъ ясныхъ и отдѣльныхъ впечатлѣній, и потому коечто могу лишь припомнить изъ видѣннаго мною. Видѣлъ Калифорнскую

*) Т. е. такъ называемое „царственное дѣяніе“, религіозно-аскетическое упражненіе, состоящее въ повтореніи съ извѣстными пріемами „молитвы Іисусовой.“ Ю. Б.

сосну, это родъ рѣдчайшаго и полезнѣйшаго пинуса; сосна порядочнаго роста и не въ одномъ экземплярѣ. Видѣлъ нѣсколько экземпляровъ тертулліи или Китайскаго зонтика съ вѣчно зеленымъ штамбомъ и широкими подтропичными листьями. Видѣлъ маленькую аллейку, обсаженную по обѣимъ сторонамъ кустарниками, и эти кустарники суть все разнаго вида виноградъ, котораго здѣсь до трехсотъ сортовъ въ одномъ мѣстѣ собрано. Видѣлъ плющъ особеннаго рода, яркой зелени, который совершенно закрылъ стѣну теплицы; свойство его пускать корни въ оштукатеренную даже стѣну. Лавровыя деревья здѣсь распрекраснѣйшія, они покрыты какимъ-то блестящимъ глянцомъ. Множество деревьевъ и кустарниковъ вѣчно зеленѣющихъ и листъ которыхъ даже не опадаетъ и зимою. Видѣлъ нѣсколько новоголландскихъ растеній: эти въ кадкахъ или ящикахъ выставлены на воздухъ. Одно между ними растеніе, у котораго вмѣсто плода родъ щетки. Видѣлъ распрекраснѣйшую акацію также изъ Новой Голландіи. Кипарисы здѣсь свѣжи, высоки и величественны; они обыкновенно пирамидальны, но есть и другого рода кипарисы, такъ называемые Восточные. Въ саду во многихъ мѣстахъ сохранились и прежнія деревья, которыя росли на этомъ мѣстѣ и тогда, какъ еще и садъ не существовалъ; они очень сохранились, сколиственны и громадны. Обыкновенно деревья эти или орѣшина, или ясень, терпентинное дерево. Николай Андреевичъ сказалъ, что эти аборигены не безъ гордости посматриваютъ на вытѣсняющее ихъ новое поколѣніе. Часто подъ этими старыми деревьями подѣланы лавочки, на которыхъ отдыхать можно. Сквозь непересѣкающуюся тѣнь деревьевъ есть мѣсто, гдѣ можно видѣть и море въ грозномъ его величіи; городокъ Ялта съ его гаванью виднѣется вправо отъ Никиты въ самомъ близкомъ разстояніи, хотя по горамъ мы немалое проѣхали разстояніе. Дождикъ снова ливмя полилъ, и мы принуждены были возвратить ся домой, гдѣ насъ ожидалъ обѣдъ, за которымъ отвѣдывали мы до десяти сортовъ стараго вина, изготовляемаго также подъ непосредственнымъ присмотромъ самого хозяина. Вино было отличное, особенно подъ именемъ стараго Испанскаго мушката; пробовали мы вино и изъ винограда изабель, который такъ мнѣ нравится. Бургонскія красныя вина также отличнѣйшія; словомъ, въ отношеніи винъ желать лучшаго невозможно. Дождь ливмя продолжалъ лить, и хозяинъ сказывалъ, что онъ не запомнитъ подобнаго случая во всѣ девятнадцать лѣтъ своего пребыванія въ Крыму; столь продолжительные дожди въ Іюнѣ почти никогда не бываютъ на Южномъ берегу. Хозяинъ показывалъ мнѣ проектъ заготовляемаго имъ каталога растеніямъ, который богатствомъ именъ затмитъ всѣ прочіе каталоги въ Россіи. Г. Гартвисъ, кромѣ казенной, имѣетъ и свою библіотечку; кромѣ ботаническихъ книгъ, у

него есть и многія другія. Я видѣлъ шесть или семь толстыхъ томовъ Риттерова описанія Азіи, сочиненія котораго я еще и самъ не зналъ, хотя мнѣ и извѣстно было Риттерово описаніе Африки; въ шкафѣ его есть и Кальдеронъ, есть любимый имъ Гёте, а Шиллеръ, по словамъ его, болѣе сподрученъ юношамъ. Дождь лилъ не перемежаясь, и онъ все поглядывалъ въ окошки и выходилъ на балконъ; я самъ очень тосковалъ, но не хотѣлъ этого показывать. Безпрестанно поглядывали на барометръ, но надежда была плоха. Заснули, уповая на милость Божію: авось либо время перемѣнится. Поутру я исполнилъ свою обязанность, но все таки минутъ двадцать пять отнялъ отъ положеннаго времени: часа и пяти минутъ. Я много болталъ, много пробовалъ вина и много разсѣевался въ этотъ дождливый день моего путешествія.

Четвертокъ, 17-го Іюня. Станція Бíюкъ-Дамбатъ.

Просыпаясь поутру, я трепеталъ о погодѣ; къ счастію она оказалась ясною. Дождь унялся, солнце сіяло Іюньскимъ свѣтомъ. Напившись чаю, хозяинъ пригласилъ насъ на ботаническую экскурсію. Мы снова прошли около Линнеева памятника, которому во время даже самаго дождя мы съ хозяиномъ отвѣсили по низкому поклону. Теперь мы пробрались въ такъ называемый верхній садъ, котораго вчера не видали. Площадки верхняго сада обширныя; на нихъ выросли деревья и заведена школа, принадлежащая нѣкоторымъ сходственнымъ фамиліямъ, напримѣръ, площадка съ абрикосами, персиками, сливами возможныхъ видовъ и вкусовъ. Посрединѣ площадокъ устроены дорожки, способствующія прогулкѣ. Хозяинъ повелъ насъ въ обширное отдѣленіе, гдѣ помѣщены лѣсныя деревья Сѣверной Америки и прочихъ странъ. Я видѣлъ прелестныя ясени, которыхъ въ саду до тридцати сортовъ; видѣлъ буковъ, видѣлъ кленовъ, между которыми одинъ видъ клена Канадскаго, и въ немъ заключается чистѣйшее вещество для сахара. Видѣлъ кедръ Ливанскій порядочный уже ростомъ. Видѣлъ Сѣверо-американскіе орѣхи двухъ родовъ, величественныя и граціозныя деревья. Видѣлъ собраніе дубовъ и между ними видъ Американскаго, разпрелестнѣйшій съ широкими и матово-зелеными листьями. Видѣлъ помѣщеніе для пинусовъ; здѣсь сосны и ели Чилійскія, Китайскія, всякія, и все это должно приносить вкусный плодъ въ свое время. Это отдѣленіе сада особенно меня заняло; кое-гдѣ разбросаны купы старыхъ деревьевъ, дающихъ прохладную тѣнь во время зноя. Находившись съ Варенькою и хозяиномъ досыта, мы возвратились отдохнуть въ домъ, а потомъ по приглашенію хозяина и вновь пустились въ другой уже разъ. Опять пошли вторично съ Варенькою и г. Гартвисомъ въ нижній садъ; на сей разъ дождь намъ не мѣшалъ. Мы посѣтили и тѣ от-

даленныя отдѣленія сада, въ которыхъ вчера не были по причинѣ дождя. Въ нижнемъ концѣ сада остановила вниманіе наше дубовая рощица, но изъ такихъ дубовъ, которыхъ въ Россіи не увидишь въ натуральномъ грунтѣ. Хотя деревья и называють дубами, но они не дубы, а скорѣе пробочныя деревья chênes-lièges, ибо изъ ихъ корки добываются наши обыкновенныя пробки; Гартвисъ срѣзалъ немного и предложилъ нашей спутницѣ. Недалеко отъ этой замѣчательной рощицы, другая не менѣе занимательная роща изъ старыхъ миндальныхъ деревъ насъ встрѣтила. Г. Гартвисъ сказывалъ намъ, что не только тѣ деревья отцвѣли благополучно, но даже завязался и плодъ, какъ вдругъ зловѣщій морозъ поразилъ и сжалъ своимъ хладнымъ дыханіемъ. Недалеко отъ мѣста сего я замѣтилъ нѣсколько деревьевъ инжира или фиговыхъ; такого роскошества въ прозябаніи я еще мало видывалъ: это дерево по своему штамбу, большимъ бархатистымъ листьямъ и какому-то особенному выраженію, очень похоже на подтропичное. Въ мѣстахъ, не занятыхъ кустарниками, особенно возлѣ дорожекъ, насажены цвѣты и пахучія растенія; въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ и чудную луцерну, которую и здѣсь можно скашивать по четыре раза въ годъ, между тѣмъ какъ въ Испаніи она скашивается и болѣе разъ. Эта трава похожа на траву картофеля, и я ее видѣлъ довольно высокою и разложистою не болѣе какъ послѣ четырехъ дней перваго скошенія. Не надобно тогда овса лошадямъ, когда бы можно было кормить ихъ одною луцерною; боятся лишь ее давать, потому что скотъ объѣдается ею и заболѣваетъ. Я сказалъ о благовонныхъ растеніяхъ: по окраинамъ дорожекъ стелются густыя полосы Лавандулой травы; она здѣсь такъ обыкновенна, какъ клеверъ въ Россіи; сѣютъ ее и въ Лифляндіи, но на зиму закрываютъ соломою, здѣсь же она пахуча и растительна и отдана подъ сохраненіе неизмѣнной теплоты Крымскаго воздуха, лишь для меня одного суроваго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около дорожекъ красуются пышныя цвѣты умильнаго для нихъ неба Тавріи. Здѣсь роза, нѣжная, роскошная въ яркихъ отливахъ своего цвѣтенія, взбѣжала на высокое дерево и причудливо свѣтится красою своею между яркою и густою его зеленью. Эта роза смѣтливымъ Гартвисомъ названа графинею Воронцовою и извѣстна уже подъ этимъ названіемъ въ Гамбурскомъ и Англійскихъ каталогахъ садоводства. Любители наперерывъ ищутъ пріобрѣтать этотъ милый цвѣтокъ, эту особенную разность (varietas) розы изъ обширнаго ея поколѣнія. Иногда встрѣчается роза и другого рода, роза уединенная съ матовымъ отливомъ бѣлизны, неподражаемо свѣжимъ. Этотъ видъ цвѣтка называется rosa unica, единственная. Мы встрѣтили цвѣтокъ: кавалерскую звѣзду, затѣйливую игру природы; встрѣтили райскій кринъ величавый и важный цвѣтъ, который напо-

мнилъ намъ библейское выраженіе. Но что̀ болѣе тронуло меня, особенно въ отдаленныхъ отдѣлахъ сада, гдѣ красуются лѣсные деревья и кустарники, собранные со всѣхъ тѣхъ частей свѣта, гдѣ температура и широта хотя немножко a priori можетъ согласоваться съ Никитскою: это дивныя лиліи. На высокихъ своихъ стебляхъ нѣжится этотъ благородный и скромный цвѣтъ всегда отрадный чистому оку по своей бѣлизнѣ и свѣжести. Пріятно было взглянуть, какъ чародѣй Гартвисъ заставилъ виноградную лозу взбѣжать на высокое сѣнолиственное дерево; лоза смѣло повѣсилась и обвила станъ его, какъ бы зная, что это непротивно дереву. Отцвѣтшія лозы висятъ между листьями его и приводятъ въ недоумѣніе нагляднаго наблюдателя, что̀ бы это было за прозябеніе? Никитскій садъ есть обаяніе не для одного лишь чувства зрѣнія: проходя тропинками его, обоняніе періодически также поражается; различное благовоніе кустовъ не перемеживается и сопровождаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ до пріятнѣйшаго запаха цвѣта винограда, который, походя на резеду, разносится по воздуху, какъ благодарный ѳиміамъ Творцу.

Пріѣхавъ въ Симферополь, Ю. Н. Бартеневъ поселился на приготовленной уже ему квартирѣ въ домѣ нѣкоего Ланга, доктора въ отставкѣ.

Суббота, 19-го Іюня. Гор. Симферополь.

Вчера посѣтилъ насъ хозяинъ здѣшняго дома и Е. Жегочевъ, Петербургскій знакомецъ, который и сегодня приходилъ къ намъ и обѣдалъ, чѣмъ Богъ послалъ. Кухарка была хозяйская и невеликая мастерица, а та, которую заблаговременно для насъ наняли, та, какъ видно, отказалась. Жегочевъ доставилъ нѣсколько Русскихъ газетъ, продолженіе прочитаннаго въ Кореисѣ. Принесли съ почты пространное и занимательное письмо отъ Максимовича и книги, назначаемыя имъ въ подарокъ для князя А. Н. Голицына. Тутъ приложено было и для меня сочиненіе Кулѣша, романъ, гдѣ описывались Малороссійскіе нравы. Я поглодалъ его, но онъ мнѣ что-то не полюбился. Еще письмецо изъ Петербурга отъ вдовы Скворцовой, и Французскій табакъ отъ Ив Петр. Егорова. Тотъ же табакъ, что̀ я привезъ изъ Кореиса, для меня уже не годился, ибо плетеная бутылка, въ которой онъ находился, разбилась въ дорогѣ отъ небреженія моего камердинера. Я бы и не остановился описывать такую мелочь, если бъ я не сдѣлалъ по сему предмету великаго, безумнаго и непростительнаго паденія: я до того разсердился на моего человѣка, что вышелъ изъ себя и поколотилъ его... Поутру исполнилъ вяло мою обязанность и отнялъ слишкомъ полчаса отъ моего обычнаго занятія.

Воскресенье, 20-го Іюня.

Сегодня посѣтили меня губернскій почтмейстеръ, здѣшній помѣщикъ Султанъ-Гирей и Жегочевъ, который и обѣдалъ у меня. Султанъ разсказывалъ мнѣ разныя занимательныя подробности про здѣшній бытъ. Доказалъ мнѣ, какъ пять пальцевъ, какъ бы выгодно было вмѣсто виноградныхъ лозъ разводить сады фруктовые. Въ Алуштѣ за фрукты съ трехъ только грушевыхъ деревъ нѣкто получилъ въ прошломъ году до 700 рублей. Но въ то время, когда съ пользою можно бы было разводить плодовыя деревья, всѣ бросились на виноградъ, и всѣ обочлись. Съ нѣкотораго времени всѣ принялись за саженье плодовыхъ деревьевъ: Султанъ посадилъ лучшихъ сортовъ таковыхъ деревьевъ нынѣшнюю весну до 1200 штукъ. Почтмейстеръ, изъ солдатскихъ дѣтей, былъ въ Италіи, на Кавказѣ, въ Сибири и наконецъ поселился и служитъ здѣсь. Человѣкъ, кажется, простой и добрый. При немъ принесли мнѣ посылку съ почты изъ Кологрива, отъ Сирина: посылка состояла въ изображеніи построекъ тамошняго уѣзднаго училища, гдѣ онъ служитъ штатнымъ смотрителемъ[1]). Послѣ обѣда пошелъ гулять по городу вмѣстѣ съ Жегочевымъ; городъ показался мнѣ пустъ и выстроенъ на Азіатскій манеръ. На нѣкоторыхъ улицахъ нѣтъ домовъ съ окошками, а стоятъ они къ улицѣ пустою стѣною. Я заходилъ къ Казначееву, но его не засталъ; заходилъ къ Султану и гулялъ въ его садикѣ. Жена у него Англичанка, мать восьмерыхъ дѣтей и, кажется мнѣ, добрая женщина. Ходилъ гулять по здѣшнему публичному саду; онъ новъ, но деревца въ немъ свѣжи и прекрасны. Мелькомъ взглянулъ на губернатора здѣшняго, который прохаживался въ саду со своею молодою женою. О губернаторѣ говорятъ хорошее[2]). Поутру занимался своею обязанностію, но нѣсколько только минутъ: почувствовалъ нѣкоторую дурноту... Я весь въ какомъ-то разсѣяніи и какъ будто оторопѣлъ: въ чувствахъ нѣтъ благоговѣнія... Помоги Господи!

Понедѣльникъ, 21-го Іюня.

Вотъ и желанный сердцу моему докторъ Мюльгаузенъ посѣтилъ меня; тотъ врачъ, для котораго я сюда и пріѣхалъ. Я съ нимъ не видался около двадцати пяти лѣтъ. Онъ меня пользовалъ, когда я еще былъ офицеромъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и далъ мнѣ докторскій совѣтъ—жениться. Онъ переѣхалъ изъ Петербурга сюда на житье и проживаетъ здѣсь въ Крыму благополучно слишкомъ двадцать два года. Лицо у него еще свѣжее, патріаршее, и онъ можетъ безъ очковъ читать очень мелкую печать. Онъ, поразпросивши меня хорошенько,

---

[1]) Ю. Н. Бартеневъ долго служилъ директоромъ Костромской гимназіи и училищъ. П. Б.

[2]) Это былъ Матвѣй Матвѣевичъ Муромцовъ. Его Записки въ „Р. Архивѣ" 1890. П. Б.

прописалъ мнѣ пилюли и пластырь на лайкѣ для прикладыввнія къ больному мѣсту. Что же касается до цѣлебныхъ грязей, то онъ не находитъ нужды, чтобъ я ѣхалъ туда; да сомнѣвается еще, чтобъ грязи и были готовы, смотря на нынѣшнее дождливое лѣто. Грязи изготовляются природою тогда, когда соленая вода изъ озера испаряется отъ жаровъ и чрезъ то оставляетъ закраины озера влажными, собираясь только на середину онаго.—Принесли мнѣ газеты и письма. Первое, изъ Петербурга, отъ Ивана Петровича Егорова; второе, изъ Вытегры, отъ г. Яна; изъ Петербурга, отъ бр. Семенова и отъ сестрицы князевой изъ Ялты. Послѣдняя очень благосклонно пишетъ, что новаго ничего нѣтъ.—Ходилъ, какъ сдѣлалось полегче, что̀ случилось послѣ полудня, въ одну изъ здѣшнихъ аптекъ къ Е. Христлибу. Аптека прекрасная; самъ аптекарь человѣкъ молодой, вѣжливый, образованный. Я нашелъ много новоизобрѣтенныхъ иностранныхъ медикаментовъ и взялъ на осмотрѣнье двѣ новыя машинки для промыванья, Англійскаго изобрѣтенія. Вечеромъ посѣтилъ меня, кромѣ Жегочева, здѣшній помѣщикъ Гротенъ, который живетъ близко Симферополя у подошвы горъ. Онъ разсказывалъ про Чатыръ-Дагъ, на которомъ нѣсколько разъ бывалъ; говорилъ, что на немъ пасется лѣтомъ около 30,000 овецъ. Онъ уже здѣсь живетъ давненько и улучшаетъ довольно обширную свою маетность (слишкомъ 2000 десятинъ). Онъ сказывалъ мнѣ, что три раза онъ обязанъ излѣченіемъ своимъ старцу Мюльгаузену и все въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ коихъ одинъ, что Мюльгаузенъ излѣчилъ его отъ рака въ горлѣ. Поутру я исполнилъ свой долгъ сперва трудненько (много было сорныхъ травъ), впослѣдствіи мирнѣе. Цѣлый день ничего не ѣлъ. Былъ въ разсѣяніи, ничего къ собранію духа не читалъ. Многотерпѣливый Господи, потерпи меня!

Вторникъ, 22-го Іюня.

Приходилъ ко мнѣ Казначеевъ, показывалъ свое участіе, предлагалъ прогуляться по здѣшнимъ окрестностямъ; я ему заплатилъ деньги за варенье, которое онъ прислалъ ко мнѣ въ Кореисъ. Но болѣе удовольствія доставилъ онъ мнѣ тѣмъ, что прислалъ четыре книги «Москвитянина», которыя я цѣлый день и разсматривалъ. Душа моя со вчерашняго дня въ нѣкоторомъ волненіи; въ ней блуждаетъ любострастный помыслъ. Господи, довольно въ жизни моей я заплатилъ даней этому пороку, не допусти пасть мнѣ во внутренности сердца моего, которая должна быть посвящена Господу. Домашніе мои ходили на рынокъ за покупкою разныхъ необходимыхъ вещей для дома: чашекъ чайныхъ, сахару, чаю, прованскаго масла и проч. и проч. Было холодно и дождливо. Желудокъ мой все еще не устроился. Во снѣ видѣлъ Ѳедор. Иван.

Прянишникова, въ какихъ-то былъ съ нимъ объясненіяхъ; онъ не отвѣчалъ мнѣ на мои два письма къ нему; пусть сердится, лишь бы Богъ не гнѣвался.

Середа, 23-го Іюня.

Читалъ Philosophie Divine; писалъ къ князю письмо. Обѣдалъ Жеточевъ. Послѣ обѣда пошли мы за городъ къ старику Мюльгаузену. Пройдя мостъ, мы пошли около города; время было нехолодное. На концѣ города продолжительные фруктовые сады, обнесенные каменною стѣною, которой конца нѣтъ. Домъ у Ѳедора Карловича большой. Лѣтомъ, должно быть, въ немъ очень прохладно, а теперь даже и сыренько; стѣны въ обширной комнатѣ, съ которой выходъ въ садъ, расписаны al fresco. Садъ у него на пятидесяти десятинахъ; плодовыя деревья посажены у него въ симетрическомъ порядкѣ, кажется мнѣ, на четырехъ-саженномъ разстояніи. Если есть въ промежуткахъ деревья и ближе посаженныя, какъ то вишня, черешня, слива, то хозяинъ хочетъ ихъ вырубить, чтобъ не мѣшали расти дорогимъ грушамъ и яблокамъ. Новый садъ засадилъ самъ хозяинъ; фрукты съ него обыкновенно поступаютъ въ продажу, а предъ домомъ его есть садикъ, какъ бы собственно хозяевамъ принадлежащій. Есть и другой садъ у хозяина, прежде его насаженный; тамъ и водяная мельница. Въ этомъ саду деревья старыя; я видѣлъ величественную осокорь, populus nigra, видѣлъ бѣлый тополь, видѣлъ вишни и черешни колосальной величины и толщины. Теперь въ саду фруктовъ нѣтъ, а когда урожай, тогда ихъ бездна; отъ красныхъ вишень деревья всѣ красны дѣлаются. Хозяинъ легокъ на подъемъ, бѣгаетъ какъ молодой человѣкъ, перелѣзаетъ чрезъ заборы, переходитъ чрезъ перекладинку ручьи, отворачиваетъ большіе каменья, которыми припираются садовые вороты. Благословенная старость! Память у него пресчастливая. Я очень усталъ и спалъ не такъ покойно. Предъ прогулкою кровь вступила мнѣ въ лицо, голова была нѣсколько тяжела, на прогулкѣ все прошло. Вчера и сегодня поутру исполнялъ долгъ свой не такъ удовлетворительно, въ обоихъ разахъ не выполнилъ положеннаго времени. Любострастные помыслы и сегодня не оставляли меня; я вяло сражаюсь съ ними, сила порочной привычки вмѣстѣ съ грѣхомъ тяготѣетъ на мнѣ; впрочемъ уповаю на милость Господа моего и призываю святое Его имя и всесильную помощь.

Четвертокъ, 24-го Іюня.

Цѣлый почти день была дождливая погода съ порывами вѣтра, съ отдаленными перекатами грома; вчерашнюю же ночь дождь такъ уси-

лился, что пробило дождемъ потолокъ и смочило софу, на которой я обыкновенно пишу. Получилъ изъ Ялты множество газетъ и письма, отъ Елиз. Михайловны, отъ Власенкова изъ Петербурга и отъ брата изъ Костромы. Сообщена мнѣ копія съ бумаги, присланная министромъ народнаго просвѣщенія къ князю о принятіи Государемъ Императоромъ въ свои пансіонеры дѣтей Спасскаго. Это вслѣдствіе моей просьбы, которая отмѣчена въ свое время въ журналѣ. Докторъ Мюлгаузенъ, не смотря на ненастную погоду, посѣтилъ меня, и я поразсказалъ ему о нашей Печорской кампаніи. Послѣ обѣда пошелъ съ Жегочевымъ прогуливаться, ходили по здѣшнему саду; любострастныя мысли меня не оставляютъ, а въ нѣкоторомъ смыслѣ даже усиливаются. Онѣ слѣдятъ меня, и я, какъ ладья вѣтромъ колеблемая, ношусь по пучинѣ грязной зыби. Господи, помоги мнѣ! И сегодня старался я исполнить долгъ свой, но десять минутъ все таки вычелъ по нетерпѣнію и недостоинству изъ моего занятія.

Пятница, 25 го Іюня.

Во весь этотъ день я чувствовалъ легкое спазматическое состояніе въ желудкѣ, которое заставило меня вставать и ночью. Въ аптекѣ я встрѣтилъ молодаго человѣка, Серба; былъ у предсѣдателя Казенной Палаты, онъ жаловался намъ, что цѣлый годъ, какъ Крымская лихорадка ломаетъ всѣ его суставы. Изрядное утѣшеніе въ будущемъ! Писалъ письма къ князю, сестрѣ его и отвѣтъ Сирину въ Кологривъ и все это отправилъ на почту. Исполнялъ долгъ свой, но далеко не выполнилъ назначеннаго времени. Получа 6-ю книгу «Отечественныхъ Записокъ», я такъ заинтересованъ былъ статьею о Пушкинѣ, что даже и ночью нашелъ время почитать ее нѣсколько [1]).

Суббота, 26-го Іюня.

Проливный дождь съ ударами грома, съ блескомъ молніи почти весь день продолжался; поутру я зачитался «Отечественныхъ Записокъ», и такимъ образомъ цѣлый почти день не одѣвался. Поразило меня въ журналѣ извѣстіе о смерти поэта Теплякова [2]); съ которымъ я былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ; это были и пріятельскія, и литературныя связи. Отъѣзжая въ чужіе края, онъ поручилъ мнѣ свою пріятельницу, прелестнѣйшую дѣвицу, какую когда-либо я встрѣчалъ, настоящую розу

---

[1]) Это и были знаменитыя статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ. Ю. Б.

[2]) Викторъ Алексѣевичъ Тепляковъ, путешественникъ по Болгаріи и поэтъ. Его стихотворенія изданы въ 2-хъ томахъ въ 1832—1836. Пушкинъ былъ лично знакомъ съ нимъ, называлъ его „Мельмотомъ-скитальцемъ", цѣнилъ его поэтическій талантъ и посвятилъ его „Ѳракійскимъ элегіямъ" сочувственный разборъ. Ю. Б.

по свѣжести. И она даже въ день отъѣзда его успѣла измѣнить ему по моимъ предложеніямъ и денежному обольщенію...... Это родъ черты изъ записокъ Казановы; дѣло дурное и развратное въ моей жизни, обильной еще большими въ этомъ родѣ происшествіями. Богъ и Господь, очисти мою и его душу, ради безмѣрной любви Твоей къ роду человѣческому. Смерть Теплякова была, по словамъ письма очевидца, очень тяжела. Какова-то моя собственная кончина будетъ? Какъ мнѣ предстать предъ судомъ Великаго Судіи, обрызганному и обезображенному всѣми видами любострастія? Боже, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ; помилуй, ради милосердія Твоего, и его душу. Въ продолженіе такого ненастнаго времени боль въ лѣвомъ боку моемъ усилилась; комнатная сырость также на меня большое имѣла вліяніе, такъ что меня порядочно прикрутило. Занятіе имѣлъ сегодня поутру неполное, но безъ особенной тягости. Вождѣлевательная сила воли слаба, очень слаба искать во глубинѣ Господа. Приснился мнѣ сонъ: вижу тяжелое и мрачное облако, закрывшее горизонтъ, и посреди этого облака колоссальное кадило, движимое на пространствѣ размѣра великаго; ѳиміама на кадилѣ не замѣтилъ.

Воскресенье, 27-го Іюня.

Пришли ко мнѣ два Еврея, старый и молодый; они здѣсь рѣзчики на камнѣ. Старый за свое искусство получилъ брильянтовый перстень отъ Государя. Я имъ отдалъ свой камень topaze fumé, подаренный мнѣ княземъ предъ выѣздомъ его изъ Петербурга. Молодой Еврей новаго образованія; я ему сказалъ, что пріуготовляется для нихъ правительствомъ полная система образованія. «Образованіе составитъ наше несчастіе, отвѣтствовалъ молодый.—Какимъ это образомъ?—Образованіе еще болѣе ослѣпитъ нашъ несчастный бытъ, и мы будемъ болѣе постигать ничтожество наше». Вообще я замѣтилъ, что Евреи, въ нѣкоромъ смыслѣ примыкающіе къ Одессѣ, гораздо облагороженнѣе, чѣмъ всѣ другіе Евреи, которыхъ мнѣ удавалось встрѣчать въ жизни. Пріѣзжали къ намъ съ визитомъ супруги Казначеевы; посидѣвши немножко, удалились. Вообще я излишне полагался на пріязнь Казначеева: одна лишь нахлестанная учтивость и, кажется, болѣе ничего. Погода все стоитъ перемѣнчивая. Все занимался пятою книжкою «Москвитянина», присланною мнѣ Казначеевымъ. Вечеромъ прогнали меня походить, и я пошелъ въ лавку того Еврея, которому отдалъ вырѣзывать печать. Я нашелъ его за работою; онъ нарисовалъ уже на камнѣ гербъ мой. Старикъ сказалъ, что, по ихъ. наблюденіямъ, если будущій Вторникъ будетъ дождь, если оный продолжится Среду и Четвертокъ, то во все лѣто будетъ постоянно дождливая погода. Въ святой обязанности моей предъ Господомъ не встрѣтилъ я особенныхъ неудобствъ.

Понедѣльникъ, 28-го Іюня.

Получилъ письма; первое, изъ Петербурга, отъ Латкина, изъ Одессы, отъ Дм. Иван. Попова и отъ сестры князевой съ газетами. Я обрадовался первому; между прочими извѣщеніями онъ пишетъ мнѣ о Невскомъ мостѣ и предполагаемыхъ работахъ на желѣзной дорогѣ. По газетамъ въ Испаніи и Ирландіи бунты и мятежи. Былъ у своего хозяина, онъ мнѣ нынѣ что-то добрѣе показался. Есть у него остатки, покрытыя пылью, библіотеки. Вообще нечистота величайшая въ его покояхъ. Хозяинъ у меня сегодня обѣдалъ; мы пробовали новую кухарку, Польку; добрѣ бы, еслибъ она могла у насъ остаться. Послѣ обѣда пошелъ къ Казначеевымъ, у нихъ и ужиналъ и оставался до 2-го часа за полночь. Къ нимъ собралось здѣшнее общество; не знаю только, кто были. Помню и знаю, что познакомился съ Шатиловымъ, жителемъ южнаго берега. Въ этотъ вечеръ я болѣе разсмотрѣлъ Казначеева; болѣе и болѣе разочаровываюсь въ немъ. Усталый возвратился домой съ новымъ убѣжденіемъ, что душѣ моей вредно долго оставаться внѣ дома. Исполнилъ свою обязанность безъ особенныхъ препятствій. Ночь свѣтлая и тихая. Мюльгаузенъ послѣ обѣда посѣтилъ меня и непремѣнно велитъ носить пластырь, отъ котораго покуда я не чувствую никакого облегченія; изъ двухъ домашнихъ инструментовъ, взятыхъ мною изъ аптеки, старикъ выбралъ мнѣ лучшій и самъ ихъ при мнѣ пробовалъ. Хозяинъ прислалъ мнѣ прежній рапортъ свой о бунтѣ Севастопольскомъ, въ которомъ онъ едва не сдѣлался жертвою. Рапортъ сей писанъ былъ графу Воронцову и немедленно препровожденъ къ Государю Императору. Хозяинъ, бывши врачемъ при дюкѣ-де-Ришелье, служилъ послѣ цѣлыя тридцать лѣтъ инспекторомъ во врачебной управѣ и во время столь долголѣтняго служенія употребляемъ былъ три раза къ уничтоженію восточной чумы, прокравшейся въ предѣлы наши въ различное время. Онъ уроженецъ Карлсбада; бывши три года лѣкаремъ при водахъ, уже тридцать семь лѣтъ, какъ живетъ въ Крымѣ. Давненько!

Вторникъ, 29-го Іюня.

День наипріятнѣйшій по своей теплотѣ и ясности. Приходилъ посѣтить меня здѣшній аптекарь, зашелъ и Жегочевъ. Послѣ обѣда я ходилъ прогуливаться по здѣшнему городу и такъ называемому гостиному двору. Унылый и скучный городъ; на улицахъ Жиды, неопрятные Татары, сидящіе на улицѣ и курящіе табакъ; перерожденные Греки, неопрятныя женщины. Унылое, повторю, и скучное мѣсто! Да и прогуливался я съ худымъ расположеніемъ духа и порочнымъ направленіемъ сердца. Заходилъ въ лавку Караима и купилъ бутылку портера

для пробы. Поутру исполнялъ свою обязанность, но вяло, съ развлеченіями ума, ибо въ то время гремѣлъ громъ и шелъ дождь. Прогуливался немножко по саду; днемъ заходилъ въ кухню и любовался мастерствомъ своей кухарки. На молитвѣ моей, какой-то враждебный и смуты производящій духъ неумолкаемо тревожитъ меня и спѣшно огребаетъ подобіе мира, которымъ, можетъ быть, мню пользоваться. Господи поспѣши, утверди и проникни мою грѣховную душу!

Среда, 30-го Іюня.

Я не брился и не одѣвался сегодня, а проходилъ цѣлый день въ шлафрокѣ; поутру все писалъ письма. Длинное письмо написалъ къ Ивану Петровичу Егорову съ препорученіемъ къ г. Спасскому, который даже не отвѣчаетъ и на мои къ нему письма; я просилъ Ив. Петр., чтобъ онъ лично ему отдалъ бумагу министрову, въ которой заключается милостивое рѣшеніе Государя Императора принять дѣтей въ число пансіонеровъ своего имени. Писалъ къ князю и сестрѣ его; писалъ въ Одессу Д. И. Попову, а вечеромъ написалъ письмо къ брату Всеволоду Никитичу. Во время дня съ самаго утра дождь періодически смѣнялъ ясную погоду. Вечеръ провелъ у меня Жегочевъ; разсказывалъ, что въ Днѣпровскомъ уѣздѣ появилась саранча и что немалое пространство земли закрыто ею; впрочемъ, она еще не поднялась, и теперь стараются ее истреблять по мѣрѣ возможности. Послѣ обѣда я поприлегъ отдохнуть и оттого худо спалъ ночью. Нечистыя мысли волновали мое сердце; не знаю навѣрное, поддавался ли я имъ охотно, только снова уснувши видѣлъ сонъ, указывавшій аллегорически на этотъ обычный мнѣ порокъ, сонъ замѣчательный, но я теперь пересказать его не могу. Должность свою Господу исполнилъ кое-какъ, ибо я проспалъ; а всегда почти худо дѣлается, когда долго проспишь.

Четвертокъ, 1-го Іюля. 1843.

Сегодня день рожденія императрицы, и вслѣдствіе того Жегочевъ являлся поздравлять меня. Здѣсь это довольно строго; губернаторъ требуетъ, чтобы всѣ чиновники присутствовали у обѣдни. Я ходилъ въ лавку къ Караиму и купилъ кое-какихъ бездѣлицъ, доставившихъ мнѣ удовольствіе, напр., Французскую горчицу новаго заготовленія, мятныхъ капель, Кельнской воды иностраннаго произведенія, мелкаго безъ косточекъ изюму, довольно свѣжихъ фисташекъ, макарони, вермишели; все это мною оцѣнилось, какъ оцѣнялъ нѣкогда подобныя съѣстныя вещи Робинзонъ Крузое, когда обиралъ занесенный бурею корабль къ его уединенному острову. Какъ только я вышелъ поутру изъ своей спальни, такъ уже и лежали на столѣ моемъ пакеты,

полученные съ почтою. Въ числѣ ихъ было письмо отъ князя Алек. Никол. Его сіятельство обязательно извѣщаетъ меня, что онъ грустить безъ меня и что въ ежедневной своей прогулкѣ до Кораиса ему уже не къ кому заходить для отдыха. Къ крайнему моему удивленію я получилъ изъ Одессы письмо отъ Гусятникова, въ которомъ сильныя выраженія признательности ко мнѣ адресованы. Гусятниковъ считаетъ меня отчасти причиною, что онъ нашелъ службу у графа Воронцова и получаетъ порядочное жалованье. Еще новая странность: я получаю отъ графа Воронцова письмо, и при ономъ обратно препровождена та бумага, которую онъ у меня взялъ при отъѣздѣ. Къ чему это приписать? Тому, что опрагматизованные лазутчики извѣстили его, что я огорчился его подозрѣніемъ, или тому, что онъ одумался и сообразился. Онъ придрался къ моей надписи. Послѣ обѣда ходилъ гулять по здѣшнему публичному саду; со мною ходила и жена моя. Клубокъ нечистыхъ помысловъ спѣшно развивался въ душѣ моей, и я огорчалъ моего Господа и Спасителя. Не смотря на болѣзнь, воля моя искала мановенія, чтобъ запутать себя въ дедалѣ мрака, грѣха и преступленія. Обязанность свою я поутру исполнилъ безъ особенныхъ затрудненій, но можетъ ли она быть пріятна Господу, когда лицемѣрное сердце, ища соединиться съ Нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ стремится и на порокъ, какъ хищная птица на падалище? Господи помоги, Боже возстанови падающаго!

Пятница 2-го Іюля.

Весь день утро и вечеръ прошатался по городу; ходилъ по публичному саду, ходилъ по рынку, ходилъ по кривымъ улицамъ Татарскаго города; осматривалъ торговыя бани, Русскую, Татарскую. Въ Татарской банѣ хоръ музыкантовъ забавлялъ въ то время досужаго мусульманина. Заходилъ въ новостроящійся кварталъ гостинаго двора, въ которомъ лавки четыре открыто, а прочія пустырь. Нашелъ себѣ хорошаго мыла, приглядѣлъ Голландскаго полотна, котораго аршинъ отдаютъ за 2 р. 10 коп., тогда какъ за такой аршинъ я платилъ въ Петербургѣ 7. Заходилъ въ аптеку, гдѣ выпилъ стаканъ малиноваго сиропа. Ходилъ до изнеможенія; желалъ посмотрѣть, облегчится ли спина моя отъ столь усиленнаго моціона. Между тѣмъ душа моя во время этихъ прогулокъ вмѣщала въ себѣ помыслы нечистые, раскалялась любострастіемъ, а воля заранѣе посягала на преступленіе; но Богъ хранитель не допустилъ пасть, избавя отъ лукаваго и не введя во искушеніе. Все было пусто, не было встрѣчъ для пластическаго преткновенія. Какъ тяжко, какъ омерзительно замѣчать въ журналѣ столь зловонные стигматы сердца моего и какъ еще далекъ я до желанной чи-

стоты и устройства! Поутру кое-какъ исполнилъ я свою обязанность ко Господу совмѣстно съ моимъ чтеніемъ, ибо я окончилъ сегодня третій томъ Божественной Философіи Дютуа, и послѣдняя статья книги была глава о тепломъ, о которомъ самъ Господь сказалъ, что онъ имѣетъ быть изблеванъ изъ устъ Его. Послѣ обѣда явился ко мнѣ Семенъ и объявилъ, что ему предлагаютъ мѣсто въ Севастополѣ съ бо̀льшимъ окладомъ жалованья, чѣмъ у меня; я принужденъ былъ дать соизволеніе на его желаніе. Вдругъ докладываетъ мнѣ человѣкъ, что какой-то пріѣзжій изъ Петербурга казначей желаетъ меня видѣть и могу ли я принять его; я далъ свое согласіе и вскорѣ послѣ того слышу стукъ по лѣстницѣ и вижу почтенной и пріятной наружности генерала съ одною ногою, а другая у него деревянная. Это точно былъ казначей, кажется мнѣ, баронъ Дризенъ въ Капитулѣ орденовъ. Заслуженный генералъ-лейтенантъ, онъ пробирается въ Ялту, чтобъ воспользоваться морскими ваннами и вмѣстѣ видѣться съ своимъ благодѣтелемъ, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Я былъ очень доволенъ, что Провидѣнію угодно познакомить меня съ такимъ заслуженнымъ воиномъ и отцемъ многочисленнаго семейства.

Суббота, 3-го Іюля.

Меня посѣтили сегодня г-да Казначеевъ и Шатиловъ. Послѣдній живетъ на южномъ берегѣ, человѣкъ достаточный; на дняхъ купилъ онъ въ Крыму, говоритъ, за дешевую цѣну до 17 тысячъ десятинъ степной земли, изъ которой значительная часть—такъ называемая поливная; онъ хочетъ распространить больщое хозяйство. Я доволенъ что съ нимъ знакомлюсь. Пошелъ гулять въ садъ. Страшно гулять въ немъ, совершенная пустыня; я опасаюсь, чтобъ меня не ограбили; иногда встрѣчаешь въ саду лежащихъ Татаръ звѣрскаго вида. Выходя изъ саду, я встрѣтился съ какимъ-то юношою и просилъ его провести меня въ кондитерскую лавку, что̀ онъ и сдѣлалъ. Лавка негодная, кондитеръ небритый и неодѣтый, конфекты, какъ мнѣ кажется, дурныя. Мы выпили однако съ юношею по рюмкѣ Крымскаго ликера, очень недурнаго. Обѣдалъ у меня хозяинъ мой Лангъ, только что возвратившійся изъ путешествія. Послѣ обѣда поѣхалъ въ Русскую баню, которую Жегочевъ выпросилъ мнѣ у здѣшняго начальника гарнизоннаго батальона. Баня расположена въ той части города, гдѣ я еще не бывалъ и гдѣ сосредоточены лучшія постройки города. Эта баня предназначена для офицеровъ; въ ней помѣстительно и удобно. Солдаты мыли и терли меня. Тотъ, который непосредственно за мною ухаживалъ, былъ отданъ въ военную службу Гавриломъ Александровичемъ Горсткинымъ, бывалъ въ Костромѣ, бравый и расторопный молодецъ; другой

уже старикъ, Владимирской губерніи. Меня вытерли медомъ съ солью; я много терялъ испарины и послѣ бани чувствовалъ себя свѣжѣе; на счетъ же простуды не знаю еще, какъ сказать. Привязчивыя, докучныя, порочныя мысли сопутствовали большую часть дня, нѣсколько однако слабѣе вчерашняго; но корень оныхъ, внутреннее, какъ говоритъ Давидъ, сѣмя тли, очень еще свѣжо въ сердцѣ моемъ и безотчетно ищетъ породить свои плевелы. Меня уже брить начинаетъ мой мальчикъ Сергій и очень изряднехонько; вотъ сегодня въ другой уже разъ, какъ онъ меня обрилъ. Въ отношеніи моей обязанности къ Господу моему я безсильно и кратко силился исполнять ее.

Воскресенье 4-го Іюля.

Я очень рано проснулся, поспѣшилъ одѣться и вышелъ въ садъ, куда велѣлъ вынести и чайный приборъ. Тамъ чай мы пили, но поутру довольно было вѣтрено. Я зашелъ къ хозяину и поговорилъ о довольно интересныхъ матеріяхъ; онъ мнѣ разсказывалъ свою собственную исторію и какую ролю играла въ ней семья Казначеевыхъ. Пошелъ въ соборъ къ обѣднѣ, это еще въ первый разъ въ Симферополѣ. Соборъ, довольно обширное строеніе въ Византійскомъ стилѣ; онъ недавно выстроенъ и довольно помѣстителенъ; иконостасъ живописи хорошей, но я близко не подходилъ къ нему. Образовъ старинной работы совсѣмъ нѣтъ. Публика собралась довольно многочисленная. Здѣсь обычай самимъ подходить къ мѣстнымъ иконамъ и ставить свѣчи; мущины и женщины, чиновники и дамы поминутно подходили и тѣмъ развлекали мое вниманіе. Пѣніе было обыкновенное; да и можно ли ожидать сладкаго напѣва отъ невыправленныхъ дьячковъ? Послѣ обѣдни священникъ вынесъ мнѣ просвиру, знакъ величайшаго вниманія. Послѣ службы вся семья наша съ Жегочевымъ и юношею, недавнимъ знакомцемъ нашимъ, пошла прогуливаться по саду. Юношу я оставилъ обѣдать, а Жегочевъ что-то хохлится и косится; онъ проговорился женѣ, что сего новаго моего знакомца онъ, живя въ городѣ, нигдѣ не встрѣчалъ. Послѣ обѣда я уснулъ отъ утомленія.

Здѣшняя женщина Авдотья, не смотря, что я далъ ей карбованецъ, срыгнула на меня, такъ сказать, тёшкою. Она, имѣя въ виду доставить мѣсто какой-то своей пріятельницѣ, взволновала кухарку мою, которая объявила мнѣ несовмѣстныя требованія, вслѣдствіе коихъ мнѣ нельзя было ее оставить; все это и меня взволновало; я не нашутку разсердился и на козодѣйство Малороссійское и на самодурство Польское. Уснулъ, видѣлъ два сна; второго однако не помню. Изъ перваго вспоминаю только то, что я былъ въ обществѣ духовъ, былъ тамъ и Дмитр. Ивановичъ Поповъ. Духи одѣты комфортабельно, небольшаго

роста, а стихія этого общества, слишкомъ рѣзко отразившаяся въ моемъ сознаніи, была та, что такого ума, гордости и злобы не бываетъ въ обществѣ человѣковъ. Странно и таинственно для меня то, что этихъ существъ я гдѣ-то видалъ и знавалъ..... Другой сонъ, кажется, былъ утѣшительнѣе, но я его не помню..... Сгибъ сладострастнаго моего сердца все еще продолжается, но онъ болѣе внутренъ, чѣмъ вчера..... Принесъ Господу мое поклоненіе безъ особаго напряженія и труда, хотя 10 минутъ и отнялъ отъ занятія. О милосердый Спаситель! Вставши рано, я осмѣлился побесѣдовать съ Тобою, просто, откровенно, какъ рабъ съ добрымъ своимъ господиномъ. Угодно ли Тебѣ снизойти ко мнѣ милостію и неизреченно-сладкимъ для меня благоволеніемъ? Господи! Ты не отрекался миловать мытарей и прелюбодѣевъ, не отрѣшись и отъ меня Я ненавижу первороднаго своего грѣха; да какъ избыть его, какъ взойти въ простоту, какъ не умѣть заглядываться на себя, не смотря на свою скверну и худость?

Понедѣльникъ, 5-го Іюля.

День мой начался въ смятеніи. Нанимающаяся кухарка объявила намъ, что насъ оставляетъ; новая, которую я не заблагоразсудилъ оставить, пришла со своимъ скарбомъ и расположилась въ кухнѣ; первая изъ нихъ отказалась и стряпать столъ нашъ, новую не хотѣлъ я заставлять, потому что здѣшняя женщина насильно мнѣ ее навязала; надобно же кому нибудь было изготовить обѣдъ нашъ. Катя моя, встревоженная неудобствомъ и не такъ здоровая, послала за женщиною здѣшняго дома, за этою Авдотьею, которая отвѣтствовала посланному, что она не хочетъ идти. Принуждены мы были заставить изготовлять кушанье Семена, который и принялся за дѣло. Но Семенъ съ часу на часъ ожидалъ отвѣта на свое письмо съ тѣмъ, чтобы отправляться въ Севастополь къ новому своему господину; письмо дѣйствительно и получено имъ было послѣ обѣда; онъ принесъ мнѣ его и просилъ о выдачѣ его актовъ. Эти подробности малозначущи, но я объ оныхъ распространяюсь, потому что все это составляло для меня дедалъ хотя маловажный, но трудный на скорую развязку и, если говорить правду, то эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя были для меня если не тяжелымъ, то колючимъ и гнетущимъ крестикомъ. Но я возопилъ внутренно къ моему Господу, чтобъ не потерять духа, и Онъ, благій, для Котораго все человѣческое не чуждо, разсѣялъ этотъ Гордіевъ узелъ, и къ вечеру мое спокойствіе вновь возвратилось ко мнѣ; все умиротворилось, все взошло въ свою колею, и слава, благодарность и преданность живому Богу за его милосердіе и снисхожденіе ко мнѣ, недостойному рабу, и къ мелкимъ нуждамъ моимъ.

Получилъ газеты изъ Ялты, но писемъ ни отъ князя, ни отъ сестры его не было. Было одно лишь письмо изъ Петербурга отъ одного чиновника почтамтскаго Липса; онъ былъ прежде Евреемъ и окрестившись пошелъ въ службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Я ожидалъ моего жалованья изъ Ялты и вслѣдствіе сего послалъ справиться въ Почтовую Контору, не было ли мнѣ денегъ; сказали: нѣтъ. Я написалъ по сему предмету грозное въ выраженіяхъ письмо къ Елис. Михайл., гдѣ выливалъ мое неудовольствіе на князя Козловскаго за обдуманную, какъ мнѣ казалось, медленность его въ недоставленіи слѣдующихъ мнѣ денегъ. Я отправилъ уже это письмо на почту. На самой почтѣ стали мнѣ дѣлать разныя затрудненія; наказали моему человѣку, чтобъ я подписывалъ свое имя и проч. и проч. Все это приводило меня въ волненіе и непріязненное состояніе. Но вотъ является почталіонъ и привозитъ мнѣ деньги и письмо отъ князя Козловскаго, который не послалъ ихъ по почтѣ для того, можетъ быть, чтобъ сохранить для меня и деньги на пересылку. Мнѣ стало совѣстно и стыдно опрометчиваго моего поступка, и я тотъ же часъ послалъ на почту потребовать обратно письмо, которое, къ счастію, мнѣ возвратили; я изорвалъ это письмо и написалъ новое, которое тотъ же разъ и отправилъ. За обѣдомъ я ѣлъ такой вкусный горошекъ, что тотъ же часъ послѣ обѣда пошелъ въ лавку къ Караиму и купилъ у него 10 фунт. этого горошка, а у него осталось только семь фунтовъ. Здѣсь я увидѣлся съ Евреемъ, дѣлающимъ мнѣ оправу для очковъ, и отыскалъ фактора, взявшагося мнѣ отыскать новую кухарку, которая и не замедлила съ нимъ придти; мы ее сейчасъ же остановили; женѣ она понравилась, да и мнѣ очень непротивна: женщина, кажется, добрая и простая. Катя очень довольна ея разговоромъ; увидимъ, что будетъ далѣе. Послѣ того я имѣлъ разговоръ и съ Семеномъ, которому представилъ весь оптическій обманъ въ сдѣланномъ ему предложеніи. Я ему говорилъ кротко и добросовѣстно и видѣлъ, какъ слова мои ложатся на его душу. Онъ обѣщалъ мнѣ пораздумать ночью и помолиться усерднѣе Богу. Я былъ почти увѣренъ, что онъ поколебался оставить домъ мой. Такъ Господь все разрѣшилъ и разогналъ облачко, столпившееся надъ моимъ сердцемъ. Поутру я исполнилъ долгъ свой, хотя не вполнѣ, но безъ особеннаго затрудненія. Я забылъ отмѣтить, что вчера и сегодня поутру неожиданно посѣтилъ меня Ялтскій докторъ и между прочимъ разсказалъ мнѣ смѣшную вещь о попѣ, давшемъ мнѣ просфору; этотъ священникъ вообразилъ и принялъ меня за императора Николая, инкогнито будто бы пріѣхавшаго въ Симферополь и пришедшаго на тотъ разъ за обѣдню. Не малая честь для меня, что физіогномія моя показалась сему доброму и простому іерею достойною

сравниться съ истиннымъ величіемъ Николаева лица. Предъ обѣдомъ, я новую зазналъ на себѣ милость Господню. Въ банѣ я былъ третьяго дня, вчера особеннаго въ себѣ облегченія не чувствовалъ, а сегодня хотя боль почти таже, но въ отправленіяхъ и движеніяхъ тѣла болѣе ловкости и свободы. Чувствую въ себѣ, что боль становится, или, такъ сказать, какъ бы перешла въ минорный тонъ. Слава Тебѣ и благоговѣніе, Великій изъ Существъ! Сердечная Тебѣ благодарность отъ ползущаго и пресмыкающаго червя какъ я. Ты не только не подавляешь подлое насѣкомое, подлое по своимъ порочнымъ навыкамъ и страстямъ, но еще долготерпишь и снисходишь моимъ человѣческимъ нуждамъ и немощамъ. Слава Тебѣ, во имени Матери Твоей и именахъ всѣхъ тѣхъ, которые имѣли счастіе благоугодить Тебѣ. Слава Тебѣ, побѣдившему вражій міръ! Слава въ Вышнихъ Богу и въ человѣцѣхъ благоволеніе! Господи, не возгнушайся отголоскомъ бѣднаго и страстнаго сердца моего!

Вторникъ, 6-го Іюля.

Мнѣ все что-то приводится имѣть дѣло съ Евреями; я съ ними свыкаюсь и нахожу даже въ этомъ удовольствіе. Такимъ образомъ Еврей, золотыхъ дѣлъ мастеръ, приходилъ ко мнѣ и пилъ со мною чай. Я отдалъ ему починивать мои пуговки, вычищать зарукавье, серги и изломанный зонтикъ Варвары Петровны; онъ скоро это сдѣлалъ и обратно принесъ мнѣ мои вещи. Ходилъ съ женою покупать посуду; она ее выбрала въ лавкѣ Еврея-Караима, и я далъ задатки; въ лавкѣ мы нашли многія полезныя для себя вещи: отличную икру, гречневую крупу, муку. Мы обѣдали на своей уже посудѣ и имѣли причину быть довольными своею кухаркою. Предъ обѣдомъ Семенъ явился ко мнѣ съ собственноручною запискою, въ которой отказывается отъ намѣренія идти къ другому во услуженіе и ѣхать въ Севастополь. Я заходилъ къ Еврею, дѣлающему или вырѣзывающему мою печать; мнѣ показалась работа какъ-то грубоватою. Еврею же золотыхъ дѣлъ мастеру я отдалъ росколотую свою печатку, на которой была золотая оправа; она назначается въ прибавленіе къ тремъ червонцамъ, которые распустятся для сдѣланія мнѣ оправы для очковъ. Не знаю, не роскошь ли имѣть золотую оправу. Послѣ обѣда я легъ уснуть и долго спалъ; я тяжело сплю. Вечеромъ ходилъ прогуливаться съ Жегочевымъ, гулялъ по здѣшнему городскому саду; уединенно и прохладно; яркая зелень въ полусумракѣ радуетъ и красуется зрѣнію. Днемъ я заходилъ къ аптекарю и расплатился съ нимъ за лекарства, отдѣльно и безъ денегъ взятыя. Провизоръ сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ изъ Харькова и что чувствовалъ себя въ болѣзненномъ состояніи, грудь тяжко стра-

дала, но живя здѣсь въ Симферополѣ пять лѣтъ, онъ избавился недуга и благодаритъ Бога за климатъ. Мнѣ точно становится нѣсколько лучше послѣ бани и я посылалъ благодарное письмо подполковнику Борисову; онъ обѣщалъ мнѣ и впередъ дать воспользоваться его банею. Поутру читалъ трактатъ о чувственной любви; переводъ гладокъ и внятенъ. Вечеромъ, когда сталъ писать обычный журналъ свой, не нашелъ ключика отъ шкатулки; это очень меня озаботило, и я не зналъ, что и дѣлать. Но, удержавъ смятеніе, я оставилъ все до завтрева. Не врагъ ли хочетъ отвести меня отъ писанья записокъ, которое для меня полезно? Я исполнилъ долгъ свой ко Господу, хотя не все назначенное время, но безъ особенныхъ препятствій и трудовъ.

Среда 7-го Іюля.

Утро я употребилъ на составленіе писемъ: 1) къ князю Алек. Ник. 2) къ князю Павл. Дмитр. Козловск. 3) къ Кіевскому почтмейст. Вишневск. 4) къ Александрѣ Петровнѣ Хвостовой и 5) къ Михайлѣ Петр. Гусятникову. До писанья читалъ трактатъ о чувственной любви. Обѣдъ былъ довольно хорошъ, подавали молодого барашка на жаркое; предъ обѣдомъ на закускѣ пробовалъ Голландскую селедку, которая здѣсь за рѣдкость. День ясный и теплый. Но, оставя мелочи, скажу или замѣчу объ одномъ обстоятельствѣ. Писавши письмо къ князю, я взялъ за тему онаго благодѣяніе сдѣланное имъ Гусятникову и такъ самъ разтрогался изложеніемъ письма, что проливалъ обильныя слезы, чего давно со мною не бывало; насилу онѣ унялись. Между тѣмъ жена моя ходила къ Казначеевымъ. Послѣ обѣда и мнѣ вздумалось погулять, и мы съ Жегачевымъ ходили по Татарскому городу. Вездѣ бѣдность, пустота, отсутствіе зелени, каменные заборы, кривые переулки; товарищъ мой заглядывался на хорошенькихъ женщинъ, а я худо видѣлъ. Говоря громко съ Жегочевымъ, я изъяснялъ ему мое негодованіе о небрежности, съ каковою составляются акты въ Уголовной Палатѣ по предмету подсудимыхъ. Напримѣръ, что нѣкто, дѣлатель фальшивой монеты, имѣющій 44 года отъ роду, прижилъ дѣтей, трехъ сыновей: старшему 32 года, среднему столько-то и проч. Этотъ журналъ или протоколъ просмотрѣнъ уже и прокуроромъ. И вотъ такимъ образомъ, идя по улицѣ и негодуя за нелѣпость и неопрятность составленія столь важныхъ бумагъ, я выразился громко, что онъ обставленъ такими людьми, которые по справедливости могутъ быть названы . . . . въ треугольной шляпѣ. При этомъ словѣ повстрѣчался съ нами совѣтникъ Губернскаго Правленія, который, услышавъ такое мое слово, захохоталъ. Я послѣ раскаялся, что я такъ выразился; совѣсть ясно укоряла меня въ томъ, и я ясно видѣлъ, что со мною сбылась Русская пословица: «языкъ мой

врагъ мой: безъ воли моей рыщетъ, погибели моей ищетъ». Ночь спалъ дурно, въ первый разъ почувствовалъ нападки отъ блохъ. Видѣлъ смутные сны, будто бы мы были въ комнатѣ, гдѣ находилось и мертвое тѣло; другое, что спали оба мы вмѣстѣ съ Гавр. Степ. Поповымъ*) у кого-то въ передней, очень тепло и хорошо закутанные, но спали по лакейской модѣ, на какомъ-то рундучкѣ и когда насъ спросили, мы вскочили. Ключикъ нашелся; его поднялъ Караимъ въ своей лавкѣ. Долгъ свой исполнилъ, хотя усѣченно, но безъ дальнѣйшихъ препятствій.

Четвертокъ, 8-го Іюля.

Мнѣ много принесли поутру писемъ, во-первыхъ, отъ князя Александра Николаевича Голицына, очень ласковое и участливое; повидимому онъ доволенъ моими недѣльными извѣщеніями. Второе, отъ сестры его, мрачное и грустное; она жалуется на нападки княгини Голицыной, руководительницы сомнамбулы, которая даже дѣлаетъ ей угрозы и обѣщаетъ всякія несчастія. По сему случаю, съ позволенія князя, сестра его писала къ княгинѣ Голицыной. Третье письмо отъ моей племянницы изъ Костромы и четвертое отъ товарища министра народнаго просвѣщенія, князя Ширинскаго - Шихматова. Князь Платонъ Александровичъ къ письму своему присовокупляетъ два отчета, поданные министромъ Государю о успѣхахъ народнаго образованія за прошедшій годъ и о занятіяхъ Археографической Комиссіи. Въ письмѣ у князя очень много любопытнаго; онъ пишетъ объ окончаніи проекта образованія Евреевъ, о фармацевтическихъ институтахъ и проч. и все это оканчиваетъ увлеченіемъ дружества и пріязни.

Все утро я читалъ и перечитывалъ присланное, равно какъ и иностранныя газеты, въ которыхъ, между прочимъ, заключалось и продолженіе повѣсти Евгенія Сю. Обѣдалъ у насъ Жегочевъ, а послѣ обѣда къ вечеру вздумали мы со всемъ семействомъ отправиться пѣшкомъ къ доктору Мюльгаузену, котораго встрѣтили на дорогѣ къ намъ идущаго; мы его воротили и вмѣстѣ съ нимъ пошли къ нему. Проходили чрезъ рѣчку Салгиръ по мосточкамъ и садами его дошли до его дома. Тамъ познакомились со всемъ его семействомъ и женою доктора, очень почтенною женщиною. Она намъ сказывала, между прочимъ, что мужъ ея въ Петербургѣ страдалъ одышкою, но какъ переправился въ климатъ южный, то и болѣзнь его оставила, и онъ столько лѣтъ и постоянно наслаждается благодатнымъ здравіемъ. У Мюльгаузена видѣли

*) Бывшій секретарь князя А. Н. Голицына, въ то время уже занимавшій видное положеніе; онъ умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника въ 1874 году. Ю. Б.

и зятя его, капитана Фремдера, украшеннаго орденомъ, только что пожалованнымъ ему. Пили чай на свѣжемъ воздухѣ, на террасѣ, которая въ видѣ павильона вся закрыта была виноградными лозами, густо вьющимися. Семейство Мюльгаузена насъ довольно и проводило, когда мы возвращались назадъ въ городъ. Я снялъ по приказу его пластырь. Обязанность моя отчасти выполнена мною безъ особенныхъ затрудненій, хотя 25 минутъ и упустилъ изъ оныя. Я разсѣеваюсь и много болтаю.

Пятница, 9-го Іюля.

Старецъ Мюльгаузенъ посѣтилъ меня, и вотъ при немъ вышло происшествіе, гдѣ мнѣ въ тысячу вторый разъ доказано было, что кромѣ прочаго другого, таящагося въ сердцѣ моемъ, есть нарочитое количество и гнѣвнаго элемента. На прошлыхъ дняхъ, повѣса Семенъ пошелъ таскаться по городу и какія-то связи отыскалъ въ домѣ вице-губернатора Бера, вѣроятно наболталъ и нахвасталъ. Беръ передалъ комиссію Жегочеву, чтобы тотъ отъ его имени предложилъ мнѣ отпустить Семена, если онъ мнѣ ненуженъ, недѣли на три, на южный берегъ Крыма съ отправляющеюся женою его. Такая неучтивая несовмѣстность вывела меня изъ терпѣнія, и я разбранилъ Бера, какъ только могъ въ сердцахъ, и это все происходило въ присутствіи Мюльгаузена, котораго я этимъ поступкомъ совершенно соблазнилъ. Когда все угомонилось, я, послѣ обѣда, призывалъ слугу; онъ ото всего отперся, но продѣлки его видны, и онъ ненадеженъ, а ссылать не могу, ибо боюсь южнаго берега: тамъ не сыщешь и нахлопочешься до сыта. Писалъ сегодня много писемъ: къ Гусятникову, къ Подолинскому, къ сестрицѣ княжевой, къ Василью Ѳедоровичу Яну, къ Михайлѣ Александровичу Максимовичу; къ первому и второму въ Одессу, къ третьей въ Ялту, къ четвертому въ Вытегру и послѣднему въ Золотоношу, Полтавской губерніи. Жена моя пришла сказать мнѣ, что сегодня будетъ обильный у меня столъ, а по сему я поспѣшилъ обставить его, какъ я выразился, и самими званными, Жегочевымъ и хозяиномъ. Послѣ обѣда пошелъ въ дальную прогулку въ сопровожденіи моего хозяина. Онъ, какъ тридцатисемилѣтній обыватель Крыма, могъ съ удобствомъ мнѣ все показать и пересказать. Сперва повелъ онъ меня Татарскимъ отдѣленіемъ города. Пусто, криво, глухо, безжизненно. Каменныя стѣны и внутри стѣнъ сакли въ Татарскомъ вкусѣ. Бѣдные, худо одѣтые жители слоняются какъ тѣни. Вышли за городъ, и хозяинъ повелъ меня къ развалинамъ древняго Скиѳскаго города, въ которомъ нѣкогда царствовалъ король Скиѳскій Скилирусъ; объ немъ будто бы, по словамъ хозяина, упомянулъ и отецъ исторіи, Геродотъ; тотъ са-

мый Скилирусъ, который передъ смертью, собравши многочисленныхъ дѣтей своихъ и велѣвшій принести вязанку только что сорванныхъ молодыхъ деревъ, велѣлъ эту вязанку дѣтямъ своимъ переломить, уча ихъ чрезъ этотъ символъ, что единодушіе властителей и братьевъ всего нужнѣе для мира и совокупной крѣпости. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ хозяинъ мой и Бларамбергъ посѣщали также это удолье и, замѣтя одно мѣсто, дѣлали въ ономъ археологическій поискъ, нашли якобы конную статую и мраморный бюстъ самого, по словамъ хозяина, царя Скилируса. Голова бюста и всадника одѣты были въ шапку Фригійскую. Это урочище недалеко отъ города и вмѣщается между возвышенностями, опоясывающими родъ долины. Щебень и мелкій камень остались нѣмыми мозаиками бывшей постройки; я, съ ухваткою археолога, подобралъ нѣсколько кусковъ черепицы или кирпича и замаралъ ею только карманъ мой; можетъ быть, эта жженая земля была просто принадлежностію Татарской хаты. Оттуда заходили мы въ пивоварню, построенную на мѣстѣ, гдѣ обыкновенно живали братья Крымскаго хана; развалины ихъ непригожаго дворца еще успѣлъ застать мой хозяинъ. Я купилъ ведро славнаго Мартовскаго пива, котораго бутылка обошлась мнѣ по 35 копѣекъ, вмѣсто того, что я за бутылку портера здѣсь платилъ по 2 р. 80 копѣекъ. Хозяинъ мой жалуется на усталость; не хочетъ ли онъ чрезъ это распрощаться съ ролью моего чичероне? Нѣмцы не любятъ самоотверженія. Пришли поздно, я много пилъ пива, усталъ, проспалъ, но выполнилъ немножко долгъ мой (хотя 25 минутъ и въ долгу противъ положеннаго урока) безъ особенныхъ препятствій и затрудненій.

Суббота, 10-го Іюля.

Съ нѣкотораго времени погода стоитъ жаркая, и, разумѣется, дни ясны. И однако все вытерпѣть можно. Нынѣшнее утро я и не одѣвался, писалъ письма къ князю Александру Николаевичу и князю Платону Алек. Шихматову въ отвѣтъ на его письмо. Читалъ трактатъ о чувственной любви, которымъ очень дѣлаюсь доволенъ. Послалъ справиться, готова ли баня, обѣщанная мнѣ подполковникомъ Борисовымъ; не тутъ-то было, баня и не истоплена. Вотъ результатъ моего ласковаго и благодарнаго письма и милой обязательности Русскаго гарнизоннаго подполковника. И вообще Симферополь въ лицѣ знакомыхъ моихъ не очень гостепріименъ. Нанялъ себѣ баню, хотя не такъ покойную, какъ прежняя, но все-таки могъ въ ней вытереться медомъ съ солью. Пріѣхавши домой, чувствовалъ необыкновенную жажду, и чего я не перепилъ: четыре чашки чаю, кружку пива съ сахаромъ, кружку воды пополамъ съ портеромъ и потомъ еще лимонадъ. Уснулъ скоро утомленный. Вижу

сонъ, будто я въ какомъ-то обществѣ, замѣчаю стачку посмѣяться надо мною, я будто безъ парика, что-то хотѣло вскочить и вцѣпиться въ мою голову, но этого не воспослѣдовало, ибо что-то или кто-то за меня заступился и уничтожилъ коварный замыселъ. Ночью просыпался, чувствовалъ внутри себя прохладный вѣтерокъ, навѣвающій нѣкій образъ спокойствія и ясность мирную въ мысляхъ. Отчасти исполнилъ свой долгъ предъ Господомъ безъ особенныхъ препятствій, не досидѣлъ однако 25 минутъ.

Воскресенье, 11-го Іюля.

Вмѣсто новаго собора я отправился въ такъ называемый старый соборъ, ветхое въ видѣ параллелограма зданіе. Я замѣтилъ въ храмѣ тѣже привычки молельщиковъ, какія и въ прежнемъ соборѣ: мущины и женщины, малые и большіе, безпрестанно подходили къ образамъ и ставили свѣчи.

Настоящаго священника не было въ церкви, а служилъ въ оной приглашенный старецъ; его осьмидесятилѣтній возрастъ, разбитый отъ лѣтъ голосъ, внушали родъ уваженія; народа было немало. Оттуда пошли мы въ Католическій костелъ, и здѣсь народу немало. Совершалъ обѣдню Польскій пробощъ изъ Доминиканъ, видный и прекрасный мущина; служилъ ловко, громогласно, интонацію своего голоса приклеивалъ къ хоралю. Органовъ нѣтъ, но любители свербовали хоръ пѣвчихъ изъ мальчиковъ и охотниковъ. Одинъ здѣшній чиновникъ управлялъ хоромъ вмѣсто регента. Мнѣ понравились служеніе и чистота храма, въ коемъ попечителемъ мой хозяинъ. Послѣ обѣдни хозяинъ посѣтилъ меня, и я составилъ тетрадку съ надписью въ видѣ приглашенія къ боголюбивымъ дателямъ на заведеніе органовъ при церкви, и первый подписалъ на этотъ предметъ полу-имперіалъ; въ слѣдъ за мною подписались Жегочевъ и самъ хозяинъ. Такимъ образомъ это дѣло началось, но по церкви еще много хлопотъ: надобно достроить домъ священнику и образовать школу для дѣтей. Послѣ обѣда гулялъ по саду. Сладострастныя мысли вновь приступили обуревать меня. Долгъ свой исполнилъ безъ особенныхъ препятствій, минусъ однако 25 минутъ. День ясный и свѣтлый, ожидаю завтрашняго дня съ нетерпѣніемъ.

Понедѣльникъ, 12-го Іюля.

Цѣлое утро провелъ въ чтеніи полученныхъ съ почты газетъ и журналовъ. Но чего съ нетерпѣливымъ и страшнымъ чувствомъ такъ ожидалъ, того не получилъ, именно: отвѣта царева на письмо князя. Получилъ однако письмо отъ сестры князя, исполненное обычнаго ро-

пота; она такъ выразилась: что лѣкарки брата ея прогониваютъ ее сквозь строй, и что князь въ полномъ ослѣпленіи въ отношеніи своей болѣзни. Еще получилъ письмо отъ отца Михаила, священника изъ села Воскресенья, что̀ въ Бартеневщинѣ. Онъ сообщаетъ мнѣ разныя свѣдѣнія о моей родинѣ. Я узналъ о кончинѣ двухъ моихъ знакомцевъ, перваго: Михайла Өедоровича Апурина и второго: Василья Дмитріевича Третьякова. Между тѣмъ, какъ я проглатывалъ газеты, барыня моя поѣхала въ нарочно изготовленную для нея баню. Этого удовольствія она не имѣла мѣсяцевъ восемь. Послѣ обѣда, чтобъ не спать, пошелъ пошататься кое-куда; въ саду пустота и даже такъ, что страшно и ходить. Оттуда пошелъ по Татарскому городу, по узкимъ и извилистымъ его переулкамъ; мало встрѣчалъ людей, за то много было собакъ, такъ что страшно было одному идти. Встрѣчалъ Татарскихъ женщинъ закутанныхъ въ простыни и у которыхъ завязано лицо такъ, что одни глаза ихъ видно. Я ходилъ въ полуразгарѣ любострастныхъ неопредѣленныхъ предположеній; помыслъ грѣха упостоянился въ моей душѣ и потому, можетъ быть, не созрѣлъ въ фактъ, что еще Богъ милосердъ ко мнѣ. Это крокодилино яицо потому лишь не порождается, что нѣтъ удобной на то оказіи и что лицемѣріе мое удовлетворяется полумѣрами. Боже, буди милостивъ ко мнѣ грѣшному! Пришедши домой, посѣщаетъ меня князь Гагаринъ, обитатель южнаго берега, который съ женою своею бѣжалъ изъ идиллическаго жилища своего послѣ кончины двухлѣтняго дитяти, единственнаго плода супружеской ихъ любви. Послѣ и я ихъ посѣтилъ; они остановились въ нижней комнатѣ у моего хозяина. Я утѣшалъ ихъ, какъ могъ. Къ нимъ пришелъ и Казначеевъ, который день ото дня болѣе мнѣ не нравится. Возвратившись домой, застаю за чайнымъ столомъ жены моей нашего Корейскаго управляющаго, хозяина моего; онъ пріѣхалъ нечаянно по причинѣ возникшаго дѣла противъ баронессы [1]), о которомъ ходатайствовать дана довѣренность соперницею баронессы сестрѣ князя, а сестра увлекла и самаго старика въ сплетеніе недостойное ни чистоты его сердца, ни служебнаго и почетнаго его состоянія. Я разспрашивалъ Карла Григорьевича и о другихъ новостяхъ нашихъ и узналъ, между прочимъ, что паціентка г-жи Турчаниновой все еще лежитъ въ ожиданіи выздоровленія и что то универсальное средство Анны Александровны въ отношеніи къ болѣзни заупрямилось [2]). Погода стоитъ жаркая, и я пью очень много; изъ купленнаго ведра пива очень уже мало остается; я пью пиво съ сахаромъ и не помню во всю мою жизнь, чтобы пивалъ когда

---

[1]) Баронесса Беркгеймъ, дочь знаменитой баронессы Крюднеръ. Ю. Б.

[2]) О Турчаниновой и ея лѣченіи см. „Рускій Архивъ“ 1898 г. вып. 12-й.

нибудь подобный нектаръ. Сегодня послѣ обѣда выпилъ его кружекъ съ шесть. За то и сплю, какъ сурокъ.—Долгъ свой однако выполнилъ, но не досидѣлъ минутъ 25-ть; обязанность ко Господу моему выполнилъ безъ особенныхъ препятствій и даже съ нѣкоторымъ удобствомъ. Милосердователь не оставляетъ еще на произволъ злохудожную мою душу. Терпитъ еще меня, ждетъ исправленія; часть моя съ лицемѣрами, если Господь не удержитъ меня на краю пропасти.

Вторникъ, 13-го Іюля.

Поутру я долго не одѣвался; читалъ трактатъ о чувственной любви; съ нѣкотораго времени я продолжаю чтеніе еще начатое въ Коренсѣ, подъ названіемъ Инстинкты животныхъ доктора Вирея. Я выходилъ въ лавку къ Караиму, чтобъ онъ оставилъ мнѣ нѣсколько фунтовъ чаю, мнѣ понравившагося; смотрѣлъ на работу золотого очешника; смотрѣлъ на вырѣзку печати; отдѣлка послѣдней вещи не такъ мнѣ понравилась: все это еще не кончено. Обѣдалъ у насъ Коренскій управитель. Послѣ обѣда вновь вышелъ и отправился къ городовому маклеру для протестовки векселя на Вас. Ник. Латкина, которому вышелъ вчерашняго числа годъ. Видѣлъ толстую его сожительницу. О какое безобразіе быть старухою и толстою! Предметъ, боюсь вымолвить, омерзительный, если только могутъ быть омерзительными невольные недостатки тѣла... Разговаривалъ съ купцомъ-Караимомъ; къ удивленію моему я узналъ, что онъ очень любопытенъ къ разнымъ полезнымъ свѣдѣніямъ и что у него есть даже и библіотечка изъ Русскихъ книгъ.

Пришедши домой, я зашелъ къ своему хозяину, съ которымъ имѣлъ разговоръ довольно интересный; онъ поразсказалъ мнѣ нѣсколько подробностей о Батюшковѣ, котораго, по приказанію правительства, отвозилъ въ Петербургъ изъ Симферополя.

Вотъ что онъ мнѣ пересказалъ. Поэтъ Батюшковъ былъ при Неаполитанскомъ посольствѣ подъ начальствомъ Штакельберга, который, по причинѣ броженія въ Неаполѣ удалившись изъ города на нѣкоторое разстояніе, посылалъ Батюшкова для доставленія ему свѣдѣній, что происходило между Неаполитанскими Карбонаріями. Батюшковъ, наблюдая за Карбонаріями, плѣнился, какъ поэтъ, мнимо-обаятельною ихъ теоріей и Петербургскимъ друзьямъ своимъ написалъ восторженное письмо, которое попалось въ руки правительства; Батюшкова вытребовали въ Петербургъ, онъ испугался немилости царской и впалъ въ меланхолію: потомъ отправили его на Кавказскія воды, а на зиму въ Симферополь, гдѣ онъ едва не зарѣзался бритвою въ припадкѣ своего безумія. Иногда и свѣтлыя минуты посѣщали Батюшкова; въ то время Батюшковъ разсуждалъ здраво, но превратно, когда дѣло касалось до

правительственныхъ мѣръ. Онъ очень былъ, по собственнымъ словамъ, не воздерженъ въ отношеніи къ женскому полу и просто искалъ одного лишь животнеппаго наслажденія. Это, по мнѣнію доктора Ланга, т. е. хозяина моего, не одна ли изъ главнѣйшихъ причинъ помѣшательства его... Я сегодня такую жажду чувствовалъ, что едва ли бутылки двѣ не выпилъ пива, казавшагося мнѣ отмѣнно вкуснымъ.

Среда, 14-го Іюля.

Читалъ трактатъ о чувственной любви и пожелалъ читать продолженіе сочиненій г-жи Гюіонъ *). Такимъ образомъ и приступилъ къ чтенію ея трактата объ очистительныхъ мытарствахъ. Боже мой. Какая пропасть зіяетъ разверстою предъ нашею злою волею! Какъ на мое грѣшное сердце подѣйствовало огнедышащее слово сей великой изъ таинбницъ Божіихъ!... Весь день былъ подъ вліяніемъ сего чтенія. Поутру былъ старецъ Мюльгаузенъ; я очень былъ радъ, что могъ предложить ему нѣсколько интересныхъ и рѣдкихъ книгъ изъ моей библіотеки. Ходилъ прогуливаться съ женою по публичному саду; никого въ ономъ. Заходили въ лавку; нужны были для жены два лоскутка матеріи. Хозяинъ мой и Жегочевъ провели у меня вечеръ.

Четвертокъ, 15-го Іюля.

И нынѣшняя почта не исполнила моихъ ожиданій; она привезла мнѣ газеты и тощую записочку отъ сестры князя; потомъ принесли письмецо изъ Москвы отъ жены любезнаго моего Смѣльскаго; письмо траги-комическое, въ которомъ она описываетъ невольное свое житье въ сараѣ. Я безъ того располагался уже отправляться въ Евпаторію, какъ получаю записку отъ Казначеева, въ которой доказывается мнѣ чудесная польза грязей и морского купанья. Я зачитался газетъ и забылъ одѣваться, какъ вдругъ является ко мнѣ Евпаторійскій предводитель Офрейнъ, братъ г-жи Цейеръ, и предлагаетъ мнѣ тысячи различныхъ услугъ и между тѣмъ привозитъ нѣсколько печатныхъ наставленій и объявленій о Сакскихъ грязяхъ; сказываетъ, что докторъ Оже давнымъ давно припасъ уже мнѣ и квартиру о четырехъ комнатахъ въ Саккахъ. Г-нъ Офрейнъ очень кстати явился со своимъ знакомствомъ, и я не иначе пріѣздъ его счелъ, какъ видимымъ знаменіемъ къ себѣ милостиваго Божія Промысла. Потомъ пришелъ Жегочевъ и привелъ подполковника Фацарди, желавшаго, повидимому со мною познакомиться. Итакъ обѣдалъ у меня одинъ только хозяинъ; да и индѣйка,

*) Яркая представительница крайняго мистицизма. Род. 1648, ум. 1717. Она утверждала, что очищенная душа въ состояніи экстаза достигаетъ полнаго *тожества* съ Богомъ. Ея сочиненія весьма цѣнятся у хлыстовъ и молоканъ. Ю. Б.

но которую я звалъ, не такъ была хороша. Между прочими разговорами, онъ мнѣ разсказалъ, что былъ знакомъ съ Пушкинымъ и сдѣлалъ это знакомство во время пребыванія Пушкина въ домѣ Раевскихъ, еще когда былъ живъ старикъ отецъ ихъ. Пушкинъ приставалъ тогда къ моему хозяину, чтобъ онъ указалъ ему на хорошихъ дѣвушекъ въ Бахчисараѣ; хозяинъ, чтобъ отъ него отдѣлаться, началъ ему разсказывать легенду о пригожей Полькѣ, знаменитой плѣнницѣ Крымскаго султана. Пушкинъ не уставалъ выслушивать всѣ подробности этого событія, задумывался, отходилъ отъ общества и вотъ вдругъ однажды поутру приноситъ тетрадь, въ которой начертано было начало дивной и знаменитой поэмы: Бахчисарайскаго Фонтана. Всякій день прибавлялось нѣсколько стиховъ, которые съ восторгомъ выслушивали Раевскіе и мой хозяинъ. Послѣ для обзора мѣстности Пушкинъ ѣздилъ и самъ въ Бахчисарай. Такимъ образомъ, продолжалъ хозяинъ, я былъ причиною, что Русская литература обогатилась столь изящнымъ твореніемъ. Послѣ обѣда я уснулъ немножко и потомъ гулялъ съ женою и съ Жегочевымъ по публичному саду. Во время прогулки душа моя силилась творить молитву и возноситься ко Господу, но земляность столь мнѣ обычная пятила меня долу, и я былъ безсиленъ.

Пятница, 16-го Іюля.

Поутру читалъ трактатъ о чувственной любви, сочиненіе г-жи Гюіонъ и нравы животныхъ доктора Вирея. Ходилъ смотрѣть, какъ подвинулись заказанныя работы, золотой очешникъ и вырѣзка печати; заходилъ къ Караиму поблагодарить его за блюдо Турецкой черешни, которую онъ вчера прислалъ ко мнѣ. Мнѣ эти ягоды не такъ-то понравились. Послѣ обѣда я съ женою и хозяиномъ посягнули на длинную прогулку за городъ, именно на дачу графа Воронцова. Домъ комфортабельный, садъ чисто содержимый и вѣтвистый, тѣни и прохлады много. Въ домѣ есть нѣсколько комнатъ занятыхъ книгами, я видѣлъ цѣлый строй Mercure de France и Année littéraire. Имѣнье, на которомъ находятся построенія графа, принадлежало нѣкогда вдовѣ знаменитаго Палласа, которая года за два только тому назадъ какъ умерла. Она жила очень долго въ Крыму, и мой хозяинъ зналъ ее какъ женщину, беллетристку и хорошо умѣвшею пожить. Она послѣднее время не такъ ладно жила съ мужемъ своимъ. Поздно мы возвратились съ прогулки усталые, измученные. Въ продолженіе дня религіозные мотивы толпились въ душѣ моей; я благодарю Господа, что Онъ ниспосылаетъ душѣ, столь грѣшной, нѣкоторый малый свѣтъ и помазаніе; боюсь только, чтобъ мое настоящее разсужденіе не было похоже на мысли самонаглядиаго фарисея, которые всегда были Ему столь противны.

Суббота, 17-го Іюля.

Я забылъ вписать вчера въ мою тетрадь, что въ продолженіе ночи я видѣлъ какіе-то пестрые, обаятельные сны и въ числѣ первыхъ снился Гавр. Степ. Поповъ; съ нѣкотораго времени онъ часто мнѣ снится. Поутру я былъ въ должномъ расположеніи духа, молился, просилъ, взывалъ. Пришелъ ко мнѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ Еврей и принесъ кугель, который и ѣли мы за столомъ; Варинькѣ онъ не очень понравился. Послѣ обѣда я пошелъ въ садъ, оттуда къ Жегочеву, и вмѣстѣ съ нимъ пошли шататься по городу; въ одномъ мѣстѣ Татарки насъ зазывали къ себѣ. Признаюсь, душа моя изъ молитвеннаго состоянія перешла въ подлую животненность; я, неопредѣлительно, но не менѣе того инстинктуально, водился какимъ-то настроеніемъ сладострастія. Мы заходили къ здѣшнему совѣтнику Славинскому, любителю яко бы рѣдкостей. Этотъ чиновникъ и родился въ Крыму, обучался однако въ Харьковскомъ университетѣ. Я видѣлъ у него пространную карту Кавказа и сопредѣльныхъ съ оною странъ, дѣланную отъ руки въ Главномъ Штабѣ. Видѣлъ большой кусокъ горнаго хрусталя, вѣсящій до шести фунтовъ; этотъ кусокъ принадлежалъ къ люстрѣ висѣвшей въ Цареградской мечети. Видѣлъ окаменѣлую сосну, колосальную устрицу, тоже окаменѣлую и которую г. совѣтникъ считаетъ допотопною. Онъ, т. е. совѣтникъ, разсказывалъ, что съ нѣкотораго времени онъ отправляется къ духоборцамъ, дабы ихъ увѣщевать принять православіе; если они не согласятся, то большими партіями назначено высылать ихъ въ Арменію, въ Ахалцихскій уѣздъ; таковыхъ партій по 800 человѣкъ отправлено уже туда двѣ. Это распоряженіе сдѣлано по желанію графа Воронцова. Не смѣю входить въ дальнѣйшія сужденія.... По Запискамъ сенатора Лопухина и Кіевскаго професора N.*) я имѣю не очень дурное понятіе о духоборцахъ. Еще показывалъ мнѣ совѣтникъ собственноручное предписаніе Потемкина Крымскому губернатору Жегулину; оно на простой бумагѣ и 1790 года. Очень усталые возвратились мы съ прогулки, и я весь закоптился сажею несовмѣстныхъ, непристойныхъ и постыдныхъ пожеланій. Окончилъ первый томъ трактата о чувственной любви, продолжалъ чтеніе г-жи Гюіонъ, писалъ письма къ племянницѣ, къ Ялтскому почтмейстеру и къ Дм. Ив. Попову, къ сему послѣднему по приказанію князя.

Воскресенье, 18-го Іюля.

Ходилъ къ обѣднѣ въ старый соборъ, стоялъ на томъ же мѣстѣ, какъ и прежде; народу было много, служба шла благоговѣйно. Оттуда

---

*) Т. е. Ореста Новицкаго. П. Б.

зашли въ Католическую церковь; народу также довольно; пѣвчіе пѣли согласно. Слова священника, которыя онъ выговаривалъ съ энергіею, увлеченіемъ и въ размѣръ хораля по интонаціи, особенно меня поражали. Вотъ эти слова, какъ они ни необыкновенны: «Свенты Боже, свенты мочны, свенты несмертельны, змилуйсе надъ нами». Пришедши домой, я встрѣтился съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, служащимъ въ канцеляріи губернатора, который ономнясь обѣдалъ у меня; я оставилъ его и на нынѣшній разъ у себя обѣдать. Къ обѣду пришелъ и Жегочевъ. Офрейнъ прислалъ, по своему обѣщанію, ко мнѣ нарочнаго изъ Евпаторіи съ увѣдомленіемъ, что нанята для насъ квартира съ увѣдомленіемъ; онъ прислалъ и планъ оной. Я былъ тѣмъ чрезвычайно доволенъ и въ глубинѣ души моей возблагодарилъ Господа: это видимая Его помощь и ободреніе. Послѣ обѣда я нанялъ извощика на парѣ; извощикова физіономія очень замѣчательна, его окладистая бородка, хитрый взглядъ, блуза или родъ ея изъ неотбѣленаго полотна и соломенная шляпа, остановили мое вниманіе. Мы поѣхали па дачу помѣщика Нотары; старый и тѣнистый садъ вблизи Салгира, есть гдѣ отдохнуть и разгуляться. Оттуда проѣхалъ я къ доктору Мильгаузену, чтобы проститься съ нимъ. Поутру читалъ маленькую книжку, которую давно уже выписалъ нарочно изъ Петербурга. Это различныя мысли маркиза Вильмюра, настоящій вадемекумъ для мыслящаго. Долгъ свой по Господу исполнилъ безъ особенныхъ препятствій, не досидѣлъ однако минутъ двадцать. Вынулъ изъ шкатулки и послѣдній денежный запасъ свой, состоящій изъ 400 рублей. Разсчитался кое съ кѣмъ, и между прочимъ, съ аптекаремъ, который, какъ мнѣ кажется, человѣкъ прекрасный и честный.

Понедѣльникъ, 19-го Іюля.

Привезли почту, но въ ней не было никакого рѣшенія. Я получилъ письма отъ князя, отъ сестры его, изъ Кривоезерскаго монастыря, отъ настоятеля Паисія и отъ инспектора почтъ Подолинскаго, въ которомъ приложены были стихи, назначенные для моего альбома. Когда нибудь на досугѣ я впишу въ свой дневникъ эти стихи. Мы пошли съ хозяиномъ своимъ Лангомъ въ здѣшній Приказъ Общественнаго Призрѣнія, гдѣ я, на основаніи узаконеній, думалъ заложить банковый билетъ и занять денегъ; я припасъ билетъ въ 2000 рубл. серебромъ и думалъ взять 1000 рублей. Просьба, въ слѣдствіе обязательнаго проворства члена Приказа, сейчасъ же была написана и подписана мною, а членъ Приказа взялъ ее съ собою и понесъ къ губернатору съ тѣмъ, чтобъ сегодня и выдать мнѣ деньги. Покуда вы ходите, сказалъ я члену, позвольте мнѣ зайти домой и отправить мои

письма. Я возвращаюсь домой, отправляю письма и дожидаюсь возвращенія человѣка, какъ вдругъ сказываютъ мнѣ, что желаетъ видѣться со мною почтмейстеръ. Почтмейстеръ входя поздравляетъ меня съ полученіемъ царской милости: Государь пожаловалъ мнѣ 5400 рубл. денегъ. Я ожилъ и очень обрадовался. Получить пособіе въ то самое время, когда я вполовину занялъ уже деньги, было очень кстати. Милость Божія была очень для меня свѣжа и проникновенна. Въ это самое время пришедшій человѣкъ объявилъ, что пріѣхалъ Гавр. Степ. Поповъ изъ Петербурга. Вскорѣ и самъ Поповъ явился; я обрадовался ему, какъ любезному родственнику. Поповъ объявилъ мнѣ, что онъ не одинъ пріѣхалъ, а привезъ съ собою для компаніи и извѣстнаго благопріятеля моего Власенкова, который по уходѣ Гавр. Степ. и самъ зашелъ ко мнѣ; я принялъ его радушно. Потомъ всѣ мы собрались у Попова обѣдать въ здѣшнемъ трактирѣ; Шампанскаго, не Крымскаго, а изъ Одессы привезеннаго, было довольно, мы подпили порядочно; я однако остерегался. Много было разговоровъ и даже нескромныхъ. Жегочевъ, который тутъ же находился, болѣе всѣхъ насъ разболтался, и мы очень откровенно поговорили о нашемъ statu quo. Досталось и сестрѣ князя и Козловскому. Я однако напомнилъ Попову, что надобно ѣхать, но онъ выѣхалъ поздно и вѣроятно очаровательныхъ картинъ Алушты не увидитъ. Встрѣтился съ нами князь Херхеулидзевъ, градоначальникъ Керчи, который остановилъ отправленіе; почти въ сумеркахъ покатились они въ дальній путь. А мы съ княземъ Херхеулидзевымъ зашли на квартиру къ Жегочеву, который накормилъ гостя простоквашею. Князь человѣкъ умный, хотя и нервозный; онъ отличается ярко между чиновниками графа Воронцова. Онъ разсказывалъ мнѣ объ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ одномъ курганѣ: золотыя вещи, серебряный подносъ, женскія вещицы, какъ бы сейчасъ только сдѣланныя. Одну изъ таковыхъ вещей Государь подарилъ Наслѣднику съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее, кажется мнѣ, своей супругѣ. Ночь провелъ спокойно и исполнилъ долгъ свой, какъ немощь и свѣжая оргія мнѣ то дозволили. Фуру съ кухаркою и мальчикомъ Сергѣемъ отправили мы впередъ въ Евпаторію.

Вторникъ, 20-го Іюля.

Поутру принесли мнѣ совсѣмъ готовую печать: старикъ Еврей вырѣзалъ на ней гербъ мой; масса печатки состоитъ изъ такъ называемаго topaze fumé, дымчатаго топаза. Князь Ал. Ник. предъ отправленіемъ своимъ изъ Петербурга подарилъ мнѣ ее. Старикъ Еврей не безъ достоинствъ; онъ въ своей жизни производилъ необыкновенныя вещи: въ формѣ малой печати онъ вырѣзалъ всѣ гербы Имперіи Россійской

съ относительными ихъ изображеніями, и Государь Императоръ пожаловалъ ему брильянтовый перстень. Другой Еврей, золотыхъ дѣлъ мастеръ, дѣлавшій мнѣ золотой очешникъ, кажется, не такъ честно окончилъ свой подвигъ; онъ испортилъ его и даже, можетъ быть, не доложилъ золота, а по словамъ его, онъ будто бы переложилъ его; извѣстно только то, что въ этомъ дѣлѣ было моихъ четыре съ половиною червонца. Потомъ пришелъ ко мнѣ еще Еврей, у котораго я выбралъ разныя матеріи, какъ-то разнаго рода полотенъ для бѣлья, кисеи для жены и Вариньки, матеріи для людского платья, одѣялъ, словомъ: полный ремонтъ для гардероба нашего. Я рѣшился дозволить себѣ пріобрѣсти Голландскаго полотна для дюжины рубашекъ и покупалъ его за аршинъ по 2 р. 10 к. и по 2 р. 50 коп. такое, за которое плачивалъ въ Петербургѣ за каждый аршинъ отъ 7 до 9 р. Дай Богъ здоровья Царю, я могъ все это сдѣлать, и это занятіе немало времени у меня отняло. Обѣдалъ я у своего хозяина, Петра Иванов. Ланга; онъ пригласилъ къ обѣду стат. совѣт. Стевена, начальника агрономическихъ, ботаническихъ и гортикюльтюрныхъ заведеній южнаго края. Стевенъ человѣчикъ невзрачный, долженъ быть нервозный и отчасти Нѣмецъ, хотя и Финлянецъ родомъ. Русскихъ онъ трактуетъ въ родѣ султана. Лѣтъ тридцать тому назадъ, живя въ Кизлярѣ, говорилъ онъ, я зналъ въ квартировавшемъ тамъ полку трехъ маіоровъ, которые не знали грамотѣ. Мнѣ кажется, что ему неприлично было бы мнѣ о томъ разсказывать. Стевенъ мнѣ не очень понравился. Вечеромъ приходилъ ко мнѣ пить чай Караимъ, у котораго я забиралъ разные запасы; я его потчивалъ муфъ-канастеромъ. Жегочевъ и хозяинъ составляли также мою компанію. Цѣлый день я былъ разсѣянъ, но радостенъ и доволенъ. Богу благодареніе, Онъ видимо милосердствуетъ меня. Я очень былъ радъ, что могъ женѣ моей и Варинькѣ сдѣлать что-нибудь угодное и пріятное. Долгъ свой ко Господу исполнилъ, какъ могъ, безъ особенныхъ затрудненій.

*

На слѣдующій день по утру Ю. Н. Бартеневъ выѣхалъ въ Евпаторію лѣчиться Саккскими грязями.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЗАМѢТКА КЪ СТИХОТВОРЕНІЮ А. С. ХОМЯКОВА „ЗВѢЗДЫ".

Къ числу лучшихъ стихотвореній А. С. Хомякова относится то, которое озаглавлено „Звѣзды". Вотъ оно:

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
Но впивайся въ нихъ очами
И увидишь, что въ дали
За ближайшими звѣздами
Тьмами звѣзды въ ночь ушли,
Вновь вглядись, и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

*

Въ часъ полночнаго молчанья,
Разогнавъ обманы сновъ,
Ты взглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ;
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь: звѣзды мысли водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли;
Вновь взглядись: иныя всходятъ;
Вновь вглядись, и тамъ въ дали
Звѣзды мыслей тьмы за тьмами
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

Въ этомъ стихотвореніи истинно-поэтическое вдохновеніе такъ безыскусственно сливается съ глубокимъ чувствомъ вѣры, что нельзя усмотрѣть и тѣни той надуманности, которую самъ А. С. Хомяковъ ставилъ въ вину своимъ стихотворнымъ произведеніямъ и вслѣдствіе которой онъ себя смиренно причислялъ къ разряду скорѣе стихотворцевъ, чѣмъ истинныхъ поэтовъ.

Въ стихотвореніи „Звѣзды" какъ будто отразился самъ Хомяковъ, съ одной стороны, какъ вѣрующій мыслитель, погруженный въ созерцаніе неизслѣдимыхъ глубинъ Евангельской истины, а съ другой какъ человѣкъ. посвящавшій своей усиленной умственной работѣ цѣлыя ночи напролётъ; и это не иногда, не часто даже, а постоянно, безпрерывно. Ночь была для Хомякова временемъ самоуглубленія, тогда какъ дни его были почти исключительно заняты либо деревенскими занятіями (съ охотой на первомъ планѣ), либо, въ городѣ, непрерывному собесѣдованію съ тѣмъ разнообразнымъ обществомъ, которое ежедневно собиралось у него съ самаго утра. Онъ никогда не отходилъ ко сну раньше пятаго часа пополуночи. Ночь для него была тѣмъ, чѣмъ она являлась вдохновенному пѣснопѣвцу: „Ночь не свѣтла невѣрнымъ, Христе; вѣрнымъ же просвѣщеніе въ сладости словесъ Твоихъ". Оттого Хомяковъ такъ часто воспѣвалъ ночь въ стихотвореніяхъ и даже ввелъ ночной мотивъ въ одну изъ самыхъ глубокомысленныхъ статей своихъ, прерванную тоже ночью „Ангеломъ-разрушителемъ", гостемъ издавна имъ жданнымъ, какъ выражался онъ о смерти въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній своихъ. Такимъ образомъ сопоставленіе ночныхъ небесныхъ звѣздотканныхъ безднъ съ еще болѣе неизслѣдимыми глубинами Откровеніи Евангельскаго является у Хомякова вполнѣ безыскусственнымъ; и потому, вѣроятно, ему удалось облечь его въ такую богатую поэтическую оправу.

Но если составные элементы этого стихотворенія выработались въ душѣ Хомякова сами по себѣ, тѣмъ не менѣе не невозможно допустить, что потребность облечь ихъ въ стихотворную форму могла быть вызвана внѣшнимъ вліяніемъ, вліяніемъ сродной ему мысли другого лица, можетъ быть поразившей его сходствомъ съ тѣмъ, что̀ онъ самъ чувствовалъ, и тѣмъ еще сильнѣе, что онъ напалъ на нее во время одного изъ своихъ ночныхъ бдѣній, въ виду воспѣтаго имъ звѣзднаго неба. Читая при такой именно обстановкѣ книгу высоко-цѣнимаго имъ протестантскаго богослова Винѐ „Discours sur quelques sujets religieux", не напалъ ли онъ дѣйствительно на одно въ ней мѣсто, которое поражаетъ своимъ сходствомъ со стихотвореніемъ „Звѣзды"?

По кончинѣ супруги своей, которая очень любила читать Винѐ, Хомяковъ особенно занялся его произведеніями, чему оставилъ доказательство въ своихъ богословскихъ брошюрахъ, изъ которыхъ особенно вторая тѣсно связана съ писаніями этого ученаго проповѣдника. Въ проповѣди Винѐ, озаглавленной l'Évangile compris par le coeur (стр. 33—34, изд. 1862 г.) читаемъ слѣдующее: „Il en est des hauteurs de l'âme comme des magnificences du firmament. Lorsque. par une nuit sereine des milliers d'astres étincellent sur le front des cieux, cette éclatante richesse de la voûte étoilée ravit quiconque a des yeux...... Un autre ciel, un ciel plus magnifique que la voûte d'azur étendue sur nos têtes se déploie à nos regards dans l'Évangile: les divines vérités sont les astres de ce ciel mystique et y brillent plus lumineuses et plus pures que les étoiles dans le firmament". Это мѣсто, само по себѣ прекрасное, могло еще сильнѣе остановить на себѣ вниманіе Хо-

мякова, благодаря тому, что Винѐ продолжаетъ тутъ же: „Mais il faut un oeil pour les voir, et cet oeil, mes frères, c'est l'amour. L'Évangile est une oeuvre d'amour; le Christianisme n'est que l'amour réalisé sous sa forme la plus pure; et comme la lumière de ce monde ne peut être connue que par l'oeil, l'Évangile ne peut être compris que par l'amour". Въ стихахъ своихъ Хомяковъ передалъ тѣ свои чувства, которыя соотвѣтствовали первой части сдѣланной нами выписки; вторая же послужила, можетъ быть, къ тому, чтобы усилить впечатлѣніе первой на его умъ и душу тѣмъ, что она въ протестантской формѣ выражала его собственное, но уже строго-православное, воззрѣніе на Писаніе. Это послѣднее понятно, по ученію Хомякова, только въ Церкви и для Церкви; а Церковь сама есть любовь въ ея объединяющемъ значеніи. Хомяковъ особенно дорожилъ проявленіями православнаго пониманія въ писаніяхъ иновѣрныхъ богослововъ, такъ какъ они указываютъ на внутреннюю близость ихъ къ пониманію церковному, недоступному имъ въ своей полнотѣ, благодаря тому искаженію въ самой основѣ мышленія, которое произошло на всемъ Западѣ чрезъ вліяніе Латинства, перешедшаго по наслѣдству и къ Протестантамъ. Винѐ, Мёлеръ, Ниль, Тиршъ были Хомякову дороги именно тѣмъ, что онъ въ нихъ видѣлъ залогъ возможнаго, хотя и нескораго, сближенія съ Церковью отпадшихъ отъ нея вѣтвей; и конечно, въ данномъ случаѣ, слова Винѐ о пониманіи Писанія любовью не могли не привлечь его вниманія на предшествующія строки, которымъ онъ и далъ поэтическое выраженіе уже потому, что онѣ совпадали сами по себѣ съ его личнымъ поэтически-религіознымъ чувствомъ.

Въ письмѣ къ издателямъ сочиненій Винѐ Хомяковъ говоритъ, что онъ чтимъ и понимаемъ можетъ быть нигдѣ болѣе, какъ въ Россіи. Но подъ словомъ „понимаемъ" Хомяковъ вѣроятно подразумѣвалъ не простое буквальное пониманіе, а такое, которое давало взглядамъ Винѐ гораздо болѣе широкій смыслъ чѣмъ тотъ, который онъ самъ въ нихъ влагалъ. Такъ напр. Винѐ говоритъ, что Католицизмъ и Протестантство входятъ оба, какъ равноправныя составныя части въ Церковь земную; Хомяковъ же, соглашаясь съ нимъ, поясняетъ однако его воззрѣніе тѣмъ, что Католицизмъ, т. е. каѳоличность, есть атрибутъ Церви въ ея цѣлости, протестантскій же элементъ пытливости есть атрибутъ отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ составъ Церкви и стремящихся чрезъ него достигнуть каѳоличности пониманія, принадлежащей лишь Церкви въ ея полнотѣ. (L'église Latine et le Protestantisme, стр. 112, 113). Очень интересна строгая, но вѣрная критика И. В. Кирѣевскаго одного изъ сочиненій Винѐ о свободѣ исповѣданія и объ отношеніи государства къ Церкви, напечатанная въ приложеніяхъ къ біографіи А. И. Кошелева, составленной Н. П. Колюпановымъ.

Если указанное нами сходство между стихотвореніемъ Хомякова „Звѣзды" и словами Винѐ и случайное, то его отмѣтить все-таки пріятно, какъ доказательство какого-то духовнаго сродства между первымъ и вторымъ. Хомяковъ называетъ Винѐ „Une des plus nobles illustrations de notre siècle".

*

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

1860 *).

S-t Pétersbourg, 16 Juin. Le sort en est jété, *alea jacta est*, comme disaient Jules César et m-r de Lamartine avec des résultats trés différents. J'ignore quel sera le mien. Je pars après demain Samedi, et par la voie de terre encore, attendu qu'un brave homme a mis à ma disposition sa calèche à Dunabourg et que la direction se charge de ma transmission jusque là par le chemin de fer que je retrouverai à la frontière de Prusse.

C'est Dimanche passé que je suis allé à Tsarskoé. Après avoir dìné non pas avec Anna, mais chez elle (car elle mange maigre), je suis allé voir le prince Gortschakoff et son fidèle Pylade *Муханов*ъ, qui tous deux sont à demeure à Tsarskoé participant largement de tous les agréments et honneurs de l'hospitalité impériale. J'ai trouvé le premier couché et essayant par une sieste improvisée de se refaire un peu de ces agréables corvées, lorsqu'on est venu en ma présence le sommer de participer à la promenade du soir. Il est certain que pour un homme qui a la question d'Orient et une cure d'eau de Hombourg à digérer, un pareil régime est un peu éprouvant. Quant à l'ami Мухановъ, je l'ai trouvé comme toujours frais, dispos et à mon endroit dans les dispositions les plus aimables. Voilà encore un de ces hommes qui sont si complets et si clos en eux-mêmes que leur présence me persuade toujours et qu'il me devient, pour ainsi dire, physiquement impossible de déranger leur confortable ensemble par une contradiction quelconque....

Hier j'ai pris congé de mon Comité et non sans quelque peine à me séparer de ces messieurs qui me sont si bienveillants. Enfin le soir j'ai revu ma tendre Julie dans son établissement d'été si connu et toujours le même. Il y avait chez elle entre autres un m-r Fournier,

---

*) См. выше стр. 271.

sécretaire de l'ambassade de France, qui m'a fait faire un triste retour sur moi-même, c'est-à-dire sur ce néant de mémoire qui m'envahit de plus en plus. Il paraît qu'il y a à peine quelques années m-r Fournier et moi nous avons été très intimes, que nous nous plaisions beaucoup réciproquement; aussi, m'a-t-il abordé avec les plus cordiales démonstrations, qui m'ont fait d'autant plus de plaisir que c'est un homme d'esprit et nullement banal. Eh bien, j'ai beau fouiller et refouiller mes souvenirs, je n'y retrouve pas une trace de son existence dans mon passé.

С.-Петербургъ, 16 Іюня. Жребій брошенъ, alea jacta est, какъ говорили Юлій Цезарь и Ламартинъ, съ весьма различными послѣдствіями. Не знаю, каковъ будетъ мой. Уѣзжаю послѣ завтра, въ Субботу, и все еще сухимъ путемъ, въ виду того, что одинъ добрый человѣкъ отдалъ въ мое распоряженіе свою коляску въ Динабургѣ и что правленіе обязуется доставить меня до Динабурга по желѣзной дорогѣ, которую вновь найду на Прусской границѣ.

Въ Царскомъ былъ я прошлое Воскресенье. Пообѣдавъ не скажу съ Анной, но у нея (ибо она постничаетъ), я отправился повидать князя Горчакова и его вѣрнаго Пилада Муханова[1]); оба они живутъ въ Царскомъ и широко пользуются почетомъ и удобствами царскаго гостепріимства. Перваго я засталъ лежащимъ, пытающимся оправиться отъ всѣхъ этихъ пріятныхъ трудовъ необычнымъ для него послѣобѣденнымъ отдыхомъ, когда пришли въ моемъ присутствіи пригласить принять участіе въ вечерней прогулкѣ. По правдѣ сказать, такой образъ жизни нѣсколько тяжекъ для человѣка, который долженъ переварить и Восточный вопросъ и Гомбурскія воды. Чтò касается друга Муханова, я нашелъ его какъ всегда свѣжимъ, живымъ и самымъ любезнымъ образомъ расположеннымъ ко мнѣ. Вотъ еще одинъ изъ тѣхъ людей, которые столь закончены и завершены сами въ себѣ, что ихъ присутствіе дѣйствуетъ на меня убѣждающе и что мнѣ становится просто физически-невозможнымъ нарушить какимъ нибудь противорѣчіемъ ихъ покойную цѣльность.

Вчера я распрощался со своимъ Комитетомъ [2]), и не безъ нѣкотораго сожалѣнія разстался съ этими господами, столь расположенными ко мнѣ.

---

[1]) Николая Алексѣевича. Это былъ старшій братъ того В. А. Муханова, Дневники котораго были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1898. Онъ былъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ и управлялъ иногда, въ отсутствіе князя Горчакова, министерствомъ. Къ нему посланіе А. С. Хомякова: „О мудрый другъ“ и пр., соотвѣтствующее тому, чтò говоритъ про него Ѳ. И. Тютчевъ.

[2]) Т. е. съ Комитетомъ иностранной цензуры, котораго Ѳ. И. Тютчевъ до конца своей жизни былъ предсѣдателемъ, служа въ тоже время членомъ Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ его необыкновенный умъ и близкое знакомство съ политикою приносили большую пользу.

Наконецъ вечеромъ я увидался съ милой Юліей *) въ ея лѣтнемъ жилищѣ, столь знакомомъ, никогда неизмѣняющемся. Среди другихъ у нея былъ нѣкто г. Фурнье, секретарь Французскаго посольства. Эта встрѣча заставила меня сдѣлать грустное наблюденіе надъ собой, именно надъ тѣмъ безсиліемъ памяти, которое все болѣе и болѣе овладѣваетъ мною. Оказывается, что всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы были очень близки съ г. Фурнье и очень нравились другъ другу. По крайней мѣрѣ онъ встрѣтилъ меня съ самыми сердечными изъявленіями радости, доставившими мнѣ тѣмъ болѣе удовольствія, что это человѣкъ умный и вовсе не пошлый. И что же! Тщетно роюсь въ своихъ воспоминаніяхъ: не нахожу и слѣда его существованія въ моемъ прошломъ.

Berlin, *1 (13) Juillet*. Parlons de ce qui m'a amené ici et me fait dater de Berlin mes doléances. H. . ., à mon départ de Pétersbourg, m'avait muni d'une lettre pour *Friedchs*, pour lequel il est pénétré d'une profonde vénération et qui en effet est considéré ici comme la première autorité médicale du pays. Et bien, à peine arrivé je suis allé le trouver et lui donnai communication de l'ordonnance de H. . ., qui, hélas, a été jugée par Friedchs parfaitement incongrue et absurde. Friedchs m'a déclaré après que j'eusse complété les trop courtes informations de la lettre de H. . . par les miennes, que ni Hombourg ni Schwalbach ne pourraient me convenir, et il m'a laissé le choix entre une cure à Carlsbad, suivie d'une autre à Egra, et la cure des bains de Wiesbaden avec accompagnement à boire du Milchbrunnen, qui est une des sources de Carlsbad. Je n'ai pas besoin de dire que j'ai opté pour Wiesbaden.

Берлинъ, *1 (13) Іюля*. Поговоримъ о томъ, что̀ меня привело сюда и заставило помѣчать Берлиномъ свои жалобы. При моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга Г. . . ъ снабдилъ меня письмомъ къ Фридрейхсу, къ которому онъ исполненъ глубочайшаго уваженія и къ которому, дѣйствительно, здѣсь относятся какъ къ первому медицинскому авторитету всей страны. Ну вотъ, только что пріѣхавъ, я прямо отправился къ нему и сообщилъ ему о предписаніяхъ Г. . . а; но, увы, Фридрейхсъ отнесся къ нимъ какъ къ нелѣпымъ и совершенно ошибочнымъ. Когда я пополнилъ устно указанія письма слишкомъ краткія, Фридрейхсъ объявилъ, что ни Гомбургъ ни Швальбахъ помочь мнѣ не могутъ и предоставилъ мнѣ на выборъ или курсъ лѣченія сначала въ Карлсбадѣ, потомъ въ Эгрѣ, или курсъ ваннъ въ Висбаденѣ съ питьемъ воды Мальхбруненъ, одного изъ Карлсбадскихъ источниковъ. Нечего и говорить, что я предпочелъ Висбаденъ.

Wiesbaden, *7 (19) Juillet*. Me voilà ici depuis trois jours, et c'est aujourd'hui que j'avais du commencer cette fameuse cure qui doit me

*) Т. е. съ графинею Строгановой, въ то время уже вдовою графа Г. А. Строганова.

régénérer. Mais hier j'ai reçu quelques lignes de Daria encore de Wildbad, qui m'annonce que Samedi prochain, c'est-à-dire après demain, l'Impératrice - Mère sera à Mayence et qu' elle m'invite à dîner. C'est ce qui m'a fait hésiter, car je ne voudrais pas commencer par une interruption.

Après Berlin je me suis arrêté une couple de jours à Francfort où j'ai trouvé Kovaleffsky et j'ai manqué Tourguéneff.

Висбаденъ. 7 (19) Іюля. Вотъ уже три дня, какъ я здѣсь; сегодня слѣдовало мнѣ начать пресловутый курсъ лѣченія, который долженъ возродить меня. Но вчера я получилъ нѣсколько строкъ отъ Дарьи еще изъ Вильдбада; она извѣщаетъ меня, что въ слѣдующую Субботу, т. е. послѣ завтра, Императрица—Мать будетъ въ Майнцѣ и что Она приглашаетъ меня къ обѣду. Это-то и заставило меня поколебаться: я не хотѣлъ бы начать съ перерыва.

Послѣ Берлина я останавливался на два дня во Франкфуртѣ, гдѣ встрѣтилъ Ковалевскаго *), но уже не засталъ Тургенева.

Wiesbaden, 17 (29) Juillet. Hier il y avait huit jours que j'allai à Mayence saluer à son passage l'excellente Impératrice-Mère. Je tombai à Mayence dans le brouhaha d'un festival des plus animés. C'était la réunion de tous les Lieder-Verein des bords du Rhin. Toute la ville de Mayence était en l'air avec des guirlandes et des couronnes de fleurs à toutes les maisons et des drapeaux de toutes les couleurs à toutes les fenêtres. J'assistai à la répétition du concert qui devait avoir lieu le lendemain, composé de 900 voix et de 180 musiciens. C'était fort beau, et puis cela m'aida à prendre patience jusqu'à huit heures du soir où je vis arriver le convoi de l'Impératrice, qui versa son agitation dans le brouhaha général. L'Impératrice m'a reçu avec sa bienveillance ordinaire au milieu d'une demi-douzaine de têtes plus au moins couronnées: car il y avait là le roi de Hollande, son neveu, le vieux roi Louis de Bavière avec sa fille Mathilde, deux princes de Prusse, leurs sœurs de Meklenbourg, tout cela dans une chambre d'auberge de moyenne grandeur et avec leurs suites encombrant les corridors et les escaliers.

Висбаденъ, 17 (29) Іюля. Вчера исполнилась недѣля какъ я ѣздилъ въ Майнцъ привѣтствовать несравненную Императрицу Мать при ея проѣздѣ. Въ Майнцѣ я попалъ въ самый гулъ оживленнѣйшаго праздника. То было собраніе всѣхъ пѣвческихъ обществъ съ береговъ Рейна. Весь Майнцъ былъ на улицѣ; на всѣхъ домахъ вѣнки и гирлянды цвѣтовъ. всѣ окна

*) Егора Петровича, который въ то время былъ директоромъ Азіатскаго Департамента.

убраны разноцвѣтнѣйшими флагами. Я присутствовалъ на репетиціи назначеннаго на завтра концерта. образованнаго изъ 900 голосовъ и 180 музыкантовъ. Это было очень красиво, а кромѣ того помогло мнѣ съ терпѣніемъ дождаться восьми часовъ вечера, когда я увидалъ наконецъ поѣздъ Императрицы, прибавившій своего шуму въ общую сумятицу. Императрица приняла меня съ обычной привѣтливостью среди полдюжины головъ болѣе или менѣе коронованныхъ: въ самомъ дѣлѣ тамъ были: король Голландскій, ея племянникъ, престарѣлый король Баварскій Людовикъ со своей дочерью Матильдой, два Прусскихъ принца, ихъ сестры Мекленбургскія, и все это въ комнатѣ гостиницы средней величины и со всей ихъ свитой, переполнявшей коридоры и лѣстницы.

Bade-Bade, 1 (13) Septembre. Avant de venir ici je me suis arrêté quelques jours à Heidelberg où j'ai fait la rencontre des deux frères Аксаковъ, dont l'un Constantin est dans un bien triste état de santé. Le pauvre jeune homme que j'avais vu la dernière fois à Moscou, la veille du jour de la mort de son père, n'est plus que l'ombre de lui-même, lui, qui était un Hercule de santé et d'énergie. Il ressort de ces propres paroles que le mal qui le ruine est un anévrisme au cœur. L'autre frère, Jean, revient des pays Slaves, et ses récits dans le moment actuel sont peut-être en fait de conversation ce que l'on peut entendre de plus intéressant. Je me suis franchement félicité de cette rencontre.

Баденъ-Баденъ, 1 (13) Сентября. До пріѣзда сюда я останавливался на нѣсколько дней въ Гейдельбергѣ, гдѣ встрѣтилъ двухъ братьевъ Аксаковыхъ; состояніе здоровья одного изъ нихъ, Константина, очень печально. Бѣдный молодой человѣкъ, котораго я видѣлъ послѣдній разъ въ Москвѣ наканунѣ смерти его отца, теперь только тѣнь самого себя, а вѣдь онъ былъ Геркулесомъ силы и энергіи. Изъ его собственныхъ словъ выходитъ, что разрушающая его болѣзнь—аневризмъ сердца. Другой братъ, Иванъ, возвращается изъ Славянскихъ земель, и его разсказы, можетъ быть, самое интересное изо всего, что только можно услыхать въ настоящее время въ разговорѣ. Я искренно былъ обрадованъ этой встрѣчей.

Genève, 22 Sept. (20 Octobre). Maintenant et rien que pour l'acquit de ma conscience quelques mots sur ma santé et sur cette nouvelle mystification de cure que je suis venu chercher ici. A mon arrivée à Genève j'ai trouvé le raisin presqu'aussi arriéré qu'en Allemagne et j'étais déjà sur le point de courir à Vevey, à Montreux et même plus loin, s'il le fallait, pour en trouver le mûr. Heureusement le mauvais temps qui avait recommencé a mis bon ordre à ces velleités, en attendant le raisin a mûri, et voilà trois jours qu'il y en a de suffisamment mûr au marché pour que, au dire du médécin, le traitement ait

pu commencer. Ce médécin qui me paraît être un homme très entendu est également d'avis que cette cure pourra me faire grand bien, mais à la condition de ne pas forcer les choses, c'est à dire eu égard à l'extrême irritabilité de mon estomac.

Genève serait un fort joli séjour si le temps était plus constamment beau. Par un beau soleil d'automne c'est même magnifique, et j'ai eu plus d'une fois de ces splendides heures qui m'ont un peu reposé et consolé de l'exécrable été que j'ai subi cette année.

L'intérêt politique du moment est aussi une distraction dont il faut tenir compte. L'autre jour j'ai assisté à une assemblée populaire présidée par m-r Fazy, mais une vraie assemblée populaire de mille à quinze cents personnes, la plupart des *Rouges*, qui m'a vraiment impressionnée et m'a fait tomber au doigt beaucoup de choses que je ne faisais que pressentir. Quant à Fazy lui-même, je dois faire sa connaissance ces jours-ci. J'ai trouvé ici une très grande animosité contre sa majesté Napoléon III, mais il y a tout autant de peur que d'irritation. Ce qui est certain, c'est qu'on est admirablement placé ici pour les nouvelles, qui sont les plus intéressantes dans le moment donné, celles de l'Italie. Il est bien difficile de croire que ce qui s'y passe ne soit pas le prélude d'une crise Européenne, dans la quelle, à vue de pays, nous nous préparons à jouer notre rôle de niais, tout comme par le passé.

Женева, 22 Сентября (20 Октября). Теперь, и только для очистки совѣсти, нѣсколько словъ о моемъ здоровьѣ и объ этой новой мистификаціи лѣченія, для которой я сюда пріѣхалъ. Прибывъ въ Женеву, я засталъ виноградъ почти столь же запоздавшимъ, какъ въ Германіи, и уже готовъ былъ летѣть въ Веве, въ Монтрё и даже еще дальше, если бы понадобилось, чтобы только сыскать зрѣлаго. По счастью вернувшаяся дурная погода остановила эти покушенія: тѣмъ временемъ виноградъ созрѣлъ, и вотъ уже дня три, какъ въ продажѣ есть достаточно зрѣлый, по словамъ доктора, чтобы возможно было начать лѣченіе. Этотъ докторъ (человѣкъ, какъ мнѣ кажется, знающій) равнымъ образомъ убѣжденъ, что виноградное лѣченіе можетъ мнѣ принести великую пользу, при томъ однако условіи, чтобы я не насиловалъ хода вещей, иначе говоря принималъ во вниманіе крайнюю раздражительность моего желудка.

Женева была бы прелестнымъ мѣстомъ, будь только хорошая погода постояннѣе. При роскошномъ осеннемъ солнцѣ иногда бываетъ даже великолѣпно, и не разъ выпали на мою долю нѣсколько чудныхъ часовъ, отчасти успокоившихъ и утѣшившихъ меня за отвратительное лѣто, которое досталось мнѣ на долю въ этомъ году.

Въ числѣ развлеченій слѣдуетъ принять также и политическую злобу дня. Намедни я присутствовалъ на народномъ собраніи подъ предсѣдательствомъ г. Фази, и на собраніи въ самомъ дѣлѣ народномъ, гдѣ было тысячи полторы человѣкъ и по большей части все *красные;* оно въ самомъ дѣлѣ произвело на меня впечатлѣніе, и многое изъ того, что я только предчувствовалъ, стало для меня яснымъ. А съ самимъ Фази я долженъ на дняхъ познакомиться. Здѣсь встрѣтилъ я страшную злобу противъ его величества Наполеона III, но въ ней столько же страха, какъ и раздраженія. Несомнѣнно одно: здѣсь удивительно удобное мѣсто относительно полученія новостей, такъ какъ въ настоящее время любопытнѣйшія извѣстія идутъ изъ Италіи. Трудно не вѣрить, чтобы все происходящее тамъ не было прелюдіей общеевропейскаго кризиса, въ которомъ на глазахъ всей страны мы готовимся сыграть свою роль дурачка, точь въ точь какъ и прежде.

Genève, 4 (16) Octobre. Quant au séjour d'ici, bien que je n'aspire qu'à l'abréger, je dois avouer que dans d'autres conditions il pourrait avoir beaucoup de charmes. De la société j'en ai trouvé autant que je puis en consommer. J'ai fait la connaissance de quelques artistes et de quelques savants dans quelques cercles particuliers où les étrangers sont admis avec la plus grande libéralité. Je n'ai pas encore fait la connaissance de m-r Fazy, attendu qu'il a été absent de Genève, mais je vais la faire et j'ai découvert par hasard le trait d'union qui existe entre lui et moi: ce sont les rapports qu'il a eus dans le temps avec le comte Ostermann habitant de Genève.

Женева, 4 (16) Октября. Пребываніе здѣсь (хотя я только и мечтаю какъ бы его сократить) можетъ при другихъ условіяхъ имѣть много прелести, въ этомъ должно сознаться. Общество, которое я здѣсь нашелъ, столь велико, что большее было бы мнѣ не подъ силу. Я познакомился съ нѣсколькими артистами и съ нѣсколькими учеными изъ тѣхъ обособленныхъ круговъ, гдѣ иностранцевъ принимаютъ съ самымъ широкимъ гостепріимствомъ. Мнѣ еще не пришлось познакомиться съ г. Фази, въ виду того, что его не было въ Женевѣ, но познакомиться я намѣренъ; случайно я открылъ слѣды единенія, существующаго между нимъ и мною: въ свое время у него были сношенія съ графомъ Остерманомъ, когда тотъ жилъ въ Женевѣ *).

1861.

Moscou, 8 Juin. Je fus à Alexandrie, où il n'y avait personne à l'exception de Daria souffrante et qui n'avait pu accompagner la caravane impériale dans une des ses excursions aux environs de Moscou, équivalant à des vrais voyages. Ce soir-là on était allé au village de

---

*) Графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой приходился родственникомъ Ѳ. И. Тютчеву (мать котораго была родомъ Толстая).

Коломенское, village qui avait appartenu au père de Pierre-le-Grand et où celui-ci a passé son enfance. Il y avait le jour de fête au village, et la présence inopinée ou pressentie de l'Empereur et de sa famille avait transformé cette modeste fête en quelque chose d'énorme et de prodigieux, dans un tel debordement de foules empressées et compactes que les augustes visiteurs ont manqué y être submergés, ce qui ne les a pas empêché néanmoins de distribuer force pains d'épices, force petits cadeaux etc. etc., de dôter quelques couples, en un mot de s'acquitter à la satisfaction générale d'un seigneur du village, rentrant dans ses domaines... Seulement cette fois-ci il s'agit d'un village de 70 millions d'âmes... Mais pour me résumer: partout l'accueil que l'Empereur a rencontré ici a été le même, empressé, cordial, affectueux jusqu'à l'importunité... Quant au non-peuple, aux non-satisfaits, il y a eu au commencement tentation de bouderie, mais après un certain dîner de 90 couverts où toutes les notabilités de la ville avaient été conviées, il y a un revirement sensible, et j'ai rencontré le lendemain et les jours suivants des personnes qui étaient sous le coup d'un attendrissement continu..

Москва, 8 Іюня. Я былъ въ Александріи [1]), гдѣ не было никого кромѣ больной Даріи, не могшей сопровождать императорскій поѣздъ въ одну изъ его поѣздокъ по окрестностямъ Москвы, равняющихся настоящимъ путешествіямъ. Въ тотъ вечеръ отправились въ село Коломенское, принадлежавшее отцу Петра Великаго (въ немъ Петръ и провелъ свое дѣтство). Въ селѣ былъ мѣстный праздникъ и неожиданное или предугаданное присутствіе Императора съ Семьей преобразило этотъ скромный праздникъ въ нѣчто чудесное и безмѣрное, въ какое-то наводненіе толпящагося, восторженнаго народа. Августѣйшіе посѣтители едва не были потоплены этими толпами, чтò однако не помѣшало имъ раздать множество пряниковъ, множество маленькихъ подарковъ и тому подобнаго, наградить приданымъ не одну чету, однимъ словомъ, къ общему удовлетворенію выполнить долгъ помѣщика, вернувшагося въ свое имѣніе. Только на этотъ разъ дѣло шло о имѣніи въ 70 милліоновъ душъ. Чтобы подвести итоги, скажу, что Императоръ вездѣ встрѣтилъ одинъ и тотъ же пріемъ: предупредительный, радушный, сердечный, до докучливости. Чтò касается до тѣхъ, кто не есть народъ, до *не*-удовлетворенныхъ, то сначала съ ихъ стороны была попытка дуться, но послѣ обѣда на 90 приборовъ, на который была приглашена вся городская знать, замѣчается чувствительный поворотъ; на другой день и въ слѣдующіе затѣмъ мнѣ встрѣчались лица, явно находившіяся подъ вліяніемъ неустаннаго умиленія [2]).

---

[1]) Т. е. въ Нескучномъ.

[2]) Тогда же, т. е. вслѣдъ за раскрѣпощеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ, состоялась негласная поѣздка Государя, Государыни съ ихъ дочерью на родину Сусанинавъ Костром-

S-t Pétersbourg, 10 Août. Ici, d'après la formule convenue: rien de nouveau, bien qu'on sente sous ses pieds des mouvements qui annoncent un sourd travail de réorganisation ou de désorganisation, comme on voudra. Depuis le départ de l'Empereur j'ai récupéré mon prince Gortschakoff rentré en ville et qui par moments est bien sérieux plus du dedans que du dehors.

С.-Петербургъ, 10 Августа. Здѣсь, согласно съ принятой формулой, ничего новаго, хотя подъ ногами и чувствуются удары, возвѣщающіе о глухой работѣ переустройства или разстройства, какъ угодно. Послѣ отъѣзда Императора я вновь обрѣлъ моего князя Горчакова, вернувшагося въ городъ и по временамъ бывающаго очень серьезнымъ, болѣе внутренно, чѣмъ внѣшнимъ образомъ.

1862.

Pétersbourg, 12 Mai. Le lendemain de mon retour de Moscou, j'ai dîné chez le pr. Gortschakoff qui m'a accueilli avec sa cordialité ordinaire. Sur ma demande il m'a déclaré qu'il tiendrait à ma disposition un passeport de courrier pour l'époque qu'il me plaira de choisir. Le passeport n'est pas à quoi j'aspire: il me faut une expédition de courrier, et j'espère l'obtenir avec l'assistance de Мухановъ.

С.-Петербургъ, 12 Мая. На слѣдующій день по возвращеніи изъ Москвы я обѣдалъ у князя Горчакова, принявшаго меня со своей обычной сердечностью. Въ отвѣтъ на мою просьбу онъ заявилъ мнѣ, что предоставитъ въ мое распоряженіе курьерскій паспортъ въ какое мнѣ будетъ угодно время. Но паспортомъ не ограничивается все, къ чему я стремлюсь; мнѣ нужно и назначеніе курьеромъ: надѣюсь достигнуть этого при содѣйствіи Муханова.

Weimar, 1 (13) Juin. Parti de Pétersbourg à 10 heures du soir après vingt-quatre heures de ce plaisir-là, je me suis trouvé dans la quasi impossibilité de continuer et me décidai à coucher à Vilna et de faire la connaissance de cette ville. Elle vaut assurément la peine d'être visitée surtout dans les circonstances actuelles. J'étais bien tombé: le jour que j'y ai passé était le jour de la Trinité. La ville était dans son plus grand relief. Dès le matin la population était en l'air, et pas seulement celle de la ville, mais aussi celle des campagnes qui ces jours-là et encore une ou deux fois dans l'année vient submerger Vilna et toute sa population citadine sur laquelle elle tranche d'une manière

---

ской губерніи. Они ходили на кладбище села Домнина и завтракали въ крестьянской избѣ. Ихъ сопровождалъ въ этой поѣздкѣ съ одной изъ Волжскихъ пристаней мѣстный дворянинъ Н. М. Мясоѣдовъ, передававшій намъ про графа А. В. Адлерберга, что онъ такъ и не выходилъ изъ коляски, ввезенной подъ навѣсъ заваленнаго навозомъ и грязью крестьянскаго двора.

frappante par l'originalité de ses types et de ses costumes. Il n'y a rien de tel que de voir les choses par ses yeux. La tournée que j'ai faite dans les églises et par les rues de Vilna dans une promenade du matin a été pour moi toute une révélation. Elle m'a fait toucher du doigt, pour ainsi dire, les différents éléments de ce que l'on appelle la Question Polonaise. Ce qui m'a surtout frappé, c'est la ferveur catholique de toutes ces masses blanches. Les églises, et elles sont nombreuses à Vilna, étaient pavées de ces têtes et de ces corps prosternés à terre priant et gémissant. On se sentait en plein moyen âge catholique. Du fond de tout cela émergeaint les femmes de la ville, la plupart jolies et toutes en profond deuil avec des pleureuses, ce qui contrasta plaisamment avec leur mine très éveillée et pas mal avenante. En un mot, Vilna m'a intéressé... Dans la journée j'ai eu la visite d'un des vétérans de la poésie polonaise Odynitz, un ancien ami de Mizkewitsch, à qui j'avais porté une lettre de la part de Rossette. C'est un vieil enfant à la manière de feu Жуковскій. Il m'a dit qu'on a été généralement enchanté dans le pays de la nomination du Grand-Duc Constantin... le désenchantement ne se fera pas attendre. Cette nomination du dit Grand-Duc avancera la question pour sûr, mais ne la résoudra pas.

Веймаръ, 1 (13) Іюня. Выѣхавъ изъ Петербурга въ 10 часовъ вечера, я послѣ двадцати четырехъ часовъ такого удовольствія почувствовалъ себя какъ бы въ полной невозможности продолжать тоже долѣе и порѣшилъ переночевать въ Вильнѣ и познакомиться съ этимъ городомъ. Несомнѣнно онъ стóитъ посѣщенія, особенно при современныхъ обстоятельствахъ. Я попалъ удачно: это былъ Троицынъ день. Городъ ярко выступалъ со своими особенностями. Съ утра поднялось все населеніе и не только городское, но и сельское, которое въ этотъ день и еще раза два въ году наполняетъ Вильну и потопляетъ собой ея горожанъ, рѣзко отличаясь отъ нихъ своеобразностью своихъ лицъ и своей одежды. Ничто не можетъ быть лучше какъ видѣть вещи собственными глазами. Обзоръ Виленскихъ церквей и улицъ во время утренней прогулки былъ для меня полнымъ откровеніемъ. Благодаря ему, я, такъ сказать, коснулся перстомъ различныхъ составныхъ частей того, чтò называютъ Польскимъ вопросомъ. Меня особенно поразила католическая ревность этой бѣлой толпы. Церкви, а ихъ немало вь Вильнѣ, были вымощены головами и простертыми ницъ тѣлами молящихся и рыдающихъ. Дышалось полнымъ вѣяньемъ католическаго средневѣковья. Среди всего этого выдавались горожанки, большей частью хорошенькія, въ глубокомъ траурѣ съ плерёзами, чтò представляло забавный контрастъ съ оживленнымъ выраженіемъ ихъ привлекательныхъ личекъ. Однимъ словомъ, Вильна возбудила мое любопытство.

Днемъ меня посѣтилъ одинъ изъ ветерановъ Польской поэзіи Одынецъ,

старинный другъ Мицкевича. которому я доставилъ письмо отъ Россета [1]. Это старый ребенокъ, въ родѣ покойнаго Жуковскаго. Онъ сказалъ мнѣ, что назначеніемъ Великаго Князя Константина вообще всѣ чрезвычайно довольны... Разочарованіе не заставитъ себя ждать. Назначеніе этого Великаго Князя навѣрно подвинетъ вопросъ, но не разрѣшитъ его.

Wiesbaden, 3 (15) Juin. Quelles déplorables nouvelles que celles que je viens de lire dans les journaux à propos de cette série d'incendies à Pétersbourg, qui vient d'être couronnée par celui du 30 Mai. Il est clair maintenant qu'une poignée de misérables, enhardis par l'impunité, c'est décidée à passer des paroles à l'action. J'aime à croire que le gouvernement suivra cet exemple et que bonne et prompte justice sera faite avec du plomb, s'il le faut, de tous ces scélérats plagiaires... Il me paraît impossible que ce qui vient de se passer ne détermine une réaction sérieuse dans les esprits. Dans mon intérieur je me refuse toujours encore à croire à la réalité d'un danger, mais je sens que dans l'éloignement cette assurance ne se maintiendra pas longtemps. Dans tous les cas, en attendant l'inquiétude flagrante, je me sens envahi par une mortelle tristesse.

Висбаденъ, 3 (15) Іюня. Что за горестныя извѣстія я только что прочелъ въ газетахъ о томъ рядѣ Петербургскихъ пожаровъ, который недавно увѣнчался пожаромъ 30 Мая [2]). Теперь ясно, что горсть негодяевъ, одобряемая безнаказанностью, порѣшила перейти отъ словъ къ дѣлу. Мнѣ хочется вѣрить, что правительство послѣдуетъ ихъ примѣру и что справедливая и скорая кара постигнетъ этихъ чужеумныхъ извергов, при надобности даже при помощи свинца. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы все происшедшее не вызвало серіезной реакціи въ умахъ. Въ глубинѣ я все еще отказываюсь вѣрить въ дѣйствительность опасности, но чувствую, что въ удаленіи эта увѣренность продержится не долго. Во всякомъ случаѣ, въ ожиданіи жгучихъ тревогъ, чувствую себя во власти смертельнаго унынія.

S-t Pétersbourg, 23 Août. Hier nous avons eu notre dîner des Japonais chez le prince Gortschakoff. C'était vraiment très-curieux de se sentir ainsi en communauté d'habitudes et même de conversation avec des gens si complétement différents de vous par la race. C'est absolument

---

[1]) Аркадія Осиповича, служившаго передъ тѣмъ въ Вильнѣ въ должности гражданскаго губернатора. (См. „Русскій Архивъ“ 1885, I, 139).

[2]) Въ этотъ пожаръ погибли драгоцѣнныя бумаги изъ архива Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; В. А. Кокоревъ подалъ мысль министру финансовъ, чтобы денежныя книги въ банкахъ велись вдвойнѣ, и одинъ списокъ ихъ ежедневно увозимъ былъ на храненіе въ Петропавловскую крѣпость. Поджоги велись по тому самому плану, который былъ составленъ еще въ 1849 году Петрашевскимъ съ братіею. (Слышано отъ И. П. Липранди).

comme si on s'était trouvé à table à trinquer avec des gens qui auraient vécu il y a dix ou douze siècles, l'immensité de la distance faisant ici l'effet de la durée du temps. Ils étaient six, très laids et ressemblant à de vielles femmes, bizarrement costumés. Cependant la justice m'oblige de dire qu'au nombre des convives appartenant à la race caucasienne, il y en avait deux ou trois, qui au costume près trahissaient évidemment une parenté avec les hôtes japonais... Ils avaient l'air de rénégats japonais.

С.-Петербургъ, 23 Августа. Вчера у князя Горчакова состоялся нашъ Японскій обѣдъ. Это общеніе и въ привычкахъ, и въ самой бесѣдѣ съ людьми столь рѣшительно отъ васъ отличными по расѣ, право, было очень любопытнымъ. Было совершенно тоже ощущеніе, какъ еслибъ мы чокались на пиру съ людьми, жившими десять или двѣнадцать вѣковъ тому назадъ; громадное разстояніе производило такое же впечатлѣніе какъ громадный промежутокъ времени. Ихъ было шестеро, очень безобразныхъ и смѣшно одѣтыхъ похожихъ на старухъ. Впрочемъ справедливость заставляетъ меня сказать, что изъ числа участниковъ принадлежавшихъ къ Кавказской расѣ, было человѣка три, которые по одеждѣ явно свидѣтельствовали о своемъ родствѣ съ Японскими гостями. Ихъ можно было принять за Японскихъ ренегатовъ.

Dimanche, 16 Septembre. J'ai été assister aux fêtes de Nowgorod. Ce qui m'y a décidé c'est que j'ai pu y loger gratis, grâce à un brave homme d'employé, dont j'ai placé le fils au Ministère de l'Intérieur et qui par reconnaissance de ce service rendu m'a fait supplier d'accepter un pied à-terre dans son logement à Nowgorod. Ces fêtes ont été très-belles et à la cérémonie de la consécration du monument je me suis trouvé placé de manière à voir le tout on ne peut mieux. La seule chose qui ait manqué à cette occasion à moi, comme à bien d'autres, c'est le sentiment réligieux du passé qui seul aurait pu donner à cette fête sa véritable signification. Les *mille ans* ne nous regardaient pas du haut de ce monument très bien réussi d'ailleurs... Notre âme à tous est trop engourdie, et Dieu sait ce qu'il faudrait pour la réveiller.

Воскресенье, 16 Сентября. Я присутствовалъ на Новогородскихъ празднествахъ. Окончательно побудило меня къ этому то обстоятельство, что у меня оказалась возможность помѣститься тамъ даромъ. Одинъ добрый человѣкъ изъ чиновниковъ, въ благодарность за то, что я помѣстилъ его сына въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, упросилъ меня воспользоваться на время его квартирой въ Новгородѣ. Празднества были очень хороши. На освященіи памятника я получилъ мѣсто, съ котораго все было видно, какъ нельзя лучше. Единственно, чего не доставало мнѣ, какъ и многимъ другимъ, это религіознаго чувства прошлаго; а только оно одно могло придать истинное значеніе этому празднеству. Тысячелѣтія не смотрѣли на насъ съ вы-

соты этого памятника, впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ удачнаго. У всѣхъ насъ[1]) душа слишкомъ усыплена, и вѣдаетъ Богъ, что нужно, чтобы пробудить ее.

1863.

St-Pétersbourg, 19 Mai. Hier je suis allé voir la cousine Mouravieff pour me faire raconter par elle des nouvelles de son mari. On avait dit ces jours-ci en ville qu'à son passage par Dunabourg l'excellent homme avait fait pendre deux Polonais. Je crois que c'est une légende; mais ce qui est certain, c'est qu'à son arrivée à Wilna il a eté reçu avec transport par nos troupes, avec jubilation par les Juifs et avec consternation par les Polonais, surtout par le clergé. La cousine m'a raconté la conversation très-caractéristique que son mari a eue avec les représentants de ce dernier. Les braves gens ont eu la naïveté d'émettre la prétention qu'en cas de délit politique ils eussent à être jugés par un tribunal spécial. Муравьевъ leur a répondu qu'il ne voyait aucun fondement à une prétention semblable et qu'au cas d'une trahison avérée un prêtre serait pendu tout comme un autre. Cela leur a fait, dit-on, une forte impéression.... Il devient de plus en plus évident que c'est *l'excès de l'impunité* qui jusqu' à présent a le plus contribué à prolonger le désordre. Il se raconte à ce sujet des choses vraiment incroyables. Quant au déhors, on est toujours ici dans l'attente de quelque communication nouvelle plus ou moins absurde ou insolente. L'autre-jour lord Napier a communiqué au prince Gortschakoff un nouveau grief de lord John Russell au sujet de je ne sais quelles nouvelles atrocités commises en Lithuanie. Il s'agissait *(tout cela est textuel)* d'un magnat lithuanien qui avait enrôlé une escouade de milles sauvages pour faire insulter sous ses yeux toutes les femmes et filles polonaises qui leur tombaient sous la main.

С.-Петербургъ, 19 Мая. Вчера пошелъ я къ кузинѣ Муравьевой[2]), чтобы услышать отъ нея новости о ея мужѣ. По городу эти дни ходили слухи, что, проходя черезъ Динабургъ, этотъ чудный человѣкъ повѣсилъ двухъ Поляковъ. Я думаю, что это сказка: но достовѣрно, что по прибытіи въ Вильну онъ былъ принятъ съ изступленнымъ восторгомъ войсками, съ радостнымъ веселіемъ Евреями и съ ужасомъ Поляками, особенно ихъ духовенствомъ. Кузина разсказала мнѣ очень характерный разговоръ ея мужа съ представителями этого духовенства. Добрые люди были столь наивны,

---

[1]) Исключеніе составляла императрица Марія Александровна. Она, по словамъ покойнаго археолога, графа М. В. Толстаго, который показывалъ ей Новгородскую святыню, изумляла близкимъ знакомствомъ своимъ съ исторіею Новгорода и его древностей.

[2]) Супруга графа М. Н. Муравьева, Пелагея Васильевна, была дочерью Н. Н. Шереметевой, урожд. Тютчевой, родной тетки Ѳедора Ивановича.

что выразили притязаніе, чтобы за государственныя преступленія ихъ судило особое судилище. Муравьевъ отвѣчалъ имъ, что не видитъ никакихъ основаній для подобныхъ притязаній и что въ случаѣ доказанной измѣны священникъ будетъ повѣшенъ такъ же, какъ всякій другой. Говорятъ, что это произвело на нихъ сильное впечатлѣніе... Становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что именно излишекъ безнаказанности наиболѣе способствовалъ до сихъ поръ продолженію безпорядковъ. По этому поводу разсказываютъ прямо невѣроятныя вещи.

Что̀ касается внѣшнихъ отношеній, то здѣсь постоянно ждутъ какого нибудь новаго сообщенія болѣе или менѣе нелѣпаго или дерзкаго. Не такъ давно лордъ Нэпиръ передалъ князю Горчакову новую жалобу лорда Джона-Русселя по поводу какой-то новой жестокости, совершенной въ Литвѣ. Дѣло шло (это буквально) о Литовскомъ магнатѣ, навербовавшемъ отрядъ дикарей, человѣкъ въ тысячу, чтобы позорить на его глазахъ всѣхъ Польскихъ женщинъ и дѣвушекъ, какія только попадутъ въ его руки.

1-er Juin. Pour le moment on croit à l'ajournement de la guerre. On a eu a par le télégraphe la nouvelle d'un discours très pacifique de lord John Russel. Mais tout cela ne prouve rien. En attendant on vient d'apprendre qu'à Varsovie, sous les yeux de nos autorités, on a emporté de la banque 3 millions de roubles. En haut lieu on en est quelque peu embarrassé pour le *pauvre Constantin.* On sent que cela ne refera pas sa réputation dans le pays. *L'Archange Michel* à Wilna poursuit le cours des ses exterminations vengereuses. Entre autre il a fait fusiller dernièrement le comte Plater. En Ukraïne quatorze régiments de milice viennent de s'organiser.

1-го Іюня. Въ настоящее время вѣрятъ въ отсрочку войны. По телеграфу получено извѣстіе о очень мирной рѣчи лорда Джона-Росселя. Но все это ничего не доказываетъ. Тѣмъ временемъ стало извѣстнымъ, что въ Варшавѣ подъ самыми глазами нашихъ властей изъ банка похищено 3 милліона рублей. Въ высшихъ кругахъ немного смущены за *бѣднаго Константина.* Чувствуютъ, что это не возвыситъ его значенія въ странѣ. Виленскій *Архангелъ Михаилъ* продолжаетъ рядъ своихъ мстительныхъ истребленій. Между прочимъ недавно онъ разстрѣлялъ графа Платера. Въ Украйнѣ только что образовано четырнадцать полковъ ополченцевъ.

Tsarskoë-Selo, 8 Juin. Je m'attendais à me rassurer de nouvelles, mais il n'en a rien été. Les nôtres ne sont pas encore arrivées. On les attend pour après-demain. Ici on paraît être rassuré au moins quant à cette année. Mais cette sécurité me paraît tenir, comme tout le reste, à cette impuissance d'esprit qui est au fond de tout ici. L'événement du jour c'est l'arrivée quelque peu forcée de l'archevêque Félinsky, consigné à Gatschino. C'est le raisonnable, le modéré Kiréeff qui lui a servi de Mentor dans son voyage.

Quant au régime de Varsovie, le dernier fait qui le signale c'est le vol des 3 millions 700 milles roubles fait à la trésorerie, ainsi que le refus *unanime* de tous les lithographies de la ville de prêter leur assistance pour publier les numéros des papiers volés. Cependant dans les tous derniers temps l'exemple salutaire de Муравьевъ paraît avoir donné quelque émulation d'énergie à ce pauvre gouvernement de Varsovie. On a fait faire qnelques pendaisons dans la citadelle, et cette *liberté grande* a dit-on beaucoup scandalisé le public. On dit même que c'est pour avoir protesté contre la pendaison de l'un des siens que monseigneur Félinsky a été invité à se rendre à Gatschino. Pour ce qui est de Муравьевъ, il fait merveille, et l'état des choses depuis qu'il est à Wilna a déjà complétement changé de face. Le deuil a entièrement disparu dans les rues de la ville, quatorze imprimeries clandestines ont été saisies. Dernièrement un riche propriétaire polonais s'est amusé dans sa terre à pendre un prêtre orthodoxe sur la porte de son château. Aussitôt ordre a été donné de passer la charrue sur cette habitation et ses dépendences et d'y semer le sol... et ainsi fut-il fait. A la suite de quoi la compagnie qui avait été chargée de cet œuvre de destruction a fait dire des prières pour l'âme du pauvre prêtre et s'est côtisée pour secourir la veuve et les enfants du défunt. Mais que tout cet état des choses est affreux et tout cela n'est que le début... Le paroxysme de fureur et de démence de toute cette race est quelque chose d'inconcevable. L'autre jour un polonais de ma connaisance, mais celui-là très russifié, me racontait qu'il était allé voir des parents dans le gouvernement de Minsk, je crois. C'étaient entre autres des cousines qui avaient déjà perdu quatre frères dans l'insurrection. Aussitôt qu'elles le voient arrivé, elles ne doutèrent pas qu'il venait rejoindre les bandes... S'étant assurées qu'il n'en ferait rien, elles rompirent tout rapport avec lui et lorsque celui ci à son départ vient prendre congé d'elles, ces jeunes filles lui montrèrent littéralement le d... Il paraît que c'est la formule consacrée dans ces cas là. Des mères polonaises dans le gouvernement de Kieff envoyent des enfants de quatorze ans rejoindre les bandes pour travailler à la *délivrance de la patrie*... à Kieff! Et aussitôt le peuple des campagnes les assomme. Il y a là,—la guère étrangère y aidant,—toutes les chances d'une extermination en masse de toute une race d'hommes.

Царское село. 8 Іюня. Я надѣялся получить подтвержденіе извѣстіямъ, но ничего подобнаго не было. Наши еще не получены; ихъ ждутъ послѣ завтра. Здѣсь, по видимому, успокоены по крайней мѣрѣ за этотъ годъ. Но, какъ мнѣ кажется, эта безпечность основана, какъ и все остальное, на томъ безсиліи мысли, которое составляетъ здѣсь основу всего. Событіе дня составляетъ не совсѣмъ добровольное прибытіе архіепископа Фелинскаго, ко-

торому для пребыванія назначено Гатчино. Менгоромъ въ этомъ путешествіи служилъ ему благоразумный, умѣренный Кирѣевъ.

Что до Варшавскаго управленія, то послѣднія событія хорошо знаменуютъ его: это кража 3,700000 рублей изъ казначейства и единодушный отказъ всѣхъ литографій въ городѣ оказать помощь въ напечатаніи номеровъ украденныхъ бумагъ. Несмотря на это, въ самое послѣднее время благодѣтельный примѣръ Муравьева вызвалъ, какъ кажется, нѣкоторое соревнованіе въ энергіи среди бѣдныхъ правящихъ круговъ Варшавы. Было произведено нѣсколько повѣшеній въ крѣпости, и этотъ *великій произволъ*, какъ говорятъ, всѣ сочли за страшное оскорбленіе. Говорятъ даже, что монсеньеру Фелинскому предложили отправиться въ Гатчино именно за то, что онъ протестовалъ противъ повѣшенія одного изъ своихъ. Что касается Муравьева, то онъ совершаетъ чудеса, и положеніе дѣлъ рѣшительно измѣнило свой обликъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Вильнѣ. Трауръ въ городѣ на улицахъ исчезъ совершенно, захвачено четырнадцать тайныхъ типографій. Недавно какой-то богатый Польскій землевладѣлецъ забавлялся въ своемъ имѣніи тѣмъ, что повѣсилъ на дверяхъ своего замка православнаго священника. Тотчасъ былъ отданъ приказъ пропахать плугомъ то мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ домъ и его службы, и землю тамъ засѣять... что и было исполнено. Послѣ этого, рота, которой была поручена эта работа разрушенія, заказала панихиду по душѣ бѣднаго священника и сложилась, чтобы оказать помощь вдовѣ и дѣтямъ покойнаго. Но какъ ужасны всѣ эти вещи, а все это только начало...

Въ приступѣ ярости и безумія, охватившемъ весь этотъ народъ, есть что-то непостижимое. Недавно мнѣ разсказывалъ одинъ знакомый Полякъ, впрочемъ вполнѣ обрусѣвшій, какъ онъ ѣздилъ повидаться со своими родственниками, кажется, въ Минскую губернію. Тамъ, между прочимъ, были его двоюродныя сестры, уже потерявшія четырехъ братьевъ въ возстаніи. Только увидавъ его, онѣ не сомнѣвались, что онъ ѣдетъ присоединиться къ повстанцамъ .. Убѣдившись же, что онъ не сдѣлаетъ ничего, онѣ порвали съ нимъ всякія сношенія; когда же передъ отъѣздомъ онъ пришелъ съ ними проститься, эти молодыя дѣвушки въ буквальномъ смыслѣ показали ему з... Оказывается, это условный знакъ принятый въ такихъ случаяхъ. Матери-Польки въ Кіевской губерніи посылаютъ дѣтей лѣтъ четырнадцати въ шайки повстанцевъ трудиться для *освобожденія родины*. Это въ Кіевѣ! А мужики тотчасъ же избиваютъ ихъ. При соедините сюда внѣшнюю войну и у васъ на лицо всѣ условія для окончательнаго истребленія цѣлой расы людей.

Moscou, 27 Juin. La crise approche, et mes tristes prévisions vont s'accomplir. On vient d'apprendre que le voyage de l'Impératrice est remis. Hier, 26, après une messe de mort dite à la mémoire de l'Empereur défunt, le Conseil de Ministres a dû se réunir pour prendre connaissance des réponses aux notes des puissances. C'est Samedi prochain

29 qu'elles partiront. Avant quatre semaines nous pourrons avoir les escadres ennemies devant Cronstadt. Tout cela est terriblement angoissant. Ici, comme dans toute la Russie, l'esprit est bon, mais on se défie de la faiblesse et de l'incohérance du gouvernement. Il n'y a pas à se le dissimuler: c'est l'existence même de la Russie qui est en question. Je m'attends à tout ce qu'il y a de pire et je ne me sens plus assez de vie, assez d'avenir pour espérer voir claire le lendemain de la catastrophe qui nous menace.

Москва, 27 Іюня. Рѣшительное мгновеніе приближается, и мои печальныя предчувствія исполняются. Стало извѣстнымъ, что путешествіе Императрицы отложено. Вчера, 26, послѣ панихиды по покойномъ Императорѣ, совѣтъ министровъ долженъ былъ собраться, чтобы ознакомиться съ отвѣтами на ноты державъ. Ихъ отправляютъ 29-го, въ Субботу. Раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ непріятельскія эскадры уже могутъ стоять передъ Кронштадтомъ. Все это страшно мучитъ... Здѣсь, какъ и во всей Россіи, духъ бодръ; но безсиліе и неспособность правительства вызываютъ недовѣріе. Нечего скрывать отъ себя: вопросъ поставленъ о самомъ существованіи Россіи. Я приготовился ко всему худшему и уже не чувствую въ себѣ столько жизни, не имѣю предъ собой столько будущаго, чтобы питать надежду видѣть ясно послѣдствія угрожающаго намъ погрома.

Moscou, 1 Juillet. Ici on est toujours dans l'attente des événements, mais pas d'anxieuse qu'elle pouvait l'être. Je ne sais quel sentiment de sécurité prévaut en dépit de tout. On ne croit pas à la guerre imminente. Il est certain que l'Angleterre n'a pas trop l'air de s'en soucier et que cette attitude jette quelque froid dans ses rapports avec Napoléon—que d'autres incidents survenus en dernier lieu ne peuvent manquer d'aigrir. Si, à la suite de tout cela, le coquin se voyait obligé d'ajourner la guerre, il en résulterait entre lui et l'Angleterre une irritation réciproque qui pourrait les conduire loin. Dieu le veuille! Il le doit à Lui-même. Il doit à Sa justice de mettre aux prises ces deux grandes indignités de manière à les faire dévorer l'une par l'autre. Ce serait là la vraie morale à toutes ces abominations qui depuis des années s'accumulent sous nos yeux.

Москва, 1-го Іюля. Здѣсь все еще продолжаютъ ждать событій, но не такъ тревожно, какъ то могло бы быть. Какое-то чувство самоувѣренности торжествуетъ на перекоръ всему. Въ близкую войну не вѣрятъ. Правда, вовсе не замѣтно, чтобы Англія о ней заботилась; положеніе, занятое ею, вноситъ въ ея отношенія къ Наполеону нѣкоторую холодность, которой не могутъ не усилить другія событія, присоединяющіяся сюда же. Если же вдобавокъ ко всему этому мошенникъ увидитъ себя вынужденнымъ отсрочить войну, то это вызоветъ такое взаимное раздраженіе между нимъ и Англіей,

которое, быть можетъ, заведетъ ихъ далеко. Да будетъ на то воля Господня! Этотъ долгъ Его предъ Самимъ Собой. Его долгъ предъ справедливостью. Напустить одну на другую эти двѣ великія гнусности, такъ чтобы въ борьбѣ одна растерзала другую. То было бы истинное поученіе и наказаніе всѣмъ тѣмъ мерзостямъ, какія годъ за годомъ скопляются предъ нашимъ взоромъ.

Moscou, 11 Juillet. Nous touchons à la crise. Hier on a reçu les réponses de Gortschakoff qui ont été accueillies ici avec une satisfaction unanime. Elles sont dignes et précises et ne laissent aux puissances d'autre alternative qu'une honteuse retraite ou la guerre, et je la crois imminente. Pour Napoléon surtout c'est devenu une question de vie ou de mort, au moins politique. J'ai écrit ce matin à Gortschakoff pour le complimenter, et cette fois j'ai eu la satisfaction de ne lui dire que des choses vraies, ce qui est bien agréable. Les notes encore une fois sont très-bien. Ici, grâce à mes relations intimes avec Катковъ, je suis presque aussi à la source des nouvelles que si j'étais à Pétersbourg. C'est une nature très sympatique que Катковъ; je dîne demain chez lui, et nous boirons à la santé de Gortschakoff. Je vois beaucoup l'ami Павловъ, Аксаковъ, Погодинъ et tutti quanti. Je me félicite de me trouver à Moscou dans ce moment-ci.

Москва, 11 Іюля. Мы подошли къ рѣшительному мгновенію. Вчера были получены отвѣты Горчакова, принятые здѣсь съ единодушной радостью. Они полны достоинства, опредѣленны, и для державъ остается только одно изъ двухъ: или позорное отступленіе или война, и я считаю войну неизбѣжной. Для Наполеона въ особенности это стало вопросомъ жизни и смерти, по крайней мѣрѣ политической. Сегодня утромъ я написалъ Горчакову, поздравляя его, и на этотъ разъ я чувствовалъ удовлетвореніе, сказавъ ему только правду, что̀ весьма пріятно. Еще разъ: ноты написаны превосходно. Здѣсь, благодаря моимъ близкимъ отношеніямъ съ Катковымъ, я почти также близокъ къ самому источнику новостей, какъ то было бы въ Петербургѣ. Катковъ очень привлекательное существо; завтра я у него обѣдаю, и мы выпьемъ за здоровье Горчакова. Я часто видаю друга Павлова, Аксакова, Погодина и всѣхъ остальныхъ. Радуюсь, что нахожусь въ такіе дни въ Москвѣ.

Moscou, 22 Juillet. J'ai écrit, comme je crois l'avoir mandé, à Gortschakoff pour lui rendre compte de l'accueil que Moscou avait fait à ses dépêches. Il m'a fait répondre par Jomini, une lettre qui court maintenant la ville. Comme *fait,* elle n'apprend rien de nouveau, mais considérée comme profession de foi, elle ne laisserait rien à désirer, si ce n'est la certitude qu'on y restera fidèle. Mais c'est là malheureusement sur quoi on peut le moins compter. Un incident qui date d'hier

ne justifie que trop ces doutes et ces craintes. Voici ce que c'est. On avait voulu organiser ici, sous forme d'un dîner public, une grande manifestation d'adhésion nationale à la ligue politique exprimée dans les dépêches, et cela dans le sens le plus loyal de dévoûment pour l'Empereur et son gouvernement. Il va sans dire que le général Тучковъ n'a pas cru pouvoir prendre sur lui d'autoriser ce dîner qui devait être de deux mille personnes. Il en a donc référé à Pétersbourg, et là, comme de raison, il a été décidé qu'il valait mieux s'en abstenir. C'est toujours l'ancienne chanson. A Moscou cette marque de défiance stupide et si fort à contre-sens a produit le plus détestable effet. Aussi sous le coup de cette impression toute vive, j'ai écrit quelque mots à Péterbourg que j'aimerais savoir interceptés par ceux à qui ils sont réellement déstinés. Hélas, c'est de l'enfantillage de ma part, je le sais bien; mais il y a des occasions où, plutôt que de se taire, on haranguerait des murs.

Voici à la date d'aujourd'hui comment se présente la situation au dehors. Notre réponse leur est tombée comme une tuile sur la tête: tant les puissances dans leur insolente outrecuidance s'attendaient peu à rencontrer une résistance sérieuse de notre part. On raconte que Napoléon, après avoir pris connaissance de la note, qui lui est adressée, s'est écrié: «*C'est plus qu'infâme, c'est ridicule.*» Ce mot là est un arrêt du destin. Désormais la question pour lui n'est plus politique, c'est une question toute personnelle entre la Russie et son avenir d'une part, et de l'autre cette misérable carcasse de Napoléon, qui peut d'un jour à l'autre rendre le reste de souffle qui l'anime. L'Angleterre, qui comprend cela à merveille, paraît toujours très hésitante. Et si elle se décide à l'abstention, pour tout de bon, ce misérable aventurier finira comme il a commencé, par un fiasco des plus ridicules, au quel cette fois il ne survivra pas. Mais hélas, qui sait l'avenir!

Москва, 22 Іюля. Помнится, я уже говорилъ, что написалъ Горчакову, сообщая ему, какой пріемъ оказала его депешамъ Москва. Черезъ Жомини онъ отвѣчалъ мнѣ письмомъ, ходящимъ теперь по городу. Оно не даетъ ничего новаго въ смыслѣ фактовъ, но если его разсматривать какъ исповѣданіе вѣры, то бо̀льшаго желать не остается; развѣ только хотѣлось бы быть увѣреннымъ, что ему не измѣнятъ. Между тѣмъ, къ несчастью, именно на это менѣе всего и приходится разсчитывать. Одно вчерашнее происшествіе только болѣе укрѣпляетъ эти сомнѣнія и опасенія. Вотъ въ чемъ дѣло. Здѣсь хотѣли устроить подъ видомъ общественнаго обѣда большую манифестацію съ изъявленіями всенароднаго сочувствія къ политическимъ воззрѣніямъ, изложеннымъ въ депешахъ; все это должно было быть въ

духѣ самой вѣрноподданнической преданности Императору и его правительству. Само собою понятно, что генералъ Тучковъ*) не нашелъ возможнымъ взять на себя разрѣшеніе этого обѣда, на которомъ должно было присутствовать до двухъ тысячъ человѣкъ. Итакъ, онъ сдѣлалъ запросъ въ Петербургъ и, какъ слѣдовало ожидать, было рѣшено, что отъ этого лучше воздержаться. Все старая пѣсня! Въ Москвѣ этотъ знакъ тупой недовѣрчивости, столь противной здравому смыслу, произвелъ самое отвратительное дѣйствіе. Подъ живымъ впечатлѣніемъ его я написалъ нѣсколько словъ въ Петербургъ и мнѣ хотѣлось бы убѣдиться, что ихъ перехватили тѣ, кому они въ дѣйствительности и назначены. Съ моей стороны, увы! это ребячество, я это вполнѣ понимаю; но бываютъ обстоятельства, когда скорѣе станешь говорить рѣчь къ стѣнамъ, чѣмъ молчать.

Вотъ въ какомъ положеніи находятся внѣшнія отношенія, если помѣтить свѣдѣнія сегодняшнимъ днемъ. Нашъ отвѣтъ свалился имъ какъ снѣгъ на голову: въ своемъ высокомѣрномъ самомнѣніи, державы не ожидали съ нашей стороны серьезнаго сопротивленія. Разсказываютъ, будто Наполеонъ, ознакомившись съ посланной ему нотой, воскликнулъ: *„это больше чѣмъ оскорбительно, это смѣшно.“* Въ этихъ словахъ приговоръ судьбы. Отнынѣ для него уже нѣтъ вопросовъ политическихъ, а остается только личный вопросъ, гдѣ съ одной стороны стоитъ Россія съ ея будущностью, а съ другой жалкій кощей Наполеонъ, готовый со дня на день испустить остатокъ живящаго его дыханія. Англія, удивительно понимающая это, какъ кажется, очень колеблется. Если же она рѣшитъ и вправду воздержаться, тогда этотъ жалкій искатель приключеній кончитъ, какъ началъ: самой смѣшной неудачей, отъ которой на этотъ разъ ему не оправиться. Но увы, кто знаетъ, что будетъ?

Moscou, 1 Août. Quant aux nouvelles, il y a un moment d'arrêt, et un de pays des coalition est quelque peu déconcerté par l'attitude décidement pacifique de l'Angleterre. A l'intérieur Муравьевъ continue à faire ses merveilles; tout à l'heure je viens de lire le texte d'une adresse des plus soumises et des plus loyales signée par 300 propriétaires nobles du gouvernement de Wilna. Quelle misérable engeance que les Polonais, tout braves qu'ils sont. Ici j'ai vécu au cours même de la presse de Moscou entre Katkoff et Aksakoff, comme une espèce d'intermédiaire officieuse entre la presse et le Ministère des Affaires Étrangères. Aussi je puis à la rigueur considérer mon séjour à Moscou comme une mission pas plus inutile qu'une autre.

Москва 1-го Августа. Что до новостей, то теперь время затишья: одно изъ государствъ коалиціи нѣсколько сбито съ толку рѣшительно-миролюби-

*) Тогдашній Московскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

вымъ положеніемъ, занятымъ Англіей. Внутри Муравьевъ продолжаетъ свои чудеса: я только что читалъ текстъ адреса въ высшей степени покорнаго и вѣрноподданническаго, подписаннаго 300-ми помѣщиковъ изъ знати Виленской губерніи. Что за жалкое отродье Поляки, несмотря на всю ихъ храбрость! Я жилъ здѣсь въ самомъ руслѣ Московской прессы, между Катковымъ и Аксаковымъ, въ родѣ какого-то оффиціознаго посредника между прессой и Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ. Итакъ, я могу считать свое пребываніе въ Москвѣ, пожалуй, порученіемъ не болѣе безполезнымъ, чѣмъ многія другія.

S-t Pétersbourg, 16 Août. Me voilà depuis hier en repossession de Pétersbourg. C'est Samedi dernier que je suis revenu à Tsarskoe Sélo. Le lendemain j'y allai aussi dîner chez le prince Gortschakoff, qui m'a accueilli plus à bras ouverts que de coutume. Je le trouvais supportant très-dignement ses succés qui assurément ne sont pas médiocres. Il me raconta avec effusion le plaisir que lui avait fait ma première lettre écrite de Moscou et lui annonçant l'effet produit par ses dépêches. Aussi s'empressat-il de la communiquer à l'Impératrice, qui dans son ardeur politique peu bienveillante pour le prince, lui avait présagé que ses réponses seraient trouvées faibles et incolores à Moscou. Puis mon grimoire ayant été communiqué à l'Empereur; celui-ci, après l'avoir laborieusement déchiffré, ne put s'empêcher de dire qu'il fallait la faire lire à m-lle Anna pour la ramener à des appréciations plus équitables à l'endroit du p-ce Gortschakoff, et ce mot a été toute une révélation pour le prince, qui ne s'explique pas pourquoi la fille de son meilleur ami persiste à lui être hostile.

Quant à la situation politique, voici où on en est: les notes que j'ai lues chez le prince, sont rogues, malveillantes, mais émoussées; la pointe y manque, et elles n'expriment que la mauvaise humeur et le désappointement. La réponse qui y sera faite, sera courte, polie, se référera aux explications précédentes sans s'engager dans une polémique que l'on considère désormais comme épuisée. Cette réponse partira d'ici le dernier jour du mois, au moment même du départ du prince accompagnant l'Empereur en Finlande, où celui-ci doit ouvrir en personne la diète le 3 Septembre. Les journaux ont déjà donné la nouvelle de l'accueil qui lui a été fait en Finlande à sa première visite; celle-ci consumera l'oeuvre, et on s'attend aux démonstrations les plus significatives. Mais l'intérêt palpitant du moment c'est l'apparition très inopinée du Grand-Duc Constantin à Tsarskoe, arrivé d'avant-hier. Le soir de ce jour je rencontrai le prince Gortschakoff à la musique de Pavlovsk; il me donna quelques détails, mais rien d'explicite ni de satis-

faisant. Il paraît que le Grand-Duc, qui est venu seul ici, compte dans dix jours retourner à Varsovie, malgré les efforts qu'on fait pour l'en empêcher. En général dans toute cette affaire éclate de nouveau de la manière la plus déplorable l'infirmité générale de tous et de chacun. D'une part le manque de l'intelligeance qui, en rendant impossible toute appréciation vraie de la situation, énerve et paralyse l'action, et d'autre part le sentiment de la famille, qui, grâce à la plate servilité de l'entourage, subordonne le plus naïvement du monde les plus grands intérêts du pays au plus mesquines considérations personnelles. J'ai rencontré aussi hier soir Арсеньевъ, arrivé avec le Grand-Duc, qui sur ce que je lui disais du désir très général et très vif qu'on avait de les voir revenir à Pétersbourg, m'a répondu ironiquement qu'il serait injuste de les frustrer d'un triomphe infaillible et imminent, attendu qu'on était persuadé parmi eux que les premières neiges enseveliraient l'insurrection etc. etc. Une circonstance à noter c'est que Michel Mouravieff a refusé sous prétexte d'indisposition de voir le Grand-Duc à son passage à Vilna.

С.-Петербургъ, 16 Августа. Вотъ со вчерашняго дня мною снова обрѣтенъ Петербургъ. Въ Царское Село я вернулся въ прошлую Субботу. На другой же день я отправился обѣдать къ князю Горчакову, встрѣтившему меня болѣе чѣмъ когда либо съ распростертыми объятіями. Я нашелъ, что онъ очень достойнымъ образомъ переноситъ свои успѣхи. конечно не маловажные. Онъ откровенно разсказалъ мнѣ. какое удовольствіе доставило ему мое первое письмо изъ Москвы, въ которомъ я сообщалъ ему о впечатлѣніи, произведенномъ его депешами. Онъ позаботился сообщить его Императрицѣ; въ своемъ политическомъ усердіи она не очень расположена къ князю и предсказывала ему, что въ Москвѣ его отвѣты найдутъ слабыми и безцвѣтными. Потомъ мою тарабарщину сообщили Императору; старательно разобравъ ее, онъ не могъ удержаться и сказалъ, что слѣдовало бы дать ее прочесть Аннѣ, дабы склонить ее къ болѣе справедливой оцѣнкѣ князя Горчакова. Эти слова были цѣлымъ откровеніемъ для князя, который никакъ не можетъ объяснить себѣ, почему дочь его лучшаго друга упорно остается ему враждебною.

Что же касается до политическаго положенія, то вотъ къ чему мы пришли: ноты, которыя я читалъ у князя. высокомѣрны, недоброжелательны, но въ нихъ не хватаетъ силы, и онѣ выражаютъ только дурное расположеніе духа и разочарованіе. Отвѣтъ на нихъ будетъ краткимъ. вѣжливымъ; онъ будетъ ссылаться на предшествующія объясненія, не вступая въ споры. которые отнынѣ считаются исчерпанными. Этотъ отвѣтъ будетъ отправленъ отсюда въ послѣдній день мѣсяца. въ то самое время, когда князь выѣдетъ вмѣстѣ въ Финляндію съ Государемъ, которому предстоитъ лично открыть сеймъ 3-го Сентября. Въ газетахъ уже были сообщенія о пріемѣ,

оказанномъ ему въ Финляндіи при его первомъ пріѣздѣ; настоящій пріѣздъ увѣнчаетъ дѣло; ждутъ еще болѣе многозначительныхъ изъявленій радости. Но животрепещущую злобу дня составляетъ совершенно неожиданное появленіе въ Царскомъ Великаго Князя Константина, прибывшаго третьяго дня. Въ тотъ же вечеръ я встрѣтилъ князя Горчакова на музыкѣ въ Павловскомъ; онъ передалъ мнѣ нѣкоторыя подробности, но ничего точнаго и удовлетворяющаго. Кажется, Великій Князь, пріѣхавшій сюда одинъ, намѣренъ дней черезъ десять вернуться въ Варшаву, хотя и дѣлаются всѣ усилія, чтобы помѣшать ему въ этомъ. Короче, въ этомъ дѣлѣ самымъ плачевнымъ образомъ снова выступаетъ всеобщее безсиліе всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности.

Еще встрѣтилъ я вчера Арсеньева, пріѣхавшаго съ Великимъ Княземъ. Я сказалъ ему, что видѣть ихъ возвратившимися въ Петербургъ было всеобщимъ живѣйшимъ желаніемъ; онъ же насмѣшливо возразилъ мнѣ, что было бы несправедливо лишать ихъ несомнѣнно-предстоящаго тріумфа, такъ какъ среди нихъ всѣ были убѣждены, что съ первымъ же снѣгомъ возстаніе будетъ погребено и т. д. и т. д. Можно отмѣтить слѣдующее обстоятельство: М. Н. Муравьевъ подъ предлогомъ нездоровья отказался встрѣтить Великаго Князя въ его проѣздъ черезъ Вильну.

PIA DESIDERIA

Барона Александра Павловича Николаи.

I.

Нѣсколько уже лѣтъ тому назадъ случилось мнѣ прочитать книгу на Англійскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Бесѣды о преподаваніи, читанныя въ Кембриджскомъ Университетѣ въ 1880 г. инспекторомъ школъ Фитчемъ» *). Въ этомъ весьма полномъ и многостороннемъ сборникѣ между прочимъ обратилъ на себя мое особенное вниманіе отдѣлъ: «о преподаваніи Латинскаго и Греческаго языковъ въ среднихъ и низшихъ школахъ». При извѣстномъ, вѣками установившемся, преобладаніи въ среднихъ Англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ классическаго образованія, взглядъ на оное одного изъ современныхъ, и, какъ видно, изъ весьма дѣльныхъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ преподаванія и школьнаго воспитанія, привлекъ на себя особенное мое вниманіе, въ такое въ особенности время, когда и у насъ, въ Россіи, преподаваніе этихъ древнихъ языковъ занимаетъ такое первенствующее мѣсто въ гимназическомъ курсѣ, и когда мнѣнія о пользѣ такого преобладающаго мѣста, этимъ языкамъ предоставленнаго, встрѣчаетъ и много поборниковъ, и едва ли не меньшее число противниковъ. А потому считаю не лишнимъ остановиться нѣсколько на замѣчаніяхъ г-на Фитча. Вотъ что онъ высказывалъ въ Кембриджѣ, этомъ древнѣйшемъ оплотѣ Англійскаго классическаго образованія.

«Извѣстно, что словесное и филологическое образованіе, которое пріобрѣтается черезъ изученіе Латинскаго и Греческаго языковъ, есть то, которому было придаваемо наибольшее значеніе. И до нынѣ еще мы привыкли считать человѣкомъ образованнымъ «par excellence» того, который свѣдущъ въ обоихъ этихъ языкахъ, и расположены не признавать такого значенія за тѣмъ, кто, какъ бы онъ ни былъ свѣдущъ въ другихъ отрасляхъ знанія, не познакомился съ авторами, которыхъ мы называемъ «*классическими*».

---

*) Lectures on teaching, delivered in the university of Cambridge, 1880, by Y. C. Fitch, one of H. M. inspectors of schools.

Не слѣдуя примѣру тѣхъ, которые въ подобномъ взглядѣ усматриваютъ одно лишь предубѣжденіе, не лишне однако будетъ задаться вопросомъ: откуда такое мнѣніе возымѣло свое начало, и какъ могло случиться, чтобы языки Латинскій и Греческій признавались мѣриломъ образованности и почти единственнымъ, достойнымъ пріобрѣтенія, знаніемъ?

Для этого оглянемся за 300 лѣтъ тому назадъ, когда Лили (Lyly) писалъ свою грамматику, когда Ашамъ (Ascham) обучалъ чтенію Платона—леди Джанъ Грей и королеву Елисавету, когда были основаны знатнѣйшія изъ нашихъ школъ словесности. Если бы въ то время кто-либо спросилъ Эразма или серъ Филиппа Сидней: почему Латинскій и Греческій языки занимаютъ такое первенствующее, почти исключительное, мѣсто въ школьномъ образованіи, то отвѣчать на это было бы не трудно: «*книги, наиболѣе во всемъ мірѣ заслуживавшія прочтенія, были написаны на этихъ двухъ языкахъ*». Такъ, лучшими образцами историческихъ писателей были Ѳукидидъ и Титъ-Ливій; для знакомства съ отличнѣйшими драматическими произведеніями необходимо было читать Софокла и Еврипида; для изученія геометріи существовалъ Евклидъ; для риторики Квинктиліанъ и Аристотель; для нравственной философіи Платонъ или Цицеронъ. Въ то время серъ Матью Гели (Sir Matthew Hale) могъ писать къ своимъ внукамъ: «я желаю, чтобы вы дѣлали хорошіе успѣхи въ изученіи Латинскаго языка, дабы вы были въ состояніи читать, понимать и разбирать всякаго Латинскаго автора, и сами правильно и изящно выражались по латыни; и, хотя я желалъ бы, чтобы вы сколько нибудь поучились и Греческому языку, тѣмъ не менѣе придаю я бо́льшую цѣну Латинскому языку, потому что всякое знаніе передается на этомъ языкѣ».

Въ то время новѣйшая литература, послѣ долгой средневѣковой тьмы, только что зарождалась, и за нею признавали еще оттѣнокъ грубости и варварства. Хотя Чосеръ (Chaucer) и Данте уже писали, но, тѣмъ не менѣе, въ шестнадцатомъ столѣтіи никакому литератору не пришло бы на мысль допустить, чтобы сочиненія этихъ авторовъ могли служить руководствомъ для критическаго анализа, въ одинаковой степени съ произведеніями Горація или Овидія. Всемірное литературное богатство того времени почти все сосредоточивалось на языкахъ Греціи и древняго Рима.

Другая причина для изученія древнихъ языковъ заключалась въ томъ, что они были единственные, коихъ грамматика была правильно выработана и приведена въ стройную систему.

Каждый изъ этихъ языковъ былъ почти вполнѣ самостоятельный, съ весьма малою иностранною примѣсью; каждый изъ нихъ обладалъ выработанною системою грамматическихъ формъ; притомъ, сдѣлавшись языкомъ мертвымъ и переставая быть общеразговорнымъ, онъ поэтому не подвергался болѣе той порчѣ, которая всегда угрожаетъ языку употребляемому для рѣчи необразованною массою. Поэтому оба эти языки представляли образцы правильно организованной философической грамматики и установившейся литературы. Напротивъ того, языки новѣйшей Европы были разнородны, полны неправильностей и въ состояніи постоянной измѣнчивости. Не сдѣлано было въ то время еще никакой попытки къ установленію ихъ формъ, къ отысканію въ нихъ грамматическихъ законовъ, и поэтому они были мало приспособлены для изученія словесности.

Независимо всего этого, Латинскій языкъ, хотя мертвый для обычнаго разговорнаго употребленія, былъ еще вполнѣ живымъ и мощнымъ языкомъ для большей части потребностей образовательныхъ. Онъ былъ общимъ языкомъ всей западной церкви; онъ служилъ посредникомъ для сношеній между лицами духовнаго званія и между учеными. Не только Бидъ и болѣе ранніе лѣтописцы, но даже серъ Томасъ Муръ, Буканамъ, Баконъ, Гоббесъ, Мильтонъ и Нютонъ находили Латинскій языкъ самымъ удобнымъ посредникомъ для сношеній съ иностранными учеными и съ образованнымъ классомъ своихъ соотечественниковъ.

Очевидно, что нынѣ многія изъ этихъ причинъ либо совершенно перестали существовать, либо потеряли очень многое въ своемъ значеніи. Нельзя уже болѣе утверждать, чтобы наилучшія и самыя изящныя произведенія ума человѣческаго были сосредоточены въ языкахъ Греческомъ и Латинскомъ. Возникла богатая новѣйшая литература, совершенно новыя науки получили жизнь; создалась наука исторической критики; математическія науки получили обширное развитіе; раскрылось широкое поле для физическихъ изслѣдованій; новѣйшіе языки, включая и нашъ отечественный, сдѣлались предметомъ филологическаго и критическаго анализа. *Но, рядомъ съ этимъ расширеніемъ поля знанія, продолжительность человѣческой жизни не увеличилась.*

Очевидно, что, сравнивая число книгъ нынѣ достойныхъ прочтенія и предметы современнаго изученія съ книгами и знаніями эпохи Елисаветинской, нужно признать, что мѣсто, занимаемое литературами Греческою и Латинскою, хотя и весьма почтенное, однако сравнительно много потеряло въ своей важности. Это нынѣ признается и нашими древними университетами. Учрежденіе въ Оксфордѣ курсовъ законо-

вѣдѣнія и новѣйшей исторіи, а въ Кембриджѣ естественныхъ наукъ и философіи наглядно доказываетъ, что слово *«образованіе»* должно быть расширено въ своемъ значеніи, и что, напр., отличный студентъ по части естественныхъ наукъ, мало или вовсе незнакомый съ Греческимъ языкомъ, имѣетъ столько же права на признаніе его человѣкомъ образованнымъ и на полученіе въ томъ удостовѣренія отъ университета, сколько отличный студентъ по Греческой словесности, мало или вовсе незнакомый съ естественными науками.

Тѣмъ не менѣе въ нашихъ классическихъ школахъ grammar schools *), болѣе даже нежели въ нашихъ университетахъ, существуетъ еще сильная традиція, будто Латинскій и Греческій языки служатъ въ нѣкоторой степени мѣриломъ для воспитанія *«джентельмена»*; будто тотъ, кто владѣетъ этими языками, хотя бы и ничѣмъ инымъ, имѣетъ право на званіе образованнаго человѣка, а напротивъ того тотъ, кто имѣетъ много другого знанія, но не получилъ классическаго образованія, признается существомъ низшаго достоинства. Возрѣніе это не трудно объяснить: тѣ люди, которые руководятъ общественнымъ мнѣніемъ по сему предмету, суть большею частью такіе, которыхъ раннее воспитаніе было основано на подобной теоріи. Каждый, естественно, цѣнитъ преимущественно то, чѣмъ онъ самъ располагаетъ. И у государственнаго дѣятеля, и у члена духовенства, и у писателя, при воспоминаніи о годахъ, въ продолженіе которыхъ онъ трудился надъ Латинскою грамматикою или надъ Греческимъ лексикономъ, глубоко заронилось такое убѣжденіе: *эта система образованія должна быть хорошая, ибо она произвела меня.* Въ позднѣйшемъ періодѣ жизни трудно человѣку освободиться отъ впечатлѣній, произведенныхъ на него классическимъ образованіемъ, а также разрѣшить передъ собою вопросъ: «какой, для развитія его способностей, былъ бы достигнутъ результатъ, если бы для этого былъ избранъ иной способъ».

II.

На сколько достойно вниманія такое отношеніе къ образовательному значенію классическихъ языковъ, въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, со стороны лица, принадлежащаго къ составу педагогическихъ дѣятелей въ странѣ, которая и до нынѣ признается однимъ изъ самыхъ твердыхъ оплотовъ классическаго образованія, на столько же изложенныя имъ соображенія объ историческомъ возникновеніи и развитіи этого образованія, а также объ измѣнившихся усло-

*) Къ числу такихъ училищъ принадлежатъ извѣстныя древнія школы Итонъ, Рёгби, Харро (Eaton, Rugby, Harrow).

віяхъ его отношенія къ требованіямъ современной образованности должны быть признаны справедливыми. Примѣняются они ко всѣмъ западно-европейскимъ культурнымъ странамъ. Во всѣхъ преобладаніе въ общественномъ образованіи преподаванія древнихъ языковъ, Латинскаго и Греческаго, связано съ историческимъ ходомъ образованности. Если восходить гораздо ранѣе эпохи Елисаветинской въ Англіи до средневѣковыхъ, такъ называвшихся Латинскихъ школъ, преимущественно основанныхъ при монастыряхъ, то окажется, что въ тѣ отдаленныя времена, когда образованіе было по преимуществу духовно-церковное, одинъ Латинскій языкъ пользовался исключительнымъ правомъ служить основаніемъ всякаго преподаванія; появленіе же на ряду съ нимъ языка Греческаго совпадаетъ съ эпохою такъ называемаго возрожденія (renaissance) во второй половинѣ XIV-го и въ XV-мъ столѣтіи, когда явился культъ древней классической цивилизаціи, въ которой еллинизмъ долженъ былъ занять по крайней мѣрѣ равное съ латинизмомъ мѣсто. А такъ какъ до конца прошлаго столѣтія Латинскій языкъ продолжалъ быть главнымъ, если не исключительнымъ языкомъ науки, уступивъ незадолго передъ тѣмъ Французскому языку мѣсто, какъ органу международныхъ сношеній, то весьма понятно на сколько въ учебныхъ заведеніяхъ классическое образованіе должно было сохранить исторически завоеванное имъ вѣковое значеніе. Способствовало такому сохраненію и то, что само развитіе наукъ точныхъ, естественныхъ, реальныхъ принадлежитъ по преимуществу нынѣшнему столѣтію, и что только сравнительно недавно самое народное образованіе, такъ сказать, домократизировалось, обнимая болѣе широкіе слои общества. Очень понятно поэтому, что въ учебныхъ заведеніяхъ западной Европы борьба между классицизмомъ и реализмомъ, вынужденная требованіями современной жизни, очень медленно ослабляетъ монопольное положеніе классическаго образованія. Весьма справедливо говоритъ Фитчъ, что классическое образованіе находитъ своихъ усерднѣйшихъ защитниковъ въ поколѣніяхъ на немъ выросшихъ.

Обращаясь за симъ къ нашему отечеству, мы встрѣчаемся съ обстоятельствами, если не прямо противуположными, то во всякомъ случаѣ весьма различными. Народное образованіе, въ видѣ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, у насъ существуетъ немногимъ болѣе столѣтія, а если считать очень широко, то рожденіе его нельзя опредѣлить ранѣе царствованія Петра Великаго, въ которомъ являются самые скромные его начатки. Не имѣя своихъ корней, какъ западная Европа, въ латинизмѣ, изъ котораго даже образовалась значительная часть новѣйшихъ языковъ, ни въ древнемъ еллинизмѣ, народное обра-

зованіе въ Россіи было всецѣло позаимствовано изъ современнаго западно-европейскаго; но классицизмъ на нашей почвѣ не имѣетъ самородныхъ корней, а былъ искусственно привитъ къ программамъ нашихъ учебныхъ заведеній, въ подражаніе ихъ первообраза, преимущественно Германскаго.

Когда это позаимствованіе было первоначально совершено, классицизмъ въ Германскихъ школахъ царилъ еще вполнѣ; а потому неудивительно, что онъ воцарился и въ нашихъ школахъ. Нельзя однако не замѣтить, что, не имѣя той исторической опоры, которая ему обезпечивала монополію въ заграничныхъ школахъ, классицизмъ у насъ шелъ болѣе скромными шагами. И положенія царствованія Императрицы Екатерины II *) и разновременно изданныя въ продолженіе нынѣшняго столѣтія, указывая древнимъ языкамъ, а въ особенности Латинскому, почетное мѣсто въ программахъ нашихъ гимназій, не предоставляли имъ преобладающаго мѣста, которое даровалъ имъ уставъ 1871 года. Пошли мы, слѣдовательно, путемъ совершенно противуположнымъ тому, которому слѣдуетъ среднее образованіе въ странахъ, въ которыхъ языки Греціи и Рима пріобрѣли гражданственность не по теоріи, а по историческому праву. Провозглашаемо было въ 1871 году, будто преобладаніе древнихъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ основано въ западной Европѣ на отвлеченномъ убѣжденіи, что они составляютъ лучшее орудіе умственнаго развитія; тогда какъ это преобладаніе, чуждое отвлеченной теоріи, есть лишь дань, платимая историческимъ традиціямъ, съ которыми иныя и болѣе широкія потребности современнаго образованія вступили въ борьбу, постепенно, хотя медленно, завоевывая себѣ болѣе или менѣе широкое право на уравненіе. Въ противуположность этому, уставъ 1871 года стремился поставить наше гимназическое образованіе чуть ли не на ту почву, на которой оно стояло въ описываемую Фитчемъ Елисаветинскую эпоху. Предоставляя прохожденію курса древнихъ языковъ исключительное право на открытіе доступа къ высшему научному образованію, безъ различія его отраслей, уставъ этотъ указалъ въ программахъ учебныхъ сравнительно приниженное мѣсто почти всякимъ познаніямъ внѣ тѣснаго круга древняго языкознанія, не исключая даже отечественнаго языка. И все это въ угоду какому-то мнимому отвле-

*) Многоуважаемому автору было неизвѣстно, что въ царствованіе Екатерины Великой отводилось у насъ столько же мѣста (хоть вовсе не больше) языку Греческому, какъ и Латинскому, что сама она замышляла распространить въ школахъ языкъ Греческій для чтенія твореній св. Отцовъ и Византійскихъ историковъ, и что при ней нѣкоторое время учились по Гречески даже въ Пажескомъ корпусѣ П. Б.

ченному убѣжденію нашихъ Германскихъ сосѣдей, что это есть единственный узкій путь къ научному блаженству. Съ того времени протекло болѣе 20 лѣтъ; подъ вліяніемъ этой теоріи образовалось уже нѣсколько молодыхъ поколѣній; должны бы быть уже замѣтны благотворные плоды этого слѣпого культа древности; но если спросить: возвысился ли общій уровень образованности, процвѣтаетъ ли болѣе прежняго наука вообще, а словесныя науки въ частности, пріобрѣла ли учившаяся подъ вліяніемъ этой теоріи молодежь болѣе, сравнительно со своими предмѣстниками, серіозное отношеніе къ знанію и къ жизни, любви къ труду, то думаю я, что всякій безпристрастный наблюдатель будетъ склоненъ дать отвѣтъ скорѣе отрицательный. Безъ колебанія можно утверждать, что знаніе отечественнаго языка въ гимназіяхъ едва ли не понизилось и что чаще прежняго слышатся и въ правительственныхъ учрежденіяхъ жалобы, что поступающіе на службу молодые люди, даже кандидаты Университетовъ, неправильно пишутъ по-русски. Рядомъ съ этимъ слышатся жалобы на переутомленіе учащихся, вредно отзывающееся на физическомъ и умственномъ ихъ развитіи, на поражающее развитіе близорукости, вслѣдствіе переутомленія глазъ, и на малое развитіе въ учащихся любви къ древнимъ языкамъ.

Далека отъ меня мысль эти печальныя явленія приписывать древнимъ языкамъ; корни ихъ нужно искать глубже, во всемъ устройствѣ гимназическаго преподаванія; одно лишь вѣрно, что нынѣшнее Министерство Народнаго Просвѣщенія нашлось вынужденнымъ приступить къ серіознымъ мѣрамъ врачеванія этихъ недуговъ, безъ сомнѣнія нанесенныхъ если не буквою нынѣ дѣйствующаго устава гимназій, то слишкомъ усерднымъ его примѣненіемъ и, между прочимъ, нѣсколько сократить требованія при изученіи древнихъ языковъ. Можно только отнестись съ признательностью къ такому благому направленію и пожелать, чтобы оно было преслѣдуемо съ послѣдовательностью и энергіею. Русское образованіе относительно свободы дѣйствій своихъ, при установленіи справедливой, согласно требованіямъ современной образованности, относительной важности научныхъ предметовъ, входящихъ въ учебныя программы среднихъ учебныхъ заведеній, было поставлено въ исключительно выгодныя, сравнительно съ западными его сосѣдями, условія: тогда какъ тѣ были связаны историческими традиціями, столь сильно дѣйствующими во всѣхъ отрасляхъ государственнаго развитія и съ особенною силою вліяющими въ дѣлѣ учебномъ, болѣе всякихъ другихъ справедливо требующемъ консерватизма, наше отечественное народное образованіе, не выросшее изъ непосредственнаго соприкосновенія съ древнеклассическою цивилизаціею, могло свободнѣе почер-

пать изъ оной лишь то, что оказывалось нужнымъ для полноты и достоинства Русскаго просвѣщенія. Присоединялось къ этому и то весьма важное обстоятельство, что Русскій языкъ не ищетъ своихъ корней въ языкѣ Латинскомъ.

Къ сожалѣнію, нельзя не сознаться, что при опредѣленіи мѣста, указаннаго въ нашихъ учебныхъ гимназическихъ программахъ классицизму, кромѣ довольно слѣпого подражанія чужестранному, занимали едва ли послѣднее мѣсто соображенія, учебному дѣлу совершенно чуждыя. Такъ, изданіе устава 1871 года состоялось, хотя и негласно, подъ вліяніемъ предвзятаго предубѣжденія противъ сочинителей предшествующаго устава, будто бы поклонявшихся идеямъ такъ называемымъ либеральнымъ, въ противоположность охранительнымъ; предполагалось, вѣроятно и искренно, что усиленіе изученія древнихъ языковъ должно способствовать къ отрезвленію юношества отъ современнаго свободомышленія какъ религіознаго, такъ и политическаго. Если же вспомнить, что памятно всякому перешедшему пятидесятилѣтній возрастъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ, вслѣдствіе усилившихся въ то время у сосѣдей нашихъ революціонныхъ движеній, изученіе въ нашихъ гимназіяхъ древнихъ языковъ было значительно сокращено, а Греческаго почти исключено, сдѣлавшись необязательнымъ, и что довольно гласнымъ поводомъ къ тому послужило противуположное предубѣжденіе: будто знакомство съ древними литературами и съ условіями жизни классическихъ народовъ способствуетъ къ распространенію республиканскихъ идей и къ культу языческаго просвѣщенія: то можно безошибочно утверждать, что оба эти противорѣчащіе другъ другу взгляда были одинаково неосновательны, и что ни реальное, ни классическое образованіе не заслуживало ni tant d'honneur ni tant d'indignité *). Независимо этого, ограниченіе права поступленія въ университеты прохожденіемъ гимназическаго, строго-классическаго курса, имѣло, очевидно, цѣлью, затруднить доступъ къ университетскому образованію и съузить кругъ лицъ посѣщающихъ факультетскія аудиторіи, закрывая ихъ болѣе низшимъ классамъ общества. Что надежды эти не оправдались, можно было уже предъугадать, когда число гимназій быстро увеличивалось, въ ущербъ реальнымъ училищамъ, и когда первыя одни открывали путь къ осуществленію завѣтной мечты большинства посѣтителей нашихъ школъ: *«занять мѣсто въ табели о рангахъ»;* созданныя же въ то время реальныя училища, по своему учебному курсу, не готовили ни къ службѣ, ни къ промышленности, ни даже не открывали дверей въ высшія спеціальныя учебныя заведенія.

*) Ни столько почета, на столько уничиженія.

Нельзя поэтому было удивляться частымъ просьбамъ городскихъ обществъ объ открытіи у нихъ гимназій и прогимназій, предпочтительно предъ реальными училищами, просьбамъ, которые весьма неосновательно приписывались развивавшемуся будто въ нашемъ обществѣ убѣжденію въ превосходствѣ строго-классическаго образованія. Такого убѣжденія никогда не было, да и быть не могло; а двадцатилѣтній опытъ существованія нынѣшнихъ нашихъ гимназій, очевидно, не могъ развить въ Русскомъ обществѣ пристрастія къ классическому образованію. Къ преобразованію и улучшенію реальныхъ училищъ нынѣшнее Министерство Народнаго Просвѣщенія приняло серіозныя и полезныя мѣры, такое направленіе желательно поддержать и развить.

III.

Излагая причины, по которымъ значеніе классическихъ языковъ въ программѣ учебныхъ заведеній должно сократиться, въ виду измѣнившихся условій, Фитчъ далекъ отъ мысли отказать этимъ языкамъ въ подобающемъ мѣстѣ въ этой программѣ. Въ этомъ отношеніи онъ говоритъ: «Существуетъ, быть можетъ, опасность, чтобы, при плодотворной реакціи противъ того мнѣнія, которое давало Латинскому и Греческому языкамъ исключительное и вредное преобладаніе въ учебномъ курсѣ нашей школы, не увлеклись въ противоположную ошибку, не соотвѣтственно понизить понятіе о пользѣ этихъ языковъ. Поэтому крайне необходимо уяснить себѣ вопросъ: *«какое мѣсто должно, по справедливости, быть предоставлено изученію древнихъ языковъ въ образовательномъ курсѣ, принимая во вниманіе нынѣшніе предѣлы человѣческаго знанія и требованія современной жизни?»* Отвѣтъ на такой вопросъ зависитъ, повидимому, вполнѣ отъ продолжительности періода времени, которое ученикъ посвящаетъ на свое образованіе. При этомъ необходимо имѣть въ виду три разряда учащихся: тѣхъ, которые, вѣроятно, поступятъ въ университетъ и преслѣдуютъ оконченное словесное образованіе; тѣхъ, которыхъ учебный курсъ, вѣроятно, не продлится далѣе 16 или 17-лѣтняго возраста и которые, по окончаніи онаго, изберутъ разныя профессіи; наконецъ, тѣхъ, которые ограничатся элементарнымъ образованіемъ, оканчивающимся въ 13-мъ или 14-лѣтнемъ возрастѣ. Латинскій языкъ имѣетъ соотношеніе со всѣми тремя этими разрядами; но соотношеніе это неодинаковое, и самый способъ преподаванія долженъ быть различный. Можно надѣяться, говоритъ далѣе Фитчъ, что всегда найдутся средства для поощренія въ Англіи изученія Греческой и Латинской словесности. Принимая во вниманіе то вліяніе, которое древняя литература имѣла на умственное развитіе Европы, что почти всѣ лучшія книги, писанныя на Англійскомъ языкѣ,

переполнены ссылками и оборотами мысли, сознательно или несознательно позаимствованными изъ классическихъ источниковъ, при томъ имѣя въ виду признанное литературное и художественное достоинство классическихъ произведеній до насъ дошедшихъ, дѣлается очевиднымъ, что мы понесемъ тяжелую потерю, если когда нибудь этотъ источникъ богатства не будетъ подвергаться изслѣдованію, или будетъ оставляемъ въ пренебреженіи. Можно также надѣяться, что въ Англіи всегда найдутся нѣкоторыя личности, которыя на столько посвятятъ себя изученію древней литературы, чтобы не пренебрегать тѣмъ, что̀ можно назвать утонченностью и роскошью классичесскаго образованія. Но даже относительно такихъ лицъ весьма сомнительно, чтобы Латинскій языкъ когда либо ими употреблялся какъ орудіе для свободнаго выраженія мысли или для умственнаго обмѣна; даже и для нихъ Латинскій языкъ лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ можетъ пріобрѣсти значеніе живого языка. Тѣмъ не менѣе, однако, можно допустить, что для такихъ лицъ упражненія въ стихосложеніи Греческомъ и Латинскомъ, на которое столько времени тратится въ нашихъ древнихъ словесныхъ школахъ, могутъ имѣть еще нѣкоторое значеніе. Для такихъ же учащихся, которые, при поступленіи въ Университетъ по всей вѣроятности, изберутъ отдѣлъ математики, естественныхъ наукъ или другія отрасли новѣйшаго знанія, равно и для всего того большинства, которое, вѣроятно, никогда въ университетъ не поступитъ, а въ возрастѣ отъ 16 до 17 лѣтъ прямо вступитъ на путь профессіональной дѣятельности, занятіе классическими стихотвореніями или утонченностями классицизма, а также вообще изученіе Греческаго языка, оказывается ошибочно, уже главнѣйше потому, что изученіе это не можетъ быть доведено до какой бы то ни было плодотворной степени. Тѣмъ не менѣе и для такихъ учениковъ Латинскій языкъ имѣетъ положительную пользу, при томъ лишь условіи, чтобы цѣль, для которой это преподаваніе будетъ допущено, была бы тщательно опредѣлена и неуклонно преслѣдуема.

Существенная разница въ преподаваніи Латинскаго языка такимъ ученикамъ заключается въ томъ, что цѣлью его должно быть пониманіе онаго настолько, чтобы чтеніе авторовъ было доступно, не преслѣдуя способности письменно на немъ объясняться. Желательно ознакомить учениковъ съ сочиненіями нѣкоторыхъ изъ болѣе легкихъ, лучшихъ, Латинскихъ авторовъ, дабы они могли понимать ихъ содержаніе. Кромѣ того, и это быть можетъ еще важнѣе, Латинскій языкъ преподается такимъ ученикамъ: 1) потому что онъ представляетъ наилучшее практическое объясненіе грамматической науки и общихъ законовъ о

строѣ языка; 2) потому что онъ служитъ дѣйствительнымъ орудіемъ для изученія того, какъ сложился и развился Англійскій языкъ и 3) потому что онъ служитъ пособіемъ для объясненія многаго, что̀ безъ этого осталось бы темнымъ въ нашей отечественной литературѣ, и къ уясненію отношеній существующихъ между нею и литературами Греціи и Рима.

Установивъ такія цѣли, которыя должны быть преслѣдуемы, окажется, что наибольшая часть самой трудной задачи, которую представляетъ система изученія Латинскаго языка, принятая въ нашихъ классическихъ школахъ (grammar schools) окажется если не вполнѣ излишнею, то, во всякомъ случаѣ, имѣющею второстепенную важность Указанныя цѣли достижимы въ продолженіе времени довольно умѣреннаго, не посягая на то, которое должно быть посвящено иному знанію.

Имѣя въ виду, что главнѣйшая причина для преподаванія Латинскаго языка заключается въ его вліяніи *на лучшее пониманіе Англійскаго языка*, полезно вести преподаваніе обоихъ языковъ одновременно. Нѣсколько начальныхъ уроковъ о главнѣйшихъ частяхъ Англійскаго предложенія и о классификаціи Англійскихъ словъ должны бы предшествовать ознакомленію ученика съ Латинскою грамматикою; но послѣ того, какъ такіе уроки хорошо усвоены, казалось бы желательнымъ преподаваніе обѣихъ грамматикъ производить одновременно, дѣлая на каждомъ шагу сравненіе Англійской конструкціи словъ и Англійскихъ оборотовъ рѣчи съ Латинскими. Никогда не слѣдуетъ забывать, что пріобрѣтеніе знанія грамматики, какъ науки, не можетъ быть достигнуто черезъ изученіе одного языка — per se — но черезъ сравненіе и синтезисъ двухъ или нѣсколькихъ языковъ. Только посредствомъ ознакомленія съ различіями и сходствами въ строеніи двухъ разныхъ грамматикъ мы проникаемъ въ пониманіе разности между тѣми началами, которыя суть *случайныя*, присущія отдѣльнымъ языкамъ, и тѣми, которыя должны быть признаны *общими*, принадлежащими одинаково всѣмъ правильно устроеннымъ языкамъ.

Не слѣдуя затѣмъ за Фитчемъ въ изложеніи частностей въ преподаваніи, примѣненныхъ къ Англійскимъ школамъ, достаточно будетъ упомянуть лишь о главнѣйшихъ его указаніяхъ, а именно: 1) чтобы съ самаго начала преподаваніе грамматики и упражненія въ простыхъ переводахъ производились рядомъ, pari passu; 2) что выставляемое многими преподавателями правило, будто прежде всего необходимо положить у учениковъ твердое основаніе въ грамматикѣ, неосновательно, потому что ихъ пониманіе о подобномъ основаніи обыкновенно выра-

жается въ изученіи наизусть многихъ грамматическихъ правилъ, прежде нежели ученикъ можетъ понять практическое примѣненіе подобныхъ правилъ къ дѣйствительному сложенію рѣчи, отчего подобное изученіе представляется ему сухимъ и противнымъ, создавая въ немъ отвращеніе къ преподаваемому предмету; 3) что ничего не можетъ быть тягостнѣе и неудовлетворительнѣе, какъ установленіе послѣдовательности въ чтеніи авторовъ на основаніи предполагаемой ихъ трудности, какъ то: посвящать столько то мѣсяцевъ на Евтропія, затѣмъ другой срокъ на Кесаря, переходя послѣ того къ Овидію и Виргилію, какъ будто эти авторы представляютъ собою послѣдовательныя ариѳметическія правила. Дитя, обучаемое Латинскому языку, для достиженія указанныхъ цѣлей, должно прежде всего быть заинтересовано въ этомъ изученіи и съ самаго начала приведено къ пониманію, что Латинскій языкъ, точно также какъ и его родной языкъ, отличается разнообразностью и привлекательностью своего содержанія, а не есть одинъ только рядъ упражненій въ грамматикѣ и словарѣ, и 4), однимъ изъ способовъ для пріученія ученика къ наслажденію литературою и для расширенія его знакомства съ значеніемъ словъ можетъ служить изученіе какого нибудь Англійскаго классическаго автора — pari passu — съ однороднымъ Латинскимъ или извлеченіемъ изъ онаго. На сколько желательно одновременное изученіе Латинской и Англійской грамматики, настолько же существуетъ правильное основаніе для одновременнаго упражненія въ Латинской и Англійской литературѣ. По мѣрѣ того, какъ ученикъ подвигается впередъ, полезно занимать его сравненіемъ и одновременнымъ изученіемъ цѣлыхъ отдѣловъ какого либо древняго и новѣйшаго автора; такъ напр. рядомъ съ «ars poetica» Горація критическіе опыты Попа или Байрона: «Намеки изъ Горація», «hints from Horace»; съ сатирою Ювенала подражаніе ей Джонсона или избранныя мѣста изъ Драйдена; съ рѣчью Цицерона извѣстный спичъ Берка или Маколе; съ одной изъ Георгикъ Виргилія извлеченіе изъ описанія сельской жизни Томсона; съ статьею изъ Тацита или Тита Ливія другую статью изъ Гиббона или Фруда, и т. п.

IV.

Не имѣя намѣренія входить въ обсужденіе частное указываемыхъ Фитчемъ способовъ преподаванія Латинскаго языка и предоставляя оцѣнку оныхъ болѣе меня опытнымъ въ этомъ дѣлѣ специалистамъ педагогамъ, нахожу однако, что главныя начала, имъ излагаемыя съ большою пользою могутъ быть примѣнены къ нашимъ гимназіямъ. Выразились бы они въ слѣдующихъ тезисахъ. 1) Преподаваніе древнихъ языковъ составляетъ полезную и желательную часть курса сред-

нихъ учебныхъ заведеній. 2) Объемъ этого преподаванія, способы онаго и мѣсто, занимаемое имъ въ учебномъ курсѣ, должны быть согласованы съ требованіями другихъ научныхъ предметовъ, обязательно долженствующихъ входить въ программы такихъ учебныхъ заведеній. 3) Цѣль преподаванія древнихъ языковъ есть: а) нѣкоторое для всѣхъ учащихся, ознакомленіе съ разными произведеніями классической литературы, какъ однимъ изъ богатыхъ источниковъ изящной словесности общечеловѣческой, б) подготовленіе къ дальнѣйшему развитію этого изученія для тѣхъ, которые намѣрены посвятить себя высшему словесному образованію или къ такимъ отраслямъ высшихъ наукъ, которыя въ классическихъ авторахъ имѣютъ выдающихся представителей; отношу я сюда науки филологическія, философскія и юридическія, и в) дать болѣе прочное основаніе знанію отечественнаго языка, черезъ сравнительное языкознаніе. 4) Въ словесномъ образованіи почетнѣйшее и выдающееся мѣсто должно принадлежать изученію отечественнаго языка, къ лучшему познанію котораго ознакомленіе съ древними языками служитъ однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ по сему; 5) Изученіе классическихъ языковъ, не будучи цѣлью гимназическаго образованія, а лишь однимъ изъ факторовъ онаго, не должно занимать въ учебномъ курсѣ подавляющее мѣсто, въ ущербъ другимъ отраслямъ знанія, а лишь равноправное съ ними положеніе.

Охотно присоединился бы я, и въ отношеніи къ нашему отечеству, къ высказываемому Фитчемъ относительно Англіи пожеланію, чтобы нашлись нѣкоторыя личности, которыя бы на столько посвятили себя изученію древней литературы, чтобы вникнуть въ утонченности и роскошь классическаго образованія, иными словами, которыя бы древнюю филологію избрали предметомъ спеціальныхъ своихъ научныхъ занятій. Таковыхъ Европейская образованность представляетъ немало примѣровъ; но нельзя въ такой же мѣрѣ сказать это о Россіи. Русская наука имѣетъ, въ разныхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, первоклассныхъ дѣятелей; имена Остроградскихъ, Пироговыхъ, Боткиныхъ, Карамзиныхъ, Соловьевыхъ, Костомаровыхъ, Менделѣевыхъ украшаютъ лѣтописи общечеловѣческой науки; но въ классической филологіи она не имѣетъ равноправныхъ соревнователей. Нельзя, конечно, отрицать, что между нашими учеными и литераторами бываютъ хорошіе латинисты и еллинисты; но спеціально, съ выдающимся отличіемъ, посвятившихъ себя древней филологіи, затруднился бы я назвать. Не происходитъ ли это, въ большой мѣрѣ, отъ того, что Русскій духъ болѣе склоненъ къ наукамъ точнымъ, прикладнымъ, нежели къ наукамъ отвлеченнымъ? Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, филологія,

какъ наука специальная, принадлежитъ университетамъ, а не среднимъ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ и приноравлять учебный курсъ гимназій къ созданію филологовъ противно ихъ назначенію. Между тѣмъ, занимаемое въ учебной программѣ нынѣшнихъ нашихъ гимназій мѣсто Латинскимъ и Греческимъ языками и время посвящаемое ихъ изученію (75 уроковъ въ недѣлю) давало бы полное основаніе предполагать, что онѣ суть нечто иное, какъ приготовительныя учебныя заведенія къ филологическому факультету. Опытъ же 20-лѣтняго существованія этихъ программъ, безошибочно можно сказать, не увеличилъ число лицъ, посвящающихъ себя классической филологіи и не развилъ въ юношествѣ нашемъ расположенія къ изученію древнихъ языковъ, не вознаграждая этого достиженіемъ тѣхъ общевоспитательныхъ цѣлей, для которыхъ усиленное занятіе этими языками выставлялось специфическимъ средствомъ. Остаюсь я глубоко убѣжденнымъ, что не существуетъ учебнаго предмета, который самъ по себѣ имѣлъ бы монополію умственнаго развитія и образованія; что всякое серіозное и раціональное преподаваніе можетъ удовлетворить этой цѣли. Весьма вѣроятно, что неудовлетворительный результатъ непомѣрнаго времени посвящаемаго на уроки въ древнихъ языкахъ не въ малой мѣрѣ должно приписать и самому способу преподаванія, принятому въ нашихъ гимназіяхъ, мало-способному развить въ учащихся любовь къ этому занятію; излишнее сосредоточеніе на изученіи сухихъ грамматическихъ правилъ, напрасное время, которое тратилось на упражненіе въ такъ называемыя extemporalia, занятіе совершенно безполезное, при упражненіяхъ въ мертвомъ языкѣ, практическое употребленіе котораго никогда въ жизни для огромнаго большинства не представится, все это взятое вмѣстѣ, требуя напрасныя траты времени и напряженія умственныхъ силъ и памяти учениковъ, не можетъ быть оправдываемо. Министерство Народнаго Просвѣщенія это, отчасти, оцѣнило и въ последнее время дало полезныя указанія для сокращенія этихъ безплодныхъ занятій; но установившаяся, въ продолженіе довольно значительнаго періода времени, рутина, основанная на прежнихъ предписаніяхъ, нѣсколько замедляетъ, повидимому, исполненіе благихъ предначертаній. На сколько могутъ быть, въ извѣстный періодъ учебнаго курса, полезны переводы изъ Латинскаго или Греческаго языка на Русскій, для цѣлей лучшаго владѣнія отечественнымъ языкомъ, на столько же всякія письменныя упражненія на древнихъ языкахъ можно признать ни къ чему не ведущими. Составители нынѣ дѣйствующаго устава гимназій слѣпо перенесли на нашу почву программы Нѣмецкихъ гимназій, позабывъ значительную разницу какъ историческихъ, такъ и общественныхъ условій, существующую между Германіей и нашимъ отечествомъ.

Что̀ тамъ естественно выросло на почвѣ вѣковой и традиціонно сохраняется, то у насъ насильственно привито, и не соблюдена была мудрая поговорка: est modus in rebus. Пора ея дѣйствіе возстановить.

Нельзя не признать вполнѣ основательнымъ и то замѣчаніе Фитча, что преподаванію Латинскаго языка (которое онъ совѣтуетъ вести параллельно съ преподаваніемъ Англійскаго) должно бы однако предшествовать ознакомленіе съ главными частями Англійскаго предложенія и классификація Англійскихъ словъ. Если это вѣрно тамъ, гдѣ отечественный языкъ находится въ весьма близкой родственной связи съ языкомъ Латинскимъ, то оно несравненно еще болѣе необходимо въ отношеніи Русскаго языка, съ Латинскимъ столь тѣсной связи не имѣющаго. Перенявъ почти всецѣло программы Нѣмецкихъ гимназій, не было также достаточно принято во вниманіе, что въ Германіи, почти для всѣхъ поступающихъ въ гимназіи, предшествуетъ трехъ или четырехлѣтній курсъ начальнаго училища, удовлетворяющій съ избыткомъ первоначальному преподаванію отечественнаго языка. У насъ же, въ общей сложности, поступленіе въ гимназіи есть первый шагъ на пути систематическаго образованія. Особенно важное значеніе имѣетъ это еще въ виду довольно значительнаго количества инородческаго элемента, посѣщающаго наши гимназіи, преимущественно на окраинахъ, когда поступающіе ученики должны знакомиться съ государственнымъ языкомъ, для нихъ до того времени чужимъ: существующіе же приготовительные классы, болѣе или менѣе замѣняющіе начальную школу, для устраненія такого неудобства едва ли достаточны. При такихъ условіяхъ начатіе изученія Латинскаго языка съ перваго же класса гимназіи представляется слишкомъ рановременнымъ; если же къ этому прибавить, что, по дѣйствующему расписанію уроковъ, на Латинскій языкъ, даже въ первомъ классѣ, посвящается шесть уроковъ, а на Русскій только пять, то аномалія такой неравномѣрности является еще болѣе поразительною. Въ виду вышеизложеннаго, не могу не выразить убѣжденія, что преподаваніе Латинскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ должно бы начинаться не ранѣе третьяго, и, въ крайнемъ случаѣ, второго класса, когда ученики уже успѣли настолько твердо усвоить употребленіе родного или государственнаго языка, что параллельное съ нимъ изученіе Латинскаго языка можетъ быть нѣсколько осмысленное.

Вопросъ о полезности или необходимости одновременнаго преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ *двухъ* древнихъ языковъ разновременно подвергался у насъ различнымъ рѣшеніямъ; было время, когда изученіе Греческаго языка вовсе не входило въ гимназическій

курсъ; другое, когда оно признавалось необязательнымъ, т. е. также въ сущности не существовало. Не существуетъ оно и понынѣ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ которомъ воспитываются дѣти лицъ высшихъ сословій. Нельзя утверждать, чтобы ни это училище, ни бывшія гимназіи безъ Греческаго языка дали Россіи менѣе образованныхъ и менѣе талантливыхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ, нежели нынѣшнія гимназіи съ ихъ подавляющимъ классицизмомъ. Не желалъ бы я возстановленія необязательности изученія Греческаго языка, признавая таковую по всякому учебному предмету, въ средне-образовательномъ училищѣ, въ воспитательномъ отношеніи, вреднымъ. Количество учебнаго матеріала, которое предлагается школою, должно быть строго согласовано съ среднимъ уровнемъ способностей учащихся извѣстнаго возраста и съ нужнѣйшими требованіями современной образованности. Всякій учебный предметъ, на основаніи подобныхъ соображеній, имѣющій право на включеніе его въ учебную программу, долженъ быть обязательный, а не зависящій отъ произвола неопытнаго ребенка или часто недостаточно просвѣщенныхъ родителей.

Не отвергая пользы преподаванія Греческаго языка въ гимназіяхъ, полагаю, однако, что оно не можетъ быть уравнено въ важности съ преподаваніемъ языка Латинскаго и, примѣняя къ нему основные тезисы, вышеизложенные, думаю, что оно должно ограничиваться нѣкоторымъ ознакомленіемъ съ избранными произведеніями классической Греческой словесности, преимущественно какъ подготовленіе къ дальнѣйшему развитію этого изученія для тѣхъ, которые намѣрены будутъ себя посвятить высшему словесному образованію. Грамматическое значеніе древняго языка, какъ вспомогательное средство для лучшаго изученія отечественнаго языка или для ознакомленія съ основными законами рѣчи, можетъ вполнѣ ограничиться однимъ такимъ языкомъ, и въ этомъ отношеніи нельзя не признать за Латинскимъ языкомъ преимущественную передъ Греческимъ важность, какъ имѣвшимъ болѣе непосредственное вліяніе на обще-европейскую цивилизацію и на языкознаніе. Не придавая по сему Греческому языку того грамматическаго значенія, которое можетъ быть придано Латинскому, въ связи съ языкомъ отечественнымъ, слѣдовало бы причислить его изученіе къ словесному, а не къ грамматическому курсу, т. е. къ спеціально-гимназическому, а не прогимназическому періоду. Насколько нѣкоторое ознакомленіе съ лучшими произведеніями древне-Греческой литературы полезно, дабы вызвать въ учащихся охоту къ дальнѣйшему въ жизни изученію оныхъ, настолько же посвящать часы и годы на сухое занятіе Греческою грамматикою представляется едва ли оправдываемымъ.

Присоединяется къ такому взгляду и то соображеніе, что на Русскихъ учениковъ, сравнительно съ ихъ товарищами Западно-европейскими, возлагается изученіе еще одной лишней грамматики, Славянской. Въ программахъ нашихъ гимназій изученію этимологіи и синтаксиса даже новѣйшихъ языковъ, на которыхъ ученику, быть можетъ, придется выражаться устно или письменно, придается лишь такое значеніе, чтобы оно способствовало пониманію читаемыхъ авторовъ; въ такихъ лишь предѣлахъ можетъ оправдываться преподаваніе грамматики Греческой, языка мертваго, на которомъ говорить или писать едва ли хоть одному изъ учениковъ гимназіи придется. Преподаваніе это казалось бы всего удобнѣе производить одновременно и параллельно съ чтеніемъ болѣе легкихъ авторовъ. Самое же это чтеніе удобнѣе было бы начинать не ранѣе 5-го класса, какъ долженствующее входить въ словесный курсъ. Такая постановка преподаванія Греческаго языка, значительно облегчая труды учащихся, имѣла бы не менѣе важнымъ послѣдствіемъ сократить то непомѣрное время, которое во всѣхъ классахъ предназначается на уроки изъ Греческаго языка, и это безъ всякаго ущерба общей цѣли гимназическаго обще-человѣческаго образованія.

Этимъ достиглась бы еще другая, цѣль: посвятить болѣе времени на предметы слишкомъ пониженные въ своемъ значеніи. Къ таковымъ не могу, прежде всего, не причислить исторію и географію. Сокращеніе числа уроковъ для этихъ двухъ предметовъ, сравнительно съ прежними программами, едва ли оправдывается. Для современнаго, образованнаго человѣка исторія составляетъ одинъ изъ наиболѣе умственно развивающихъ учебныхъ предметовъ; конечно не сухое, одну только память обременяющее, затверживаніе фактовъ, именъ и хронологическихъ цифръ, но болѣе осмысленное ознакомленіе съ ходомъ развитія человѣческихъ обществъ. Изданная Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ 1891 г., къ руководству въ мужскихъ гимназіяхъ программа преподаванія исторіи не въ малой мѣрѣ соотвѣтствуетъ этой цѣли; но разумное выполненіе оной въ тѣ немногіе сравнительно часы, которые посвящаются преподаванію исторіи, едва ли возможно, а потому, въ дѣйствительности, изученіе исторіи въ гимназіяхъ сводится, болѣе или менѣе, къ выученію наизусть учебника и извѣстной массы сухихъ фактовъ. Этой дѣйствительности, которая едва ли можетъ быть оспариваема, не соотвѣтствуетъ выраженное въ программѣ министерства: «*что курсъ исторіи долженъ главнымъ образомъ развить въ ученикахъ способность къ пониманію связи между событіями, къ различенію причинъ и слѣдствій, побужденій и поводовъ*». Съ такими указаніями цѣли преподаванія исторіи въ гимназіяхъ можно бы

вполнѣ согласиться; но осуществленіе ея невозможно въ тѣ немногіе часы, которые предназначены для этого; ибо, если изъ общаго числа 13 уроковъ, посвящаемыхъ на исторію въ 8 классахъ гимназій, исключить два урока, въ 3 классѣ, гдѣ преподается лишь элементарный курсъ отечественной исторіи, и 4 урока посвящаемыхъ въ 4 и 8 классахъ исключительно на древнюю исторію, то на систематическій курсъ всеобщей и отечественной исторіи, среднихъ вѣковъ и новѣйшей, въ продолженіе всего курса, предоставляется всего 7 уроковъ. Представляется ли какая-нибудь физическая возможность въ столь ограниченное время обнять огромный матеріалъ пятнадцати вѣковой исторіи человѣчества въ томъ разумномъ смыслѣ, на который указываетъ министерская программа? На такой вопросъ можетъ быть только отвѣтъ: это невозможно. Не можетъ, равнымъ образомъ, такое недостаточное преподаваніе исторіи развить въ учащихся любовь къ этой наукѣ и привлечь ихъ, какъ на то указываетъ министерская программа, къ чтенію, послѣ окончанія курса, историческихъ сочиненій на отечественномъ или иностранномъ языкѣ. Для этого, независимо расположенія къ исторической наукѣ, необходимъ досугъ; а многіе ли изъ окончившихъ курсъ Гимназіи, часто въ борьбѣ за существованіе, располагаютъ досугомъ? Поэтому необходимо, чтобы они изъ гимназіи могли вынести такой запасъ осмысленныхъ свѣдѣній по исторіи, который необходимъ для каждаго образованнаго человѣка. Для Русскихъ юношей конечно преобладающее значеніе имѣетъ отечественная исторія, и для современныхъ Русскихъ юношей, въ особенности исторія со времени великаго преобразователя, когда въ продолженіе послѣднихъ двухъ вѣковъ создались и развились всѣ наши государственныя учрежденія и Россія заняла въ средѣ Европейскихъ государствъ то почетное мѣсто, которое ей теперь принадлежитъ. Посвятить на этотъ спеціальный отдѣлъ исторіи послѣдній годъ гимназическаго курса, послѣ котораго юноши часто вступаютъ прямо въ жизнь, казалось бы полезнымъ; между тѣмъ большая часть этого года предназначается на повтореніе исторіи Греціи и Рима. Опять рабское подражаніе программамъ Нѣмецкихъ гимназій! Помнится мнѣ живо, что въ 1862 году, осматривая, по званію товарища министра народнаго просвѣщенія, учебныя заведенія бывшаго Дерптскаго учебнаго округа, въ Ригѣ имѣлъ я вечерній частный диспутъ съ тогдашнимъ почтеннымъ директоромъ Рижской гимназіи, Крангельсомъ, и высказывалъ ему свои сомнѣнія относительно слишкомъ преобладающаго мѣста, предоставленнаго въ этой гимназіи изученію древней исторіи, сравнительно съ другими періодами исторіи человѣчества; онъ же отстаивалъ пользу и необходимость такого преобладанія для обще-образовательныхъ цѣлей.

Не убѣдилъ онъ тогда меня и не убѣдилъ и я его; остался и я до сего дня при тогдашнемъ своемъ мнѣніи; но составители устава 1871 года, очевидно, пристали къ мнѣнію моего собесѣдника. Казалось бы, что главное сосредоточеніе изученія исторіи на событіяхъ, связанныхъ съ именами Аѳинъ, Спарты и древняго Рима, было понятно и простительно въ вѣкѣ Англійской королевы Елисаветы, когда древне-греческая и древне-римская образованность не имѣла себѣ соперниковъ въ тогдашней Европейской культурѣ; но въ концѣ XIX вѣка, когда Европа шагнула гораздо далѣе на пути наукъ и знанія, нежели когда либо достигалъ древній міръ, для современнаго образованнаго человѣка знакомство съ этимъ древнимъ міромъ и его судьбами, какъ историческими, такъ и культурными, полезное и необходимое какъ часть цѣлаго, не можетъ сравниться съ важностью знакомства съ событіями ближайшаго прошедшаго, въ особенности своего отечества; и это въ особенности тамъ, гдѣ современная культура не выросла непосредственно изъ корней Греко-римскихъ, но перенесена изъ самостоятельно уже развившейся новѣйшей Западно-европейской цивилизаціи. По всему этому казалось бы желательнымъ: 1) чтобы на преподаваніе исторіи было посвящаемо болѣе времени, съ тѣмъ конечно, чтобы оно въ дѣйствительности выполняло предначертанную Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія программу, отдѣливъ для этого часть уроковъ, нынѣ съ излишествомъ предназначенныхъ на древніе языки, и 2) чтобы преподаваніе это, въ 8 классѣ, сосредоточивалось на повтореніи отечественной исторіи, въ особенности двухъ послѣднихъ столѣтій, обращая особенное вниманіе на развитіе государственнаго нашего устройства и дѣйствующихъ государственныхъ учрежденій, дабы оканчивающій курсъ гимназіи юноша имѣлъ ясное и осмысленное, хотя бы въ общихъ чертахъ, понятіе о постепенномъ развитіи государственнаго строя своего отечества. Тѣмъ болѣе это кажется необходимымъ, что для поступающихъ, послѣ экзамена зрѣлости, въ университеты, въ одномъ только историко-филологическомъ факультетѣ читаются лекціи по исторіи.

Подобныя замѣчанія, хотя въ меньшей мѣрѣ, относятся и къ преподаванію географіи. Весьма еще недавно у географіи почти отрицалось значеніе науки, и она низводилась на степень простого перечисленія извѣстнаго количества именъ рѣкъ, горъ, морей и городовъ, съ характеромъ исключительно описательнымъ; но въ послѣднее время значеніе ея было лучше оцѣнено, и она опять завоевала каѳедру въ нашихъ университетахъ. Если принять во вниманіе то огромное развитіе, которое, въ нынѣшнемъ столѣтіи въ особенности, приняло земле-

вѣдѣніе, вслѣдствіе открытій и столь сильно развившихся сношеній между народами, а также значеніе, которое развитіе это имѣло и продолжаетъ имѣть на самое могущество различныхъ государствъ, находящееся въ прямой зависимости отъ ихъ богатства: то трудно не придти къ заключенію, что нѣкоторое раціональное ознакомленіе не только съ географическими наименованіями мѣстности, но и въ главныхъ чертахъ съ промышленною и торговою дѣятельностью различныхъ странъ, начиная съ отечества, является необходимымъ условіемъ всякаго обще-человѣческаго образованія. Не менѣе важна и связь существующая между изученіемъ исторіи и географіи. Излишне указывать, насколько историческое развитіе народовъ и государствъ соединено съ расширеніемъ географическихъ границъ ихъ дѣятельности; а потому возможно параллельное преподаваніе этихъ двухъ наукъ крайне желательно. Съ этимъ находится, можно сказать, въ прямомъ противорѣчіи то мѣсто, которое предоставлено изученію географіи въ нашихъ гимназіяхъ, ограниченное прогимназическимъ курсомъ, и то скудное время, которое оному посвящается: всего 8 недѣльныхъ уроковъ въ теченіе 8 лѣтъ. Какъ ни скромна примѣрная программа географіи, предложенная Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и даже, смѣю сказать, недостаточна, но и она едва ли выполнима въ то короткое время, которое на выполненіе ее предоставлено. Придерживаясь традиціонному порядку преподаванія географіи, которое всегда начиналось съ такъ называемой математической и физической географіи, таковая назначена къ изученію въ первомъ классѣ; излишне указать на то, какое значеніе такое преподаваніе можетъ имѣть для 9, 10 или 11-лѣтнихъ мальчиковъ, изъ коихъ многіе еще плохо владѣютъ языкомъ преподаванія. Ничего осмысленнаго тутъ быть не можетъ, и все должно ограничиваться механическимъ изученіемъ наизустъ нѣкоторыхъ, безсознательно, на вѣру, въ дѣтскій мозгъ принимаемыхъ общихъ данныхъ. Что подобныя предварительныя понятія необходимы для пользованія географическою картою и для общихъ свѣдѣній распредѣленія свѣта, теплоты и т. п., составляя какъ бы введеніе въ преподаваніе фактическаго землеописанія, оспаривать не буду; но трудно согласиться съ тѣмъ, чтобъ этимъ имѣло въ настоящее время ограничиваться знакомство оканчивающаго курсъ гимназіи юноши съ устройствомъ земного шара и съ его отношеніемъ къ мірозданію. Нѣсколько болѣе осмысленное ознакомленіе съ онымъ, въ болѣе развитомъ возрастѣ, казалось бы желательнымъ. Удобнѣйшимъ для того способомъ было бы повтореніе этого преподаванія въ одномъ изъ старшихъ классовъ. Самое же преподаваніе географіи разныхъ частей свѣта не должно бы ограничиваться прогимназическимъ курсомъ, въ особенности по географіи отечественной; едва ли возможно

преподать въ достаточномъ объемѣ, какъ того требуетъ программа, изученіе географіи Россіи *физической, политической и этнографической* въ тѣ жалкіе два урока, которые для этого предназначены въ четвертомъ классѣ. Россійская имперія по своему пространству, по разнообразности своего физическаго и этнографическаго состава, равняется, можно сказать, части свѣта. Ознакомленіе, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ условіями почвы, климата, распредѣленіемъ рѣчныхъ бассейновъ, населеніемъ, промыслами и торговлею на пространствѣ «отъ хладныхъ Финскихъ скалъ до пламенной Колхиды» необходимо всякому образованному Русскому, но невыполнимо въ посвящаемое ему время. Гораздо это, по моему убѣжденію, въ нашъ вѣкъ полезнѣе для гимназиста, нежели болѣе или менѣе успѣшный переводъ нѣкоторыхъ трагедій Софокла, или даже нѣкоторыхъ рѣчей Цицерона. Пусть онъ успѣваетъ въ этомъ, но не въ ущербъ знакомства съ родиною. Не Римлянъ и Грековъ мы готовимъ, а Русскихъ гражданъ. Справедливо говорится, что обще-образовательный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній имѣетъ преимущественною цѣлью умственное развитіе и подготовленіе къ жизненному умственному труду; но развѣ исторія человѣчества, ознакомленіе съ планетою, на которой намъ суждено жить и съ тою частью оной, въ которой намъ придется быть умственнымъ дѣятелемъ и гражданиномъ, не достигаютъ этой цѣли, при разумномъ преподаваніи, на столько же, на сколько это способны исполнить грамматическія упражненія? А потому suum cuique!

V.

Изъ всего сказаннаго можно, надѣюсь я, заключить, что въ мои намѣренія отнюдь не входитъ оспаривать пользу занятія древними языками въ гимназическомъ курсѣ; но лишь возразить противъ односторонняго, все поглощающаго преобладанія, которое дано изученію этихъ языковъ. Нельзя не признать, что самое значеніе гимназическаго образованія весьма измѣнилось съ того времени, какъ составъ учащихся въ гимназіяхъ и числомъ и свойствомъ расширился. Въ былое время въ гимназіи поступали, по преимуществу, дѣти сословій болѣе состоятельныхъ, для которыхъ прохожденіе этого курса составляло необходимое условіе для подготовленія къ высшему образованію и для занятія впослѣдствіи мѣста въ высшихъ общественныхъ кругахъ; теперь большинство учениковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ принадлежитъ къ средамъ менѣе состоятельнымъ, которыя въ образованіи ищутъ средства для пріобрѣтенія, на разныхъ практическихъ поприщахъ, честнаго куска хлѣба, и которыя весьма часто, не имѣя возможности посвящать время на прохожденіе университетскаго курса, должны огра-

нчиваться курсомъ среднеобразовательнымъ, а потому таковой долженъ имѣть характеръ не исключительно, если можно такъ выразиться, отвлеченно-художественный. Не вывожу я отнюдь изъ этого заключенія, чтобы гимназическій курсъ имѣлъ бы обратиться въ подготовительный къ реальнымъ профессіямъ; долженъ онъ всегда сохранить характеръ общеобразовательный, но лишь въ томъ смыслѣ, чтобы таковой былъ примѣненъ къ потребностямъ современной общей образованности. Нельзя ожидать, чтобы въ наше время большинство обучающихся въ гимназіяхъ посвящало свою жизнь словесному поприщу, и трудно надѣяться, чтобы юноши, которыхъ восемь лучшихъ лѣтъ жизни было преимущественно пожертвовано на занятія, въ дальнѣйшей жизни ихъ не имѣющія примѣненія, послѣ того самостоятельно пополнили оставленные въ общей ихъ образованности пробѣлы. Даже къ поступающимъ, послѣ окончанія гимназическаго курса, въ университеты такое замѣчаніе примѣнимо; далеко не большинство посѣтителей университетскихъ аудиторій подготовляютъ себя служенію отвлеченной наукѣ; ищутъ они въ нихъ преимущественно пути къ поступленію на государственную или общественную службу, или на посвященіе себя такимъ научнымъ поприщамъ, на которыхъ короткое знакомство съ тонкостями двухъ классическихъ языковъ и съ судьбами боговъ языческаго Олимпа не замѣнитъ недостатка въ общей современной образованности. Спеціальность же каждаго изъ университетскихъ факультетовъ не можетъ дополнить то, чего гимназія не дала въ общемъ образованіи.

Относительно преподаванія отечественнаго языка должно прежде всего привѣтствовать распоряженіе нынѣшняго Министерства Народнаго Просвѣщенія, выразившееся въ увеличеніи, въ послѣдніе годы, числа уроковъ, посвящаемыхъ на этотъ первостепенной важности предметъ. Количество этихъ уроковъ могло бы по видимому, признаваться достаточнымъ, если-бы они преимущественно посвящались на главную цѣль преподаванія всякаго языка, т. е. пріобрѣтеніе правильнаго и, по возможности, изящнаго владѣнія языкомъ для практическаго его употребленія въ рѣчи и письмѣ. Если же эта цѣль, какъ должно думать, не вполнѣ достигается, то не слѣдуетъ ли это приписать способу преподаванія, въ которомъ слишкомъ преобладаетъ сухая грамматическая теорія въ ущербъ письменнымъ упражненіямъ? Покажется вѣроятно многимъ педагогическою ересью мое (основанное впрочемъ на личномъ опытѣ по четыремъ языкамъ) убѣжденіе, что можно выучиться вполнѣ правильно владѣть языкомъ при маломъ знакомствѣ съ теоріею грамматики, но что такая цѣль никогда не достигнется при недостаточномъ практическомъ упражненіи, какая бы ни была полнота теоретическихъ

познаній изъ грамматики. Между тѣмъ, въ нашихъ гимназическихъ программахъ изученіе грамматическихъ правилъ поглощаетъ наибольшее время учащихся и хотя само Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ своихъ указаніяхъ, обращаетъ вниманіе на усиленіе письменныхъ упражненій, но благая цѣль едва достижима при выполненіи преподанной программы распредѣленія занятія по классамъ. Не одна Русская грамматика преподается съ мелочною подробностью; присоединяется теперь и Славянская. Можно согласиться съ тѣмъ, что нѣкоторое знакомство съ грамматическимъ строемъ Церковно-славянскаго языка, какъ вспомогательное средство при изученіи Русской грамматики, полезно, но далѣе этого польза такого изученія въ гимназіи едва ли можетъ идти; самое же знакомство съ Славянскимъ языкомъ, необходимое для всякаго православнаго, какъ языкъ церкви и богослуженія, и полезное для пониманія произведеній древне-славянской литературы, не требуетъ для пріобрѣтенія онаго въ той мѣрѣ, которая нужна, того времени и труда, которые посвящаются на изученіе теоріи Славянской грамматики. Таковое, не имѣющее ни обще-образовательнаго значенія ни практическаго въ жизни примѣненія, входитъ уже въ предѣлы филологическаго курса, принадлежащаго университету, а не гимназіи. Въ то время, когда учились Карамзинъ, Грибоѣдовъ, Жуковскій, Пушкинъ, Тургеневъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они получили свое образованіе, Славянская грамматика, сколько извѣстно, даже вовсе не преподавалась; между тѣмъ можно только пожелать, чтобы современные ихъ послѣдователи писали по-русски такъ, какъ писали они. Самыя-же письменныя упражненія на Русскомъ языкѣ должны имѣть главною цѣлью пріуготовленіе къ самостоятельному творчеству; для этого необходимо, чтобы избираемыя, въ старшемъ классѣ, темы сочиненій были доступны способностямъ и познаніямъ учениковъ и чтобы онѣ были конкретныя, дабы ученикъ могъ ихъ исчерпать въ разработкѣ; въ противномъ случаѣ онѣ только ведутъ либо къ слѣпому заимствованію, либо къ изложенію общихъ мѣстъ, иначе говоря—къ пустословію.

VI.

Признавая гимназіи и реальныя училища двумя равноправными типами общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, изъ коихъ первыя даютъ образованіе преимущественно по словеснымъ наукамъ, а вторыя по точнымъ, прикладнымъ, полагаю, что, сохраняя за обоими ихъ специальный характеръ, желательно, чтобы въ общихъ началахъ оба эти типа преслѣдовали одну общую цѣль: дать своимъ ученикамъ, будутъ ли они продолжать свое образованіе въ высшихъ учебныхъ

заведеніяхъ, удовольствуются ли курсомъ средняго учебнаго заведенія, соотвѣтствующія требованіямъ времени «*необходимыя*», какъ было выражено въ уставѣ гимназій 1804 г., «*для благовоспитаннаго человѣка свѣдѣнія*». На сколько въ вынѣшнее время, при разнообразности научныхъ свѣдѣній, существованіе двухъ типовъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній является необходимымъ, на столько же однако установленіе такой бифуркаціи съ самаго начала учебнаго курса не можетъ быть оправдываемо. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ для родителей, такъ въ особенности для самихъ учащихся весьма неудобно, въ дѣтскомъ еще возрастѣ, когда ни способности, ни наклонность еще не выяснились, опредѣлить избраніе того или другого пути для прохожденія средне-образовательнаго курса; весьма часто встрѣчается, что мальчикъ, поступивъ въ гимназію, не имѣетъ достаточно способностей или расположенія, чтобы осилить курсъ классическій, или поступившій въ реальное училище, чтобы справиться съ усиленнымъ занятіемъ математикою; переходъ же изъ одного учебнаго заведенія въ другое затрудняется, по несогласованности ихъ учебныхъ курсовъ, съ низшихъ-же класовъ. Гораздо было бы раціональнѣе, чтобы бифуркація курсовъ происходила въ возрастѣ, въ которомъ и способности, и наклонности учащихся успѣли уже опредѣлиться. Таковымъ можно признать тотъ возрастъ, въ которомъ, обыкновенно, оканчивается прогимназическій курсъ, т. е. съ переходомъ въ 5-й классъ гимназіи. Для достиженія подобной цѣли простѣйшимъ средствомъ представлялось бы, чтобы учебный курсъ прогимназическаго періода былъ одинъ и тотъ же для всѣхъ, безъ различія, среднихъ учебныхъ заведеній, называются ли они гимназіями или реальными училищами, и чтобы спеціализація курсовъ начиналась послѣ прохожденія этого курса. Пусть ученики реальныхъ училищъ нѣсколько поучатся по латини, а ученики гимназій пріобрѣтутъ нѣкоторыя элементарныя познанія въ естествовѣдѣніи; для тѣхъ и для другихъ можетъ это быть только полезно: реалисты воспользуются достоинствами Латинской грамматики для языковѣдѣнія и ознакомятся съ нѣкоторыми изъ болѣе легкихъ Латинскихъ писателей, а гимназисты узнаютъ кое-что о царствахъ природы, ихъ раздѣленіи и признакахъ; многіе, конечно впослѣдствіи, сожалѣютъ о томъ, что въ продолженіе всего періода своей учебной жизни они не слышали ни слова объ окружающей ихъ природѣ; достаточно будетъ самыхъ доступныхъ дѣтскому возрасту описательныхъ, наглядныхъ свѣдѣній, безъ всякой учено-мудрой окраски. Польза такого объединенія начальнаго средне-образовательнаго курса едва ли могла бы быть серьезно оспариваема; дошедши до 15—16-лѣтняго возраста, юноша уже самъ можетъ оцѣнить, какой дальнѣйшій путь соотвѣтствуетъ его склонностямъ

и способностямъ. Установленіе такимъ образомъ четырехлѣтняго, вмѣсто восьмилѣтняго *спеціальнаго* гимназическаго курса не было бы явленіемъ новымъ въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія; было бы оно нѣкоторымъ возвращеніемъ къ уставу 1804 года, опредѣлявшему такой четырехлѣтній гимназическій курсъ. Былъ онъ тогда основанъ на предварительномъ прохожденія курса уѣзднаго училища, чтò въ настоящее время, независимо даже отъ послѣдовавшаго упраздненія уѣздныхъ училищъ, было бы несоотвѣтственно нынѣшнимъ потребностямъ общаго образованія; но не подлежитъ сомнѣнію, что основная мысль, опредѣлявшая продолжительность спеціальнаго словеснаго курса въ четыре года, предпосылая ему общій курсъ округленный, имѣла много справедливаго. Какое-бы названіе ни было дано такому общему подготовительному курсу, весьма безразлично. Не подлежитъ сомнѣнію, что такое коренное преобразованіе въ строѣ средне-учебныхъ заведеній потребовало бы серьезныхъ и довольно сложныхъ измѣненій въ учебныхъ программахъ и вѣроятно также уравненія въ продолжительности курсовъ реальныхъ училищъ и классическихъ гимназій, а потому не предполагается осуществленіе такой реформы въ непосредственномъ будущемъ; но будь основная мысль одобрена, исполненіе ея можетъ быть произведено последовательно. Прямымъ послѣдствіемъ такой реформы должно быть уравненіе двухъ разрядовъ среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеній въ предоставленіи окончившимъ въ оныхъ курсъ права на поступленіе въ университеты. Пусть для вооруженныхъ аттестатами зрѣлости двери всѣхъ факультетовъ остались бы открытыми; но окончившіе курсъ въ реальныхъ училищахъ должны пріобрѣсти право на поступленіе въ физико-математическій и медицинскій факультеты. Въ первый изъ таковыхъ и теперь не существовало бы разумныхъ причинъ воспретить входъ реалистамъ; но надѣяться на такое снисхожденіе не рѣшаюсь, пока наша учебная атмосфера такъ сильно еще пропитана Греко-латинскими бациллами. И противъ самой проведенной здѣсь основной мысли вѣроятно явится много возраженій. Въ числѣ ихъ немалое, быть можетъ, мѣсто займетъ и нерасположеніе вступить въ разладъ съ учебнымъ строемъ сосѣдей, отъ которыхъ нашъ строй заимствованъ; но меня это бы не смутило. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ слѣпой преданности нашихъ руководителей къ вѣковымъ своимъ педагогическимъ преданіямъ, думаю, что можетъ настать день, когда Русское образованіе, не связанное этими историческими традиціями, пойдетъ своимъ, раціональнымъ, самостоятельнымъ путемъ. Россіи нужны люди образованные; для нея безразлично, пріобрѣтется ли это образованіе по рецепту иностранному или собственному.

Тифлисъ.
Ноябрь 1893 г.

*

3-го Іюля сего года скончался на своей дачѣ подъ Тифлисомъ баронъ Александръ Павловичъ Николаи, статсъ-сетретарь и членъ Государственнаго Совѣта. Внукъ приглашеннаго въ Россію изъ Эльзаса на должность секретаря къ великому князю Павлу Петровичу, Андрея Львовича Николаи, который былъ нѣкогда президентомъ Императорской Академіи Наукъ, и сынъ барона Павла Андреевича, въ теченіе многихъ лѣтъ служившаго нашимъ начальникомъ въ Даніи, баронъ Александръ Павловичъ, родился въ 1821 году и, окончивъ въ 1839 г. ученье въ Царскосельскомъ Лицеѣ съ серебряной медалью, поступилъ на службу въ канцелярію Новороссійскаго генералъ-губернатора, графа М. С. Воронцова, который воспитывался въ Англіи вмѣстѣ съ его отцомъ *). Въ 1845 г. баронъ Александръ Павловичъ перешелъ на службу на Кавказъ чиновникомъ особыхъ порученій при намѣстникѣ князя Воронцова. Еще Пушкинъ писалъ, что въ Россіи ни съ кѣмъ такъ легко служить какъ съ М. С. Воронцовымъ. Служба при немъ была прекрасная школой, и баронъ Николаи навсегда остался блюстителемъ законности и строгаго порядка, не хоронящимъ однако живого дѣла въ пучинахъ канцелярской переписки, прекрасно образованнымъ, обладающимъ широкими государственными взглядами.

Баронъ принималъ участіе въ Даргинскомъ и Салтинскихъ походахъ и проявилъ здѣсь личную храбрость. Его воспоминанія о томъ помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1890 и 1891 годы.

Послѣдовательно баронъ занималъ мѣсто директора походной канцеляріи, члена совѣта главнаго управленія и попечителя Кавказскаго учебнаго округа. Призванный въ 1861 году замѣнить Пирогова, въ должность Кіевскаго учебнаго округа, баронъ вскорѣ былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, въ 1863 пожалованъ въ званіе сенатора и статсъ-секретаря. При Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, Баронъ Николаи получилъ должность начальника главнаго управленія намѣстника Кавказскаго.

Съ 1875 г. членъ Государственнаго Совѣта, а съ 1878 почетный опекунъ и управляющій Петербургскимъ Воспитательнымъ домомъ, онъ въ самое трудное время, 24 Марта 1881 года, получилъ назначеніе быть Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Черезъ годъ онъ долженъ былъ сложить съ себя эту должность и остался въ Государственномъ Совѣтѣ предсѣдателемъ Департамента Законовъ.

Судьбы Русскаго просвѣщенія всегда занимали покойнаго и, живя на покоѣ, онъ написалъ помѣщенную выше статью свою Pia desideria и отпечаталъ ее въ видѣ рукописей въ нѣсколькихъ оттискахъ. Почтивъ и насъ доставленіемъ такого оттиска, баронъ Александръ Павловичъ письменно выразилъ намъ позволеніе помѣстить ее въ „Русскомъ Архивѣ“. Да сохранится она памятникомъ его усердія ко благу родины.

---

*) См. XXII т. Архива кн. Воронцова и Русскій Архивъ 1891. I, 334.

ЗАМѢТКА О ДВУХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ВЪ Г. ШЕСБУРГѢ: ГЕНЕРАЛУ СКАРЯТИНУ И ПОЭТУ ПЕТЭФИ.

30-го Мая текущаго года мнѣ пришлось быть проѣздомъ въ городѣ Шесбургѣ (по венгерски Шегешваръ) и посѣтить находящуюся вблизи долину рѣки Большой Кокель, гдѣ 19 (31) Іюля 1849 года Русскія войска подъ начальствомъ Лидерса разбили Венгерскій корпусъ Бема. Неподалеку отъ поля сраженія, на высокомъ холмѣ, на которомъ былъ смертельно раненъ начальникъ штаба 5-го корпуса генералъ-маіоръ Скарятинъ, поставленъ Австрійцами памятникъ изъ бѣлаго камня: на четырехугольномъ пьедесталѣ, украшенномъ фигурами ангеловъ и орнаментами въ готическомъ стилѣ, лежитъ спящій левъ.

На одной изъ широкихъ сторонъ пьедестала выбита Русская надпись:

„Генералъ-Маіору Григорью Яковлевичу Скарятину, павшему при г. Шесбургѣ (19) 31 Іюля 1849 года, сражаясь за возстановленіе законнаго порядка, воздвигнутъ памятникъ сей офицерами Семиградскаго корпуса Австрійской арміи“.

На другой широкой сторонѣ пьедестала Нѣмецкая надпись:

„Gregor Jacovlevitsch Skariatin, dem heldenmüthigen Kaiserlich Russischer General-Major in der Suite Seiner Majestät des Kaisers von Russland, Chef des Generalstaabes des 5 Armeekorps im Revolutions Kriege am 31 Juli 1849 durch eine feindliche Kannonenkugel bei Schässburg gefallen. Als Denkmal dankbarer Anerkennung des gemeinschaftlichen Kampfes und Sieges der allirten Heere und des freundschaftlichen Bundes der erhabenen Kaiser von Österreich und Russland Franz Joseph des I und Nicolaus des I das K. K. Siebenbürgische Armeekorps“.

Надъ памятникомъ устроена деревянная покатая крыша. Приближающагося къ памятнику посѣтителя встрѣчаетъ лай привязанной собаки, на который является изъ сосѣдняго домика сторожъ.

Въ Шесбургѣ, противъ зданія Комитата, откуда открывается видъ на долину Большаго Кокеля, поставлена Венгерцами бронзовая статуя поэту Петэфи, бывшему адъютантомъ у Бема и павшему въ сраженіи 19 (31) Іюля.

Поэтъ изображенъ во весь ростъ въ гусарской формѣ и стоитъ на пьедесталѣ спиной къ полю сраженія.

На пьедесталѣ надписи на разныхъ языкахъ, между коими и Русская:

„Любовь и свобода
Моей души нужда!"

П. Щукинъ

Москва
12 Іюля 1899 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1899 года

(выпуски 5, 6, 7 и 8).

581. Замѣтка къ стихотворенію **А. С. Хомякова** „Звѣзды".

142. Изъ автобіографіи Прасковьи Ивановны **Орловой** (ея бенефисъ 1841 года).

549. Юрій Никитичъ Бартеневъ. Отрывки изъ его Крымскихъ дневниковъ (жизнь въ Симферополѣ. 1843).

159. Письмо **А. С. Пушкина** къ В. Д. Сухорукову (1836).

146, 310. А. С. Пушкинъ по Запискамъ **А. О. Смирновой. Ю. В.**

340. А. С. Пушкинъ въ Кишеневѣ.

348. Анекдотъ о Пушкинѣ.

350. Изъ Записной книжки **Н. В. Путяты** (знакомство съ А. С. Пушкинымъ).

354. Разныя замѣтки о А. С. Пушкинѣ (изъ Записной книжки „Русскаго Архива").

160. О Запискахъ А. О. Смирновой. Замѣтка ея дочери **Н. Н. Соревъ.**

137. Памяти А. С. Пушкина (о его пребываніи въ Оренбургѣ и Астраханскіе подписчики на его сочиненія). **Л. Юдина.**

479. Замѣтка о первомъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина. **М. А. Веневитинова.**

607. Pia desideria (о классическомъ образованіи въ Россіи) **Барона А. П. Николаи**. Съ некрологическою замѣткою издателя.

133. Замѣтки о портретахъ Суворова и альбомъ Антинга. **А. И.**

456. О Грузинскихъ церквахъ въ Москвѣ. **В. К. Попандопуло.**

106. Донскіе атаманы за послѣдніе полвѣка. **А. А. Карасева.**

287. Какъ прихожане искали себѣ батюшку. **Н. И. Соловьева.**

117. Le roi de Volga (Волжскій царь). **П. Л. Юдина.**

453. О князѣ Е. А. Грузинскомъ и переводѣ Макарьевской ярмарки въ Нижній. **А. Н. Шишкова.**

358. Замѣтка о **княжнѣ Таракановой.**

359. О пятой части Щукинскаго Сборника старинныхъ бумагъ.

633. О двухъ памятникахъ въ г. Шесбургѣ: генералу Г. Я. Скарятину и поэту Петефи. **П. И. Щукина.**

— **Н. П. Гиляровъ**. Сборникъ сочиненій т. I. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Со введеніемъ кн. Н. В. Шаховскаго. П. Б. (На обложкѣ 6-й книжки).

— Воспоминанія о студенческой жизни. М. 1899. П. Б. (На обложкѣ 6-й книжки).

— О XIII кн. Жизнь и Труды М. П. Погодина. Н. П. Барсукова. **И. В. Помяловскаго** (на обложкѣ 8-й книжки).

— О VIII томѣ Архива князя Ѳ. А. Куракина Ю. Б. (на обложкѣ 7-й книжки).

— Матеріалы для исторіи рода князей Прозоровскихъ. Генеалогическое изслѣдованіе **князя М. М. Голицына.**

(Въ приложеніе къ Іюльской книжкѣ).

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890**, **1891**, **1892**, **1893**, **1894**, **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ **1898**—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.
